

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

СИБИРСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Красноярск
16 → 17 мая
2024 г.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В РОССИИ И МИРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

III СТЕПАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы III Международной
научной конференции,
приуроченной к 300-летию
основания Российской
академии наук

Электронное
издание

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

III СТЕПАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В РОССИИ И МИРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы III Международной научной конференции,
приуроченной к 300-летию основания Российской академии наук

Красноярск, 16–17 мая 2024 г.

Электронное издание

Красноярск
СФУ
2025

УДК 167.7(03)

ББК 87.254

Т666

Председатель редколлегии, ответственный редактор – Д. Н. Гергилев,
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой ИРМиРЦ СФУ

Редколлегия:

Е. А. Ахтамов, кандидат исторических наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
А. П. Дворецкая, кандидат исторических наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
А. С. Жулаева, кандидат исторических наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
А. С. Ковалев, доктор исторических наук, профессор кафедры ИРМиРЦ;
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии;
А. С. Кузьменко, кандидат исторических наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
А. В. Леопа, доктор философских наук, заведующий лабораторией военной истории и военной педагогики;
Е. П. Мамышева, доктор исторических наук, профессор кафедры ИРМиРЦ;
А. В. Низовских, старший преподаватель кафедры ИРМиРЦ;
Н. Р. Новосельцев, кандидат исторических наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
Р. В. Павлюкевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
О. И. Савин, кандидат исторических наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
А. В. Суржко, старший преподаватель кафедры ИРМиРЦ

Т666 III Степановские чтения. Формирование и развитие научного знания в России и мире: история и современность : материалы III Междунар. науч. конф., приуроченной к 300-летию основания Российской академии наук. Красноярск, 16–17 мая 2024 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. Д. Н. Гергилев. – Электрон. дан. (7,33 Mb). – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2025. – 851 с. – Систем. требования : PC не ниже класса Pentium I ; 128 Mb RAM ; Windows 98/XP/7/8/10 ; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.
ISBN 978-5-7638-5113-7

Представлены научные доклады участников III Международной научной конференции «Степановские чтения. Формирование и развитие научного знания в России и мире: история и современность», приуроченной к 300-летию основания Российской академии наук, по таким направлениям, как «Методология, методы и источники исторической науки», «История исторической науки» и др.

Предназначены для научных работников, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется исследуемой проблематикой.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Электронный вариант издания
см.: <http://catalog.sfu-kras.ru>
ISBN 978-5-7638-5113-7

УДК 167.7(03)
ББК 87.254

© Сибирский федеральный
университет, 2025

Электронное научное издание

Компьютерная вёрстка Е. А. Сафиной

Подписано в свет 02.04.2025. Заказ № 24057
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел.: (391) 206-26-16; <http://bik.sfu-kras.ru>;
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	13
<i>Шпак Г. В.</i> Экспериментальный метод и верификация знаний прошлого в Англии первой половины XVII в.....	13
<i>Кисленко А. О.</i> Развитие исторической географии XVIII – начала XX вв. как предпосылка возникновения отечественной историографии истории окружающей среды.....	16
<i>Рубан А. А.</i> Обзор источников по истории здравоохранения в Красноярском крае в поздний сталинский период (по материалам фондов ГАКК).....	25
<i>Сабенина А. В., Элтеко Ю. В.</i> Деятельность первичной партийной организации Дивногорского медицинского училища в 1973–1974 учебном году.....	30
<i>Беляева А. В.</i> Визуализация данных как метод анализа исторического источника (на примере текстов выступлений президента США перед Конгрессом «О положении страны»).....	35
РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	40
<i>Яценко М. П.</i> Историческое образование в контексте исторической памяти.....	40
<i>Карагулян К. Г.</i> К вопросу об истории изучения женского образования в России.....	48
<i>Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А.</i> Роль Академии наук Российской империи в изучении Сибири в XIX в.....	55
<i>Елошкин Г. А.</i> Развитие научных представлений о происхождении коренного населения Южной Америки.....	64
<i>Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.</i> Проблема становления политики имперского регионализма в России в оценках отечественной и зарубежной историографии.....	74
<i>Селиванова А. А.</i> Формирование исторического знания в средних учебных заведениях в последней четверти XIX – начале XX вв. на примере уездного г. Енисейска....	80
<i>Дементьев А. П.</i> Исторические труды А. М. Гневушева.....	90

<i>Кушнарева М. Д.</i> Ф. Г. Сафронов о формировании крупного капитала в пушной торговле в Северо-Восточной Сибири.....	96
<i>Коцик С. А.</i> Аграрные реформы Н. С. Хрущева в современной отечественной историографии.....	103
<i>Курицын А. И., Каплина М. А.</i> Исследование черносотенного движения в российской исторической науке в 2010–2020-х гг.....	110
РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ.....	119
<i>Уметбаев Т. Ш.</i> Отражение процесса принятия ислама монголами династии Хулагидов в историческом труде Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» и его переписке.....	119
<i>Ситнянский Г. Ю.</i> Чингизиды, джунгары и маньчжуры: фальсификация из прошлого.....	123
<i>Коновалов И. А.</i> Местное управление в Северном Казахстане в XIX в.....	131
<i>Суржко А. В.</i> Советско-монгольские отношения в 1946–1991 гг.: особенности советской историографии.....	140
<i>Bulavkina Marina S., Datsyshen Vladimir G.</i> Tourists of Krasnoyarsk Krai in the People's Republic of China in the 1950–1960s....	144
<i>Кулаева Е. К., Калимонов И. К.</i> Сингапурская система образования: от формирования идентичности к наднациональному типу работника.....	152
<i>Жеребцов И. Л., Меньковский В. И.</i> Концепции колониализма/модернизации Центральной Азии в современной историографии.....	162
<i>Курбанов Н. И., Тихонов Н. Д.</i> Факторы формирования идентичности в де-факто полициях Средней Азии.....	168
<i>Тодикова М. А.</i> Историографический обзор изучения миграционных процессов из Центральной Азии в Восточную Сибирь конца XX – начала XXI вв.....	177
<i>Цай Ин</i> Роль Амурского речного транспорта Благовещенского порта в развитии российско-китайских отношений в конце XX – начале XXI вв.....	182

РАЗДЕЛ 4. ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ.....	187
<i>Шипицына Ю. С.</i> Проблема оценки научного наследия Джозефа Бэнкса (1743–1820).....	187
<i>Лойко А. И., Лойко Л. Е.</i> Вклад уроженцев Беларуси в юридическую науку и правовую практику Российской империи: на примере В. Д. Спасовича.....	195
<i>Лойко А. И.</i> Вклад уроженцев Беларуси в российскую науку: на примере исследований природы Сибири и Дальнего Востока.....	201
<i>Тихоньких В. П.</i> В. И. Вернадский и Н. Н. Моисеев о перспективах существования общества и природы.....	208
<i>Чернышов В. В.</i> Техническая модернизация Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв. по документам КГКУ «Государственный архив Красноярского края».....	219
<i>Зыкин И. В.</i> Становление советского машиностроения для целлюлозно-бумажной отрасли...	226
<i>Бакшеев А. И.</i> К вопросу создания квантовой электроники.....	231
<i>Трубников Ю. Н.</i> Сибирский сад академика Михаила Афанасьевича Лисавенко.....	239
<i>Кыштымова А. А.</i> История социальной работы как науки.....	247
<i>Толстогузова Е. А.</i> Прерванный полет.....	253
<i>Рахматуллин С. С.</i> Основные этапы исторического развития систем релейной защиты и автоматики.....	261
<i>Урожаева Т. П.</i> Иркутский планетарий: от прошлого к современности (1950–2023 гг.).....	265
РАЗДЕЛ 5. ИСТОРИЯ КРАСНОЯРСКОЙ НАУКИ.....	275
<i>Хоменко Д. Ю.</i> Деятельность секретарей Енисейского губернского статистического комитета по изучению региона.....	275
<i>Павлов А. Е.</i> Научные исследования в области физики Красноярского государственного педагогического института (1940–1956 гг.).....	281

<i>Шереметова И. А.</i> «Все начинается с отказа»: из истории зарождения красноярской науки.....	285
<i>Терскова А. А.</i> Становление кафедр общественных наук в вузах Красноярского края в конце 60-х гг. XX в.....	294
<i>Москалев Л. Л.</i> Формирование федерально-региональной системы поддержки гуманитарных наук в Красноярском крае в конце XX – начале XXI вв.....	304
РАЗДЕЛ 6. РОЛЬ АРХИВОВ, МУЗЕЕВ, БИБЛИОТЕК В СОХРАНЕНИИ И ИЗУЧЕНИИ ФОРМ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ.....	309
<i>Агафонов И. С., Нагибина Н. П.</i> Формирование и изучение коллекций редких и ценных краеведческих изданий Национальной библиотеки Удмуртской Республики.....	309
<i>Бадрутдинова Ф. Р., Каюмова Г. И.</i> Заказанье: музей «История Сибирского тракта».....	316
<i>Базарбекова Д. М.</i> Сохраняя прошлое – создаем будущее.....	325
<i>Занданова Л. В., Кулакова Я. В.</i> Роль библиотеки Иркутского государственного педагогического института в сохранении и популяризации научного знания (1909–2000-е гг.).....	330
<i>Мухаметшина Л. Т.</i> Научно-исследовательская деятельность Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль».....	336
<i>Новоселов М. Ю.</i> Музейные коллекции по науке и технике Красноярского краевого краеведческого музея.....	342
<i>Подъяпольская А. В.</i> Популяризация науки в библиотечном медиаконтенте (на примере цикла «По страницам научных биографий» Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края).....	347
<i>Салахиев Р. Р.</i> Роль музея общественной молодежной организации «Объединение “Отечество”» Республики Татарстан в освещении малоизвестных событий Великой Отечественной войны.....	353

РАЗДЕЛ 7. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ. DIGITAL HUMANITIES.....	359
<i>Степанов М. Г.</i> Будущее уже здесь: историческая наука в условиях развития искусственного интеллекта.....	359
<i>Гуляева Н. П.</i> Применение статистического анализа при работе с исповедными росписями на примере прихода Ильинской церкви села Ладейки за 1785 г.....	366
<i>Кузнецов А. В.</i> Применение больших языковых моделей для автоматической интерпретации тем, выделенных из дневниковых записей XIX в.....	381
<i>Кудашов Л. А., Гергилева А. И.</i> Современные принципы и подходы к формированию цифровых коллекций документов проекта «Арктический некрополь».....	390
<i>Никулич Ю. В.</i> Особенности самопрезентации исторических блогеров в социальных медиа.....	398
<i>Павличенко Д. И.</i> «Игра» в Средневековье? Репрезентация средневековых образов в видеоиграх: пример Восточной Европы.....	404
<i>Подъярова З. А., Луцаева Г. М.</i> Цифровые технологии и сохранение научно-культурного наследия на примере Государственного архива Красноярского края (ГАКК).....	413
РАЗДЕЛ 8. ИСТОРИЯ НАУЧНЫХ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	417
<i>Аллабердиева Л. А.</i> Академия Мамуна – первый научный центр в Центральной Азии.....	417
<i>Шушканова Е. А.</i> Проблема просвещения сельского населения Енисейской губернии в середине XIX – начале XX вв.....	425
<i>Самосюк Н. В.</i> Просветительская деятельность Русского благотворительного общества в социокультурном контексте польского государства (1921–1939 гг.).....	433
<i>Исаева Р. М.</i> Грозненскому нефтяному научно-исследовательскому институту – 95 лет (к истории создания).....	440
<i>Кудинов В. В.</i> Особенности формирования научно-производственной школы прикладной космической деятельности академика М. Ф. Решетнева (к 100-летию со дня рождения М. Ф. Решетнева).....	443

<i>Меньшиков Ю. Д., Рожкова А. К.</i> Пьер Видаль-Накэ и «Парижская школа»: традиции и новации в антиковедении...	451
<i>Сокерин Т. А.</i> Научное сотрудничество академика Р. М. Алексахина с радиоэкологами Коми НЦ УрО РАН (1966–2014 гг.).....	462
<i>Родионова Е. В.</i> История развития ESG-модели как концепции управления современным бизнесом.....	467
<i>Кузьменко А. А.</i> История становления брянской междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития мира и жизни.....	472
РАЗДЕЛ 9. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ.....	480
<i>Кудашов В. И.</i> История науки или история знаний?.....	480
<i>Поздняков А. В., Жуков В. А.</i> К проблеме соотношения религии и науки как форм специализированного знания.....	488
<i>Тимощук Е. А.</i> Эволюция феноменологической школы.....	492
<i>Коновалова О. В.</i> Интерпретация марксистской парадигмы в теоретических построениях неонародничества (по работам В. М. Чернова).....	503
<i>Новикова А. С., Воробьева О. Б.</i> Павел Флоренский: между философией и естествознанием.....	508
<i>Устюгов В. А.</i> Влияние философской дискуссии 1947 г. на развитие исторического и философского исследования естествознания.....	512
<i>Истратий А. В.</i> Неолиберальная идеология как основа экономики постмодерна.....	520
<i>Лазарев А. И.</i> Научные философские знания как фактор обеспечения психологической устойчивости личности в условиях постмодернистского общества.....	523
РАЗДЕЛ 10. ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ.....	526
<i>Ильясова М. В.</i> Реформа российской армии в контексте «военной революции» в 1630-е гг.	526

<i>Калинин О. Н.</i> Программы начальной и допризывной военной подготовки как отражение политики СССР в области обязательного военного обучения учащихся накануне Великой Отечественной войны.....	529
<i>Матвеев Б. А.</i> Подготовка маршевых авиационных полков и одиночных летчиков на импортных самолетах в 45-м запасном авиационном полку в составе Военно-воздушных сил Сибирского военного округа в годы Великой Отечественной войны.....	534
<i>Мандранов А. М.</i> Деятельность 5-й отдельной учебной стрелковой бригады Сибирского военного округа по подготовке пополнения в 1944 г.	543
РАЗДЕЛ 11. РАЗВИТИЕ ЗНАНИЙ О ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ, СПОРТЕ И ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ.....	552
<i>Прокопенко В. И.</i> Традиционная игровая и состязательная деятельность долган Таймыра.....	552
<i>Чистяков Р. М.</i> Телесность здорового образа жизни как отражение формирующегося на рубеже XIX–XX вв. российского общества потребления.....	561
<i>Кисляков А. Ю.</i> История создания первого в Красноярске кружка велосипедистов.....	574
<i>Егоров А. Ф., Скрябин К. Д.</i> История развития физической культуры и спорта в 1960-х – 1991 гг. в Орджоникидзевском районе ЯАССР.....	578
<i>Нежкина Л. Ю.</i> Формирование у молодежи культуры здорового образа жизни (на примере туристских походов).....	583
<i>Новрузова Л. Ш., Александров С. Г.</i> О влиянии южнокорейской «К-рор» субкультуры и индустрии на мотивированность молодежи к физическому самосовершенствованию.....	588
<i>Трошкина И. Н.</i> Самооценка здоровья представителями титульного этноса Хакасии (по результатам социологического опроса).....	596
РАЗДЕЛ 12. ИСТОРИЯ НАУКИ В РЕГИОНАХ РОССИИ.....	601
<i>Урожаева Т. П.</i> Ветеринарная служба Иркутской области: история и современность.....	601
<i>Кириллова А. И.</i> Краеведение Камчатки: от частной инициативы к научным исследованиям.....	610

<i>Нурзат А. А.</i> Вклад Л. В. Гребнева в исследования седентаризации тувинцев.....	619
<i>Шпагин С. А.</i> Лэрри Е. Холмс. Американский славист в двух российских вузах.....	623
<i>Разгон В. Н., Пожарская К. А.</i> Изучение аграрных миграций периода столыпинских реформ в Алтайском государственном университете.....	628
РАЗДЕЛ 13. БИОГРАФИИ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНЫХ И ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ.....	635
<i>Котова К. И.</i> А. И. Сулоцкий: путь в науку (этапы интеллектуальной биографии).....	635
<i>Артамонова Н. Я.</i> Священник-миссионер Николай Путилов: страницы биографии.....	643
<i>Селиванов Л. С.</i> Вклад А. И. Кытманова в становление Енисейского общественного музея как пространства изучения и распространения краеведческих знаний.....	652
<i>Гудзенко Е. О.</i> Дмитрий Иосифович Ивановский: жизнь и научные достижения во благо человечества.....	661
<i>Гребенкин А. Н., Шачнев Д. С.</i> Роль полковника А. И. Спиридовича в создании научно обоснованной концепции императорской охраны.....	667
<i>Ковалев А. С.</i> З. Г. Френкель: биография и вклад в развитие советской геронтологии.....	676
<i>Щукина А. Н.</i> Роль Т. С. Варшер в развитии исторической науки.....	685
<i>Моммалиева М. А.</i> Научное наследие С. П. Толстова в изучении истории Северного Туркменистана.....	693
<i>Байриева А. Д.</i> Чары Байриев: хирург, ученый, известный человек.....	699
<i>Минаева Т. С.</i> Г. Г. Фруменков – историк российского Севера.....	709
<i>Галлямова Л. И.</i> Андрей Иванович Крушанов – выдающийся ученый и организатор науки.....	716
<i>Хоммиев Т. Б.</i> Г. Е. Марков – наставник туркменских историков.....	727

<i>Семенов Д. Ю.</i> А. И. Поляк – основоположник художественной критики Удмуртии.....	734
<i>Сорокун П. В.</i> Дмитрий Яковлевич Резун и его вклад в изучение истории малых сибирских городов.....	740
РАЗДЕЛ 14. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	745
<i>Тацкий М. В.</i> Наука в период царствования Бориса Годунова 1598–1605 гг.....	745
<i>Исаева Н. Н.</i> Заметки о культуре и искусстве в книге А. П. Степанова «Енисейская губерния».....	749
<i>Лавренова А. М.</i> Падение «Красноярского Демосфена»: о причинах отставки первого Енисейского гражданского губернатора А. П. Степанова.....	754
<i>Жулаева А. С.</i> Женская образовательная мобильность из Енисейской Сибири в столичные университеты в дореволюционный период.....	764
<i>Проровский С. А.</i> Вклад польских политических ссыльных в развитие Енисейской губернии второй половины XIX в.	769
<i>Карчаева Т. Г.</i> Александр Михайлович Ветров: биография и вклад в науку чиновника и заступающего место городского головы Красноярска.....	773
<i>Нестеренко Д. Н.</i> «Дезертиры труда»: женская безработица как фактор распространения сексуальной коммерции в 1920-х гг. (на примере материалов Енисейской губернии).....	778
<i>Ооржак Ш. С.</i> Русская самоуправляющаяся трудовая колония (РСТК) в Тувинской Народной Республике в 1921–1944 гг.....	781
<i>Артамонова А. Г.</i> Роль законодательства в истории образования и развития Красноярского края с 1934 по 1941 гг.....	785
<i>Левин Я. А.</i> Преодоление «маккартизма» во времена Эйзенхауэра и роль ФБР.....	790
<i>Паришина А. И.</i> К вопросу о взаимоотношениях между педологией и советской властью.....	795

<i>Колмогорова А. М.</i> Финансирование школ всеобуча в годы семилетки на территории Красноярского края.....	799
<i>Семыкин Е. И.</i> Рождаемость в Красноярском крае в 1959–1985 гг.: изменение соотношений по полу новорожденных и месяцам рождения.....	805
<i>Петров М. Р., Ковалев А. С.</i> Деятельность государственных и местных органов власти как фактор появления Красноярского телецентра в 1955–1957 гг.....	810
<i>Юданов С. Г.</i> Развитие подразделений специального назначения Внутренних войск МВД СССР и России (1970–1990-е гг.).....	816
<i>Головин Н. А., Потапова Д. Д.</i> Интернализм и экстернализм в анализе взаимоотношений власти и науки: условия автономии научного поля.....	821
<i>Петров Ю. В.</i> Формат представления интерактивного взаимодействия власти с территориальными общностями людей в сложных природно-климатических и социально-экологических условиях.....	826
<i>Мусалов М. А.</i> Формирование мировоззрения и исторической памяти в контексте современных геополитических процессов и идейных битв.....	831

РАЗДЕЛ 1.

МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 94(410)

Г. В. Шпак

Институт всеобщей истории РАН

Москва, Россия

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД И ВЕРИФИКАЦИЯ ЗНАНИЙ ПРОШЛОГО В АНГЛИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

Аннотация. В Англии первой половины XVII в. понятия «наука» (*science*) и «искусство» (*art*) еще не обрели строгих смысловых границ. В толковом словаре Генри Кокерама 1623 г. встречается описание математики как искусства счисления и гимнастики как науки о борьбе. Однако все чаще понятие «science» ассоциируется со знанием, полученным на основе личных наблюдений, а не из книг прошлого. Эксперимент в данном случае выступал как целенаправленная процедура верификации. Ревизия классических текстов и экспериментальная проверка приведенных в них данных в середине XVII вв. послужила одним из шагов к возникновению Лондонского королевского общества и становлению современного научного знания.

Ключевые слова: *экспериментальный метод, спор древних и новых, история естествознания, истоки британской натурфилософии*

Abstract. In England in the first half of the 17th century, the concepts of «science» and «art» had not yet acquired strict semantic boundaries. Henry Cockeram's 1623 dictionary describes mathematics as the art of numbering and gymnastics as the science of wrestling. However, increasingly, the concept of “science” is associated with knowledge gained from personal observations, rather than from books of the past. The experiment in this case acted as a targeted verification procedure. The revision of classical texts and experimental verification of data in the mid-17th century served as one of the steps towards the emergence of the Royal Society of London and the formation of modern scientific knowledge.

Keywords: *experimental method, dispute between ancient and modern, history of natural science, origins of British natural philosophy*

В последней трети XVI в. в Англии издаются работы на английском языке с критикой суждений авторов древности. Апеллирование к эксперименту позволяет уравнивать современные субъективные сведения с общеизвестными и объективными истинами прошлого. В 1581 г. мореплаватель Роберт Норман в работе «Новое притяжение, содержащее краткий рассказ о магнетите или магнитном камне...» в обращении к читателю доказывает, что оспаривал знание авторов прошлого, «не стремясь умалить их

и не превозносясь, излагая открытую с помощью опыта истину (*experimented truth*), отличающуюся от мнений всех, кто писал о ней прежде, полагаясь на утомительные догадки или фантазии, которых я смог избежать, основывая свои аргументы только на опыте, разуме и доказательствах, являющихся основой всех искусств» [1, р. II]. Еще сильнее идея превосходства личного опыта изложена в трактате У. Гилберта «О магните» (1600 г.). Опираясь на эксперименты с магнитом, он выступил против устоявшихся концепций, утверждая, что египтяне, греки, латиняне оставили множество ошибок, придерживаясь которых «полужнайки блуждают среди вечного мрака» [2, с. 10]. И пускай его концепция была недостаточно проработанной, тем не менее отсылка к эксперименту дала ему возможность заявить о достоверности существования душ у космических тел.

Критика предшественников и прославление личного опыта и экспериментального метода встречается и в трудах лорд-канцлера Френсиса Бэкона. Его главный тезис, представленный в трактате «Новый Органон» (1620): «открытия новых вещей должно искать от света природы, а не от мглы древности» [3, с. 72].

В работах авторов, отстаивающих традиционное представление о значении книг прошлого, прослеживается и критика экспериментального метода. В этом, однако, могло крыться и некоторое противоречие. Например, епископ Годфри Гудман в сочинении «Упадок человечества или несовершенство природы, доказанное светом естественного разума» (1616 г.) отстаивал несовершенство современных ему знаний, опираясь на личный опыт и «естественный разум». Т. е., он использовал личный опыт для доказательства превосходства авторов прошлого.

Противоположную стратегию избирает английский врач Т. Браун, критиковавший суждения авторов прошлого, опираясь на сведения, полученные из книг. В сочинении «*Pseudodoxia epidemica* или распространенные заблуждения» (1646 г.) он замечает, что уже в древности многие из концепций подвергались пересмотру и призывает как можно более тщательно проверять сведения, полученные из книг: «наблюдения, которые кажутся несущими некое лицо истины, мы можем проверить экспериментально. И в этом будет скорее добрая услуга истине, чем плохая служба авторам прошлого, чьи сведения дошли до наших дней. Получив сведения от прежних времен, мы имеем возможность проверить их на соответствие нашим, и можем таким образом исследовать и просеивать их, отбирая истинные» [4].

В отличие от многих современников, Т. Браун не видел ничего предосудительного в забвении авторов прошлого. По его словам, их тексты содержат много компиляций, некорректных заимствований и от их пересмотра человечество только выиграет. В забвении, как и в личном опыте, он видел один из важных инструментов познания: «знание создается забвением, и чтобы приобрести ясную и достоверную основу истины, мы должны забывать, и расстаться со многим, что мы знаем» [4]. Но в то же время он обосновывает свою позицию ссылаясь на труды авторов прошлого

го, в чем прослеживается как двойственная позиция самого Брауна, так и его эпохи в целом. «Если бы обремененный ум (*a pregnant wit*) был воспитан в невежестве, получая впечатления только от реальности, на столь прочном фундаменте он, несомненно, мог бы воздвигнуть более крепкие надстройки и породить множество прекрасных путей, вытесняемых в прежние времена» [4], – пишет Браун.

Трактат Брауна при его жизни переиздавался шесть раз, переводился на европейские языки и был известен членом Лондонского королевского общества. Разумеется, это не значит, что экспериментальное знание немедленно восторжествовало, а опыт прошлых веков был забыт, но сама постановка проблемы в трактатах этого периода говорит о том, что в Англии середины XVII в. проблема противостояния «древнего» и «нового» на самых разных уровнях, являлась одной из основополагающих и именно из этой полемики сформировалось в дальнейшем лицо современной научной мысли.

Список источников

1. Norman R. To the Reader / The Newe Attractive... London, 1720. URL: <https://archive.org/details/neweattractives00normgoog/page/n9/mode/2up>
2. Гилберт В. О магните магнитных телах и о большом магните Земле. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 412 с.
3. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Бэкон; пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. М.: Мысль. 1978. Т. 2. 575 с.
4. Brown T. Pseudodoxia Epidemica... / The Sixth and last Edition, corrected and enlarged by the Author, with many Explanations, Additions, and Alterations throughout. Together with many Marginal Observations, and a Table Alphabetical at the end. London, Printed by J. R. for Nath. Ekins. 1672. URL: <https://penelope.uchicago.edu/pseudodoxia/pseudodoxia.shtml> (accessed: 12.04.2024).

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ. КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье анализируется развитие отечественной исторической географии с XVIII до начала XX столетия. Автор приходит к выводу о влиянии идей географического детерминизма, антропогеографии на историко-географические исследования, ставшие одной из предпосылок возникновения истории окружающей среды в отечественной историографии конца XX в.

Ключевые слова: история окружающей среды, природа, отечественная историография, историческая география, антропогеография

Abstract. The article analyzes the development of domestic historical geography from the XVIII to the beginning of the XX century. The author comes to the conclusion about the influence of the ideas of geographical determinism, anthropogeography on historical-geographical research, which became one of the prerequisites for the emergence of environmental history in the domestic historiography of the late XX century.

Keywords: environmental history, nature, domestic historiography, historical geography, anthropogeography

История окружающей среды (или экологическая история) – сравнительно молодое направление в отечественной историографии. Первые работы в рамках этого исследовательского направления появляются в конце 1980-х гг. [1]. Традиционно в зарубежной историографии (особенно американской) популярна точка зрения, что *environmental history*, зародившись в США в 1970-х гг., быстро начала набирать популярность на других континентах и особенно – в Европе, а также в СССР и России в 80-х и 90-х гг. XX столетия [2, с. 1 185]. Однако доминирующую роль США в возникновении этого исследовательского направления начали постепенно оспаривать прежде всего европейские и латиноамериканские историки истории, считая историю окружающей среды одним из подразделов исторической географии и находя ее истоки в традициях первых поколений школы «Анналов» [3]. В американской историографии набирает популярность мысль о рассмотрении концепции фронта Фредерика Джексона Тернера как одной из предтеч *environmental history* [4].

Что же касается отечественной историографии все чаще слышатся призывы к поиску истоков изучения истории взаимовлияния человека и природы в национальной исторической традиции. Это отмечает, например, В. И. Дурновцев, считая работы исторических географов XIX в. одной

из предтеч истории окружающей среды [5, с. 185]. А. В. Виноградов и А. М. Калимуллин также отмечают роль исследований С. М. Середонина [6, с. 144] в последующем становлении этого исследовательского направления. Однако остается открытым вопрос о том, каким образом и почему в начале XX в. появляются историко-географические работы, весьма похожие на современные исследования истории окружающей среды? Поиск ответа на этот вопрос и является целью данной статьи.

Хронологическими рамками исследования является период с 1730-х по 1916 г. Нижняя граница обусловлена появлением первых работ В. Н. Татищева в русле исторической географии, верхняя граница – появлением трудов по исторической географии, посвященных рассмотрению истории взаимовлияния природы и человека.

Источниковую базу данного исследования составляют две группы источников. К первой группе относятся научные статьи и масштабные исследования отечественных историков и историко-географов, посвященные как вопросам развития исторической географии, так и освещению вопросов отношений между человеком и природой. Ко второй группе источников относятся тексты учебных курсов по исторической географии, в которых отражается развитие этой дисциплины в рамках сменявшихся в отечественной историографии XIX – начала XX столетия доминирующих концепций и теорий.

Для достижения поставленной цели применялся историко-генетический метод историографического исследования, с помощью которого удалось проанализировать постепенное и последовательное развитие историко-географических исследований, приведших в начале XX столетия к работам, послужившим предтечей отечественной историографии истории окружающей среды. Также следует отметить применение историко-сравнительного метода при изучении параллелей между взглядами зарубежных исследователей относительно генезиса *Environmental History* и выводами о предпосылках отечественной историографии этого исследовательского направления.

Перед обращением к непосредственно отечественной историографии необходимо вкратце обратиться к вопросам возникновения истории окружающей среды как исследовательского направления в США и странах Европы. Долгое время в зарубежной историографии было принято считать, что впервые к этому вопросу обратились исследователи из США, а отправной точкой стала книга Родерика Нэша «Дикая природа и американский разум» («*Wilderness and the American mind*» – А. О.). Однако европейские историки раскритиковали эту позицию. Так, например, Р. Грув отмечал, что Родерик Нэш «похоже, сам переосмыслил этот термин, совершенно не зная о его давнем использовании геологами четвертичного периода, а также Бернштейном в Лондоне» [7, с. 4 500–4 501]. В американской историографии также эта точка зрения была подвергнута пересмотру. Так, часть ученых склоняется к тому, что отправной точкой стало исследование представителя научной «школы Беркли» К. Глэкэна «Следы родос-

ской тропы» (*Traces on the Rhodian Shore*). В работе исследователь обратился к изучению истории развития представлений о том, кто в дихотомии «человек/природа» играл главенствующую роль. Проанализировав работы мыслителей вплоть до XVIII в., К. Глэкэн пришел к выводу о том, что наиболее отчетливо выделялись три точки зрения ученых того времени — это предопределенность действий человека природно-географическими условиями, доминирующее влияние антропогенного воздействия на природу или постоянное взаимодействие человека и природы [8, с. 706–713].

Думается, концепция К. Глэкэна оказала влияние не только на мыслителей эпох Возрождения и Просвещения, но и на развитие исторических исследований, особенно тех, которые связаны с изучением взаимовлияний человека и природы. Рассматривая исторические исследования как отечественных, так и зарубежных исследователей XVIII – начала XX вв., посвященных роли природного фактора в истории, можно выделить одну весьма характерную черту — это их последовательное развитие сначала в рамках географического детерминизма второй половины XIX века (к которому относят как «фронтирную» концепцию Ф. Д. Тернера, так и «колониационную» теорию В. О. Ключевского), затем с позиции географического поппибилизма XX в. и потом с точки зрения появившейся истории окружающей среды, рассматривающей уже проблемы взаимовлияния человека и природы.

Помимо отечественных ученых, тезис о влиянии исторической географии на становление экологической истории прослеживается и в исследованиях европейских исследователей. Подобно европейской историографии, историческая география, думается, также является одной из важных предпосылок дальнейшего становления российской истории окружающей среды. Ее развитие началось с первой половины XVIII столетия и, прежде всего, связано с научной деятельностью В. Н. Татищева (1686–1750). К географии историк обратился вследствие необходимости составления карт по поручению от Я. В. Брюса. В ходе научных изысканий, ученый пришел к выводу о том, что для полного изучения географии России нужно обращаться к знаниям истории. В опубликованном ученым «Предложении о сочинении истории и географии Российской» отмечалось, что «гистории же всякая хотя действа и времена от слов имеют нам ясны представить, но где, в каком положении или расстоянии что учинилось, какие природные препятствия к способности тем действам были... оное география и сочиненные ландкарты нам изъясняют. И тако, гистория или деесказания и летописи без землеописания (географии) совершенного удовольствования к знанию нам подать не могут» [9, с. 77]. В этом фрагменте В. Н. Татищев также акцентировал внимание на влиянии географического расположения на исторический процесс. Ученый предпринимал меры по охране лесов вблизи уральских заводов от массовой вырубке, причина которой, по словам В. Н. Татищева, заключалась в отсутствии порядка и стремления к осторожной работе [9, с. 150]. В качестве примера историк ссылаясь на устройство заводов в других государствах, в которых «в ма-

лых лесах по несколько сот лет великия заводы содержатся без нужды» [9, с. 170].

Научные труды и взгляды В. Н. Татищева оказали огромное влияние на историков второй половины XVIII – первой половины XIX столетия, среди которых следует выделить И. Н. Болтина (1735–1792). Ученый высоко отмечал работы В. Н. Татищева и регулярно ссылался на них в своих трудах. Также И. Н. Болтин придерживался схожих с ним взглядов относительно ключевых факторов истории. «Главное влияние в человеческие нравы, в качества сердца и души, имеет климат»; непосредственно «различные состояния климата производят перемены в теле человека, ... а понеже тело и душа очень тесно сопряжены, ... те же действия производят и на тело» – отмечал историк [10, с. 270]. В свою очередь, нравы или национальный характер, по мнению И. Н. Болтина, являются основой государственного порядка, а все изменения в истории происходят в результате «изменения нравов». Таким образом, подобно В. Н. Татищеву, исследователь также был склонен считать ключевым фактором исторического процесса природно-климатические условия той или иной местности. Влияние И. Н. Болтина распространилось на многих историков первой половины XIX столетия, в том числе на М. Т. Каченовского – основателя «скептической школы», читавшего в 30-е гг. в Московском университете «Историю, статику и географию Российского государства». Таким образом, если XVIII столетие для отечественной исторической географии характеризовалось периодом накопления эмпирического материала (как в работах В. Н. Татищева), то в первой половине XIX века историко-географы стали обращаться больше к истории административного деления государства, изменения государственных границ и т. д. Однако уже в научных работах Н. И. Надеждина (1804–1856), особенно в статье «Опыт исторической географии русского мира», опубликованной в 1837 г., проявляется интерес к вопросам, которые станут популярными среди историков второй половины XIX столетия. По своей сути, эта статья являлась одной из предтеч теории колонизации. Исследователь считал, что «люди находятся в тесной связи с окружающей природой: с одной стороны, жизнь их подлежит необходимой зависимости от физических условий местопребывания» [11]. Н. И. Надеждин был убежден, что «с изучения ландкарты должно начинаться изучение истории», так как первым доказательством «следов на местностях» народов он считал географические названия [11]. Именно поэтому исследователь изучал топонимику местностей России. Н. И. Надеждин отмечал, что восточные славяне перемещались из юго-западного края Восточно-европейской равнины в Северо-Восточный, населенный финно-угорскими племенами. Причем он был убежден в мирном характере их ассимиляции. Например, он отмечал, что территория «от Вислы, и в особенности Неман на восток» являлась местом соприкосновения двух «старожилов Европы, Венедями и Финнами, или Славянами с Чудью, где они мешались друг с другом» [11]. Считается, что Н. И. Надеждин одним из первых употребил термин «историческая гео-

графия». В статье также присутствует понятие «колонизация», касающееся территорий Сибири и Северной Америки: «Север Азии, тем более западные берега Америки, примкнулись к нему в весьма недавнее время... Это наш Новый Свет, который деды наши открыли и стали колонизировать почти в то же время, как прочие европейцы нашли новый путь к Азиатскому югу и открыли восток Америки» [11]. В заключение Н. И. Надежин подчеркивал, что это далеко не последнее исследование: «мы только открыли точку, с которой они должны начинаться» [11].

Идеи Н. И. Надеждина нашли отражение в теории колонизации, оказавшей огромное влияние на развитие исторической географии и, соответственно, на формирование истории окружающей среды. Одним из первых ее развил С. М. Соловьев (1820–1879). Сущность теории колонизации была им представлена в предисловии к первому тому «Истории России с древнейших времен», однако впервые термин колонизации он озвучил на лекциях, прочитанных в Московском университете в 1851 г. Сергей Михайлович подчеркивал обусловленность территориального роста России колонизацией славянами значительных пространств на востоке, вследствие внешних угроз или проблем с пропитанием. Русская колонизация, по мнению историка, являлась одной из важнейших составляющих мирового исторического процесса. Так, отмечалось, что славянское и германское «племена» шли противоположными путями: «германское – от северо-востока к юго-западу, славянское, наоборот, – от юго-запада» [12, с. 1 335–1 336].

В рамках колонизационной теории были написаны исследования одного из учеников С. М. Соловьева – В. О. Ключевского (1841–1911). Колонизация, по мнению ученого, являлась ключевым фактором российского исторического процесса: «История России есть история страны, которая колонизируется» [13]. Он писал, что при каждом передвижении на славянское население оказывали влияние новые природно-климатические условия. По мнению В. О. Ключевского, этот процесс продолжался и в его время, поскольку число переселенцев в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв неуклонно росло. В контексте теории колонизации ученый классифицировал периодизацию русской истории по следующим местам, где «прерывалось движение русского народа», на каждом из которых его проживание было устроено «иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке»:

1. VIII–XIII вв. – Русь Днепровская, городовая;
2. XIII – сер. XV вв. – Русь Верхневолжская, удельно-княжеская;
3. Сер. XV в. – первая четверть XVII в. – Русь Великая, Московская;
4. С начала XVII до половины XIX в. – Всероссийский период.

Таким образом, подобно фронтирной теории Ф. Д. Тернера, концепция В. О. Ключевского наиболее полно отражает географо-детерминистские взгляды на исторический процесс, доминировавший не только в зарубежной, но и в отечественной историографии.

Как ключевой фактор исторического процесса колонизация отмечалась в исследованиях ректора Московского университета, ученика В. О. Ключевского М. К. Любавского (1860–1936). По его мнению, важной составляющей курса исторической географии являлось именно изучение колонизации России [14]. В рамках этого курса ученый конкретизировал колонизационный процесс в русской истории, акцентируя внимание на колонизации Пермской и Печорской земли, Поволжья, Украины, Дона и Урала, а также освоение Сибири в XVII–XIX вв. Таким образом, колонизационная теория развития российской государства стала одной из доминирующих в работах московской исторической школы.

Однако влияние теории колонизации наблюдается и в исследованиях петербургской исторической школы XIX – нач. XX столетий. Так, например, оно прослеживается в научных трудах Е. Е. Замысловского (1841–1896), являвшегося автором популярного атласа по русской истории, целью которого было «изобразить на каждой карте все историко-географические изменения России» с 862 г. по 1865 г. [15, с. 5–6]. В заметках к атласу пояснялась необходимость отражения на картах воздействия географических особенностей страны на население и выделения главных путей русской колонизации [15, с. 8]. В 1884 г. он защитил докторскую диссертацию, посвященную географии России в XVI в. глазами Сигизмунда Герберштейна в «Записках о Московии». Целью работы являлось «критическое обозрение историко-географических известий Герберштейна о России, в связи с им предшествующими иностранными известиями и данными, которые находятся в русских источниках» [16, с. 1–2]. Выполненное Е. Е. Замысловским исследование предполагало обращение к естественно-научным методам, с целью подтверждения данных, касающихся климата и почвы, отмечая, что «физические особенности должны были иметь заметное влияние на жизнь народную и потому заслуживают внимание историка» [16, с. 2].

Важнейшей с точки зрения развития исследований истории взаимоотношений человека и природы являлась научная деятельность одного из учеников Е. Е. Замысловского – С. М. Середонина (1860–1916). Историк также обратился к изучению историко-географических описаний России в сочинениях иностранных дипломатов и выбрал темой магистерской диссертации «Сочинения Джильса Флетчера как исторический источник», в котором, подобно своему учителю, обращал пристальное внимание на записи английского дипломата относительно истории и географии России. За эту работу в 1892 г. он был удостоен степени магистра. Также С. М. Середонин читал курс по исторической географии в Императорском петроградском археологическом институте. В качестве предмета исторической географии ученый выделял изучение взаимовлияния человека и природы в прошлом. «Как изменил человек природу, с одной стороны, как повлияла она на физическую и духовную организацию, с другой стороны – вот вопросы, на которые должна бы ответить историческая география» – отмечал С. М. Середонин [17, с. 1]. Далее исследователь приходил к выво-

ду о том, что «историческая география изучает, таким образом, прежде всего распределение славянских племен по восточно-европейской равнине, затем образование русского народа, дальнейшее колониционное движение его, распадение на отдельные ветви» [17, с. 1]. Таким образом был предложен принципиально иной подход к изучению исторической географии. Если исследователи до С. М. Середонина акцентировали внимание прежде всего на доминирующем влиянии природы на исторический процесс, то после него появляются размышления уже о взаимовлиянии человека и природы в рамках этого процесса. Следовательно, уже в дореволюционной историографии постепенно прослеживаются идеи, схожие с географическим POSSIBILISME Поля Видаля де ла Блаша во Франции. Однако, что послужило отправной точкой к возникновению таких идей? Думается, это связано с развитием как в зарубежной, так и в отечественной науке антропогеографических идей, яркими выразителями которых в России были Л. Д. Сеницкий (1864–1933) и А. А. Крубер (1871–1941). Этот раздел географии ставит своим предметом изучение человечества во взаимодействии с географическими фактами и явлениями. Так, Крубер отмечал связь между людьми и географическими условиями, однако подчеркивал сложность социальных и политических «фактов», в которых «проявляется свободная воля человека» [18, с. 14]. По мнению ученого, предметом исследования антропогеографии должны были быть «культурные ландшафты» и вопросы преобразования в них «естественных» ландшафтов [19, с. 190]. Таким образом, А. А. Крубер гораздо раньше К. О. Зауэра поднял вопрос о необходимости изучения измененных ландшафтов.

Таким образом уже в дореволюционной историографии закладывались основы для изучения взаимоотношений человека и природы в прошлом. В первую очередь это проявилось в развитии отечественной исторической географии, проделавшей долгий путь от первых исследований В. Н. Татищева и доминирования среди исследователей идеи классического географического детерминизма в истории, до первых идей С. М. Середонина о рассмотрении взаимоотношений между обществом и природой с позиций, близких к позиции географического POSSIBILISME Поля Видаля де ла Блаша. Однако вместе с политическими переменами в стране после 1917 г. пришли перемены научные, коснувшиеся и отечественной исторической науки, особенно вопросов изучения взаимоотношения природы и общества в прошлом.

Список источников

1. Альтшулер И. А., Мнацаканян Р. А. К вопросу об экологической истории СССР // Русский космизм и ноосфера: Тезисы докладов Всероссийской конференции, Москва, 1989. Ч. 1. М., 1989, С. 99–101.
2. Crosby A. W. The Past and the Present of Environmental History // The American Historical Review. 1995. Vol 100. No 4. P. 1 177–1 189.
3. Villaseñor A. T. The Annales School and the Environmental History of Latin America // Historia Caribe. 2017. Vol. 12 (30). P. 301–340.

4. «Lefler History Lecture focused on environmental historian Frederick Jackson Turner» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.carleton.edu/news/stories/lefler-history-lecture-focused-on-environmental-historian-frederick-jackson-turner/> (Дата обращения: 22.04.2024).

5. Дурновцев В. И. Научное наследие Л. В. Милова в контексте Environmental History / Истории окружающей среды / Экологической истории // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва 21–22 ноября 2019 г. М.: Изд-во Московского университета, 2019. С. 183–186.

6. Калимуллин А. М., Виноградов А. В. Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований // Историко-биологические исследования, 2015. Т. 7. № 2. С. 140–145.

7. Grove R., Damodaran V.. Imperialism, Intellectual Networks, and Environmental Change Origins and Evolution of Global Environmental History, 1676-2000: Part II // Economic and Political Weekly. Vol. 41, no. 42. 2006. P. 4 497–4 505.

8. Glacken C. Traces on the Rhodian Shore: Nature and Culture in Western Thought from Ancient Times to the End of the Eighteenth Century. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967. pp. 800.

9. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М.: Государственное издательство географической литературы, 1950. 251 с.

10. Болтин И. Н. Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. [СПб.]: Тип. Горного училища, 1788. Т. 2. 588 с.

11. Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русского мира. СПб., б.и. 1837. С. 27–79.

12. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга первая. Том I–V. СПб: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза», 1851. 1 726 с.

13. Ключевский В. О. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция II. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch02.htm> (дата посещения: 22.04.2024).

14. Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб: Изд-во «Лань», 2000. 304 с.

15. Замысловский Е. Е. Объяснения к учебному атласу по русской истории. СПб: Издание Картографического заведения А. Ильина, 1887. 269 с.

16. Замысловский Е. Е. Гербенштейн и его историко-географические известия о России. СПб: Типография брат. Пантелеевых. Казанская ул., д. № 33, 1884. 563 с.

17. Середонин С. М. Историческая география: лекции, читанные проф. С. М. Середониным в Императорском археологическом институте. Петроград: Тип. Главного упр. уделов, 1916. С. 1.

18. Крубер А. А. Антропогеография. Курс чит. в 1813–1814 г. По запискам слушательниц. Вып. 1–2. М.: Изд. о-во при Ист.-филос. фак. Моск. высш. жен. курсов, 1913–1914. Вып. 1. 156 с.

19. Крубер А. А. Хозяйство как эксплуатация естественных богатств. М.: Типография Вильде, преемн. К. К. Гаусман, Брестский пер., дом № 2, 1917. 152 с.

А. А. Рубан

Красноярский государственный аграрный университет

Красноярск, Россия

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В ПОЗДНИЙ СТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ГАКК)

Аннотация. В данной статье проводится обзор источников по истории здравоохранения в Красноярском крае в 1945–1953 гг. При обзоре использовались фонды Государственного архива Красноярского края.

Ключевые слова: здравоохранение, Красноярский край, поздний сталинский период, ГАКК, архивные источники

Abstract. This article provides an overview of sources on the history of healthcare in the Krasnoyarsk region in 1945–1953. The funds of the State Archive of the Krasnoyarsk region were used in the review.

Keywords: healthcare, Krasnoyarsk region, the late Stalinist period, GAKK, archival sources

Тема развития системы здравоохранения в Красноярском крае в конце сталинского периода уже привлекала внимание исследователей [1]. В фокусе внимания данной работы находится комплекс документов фондов ГАКК как один из значимых источников по истории здравоохранения в крае в 1945–1953 гг.

Были использованы следующие фонды Государственного архива Красноярского края: Ф.П-26 «Красноярский краевой комитет КП РСФСР», Ф.Р-1300 «Красноярское краевое статистическое управление», Ф.Р-1 376 «Красноярский краевой противотуберкулезный диспансер № 1», Ф.Р-1 384 «Отдел здравоохранения исполнительного комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся», Ф.Р-1 386 «Исполнительный комитет Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся», Ф.Р-2 126 «Красноярская государственная медицинская академия», Ф.Р-2 265 КГБУЗ «Краевая клиническая больница».

Архивные источники Государственного архива Красноярского края (далее ГАКК), связанные с исследуемой тематикой, можно разделить на две группы. Первая группа включает документы организационного характера, которые относятся к партийным фондам и фондам исполнительных органов власти регионального уровня, которые раскрывают конкретную реализацию государственных установок на местах. Такими фондами являются: Ф.П-26 «Красноярский краевой комитет КП РСФСР», Ф.Р-1 386

«Исполнительный комитет Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся».

В первой группе документов следует выделить документы фонда Ф.Р-1 386, которые имеют важное значение для воссоздания истории развития здравоохранения в регионе. Фонд «Исполнительный комитет Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся» составляет более 11 тыс. дел (всего 5 описей). Для исследования здравоохранения в Красноярском крае в 1945–1953 гг. может представлять интерес опись 1, содержащая протоколы заседаний крайисполкома местного органа власти и документы к ним. Данные документы представляют собой постановления и решения крайисполкома, приказы, справки, докладные, просьбы, записки. Преимущества использования фонда включают в себя доступность электронных материалов и наличие аннотаций, которые значительно упрощают процесс поиска необходимой информации. Однако, стоит отметить, что удаленный доступ к делам, начиная с 1947 г., пока недоступен. Для работы с этими документами необходимо посещение читального зала ГАКК.

Наибольшую информативную ценность для исследования развития системы здравоохранения в исследуемый период содержат решения, принятые крайисполкомом. Интересны по содержанию сведения об открытии лечебных учреждений [2, л. 26; 3, л. 26], санитарном состоянии в регионе [4, л. 113–115], комплексных мероприятиях по профилактике эпидемиологических заболеваний населения [5, л. 8а–9а; 6, л. 97–106].

Стоит отметить, что во многих решениях крайисполкома изначально дается положительная характеристика предмета обсуждения, а потом уже проблемы и способы их решения. Что увеличивает их ценность для исследователей [7, л. 23–24].

Отдельно стоит выделить решения о составлении проекта бюджета, в которых отражаются дотации государства на здравоохранение в сравнении с другими сферами, такими как просвещение, промышленность, сельское хозяйство, коммунально-жилищное хозяйство, управленческий аппарат. Также сравнив данные решения разных годов, можно проследить как менялось финансирование и насколько фактические капиталовложения соответствовали запланированным [8, л. 62–63].

Интерес для исследования, представляют прикрепленные к решениям просьбы различных подразделений к вышестоящему начальству [9, л. 23].

Значительный материал по истории здравоохранения содержится в фонде Ф.П-26 «Красноярский краевой комитет КП РСФСР» в составе которого более 69 тыс. дел за 1934–1991 гг. (всего 130 описей). Для исследования здравоохранения в регионе в поздний сталинский период интерес могут представлять следующие описи, содержащие управленческую документацию: № 14а, № 15, № 16, № 19, № 20, № 21, № 22, № 23, № 24.

Данные описи включают в себя протоколы заседаний бюро Красноярского краевого комитета, постановления ЦК партии и Совета Министров

СССР и РСФСР, исходящие телеграммы в ЦК партии и Совет Министров СССР, докладные записки, переписку с различными ведомствами и организациями, отчеты, и др. документы. Недостатком использования фонда можно считать отсутствие оцифрованных документов и тематической системы поиска, облегчающей нахождение необходимой информации среди массивного объема источников. Таким образом, исследователь вынужден заказывать в ГАКК протоколы заседаний бюро крайкома, отталкиваясь только от подходящих хронологических рамок, не зная, обсуждались ли интересные его вопросы здравоохранения на данном заседании.

Благодаря документам крайкома можно получить информацию, полностью отсутствующую в делах Крайисполкома, который не всегда обсуждал проблемы, рассматриваемые первым органом [10, л. 315–316].

В целом, в комплексе документы крайисполкома и крайкома отражают проблемы здравоохранения и мероприятия высших и региональных органов по решению соответствующих проблем в поздний сталинский период. Но для более полного их понимания необходимо обращение к статистическим источникам ГАКК, а именно к отчетам фондов Ф.Р-1 300 «Красноярское краевое статистическое управление» и Ф.Р-1 384 «Отдел здравоохранения исполнительного комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся».

Непосредственно медицинской тематике посвящены документы второй группы из фондов: Ф.Р-1 376 «Красноярский краевой противотуберкулезный диспансер № 1», Ф.Р-1 384 «Отдел здравоохранения исполнительного комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся», Ф.Р-2 126 «Красноярская государственная медицинская академия», Ф.Р-2 265 КГБУЗ «Краевая клиническая больница». Многообразие данных источников, охватывающих множество медицинских тем, точность отчетов в сочетании с управленческой документацией первой группы позволяет выявить и изучить проблемы в области здравоохранения в послевоенный период, а также оценить попытки их решения.

Большое значение для исследования истории здравоохранения имеет Ф.Р-1 384 «Отдел здравоохранения исполнительного комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся», составляющий около 5 700 дел за 1924–2012 гг. (всего 3 описи). 1 опись включает в себя: приказы по основной деятельности, пятилетние планы развития здравоохранения в крае, контрольные цифры по здравоохранению, финансовые планы, планы работы крайздравотдела, сметы расходов, обзоры капитального строительства медико-санитарных объектов края, отчеты о работе, сведения о медико-санитарной и лечебно-профилактической сети. 2 опись представлена документами по личному составу медицинских работников края.

Непосредственный интерес для исследования развития здравоохранения в 1945–1953 гг. представляет 4 опись. Документы 4 описи, образовавшиеся в деятельности отдела здравоохранения, представлены, в основном, статистической и финансовой документацией. Эти данные являются важным источником сведений о штатной численности медицинского пер-

сонала лечебных учреждений, качественном составе специалистов, состоянии лечебно-профилактической работы, материально-технической базы медучреждений в разные годы. Данные документы отсутствуют в цифровом формате, и работа с ними требует посещения читального зала ГАКК.

Интересная статистическая информация по теме исследования сосредоточена, в частности, в сводных годовых отчетах о сети, деятельности и кадрах медицинских учреждений края. Данные документы содержат наиболее полную информацию, позволяющую проследить динамику развития здравоохранения не только в целом в Красноярском крае, но и отдельно в Хакасской автономной области, Таймырском и Эвенкийском национальных округах, городах Абакан, Канск и Ачинск с 1945 по 1953 г. [11, 12, 13, 14].

Документальный фонд Ф.Р-2 265 КГБУЗ «Краевая клиническая больница» составляет более 600 дел за 1943–2002 гг. (всего 1 опись). Документы фонда включают в себя: приказы по основной деятельности, протоколы заседаний медицинского совета, планы работы больницы, годовые отчеты и анализ деятельности больницы, сметы и штатные расписания, годовые бухгалтерские отчеты, годовые статистические отчеты, основные показатели работы лечебно-профилактических учреждений в разрезе административных территорий края, документы о представлении работников к награждению, документы о состоянии работы с кадрами.

Для исследования здравоохранения в крае в 1945–1953 гг. прямой интерес представляют дела с № 3 по № 23, содержащие годовые бухгалтерские отчеты, штатные расписания, сметы доходов и расходов за каждый год, а также годовые отчеты о деятельности больницы за 1949–1951 гг. Данные документы не оцифрованы и ознакомление с ними требует посещения читального зала ГАКК.

Фонд Ф.Р-2 126 «Красноярская государственная медицинская академия», который составляет более 1 300 дел за 1945–2006 гг. (всего 1 опись), может также представлять интерес для научно-исследовательской работы, прежде всего – в области медицины. Интерес для исследований могут представлять: протоколы заседаний Ученого совета, протоколы совещаний у ректора, Совета вуза, заседаний советов факультетов и кафедр, годовые планы и отчеты о работе института последипломного образования, годовые планы и отчеты о работе Совета вуза, факультетов, ординатуры и аспирантуры, по научно-исследовательской работе. Документы фонда не оцифрованы и для ознакомления с ними требуется посещение читального зала ГАКК.

Фонд Ф.Р-1 376 «Красноярский краевой противотуберкулезный диспансер № 1» может являться важным источником информации о борьбе с туберкулезом в Красноярском крае и ее эффективности. В данном фонде числится пять описей. Интерес для исследователей истории здравоохранения в поздний сталинский период, прежде всего, представляют годовые отчеты о профилактических мероприятиях и лечении туберкулеза в крае

за 1949–1951 гг. [15] и 1953–1954 гг. [16]. Указанные дела не оцифрованы и требуют ознакомления в читальном зале ГАКК.

Отдельно от обозначенных выше 2 групп документов, стоит отметить фонд Ф.Р-1 300 «Красноярское краевое статистическое управление», который среди обширного объема документов по разным отраслям, в том числе содержит и количественные показатели развития здравоохранения и может являться важным источником статистической информации наряду с фондом Ф.Р-1 384 «крайздравотдел». Достоинством фонда можно считать тот факт, что часть документов является оцифрованной и к ним имеется удаленный доступ, что может облегчить решение исследовательских задач. Например, такими документами являются годовые отчеты о сети, деятельности и кадрах медицинских учреждений края за 1946–1949 гг. [17, 18, 19, 20]. Данная информация, конечно, имеется в документах «крайздравотдела», но не в оцифрованном виде.

Таким образом, архивные источники ГАКК по истории здравоохранения позднего сталинского периода могут широко использоваться в исследовании развития системы здравоохранения Красноярского края и в целом социальной истории Восточной Сибири.

Список источников

1. Ханенко Б. И. Здравоохранение Красноярского края / Б. И. Ханенко. Красноярск: Кн. изд-во, 1991. 136 с.
2. ГАКК. Ф. Р-1 386. Оп. 1. Д. 1 035. Л. 26.
3. ГАКК. Ф. Р-1 386. Оп. 1. Д. 1 059. Л. 26.
4. ГАКК. Ф. Р-1 386. Оп. 1. Д. 1 035. Л. 113-115.
5. ГАКК. Ф. Р-1 386. Оп. 1. Д. 1 013. Л. 8а-9а.
6. ГАКК. Ф. Р-1 386. Оп. 1. Д. 1 091. Л. 97-106.
7. ГАКК. Ф. Р-1 386. Оп. 1. Д. 1 354. Л. 23-24.
8. ГАКК. Ф. Р-1 386. Оп. 1. Д. 1 059. Л. 26.
9. ГАКК. Ф. Р-1 386. Оп. 1. Д. 1 354. Л. 23.
10. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 22. Д. 22. Л. 315-316.
11. ГАКК. Ф. Р-1 384. Оп. 4. Д. 13.
12. ГАКК. Ф. Р-1 384. Оп. 4. Д. 19.
13. ГАКК. Ф. Р-1 384. Оп. 4. Д. 27.
14. ГАКК. Ф. Р-1 384. Оп. 4. Д. 32.
15. ГАКК. Ф. Р-1 376. Оп. 3. Д. 1.
16. ГАКК. Ф. Р-1 376. Оп. 3. Д. 2.
17. ГАКК. Ф. Р-1 300. Оп. 1. Д. 4 690.
18. ГАКК. Ф. Р-1 300. Оп. 1. Д. 4 691.
19. ГАКК. Ф. Р-1 300. Оп. 2. Д. 2 251.
20. ГАКК. Ф. Р-1 300. Оп. 2. Д. 2 252.

А. В. Сабенина¹, Ю. В. Элтеко²

^{1,2} Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВИЧНОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДИВНОГОРСКОГО МЕДИЦИНСКОГО УЧИЛИЩА В 1973–1974 УЧЕБНОМ ГОДУ

Аннотация. Статья основана на материалах фонда «Первичная организация КПСС медучилища, г. Дивногорск» Государственного архива Красноярского края. Авторы делают попытку показать деятельность первичной партийной организации Дивногорского медицинского училища на начальном этапе его существования. Дана краткая характеристика ее работы за 1973–1974 учебный год. Показаны основные проблемы, с которыми сталкивались коммунисты, сотрудники и студенты учебного заведения.

Ключевые слова: *первичная партийная организация, Дивногорское медицинское училище, коммунисты*

Abstract. The article is based on the materials of the foundation “Primary organization of the CPSU Medical School, Divnogorsk” of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory. The authors make an attempt to show the activities of the primary party organization of the Divnogorsk Medical School at the initial stage of its existence. A brief description of her work for the 1973–1974 academic year is given. The main problems faced by communists, staff and students of the educational institution are shown.

Keywords: *primary party organization, Divnogorsk Medical School, Communists*

Первичные партийные организации были неотъемлемой частью структуры коммунистической партии Советского Союза. Они формировались на рабочих местах членов партии, таких как заводы, фабрики, совхозы, колхозы, части Вооруженных Сил, учебные заведения и другие предприятия и учреждения.

В своей работе первичные партийные организации придерживались Программы и Устава КПСС. Их функции включали в себя проведение обучения членами партии марксистско-ленинской теории, борьбу с альтернативными взглядами, обсуждение важных партийных вопросов, контроль за соблюдением требований Устава и Программы партии, организацию выполнения указаний партии и правительства, а также координацию деятельности профсоюзов, комсомольских и других общественных организаций [1, с. 231].

Дивногорское медицинское училище не стало исключением. О Дивногорском медицинском училище и тем более о роли и деятельности первичной партийной организации на его базе какая-либо историография отсутствует. Есть единственная статья А. С. Ковалева о становлении системы здравоохранения в г. Дивногорске, где, в том числе, затрагивается история

открытия медицинского училища в контексте решения проблемы дефицита кадров медицинского персонала [2, с. 225].

Вопросы истории создания, деятельности региональных медицинских учреждений рассматриваются в статьях И. Ж. Семинской, В. М. Михаревой, М. В. Бадугиновой [3, с. 80; 4, с. 1116; 5, с. 142].

Деятельности первичных партийных организаций средних специальных учебных заведений посвящены работы Г. И. Сухановой [6, с. 7], М. В. Пряженниковой [7, с. 97].

Первичная партийная организация на базе медучилища была создана одновременно с открытием учебного заведения 1 июня 1967 г. Деятельность партийной организации велась в рамках следующих основных направлений: идейно-политическая работа, учебно-воспитательная работа, хозяйственное обеспечение училища, культурно-массовая и спортивно-массовая работа.

С 25 сентября 1973 г. было проведено 12 партийных собраний за учебный год. В сентябре 1973 г. на учете в парторганизации состояло 13 коммунистов [8, л. 1]. Из них 8 имели высшее образование. К концу учебного года общее количество коммунистов, состоявших в парторганизации, выросло до 15 человек.

В протоколе № 1 общего отчетно-выборного партийного собрания отмечалось, что партийная ячейка выполняла свою работу хорошо. Каждый год работа совершенствовалась. Парторганизация училища в городе была в числе передовых. Активно велась работа по внедрению технических средств, методическая работа, работа по политическому и эстетическому воспитанию. При этом количество коммунистов на все училище было недостаточным: на 500 студентов и работников приходилось 13 коммунистов. В связи с этим работы для членов партийной организации было очень много: приходилось работать сверх силы [8, л. 2].

Главной задачей на учебный год парторганизация ставила проведение активных и систематических работ по научной организации труда (НОТ) студентов и преподавателей [8, л. 3]. Немаловажным являлось дальнейшее политическое просвещение. Так член собрания В. Л. Андреева заявляла: «Коммунистам необходимо помочь всем учителям, врачам в их политическом самообразовании, добиться, чтобы каждый учитель, врач-учитель понимал, что он идейный боец партии» [8, л. 3].

Участниками парторганизации на протяжении всего учебного года активно велась работа по идейно-политическому воспитанию студентов и работников училища. Для этого был организован семинар по марксистско-ленинской теории, работали клубы «Комсомолец», политкомиссаров и интернациональной дружбы [8, л. 9]. А также было принято решение о создании первичной организации общества «Знание». Общество занималось распространением политических и научных знаний по всему Советскому Союзу [8, л. 94].

В рамках очередного заседания парторганизации был рассмотрен план работы профсоюзного комитета Дивногорского медучилища

на 1974 г., в котором коммунисты принимали активное участие. Для студентов училища были разработаны различные политико-массовые мероприятия: субботники, экскурсии как в пределах Красноярского края (п. Шушенское, г. Красноярск), так и за пределами – в г. Севастополь; организованы Ленинские уроки, вечера на атеистическую тематику и вечера, посвященные победе Советского Союза в Великой отечественной войне [8, л. 45].

На партийных собраниях обсуждались различные вопросы работы медучилища. Один из основных – учебный процесс медучилища.

В течение всего учебного года в медицинском училище обучалось 456 человек. Из них: 160 – выпускников (6 человек «с отличием»), 12 – отчислено за неуспеваемость, 14 – забрали документы, 15 – переведены в другие учебные заведения [8, л. 97].

Парторганизация медицинского училища осуществляла контроль за успеваемостью коммунистов. Результаты их учебы регулярно обсуждались на партийных собраниях. В случаях низкой успеваемости коммунистам оказывалась необходимая поддержка, их освобождали от значительной части общественной работы. Внимание уделялось не только успеваемости коммунистов, но и всех учеников. Годовая успеваемость составляла 97 %, не успевали 14 человек, из них: 3 % – на первом курсе, 93 % – на втором. На «отлично» закончили учебный год 8 человек, на «отлично» и хорошо – 28 человек [8, л. 99].

Коммунистами обращалось внимание на низкую практическую подготовку студентов из-за небольшого количества учебных часов по здравоохранению [8, л. 2]. Данный вопрос был на контроле в партийной ячейке. Для его решения была создана группа людей для систематического контроля качества проводимых практических занятий на базе Дивногорской больницы и на базах выездных практик [8, л. 10].

Также в медучилище наблюдалась острая нехватка узкопрофильных штатных преподавателей-врачей по ряду дисциплин, в частности, акушера-гинеколога, хирурга. В целом укомплектованность штата составляла 64,5 % педагогов, и 21,8 % врачей [8, л. 19].

По инициативе парторганизации на базе медучилища с целью лучшей подготовки по пропаганде медицинских знаний была создана школа молодого лектора [8, л. 9]. У студентов медучилища данная школа пользовалась большим интересом. В конце учебного года было принято решение о продлении работы школы молодого лектора еще на один учебный год [8, л. 94].

Важной проблемой, которую поднимала партийная организация медучилища, являлось хозяйственное обеспечение училища, а именно площадями. Остро стоял вопрос о нехватке учебных помещений. Для внеклассной работы на 17 групп приходилось всего 9 классных комнат [8, л. 2]. В результате занятия по учебно-воспитательной работе велись в две смены. Кроме того, отсутствовал спортивный зал [8, л. 4]. Партийная органи-

зация приходила к выводу о необходимости обращения к высшим инстанциям для строительства нового корпуса училища.

Второй по значимости проблемой был жилищный вопрос. Преподавательскому составу и студентам не хватало мест в общежитиях. Из 400 нуждающихся в жилье людей, только 150 человек проживали в общежитиях. Также отмечались крайне плохие условия проживания в данных общежитиях. Поступали жалобы на плохие условия гигиены, а также на тесные комнаты: на одного человека приходилось 2,8 кв. м., жильцы отмечали низкое качество мебели в комнате, ее недостаток для проживающих.

Неоднократно в своих отчетах парторганизация отмечала об обращении в ГК КПСС для решения данных проблем. Было направлено ходатайство о строительстве нового корпуса медучилища, перед городским комитетом партии и исполкомом депутатов трудящихся о дополнительном выделении жилищной площади под общежития [8, л. 32]. К сожалению, за текущий учебный год данные проблемы не были решены.

В культурно-массовой работе проводилась большая работа по подготовке и проведению художественной самодеятельности. В течение года работали кружки (хор, вокальный кружок). Агитбригада выступала с концертами перед дивногорцами. Проходили вечера, выходы в кино. Студенты и преподаватели были вовлечены в движение за присвоение городу Дивногорску звания «город высокой культуры» [8, л. 32].

В работе парторганизации также поднимался вопрос о проведении спортивно-массовых мероприятий. С целью улучшения здоровья преподавателей и студентов ежегодно проводился «День здоровья», а также принимались нормы ГТО [8, л. 94]. Помимо этого, студенты училища принимали участие в городских и краевых спортивных соревнованиях.

Таким образом, работа первичной партийной организации Дивногорского медучилища в 1973–1974 гг. самими коммунистами оценивалась удовлетворительно. На заседаниях обсуждались важные вопросы, касающиеся идейно-политической, учебно-воспитательной работы, хозяйственного обеспечения училища, культурно-массовой и спортивно-массовой работы. Однако такие острые проблемы как нехватка учебных помещений, общежитий для преподавателей и студентов, неукомплектованность штата преподавателей остались нерешенными за рассматриваемый период.

Исследование осуществлено при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках проекта «История муниципального образования г. Дивногорска» № 2023031609644.

Список источников

1. Петровичев Н. А., Сторожев Я. В. Первичная партийная организация. Документы КПСС. Послеоктябрьский период / Н. А. Петровичев, Я. В. Сторожев. М., 1974. 527 с.

2. Ковалев А. С. Становление системы здравоохранения в г. Дивногорске в 1960-е начале 1980-х гг.: организационное и кадровое обеспече-

ние / А. С. Ковалев // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2023. № 4 (30). С 219–232.

3. История становления института сестринского образования Иркутского государственного медицинского университета (Иркутское медицинское училище) / И. Ж. Семинский, Л. С. Вяткина, В. Н. Жевлаков, Т. В. Серова // Роль медицинских вузов в подготовке медицинских кадров: исторические аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной открытию музея истории Иркутского государственного медицинского университета, в рамках празднования 355-летия города Иркутска. 2016. С. 79–85.

4. Михарева В. М. История развития Валуйского медицинского колледжа в городе Валуйки Белгородской области / В. М. Михарева // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 3–7. С. 1 116–1 118.

5. Бадугинова М. В. Создание и деятельность Калмыцкого медицинского училища в региональной системе подготовки средних медицинских кадров в 1960-е – начале 1970-х гг / М. В. Бадугинова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (46). С. 140–155.

6. Суханова Г. И. Роль первичных партийных организаций средних специальных учебных заведений Западной Сибири в подготовке специалистов (1970–1980 гг.) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ленинград. 1990. 17 с.

7. Пряженникова М. В. Деятельность первичной партийной организации Читинского государственного педагогического института в 1939–1940 учебном году / М. В. Пряженникова // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество. 2021. № 1. С. 96–99.

8. ГАКК. Ф. П7697. Оп. 1. Д. 1.

А. В. Беляева

Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова

Могилев, Республика Беларусь

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ДАННЫХ КАК МЕТОД АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА США ПЕРЕД КОНГРЕССОМ «О ПОЛОЖЕНИИ СТРАНЫ»)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возможностей применения визуализации данных в исторической науке для анализа письменных источников.

Ключевые слова: визуализация, исторический источник, портрет документа, MAXQDA, США, Китай

Abstract. The article is devoted to the consideration of the possibilities of using data visualization in historical science for the analysis of written sources.

Keywords: visualization, historical source, Document Portrait, MAXQDA, USA, China

Работа историка зачастую связана с классификацией, систематизацией и анализом массовых письменных источников. Подобная работа трудоемка, отнимает много времени, требует концентрации внимания. В силу этих обстоятельств она не застрахована от ошибок и неточностей, которые, в свою очередь, влияют на конечный результат исследования и сделанные выводы. Историческая наука, и без того критикуемая за субъективность, в данном случае вновь дает повод себя критиковать.

В этой связи актуальным и насущным является поиск выхода путей из сложившихся обстоятельств. Одним из них стало сотрудничество с точными науками. Развитие же новых технологий привело к возникновению новой междисциплинарной области исследования – *Digital Humanities*, которая объединяет в себя гуманитарные науки и компьютерные технологии. Толчком к сближению столь, казалось бы, далеки друг от друга областей знаний послужил целый ряд факторов, но главным из них является появлением персонального компьютера и сети Интернет. Прежде всего, у ученых появилась возможность работать и обмениваться информацией из любой точки, они перестали быть привязаны к учреждению, где имелась в наличии вычислительная техника. Кроме того, благодаря этому возможность взаимодействовать с техникой появилась у большего числа ученых.

Однако главным преимуществом персонального компьютера является наличие широкого спектра программного обеспечения, которое позволяет использовать компьютер для большого числа задач в русле исторической науки. А сеть Интернет позволяет не только обмениваться мнениями, знаниями и опытом, но и учиться. На сегодняшний день существует

огромное количество курсов, которые позволяют даже бесплатно обучиться пользованию различными компьютерными программами, которые можно использовать в рамках исторических исследований. Например, можно создавать карты (в том числе интерактивные), 3D-реконструкции зданий и сооружений, создавать изображения исторических личностей по описаниям внешности и т. д. Виртуальное воссоздание реально существовавших объектов по описаниям является трудоемким и сложным процессом, но у ученых имеются привязки к точным данным – географические координаты, размеры и прочее. По-иному обстоит ситуация с визуализацией письменных источников, которые являются основным видом исторических источников.

Визуализация данных является отдельной областью исследований, которая позволяет представить сложные данные в более доступной, наглядной форме. Она делает возможным установление связей между различными документами, событиями или личностями, упомянутыми в этих документах. Она позволяет выявить общие тенденции и или аномалии, которые могут указать на важные события или процессы в развитии общества, отследить изменения в языке и стиле источников.

Визуализация данных письменных источников в исторической науке решает несколько задач.

Во-первых, она оказывает помощь в анализе данных. Сведения из массовых источников, представленные в удобной форме, упрощают процесс и повышают точность полученных результатов. Исследователь задает параметры поиска и форму представления результатов, которые применяются ко всему массиву информации, что исключает возможность упустить что-то из-за невнимательности. Условия поиска могут быть быстро изменены, что предоставляет широкие исследовательские возможности в короткий срок. Историк получает возможность извлечь из источника разную информацию, а визуализация позволяет объединить ее в одном месте. Разрозненные данные сложнее воспринимать, нежели график или диаграмму. Таким образом, визуализация упрощает и ускоряет работу историка, а также повышает точность результатов за счет исключения ошибок из-за невнимательности.

Во-вторых, визуализация данных может являться дополнительным аргументом в дискуссии: «Что же так важно в изображениях и записях, получением, рисованием, изучением, расчетом и обсуждением которых заняты ученые и инженеры? Это прежде всего уникальное преимущество, которое они дают в риторической или дискуссионной ситуации. «Вы сомневаетесь в том, что я говорю? Я покажу вам». И, не двигаясь более чем на несколько дюймов, я разворачиваю перед вашими глазами символы, схемы, иллюстрации, тексты, контуры и тотчас же представляю далекие отсюда вещи, с которыми теперь установлена своего рода двухсторонняя связь. Не думаю, что важность этого простого механизма может быть переоценена» [1, с. 117].

К. Кнорр справедливо заметила, что изображение или схема также допускают различия в трактовках, кроме того, оппоненту в дискуссии вообще не обязательно на них смотреть [2, с. 205]. Однако, чем больше у одной из сторон спора возможностей защитить свою точку зрения, тем более прочные у него позиции и более высокие шансы на победу: «Тот, кто плохо визуализирует, проигрывает схватку: его факт не выстоит» [1, с. 124]. В исторической науке много дискуссионных тем и разнообразие мнений по одному и тому же вопросу, что делает данную возможность визуализации весьма актуальной.

Понимая преимущества, даваемые визуализацией данных, возникает вопрос о том, какие данные будут представляться в наглядной форме. Процесс их визуализации достаточно прост: занесение данных в таблицу и построение на ее основе = графиков, диаграмм и т. д. Весь процесс, может быть организован с помощью табличного процессора *Microsoft Excel*, который в наличии практически у любого пользователя персонального компьютера. Но в гуманитарных науках данные многозначны и разнообразны, они могут носить субъективный, противоречивый характер. Но, как уже было сказано выше, современные технологии значительно расширяют доступный историку арсенал возможностей для работы с историческими источниками, в том числе с письменными.

Современное программное обеспечение для персональных компьютеров позволяет анализировать тексты с помощью метода контент-анализа. Компьютерных программ, позволяющие осуществлять его, достаточно много, однако наиболее полно соответствует проведению исторических исследований программный продукт *MAXQDA* [3].

Несомненным достоинством данной компьютерной программы является предоставление ею инструментов для визуализации. К функциям визуализации относятся «Карта кода», «Карта документов», «Диаграмма сравнения документов», «Портрет документа», «Кодовая строка».

«Карта кода» представляет собой инструмент, который в отдельном окне, называемом картой, показывает соотношения между кодами: чем чаще коды были заданы одновременно, тем ближе друг к другу расположены они будут на карте. «Карта документов» работает схожим образом, но в отношении документов: чем более схожи два документа с точки зрения распределения кодов, тем ближе друг к другу они будут на карте.

«Портрет документа» преобразовывает кодированные сегменты в стандартизированное количество точек изображения, тем самым позволяет наглядно продемонстрировать встречаемость кодов и их распределение по тексту. «Кодовая строка» отображает кодированные сегменты в последовательности. Позволяет установить, в каком абзаце текста встречается тот или иной код и выявить незакодированные части текста. «Диаграмма сравнения документов» объединяет функции Портрета документа и Кодовой строки. Это инструмент для сравнения закодированных частей документов.

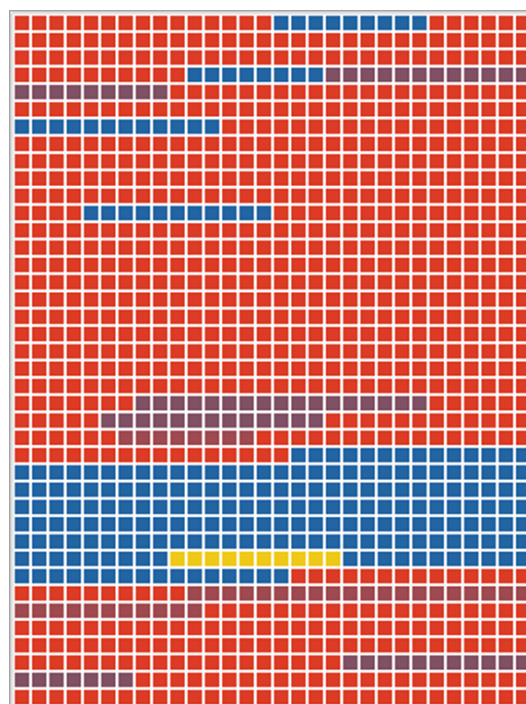
Функция «Портрет документа» может быть использована для сопоставления различных исторических документов между собой, для выявления ключевых тем и идей текстов. Она позволяет получить представление о документе без необходимости детально читать его, что полезно для сортировки и классификации письменных источников, быстрого поиска необходимой темы в большом объеме данных.

Кроме того, функция «портрет документа» может быть использована для отражения изменений внимания к конкретной проблеме в определенных хронологических рамках. Такое использование «Портрета документа» уже носит исследовательский характер. Например, данная функция позволяет визуализировать содержание ежегодных выступлений президента США перед Конгрессом «О положении страны» с целью определить степень внимания в них к Китаю. В связи с этим необходимо было установить соотношение внутри- и внешнеполитических тем в рамках речей «О положении страны», чтобы установить контекст упоминаний.

Для достижения поставленной цели был выбран индуктивный подход, чтобы двигаться от источника. На основе данных количественного контент-анализа был составлен список кодов, которые были разделены на три категории, каждой из которых был назначен определенный цветовой индикатор – внутренняя политика (красный цвет), внешняя политика (синий цвет), Китай (желтый цвет). Затем было произведено кодирование всех источников.

Цветовые маркеры, которые были присвоены отдельным темам, необходимы для использования «Портрета документа». Он позволяет наглядно продемонстрировать соотношение интересующих пользователя тем в документе. В нашем случае «Портрет документа» позволяет установить соотношение между внутри- и внешнеполитическими проблемами внутри выступлений президента США перед Конгрессом и место Китая в речах. Визуализация позволила установить фрагментарность встречаемости Китая в выступлениях Б. Клинтона и Дж. Буша-мл, усиление интереса в годы президентства Б. Обамы, а в годы пребывания в Белом Доме Д. Трампа китайская проблематика затрагивалась им в выступлениях перед Конгрессом ежегодно. В виду многочисленности «портретов» речей «О положении страны» в качестве наглядного примера использован лишь один из них (рис. 1).

Возможности *MAXQDA* позволяют экспортировать данные в *Microsoft Excel*, поэтому частоту встречаемости слова «Китай» в документе можно было представить в виде таблицы или построенного на ее основе графика. Однако встроенные функции визуализации *MAXQDA* в сочетании с возможностью сохранить полученный «Портрет документа» как изображение ускоряют и упрощают процесс работы, ведь в рамках одной компьютерной программы собраны инструменты для анализа и визуализации текстов.

1994 г.

Красный цвет - внутренняя политика

Синий цвет - внешняя политика

Желтый цвет - упоминание Китая

Рис. 1. Пример «Портрета документа»

Таким образом, визуализация является мощным инструментом, который обогащает традиционные методы анализа письменных исторических источников. Она позволяет исследователям не только экономить время при работе с большими массивами данных, но и открывает новые перспективы анализа и интерпретации исторических источников.

Список источников

1. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе / Б. Латур // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. № 27 (117). С. 95–156.
2. Knorr K. *be Manufacture of Knowledge* / K. Knorr. Oxford: Pergamon Press, 1981. 189 p.
3. Гарскова И. М. Новые тенденции в компьютеризованном анализе текстов: концепции, методы, технологии [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Выпуск 8 (41). URL: <http://history.jes.su/s207987840001255-9-1> (дата обращения 18.04.2024).

РАЗДЕЛ 2.

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 165.4

М. П. Яценко

Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения исторического образования и исторической памяти. Раскрываются основные принципы формирования исторического познания как основы исторической памяти. Показано, как складываются устойчивые представления о прошлом в контексте воспитания подрастающего поколения.

Ключевые слова: историческое образование, социокультурное пространство, историческая память, учебное познание

Abstract. The article discusses the problem of correlation between historical education and historical memory. The basic principles of the formation of historical knowledge as the basis of historical memory are revealed. It is shown how stable ideas about the past are formed in the context of educating the younger generation.

Keywords: historical education, socio-cultural space, historical memory, educational cognition

Историческое знание фиксирует неповторимые события прошлого, однако оно формируется на основе и личных предпочтений, а также индивидуальных оценок. На эту особенность исторического познания справедливо указывали известные ученые: «Наиболее обыденным источником ложной памяти являются наши сообщения другим лицам о нашем прошедшем опыте. В таких сообщениях мы стараемся придать подлинным фактам более простой и интересный характер. Мы говорим скорее о том, что могло бы быть нами сказано или сделано, чем о том, что нами сказано или сделано на самом деле. В начале рассказа мы вполне сознаем различие между возможным и действительно бывшим. Но в ходе повествования фикции воображения вытесняют из памяти подлинные факты, водворяются в ней и начинают всецело господствовать» [1, с. 10]. Данный момент приобретает особую значимость именно в учебном познании.

Историческая память формируется в процессе социализации личности, поэтому этот процесс выходит за рамки учебных классов и аудиторий, однако именно на образовательном уровне создаются условия для форми-

рования целостного мировоззрения о своем прошлом, а не в виде отдельных фрагментов прошлого, которые произвольно изымаются из былого в угоду конкретным жизненным обстоятельствам. Как правило, обращение к конкретным деяниям предкам используется в качестве оправдания современных поступков, когда исторические факты становятся особо востребованными в каких-либо критических ситуациях.

Историческое образование в контексте исторической памяти предполагает понимание глубины глобальных проблем, потому что характерной чертой XXI в. является неопределенность, которая в полной мере проявляется в духовной сфере как утрата смыслов будущего. «В XX в. люди обнаружили, что утратили будущее, ибо установили, что будущее непредсказуемое... Будущее остается открытым и непредсказуемым». Кроме того, люди осознали, что «история отнюдь не представляет собой линейную эволюцию... История – это сложное сплетение порядка, беспорядка и организации» [2, с. 16–19].

Направить поток исторического сознания в нужном направлении – основная задача преподавателя истории. Только в этом случае историческое знание становится фундаментом исторической памяти не только отдельного человека, но и всего общества. Однако социальные трансформации XX–XXI столетия в полной мере отразились на всей системе образования, однако историческое образование пострадало кардинальным образом и сегодня уже не выполняет положенной на него задачи. Это, по нашему мнению, обусловлено рядом факторов.

Во-первых, методология истории, заданная Западом, уже не может удовлетворять традиционные общества.

Во-вторых, попытка глобализаторов преподнести прошлое в нужном для них ракурсе, потерпела поражение, однако оставила заметные следы не только на уровне всей исторической науки, но также – в историческом образовании.

В-третьих, восточный вектор, который предприняла наша страна в последние годы, предполагает в первую очередь возвращение к традиционной системе ценностей, что невозможно без массива исторических знаний.

Важно, чтобы независимо от своих общественных пристрастий познающий историческое прошлое воспринимал альтернативные вестернистскому взгляду на историю теории в качестве равноправных и более отвечающим современному российскому обществу. Русский космизм, славянофильство и другие течения, характерные для отечественной общественной мысли, должны восприниматься не как экзотические, потерявшие свою значимость учения, а вполне полноценными на фоне давления «западничества». «Напрягая все силы для восстановления былого величия и незаметно даже превосходя его в новых присоединениях, Россия неизменно платит за это растущее внешнее могущество золотом веры и благочестия, собранным в первые десятилетия по выходе из смуты» [3, с. 162].

Современная наука сформировалась из специфических воззрений на гуманитарную сферу, которые характерны для индустриальной эпохи,

и именно поэтому она не только не способна предугадать многие кризисные явления, но даже адекватно оценить прошлое. Важнейшая причина состоит в том, что по-прежнему мы используем чуждый нашей ментальности категориальный аппарат, который отражает техногенную экспансию, которая все более глубоко распространяется на гуманитарную сферу. Гуманитарная сфера оказалась разорванной на различные дисциплины, поддисциплины и т. д., потому что естествознание, занимаясь преимущественно анализом, выхолостило обобщающий синтез явлений, не создав при этом методологию наддисциплинарного уровня. Сложившаяся в науке ситуация в полной мере отражается и на образовательной сфере, от чего в первую очередь страдают преподаватели исторических дисциплин.

Необходимо обратить внимание на еще особенность современного исторического образования, рассматриваемого нами в контексте исторической памяти. Расширение диапазона коммуникативных процессов, привело к многовариантности исторического прошлого, если его рассматривать с позиций современной демократии, однако серьезно повредило процессу воспитания подрастающего поколения на исторических примерах. Вот почему сегодня особую актуальность приобретает проблема трансляции чужого социального опыта, поскольку инициатором и источником ее выступает сила, внешняя по отношению к конкретному обществу.

В условиях, когда обостряется дискуссия о сущности реформ исторического образования, важно учитывать, что «...в настоящее время весьма мучительным для русского народа является жестокое историко-идеологическое давление на его историческое сознание и историческое самосознание. Согласно ему (указанному давлению), выходит, что у России нет многовековой «демократической традиции», что мы якобы должны равняться на Запад и безоглядно перенимать у Запада все, чтобы войти в так называемую мировую цивилизацию, чтобы «официальная наука» состояла из норманских теорий, какими ныне преисполнены в нашей стране философия, политология, культурология, экономическая теория и т. д., чтобы неизвестно во имя чего мы согласились считать, ... что мы якобы последними в Европе стали историческим государством и т. п.» [4, с. 9].

В контексте исторической памяти можно выделить ряд существенных черт учебного исторического познания. В первую очередь необходимо отметить тесная связь современности с историей, которая может и должна проявляться не только в кризисные периоды существования как общества, так и конкретного человека. Без знания истории дальнейшее развитие общества затруднено, потому что прошлое выступает в качестве объективной реальности. Не было бы потребности в познании истории, если бы оно не было связано с современностью, а также с будущим развитием человечества, и эту непреложную истину учащийся должен почувствовать уже на первых занятиях.

Не меньшее значение для исторической памяти имеет гносеологический механизм, используемый в учебном познании, потому что в современных условиях особую важность приобретает не только использование

существующих знаний о прошлом, но также адекватное применение самого механизма исследования, полученного предыдущим поколением и зафиксированного в сформированном идеале научного знания.

Вполне естественно, что мировоззренческие предпосылки изучающего историю также важны для того, чтобы знания о прошлом гармоничным образом вписались в историческую память. В первую очередь имеется в виду уровень развития общественного сознания (идеология данного общества; категориальный строй теории; философские основания науки; существующая картина мира в целом), поскольку он принципиальным образом влияет на аксиологические установки обучающегося.

Как свидетельствуют источники, духовный мир наших предков был ориентирован главным образом на прошлое, что также ставит перед нами задачу реформирования исторического образования как ведущей платформы для формирования устойчивой исторической памяти. В частности, в учебниках истории должен быть заложен основополагающий тезис: Европа не является единственной цивилизацией. Модель многополярного мироустройства, впервые предложенная Н. Я. Данилевским, представляла собой «необходимое и вместе с тем единственно возможное ручательство за сохранение всемирного равновесия, единственный оплот против всемирного владычества Европы» [5, с. 458]. Тем более, что пока «...духовное здоровье русского человека будет определяться его произвольным выбором, при том что информационная машина государства, вся система воспитания будет насаждать бездуховные или исторически чуждые русскому человеку ценности, ни о каком здоровье отдельных людей и нации в целом говорить не приходится... Чуждебесие в духовной сфере более губительно, чем в телесной» [6, с. 21].

Если историческое образование рассматривать в контексте исторической памяти, то вполне очевидной становится взаимосвязь степени устойчивости конкретного общества с его исторической памятью. Например, вестернистская модель мира базируется на концепции безудержного потребления, что приводит к постепенному вытеснению из жизни людей духовно-ценностного фактора, поскольку личность моделируется по определенным, заранее заданным параметрам. Об утрате духовной перспективы свидетельствует патологическое потребление на фоне безудержного прогресса техники, когда истинные ценности часто заменяются информацией. В конечном счете, доминирующей чертой человеческого бытия становится потеря смысла существования, поскольку наблюдается утрата четких аксиологических установок, без которых любой социум обречен.

Историческое образование должно постоянно подпитывать историческую память, поскольку главной угрозой устойчивости отдельных обществ и всей современной цивилизации является распад естественных связей, которые традиционно выступают фундаментом социальной общности на основе всех ценностей, интегрирующих людей в определенную целостность.

Историческое образование, понимаемое в тесной взаимосвязи с исторической памятью, должно включать ряд принципиальных элементов:

1. Осознанный выбор учащимся ведущих мировоззренческих ориентиров;
2. Понимание своей социокультурной идентичности;
3. Определение своего места в конкретном социуме.

При таком подходе осуществляется формирование устойчивого социокультурного пространства, что стимулирует процессы цивилизационного и культурного самосознания на базе устоявшегося аксиологического базиса.

Сформировать соответствующий уровень исторической памяти на уроках истории возможно, если учащимся убедительно донести мысль о том, что именно наша страна веками несла на себя историческую тяжесть по умиротворению Востока и Запада. Об этом свидетельствует политика России, посвященная постоянному собиранию земель и народов, а также объединению их в единое целое, потому что русское государство носит сторожевой, охранный характер. На пути своего многовекового утверждения оно набирает огромную мощь, концентрирует в себе такие качества как единство, силу, которые можно и нужно обратить на общее дело борьбы против слепых сил природы [7, с. 43].

Актуальность исследования роли учебного исторического познания в процессе формирования устойчивой исторической памяти особо возрастает, когда смена социокультурной парадигмы требует от исторической науки новых методологических установок, поскольку история сближается с психологией, все больше сдвигаясь в сторону учета социальных ментальностей. Естественным образом обостряется проблема альтернативности российского исторического процесса на различных его этапах, о чем свидетельствует творческое использование отечественными учеными мирового обществознания с учетом реальных потребностей и возможностей России.

Акцент на историческом образовании как базисе исторической памяти также требует разрешения непростой дилеммы, которая обусловлена проблемой единства и вариативности исторического процесса, имеющих различные интерпретации в современных концепциях общественного развития. Например, классическая концепция модернизации базируется на эволюционистской методологии, однако она не в состоянии в полной мере отразить вариативные изменения в истории.

Историческое образование в контексте исторической памяти предполагает «осознание важности устойчивых социальных взаимосвязей и взаимодействий как фактора, детерминирующего, обуславливающего и вместе с тем ограничивающего деятельность человека, возникло не сразу. Оно составляет содержание многих легенд и мифов и является важным элементом любой культуры, особенно в начальных фазах ее развития» [8, с. 81].

Историческое образование в контексте исторической памяти несет в себе важную нравственно-воспитывающую составляющую, посредством которой формируются нравственные и общественно-политические взгляды

подростающего поколения, призванные доказать его жизнедеятельность в будущем. Такой подход детерминирует процесс создания учебных вариантов национальных историй государств, в которых наблюдается переосмысление места и роли региональных культур на постсоветском пространстве не только в прошлом, но также в настоящем, формируя внутриполитические и внешнеполитические аспекты национальной безопасности России.

Представители подрастающего поколения, получившие историческое образование, когда события прошлого преподавались в контексте исторической памяти, способны жить в многополярном мире, в котором отрицается насильственное навязывание чуждой системы ценностей какому-либо социуму.

Гарантии сохранения своей социокультурной идентичности прямо обусловлены уровнем исторической памяти, где у России сохраняется шанс не только не утратить свой суверенитет, но также вернуть себе соответствующий уровень геополитической субъектности. Дело в том, что «трансформации исторического прошлого, выступающая как оправдание глобализации, предшествовала фальсификация истории в условиях европоцентризма, который предполагает, что быть прогрессивным – значит, вписать себя в исторический процесс» [9, с. 102].

Особая роль исторического образования как базиса исторической памяти также во многом обусловлена тем, что мировое сообщество находится на пороге гуманитарной революции, которая напрямую связана с революционными преобразованиями в образовании, что вряд ли возможно без знания прошлого. Инновационный образовательный проект можно будет сформировать на основе системного мышления, где прошлое и настоящее составляет целостность, проявляющуюся в российском обществе в виде исторической памяти. Э. Трельч в своей работе «Историзм и его проблемы» справедливо подчеркивал, что «...логика истории первая вскрывает глубочайшую сущность логического вообще, она не может ограничиться областью истории, но должна охватить весь мир, следовательно, природу... Обычная же логика естественных наук может быть лишь логикой скользящего по поверхности мышления, сводящегося на опосредованное впечатление и его расчленяющую рефлекссию, логикой, которая еще не принимает во внимание взаимного опосредования подвижной действительности в ее частях и в целом. Эта логика может быть только абстрактной рефлексией, которая абстрагирует из подлинного жизненного единства всякое единичное, изолирует его в рефлексии и затем внешне связывает его в известную совокупность» [10, с. 214].

Если историческое образование будет выступать в качестве базиса исторической памяти, то это позволит решить ряд проблем, связанных с повышением эффективности исторического образования в России в условиях становления информационного общества. Объективный взгляд на историческое прошлое также поможет избавиться от последствий слишком прагматического подхода к гуманитарному образованию, что часто

проявляется в попытке «осовременить» знания человечества, направив их на решение преимущественно практических задач.

Преодоление гуманитарного кризиса образования, последствия которого ощутили не только учащиеся, также предполагает осознание особой роли истории в формировании мировоззрения, где история, современность и будущее составляют собой гармоничное единство. Только такой подход позволяет преодолеть социокультурный кризис, поскольку позволяет обосновать необходимость смены экономической потребительской парадигмы на гуманистическую, что способно изменить мировоззрение, включив в него систему ценностей, сложившейся веками.

Таким образом, рассматривая роль исторического образования и формировании устойчивой исторической памяти можно сделать ряд выводов.

Во-первых, снижение уровня исторического образования в конкретном обществе неизбежно приведет к деформации исторической памяти, что вызовет рост деструктивных процессов из-за нарушения базовых принципов социальной устойчивости.

Во-вторых, для изменения ведущей парадигмы современной потребительской цивилизации нужна опора на позитивные примеры прошлого, которые должны быть востребованы не только на уровне современной образовательной системы, но также создавать устойчивую платформу исторической памяти, направленную на будущие поколения граждан России.

В-третьих, формирование исторической памяти включает в себя обновление исторического образования, которое должно включать в себя традиционные отечественные ценности, где ведущее значение приобретают фундаментальные качества человека.

В-четвертых, историческое образование создает условия для сохранения исторической памяти российского общества, где ведущую роль играет духовность, противостоящая активным попыткам унификации человечества, что способствует сохранению многообразия мира, в котором аккумулировано все богатство социального опыта.

Определенный оптимизм в решении задач, связанных с историческим образованием в РФ, состоит в том, что отечественная историческая наука вступила в новый плодотворный период, когда в работах ее лучших представителей происходит не переписывание, а переосмысление истории России на основе исторической памяти.

Список источников

1. Джемс У. Психология / У.Джемс. М.: Просвещение, 1990. С. 10.
2. Морена Э. Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире / отв. ред. Н. К. Удумян. М., 2004. С. 5–19.
3. Зубов А. Б. Циклы русской истории / А. Б. Зубов // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 162.

4. Чуринов Н. М. Историческая идеология и историческое сознание / Н. М. Чуринов // Теория и история. 2004. № 2. С. 9.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. М., 2003. С. 458.
6. Корольков А. А. Духовная антропология и тенденции современного образования / А. А. Корольков // Теория и история. 2004. № 3. С. 21.
7. Архипов М. В. Социально-утопический космизм Н. Ф. Федорова / М. В. Архипов // Россия: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. СПб., 1996. С. 43.
8. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. М., 1991. С. 81.
9. Яценко М. П. Исторические аспекты глобализации как управляемого процесса / М. П. Яценко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 110: научный журнал. 2009. С. 102.
10. Трельч Э. Историзм и его проблемы / Э. Трельч. М.: Юрист, 1992. 720 с.

К. Г. Карагулян
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается периодизация, теоретические и методологические основы изучения развития женского образования в России. Автор приходит к выводу, что интерес исследователей к данной теме, а также его предмет напрямую зависит от исторического контекста периода. Исследователь отмечает, что проблема женского образования нуждается в обновленном методологическом подходе и в дополнении региональными исследованиями.

Ключевые слова: историография женского образования, женское образование, «женский вопрос», роль женщины, гендерная история

Abstract. The article discusses periodization, theoretical and methodological foundations for studying the development of women's education in Russia. The author comes to the conclusion that the interest of researchers in this topic, as well as its subject, directly depends on the historical context of the period. The researcher notes that the problem of women's issues needs an updated methodological approach and addition with regional studies.

Keywords: historiography of women's education, women's education, «*womens question*», the role of women, gender history

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактом, что государством был взят курс на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей [1]. Роль женщины в системе этих ценностей является основополагающей. В современном обществе изучение данной темы диктуется потребностью осмысления социального статуса женщины. Образ женщины-матери, хранительницы очага давно трансформировался и был дополнен множеством профессий и специальностей. История развития женского образования несет в себе не только историческое значение, но и педагогический опыт.

Историографию проблемы женского образования в России современные историки традиционно делят на три периода [2, с. 5]. Мы поддерживаем данную периодизацию. Первый этап – дореволюционный, включающий в себя период до 1917 г. Исследования на тему отечественного женского образования появляются со второй половины XIX в., когда открываются «мариинские» гимназии, входящие в ведомство императрицы Марии. После проведения реформ Александра II таких работ становится больше. Так, например, в труде Е. О. Лихачевой «Материалы для истории женского образования в России. (1086–1856)», изучается положение женщин в обществе в различные периоды истории России. Автор делает выво-

ды о необходимости женского образования, о предпосылках открытия женских гимназий, о качестве образования в России, что позволяет нам проследить как складывался и развивался этот социальный институт [3]. В работе Н. П. Малиновского «Очерки по истории женского среднего образования в России» изложены материалы об обязанностях надзирательниц, о проектах реформирования женских гимназий [4, с. 23–28]. В работах Н. А. Корфа [5], В. В. Розанова [6] и Н. И. Пирогова [7] отдельное внимание уделяется вопросу об эффективности среднего женского образования. О необходимости открытия женских образовательных учреждений для низших классов пишет Н. А. Добролюбов [8, 54 с.]. Перечисленные работы поднимают насущные проблемы зародившейся системы, описывают принципы ее функционирования, а также предлагают способы модернизации.

В исследовании В. В. Игнатович «Женское образование и женские школы в теории и на практике» описаны учебные и образовательные программы столичных женских училищ, выявляются их особенности. Однако, проблема провинциального женского просвещения не освещена, это не дает возможность провести сравнительный анализ принципов работы столичных и провинциальных учебных заведений [9]. А. Н. Деревицкий анализирует состояние отечественного и западного образования в труде «Женское образование в России и за границей. Исторические справки и практические указания» [10]. Н. Е. Зинченко в работе «Женское образование в России» уделяет большое внимание рассмотрению общественно-политического движения в пользу распространения женского образования в России. Труд позволяет нам проследить динамику женской эмансипации [11].

Также, нельзя не обратить внимание на региональный компонент изучения темы. В 1895 г. был опубликован труд Н. Н. Бакая «К двадцатипятилетию Красноярской женской гимназии 1869–1894 гг.». Ценность этой работы для настоящего исследования велика, так как в ней подробно описана история создания и развития Красноярской женской гимназии [12].

Проблематика трудов, написанных в этот историографический период, заключается в том, что на момент их написания система женского образования только начинала формироваться, поэтому авторы пишут о нуждах учреждений, описывают имеющиеся практики, предлагают способы усовершенствования учреждений, обращают внимание на зарубежные учреждения. Стоит отметить, что Н. А. Корф, Н. И. Пирогов, А. Н. Деревицкий, В. В. Игнатович это в первую очередь известные российские педагоги, исходя из этого, их труды представляют ценность для нашего исследования, прежде всего, как методические рекомендации, педагогические разработки и исторические источники.

Следующий этап историографии – советский (1917–1991 гг.) В этот период тема женского образования спросом среди исследователей не пользовалась. В начале тема изучалась только в контексте системы образования в целом, например, в «Очерках по истории начального образования в Рос-

сии» [13] и «Истории педагогики» под редакцией Н. А. Константинова [14]. Историки подчеркивают, что женское образование в дореволюционной России носило классовый характер. Позже появляются работы, в которых предметом исследования является женское образование. Например, В. П. Лапчинская в своем диссертационном исследовании «Возникновение женских гимназий в России и история первых лет их деятельности (Петербург 1858–1866)» обращает внимание на специфику женских учебных заведений [15]. С. А. Сатина издавала свою работу «Образование женщин в дореволюционной России» в США, автор дает характеристику просвещению в Российской империи. Стоит отметить, что исследование лишено идеологической окраски [16].

Однако, в 60–80-е гг. XX в. интерес исследователей к теме женского образования заметно повышается. Причиной тому послужило изменение идеологической направленности в стране. Так, в работе Г. А. Тишкина «Женский вопрос в России в 50–60-х гг. XIX в.» в оборот вводятся новые исторические источники. Большое внимание уделяется формам общественной деятельности женщин, рассмотрено гражданское законодательство, распространение революционных идей и т. д. Автор стремится показать эволюцию женского вопроса в России в связи с историческим контекстом периода, но не проводит параллели с Западом и США. Труд является целостным, а также включает в себя критику предыдущего историографического периода [17]. Монография А. Е. Иванова «Высшая школа России в конце XIX – начале XX века» дает представление о развитии высшего образования в России. Автор уделяет женскому образованию мало внимания и отмечает, что «неравноправие женщин в сфере высшего образования считалось в верхних эшелонах власти, безусловно, естественным», однако условия развития высшего образования описаны подробно [18].

Региональными исследователями история женских образовательных учреждений была не востребована. О ней можно найти упоминания в исследованиях, посвященных отдельным сибирским городам. Так, мы можем найти информацию о сиропитательном доме Е. М. Медведевой и Девичьем институте Восточной Сибири в «Очерках по истории города» Иркутска [19, с. 159]. Также, Н. С. Юрцовский включил главу об истории женского образования в свою работу о просвещении в Сибири. Стоит отметить, что автор приводит сведения о количестве учебных заведений и о социальном составе обучающихся. Исследователь определяет какое историческое значение имело развитие женского образования для сибирского региона [20].

Проблематика трудов советской историографии состоит в отрицании преемственности между учебными заведениями Российской империи и Советской России, обзор смещался на неравноправие и участие женщин в революционном движении. В зависимости о изменений идеологического и политического курса меняется и направленность исследований. При использовании в нашем исследовании упомянутых работ, необходимо учитывать то, что большинство из них написаны с позиций марксистской методологии.

На современном историографическом этапе (1991 – наст. вр.) направленность исследований разнообразна. Например, Т. Б. Котлова включила в свой труд «Социокультурная среда в российском провинциальном городе в конце XIX – начале XX века: гендерный аспект» материалы по предметным программам учреждений, сведения об обязанностях учениц, воспитательные программы и духовно-нравственный аспект. Отдельное внимание уделяется кадровому составу, описан социальный состав учителей, перечислены профессиональные требования, а также приводятся сведения о заработной плате. Преимущества этого исследования выражаются в его широкой источниковой базе и в информации о провинциальных учебных заведениях [21]. Н. Л. Пушкарева в своих исследованиях «Русская женщина: история и современность. (Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой)» [22] и «Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России: невеста, жена, любовница» [23] подробно рассматривает историю изучения «женского вопроса», делает выводы об этапах трансформации роли женщины в России. Е. Н. Марасинова в работе «Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века» пишет о благотворительности как о независимом от государственной власти канале развития женской просветительской деятельности [24]. Т. А. Карченкова [25], Л. П. Костюкевич [26], Т. А. Мельникова [27] в своих работах рассматривают женское освободительное движение. Е. А. Андреева изучает епархиальные женские училища [28], О. Ю. Колпачева [29], Р. Ф. Усачева [30], Е. А. Рыболова [31] дают подробную характеристику средним женским учебным заведениям и т. д., так предметом исследования являются конкретные типы учебных заведений.

Женское образование в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. изучает О. М. Долидович в своем диссертационном исследовании «Женское движение в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.» [32]. Об особенностях в характерах сибирских женщин пишет Б. Е. Андюсев, который утверждает, что патриархальные отношения на территории Сибири были гораздо мягче, чем в центральной России. Так, исследователь пишет о высоком статусе женщин и их непримиримости с ущемлением прав [33]. Работа Н. П. Мешалкина «Женщины Красноярья (на рубеже XIX–XX веков)» представляет собой серию очерков о видных женщинах Енисейской губернии [34]. В рамках диссертации А. С. Ковалева «Реализация социальной политики Советского государства в отношении нетрудоспособного населения Сибири в 1920–1930-х гг.» рассматривается государственная социальная политика в сфере охраны материнства и детства [35]. Образ женщины-крестьянки, ее роль и традиционный быт изучает А. С. Жулаева в монографии «Образ жизни крестьян Восточной Сибири, 1920–1926 гг.: К проблеме соотношения традиций и новаций» [36]. Работы региональных историков особенно важны для нашего исследования, так как они позволяют понять специфику женского образования в Сибири, указывают на особенности национального характера, которые тоже необходимо учитывать.

Также, теме женского образования были посвящены научные конференции. Например, такие конференции проводились в городах Иваново, Тверь, Санкт-Петербург. Результатом их деятельности стали сборники статей, авторы которых проводили исследования в разных регионах, исследуя специфику женского образования на местах [37].

Современная историография данной темы отличается своим многообразием и отсутствием идеологической направленности. Предметом изучения являются не только столичные, но и провинциальные учебные заведения. Однако сведения о современных женских учебных заведениях отсутствуют.

Таким образом, в отечественной историографии существуют исследования, посвященные женскому образованию, отражающие составные части этого социального института. Но, несмотря на это, тема нуждается в систематизации и в обновленном методологическом подходе. Положение женщины трансформировалось на протяжении нескольких столетий. Усилилась их роль в общественно-политической жизни, но этому предшествовал долгий процесс в сфере образования. Без региональных исследований мы не сможем создать целостную концепцию российского женского образования. В 90-е гг. XX в. в России вновь появились Мариинские женские гимназии. В настоящее время в историографии нет труда, который бы освещал проблему женского образования в Восточной Сибири со второй половины XIX в. до наших дней.

Список источников

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. [Электронный ресурс] / Сайт: Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 20.04.2024).
2. Паршина В. Н. Становление системы женского образования в России во второй половине XIX – начале XX века: на материалах Пензенской губернии / В. Н. Паршина Пенза, 2007. URL: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-sistemy-zhenskogo-obrazovaniya-v-rossii-vo-vtoroi-pолоvine-xix-nachale-xx-veka-n>.
3. Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России. (1086–1856) / Е. О. Лихачева. Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 887 с.
4. Малиновский Н. П. Очерки по истории женского среднего образования в России / Н. П. Малиновский // Русская школа. 1914г. № 9–10. С. 23–28.
5. Корф Н. А. Наши педагогические вопросы / Н. А. Корф. М.: «Сотр. шк.» А. К. Залесской, 1882. 410 с.
6. Пирогов Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача / Н. И. Пирогов. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. 606 с.

7. Розанов В. В. Сумерки просвещения / В. В. Розанов. М.: Педагогика, 1990. 620 с.
8. Добролюбов Н. А. Об училищах для девиц в уездных городах / Н. А. Добролюбов. М., 1859. 54 с.
9. Игнатович В. В. Женское образование и женские школы в теории и на практике / В. В. Игнатович. Санкт-Петербург: тип. Ф.С. Сущинского, 1865. 76 с.
10. Деревницкий А. Н. Женское образование в России и за границей. Исторические справки и практические указания / А. Н. Деревницкий. Одесса: тип. Исакович и Бейленсон, 1902. 45 с.
11. Зинченко Н. Е. Женское образование в России / Н. Е. Зинченко. Санкт-Петербург: Комм[ерч]. скор[опеч]., ценз., 1901. 46 с.
12. Бакай Н. Н. К двадцатипятилетию Красноярской женской гимназии 1869–1894 гг. / Н. Н. Бакай. Красноярск: тип. А. Д. Жилина, 1895. 78 с.
13. Константинов Н. А. Очерки по истории начального образования в России / Н. А. Константинов, В. Я. Струминский. М.: Учпедгиз, 1953. 272 с.
14. История педагогики: учебник / Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, М. Ф. Шабаева. М.: Просвещение, 1982. 447 с.
15. Лапчинская В. П. Возникновение женских гимназий в России и история первых лет их деятельности / В. П. Лапчинская. М.: Б.и., 1951. 293 с.
16. Сатина С. А. Образование женщин в дореволюционной России / С. А. Сатина. Нью-Йорк: Б. и., 1966. 152 с.
17. Тишкин Г. А. Женский вопрос в России в 50–60-х гг. XIX в. / Г. А. Тишкин. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.
18. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А. Е. Иванов. М.: Академия наук СССР, 1991. 392 с.
19. Кудрявцев Ф. А. Иркутск. Очерки по истории города / Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. Издательство: Иркутское книжное, 1958 г. 435 с.
20. Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири / Н. С. Юрцовский, Ново-Николаевск: Сиб. обл. гос. изд-во, 1923. 246 с.
21. Котлова Т. Б. Социокультурная среда в российском провинциальном городе в конце XIX – начале XX века: гендерный аспект / Т. Б. Котлова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. 157 с.
22. Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность: два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800–2000: материалы к библиографии / Н. Л. Пушкарева. М.: Ладомир, 2002. 522 с.
23. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.) / Н. Л. Пушкарева. М.: Ладомир, 1997. 381 с.
24. Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века / Е. Н. Марасинова. М.: РОССПЭН, 1999. 299 с.
25. Карченкова Т. А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века / Т. А. Карченкова. Омск, 2004. URL:

<https://www.dissercat.com/content/zhenskii-vopros-v-rossiiskoi-publitsistike-vtoroi-poloviny-xix-veka>.

26. Костюкевич Л. П. Женский вопрос в русской философии и общественной мысли: I половина XIX века / Л.П. Костюкевич. Мурманск, 2003. URL: <https://www.dissercat.com/content/zhenskii-vopros-v-russkoi-filosofii-i-obshchestvennoi-mysli-i-polovina-xix-veka>.

27. Мельникова Т. А. Женское движение в политическом процессе современной России / Т. А. Мельникова. Москва, 2001. URL: <https://www.dissercat.com/content/zhenskoe-dvizhenie-v-politicheskom-protseesse-sovremennoi-rossii>.

28. Андреева Е. А. Возникновение и развитие епархиальных женских училищ в России: Середина XIX – начало XX века / Е. А. Андреева. М., 2000. URL: <https://www.dissercat.com/content/vozniknovenie-i-razvitie-eparkhialnykh-zhenskikh-uchilishch-v-rossii-seredina-khikh-nachalo>.

29. Колпачева О. Ю. Теория и практика патриотического воспитания в школе дореволюционной России / О. Ю. Колпачева. Пятигорск, 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/teoriya-i-praktika-patrioticheskogo-vospitaniya-v-shkole-dorevolutsionnoi-rossii>.

30. Усачева Р. Ф. Формирование системы женского среднего образования в России: 60-е годы XVIII – 60-е годы XIX вв. / Р.Ф. Усачева. Ростов-на-Дону, 1997. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000162941>.

31. Рыболова Е. А. История женских гимназий России во второй половине XIX – начале XX веков (по материалам Московского учебного округа) / Е. А. Рыболова. М., 2004. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_002732547?page=1&rotate=0&theme=white.

32. Долидович О. М. Женское движение в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. / О. М. Долидович. Красноярск, 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/zhenskoe-dvizhenie-v-sibiri-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx-vv>.

33. Андюсев Б. Е. Сибирское краеведение: учеб. пособие для учащихся и студентов / Б. Е. Андюсев. Красноярск : Красноярский педагогический университет им. В. П. Астафьева, 1999. 179 с.

34. Мешалкин П. Н. Женщины Красноярья (на рубеже XIX–XX веков) / П. Н. Мешалкин. Красноярск. СибГТУ, 2005 г. 108 с.

35. Ковалев А. С. Реализация социальной политики Советского государства в отношении нетрудоспособного населения Сибири в 1920–1930-х гг. / А. С. Ковалев. Барнаул, 2016. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01006659466?page=1&rotate=0&theme=white>.

36. Жулаева А. С. Образ жизни крестьян Восточной Сибири, 1920–1926 гг.: К проблеме соотношения традиций и новаций / А. С. Жулаева. Красноярск: СибГТУ, 2005. 161 с.

37. Женщины и российское общество: научно-исторический аспект / Межвуз. сб. науч. тр. Иван. гос. ун-т. // Ред: О. А. Хасбулатова. Иваново: ИвГУ, 1995. 111 с.

С. Т. Гайдин¹, Г. А. Бурмакина²

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет
Красноярск, Россия

РОЛЬ АКАДЕМИИ НАУК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИЗУЧЕНИИ СИБИРИ В XIX В.

Аннотация. В статье рассмотрена роль, организованной Российской Академией наук экспедиции А. Ф. Миддендорфа в исследовании в 1842–1845 гг. Таймырского полуострова, Якутии и Приамурья. На основании опубликованных им отчетов, мы попытались выяснить, какие знания о природе и коренных жителях региона были получены Академией Наук и органами государственного управления.

Ключевые слова: Сибирь, растительность, фауна, климат, коренные народы, традиционная хозяйственная деятельность

Abstract. The article considers the role of the A.F. Middendorf expedition organized by the Russian Academy of Sciences in the study in 1842–1845 of the Taimyr Peninsula, Yakutia and Priamurye. Taimyr Peninsula, Yakutia and Priamurye. On the basis of his published reports, we tried to find out what knowledge about the nature and indigenous people of the region was obtained by the Academy of Sciences and state administration.

Keywords: Siberia, vegetation, fauna, climate, indigenous peoples, traditional economic activities

Император Петр I столкнулся с необходимостью начать изучение Российской империи, которая простиралась на тысячи верст от Балтийского моря до Тихого океана. Эта функция была возложена на созданную им в 1725 г. Российскую Императорскую Академию Наук, в которой в 1739 г. для составления Атласа России был организован Географический департамент.

Следует отметить высокую активность Академии наук в изучении Сибири, которая воспринималась как единое пространство от Урала до Тихого океана. В частности, в 1719–1727 гг. по личному распоряжению императора состоялась экспедиция находившегося на русской службе Даниила Готлиба Мессершмидта, работа которой была отражена в его дневниковых записях. Судя по записям, ученый относился к категории подвижников науки, готовых ради познания преодолевать препятствия, чинимые чиновниками и сибирским климатом. Начало изучению Сибири положили собранные Д. Г. Мессершмидтом и немногочисленными членами его экспедиции сведения о жизни народов Сибири, особенностях животного и растительного мира [1]. Современные ученые высоко оценивают его роль в зарождении сибирской археологии [2].

В 1725 г. по инициативе Петра I была организована Первая Камчатская научная экспедиция Академии Наук, которая исследовала под руководством Витуса Беринга Азиатско-Тихоокеанское побережье России.

Ее работа продолжалась почти шесть лет, из которых дорога из столицы до поселения Охотск, откуда начались исследования, заняла два года. Члены экспедиции провели обследование Анадырского и Авачинского заливов, южных берегов Камчатки, ей принадлежит честь открытия пролива между северо-западной частью России и Северной Америкой.

Успех экспедиции побудил императрицу Анну Иоанновну в апреле 1732 г., поручить В. Берингу продолжить изучение Камчатки, северного побережья России, морских путей в Америку, Японию, выяснить возможности судоходства по Ледовитому океану. Во Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг. под общим руководством В. Беринга участвовало почти 600 человек. Ее можно назвать комплексной, так как в состав экспедиции входили специалисты разных отраслей научных знаний.

Для более полного изучения северного побережья страны были созданы Двинско-Обский, Обско-Енисейский отряд (от Оби до Енисея) и Обско-Енисейский отряд (от Енисея на восток), Ленско-Енисейский, Ленско-Колымский [3]. Нами была рассмотрена деятельность Обско-Енисейского отряда, который под руководством Д.Л. Овцына исследовал возможность выхода из Енисея в Карское море [4].

Проведение экспедиционного исследования Сибири позволило Географическому Департаменту Академии Наук составить «Атлас Российский». Органы государственного Российской империи получили картографическое оформление территории страны и понимание необходимости изучения ее населения и ресурсов.

Эти работы активизировались после того, как в 1758 г. Географический департамент Императорской Академии наук возглавил М. В. Ломоносов, которому принадлежат пророческие слова о том, что величие России будет прирастать Сибирью и Северным океаном.

В истории изучения России и ее Сибирского региона, много славных имен. Мы бы хотели более подробно рассказать о роли Александра Федоровича Миддендорфа в изучении населения и природных ресурсов Енисейского Севера, Якутии, Дальнего Востока. Для понимания его жизненного пути следует сказать, что он родился в 1815 г. в семье обрусевшего немца, известного в педагогических кругах директора столичной гимназии. После окончания медицинского факультета Дерптского университета и двухгодичной стажировки в Германии и Австрии в области зоологии, этнографии, антропологии и геологии он в возрасте 24 лет в 1839 г. получил должность адъюнкт-профессора при кафедре зоологии Киевского университета им. Святого Владимира.

На дальнейшую его судьбу повлияло приглашение известного ученого биолога К. М. Бэра, который еще в 1814 г. окончил медицинский факультет Дерптского университета. В 1837 г. он руководил экспедицией по изучению Новой Земли в Ледовитом океане. В 1840 г. Бэр пригласил молодого преподавателя на летний период в свою Лапландскую экспедицию. Не исключено, что при этом сработали факторы университетского землячества и национальной принадлежности. К. М. Бэр был поражен тру-

долюбием А. Ф. Миддендорфа, увлеченностью процессом познания и способностью переносить тяготы походной жизни. Молодой участник экспедиции за 22 дня на лодке и пешком пересек всю Лапландию, собрал 138 образцов орнитофауны, обширную коллекцию минералов и внес исправления в карты полуострова.

Поэтому при подготовке научной экспедиции на Енисейский Север, в Якутию и на Дальний Восток император Николай I из нескольких кандидатур исследователей на должность ее руководителя по рекомендации К. М. Бэра утвердил А. Ф. Миддендорфа, которому в 1842 г. исполнилось 27 лет.

Исследователи утверждают, что во время подготовки к экспедиции А. Ф. Миддендорф изучил материалы Ленско-Енисейского отряда Великой Северной экспедиции во главе с С. И. Челюскиным и Х. П. Лаптевым, по которым составил карту для прокладки маршрутов своей экспедиции. В состав экспедиции вошли датский лесовод Тор Брандт, слуга Фурман, который должен был выполнять обязанности препаратора, в Сибири к ним присоединился военный топограф В. В. Ваганов [5].

По Московскому тракту члены экспедиции добрались до Красноярска, от губернского центра до Туруханска, а затем до Дудинки члены они добирались на собачьих упряжках по льду Енисея. Их маршрут проходил по рекам Пясине, Хатанге, реке Таймыре до Карского моря. Летом экспедиция изучала бассейн р. Верхней Таймыры и окрестности оз. Таймыр.

Затем экспедиция совершила переход до Якутска, где занималась изучением вечной мерзлоты. От Якутска около двухсот верст она добиралась до с. Амга, от которого в апреле 1844 г. по выючным тропам двинулась в сторону Станового хребта и в конце июня вышла к Удскому (Удинскому) острогу, поставленному на левом берегу Уды при впадении в нее р. Май. Весь июль они не могли выйти в море из-за тяжелой ледовой обстановки. В середине августа после обследования о. Большой Шантар и побережья Охотского моря на лодках двинулись на лодках. Один из безымянных заливов Охотского моря А. Ф. Миддендорф в честь Российской Академии наук назвал заливом Академии.

После высадки на берег путь экспедиции лежал по долинам рек Тугур, Немилен, Керби. Будучи родом из этих мест, могу сказать, что и поныне это территория глухих таежных, плохо проходимых лесов и низинных болот с огромным количеством кровососущих насекомых. Пройдя сотни километров по северному Приамурью, экспедиция вышла к Иркутску откуда по Московскому тракту отправилась в столицу [6].

А. Ф. Миддендорф утверждал, что самым опасным подводным камнем в достоверности отчетов о научных экспедициях являются личные впечатления о пережитых страданиях и опасностях, которые отвлекают читателя от научной стороны дела. Мы считаем, что через эти описания ярче проявляются особенности природы и условия жизни человека. О тяжелейших условиях и подвижничестве ученого говорит описанная им ситуация, когда ему во время болезни пришлось зимой провести в одиночку

18 дней в пещере за Полярным кругом без дров и продуктов питания. А. Ф. Мидендорф писал, что летом члены экспедиции страдали от влажной жары и укусов кровососущих насекомых, зимой их донимали трескучие морозы и ветра. Во влажном климате Дальнего Востока во время морозов кожа на лице трескалась до крови, изморозь от дыхания покрывала лицо, выучным лошадям приходилось очищать ноздри от изморози, чтобы они не задохнулись [7, с. 316].

Размышляя о задачах экспедиции, А. Ф. Мидендорф констатировал, что Сибирь еще недостаточно изучена, ученые не знают о конфигурации таймырских берегов, об островах и населении со стороны полюса. Фауна ими изучена только в прибрежной морской зоне [8].

В опубликованных им итогах экспедиции: «Путешествии на север и восток Сибири», особое внимание было уделено географии и гидрографии, климату, растительности, фауне, жизни коренных жителей, охоте и рыболовству. При чтении книг А. Ф. Мидендорфа поражает его невероятный кругозор и уровень знаний. В своих размышлениях и расчетах он постоянно опирался на данные большого количества российских и зарубежных ученых, сравнивал процессы в разных уголках планеты.

По наблюдениям А. Ф. Мидендорфа у народов Таймыра с его слабозаселенными просторами не возникало конфликтов друг с другом из-за территории и охотничьих угодий, тем не менее, для каждого рода существовали какие-то условные границы, которые они не пересекали. Например, Асинские самоеды не доходили до Карского моря, заявляя, что их туда не пускают белые медведи.

Следует отметить, что наряду с информацией, излагаемой сухим научным языком, ученый использовал обороты, несущие в себе эмоциональные характеристики сибирской природы и жизни. А. Ф. Мидендорф писал, что только оказавшись зимой в тундре, можно понять с какой невыносимой яростью бураны свирепствуют на безлесных сибирских равнинах, когда ветер сбивает с ног и ничего не видно на расстоянии протянутой руки. В безветренную погоду он сравнивал снежную плоскость полярной тундры с необозримым снежным морем [9, с. 365, 367]. Даже при слабом свете солнца на нее было тяжело смотреть из-за высокой отражающей способности снега. Поэтому коренные северяне пользовались специальными очками с узкой горизонтальной прорезью для защиты глаз [7, с. 313].

Характеризуя климат на полуострове Таймыр, ученый утверждал, что нигде в мире климат не действует так враждебно на растительную, животную жизнь и человека, как в Сибири. Ртуть здесь застывает настолько, что ее можно рубить и ковать; железо при ударе рассыпается как стекло; дерево становится крепче железа и не поддается ударам топора; огонь стелется по дереву не в силах воспламенить его; застывшие земля и деревья лопаются с грохотом артиллерийских выстрелов [9, с. 328, 329].

Его поражала способность коренных северян выдерживать стужу. В самые лютые вопросы при горящем в чуме костре они снимали всякую одежду до пояса. Якуты, которые ночевали под открытым небом, сохраня-

ли тепло тела, закрывая не только ноздри, но и уши, то есть укрывались «с головой». Тем не менее с наступлением осени все роды перебирались из тундры в зону тайги, где не было сильных буранов. Расстояния они измеряли в аргишах или количестве дней езды с учетом времени на кормежку оленей [10, с. 664].

А. Ф. Миддендорф писал, что люди вряд ли смогли бы выдержать сибирские морозы, если бы не сухой зимний воздух Таймыра. Если летом воздух здесь отличался высокой влажностью, то зимой он становился настолько сухим, что одежду и обувь не сушили, а оставляли вымораживать на улице.

Ученый во время путешествия изучал распространение вечной мерзлоты на Таймыре, в Якутии и в других местах маршрута экспедиции. Он отмечал, что грунт летом протаивал на небольшую глубину, а если земля была покрыта мхом, то лед практически не таял. Для северных рек было характерно наличие подводного льда, который сохранялся даже в летнее время и огромных зимних наледей из воды, которую мороз выдавливал на поверхность [9, с. 405].

Он был удивлен тем, что древесная растительность на Таймыре доходила до 72° северной широты, хотя по мере движения на север толщина стволов становилась меньше. Деревьев было так мало, что даже небольшой рост численности населения в полярной зоне мог опередить прирост лесов и привести к их исчезновению в районах нынешнего распространения [11, с. 558, 559, 560].

Анализируя распространение фауны на Таймырском полуострове А. Ф. Миддендорф удивлялся, что, несмотря на появление на севере большого количества перелетных птиц, большая часть тундры не только зимой, но и летом представляет собой вымершую пустыню. В майской записи в своем дневнике отметил: «Тундра мертва и пуста; пуста до того, что можно умереть от голода» [7, с. 337].

Ученого интересовала возможность увеличения производства пищевых продуктов за счет выращивания на севере сельскохозяйственных культур. Он выяснил, что русское население, проживавшее севернее Енисейска, традиционно сеяло рожь и овес, которые не каждый год вызревали. Оказалось, что картофель в некоторые годы почти до Туруханска давал клубни размером с грецкий орех. Но для его хранения в избах домах нужны были теплые погреба, в которых крестьяне прежде не испытывали никакой потребности. По утверждению ученого летом 1843 г. туруханский протопоп вырастил в своем огороде огурцы примерно двух дюймов (5 см) длины [11, с. 671, 673, 687]. В приложении к Отделу «Растительность Сибири» А. Е. Миддендорф поместил составленные им таблицы по состоянию хлебопашества в Якутске, Амгинске и Удском (Удинском) остроге в Приамурье.

А. Ф. Миддендорф считал, что если человек является высшим творением природы, то нужно было немедленно начинать изучение каждого самого маленького северного народа, потому что даже на Крайнем Севере

шел быстрый процесс поглощения одних народов другими. В частности, самоеды, по его мнению, появились в результате смешения финских и монгольских племен и наблюдался дальнейший процесс поглощения самоедов зырянами и тунгусами, тунгусов якутами и так далее [10, с. 626, 630, 692]. Из слияния тунгусов и якутов, по мнению тогдашних ученых, на Таймыре сформировался новый народ, получивший название долган.

Несмотря на то, что Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 года, относил северные народы к дикарям, каждый народ, даже в несколько сотен душ, живший в тундре или тайге, имел свой собственный опыт выживания в экстремальных условиях севера. По мнению А. Ф. Миддендорфа, любой высокомерный европеец, оказавшийся в условиях их проживания, вынужден будет перенимать их образ жизни, выработанный в ходе тысячелетней адаптации к природным условиям [10, с. 641].

Причем и «дикарь» и цивилизованный европеец шли разными путями развития, но могли самостоятельно приходить к сходным решениям. А. Ф. Миддендорф писал, что для выработки замши северные мастерицы использовали смесь из желтков яиц морских птиц и оленьего мозга. Но вернувшись из экспедиции, он в научном журнале «*Dinglers polytechnisches journal*» прочитал о разработке инженерами революционной технологии выделки замши за счет использования мозга и желтков яиц [10, с. 641, 643].

Изучая жизнь северных народов, ученый, дал характеристику их традиционных отношений и традиционной хозяйственной деятельности. В частности, описывая Асинских самоедов, он отмечал, что мужчина должен был пасти оленей, охотиться, ловить рыбу, делать деревянную посуду.

Супруга была обязана ставить чум, искать дрова, топить лед, готовить еду на каждый день и на весь зимний период, ухаживать за детьми, выделывать шкуры, шить и ремонтировать одежду. Причем репутация супруги зависела от того насколько добротной и красивой была одежда мужа [10, с. 646].

Эта на первый взгляд, крайне несправедливая система отношений между супругами была выработана у северных народов в экстремальных условиях севера. Мужчину нужно было беречь как кормильца и защитника семьи, потому что его гибель ставила под вопрос существование всей его семьи. В случае, если он брал вторую жену, хозяйственные проблемы решались проще, но с появлением новых детей увеличивалась потребность в продуктах питания и одежде [10, с. 680].

В связи с тем, что орудия охоты и рыболовства, применяемые коренными народами севера, практически не развивались, и добыча пищи требовала больших усилий, А. Ф. Миддендорф считал, что государство должно было позаботиться о доставке на север капканов, больших рыболовных сетей, стрихнина для уничтожения волков, других охотничьих и рыболовных принадлежностей [10, с. 679].

Ученый отметил, что в суровых условиях севера сложилась отшлифованная временем система социальной защиты, построенная на кровно-

родственных отношениях. В частности, по обустройству жизни богатый оленевод, который имел тысячи оленей, почти не отличался от бедного сородича и обязан был содержать его, в случае возникновения крайней нужды. Также в случае удачной охоты одного из членов родового сообщества, добыча делилась на всех сородичей без выделения охотнику особой доли.

Выработанный на протяжении веков северный этикет не допускал присвоения чужого имущества. А. Ф. Миддендорф писал, что оставляя в тундре емкости с алкоголем, он знал, что все останется в сохранности [10, с. 652, 654].

Ученый дал характеристику народов, кочевавших на Таймыре. По его мнению, самыми богатыми из самоедских племен были Авамские самоеды, которые специализировались на оленеводстве и были искусными кузнецами и пользовались железными капканами собственного производства. В отличие от других таймырских родов, они обеспечивали себя продовольствием, практически не приобретая русского хлеба. Но их жизнь, как и всех остальных северян, во многом зависела от распространения эпидемических заболеваний, эпизоотий оленей, удачи в охоте и рыбной ловле, чрезмерного обилия кровососущих насекомых, природных катаклизмов. А. Ф. Миддендорф был удивлен способности самоедов безо всяких приборов ориентироваться в пространстве, правильно прокладывать путь и предсказывать погоду. Эти способности, вероятно, нарабатывались на протяжении тысячелетий и использовались на интуитивном уровне [7, с. 390].

А. Ф. Миддендорф дал описание жизни береговых юраков, которые, как и самоеды, были оленеводами, рыбаками, охотниками и кузнецами. Долгане жили за счет охоты и рыболовства, но по их уверению не охотились на пушных зверей и предпочитали ясак уплачивать деньгами [10, с. 692, 697].

Ученый восхищался тунгусами, которые отличались веселым характером, ловкостью, красивой одеждой, чувством собственного достоинства. Они в поисках добычи, за год проходили не менее одной или двух тысяч верст. Но зимой всегда возвращались в свои родные места в таежной и гористой местности. Благодаря подвижному образу жизни, физической нагрузке с учетом состояния и возможностей организма, тунгусам удавалось сохранять здоровье до преклонных лет и высокую продолжительность жизни. А. Ф. Миддендорф встречал охотников старше 70 лет и слышал рассказы о тех, кто доживал до ста лет [10, с. 701, 705, 727, 778].

Якуты в Енисейской губернии жили небольшими группами в с. Шорохино возле Туруханска и в бассейне рек Хатанги и Анабара. По роду занятий и образу жизни они сближались с русскими поселенцами на Таймыре, которые охотно брали в жены якуток. А. Ф. Миддендорф отмечал такое явление как «оякученность» русских поселенцев.

Якуты, по утверждению ученого, отличались способностью приспосабливаться к обычаям других народов, умениями в ремесле и торговле. Якутских торговцев можно было встретить на огромном пространстве

от Енисея до Тихого океана. Они своей хозяйственной активностью могли влиять на образ жизни других северных народов. В частности, под их влиянием, тунгусы, жившие на р. Алдан, стали заниматься скотоводством [10, с. 759, 760, 767, 784].

Наибольшее чувство сожаления у ученого и путешественника вызвали бахтинские остяки, которые утратили способность самостоятельно обеспечивать себя продовольствием и могли жить только за счет получения хлеба из казенных хлебозапасных магазинов. По мнению А. Ф. Миддендорфа, спасти их род можно было только путем изъятия детей и передачи их в русские семьи [10, с. 659, 660].

Во время экспедиции А. Ф. Миддендорф проводил исследования полуострова Таймыр, территории вокруг Якутска, вдоль Станового хребта, южного побережья Охотского моря, Большого Шантарского острова, Нижнего Приамурья и других районов Восточной Сибири. Он занимался картографированием местности, этнографическими наблюдениями, измерениями пропорций тела представителей разных родов, делал зарисовки людей, жилья, оружия, предметов быта. Он изучал особенности климата, гидрологии, распространения вечной мерзлоты, растительности, сельскохозяйственных культур, составил сборник слов тунгусов, береговых юраков, тавгинских и енисейских самоедов, и пришел к выводу, что русский алфавит не в состоянии передать всю гамму используемых аборигенами звуков [10, с. 619, 621, 622, 624].

Подводя итоги экспедиции, А. Ф. Миддендорф писал, что получил много упреков от правительственных чиновников за медленную обработку экспедиционных материалов и отсутствие рекомендаций для работы на восточных пространствах страны. Но он считал необходимым сделать обработку полученного материала прежде всего для научных целей, ради чего и была организована экспедиция. Ученый признавался, что при обработке материалов у него возникал бесконечный ряд вопросов, на которые у него не было ответов и требовались консультации с российскими и зарубежными специалистами по разным научным направлениям.

По его мнению, настало время для перехода от практики сочинения остроумных идей для объяснения еще не изученных процессов и территорий к организации их постепенного систематического научного изучения. Он считал, что нужно переходить от экспедиционных форм работы к организации стационарных исследований в наиболее важных для страны районах России [11, с. 619]. А. Ф. Миддендорф представляет собой образец академического ученого, подвижника науки, который своим человеческим и научным подвигом создавал условия для познания и развития Сибири как российской территории.

Список источников

1. Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск–Абакан–Красноярск. 1721–1722. Научно-популярное издание. Абакан. ООО «Кооператив. Журналист». 2012 г. 160 с.

2. Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков Сибирской археологии. СПб: ООО «ЭлекСис», 2017. 168 с.

3. Ус Л. Б. Экспедиционная деятельность Академии Наук // Историческая энциклопедия Сибири. 2009.

4. Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. Освоение водных путей Северной части бассейна Енисея в XVII – начале XX века. // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 86–103.

5. Виноградов Ю. В. А. Ф. Миддендорф – исследователь русского севера. К 200-летию со дня рождения А. Ф. Миддендорфа и 170-летию основания Русского Географического Общества. // <https://gpavet.narod.ru/Places/pdf/middendVinogr.pdf>.

6. Махинов А. Н., Антонов А. Л. Путешествие А. Ф. Миддендорфа в 1844 г. по Дальнему Востоку. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/puteshestvie-af-middendorfa-v-1844-godu-po-dalnemu-vostoku>.

7. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отдел V. Сибирская фауна, (окончание). Домашние и упряжные животные, повозки, суда, рыболовство и охота. Санкт-Петербург: тип. Акад. наук 1877.

8. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть 1. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отдел I: География и гидрография. Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1860.

9. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть 1. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отдел III: Климат Сибири. Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1862.

10. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отдел VI. Вып. 7. Коренные жители Сибири. (Окончание всего сочинения). Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1878.

11. Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 1: Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении, Отдел IV: Растительность Сибири. Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1867.

Г. А. Елошкин
Новосибирский государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Аннотация. В настоящем исследовании представлен анализ ранних исследований доколумбового прошлого Южной Америки, предшествовавших развитию на континенте археологии. Актуальным является краткий очерк о научных стереотипах, в контексте которых на рубеже XIX–XX вв. формируется археологическая наука.

Ключевые слова: история науки, история археологии, Южная Америка, Перу, происхождение индейцев

Abstract. This study presents an analysis of early researches of the pre-Columbian past of South America, which preceded the development of archeology on the continent. Significant is a brief essay on scientific stereotypes, in the context of which at the turn of the 19th and 20th centuries. archaeological science is being formed.

Keywords: History of Sciences, History of Archaeology, South America, Peru, Origins of the Indians

«Наука – полководец, а практика – солдаты»
(Леонардо да Винчи)

Одним из итогов Великих географических открытий XV–XVII вв. стало значительное расширение границ известного европейцам мира и встреча с неизвестными, непонятными обществами. За достаточно непродолжительное время привычная картина мира, подкрепленная авторитетом Святого Писания, работами античных авторов и более поздних ученых, перестала соответствовать объективной действительности. Естественными стали попытки систематизации и объяснения новых данных.

Если фиксируемую материальную и духовную культуру коренного (индигенного) населения Нового Света еще можно было описать и как-то интерпретировать, то что делать с вопросами о природе и происхождении индейцев, о их связи с европейскими обществами, о памятниках, которые уже в начале XVI в. считались древними и заброшенными (рис. 1)?

Результатом работы с означенными проблемами стало развитие представлений и гипотез, которые на много веков вошли в научную традицию и продолжали оказывать влияние на исследования археологов и историков даже кон. XIX – нач. XX вв. В значительной мере именно на фундаменте этих ранних гипотез была заложена южноамериканская археология.

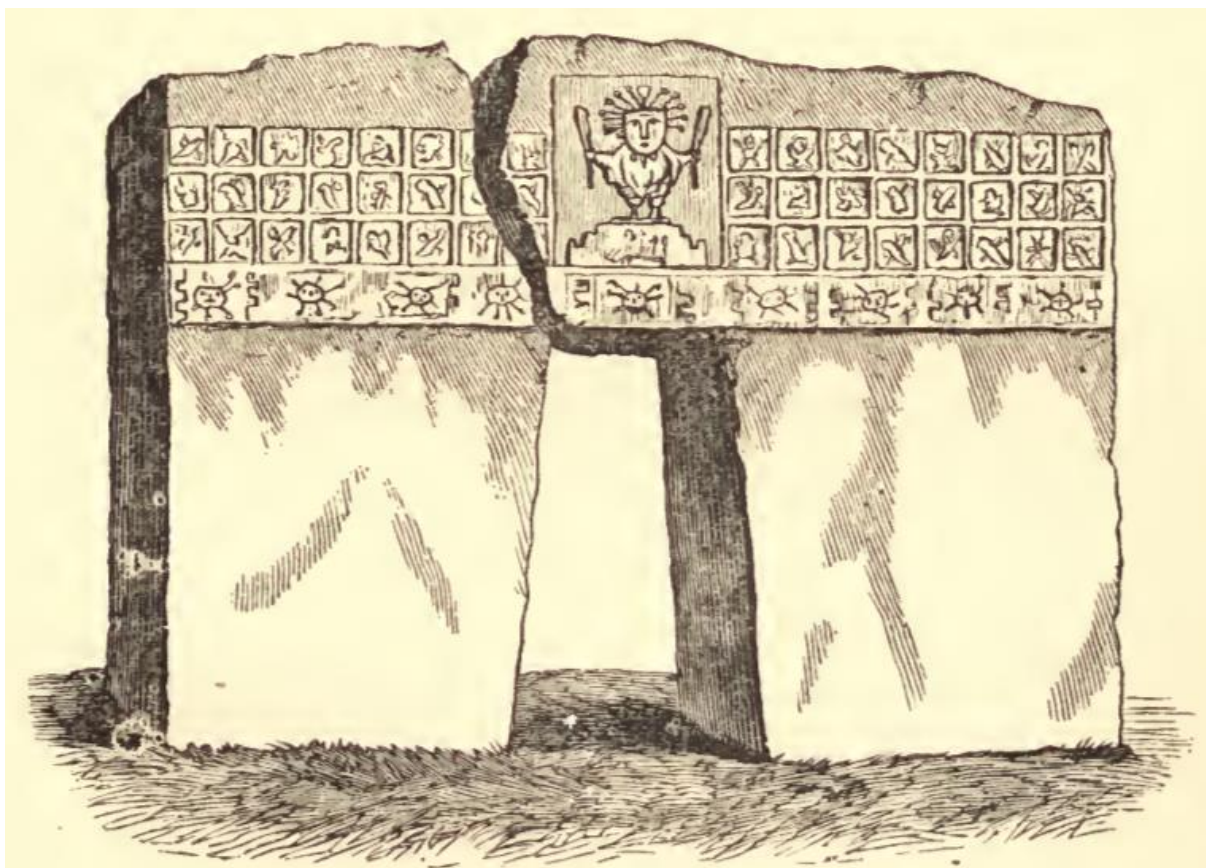

Рис. 1. Ворота Солнца в Тиауанако (по: [11, р. 233])

К настоящему времени установлено, что Южная Америка была заселена около 14,5 тыс. кал. л.н. [1, с. 1131], однако долгое время представления о первых жителях континента характеризовались совершенно иными датировками и самыми неожиданными трактовками происхождения.

Интерес к доиспанскому прошлому начал логически формироваться еще на этапе конкисты и выразился в хрониках, написанных солдатами, миссионерами и представителями новой администрации [2, с. 27–29]. При этом в повествование включались упоминания материалов, которые предшествовали инкам – памятники Чавин-де-Уантар (*Chavín de Huántar*), Пачакамак (*Pachacamac*), Тиауанаку (*Tiwanaku*) и др. Тем не менее, заинтересованность проявлялась исключительно лишь в стремлении получить золото и сокровища инков и их предшественников, как следствие, интенсифицировалось разграбление памятников [3, с. 141–145; 2, с. 30]. Материальная ценность артефактов была важнее, чем историческая и культурная.

В XVIII в., помимо работ священнослужителей, стал формироваться корпус научных исследований по географии, геологии, ботанике, зоологии и этнографии региона. В рамках интереса Французской и Испанской империй к картографированию и описанию Южной Америки была организована франко-испанская экспедиция (1735 г.). По итогу этих исследований в 1746 г. была издана работа «Воспоминания о некоторых древних памятниках Перу» (*Memoire sur Quelques Anciens Monuments du Perou*), в которой представлена самая ранняя археологическая иллюстрация из Нового Света [2, с. 30]. После на континенте работали многие путешественники-

естествоиспытатели и ученые: Л. Фейе (*L. Feuillée*, 1660–1732), А.-Ф. Фрезье (*A.-F. Frezier*, 1682–1773), Ж. Домбэ (*J. Dombey*, 1742–1794), А. де Ульоа (*A. de Ulloa*, 1716–1795), Б. Мартинес де Компаньон (*B. Martinez de Compañon*, 1735–1797), А. фон Гумбольдт (*A. von Humboldt*, 1769–1859) и ряд других. Интенсификация исследований произошла после обретения независимости некоторых стран Латинской Америки от испанской короны в нач. XIX в. [3, с. 145].

Индейское происхождение стало одной из ключевых тем с самого начала контактов европейцев с коренным населением Нового Света. Достаточно быстро она приобрела проблему объяснения связи или ее отсутствия с народами Европы и Азии. Так, в работах швейцарского врача, алхимика и естествоиспытателя Парацельса (*Paracelsus*, 1493–1541) вопрос был сформулирован остро: *«Не очень вероятно, что мы вправе рассматривать их как потомков Адама: что могли бы такие делать на недоступных островах? Кажется более мудрым думать об этих людях как о потомках другого Адама, потому что будет трудно постулировать, что они близки нам по плоти и крови»* [4, с. 64].

Такая радикальная трактовка была характерна не для всех ученых того периода. В первой половине XVI в. францисканский миссионер Бернардино де Саагун (*Bernardino de Sahagún*, 1500–1590) опроверг бытовавшее в то время отнесение коренных американцев к зверям. Гуманных позиций по отношению к ним также придерживался доминиканский монах Бартоломе де Лас Касас (*Bartolomé de las Casas*, 1484–1566), который в своем труде «История Индий» производил индейцев от евреев [4, с. 65].

Вероятно, одними из первых вопросом миграции населения в Новый Свет из Азии задались иезуитский монах Хосе де Акоста (*Jose de Acosta*, 1539–1600), а несколькими десятилетиями позднее – англичанин Эдуард Бреревуд (*Edward Brerewood*, 1565–1613). В 1590 г. Х. де Акоста издал работу «Естественная и моральная история Индий», в первом из семи томов которой высказал предположение, что Старый и Новый Свет где-то имеют географическое сближение, что в древности позволило людям проникнуть в Америку [5, с. 43; 6, с. 14]. Э. Бреревуд отмечал возможное азиатское (монгольское) происхождение индейцев [7, с. 4; 6, с. 14]. Еще ранее об азиатском происхождении, но только гренландских эскимосов, писал К. Холл в 1576 г. [6, с. 14]. Той же линии азиатского генезиса индейцев в XVI–XVII вв. придерживались Антонио де ла Каланча (*Antonio de la Calancha*, 1584–1654), Х. де Грут, И. де Лаэт, Т. Гейдж [6, с. 14–15]. Все же эти гипотезы были лишь одними из многих, при чем не самыми распространенными.

В 1607 г. выходит «*Происхождение индейцев Нового Света и Вест-Индии*» (*Origen de los Indios de el Nuevo Mundo, e Indias Occidentales*) – труд доминиканского монаха Грегорио Гарсиа (*Gregorio García*, 1556/1561–1627), прожившего девять лет в Перу [8, с. 447; 9, с. 9]. В своей книге на основании логики он предположил, что люди, которых *«мы называем индейцами, произошли из одной из трех известных частей света: Европы, Азии и Африки»* [9, с. 15]. В то же время Г. Гарсиа прямо заявляет,

что невозможно, опираясь на науку, установить происхождение коренных американцев, поскольку не имелось никаких свидетельств, откуда они могли прийти, кроме условного представления, что все люди должны были происходить от Адама и Евы [9, с. 18–19].

Подобно своим предшественникам и современникам Г. Гарсия озабочен проблемой происхождения индигенных народов, их принадлежности той же природе, что и обитатели Старого Света. Доминиканский монах исследовал тексты таких авторов как Алексо Венегас (*Alexo Venegas*), Бенито Ариас Монтано (*Benito Arias Montano*), Хуан де Пинеда (*Juan de Pineda*), Томас Малюэнда (*Tomás de Maluenda*), Хосе де Акоста и др. [8, с. 448]. Г. Гарсия приводит существовавшие гипотезы о проникновении индейцев в Новый Свет и дает свои комментарии по каждой из них, опираясь на библейские тексты, работы античных авторов и отцов церкви.

Историк отрицает возможность движения первых индейцев на континент с помощью парусных судов, о чем писали некоторые его предшественники [García, 1607, с. 21–22], как и то, что они могли оказаться в Южной Америке против своей воли из-за шторма (версия Х. де Акоста) [9, с. 63–65]. Также Г. Гарсия приводит гипотезу А. Венегаса о карфагенском (финикийском) происхождении, основанную на свидетельствах Аристотеля о плаваниях карфагенских торговцев за Гибралтар [9, с. 84–86; 10, с. 15]; однако и с этой версией историк не согласен. Вместо этого он настаивает, что коренное население нового континента восходит к 10 потерянными коленам Израиля, при этом евреи сначала должны были достичь Китая, а затем пересечь Тихий океан через пролив и двигаться на юг [9, с. 177–182; 10, с. 8; 11, с. 166–167].

Коренных американцев и евреев Г. Гарсия называет «*похожими и во многом схожими*» [9, с. 192], при этом естественные различия объясняет желанием Бога сделать человеческий род разнообразным, что вместе с влиянием воздуха, природных циклов, воды и еды могло изменить евреев [9, с. 250–251], хотя формулировка интересная, но речи о географическом детерминизме еще нет.

Интересно также то, историк рассматривал версии самих индейцев из разных регионов об их происхождении, для этого собирая рассказы и мифы [9, с. 489–490]. Возникновение древних перуанцев, таким образом, он описывает двумя легендами: первая связана с божеством Виракоча и древним заброшенным городом Тиауанако [9, с. 521–528], а вторая – с богом Пачакамак [9, с. 530–533].

Тем не менее, общее отношение Г. Гарсия к коренным американцам в лучшем случае можно назвать «*невнимательным*» [8, с. 448], а в худшем – он, подобно многим своим современникам смотрел на индейцев с чувством собственного превосходства [7, с. 4; 3, р. 142]. Эта характеристика подходов будет сохраниться и трансформироваться от исследователя к исследователю вплоть до начала XX в. Нередкими являлись фразы: «*Цивилизации суждено истребить их (североамериканских индейцев – Г. Е.), как и диких животных, среди которых они жили и которыми питались*»

[12, с. 29]. Частым было использование эпитетов «дикий», «примитивный», «отсталый», «нецивилизованный», «варварский» в отношении коренных обитателей Нового Света.

Сомнение в возможности автохтонного возникновения развитых обществ и государств в Южной Америке толкало исследователей на выдвижение все новых и новых, но логичных, как им казалось, гипотез. Так, в 1761 г. французский тюрколог Жозеф де Гинь (*Joseph de Guignes*, 1721–1800) по материалам китайских документов предположил, что, перуанская цивилизация происходит из Поднебесной или восточной Индии [10, с. 16]. Позднее, в XIX в., многие авторы находили следы буддийских традиций в культурах Центральной Америки и Перу [10, с. 17–19], а в XVI–XVIII вв. писали о христианском или иудейском следе в местных религиях.

На этой почве непонимания самобытности культуры и нередкого ее пренебрежения в XIX в. получили особое развитие расистские течения и взгляды на индейскую проблему, вокруг которой накапливались различного рода исторические и археологические спекуляции. Среди авторов, работавших в таком псевдонаучном ключе, можно назвать Иосию Приста (*Josiah Priest*, 1788–1861). Он выдвигал множество недоказуемых предположений о происхождении индейцев, в частности, что коренное население Нового Света происходит от римлян. Он находит также доказательства плавания в Южную Америку Александра Македонского, о чем якобы свидетельствуют археологические находки греческого оружия и амфоры недалеко от Монтевидео [13, с. 44–46]. Однако даже И. Прист отмечает параллели между жителями Азии и индейцами Северной Америки, которые должны были, по его мнению, произойти от скифов, которые, в свою очередь, имеют в том числе и еврейские корни [13, с. 55–56]. В его работах множество абсурдных гипотез, вплоть до высказываний идей об «американской колыбели» человечества [14, с. 9], но важно то, что публикации И. Приста пользовались большой популярностью, часто печатались и в целом отражали видение индейской проблемы, которое сложилось у образованного общества Старого Света и Северной Америки.

Стремление вывести развитые цивилизации и население Америк из других регионов казалось оправданным и даже логичным, поскольку только аллохтонное происхождение представлялось единственно возможной версией. На долгое время сохранилось скептическое отношение к возможной древности южноамериканских обществ; утверждалось, что Южную Америку неоднократно посещали выходцы из Старого Света, о чем свидетельствуют «обоснованные доказательства, либо неопровержимые исторические данные, либо выводы из религии, памятников, физического строения и языка народов Нового Света» [10, с. 3]. Не последнюю роль в этом имел сам характер исследований, когда приоритетным считался поиск хорошо сохранившихся антропологических материалов, особенно черепов; либо поиск параллелей традиций в Новом Свете, Европе, Азии и Африке.

Только с началом XIX в. пробуждается научный интерес к доколониальной истории Америк вместе с работами А. фон Гумбольдта, А. де Ульоа и др. [14, с. 4]. Постепенное накопление все большего количества свидетельств по культуре обществ Нового Света приводило к новым течениям в науке, хотя продолжала сохраняться библейская трактовка исторических и археологических материалов [12, с. 5].

Среди новых людей со свежими идеями можно назвать американского натуралиста Константина Самюэля Рафинеска (*C. S. Rafinesque*, 1783–1840). Этот исследователь критиковал поверхностные подходы и методы исследований древних памятников Северной Америки, отмечая их бессистемный характер и даже пренебрежение к ним со стороны исследователей [14, с. 6–7]. Самое главное, что К. С. Рафинеск критикует и отвергает еврейскую версию происхождения коренных американцев, называя ее «абсурдной» [14, с. 7]. Точно также он считает «экстравагантной» гипотезу выведения индейцев из монголов, якобы прибывших на континент менее тысячи лет назад [14, с. 8].

Для устранения существующих спекуляций и для выяснения происхождения коренного населения Нового Света К. С. Рафинеск предлагает в первую очередь классифицировать археологические памятники континентов либо на основе их «*стилей, форм и материалов*», либо на основе предполагаемого применения [14, с. 12]. Тем не менее даже это разумное предприятие оказывается снивелировано тем, что К. С. Рафинеск находит истоки архитектуры Северной и Южной Америки то в древнейших сооружениях Европы, то Восточной Азии, приводя при этом языковое родство коренного населения Америк с народами Старого Света [14, с. 16].

В конечном счете специалист выделяет две крупнейшие древние «нации» Нового Света: 1) аруаки (*Aruac*) от Гаити и Флориды до Патагонии, которые по языку «*родственны древним грекам, итальянцам и испанцам, или, скорее, их предкам*»; 2) более цивилизованное население Северной и Центральной Америки, а также Перу, их языки он связывает с Центральной Азией, Кавказом, иллирийцами, славянами, а также с некоторыми африканскими регионами [14, с. 27].

Тем не менее это уже вполне осознанный шаг в сторону от подходов прошлых веков и попытка обозначить существующие в американской доистории проблемы.

Одним из продолжений этого нового течения стала гипотеза, что доколумбовые культуры от Мексики до Перу имеют общее происхождение. Джон Делафилд (*John Delafield*, 1812–1866) отмечает, что этот регион был заселен одной «*семьей*» народов, которая под влиянием локальных климатических факторов менялась, разделяясь на племена и народы [12, с. 16–20]. Этот исследователь также связывает американские языки с азиатскими (монгольскими), хотя и приводит часто методологически неверные примеры (связывает название синтоистских божеств, *ками*, со словами *камак* и *Пачакамак*) [12, с. 24–27]. В то же время нехватка эмпирических данных и неточность методологии, которая была характерна для науки начала

XIX в. были причиной того, что выдвигались неожиданные интерпретации известных материалов.

Опираясь на множество лингвистических, физиологических, мифологических и архитектурных (в первую очередь пирамиды и платформы) аналогий от Египта до Перу, Д. Делафилд предполагает, что они свидетельствуют о единстве происхождения цивилизаций на столь обширном географическом пространстве [12, с. 65–67]. Это происхождение он связывает с «*гением*» некой неизвестной расы (позднее ставшей монголоидной), пришедшей из Южной Азии и постоянно двигавшейся на север и далее на восток через Сибирь, оставляя за собой архитектурные сооружения, астрономические и религиозные представления, иероглифическую письменность и прочее [12, с. 86–92]. В подобных интерпретациях различных географически удаленных совпадений не видел смысла еще А. фон Гумбольдт, заверяя, что они могут быть следами «*древних традиций*», которые предшествовали современным обществам и присутствуют теперь почти во всем мире [12, с. 8].

Первая половина XIX в. связана с деятельностью перуанского ученого М. Э. Риверо-и-Устарис (M. E. Rivero y Ustariz, 1798–1857), который в 1836 г. основал первый Музей естественной истории (*Museo de Historia Natural*) [2, с. 36]. Вместе с Й. Я. фон Чуди (J. J. von Tschudi, 1818–1889), который проводил исследования в Перу с 1838 по 1842 гг., М. Э. Риверо-и-Устарис в 1851 г. напечатал труд «Перуанские древности» («*Antigüedades peruanas*») [10, 1851], где представлены описания, рисунки и планы археологических памятников [2, с. 36–37]. В этой книге вновь резюмируются основные гипотезы появления индейцев, хотя более подробная работа с комментариями в этом направлении по отдельности друг от друга была произведена несколько позднее американцами Сэмюэлем Грисволдом Гудричем (S. G. Goodrich, 1793–1860) и Джоном Денисоном Болдуином (J. D. Baldwin, 1809–1883).

Удачные попытки найти связь индейцев с евреями через языковое сходство С. Г. Гудрич объясняет либо случайными и общими для всех языков закономерностями, либо предвзятостью самих исследователей и их незнанием индейских языков [15, с. 11]. Еврейская гипотеза больше не устраивала исследователей и не могла объяснить происхождение индигенных народов.

К финикийской гипотезе также переставали обращаться как к не имеющей никаких подтверждений [11, с. 171–173]. Помимо нее в литературе фигурирует идея о том, что Европа и Америка были соединены сушей в том месте, где сейчас находится Атлантический океан, и миграция произошла до разделения континентов [15, с. 13]. Чем-то похожим на эту концепцию были работы историка и майяниста Брассер де Бурбура (*Brasseur de Bourbourg*, 1814–1874), который с 1860-х гг. предполагал происхождение культуры майя из Атлантиды. Более того, из-за расположения этого мифического острова в Атлантическом океане, по мнению де Бурбура,

в древности частыми были контакты Египта и Европы с Центральной и Южной Америкой [11, с. 173–178]. Правда, мало кто принял эту гипотезу.

Не менее «фантастической» версией С. Г. Гудрич считает миграцию валлийцев из Уэльса около 1170 г. [15, с. 12–13]. Наконец, достаточно популярной была идея о малийском происхождении коренных американцев, но отсутствие явных на то свидетельств заставляло сомневаться, что они могли создать южноамериканские цивилизации, хотя на факте кратковременных плаваний малайцев, японцев и китайцев в Новый Свет настаивал Д. Д. Болдуин [11, с. 167–171].

Как видно из изложенного, происхождением коренного населения Южной Америки редко занимались профессионалы, почти никогда это не были серьезные исследования [11, с. 165]. Очень долго христианская трактовка оказывала решающее значение в вопросах истории. Только с развитием эволюционизма [4, с. 162–164] и диффузионизма [7, с. 19] чаще звучат сомнения в ранних гипотезах о происхождении индигенных народов. Хотя сами по себе идеи о развитии биологических видов (об эволюции одним из первых писал К. С. Рафинеск) и человека (в том числе об изменениях людей в Южной Америке) выдвигались и ранее, даже звучали формулировки в рамках чего-то похожего на «наивный географический детерминизм», однако лишь со второй половины XIX в. научные исследования приобретают более системный характер, а получаемые в результате теории уже казались менее абсурдными.

Д. Д. Болдуин, будучи сторонником дарвинизма, не принимает библейские датировки появления человека, считая, что как сам человеческий вид, так и культуры древнее, чем несколько тысячелетий [11, с. 181]. Самым правдоподобным сценарием проникновения людей в Новый Свет стала североазиатская теория и миграция через Берингов пролив [15, с. 13–14; 11, с. 185]. Наконец, был признан факт уникальности центально- и южноамериканских памятников; найти им аналогии или тем более предшественников в Азии или Европе оказалось невозможно, что логически заставляло думать о их автохтонном происхождении [11, с. 184]. Даже в этом случае древность в несколько тысячелетий южноамериканских обществ казалась невозможной.

Формирование первых гипотез происхождения индигенных народов Южной Америки было естественным результатом развития контактов европейцев с этими новыми для них обществами. Изначальное непонимание и отрицание их человеческой природы достаточно быстро сменилось попытками объяснения генезиса американских индейцев с помощью единственно верного на тот момент инструмента – апелляции к более ранним письменным источникам (Библия, античные и средневековые труды). Зарождающаяся антропологическая наука, еще не обладающая ни методологическим аппаратом, ни даже пониманием цели и задач своих исследований, тем не менее, была направлена на сбор, систематизацию и интерпретацию информации о природе, материальной и духовной культуре народов.

Время и практика стали тем, что постепенно меняло и дополняло существующие научные парадигмы. Общее развитие науки и «выход на сцену» археологии начал смещать ориентиры исследователей – если ранее изучение индигенных народов сводилось к их этнографическому описанию и объяснению через различные умозрительные гипотезы, то уже в первой половине XIX в. начинаются ограниченные раскопки [10, с. 1–2] (хотя первые несистематические попытки были предприняты епископом Мартинесом де Компаньоном в 1780-х гг.) [2, с. 31]. Тем не менее, этот первый этап развития археологии до 1890-х гг. был в целом допрофессиональным [3, 145], акцент на эстетически выразительных артефактах и хорошо сохранившихся антропологических остатках сильно ограничивал возможности изучения проблем происхождения коренных американцев. Следующий шаг в процессе развития новых теорий были сделаны лишь на рубеже веков и связаны в том числе с работами Алеша Хрдличка (*Aleš Hrdlička*, 1869–1943).

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 24-28-00003.

Список источников

1. Nakatsuka, N., Lazaridis, I., Barbieri, C., Skoglund, P., Rohland, N., Mallick, S., Posth, C., Harkins-Kinkaid, K., Ferry, M., Harney, É., Michel, M., Stewardson, K., Novak-Forst, J., Capriles, J. M., Durruty, M. A., Álvarez, K. A., Beresford-Jones, D. G., Burger, R., Cadwallader, L., Fujita, R., Isla, J., Lau, G., Aguirre, C. L., LeBlanc, S., Maldonado, S. C., Meddens, F., Messineo, P. G., Culleton, B. J., Harper, T. K., Quilter, J. et al. A Paleogenomic Reconstruction of the Deep Population History of the Andes // *Cell*. 2020. No. 181 (5). P. 1 131–1 145. DOI: 10.1016/j.cell.2020.04.015.
2. Tantaleán H. Una Historia de la Arqueología Peruana. Lima: Universidad San Francisco de Quito, 2016. 308 p.
3. Herrera A. ¿Arqueología indígena en el Perú? // *Pueblos indígenas y arqueología en América Latina* / C. Gnecco, P.A. Rocabado. Bogotá: CESO, Facultad de ciencias sociales, Universidad de los Andes, 2010. P. 137–160.
4. Клейн Л. С. История антропологических учений / Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. 744 с.
5. Александренков Э. Г. Испанские сведения об аборигенах Америки конца XV–XVI вв. // *Источники по этнической истории аборигенного населения Америки* / Э. Г. Александренков, А. А. Истомин. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 6–57.
6. Слободин С. Б. Гипотезы о миграциях в Берингии в исследованиях XVI–XIX веков // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2001. № 4(8). С. 13–20.
7. Гнесь А. А. Первые американцы: диалоги старого и нового света / А. В. Табарев. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 123 с.

8. Guibovich Pérez P.M. García, Gregorio. Origen de los indios del nuevo mundo e indias occidentales // Bulletin de l'Institut français d'études andines. 2007. No. 36(3). P. 447–449. DOI: 10.4000/bifea.3729.

9. García G. Origen de los Indios de el Nuevo Mundo, e Indias Occidentales. Valencia: casa de Pedro Patricio Mey, junto a San Martin, 1607. 535 p.

10. Rivero y Ustariz M. E., Tschudi J. D. Antigüedades peruanas. Viena: Imprenta Imperial de la corte y del estado, 1851. 328 p.

11. Baldwin J. D. Ancient America, in Notes on American Archaeology. New York: Harper & brothers, 1871. 299 p.

12. Delafield J. An inquiry into the origin of the antiquities of America. Cincinnati: N.G. Burgess & Co., 1839. 142 p.

13. Priest J. American Antiquities, and Discoveries in the West: Being an Exhibition of the Evidence that an Ancient Population of Partially Civilized Nations, Differing Entirely from those Indians, Peopled America, Many Centuries before its Discovery by Columbus. Albany: Printed by Hoffman and White, 1833. 365 p.

14. Rafinesque C.S. The American Monuments of North and South America. Philadelphia; printed by C.S. Rafinesque, 1838. 28 p.

15. Goodrich S.G. History of the Indians of North and South America. Boston: Published by Geo. C. Rand, Cornhill. Wm. J. Reynolds and Company, 1855. 320 p.

Л. М. Дамешек¹, И. Л. Дамешек²

¹ Байкальский государственный университет,

² Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИМПЕРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА В РОССИИ В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. На примере политики имперского регионализма рассматриваются развитие основных концепций отечественной и зарубежной историографии изучения окраинной политики российской империи на протяжении XIX–XXI вв., ее особенности и значение для устойчивого развития империи как политической системы. При этом основное внимание уделяется Азиатской России.

Ключевые слова: Россия, империя, окраины, Сибирь, регионализм, политика, отечественная и зарубежная историография

Abstract. Using the example of the policy of imperial regionalism, the development of the basic concepts of domestic and foreign historiography of the study of the outskirts of the politics of the Russian empire during the 19th–21st centuries, its features and significance for the sustainable development of the empire as a political system are considered. At the same time, the main attention is paid to Asian Russia.

Keywords: Russia, empire, outskirts, Siberia, regionalism, politics, domestic and foreign historiography

На территории Российской империи исторически сложилось несколько типов управления окраинами. Поэтому изучение как концептуальных, так и частных вопросов окраинной политики требует регионального измерения. Присоединение Сибири к России является выдающимися событием отечественной истории XVII в. Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией [1, с. 383]. Дальнейшее взаимоотношения центра и вновь присоединенных восточных территорий определялось характером присоединения этих земель к России. Отечественные и зарубежные исследователи истории России едины в том мнении, что отмеченное обстоятельство выступало весьма весомым аргументом при выстраивании политики центра на окраинах государства [2, с. 30]. Разделяя точку зрения датского историка О. Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер колонизации» [3, с. 134], следует отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о сочетании методов колонизации, как освоения пустопорожних земель, и прямой экспансии, под которой авторы понимают захват чужой территории. Признание неоднородности империи выдвигает перед историописателями требование

дифференцированного подхода к изучению и оценке окраинной политики империи, ее многофакторности и многоплановости, которая в последнее время все чаще характеризуется исследователями, как политика «имперского регионализма» [4]. Данное понятие охватывает важные сферы региональной политики – от имперской идеологии и практики в региональном измерении до установлении внутренних и внешних границ региона, динамики административного устройства и управленческой деятельности внутри конкретного территориального пространства. Одной из российской окраин, которая традиционно обращала на себя внимание как имперских властей, так и исследователей, являлась Сибирь. Исследовательский интерес российских историков к проблеме имперской политики на востоке страны фокусируется вокруг четырех основных вопросов: административные реформы М. М. Сперанского; управление коренными народами Сибири; аграрная политика; управление каторгой и ссылкой. В историю российской юридической науки и практики Сперанский вошел как инициатор кодификации законов империи. Между тем многие поколения сибиряков чтят память Сперанского не только как составителя Свода и Полного собрания законов Российской империи, а прежде всего, как сибирского генерал-губернатора. Генерал-губернаторство Сперанского в Сибири было кратковременным, но впечатляющим по результатам. Сперанский управлял Сибирью в течение трех лет, с 1819 по 1822 гг., из которых почти два года он провел непосредственно за Уралом. За этот короткий срок он произвел «обозрение» огромного края и ревизию его управления, составил для правительства содержательный отчет и подготовил обширные законодательные предложения. Отчет Сперанского и его проекты обсуждались в Сибирском Комитете и после утверждения императором вылились в «Учреждение для управления Сибирских губерний» и ряд сопутствующих ему «Уставов». Сибирские реформы 1822 г. стали первым опытом комплексного регионального законодательства империи, основанного на геополитических особенностях Азиатской России. Они на длительный период определили структуру сибирской администрации и особенности местного управления, оформили правительственную политику в отношении коренного населения Сибири, оказали влияние на многие стороны жизни края. В отдельных частях законодательство 1822 г. сохраняло в Сибири силу до начала XX столетия. Именно этим объясняется интерес отечественной историографии к сибирским реформам М. М. Сперанского, которые в современной историографии все чаще оцениваются как процесс становления политики имперского регионализма в России [4].

Зарубежная русистика накопила солидный массив исследований на тему империи. [5–11] В числе фундаментальных исследований следует отметить монографию английского ученого П. Кеннеди, в которой принят детальный компаративный анализ великих держав, поочередно выдвигавшихся на первый план истории [12]. Сравнительному анализу империи была посвящена конференция, организованная московским отделением Института «Открытое общество» (фонд Сороса) совместно с исто-

рическим факультетом Центрально-Европейского университета и Институтом Всеобщей истории РАН. Это была серьезная попытка обсуждения проблем исторической компаративистики в изучении истории империй. В фокусе докладов и дискуссий конференции находились история Британской, Испанской, Германской, Габсбургской, Российской и Османской империй. А. Капеллер в докладе отметил, что Российская империя складывалась как «составное государство» и в этом смысле она может быть сравнена с другими континентальными империями, которые также отличались существенным разнообразием внутреннего устройства и наличием механизма непрямого управления. Доклады В. Кантора и А. Давидсона показали, что каждая империя имеет ряд системных признаков. Это сакральный характер власти, постоянное территориальное расширение (экспансия), наличие центра и периферии, окраин, провинций, либо метрополии и колоний, полиэтничность и существование титульной нации, которая, зачастую в численном отношении уступает всем остальным. Одним из важных атрибутов империи является общая идеология [13, 14].

Направление так называемой «институциональной» истории в зарубежной русистике было предпринято в 1973 г. Джорджем Йени [15]. Автор успешно справился с поставленной им самой задачей – «дать портрет царской администрации» во временном промежутке двух веков. Книга Ричарда Роббинса [16] исследует институт губернаторов. Автор рассматривает и определяет специфику функционирования данного института, взаимоотношения его представителей с чиновниками центральной и местной администрации. Отличительной чертой работы являются «портреты» 53 императорских наместников, приведенные им на фоне широкого исторического контекста. М. Раев одну из своих работ посвятил модели имперской политики России [17]. От отмечает, что для российской национальной политики было характерно игнорирование особенностей национального сознания присоединенных народов, учитывались только юридические формы.

Для выяснения специфических особенностей российской империи западные исследователи используют сравнительно-исторический метод. А. Рибер создает общую типологию фронтиров евразийских империй, анализирует их общие черты, подчеркивая при этом значение фронтиров в формировании государственных границ и идеологии метрополии [18]. Институт генерал-губернаторов стал предметом исследования американского историка Джона ЛеДонна [19], отметившего, что генерал-губернаторы являлись посредниками между центром и периферией, а также между разными этническими группами в периферийных регионах. Проблема осознания современниками этнического многообразия империи и меры по ассимиляции нерусских народов рассматривается в монографии Р. Джераси [20]. Исследование профессора Токийского университета К. Мацузато основывается на комплексной методике, объединяющей геополитический, социально-управленческий и ментально-географический подходы и посвящено анализу административной комбинации Н. Н. Мура-

вьева-Амурского на дальнем Востоке и реализации этих планов в конце XIX в.

В постсоветской историографии Сибири 1990-х – 2010-х гг. проблемы окраинной политики империи: взаимоотношения центра и периферии, русского и иных этносов в рамках единого государства и единой политической системы, властного освоения и административной конфигурации региона занимают важное место. Основной целью региональной имперской политики, по мнению А. В. Ремнева [21–24], Н. П. Матхановой [25–27], а также авторов настоящей публикации (Дамешек Л. М. и И. Л.) [28–30], была инкорпорация окраин в империю. Осуществлялась эта политика разными способами. Геополитические интересы постоянно вели Россию на Восток. «Сибирский вопрос» в Российской империи был в значительной мере лишь частным случаем окраинной политики, принципы и методы которой во многом зависели от господствовавших в то или иное время взглядов на природу взаимоотношений центра и регионов. По мнению современных сибиреведов, заметное влияние на региональную политику оказывали западные теоретические конструкции и опыт управления. Самодержавие постоянно находилось перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить регионам некоторую административную автономию. Отдельные регионы в силу их специфики представляли разные варианты протекания имперских процессов. Представителями современной отечественной и зарубежной историографии достигнуты определенные успехи в изучении имперской окраинной политики в отдельных регионах России. Обобщающие монографии, посвященные имперской политике на окраинах страны, в конечном итоге представляют систематизацию уже известного материала, который нуждается в существенном дополнении новыми источниками. Фактическое отсутствие компаративных исследований крайне затрудняет выяснение общих принципов и факторов, оказывавших на окраинную политику определяющее влияние.

Современные исследователи имперской политики и империи на протяжении фактически четверти века пытаются осмыслить империю как феномен российской государственности. В работах, вышедших в XXI в., акценты смещаются от центра к периферии, а проблемы управления империей рассматриваются через призму народов, населявших окраины и подвергшихся активной интеграции в единое имперское административное пространство. Работы последних лет свободны от идеологических штампов, что способствует активному сотрудничеству исследователей в рамках совместных проектов.

Список источников

1. Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991. 481 с.
2. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999. 548 с.

3. Кристенсен С. История России XVII в.: обзор исследований и источников. М.: Прогресс, 1989. 256 с.

4. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Перцева Т. А. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск: ИГУ, 2017. 339 с. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. М. М. Сперанский: замыслы и уроки сибирской реформы 1822 г. Иркутск: ИГУ, 2022. 183 с. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирский регионализм М. М. Сперанского в оценке русской историографии XIX–XX вв. // Историческая школа Иркутского государственного университета: традиции и современность. Альманах. Вып. 1. Иркутск: ИГУ. С. 210–225.

5. Fieldhouse D. K. The colonial empires: a comparative survey from the eighteenth century. London, 1966.

6. Colonialism, 1870–1945: an introduction. London, 1981.

7. The theory of capitalist imperialism (Problems and perspectives in history). London, 1974.

8. Unilever overseas: the anatomy of a multinational, 1895–1965. London, 1978.

9. Hobsbawm E. J. The age of empire, 1875–1914. London, 1987.

10. Darwin J. Britain and decolonization. The retreat from empire in the Post-war world. Basingstoke, 1988.

11. Porter A. N. British imperial policy and decolonization, 1938–1964, 2 vol. Basingstoke, 1987–1989.

12. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. London, 1988, p. 16, 232, 490, 514.

13. Кантор В. От русской империи к националистической деспотии. Становление Российской империи, ее пафос // Материалы международной конференции История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании. М., 7–9 июня 2003 г. www.empires.ru.

14. Давидсон А. Историк в постимперском пространстве // Материалы международной конференции История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании. Москва, 7–9 июня 2003 г. www.empires.ru.

15. Yaney G. L. The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana; Chicago: University of Illinois. Press, 1973. 430 p.

16. Robbins R. G., jr. The tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire [Richard G. Robbins] on Amazon.com. ... 1st edition (December 1, 1987). Language: English.

17. Raeff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities // Soviet nationality problems / Ed. by Allworth E. New. York, 1971. P. 22–42.

18. Rieber A. Approaches to empire // От мира империи к глобализации. Саратов, 2002. С.117–138.

19. LeDonne J. Frontier governor general 1772–1825. I. Western frontier // Jb. Fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden. 1999. Bd 47, H.I. P. 56-88; II. The Southern frontier // Ibid. Wiesbaden, 2000. Bd 48, H.2. P.161-183; III. The Eastern frontier // Ibid. Bd 48, H.3. P. 321–340.

20. Geraci R. Window on the East: National and imperial identities in late tsarist Russia. Ithaca, 2001. XVI, 378 p.
21. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: ОмГУ, 1995. 236 с.
22. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск: ОмГУ, 1997. 253 с.
23. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: ОмГУ, 2004. 548 с.
24. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: ОмГУ, 2015. 577 с.
25. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск: СО РАН, 1998. 422 с. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Матханова Н. П. Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавием и пользы государства»: М. М. Сперанский, Н. Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские генерал-губернаторы. Иркутск: Оттиск, 2020. 339 с.
26. Матханова Н. П. Высшая сибирская администрация Восточной Сибири в середине XIX века: проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 255 с.
27. Матханова Н. П. Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». Иркутск: ИГУ, 2016. № 15. С. 22–30.
28. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 456 с. Дамешек Л. М. Этнический фактор окраинной политиков в региональном измерении: сибирский вариант (XVIII–XX вв.). Иркутск: ИГУ, 2022. 179 с.
29. Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск, 2005. 264 с.
30. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 88–93.

А. А. Селиванова
Енисейский педагогический колледж
Енисейск, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. НА ПРИМЕРЕ УЕЗДНОГО Г. ЕНИСЕЙСКА

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты формирования исторического знания в дореволюционной России на примере гимназий уездного Енисейска конца XIX – начало XX вв.. В исследовании автор опирается на анализ учебных пособий, книг, учебников по изучению Всеобщей и Отечественной истории исследуемого периода. Делает вывод о значимости накопленного опыта дореволюционной школы в историческом образовании молодого поколения.

Ключевые слова: *Енисейск, гимназия, историческое знание, преподавание гуманитарных дисциплин*

Abstract. The article examines the aspects of the formation of historical knowledge in pre-revolutionary Russia on the example of the gymnasiums of the district city of Yeniseisk in the late XIX – early XX centuries.. In the study, the author relies on the analysis of textbooks, books, textbooks on the study of Universal and National history of the period under study. Concludes on the importance of the accumulated experience of the pre-revolutionary school in the historical education of the younger generation.

Keywords: *Yeniseisk, gymnasium, historical knowledge, teaching humanities*

Проводимые в России реформы во второй половине XIX в. оказали влияние на все стороны общественной жизни в Сибири, в том числе на становление системы образования в провинциальных городах.

Енисейск во второй половине XIX в. являлся уездным городом Енисейской губернии, где активно шло развитие коммерческой деятельности и предпринимательства в связи с развитием золотодобычи. Городскую общественность в большей степени представляло купеческое и мещанское сословие, которое нуждалось в образовании для ведения производства и торговли. Зажиточное население города стремилось подражать светскому обществу губернии и популяризировало образование как необходимость для успешной карьеры и профессионального роста своих детей. Хорошим тоном семейного воспитания считалось приобщение молодых людей к получению не только начального, но среднего и высшего образования. Такую возможность давало наличие образовательных учреждений в самом городе, так как его отдаленность от губернского центра и от крупных городов России не позволяло родителям отпускать детей «от себя» на учебу. В купеческих и мещанских семьях, которые в большей степени были заинтересованы в образовании своих детей, принято было приобщать

их к делу с раннего возраста, дети должны были находиться рядом с родителями и учиться, при этом постигая их опыт в ведении хозяйства.

Благодаря ходатайству общественности и городского самоуправления к губернатору, в Енисейске были открыты ряд учреждений начального образования, это приходские и разрядные уездные училища для мальчиков и одно для девочек [12, с. 352]. Поступление в высшее заведение было возможно только после окончания гимназии, которые относились к **средним образовательным учреждениям** в России XIX в..

Реформа гимназий и прогимназий по Уставу 1864 г., проводимая правительством, учреждала два типа гимназий – классическая и реальная – с семилетним сроком обучения в них. Первые – с двумя древними языками и одним новым (по выбору), вторые – без древних языков, но с усиленным преподаванием естествознания, математики, физики и двух новых языков [16]. Другие предметы (закон Божий, русский язык, литература, история, география) преподавались в равном объеме. Кроме того, педсовет каждой гимназии получал право рассматривать и одобрять программы и учебники. По желанию ученики могли заниматься гимнастикой, пением и др. Главным достоинством гимназий было то, что поступить туда мог тот, кто был способен оплачивать обучение. Окончив классическую гимназию, выпускники поступали в университет без экзаменов, а после окончания реальной гимназии выпускников принимали в специальные учебные заведения или на физико-математический факультет университета.

По новому уставу гимназий и прогимназий (1871) устанавливается один тип гимназии – классическая, где в основном преобладало гуманитарное образование [16]. Данная направленность гимназического образования, заданная уставом 1871 г., сохранилась вплоть до 1917 г.

В Приенисейском регионе первые прогимназии были открыты в губернском центре Красноярске, затем они появились в Енисейске. **С большим упорством** общественность города, а именно **представители купеческих династий С. А. Баландин, Н. Н. Дементьев, П. И. Кытманов**, делала все необходимое, чтобы в городе появились возможность получения среднего образования [6, л. 48].

В конце XIX в., в городе работали две классических гимназии, так как они были образованы после принятия устава 1871 г.. В 1876 г. – 6-и классная мужская прогимназия, которая с открытием 7 класса была преобразована в гимназию. В 1881 г. в женской прогимназии то же был открыт 7 класс, и в Енисейск появляется первое женское среднее учебное заведение. В 1885 г. оно было в очередной раз преобразовано в полную среднюю школу, где открылся 8-й класс – педагогический [7, с. 103].

Следовательно, в исследуемый период в Енисейске существовали мужская и женская гимназии, отвечающие требованиям **средних учебных заведений России XIX в.** по уставу 1871 г.. Гимназии имели собственные каменные здания, построенные купцами – благотворителями: И. П. Кытмановым, В. М. Харченко, М. М. Бородкиным [5, л. 5]. Попечительские советы гимназий заботились об обеспечении образовательного процесса,

при гимназиях были открыты библиотеки, например, в 1882 г. в женской гимназии в библиотеке находилось 400 томов книг [4, л. 5], закупались учебники, выплачивалось жалование учителям, приглашенным для преподавания, например, латинского языка. Преподавались такие предметы как: Закон Божий, русский язык с церковно-славянским и словесность, латинский язык, всеобщая и русская история, и география, математика, немецкий, французский языки. Дополнительно чистописание, рисование, рукоделие в женской гимназии. Философская пропедевтика, гимнастика в мужской гимназии [2, л. 3–5].

В качестве основных гуманитарных дисциплин, оказавших влияние на становление исторического сознания гимназистов, были: Всеобщая и Отечественная история, отечественная словесность, древние языки с фрагментами чтения исторических источников, Закон Божий, современные иностранные языки, география [1, с. 23].

Одним из значимых предметов гуманитарного цикла была история. Формированию исторического знания уделялось особое внимание, так как процесс обучения истории имел значение для осознания величия Российской империи, изучение исторического прошлого должно было дать примеры подражания молодому поколению. Исторические знания являлись необходимым элементом для самоидентификации. Важно было изучать опыт народов, культур в биографиях представителей этих народов, их достижениях, подвигах. Именно на уроках истории должны были формироваться моральные и общественные установки о преданности монархии и христианской нравственности. Характерной чертой исторического образования в дореволюционной России была его воспитательная направленность в духе государствоцентризма [8, с. 34]. Большое внимание уделялось формированию национального сознания молодежи.

Число уроков истории в неделю по уставу 1871 г. в гимназиях было – 12. Изучение шло с третьего класса, нагрузка распределялась так, в каждом классе с 3 по 8-ой по два часа в неделю. В соответствии с уставом были приняты учебные планы и программы для мужских гимназий (1872) и женских гимназий (1874) [15, с. 167]. Эти планы и программы учитывали возраст учеников по классам и предметное содержание по курсам. Например, в мужской гимназии: в третьем классе изучалась – История Востока, Греции и Рима с дополнениями по истории славян; в четвертом – Русская средневековая и новая история; в пятом – Средние века зарубежья и русская история до эпохи Ивана IV; в шестом – Новая и русская история до середины XVIII в.; в седьмом и восьмом – Новая и русская история до современности; история Греции и Рима. Для женской гимназии структура программы не была идентичной: в третьем классе изучался – Эпизодический курс русской истории (с всеобщей), в четвертом – Древняя история, в пятом – Зарубежное средневековье, русская история до Ивана IV, в шестом – Новая и русская история до конца XVIII в., в седьмом и восьмом – Новая и русская история новейшего времени [15, с. 170].

После принятия нового учебного плана (1901), количество часов истории увеличилось до 20 в неделю (1–2 класс по 2 часа, 3–6 класс по 3 часа, 7 класс – 4 часа). С целью укрепления патриотических и религиозных начал в средней школе включили изучение истории в круг предметов 1–2 классов, где появился двухлетний элементарный курс русской истории. В 3 класс ввели небольшой пропедевтический курс «Восток и героическая Греция», предварявший изучение истории Древнего мира. С четвертого класса начиналось изучение систематических курсов древней, средней и новой истории [17, с. 89].

Отечественная история излагалась совместно со всеобщей, историческое образование строилось в хронологической последовательности от древности до современности.

Для реализации программы по курсу преподавания истории в зависимости от классов, необходимы были учебные пособия и учебники, справочная литература. Изложение материала в учебниках носило повествовательный и избыточно фактографический характер. Преподавание истории велось на основе «профессорских» и «учительских» учебников. Авторами первых были профессора университетов – П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев и др.; вторых – соответственно, педагоги средних учебных заведений – К. А. Иванов, К. И. Добрынин. Среди преподавателей гимназий были популярны учебники В. О. Ключевского «Краткое пособие по русской истории», С. Ф. Платонова «Учебник русской истории для средней школы», «Сокращенный курс русской истории для средней школы». В этот период шел поиск новых идейных и структурно-содержательных основ создания учебной литературы для учащихся средних учебных заведений [11, с. 113].

Учебники для изучения истории в Енисейские гимназии в основном поступали из Красноярских средних учебных заведений. На книгах ставили печать (двуглавый орел), по кругу на штампе печати была надпись «Фундаментальная библиотека Красноярской гимназии». Книги передавались в библиотеку Енисейских гимназии не только для учителей, но для учащихся, например, пособия для старших классов средних учебных заведений для самообразования. Ставилась печать казенная или гербовая с надписью о принадлежности, к какой гимназии.

На основе наличия учебников в библиотеках гимназии можно сделать вывод об обеспеченности преподавания курса истории и выделении значимых аспектах в процессе изучения исторической науки. В учебниках отражался основной подход к изучению исторического знания и становлению мировоззрения подрастающего поколения. Можно выделить ряд факторов, которые влияли на создание учебной литературы исследуемого периода: государственная образовательная политика, развитие исторической науки, индивидуальные взгляды автора, переводчика, составителя, его научно-исследовательская культура, господствующие общественные представления о духовных ценностях и воспитательных функциях образования. Следовательно, учебная литература играла не маловажное значение в деле формирования исторического знания у Енисейских гимназистов.

В ходе исследования было проанализировано 45 изданий: учебники, учебные пособия и базовая литература по курсу изучения исторических дисциплин в **образовательных учреждениях в России конца XIX – начала XX в.**, находящиеся в библиотеке КГБПОУ «Енисейского педагогического колледжа» [9]. Учебники для средних учебных заведений и так называемые «профессорские» и «учительские» после закрытия гимназии были переданы образованному в 1931 г. педагогическому техникуму народов севера им. А. С. Бубного. В 40-е гг. это образовательное учреждение было переименовано в «Енисейское педагогическое училище имени А. М. Горького», а далее в «Енисейское педагогическое училище». На титульных листах учебников имеются печати и вышеупомянутых учреждений. Таким образом, данные издания оказались в библиотеке колледжа. Самый ранний экземпляр 1865 г. выпуска, самый поздний 1915 г. [9].

Анализ учебной литературы показал, что курс преподавания Всеобщей истории был обеспечен разносторонними изданиями, авторами которых были профессора высших учебных заведений России. Например, в библиотеке имелось пять томов из 7-томного сочинения выдающегося русского историка И. Н. Кареева, где автор освещает процесс становления, развития и существования государств новейшей Западной Европы: том I. «Переход от средних веков к новому времени» (1892); том II. «Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII вв.»; том III. «"Восемнадцатый век" и французская революция»; том IV. «XIX век. – Консульство, Империя и Реставрация»; том V. «XIX век. – Средние десятилетия – От июльской революции до падения Второй Империи 1830–1870 гг.» [9].

Иван Николаевич Кареев предназначал свои труды в качестве пособия для ознакомления с историей, которое следует за усвоением типового учебника, и предполагал их для читателя, уже знающего исторические факты, в том числе и для учителей истории.

Ряд томов из данного собрания встречается в нескольких экземплярах. Помимо этого сборника трудов И. Н. Кареева имелись и другие книги, а именно: «Политическая история Франции в XIX веке. (Правительственные формы и внутренняя политика, политические партии и общественные классы)» 1902 г. издания, «Поместное государство. Сословная монархия средних веков» (1913). Очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе в средние века» и др.

Помимо фундаментальных трудов, имелись и пособия для учеников под авторством И. Н. Кареева, например, «Главные обобщения всемирной истории» (учебное пособие для самообразования и для средней школы), на титульном листе есть запись «Комитетом народного просвещения допущен, ученическая, среднего возраста. Библиотека средних учебных заведений».

В фондах библиотек гимназий были представлены труды и по изучению отдельных тем Всеобщей истории: Е. В. Тарле «История Италии в новое время», пособие для более подробного ознакомления с историей Италии (1901); З. Генрих «История французской революции и ее времени

(1789-1795)» перевод с немецкого В. Ососова и А. Путяты (1865), в книге имеется хронологический указатель; Ф. Гизо «История Цивилизаций» перевод с французского (1905); Луи Эритье «История Французской революции 1848 года до второй республики» перевод П. П. Румянцева (1907); Ф. Меринге «История Германской – социал-демократии. До революции 1848», перевод с немецкого издания М. Е. Ландау, (1906). Все данные учебники были переводными, написанными, как правило, немецкими или французскими профессорами.

Издания объемные, без каких-либо иллюстраций, карт, вопросов и заданий к параграфам, в большей степени служили для подготовки учителя к преподаванию курса истории. Учитывая обязательное посещение библиотеки в расписании гимназистов, с целью самообразования, не исключено, что эти издания могли стать предметом изучения старшеклассников.

Привлекают внимание книги, предназначенные непосредственно для гимназистов, например, учебник для старших классов средних учебных заведений и самообразования «Краткая Новейшая история (1814–1914)» под авторством В. А. Ральцевича и Б. Н. Васильева. Несмотря на объемность 685 страниц, учебник содержит приложение в виде карт «Европа после Венского конгресса в 1815 году», «Западная Европа в 1913 году», «Колониальные владения XIX века», есть библиографический указатель, это встречается крайне редко в учебниках исследуемого периода, в основном публикуется очень объемный текст без иллюстраций, не адаптированный к возрастным особенностям. Примером может служить книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей под редакцией профессора П. Г. Виноградова, содержит 969 страниц. Для облегчения восприятия материала авторы учебников выносили сноски на поля в виде краткого цитирования или основных дат и фамилий, исторических личностей, встречающихся в тексте. Например, в учебнике «История средних веков», автора Георга Вебера, перевод Андреева (1887), имеются сноски на полях, оформленные в виде главой мысли, делали это для удобного запоминания, в книге есть приложения родословных правивших династий Европы, по состоянию книги видно, что ею неоднократно пользовались.

В гимназиях имелись и энциклопедические издания, например, труд Шарля Сеньобость «Политическая история современной Европы», энциклопедия партий и политических форм, перевод с французского под редакцией В. Поссе (с приложением портретов выдающихся политических деятелей), (1898). Труды профессора Сорбонского университета Шарль Сеньобоса, написанные с позиций позитивизма и насыщенных конкретно-историческим материалом. В них освещается главным образом политическая история, особенно парламентская.

Большинство представленных изданий имеют обращение автора к читателю, или пояснительные записки.

По данной учебной литературе можно сказать, что курс Всеобщей истории представлен в основном фундаментальными трудами. Акцент сделан на политические преобразования в Европе, зарождающуюся политическую активность народных масс, революционные движения и революции, идеи социал-демократических и либеральных взглядов европейского общества. Главным аспектом исторического знания по курсу Всеобщая история было изучение опыта Европейских держав в становлении взаимодействия государственных и общественных политических элит, а также пути реформирования стран и урегулирования кризисов, появившихся в силу исторических событий и деятельности политических лидеров. Подробно и в деталях изучались гимназистами история Франции, Германии, Италии.

Античная история преподавалась по учебникам с богатым иллюстрированным материалом. В учебнике «История древнего мира» К. А. Иванова, представлены рисунки статуй, богов, храмов, предметов быта, украшений, подробная хронологическая таблица по греческой и римской истории, на учебнике есть печать женской гимназии, отмечу, что часов по античной истории было больше в программах женских гимназий. В библиотеке так же имеется книги: П. Гиро «Частная и Общественная жизнь греков» для чтения, иллюстрированная; В. Д. Сиповекаго «Исторический очерк Сократ и его время». Можно сказать, что в большей степени внимание уделяли истории Греции и Рима, это и фиксируется в программе, также формировали представления об истории и восточных цивилизаций, но доминирующую роль отдавали Европе, а именно античной культуре, искусству, философии, образу жизни и ценностям цивилизации.

Курс Отечественной истории представлен учебниками, учебными пособиями, а также базисными изданиями. Среди их можно выделить «Учебную книгу по русской истории» (1905) профессора С. М. Соловьева, «Статьи по Русской истории» (1903), профессора С. О. Платонова. «Краткие очерки русской истории», для старшего возраста (1895), умеренно-консервативная интерпретация русской истории, пронизанная патриотическим духом, под авторством Д. И. Иловайского [10].

Необходимым условием в деле обучения истории, считалось знакомство с источниками, так например, в пособии для старших классов средних учебных заведений «Источники Русской Истории. Русь до – Петровская» составленное С. В. Фарфоровским, содержится шесть тематических блоков, где представлены документы отражающие исторические события. Например, в разделе «Древнейший быт славян. Первые князья», размещен документ «Из договора Олега с греками 911 г.» (по Лаврентьевскому списку). Всего представлено 106 документов, данное пособие позволяло гимназистам изучать историю Отечества через обращения к первоисточнику, формировать представления о значимых событиях. Уделяли внимание и наглядности при изучении исторического содержания, например, в хорошем состоянии, сохранилось книга «Наше прошлое», это рассказы по русской истории под редакцией Е. И. Вишнякова, С. П. Мельгунова,

Б. Е. и В. Е. Сыроечковских (1914) Книга содержит иллюстрации – репродукции картин разной тематики от событийной до бытовой. Например, картина «Дореформенный суд» Лебедева [14, с. 296], «Оборона Севастополя» Кардановского [14, с. 309], «Декабристы в Сибири», Муравова [14, с. 240]. Это позволяло ученикам визуализировать исторические события и явления. Все же книги с хорошо представленным наглядным материалам были крайне редкими.

Для более глубокого изучения исторического материала, гимназистам можно было воспользоваться: Монографией, В. Б. Антоновича «По истории западной и юго-западной части России» (1885), профессора А. А. Погодина «Очерки История Польши», (1908), А. Н. Пыпина «Исторические очерки Общественное движение в России при Александре I» (1908). И др. Данные издания имелись в наличии в библиотеках гимназии [9].

Помимо выше упомянутых книг, гимназистам предлагали изучить отдельные вопросы истории Отечества. В этот период публикуются небольшие повествования для чтения, рекомендованные историческими комиссиями при учебных отделах МНП, например, «Местничество в древней Руси», составитель Е. Н. Волчанская, или «Помещичьи крестьяне накануне освобождения» под авторством, И. И. Игнатовича.

Встречаются и переводные издания по русской истории, например «История крепостного права в России», Н. Энгельмана перевод В. Щерба.

Философские издания – «Исторические письма» – самое известное произведение выдающегося русского философа и идеолога народничества П. Л. Лаврова и др.

Из всех представленных 45 изданий по истории хранящихся в библиотеке колледжа, только одно было посвящено вопросам методики «Опыт методики Систематического курса истории» (1914), Я. С. Кулжинский. Преподавание истории строилось на основе «репетиционного метода», который предполагал многократное повторение фактов, их механическое заучивание. Я. С. Кулжинский излагал другой подход, призывая педагогов к тому, что «история, которая рассказывает, но не объясняет, не имеет цены», что, поэтому, надо не рассказывать урок ученикам, а анализировать его, надо преподавание делать возможно конкретнее, и правильно понять и оценить событие можно только сопоставив его с другими, и аналогичными» [12, с. 170]. Качество преподавания обеспечивали учителя гимназий, среди них были и с университетским образованием. Например, учитель истории и географии мужской гимназии Енисейска Н. Ф. Красивов, прошел обучение в Московском университете [3, л. 3], в женской гимназии работала преподавательница русского языка, словесности, истории и педагогики А. В. Васильева, она окончила курс историко-филологического факультета Высших женских курсов [7, с. 98].

После обучения выпускники средних образовательных заведений сдавали экзамен по истории, «экзаменуемый должен в связном рассказе изложить доставшиеся ему вопросы, и затем разрешить несколько частных вопросов, из ответа на которые можно было бы видеть, знает ли экзамену-

ющийся важнейшие факты и хронологические данные из всего курса истории» [15, 203]. Несмотря на добавление часов по изучению истории, в общероссийской тенденции, испытания показывали низкое качество знаний. Окончив гимназию многие выпускники, не могли перечислить самые крупные черты или явления эпохи. Как полагал Яков Григорьевич Гуревич – российский историк, педагог: «главная причина, виделась в том, что ученики повторяют по учебным руководствам материал самостоятельно и тонут в мелких фактах, они не умеют группировать и обобщать однородные факты, у них не складывается понимания связи явлений, представления о важнейших событиях» [15, с. 205].

Исследуя аттестаты гимназисток женской гимназии, можно сделать вывод, что экзамен вызывал затруднение, оценки по «Всеобщей истории и русской» колеблется от «удовлетворительных» до «отличных» [2, л. 3–5]. Выпусков гимназий было больше в женской, количество доходило до 15 и выше, в мужской гимназии выпускников было крайне мало, самый большой выпуск был в 1915 г. – 8 человек, самый маленький в 1889 г. – 2 человека [7, с. 103].

Таким образом, можно сделать вывод, что в средних образовательных учреждениях Российской империи, большое внимание уделялось формированию исторического знания. К положительным чертам дореволюционного исторического образования в средних учебных заведениях можно отнести то, что достаточно детально изучались факты и события всемирно-исторического значения древней, всеобщей и отечественной истории. Исторические знания, полученные в гимназиях, должны были способствовать восприимчивости к познанию истории при ее дальнейшем изучении в университете, формировали нравственные чувства учащихся. Изучались исторические личности, основные процессы и явления, акцент делался на роль человека в почитании заслуг предков и верного служения Отечеству. Формировали представление о значении России в мировой истории, так же акценты были смещены в сторону изучения способов проявления социальной гражданской активности, на примере Новейшей истории Европейских стран.

К отрицательным чертам можно отнести не адаптированность излагаемого исторического содержания в учебниках и учебных пособиях к восприятию учащихся – гимназистов в соответствии с возрастными особенностями, это вызывало трудности и отталкивало от изучения истории.

Следовательно, историческое знание молодежи в отечественной классической гимназии конца XIX – начало XX вв. формировалось под воздействием следующих факторов: комплекса гуманитарных учебных дисциплин и их обеспеченность учебной литературой, методиками преподавания истории, использования позитивистского подхода при изучении курсов всеобщей и отечественной истории, развития особого интереса к античности. В целом, в гимназиях Енисейска процесс изучения истории, соответствовал образовательной политики России конца XIX – начало XX вв.

Список источников

1. Абрамкин О. С. Концепции русской истории по материалам школьных учебников дореволюционной России / О. С. Абрамкин // История педагогика естествознание. 2015. № С. 22–24.
2. Архив города Енисейска (далее АГЕ). АГЕ. Ф. 4. Оп. 1 . Д. 1. Л. 3.
3. АГЕ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1.
4. АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 39.
5. АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 38.
6. АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 65.
7. Аксенова А. В. Гонина Н. В. Енисейск в последней трети XIX – начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города / А. В. Аксенова, Н. В. Гонина. Красноярск, 2017. 278 с.
8. Аллагулов А. М. Формирование образовательной политики России во второй половине XIX века монография / А. М. Аллагулов. Оренбург: Пресса, 2010. 133 с.
9. Архивный фонд библиотеки КРБПОУ «Енисейский педагогический колледж». Инвентарная книга № 1.
10. Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории: Курс старшего возраста. М.: Тов. типо-лит. И. М. Машистова, 1912. 392 с.
11. Куркин В. Влияние исторического образования в дореволюционной России на политическую социализацию молодежи / В. Куркин // Постсоветский материк. 2017. № 3/15. С. 112–128.
12. Кулжский Я. С. Опыт методики систематического курса истории. / Я. С. Кулжский. С.-Петербург. 1914. 179с.
13. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 год / А. И. Кытманов. Красноярск, СФУ. 2016. 660 с.
14. Наше прошлое: рассказы из русской истории / Историческая комиссия Учебного отдела МОРТЗ. под ред. Е. И. Вишнякова, С. П. Мельгунова, Б. Е. и В. Е. Сырочковских. М.: Задруга, 1914. 392 с.
15. Студеникин М. Т. Становление и развитие школьного исторического образования в России XVI – начала XX вв. монография / М. Т. Студеникин. М.: МПГУ: Прометей. 2011. 225 с.
16. Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения 1864 г., 1871 г. // История педагогики в России: Хрестоматия. сост. С. Ф. Егоров. М., 1999. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010420509?ysclid=lvzky5oirf419999485>(дата обращения 13.04.2024).
17. Черепанов С. А. Учебные планы общеобразовательной школы в дореволюционной России // Известия АПН РСФСР. М., 1951. 209 с.

А. П. Дементьев

Красноярский государственный педагогический университет

им. В. П. Астафьева

Красноярск, Россия

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ А. М. ГНЕВУШЕВА

Аннотация. В статье предпринята попытка первого обобщения и систематизации историко-научного наследия А. М. Гневушева. Публикации историка тематически классифицированы на те, которые посвящены истории Новгорода в XV–XVIII в. и Смутного времени; касающиеся сибирской тематики; затрагивающие актуальные общественно-политические темы.

Ключевые слова: *Гневушев, история Новгорода, Красноярск, революция*

Abstract. The paper makes the first attempt to generalize and systematize the historical and scientific heritage of A. M. Gnevushev. The historian's publications are thematically classified into those devoted to the history of Novgorod during the XV–XVIII centuries and the Time of Troubles; related to Siberian theme; concerning relevant socio-political topics.

Keywords: *Gnevushev, history of Novgorod, Krasnoyarsk, revolution*

Андрей Михайлович Гневушев (1882–1920) известен, как историк, политик и журналист. Однако если его политическая деятельность получила освещение в научной литературе, то обширная научная историография до сих пор не обобщена и не проанализирована. Данная тема поверхностно затронута только в одной статье красноярского архивиста Т. И. Мирошниковой «Прошу разрешить заниматься в архиве...» [1].

Между тем, Гневушев приобрел свою известность, в первую очередь, как специалист по истории средневековой Руси. Им было опубликовано более 30 научных статей и книг, в том числе по истории Сибири. Исследования ученого не утратили научной значимости до настоящего времени. Современные историки, изучающие социально-экономические процессы Русского государства в XV–XVII вв. во многих аспектах опираются на выводы, сформулированные Гневушевым. В данной статье мы ставим цель в самых общих чертах представить научное наследие известного историка.

Андрей Михайлович Гневушев – сын статского советника. В 1900 г. окончил Киевскую первую гимназию и поступил на физико-математический факультет Киевского Императорского университета св. Владимира. В 1902 г. перевелся на историко-филологический факультет, который закончил в 1907 г.

С 1 января 1909 г. Гневушев был утвержден в звании оставленного при университете для подготовки к профессорскому званию на кафедре русской истории и командирован в Москву. Вплоть до своего переезда

в Красноярск в 1914 г. он изучал в архивах документы по социально-экономической истории Новгорода XV–XVI в.

Андрея Михайловича современные исследователи относят к третьему поколению Киевской научной школы, которое вело активную научную деятельность в 1910–1920-е гг. [2, с. 67]. Его исторические труды тематически можно разделить на несколько групп: публикации, которые посвящены истории Новгорода в XV–XVIII в. и Смутного времени; касающиеся сибирской тематики; затрагивающие актуальные общественно-политические темы.

Еще в студенческие годы Гневушев стал изучать русскую средневековую историю. В 1905 г. он получил золотую университетскую медаль за статью «Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 г.» [3, л. 173]. Через 10 лет эта работа выйдет в качестве отдельной книги, которая получила высокую оценку С. Ф. Платонова. «В лице Андрея Михайловича русская историческая наука имеет крупного историка, сумевшего умело сгруппировать материал. Картина древнего Новгорода встает перед нами, как живая, с его нуждами и общественными запросами» – писал видный историк [4, с. III]. Хотя известна и критика данной работы. Так, М. М. Богословский в своем дневнике в январе 1917 г. указывал, что исследование Гневушева представляет собой «громадный том с таблицами, и таблиц больше, чем текста» [5].

С 1907 по 1915 г. Гневушевым было опубликовано большое количество документов. Среди них: «Отрывок писцовой книги Вятской пятины 1495–1505 г.» (Киев, 1908); «Писцовая книга Обонежской пятины второй московской описи» (Киев, 1910); «Новгородский дворцовый приказ в XVII веке: (Краткий очерк деятельности Приказа и документы)» (Москва, 1911); «Приходно-расходная смета по Новгороду Великому 1620 г.» (Москва, 1911); «Бытное письмо в дворцовой Дудинской волости Козельского уезда по переписи 1676 г.» (Москва, 1915).

Новизна подхода Гневушева состояла в использовании статистических данных писцовых книг. Так, характеризуя новгородскую вотчину, он отмечал, что она состояла из целого ряда небольших земельных участков, в одну или две деревни, которые были разбросаны по всей области новгородских пятин, часто перемешиваясь с землями других владельцев [6, с. 68].

По его мнению, именно формирование крупной земельной собственности определило то, что «ко второй половине XV в. новгородская республика превратилась фактически в олигархическое государство». Формально сохраняя равенство всех граждан на вече, само вече превратилось в арену борьбы между боярскими партиями. В результате классовых противоречий из сознания новгородцев «постепенно исчезала идея единого Новгорода» [7, с. 52].

В 1912 г. Гневушев на основании анализа писцовых книг отверг значение похода Ивана Грозного, как причины экономического разорения Новгорода во второй половине XVI в. «Военные разорения Новгородской

области, – писал он – случались и ранее, но никогда не влекли за собою сколько-нибудь сильного упадка экономической жизни страны. Удар Новгородской торговле был нанесен новыми условиями торговли, которые наступили с середины XVI века» [8, с. 20].

Параллельно с историей Новгорода Гневушев начинает заниматься и периодом Смутного времени. В результате в научных журналах появилась серия статей: «Новые труды по истории Смутного времени», «Новые материалы по истории Смутного времени», а также вышел сборник документов: «Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.)» (Москва, 1914).

С Сибирской тематикой Гневушев познакомился еще в московских архивах. Но после переезда в Красноярск в 1914 г. он начал исследовать и местные документы. Известно, что в Красноярске он писал обращение в губернское управление с просьбой «разрешить ему заниматься в архиве...снимать копии с документов по Туруханскому краю» [1, с. 129].

С 1914 по 1919 г. А. М. Гневушев опубликовал несколько отдельных научных работ по истории Сибири: «Сибирские города в смутное время» (Киев, 1914), «Русские исследования северного морского пути в XVII в.» (Красноярск, 1919). А также две статьи: «Восстание Пелымских вогулов в 1612 г.» [9], «К характеристике вольных сибирских переселенцев XVII-го в.» [10]; Известно, что он работал над научно-популярной книгой «Очерки по истории Сибири. Книга для чтения в школе и дома»; к сожалению, дальнейшая судьба рукописи неизвестна.

По оценке М. Б. Шейнфельда А. М. Гневушев в своих работах по истории Сибири пытался пересмотреть вопрос о роли охотничьей-промысловой колонизации в освоении территории [11, с. 263]. По мнению Андрея Михайловича, она носила ярко выраженный завоевательный характер: «Типичной для колонизации Сибири в XVII в. является не фигура крестьянина-хлебороба, а фигура «промышленного человека», который шел в Сибирь не с сохой, а с пищалью, не с топором для расчистки леса под пашню, а с саблей для приведения сибирских инородцев «под великую государеву руку» и сбора с них ясака пушным товаром прежде всего для себя, а потом и для государя» [10, с. 114].

В дальнейших работах Гневушев будет в большей степени выделять значение «государственного начала» в освоении Сибири. По его мнению, в литературе того времени существенно преувеличивалась роль «небольших полуторговых, полупромышленных...разбойничьих артелей» [12, с. 7]. Он критиковал точку зрения, по которой правительственная колонизация следовала за колонизацией вольной, артельной и относилась «якобы довольно пассивно к приобретению «новых земель»». Небольшие торгово-промышленные артели никогда не могли покорить инородцев ввиду своей малочисленности. Этим артелям Гневушев отводил разведывательную роль, они предоставляли властям ценные сведения о новых землях.

Андрей Михайлович утверждал, что многочисленные документы (переписка сибирского приказа с сибирскими воеводами, допросы про-

мышленных и служилых людей на местах, статейные списки руководителей экспедиций) демонстрировали, что власть, как в центре, так и на местах прекрасно представляла задачи и планомерно руководила постепенным изучением и освоением Сибири.

Публикация «Русские исследования северного морского пути в XVII в.» стала последним непосредственно историческим исследованием автора, что дает нам возможность проследить эволюцию его взглядов. Если в более ранних публикациях он старался показать значимую роль «вольных завоевателей» в колонизации Сибири, то в 1919 г., наоборот, старался выделить решающую роль официальной государственности. По мнению историка М. Б. Шейнфельда «таковы были закономерные итоги эволюции буржуазной концепции истории Сибири XVII в.» [13, с. 283–284]. На наш взгляд более уместно утверждать об эволюции автора от либерального к официальному направлению в историографии [14, с. 5].

В период революции 1917 г. и Гражданской войны Гневушев начинает проявлять себя в большей степени как политик и журналист. Историческая тематика приобретает для него подчиненное значение. Он ищет в прошлом параллели с современностью, пытается найти истоки явлений и процессов.

К третьему виду его исследований можно отнести публикации: «Что сулит Сибири Брестский мир» (Красноярск, 1918); «К вопросу об экономическом возрождении Сибири» (Красноярск, 1919); ««Великая разруха Московского государства 1606–1613 гг.» и Великая русская революция 1917–19? гг.» (исторические параллели)» (Красноярск, 1919).

Главную опасность для развития сибирской промышленности автор видел в усилении японского капитала, который заполонил Сибирь своими товарами, скупал долговые обязательства русских торговцев, а также отдельные земельные участки и промышленные предприятия. Видя в экономической независимости залог политической самостоятельности Сибири, автор призывал русскую буржуазию активизировать свою деятельность, сойти с пути спекуляции и задуматься о судьбе государства [15]. Залог экономической независимости Сибири автор видел в развитии местной промышленности, для чего имелись все необходимые условия: богатые природные ресурсы, успехи фабрично-заводской промышленности, «оседание» огромных финансовых средств в крестьянской среде.

Автор предостерегал буржуазию от обильной продажи ресурсов за границу. «Вывоз сырья в необработанном виде является по существу расхищением национального народного богатства... страна, распродающая свое сырье в чужие руки, тем самым уничтожает самую основу своего промышленного развития, лишая его необходимых материалов». Рассуждая о данной проблеме на примере леса, он приходил к заключению, что его продажа должно вестись «хотя бы полуобработанном виде – бревен и досок, а не в кругляках, иначе такой сбыт будет хищнической эксплуатацией наших лесных богатств, и вся выгода от обработки лесного материала уйдет из наших рук за границу» [16].

В разгар гражданской войны Гневушев обратился к историческому осмыслению происходивших событий. По его мнению, происходившие в XX в. события по своей масштабности и губительности для страны наиболее уместно было сравнивать с периодом Смутного времени: как и тогда, в период гражданской войны обострилось противостояние государственных и антигосударственных элементов.

Как историк, А. М. Гневушев проводил параллели между главными политическими силами обеих исторических эпох. К антигосударственным элементам периода гражданской войны он относил большевиков, левых эсеров и анархистов; их прототипом периода Смуты определял «партию Болотникова, а в последствии Тушинского вора», то есть казачество и «сплотившуюся вокруг него голытьбу» [17, с. 8]. Но, перспективы существования большевистской власти вызывали у Гневушева сомнения: «И как тушинцам не удалось остановить развитие крепостного права... так и ленинцам не разрушить капитализм», – писал он в своей публикации.

В качестве единственной прогрессивной силы периода Смутного времени автор выделял рязанское дворянское ополчение с программой создания крепкого, стройного и сильного государства, уничтожения остатков феодального строя, утверждения самодержавной власти, опирающейся на служилый класс. По его мнению, эта программа соответствовала общему ходу развития народной жизни [17, с. 7–8]. Но, анализируя современность, автор не мог найти аналог данной силы в гражданской войне, в указанной брошюре эта проблематика не раскрывалась.

С октября 1919 г. Гневушев стал преподавать на кафедре русской истории Владивостокского университета, но 26 января 1920 г. в возрасте 38 лет он умер от тифа. В Своем некрологе В. Попов отметил, что Андрей Михайлович «пользовался любовью слушателей, он жил жизнью аудитории, стараясь по мере возможности делиться тем запасом знаний и побуждений, который у него имелся. Среди сослуживцев Андрей Михайлович пользовался громадным уважением и любовью за отзывчивое отношение по всем вопросам корпоративной этики» [4, с. IV].

Список источников

1. Мирошникова Т. И. «Прошу разрешить заниматься в архиве...» // Красноярские архивы. Сборник информационных материалов. Красноярск, 2010. Вып. 5. С. 129–132.
2. Михальченко С. И. Киевская историческая школа // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 53–69.
3. РГИА ДВ. Ф.Р.-289. Оп. 1. Д. 29.
4. Попов В. Андрей Михайлович Гневушев. Некролог // Ученые записки историко-филологического факультета государственного Дальневосточного университета. Т. 2, Полутом 1. Владивосток, 1920. С. I–IV.
5. Богословский М. М. Дневники (1913–1919) // Lib.ru: «Классика». URL: http://az.lib.ru/b/bogoslowskij_m_m/text_1919_dnevniki.shtml.

6. Кулишер И. М. История русского народного хозяйства. М., 1925. 215 с.
7. Гневушев А. М. Падение Великого Новгорода // Русская история в очерках и статьях. Составлена при участии профессоров и преподавателей. Под ред. профессора М. В. Довнар-Запольского. Т. II. М., 1910. С. 49–61.
8. Гневушев А. М. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI века // Сборник Новгородского общества любителей древности: Вып. VI. 1912. С. 1–29.
9. Гневушев А. М. Восстание Пелымских вогулов в 1612 г. // Сибирские записки (Красноярск). 1916. № 1. С. 117–121.
10. Гневушев А. М. К характеристике вольных сибирских переселенцев XVII в. // Сибирские записки (Красноярск). 1916. № 1. С. 113–123.
11. Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.). дис...док. ист. наук. Красноярск, 1973. 451 с.
12. Гневушев А. М. Русские исследования северного морского пути в XVII в. Красноярск, 1919.
13. Шейнфельд М. Б. Историография Сибири: конец XIX – начало XX вв. Красноярск, 1973. 398 с.
14. Хромых А. С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта: автореферат дис...канд. ист. наук. Томск, 2008. 31 с.
15. Гневушев А. М. Мирное завоевание сибирского рынка // Воля Сибири. 1918. 26 октября.
16. Гневушев А. М. К вопросу об экономическом возрождении Сибири // Воля Сибири. 1918. 18 декабря, 19 декабря. Приложение; 21 декабря. Приложение, 22 декабря.
17. Гневушев А. М. «Великая разруха Московского государства 1606–1613 гг.» и «Великая русская революция 1917–19? гг.» (исторические параллели). Красноярск, 1919. 24 с.

М. Д. Кушнарева
Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Ф. Г. САФРОНОВ О ФОРМИРОВАНИИ КРУПНОГО КАПИТАЛА В ПУШНОЙ ТОРГОВЛЕ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Аннотация. В статье рассматривается научная точка зрения Ф. Г. Сафронова. Крупный капитал в пушной торговле исследовался ученым с позиций общеимперских экономических процессов, как органическая часть государственно-правовых порядков России периода модернизации экономики. Дается краткая биография историка на основе его личных дневников.

Ключевые слова: Северо-Восточная Сибирь, пушная торговля, крупный капитал, научная точка зрения, Ф. Г. Сафронов

Abstract. The article discusses the scientific point of view of F. G. Safronov. Large capital in the fur trade was studied by scientists from the perspective of general imperial economic processes, as an organic part of the state and legal order of Russia during the period of economic modernization. A brief biography of the historian is given based on his personal diaries.

Keywords: North-Eastern Siberia, fur trade, big business, scientific point of view, F. G. Safronov

В 30–50-е гг. прошлого столетия в российской историографии начинается новый этап в изучении экономической истории Сибири. В этот период исследователи выделили проблему роли пушной торговли в процессе формирования капитала и отметили недостаточную степень ее изученности. Одним из первых ученых-историков, который заложил методологические основы процесса изучения проблем образования всероссийского рынка и истории купечества на северо-восточных рубежах Российской империи, являлся С. В. Бахрушин. Главный вывод автора заключался в том, что ясачная политика государства длительный период сдерживала создание в пушной торговле крупного капитала, тормозила ход его естественного развития [1]. По мнению Г. П. Башарина, слабое земледельческое освоение сибирской окраины обуславливало высокую степень развития пушного промысла и торговли, на базе которых в середине XIX в. начинает формироваться крупный капитал [2].

Определенный прорыв в изучении проблемы формирования крупного капитала в пушной торговле на северо-востоке Сибири начался в конце 50-х гг. XX в., когда была опубликована одна из первых работ Ф. Г. Сафронова – ученого-историка, посвятившего свою жизнь изучению и популяризации ранее неизвестных страниц истории Якутии. Отличительной особенностью всех трудов Ф. Г. Сафронова, вышедших в свет

в последующие годы было то, что автор не трактовал события в соответствии с действовавшей политической доктриной, а следовал принципу главенства исторического факта.

Труды Ф. Г. Сафронова «Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв.», «Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.)», «Охотско-Камчатский край: (Пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции)», «Тихоокеанские окна России: из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингового морей, Сахалина и Курил» многократно цитируются в современной российской историографии, что свидетельствует о высокой степени их актуальности в настоящее время. Особенности научной точки зрения сибирского ученого посвящены специальные работы. Так, процесс развития товарно-денежных отношений в хозяйстве коренного населения Северо-Восточной Сибири по материалам монографий Ф. Г. Сафронова был рассмотрен в коллективной работе Л. М. Дамешека и М. Д. Кушнareвой [3]. Отметим, что Л. М. Дамешек был лично знаком с Ф. Г. Сафроновым, неоднократно встречался с ним на научных конференциях, беседовал в кулуарах. Настоящая статья продолжает исследовательскую линию и высвечивает новые грани трудов Ф. Г. Сафронова, посвященных анализу формирования торгового капитала на отдаленных рубежах Российской империи периода модернизации российской экономики.

Исходя из всего вышесказанного, ключевой целью данной публикации является анализ научной точки зрения ученого-историка Ф. Г. Сафронова по проблеме зарождения, формирования и функционирования крупного капитала в пушной торговле на северо-востоке Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Начать повествование уместно с краткого экскурса по наиболее ярким фактам биографии ученого, который, по словам его сыновей, родился в глухой деревушке, в небогатой якутской крестьянской семье и рано лишился родителей. «В своей исследовательской работе отец твердо следовал принципу главенства исторического факта, события. Он принципиально не делал попыток интерпретации событий прошедших лет в угоду сиюминутной конъюнктуре, в угоду доминирующей политической точке зрения. И в целом его можно было назвать педантом (как он говорил – «аккуратистом»), который неукоснительно следовал установленному, им самим для себя, порядку – в своем общении с людьми, в ответственности работы с первичными документами. Как он признавался, это приводило, мягко говоря, к предвзятому отношению к нему властьпредержащих, но он неукоснительно следовал своим принципам» [4, с. 3, 4]. Эта небольшая цитата взята из книги «Из записок отца...», основанной на личных дневниках Ф. Г. Сафронова и опубликованной сыновьями Федота Григорьевича в 2014 г. Именно из этой книги читатель может узнать неизвестные страницы биографии ученого, который помимо научной деятельности увлекался коллекционированием и путешествиями. Но обо всем по-порядку.

Сафронов Федот Григорьевич (1914–1995) родился в Нюрбинском районе Якутской области в большой крестьянской семье. Отец – Григорий Сафронов – крестьянин-бедняк. Женился он на Елене Григорьевне Хартасовой, дочери бедняка из того же наслега. Жили дружно, обзавелись хозяйством и поднялись до уровня середняков. После смерти матери в 1919 г. вся тягота воспитания шестерых детей легла на плечи отца, который делал все возможное для их воспитания и образования. Главной помощницей была старшая сестра Мария. Федот Григорьевич вспоминал о своем детстве: «школа в наших местах открылась в 1925 г., однако из-за материальных затруднений в этот год я не учился. В 1926 г. школа была перенесена в наш наслег и я начал учиться. Расстояние между школой и родительским домом было добрых 10 км. и зимой мне приходилось квартироваться у знакомых отца – Никулашки и Егоршина сына. Учиться мне нравилось» [4, с. 7]. Школьные годы Федота Григорьевича прошли в родном наслеге, хотя школу постоянно переносили в разные здания. Менялись учителя, которые давали много знаний и оставляли теплые воспоминания в памяти Сафронова. В 1927 г. Ф. Г. Сафронов впервые посмотрел немую кинокартину, которая произвела на него огромное впечатление. В 1929–1930 гг. Сафронов вступил в пионеры, затем в комсомол. Этот период жизни Сафронова был наполнен событиями. В 1931 г. он посетил первый районный слет пионеров в Нюрбе, где был делегирован на Всеякутский слет пионеров. Во время работы слета на автомобиле объездил весь Якутск, посетил пионерский лагерь, был премирован двумя пионерскими костюмами и зачислен на первый курс Якутского педтехникума. После окончания техникума Сафронов поступил на работу заведующим Тюбэйской школы. В 1934–1935 гг. работал преподавателем Сунтарской неполной средней школы. В 1935–1936 гг. был назначен директором Егольженской неполной средней школы, где блестяще провел подготовку к учебному году. Преподавал историю, географию и обществознание. Руководил кружком ленинизма для учителей. В 1936–1937 гг. был назначен директором Саскылахской неполной средней школы. Особые воспоминания у Сафронова оставила дорога из Якутска до Саскылаха. «На пароходе «Смидович» 4 августа выплыли в Булун. В Булуноне провел 6 суток – жил в здании райпарткома вместе с секретарем райкома Алексеевым Н. В., столовался у Бубякиных. Из Булуна до устья Оленека шли на шхуне – прошли Кумах Сурт, Тит-Ары, Столбово, Сукно, Станах. Из устья Оленека до мыса Нордвик летел на гидросамолете гидрографической экспедиции (летчик Крузе Леонард Густавович). На мысе Нордвик провел 15 суток. С мыса Нордвик до Хорго плыли на морском боте. У реки Ися Хайдыбыт прожили 6 суток. Дальше по Анабару до реки Яков плыли на парусных лодках. От реки Яков до Саскылаха шли пешком (50 км.). На дорогу от Якутска до Саскылаха ушло 55 суток» [4, с. 11]. В 1937–1938 гг. Сафронов работал заведующим районным отделом народного образования Анабарского райисполкома. Активно занимался общественной работой, участвовал в избирательной компании по выборам в Верховный Совет СССР.

В 1938 г. Сафронов побывал в Москве, а в 1940 г. был назначен заместителем директора Чурапчинского педучилища по заочному сектору. Здесь же женился на Белозеровой Татьяне Алексеевне, уроженке Костромской области, которая окончила Ярославский пединститут и по направлению в 1939 г. оказалась в Якутии, в Чурапче, преподавателем педагогики. В 1942 г. Федот Григорьевич окончил исторический факультет Якутского педагогического института. Его военные годы прошли в Чурапчинском педучилище, где он занимался общественной работой и педагогической деятельностью. После окончания Великой Отечественной Войны, Сафронов сдал вступительные экзамены и был зачислен в аспирантуру Института истории АН СССР, где его научными наставниками стали С. В. Бахрушин и А. П. Окладников. В 1950 г. Сафронов защитил кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам русской колонизации Якутии в XVII в. [4, с. 40]. После защиты диссертации он был назначен младшим научным сотрудником Якутского филиала АН СССР и принял участие в работе над вторым томом «Истории Якутской АССР» [5]. В 1963 г. Ф. Г. Сафронов защитил докторскую диссертацию, ключевой проблемой которой являлось русское переселение в Сибирь и на Дальний Восток. С 1965 г. профессор Сафронов являлся сотрудником Научно-исследовательского института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР. Позже стал главным редактором и руководителем рабочей группы проекта «Энциклопедия Якутии» при Президиуме Якутского научного центра СО РАН, заслуженным деятелем науки РСФСР и ЯАССР, руководил защитой кандидатских и докторских диссертаций по проблемам деятельности русских крестьян, ссыльных и переселенцев в Восточной Сибири и Якутии.

Научно-публицистическая деятельность Ф. Г. Сафронова была достаточной обширной. Ученый рассмотрел широкий спектр социально-экономических, политических, общественно-просветительских проблем развития северо-востока Сибири. В рамках данной публикации определенное внимание привлекли несколько монографий историка, где он исследовал процесс формирования и развития капитала в пушной торговле под влиянием различных факторов. Так, в монографии Ф. Г. Сафронова «Охотско-Камчатский край: (Пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции)», ученый указал, что главным преимуществом такого макрорегиона, как Северо-Восточная Сибирь, было уникальное геополитическое положение [6]. Наличие выхода к морю и придание портам Охотского моря – Аяну и Нелькану статуса «порто-франко», позволило во второй половине XIX в. значительно оживить экономические отношения в крае. Еще раньше этому процессу способствовала деятельность Российско-Американской Компании, сделавшей эти порты основными форпостами инфраструктуры региона, проложившей морские и сухопутные пути сообщения. Постепенно в Аян и Нелькан потянулись местные предприниматели. Одними из первых были купцы И. Г. Громов, И. И. Силин, Н. Д. Эверстов, М. А. Коковин и И. А. Басов. Не обошел сво-

им вниманием Сафронов изучение процесса переселения русских крестьян-старообрядцев на строительство Аянского сухопутного тракта в 1852 г. Изучив архивные фонды, Ф. Г. Сафронов сделал выводы о количестве переселенцев и их основных обязанностях на Аянском тракте. И вопреки многим суждениям указал, что основу хозяйства переселенцев составляла обывательская и почтовая гоньба, содержание тракта и станций в исправном состоянии и торговля. После закрытия Российско-Американской Компании торговая деятельность в портах Охотского моря продолжалась. Усилилось влияние купечества, которое своими силами и средствами содержало Аянский тракт, обустроило пристани и склады для привозимых сюда морским путем товаров. Сюда же из всех промысловых районов Якутии стекались крупные партии пушнины, предназначенные для оптовой пушной торговли на рынках Китая, Японии и Соединенных Штатов Америки. Так, постепенно происходило зарождение предприятий с крупным капиталом в сфере пушной торговли в Северо-Восточной Сибири.

В монографии Ф. Г. Сафронова «Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв.» автор сделал акцент на роль ярмарок в процессе формирования крупного капитала в пушной торговле [7]. В качестве главных ярмарочных пунктов Северо-Восточной Сибири, Сафронов выделил Охотскую, Учурскую, Якутскую, Анюйскую, Кыллахскую и Олекминскую ярмарки. Их первоначальными функциями был сбор ясака с промыслового населения. Позже, благодаря деятельности Российско-Американской Компании, ярмарки превратились в крупные торговые пункты региона, где уже в начале XIX в. заключались сделки с пушиной и сбывались товары потребления. Во второй половине XIX – начале XX вв. ряд ярмарок утратили свое значение, превратившись в стационарные торговые форпосты крупных пушных фирм. Однако Якутская ярмарка приобрела статус одного из центров не только российской, но и международной пушной торговли.

Более подробно система международного товарообмена Северо-Восточной Сибири через порты Охотского и Берингового морей была рассмотрена ученым в монографии «Тихоокеанские окна России: из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингового морей, Сахалина и Курил» [8]. По мнению автора, именно порты Охотского моря позволили фирмам с крупным капиталом организовать регулярное оптовое снабжение товарами потребления населения Северо-Восточной Сибири в обмен на пушнину и создать систему международного товарообмена с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона и Северной Америки.

Монография Ф. Г. Сафронова «Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.)» заложила ряд методологических принципов в процессе изучения товарно-денежных отношений в крае [9]. Ученый рассмотрел особенности организации пушного промысла коренными жителями Северо-Восточной Сибири, становление предпринимательского сектора, проникновение иностранного капитала в этот сектор экономики, а также отметил роль Российско-Американской Компании в данном процессе. «Эта

компания мало занималась заселением подвластной ей территории и развитием ее экономики, как того хотел Г. И. Шелихов. Все ее внимание было обращено на добычу пушнины и выгодную ее реализацию, как внутри страны, так и за ее пределами» [9, с. 45]. Сафронов проанализировал проблему развития торговли и включения края в общеимперские рыночные процессы, отметив роль ясака, как одного из основных факторов формирования ведущего значения пушнины в товарных сделках.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что в монографиях Ф. Г. Сафронова дается немало сведений по экономической истории северо-востока Азии, в том числе относительно процесса формирования крупного капитала в сфере пушной торговли. Автор сделал акцент на роли Северо-Восточной Сибири в формировании всероссийского пушного рынка. Сафронов тщательно проанализировал вопросы включения в этот процесс коренного населения региона. Крупный капитал в пушной торговле рассматривался им с позиций общеимперских экономических процессов, как органическая часть государственно-правовых порядков России. По его мнению, сибирское купечество было одной из главных сил инкорпорации северо-востока Азии в единое территориальное, политическое, экономическое, культурное и социальное пространство Российской империи.

Закончить статью, посвященную жизни и научной деятельности профессора Ф. Г. Сафронова хотелось бы описанием интересных фактов его биографии. Федот Григорьевич был страстным путешественником. В составе различных делегаций и туристических групп он побывал практически во всех государствах Европы и Африки, в Китае, Кубе, Пакистане, Индии. Особое впечатление на него произвела поездка в Японию, где он познакомился с бытом и культурой японского народа. В своем дневнике Сафронов записал интересное наблюдение о японских женщинах-гейшах: «испокон веков и до нашего времени в Японии существует институт гейш. Гейша – профессия, которую осваивают с малых лет. В особых школах старые гейши обучают девушек танцам, игре на японских музыкальных инструментах, искусству вести умный и живой разговор, чайной церемонии и икебана. Институт гейш обусловлен тысячелетним культом мужщины и зависимым положением женщины. В настоящее время гейша это достаточно дорогое удовольствие. Чаше их приглашают на официальные приемы» [4, с. 119].

Кроме зарубежных стран, Ф. Г. Сафронов объехал большинство республик Советского Союза. Везде, где бы он ни находился, старался посетить культурные памятники, музеи, отметить особенности быта и уклада жизни народа. Но особую страницу его жизни составляли поездки по родной Якутии, посещение национальных праздников, чтение лекций для населения в отдаленных поселках Севера.

Список источников

1. Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии // Якутия: Сб. ст. / под. ред. П. В. Виттенбурга. Л., 1927. С. 275–322.
2. Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии: 60-е годы XVIII – середина XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 438 с.
3. Дамешек Л. М., Кушнарева М. Д. Ф. Г. Сафронов о развитии товарно-денежных отношений в хозяйстве коренного населения Северо-Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2023. Т. 44. С. 76–85.
4. Сафронов А. Ф., Сафронов М. Ф., Сафронов Л. Ф. Из записок отца... Якутск: Изд-во ООО «Якутская энциклопедия», 2014. 212 с.
5. История Якутской АССР. Т. 2. Якутия от 1630-х гг. годов до 1917 г. / под. ред. С. А. Токарева, З. В. Гоголева, И. С. Гурвича. М.: Наука, 1957. 456 с.
6. Сафронов Ф. Г. Охотско-Камчатский край: (Пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции) // под ред. М. А. Кротова. Якутск: Якуткнигоиздат, 1958. 136 с.
7. Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв. М.: Наука, 1980. 142 с.
8. Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России: из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингового морей, Сахалина и Курил. Хабаровск: Кн. Изд-во, 1988. 192 с.
9. Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.). Якутск: Якуткнигоиздат, 1961. 495 с.

АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ Н. С. ХРУЩЕВА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. Аграрная политика Н. С. Хрущева и ее результаты долгое время являются предметом дискуссии в исторической науке. Освобождение науки от идеологических рамок советского государства, доступ к ранее неиспользованным архивным документам в конце 1980-х гг. обусловили пересмотр оценок сельскохозяйственных реформ 1953–1964 гг., расширение методологической базы, постановку новых исследовательских задач. В данной статье рассматриваются актуальные подходы к изучению аграрных преобразований 1953–1964 гг.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Н. С. Хрущев, аграрные реформы, крестьянство, модернизация

Abstract. The agrarian policy of N. S. Khrushchev and its results have long been the subject of discussion in historical science. The liberation of science from the ideological framework of the Soviet state, access to previously unused archival documents in the late 1980s led to a revision of assessments of agricultural reforms of 1953–1964, expansion of the methodological base, and setting of new research tasks. This article discusses current approaches to the study of agrarian transformations in 1953–1964.

Keywords: agriculture, N. S. Khrushchev, agrarian reforms, peasantry, modernization

На рубеже 1980–1990-х гг. в отечественной исторической науке происходят значительные изменения. Рассекречивание ряда ранее недоступных архивных документов, политические и культурные перемены в годы «перестройки» открыли возможность для выдвижения новых подходов и оценок исторических событий советского периода. В этот период тема сельскохозяйственных преобразований Н. С. Хрущева возвращается в область научного исследования.

В своей сути реформы 1953–1964 гг. представляли собой попытку исправления ошибок сталинского руководства в управлении экономикой и, в частности, сельским хозяйством. Отношение к аграрной отрасли в сталинский период определялось, в первую очередь, нуждами промышленного развития страны, в соответствии с чем сельское хозяйство выступало основным источником как материальных, так и трудовых ресурсов. Данный подход был целесообразным в кризисные периоды советской истории, однако в условиях мирного времени обладал значительно меньшей эффективностью. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. сельское хозяйство оказалось в глубоком кризисе и требовало решительных мер для исправления ситуации.

Разработка нового курса экономического развития стала проводиться сразу после смерти И. В. Сталина. Для нового подхода была характерна ориентация на развитие, в первую очередь, аграрной отрасли, внедрение достижений науки в производство, улучшение условий труда и жизни, развитие социального законодательства. На смену принудительным методам повышения производства и насильственному изъятию аграрной продукции пришли мероприятия по увеличению личной заинтересованности колхозников в результатах своего труда, расширению хозяйственной самостоятельности, а проведение масштабных сельскохозяйственных проектов привлекало к участию огромную часть советского общества. В результате этого проводимые в 1953–1964 гг. реформы вызвали широкое обсуждение как среди населения, так и в научной среде.

Начальный этап изучения событий данного периода, совпадающий с ним в хронологических рамках, характеризуется накоплением фактологического материала, представленного в материалах местной и союзной периодической печати, в записках и дневниках участников событий. Работы этого периода были призваны раскрыть смысл проводимых реформ [1], осветить проблемы социально-экономического развития страны [2], а также несли ярко выраженную пропагандистскую направленность.

Изучение различных аспектов реформирования сельского хозяйства Н. С. Хрущевым в рамках исторической науки продолжилась и после его отставки в работах Ю. В. Арутюняна [3], М. А. Вылцана [4], П. А. Игнатовского [5], А. П. Тюриной [6]. Одной из отличительных черт работ данного периода является редкая представленность критических оценок проводимых реформ. Как правило, на советском этапе отечественной историографии историки сосредотачивались на преимуществах коллективного способа аграрного производства и отдельных успехах аграрного развития. Негативные же стороны реформ во многих публикациях, как правило, отмечались крайне редко. Это было обусловлено необходимостью в научной работе придерживаться официальной трактовки событий и учитывать мнение партийной номенклатуры. Эта же официальная позиция проявлялась и в практике замалчивания личности Н. С. Хрущева. С середины 1960-х гг. автором проводимых реформ стал упоминаться не сам Н. С. Хрущев, а коммунистическая партия в целом. Имеющиеся ограничения препятствовали развитию дискуссии в научном поле. В этот период продолжают проводиться исследования, посвященные целинной кампании [7, 8], реорганизации МТС [9], совхозному строительству [10, 11], личным подсобным хозяйствам крестьян [12], однако развитие различных точек зрения и подходов не представлялось возможным.

В годы «перестройки» с новой силой возобновляется интерес к данной теме. В 1988 году экономист-аграрник И. В. Русинов, проанализировав реализацию «сверхпрограмм» Н. С. Хрущева, пришел к выводу, что череда провалов сельскохозяйственного реформирования убедила Н. С. Хрущева в необходимости поворота аграрной политики в сторону интенсификации сельского хозяйства. Таким образом, в период 1953–1964 гг. был найден

правильный путь развития, однако изменение курса произошло слишком поздно для Н. С. Хрущева и начало давать результаты уже после его отставки [13].

Отечественные экономисты на рубеже 1980-х – 1990-х гг. в целом положительно оценивали хрущевские реформы. Н. П. Шмелев и В. В. Попов отмечали, что материальное стимулирование работников составляло основу ускоренного роста экономики в 1950-е гг., что смогло дать импульс развитию сельского хозяйства, но в конечном счете «резервы хозяйственного подъема оказались исчерпанными» [14, с. 90]. Е. Ю. Зубкова и Л. А. Опенкин считали, что успех преобразований не получилось развить из-за специфики самой социалистической системы хозяйствования с командными методами руководства экономикой [15, 16].

В 1990-е гг. продолжила расширяться и углубляться проблематика исследований. Одной из наиболее обсуждаемых тем остается целинная кампания. В отличие от публикаций советского периода данные работы содержат критические оценки и учитывают негативные последствия целинной кампании. В работах И. А. Благих [17], Е. Ю. Зубковой [18], Л. И. Футорянского [19] обращается внимание на ошибки в проведении кампании, среди которых отмечаются нехватка финансирования, просчеты в планировании, поспешность и непродуманность реформ, а также значительный объем вводимых в оборот земель, часть из которых была слабо пригодна для аграрного производства.

Отдельное внимание уделялось проблемам советского крестьянства в годы реформирования. В работе О. М. Вербицкой, посвященной трансформации крестьянства, делается вывод о действительном улучшении уровня жизни крестьянства, качества их питания, оплаты труда, социального обеспечения вследствие хрущевских реформ. Однако вместе с тем наблюдаются процессы постепенного «раскрестьянивания» деревни, а также усиления миграции населения из сельской местности в города. Вследствие этого крестьянство начинает утрачивать такие традиционные черты сельских жителей как трудолюбие, самостоятельность, предприимчивость [20]. Д. Н. Коньшев, анализируя политику советского руководства в отношении ЛПХ, считает, что постепенное отчуждение земли у крестьян делало их все менее зависимыми от села, что привело к необратимому оттоку населения из сельской местности. В конечном итоге даже контрреформы с возвращением земли крестьянам не смогли препятствовать этому [21].

Тема советского крестьянства развивалась в работах В. А. Ильиных. В них на материалах Сибири рассматривается трансформация крестьянства в советский период. По мнению автора, «раскрестьянивание» деревни было обусловлено снижением роли личных крестьянских хозяйств вследствие натиска со стороны властей в 1950–1960-е гг., а также вытеснением традиционной крестьянской культуры городской и официальной советскими субкультурами [22].

На современном этапе отечественной историографии отмечается расширение методологической базы. Если ранее хрущевские преобразова-

ния рассматривались с позиции советского марксизма, то в 1990-е гг. изучение темы продолжилось в рамках теории модернизации. Наиболее глубокий анализ представлен в работах М. А. Безниина, Т. М. Димони [23], В. А. Ильиных [24], Г. Е. Корнилова [25].

В рамках данной концепции О. Л. Лейбович провел глубокий анализ периода 1953–1964 гг. как одного из этапов советской модернизации. По мнению автора, хрущевские реформы представляли собой лишь обновленную версию сталинской системы, сохранившую такие черты как тоталитарный режим, унификация всей хозяйственной и культурной жизни страны, господство единой идеологии. Отсутствие коренных изменений именно самой системы хозяйствования обрекало проводимую модернизацию на тупиковое развитие, что в свою очередь лишь усиливало отставание от стран Запада [26]. Таким образом, реформы 1953–1964 гг. позволили социалистическим институтам адаптироваться к новой реальности, однако этим же и повлекли за собой процесс их дезинтеграции, что в дальнейшем обусловило необходимость продолжения модернизации.

Об ограниченности проводимой модернизации говорил А. В. Пыжиков, считая, что обновление происходило лишь в области социально-экономического развития, тогда как сама система управления и ее методы качественно никак не изменились [27]. В. М. Кудров, анализируя состояние и специфику советской экономической системы, отмечал ее неэффективность в сравнении со странами Запада практически во всех аспектах, кроме области ВПК. Неэффективность командной экономики, по его мнению, была обусловлена отсутствием личной заинтересованности производителей, искусственным, неорганичным развитием, а также оторванностью от базовых рыночных механизмов [28, с. 304].

Большой вклад в изучение аграрной политики Н. С. Хрущева внес И. Е. Зеленин. На основе огромного массива ранее не использованных источников им был проведен комплексный анализ проводимых реформ. Большое внимание уделялось социальной стороне преобразований – улучшению жизни сельского населения, развитию социального обеспечения, жилищному строительству. И. Е. Зеленин видит заслугу Н. С. Хрущева в «прорыве звеньев сталинской закостенелой административно-бюрократической системы, ликвидации крайних проявлений тоталитарного режима» [29, с. 282], однако отмечает поспешность и непродуманность некоторых решений Н. С. Хрущева. Также автором был предложен новый подход в периодизации хрущевских реформ. В представлении И. Е. Зеленина период 1953–1964 гг. необходимо разделять не на два, а на три этапа. По его мнению, в 1963–1964 гг. Н. С. Хрущев убедился в ошибочности экономического курса, осознал необходимость проведения интенсификации сельского хозяйства, установки комплекса долгосрочных мер по трансформации аграрной отрасли. В последние годы Н. С. Хрущева на посту генерального секретаря состоялась попытка возврата к курсу 1953 года, однако ввиду отсутствия немедленных результатов реформ его позиции в партии пошатнулись, что в конечном счете привело к отставке.

Политические мотивы аграрных реформ Н. С. Хрущева отмечала в своих работах Ю. В. Нечипас. По ее мнению, радикальная смена ориентиров сельскохозяйственного развития в 1953–1964 гг. была обусловлена, во-первых, личными качествами Н. С. Хрущева, его стремлением отстоять свое видение социалистического села, а также необходимостью укрепления позиций внутри партии, а во-вторых, стремлением на этом поприще «догнать и перегнать» страны Запада, что в то же время говорило об определенной оторванности советского руководства от проблем деревни как таковой [30].

В последние годы все большее внимание стало уделяться исследованию региональных особенностей сельскохозяйственных реформ 1953–1964 гг. На местных материалах в новом ключе разрабатываются проблемы управления сельским хозяйством [31], развития колхозно-совхозной системы [32], личных подсобных хозяйств крестьян [33], социально-демографической политики Н. С. Хрущева [34, 35], а также роли молодежных организаций [36].

Таким образом, на современном этапе историографии хрущевских преобразований, благодаря значительному вкладу отечественных историков, был намечен ряд проблем и исследовательских задач, произошло расширение методологической базы. Тем не менее, изучение содержания, роли сельскохозяйственных реформ 1953–1964 гг. требуют дальнейшей разработки и привлечения новых материалов, в том числе из местных фондов. На настоящий момент одной из актуальных задач является проведение исследований на региональном уровне, что позволит заполнить пробелы в изучении данной темы.

Список источников

1. Буздалов И. Н. Интенсификация сельскохозяйственного производства. М.: Экономиздат, 1962. 152 с.
2. Викентьев А. И. Развитие экономики СССР и проблемы пропорциональности. М., 1963.
3. Арутюнян Ю. В. Социальная структура советской деревни. М.: Мысль, 1971. 175 с.
4. Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). Ростов-на-Дону: Госполитиздат, 1976. 463 с.
5. Игнатовский П. А. Социально-экономические изменения в советской деревне (1950–1965 гг.). М.: Политиздат, 1967. 640 с.
6. Тюрина А. П. Формирование кадров и специалистов и организаторов колхозного производства (1946–1958 гг.). М.: Наука, 1973. 310 с.
7. Куликов В. И. Исторический опыт освоения целинных земель. М.: Наука, 1978. 450 с.
8. Слободин В. М. Экономика целинного земледелия. М.: Космос, 1970. 264 с.

9. Казанцев А. В. Реорганизация МТС и формирование механизаторских кадров в колхозах Алтая (1958–1965 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977. С. 204–216.
10. Богденко М. Л. Совхозы СССР. 1951–1958 гг. М.: Наука, 1972. 376 с.
11. Вылцан М. А. Этапы развития концентрации и специализации сельскохозяйственного производства СССР // Вопросы истории. 1979. № 1. С. 3–20.
12. Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. 329 с.
13. Русинов И. В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х гг.: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35–49.
14. Шмелев Н. П., Попов В. В. На переломе: перестройка экономики в СССР. М.: АПН, 1989. 400 с.
15. Зубкова Е. Ю. Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 годов // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4. С. 74–88.
16. Опенкин Л. А. Были ли повороты в развитии советского общества в 50-е – 60-е годы // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8.
17. Благих И. А. Хозяйственные реформы Н.С. Хрущева: волюнтаризм или необходимость? // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Т. 1, ч.1. М., 1993. С. 190–214.
18. Зубкова Е. Ю. После войны: Маленков, Хрущев и оттепель // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 284–320.
19. Футорянский Л. И. Из истории освоения целинных и залежных земель в Оренбургской области: сборник документов и материалов. Оренбург, 1988. 166 с.
20. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М.: Наука, 1992. 224 с.
21. Конышев Д. Н. Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Российская история. 2011. № 3. С. 102–111.
22. Ильиных В. А. Тенденции и этапы процесса раскрестьянивания в Сибири в советский период (к постановке вопроса) // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 42–49.
23. Безнин М. А., Димони Т. М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда: Легия. 2005. 126 с.
24. Ильиных В. А. Аграрный строй Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития // Россия в XX веке. Реформы и революции. М., 2002. С. 644–654.
25. Корнилов Г. Е. Аграрная модернизация России в XX веке: региональный аспект / Г. Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. 2008. № 2 (19). С. 4–14.

26. Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. 181 с.
27. Пыжиков А. В. Хрущевская оттепель 1953–1964 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 511 с.
28. Кудров В. М. Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления. М.: Наука, 2003. 308 с.
29. Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. 304 с.
30. Нечипас Ю. В. Эволюция аграрной политики СССР в 1945–1984 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2005. 374 с.
31. Андреенков С. Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск, 2007. 212 с.
32. Плясуля А. А. Совхозы Западной Сибири в 1928–1934 гг. дис. ... канд. ист. наук.: 5.6.1. Новосибирск, 2023. 260 с.
33. Яхновская С. В. Государственные аграрные преобразования 1953–1964 гг. и личное подсобное хозяйство колхозного крестьянства (по материалам Московской области). дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. М., 2016. 319 с.
34. Леонтьева Е. А. Социальная политика на Южном Урале в период правления Н. С. Хрущева (1953–1964 гг.). дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. Оренбург, 2013. 237 с.
35. Мальцев А. А. Демографические процессы в российской деревне в 1946–1959 гг.: на материалах Среднего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 211 с.
36. Аверьянова Е. А. Комсомол Мордовии в экономической и социокультурной модернизации региона в 1953–1964 гг. дис. ... канд. ист. наук.: 5.6.1. Саранск, 2022. 271 с.

А. И. Курицын¹, М. А. Каплина²

¹ Средняя школа № 175

Минск, Республика Беларусь;

² Минский городской образовательно-оздоровительный центр «Лидер»
Ждановичи, Республика Беларусь

ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕРНОСОТЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В 2010–2020-Х ГГ.

Аннотация. Статья посвящена достижениям российской историографии в области исследования крайне правого движения в 2010–2020-х гг. Существенное рассмотрение получили ключевые работы, определившие облик изучаемой проблематики. Важное место уделено вопросам отражения идеологии черносотенства в современных исследованиях.

Ключевые слова: историография, консерватизм, крайне правые, черносотенное движение, Д. Д. Богоявленский, Г. А. Ивакин, А. А. Иванов, Д. И. Стогов

Abstract. The article is devoted to the achievements of Russian historiography in the field of research of the far-right movement in the 2010–2020s. Key works that determined the shape of the problem under study received significant consideration. An important place is given to the issues of reflecting the ideology of the Black Hundreds in modern research.

Keywords: historiography, conservatism, extreme right, Black Hundred movement, D. D. Bogoyavlensky, G. A. Ivakin, A. A. Ivanov, D. I. Stogov

На протяжении 1990–2000-х гг. в российской исторической науке сформировалась в качестве отдельного исследовательского направления изучение черносотенного движения начала XX века. Этому способствовали как перемены, произошедшие в общественно-политической жизни на рубеже 1990-х гг., так и смена научной парадигмы. Характеризуя историографию данного периода, необходимо указать, прежде всего, работы С. А. Степанова, Ю. И. Кирьянова, И. В. Омелянчука, заложившие основы исследования деятельности российских крайне правых партий и организаций начала XX века.

Важным шагом, продолжившим данные традиции, стала монография Д. Д. Богоявленского «Проблема лидерства в Союзе русского народа» (2012 г.). Посвященное крупнейшей правой партии, данное исследование, рассматривает проблемы становления института лидерства в черносотенном движении. Как указывает автор, «первыми лидерами СРН автоматически стали его наиболее активные учредители – А. И. Дубровин, В. М. Пურიшкевич, Б. В. Никольский, П. Ф. Булацель, А. И. Тришатный, А. А. Майков» [1, с. 219]. Однако начавшееся борьба за лидерство внутри союза привела к тому, что реальным руководителем, фактически получившим единоличную власть, стал А. И. Дубровин. Вместе с тем, анализируя

сложившуюся систему распределения полномочий в правом движении, Д. Д. Богоявленский выделяет следующие группы лидеров. Во-первых, «те, кто имел наибольшее влияние на однопартийцев, на создание и осуществление программных документов и тактических установок, за кем шли члены СРН» [1, с. 220]. К таковым, автор, относит А. И. Дубровина, В. М. Пуришкевича и Н. Е. Маркова. Каждый из них впоследствии стал главой собственной партийной организации, а последние два – также и депутатами Государственной думы Российской империи. Во-вторых, ближайшие сподвижники, вышеуказанных «вождей», иной раз – как Э. И. Коновницын, А. А. Римский-Корсаков, Е. А. Полубояринова и некоторые другие – претендовавшие на власть в правом движении, но не сумевшие ее получить. К данной группе Д. Д. Богоявленский также относит и Б. В. Никольского, П. Ф. Булацеля, А. А. Майкова, А. И. Тришатного, В. П. Соколова. В-третьих, важную группу составляли руководители региональных отделений СРН, такие как П. А. Крушеван, А. И. Коновницын и другие.

Проведенный автором анализ, показывает, что, несмотря на существенные разногласия в том, как реализовать правоконсервативные идеалы, общие представления об идеальной России у большинства правых лидеров были весьма схожими, и во многом базировались на уваровской триаде. Рассматривая особенности партийного строительства в черносотенном движении, Д. Д. Богоявленский отмечает, что «главной чертой лидерства в СРН являлось создание культа «вождя» [1, с. 222]. Однако совокупность как ряда объективных, так и субъективных факторов, в том числе имевших и существенное внешнее влияние, не позволил кому-либо из «тройки» А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков объединить под своей властью правое движение в целом. Отдельно исследователем отмечается тот факт, что «лидеры СРН растратили свой политический ресурс на внутренние конфликты», и «не смогли противодействовать краху Союза и правомонархического движения и тем более гибели самодержавия» [1, с. 223].

Важным шагом в исследовании особенностей идеологии черносотенного движения стал ряд публикаций М. Л. Размолодина, среди которых отдельно необходимо выделить две монографии: «О консервативной сущности черной сотни» (2012 г.), и «Русский вопрос в идеологии черной сотни» (2013 г.) [2; 3]. В данных работах, посвященных схожей тематике, рассматриваются особенности мировоззрения представителей крайне правого движения, наиболее популярные архетипы и взгляды, в своей совокупности, составлявшие основу убеждений черносотенцев. Как отмечает исследователь, вопросы идеологии сыграли в возникновении крайне правого движения ключевую роль. Так, появившиеся правоконсервативные организации представляли собой ответ «традиционалистской части населения на усиление модернизационных процессов», наиболее острой фазой, которых стала Первая российская революция и появление Манифеста 17 октября [2, с. 377]. Изменения, происходившие в Российской империи, с точки зрения существенной части населения, несли угрозу самодержавию, кото-

рое выступало гарантом не только сложившемуся образу жизни, но и православной церкви, а также самобытности российской цивилизации. Представляя революционные события 1905–1907 гг., как выбор между революционным, либеральным и консервативным проектами, М. Л. Размолодин особенно подчеркивает те существенные мировоззренческие отличия, которые пролегли между ними. Вместе с тем, исследователь уделяет внимание тому, что бы показать родственность черносотенства как идеологии с европейским консерватизмом. Однако при этом, автор подчеркивает, что вопреки многочисленным заявлениям самих крайне правых, их «нельзя отнести к реакционным объединениям, ориентировавшимся на возврат к доманифестному строю, так как модель абсолютистской монархии не вписывалась в их представления об исторической русской власти» [2, с. 379].

В настоящее время среди исследователей черносотенства имеется дискуссия по поводу того, какие партии и организации могут, признаны собственно черносотенными. И если известный исследователь крайне правого движения И. В. Омелянчук к таковым относит и Всероссийский национальный союз (ВНС), то ряд других авторов, в том числе и М. Л. Размолодин, считают иначе. В частности, по его мнению, «если черносотенцы ставили в центр своей идеологии защиту православия и вытекающего из него самодержавия и не превозносили нацию как высшую ценность (рассматривая ее производной от двух первых элементов), то русские националисты ставили во главу угла нацию за счет оттеснения других составляющих – православия и самодержавия» [2, с. 380]. Таким образом, ВНС рассматривался как организация русских националистов – идеологически течения близкого, однако имеющего под собой существенно иную природу, что особенно ярко проявилось в 1915 г., когда его наиболее заметные представители – такие как В. В. Шульгин, например, вошли в состав Прогрессивного блока, что было принципиально невозможно для черносотенцев. Существенные различия между двумя направлениями консервативной мысли проявились также в понимании того, что есть русский народ. Как указывает М. Л. Размолодин, черносотенцы трактовали данное понятие «по духовно-культурным критериям, а не природно-биологическому единству, крайне правые считали, что аутентичность русского народа будет сохраняться до тех пор, пока живет православие, с ослаблением позиций которого наступит неизбежный конец самодержавию, единству Российской империи, а затем и народу» [3, с. 475–476]. Соответственно националисты придерживались несколько иной точки зрения, в частности Д. А. Коцюбинский, отмечает, что «несмотря на то, что идеологи ВНС определяли национальность как явление, прежде всего, духовно-культурное, при рассмотрении генезиса этого феномена они придавали приоритетное значение природно-биологическим факторам» [4, с. 98–99]. По общему представлению современных исследователей консерватизма, в этом заключается существенное различие между двумя течениями

праворадикальной мысли: выбирая между религией и нацией, черносотенцы ставили на первое место православие, националисты – наоборот.

Одним из важнейших исследований начала 2010-х гг. стала докторская диссертация Г. А. Ивакина «Черносотенство в политической системе Российской империи начала XX века», защищенная им в 2014 г. [5]. В данной фундаментальной работе, посвященной широкому кругу проблем, связанных с изучением правомонархического движения, особое место уделено представительству правых партий в Государственной думе. Исследователем особо подчеркивается, что «заняв свою нишу в политической системе империи, черносотенцы сыграли важную роль в истории становления российского парламентаризма, хотя, как ни парадоксально, сами отрицали парламентаризм как самостоятельный элемент политики, фундаментально неприемляя его» [5, с. 426]. Составив крайне правый фланг российского политического пространства, крайне правые, по мысли исследователя, в некотором смысле его стабилизировали, а приняв участие в работе Государственной думы – еще и «позволяли императору продолжать править единолично, одобряя все его начинания и блокируя реформы» [5, с. 428]. Вместе с тем, следует признать, что правыми Дума виделась еще и как трибуна для выражения своих взглядов, ввиду того, что за ее деятельностью следила огромное количество внимательных глаз, а принятые там решения (или не принятые) широко анализировались как в русской печати, так и публицистике.

Анализируя развернувшуюся политическую борьбу в России начала XX века, автор отмечает, что ее характерной особенностью была высокая степень радикализированности, избежать которой, как справедливо замечает автор, удалось только либеральным партиям, таким как кадеты и октябристы. Вместе с тем, Г. А. Ивакин совершенно верно указывает, на то, что использование черносотенцами методов террористической борьбы (крайне редкое в сравнение с эсерами и социал-демократами) принесло им больше вреда, чем пользы, в результате чего, был нанесен «значительный ущерб имиджу правомонархизма» [5, с. 429].

Рассматривая причины политического краха черносотенства, автор отмечает принципиальный разрыв между «отечественной патриархально-традиционалистской политико-государственной парадигмой», приверженцами чего являлись крайне правые, и «объективной необходимостью прогрессивного развития» [5, с. 427]. Невозможность совместить в реалиях начала XX века потребности государства и свои идеализированные представления привели к тому, что во время кризиса 1917 г. черносотенцы оказались на обочине истории.

Отмечая существенный вклад Г. А. Ивакина в исследование черносотенства следует, следует указать на продолжение им традиций Ю. И. Кирьянова в области подготовки и публикации источников, относящихся к деятельности черносотенцев. Так, в 2017 г. и 2020 г. благодаря ему были опубликованы сборники документов «Служить престолу...», представляющие собой важный вклад в насыщение исследовательского

пространства необходимыми источниковыми материалами [6; 7]. Особый интерес, как верно отмечает Г. А. Ивакин в предисловии, среди опубликованных материалов представляют «документы частного характера – письма лидеров черносотенных союзов и организаций», в том числе и переписка лидеров крайне правых союзов с высшим руководством страны [6, с. 16].

Важным шагом в осмыслении достижений результатов исследования черносотенного движения стала монография Г. А. Корнеевой «Правомонархическое политическое движение в современных исследованиях историков: Сибирский регион», увидевшая свет в 2016 г. [8]. Стоит отметить, что крупных исследовательских работ, посвященных историографии крайне правого движения, к настоящему времени, создано недостаточно. Среди наиболее значимых, помимо труда Г. А. Корнеевой, необходимо упомянуть монографию Д. В. Карпухина «Черная сотня: вехи осмысления в России», созданную на основе его кандидатской диссертации [9], а также диссертационное исследование В. Г. Кичеева [10]. В отличие от исследований Д. В. Карпухина и В. Г. Кичеева, в фокусе внимания которых оказалась общероссийская проблематика, в труде Г. А. Корнеевой рассматривается комплекс исследований, затрагивающих преимущественно сибирскую проблематику в той или иной степени. Отмечая рост внимания историков на рубеже 1990-х гг. к правой тематике, автор указывает, что исследователи в настоящее время, «акцентируют внимание на проблеме не востребованности обществом не только либеральной, но и консервативной идеологии с ее подпиткой традиционализмом в условиях углубления общенационального кризиса начала XX в.» [8, с. 330]. Поиск причин этого представляет собой серьезную исследовательскую задачу, разрешение которой позволит существенно расширить наше представление о генезисе революции 1905–1907 гг., а вместе с этим, и тех процессов, которые привели к крушению Российской империи в целом. Г. А. Корнеева, анализируя успехи современной историографии в области изучения черносотенства, справедливо пишет о том, что к настоящему времени имеется «ряд специальных исследований по истории движения и его отделов в регионе», а также «практической деятельности монархистов в территориальных границах Степного края, губерний Западной и Восточной Сибири» [8, с. 331]. Автор отмечает, что в работах «сибирских историков существует проблема типологии ряда «пограничных» партий «прогрессистского» толка в границах консервативного или либерального лагерей общественно-политического движения» [8, с. 332]. При этом стоит указать, что данные трудности весьма характерны также и при исследовании других регионов бывшей Российской империи, в частности белорусских и украинских губерний. Связано это с тем, что позиции местных октябристов, националистов и черносотенцев зачастую были практически неразличимы по широкому кругу вопросов.

Существенный интерес представляет анализ Г. А. Корнеевой выделения из комплекса факторов, вызвавших возникновение черносотенного

движения, тех, которые имели решающее значения в его генезисе. Как отмечает автор, в своей массе сибирские исследователи черносотенства отдают предпочтение социально-экономическим и политическим причинам, в тоже время появляются «исследования, выполненные в социокультурной парадигме», в которых, как правило, рассматриваются причины возникновения погромов, еще до образования собственно крайне правых организаций [8, с. 335].

Значимым явлением в исследовании черносотенного движения стало диссертационное исследование О. А. Шимбиревой «Документальные комплексы архивного фонда Союза русского народа «Письма черносотенцев и других лиц» как источник изучения общественных настроений в Российской империи начала XX века». Защищенная в 2017 г. данная диссертация, стала первой специальной работой, посвященной проблемам источниковедческого анализа делопроизводственных материалов, отложившихся в архивных фондах. Существенное внимание автором было уделено проблеме «создания единого комплекса материалов по истории» Союза русского народа, что позволило О.А. Шимбиревой прийти к выводу, что имеющиеся материалы могут быть использованы при решении целого ряда «конкретно-исторических задач» [11, с. 210–211]. В частности, это вопросы «финансирования союза; функционирования его руководящих органов; взаимоотношений с другими правыми партиями и организациями; взаимоотношений с органами власти и их представителями; издательской деятельности союза» [11, с. 211]. Особый интерес представляет проведенный исследовательницей анализ комплексов переписки «Письма черносотенцев и других лиц», показывающий, что авторы писем, «наиболее активно транслировали через свои послания такие категории как «поддержка самодержавия», националистические высказывания, антиреволюционные настроения, «поддержка и защита православной веры», выражение поддержки СРН и лично А. И. Дубровину» [11, с. 219]. Это позволяет сделать вывод, о наличии устойчивых консервативных архетипов среди сторонников Союза русского народа, которые собственно и стали тем основанием, на котором была построена партия. Впрочем, остается открытым вопрос, что в данной ситуации было первичным: консервативный запрос со стороны части общества в той форме, в которой его реализовал СРН, или воспитание Союзом своих единомышленников в соответствующем духе.

Особое значение в совокупности исследований, посвященных осмыслению места и роли черносотенства в истории России, занимает литература апологетического характера, в которой, как справедливо отмечает Г. А. Ивакин, «сегодня находят специфическое отражение ряд острых вопросов, связанных с правомонархизмом» [12, с. 75]. В частности, здесь необходимо упомянуть публикацию биографических, а также документальных материалов О. А. Платоновым, посвященных лидерам черносотенного движения, таких как «Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил» [13], «Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы» [14], «Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России» [15] и ряд других работ.

Не отрицая значимости того, что благодаря данным изданиям существенно расширился доступ к опубликованным текстам, следует признать, что сделано это вне «соблюдения элементарных археографических норм», как замечает А. В. Репников, рассматривая аналогичную ситуацию в предшествующее десятилетие [16, с. 40]. Это в свою очередь, значительно сужает использование данных текстов в рамках научного исследования. Примечательно, что автором предисловия к томам, посвященным Н. Е. Маркову и А. И. Дубровину, стал Д. И. Стогов, один из ведущих в настоящее время исследователей черносотенства. В тесном сотрудничестве с О. А. Платоновым, им также была опубликована работа «Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию», представляющая собой сборник биографий наиболее известных деятелей черносотенного движения [17].

Авторству исследователя также принадлежит ряд работ, посвященных широкому кругу проблем, связанных с черносотенным движением. Среди наиболее значимых, следует выделить монографию «Правые кружки Петрограда в предреволюционной политической борьбе (июль 1914 – февраль 1917 гг.)» [18]. Данное исследование, рассматривает влияние правых салонов столицы на политическую жизнь империи, в том числе и на деятельность черносотенных организаций. Как указывает автор, «кружки А. А. Римского-Корсакова и С. Д. Шереметева были сугубо «правыми» по своей сути и выработали четкую программу политической деятельности» [18, с. 246]. Среди их членов необходимо назвать таких известных деятелей черносотенного движения как Н. Е. Маркова, В. П. Соколова, Г. Г. Замысловского, а также представителей высшего руководства Российской империи, например С. П. Белецкого, А. Д. Протопопова, Н. А. Маклакова, Б. В. Штюмерера, В. Ф. Джунковского и др.

Как пишет Д. И. Стогов, вопросы, попадавшие в поле зрения участников данных собраний, были достаточно широки, но наибольшее значение имели «проблемы, связанные с внутренней и внешней политикой», и особенно «вопросы, связанные с патронатом и протектированием тех или иных лиц» [там же]. Вместе с тем, автор признает, что в период Первой мировой войны влияние данных кружков существенно падает, а их деятельность приобретает преимущественно характер «продвижения или, наоборот, устранения некоторых государственных и церковных деятелей» [18, с. 249].

Важнейший вклад был внесен в исследование черносотенного движения А. А. Ивановым. Его монография «Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917)» является одной из важнейших работ, посвященных изучению роли правых членов Государственной думы и Государственного совета в политической жизни Российской империи в период Первой мировой войны. Как отмечает автор, «правые крылья обеих законодательных палат являлись активными участниками практически всех мероприятий, организуемых монархистами, и играли далеко не последнюю роль в черносотенном движении в целом» [19, с. 473]. Однако их влияние в общественной жизни на протяжении 1915–1917 гг. постепенно падает,

к началу 1917 г. «активность отдельных членов не могла повлиять на общую апатию и деградацию» правых, в результате чего, Февральская революция становится лишь констатацией их политического краха [19, с. 474]. По мнению исследователя, это во многом было связано с тем, что правыми так и не была создана глубоко проработанная программа выхода из того системного кризиса, в котором находилась Российская империя в начале XX века. Несмотря на то, что черносотенцам «порой удавалось справедливо и метко критиковать своих политических противников», этого явно было недостаточно, ввиду того, что правые зачастую показав несостоятельность взглядов политических оппонентов, не могли предложить свои, «действенные рецепты для умиротворения общества и спасения монархии от краха» [там же].

Существенным является и участие А. А. Иванова в рассмотрении широкого круга вопросов, связанных с исследованием черносотенства. Помимо прочего, его перу принадлежат биографии главных деятелей правого движения. Так, в 2020 г. вышла монография «Пламенный реакционер. Владимир Митрофанович Пуришкевич», а в 2023 г. – «Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков», посвященные соответствующим политикам.

Таким образом, можно констатировать, что в 2010–2020-х гг. выходит ряд исследований, значительно расширивших представление научного сообщества по ряду ключевых вопросов. Существенным отличием историографии 2010–2020-х гг. следует признать тот, факт, что если в предшествующий период выходили, как правило, работы, посвященные черносотенному движению в целом, то для новейших исследований характерно глубокое рассмотрение определенных тем. Таковыми стала проблема политического размежевания крайне правых в 1907-1912 гг., идеология черной сотни, роль и место правомонархического движения в системе политических отношений Российской империи, а также влияние правых салонов и кружков, как на власть, так и на черносотенство в целом. Серьезное внимание исследователями было уделено проблеме политического краха правого движения к 1917 г., тем факторам, которые к этому привели. Был создан ряд трудов, посвященных жизненному пути деятелей черносотенного движения.

Вместе с тем, как и в предшествующий период, было продолжена традиция публикации источникового материала архивного характера в специальных сборниках документов, а равно и историографическое осмысление имеющейся совокупности исследований. Стоит отметить и появление первого диссертационного исследования, в рамках которого деятельность крайне правых партий и организаций представлена сквозь призму источниковедческого анализа материалов архивного фонда Союза русского народа.

Список источников

1. Богоявленский Д. Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа / Д. Д. Богоявленский. М., 2012. 242 с.
2. Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни / М. Л. Размолодин. Ярославль, 2012. 388 с.
3. Размолодин М. Л. Русский вопрос в идеологии черной сотни / М. Л. Размолодин. Ярославль, 2013. 480 с.
4. Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза / Д. А. Коцюбинский. М., 2001. 528 с.
5. Ивакин Г. А. Черносотенство в политической системе Российской империи начала XX века: дисс. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Г. А. Ивакин. М., 2014. 516 с.
6. Ивакин Г. А. «Служить престолу ...» / Г. А. Ивакин. Т. 1. М., 2017. 398 с.
7. Ивакин Г. А. «Служить престолу ...» / Г. А. Ивакин. Т. 2. М., 2020. 232 с.
8. Корнеева Г. А. Правомонархическое политическое движение: Сибирский регион / Г. А. Корнеева. СПб., 2016. 427 с.
9. Карпухин Д. В. Черная сотня: вехи осмысления в России / Д. В. Карпухин. М., 2009. 388 с.
10. Кичеев В. Г. Отечественная историография помещичьих и буржуазных партий России: автореф. дисс. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / В. Г. Кичеев. Улан-Удэ, 2009. 51 с.
11. Шимбирева О. А. Документальные комплексы архивного фонда Союза русского народа «Письма черносотенцев и других лиц» как источник изучения общественных настроений в Российской империи начала XX века: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / О. А. Шимбирева. М., 2017. 254 с.
12. Ивакин Г. А. Изучение черносотенства в современной Российской исторической науке: критический подход и новая мифология / Г. А. Ивакин // Казачество. 2018. № 2 (32). С. 56–77.
13. Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил. М., 2011. 704 с.
14. Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы. М., 2011. 480 с.
15. Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России. М., 2013. 720 с.
16. Репников А. В. Русский консерватизм и современное мифотворчество: историографический аспект проблемы / А. В. Репников // Интеллигенция и мир. 2008. № 3. С. 27–45.
17. Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию / Д. И. Стогов. М., 2012. 672 с.
18. Стогов Д. И. Правые кружки Петрограда в предреволюционной политической борьбе (июль 1914 – февраль 1917 гг.) / Д. И. Стогов. СПб., 2020. 253 с.
19. Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917) / А. А. Иванов. М.; СПб., 2013. 520 с.

РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

УДК 904:28(=012)(55)"12/13"

Т. Ш. Уметбаев
Сибирский федеральный университет,
ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН»
Красноярск, Россия

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ ИСЛАМА МОНГОЛАМИ ДИНАСТИИ ХУЛАГИДОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТРУДЕ РАШИД АД-ДИНА «ДЖАМИ АТ-ТАВАРИХ» И ЕГО ПЕРЕПИСКЕ

Аннотация. В статье на основе опубликованных источников проанализирован вопрос о религиозной адаптации монгольской династии Хулагидов (ильханов) к мусульманскому Ирану в XIII – начале XIV вв.

Ключевые слова: Рашид ад-Дин, Хулагиды, Газан-хан, ислам

Abstract. The article analyzes the issue of religious adaptation of the Mongolian dynasty of the Hulagids (Ilkhans) to Muslim Iran in the XIII – early XIV centuries on the basis of published sources.

Keywords: Rashid al-Din, Hulagids, Ghazan Khan, Islam

Великий историк и поэт средневекового мусульманского Востока Абулькасим Фирдоуси оставил в своей бессмертной поэтической истории Ирана «Шахнаме» поэтические строки, в которых говорил о своем бессмертии по причине создания «славного труда» и о том, что те, кто будет читать этот труд, обязательно вспомнят его «словами хвалы» [1, с. 575].

Строки эти мог бы сказать о себе и Рашид ад-Дин, иранский историк с еврейскими корнями. Его летопись стала ценным источником информации. Интерес к его деятельности не ослабевает. Обстоятельства его жизни и его государственной деятельности драматичны.

Одним из тех, кто критически проанализировал его сочинение и дал обстоятельную оценку, был В. В. Бартольд. «Для персидской историографии труд Рашид ад-Дина не мог пройти бесследно, но не имел и тех последствий, каких можно было ожидать, – отмечал востоковед. – Слишком прочно утвердились к началу XIV в. литературные вкусы, при которых в исторических сочинениях забота о полноте и достоверности материала совершенно отходила на задний план перед заботой о форме изложения» [2, с. 295].

Но при всей критичности взгляда на его исторический труд крупный исследователь дал и общую положительную оценку: «Как свод исторических материалов труд Рашид ад-дина – единственное в своем роде явление в мировой литературе; ни раньше, ни после не было такой попытки составить свод исторических сведений обо всех народах от Атлантического до Великого океана при сотрудничестве представителей отдельных народов» [2, с. 293].

Обусловлено это тем, что Рашид ад-Дин пользовался разными источниками исторической информации. Среди них и ранее появившиеся труды мусульманских ученых; и «Золотая тетрадь» (официальная хроника монгол) из ханской сокровищницы, и монгольские предания прибывшего из Китая Пулада, и сведения «иностранных специалистов», и собственные наблюдения современной ему истории.

Рашид ад-Дин родился около 1247 г. и рос в условиях становления династии Хулагидов (с 1256 г., с момента их прихода в Иран), что не могло не наложить своего отпечатка на его карьеру. Он начинал как финансовый чиновник и врачеватель. Система государственного управления включала немало элементов, унаследованных от прежней ирано-мусульманской администрации. В свое время халиф Сулейман (715–717 гг.) удивлялся иранцам, которые могли обойтись без арабов, хотя при этом арабы никогда не могли обойтись без иранцев в управлении страной [2, с. 252]. Многие заимствовали и завоевавшие Иран сельджукиды. Наконец, в Иран пришли и монголы, а именно – династия Хулагу-хана, Хулагиды, или ильханы. И те, и другие, подобно арабам, завоевав Иран, использовали достижения государственного управления, которые тысячелетиями складывались в Иране.

Годы жизни и деятельности Рашид ад-Дина (1247–1318 гг.) пришлись на достаточно трудные процессы взаимодействия не только старой иранской и новой монгольской власти, принимавшие зачастую форму острого конфликта, но взаимодействия разных религиозных систем – ислама, тенгрианства (привычного монголам), несторианства, поддерживаемого Хулагу-ханом, и буддизма. При этом И. Петрушевский отмечал, что более всего адаптированы к монголам оказались буддизм и христианство [3, с. 15].

Адаптация монголов к мусульманской системе заняла много времени. Первым из Хулагидов принял ислам хан Токудар (1282–1284 гг.), ставший Ахмедом. Но его не поддержала монгольская гвардия, он был пойман и казнен «без пролития крови» (поскольку был чингизидом). Учитывая влияние мусульман, как специалистов, в системе государственного управления, Аргун-хан попытался внедрить в эту систему евреев и христиан, как противодействие мусульманам. Одним из этих чиновников был Саад ад-Доуле, желание которого оградить население от бесчинств новой монгольской феодальной верхушки, а также сопротивление мусульманского чиновничества привело к его казни и еврейским погромам 1291 г. Попытка Кейхату-хана (1291–1295 гг.) и его визиря Халиди путем раздачи

подарков установить межконфессиональный мир привело только к опустошению казны.

В 1295 г. на иранский престол взошел молодой Газан-хан, который знал Рашид ад-Дина и уже использовал его при себе как придворного врача. И, как отмечал З. В. Тоган, именно Газан первым поручил создать общую тюркскую историю [4, с. 194].

Сам Рашид ад-Дин еще в 1270-х гг. принял ислам. Чиновнику и врачу открылись большие возможности для изучения истории. А его способности государственного деятеля привели к тому, что Рашид ад-Дин в 1298 г. стал одним из визирей молодого государя.

Как министр, он должен был обдумывать каждый свой шаг. И, конечно, изучал прошлое страны, видя, например, в государстве Сельджукидов образец монолитной сильной державы [5, с. 17]. Не без гордости Рашид ад-Дин говорил, что все тюркские и таджикские правители молятся за династию ильханов [5, с. 216]. И, конечно, его переписка «Саваних-ал-афкар-и-Рашиди», изданная уже в период нахождения визирем его сына (между 1327 и 1336 гг.) [5, с. 20] представляет ценность как источник по истории государства Хулагидов.

Принятию ислама Газан-ханом посвящен специальный рассказ. Основы веры Газан-хан усвоил еще в раннем детстве при деде Абага-хане, который специально поставил возле ребенка учителей для напутствия в делах мусульманской веры [6, с. 162].

Но летопись отражает, что к принятию ислама в качестве государственной религии он пришел не сразу. Тем более, среди самой монгольской знати было немало тех, кто готов был этому противодействовать, как выступивший против него Байду. Для мусульман их клятва освящается Кораном, а монголы использовали для этого золото [6, с. 163].

Среди тех, кто поддержал Газана, был Новруз. Не исключено, что Новрузу стал известен тайный образ мыслей Газан-хана относительно ислама. Именно Новруз, согласно источнику, обратился к своему сюзерену с предложением «укрепить ислам», с чем Газан согласился. Не исключено, что это сделали и другие вельможи. Это обеспечило Газан-хану поддержку со стороны мусульманской знати. Наибольшее влияние на хана, как следует из летописи, оказал великий шейх Садр-ад-Дин Ибрахим ибн Кутб ал-Авлия Са'д-ад-Дин Хамави, который рассказал о вере и ее глубинном понимании [6, с. 163]. В октябре 1295 г. курултай провозгласил Газана ильханом.

Именно Новруз направился в Хорасан, для того, чтобы подавить антимусульманское сопротивление родственников ильхана. Но в 1296 г. по навету придворных клевретников он был обезглавлен, о чем сообщается в труде Хондемира [7, с. 67].

В начале месяца ша'бана 694 года хиджры (1295 г.) Газан-хан и его эмиры стали мусульманами [6, с. 164]. При этом одним из основных аргументов было то, что население Ирана исповедует ислам [6, с. 163]. Были

уничтожены все буддийские храмы, а также немало новых синагог и христианских церквей [6, с. 199].

Одним из наиболее важных мероприятий стало восстановление вакуфной собственности. Например, благоустройство сейидов, о чем говорится в одном из писем переписки. И в обоснование этому в переписке Рашид ад-Дина констатируется, что строительство бань, лавок, караван-сараяв (в данном конкретном случае – в Сивасе) обусловлено необходимостью отдыха, спокойствия и защиты людей знания [5, с. 207]. Таким образом, ислам выступал не только в качестве религии, но и в качестве государственной идеологии, призванной стабилизировать общую политическую и экономическую обстановку в государстве.

Наследовавший престол после газановой смерти новый ильхан, Олджайту, сын кераитки с христианским вероисповеданием, тем не менее внимательно отнесся к вопросам, связанным с мусульманской догматикой. Принимая участие в спорах и дискуссиях между различными толками ислама, он наблюдал ожесточенность этих споров. Но в ответ на предложение отказаться от ислама, остался его приверженцем, шафиитом в душе, но на деле приверженцем шиизма с его порядком «наследственной передачи власти» и «предпочел культуру двенадцати имамов» [4, с. 194].

В 1316 г. на иранский престол вступил малолетний Абу Саид. Власть при нем захватил регент эмир Чубан, которого поддерживал второй визирь Тадж ад-Дин Алишах. В результате внутриворцовой борьбы Рашид ад-Дин ушел в отставку. Этого его врагам показалось мало. И тогда бывшего визиря обвинили в отравлении султана Олджайту. Он был вместе с сыном приговорен к смерти и казнен 18 июля 1318 г.

Рассматривая политические события в Иране этого времени, наблюдается целый ряд конфликтов, которые были обусловлены борьбой за власть. Но мусульманская религиозно-политическая система, как показали события, оказалась достаточно прочной. И монгольская династия, в конечном счете, адаптировалась к этой религиозно-политической системе.

Список источников

1. Фирдоуси. Шахнаме / Фирдоуси. М.: Наука, 1989. Т. VI.
2. Бартольд В. В. Сочинения. Т. VII / В. В. Бартольд. М.: Наука, 1971.
3. Петрушевский И. / Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1.
4. Тоган З. В. Введение во всеобщую историю тюрков / Тунджер Байкара. Заки Валиди Тоган. Уфа: Китап, 1998.
5. Рашид ад-Дин. Переписка. М.: Наука, 1971.
6. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1946. Т. 3.
7. История монголов. От древнейших времен до Тамерлана. СПб.: Типография К. Края, 1834.

Г. Ю. Ситнянский
Институт этнологии и антропологии РАН
Москва, Россия

ЧИНГИЗИДЫ, ДЖУНГАРЫ И МАНЬЧЖУРЫ: ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИЗ ПРОШЛОГО

Аннотация. В 1634 г. прекратилась чингизидская династия Северная Юань, наследница Великих ханов. При этом неясно, кому последний правитель этой династии передал великоханскую печать – родоначальнику династии Цин Абахая, как утверждает китайская историография, или джунгарскому хану. Материалы авторского исследования позволяют склониться ко второй версии.

Ключевые слова: Великие ханы, джунгарские ханы, династия Цин, ханская печать

Abstract. In 1634, the Genghisid dynasty of the Northern Yuan, the heiress of the Great Khans, ceased to exist. At the same time, it is unclear to whom the last ruler of this dynasty handed over the Great Khan seal – the ancestor of the Qing dynasty, Abakhai, according to Chinese historiography, or the Dzungarian Khan. The materials of the author's research allow us to lean towards the second version.

Keywords: Great Khans, Dzungarian Khans, Qing Dynasty, Khan's seal

Говоря о фальсификациях истории, обычно имеют в виду в основном XX–XXI в. Однако фальсификации имели место и ранее. Данная статья посвящена разоблачению одной фальсификации, имевшей место в Китае в XVIII в. в правление династии Цин и подхваченной уже более поздней китайской историографией. Речь идет о том, кому передал печать Великого Хана последний представитель чингизидской династии Северная Юань.

После изгнания Чингизидов из Китая (1368 г.) в степях к северу от Великой Стены продолжала править чингизидская династия Поздняя Юань, номинально считавшаяся сувереном всех государств, управлявшихся Чингизидами, вплоть до Крыма и Поволжья, а после отвоевания Средней Азии у Тимуридов Чингизидами-Шейбанидами – и до пределов этого региона, что давало европейцам изображать на своих картах XVI–XVIII вв. «Великую Тартарию» в пределах всей Сибири, Средней Азии, Урала, Поволжья, Крыма, всех территорий севернее Великой Китайской стены и Тибета. Но уже в конце XIV в. у Северной Юань появился опасный соперник – западномонгольские племена ойратов, которые в XV–XVI вв. начали оспаривать у них главенство над «Тартарией», хотя временами номинально, а иногда и фактически (например, в конце XVI в.) признавали власть «Северных Юаней» [Подр. см.: 14]. В 1586 г. ойраты убили навязанного им правителя и восстановили свою самостоятельность [3, с. 106–107].

Принято считать, что в это время (1586–1587 гг.) падение могущества джунгаро-ойратов после их подчинения Северной Юань прошло низшую точку [13, с. 79–82], и уже в 1590-х они начинают широкомасштабную экспансию, в том числе в Сибири: так, отряды калмыков появляются близ только что основанной русскими Тары [10, с. 16], а в начале XVII в. калмыки появляются и в Притомье. Наконец, в 1609 г. калмыки появились на Нижней Волге. Примерно с этого же они отказываются платить России ясак, на том основании, что «прежде ясаку никому не даывали... и вперед де ясаку давати никому не хотят», по вопросу о кочевании в русских владениях отвечают, что «люди они кочевые, а не месные, где похотят, там и кочуют». Наконец, на требование не трогать русских подданных – жителей Барабинской степи, а передавать жалобы на них, если таковые будут, русским властям в Тару, калмыки-джунгары заявляют: «Посылать де о управе на тех татар к воеводам на Тару не хотят, управятца и сами» (орфография оригинала – Г. С.) [8, с. 38–39]. Короче говоря, держатся джунгаро-ойраты заносчиво и вызывающе, хотя дело тут, скорее всего, не только и даже не столько в усилении Джунгарии, сколько в слабости России: напомним, это 1609–1614 гг.

Н. Я. Бичурин констатирует: «По внимательном соображении... сведений о переходе Торготов (торгоутов, предков волжских калмыков – Г. С.) из Алтая в Россию (в Западную Сибирь и на Нижнюю Волгу – Г. С.) каждый убедится в истине, что сей переход, случившийся в одно время с переселением хошотов от Алтая же к Хухунору, произошел не от взаимных неудовольствий между ханами... Ойраты... приобрели господство в Азии от Алтая на запад до Каспийского моря, на юг до пределов Индии (это явное преувеличение, но к границам Средней Азии они подошли – Г. С.). Из сих обстоятельств очевидно, что ойраты... замыслили восстановить древнюю Чингисханову империю в Азии» [2, с.27].

В 1634 г. калмыки-ойраты совершили набег даже на Тюмень [5, с. 18]. А. М. Позднеев вслед за Н. Я. Бичуриным пишет, что в 1630-х гг. «ойраты господствовали... над всем пространством от берегов Каспия на западе до Алашани на востоке и от Урала на севере до пределов Индии к югу...» [12, с. 144]. Здесь мы снова видим преувеличение насчет «Индии», но факт тот, что как раз в это время джунгаро-ойраты начали походы в Среднюю Азию и Казахстан. Например, уже в 1616 г. русские послы доносят: «К Колматцкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая орда (Старший жуз – Г. С.) да Киргизская орда» [8, с. 53]; И. Я. Златкин полагает, что речь идет о киргизах Енисея [3, с. 135], хотя не факт, что он прав.

А в 1643 г. джунгары уже бесспорно совершили поход на киргизов Тянь-Шаня, причем их хан Батур-Хунтайджи «взял две землицы алатай-киргизов (горы Алатау? – Г. С.) до токмаков (район нынешнего города Токмак в Чуйской долине? – Г. С.) тысяч 10». Нападение на Ташкент и Туркестан, правда, казахи и узбеки сумели отбить, но захваченные кир-

гизские земли остались за джунгарами [4, с. 458]. Помимо всего прочего, участвовали в этом походе и волжские калмыки [3, с. 199].

А. М. Позднеев продолжает: «Это могущество дало им возможность вслед за сим овладеть еще Восточным Туркестаном, а к концу XVII в. распространить свои завоевания на всю Монголию» [12, с. 144]. Однако есть основания думать, что последнее произошло значительно раньше, чем «к концу XVII в». Это видно хотя бы из того, что в походе 1643 г. на киргизов приняли участие войска халхаского (восточномонгольского) Алтан-хана [4, с. 158].

И вот как раз в это время (1634 г.) прекратила свое существование династия Северная Юань в Восточной Монголии. В XVII в. Чингизиды испытывали все возрастающее влияние маньчжуров, как раз тогда создавших свое государство и начавших войну против Китая (1616–1618 гг.) В попытке остановить дезинтеграцию Лигдэн-хан, последний хан Северной Юань, в 1628 г. вступил с маньчжурами в безуспешную войну. При этом, следуя примеру Чингис-хана, он назначил в тумены собственных командиров и сформировал группу военной элиты вместо оппозиционно настроенной старой знати, что вылилось в масштабный мятеж последней. Войска Лигдэн-хана разбили мятежников и пришедших им на помощь маньчжур при Жаочене, но отступили перед последовавшей карательной экспедицией. Лигдэн-хан умер в 1634 г., а в следующем году его сын Эджей-хан признал поражение от маньчжур [7, с. 59–70]. Однако он все еще числился номинальным сувереном всех чингизидских государств, хотя и изрядно уменьшивших к тому времени свои территории (например, Россия завоевала Поволжье и Сибирское ханство), и предстояло, потерпев поражение, передать кому-то полномочия суверена. Возникал вопрос – кому?

Китайская историография вслед за официальными маньчжурскими источниками (как известно, в 1644–1683 гг. в Китае утвердилось у власти маньчжурская династия Цин) полагает, что Эджей-хан отдал великую печать императора Юань маньчжурскому правителю Абахаю (сын основателя маньчжурского государства Нурхаи, годы правления 1626–1643), что и послужило два года спустя (1636) основанием для провозглашения последнего правителем восточных монголов [3, с. 168].

На этом династия Северная Юань пресеклась. Однако возникает вопрос: кому на самом деле была отдана печать Северной Юань, когда, да и кем – Эджей-ханом или кем-то другим? Последнее, впрочем, не очень важно, но первые два вопроса необходимо прояснить. Есть основания полагать, что монголы (судя по их дальнейшему поведению) знали или как минимум догадывались, знали что Эджей-хан не отдавал юаньской печати Абахаю и что эта была маньчжурская пропаганда.

По общепринятой версии, Лигдэн-хан умер в 1634 г. по пути в Тибет, где он намеревался уничтожить буддийскую школу гелуг, оппозиционную поддерживавшейся им другой школе, карма-кагью. И тут сразу возникает вопрос: неужели в такое трагическое для его династии и государства время

ему делать было больше нечего, как влезать в буддийские религиозные распри?

Тем более, что есть и иные сведения: помощь Далай-ламе V во внутреннем конфликте в Тибете оказал на самом деле основатель Джунгарского ханства Батур-хунтайджи (1635 – после 1650), за что и получил от Далай-ламы ханский титул. Впоследствии титул унаследовали его потомки, правители Джунгарии. В связи с этим вопрос: Тибет ли он ехал и самое главное – маньчжурам ли его сын отдал печать? Может быть, Лигдэн-хан и ехал в Тибет помочь Далай-ламе, но реально это смог сделать Батур-хунтайджи, за что Лигдэн-хан и передал ему ханские регалии, каковую передачу Далай-лама и освятил?

Здесь необходимо вспомнить, что как раз 1634–1635 гг. считаются годами основания Джунгарского ханства? Напомню, что на протяжении предыдущих 400 лет титул хана могли носить только Чингизиды. Джунгарские же правители именовались «хунтайджи» (русифицированный вариант – «хунтайша» или «контайша»). Сибирский летописец Черепанов прямо пишет: «В сих летах начало свое возымело в калмыцких тайшах Зенгорское владение» [15, л. 184], очевидно, имея в виду, что джунгарские правители получили какие-то новые полномочия, позволившие им «возыметь в калмыцких тайшах владение» не только фактически, но и официально. Какие это могли быть полномочия? Логично предположить, что – великоханские. Так не джунгарскому ли правителю как преемнику в деле возрождения «Великой Тартарии» последний Чингизид отдал печать, что и позволило тому отныне именоваться ханом?

В пользу этого же говорит и тот упоминавшийся уже факт, что уже в 1643 г. воины из Восточной Монголии принимали участие в джунгарских походах на Среднюю Азию. Это позволяет думать, что джунгары подчинили Восточную Монголию не в 1680-х, а в 1630-х гг. Это было не так трудно сделать с учетом того, что маньчжурам, занятым китайскими проблемами, а с 1644 г. – завоеванием Китая, затянувшимся почти на сорок лет, в это время стало просто не до Монголии, кроме разве что некоторых прикитайских ее районов (будущей Внутренней Монголии), да и то не всех.

На чем же основана считающаяся общепринятой точка зрения, что Лигдэн-хан отдал великую печать императора Юань маньчжурскому правителю Абахаю, сыну основателя Маньчжурского государства Нурхацы и отцу первого цинского императора Китая Фулиня (более известен под девизом правления Шунчжи)? Об этом пишет И. Я. Златкин [3, с. 168], о том же говорил на международном семинаре «Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.» (Санкт-Петербург, 24–28 августа 2020 г.), в котором автор данной статьи принимал участие, Н. И. Храпунов из Симферопольского университета, добавив, что одним из имен Абахая было Хунтайджи.

Действительно, Абахай упоминается под именами Хунтайджи. Более того, существует мнение, что имя «Абахай» – неверное: он никогда

не упоминался под этим именем в маньчжурских и китайских источниках; предполагается, что оно основано на ошибке русского китаевода В. В. Горского [17, с. 296–299]. Однако сходство имени второго маньчжурского правителя с титулом правителей джунгарских до 1634–1635 гг. сразу наводит на некоторые подозрения.

Продолжим этимологию имен. Согласно одной из точек зрения, имя «Абахай» выводится из монгольского «Абакай» – почетного имени, дававшегося младшим сыновьям монархов. Оно соответствует известному монгольскому титулу хунтайджи (в китаизированной форме – «хунтайцзи» или «хуантайцзи», под которым известен этот хан) [16, с. 69]. «Абахай» может быть также частью девиза правления на маньчжурском языке («Аб-кай суре», или кит. «Тяньцун» – «Покорный Велению Неба»).

Допустим, что так, но странного совпадения имени Абахая с титулом джунгарских ханов этот факт не отменяет. Да и у монголов титул «хунтайджи» в доджунгарские времена если и имел распространение, то явно второстепенное, претензии на какую-то гегемонию он едва ли мог выражать, иначе непонятно, почему все Чингизиды именовали себя «ханами», а не «хунтайджи». Титул же «хунтайджи» носили иные второстепенные правители, владевшие территориальными доменами, например Шолой-Убаши-Хунтайджи, один из правителей Северной Халхи [3, с. 110]. Да и джунгарский правитель после 1634 г. предпочел ханский титул. И с чего бы вдруг Абахая брать такой титул, если его соперник – правитель Джунгарии – предпочел ханский? Непонятно. Это не говоря уже о том, что есть точка зрения, что Абахай к своему маньчжурскому титулу присовокупил не монгольское имя Хунтайджи, а китайский титул (или имя?) «Хунтайцзи» [11, с. 34].

При этом применительно к середине – второй трети (а в основном, как мы уже видели, уже в 1630-х гг.) в XVII в. можно говорить о Джунгаро-Ойратском ханстве от Нижней Волги до Большого Хингана и от Южного Урала до рубежей, не очень далеких от «пределов Индии», если такими считать афганские горы Гиндукуш – тогдашнюю северную границу державы Великих Моголов. На севере же джунгары контролировали южную, степную часть Сибири, что, согласно устоявшимся со времен Марко Поло представлениям европейцев, давало последним основания рисовать на своих картах всю Сибирь как часть «Великой Тартарии», несмотря на то, что лесная часть Сибири с 1580-х по 1640-е гг. постепенно вошла в состав России. А чего же к 1634 г. достиг Абахай-«Хунтайджи»?

Он подчинил себе северную часть Маньчжурии, покорила зависимые от Китая монгольские княжества Хорчин, Найман, Аохан, распространил свое влияние на земли чахаров, совершил удачный поход на Корею и предпринял смелый набег на Пекин, через Харахотунь и проход Сыфынь-коу в Великой стене. Китайской армии был нанесен чувствительный урон, и Абахай осадил столицу. Однако, опасаясь за свой тыл, он был вынужден снять осаду и возвратиться в Маньчжурию. После этого в течение нескольких лет он посылал сильные конные отряды, которые прони-

кают вглубь Китая через проходы в Великой стене: Губейкоу, Душикоу, Нанькоу (Цзюйюн-гуань), Гуйхоу-чэнь и др. Сильные отряды доходили даже до Цзинаньфу и Янь-чжоу-ву [1, с.6].

Абахай привлек на свою сторону многих монгольских правителей и поддержал их в борьбе против Лигдэн-хана. В обмен на это Абахай обязал монгольских правителей участвовать в войне против Китая (речь явно о правителях Южной или Внутренней Монголии, так как халхаские правители, как нам уже известно, предпочитали походы с джунгарскими ханами в Среднюю Азию – Г. С.).

Присоединив к своим войскам монгольскую конницу, Абахай в 1632 г. совершил поход против Чахара (опять Внутренняя Монголия – Г. С.). Маньчжуро-монгольские войска захватили в плен и увели с собой большое число чахарцев, нанеся невосполнимый урон могуществу Лигдэн-хана. Начался массовый переход чахарской знати на сторону маньчжуров. После этого главы южномонгольских (то есть Внутренней Монголии – Г. С.) княжеств попросили Абахая принять титул монгольского великого хана (богдыхан), который поднес ему ряд князей южной Монголии [1, с. 7]. Таким образом, опять он предпочитает титул, который носили Чингизиды в период владения Китаем, а не «хунтайджи», и именно ханский титул Абахай присоединил к титулу «император» («хуанди»). Более того, Абахая и даже его отца Нурхаци титуловали ханами (не «хунтайджи»!) задолго до 1634 г. [76 с. 32–36 и др.].

Добавлю еще, что официальная историография Цинской династии приписывает Нурхаци предка в шестом поколении Мэнгу-Тимура дуду Мэнталу Чжаоцзи Юаньхуанди (последнее слово означает буквально «монгольский император») [9, с. 30] – якобы тот жил у впадения в Сунгари р. Муданьцзян и переселился в места проживания рода Нурхаци Айсин Гиоро около 1385 г. [7, с.16]. на самом деле история знает только одного Мэнгу-Тимура – хана Золотой Орды в 1266–1281 гг.; ни к Монголии (именно при нем Золотая Орда стала фактически независима от власти Великого Хана), ни к Маньчжурии, ни к Китаю он никакого отношения не имел.

5 мая 1636 (по другим данным – 1637 – Г. С.) года Абахай дал своему государству новое название – Цин (Чистое) как противопоставление соседнему китайскому государству Мин (Светлое) (а почему не «Юань», если он их императорскую печать получил, если не сразу, то почему не приняли маньчжурские правители название «Юань» в 1644 г., дав начало императорский династии Цин в Китае? – Г. С.) [6, с. 201–202].

Таким образом, к 1634 г. Абахай достиг вроде немалого по сравнению с тем, что имел его отец Нурхаци, но все же монголов он сумел завоевать только внутренних, война с Китаем продолжалась и исход ее был не очевиден, Корею удалось подчинить уже позже – в ноябре 1637 г. [1, с. 7]. В любом случае, на фоне того, чего за прошедшие полвека добились джунгаро-ойраты, выглядит бледно. К тому же Абахай и сам не представляет напоказ того, что он «хунтайджи», предпочитая китайские и мон-

гольские императорские титулы «хуанди» и «богдыхан». Не говоря уже о том, что джунгары все же ближе Чингизидам по крови, чем маньчжуры, хотя бы из сравнения достижений на 1634 год джунгарских правителей и Абахая, Лигдэн-хану логичнее было бы передать полномочия первым, чем второму. И участие халхаских князей в джунгарских походах 1640-х гг. тоже это подтверждает.

Появление же версии о передаче регалий Великого Хана Абахая с поименованием его «Хунтайджи» стало вполне логичным после 1750-х гг., когда Джунгарское ханство было разбито Китаем, где к тому времени прочно утвердилось маньчжурская Цинская династия, и его территория (нынешний Синьцзян) была включена в состав Китайского государства.

И в самом деле, сведения о «предке Нурхаци Мэнгу-Тимуре» даются по одной из цинских хроник, датированной 1735 г. При этом о другой хронике, относящейся к концу 1680-х гг., известно, что она переиздавалась (и, надо думать, переписывалась) в 1736, 1770, 1772 и 1782 гг. [9, с. 6–8]; логично предположить, что и интересующая нас хроника цензуре и переделкам подвергалась. И, наконец, о передаче печати Великого Хана Лингдэн-ханом Абахая известно из вышедшей в Пекине в 1786 г., т. е. через тридцать лет после разгрома Джунгарского ханства, книге «Агуй. Кай го фан люэ» [7, с. 71, 139]. Историю, как известно, пишет победитель.

Список источников

1. Абахай // Монгольская историческая энциклопедия / Авт.-сост. А. С. Гатапов. Улан-Удэ: Б.и., 2015. С. 6–8.
2. Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов, или калмыков с XV столетия до настоящего времени / Н. Я. Бичурин. СПб.: Тип. Мед. департ. МВД, 1834. 255 с.
3. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства / И. Я. Златкин. М.: Наука, 1964. 482 с.
4. История Киргизской ССР. Т.1. Фрунзе: Кыргызстан, 1984. 798 с.
5. Копылов Д. И. и др. Тюмень / Д. И. Копылов. Свердловск: Сред.-Урал. Кн. Изд-во, 1986. 318 с.
6. Кузьмин С. Л., Батсайхан О. Об указе императора Хунтайджи (Абахая) о восстановлении независимости монголов после падения Цинской династии / С. Л. Кузьмин, О. Батсайхан // Восток. 2019. № 5 С. 200–217.
7. Кычанов Е. И. Абахай / Е. И. Кычанов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. 147 с.
8. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1959. 352 с.
9. Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке. (XVII в.) / Г. В. Мелихов. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит, 1974. 246 с.
10. Миненко Н. А. По старому Московскому тракту / Н. А. Миненко. Новосибирск: Кн. Изд-во, 1986. 118 с.

11. Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века / О. Е. Непомнин. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
12. Позднеев А. М. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия / А. М. Позднеев // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 244. 1866. С. 144–199.
13. Позднеев А. М. Памятники исторической литературы астраханских калмыков / А. М. Позднеев. СПб.: Литогр. А. Иконникова, 1885. 90 с.
14. Ситнянский Г. Ю. «Великая Тартария»: правда и вымыслы «от Фоменко» / Г. Ю. Ситнянский. Саарбрюккен: LAP, 2018. 244 с.
15. ЦГАДА. Ф.196. Д.1542. «Летопись Черепанова».
16. Grupper S. M. Manchu patronage and Tibetan Buddhism during the first half of the Ch'ing Dynasty / S. M. Grupper // Journal of Tibetan Society. 1984. № 4. P. 69–91.
17. Starry G. The emperor «Abahai»: Analysis of a historical mistake / G. Sary // Central Asiatic Journal. 1984. Vol. 28. № 3–4. P. 296–299.

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ В XIX В.

Аннотация. В работе исследуются местное управление в Северном Казахстане. Российская власть осуществила переход от управления, основанного на обычаях, к новому администрированию, распространив на регион современное законодательство и ведомственное управление. Реформы укрепляли добрососедские отношения между казахским и русским народами.

Ключевые слова: реформы; администрация; самоуправление; губернатор; полиция; казахи; колонизация

Abstract. The paper examines local governance in Northern Kazakhstan. The Russian government has made the transition from a custom-based management to a new administration, extending modern legislation and departmental management to the region. The reforms strengthened good-neighborly relations between the Kazakh and Russian peoples.

Keywords: reforms; administration; self-government; governor; police; kazakhs; colonization

Комплексное исследование вопросов политико-правового администрирования в Северном Казахстане еще не заслужило пристального внимания современных ученых, и только некоторые аспекты были отражены в трудах А. В. Ремнева [1], в коллективной монографии Л. М. Дамешека и И. Н. Мамкиной [2], а также в исследованиях С. З. Зиманова [3] и Б. М. Абдрахмановой [4].

Российское проникновение в Северный Казахстан началось в годы Северной войны 1700–1721 г. В правление Петра I, после неудачного похода полковника И. Д. Бухгольца и основания Омской крепости в 1716 г., началось освоение фронтирного региона. В 1717–1720 гг. были построены Железинская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская крепости, а в 1752 г., на основании указа императрицы Елизаветы началось строительство Петропавловска [5, с. 299].

Фронтирные территории были включены в состав Сибирской губернии, В 1775 г. на них были распространены положения «Учреждений для управления губерний Российской империи» Екатерины II [6, с. 98]. Однако это распространение произошло без учета его огромных территорий, необходимости решения военно-стратегических задач, слабого экономического развития отдаленности края, его отдаленности от административных центров империи. Поэтому, предусмотренные екатерининскими «Учреждениями» органы местного управления – управы благочиния и земские суды были мало эффективны.

Сменивший в 1819 г. сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля, М. М. Сперанский, понимал разницу между европейскими регионами и зауральскими территориями империи, а также то, что административно-территориальное деление и местное управление, по «Учреждениям» 1785 г., не подходит для сибирских окраин [7, с. 38]. Им был подготовлен законопроект реформ местного управления для азиатской части империи, который получил наименование «Учреждение для управления сибирских губерний» 1822 г. [8, с. 18]. В составе «Учреждения» М. М. Сперанского были специально выделены «Управление Омской области» [7, с. 370] и «Устав о сибирских киргизах» [9, с. 417].

Территории Северного Казахстана и юга Западной Сибири, вследствие достаточно слабого развития политических и социально-экономических отношений, не вызывали необходимости создания полной структуры губернских учреждений. Однако из-за их размеров и геополитического значения не было возможности включить как округа в состав других сибирских губерний. Поэтому было организовано особое областное управление, которое представляло собой нечто среднее между губернскими и окружными управлениями. «Учреждения» М. М. Сперанского создавали на территории фронтирного региона новое административно-территориальное образование – Омскую область. Область на востоке и юге граничила с Китайской империей, на западе – с казахской «малой ордой», а на севере – с Томской и Тобольской губерниями и включала в себя кочевья казахов «средней орды», называвшихся «Учреждением» 1822 г. «сибирскими киргизами». Она приравнивалась к губернии, с упрощенной структурой губернских органов и без полных штатов властных учреждений, которые адаптировались к местным, военизированным, фронтирным условиям.

Областное управление, во главе с начальником Омской области, подчинялось Главному управлению и генерал-губернатору Западной Сибири. В административном управлении на начальника Омской области возлагались полномочия такие же как, у других губернаторов страны, однако он был также наделен еще внешнеполитическими и военными полномочиями, что было важно для фронтирных территорий. Все областные начальники принадлежали к военному ведомству, по своей должности они приравнивались к командиру дивизии. Первым начальником Омской области был С. Б. Броневский, последним – Е. И. Гладышев [10, л. 10].

Центральным органом местного государственного управления в области было областное правление, так как многих других органов государственной власти, которые были при обычном губернском управлении, в области не было предусмотрено, оно, кроме прочего, наделялось функциями губернских казенных палат. Кроме областного начальника, областного правления, важными органами государственной власти в Омской области были областной совет, войсковая канцелярия Сибирского казачьего линейного войска и областной суд [9, с. 371].

Омская область делилась на внешние и четыре внутренних округа. Внутренними были Усть-каменогорский, Омский, Петропавловский. Количество внешних определялось особым Уставом. Окружное управление было военизированным и нацеленным на решение военно-политических задач. Коменданты крепостей, которые находились в окружных городах, были начальниками округов. Им же подчинялась находящаяся на территории округа пограничная линия.

Важнейшим органом окружного управления, как и уездного, в европейской части империи были земские суды, выполнявшие административно-хозяйственные и полицейские функции. Однако председателями земских судов в округах области были не земские капитан-исправники, как в уездах России и других сибирских округах, а дистанционные начальники, из казачьих офицеров.

Верховная власть, осуществляя инкорпорацию среднеазиатских территорий в состав империи, допускала вовлечение казахской элиты в управленческие процессы, наличие традиционных обычаев и управленческих структур у местного населения, которые бы не затрагивали ее интересов. Поэтому в составе внешних округов учреждались окружные приказы, в составы которых входили старшие султаны, по два русских заседателя и по два казахских. В этих приказах сосредоточивалась административно-хозяйственная и судебная власть [9, с. 373].

Третьим звеном областного управления было наделенное некоторыми самоуправленческими началами, городское управление, распространенное в административных центрах округов края. Оно базировалось не на екатерининской «Жалованной грамоте городам» 1785 г., а на «Учреждении для управления сибирских губерний» 1822 г., ключевой фигурой в таком управлении являлся городничий [11, с. 37].

Четвертым звеном областного управления было наделенное самоуправленческими началами волостное и станичное управления. «Учреждение» М. М. Сперанского реорганизовало и упорядочило систему самоуправления у государственных крестьян зауральской части империи. В тогдашней Омской области оно было, главным образом, на территориях юга Западной Сибири, поскольку колонизация Северного Казахстана русскими крестьянами была еще незначительной. Крестьянское самоуправление осуществлялось в особых административно-территориальных единицах – волостях, через выборных волостных голов и волостные правления, а также избранными сельскими старостами и десятниками [12, с. 17].

Станичное управление было традиционным у казаков Сибирского линейного казачьего войска. В 1836 г. войско состояло из 46 станиц, каждая из которых выставляла казачью сотню. «Учреждение» 1822 г. и «Положение о Сибирском линейном казачьем войске» 1846 г. установили правовую регламентацию казачьего самоуправления. Оно осуществлялось посредством станичных правлений через выборных станичных атаманов и судей [13, с. 8].

В состав «Учреждения» 1822 г. вошел «Устав о сибирских киргизах», подготовленный М. М. Сперанским, регламентирующий местное управление у казахского населения области. «Устав» не разрушал внутреннюю самоорганизацию у коренного населения казахской степи, он использовал ее и привлекал на сторону коронной администрации казахскую общественность. «Устав о сибирских киргизах» приравнивал казахское население к русским государственным крестьянам, предоставляя коренному населению казахской степи самостоятельность в судеустройстве и самоуправлении.

В «Уставе» регламентировалось киргиз-кайсацкое волостное управление. В соответствии с «Уставом» кочевья киргиз-кайсацков (казахов) средней орды делились на волости, которые, в свою очередь, делились на аулы. Возглавляли аулы избираемые старшины, которые приравнивались к волостным головам, а волости управлялись наследственными султанами считавшимися чиновниками 12 класса [14, с. 36]. Закрепление в «Уставе» термина «киргиз-кайсаки» говорило о политике отказа от восприятия казахов как угнетаемых «иноземцев», в признании их в качестве подданных Российской империи.

На основании «Положения об отдельном управлении Сибирскими киргизами» 1838 г., Омская область была упразднена. «Положением» 1838 г. так объяснялась ликвидация области: «Образование в 1822 году Омской области было предпринято для постепенного введения между сибирскими киргизами устройства, которое было предложено в «Учреждении» 1822 г. Данный тип управления, по мере расширения круга его действий стал неудовлетворительным по отношению его главной цели – устройству отдельного управления сибирскими киргизами» [15, с. 272].

В соответствии «Положением» 1838 г., Усть-Каменогорский и Семипалатинский округа присоединялись к Томской губернии, а Петропавловский и Омский – к Тобольской. Для местного управления в казахской степи создавалось Пограничное управление сибирских киргизов. Его возглавлял пограничный начальник, подчинявшийся генерал-губернатору Западной Сибири. Административный центр Пограничного управления размещался в Омске. Пограничное управление сибирских киргизов, как и другие существовавшие тогда в России, пограничные управления, выполняло полномочия губернского правления, казенной палаты и губернского суда. Оно включало в себя три отделения: исполнительное, судебное и хозяйственное [16, л. 46].

В 50-е гг. XIX в. Пограничное управление было упразднено, а на подконтрольной ему территории создавались в 1854 г. на основании «Положения об управлении Семипалатинской области» Семипалатинская область и область Сибирских Киргизов. Обе области были учреждены, по предложениям Сибирского комитета и генерал-губернатора Западной Сибири, с целями «развития в крае внутренней промышленности», «скорейшего разрешения просьб и жалоб местного населения», поскольку они находятся в «отдалении от их местного начальства».

Семипалатинская область образовывалась на территории Томской губернии. Она включала в себя земли находящиеся в западной части «Киргизской степи» Она включала в себя Аягузский и Кокбектинский округа Семиреченского края, города: Семипалатинск, Усть-Каменогорск и Бухтарминское укрепление, а также Копальский военный округ и земель по правобережную сторону р. Иртыш на внутренней стороне Сибирской линии. Административным центром области стал Семипалатинск. С отделением Семипалатинской области на правом фланге киргиз-кайсацкой степи, создавалась область Сибирских киргизов, состоящая из пяти округов. Должность пограничного начальника была переименована в должность военного губернатора области Сибирских киргизов. В состав области вошли Кушмурунский, Кокчетавский, Баянаульский, Акмолинский, и Каркаралинский округа, населенные казаками среднего жуза. Административным центром области стал Омск. Первым военным губернатором в области Сибирских киргизов был назначен генерал-лейтенант барон фон Фридрихс, исполнять должность военного губернатора в Семипалатинской области стал полковник Ф. А. Панов [17, с. 492].

Структура органов местного управления в Семипалатинской и области Сибирских киргизов напоминала структуру ликвидированной прежде Омской области. Оно подразделялось на общее и частное. Общее управление составляли военные губернаторы и областные советы. В Советы областных управлений входили военные губернаторы, товарищи военных губернаторов, советники областных управлений, стряпчие казенных и уголовных дел и ассесоры.

Частное областное управление во вновь учрежденных областях составляли военные губернаторы и областные правления. Областные правления были достаточно своеобразными по своему составу, они серьезно отличались по своей структуре от аналогичных губернских правлений Российской империи, в них входили товарищ военного губернатора, он же был председателем правления (военный губернатор не входил в состав областного правления), пять советников (из них один от казахского населения) и ассесор. Областные правления в Семипалатинской и области Сибирских киргизов, также как и существовавших прежде Омской области и Пограничном управлении, были представлены в урезанном виде, они сосредотачивали в своих руках вместе власть губернских правлений, губернских судов и казенных палат. Каждый из четырех советников возглавлял отделения областного правления – исполнительное, хозяйственное, судебное и горное. Прокурорский надзор в областях был возложен на стряпчего казенных и уголовных дел [17, с. 493].

Военные губернаторы областей назначались императором по предложению министра внутренних дел, согласованного с генерал-губернатором и военным министром. В области военного управления военные губернаторы по-прежнему, как и омский областной начальник приравнивались по должности к командиру дивизии. В Семипалатинске и Омске учреждались должности полицмейстеров, в административных

центрах округов – городничих. Важным нововведением было то, что претенденты на должности старших султанов, киргизских заседателей окружных приказов, в соответствии с «Положением» 1854 г. стали избираться, а не передавать свои должности по наследству.

В 1864–1865 гг. российскими войсками под командованием полковника М. Г. Черняева были заняты города Чимкент, Аулие-ата и Ташкент, полковником Н. Веревкиным была взята крепость Туркестан. Территории бывших среднего, старшего и младшего жузов в составе шести областей были окончательно инкорпорированы в состав Российской империи [18, с. 162].

После присоединений необходимость в существовании области Сибирских киргизов отпала и она упразднялась. В 1868 г. был обнародован указ императора Александра II «О преобразовании управления Киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьими войсками» который устанавливал, что в «целях устранения затруднений в управлении киргизскими землями Сибирского и Оренбургского ведомств, а также для лучшего устройства Уральского и Сибирского казачьих войск. Из областей Сибирских Киргизов, Оренбургской и Семипалатинской, в настоящем их составе, и территорий Сибирского и Уральского казачьих войск образовать 4 области: Акмолинскую, Уральскую, Семипалатинскую и Тургайскую» [19, с. 364].

Акмолинская область была учреждена на территориях округов бывшей области Сибирских Киргизов: Акмолинского Атбасарского, Кокчетавского, земель полковых округов, а также городов Омска и Петропавловска. Семипалатинская область – из «Семипалатинского и Кокбектинского и округов, а также из оставшейся с отделением в Семиречинскую область части Сергиопольской Зайсанского края, округов: Каркалинского и Баян-Аульского, бывшей области Сибирских киргизов и земель полковых округов» [20, с. 364]. Округа в составе Акмолинской области были переименованы в уезды. В состав области вошло пять уездов – на севере Петропавловский и Омский, центре области – Кокчетавский и на юге – Акмолинский и Сарысуйский (в 1878 г. переименован в Атбасарский) [21, с. 19].

Центрами областей стали Семипалатинск области и Акмолинск, но до строительства в Акмолинске помещений для областного правления, центром области остался Омск. В Семипалатинскую и Акмолинскую области назначались военные губернаторы, с присвоением им званий наказных атаманов Сибирского казачьего войска. Акмолинским военным губернатором стал генерал-майор Н. А. Окольный, Семипалатинским – генерал-майор В. А. Полторацкий. Области включались в состав Западносибирского генерал-губернаторства.

Некоторые изменения в системе местного управления региона произошли в результате реформ 60–70-х гг. XIX в. В области местного государственного управления на окружном уровне должности окружного начальника, городничего и земского исправника объединялись в одну должность – окружного начальника. В области местного самоуправления

серьезные изменения вносились в казачье, киргиз-кайсацкое и городское общественные управления.

В основе казачьего станичного управления лежало «Положении об общественном управлении в казачьих войсках» 1870 г. В его состав входили станичные атаманы с помощниками, станичные писари, казначеи и так называемые «доверенные от станичных обществ» [22, с. 587]. Городское общественное управление действовало на основании «Городового положения» 1870 г. и было представлено выборными городским головой, городскими думами и городскими управами, избиравшимися городскими думами.

В 1868 г. вступило в силу «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Сибирского ведомства и Уральским и Сибирским казачьими войсками», вносившее коррективы в киргиз-кайсацкое общественное управление. Оно упраздняло должности наследственных султанов. Вместо наследственных султанов вводились избираемые волостные правители. Было также **увеличен нижний порог количества кибиток в волостях и в аулах**. Волостной правитель избирался на трехлетний срок на волостном съезде [23, с. 364].

В 1882 г. по инициативе военного министра П. С. Ванновского на территории региона было образовано Степное генерал-губернаторство с центром в г. Омске. Оно объединило Акмолинскую, Семипалатинскую, и Семиреченскую области, которая вскоре вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Томская и Тобольская губернии с упразднением генерал-губернаторства Западной Сибири стали подчиняться так же, как губернии европейской России, Министерству внутренних дел. Административно-территориальными единицами нового генерал-губернаторства стали области, уезды, казачьи станичные управления, а также киргиз-кайсацкие и крестьянские волости. Генерал-губернатор становился центральным звеном в системе местного управления, он наделялся широкими надзорными и административными полномочиями.

«Городовое положение» 1892 г. и положение «Об общественном управлении станиц казачьих войск» 1891 г., распространенные на Степное генерал-губернаторства, серьезно урезали права представительных учреждений в пользу административно-полицейских органов. Городские управы, городские головы и станичные атаманы стали в большей степени независимыми от представительских городских дум и станичных собраний и оказались под прямым контролем органов местного государственного управления. В городах было также сокращено количество избирателей.

Крестьянское волостное управление в конце XIX в. действовало в регионе на основании «Положения» от 19 февраля 1861 г., которое в 1881 г. распространилось на генерал-губернаторство Западной Сибири, а затем на Степное генерал-губернаторство. Органами крестьянского волостного управления были волостные правления, возглавляемые волостными старшинами, которые в своей деятельности опирались на сельских старост,

сотских и десятских. На них была возложена охрана общественного порядка, а также ответственность за состояние коммуникаций, порядка исполнения повинностей и сбором налогов на территориях волостей. В 1898 г. в Степном крае для надзора за волостным управлением был учрежден институт крестьянских начальников [21, с. 351].

В конце XIX – начале XX вв. военно-стратегические задачи стоящие перед регионом окончательно отошли на второй план. В 1906 г. на основании императорского повеления должности военных губернаторов в Акмолинской и Семипалатинской областях были переименованы в должности гражданских губернаторов [24, с. 44].

Административно-территориальное устройство и местное управление в Степном генерал-губернаторстве закрепленные в XIX в. остались неизменными вплоть до революционных потрясений 1917 года [25, с. 778]. Они имели прогрессивный характер и укрепляли дружеские и добрососедские отношения между казахским и русским народами. Осуществляя политическую и правовую инкорпорацию региона с другими частями империи, верховная власть осуществила переход от традиционного управления, основанного на обычаях, к новому бюрократическому администрированию, распространив на Степной край современное законодательство и ведомственное управление.

Список источников

1. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. / А. В. Ремнев. Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. 580 с.
2. Дамешек Л. М., Мамкина И. Н. Сибирь в системе имперского законодательства XVIII – начала XX века: закон и практика: монография / Л. М. Дамешек, И. Н. Мамкина. Чита: ЗабГУ, 2021. 278 с.
3. Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVII и первой половины XIX века / С. З. Зиманов. Алма-Ата, 1958. 293 с.
4. Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке / Б. М. Абдрахманова. Караганды, 2010. 242 с.
5. Азиатская Россия. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. 576 с.
6. Толочко А. П., Коновалов И. А. Местное управление Российской империи по «Учреждениям для управления губерний» 1775 г. / А. П. Толочко, И. А. Коновалов // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 4.(20). С. 93–99.
7. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири / В. И. Вагин. Т. 1. СПб., 1872. 801 с.
8. Коновалов И. А., Шиманис Б. Б. Организация городской полиции по «Уставу благочиния или полицейскому» 1782 г. / И. А. Коновалов, Б. Б. Шиманис // Правоприменение. Т. 1. № 2. С. 31–38.
9. ПСЗ РИ (Полное собрание законов Российской империи). Собр. 1. Т. 38. СПб., 1830. № 29 125.

10. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). Ф. 3. Оп. 1. Д. 319.

11. Коновалов И. А. Крестьянская община как предмет государственно-правового и муниципально-правового регулирования в Сибири в дореволюционный период / И. А. Коновалов // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3 (40). С. 13–19.

12. Андреев С. М. Становление и развитие станичного самоуправления в Сибирском казачьем войске / С. М. Андреев // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 3–32.

13. Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVII и первой половины XIX века / С. З. Зиманов. Алма-Ата, 1958. 293 с.

14. Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР / М. П. Вяткин. М.: ОГИЗ, 1941. 367 с.

15. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1839. № 11 122.

16. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1 624.

17. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 29. Ч. 1. СПб., 1855. № 28 255.

18. Памятная книжка Акмолинской области на 1887 год. Омск, 1887. 66 с.

19. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 43. Ч. 2. СПб., 1873. № 46 380.

20. Коновалов И. А. Особенности местного самоуправления у казаков Западной Сибири и Северного Казахстана в XIX – начале XX в. / И. А. Коновалов // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. Вып. 19. № 3. С. 578–590.

21. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: «Наука», 1983. 398 с.

22. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 43. Ч. 2. СПб., 1873. № 46 380.

23. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 2. СПб., 1886. № 886.

24. Гермизеева В. В. Гражданские губернаторы Акмолинской области: основные направления деятельности / В. В. Гермизеева // Ученые записки Петразаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 44–48.

25. Коновалов И. А. Кризис системы местного управления в Сибири накануне падения самодержавия / И. А. Коновалов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 3. С. 771–782.

А. В. Суржко
Сибирский федеральный университет,
ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН»
Красноярск, Россия

СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1946–1991 ГГ.: ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье представлены основные тенденции историографии советско-монгольских отношений в период после Второй мировой войны в советской исторической науке. Предпринята попытка обобщить и систематизировать основные направления историографической мысли в указанный период.

Ключевые слова: советско-монгольские отношения, монголоведение, советская историография, востоковедение, СССР, МНР

Abstract. The article presents the main trends in the historiography of Soviet-Mongolian relations in the period after the Second World War in Soviet historical science. An attempt has been made to generalize and systematize the main directions of historiographical thought in this period.

Keywords: Soviet-Mongolian relations, Mongolian studies, Soviet historiography, Oriental studies, USSR, Mongolian People's Republic

В условиях стремительно меняющейся современной системы международных отношений и «восточного поворота» внешней политики Российской Федерации особенное значение приобретают ее отношения с экономическими и стратегическими партнерами на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Одним из таких государств является Монголия, отношения с которой на официальном уровне развиваются в духе всеобъемлющего стратегического партнерства. В этой связи представляется актуальным обратиться к опыту советского прошлого, когда отношения двух соседних государств переживали свой «золотой век», Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой был накоплен богатый опыт политического, военно-стратегического, экономического, научно-образовательного и культурного сотрудничества. Разумеется, развитие советско-монгольских отношений нашло свое отображение и в историографии.

Обращаясь к советской историографии двусторонних отношений, необходимо выделить три ключевые, на наш взгляд, тенденции, оказавшие заметное влияние на формирование комплекса знаний по данной научной проблематике. Первая из них заключается в том, что в работах, которые были посвящены истории отношений СССР и МНР в 1920–1980-е гг. явный приоритет исследователи отдавали изучению довоенного периода сотрудничества двух стран. В центре внимания данных исследований оказывались вопросы революционной борьбы за дело построения коммунисти-

ческого общества в 1920-е гг., а также совместной борьбы советского и монгольского народов в отражении японской агрессии в годы Второй мировой войны и последующего за ней оформления международно-правового статуса Монгольской Народной Республики. В свою очередь, период 1946–1991 гг. с научной точки зрения был разработан в гораздо меньшей степени.

Вторая тенденция выражается в том, что работы советских монголоведов были выдержаны в русле господствовавшей в тот период государственной марксистско-ленинской идеологии в советской интерпретации и методологии научного исследования [2]. Так, весь ход советско-монгольских отношений рассматривался исключительно с позиций классового подхода, принципов интернационализма рабочего класса, незыблемости постулата о конечной победе коммунизма над капитализмом, идеи возможности построения социалистического общества минуя стадию капитализма в слаборазвитых странах, к числу которых относилась и МНР. Такой подход был чреват чрезмерной идейно-политической ангажированностью и достаточно односторонней точкой зрения, не позволяющей охватывать многие дискуссионные вопросы и явные противоречия двусторонних отношений.

Суть третьей тенденции заключается в том, что в послевоенный период исследователи советско-монгольских отношений являлись не просто сторонними наблюдателями, но были современниками, а зачастую и активными участниками событий, которым были посвящены их исследования. Соответственно, к моменту написания и публикации их работ еще не прошел достаточно необходимый для максимально объективной оценки описываемых событий период осмысления. Кроме того, не была в полной мере сформирована необходимая для этого источниковая база. В настоящее время многие подобные исследования могут рассматриваться не только как историографический материал, но и как своеобразный источник по истории двусторонних отношений СССР и Монголии, в котором нашли свое отражение личные эмоции, впечатления и воспоминания авторов.

Вместе с тем отметим, что, несмотря на существование некоторых существенных недостатков, советские монголоведы сумели сформировать достаточно обширный фактологический материал об основных направлениях развития советско-монгольских отношений в 1940–1980-е гг. Им же удалось ввести в оборот достаточное количество разнообразных источников на русском, монгольском, китайском и английском языках, основу которых составляли архивные документы и материалы [2].

Основные результаты этих исследований были представлены в нескольких обобщающих коллективных работах. К их числу можно отнести «Историю Монгольской Народной Республики», написанной коллективом советских и монгольских историков и выдержавшей три издания (последнее – в 1983 г.) [3]. От советской стороны редакцию монографии возглавили академик А. П. Окладников, а также С. Д. Дылыков и И. С. Казакевич, от монгольской – академики Ш. Бира, Ш. Нацагдорж и член-

корреспондент Х. Пэрлэ. Другим заметным исследованием стала «История советско-монгольских отношений», опубликованная в 1981 г. авторским коллективом в составе М. И. Гольмана, Б. Г. Гафурова, Б. Ширендыба, Ш. Нацагдоржа и др. [4]. Эти работы стали наиболее яркими образчиками тех историографических тенденций, речь о которых шла выше.

Отдельные проблемы и аспекты истории советско-монгольских отношений также становились объектом научных изысканий советских исследователей. Большая часть таких трудов была посвящена политическим межгосударственным и межпартийным связям. Одним из наиболее значимых исследований можно назвать коллективный труд под названием «Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм». Изобилующее политической конъюнктурой исследование содержало в себе основные вехи советско-монгольских политических отношений и подчеркивало «руководящую и направляющую» роль правящих коммунистических партий. Поскольку оно было издано коллективом сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Института истории партии при ЦК КПСС, то негласно оно являлось ориентиром для всех исследований данной тематики [5]. К числу таковых можно отнести работы Д. Б. Улымжиева, К. Л. Малакшанова, Д. Д. Хуташкева, ранние исследования Е. И. Лиштованного и В. Д. Дугарова.

Вторыми по степени изученности можно назвать аспекты научно-технического и культурного сотрудничества Советского Союза и Монгольской Народной Республики. В этой связи обращает на себя внимание коллективная монография «Культурные и научные связи между СССР и МНР», написанная под редакцией выдающегося советского монголоведа Ш. Б. Чимитдоржиева [6]. В этом и в других подобных исследованиях активно подчеркивалась роль советского народа в подготовке профессиональных кадров для монгольского государства, влияние на становление и развитие национальных науки и образования в МНР, подчеркивались достижения монгольского народа в деле строительства социализма. В числе авторов, внесших вклад в научную разработку данной проблематики, отметим В. В. Окнянского, Д. Б. Улымжиева, Р. Л. Балдаева, Б. Д. Цибикова, Ш.-Н. Р. Цыденжапова и др.

Вместе с тем, история экономического сотрудничества СССР и МНР практически не охватывалась вниманием советских исследований. Немногочисленные работы не отличались разнообразием и оригинальностью трактовок, транслируя общепринятые тезисы о построении социализма в Монголии путем минования капиталистической стадии, ее превращении из аграрно-феодального государства в индустриально-аграрное, переходе от кочевого образа жизни к оседлому. В этом контексте отношения Советского Союза и Монголии трактовались как отношения «старшего» и «младшего» братьев, подчеркивался бескорыстный и безвозмездный характер советской помощи в развитие монгольской экономики. В качестве примера назовем работы М. В. Мещерякова («Очерк экономического сотрудничества Советского Союза и Монгольской Народной Республики»)

и Б. А. Асонова и Б. М. Петрова («Экономическое сотрудничество Советского Союза с МНР») [1][7].

Переходя к выводу, отметим, что в советский период была сформирована база научного изучения советско-монгольских отношений, включая период после Второй мировой войны. Однако в силу как объективных, так и субъективных причин вне поля зрения советских историков оставались многие вопросы двусторонних отношений, как проблемы экономического взаимодействия, гуманитарные контакты, роль личности в истории, межрегиональные контакты. По указанным выше причинам основной акцент в советской историографии делался на политическом сотрудничестве СССР и МНР через призму деятельности правящих партий и их структурных организаций, а также на перспективах построения коммунистического общества.

Несмотря на то, что после распада Советского Союза минуло уже более 30 лет, а российско-монгольские отношения преодолели затяжной период кризиса и вышли на новый уровень стратегического партнерства, в современной отечественной историографии до сих пор имеется не мало «белых пятен» по истории двусторонних отношений, в том числе и в советский период. Таким образом, тема советско (российско)-монгольских отношений представляется нам достаточно актуальной и востребованной для научных изысканий, поскольку изучение опыта прошлых лет позволит избежать ряда потенциальных ошибок и получить надежного партнера в лице Монголии на десятилетия вперед.

Список источников

1. Асонов Б. А., Петров Б. М. Экономическое сотрудничество Советского Союза с МНР / Б. А. Асонов, Б. М. Петров. М., 1971. 167 с.
2. Грайворонский В. В. К 80-летию Сергея Константиновича Рощина / В. В. Грайворонский // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 5. С. 204–208.
3. История Монгольской Народной Республики. М., 1983. 664 с.
4. История советско-монгольских отношений. М., 1981. 352 с.
5. Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм. М., 1971. 319 с.
6. Культурные и научные связи между СССР и МНР. М., 1981. 279 с.
7. Мещеряков М.В. Очерк экономического сотрудничества Советского Союза и Монгольской Народной Республики / М.В. Мещеряков. М., 1959. 160 с.

TOURISTS OF KRASNOYARSK KRAI IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE 1950–1960S

Abstract. The article views the formation and development of Soviet-Chinese tourism using the example of the Krasnoyarsk Krai in the «golden age of prosperity» of relations.

Keywords: *tourism, Krasnoyarsk Krai, China, Soviet-Chinese relations*

The relevance of the article is determined by the priority of modern Russian-Chinese cooperation, for which the history of interactions in tourism is of great importance. The historical context of intercultural interactions influences the development of modern relations between Russia and the PRC, therefore, the restoration in historical memory of the facts of Soviet-Chinese cooperation at the level of Krasnoyarsk Krai seems relevant for research.

The goal is to recreate the historical picture of Soviet-Chinese interaction in tourism using the example of tourist groups in Krasnoyarsk Krai

The following tasks can be identified: 1) to consider examples of tourist groups of Krasnoyarsk Krai in the PRC on the basis of periodicals, archival materials of the State Archive of Krasnoyarsk Krai (SAKK) and the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (KRMLL); 2) to characterize the selected chronological period from the point of view of the development of Soviet-Chinese relations in the area of tourism using the example of Krasnoyarsk Krai.

The object is the tourist groups of Krasnoyarsk Krai sent to the People's Republic of China in the 1950–1960s.

As a subject the specifics of tourist groups from Krasnoyarsk Krai to the PRC in the 1950–1960s, which included student and youth delegations, groups of workers, engineers, doctors, etc. were highlighted.

The chronological framework of the study is determined by the 1950–1960s (the heyday of Soviet-Chinese interaction).

The territorial framework of the study covers Krasnoyarsk Krai and the People's Republic of China.

An anthropological approach was used as a methodological approach, since the exchange of cultural traditions of the two countries took place through tourist contacts that residents of Krasnoyarsk Krai made to China in the 1950s–1960s. The special historical research methods (historical-genetic method and method of analysis of archival documents) were used by the author. The historical-genetic method was necessary to study the development of Soviet-Chinese tourist relations in the 1950s–1960s using the example of Krasnoyarsk Krai. The

archival method means the analysis of unpublished materials from SAKK and KRMLL funds.

The scientific novelty of the research lies in the analysis of unpublished archival materials from SAKK and KRMLL funds, using periodicals.

The article can be used to compile collections "History of Russian-Chinese relations at the regional level", and will also be of interest to Chinese researchers when studying the topic of Soviet-Chinese contacts in the area of tourism. The attribution of some items to KRMLL and their translations from Chinese can be used by the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore to fill out exhibit cards in the Integrated Automated Museum Information System (IAMIS).

Tourist exchanges between states are a component of cultural interaction, since this concept implies not only the amateur and cognitive function of tourism, but also educational, physical culture and sports, etc.

Orientalist historian M. S. Kapitsa was one of the first in Russia to highlight the history of cooperation between the USSR and the PRC, paying attention to educational and scientific interaction, and wrote about the importance of exchange in the field of art and literature. During the period of intensive cooperation (until the end of the 1950s), more than two thousand cultural figures, artists, educational and health workers, and athletes from the USSR visited China. During this time, over a hundred Soviet delegations went to the PRC, among which were tourist groups [1, p. 377].

Historians O. Borisov and B. Koloskov briefly described educational and cultural exchanges between the two countries in the 1950s (art groups, cinematography, and education) [2, p. 70].

Tourist trips of students, youth, workers, intellectuals, and agricultural workers were common in the USSR in the 1950s-1960s. In Krasnoyarsk Krai, the departments of cultural, mass and physical education work of the regional trade union council were responsible for recruiting tourist groups. Kraisovprof informed the regional and factory trade union committees about the routes, terms and conditions of foreign travel and through them kept records of everyone who wanted to go abroad. The worker had to apply through the local committee to the regional committee of their industry trade union with a request to provide them with a tourist voucher along the chosen route. All expenses associated with traveling abroad (purchasing a tourist voucher, travel from the place of residence to the first service point abroad and back, purchasing foreign currency for personal needs) were borne by the tourists. Workers used the time allotted for vacation to travel abroad. The cost of the tour depended on the duration and conditions of the tour (10–17 days) and ranged from 640–1330 rubles. Abroad, tourists were provided with comprehensive services for the cost of their trip, which included: provision of a hotel room, three meals a day, organization of excursions according to the trip program and the provision of a guide-interpreter. Tourist groups could include persons at least 18 years of age [3].

The first commission at the Krasnoyarsk regional committee of the CPSU for the selection of Soviet tourists to the countries of people's democracy on

April 25, 1956 decided to approve the composition of the tourist group of 29 people heading to China from Krasnoyarsk in May-June 1956. Among them were metallurgical engineers and professional workers, accountants, economists, librarians, etc. [4, l. 1]. Among those who applied for tourist vouchers were workers in agriculture, medicine, river, road and railway transport, scientists and teachers of higher educational institutions of the region and Krasnoyarsk, journalists [5]. In June, the group arrived in China on the Moscow-Beijing train. Among those who visited the PRC were the driver of the first passenger motor transport office A. Reutov, the doctor of the regional clinical hospital T. Merenkova, the Kraizagotzerno process engineer A. Emikh, the economist of the Yenisei Basin Railway Administration L. Grigorieva and others. A hydrological technician at the Krasnoyarsk hydroelectric power station, A. Nikitina, shared her thoughts about the trip with the editors of the Krasnoyarskii Rabochii newspaper: «I would like to meet Chinese friends quickly, to see with my own eyes what this great country has achieved during the years of people's power». Her colleague, chief surveyor V. Utin, dreamed of meeting with Chinese comrades who were working on the creation of complex hydraulic structures on the Yellow River [6].

On June 22, 1956, the second meeting of the commission at the regional committee of the CPSU was held to select tourists from 10 people, among whom were teachers, doctors, and engineers [7, l. 1].

On July 25, 1956, the commission selected 7 people, among whom 6 were teachers (5 teachers from the KSPU and 1 teacher from the secondary school for working youth in Krasnoyarsk) and 1 person was a radiologist of the Krasnoyarsk railway clinics [8, l. 3–4].

In August, the fourth group of tourists from Krasnoyarsk Krai, consisting of 25 people, traveled to the PRC [9].

In February 1957, a note was published about the upcoming trip of the region's residents to the People's Republic of China. The group of tourists consisted of 23 people. Among them were workers, office workers, engineers, technical and scientific workers, doctors, and teachers. Thus, among those wishing to visit China were the control foreman of the Krasnoyarsk shipbuilding plant L. V. Zadvornova, her colleague A. P. Nepomnyashchy, the foreman of the mechanical repair workshops of the Sorsk plant L. D. Gerbek, the worker of the thermal power station of the Kansk cotton plant L. N. Pimenova, Secretary of the Uyarsky District Committee of the Komsomol E. A. Soldatkina and others. It was planned to visit 19 cities of the PRC, among which Beijing, Shanghai, Wuhan, Canton, Tianjin, etc. were announced [10].

In October 1957, a group of regional agricultural specialists was sent on an excursion to China [11].

In January 1958, the regional trade union council began recruiting a group of tourists of 24 people for a trip to the PRC in April for a period of 17 days. During the trip, Soviet citizens became acquainted with the life of the Chinese people and their achievements in the field of building socialism. Tourists toured monuments of national architecture and other attractions of the ancient country.

Vouchers were provided to advanced workers in industry, transport, agriculture and collective farmers [12]. The head of the department of agricultural science and exhibitions of the regional agricultural administration, A. Makrinova, recalled: «We visited five large industrial centers of China – Beijing, Wuhan, Guangzhou, Shanghai and Tianjin. We visited agricultural cooperatives, MTS and state farms, and got acquainted with the work of the Agricultural Research Institute of Central China. We were greeted very cordially everywhere. The Chinese comrades willingly told us about their lives and work». The group also visited ancient architectural monuments, parks, the Palace of Physical Education and Sports, built in 1955, palaces of culture, the Sino-Soviet Friendship Cooperative, textile factory No. 2 in Shanghai, and a machine tool plant in Tianjin [13].

In May 1958, a note was published about plans to send a student and youth group from Krasnoyarsk Krai of 22 people to China for 9 days in July. They were supposed to visit the industrial and cultural centers of the country, visit universities and meet with Chinese students [14].

Thus, among the students of universities in Krasnoyarsk there were students from the Krasnoyarsk State Pedagogical Institute (KSPU). Among them was the leader of the group of students who visited China, E. Shmandin. He handed over to KRMLL's guides to the cities of Hangzhou and Shanghai, published in Russian, a photo album and a basket with a clock – a gift from a team of teachers and students of the Beijing Pedagogical Institute. In turn, the Chinese side was presented with the journal «Scientific Notes of Beijing Normal University». The museum contains photographs that KSPU students took during their trip to China. Basically, they depict the educational process – schoolchildren, students in practice, joint photographs with Chinese friends, sights. From the students of the Krasnoyarsk Polytechnic Institute, the museum received a model of a wooden tank, donated by students of the Beijing Institute of Ferrous Metallurgy, and they themselves received it as a reward for participating in the construction of the Miyun Reservoir [15]. In 1958, students at the Krasnoyarsk Pedagogical Institute donated several sets of Chinese traditional «kuaizi» chopsticks to the museum, which were donated by comrades from Chinese universities [16]. In addition, KSPU students donated a gift from the Beijing Normal Institute to the museum – the novel «Happy Day» by Wu Qiang-chu in Chinese.

A delegation of students from the Krasnoyarsk Pedagogical Institute, having visited China, managed to make friends with Chinese students. The first secretary of the Party Committee of the Beijing Normal Institute, Liu Yong-lu, sent a letter to the students of the KSPU on behalf of his university. It contained congratulations on the upcoming 1959 and a wish to achieve even greater success in work and study [17].

Many youth contacts took place in the 1950s and 1960s between the USSR and the PRC. After the visit of the PRC delegation to Krasnoyarsk Krai, a group of youth from the Komsomol city committee went to Heilongjiang province. The Chinese comrades presented the Krasnoyarsk residents with a scarf made of blue chiffon with an image of the Kremlin and one of the famous temples of China [18], as well as a pennant made of lingonberry-colored satin with

the inscription in Chinese: «The Central Committee of the Communist Youth League presented awards to the groups present at the All-China Assembly people's representatives in November 1958. This award indicates that they are resolutely implementing communism» [19]. In addition, among the gifts of the delegation was the pioneer magazine «Every Day Up» in Chinese, children's fairy tales «Grandfather the Sun», «The Resentment of the Little Sister», «Rooster and Dog», etc., several sets of postcards with landscapes of China, a portrait of Mao Zedong, festival badge «Peace, Friendship», photo albums. The pioneers of Harbin presented the youth delegation of Krasnoyarsk with a painting depicting a Chinese landscape and a mug with the flag of the People's Republic of China. The negative of S. O. Malobitsky is also kept in the museum. The photographer captured on film a youth rally at the Krasnoyarsk station during a meeting with a delegation of the World Federation of Democratic Youth and a delegation of Chinese youth.

According to the regional trade union plan in 1959, tourists were to be sent to China in May, July and December [20]. In May 1959, trade union delegations of workers from the oil and chemical industries, medical workers of the region and the Sibelektrostal plant visited China. These delegations included the spinner of the artificial fiber plant T. Kislitsina, the foreman of the synthetic rubber plant V. Bryukhanov, the shift foreman M. Korkina and other specialists. In December 1959, delegations of metallurgists, signalmen, trade workers, and power engineers from the region planned to visit the PRC. Tourists, in commemoration of the tenth anniversary of fraternal China, were ready to present friendship banners and gifts to Chinese enterprises [21]. On December 4, 23 tourists left Krasnoyarsk for the People's Republic of China by train Moscow – Beijing. The period of stay was set at 15 days. The tourist group included representatives of metallurgical workers, local industry and agriculture, state trade and consumer cooperation of the region, communications, the Krasnoyarsk Railway and the Yenisei Shipping Company. Thus, China was visited by the foreman of the communist labor collective of the Krasnoyarsk station car depot A. Kuzmina, the drilling rig operator of the Sorsk molybdenum plant V. Eremin, the foreman of the Sibelektrostal plant G. Pozdnyakov and others [22].

A student of the Krasnoyarsk Agricultural Institute N. Nozdrin visited China in August 1960. On the trip, he got acquainted with the achievements of Chinese livestock and field farming in recent years. In addition, he was able to visit the All-China Agricultural Exhibition and the Harbin Agricultural Institute. Nozdrin became friends with a student of this institute, Guo-Wenkui, with whom they shared the latest achievements of their countries in the field of vegetable growing [23].

During the years of the most fruitful cooperation in the field of tourism from 1956 to 1959, about three hundred workers of various professions, engineers and technicians, doctors, teachers and students visited the PRC from Krasnoyarsk Krai. Tourists visited twelve of China's largest cities [21]. From 1960 until the mid-1980s – early 1990s the local periodicals did not mention contacts between Krasnoyarsk Krai and the PRC in the area of tourism. Some authors

point to the deterioration of relations between the Soviet Union and China since the mid-1950s, when N. S. Khrushchev came to power [24, p. 355]. Other researchers note that the turning point was 1959 (intra-party conflict between Mao Zedong and Defense Minister Peng Dehuai). Then the Pravda newspaper published N. S. Khrushchev's Polish speech criticizing Mao, in which the Soviet leader accused the CPC chairman of not understanding the essence of building communism [25, p. 97]. Already in 1960, Soviet specialists were recalled from the PRC, which resulted in the cessation of work at many Chinese factories. This served as the starting point for twenty years of confrontation between countries, which was based on political, ideological, economic and geopolitical contradictions [26, p. 237]. I. S. Vinogradov emphasizes that the aggravation of relations in the early 1960s led to the Cuban missile crisis and the mass exodus of the Kazakh people from Xinjiang. China tried to show political independence from the USSR, which subsequently led to the curtailment of contacts at all levels [27, p. 145–146]. A. V. Tatarinova writes about “hysteria directed against the USSR”, which the PRC encouraged among the population with the help of propaganda posters from the beginning of the Cultural Revolution [28, p. 227]. On February 15, 1964, the Resolution of the Plenum of the CPSU Central Committee was adopted, at which China was accused of «schismatic actions harmful to the entire socialist community». Soviet leaders accused the CPC of «petty-bourgeois adventurism and great-power chauvinism» and compared China's policies with Trotskyism [29]. On April 9, 1964, a TASS report was published on the pages of the Krasnoyarskii Rabochii newspaper about the call of the international communist movement to unite against the schismatic actions of the CPC Central Committee [30]. The note “On the nature of relations between socialist countries” said that Stalin's cult of personality slowed down the process of cooperation between the USSR and the PRC, and Stalin's «great power» policy strengthened «nationalist prejudices», which was what the 20th Congress of the CPSU was directed against. The Chinese side continued to support Stalin's ideas, as a result of which it was declared undesirable for cooperation. The author of the note emphasized that Chinese organizations tried to carry out political indoctrination of Soviet citizens with the help of employees of Chinese institutions in the Soviet Union, Chinese students, graduate students, tourists, and members of various delegations. In addition, it was mentioned that Chinese authorities sent anti-Soviet literature to the USSR and provoked border conflicts [31]. In 1969, many notes appeared on Soviet-Chinese relations. This was due to the armed conflict in the area of the Nizhne-Mikhailovka border point (Damansky Island) on the Ussuri River. From the TASS report it followed that the «provocation» was staged by the Chinese side [32]. The notes spoke of the PRC's claims to Soviet territory; response notes from the Chinese government were published denying the fact of an attack on the island Damansky [33]. It was emphasized that the incident occurred during the preparation for the 9th Congress of the CPC. Many Chinese party leaders resisted Mao's policies, therefore, according to the note, the border conflict was necessary to impose a nationalist and anti-Soviet program on the congress [34]. On August 15, a report

appeared in the press about «pre-planned» Chinese aggression in the area of the Semipalatinsk region of the Kazakh SSR, the settlement of Zhalanashkol. The aggression was suppressed by Soviet troops [35].

Soviet-Chinese contacts in the field of tourism in the 1950–1960s represented an element of cultural interaction between the USSR and the PRC. Tourist groups formed in Krasnoyarsk Krai consisted of students, youth, teachers, doctors, engineers, agricultural workers, journalists, etc. Exchanges of delegations, presentation of gifts to representatives of the Chinese side during visits by residents of the region to enterprises, universities and other public places in The PRC contributed to the strengthening and development of relations between states. From 1956 to 1959, about three hundred Krasnoyarsk residents and residents of the region of various professions visited China as part of tourist groups: workers, engineers, doctors, teachers and students. This became the most fruitful period of interaction in the field of tourism. However, the cooling in relations between the USSR and the PRC was clearly manifested in 1960, when N.S. Khrushchev recalled Soviet specialists from China. This served as an impetus for curtailing contacts at other levels, including tourism. Until the very mid-1980s – early 1990s in the local periodical press there was no mention of tourist contacts between Krasnoyarsk Krai and the People's Republic of China.

References

1. Kapitsa M. S. Soviet-Chinese relations. M.: State Publishing House of Political Literature, 1958. 424 p.
2. Borisov O. B., Koloskov B. T. Soviet-Chinese relations, 1945–1980. M.: Mysl, 1980. 638 p.
3. Krasnoyarskii Rabochii, No. 143 (11707), June 19, 1958.
4. State Archive of Krasnoyarsk Krai (hereinafter referred to as SAKK). F. P-26. Inventory 29. D. 15.
5. Krasnoyarskii Rabochii, No. 104 (11054), May 1, 1956.
6. Krasnoyarskii Rabochii, No. 136 (11086), June 10, 1956.
7. SAKK. F. P-26. Inventory 29. D. 13.
8. SAKK. F. P-26. Inventory 29. D. 14.
9. Krasnoyarskii Rabochii, No. 144 (11094), June 20, 1956.
10. Krasnoyarskii Rabochii, No. 49 (11305), February 26, 1957.
11. Krasnoyarskii Rabochii, No. 254 (11510), October 25, 1957.
12. Krasnoyarskii Rabochii, No. 1 (11565), January 1, 1958.
13. Krasnoyarskii Rabochii, No. 49 (11613), February 27, 1958.
14. Krasnoyarskii Rabochii, No. 119 (11683), May 22, 1958.
15. Krasnoyarskii Rabochii, No. 133 (12004), June 7, 1959.
16. Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (hereinafter – KRMLL). MF. 3513/15.
17. Krasnoyarskii Rabochii, No. 307 (11871), December 31, 1958.
18. KRMLL. MF. 2045.
19. KRMLL. MF. 3553/58.
20. Krasnoyarskii Rabochii, No. 74 (11945), March 28, 1959.

21. Krasnoyarskii Rabochii, No. 232 (12103), October 1, 1959.
22. Krasnoyarskii Rabochii, No. 287 (12158), December 5, 1959.
23. Krasnoyarskii Komsomolets, No. 160 (2748), November 16, 1960.
24. Petukhova M.V., Shalkova V., A. History of relations between Russia and China: a modern view // Education and Law. 2022. No. 8. pp. 353–356.
25. Karev B. A., Dorokhov V. Zh., Zinyatova M. N. «Beating the grass to scare away the snake»: on the issue of relations between the PRC and the USSR in 1959–1972 // Modern scientific thought. 2018. No. 1. pp. 97–103.
26. Biryukov S.V. Russia-China: a difficult path to strategic partnership (to the 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations) // Bulletin of Volgograd State University. Episode 4: History. Regional studies. International relationships. 2021. No. 2. T. 26. pp. 231–245.
27. Vinogradov I. S. Main milestones in the evolution of relations between the PRC and the USSR (Russia) // Modern scientific thought. 2018. No. 4. pp. 143–152.
28. Tatarinova A. V. Evolution of the image of the USSR in the PRC in the 1950-1980s // Southeast Asia: current problems of development. 2019. No. 3 (44). T. 2. P. 218–231.
29. Magnitogorskii Metal, No. 43 (3858), April 8, 1964.
30. Krasnoyarskii Rabochii, No. 86 (13494), April 9, 1964.
31. Krasnoyarskii Rabochii, No. 142 (13550), June 17, 1964.
32. Krasnoyarskii Rabochii, No. 53 (14996), March 4, 1969.
33. Krasnoyarskii Rabochii, No. 55 (14998), March 6, 1969.
34. Krasnoyarskii Rabochii, No. 60 (15003), March 12, 1969.
35. Krasnoyarskii Rabochii, No. 189 (15132), August 15, 1969.

Е. К. Кулаева¹, И. К. Калимонов²

^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия

СИНГАПУРСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ К НАДНАЦИОНАЛЬНОМУ ТИПУ РАБОТНИКА

Аннотация. Вызовы глобализации ставят перед правительствами стран задачу модернизации и усовершенствования системы образования, которая играет важную роль в подготовке граждан к преодолению последствий глобализации. В данной статье рассмотрено влияние этого процесса на становление и развитие системы образования в Сингапуре.

Ключевые слова: *школьная система Сингапура, высшее образование в Сингапуре, экономика знаний, глобализация, реформы системы образования Сингапура, конкурентоспособность, человеческий капитал*

Abstract. The challenges of globalization challenge Governments to modernize and improve the education system, which plays an important role in preparing citizens to overcome the consequences of globalization. This article examines the impact of this process on the formation and development of the education system in Singapore.

Keywords: *Singapore's school system, higher education in Singapore, knowledge economy, globalization, Singapore's education system reforms, competitiveness, human capital*

Глобализация привела к возникновению надгосударственных международных связей до такой степени, что некоторые эксперты ставят вопрос о ненужности такого субъекта международных отношений как государство и формирования нового вида специалистов, деятельность которых не должна быть ограничена одним регионом. Глобализация привела к усилению связей между национальными государствами. Экономическая конкурентоспособность раньше определялась наличием у государства большого числа работоспособного населения, а также богатых залежей природных ресурсов. Однако в конце XX в. для возможности конкурирования на международной арене страны также должны были использовать новейшие технические инновации для своего развития и вкладываться в образование своих граждан. В это время возникло явление, которое называют экономикой знаний. В рамках этой экономики «знания создаются, приобретаются, передаются и используются более эффективно отдельными лицами, предприятиями, организациями и сообществами для содействия экономическому и социальному развитию» [1, с. 1]. Развитие экономики, основанной на знаниях, создали дополнительное давление на национальные государства, требующее повышения и поддержания их «конкурентоспособности» в условиях глобального рынка. С целью повы-

шения национального потенциала реформы образования стали общей повесткой дня для национальных государств развитых индустриальных стран с 1980-х гг. [2]. Стремясь к тому, чтобы стать «конкурентоспособным государством», государства стремятся пересмотреть и усовершенствовать школьные программы, придавая большое значение развитию креативного мышления у школьников. [3, с. 27].

Новейшую историю образовательных инноваций в Сингапуре можно охарактеризовать как одно большое инновационное начинание, воплощенное в Постановлении об образовании от 1977 г., за которым последовали различные инновационные акты и программы, непосредственно вытекающие из него. Именно это постановление стало отправной точкой для воплощения намерений в действия [4, с. 241]. Пак Ти Нг из Национального института образования Наньянского технологического университета выделяет три периода развития системы образования в Сингапуре:

1. Период разрешения конфликтов 1946–1956 гг.;
2. Период активных действий 1959–68 гг.;
3. Период качественной консолидации с 1969 г. и далее [5, р. 117].

История Сингапура берет свое начало с создания усилиями Британской Ост-Индской компании торговой зоны на территории острова. Со временем Сингапур стал крупным портовым городом, привлекающим внимание Великобритании своим выгодным географическим положением [6, с. 140]. Система образования Сингапура уходит корнями во времена британского колониализма. В Британской империи была широко распространена практика подготовки управленческого персонала из местного населения. Это существенно облегчало процесс управления колониями. Кроме того, лица, получавшие образование в Великобритании, становились надежной опорой колониального режима, проводниками колониальной политики. Это правило распространялось и на Сингапур. Представители политической элиты Сингапура, в том числе и первый премьер-министр Ли Куан Ю, получили высшее образование в университетах Великобритании. «Отец-основатель» сингапурской нации после Второй мировой войны приехал учиться в Лондонской школе экономики, затем перевелся в Кембриджский университет [7]. Более того, Институт Раффлза, Англо-Китайская школа и Национальный университет Сингапура были основаны британскими чиновниками в XIX–XX веках [8].

Характерной особенностью Сингапура является его неоднородный языковой и этнический состав: большинство населения Сингапура составляют китайцы, говорящие на китайском языке и его диалектах, однако малайцы, индийцы и другие этносы также проживали на территории Сингапура. Во времена британского господства практически не предпринималось попыток создать интегрированную систему образования с общими целями и задачам, не говоря уже о создании общей идентичности среди детей в различных школах. Японцы, господствовавшие на территории Сингапура с 1942 по 1945 гг., приняли определенные образовательные меры, которые позволили местным жителям по-новому взглянуть на цель об-

разования и свои собственные образовательные потребности. Японская администрация заставила всех школьников Сингапура ежедневно посещать церемонию поднятия флага, за которой следовали физические упражнения. Активно поощрялись совместные молодежные мероприятия, а учителя из английских школ впервые смогли совместно поработать с преподавателями из малайской, китайской и тамильской школ. [9, с. 94]. Японцы также форсировали интеграцию, используя общий язык – «ниппон-го» [10, с. 21].

Период японской оккупации Сингапура закончился в августе 1945 г., а в июле 1946 г. Сингапур стал отдельной колонией, независимой от остальной Малайи. Первые послевоенные годы характеризовались восстановлением системы образования. На английские школы было оказано большое давление с целью обеспечить прием всех тех, кто был лишен возможности получить образования в течение последних трех с половиной лет или достиг школьного возраста. Также наблюдался растущий спрос на местный подход к образованию, поэтому к концу 1947 г. Консультативным советом была принята Десятилетняя программа образовательной политики в колонии Сингапур. Основные принципы и цели, лежащие в основе этого плана, в некоторой степени предвосхитили те, которые были изложены позднее в «Белой книге по образованию» 1956 г. и Указе об образовании 1957 г., а именно:

1. Обеспечить равенство возможностей в области образования для всех детей, независимо от пола, расы и религии.

2. На основе бесплатного всеобщего начального образования разработать такое среднее, профессиональное и высшее образование, которое отвечало бы потребностям страны;

3. Направить образовательную деятельность на воспитание чувства общей идентичности, идеала гражданской лояльности и ответственности и, таким образом, расширить возможности самоуправления [11, с. 44].

В период с 1957 по 1959 гг. активно проводились реформы системы образования. Была начата интенсивная программа школьного строительства, и для удовлетворения растущего спроса в 1957 г. была введена система двойных смен: ученики посещали школу в две смены – утром и вечером, благодаря чему удавалось уместить больше детей в уже существующих школьных зданиях. Также в 1958 году был основан Сингапурский политехнический институт, а Малайский университет разделен на два отделения: одно располагалось в Куала-Лумпуре, а другое – головное учебное заведение – осталось в Сингапуре [12, р. 32]. В 1959 г. Сингапур обрел полное внутреннее самоуправление. Подход к решению проблем в области образования новоизбранной Партии Народного Действия заключался в том, чтобы рассматривать их в увязке с политическими и социальными потребностями. Еще во время избирательной кампании Партия Народного Действия объявила об основных целях, которые она собирается достичь в ходе проведения образовательных реформ в Сингапуре. Во-первых, планировалось обеспечить равное отношение ко всем этносам,

проживающим на территории Сингапура, и их языковым школам. Во-вторых, ПНД намеревалась сделать больший упор на преподавание в школах и университетах точных и естественных наук [13, с. 168].

Для достижения этих целей министр образования Ен Нюк Лин, занимавший эту должность с 1959 по 1963 гг., предпринял ряд важных мер. Во-первых, он добился возобновления строительства школ после 1959 г. В течение десятилетия школьные здания возводились примерно по одному зданию в месяц. Во-вторых, в ноябре 1954 г. он учредил Консультативный совет по образованию. Этот совет имел широкое представительство, охватывающее различные высшие учебные заведения, организации учителей, министерства здравоохранения и социального обеспечения. Для оказания содействия Совету в выполнении его функций были созданы постоянные комитеты, основными из которых являлись Комитет по учебным программам и учебникам, Комитет по науке, профессионально-техническому образованию и Комитет по физическому воспитанию. В-третьих, в том же году министр назначил Малайский консультативный комитет для консультирования министра по вопросам, касающимся образования на малайском языке [14, с. 231].

Это были годы целенаправленного руководства и значительного увеличения возможностей для получения образования. При этом в стране наблюдался дефицит кадров, имеющих техническое и профессиональное образование. Голландский экономист Альберт Винсемиус, работавший экономическим советником в Сингапуре с 1961 по 1984 гг. спрогнозировал, что каждый год с 1970 по 1975 г. Сингапур будет испытывать нехватку около 500 инженеров и около 1 000 технических работников [15]. В 1964 г. в Сингапуре начали появляться первые профессиональные школы. С их открытием у учеников, не обладающих высоким академическим рейтингом, появился шанс получить профессию и устроиться работать на предприятие. С целью решения проблемы дефицита рабочих кадров, получивших техническое образование, с 1969 г. правительство Сингапура ввело постановление, согласно которому школьники могли дополнительно осваивать техническую профессию в течение первых двух лет обучения в школе [16]. Однако данные изменения все еще не имели под собой прочного фундамента и в основном находились на начальной стадии внедрения и развития. Для сингапурского общества 1970-х годов характерной особенностью являлся резкий отказ родителей отдавать своих детей на обучение в неанглоязычные школы. Это связано с другой тенденцией, которая была вызвана стремительной индустриализацией Сингапура. Родители понимали, что только при высоком уровне владения английским языком, а также последующим овладением техническими навыками, их дети смогут существовать в технологическом обществе. Эта тенденция привела к оттоку из школ преподавателей других языков, и классы средних школ, в которых образование велось не на английском языке, перестали пользоваться спросом [17, с. 18].

Правительству необходимо было решить вопрос с распределением и профессиональной переподготовкой учителей, которые оказались невостребованными на рынке труда ввиду возросшего спроса на получение образования на английском языке. В сентябре 1969 г. министр образования учредил Консультативный комитет по разработке учебных программ. Этот комитет провел исследование целей и задач образования в Сингапуре. В 1970 г. были назначены новые постоянные комитеты по разработке учебных программ, заменившие старые, сформированные при Консультативном совете по образованию 1959 г., и отличающиеся от них в двух отношениях – многоязычным составом (первые основывались на языковых группах) и в их подходе к разработке учебных программ. Пересмотр учебной программы был завершен для первых четырех лет начальной школы. Учителям была предоставлена возможность проявлять больше гибкости в организации обучения детей, которые в годы обучения в начальной школе гораздо заметнее различаются по темпам обучения, чем на уровне средней школы [18, с. 135].

В течение 1961–1965 гг. в Сингапуре реализовывалась пятилетняя программа развития образования. Ее основной задачей являлось обеспечение бесплатного начального образования, которое соответствовало бы международным стандартам. В итоговом докладе Министерства образования Сингапура говорилось: «Мы стремимся к сохранению одинаковых возможностей для граждан, к созданию условий для поддержания единства в многообразии и к формированию долгосрочной программы подготовки нового поколения для нужд современного индустриализированного и технологичного общества» [19]. В 1965 г. Сингапур был исключен из состава Малайзии и стал независимым государством. С этого момента в сингапурском обществе начались кардинальные перемены. Перед премьер-министром стояла проблема выбора пути, по которому должен пойти Сингапур, чтобы стать процветающим государством. Понимая специфические особенности своего государства, Ли Куан Ю, стремясь вывести экономику Сингапура на новый уровень, начал проводить активную интеллектуальную модернизацию. Премьер-министр в своих интервью неоднократно заявлял, что единственный ресурс, которым обладает Сингапур – это его люди. Образование он считал важнейшим рычагом формирования единой национальной идентичности среди населения [20]. Успех Ли Куан Ю в сфере модернизации образовательной системы обусловлен тем, что правительство Сингапура не стало уничтожать элементы британского наследия. Руководство Сингапура в своей языковой политике в области образования сохранило приверженность прагматическому подходу. Постольку поскольку Сингапур – это город–порт, изначально включенный в систему международной торговли, не было смысла в угоду националистическим лозунгам отказываться от изучения английского языка. При этом не отрицалась необходимость развития собственных языков [21, с. 333].

Власти Сингапура стремятся обеспечить процветание своего общества. Для этого государству необходим стабильный экономический рост,

а также мирная политическая ситуация в регионе, исключая внутренние и внешние конфликты [22, с. 114]. Лоу, описывая роль правительства Сингапура в сфере образования, в своей работе утверждает: «роль образования и развития человеческих ресурсов в экономическом росте и развитии несомненна, и в контексте Сингапура государственная политика и стратегии в области образования, подготовки и развития трудовых ресурсов как передового фактора принесли хорошие плоды в виде экономического и социально-политического успеха, которым он пользуется сегодня» [23, с. 305]. Действительно, в настоящее время сингапурская система образования считается одной из лучших в мире. Так, например, согласно данным исследования *PIRLS (Progress in International Reading Literacy Study)* за 2021 г., в Сингапуре уровень функциональной грамотности населения является одним из наивысших [24]. Процессы глобализации повлияли на выбор путей реформирования образования. Руководство Сингапура пересмотрело свое отношение к понятию «конкурентоспособность», и стали уделять больше внимания развитию у населения навыков, необходимых в XXI в., а именно: способность к межкультурной коммуникации, креативность, нестандартное мышление. Это намерение было закреплено в докладе Комитета экономического планирования в 1991 г. [25, с. 105]. Школы и университеты были призваны сыграть главную роль в осуществлении этих изменений [26, с. 36].

Будучи небольшим городом-государством с открытой экономикой, Сингапур никогда не изолировал себя от изменений, вызванных вызовами глобализации. Правящая Партия народного действия (ПНД) последовательно информирует все общество о потенциальных вызовах и угрозах как в региональном, так и в глобальном контексте. Ориентируясь на экономические модели Великобритании и Японии, в июне 1997 г. премьер-министр Сингапура Го Чок Тонг выдвинул концепцию «*Thinking Schools, Learning Nation*» – «Мыслящие школы, обучающаяся нация». В то время как понятие «мыслящие школы» затрагивает школьников, у которых необходимо развивать самостоятельное мышление, понятие «обучающаяся нация» направлено на воспитание привычки к непрерывному обучению. Эта концепция говорит о важности непрерывного процесса образования на протяжении всей человеческой жизни. Эта концепция призвана подготовить сингапурцев к изменениям в эпоху глобализации и информационного века. Одновременно с этим был выдвинут лозунг «*Teach Less, Learn More*» – «Учить меньше, научиться большему». Основными стратегиями в рамках этой инициативы были: открытое преподавание навыков критического и творческого мышления; сокращение содержания учебных программ; пересмотр способов оценивания; больший акцент на процессах, а не на результатах при оценке [27, с. 140].

Сингапур очень заинтересован в развитии островного государства как регионального центра высшего образования. Согласно Гарретту, Сингапур является одним из крупнейших рынков транснационального высшего образования в мире. Это особенно важный рынок образования для уни-

верситетов Австралии и Великобритании [28, с. 11]. Термин «транснациональное образование» обычно определяется как «образование, при котором учащиеся находятся в стране, отличной от той, в которой базируется присуждающее их учебное заведение» [29]. В Сингапуре существует два основных типа «транснационального образования»: во-первых, «внешние» программы дистанционного образования и, во-вторых, филиалы иностранных университетов [30, с. 95]. Бум выпускников школ середины 1980-х гг. ознаменовался началом транснационального высшего образования в Сингапуре. Ведущие частные учебные заведения, такие как Сингапурский институт менеджмента (*SIM*), активно сотрудничают университетами за рубежом. В дополнение к *SIM*, Центр передовых семинаров ТМС в Сингапуре также предлагает краткосрочные курсы и долгосрочное обучение. Кроме того, он выступал в качестве местного партнера по программам дистанционного обучения, предлагаемым зарубежными университетами, такими как Университет Монаша, Университет Дикина, Университет Ньюкастла и Лондонский университет. После азиатского финансового кризиса 1997 г. в Сингапуре увеличилось число студентов, обучающихся по этим программам в иностранных университетах [31, с. 203].

Основываясь на отчетах и рекомендациях международных консультантов, правительство Сингапура приступило к различным этапам реформ высшего образования. Например, правительство Сингапура выбрало несколько крупных и авторитетных зарубежных университетов и пригласило их открыть свои филиалы в Сингапуре. В 2000 г. в Сингапуре были открыты кампусы двух иностранных университетов, а именно *INSEAD* и Высшей школы бизнеса Чикагского университета [32, с. 4]. Чикагская высшая школа бизнеса стала первой бизнес-школой с постоянными кампусами в Азии, Европе и США. Азиатский кампус предлагает магистерскую программу по деловому администрированию, которую преподают те же преподаватели, что и в кампусах Чикаго и Барселоны. В отличие от обычных академических программ, студенты, обучающиеся по этой программе, проходят 16-недельных курсов, рассчитанных на 20 месяцев, что позволяет руководителям бизнеса продолжать работать полный рабочий день и приезжать со всей Азии для посещения занятий. Кроме того, азиатская программа также позволяет студентам посещать занятия в кампусах Чикаго и Барселоны. Таким образом, студенты становятся участниками более широкой и глобальной образовательной сети [33, с. 10].

Таким образом, до получения независимости основными задачами правительства Сингапура в области образования являлись приведение образовательной системы к единому стандарту. Необходимо было свести к минимуму возникновение конфликтов внутри общества на этнической почве, в результате английскому языку был дан статус национального, при этом население продолжало обучаться в школах своим родным языкам. После того, как Сингапур был исключен из состава Малайзии, первоочередной задачей правительства стало обеспечение безопасности и выживания молодого государства. В связи с этим большой упор делался на пре-

подавание точных наук в школах и университетах. После решения проблемы с нехваткой рабочих кадров с техническим образованием, власти Сингапура провозгласили развитие человеческого капитала основным приоритетом. В образовательной политике произошли изменения, связанные с процессом глобализации, который коснулся и Сингапура. Сингапурские университеты стали активно сотрудничать с зарубежными институтами, а в школьной системе акцент сместился с результатов учебы на сам процесс обучения. Эти изменения вывели систему образования Сингапура на новый уровень, позволяя государству привлекать в свои университеты студентов со всего мира, а также сделав сингапурскую школьную систему предметов восхищения и образцом для подражания во всем мире.

Список источников

1. World Bank. Lifelong learning in the global knowledge economy: Challenges for developing countries. Washington, DC: The World Bank, 2003. 141 p.
2. REUNION DU COMITE DE L'EDUCATION AU NIVEAU DES MINISTRES RAPPORT ANALYTIQUE: ANALYSE DES POLITIQUES D'EDUCATION (Заседание комитета по образованию на уровне министров. Аналитический доклад: анализ политики в области образования) // Organisation de Coopération et de Développement Economiques (Организация экономического сотрудничества и развития) [Электронный ресурс]. URL: [https://one.oecd.org/document/DEELSA/ED/CERI/CD\(2000\)12/PART5/REV1/fr/pdf](https://one.oecd.org/document/DEELSA/ED/CERI/CD(2000)12/PART5/REV1/fr/pdf) (дата обращения: 10.04.2024).
3. Cheng, Y. C. Educational change and development in the Asia-Pacific region: trends and issues / Cheng, Y.C., Ed. Townsend T. Lisse: Swets & Zeitlinger Publishers, 2000. 343 p.
4. Gopinathan S., Wong B., Tang, N. The evolution of school leadership policy and practice in Singapore: Responses to changing socio-economic and political contexts (insurgents, implementers, innovators) // Journal of Educational Administration and History. 2008. №40 (3). Pp. 235–249.
5. Ng P. T. Quality Assurance in the Singapore Education System: Phases and Paradoxes // Quality Assurance in Education. 2008. №16 (2). Pp. 112–125.
6. Gungwu W. Lee Kuan Yew: History, heritage and the idea of Singapore // Lee Kuan Yew Through the Eyes of Chinese Scholars. 2017. Pp. 139–146.
7. 李光耀成长轨迹：从被殖民者到新加坡国父 (Ли Куан Ю: от жителя колонии до отца-основателя Сингапура) // Sohu.com [Электронный ресурс]. URL: https://www.sohu.com/a/7355417_111230 (дата обращения: 02.03.2024).
8. How did the British colonisation influence Singapore education and culture? // Quora [Электронный ресурс]. URL: <https://www.quora.com/How-did-the-British-colonization-influence-Singapore-education-and-culture> (дата обращения: 10.04.2024).

9. Matsuoka M., Hashimoto K. Media and Cultural Policy and Japanese Language Education in Japanese-Occupied Singapore, 1942–1945 // Japanese Language and Soft Power in Asia. 2018. С. 83–102.
10. Guo J. Popularizing Japanese Language during the Japanese Occupation of Singapore, 1942–1945: An Analysis of the Nippon-Go Lesson Columns in the Syonan Times. Manila: Ateneo de Manila Univ Press, 2013. 113 p.
11. Yee H. G., Doraisamy T. R. 150 Years of Education in Singapore. Singapore: TTC Publications Board, Teachers' Training College, 1969. 150 p.
12. Gopinathan S. Towards a national system of education in Singapore, 1945–1973. Singapore: Oxford University Press, 1974. 78 p.
13. Wilson H. E. Social engineering in Singapore: educational policies and social change, 1819–1972. Singapore: Singapore University Press, 1978. 300 p.
14. Алишев Т. Б., Гильмутдинов А. Х. Опыт Сингапура: создание образовательной системы мирового уровня // Вопросы образования. 2010. № 4. С. 228–237.
15. Dutch economist Albert Winsemius' legacy to Singapore remembered // The Straits Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/dutch-economist-albert-winsemius-legacy-to-singapore-remembered> (дата обращения: 11.04.2024).
16. Technical and vocational education // A Singapore Government Agency Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nlb.gov.sg/main/article-detail?cmsuuid=5d76abd9-ea> (дата обращения: 11.04.2024).
17. Gopinathan S. Globalization, the state and education policy in Singapore / Gopinathan S., Ed. Tan J. Singapore: Prentice-Hall, 2001. 146 p.
18. Gopinathan S. Towards a national system of education in Singapore, 1945–1973. Singapore: Oxford University Press, 1974. 292 p.
19. Progress in education: a brief review of education in Singapore from 1959 to 1965 // Singapore Ministry of Education [Электронный ресурс]. URL: <https://catalogue.nlb.gov.sg/search/card?recordId=4699103> (дата обращения: 11.04.2024).
20. The secret of Singapore's success in education // The Straits Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/the-secret-of-singapores-success-in-education> (дата обращения: 11.04.2024).
21. Tan C., Ng P. T. Functional differentiation: A critique of the bilingual policy in Singapore // Journal of Asian Public Policy. 2011. № 4 (3). Pp. 331–341.
22. Quah S. T. Government & Politics in Southeast Asia: Singapore meritocratic city-state / Quah S. T., Ed. Funston J. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2001. 263 p.
23. Low L. Competitive education and human resource development: overseas education / Low L., Ed. Johnston D. M. Singapore: Singapore Inc., Asia Pacific Press, 2001. 489 p.
24. PIRLS 2021. Results of the Progress in International Reading Literacy Study // The Educational Research Institute [Электронный ресурс]. URL:

<https://ibe.edu.pl/index.php/en/news/2015-pirls-2021-results-of-the-progress-in-international-reading-literacy-study> (дата обращения: 12.04.2024).

25. Ministry of Trade and Industry. The Strategic Economic Plan: Towards a Developed Nation. Ministry of Trade and Industry, Singapore. 1991. 148 p.

26. Lee H. L. Our future depends on creative minds // Speeches. 1996. № 20 (3). Pp. 34–41.

27. Koh K., Tan C., Ng, P.T. Creating thinking schools through authentic assessment: The case in Singapore. // Educational Assessment, Evaluation and Accountability. 2012. №24 (2). Pp. 135–149.

28. Garrett R. The Rise and Fall of Transnational Higher Education in Singapore // International Higher Education. 2005. №39. Pp. 9–17.

29. UNESCO and Council of Europe: Code of Good Practice in the Provision of Transnational Education // National Information Center [Электронный ресурс]. URL: <https://nic.gov.ru/en/docs/foreign/recomendations/LRC> (дата обращения: 12.04.2024).

30. Ziguras C. The impact of the GATS on transnational tertiary education: comparing experiences of New Zealand, Australia, Singapore and Malaysia // The Australian Educational Researcher. 2003. №30 (3). Pp. 89–109.

31. Patton M. A. Changes in the Singapore university student demand since the currency crash // Higher Education in Europe. 1999. № 24 (2). Pp. 203–206.

32. McNutty S. Singapore aims to be centre of advanced academic excellence // Financial Times. 2000. № 23. Pp. 3–11.

33. Ziguras C. Educational technology in transnational higher education in South East Asia: the cultural politics of flexible learning // Educational Technology & Society. 2001. № 4 (4). Pp. 8–18.

И. Л. Жеребцов¹, В. И. Меньковский²

¹ Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Сыктывкар, Россия

² Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

КОНЦЕПЦИИ КОЛОНИАЛИЗМА/МОДЕРНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. Анализируется использование концепций колониализма и модернизации по отношению к новым независимым государствам Центральной Азии в современной историографии. Отмечается, что в советское время были предприняты комплекс мер по нациестроительству на бывших окраинах Российской империи. Делается вывод, что отношение к имперскому и советскому периодам истории в Российской Федерации и каждом из государств Центральной Азии имеет свою специфику.

Ключевые слова: Центральная Азия, регион, концепция, модернизация, колониализм, историография, Российская империя, СССР

Abstract. The use of the concepts of colonialism and modernization in relation to the newly independent states of Central Asia in modern historiography is analyzed. It is noted that in Soviet times, comprehensive nation-building measures were taken on the former outskirts of the Russian Empire. It is concluded that the attitude towards the imperial and Soviet periods of history in the Russian Federation and each of the Central Asian states has its own specifics.

Keywords: Central Asia, region, concept, modernization, colonialism, historiography, Russian Empire, USSR

Важнейшими составляющими исторической политики новых независимых (постсоветских) государств являются вопросы нахождения древнейших цивилизаций на территории современных государств (или той территории, которой данная нация обладала в прошлом), характеристика высшей исторической точки развития нации («золотого века») и история становления современной государственности. В последнем случае обязательным элементом является определение отношения к истории Российской империи и Советского Союза.

В контексте реализуемой государствами Центральной Азии исторической политики нас интересует отношение к советскому периоду истории, к советскому прошлому. «В отличие от царской России и европейских колониальных держав, которые противопоставляли свои метрополии колонизованным перифериям, Советский Союз определял себя как сумму своих частей» [1, с. 118]. Культурные технологии управления и природа советской власти. Ставить знак равенства между Российской империей и Советским Союзом невозможно. Точнее, невозможно с научной точки

зрения. В политико-идеологических целях это делалось и делается. И историческая политика широко используется для обслуживания именно этих целей.

В научной литературе сложились неоднозначные оценки национальной политики советской власти в регионе. Однако, если выделить основную историографическую тенденцию, можно отметить постепенный переход исследователей от жесткой критики действий большевиков к более позитивным оценкам. Ф. Хирш отмечала парадоксальность ситуации, заключавшуюся в том, что «...пока западные ученые писали о неожиданно «прогрессивном» характере советской национальной политики, политические лидеры и ученые в постсоветских национальных государствах заговорили на языке деколонизации... Создавая постколониальный нарратив, эти лидеры и ученые опирались на западные работы, написанные в разгар холодной войны и характеризовавшие Советский Союз как колониальную империю и «разрушителя наций» [1, сар. Введение]. Автор подчеркивает, что «...искусная политика большевиков в национальном вопросе помогла им выстроить альянсы с некоммунистами и выиграть Гражданскую войну... Царский режим, Временное правительство и белые пытались игнорировать национальную идею, а большевики интегрировали ее в свою идеологию и свое представление о Советском социалистическом государстве» [1, сар. I. Империя, нация и научное государство].

Дореволюционная Россия и формально, и реально была империей. Соответственно, при ее характеристике мы исходим из имперских категорий. Национальные окраины Российской империи были неоднородны, находились на разных стадиях экономического, политического, культурного развития. Разной была и степень национального самосознания. Однако характеризуя не только Российскую империю, но империю как геополитическое явление, мы можем отметить, что государство создавало и использовало властные структуры как «центра», так и национальных окраин для контроля над «иногородцами», не создавая реальных равных возможностей для различных этнических и национальных групп. Распад Российской империи не являлся уникальным явлением. Если не впадать в различного рода конспирологические объяснения, столь популярные сегодня, причины очевидны – время империй прошло. Если в XX в. распались все империи, почему Россия должна быть исключением? Не заговоры отдельных лиц, не «мировая закулиса», а логика истории определила процесс распада. Попытки противостоять этой логике, противодействовать естественному стремлению людей и наций к свободному самостоятельному существованию не могут сохранить империю, но приводят к человеческим жертвам, гуманитарным катастрофам, крови и страданиям.

Специфика ситуации Советского Союза принципиально отличалась от имперской. «Постсоветские государства в осуществлении своей политики нациестроительства не должны были начинать с чистого листа. В советское время очень многое уже было сделано для формирования национального самосознания нерусского населения: проведено национальное

размежевание территории СССР с выделением титульных этнических групп, создана национальная интеллигенция и руководящие кадры, на национальных языках в республиках выходили книги и газеты, велось преподавание в школах и вузах, в каждой республике создавалась национальная версия истории, пусть и вписанная в общесоветский исторический нарратив» [2, с. 146]. Более того, современные национальные категории стали употребляться в качестве конкретных этнонимов лишь при советской власти, в имперский период большинство жителей Средней Азии не определяло себя в национальных терминах. Т. Мартин вводит термин «империя позитивного действия», призванный объяснить уникальную политическую природу Советского Союза: он не был ни традиционной империей (так как открыто декларировал себя как антиимпериалистическое государство), ни реальной федерацией (так как экономически и политически был унитарным государством), ни, тем более, государством-нацией (так как советская власть настойчиво поддерживала процесс национально-го строительства у нерусских народов) [3, с. 141].

В Центральной Азии процесс национального размежевания и формирования республик проходил в чрезвычайно сложных условиях. «Народы многонационального региона находились на разных уровнях экономического и социально-политического развития. Наряду с оседлыми таджиками и в основном оседлыми узбеками, там проживали казахи Старшего жуза, киргизы, туркмены и каракалпаки, ведущие кочевой образ жизни. В течение нескольких столетий власть в этом регионе находилась в руках узбекских правителей Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств. Большинство городов на землях, где кочевали казахи и киргизы были построены узбеками. В то же время самые древние города Средней Азии – Бухару и Самарканд – до 1925 г. в основном населяли таджики. Между народами региона существовала не только национальная, но и конфессиональная рознь (между шиитами, суннитами, исмаилитами). Ситуация усугублялась наличием большого числа национальных анклавов и сложнейшей национальной чересполосицей, особенно в Ферганской долине» [4, с. 56].

Оценки размежевания 1920-х гг. неоднозначны в национальных центральноазиатских историографиях, и мы обратим внимание на позицию исследователей, которые отмечают, что было бы «неверно утверждать о полном нивелировании или демонизации совместного прошлого России и стран Центральной Азии. Например, в Казахстане обвинения в принудительной русификации казахов и в других «имперских грехах» уживаются с признанием существенной модернизационной роли СССР в судьбе государства. Также в историографии современной Киргизии акцентируется, что киргизы добровольно искали покровительства Российской Империи в XVIII–XIX вв. В этом смысле показательным является празднование в современной Киргизии 90 лет со дня образования Киргизской АССР и 80 лет Киргизской ССР. В Таджикистане же, в целом, нахождение в составе СССР воспринимается не в категориях доминирования, а, напротив, в тер-

минах защиты таджикской культуры, языка и государственности, что усиливается стержневым характером распространенной в государстве арийской идеи» [5, с. 68].

В целом, терминология современной политической и исторической науки по отношению к тому, что происходит «после империй» достаточно жесткая. Это и «постимперский синдром», и «постколониальные исследования», и «общества травмы». Современный постколониальный дискурс антагоничен колониальному мышлению предшествующих веков. Колониальный дискурс кратко, но точно укладывается в тезис о «миссии белого человека», несущего «другим» народам культуру, перспективы развития, цивилизацию. «Чужие» выступают только как объекты исторического процесса, но никак не могут рассматриваться в качестве субъекта. «Дистанция между коренным населением и государством мало где была более значительной, чем в Средней Азии, которая стала последней крупной территорией, присоединенной к империи... В целом различия между «туземцами» и «европейцами» прослеживались во всех проявлениях повседневной жизни и в организации пространства... В Средней Азии сложилось двухкомпонентное общество, где коренное население и европейцы жили бок о бок друг с другом, при этом практически не взаимодействуя» [6, chap. Введение]. Насилие, применяемое к объектам, конечно лучше было бы исключить из колониальной практики, но, к сожалению, по-другому с «туземцами», «иногородцами» строить отношения невозможно в силу их дикости и нецивилизованности.

После распада колониальных империй, властным структурам и обществу метрополий пришлось менять алгоритм мышления в отношении бывших покоренных народов, а научному сообществу – менять методологию исследования имперского/колониального и постимперского/постколониального периодов истории.

В историографии последних десятилетий не существует единой точки зрения на оценку советского периода истории Центральной Азии. Часть исследователей утверждает, что Советский Союз был колониальной империей, подобно Франции или Великобритании. По их мнению, несмотря на программу модернизации, советское управление Средней Азией повлекло за собой экономическую эксплуатацию ресурсов региона; принуждение коренного населения к западным культурным нормам; и установление политического контроля европейского русскоязычного центра, т. е., несмотря на антиколониальную риторику нового режима, большевики фактически опирались на царский опыт и идею «цивилизаторской миссии» западного типа. В противоположность этой «колониалистской» точки зрения, другие исследователи рассматривают деятельность советской власти в Средней Азии как гомогенизацию и модернизацию общества. По их мнению, советское управление было направлено на установление равенства народов бывшей империи и использовало современные практики соседних государств (Турции и Ирана), а не идею культурного превосходства России. При этом подчеркивается активная роль местных среднеазиатских

элит, которые были не просто подчинены Москве, но выступали как союзники центра в программах модернизации.

Если для мировой историографии обсуждение вопросов о колониализме/модернизации является научной дискуссией, то для постсоветского пространства это скорее «войны памяти», в которых на первый план выходят идеологические и политические мотивы. Как писал Д. Схиммельпэннинк: «Изменения, произошедшие за последнюю четверть века, значительно облегчили контакты между российскими и западными историками. И все-таки мы по-прежнему обитаем в разных мирах» [7, с.5]. Историческую политику государств Центральной Азии мы будем анализировать ниже, а сейчас очень кратко о преобладающей тенденции российских академических публикаций.

В самом общем виде она заключается в том, чтобы избирательно фрагментировать прошлое, «забывая» негативные составляющие колониальной истории, и «замещая» их героическими и позитивными. Объясняя складывающуюся парадигму российской исторической памяти о Центральной Азии, С. Абашин выделяет три основных фактора [8]. Первый, символическая конкуренция с западом и желание российских политиков и интеллектуалов представить себя другими по отношению к нему. Это отличие подразумевает некие особые отношения с Азией, исключающие колониализм западного типа. Второй, восприятие и переписывание истории Российской империи и Советского Союза как историю русских, русской нации и русской культуры. Третье, формирование новых форм созависимости с бывшими окраинами империи, которые стали самостоятельными странами.

Ситуация «постимперского» существования безусловно не означает невозможность построения нормальных отношений между бывшим центром и окраинами, но для этого нужна в первую очередь готовность и способность избавиться от имперского дискурса. К сожалению, для значительной части российской историографии это остается серьезной проблемой. «Вероятно, российской историографии гораздо удобнее развиваться в условиях консервативной стабильности, игнорируя новейшие и вообще любые альтернативные теоретические и методологические подходы к написанию истории» [9, с. 9]. Приведем стандартное для большинства российских авторов описание новых национальных историй: «По сути, все сводится к утверждению своего исторического «права на землю», занимаемую сейчас тем или иным государственным образованием, и к формированию «образа врага» в лице России, всегда препятствующей счастливой жизни того или иного народа» [10, с. 110]. И это при том, что автор признает «деколонизацию истории» и срабатывание «постколониального синдрома» практически неизбежными в странах, получивших возможность независимого развития, или в странах с имперским прошлым. Анализируя подобный подход к историческим нарративам постсоветских государств, мы обратили бы внимание на несколько аспектов. Во-первых, новая российская история также построена на излагаемых принципах, только образ

постоянно присутствующего врага занимает «Запад», видоизменяющийся в различные исторические эпохи. Во-вторых, во всех центральноазиатских историографиях подчеркивается, что «право на землю» существовавшее в отдаленные исторические периоды не является обоснованием современных претензий на какие-либо чужие территории, т. е. история не является обоснованием современных агрессивных внешнеполитических действий. И, в-третьих, отношение к имперскому и советскому периодам истории в исторической политике государств Центральной Азии различно, попытки ее упрощения до некой единой парадигмы искажают реальную ситуацию.

Список источников

1. Хирш Ф. Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2022. (Historia Rossica). Kindle edition.
2. Летняков Д. Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // Мир России. 2016. Т. 25, № 2. С. 144–167.
3. Новикова Л.Г. Советская национальная политика в оценках трех западных историков // Отечественная история. 2006. № 4. С. 140–145.
4. Дьякова Н. Территории постсоветских республик: от истории к современности // Россия и новые государства Евразии. 2011. № 2. С. 51–73.
5. Франц В. А. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 54–73.
6. Халид А. Создание Узбекистана: нация, империя и революция в раннесоветский период / Пер. с англ. Санкт-Петербург: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2022. (Современная западная русистика). Kindle edition.
7. Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / Пер. с англ. Москва: Политическая энциклопедия, 2019. 287 с.
8. Абашин С. Верещагин без колониализма: как постсоветская Россия не отмечает 150-летие завоевания Средней Азии URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21985/
9. Кирчанов М. В. Политизация исторического знания и национализм в транзитных обществах (проблемы и противоречия) // Общество: политика, экономика, право. 2014. № 3. С. 8–12.
10. Скаков А. Ю. Пробные учебники истории для классов с русским языком обучения средних школ Туркменистана // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 110–120.

Н. И. Курбанов¹, Н. Д. Тихонов²

^{1,2} Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации
Москва, Россия

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДЕ-ФАКТО ПОЛИТИЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Аннотация. В данной статье анализируется формирование идентичностей де-факто политий среднеазиатского региона к началу 1990-х гг. В качестве двух ключевых причин формирования отдельной от «материнского государства» рассматривается география и история. Делается вывод о взаимодополнении друг друга двух этих факторов генезиса идентичности.

Ключевые слова: *Средняя Азия, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, де-факто государственность, сецессия, идентичность*

Abstract. This article analyses the formation of de facto polities' identities in the Central Asian region by the early 1990s. Geography and history are considered as two key reasons for the formation of identities separate from the "mother state". It is concluded that these two factors of identity genesis complement each other.

Keywords: *Central Asia, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, de facto statehood, secession, identity*

Де-факто политии как феномен имеют достаточно долгую историю. К ним иногда относят города-государства Средневековья, торговые компании Нового времени, военизированные группировки Новейшего времени. Тем не менее, де-факто государственность в современном ее понимании появляется и распространяется только в Ялтинско-потсдамской системе международных отношений, которая на глобальном уровне закрепила перечень признанных государств, вытесняя тем самым непризнанные, «де-факто» государства в область аномалий [1, с. 11–12]. Воспринимаемые сначала скорее как редкие исключения, подтверждающие общие правила системы признанных суверенных наций-государств, де-факто политии, тем не менее, зачастую выстраивали на подконтрольной им территории альтернативную систему управления и порядка [2, с. 349], выступая не только с деструктивных, но и с конструктивных позиций.

При этом они создавали свою уникальную и обязательно альтернативную «материнскому государству» (то государство, из состава которого рассматриваемое государственное образование выделилось путем де-факто сецессии) идентичность, которая необходима им для обоснования своего достаточно низкого статуса [3, с. 49] в рамках современной системы международных отношений. Наряду с окончанием Второй мировой войны и созданием Ялтинско-потсдамской системы международных отношений,

важным этапом в распространении де-факто государственности стал кризис суверенности национальных государств после окончания холодной войны [4, с. 12]. Тогда на территориях бывших СССР и Югославии возник целый ряд непризнанных государств, большая часть которых просуществовала не очень долго. Некоторые из них, тем не менее, сохранялись в той или иной форме до наших дней, например, среднеазиатские де-факто государства. В рамках данной статьи будет исследовано, какие факторы повлияли на генезис идентичности в де-факто полициях этого региона. Внимание будет уделено как историческим, так и географическим особенностям государственных образований Средней Азии.

Актуальность данной работы объясняется сохранением многих возникших в 1990-е де-факто полиций как на постсоветском пространстве, так и в мире в целом до наших дней. Научная новизна работы определяется как недостаточной исследованностью государственных образований Средней Азии, особенно по сравнению с де-факто полициями на территории европейской части бывшего СССР, так и предпринятой авторами попыткой сравнить влияния двух групп факторов формирования идентичности – исторического и географического.

Регион Центральной Азии состоит из 5 независимых государств – Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан. Структура этих стран в целом носит унитарный характер – каждое государство разделяется на области, в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане они называются вилоятами (веляятами). Тем не менее в данном исследовании авторы будут придерживаться советского термина «Средняя Азия», исключая современный Казахстан, так как на территории последнего наблюдается целый ряд принципиально других черт развития де-факто полиций. Исторически Средняя Азия отличается мозаичностью идентичностей, «национальной чересполосицей», когда народы из, казалось бы, разных стран живут в отдельно взятом государстве вместе, причем либо ассоциируют себя с государством, в котором они живут, либо с государством происхождения, либо затрудняются дать ответ. Такую ситуацию можно наблюдать на примере таджиков Узбекистана, которые компактно проживают в Бухаре, Сурхандарьинской, Кашкадарьинской, Самаркандской областях и для которых характерна «ситуационная идентичность» – молодое поколение часто затрудняется ответить на вопрос о своей этнической принадлежности [5, с. 848–849].

В первую очередь, с точки зрения формирования идентичности полезным кажется рассмотреть богатую историю всех этносов данного региона, которая могла бы обосновывать их последовательность в отстаивании своей независимости от «материнского государства» через самобытность культурно-исторического пути. Отчасти это действительно так. Народы Средней Азии прошли очень длинный и тернистый путь этногенеза. Прежде всего территория этого региона с древних времен была ареной борьбы разных политических сил и цивилизаций (прежде всего тюркской и иранской), в том числе регион был завоеван Александром Македонским

в 320-х гг. до н. э. В VII–VIII вв. н. э. в Среднюю Азию вторглись арабы и включили ее в состав Арабского Халифата. Арабское завоевание само по себе слабо повлияло на этногенез народов Средней Азии, но оно принесло в регион ислам. Новая упорядоченная религия во многом благодаря умелой политике арабов, способствовала преодолению политеизма и консолидации племен, а также развитию письменности на основе арабской графики и распространению грамотности среди населения, что включало народы региона с широкий мусульманский мир [6, с. 93].

Средняя Азия и сама нередко становилась ядром держав мирового уровня того времени: например, Парфянского царства, Государства Хорезмшахов (современные туркмены считают правителей этих государств своими предками [7, с. 58–59]), а позже – империи Тамерлана с центром в Самарканде. Все это заложило мощнейший культурно-цивилизационный фундамент политической организации, в рамках которой вплоть до монгольского нашествия в первой трети XIII в. процветали ремесла, наука и искусство. Так, арабский географ Якут, живший два года в Мерве, отмечал, что нигде не встречал такого развитого, современного города, как Хорезм [7, с. 64]. Кроме того, мощным стимулом для народов Средней Азии послужил и Великий Шелковый путь, который обеспечивал не только материальное благополучие древних цивилизаций региона, но и связность огромной территории через разветвленную сеть караван-сараев (постоялых дворов на пути караванов), базаров и дорог, а также содействовал подвижности населения разных этнических групп [7, с. 43]. Шелковый путь повлиял и на идентичность народов региона. Так, часть тогдашних узбеков и таджиков называли себя «сартами» – термином, который до сих пор вызывает споры среди историков и носит не столько этнический, сколько социально-экономический смысл. По мнению целого ряда исследователей, «сарт», что в переводе с санскрита означает «купец», являлся преимущественно персоязычным таджиком, который владел несколькими языками и получал выгоды от организации караванов на Великом Шелковом Пути и их обслуживания на маршруте [5, с. 785–786]. Термин «сарт» настолько вошел в обиход, что он стал ассоциироваться с целыми народами (он даже фигурирует в первой переписи населения Российской империи 1897 г. как этноним и как «сартский язык») – его прекратили использовать лишь к 1930-м годам.

Еще одним поворотным моментом в судьбе народов Средней Азии стало вторжение монголов в первой трети XIII в., которое сокрушило Государство Хорезмшахов, привело к массовой гибели населения и в целом отбросило регион в развитии на несколько веков назад. Монголы нанесли удар по всей знатной верхушке различных народов. Так, историкам известны названия фактически только туркменских родов домонгольской эпохи [8, с. 179], данные же по остальным народам утеряны. О массовой «чистке» элиты свидетельствует тот факт, что в ходе монгольских военных походов, а также насильственных депортаций наиболее непокорной части кыргызов, монголы полностью истребили политическую элиту енисейских

и алтайских кыргызов - иналов, которые были носителями древней традиции государственности [6, с. 90]. Косвенно масштаб изменений мы также можем видеть на примере изменений «стратификационных структур», контролируемых различные участки Шелкового пути: персоязычные таджики («сарты») активно стали занимать освободившиеся ниши в экономике, что лишь усилило у монголов впечатление, что мусульманский купец – это представитель «народа сартов» [9, с. 312].

Таким образом, «фундамент» древних цивилизаций, мощное влияние разрушительного монгольского нашествия, Великий Шелковый Путь не только способствовали этногенезу среднеазиатских народов, но и сформировали их традиции, политическую исламскую культуру, а также связали регион с другими цивилизациями в основном в рамках мусульманского мира.

После вхождения региона Средней Азии (в форме Туркестанского генерал-губернаторства) в состав России во второй половине XIX в. на его территорию пришли рыночные отношения, правила частной собственности и крупный капитал. Все это стимулировало процессы миграции населения на заработки в крупные промышленные центры, прежде всего в Фергану. Например, среди таджиков Каратегина и Бадахшана настолько было популярно «отходничество» на заработки, что они составляли основную часть рабочих на промышленных объектах и железнодорожных путях Туркестана и Бухары [5, с. 804], что автоматически размывало родоплеменную и региональную социальную структуру общества, внедряло новые элементы культуры и языка (рабочие таджики и узбеки уже тогда свободно говорили на русском языке).

В годы советской власти произошли фундаментальные изменения в идентичности народов Средней Азии. Во-первых, произошло политическое размежевание на основе национально-территориального деления. Узбеки, кыргызы и таджики получили возможность восстановить свои государства, а туркмены – впервые создать его. Все эти народы впервые получили собственные флаги, гербы, государственные аппараты (в структуре которых были и министерства иностранных дел). Уже сам этот факт серьезно повлиял на объединение прежде разрозненных племен и родов в консолидированные общности. Тем более что во времена Российской империи эти народы были разделены между несколькими областями и протекторатами (Бухарским и Хивинским ханствами). Например, В пределах Туркменской ССР было сосредоточено 94,2 % всех туркмен, проживавших в СССР, в то время как в Российской империи 43,2 % туркмен проживали в Туркестане (позже Туркестанской АССР), 27 % – в Бухарском ханстве (позже Бухарской Народной Советской Республике – БНСР), 29,8 % – в Хивинском ханстве (позже Хорезмской народной социалистической республике – ХНСР) [7, с. 67]. Дополнительным стимулом к организации этих общностей стало создание национальных академий наук, призванных подготовить национальную интеллигенцию и осмыслить национальную историю и культуру.

Во-вторых, в национальных республиках развернулся масштабный процесс по оформлению национального языка и письменности. Язык, как известно напрямую влияет на формирование идентичности того или иного народа, и в этом отношении народы Средней Азии столкнулись с тремя языковыми традициями: фарси или арабская вязь, что привязывало их к мусульманскому миру и прежде всего к географически близкому Ирану, кириллица, что ориентировало их на Россию и латиница, которой пользуется тюркский мир и прежде всего Турция. Так как большевики были против религии, от вязи отказались довольно быстро, однако кириллицу внедрили далеко не сразу: например, в 1929 г. в Узбекской ССР был осуществлен переход на латиницу и только через десять лет, в 1939 г., – на кириллицу [10, с. 59]. Любопытно, что уже после независимости государств Средней Азии, в Узбекистане и Туркменистане был принят курс на постепенный перевод национального языка с кириллицы на латиницу. Однако позиции кириллического алфавита настолько сильны, что в Узбекистане большинство государственных сайтов дублируются на кириллице, имеются и соответствующие узбекские газеты, а в Туркменистане образовался своего рода «поколенческий разрыв» – далеко не все представители пожилого поколения свободно ориентируются в новом латинском алфавите и по-прежнему продолжают использовать кириллицу. В Таджикистане, несмотря на попытки проиранской интеллигенции внедрить таджикский язык на основе фарси –некоторое время в статье 2 конституции республики содержалась формулировка: «Государственным языком Таджикистана является таджикский (фарси) язык» – кириллица по-прежнему остается основной. Все это серьезно влияет на менталитет таджиков (и кыргызов, которые тоже до сих пор используют кириллицу): некоторые таджикские философы иногда не без доли разочарования отмечают, что таджики думают по-русски, а не по-таджикски [5, с. 790].

В-третьих, в годы советской власти национальные республики Средней Азии едва ли не впервые в своей истории ощутили масштабный культурно-цивилизационный подъем, который выражался в ломке традиционного кланово-племенного строя, интенсификации внутренних миграционных процессов, механизации сельского хозяйства, притоке русскоязычного населения (русских, украинцев, белорусов и других народов, в том числе высланных из других районов СССР), росте урбанизации и т. д. Все республики стали многонациональными: например, только Узбекистан за период 1937–1945 гг. принял 74 500 корейцев, 1 млн беженцев из Украины и Белоруссии и 200 000 крымских татар, карачаевцев и турков-месхетинцев [10, с. 67]. По данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., узбеки в Узбекистане занимали 71,4 %, остальные 28,6 % принадлежали другим национальностям [10, с. 69]. Так как в среднеазиатские республики мигрировали высококлассные специалисты и рабочие, то прежде всего в городах сформировалась уникальная многонациональная среда, которая во многом существует до сих пор. Но и на селе, которое оставалось населенным преимущественно коренным этносом, также про-

исходили фундаментальные изменения: в связи с массовым распространением грамотности, телевидения, печатной продукции и мобильности социальных лифтов, местное население постепенно «забывало» о региональных языковых и даже племенных различиях, объединяясь на основе общей для конкретной союзной республики, а шире – СССР, консолидированной идентичности. Характерной чертой для национальных республик стал билингвизм – население знало не только официальный вариант языка своей республики, но и русский язык.

С распадом Советского Союза, перед новыми независимыми государствами встали такие проблемы, как угроза гражданской войны, рост террористической опасности, массовый отток некоренного населения и деградация промышленности. Обнажились и проблемы, не заметные во времена СССР: многонациональное городское население развивалось не согласовано с коренным сельским, а часто, как это случилось в Таджикистане, существовало как будто в параллельном мире в полном отрыве от села [5, с. 809]. Тем не менее, как это ни странно, все вышеперечисленное послужило объединяющими факторами, так как перед лицом террористической угрозы и гражданской войны в Таджикистане, другие независимые государства региона (и Таджикистана в том числе) предприняли титанические усилия для обеспечения национального спокойствия, внутренней безопасности и порядка. Например, в Узбекистане, с 1992 г. стал действовать Республиканский интернациональный культурный центр (РИКЦ), который дает возможность диаспорам различного рода продвигать свою культуру, историю и в целом высказываться (в 2007 г. количество таких центров составило 144) [10, с. 809]. Более того, спланировавшим нацию фактором послужила и трудовая миграция населения Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана в Россию – как известно, за рубежом, различные региональные различия забываются, организовываются диаспоры и различные ассоциации для помощи соотечественникам. Все это способствовало ускоренной ликвидации остатков регионализма и повсеместной унификации языковых, культурных и даже политических различий внутри государств региона.

Таким образом, советский период в истории среднеазиатских государств кардинально трансформировал регион, так как было проведено национально-территориальное размежевание, внедрены многочисленные проявления научно-технологического прогресса, что сломало традиционный уклад и сформировало уникальную многонациональную среду, в основе которой лежал русский язык, и в был осуществлен переход на новый цивилизационный этап развития. После же независимости процессы национал-строительства были ускорены угрозой гражданской войны и терроризма, а также массовой трудовой миграцией в Россию.

Завершая данный исторический обзор, стоит выделить главную особенность исторического пути народов Средней Азии – он был весьма прерывистым, каждый из народов региона ощутил на себе влияния сразу нескольких внешних акторов за свою длинную историю. При этом нацио-

нальные государства со своими уникальными атрибутами суверенитета здесь появляются достаточно поздно, только при советской власти, создающей их при этом сразу многонациональными государствами, политические границы которых не всегда совпадают с национальными. В этих условиях «материнское государство» не могло являться достаточно привлекательным для национальных меньшинств в каждой из стран Средней Азии, что может объяснить их стремление к сецессии. Однако, историческая составляющая не вполне может объяснить формирование идентичности таких государственных образований, ибо, как уже отмечалось, данный регион населяли в разные периоды истории различные этносы. Более того, задача сохранения исторической памяти в среднеазиатских де-факто полициях также решена весьма условно из-за серьезных финансовых ограничений. История же в полной мере способствует укреплению национальной идентичности в том случае, если нация в полной мере может выстроить соответствие между собой и своей историей [11, с. 8], что сложно сделать в условиях мозаичности Средней Азии. В этой связи представляется важным рассмотреть также географический фактор.

С географической точки зрения регион отличается весьма тяжелыми климатическими условиями – летом температура поднимается до $+50^{\circ}\text{C}$, а зимой опускается до -30°C . Существует разделение на «горную» и «равнинную» часть, в связи с чем возникает хроническая нехватка воды, да и в целом количество земли, пригодной для сельского хозяйства (в основном оно развивалось на территориях Ферганской, Зарафшанской, Вахшской и других небольших по площади долин) исторически было невелико. Кроме того, в горных районах связь между разрозненными кишлаками или стойбищами поддерживать очень сложно из-за труднодоступности местности. Так, сообщение между Центральным, Южным и Восточным Таджикистаном (ранее этот регион назывался Восточной Бухарой) и Ферганской долиной, осуществлялось по выючным и пешеходным тропам через высокогорные перевалы Памира-Алая [5, с. 803]. На территории современного Кыргызстана же кочевникам вообще было невыгодно собираться в группы и уж тем более вести оседлый образ жизни, так как это приводило к деградации пастбищ в условиях ведения экстенсивного хозяйства [6, с. 21].

Более того, в современном Таджикистане до сих пор существует проблема Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), на территории которой из-за отсутствия дорог и даже троп, сохранились бактрийские и согдийские языковые традиции, которые относятся, к доисламскому периоду, когда в регионе преобладал зороастризм [5, с. 797]. В пустынных землях также наблюдались серьезные проблемы с поддержанием должного уровня связи между регионами, так как преимущественно кочевое население оседало только в оазисах, где процветало орошаемое земледелие и пастбищное скотоводство [7, с. 31]. В связи с ведением обособленного хозяйства в таких оазисах сформировались региональные этноарельные культуры: например, локальные подразделения сформировались у узбеков:

андижанцы (андижонлик), бухарцы (бухоролик), ташкентцы (тошкентлик), ферганцы (фаргоналик), хивинцы (хивалик) [10, с. 53].

В целом, география региона крайне располагает к формированию «оазисного» мышления – восприятия населением себя в качестве жителей данной территории, а не части какого-либо этноса или нации [12, с. 205]. Такой подход также может играть на руку сепаратистским настроениям, которые, как мы ранее видели, укрепляются по мере появления не совсем понятного для данного региона концепта «национального государства». Более того, находившиеся веками в определенной географической изоляции группы более легко переживают политическую изоляцию де-факто сепараций, которая была и является характерной для современной системы международных отношений. Тем не менее, географический фактор и «оазисное» мышление само по себе также не способна объяснить все случаи де-факто государственности в Средней Азии. Так, география не в полной мере показывает, почему в одних среднеазиатских полициях (Республика Каракалпакстан) прочность идентитарных связей и нежелание в полной мере возвращаться в «материнское государство» оказались сильнее, чем в других (гиссарские узбеки, каратегинские кыргызы и т. п.).

Переходя к выводам стоит отметить, что данная тема еще не в полной мере изучена и представлена в науке. В рамках данной статьи авторами было выдвинуто два возможных фактора формирования идентичности у де-факто полиций в Средней Азии: исторический и географический. И первый, и второй может представить только частичное обоснование стремление тех или иных среднеазиатских этнополитических групп к сепарации. На самом деле, скорее всего, имело место совмещение двух этих факторов, однако данный вопрос требует дальнейшего исследования, в том числе и «в поле», как это уже было сделано различными исследователями де-факто государств европейской части бывшего СССР.

Публикация подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках XIV конкурса молодых ученых МГИМО «Новое пространство международного сотрудничества».

Список источников

1. Броерс Л. Политическое происхождение де-факто государств: в поисках объяснительных моделей / Л. Броерс // Международная аналитика. 2022. № 3(14). С. 11–18.
2. Florea A. De Facto States: Survival and Disappearance (1945–2011) / A. Florea // International Studies Quarterly. 2017. Vol. 61, iss. 2. pp. 337–351.
3. Ward S. Status and the Challenge of Rising Power. / S. Ward. New York: Cambridge University Press, 2017. 282 p.
4. Berg E. De Facto States and Land-for-Peace Agreements: Territory and Recognition at Odds? / E. Berg, S. Kursani. Routledge, 2023. 194 p.
5. Таджики / отв. ред. Н. А. Дубова, Н. К. Убайдулло, З. М. Мадамиджонова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

РАН; Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. М.: Наука, 2021. 1 005 с.

6. Кыргызы / отв. ред. А. А. Асанканов, О. И. Брусина, А. З. Жапаров; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт истории и культурного наследия НАН КР. М.: Наука, 2016. 623 с.

7. Туркмены / отв. ред. Н. А. Дубова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт истории АН Туркменистана. М.: Наука, 2016. 635 с.

8. Юсупов Х. Страницы истории Туркменистана (с древнейших времен до арабского завоевания). / Х. Юсупов. М.: «Ориент-Пресс», 1997. 184 с.

9. Бартольд В. В. Сочинения Т. 2, часть 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. / В. В. Бартольд. М.: Издательство «Наука», 1964. 661 с.

10. Узбеки / отв. ред. З. Х. Арифхапова, С. Н. Абашин, Д. А. Алимова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт истории АН Республики Узбекистан. М.: Наука, 2011. 688 с.

11. Larson D. W. Social Identity Theory: Status and Identity in International Relations / D. W. Larson // Oxford Research Encyclopaedia of Politics. 2022. URL: <https://oxfordre.com/politics/display/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-290#acrefore-9780190228637-e-290-bibItem-0008>

12. Богатуров А. Д. Системная история международных отношений 1918–2004. / А. Д. Богатуров. М.: Московский рабочий, НОФМО, 2000–2004. 2 080 с.

М. А. Тодикова

ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН»,

Красноярский государственный аграрный университет

Красноярск, Россия

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИЗУЧЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Аннотация. В обзорной статье рассматриваются труды исследователей по теме история миграции в определенный период. В статье представлен обзор некоторых научных работ, посвященных миграционным процессам между территориями Центральной Азии и Восточной Сибири, и вопрос их значимости.

Ключевые слова: миграции, теории миграции, исследователи, социология, СССР, Россия, Восточная Сибирь, Центральная Азия

Abstract. The review article examines the works of researchers on the topic of the history of migration in a certain period. The article provides an overview of some scientific papers on migration processes between the territories of Central Asia and Eastern Siberia, and the question of their significance.

Keywords: migration, migration theories, researchers, sociology, USSR, Russia, Eastern Siberia, Central Asia

В XIX–XX вв. мир переживал глубокие трансформации, которые повлияли на различные сферы общества. Эти перемены стали источником новых вопросов и проблем, требующих всестороннего анализа и понимания. Таким образом, сложилась необходимость в оформлении научных теорий, способных исследовать сложные явления в социологии, демографии, экономике, политике. Исследователи XIX в. ставили перед собой задачу изучить различные аспекты, такие как социальные, политические институты, нормы и ценности общества. Разрабатывая теоретические подходы, исследователи сделали первые шаги в формировании социологии и изучении вопросов миграции. С момента появления этой проблематики, исследователи внесли значительный вклад в изучение миграции и ее влияния на социальные, экономические, демографические и культурные процессы. В современной науке существует различное количество теорий и подходов к изучению данного вопроса.

Законы миграции, предложенные Э. Равенштейном, являются одной из ключевых теорий межнациональной миграции. Выдающийся географ исследовал основные причины и следствия межнациональной миграции, а также попытался установить закономерности, оказывающие влияние на этот процесс. Он полагал, что миграция является инструментом адаптации и приспособления населения к изменяющимся условиям и потребно-

стям. Во-первых, причины миграции основаны на различии в условиях жизни и труда между государствами. Например, неравномерное распределение натуральных ресурсов, экономическая нестабильность, конфликты или политические преследования могут привести к массовым перемещениям населения. Во-вторых, интенсивность миграционных потоков, согласно теории рисков, зависит от соотношения издержек и преимуществ для мигранта в случае переселения. При этом, миграционные потоки имеют тенденцию к сосредоточению в экономически развитых регионах. Эти места обычно обладают лучшими возможностями трудоустройства, лучшим доступом к образованию, здравоохранению и другим социальными благам. В-третьих, социальные сети и связи между людьми играют важную роль в принятии решения о переселении. Люди, имеющие знакомых или родственников в других странах или регионах, часто предпочитают следовать по их стопам или полагаться на поддержку и помощь вновь обретенных связей при переезде [1, с. 42–53]. Законы миграции Э. Равенштейна до сих пор остаются актуальными и широко используются в исследованиях в области миграции и планирования социально-экономического развития.

В советский период были представлены исследования по истории миграции. С 1980-х гг. активно работали известные специалисты Ж. А. Зайончковская, В. И. Переведенцев, Т. Т. Заславская.

Весомый вклад внесла Ж. А. Зайончковская, являющаяся выдающимся российским социологом и экспертом в области миграции. Исследователь подробно исследует такие важные вопросы, как мотивы миграции, социальную и экономическую адаптацию мигрантов, воздействие миграционных потоков на экономику и демографическую ситуацию, влияние на всестороннее развитие регионов [2, с. 47–51]. Автор выделяет две группы факторов, которые воздействовали на миграции: 1. Распад СССР и последующие процессы суверенизации, развитие национализма, экономический и политический кризисы; 2. Движение к демократизации и либерализации [3, с. 3–5]. Ж. А. Зайончковской рассматривается проблема бывших союзных среднеазиатских республик, и отмечается, что на период 1990-х гг. ситуация в Средней Азии имеет острую проблему, которая впоследствии будет развиваться – «массовый исход впереди и, возможно, это самая серьезная миграционная проблема, которая ожидает Россию в будущем» [3, с. 26]. В другой работе Ж. А. Зайончковская отмечает, что на период XX века главными факторами, которые определили миграции населения стали урбанизация, индустриализация, социально-политические катаклизмы. В период существования СССР миграции в большей степени были связаны с развитием промышленности и транспорта. Автор, в частности, упоминает и Восточную Сибирь, как территорию с растущим населением для развития промышленности. Среднеазиатские республики на 1989 г. были отмечены следующим фактором – городское население было меньше сельского, и такая тенденция, как отмечает автор в своей работе, продлится пока территории Средней Азии не пройдут волну демографического взрыва [4, с. 24–29]. Изучение и понимание тенденций ми-

грации является неотъемлемым компонентом разработки эффективных политических и социальных мер по адаптации к этому процессу. Понимание этих компонентов, их взаимосвязи и влияния помогает формировать более обоснованные подходы для рассмотрения. Работы Ж. А. Зайончковской внесли значительный вклад в изучение миграционных процессов.

Нельзя не отметить работы В. И. Переведенцева, чья научная деятельность состоит в глубоком анализе социальных проблем, а также в рассмотрении теоретических вопросов. В одной из его работ представлено исследование методов, которые применяются для анализа миграции населения. Рассматриваются способы сбора данных и проведения анализа, которые позволяют определить тенденции, факторы и последствия миграции [5, с. 110-113]. Одной из важных тем является влияние миграционных процессов на рождаемость в России для определения того, как приток иностранной рабочей силы может влиять на распределение населения и демографическую ситуацию в стране. Также, автор посвятил работы и теме Средней Азии, еще в составе СССР. В сборнике рассматривается демографический аспект, а именно состояние воспроизводства населения – процесс замещения родительского поколения детским. Автором, при анализе среднеазиатских республик, исследуется период 1970-х гг., и отмечается большой прирост населения в Киргизии, Таджикистане, Узбекистане. Расширенное воспроизводство населения на тот период по стране в целом восполняла Средняя Азия. Еще один фактор, который рассматривает В. И. Переведенцев – это вопрос трудовых ресурсов. Среднеазиатские республики должны помогать трудовыми ресурсами другим частям страны, а также осуществлять развитие хозяйственной деятельности на своих территориях [6, с. 13–18]. Исследователем, вместе с вышеперечисленными вопросами, рассматривается тема наличия трудовых ресурсов при строительстве Байкало-Амурской магистрали – проблема создания нормальных жилищных и социально-бытовых условий, проблема медицины и отсутствия различных необходимых учреждений [6, с. 166–174].

Крупным научным деятелем выступает Т. И. Заславская, известная исследованиями в области экономической социологии. Т. И. Заславская в работах рассматривает взаимодействие экономики и социальных отношений, а также их влияние на общественную жизнь. В работах автора выделены ключевые проблемы и теоретические подходы экономической социологии, а также предложены собственные исследовательские перспективы. В одной из работ, к примеру, представлена и проанализирована классификация взаимодействий социально-территориальных общностей, где один из аспектов включает теоретическую основу горизонтальных прямых взаимодействий в виде постоянной миграции населения, сезонной трудовой миграции, маятниковой миграции, культурно-бытовой маятниковой миграции и других видов [7, с. 316–319]. В своих работах Т. И. Заславская уделяет особое внимание теоретическим вопросам и принципам. Исследования автора позволяют более глубоко понять структуру и динамику социальных процессов с теоретической стороны.

В современном мире степень изученности вопроса миграционных процессов является весьма высокой. В настоящий момент, миграционные исследования проводятся в различных областях науки, включая демографию, социологию, экономику, географию, антропологию, политологию и другие дисциплины. Изучение вопросов миграции включает анализ различных аспектов, таких как миграционные потоки, причины миграции, механизмы адаптации мигрантов, влияние миграции на страну происхождения и страну прибытия, внутренняя и международная миграция, политические, экономические и социокультурные последствия миграции и прочее. В настоящее время накоплено значительное количество исследований, статистических данных, теорий и концепций, а также методологических подходов к изучению миграционных процессов.

Миграционные процессы в Сибири изучаются многими научными коллективами и самостоятельными исследователями. В работах рассматриваются как общие характеристики миграций в Сибирь в целом, так и локальные ситуации в отдельных регионах. Можно выделить исследования Н. В. Гониной, Р. В. Павлюкевича, А. В. Задорина.

Миграционные процессы из азиатских республик СССР рассматриваются в статье Р. В. Павлюкевича и Н. В. Гониной. Авторы рассматривают влияние политического и экономического кризиса СССР 1980-х гг. на миграционные потоки в регионе. В статье исследователи фокусируют внимание на городе Красноярск, который на тот период можно охарактеризовать, как крупный индустриальный и культурный центр, а также важный транспортный узел на Востоке страны. В статье подчеркивается, что кризис советской системы повлек за собой значительные изменения и оказал влияние на все сферы жизни, в том числе миграционную динамику. При этом, аспекты, определяющие направление и характер миграционных потоков на местном уровне не изменились. Авторами, также, был сделан вывод о том, что сложное экономическое положение центральноазиатских республик стимулировало миграционный поток, к примеру в Сибирь, где были более благоприятные условия [8, с. 155–163]. Статья представляет глубокий анализ динамики миграционных связей и выделяет ключевые изменения и тенденции миграционных процессов того периода.

Некоторый ряд проблем освещает А. В. Задорин. Так, в работе автора рассматриваются миграционные процессы киргизов на территорию Красноярского края. Исследуется динамика расселения киргизской диаспоры в Красноярском крае, а также характеристика основных параметров этой диаспоры. Автором обозначено, что распад СССР привел к изменениям в экономической ситуации многих стран, включая СНГ. Также, рассматривается мотивация киргизских мигрантов и особенности их адаптации в городе Красноярск. Исследование показывает, что мигранты имеют различные мотивы для переезда. При этом они сталкиваются с определенными особенностями адаптации в крупном сибирском городе [9, с. 144–147]. Работа позволяет сделать вывод о значимости изучения диаспор

и миграционных процессов для понимания социальной структуры и динамики региона.

Историографический обзор некоторых работ по общим теоретическим и более узконаправленным вопросам представляет собой важную составляющую в теме исследования миграции. Представленный историографический обзор может послужить отправной точкой для дальнейшего, более глубокого рассмотрения темы. Это позволит проанализировать различные подходы и концепции, разработанные исследователями в области миграции. На основе изучения историографической базы исследования можно отметить, что вопросам миграции уделено немалое внимание с научной стороны. И в настоящий момент, данная тема не теряет актуальности и требует дальнейших обсуждений, например, при изучении региональных особенностей нашего государства.

Список источников

1. Grigg, D. B. E. G. Ravenstein and the «laws of migration» / D. B. Grigg // *Journal of Historical Geography*. 1977. № 3. P. 41–54.
2. Зайончковская Ж. А. Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии / Ж. А. Зайончковская // *Научные доклады Московского центра Карнеги*. 1996. № 11. С. 41–64.
3. Зайончковская Ж. А. Миграционные связи России после распада СССР / Ж. А. Зайончковская // *Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Лаборатория миграции населения*. 1994. Вып. 5. С. 3–46.
4. Зайончковская Ж. А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации / Ж. А. Зайончковская // *Мир России*. 1999. № 4. С. 22–34.
5. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения / В. И. Переведенцев. М.: Наука, 1975. 231 с.
6. Переведенцев В. И. Какие мы? Сколько нас? / В. И. Переведенцев. М.: Мысль, 1989. 208 с.
7. Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни: Очерки теории / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1991. 448 с.
8. Павлюкевич Р. В., Гонина Н. В. Влияние кризиса советской системы на миграционный обмен между г. Красноярском и азиатскими республиками СССР в 1980–1989-е годы / Р. В. Павлюкевич, Н. В. Гонина // *Исторический курьер*. 2023. № 4 (30). С. 152–166.
9. Задорин А. В. Мотивация и адаптация мигрантов из Средней Азии в крупном сибирском городе (на примере киргизов Красноярска) / А. В. Задорин // *Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 26 ноября 2020 года*. Красноярск: СФУ, 2021. С. 140–148.

РОЛЬ АМУРСКОГО РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА БЛАГОВЕЩЕНСКОГО ПОРТА В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Аннотация. В статье освещается роль Амурского речного транспорта в развитии российско-китайских отношений в конце XX – начале XXI вв., рассматривается деятельность и показатели перевозок, а также роль Амурского речного транспорта Благовещенского порта в развитии российско-китайских отношений на Дальнем Востоке. Статья имеет значение для изучения Амурского речного транспорта в контексте российско-китайских отношений на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: *Амурский речной транспорт, Благовещенский порт, Амурская область, Дальний Восток России, российско-китайские отношения*

Abstract. The article highlights the role of the Amur river transport in the development of Russian-Chinese relations in the late XX – early XXI centuries, examines the activities and indicators of transportation, as well as the role of the Amur River transport of the Blagoveshchensk port in the development of Russian-Chinese relations in the Far East. The article is important for the study of Amur river transport in the context of Russian-Chinese relations in the Far East.

Keywords: *Amur river transport, Blagoveshchensk port, Amur region, Russian Far East, Russian-Chinese relations*

Амурская область России на протяжении 1 250 км граничит с КНР. Географическая близость Амурской области и провинции Хэйлунцзян, расположение друг напротив друга городов Благовещенск и Хэйхэ обусловили быстрое установление прямых связей амурских предприятий с зарубежными партнерами.

В апреле 1982 г. СССР и КНР заключили советско-китайское соглашение о возобновлении приграничной торговли. Амурское речное пароходство вновь начали осуществлять перевозки по речным международным маршрутам. В 1987 г. между двумя странами была совершена первая бартерная сделка: из Хэйхэ было поставлено 208 т арбузов в обмен на 306 т удобрений из Амурской области. Хэйхэ первым в Китае был открыт для приграничной торговли с Россией. За 1988–1992 гг. область резко увеличила масштабы экспорта: ее доля в общем экспорте Дальнего Востока в 1992 г. достигла 8,8 % по сравнению с 5,4 % в 1988 г.

Администрацией области совместно с администрацией Хэйхэ были созданы 3 погранперехода (Благовещенск-Хэйхэ, Поярково-Сюнькэ, Джа-

линда-Мохэ), из которых Благовещенск-Хэйхэ стал одним из самых значимых на Дальнем Востоке. За 1987–1992 г. общий пропуск экспортно-импортных грузов через Благовещенский пункт пропуска (переработку грузов осуществляли речной порт Благовещенск и порт «АмурАССО») в сторону Хэйхэ увеличился с 10,2 тыс. т до 656,5 тыс. т. [1, л. 81]. В экспорте увеличилась доля машин, оборудования и транспортных средств – до 70 % в 1992 г. (в 1988 г. – 3 %). В обмен на небольшие партии экспортных товаров приобретались промышленные товары народного потребления. В 1992–1993 гг. был достигнут пик внешнеторгового оборота области с Китаем, выразившийся в 380 млн долл. (91,1 % от всего ВТО Амурской области) [2, с. 148].

В 1990-е гг. область взяла на себя роль посредника по транзиту российской продукции из западных регионов в КНР. Транспортная система Амурской области стала связующим звеном различных регионов РФ и СНГ с Китаем. «Только через Благовещенский и Поярковский порты товарообмен осуществляли 10 стран СНГ, а также около 30 российских краев и областей» [3, с. 39]. Об этом в своем письме к и.о. председателя Правительства РФ Е. Т. Гайдару от 1 июля 1992 г. упоминал глава администрации Амурской области А. А. Кривченко. Он отметил, что руководство Амурской области и провинции Хэйлунцзян пришли к взаимопониманию в решении проблемы пассажирских и грузовых перевозок через р. Амур и обратился с просьбой дать разрешение на судоходство по р. Амур между портами РФ «альтернативным юридическим лицам», а также на основе Правил международного судоходства открыть для них государственную границу РФ на переходах Благовещенск-Хэйхэ, Поярково-Цикэ, Джалинда-Мохэ, Ушаково-Хума. Максимум, что было сделано российской стороной – в 1993 г. открыта пассажирская и реконструирована грузовая таможня в Благовещенске [4, л. 40]. Так, в 1993 г. объем грузов, перевезенных через таможни области, составил 597,4 тыс. т (84 % к уровню 1992 г.), транспортных средств было пропущено 74,6 тыс. ед. (116,5 %), через границу проследовала 771 тыс. пассажиров (122,4 %).

К середине 1990-х гг., в результате «шоковой терапии» – отказа государства от регулирования экономики, как и во всей стране, промышленность российского Дальнего Востока значительно сократила свой производственный потенциал. В дальневосточном регионе, однако, его падение было более резким. Несмотря на пограничное соседство Амурской области с Китаем, после непродолжительного увеличения объемов внешней торговли в начале 1990-х гг., в 1996 г. ВТО вновь упал на 28%, в то время как в России он увеличился почти на 10 % [5, с. 3–5]. К середине 1990-х гг. объемы внешней торговли области сократились в 4 раза, и только в 1997 г. наметилась тенденция к увеличению.

В целом, для конца 1990-х гг. было характерно скачкообразное развитие российско-китайской торговли, обусловленное «ножницами» мировых цен и цен на российско-китайском рынке и мировым финансовым кризисом августа 1998 г. Так, за 1998 г. ВТО области составил 96,2 млн. долл.:

по сравнению с 1997 г. уменьшился на 19 %. Снижение ВТО произошло за счет сокращения импортных операций со странами дальнего зарубежья. Оборот экспорта в области снизился на 13 %, импорта – на 23 %. Вследствие территориального расположения области, большая часть ВТО осуществлялась с Китаем, доля которого за 1998 г. в общем объеме экспортно-импортных операций составила 54 %, в т. ч. в экспорте – 69 %, в импорте – 40 % (в 1997 г., соответственно, 57 %, 67 % и 49 %).

С точки зрения китайской стороны, одним из ключевых центров для связей провинции Хэйлунцзян с Россией стал г. Хэйхэ. В сентябре 1986 г. порт Хэйхэ был официально открыт экспортом сои в Благовещенск в количестве 1 200 т. В марте 1992 г. Госсовет КНР придал Хэйхэ статус открытого города (единственному на р. Амур). В том же году приграничная торговля провинции Хэйлунцзян составила 60% от общего объема приграничной торговли всего Китая со странами СНГ, при этом из указанных 60 % на порт Хэйхэ приходилось 45 %. В 1993 г. количество людей, пересекших российско-китайскую границу через порт Хэйхэ, достигло 754,4 тыс. чел., что явилось абсолютным максимумом среди портов Северо-Восточного, Северного и Северо-Западного Китая[6, с. 17–18]. В целом же, после принятия в 1991 г. Госсоветом КНР «Уведомления в отношении предложений по укреплению и процветанию приграничных районов посредством активного развития приграничной торговли и экономического сотрудничества», на российско-китайской границе «получили приоритетное право на ведение приграничной торгово-экономической деятельности такие города как Маньчжоули, Хуньчунь, Хэйхэ и Суйфэньхэ. Так, объемы экспорта и импорта Хэйхэ в 1995–2000 гг. составили 2,06 млрд. долл. Китайские аналитики отмечали, что «сотрудничество с Амурской областью для Хэйхэ и для всей провинции Хэйлунцзян – уникальный исторический шанс»[7, с. 14]. Таким образом, китайские провинциальные власти приграничных северо-восточных территорий, действуя в соответствии с указаниями правительства КНР и опираясь на поддержку государства, были всесторонне готовы к выходу на внешнеэкономический рынок. В провинции Хэйлунцзян было создано 10 торговых зон, из которых самыми значимыми оставались Хэйхэ (российский город-сосед – Благовещенск) и Суйфэньхэ (Пограничный).

Между тем, увеличение международных грузо- и пассажиропотоков обостряло существовавшие транспортные проблемы. В 1995 г. за границу с туристическими целями выехало 213,5 тыс. чел. амурчан (по сравнению с 1994 г. произошло увеличение в 1,5 раза). Ежедневно до 800 российских туристов выезжали в КНР – в Хэйхэ, Харбин и другие города. Погранпереход Благовещенск стал одним из крупнейших на Дальнем Востоке – в 1995 г. через него прошли 135 тыс. т международных грузов и 373 тыс. чел. пассажиров.

С российской стороны стратегий международных отношений на региональном уровне не вырабатывалось. Только в 1996 г. была впервые раз-

работана «Концепция развития внешнеэкономической деятельности Амурской области».

В КНР канал Хэйхэ – Благовещенск был официально включен в Дальнянский транспортный коридор (Далянь – Харбин – Хэйхэ – Благовещенск), один из 9-ти транспортных коридоров, которые были призваны стать основой для внутренних и внешних перевозок в Северо-Восточной Азии, с выходом на рынки Юго-Восточной Азии, Европы и Соединенных Штатов. Однако сохранялся устойчивый дисбаланс между уровнями транспортной инфраструктуры России и Китая. Как отмечали китайские исследователи, «предшественник России, Советский Союз, являясь одной из двух сверхдержав в мире, активно участвовал в гонке вооружений и укреплении своих рубежей в военном плане, поэтому не уделял внимания строительству транспортной инфраструктуры, особенно строительству международных транспортных объектов» [8, с. 9].

В марте 1997 г. правительство провинции Хэйлунцзян официально утвердило зону совместной приграничной торговли на острове Большой Хэйхэ, а в 1999 г. начал свою работу центр международной торговли «Большой Хэйхэ», который стал крупным приграничным центром торговли с Россией. Был реконструирован Хэйхэский порт, грузооборот которого в 1998 г. составил 1,2 млн т [9, с. 110]. 24 декабря 1999 г. администрация Амурской области подписала с народным правительством Хэйхэ Протокол по вопросу упрощенного порядка пересечения границы российскими гражданами для посещения торгового комплекса на острове Большой Хэйхэ. Было установлено, что граждане РФ на основании загранпаспорта без оформления визы в составе тургруппы или в частном порядке после прохождения пограничного и таможенного контроля могут посещать торговый комплекс на о. Большой Хэйхэ. Однако состояние и пропускная способность пунктов пропуска не в полной мере соответствовало требованиям. Допускалось движение транспортных средств заграничного следования с нарушениями расписания. На протяжении ряда лет не удалось добиться организации работы пунктов пропуска синхронно с китайскими по времени и без длительных перерывов. Эти и другие замечания были озвучены на состоявшемся 23 мая 2000 г. рабочем совещании администрации Амурской области, Дальневосточного регионального управления Федеральной пограничной службы, руководства администрации пунктов пропуска [10, л. 1–8].

В 2000-е гг. основным внешнеторговым партнером Амурской области по-прежнему оставался Китай, а именно провинция Хэйлунцзян, доля которой в товарообороте Амурской области составила более 73 %. В 2001 г. наблюдался рост оборота к уровню 1999–2000 гг. на 20 %. В 2002 г. тенденция роста ВТО сохранилась и составила 8,9 % от уровня 2001 г. Рост ВТО в основном произошел за счет увеличения вывоза необработанных лесоматериалов и импорта машин и оборудования. Удельный вес Китая в общей стоимости ВТО области в 2001 г. составил 73,2 %. В целом, в исследуемый период объемы товарооборота с Китаем в общем объ-

еме ВТО области всегда были значительными – от максимальных показателей в 91,9 % в 1993 г. до минимальных в 38,8 % в 1995 г., но в среднем составляли более 50 %. Что касается доли области в ВТО провинции Хэйлунцзян, то оно было незначительным – в 1998 г. доля АО в экспорте и импорте Хэйлунцзяна составила всего 0,01 % и 1,5 % соответственно [11, с. 250].

Таким образом, за исследуемый период Амурский речной транспорт Благовещенского порта в развитии российско-китайских отношений выполнял не только самую основную функцию - обеспечение грузо- и пассажироперевозок, но и в экономическом развитии двух соседних регионов, в экономическом развитии Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая он сыграл важную роль, стал важным логистическим звеном между регионами двух стран и АТР, что имело геополитическое и геоэкономическое значение для развития международного торгово-экономического сотрудничества.

Список источников

1. ГААО. Ф.Р-2492. Оп. 1. Д. 47. Л. 81.
2. Димов А. В. Основные направления внешнеэкономической политики администрации Амурской области в АТР // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 2. Благовещенск, 2000. С. 148.
3. Лаврентьев А. В. Приграничная транспортная система сообщений ... С. 39.
4. ГААО. Ф. Р-501. Оп. 7. Д. 712. Л. 40.
5. Амурская область: ступени развития. Благовещенск, 2001. С. 3–5.
6. Хэйхэ ши коуань бань. Хэйхэ – Буши коуань жогань вэньти яньцзю (Канцелярия порта Хэйхэ. Исследование некоторых проблем портов Хэйхэ и Благовещенск) // Дунъюу Чжунъя шичан яньцзю. 2001. № 8. С. 17–18.
7. Чжан Минъюань, Чжан Юйлун, Ци Вэй, Сюй Сяотянь, Фу Гося, Ли Пэйпэй. Хэйхэ юй Амуэр чжоу дицзюу хэцзо яньцзю баогао (Доклад об исследовании регионального сотрудничества между Амурской областью и Хэйхэ) // Хэйхэ сюэкань. 2011. № 1. С. 14.
8. Чжао Жуюй. Дунбэйъя цзюйюй цзяотун юньшу хэцзо чжун цуньцзай дэ вэньти юй чулу (Проблемы и пути решения в сфере регионального транспортного сотрудничества в Северо-Восточной Азии) // Дунбэйъя луньтань. 2002. № 4. С. 9.
9. Северо-Восточный Китай на рубеже XX–XXI вв.: Научное справочное издание. Владивосток, 2005. С. 110.
10. ГААО. Ф. Р-2 301. Оп. 1. Д. 45. Л.Л. 1–8.
11. Терновец Е. В. Влияние транспортной инфраструктуры на эффективность внешнеэкономических связей Амурской области с КНР // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 4. Благовещенск, 2002. С. 250.

РАЗДЕЛ 4.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 94(410)"1714/1837"

Ю. С. Шипицына
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ДЖОЗЕФА БЭНКСА (1743–1820)

Аннотация. Английский ботаник Джозеф Бэнкс традиционно описывается историками как влиятельный научный администратор и талантливый организатор системы «имперской ботаники». Личный исследовательский опыт Бэнкса достаточно долго оставался в тени из-за отсутствия изданных при жизни ученого фундаментальных научных трудов. Автор статьи, опираясь на данные о составе натуралистических коллекций и библиотечного фонда Бэнкса дает комплексную оценку профессионализму таланту ботаника и приходит к выводу, что неординарная стратегия завоевания авторитета в академическом и публичном пространстве в случае Бэнкса представляет собой важнейшую часть его научного наследия.

Ключевые слова: Джозеф Бэнкс, научное наследие, история науки, научные публикации, *Florilegium*

Abstracts. English botanist Joseph Banks is used to describe by historians as powerful scientific administrator and talented institutor of «botany of empire» system. Banks' personal research experience had stayed in the background because of absence of published pioneering works at the time of scientist' life. The author of this article with a foundation of Banks' naturalistic collection' context and library fond, gives an complex appraisal of Banks' professional skills and concludes, that offbeat strategy of gain prestige in academic and public spaces is the important part of scientific heritage in Banks' case.

Keywords: Joseph Banks, scientific heritage, history of science, scientific publication, *Florilegium*

Проблема оценки научного наследия исследователя часто решается в пространстве исторической памяти, когда продиктована потребностью проследить преемственность современного состояния той или иной дисциплины с ее «истоками». Временами эта потребность приводит к радикальному пересмотру роли личности в истории науки, а порой сводится лишь к уточнению нюансов профессиональной биографии, но способствует «перезаписи» и обновлению воспоминаний о нем. Дж. Бэнкс, мягко говоря, не нуждается в обновлении воспоминаний в среде ботаников, хорошо знакомо его имя и социально-политическим историкам Англии и Австралии.

Так что же побуждает продолжать дискуссию о Бэнксе сегодня? Важнейшая часть научного наследия Бэнкса – его ролевая модель самопрезентации в сообществе ученых.

На заре научной карьеры Бэнксу пришлось отстаивать имидж профессионального ботаника в противовес бытовавшему представлению о нем как о богатом дилетанте, для которого натуралистические изыскания – лишь разновидность развлечения [1, с. 140] и преодолевать снисходительное отношение со стороны ботаников и общественности. Прославленный английский энтомолог Дрю Друри в письме Петеру Симону Палласу в апреле 1768 г. не скрывает своей уверенности в том, что Бэнкс получил свое место на корабле «Индевор»¹ исключительно благодаря деньгам и связям:

«Мистер Бэнкс, известный своей удачей, преисполнен желанием использовать эту возможность [отправиться в экспедицию]... Я должен сообщить Вам о том обстоятельстве, что притязания Бэнкса основаны на его близости к государственным делам и поэтому неудивительно, что он выделяется среди всех других претендентов возможностью продвинуться в изучении его любимой науки. На мой взгляд, мы снискали несомненно больше признания в этом королевстве, но пока роскошь и амбиции имеют столь сильное влияние на правителей, ничего другого нельзя было и ожидать...» [2, с.73].

Как писал Стив Фуллер, «опыт обеспечивает свидетельства в пользу общих притязаний на знание только в том случае, если имеется хитроумное социальное устройство, <...> вызывающее пиетет у корпуса квалифицированных исследователей» [3, с. 110]. Бруно Латур доказывал, что для ученого главной задачей при аргументации своей точки зрения является задача поиска союзников, а главной проблемой при решении этой задачи – проблема использования записей и изображений: «вещи, которые вы собрали и переместили, должны быть представимы все и сразу, чтобы убедить тех, кого вы хотите убедить...» [4, с. 103]. Обращаясь к биографиям Бэнкса, порой складывается впечатление, что задача поиска союзников стала для ботаника сверхзадачей. Как будто, за этими поисками растворилось главное – то, какую идею, открытие, достижение Бэнкса предстояло этим соратникам защищать и отстаивать.

Рене Сигри, изучая опыт взаимодействия натуралистов внутри европейской республики ученых, пришел к выводу, что по количеству корреспондентов Бэнкс мог сравниться только с самим Линнеем, «князем ботаники». Со ссылкой на аналитическое издание корреспонденции Бэнкса под редакцией У. Доусона [5], Сигри говорит о не менее 400 «научных партнеров» британского ботаника [6, с. 223]. Среди них 65 – постоянные, устойчивые связи, 26 – связи исключительно с ботаниками, 17 – связи «меньшей значимости», 9 – связи с ботаниками «второго ранга». Остальные – эпизодические или разовые контакты, которые, тем не менее, сыгра-

¹ Д. Друри сообщает Палласу о готовящейся Первой кругосветной экспедиции Дж. Кука (1768-1771).

ли свою роль в посредничестве между Бэнксом и интересующими его людьми, артефактами, институциями [6, с. 224].

Возникает искушение сказать, что в самой социальной сети с ее способами коммуникаций и системой патронажа, созданной Бэнксом, и заключается величайшая заслуга ученого – в этом состоит его научное наследие. Однако Бэнксу было что продвигать и отстаивать. На раннем этапе своей карьеры Бэнкс был полностью сосредоточен на поиске и консервации природных объектов для будущих коллекций. Первый экспедиционный опыт – к берегам о. Ньюфаундленд и проливу Лабрадор в 1766 г., позволил Бэнксу проявить свои знания в области естественной истории, причем не только ботаники, но и зоологии. Аверил Лисахт приводит данные о составе коллекций, собранных в этой экспедиции: ранний каталог гербарной коллекции, привезенной из этого путешествия, насчитывает 250 видов растений, однако в 1949 г. Эрнст Руло выявил в Британском музее 302 вида растений, собранных во время этой экспедиции [7, с. 293]. В 1990 г. Майкл Дж. Щепанек и Стивен Дж. Дэрбишир опубликовали статью о найденных в Национальном гербарии Канады 43 видах мхов, которые также принадлежали собранию Бэнкса [8]. Таким образом, на сегодняшний день общий объем растительной коллекции Бэнкса, собранной в ходе экспедиции 1766 г. насчитывает более 340 видов растений. Количество зоологических образцов не удастся установить ввиду отсутствия каталогов и утраты большинства экземпляров. В основном это были чучела птиц, также в письмах упоминаются моллюски. Дневниковые записи Бэнкса не содержат обобщающих сведений о составе его коллекций, лишь наблюдения об отдельных явлениях и артефактах. Вторая часть дневника целиком посвящена пребыванию Бэнкса в Лисабоне, где команда делала остановку на обратном пути в Лондон.

Лисахт установила, что эти записи, как и привезенные коллекции, Бэнкс предоставил в распоряжение зоолога Томаса Пеннанта (1726–1798), ботаника Иоганна Рейнольда Форестера (1727–1798), орнитолога Джона Лантема (1740–1837) и натуралиста Самуила Готтлиба Гмелина (1748–1804) [7, с. 93–100]. Остановимся подробнее на случае Т. Пеннанта, с которым Бэнкса связывала многолетняя переписка.

Пеннант, «пожалуй, самый известный английский зоолог наряду с Джоном Реем и Чарльзом Дарвином» [7, с. 93] использовал не только коллекции и записи, но также иллюстрации, созданные С. Паркинсоном, которые опубликовал в «Арктической зоологии» [9]. Кроме того, что все заимствованные иллюстрации были опубликованы без указания их истории создания – во время экспедиции Бэнкса и по его заданию, крайне скромно охарактеризовал Пеннант значение для появления его публикации коллекции Бэнкса: «Сэр Дж. Бэнкс, баронет, надеюсь, примет мою благодарность за свободный доступ к его кабинету, содержание которого после каждого посещения немедленно отражалось на страницах этой рукописи» [9, с. 5] – никакого намека на то, что содержание этого кабинета, а значит, и страниц книги целиком и полностью было заслугой личных исследова-

тельских поисков Бэнкса. Пеннант пользовался трудами Бэнкса и при написании более ранних своих трудов, таких, как «Британская зоология» (1766) и «Виды птиц» (1773). Это подтверждает и сохранившееся в переписке запросы Пеннанта Бэнксу.

«Я повторяю свою просьбу прислать мне иллюстрации и чучела птиц, которые Вы привезете с Ньюфаундленда», – писал Пеннант Бэнксу в июле 1766 г. «Этой зимой я опишу все, что у Вас есть из Ньюфаундленда и умоляю разрешить мне свободно посещать Вашу библиотеку, пока я буду в городе», – писал Пеннант Бэнксу в августе 1767 г. И уже в феврале 1768 г. сообщал: «Я описал всех ньюфаундледских птиц и вышлю их назад в понедельник» [10, с. 75].

Таким образом, минимум три значительных естественнонаучных сочинения вышли из-под пера Пеннанта в результате его работы с ньюфаундлендской коллекцией Бэнкса. Как мы видим, Пеннант, не покидавший своего поместья в Уэльсе, не спешил сообщить читателю об источнике его сведений о заморских видах птиц, описанных им в книгах. Характерный пример – его «Сообщение о различных видах птиц, называемых Пингвины» [11], опубликованное в Философских изысканиях Лондонского королевского общества в 1768 г. Это сообщение целиком основано на описании чучела пингвина, переданного Бэнксом Пеннанту по возвращении. Нигде в тексте статьи Пеннант не упоминает Бэнкса.

Лишь в «Ученой биографии», написанной Пеннантом и опубликованной за год до его кончины, Пеннант описывает случай с пингвином [12, с. 9–10], а также признает огромную заслугу Бэнкса в появлении «Арктической зоологии», сообщая, что ботаник не просто снабдил его образцами, но и действительно открыл несколько новых видов [12, с. 28–29].

Помимо экспедиционных артефактов, Бэнкс организовывал ботанические вылазки в самой Англии. Однако самой выдающейся коллекцией стало собрание растений и животных, привезенное Бэнксом из первой кругосветной экспедиции Дж. Кука: 30382 гербарных образца. Им и его командой были описаны в рукописных каталогах 3600 видов растений, 1 400 из них – новые [13, с. 8–9]. Зоологическая коллекция насчитывала более 1 000 видов животных: 5 чучел млекопитающих, 107 птиц, 248 рыб, 370 членистоногих, 206 моллюсков, 6 иглокожих, 9 сальп, 30 медуз [14].

Бэнкс всегда заботился не только о наличии копий, собирая сам и требуя у своих «ботанических информаторов» посылать ему растения в двух экземплярах, но и о своевременной зарисовке поступающих в его коллекции образцов. В разное время Бэнкс нанимал свыше десятка иллюстраторов и граверов. Во время первой кругосветной экспедиции в команде Бэнкса трудились трое художников: Сидни Паркинсон (1745–1771), Александр Бьюкен (ум. 1769), Герман Споринг (1737–1810), который также исполнял обязанности секретаря. Собрание иллюстраций, выполненных в ходе экспедиции насчитывает 18 томов: по одному тому включают иллюстрации, созданные на о. Мадейра, о. Огненная земля, Ява, а также во время остановки в Бразилии; два тома занимают иллюстрации растений и жи-

вотных с островов Общества, четыре тома – флора и фауна Новой Зеландии, восемь томов – из Австралии [13, с. 8–9].

Также, как и во время плавания с К. Фиппсом к берегам Ньюфаундленда, Бэнкс вел путевой дневник. И точно также, по возвращении предпочел отдать рукописи в распоряжение других людей, подготовивших на основе его записей публикации: в июне 1773 г. вышла книга Хоксворта [15], описывающая экспедиции Дж. Кука, в которой ссылки на источник его сведений отсутствовали; в июле 1773 г. был опубликован путевой дневник С. Паркинсона, изданный его братом [16].

Скорость накопления эмпирических данных превышала возможности их обработки. Все усилия были направлены на фиксацию находок – составление описаний к объектам и их зарисовку – создание иллюстраций. Помимо трудоемкости работы и масштаба задачи сохранения и описания, огромной коллекции природных артефактов, препятствием стала гибель членов его команды помощников. Кроме верного спутника Бэнкса, Д. Соландера и троих художников, в команде натуралистов были четверо слуг: Питер Бриск (1737–1810), Джеймс Робертс (1752–1826), Джордж Дорлтон (ум. 1769), Томас Ричмонд (ум. 1769). Дорлтон и Ричмонд погибли на островах Огненная Земля, следом от эпилепсии умер Бькен на Таити. На острове Ява от дизентерии скончались Споринг и Паркинсон.

Большинство экземпляров этой коллекции описано в рукописных каталогах: восемь из них было составлено Д. Соландером, пять – совместными усилиями Соландера и Споринга, один – самим Бэнксом, авторство еще одного каталога не установлено [13, с.8].

В настоящее время коллекции, собранные во время этих двух экспедиций, хранятся в Британском музее². Большая часть коллекции, привезенной на корабле «Индевор», была впоследствии «возвращена» на территории их сбора: в 1890-е гг. 328 копий экземпляров растений поступило в Национальный музей г. Веллингтон в Новой Зеландии, 249 образцов – в Институт и Музей г. Окленд, в 1905 г. 586 образцов поступили в Королевские ботанические сады Сиднея [13, с.8].

Располагая огромной натуралистической коллекцией и дневниковыми записями, зафиксировавшими уникальный опыт полевых исследований, Бэнкс подготовил ни одной публикации, посвященной своим коллекциям или работе в составе экспедиции. Почему? Известно, что в первые восемь лет после возвращения, велась подготовка к публикации «Флорилегиума», собрания ботанических иллюстраций видов растений, собранных в ходе Первой кругосветной экспедиции. По канонам публикации подобных «флор», каждое растение сопровождалось научным описанием в соответствии с половой системой классификации растений с указанием места

² Копии образцов из этой коллекции имеются в музеях по всему миру: Королевские ботанические сады в Эдинбурге, Ботанический сад и Ботанический музей Берлин-Далем, Ботанический сад и Университет Мартина Лютера в Галле, Датский ботанический сад в Копенгагене, Национальный музей естественной истории в Париже, Музей естественной истории в Стокгольме, Музей естественной истории в Вене, Смитсоновский Институт в Вашингтоне, Ботанический сад Миссури в Сент-Луисе, Нью-йоркский ботанический сад, Главный национальный гербарий в Хаоре, Калькутта.

произрастания и сопровождалось качественно выполненной иллюстрацией. Для тиражирования имевшихся иллюстраций необходимо было подготовить гравюры. Бэнкс, Соландер и Иоганн Драйндер, начавший работать на Бэнкса с 1771 г., отобрали для гравирования 753 рисунок.

Бэнкс был крайне щепетилен в выборе мастеров по гравюре. Выдающиеся мастера своего времени, Джеймс Сауэрби (1757–1822), Джон Себастьян Миллер (1715–1790), Уильям Киллбурн (1745–1818), Фрэнсис Сансом (1780–1810) были заняты в других проектах у Джона Себастьяна Миллера и Уильяма Кертиса. С 1773 по 1774 гг. Бэнкс нанял 18 разных мастеров, наиболее продуктивно из которых оказалось сотрудничество с Дэниелом МакКензи (251 гравюра), Геральдом Сибелиусом (195 гравюр) и Габриэлем Смитом (118 гравюр). Однако качество этих работ далеко не всегда удовлетворяло Бэнкса. С 1777 по 1784 гг., когда Бэнкс перевез свою обширную коллекцию в новый дом по адресу Площадь Сохо, 32, работы по гравированию почти полностью единолично выполнял Фредерик Полидор Ноддлер. Ему удалось закончить работу над 271 гравюрой. Все это время рисунки, гербарная коллекция и рукописные каталоги были доступны гостям Бэнкса. Ботаники, посещавшие библиотеку Бэнкса на Площади Сохо, получали доступ ко всем материалам и использовали их при подготовке собственных трудов. Так, например, Джозеф Гартнер, в начале 1778 г. досконально изучил всю коллекцию, собранную Бэнксом и его командой, а также составленные ими таксономические описания, и опубликовал в 1788 г. первый том своей работы *De Fructibus et Seminis Plantarum*, указав, что названия и описания многих из них позаимствованы из «гербария Бэнкса» [17].

Параллельно с подготовкой качественных иллюстраций шла работа и над «сборкой» текста описаний видов растений, которую совместно вели Бэнкс и Соландер. Смерть Соландера в мае 1782 г. стала большой потерей для Бэнкса. В целом, перемены в образе жизни Бэнкса, произошедшие в 1777–1780-е гг. в связи с его избранием на пост президента Лондонского королевского общества, разрывом отношений с Сарой Уэллс, переездом на Площадь Сохо, женитьбой на Доротее Хьюджессен сопровождают очевидную смену стратегии самопрезентации Бэнкса в сообществе натуралистов.

По подсчетам Г. Картера, за сорокалетний период с 1780 по 1820 гг., количество журнальных статей и сообщений, автором которых выступил Бэнкс, в сравнении с количеством статей и сообщений, в которых Бэнкс упомянут в качестве лица, предоставившего необходимые сведения или оказавшего помощь автору, также показательно: лишь 51 публикация Бэнкса к 338 публикациям других ученых [18, с. 571]. При этом характер его статей достаточно разнороден. Ботанических публикаций, содержащих описания новых видов растений, рекомендации по выращиванию агроботанических культур или наблюдения за результатами выведения новых сортов за плечами исследователя немного [19, 20]. Скромное авторское

наследие Бэнкса в контексте столь незаурядного исследовательского опыта очевидно.

Охотно делаясь своими рукописями и содержанием коллекций, Бэнкс тем самым способствовал появлению множества замечательных работ, обогативших не только британскую – мировую естественную историю. В данной статье мы привели лишь несколько примеров, когда Бэнкс уступал возможность завоевания авторитета другим ученым: ботаникам, зоологам, историкам путешествий. Координация действий множества исследователей для общего блага науки со второй половины 1770-х гг. стала ведущей профессиональной стратегией ботаника. Причины смены этой стратегии – вопрос дальнейшего изучения биографии Дж. Бэнкса.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

Список источников

1. Smith V. Banks, Tupaia, and Mai: Cross-cultural exchanges and friendship in the Pacific // *Paregron*. Vol. 26. № 2. P.139–160.
2. Cockerell T. D. Dru Drury, an Eighteenth Century Entomologist. *The Scientific Monthly*. 1922. Vol. 14. N. 1. P. 67–82.
3. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М., 2018. 384 с.
4. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // *Логос*. 2017. Т. 27. № 2. С. 95–156.
5. The Banks Letters. Calendar of the manuscript correspondence of preserved in the British Museum, the British Museum (Natural History) and other collections in Great Britain / ed. by W. R. Dawson. London: Printed by order for the trustees of the British museum, 1958. 965 p.
6. Sigrist R. On some social characteristics of the Eighteenthcentury botanists // *Scholars in Action. The Practice of Knowledge and the Figure of the Savant in the 18th Century* / ed. by A. Holenstein, H. Steinke, M. Stuber. Leiden, Boston: Brill Publishers, 2013. P. 205–234.
7. Lysaght A.M. Joseph Banks in Newfoundlend and Labrador, 1766: His Diary, Manuscripts and Collections. London: Faber and Faber, 1971. 512 p.
8. Shchepanek, Michael J., and Stephen J. Darbyshire. “Collections of Sir Joseph Banks from His 1766 Expedition to Newfoundland and Labrador at the National Museum of Natural Sciences, Ottawa, Canada.” *Taxon*, vol. 39, no. 1, 1990, pp. 33–40.
9. Pennant T. *Arctic Zoology*. London: Printed by Henry Hughs, 1784. Vol. 1. 185 p.
10. Fay C. R., Hope J., Wilkinson H. Sir Joseph Banks (1743–1820) and Newfoundland // *The Canadian Journal of Economics and Political Science / Revue canadienne d'Economie et de Science politique*. 1955. Vol. 21, No. 1. P. 75.

11. Pennant T. Account of the different species of the birds, called Penguins // The Philosophical Transactions of the Royal Society. 1768. Vol. 58. P. 95–99.

12. Pennant T. The Literary Life of the Late Thomas Pennant, Esq.: By Himself. London: Sold by Benjamin and John White ... and Robert Faulder, 1793. 144 p.

13. Diment J.A., Humphries Ch. J., Wellington L., Shaughnessy E., Catalogue of the Natural History Drawings, commissioned by Joseph Banks on the Endeavour voyage, 1768–1771, held in the British museum (Natural history). Part 1. Botany: Australis // Bulletin of the British Museum. Historical series. Vol. 11. 1984. P. 1–183.

14. Wheeler A. Catalogue of the Natural History Drawings, commissioned by Joseph Banks on the Endeavour voyage, 1768–1771, held in the British museum (Natural history). Part 3. Zoology // Bulletin of the British Museum. Historical series. Vol. 13. 1986. P. 1–172.

15. Hawkesworth J. An Account of the Voyages Undertaken by the Order of His Present Majesty, For Making Discoveries in the Southern Hemisphere. Vol. I. London, 1773. 676 p.

16. A Journal of a voyage to the south seas, in His Majesty's ship, the Endeavour / transcribed from the papers of... Sydney Parkinson. London: Printed for Stanfield Parkinson, the editor, and sold by Richardson and Urquhart, 1773. xxiii, 212 p.

17. Gartner J. De Fructibus et Seminibus Plantarum. Shtutgart: Academia Caroline, 1788. [12], CLXXII, [2], 384, [8] p., LXXIX pl.

18. Carter H. B. Sir Joseph Banks. London: British Museum (Natural history), printed by Henry Ling, Dorchester, 1988. xi, 671 p.

19. Banks J. An attempt to ascertain the time when the potatoe [sic] (*Solanum tuberosum*) was first introduced into the United Kingdom // Philosophical Transactions of the Royal Society. 1812. № 1. P. 147–156.

20. Banks J. Notes relative to the first appearance of the *Aphis lanigera*, or the apple tree insect, in this country // Philosophical Transactions of the Royal Society. 1817. №2. P. 162–169.

А. И. Лойко¹, Л. Е. Лойко²

¹ Белорусский национальный технический университет,

² Академия МВД Республики Беларусь

Минск, Республика Беларусь

ВКЛАД УРОЖЕНЦЕВ БЕЛАРУСИ В ЮРИДИЧЕСКУЮ НАУКУ И ПРАВОВУЮ ПРАКТИКУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: НА ПРИМЕРЕ В. Д. СПАСОВИЧА

Аннотация. В статье описан вклад В. Д. Спасовича в юридическую науку и правовую практику Российской империи. Уроженец Беларуси сыграл важную роль в становлении практик адвокатуры в сложных условиях, когда криминальное право столкнулось с судебными процессами, в ходе которых разбирались судебные дела в отношении революционеров, ставивших целью подрыв стабильности монархической власти. Это была эпоха нигилизма, которая порождала насилие, обосновывшееся борьбой за права простого народа. В. Д. Спасович добился статуса адвокатуры как института правовой защиты и тем самым внес значительный вклад в российскую науку. Ссылавшиеся на поселение в Сибирь злостные нарушители общественного порядка использовали свое университетское образование для изучения природы и культуры региона.

Ключевые слова: уроженцы Беларуси, российская наука, юридические науки, право, Спасович

Abstract. The article describes the contribution of V. D. Spasovich into legal science and legal practice of the Russian Empire. A native of Belarus played an important role in the development of legal practice in difficult conditions, when criminal law collided with trials, during which cases were dealt with against revolutionaries who aimed to undermine the stability of monarchical power. It was an era of nihilism, which gave rise to violence, justified by the struggle for the rights of the common people. V. D. Spasovich achieved the status of the legal profession as an institution of legal protection and thereby made a significant contribution to Russian science. Exiled to settle in Siberia, the malicious troublemakers used their university education to study the nature and culture of the region.

Keywords: natives of Belarus, Russian science, legal sciences, law, Spasovich

Феномены, подобные В. Д. Спасовичу, не могут появиться случайно на неподготовленной основе правовой культуры, к которой они относятся по рождению и социализации. Это подтверждает история правовой культуры Беларуси. В эпоху Возрождения в XVI столетии усилиями Ф. Скорины, Н. Гусовского, С. Будного, А. Волана, М. Литвина и Л. Сапеги на основе полученного ими юридического образования в университетах Европы была сформулирована позиция естественного права. В ее контексте источником права считались нравы и обычаи конкретной территории, которые детерминировали функционирование неписаного и писаного права. Эту концепцию юристы использовали в рамках системного подхода к правовой культуре Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, в со-

став которого входила Беларусь под названиями Черной и Белой Руси, а также, Литвы.

Результатом реализации системного подхода к правовой культуре и практикам судопроизводства стал уникальный документ под названием «Статут Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского». Он имел несколько редакций. В документе были объединены различные разделы права, регулировавшие вопросы жизнедеятельности гражданского общества. Они включали гражданское, уголовное, административное, хозяйственное и международное право.

В XVII столетии традицию естественного права поддержал уроженец Витебского региона Адам Олизоровский. Он учился в иезуитских коллегиях Несвижа, Вильно и Полоцка. Затем продолжил обучение в университетах Польши, Австрии, Германии и Италии. Степень доктора гражданского и канонического права (1645) получил по итогам защиты диссертации в университете г. Ингольштата (Германия). Работал профессором Виленской академии. Стал автором книги «О политической общности людей» (Гданьск, 1651). В ней он рассмотрел общественную жизнь через интересы человека и требований человеческого разума.

Академия в Вильно была региональным центром правовой культуры Беларуси. Здесь в 1780 г. работали профессор римского права В. Сируть, профессор натурального права И. Стройковский, профессор местного (Великого княжества Литовского) права М. Алехнович, профессор канонического права К. Посалаевский.

После включения территории Беларуси в состав Российской империи в конце XVIII столетия были сохранены высшие учебные заведения в Вильно и Полоцке. Также сохранилось и местное писаное право. Статут Великого Княжества Литовского был включен в реестр правовых документов империи со статусом локального действия в западных губерниях. Его действие было отменено только в первой половине XIX столетия. Причиной стало восстание 1831 г., которое имело целью восстановление государственности Великого Княжества Литовского.

Владимир Данилович Спасович родился 16 января 1829 г. в Речице Минской губернии, где его отец работал врачом [1]. Вскоре семья переехала в Минск. В 1845 г., окончив гимназию с золотой медалью, он поступил на юридический факультет Петербургского университета [2]. Учился прилежно, проявляя интерес к научно-исследовательской работе, поэтому после окончания учебы остался в своей альма-матер. В 1851 г. в 22 года защитил магистерскую диссертацию «О правах нейтрального флага и нейтрального груза» по кафедре международного права.

Некоторые положения этого научного труда получили высокую оценку и широкое признание и были использованы в 1856 г. в Парижской декларации о сохранении международного права, подписанной 55 странами. В то время В. Д. Спасович уже работал в университете профессором уголовного права, а затем возглавил кафедру. В университете он проработал всего четыре года, но внес значительный вклад в развитие криминоло-

гии. Лекции, которые он читал студентам, легли в основу «Учебника уголовного права». За него автор получил научную степень доктора права.

В.Д. Спасович был уверен, что законодатель должен позаботиться об укреплении чувства собственного достоинства человека, уважения и терпения по отношению к чужим убеждениям и взглядам. Идеи Спасовича сочли опасными, и по указу царя Александра I «Учебник уголовного права» был запрещен. Созданная «высочайшим приказом» Александра II специальная комиссия под руководством шефа жандармов Долгорукова нашла в учебнике более 30 мест, содержащих враждебные мысли, а также признала наличие в книге враждебных теорий. Согласно царскому указу, учебник был конфискован, а В. Д. Спасович уволен с государственной службы.

В. Д. Спасович подверг критике формальную теорию доказательств и высказал мнение, что теория доказательств является базовой в судебной системе и составляет основу всего уголовного процесса. Она существенно определяет формы судопроизводства, порядок следования, структуру судебных органов. Он также разработал и обосновал собственную классификацию судебных доказательств. В своих научных исследованиях он теоретически доказал необходимость пересмотра всей системы судопроизводства, обосновал требование законодательного закрепления и внедрения в судебную практику принципов независимости суда от администрации, неизменности судей, создания институтов адвокатуры и прокурорского надзора, введения состязательного, устного и голосового судопроизводства, равенства перед судом. Акцентировал необходимость отмены всех преимуществ, в том числе превосходство мужчины над женщиной.

В. Д. Спасович предложил ввести выборные должности судей с определенными возрастными и имущественными ограничениями. В научной статье «О языке в сфере судопроизводства» он высказал мнение, что российские судебные чиновники должны знать язык народа, среди которого они работают. Он был идейным вдохновителем судебной реформы в России. Непосредственного участия в реализации своих предложений юрист не принимал, но большинство его предложений и научных разработок были учтены и легли в основу Судебных постановлений 1864 г.

Ученый мечтал о культурной и национальной автономии Беларуси и Литвы в составе Российской империи. Об этом свидетельствует публицист Якуб Гештар в своих «Воспоминаниях о 1857–1864 годах». Проект автономии разработал гродненский губернский предводитель дворянства граф Виктор Старжинский. В 1862 г. материалы были переданы Александру II. Предполагалось создать местную администрацию на основе принципа самоуправления. Ранее отмененный Статут Великого княжества Литовского 1588 г. должен был обрести юридическую силу.

Еще в конце 50-х гг. XIX в. В. Д. Спасович приступил к подготовке переиздания упомянутого Статута. Однако реализации этого проекта помешало начало восстания 1863 г. Его имя неоднократно упоминалось

на допросах и заседаниях следственной комиссии. Но, он был хорошим конспиратором и не подвергся судебному расследованию.

В. Д. Спасович участвовал в подготовке издания «*Volumina legum*». В переводе с латыни – «Сборник законов». В сборник вошли постановления сейма, привилегии и другие законодательные акты, действовавшие на территории Польши, Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины с 1347 по 1793–1795 гг.

В своих работах по теории судебных и уголовных доказательств он обобщил и проанализировал действующие нормы уголовного права и впервые выступил с резкой критикой «Положения об уголовных и исправительных наказаниях 1846 года». Полагая, что наказание должно быть не мезтью и запугиванием, а использоваться государством в предупредительных и воспитательных целях, он выступал против телесных и особенно жестоких наказаний и смертной казни. Одну из причин преступности он видел в несовершенстве государственных и общественных учреждений, низкой культуре народа.

В 1866 г. в связи с судебной реформой В. Д. Спасович вступил в коллегия адвокатов и стал одним из первых присяжных поверенных в России. Благодаря своим профессиональным знаниям, обширной эрудиции и блестящему ораторскому мастерству он стал одним из лучших российских юристов. Коллеги называли его «королем адвокатуры», «первым адвокатом Петербурга». Он принимал участие почти во всех крупных политических процессах XIX в., в том числе в обсуждении процесса над нечаевцами [3]. По этому поводу он изложил свои размышления в специальном издании [4]. Осужденные, прошедшие через этот процесс, получили более мягкий приговор.

В. Д. Спасовича отличали тонкий анализ обстоятельств дела и личности обвиняемого, мастерская разработка доказательств. По содержанию своих судебных речей он был, как отмечал известный российский юрист А. Ф. Кони, не только защитником, но и мыслителем. Для него конкретное дело служило основанием для постановки общих вопросов. Он умел при- дать им политическую, моральную и публицистическую оценку [5].

Важную роль в жизни и творчестве В. Д. Спасовича играла литература. В его 10-томном собрании сочинений юриспруденции посвящены лишь четыре тома. Остальные в той или иной степени связаны с художественной литературой. Он стал автором литературно-критических статей, посвященных творчеству А. С. Пушкина [6], М. Ю. Лермонтова, А. Мицкевича, Г. Сенкевича, У. Шекспира. А. С. Пушкину В. Д. Спасович посвятил несколько работ [7]. Важной темой для него стала и традиция байронизма [8].

Сочинения В. Д. Спасовича в 10 томах были изданы в 1882–1902 гг. В числе работ – «Новые направления в науке уголовного права» [9]. Российский юрист, известный писатель и общественный деятель Анатолий Кони был консультантом по юриспруденции у Ф. М. Достоевского. Он рассказал писателю о В. Д. Спасовиче.

Впечатление Федора Достоевского о человеке, с которым его познакомил А. Ф. Кони, первоначально было сложным [10]. Писатель изобразил В. Д. Спасовича в качестве прототипа защитника Фетюковича в романе «Братья Карамазовы». Посвященная ему глава называется «Прелюбодей мысли». Отношение Ф. М. Достоевского к Владимиру Спасовичу усложнилось, когда адвокат способствовал оправданию в ходе судебного заседания в 1875 г. банкира С. Л. Кроненберга, который жестоко избил семилетнюю дочь [11]. В конечном итоге Ф. М. Достоевский одобрил оправдание С. Л. Кроненберга, поскольку при другом судебном решении распалась бы семья. Но одновременно писатель отметил, что заявлением об обыденности телесного наказания В. Спасович перечеркнул чувство сострадания к ребенку.

Благодаря Владимиру Спасовичу в шекспировском кружке регулярно собирались как профессиональные писатели, так и любители литературы. А его квартиру часто посещали юристы-единомышленники. Они создали своеобразный домашний круг, что в конечном итоге породило Петербургское юридическое общество. Будучи тонким психологом, он разработал ряд проблем психофизиологии, высказывая весьма оригинальные мысли и идеи. Его избрали членом психиатрического общества при Военно-медицинской академии.

Иван Тургенев, Николай Гончаров, Николай Чернышевский, Николай Добролюбов, Александр Пипин хорошо знали его и ценили его талант. Илья Репин посвятил ему одну из своих картин. Владимир Данилович изображен в своей обычной ораторской позе. Жестом правой руки он словно приглашает нас послушать то, что вскоре будет сказано.

Владимир Спасович умер 26 октября 1906 года. Он оставил в юридической науке и практике уникальное наследие, которое играло конструктивную роль в российской науке [12].

Список источников

1. Спасовіч Уладзімір Данілавіч // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2002. Т. 15. С. 105.
2. Спасовіч Уладзімір Данілавіч // Беларусь: энцыклапедычны даведнік / Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1995. С. 680.
3. Ларин А. М. Нечаев и нечаевцы / А. М. Ларин // Государственные преступления в России. XIX век. Взгляд через столетие. Тула: Автограф, 2000. С. 243–283.
4. Спасович В. Д. Дело о государственном преступлении, так называемое, «нечаевское». Речь в защиту Алексея Кузнецова / В. Д. Спасович // Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000. С. 241–265.
5. Кони А. Ф. Собрания сочинений: в 8 т. / А. Ф. Кони. М.: Юридическая литература, 1966–1969. Т. 5. С. 110–122.
6. Спасович В. Д. О Пушкине / В. Д. Спасович // Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000. С. 343–346.

7. Спасович В. Д. Байронизм Пушкина / В. Д. Спасович // Байронизм у Пушкина и Лермонтова с приложением краткой биографии лорда Байрона, составленной Богданом Степанцем. Вильно: Северо-западное книгоиздательство, 1911. С.1–39.

8. Спасович В. Д. Байронизм у Пушкина и Лермонтова / В. Д. Спасович; с приложением краткой биографии лорда Байрона сост. Б. Степанцем. Вильна: Изд. Сев.-Зап. книгоиздательства, 1911. VIII, 89 с.

9. Спасович В. Д. Новые направления в науке уголовного права / В. Д. Спасович. М.: тип. товарищества И. Д. Сытина, 1898. 139 с.

10. Чернова М. С. «...Что считать за правду»: В. Д. Спасович и Ф. М. Достоевский о так называемом «нечаевском деле» / М. С. Чернова // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2010. № 1. С. 49–56.

11. Немкевич И. В. Дело Кроненберга: «ступенька лестницы» к правам ребенка / И. В. Немкевич // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2016. № 2. С. 94–97

12. Чубинский М. П. Памяти В.Д.Спасовича / М. П. Чубинский // Вестник Европы. 1909. Т.1. С. 146–165; Т.2. С. 484–512.

А. И. Лойко

Белорусский национальный технический университет
Минск, Республика Беларусь

ВКЛАД УРОЖЕНЦЕВ БЕЛАРУСИ В РОССИЙСКУЮ НАУКУ: НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. В статье описан вклад Б. Дыбовского, И. Черского, Э. Пекарского и К. Богдановича в российскую науку на рубеже XIX–XX столетий. Научные исследования были связаны с биологией, географией, геологией, медициной, лингвистикой и культурной антропологией. Б. Дыбовским были проведены уникальные исследования на озере Байкал и на Камчатке. Они сочетали предметную тематику биологии, географии, культурной антропологии и медицины. В результате российская академия наук пополнилась уникальными научными данными и образцами растительного и животного мира. И. Черский осуществил комплексное изучение горных стран Восточной Сибири. Один из горных хребтов назван в его честь. Э. Пекарский применил свои научные интересы к изучению культуры Якутии. Он составил достаточно большой по терминологическому составу словарь якутских слов в переводе этих слов на русский язык. К. Богданович был сосредоточен на предметной тематике геологии. Фактически он стоял у истоков геологической науки России XX столетия.

Ключевые слова: уроженцы Беларуси, российская наука, естественные науки, социальные науки, Дыбовский, Черский, Пекарский, Богданович

Abstract. The article describes the contribution of B. Dybovsky, I Chersky, E. Pekarsky and K. Bogdanovich to Russian science at the turn of the 19th–20th centuries. Scientific studies were related to biology, geography, geology, medicine, linguistics and cultural anthropology. B. Dybovsky conducted unique studies on Lake Baikal and Kamchatka. They combined subject areas of biology, geography, cultural anthropology and medicine. As a result, the Russian Academy of Sciences was replenished with unique scientific data and samples of flora and fauna. I. Chersky carried out a comprehensive study of the mountainous countries of Eastern Siberia. One of the mountain ranges is named after him. E. Pekarsky applied his scientific interests to the study of the culture of Yakutia. He compiled a fairly large terminological dictionary of Yakut words translated into Russian. K. Bogdanovich was focused on the subject matter of geology. In fact, he stood at the origins of the geological science of Russia in the twentieth century.

Keywords: natives of Belarus, Russian science, natural sciences, social sciences, Dybovsky, Chersky, Pekarsky, Bogdanovich

Рассмотрим вклад выходцев из Беларуси в российскую науку на примере исследований природы Сибири и Дальнего Востока Б. Дыбовского, И. Черского, Е. Пекарского и К. Богдановича. Выбор ученых обусловлен их большим вкладом в российскую науку, что отмечается российскими историками науки в многочисленных публикациях, на которые автор настоящей статьи будет ссылаться. Рассмотрение данной темы мы

начнем с научной деятельности Б. Дыбовского, выходца из Минской губернии Российской империи. После учебы в Минской гимназии Б. Дыбовский продолжил обучение в университетах Дерпта, Бреслау и Берлина. В Берлине в 1860 г. ему была присвоена степень доктора медицины.

В Варшаве он получил должность доцента кафедры зоологии Варшавской главной школы. Предметом его исследований была эмбриология насекомых. Б. Дыбовский вскоре включился в подпольную политическую деятельность, направленную на подготовку национально-освободительного восстания 1863. Целью восстания было восстановление государственности Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Он принял в этом активное участие. В феврале 1864 г. он был арестован и отправлен на каторгу в Сибирь, в Забайкалье. Работая на лесозаготовках, Б. Дыбовский нашел возможность вести наблюдения за животным миром и собирать коллекции. Особенно его интересовала фауна птиц и рыб. В этот период Б. Дыбовский познакомился с В. Годлевским, который, увлекаясь охотой и проявляя интерес к исследованиям фауны, стал на долгое время его помощником. Собранные коллекции были отправлены в музеи Варшавы, что стало источником дополнительных средств. Б. Дыбовский приобрел довольно широкую известность как врач [1, с. 25]. После пяти лет каторжных работ его перевели на вольное поселение в село Дарасун в Забайкалье.

Он подал прошение иркутскому губернатору, в котором просил разрешения на изучение фауны и промысловых рыбных запасов реки Амур. Однако в постановлении, написанном губернатором по ходатайству, содержится отказ, но в то же время губернатор рекомендует Б. Дыбовскому изучить ресурсы озера Байкал. Ученый получил постоянное место жительства в поселке Култук на южном берегу озера Байкал. Б. Дыбовский внес значительный вклад в изучение этого уникального озера. Его основные работы датируются 1868–1872 и 1876–1877 гг. В свое время исследования фауны Байкала проводил Густав Радде, путешествовавший на средства Русского географического общества. Его вывод о фауне водных беспозвоночных Байкала был пессимистичным [2, с. 6].

Б. Дыбовский исходил из другой гипотезы. Эффективным способом лова беспозвоночных в зимних условиях было использование в качестве наживки марлевых цилиндров и кусков полотна с прикрепленными к ним кусочками рыбы. Технические трудности, с которыми столкнулись исследователи, определялись, прежде всего, большими глубинами озера и нехваткой материальных ресурсов. Чтобы опустить ловушки на глубину ста и более метров, требовались многие сотни метров веревки. При каждой проверке приходилось заново пробивать лунки во льду, поднимать и опускать снаряжение. Ввиду трудоемкости этой работы, проводимой в сильный мороз, проверка десяти ловушек заняла целый световой день. На Байкале Б. Дыбовский выделил 191 вид гаммарусообразных (амфипод), из них 185 новых для науки. Им обнаружен прозрачный *Macrohectopus branickii*, названный в честь варшавского мецената графа Константина Браницкого.

Впоследствии К. Браницкий пожертвовал значительную сумму денег на издание монографии Б. Дыбовского о байкальских ракообразных.

Б. Дыбовский собрал большие коллекции байкальских рыб, губок и моллюсков. Он отправил их на изучение своему брату Владиславу, жившему в имении Нянков Новогрудского уезда. На основе байкальских коллекций Б. Дыбовского как новые виды описаны 32 вида моллюсков. Среди них был новый род *Benedictiidae*, названный в его честь и выделенный в особое семейство *Benedictiidae*. В честь Б. Дыбовского, один из видов байкальских бычков *Comephorus dybowskia*, моллюск *Baicalia dybowskiana*, плоский червь *Hyperbulbina dybowski*, червь-олигохета *Lycodrilus dybowski*, водяной ослик *Asellus dybowskia*, усоногий рачок *Candona dybowski* и как минимум три вида были названы гаммаридные ракообразные.

Б. Дыбовский также изучал птиц и млекопитающих. Во время пребывания в Дарасуне и Култуке он собрал большие коллекции птиц и их яиц, которые были отправлены в Варшаву. Район, где находился Б. Дыбовский, лежал на большом миграционном пути птиц из северных районов Сибири. Результаты научной обработки этих коллекций были опубликованы в орнитологическом журнале. Результаты научной обработки этих коллекций были опубликованы в орнитологических журналах [3, с. 331]. Они вошли в сводный труд орнитолога В. Тачановского о птицах Восточной Сибири [4, с. 317]. Исследования Б. Дыбовского и В. Годлевского позволили представить картину орнитологической фауны Прибайкалья. В. Тачановский описал забайкальскую дрофу *Otis tarda dybowski*. Гнездо белокрылого коростеля (*Coturnicops exquisita*), найденное Б. Дыбовским, и собранная из него кладка до сих пор одна из двух достоверно документированных находок гнезд этого вида [5, с. 375].

В 1873 г. Б. Дыбовский совершил большую экспедицию в восточные районы Сибири. В экспедиции также участвовали В. Годлевский и М. Янковский, ссыльный участник восстания 1863 г., ранее учившийся в Горногорском сельскохозяйственном институте в Белоруссии. Экспедиция достигла берегов Тихого океана, исследуя бассейны рек Амура и Уссури. Вернувшись из экспедиции, Б. Дыбовский продолжил исследования озера Байкал. В 1877 г. после амнистии принял предложение занять должность окружного врача на Камчатке. Этот период исследований проводился с 1879 по 1882 г. Ученый посетил Командорские острова. Он лечил алеутов и привозил на острова лошадей. Б. Дыбовский умер 31 января 1930 г. от инсульта в Польше, куда он мигрировал.

Эдуард (Эдуард) Карлович Пекарский родился в 1858 г. в Минской губернии Российской империи.

Он учился в Мозырской гимназии Минской губернии, а на каникулах ездил в ближайшее поселение Барбаров к своему двоюродному брату Романуальду Пекарскому, в доме которого вела хозяйство сестра деда, госпожа Валосецкая.

В 1877 г. он поступил в Харьковский ветеринарный институт, из которого был исключен в 1878 г. за участие в студенческих волнениях. 24

декабря 1879 г. он был арестован в Москве и около года провел в одиночной камере Бутырской тюрьмы. Московский окружной военный суд признал Пякарского виновным и обязал его сослать на поселение в Сибирь.

27 сентября 1881 г. его отвезли в Иркутск, 2 ноября 1881 г. – в Якутск, а 4 ноября выслали в Батурусский улус. Э. К. Пекарского поселили в юрте, где жил смотритель дворовой станции. Его отец, слепой старик Очаун [Очокун], стал первым учителем Эдуарда якутскому языку. Через полгода Э. Пекарский уже говорил на якутском языке. В 1883 г. Николай Тютчев приехал в Якутскую область. Он привез с собой экземпляр якутско-немецкого словаря А. Бетлингга. И при встрече с Э. Пекарским подарил ему эту книгу. Ознакомившись с ним, Пекарский понял, что словарь небольшой по объему, в расчет было учтено всего 3 000 слов. Это вдохновило его на составление полного словаря якутского языка.

Сначала Э. К. Пекарский делал записи на страницах словаря Бетлингга, поскольку бумаги не было, а затем на страницах двух других книг. Это были чистые листы бумаги, скрепленные в книгу [6, с. 4].

В 1887 г. Э. К. Пекарский составил первоначальный вариант своего словаря объемом 7 000 слов, который корректировали местные знатоки якутского языка – протоиерей Димитриан Дмитриевич Попов и глава Батурусского улуса Егор Николаевич Николаев.

В 1912 г. Э. К. Пекарский был награжден Большой золотой медалью Императорского Русского географического общества за труды «Словарь якутского языка» и «Образцы якутской народной литературы» [7, с. 401]. Эдуард Карлович Пекарский скончался 29 июня 1934 г. и был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Ленинграде [8, с. 105].

Иван Дементьевич Черский родился в Витебской губернии в 1845 г. [9, с. 28]. Учился в Виленском дворянском институте в 1860–1863 гг. [10, с. 152]. Участвовал в восстании 1863–1864 гг., за что был исключен с 4-го курса, лишен дворянства, гражданских прав и отправлен солдатом в Сибирь. Он был приговорен к бессрочной ссылке и отбывал наказание в Омске [11, с. 111].

Годы, проведенные И. Д. Черским в ссылке, стали годами изучения естественных наук. В 1869 г. в связи с обострением сердечной болезни его перевели на вольное поселение. В 1871 г. он был приглашен Сибирским отделением Императорского Русского географического общества в Иркутск, где работал под руководством А. Чекановского.

В 1891 г. И. Черский возглавил экспедицию в район рек Колымы и Индигирки. Чувствуя себя плохо, он руководил экспедицией, вел записи, диктовал свои наблюдения жене и сыну. Я попросил их обязательно закончить экспедицию и перевезти все коллекции и записи в Петербург. Умер в низовьях Колымы от туберкулеза, в селе Колымском близ устья реки Амалон.

И. Черский добился крупнейших достижений в области геологии и географии. Он оставил значительный след в зоологии, анатомии, археологии и метеорологии.

Иван Дзментьевич интересовался ботаникой, этнографией и фольклором. Он открыл множество различных географических объектов, первым нашел и исследовал палеолитическую стоянку в Сибири, собрал и описал ряд современных и ископаемых животных. Он проводил геологические и палеонтологические исследования в Саянах, Прибайкалье, в бассейнах Ангары и Нижней Тунгуски, составил первую геологическую карту побережья озера Байкал, исследовал бассейн реки Селенги (Бурации) вместе с Николаем Витковским. Награжден малой серебряной и малой золотой медалями Русского географического общества, золотой медалью имени Ф. П. Литке.

Свои геолого-географические знания о Сибири исследователь обобщил в многотомном издании «Геология Азии». Он был избран членом научных обществ: Русского географического общества, Петербургского общества естествоиспытателей, Московского общества экспериментаторов-природоведов, Московского общества естествоиспытателей, любителей антропологии и этнографии, Московского археологического общества.

И. Черский высказал идею эволюционного развития рельефа, предложил одну из первых тектоно-палеогеографических схем внутренних районов Сибири, которая впоследствии была использована и развита австрийским геологом Э. Зюссом в работе «Лик Земли».

Протяженная (более 1 500 км) горная система между реками Калима и Яна в Якутии и Магаданской области, горный массив в Забайкалье, поселок на реке Калима в Якутии, самая высокая (2 763 м) вершина Байкала. Хребет, один из вулканов Тункинской котловины на Восточном Саяне, долина между Восточным Саяном и рекой Енисей, два ледника на Байкальском хребте (высшая точка – гора Черский), камень (ныне смотровая площадка) на берегу Байкала у истока Ангары, стоянка первобытного человека под Иркутском [12, с. 5].

Карл Иванович Богданович родился 29 ноября 1864 г. в семье белорусских дворян в городе Люцине Витебской губернии. Среднее образование он получил в кадетском корпусе в Нижнем Новгороде, а в 1881 г. поступил в Петербургский горный институт. В списке выпускников 1886 г. он числился вторым лучшим учеником.

Штат геологов в России во второй половине XIX в. насчитывал семь человек. Директор, трое старших и трое младших геологов являлись сотрудниками Геологического комитета. Горный институт готовил заводских инженеров. Владимир Обручев и Карл Богданович выбрали геологическую науку.

Они отправились в Туркестан для проведения исследований по Закаспийской железной дороге. За три года Карл успел обследовать шоссе и окрестности Копетдага и северного Ирана. Он создал первую геологическую карту Туркмено-Хорасанских гор. Его научные работы публиковались в научных журналах. Соответствующие министерства и государственные учреждения Российской империи поручали ему исследования в Сибири, Камчатке, Байкале и Чукотке. Ученый проводил геологические

исследования вдоль Сибирской железной дороги [13], в районе озера Байкал и Иркутской области [14].

Камчатку можно считать успешной в списке экспедиций [15]. За три года в нечеловеческих условиях, когда лето длится не более двух месяцев, а зимой температура опускается до -45° , а глубина снежного покрова достигает 1,5–2 м, группа ученых преодолела тысячи миль по Охотском побережье и обнаружено несколько месторождений россыпных минералов золота [16, с. 1].

В 1902 г. он стал профессором кафедры геологии Горного института. В то время университет выпускал специалистов, занимавшихся изучением недр, а не целенаправленным поиском месторождений полезных ископаемых. К. Богданович создал кафедру геологии и геологоразведки. Главный геолог России Иван Губкин приезжал к профессору в качестве студента-стажера на месторождения Кавказа в 1906–1908 гг.

В 1912–1913 гг. К. Богданович создал отчет о рудных месторождениях Российской империи. В январе 1914 г. он стал директором Геологического комитета России. Несмотря на сопротивление представителей классической русской геологии, считавших поиск и изучение месторождений полезных ископаемых непрестижными, он реформировал кафедру. В Геологическом комитете появился самостоятельный отдел прикладной геологии, в рамках которого было образовано пять отделов: металлов, золота, нефти, угля и отдел минеральных источников солей и гидрогеологии.

В 1919 г. К. И. Богданович уехал из Петрограда через линию фронта в Польшу. Карл Богданович умер в 1947 г.

Список источников

1. Dybowski B. Pamiętnik d-ra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 poczwasy do roku 1878 / B. Dybowski. Lwow, 1830. 630 s.
2. Бенедикт Дыбовский / под ред. О. М. Кожова, Б. С. Шостаковича. Новосибирск, «Наука», 2000. 296 с.
3. Dybowski B. Verzeichniss der während der Jahre 1866 und 1867 im Gebiete der Mineralwasser von Darasun in Daurien beobachteten Vögel / B. Dybowski, A. Parrex // Journal f. Ornith. XVI. 1868. S. 330–339.
4. Taczanowski L. Bericht über die ornithologischen Untersuchungen des Dr. Dybowskii in Ost-Sibirien Vögel / L. Taczanowski // Journal f. Ornith. XX. 1872. P. 340–366, 433–454. XXI. 1873. P. 81–119. XXII. 1874. S. 315–337.
5. Нейфельдт И. А. Вторая кладка белокрылого погоныша из пределов СССР / И. А. Нейфельдт // Орнитология. № 8. 1967. С. 375.
6. Пекарский Э. К. Краткий русско-якутский словарь, изданный на средства Якутского областного статистического комитета / Э. К. Пекарский. Якутск. 1905. 147 с.
7. Пекарский Э. К. Образцы народной литературы якутов. Т. 1. Ч. 1. Вып. 5 / Э. К. Пекарский. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1911. С. 401–475.

8. Азадовский М. К. Э. К. Пекарский 1858–1934 / М.К. Азадовский // Советская этнография. № 5. 1934. С. 105–108. [Некролог]
9. Алдан-Семенов А. Черский / А. Алдан-Семенов. М., 1962. 222 с.
10. Дамінікоўскі Ф. Выдатныя географы – беларусы / Ф. Дамінікоўскі // Польша. 1945. № 7. С. 152–165.
11. Шишанов В. А. Мавра Черская: время воспоминаний / В. А. Шишанов // Архіўная спадчына Віцебшчыны як крыніца вывучэння гісторыі краю. 6–7 чэрвеня 2002 г., Віцебск / Склад В. У. Скалабан і інш. Мінск: БелНДІДАС, 2002. С. 111–120.
12. Ярмоленка В. За даляглядам Айкумены: Иван Чэрскі / В.А. Ярмоленка. Мінск.: Навука і тэхніка, 1995. 64 с.,
13. Богданович К. И. Геологические исследования вдоль Сибирской железной дороги в 1893 г. / К. И. Богданович // Горный Журнал. 1894. NN 9 и 10.
14. Богданович К. И. Материалы по геологии и полезным ископаемым Иркутской губернии / К. И. Богданович // Горный Журнал. 1895. NN 10, 11, 12.
15. Богданович К. И. Очерк деятельности Охотско-Камчатской горной экспедиции 1895–98 / К. И. Богданович // Известия Географического Общества. XXXV, 1899, вып. VI.
16. Богданович К. И. Геологическое описание Квантунской области и ее месторождения золота / К. И. Богданович // Материалы по геологии России, Т. XX, 1900. С. 1–237.

В. П. Тихоньких

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Абакан, Россия

В. И. ВЕРНАДСКИЙ И Н. Н. МОИСЕЕВ О ПЕРСПЕКТИВАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные идеи концепций биосферы и ноосферы В. И. Вернадского и Н. Н. Моисеева и соответствие их современным мировоззренческим универсалиям перспектив коэволюционного развития общества и природы.

Ключевые слова: *биосфера, ноосфера, природа, коэволюция, техносфера, антропосфера, экологический императив*

Abstract. This article examines the main ideas of the concepts of the biosphere and the noosphere by V. I. Vernadsky and N. N. Moiseev and their correspondence to the modern worldview universals of the prospects for the coevolutionary development of society and nature.

Keywords: *biosphere, noosphere, nature, coevolution, technosphere, anthroposphere, ecological imperative*

Развитие жизни на Земле изменило ее географическую оболочку – появилась биосфера. Биосферу В. И. Вернадский понимает как живое вещество, находящееся в единстве со средой его обитания. О живом веществе В. И. Вернадский впервые упоминает в 1903 г. в статье «Страницы из истории почвоведения (памяти В. В. Докучаева)» [1, с. 336]. Активная работа над «...вопросом о количестве живого вещества...» осуществлялась В. И. Вернадским и последующие годы [2, с. 221].

В письме Б. Л. Личкову В. И. Вернадский пишет: «я считаю, что мои представления о живом веществе вносят новое и важное в понимание природы, и связное их изложение составляет не науку, конечно, но «учение» в общей схеме знания, которое не было до сих пор в целом виде высказано. Так или иначе, учение о живом веществе является особой формой понимания и явлений жизни, и окружающей нас природы. Следствия из него огромны» [3, с. 31–32]. Относительно полное понятие о живом веществе впервые появляется у В. И. Вернадского в статье «Об участии живого вещества в создании почв», написанной в 1919 г. [4, с.5]. Понятие «живое вещество» подчеркивает В. И. Вернадский: это «совокупность организмов исключительно с точки зрения их веса, химического состава, их энергии, их объема и характера, отвечающего им пространства» [5, с. 59].

Живое вещество развивается там, где может существовать жизнь, то есть на пересечении атмосферы, литосферы и гидросферы. Распространя-

ясь, жизнь оказывает давление на окружающую среду, но имеет предел распространения и предел скорости передачи связей в биосфере, поскольку существует предел для геохимической энергии живого. В условиях, не благоприятных для существования, живое вещество переходит в состояние анабиоза. Поскольку живое вещество существует в форме непрерывного чередования поколений, поэтому современное живое вещество генетически связано с живым веществом прошлых эпох. Характерным для живого вещества является наличие эволюционного процесса, т. е. воспроизводство живого вещества происходит не по типу абсолютного копирования предыдущих поколений, а путем морфологических и биохимических изменений. Находясь в постоянном химическом обмене с окружающей средой живое вещество охватывает и перестраивает все химические процессы биосферы. Тем самым определяет ее геологическое строение и свойства.

Исследуя живое вещество, В. И. Вернадский пришел к созданию учения о биосфере. Пространство нашей планеты, в которой благодаря сконцентрированной свободной химической энергии осуществляются биогеохимические круговороты, было названо им биосферой. Именно благодаря живому веществу в ней идет процесс противоположный увеличению энтропии. Образование биосферы – это одна из самых существенных черт развития и геологической организации Земли. Ничего подобного на известных нам планетах нет.

Вместе с тем в суждениях ученого четко прослеживается идея ноосферы, которая является результатом развития цивилизации. Создавая учение о биосфере, живом веществе, В. И. Вернадский не мог не решать вопроса, о том, что такое человечество, какова его роль в системе природы. Человек в результате своей жизнедеятельности изменяет природу и его могущество растет благодаря прогрессу науки. Все человечество представляет ничтожную массу вещества планеты. Мощь человечества связана не с объемом его материальной массы, а с его мозгом, с его разумом и направленным этим разумом трудом. В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление.

В основе учения В. И. Вернадского о становлении и развитии ноосферы лежит естественно-исторический подход, который рассматривает тесную взаимосвязь между природными основами и историей человечества. В его подходе ноосфера рассматривается как результат геологической, биологической, физико-химической, физиологической эволюции биосферы, ее живого вещества, эволюции социальной жизни человечества, его активной исторической созидательной деятельности. Наука становится геологической силой и человечество воздействует на биосферу, совершает работу космического характера, преобразует область своей жизни, свое социальное устройство.

Начало складывания комплекса ноосферных представлений В. И. Вернадского составляют статьи «О научном миропонимании» 1902 г.

и «Несколько слов о ноосфере» 1943 г., а также незавершенная рукопись 30-х гг. «Научная мысль как планетарное явление» [6, с 235–244]. С развитием живого вещества связаны основные моменты эволюции биосферных состояний ноосферы, на фоне морфологической эволюции организмов прослеживается направленный процесс – цефализация, т. е. усовершенствование центральной нервной системы организмов. Мозг оказался наиболее важным средством, обеспечивающим развитие человеческого вида. В процессе развития мозга появился разум, началось самопознание материи. Разум поставил человека в совершенно особые отношения со своей средой обитания. В. И. Вернадский указывал, что «человек своим трудом – и своим сознательным отношением к жизни – перерабатывает земную оболочку – геологическую область жизни, биосферу. Он переводит ее в новое геологическое состояние: его трудом и сознанием биосфера переходит в ноосферу» [7, с. 56]. Ученый сумел понять, что деятельность человека как разумного существа постепенно превращает биосферу в ноосферу, в совершенно новое качество. До определенного времени становление ноосферы осуществляется человеческой деятельностью стихийно, но наступает время, когда развитие ноосферы стало направляться сознательно.

Анализируя эволюцию ноосферы, В. И. Вернадский сохраняет эволюционную триаду дарвинизма: «наследственность – изменчивость – отбор», но дополняет ее новым фактором, ранее не игравшим существенной роли в эволюционном процессе – существованием в эволюции разумного начала. Исходя из необходимости разумного начала эволюции, В. И. Вернадский писал, что для овладения природой и разумного использования ее ресурсов и в целях обеспечения «единства ноосферы необходимо создание единого «научного мозгового центра» человечества» [8, с. 155].

Научная мысль рассматривается им как планетарное явление отражающую единства Природы, человеческого общества и Космоса. В этой идее вскрывается ведущая преобразующая роль науки и социально организованного труда человечества в настоящем и будущем планеты. Научная мысль, наука, рассматривается и анализируется как важнейшая сила преобразования и эволюции планеты.

Он видел цель науки в овладении стихийно развивающимся ноосферным процессом и направлении его в нужное и полезное для человека русло. Для целенаправленного развития науки необходимо выявить и проанализировать ведущие тенденции ее развития и указать пути дальнейших поисков. В этой связи надо подчеркнуть, что В. И. Вернадский специально отметил «ту огромную новую форму биогеохимической энергии, какой в биосфере является техническая работа человечества, сложно руководимая его мыслью – сознанием. Любопытно, что рост машин с ходом времени в структуре человеческого общества тоже идет в геометрической прогрессии, подобно тому, как идет размножение всякого живого вещества, людского в том числе. Настоятельно необходимо, направить научную работу в эти области биогеохимии, не только ввиду их большого теоретиче-

ского значения, но и в виду, мне кажется, пишет В. И. Вернадский, несомненного их значения для задач государственной жизни» [4, с. 68].

В. И. Вернадский предвосхищает Н. В. мысль Тимофеева-Ресовского о проблеме «прогрессивной эволюции» и говорит о том, что эволюция биосферы и ноосферы должна находиться под контролем науки и государства. Дело в том, что эволюция далеко не всегда прогрессивна и полезна для человека – в наше время эволюция пришла к появлению коронавируса. И прогресс ограничен и часто вреден для человека.

В 1939 г. в своем очерке «О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы», оценивая роль и место отдельного конкретного человека в эволюции планеты, В. И. Вернадский однозначно констатировал: «В этом геологическом процессе – в основе своей биологической – отдельный индивид живого вещества, людской совокупности – крупная личность – ученый изобретатель, государственный деятель – может иметь основное решающее и направляющее значение, проявляться как геологическая сила. Такое проявление индивидуальности в процессах огромного биогеохимического значения есть новое планетарное явление» [7, с. 56]. Мыслитель считает разум крупной личности явлением способном влиять на развитие природной среды.

Вместе с тем он писал: «XX век – век возросшего значения народных масс. Их стремление к получению максимального научного знания ... Это столь же необходимая предпосылка ноосферы, как и творческой научной работы» [5, с. 235–244]. В ноосферном процессе участвует не только одаренная личность, но и любой человек.

В. И. Вернадский не успел завершить развитие идеи ноосферы в полноценное учение, сопоставимое по масштабам с биосферным учением [6, с. 62–63]. Эта проблема заставляет научную мысль обращаться к трудам другого нашего крупного ученого Н. Н. Моисеева, развившего учение В. И. Вернадского. Родство своих идей относительно биосферы и ноосферы с идеями В. И. Вернадского Н. Н. Моисеев впервые обозначил в работе «О необходимых чертах цивилизации будущего» [9, с. 228].

В 80-е гг. XX в. разрушительная деятельность техногенной цивилизации в биосфере стала вполне очевидной. В это время появляются публикации, в которых констатировался факт превращения отдельного конкретного человека в субъект социальной и природной эволюции. Как утверждает Ю.В. Олейников, начался пересмотр мировоззренческих максим о роли и месте человека в природе и обществе, а также пересмотр теории и практики бытия человеческого общества и способа существования социальной формы материи [10, с. 154–170].

Мы переживаем исторический период, который разделяет две принципиально различные эпохи человеческой истории в отношении природы. Первая эпоха, проходила в условиях убежденности почти неограниченных возможностей биосферы Земли и веры в научный прогресс, который решит все проблемы. Следующая эпоха характеризуется перегруженной антропогенной эксплуатацией биосферы и далеко не научным ее

использованием. Научный прогресс наряду с позитивными чертами приобрел черты опасные для существования человечества, нарушает устойчивость биосферы. Человечеству необходимо добиваться сохранения биосферы в ныне существующем аттракторе, считал Н. Н. Моисеев [11, с. 49].

В конце XX в. – начале XXI в. стало ясно, что отдельный конкретный вид, человек разумный, стал силой, способной влиять на эволюцию жизни на всей планете и даже ее уничтожить. Любой живой вид, пишет Н. Н. Моисеев, сделавшись монополистом в своей экологической нише, не может избежать экологического кризиса. Он может иметь лишь два исхода: деградировать или попытаться сформировать для себя новую экологическую нишу. Где его существование было бы реализовано в равновесии общества и природы, получившее название эпохи ноосферы [12, с. 3].

Если у В. И. Вернадского фундаментом является биосфера и ее переход в ноосферу, то Н. Н. Моисеев наряду с этими факторами, вводит понятия коэволюции развития научно-технического прогресса и Природы, экологический императив, требующий устойчивого развития цивилизации. Человечеству необходимо направить свои усилия на такое преобразование социального природного бытия, которое обеспечит коэволюцию научно-технического прогресса и его природного окружения в интересах самого человеческого существования. Это должно привести к изменению мировоззренческих представлений о месте и роли человека в природе и обществе и изменит саму жизнедеятельность человека и общества – теорию и практику бытия социальной формы материи [10]. Человеку необходимо научиться развиваться коэволюционно, синхронно, с эволюцией природы [13, с. 12].

При жизни В. И. Вернадского проблема истощения природных ресурсов, изменения климата была лишь в перспективе, то в период научной деятельности Н. Н. Моисеева это уже была реальность. Территория земного шара с благоприятными климатическими условиями для жизни человека и его воспроизводства уже была заселена и освоена хозяйственно. При наличии свободных территорий, еще сохранившихся на нашей планете, пространство благоприятное для жизни человека почти полностью исчерпано. Противоречия между нарастающими потребностями человечества и сравнительно ограниченными возможностями биосферы Земли в их удовлетворении поставили под угрозу существование не только земной цивилизации, но и всей биосферы планеты.

Развитие цивилизации привело не к гармонии человеческого общества и природы, а к господству техносферы разрушающую природу, к началу возможного необратимого истощения природных ресурсов. Вступив в эпоху технотронного общества, человечество стало осознавать, что действия человека расходятся с общими законами развития биосферы [14, с. 154]. И ее восстановительные возможности идут к своему исчерпанию.

В. И. Вернадский говорит о «давлении жизни», сейчас мы можем говорить о «давлении неконтролируемого разума». Чтобы обеспечить свою

будущность человеку необходимо взять на себя ответственность за дальнейшее развитие биосферы и общества. Мировоззрение современного человека должно быть настроено так, чтобы человек мог жить в гармонии с природой, обеспечивая свое будущее [15]. Для этого необходимо научиться согласовывать локальную и глобальную деятельность с возможностями природной среды. «Людам необходимо осознать потребность в установлении жестких рамок собственного развития, пишет Н. Н. Моисеев, необходимость согласования своей деятельности с развитием остальной биосферы. Эти требования столь суровы, что их правомерно называть экологическим императивом» [16, с. 48–49].

В результате исследований антропогенного воздействия на биосферу и взаимодействия природы, человека и общества, проведенных в ИВЦ АН СССР, Н. Н. Моисеев сформулировал и ввел в научный оборот понятие «экологический императив», который обозначает «ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права переступать ни при каких обстоятельствах» [15]. Н. Н. Моисеев понимает принцип экологического императива как природный закон экологически организованного поведения всего человечества. Сущность экологического императива в том, что это защита существования человечества от самого себя. Своего рода проявление инстинкта защиты своего существования от самого себя.

Н. Н. Моисеев ставит вопрос о пределе использования ресурсов природы человеком как одну из основных проблем. Потребление, превышающее восстановительные возможности природы, нарушает логику развития биосферы и живое выходя из естественной логики развития природы не способно сохранить себя. Если мы не соединим логику развития биосферы с логикой развития ее разумной составляющей, то нас неизбежно ожидает деградация и гибель [15].

Принцип экологического императива Н. Н. Моисеева является системообразующим фактором перехода биосферы в ноосферу. В этом процессе прослеживаются две тенденции: экстенциональная – космизация разумной деятельности человека в земных условиях и интенциональная – направленность сознания общества на реализацию идеи ноосферы.

Система ограничений и запретов экологического императива, требует выработки нравственного императива, считает Н. Н. Моисеев [9, с. 233–251].

При этом можно согласиться и с А. В. Поздняковым, что в итоге любую природную и социальную систему ждет гибель, и биосфера не может быть исключением. На Земле нет организма, биологической, социальной систем, которые способны развиваться и существовать беспредельно [17, с. 3–17]. То, что имеет начало – имеет и конец. Все живое в конечном итоге должно умереть. Для человечества это отдаленная перспектива и зависит астрономического развития Земли и биологической программы эволюции человека как части биосферы.

В наше время человеческая деятельность негативно отражается на функционировании биосферы. Они не только велики, но и необрати-

мы, считает известный ученый, профессор А. М. Тарко [18, с. 15]. К сожалению, к этой проблеме обратились лишь тогда, когда уже явно стали преобладать в биосфере деструктивные, разрушительные процессы, когда нависла реальная угроза над самим существованием человечества [19]. Гибель человека как вида предопределена его эволюцией, но ее можно и затормозить.

Н. Н. Моисеев увязывает коэволюцию человека и биосферы с концепцией «устойчивого развития» человечества, принятой в 1992 г. после Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-92) и понимает ее как коэволюцию человека и биосферы [20, с. 18]. Одним из направлений экологической политики устойчивого развития, создания благоприятных условий для выживания цивилизации и продления существования человечества как вида, Н. Н. Моисеев видит в необходимости перехода от неограниченного потребления природных ресурсов к принципу их рационального и бережливого использования и воспроизводства. Однако, идея устойчивого развития, как она осуществляется в наше время, приспособлена только для стран «золотого миллиарда». Региональное устойчивое развитие не уменьшает, а увеличивает различие между развитыми и развивающимися странами. В. И. Вернадский и Н. Н. Моисеев предлагали мировое устойчивое развитие.

Устойчивое развитие трактуется Н. Н. Моисеевым как совместная, скоординированная коэволюция, необходимая для сохранения экологической ниши человека и создания благоприятных условий для выживания цивилизации. По мнению академика Н. Н. Моисеева, это первый шаг к эпохе ноосферы. Понятие «ноосфера» обозначает этап развития человека, когда коллективный разум и воля оказываются способными обеспечивать совместное развитие общества и природы. Не уничтожая при этом друг друга. Альтернативной стратегией устойчивого развития будет общепланетарный экологический кризис, борьба за ресурсы, их не будет хватать на всех. А по отдельным видам уже испытывается трудности их добычи и даже недостаток, деградация биосферы и в итоге – человек как биологический вид просто исчезнет [20, с. 18].

Н. Н. Моисеев, опираясь на результаты компьютерных экспериментов, проведенных в 80-е гг. в СССР под его руководством, впервые высказал опасение, что при современных уровнях воздействия возникает определенная вероятность потери устойчивости биосферы как целостной системы, частью которой является человечество. Вот что он говорил о последствиях такого сценария развития событий: «Если биосфера утрачивает стабильность, то начинается ее необратимый переход в новое квазистабильное состояние. Каким оно будет, мы, к сожалению, заранее не знаем. Но более чем вероятно, что в этом состоянии параметры биосферы окажутся неподходящими для жизни человека, а может быть, и для существования всей биоты» [16, с. 40].

В этой связи Н. Н. Моисеев сформулировал следующую стратегию для выживания человечества в XXI в.: «Я полагаю, что главная особен-

ность современного исторического этапа состоит в том, что для продолжения своей истории Человеку необходимо научиться согласовывать не только свою локальную, но и глобальную (всепланетарную) деятельность с возможностями Природы. Людям необходимо осознать потребность в установлении жестких рамок собственного развития, необходимость согласования своей деятельности с развитием остальной биосферы» [16, с. 48–49].

Видный ученый, профессор Юрий Владимирович Яковец справедливо утверждает, что для выработки и реализации эффективных стратегий, отвечающих на вызовы XXI в., необходимо переходить от диалога к партнерству цивилизаций [21]. Практика взаимодействия цивилизаций далека от справедливого партнерства, даже диалог и тот не состоялся.

Н. Н. Моисеев, в отличие от В. И. Вернадского, располагал более богатым материалом для исследования взаимодействия человека и природы, что связано с бурным развитием науки, техники, промышленности и общественных институтов в 50–60-е гг. XX в. Вполне очевидно то, что наша ойкумена – освоенная человеком и экологически трансформированная территория с основным населением планеты живет по тем законам, которые «до конца» не поняты и не познаны наукой. Форматы человеческого познания не являются идеальными. К тому же надежды на технотронное общество, где наука и либеральный гуманизм решит, по крайней мере, основные проблемы не оправдались [10, с. 154–170].

Учения В. И. Вернадского и Н. Н. Моисеева выражают содержание современной научной картины мира не только с позиций естественных наук, но и социальных. Научная картина мира в их концепциях представлена как одна из основных ценностей культуры техногенной цивилизации, где она выполняет мировоззренческие функции и определяет миропонимание и деятельность человека в мировом сообществе. Это позволяет свести в единую систему данные различных научных дисциплин и мировоззрений и открывает возможности для формирования целостного научного понимания природного и социального и мира. И по-новому оценить развитие техногенной цивилизации, которая существует на протяжении четырех веков и многие ценности которой, связанные с отношением к природе, пониманием деятельности человека, ранее казавшиеся незыблемым условием прогресса и улучшения качества жизни, сегодня ставятся под сомнение.

На передний план научного и общественного сознания всего человечества вышла онтологическая проблема отношения человека к природе, качественного изменения жизнедеятельности человеческого общества. В гносеологическом аспекте возникла необходимость переоценки и утверждения новых ценностей отношений человека к природной среде. Все эти проблемы были поставлены В. И. Вернадским и Н. Н. Моисеевым, хотя и имеются существенные различия в их анализе, что определяется разным уровнем развития науки в периоды их жизни.

Прежде чем человеческая мысль пришла к пониманию жизненной необходимости перехода биосферы от стихийного к направляемому чело-

веческим разумом ноосферному этапу ее развития, был проделан долгий путь философского и естественнонаучного осознания, как самой природы, так и сущностного назначения человека, его познавательного потенциала. Ряд пророчеств В.И. Вернадского сбылось. Это касается прежде всего заселения человеком всей планеты. На Земле не осталось мест, не подвергшихся человеческому воздействию. Процесс преобладания геологической роли человека над другими геологическими процессами, протекающими в биосфере, можно считать завершенным. Сбылись предсказания В. И. Вернадского о расширении границ биосферы и о выходе в космос. Открыты новые источники энергии, широко используется энергия атомного распада, ведутся исследования по получению энергии ядерного синтеза [22, с. 59–62].

Однако не создан единый «научной мозговой центр» человечества, не достигнуто единство человечества, продолжаются войны между народами и цивилизациями, не решен демографический вопрос, вопрос бедности. Не достигнуто – разумное преобразование первичной природы Земли с целью сделать ее способной удовлетворить все материальные, эстетические и духовные потребности численно возрастающего населения. Человечество не избавилось от эндемий и эпидемий.

В любой сложной динамично развивающейся системе присутствует множество как положительных, так и отрицательных связей, которые развивают экологический процесс как систему, усложняют его, стимулируют рост разнообразия его содержания и сохраняют его как целостное общественное явление. Учения В. И. Вернадского и Н. Н. Моисеева дают нам относительно целостную концепцию самоорганизации Универсума и современной картины мира. Эволюционизм Н. Н. Моисеева с его основополагающими идеями Коллективного разума, экологического и нравственного императивов развивают ноосферную гипотезу В. И. Вернадского, утверждая, что такой этап развития биосферы возможен в условиях достижения режима коэволюции. В. И. Вернадский и Н. Н. Моисеев считают научный и технический прогресс, развитие человечества по своей сути безграничными.

Существуют, как упоминалось, другие точки зрения. Существование Земли, человечества (человека) и прогресса не вечны. Земля имеет пределы астрономического развития. Человек включен в логику этого развития и время его существования и развитие его возможностей определяется именно космическими факторами. Изменить которые или приспособить для себя человек не в состоянии. В частности академик И. С. Шкловский, что разум *Homo Sapiens* – это тупик эволюции. Для существования человеку достаточно разума неандертальца. И человек как существо, порожденное природой, будет этой же природой будет уничтожен [23, с. 319–320].

Но мы находимся в конкретной реальности нашего времени. В стационарном, но не статичном мире. И эта стационарность через длительное астрономическое (геологическое) заменится другой стационарностью. Нас беспокоят проблемы нашего мира. Современный же мир вступил в новую

эпоху своего исторического развития, где предстоит острейшая борьба за сохранение жизни на Земле. Особую опасность для него представляют истощение природно-ресурсного потенциала на нашей планете и ухудшение среды обитания. Природа Земли прекрасна и щедра, но она тонко сбалансирована: существуют пороги, которые нельзя переступать, чтобы не допустить глобальной экологической катастрофы человечества. К сожалению, мы их уже переступили.

Список источников

1. Вернадский В. И. Труды по биогеохимии и геохимии почв / отв. ред. В. В. Добровольский. М.: Наука, 1992. 437 с.
2. Страницы автобиографии В. И. Вернадского / сост. Н. В. Филиппова. М.: Наука, 1981. 352 с.
3. Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым 1918–1939. Архив АН СССР /сост. В. С. Неаполитанская. М.: Наука, 1979. 270 с.
4. Вернадский В. И. Собрание сочинений: в 24 т. / В. И. Вернадский; под ред. академика Э. М. Галимова; Ин-т геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского; Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. М.: Наука, 2013. Т. 8. Живое вещество и биосфера / науч. ред. и сост. академик Э. М. Галимов. 2013. 526 с.
5. Вернадский В. И. Очерки геохимии. М.: Наука, 1983. 420 с.
6. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 270 с.
7. Вернадский В. И. Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. М.: Наука, 1980. 320 с.
8. В. И. Вернадский: Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989. 702 с.
9. Моисеев Н. Н. О необходимых чертах цивилизации будущего // Моисеев Н. Н. Время определять национальные цели. М.: Изд-во МНЭПУ, 1997. С. 233–251.
10. Олейников Ю. В.. Коренное изменение места и роли человечества в бытии социоприродного универсума // История и современность. 2008. № 1. С. 154–170
11. Моисеев Н. Н. Проблема соответствия действий человека общим законам развития биосферы / Атлас временных вариаций природных, антропогенных и социальных процессов. Т. 3. М.: Научный мир, 2002. С. 46–50.
12. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы: эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.
13. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.
14. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. 700 с.
15. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Изд-во МНЭПУ, 1988. 288 с.
16. Моисеев Н. Н. Быть или не быть человечеству. М., 1999. 288 с.

17. Поздняков А. В. Добрыми намерениями мостится дорога в ад // Проблемы устойчивого развития: иллюзии, реальность, прогноз: Материалы 6-го Всерос. постоянно действующего науч. семинара. (Томск, 13–15 ноября 2002 г.). Томск: Томский гос. ун-т, 2002. С. 3–17.
18. Тарко А. М. Антропогенные изменения глобальных биосферных процессов. М: Изд -во Физматлит, 2005. 232 с.
19. Моисеев Н. Н. Избранные труды. В 2-х томах. Т. 2. Междисциплинарные исследования глобальных проблем. Публицистика и общественные проблемы. М.: Тайдекс Ко, 2003. 264 с.
20. Моисеев Н. Н. Козволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза // Экология и жизнь. 1997. № 2–3. URL: www.ecolife.ru (дата обращения: 28.03.2024). С. 7.
21. Яковец Ю. В. Стратегия глобального устойчивого развития на базе партнерства цивилизаций. М.: МИСК, 2012. С. 358–366.
22. Гришунин С. И. Информационное общество: возможности и реальность // Вестник Российской Академии Наук. Т. 63. 1993. № 6. С. 559–563.
23. Шкловский И. С. Вселенная, жизнь, разум / под ред. Н. С. Кардышева и В. И. Мороза. 6-е изд. Доп. / И. С. Шкловский. М.: Наука, 1987. 320 с.

В. В. Чернышов

*Государственный архив Красноярского края
Красноярск, Россия*

ТЕХНИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. ПО ДОКУМЕНТАМ КГКУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ»

Аннотация. В статье на основе архивных документов рассматриваются различные аспекты технической модернизации Енисейской губернии, сложности ее внедрения, реакция на технические новшества разных лиц и учреждений.

Ключевые слова: *Енисейская губерния, Красноярск, паровой двигатель, локомобиль, телефон, Транссибирская магистраль*

Abstract. The article, based on archival documents, examines various aspects of the technical modernization of the Yenisei province, the difficulties of its implementation, and the reaction to technical innovations of various individuals and institutions.

Keywords: *Yenisei province, Krasnoyarsk, steam engine, locomobile, telephone, Trans-Siberian Railway*

Рубеж XIX–XX вв. стал для Енисейской губернии временем значительных социальных, культурных, экономических изменений. Во многом такие изменения стали следствием технической модернизации губернии. Сложности ее внедрения, реакция на технические новшества разных лиц и учреждений, различные аспекты такой модернизации находят свое отражение в документах КГКУ «Государственный архив Красноярского края».

Из документов видно, что один из аспектов технической модернизации связан с использованием технических новшеств в чисто коммерческих целях. Процесс этот шел непросто, ведь к 1880-м гг. в подавляющей массе промышленные предприятия Енисейской губернии основывались на ручном труде. Технические новинки вроде парового двигателя, использовались там, где без них нельзя было обойтись – в речном судоходстве и на некоторых золотых приисках. Этому способствовали, как высокая цена самих машин и отсутствие лишних средств у владельцев предприятий, так и недостаток инженерных кадров, способных правильно использовать дорогую технику.

Громадное влияние на процесс внедрения новой техники оказывала и сложившаяся к этому времени структура местной промышленности в основе которой лежало менее затратное с технической стороны производство – переработка сельскохозяйственной продукции и производство необходимых в губернии материалов – кирпичей, свечей, гончарных и мы-

ловаренных изделий и владельцам таких предприятий просто невыгодно было внедрять там механическое оборудование.

Ситуация изменилась только в последние десятилетия XIX в., когда предприимчивые промышленники нашли способ без особых для себя затрат модернизировать предприятия. Одним из первых технически оснащенных предприятий в Енисейской губернии стал завод, построенный в 1881 г. в Красноярске купцом Константином Александровичем Плотниковым. Для снижения затрат К. А. Плотников на своем заводе объединил производство совершенно разной востребованной продукции. Он поставил паровой двигатель мощностью 10 лошадиных сил, который одновременно использовался и для механической выделки кирпича, и для помола муки [1, л. 248]. Это дало быстрый эффект и при наличии пятнадцати рабочих занятых на производстве кирпича, так и муки, на заводе Плотникова только одного кирпича производилось 1 200 000 штук в год на сумму в размере 14 000 руб. [1, л. 248].

Аналогичное, но более масштабное, производство, практически в это же время, было открыто красноярским купцом и золотопромышленником Александром Петровичем Кузнецовым. Он разделил находящийся в Красноярске свой чугунно-литейный завод на две части. В собственном здании завода находились литейная и кузница, и работы в них производились ручным способом [1, л. 242]. Слесарные же, токарные и гранильные мастерские А. П. Кузнецов перенес в здание принадлежащего ему же лесопильного завода, где была установлена паровая машина мощностью 10 лошадиных сил [1, л. 242]. Это позволило выполнять гранильные и токарные работы с использованием приводного колеса, присоединенного ремнями к паровому двигателю. Одновременно этот же двигатель применялся и для лесопильного производства [1, л. 242]. И хотя рабочих у А. П. Кузнецова была больше чем у К. А. Плотникова – 19 человек на чугунолитейном и 21 на лесопильном заводах применение парового двигателя себя окупало. В 1882 г. объем производства чугуна и металла составило 1 800 пудов на сумму 13 540 руб., а на работе лесопильного завода А. П. Кузнецов заработал 2 127 руб. [1, л. 242]. Кроме этого производства А. П. Кузнецов открыл и первую в Красноярске паровую мельницу. Причем для помола зерна здесь использовался паровой двигатель в 16 лошадиных сил [1, л. 242].

Кроме стационарных механизмов местные промышленники широко использовали и другие технические новшества, например, локомобиль – переносной паровой двигатель. Один из таких локомобилей представлял собой цилиндрический котел, сделанный из литого железа, с трубками и топкой, длиной 3/4 аршина, диаметром 14 вершков, толщиной стенок – 3/8 дюйма [2, л. 2]. Он был куплен в Москве у агента компании «Лист» уполномоченным потомственного почетного гражданина И. И. Некрасова канским купцом 2-й гильдии Владимиром Ивановичем Мельниковым и установлен на Ивановском № 5 винокуренном заводе купца Некрасова в 1896 г. [1, л. 1].

Интересен и факт использования керосинового двигателя. Этот двигатель челябинский мещанин Александра Абрамовича Асямова решил поставить на принадлежащей ему мельнице в городе Канске [3, л. 1]. Однако городская управа куда он обратился не разрешила ему это, ссылаясь на то, что она не знакома с устройством данного механизма и вообще по ее мнению звук двигателя во время работы будет пугать лошадей на улице [3, л. 1об].

Тогда 19 августа 1896 г. А. А. Асямов направил прошение енисейскому губернатору в котором доказывал, что шум и треск бывает от работы водяных мельниц и то с неудовлетворительным устройством механизма, а от мельниц с механическим двигателем шума быть не может, тем более что помещение, где будет расположен двигатель будет находиться в глубине двора [3, л. 10]. В конце концов его доводы были услышаны и в достаточно короткий срок прошение А. А. Асямова было удовлетворено.

Технические новшества использовались в коммерческих целях не только в промышленном производстве. Например, в октябре 1909 г. житель города Красноярска Степан Иванович Зубов получил от городских властей разрешение на автомобильные перевозки [4, л. 162об].

В его распоряжении был один автомобиль, мощностью 10 лошадиных сил, с 4 пассажирскими местами на котором он перевозил пассажиров от вокзала станции Красноярск до Старобазарной площади. Общее количество перевозимых в день пассажиров составляло 15 человек, а стоимость проезда варьировалась. Так проезд от вокзала до Старобазарной площади стоил 35 коп., от вокзала до магазина П. С. Смирнова – 15 коп., от магазина П. С. Смирнова до почты – 15 коп., от почты до Старобазарной площади – 15 коп., от почты до вокзала (т. е. в обратную сторону) – 25 коп. [4, л. 163]. Надо сказать, что С. И. Зубов был единственным в Красноярске кто занимался такой деятельностью [4, л. 163].

Однако техническая модернизация отдельных фабрик и заводов в целом не могла повлиять на экономическое развитие Енисейской губернии. Поэтому одним из важнейших факторов такой модернизации стало проведение через территорию губернии Транссибирской железнодорожной магистрали. Это событие всколыхнуло спокойную и традиционную жизнь местного населения, вызвало восхищение и удивление у современников. «Оживление в городе не бывалое» – сообщал в июне 1894 г. корреспондент газеты «Енисейский листок» из Ачинска – «вой свистков то и дело дает знать об уходящих и прибывающих пароходах. Обе пристани кишат народом: идет деятельная загрузка – разгрузка... вечерами в городе, у квартал подрядчиков, расчет рабочих... берег Чулыма завален приправленным в плотях лесом из сел Подсосенского, Ярлыкова, Курбатова; весь день под пение «дубинушки» плотовый лес вытаскивают на берег, часть леса сваливается у места, где проектирован главный мост, о котором пока ничего не слышно. Пароходами доставлено не мало количество рельсов, несколько штук рабочих вагонов, вагонов-платформ для перевозки громозд-

ких вещей, один или два паровоза...Контингент железнодорожных служащих пополняется, а вместе с тем растут цены на все, начиная от квартир до... продуктов включительно...» [5, л. 1].

Важнейшим пунктом новой Среднесибирской железной дороги стала станция Красноярск. В результате в самом Красноярске были открыты вокзал II-го класса, первое в Сибири железнодорожное техническое училище, выпускающее техников, железнодорожная больница, крупнейшие предприятия Сибири того времени – железнодорожное депо, Главные железнодорожные мастерские. Последние состояли из вагонного, сборочного, электромеханического и токарного цехов, в которых в 1898 г. работало 2 000 рабочих – слесарей, токарей, литейщиков, котельщиков, как правило приехавших из Европейской России. С увеличением числа рабочих и служащих, живущих в Красноярске, происходит расширение города – пустыри около линии железной дороги в районе Красноярска заселяются и появляются новые городские районы: Николаевская и Алексеевская слободы. Последняя была создана на средства железнодорожного ведомства, которое выдавало ссуды на постройку домов своим служащим [6, л. 6–7об].

Новые крупные промышленные населенные пункты возникали и при других станциях. Так при станции Иланской, во время постройки железной дороги, в 1894–1895 гг. был образован выселок Иланский. К 1906 г. в нем было уже 465 домов, до 6 000 жителей, 35 торговых предприятий, в том числе 4 магазина, торгующих по второму разряду и аптека. Значительная часть населения выселка, численностью до 1 200 человек, снимали квартиры. В числе них преобладали рабочие и служащие железной дороги, квартирующие, за неимением свободных домов, группами. При этом в числе домовладельцев местные иланские крестьяне составляли меньшинство – не более 20 человек. А остальными домовладельцами были лицами не имеющими отношения к сельскому хозяйству – разночинцы и посторонние [7, л. 50].

Еще одним аспектом технической модернизации Енисейской губернии стало появление на рубеже XIX–XX вв. телефонной связи, электричества, пишущих машинок, электрической сигнализации. Такая техника с одной стороны делала жизнь людей удобной, с другой внедрение ее было достаточно затратным и необычным для людей того времени, что вызывало некоторые сомнения в ее необходимости.

В этой связи интересна и показательна реакция городского общества Красноярска на установление телефонной связи в городе. Впервые это вопрос был поставлен перед городской управой енисейским губернатором Леонидом Константиновичем Теляковским в 1891 г. В своем письме, направленном в управу, губернатор сообщил, что в городе Красноярске предполагается установить телефонное сообщение между общим губернским управлением, полицейским управлением, полицейскими частями и тюремным замком. Городской управе надо было решить желает ли она присоединиться к телефонной сети, а также не может ли городская дума субсидировать из городских средств этот проект [8, л. 1].

Однако на согласование и техническую разработку вопроса ушло несколько лет и только к маю 1863 г. электротехником М. Кравчинским был составлен план по установке телефонного сообщения. План включал два варианта: сеть, насчитывающая 32 абонента и сеть, насчитывающая 50 абонентов. В первом случае проект мог быть осуществлен при плате до 79 руб. 32 коп. в год за одного абонента, а во втором – до 60 руб. 4 коп. в год [8, л. 1об]. Правда плата эта, как признавала управа, не была фиксирована и в случае надобности могла быть изменена [8, л. 1об]. Но и в том и в другом случае успешность проекта зависло от числа абонентов, и поэтому городской голова Красноярска предложил разным учреждениям Красноярска и частным лицам принять в нем участие [8, л. 1об].

Из ответов, направленных в Красноярскую городскую думу, видно, что наиболее активны в этом вопросе оказались представители купеческого сообщества. Так потомственный почетный гражданин, красноярский купец первой гильдии Николай Герасимовича Гадалов еще годом ранее предлагал провести на свои деньги телефонную линию от принадлежащей ему пристани на Енисее до собственных магазинов на Воскресенской улице и даже составил описание с расчетами в котором указывалось, что на протяжении 120 сажен 1-го квартала по Воскресенской улице, между Театральным и Почтамтским переулками нужно провести двойную линию из медной проволоки по 3-м столбам, установленным в том же городском квартале, высотой от земли до 13 аршин [8, л. 19]. Теперь же Н. Г. Гадалов сообщил, что он с большим удовольствием дает полное свое согласие на установку двух телефонных станций – одну в доме на углу Воскресенской улицы и Дубенского переулка, другую в доме на углу Воскресенской улице и Театрального переулка и завершил свое письмо словами – «Приветствую Вас с начинанием прекрасного и полезного нововведения» [8, л. 19об].

Совершенно иначе отнеслись к созданию телефонной сети некоторые чиновники. Так начальник Енисейского губернского жандармского управления сообщил, что управление располагается в частном доме по найму и поэтому вступление его в число абонентов признается неудобным в виду возможного перемещения квартиры управления в другой частный дом [8, л. 12]. Руководство же Енисейского приказа общественного призрения сообщило, что при обсуждении вопроса о присоединении к телефонной сети ему необходимо знать будут ли телефонные аппараты предоставлены бесплатно, а если нет, то сколько они будут стоить, а также будут ли телефонные аппараты в случае поломки ремонтироваться бесплатно. Вопросы об оплате поступили и от врача Порфирия Дмитриевича Сысоева. Последний сообщил, что он согласен стать абонентом телефонной сети, но при условии, что бы годовая плата не превышала 60 руб. – «дешевле же еще лучше» и допущена была помесечная рассрочка [8, л. 12об]. Красноярская же ремесленная управа вообще сообщила, что она не может стать абонентом телефонной сети, так как ремесленное общество

за неимением лишних средств «желание своего на то не изъявило» [8, л. 12].

Достаточно интересный ответ поступил от председателя Енисейского губернского правления который обратил внимание на некоторые несоответствия, содержащиеся в плане, разработанном городской управой. Так согласно плану предполагалось иметь на телефонную станцию одну телефонистку. Но одно лицо, как было указано в ответе не только при 50, но и при 32 абонентах не в состоянии будет нести исправно службу, так как работа на станции будет начинаться в 5–6 часов утра и заканчиваться в 2–3 часа ночи, да и промежуток от 3 до 5 не всегда окажется спокойным [8, л. 20]. Придется обязательно искать двух, а то и трех телефонисток, что должно увеличить расходы по эксплуатации на 180 руб. в год. А планируемый расход на ремонт линий и аппаратов недостаточен, особенно на первое время, когда, благодаря неумелому обращению абонентов, придется несколько раз в день ремонтировать один и тот же аппарат. Также по плану предусмотрено только погашение капитала на устройство телефона, но не видно расхода на уплату процентов на затраченный капитал. Сумма на погашение затраченного капитала делится между абонентами поровну. Между тем должна быть громадная разница в расходах на проведение линии от центральной станции, например, в губернское правление и на завод И. А. Матвеева. При таком положении дел ближайшие абоненты будут нести расходы равные дальним абонентам, что является несправедливостью. Следовало линию разделить на участки по расстоянию их от станции и расход по погашению взимать не со всех в одинаковом размере, а приблизительно в соответствии с затраченной суммой [8, л. 20].

Такое общественное обсуждение дало свой результат и 4 декабря 1897 г. в Красноярске была открыта городская телефонная сеть на 49 абонентов. А к 1907 г. протяженность воздушных линий телефонной сети составило 19,81 верст, действующих линий 255,65 верст, запасных линий 31,38 верст. К этому времени было зарегистрировано 190 аппаратов, которыми пользовались 181 абонент [9, л. 52–53].

Изучая документы КГКУ «Государственного архив Красноярского края» видно, что техническая модернизация разных сфер жизни Енисейской губернии проходила не одномоментно, а представляла собой длительный процесс, состоящий из разных порой противоречивых факторов, в которых соединилась и извлечение конкретной прибыли, и научный интерес, и общественное служение.

Список источников

1. КГКУ «ГАКК» (КГКУ «Государственный архив Красноярского края»). Ф. 160. Оп. 1. Д. 808.
2. КГКУ «ГАКК». Ф. 595. Оп. 59. Д. 134.
3. КГКУ «ГАКК». Ф. 595. Оп. 59. Д. 133.
4. КГКУ «ГАКК». Ф. 112. Оп. 1. Д. 31.

5. КГКУ «ГАКК». Газетный фонд КГКУ «ГАКК. Газета «Енисейский листок», 20 февраля 1894 года.
6. КГКУ «ГАКК». Ф. 595. Оп. 7. Д. 74.
7. КГКУ «ГАКК». Ф. 595. Оп. 52. Д. 50.
8. КГКУ «ГАКК». Ф. 161. Оп. 2. Д. 1647.
9. Библиотека КГКУ «ГАКК». Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 г. Красноярск.

И. В. Зыкин

Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ ДЛЯ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОЙ ОТРАСЛИ

Аннотация. Рассмотрено развитие машиностроения для целлюлозно-бумажной отрасли в годы первых советских пятилеток. Планы и начало строительства крупных предприятий обусловили перевод некоторых машиностроительных заводов на изготовление целлюлозно-бумажного оборудования. При скромной базе удалось добиться ряда успехов, но это не привело к полному отказу от заимствования импортных технологий.

Ключевые слова: *первые пятилетки, целлюлозно-бумажная промышленность, машиностроение, Лесобуммашина, Ленинградский завод имени 2-й пятилетки*

Abstract. The development of mechanical engineering for the pulp and paper industry during the first Soviet five-year plans is considered. Plans and the start of construction of large enterprises led to the transfer of some machine-building plants to the manufacture of pulp and paper equipment. With a modest base, a number of successes were achieved, but this did not lead to a complete rejection of borrowing imported technologies.

Keywords: *the first five-year plans, pulp and paper industry, mechanical engineering, Lesobummashina, Leningrad plant named after the 2nd five-year plan*

Модернизация конца 1920-х – начала 1940-х гг. в Советском Союзе обусловила развитие машиностроения, в том числе для обеспечения техникой отраслей, которые сильно зависели от импортного оборудования и технологий. Одной из таких отраслей была целлюлозно-бумажная.

Обсуждение вопроса строительства машиностроительных предприятий активизировалось в связи с разработкой второго пятилетнего плана, предполагавшего сооружение крупных целлюлозно-бумажных комбинатов в северных и восточных районах страны. Большой потенциал организации машиностроения имелся в Ленинграде и на Урале, что позволяло осуществлять кооперацию с ведущими предприятиями региона.

Оборудование для сферы глубокой переработки древесины в Советском Союзе стали производить в конце первой – начале второй пятилетки и в небольших объемах ввиду сложности технологий изготовления. Предложение об организации треста машиностроения для бумажной промышленности впервые прозвучало на заседании Президиума ВСНХ СССР 28 июня 1931 г. [1, л. 3]. 8 марта 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) указало Народному комиссариату тяжелой промышленности СССР на необходимость организации такого треста для производства оборудования для лесной и целлюлозно-бумажной отраслей [2, л. 18–19]. Сосредоточение технологически сложного лесного машиностроения в структуре Народного

комиссариата тяжелой промышленности, а более простого – в Народном комиссариате лесной промышленности СССР выглядело логично, учитывая ресурсную и кадровую базу этих ведомств.

В начале второй пятилетки в Советском Союзе действовало 140 бумагоделательных машин. 11 из них – все импортные – были установлены в 1928–1932 гг. Для сравнения в Соединенных Штатах Америки насчитывалось около 1 700 бумагоделательных агрегатов, в том числе более 60 – установленных в 1929–1932 гг. Слабость целлюлозно-бумажной отрасли в СССР была вызвана, прежде всего, недостаточными капитальными вложениями и отсутствием машиностроительной базы. Для выполнения задания второй пятилетки по выпуску бумаги требовалось оснастить предприятия 100 бумагоделательными машинами, из которых около половины – широкие. Предполагалось, что станет нормой производство в стране 20 агрегатов в год [3, с. 10].

Бумагоделательные машины должны были изготавливаться действовавшими машиностроительными заводами и специализированным предприятием (с годовым выпуском 10–15 агрегатов), которое еще предстояло построить. Из общего объема капитальных вложений в машиностроение (8 060 млн. руб. за 1933–1937 гг.) на бумагоделательное направление выделялось 40 млн. (0,5 %) [4, с. 578].

В 1932 г. был организован выпуск папмашин и сгустителей, в 1934 г. – бумагоделательных машин. Поэтому в годы реализации первых пятилетних планов импортная техника (особенно варочные и энергетические агрегаты) сохранила свое значение при оснащении предприятий отрасли. Потребность в ней особенно возросла с конца второй пятилетки, когда началось строительство ряда крупных объектов. Тогда как в начале второй пятилетки отечественное машиностроение смогло оснастить оборудованием несколько производств. Если в 1934–1935 гг. на импорт техники для бумажной промышленности было потрачено 3,5 млн. руб., то в 1936 г. – 13 млн., в 1937 г. – 17,4 млн. Приобретение машин и оборудования для этой отрасли было во второй пятилетке крупной статьёй расходов СССР для оснащения предприятий группы «Б» [5, с. 38–39, 81].

В конце 1933 г. постановлением СНК СССР было создано специализированное объединение «Лесобуммашина» в системе Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР. Ему были переданы завод имени 2-й пятилетки в Ленинграде, завод имени Рошаля в п. Мариенбурге (район г. Красногвардейска, с 1944 г. – Гатчины), завод «Гудок Октября» в Горьком и завод имени Калинина в Кинешме. Эти машиностроительные предприятия, не имевшие опыта выпуска оборудования для целлюлозно-бумажной отрасли, имели к тому же слабую материально-техническую базу. Завод имени 2-й пятилетки должен был освоить изготовление бумагоделательных и картоноделательных машин, пресспатов; завод имени Рошаля – дефибреров, дроворубок, мельниц Жордана, сушильных цилиндров для бумажных машин; завод «Гудок Октября» – роллов, сортировок;

завод имени Калинина – папмашин, сгустителей. Окончание реконструкции этих предприятий намечалось на 1934 г.

Уже в процессе реконструкции можно было наладить изготовление отдельных видов оборудования, отказаться от непрофильных заказов, что частично было осуществлено в течение 1933 г. В 1932 г. в стране было выпущено 5 наименований бумажных машин стоимостью 1 млн. руб., в 1933 г. – 28 наименований на сумму 3 млн. руб. Однако план выпуска товарной продукции по бумажному оборудованию был выполнен только на 48,5 %. Одними из задач по улучшению работы машиностроительных предприятий являлись типизация и стандартизация оборудования, точное и своевременное установление технических условий на заказы, кооперация с тяжелой промышленностью.

В 1934 г. планировалось изготовить 52 наименования бумажных машин стоимостью 11,5 млн. руб., в том числе заводом имени Второй пятилетки – двух бумагоделательных машин (для Камского и Ингурского ЦБК) шириной 2 520 мм и 6 дефибреров непрерывного действия. На предприятии должно было начаться освоение производства машины шириной 4 200 мм, картонной машины шириной 2 000 мм, бумагоделательной машины шириной 2 520 мм. Всего за вторую пятилетку намечалось изготовить, прежде всего для удовлетворения потребностей новых строек, 9 бумагоделательных машин шириной 4 200 мм, 17 бумажных и картонных машин разных размеров, 7 пресспатов, 60 дефибреров, 6 фибровых машин. Поскольку реальная база машиностроительных предприятий позволяла произвести только 14–15 бумажных, картонных машин и пресспатов, ставились вопросы о сооружении нового завода бумагоделательного оборудования мощностью 15–16 машин в год с пуском не позднее 1936 г. и кооперировании действовавших производств с крупными предприятиями тяжелой промышленности [3, с. 10–13].

В августе 1934 г. на торжественном заседании с участием работников Ленинградского завода имени 2-й пятилетки директор предприятия В. Л. Мельяненко заявил о выпуске первой в Советском Союзе бумагоделательной машины. Завод «Сан-Галли», основанный в 1854 г., изготавливал разнообразные металлические изделия, с 1917 по 1922 гг. находился на консервации и в начале Новой экономической политики возобновил деятельность. Постепенно предприятие начало увеличивать производство разнообразных машин, с 1929/1930 г. перешло на серийный выпуск прачечного, вентиляционно-отопительного и торфяного оборудования, с 1933 г. стало специализироваться на бумажном машиностроении.

Переходный период занял первое полугодие 1933 г., 14 месяцев ушло на обработку чертежей и изготовление бумагоделательной машины для строившегося Камского ЦБК. В условиях переподготовки кадров, технических ошибок сроки производства такого сложного агрегата следует рассматривать в качестве крупного достижения. При этом директор завода В. Л. Мельяненко ограничился оценкой «удовлетворительно», призвав дожидаться пуска машины.

Завершение сборки первой бумагоделательной машины рассматривалось руководством завода, объединения лесного и бумажного машиностроения Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР и партийного комитета Центрального района г. Ленинграда, где располагалось предприятие, как победа на нескольких «фронтах»: шаг к достижению технической независимости страны, выпуск конкурентоспособной продукции, шаг в процессе «культурной революции», специализация в машиностроении, формирование квалифицированных кадров (в том числе для проектировавшегося машиностроительного завода в Уфе).

В связи с выпуском первой бумагоделательной машины секретарь партийного комитета Центрального района Ленинграда А. С. Милославский вручил директору завода В. Л. Мельяненко переходящее Красное знамя (было передано механическому цеху, признанному по итогам работы лучшим). Это действо сопровождалось дачей директором предприятия, коллективами цехов обязательств, обещаний трудиться интенсивнее, изготавливать качественную продукцию.

Во втором полугодии 1934 г. предполагалось для строившегося Ингурского ЦБК собрать бумагоделательную машину, на 50 % выполнить работы по второму агрегату и изготовить картонную машину. Для этого было необходимо получить и установить дополнительное оборудование. Председатель объединения «Лесобуммашина» И. К. Михайлов и начальник Главмашпрома Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР Пудалов не только отметили проделанную работниками завода, смежных предприятий, конструкторского бюро работу, но и потребовали увеличить производственную программу 1935 г. до 6 агрегатов, чтобы выполнить план второй пятилетки (выпуск 39 машин разных назначений) [6, л. 2–7об.]. Грандиозные планы на 1935 г. (5,5–6 машин, в том числе широкоформатных), учитывая небольшие размеры предприятия (один сборочный цех) заставляют задуматься об их осуществимости. Коллективу нужно было каждые два месяца собирать, тестировать и затем разбирать для отгрузки потребителю агрегат. А поскольку сроки сдачи предприятий постоянно переносились, доставка машин могла сорваться, ибо монтировать их было негде.

В годы второй пятилетки в Ленинграде были изготовлены первые крупные машины для производства типографской и писчей бумаги. Там же в 1940 г. выпустили первую машину для изготовления газетной бумаги для Кондопожского ЦБК. Для оснащения целлюлозно-бумажных предприятий техникой был организован выпуск варочных котлов периодической варки, сгустителей, сортировок, сушильных цилиндров, различных узлов ремонтного назначения и другого оборудования, запасных частей, металлических сеток, технических сукон и искусственных дефибрерных камней [7, с. 283; 8, с. 36–38, 40].

Итак, в Советском Союзе в годы первых пятилеток в связи реализацией планов по развитию целлюлозно-бумажной промышленности была предпринята попытка создания отраслевого машиностроения, до этого

фактически отсутствовавшего. Уже в первой половине 1930-х гг. удалось сформировать группу специализированных машиностроительных предприятий, организовать изготовление разнообразного оборудования, в том числе такого сложного, как бумагоделательные машины. Достигнутые результаты стали заделом для развития машиностроения в послевоенный период. Однако полностью обеспечить техникой построенные и реконструированные за годы первых пятилеток целлюлозно-бумажные комбинаты советскому машиностроению не удалось, и часть оборудования по-прежнему импортировалась. Более того, в лесном машиностроении разработка и изготовление бумаго- и картоноделательного, специального и энергетического оборудования для целлюлозно-бумажной промышленности осуществлялись более низкими темпами по сравнению с лесопильно-деревообрабатывающей отраслью.

Список источников

1. Пермский государственный архив социально-политической истории (далее – ПГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 207.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 875.
3. Турин А. Машиностроение для бумажной промышленности в 1933 и 1934 гг. / А. Турин // Лесная индустрия. 1934. № 2. С. 10–14.
4. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М.: Госплан СССР, 1934. 740 с.
5. Мишустин Д. Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР / Д. Д. Мишустин. М.: Международная книга, 1938. 222 с.
6. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. Р-1666. Оп. 38. Д. 363.
7. Бумажная промышленность // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 6. М.: Большая Советская энциклопедия, 1951. С. 281–284.
8. История целлюлозно-бумажной промышленности России. Архангельск: Бумпром; Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера», 2009. 232 с.

А. И. Бакшеев

Красноярский государственный медицинский университет

им. профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого

Красноярск, Россия

К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ КВАНТОВОЙ ЭЛЕКТРОНИКИ

Аннотация. Биомедицина – это одна из наиболее перспективных сфер применения квантовых технологий. В частности, объем цифровых коммуникаций в медицинской сфере возрастает, поэтому исследователи все больше обращают внимание на возможности применения квантово-устойчивых технологий защиты информации. Среди ученых активно обсуждаются возможности применения в медицине квантовых сенсоров. Например, с их помощью можно измерять и визуализировать биоманнитные поля, что в перспективе позволит диагностировать различные болезни неинвазивно и с большей точностью. Все эти достижения оказались возможны благодаря труду нескольких поколений исследователей. В статье рассмотрены исторические аспекты возникновения таких направлений физики, как квантовая электроника и лазерная физика, а также их значение для дальнейшего развития науки.

Ключевые слова: *квантовая электроника, мазер, лазер, квантовый генератор, когерентное излучение*

Abstract. Biomedicine is one of the most promising areas of application of quantum technologies. In particular, the volume of digital communications in the medical field is increasing, so researchers are increasingly paying attention to the possibilities of using quantum-resistant information security technologies. Among scientists, the possibilities of using quantum sensors in medicine are actively discussed. For example, they can be used to measure and visualize biomagnetic fields, which in the future will make it possible to diagnose various diseases non-invasively and with greater accuracy. All these achievements were made possible thanks to the work of several generations of researchers. The article discusses the historical aspects of the emergence of such areas of physics as quantum electronics and laser physics, as well as their significance for the further development of science.

Keywords: *quantum electronics, maser, laser, quantum generator, coherent radiation*

Идейные истоки последней восходят к 20–30-х гг. XX ст. и связаны с исследованиями в области квантовой физики, оптики и радиоспектроскопии. Предыстория квантовой электроники началась в 1916 г., когда А. Эйнштейн в статье «Выпускание и поглощение излучения согласно квантовой теории» рассмотрел два типа переходов – спонтанное и индуцированное излучение – и ввел для них понятия вероятностей (коэффициенты). В следующей статье того же года «К квантовой теории излучения» он развил эти понятия и, как сам отметил, дал подтверждение «гипотезам относительно взаимодействия между веществом и излучением» через процессы поглощения и излучения, соответственно через спонтанное и индуцированное излучение [1, с. 21].

В 1927 г. П. Дирак построил квантовую теорию излучения, в которой показал тождество квантов вынужденного и первичного излучений (идея когерентности индуцированного излучения) [1, с.27]. Побочное доказательство существования индуцированного излучения дал в 1928 г. Р. Ладенбург, сформулировавший условия его обнаружения, указав, что для этого необходимо специальное выборочное возбуждение [2, с.14].

Что касается экспериментального подтверждения, то необходимо упомянуть О. Штерна с его методом атомных (молекулярных) пучков, с помощью которого он в 1920 г. измерил скорости теплового движения молекул (опыт Штерна), в 1921–1922 гг. с В. Герлахом выполнил эксперимент, доказавший квантование магнитного момента атома в магнитном поле – пространственное квантование (опыт Штерна-Герлаха) [2, с. 10]. В 1937–1939 гг. И. Раби разработал метод магнитного резонанса в молекулярных и атомных пучках (метод Раби) и использовал его для прецизионных измерений сверхтонкой структуры спектров, магнитных моментов протона и дейтрона (Нобелевская премия по физике 1944 г.). Это положило начало новому направлению – радиоспектроскопии, в котором изучаются дискретные переходы в квантовых системах под влиянием радиоволн, то есть спектры различных веществ в радиодиапазоне (103–1 012 Гц), в частности явления резонансного взаимодействия излучения с квантовыми системами [2, с. 17].

Бурное развитие радиоспектроскопии началось с середины 40-х гг. благодаря открытию и исследованию разного рода резонансов – электронного парамагнитного (Е. К. Завойский, 1944 г.), ядерного магнитного (Э. Парселл, Г. Торри, Р. Паунд, 1945 г.), циклотронного резонанса в металлах и полупроводниках (Дж. Дрессельхаус, А. Кип, Ч. Киттель, 1954 г.) [3, с. 36]. Радиоспектроскопические методы начали широко использовать с целью получения информации о структуре вещества, состоянии его составляющих и происходящих с ними процессах. Именно с помощью этих методов было экспериментально обнаружено индуцированное излучение. Важным для этого стало получение инверсии населенности квантовых систем – состояния, которое является необходимым условием, чтобы квантовая система генерировала или усиливала излучение.

В 1951 г. Э. Парселл и Р. Паунд осуществили инверсию населенности квантовой системы и наблюдали индуцированное излучение в радиодиапазоне. Тогда же они ввели понятие отрицательной температуры квантовой системы, которая характеризует степень ее возбуждения, т. е. отклонение от состояния термодинамического равновесия и широко используется при описании происходящих в квантовых приборах процессов. Для их создания значительную роль сыграли также исследования А. Кастлером и его группой основных и возбужденных состояний атомов, квантовых переходов в них, когерентных эффектов и развития оптических методов изучения низкочастотного резонанса (Нобелевская премия по физике 1966 г.). Важна была также разработка А. Кастлером метода оптиче-

ской накачки, который он реализовал в 1950–1951 гг. совместно с Ж. Броселем. [4, с. 38].

В 1951 г. В. А. Фабрикант с М. М. Вудинским и Ф. О. Бутаевой сформулировал принцип усиления электромагнитного излучения при прохождении сред с инверсной населенностью [5, с. 103]. Идеи практического использования индуцированного излучения для усиления и генерации были выдвинуты в 1951–1952 гг. Ч. Таунсом, О. М. Прохоровым, М. Г. Басовым и Дж. Вебером, и в ближайшие годы они были реализованы. В 1954 г. М. Г. Басов и О. М. Прохоров независимо от Ч. Таунса и его сотрудников создали первый квантовый генератор на пучке молекул аммиака (мазер), чем положили начало квантовой электронике – области физики, изучающей новые методы усиления и генерации электромагнитных волн квантовыми системами, использующими эффект вынужденного излучения [5, с. 114]. Слово «мазер» состоит из первых букв английских слов, означающих усиление микроволн вынужденным излучением.

Решающее условие для получения генерации когерентного излучения, к которому пришли изобретатели мазера, по словам Ч. Таунса, состояло в создании с помощью некоторого резонансного контура положительной обратной связи и чтобы коэффициент усиления волны за счет индуцированных молекулярных переходов был больше, чем потери в схеме [6, с. 96]. И вполне логично, что именно из радиоспектроскопии «вышла» квантовая электроника, и именно радиоспектроскопы заложили ее основы. Итак, чтобы создать мазер, необходимо иметь «приготовленную» определенным образом активную среду, в которой большинство атомов можно перевести в возбужденное состояние, и резонатор – устройство, в котором происходит накопление энергии колебаний.

Квантовая система, генерирующая электромагнитные волны сантиметрового и миллиметрового диапазона, называется мазером, а оптического диапазона – лазером, или оптическим мазером. Первый мазер – молекулярный генератор, где использовался пучок молекул аммиака, создан, как уже отмечалось, в 1954 г. На следующем этапе был увеличен диапазон мазерного излучения, повышены характеристики мазеров и расширены пределы их применения в науке и технике. Продолжались работы и по созданию новых мазеров. В 1955 г. М. Г. Басов и О. М. Прохоров предложил трехуровневый метод получения инверсии населенностей в рабочих средах, который по предложению Н. Бломбергена был в 1956 г. применен для создания квантовых усилителей радиодиапазона на парамагнитных кристаллах [7, с. 7]. Первый такой парамагнитный мазер построили в 1957 г. Г. Сковил, Дж. Фейер и Г. Зайдель [8, с. 4]. Парамагнитные квантовые усилители резко повысили чувствительность сверхвысокочастотных приемных устройств и оказали значительное влияние на их развитие. Вскоре (1958) почти стандартными стали другие, более удобные, кристаллы, в том числе рубин, ионы хрома в Al_2O_3 . Были созданы сверхчувствительные квантовые усилители, широко используемые в радиоастрономии, системах спутниковой и космической связи и т. п., значительно расши-

рившие возможности указанных направлений и приведшие к ряду открытий (мазеры стали неотъемлемой частью радиотелескопов).

В 1957 г. был предложен мазер, использующий ядерно-магнитный резонанс (ЯМР) (Р. Браунштейн, И. Ито), в 1959 г. – мазер с нулевым полем (Дж. Богль, Г. Симмонс), реализованный в этом же году Р. Терхьюном, который использовал для этого кристалла сапфира с ионами железа. В 1959 г. был получен мазерный эффект и при сверхвысокочастотном возбуждении. В 1960 г. Н. Рамзей с сотрудниками построил мазер пучкового типа на атомах водорода или водородный мазер, в котором используется переход между уровнями сверхтонкой структуры в основном состоянии атома водорода. Характерной особенностью этого лазера является высокая стабильность, что обусловило его использование в прецизионной спектроскопии и в атомных часах и стандартах частоты [9, с.56].

Но многие инженеры и ученые мечтали о приборе, который бы генерировал свет и по эффективности и совершенству мог бы сравниться с генератором радиоволн. Однако результаты, получаемые с помощью мазеров, и их возможности были настолько впечатляющими, что на время сосредоточили на себе все внимание физиков, и поэтому до 1957 г. они даже не пытались получить когерентную генерацию на более высоких частотах, хотя после изобретения мазеров задача в принципе стала понятной.

В 1957–1958 гг. Ч. Таунс и А. Шавлов решили выяснить, возможно ли создать квантовый генератор коротких волн и, исходя из принципов работы мазеров, были разработаны первые теоретические схемы, показывающие возможность создания оптического лазера (термин, введенный Ч. Таунсом), т. е. устройства для получения мощного монохроматического и когерентного пучка света (когерентность означает, что волны пучка находятся в фазе). Иными словами, необходимо было найти такой способ синхронизации значительного количества атомов в квантовой системе, чтобы они смогли «работать» вместе, создавая мощную когерентную волну оптического диапазона. Способ, побуждающий атомы активной среды к коллективному когерентному оптическому излучению, Ч. Таунс и А. Шавлов разработали на основе принципа лазера в 1958 г., предложив при этом резонатор специального типа (последнее сделал также в том же году А. М. Прохоров) [10, с. 1125].

Что касается активной среды для лазеров, то здесь единственное требование заключалось в том, чтобы существовало верхнее энергетическое состояние рабочего перехода, в которое можно накачать атомы, и нижнее, в которое они переходят в результате спонтанного излучения фотонов. И поиски материалов для активной среды для лазеров фактически являются поиском элементов, имеющих атомные состояния с определенным набором энергетических уровней. Лазерными материалами, которые необходимо закачивать для получения лазерного эффекта, могут быть кристаллы, стекло, газы, жидкости, плазма и т. п. В 60-х гг. расширился не только список открытых новых лазерных материалов, но и способов их генерации. Слово «лазер» происходит от первых букв английских слов,

означающих усиление света индуцированным излучением. Лазеры – источники когерентного света, к тому же высокой степени монохроматичности, направленности и интенсивности (пиковые мощности могут быть очень значительны).

Первый лазер на кристалле рубина был создан в 1960 г. Т. Мейманом [11, с. 45]. За активное вещество в нем был взят кристалл рубина (окись алюминия Al_2O_3 с примесями 0,05 % трехвалентного хрома Сг), имевшая форму стержня длиной 4 см и диаметром 0,5 см с тщательно отполированными параллельными торцами, покрытыми зеркальными слоями. С одной стороны зеркальный слой частично мог пропускать излучение наружу, то есть был полупрозрачным. В качестве интенсивного источника возбужденного света использовали мощную импульсную ксеноновую лампу, обвивавшую спиралью рубиновый стержень. Свет от лампы переводил атомы хрома в возбужденное состояние (на верхние уровни). Фотоны, излучаемые при переходах (по трехуровневой схеме), многократно отражались от зеркальных торцов, обуславливая все новые и новые акты излучения, порождая новые фотоны. В результате нарастала фотонная лавина, которая в конце концов пробивалась сквозь полупрозрачный торец в виде импульса – узкого монохроматического пучка света. В конце стержня вспыхивал красный луч. В таком луче сосредотачивается огромная мощность. Лазер Меймана основал целую семью лазеров, использующих кристаллы и стекло с примесями и действующих в волновом интервале от ближнего инфракрасного участка до оптического. В дальнейшем, благодаря разработке соответствующей аппаратуры, были получены очень высокие пиковые мощности и короткие импульсы.

В 1960 г. был построен газовый (гелиево-неоновый) лазер на основе идеи, выдвинутой в 1959 г. А. Джаваном, в котором для возбуждения используется электрический разряд [12, с. 72]. Он также основал семью лазеров, работающих на многих различных газах и дающих излучение от 0,1 мм до ультрафиолета. Среди первых лазеров именно газовые были более монохроматические по сравнению с твердотельными, однако эффективность обоих этих типов была очень низкой - энергия на выходе составляла 1 % от потребительской. Однако уже в 1962 г. последнее ограничение удалось преодолеть благодаря созданию нового класса полупроводниковых лазеров, использовавших особенности переходов в этих материалах, в частности возможность осуществления генерации в широком диапазоне с помощью разнообразных методов ее реализации со значительным коэффициентом усиления.

В Институте радиофизики и электроники Сибирского отделения АН СССР в 1962 г. была создана группа из молодых физиков и начаты работы в области лазеров. В этом же году ими был запущен первый в Сибири газовый лазер (Ю. В. Коломников, Г. В. Кривошеков, Ю. В. Троицкий, В. П. Чеботаев). Директором института был известный физик Юрий Борисович Румер [13, с. 38].

В 1959 г. идею полупроводникового лазера выдвинули М. Г. Басов, Б. М. Вул и Ю. М. Попов, а в следующем году М. Г. Басов, Е. М. Крохин и Ю. М. Попов разработал принципы использования полупроводников в лазерах и методы их создания [14, с. 51]. Первый полупроводниковый лазер на основе *p-n*-переходов с использованием арсенида галлия GaAs был построен группой Р. Холла в США. Важным шагом в развитии лазеров явилась разработка Ж. И. Алферовым и Г. Кремером концепции лазера на двойной гетеро-структуре (ДГС) [15, с. 31].

В 1966 г. Ж. И. Алферов предсказал эффект суперинжекции, открыл его в 1968 г. экспериментально, а также подтвердил уникальные инжекционные свойства широкозонных эмиттеров и создал значительную часть приборов, в которых реализованы основные преимущества гетероструктур, в частности низкопороговые ДГС-лазеры, работающие при комнатной температуре. За разработку полупроводниковых гетероструктур, которые получили широкое использование в высокочастотной электронике и оптоэлектронике, Ж. И. Алферову и Г. Кремеру присуждена Нобелевская премия по физике 2000 г.

В 1964 г. построены молекулярный лазер (К. Пател) и лазер на быстрых электронах (М. Г. Басов), в 1965 г. – химический лазер (Дж. Пиментел, Дж. Касперс), в 1966 г. – лазер на органических красителях (П. Сорокин, Дж. Ланкард) и др. Итак, разработаны целые классы разных лазеров с определенными характеристиками и назначениями, в широком спектральном диапазоне.

В последующие годы усилия исследователей были направлены на усовершенствование «старых» и создание квантовых приборов новых типов, работающих в новых диапазонах частот, на повышение их мощности, КПД, расширение области их использования. Почти сразу же после создания лазеров их начали использовать в науке, технике и медицине. Лазеры стали широко использовать как в смежных физических направлениях, так и в собственно лазерной физике, в частности для изучения атомных спектров. При этом было открыто немало интересных явлений. В 1962 г. Э. Дж. Вудбери обнаружил эффект вынужденного комбинационного рассеяния света, на основе которого с использованием накачки лазерным излучением был построен комбинационный лазер, или Раман-лазер.

В течение 60-х гг. расширялся список рабочих сред, используемых в лазерах, также способов их возбуждения. А создание лазеров на органических красителях позволило получать генерацию с полосой излучения до 100 Å и более. В 1964 г. были построены волоконные лазеры. Вскоре физики пришли к выводу, что лучшим высокоэффективным источником для накачки широкополосных лазеров может служить другой лазер. В 1968 г. Т. Хенш и П. Тошек для изучения влияния насыщения внутри лазера на распределение молекул использовали луч другого лазера, работавшего на смежном переходе.

Физика и техника лазеров заняли достойное место в структуре современной науки и техники. В 2020 г. при грантовой поддержке министер-

ства науки и образования России на радиофизическом факультете Томского государственного университета создали лабораторию квантовых информационных технологий. В сотрудничестве с научными и инновационными коллективами из Всероссийского научно-исследовательского института автоматики (Москва), МГУ (Москва), Института геологии и минералогии Сибирского отделения РАН (ИГМ СО РАН, Новосибирск), ООО «Велман» (Новосибирск) и Института сильноточной электроники Сибирского отделения РАН (ИСЭ СО РАН, Томск) был создан Алмазный NV-лазер, что должно стать весомым шагом на пути к созданию квантового компьютера на основе алмаза [16].

Список источников

1. Иванов И. Г. Основы квантовой электроники: учеб. пособие / И. Г. Иванов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2011. 174 с.
2. Белов Н. П., Шерстобитова А. С., Яськов А. Д. Физические основы квантовой электроники / Н. П. Белов, А. С. Шерстобитова, А. Д. Яськов. СПб.: Университет ИМТО, 2014. 65 с.
3. Дудкин В. И., Пахомов В. Н. Квантовая электроника. Приборы и их применение / В. И. Дудкин, В. Н. Пахомов. М.: Техносфера, 2006. 432 с.
4. Шангина Л. И. Квантовая и оптическая электроника: учеб. пособие / Л. И. Шангина. Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2012. 303 с.
5. Бертолотти М. История лазера: науч. издание / М. Бертолотти. Долгопрудный: Издательский дом «Интеллект», 2015. 344 с.
6. Звелто О. Принципы лазеров / О. Звелто. / пер. под науч. ред. Т. А. Шмаонова. СПб.: Издательство «Лань», 2008. 720 с.
7. Крохин О. Н. 50 лет квантовой электронике/ О. Н. Крохин // Сборник статей «Как это было...» часть 2. Воспоминания создателей отечественной лазерной техники. М.: ЛАС, 2010. С. 5–16.
8. Белоусова И. М. Из истории создания лазеров / И. М. Белоусова // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2014. № 2 (90). С. 1–16.
9. Носов Ю., Сметанов А. Страсти по лазеру / Ю. Носов, А. Сметанов // Фотоника. 2012. № 6 (36). С. 50–60.
10. Микаэлян А. Л. От квантовой электроники – к лазерной технике (первые шаги применения) / А. Л. Микаэлян // УФН. 2004. Том 174, № 10. С. 1 124–1 128.
11. Мейман Т. Лазерная одиссея / Т. Мейман. М.: Печатные традиции, 2010. 223 с.
12. Ярив А., Юх П. Оптические волны в кристаллах / А. Ярив, П. Юх, пер. с англ. М.: Мир, 1987. 616 с.
13. Из истории создания // Институт лазерной физики СО РАН. Электронный источник. URL: <https://laser.nsc.ru/iz-istorii-sozdaniya/> (дата обращения: 07.04.2024).

14. Леонтович А. М. Как был сделан первый лазер в Москве / А. М. Леонтович // Сборник статей «Как это было...» часть 2. Воспоминания создателей отечественной лазерной техники. М.: ЛАС, 2010. С. 36–40.
15. Мак А. А., Мак Ан. А. Лазеры в ГОИ им. С.И. Вавилова: от первого рубинового до новейших разработок / А. А. Мак, Ан. А. Мак // Сборник статей «Как это было...» часть 2. Воспоминания создателей отечественной лазерной техники. М.: ЛАС, 2010. С. 49–64.
16. Гуреев Д. М., Ямщиков С. В. Основы физики лазеров и лазерной обработки материалов / Д. М. Гуреев, С. В. Ямщиков. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. 392 с.
17. Алмазный NV лазер // Quantum Center of TSU. Электронный источник. URL: <https://qtcenter.tsu.ru/index.php?id=news-20220310-1215> (Дата обращения: 07.04.2024).

Ю. Н. Трубников
ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН»
Красноярск, Россия

СИБИРСКИЙ САД АКАДЕМИКА МИХАИЛА АФАНАСЬЕВИЧА ЛИСАВЕНКО

Аннотация. Герой социалистического труда, академик М. А. Лисавенко создал новые сорта плодовых и ягодных культур с высокой урожайностью, приспособленные к сибирским условиям. Впервые в мире под руководством М. А. Лисавенко и при его непосредственном участии была осуществлена крупномасштабная селекционная программа с привлечением генетически и географически отдаленных исходных форм.

Ключевые слова: М. А. Лисавенко, Сибирь, садоводство, новые сорта

Abstract. Hero of socialist labor academician M. A. Lisavenko has created new varieties of fruit and berry crops with high yields adapted to Siberian conditions. For the first time in the world, under the leadership of M. A. Lisavenko and with his direct participation, a large-scale breeding program was carried out involving genetically and geographically remote source forms.

Keywords: M. A. Lisavenko, Siberia, horticulture, new varieties

Лисавенко Михаил Афанасьевич – Герой Социалистического труда, советский ученый-садовод, селекционер, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик ВАСХНИЛ. За добросовестный труд и достигнутые результаты удостоен высоких званий и наград:

Герой Социалистического труда (1966 г.);

Орден Ленина (1957, 1966 гг.) [1];

Орден Трудового Красного Знамени (1945 г.);

Орден «Знак Почета» (1947, 1950 гг.);

Сталинская премия (1946 г.);

Государственная премия СССР (1981 г. – посмертно).

Золотая медали им. И.В. Мичурина (1954 г.)

Рис. 1. М. А. Лисавенко

«...сад для советского человека – это радость и красота, наглядное выражение роста культуры и благосостояния сибирской деревни, то творческое новое, что никак не вязалось со старой Сибирью – мрачным краем каторги и ссылки ...».

*Из выступления М. А. Лисавенко
на IV всесоюзной конференции Сторонников мира, 1952 г.*

Родился М. А. Лисавенко 3 октября 1897 г. по одним сведениям в селе Боготол, по другим – в селе Боготольский Завод, в то время это был Мариинский уезд Томской губернии. Эти села находились на противоположенных берегах Чулыма, поблизости друг от друга и поэтому, условно, их можно считать родственными поселениями с единым демографическим началом. Коренным населением села стали каторжани и ссыльные. Сам Московский тракт проходил за рекой Чулым, в 12 верстах на север от села. Основанное примерно в 1703 г. село Боготол, где к 1771 г. было уже 160 домов, а также построенный в Арге винокуренный завод дали название новому селу – Боготольский завод, основным занятием которого была водка, которой производилось в год до 10 тысяч ведер (1 ведро = 12,3 литра). Сырьем для него служила пшеница местного производства. Уже к 1890-х гг. в селе Б-Завод было более полутора сотен дворов. Жители села держали домашних животных, занимались выращиванием пшеницы – основного производственного сырья для завода.

На холме с южной стороны села была построена и возвышалась белоснежная церковь с колоколами, в которую на службу приезжал народ со всех окрестных деревень. Эта церковь Казанской Божьей матери, которую Советская власть безуспешно пыталась взорвать в 30-е гг., восстановлена неравнодушными, уважающими свою историю боготольскими в 2010 г., до сих пор стоит на территории бывшего села. Она стала известной благодаря тому, что в XIX в. в селе Боготольский Завод жил святой старец Даниил Ачинский, который молился в этой церкви. До того как стать подвижником в монашестве и старцем, Даниил был артиллеристом, принимал участие в Отечественной войне 1812 г, сражался в Бородинской битве. Став унтер-офицером, он отказался продолжать воинскую службу в пользу службы Богу за что, был осужден и сослан на каторгу, которую отбывал в селе Боготольский Завод.

Прадед Михаила Афанасьевича – русский, из переселенцев крепостных крестьян Воронежской губернии. Мать Анастасия Алексеевна, 1871 г. рождения, из бедняцкой семьи, была женщиной умной, религиозной, занималась домашним хозяйством, неграмотная. Отец Афанасий Михайлович (1870 г. рождения) грамоте обучался сам. Служил в царской армии писарем. После возвращения со службы работал лесообъездчиком Боготольского лесничества, экспедитором Красно-реченского винокуренного завода, десятником по заготовке леса. В 1918 г. семья переехала в г. Ачинск, где отец обзавелся 20 десятинами земли, скотом, сепаратором, маслобойкой, мелочной лавкой, нанимал двух

рабочих. Эти факты биографии, в последствие, оказались роковыми для Афанасия Михайловича. В 1938 г. его арестовали в рамках реализации «Плана оперативных мероприятий по разгрому контрреволюционного подполья в Алтайском крае». За 10 дней было проведено, так называемое, следствие и 27 марта по приговору тройки при управлении НКВД по Алтайскому краю «группа эсеров», в которую, по версии следователей, входил и А. М. Лисавенко, была расстрелена. И только через 25 лет – 24 июня 1958 г. все осужденные были реабилитированы.

В 1908 г. Михаил Лисавенко окончил 3 класса Боготольской сельской школы. К Закону Божьему и математике пристрастия не питал, но зато старинную книжку безымянного автора «Плодовый сад» читал и перечитывал без конца. «Очевидно, она мне казалась какой-то упоительной сказкой» – писал он в 1937 г. В 1917 г. – после окончания гимназии в Красноярске, поступил на юридический (а не биологический) факультет Томского университета одновременно, став там же, вольнослушателем историко-философского факультета, но не окончил ни того ни другого, так как в силу материальных и семейных обстоятельств был вынужден прекратить учебу в 1919 г. и переехать в Ачинск. С 1919 г. до января 1933 гг. М. А. Лисавенко работал инструктором, заведующим отделением пушно-сырьевой конторы, управляющим опытно-показательного кролиководческого совхоза.

В 1920 г. вместе с матерью он посадил первые яблони, вишни и землянику на усадьбе родителей в г. Ачинске. Исходным материалом служили сеянцы сибирской яблони и вишни из заброшенного питомника Боготольской лесной школы, саженцы от В. М. Крутовского и А. И. Олониченко, который в последствие консультировал его по многим вопросам садоводства. С сыном Алексея Ивановича Олониченко – Сашей, Михаил учился в красноярской гимназии и бывал в саду его отца и в знаменитом стелющемся саду В. М. Крутовского в Лалетино, что вблизи Красноярска. По сути, сад Крутовского произвел на Лисавенко такое впечатление, которое решило его дальнейшую судьбу.

Начиная с 1926 г., в течение 10 лет Михаил Афанасьевич вел переписку с Н. Н. Тихоновым – учеником и научным сотрудником И. В. Мичурина, получал саженцы из мичуринского питомника. Работами по садоводству М. А. Лисавенко заинтересовался председатель Ачинского окрисполкома Аверьянов и, по решению Горсовета, была проведена прирезка земельного участка до 1 га. На этом участке Михаил Афанасьевич проводил исследования по сортоизучению плодовых и ягодных культур, начинал селекцию по ягодникам. Здесь выведен его первый сорт яблони Северянка. Для пополнения специальных знаний по садоводству, в 1929–1931 гг. он учился на заочных курсах Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

Работа на приусадебном участке уже не могла удовлетворять интересы Михаила. Он мечтал о массовом развитии садоводства в колхозах Сибири. В 1932 г. Михаил Лисавенко принимал участие

в первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников в Москве, где ему, по инициативе «Крестьянской газеты», предложили возглавить опорный пункт ВНИИ садоводства им. И. В. Мичурина в Ойрот-Туре (Горно-Алтайск).

Знаковой для М. А. Лисавенко была его встреча с Иваном Владимировичем Мичуриным. Всемирно известный ученый с трепетом относился к первым шагам садовода-селекционера на Алтае. Из семян, привезенных Михаилом Афанасьевичем, больше всего заинтересовался алтайскими луками, прощаясь и подарив свой портрет, Мичурин напутствовал Лисавенко словами: «Иди напролом! Умей стоять за свое дело!» В последние дни своей жизни Иван Владимирович не забыл об Алтае, говоря: «Сегодня в Рыбном, завтра – на Алтае. Какие сады будут, как жить будут!» [2]. И год за годом Лисавенко М. А. возделывал «свой сад на земле».

Ранней весной 1933 г. он ехал на лошадях в Ойротию от Бийска. Луковицы ирисов и гладиолусов, оберегая от мороза, держал за пазухой. На новом месте Михаил Афанасьевич работал от зари до зари. В те годы он был садоводом и сторожем, пахарем и плотником, конюхом и возчиком, бухгалтером и кассиром. С группой ученых, энтузиастов садоводства, он вел в Горном Алтае огромную работу по интродукции плодово-ягодных и декоративных культур, сбору исходного материала для селекционной работы и уже через 7 лет работы, на опорном пункте насчитывалось около 500 сортов плодовых и 200 сортов ягодных культур. Лисавенко не забывал напутствия И. В. Мичурина, который еще в 1933 г. предостерегал М. А. Лисавенко от попыток механического перенесения на Алтай европейских сортов и от попыток скрещивания их с сибирскими сортами. Поэтому, чтобы добиться своих результатов, Лисавенко вдоль и поперек исколесил весь Горный Алтай и достиг результатов не меньших, чем И. В. Мичурин, а для всей Сибири – вообще колоссальных.

Большая работа проводилась по сортоиспытанию и семеноводству картофеля, кукурузы, сахарной свеклы, фасоли и овощных культур. М. А. Лисавенко, можно сказать по пути, вывел высокоурожайный сорт картофеля Алтайский. Основной заслугой Михаила Афанасьевича было выведение зимостойких, пригодных для сибирских условий сортов плодовых и ягодных культур, их размножение и распространение. Под руководством М. А. Лисавенко на станции создавались новые отделы, выведено несколько десятков зимостойких, урожайных сортов [3].

Благодаря настойчивости и организаторским способностям Михаила Афанасьевича, маленький опорный пункт в Горно-Алтайске быстро расширял свою работу и уже в 1943 г. был преобразован в Алтайскую плодово-ягодную опытную станцию, а г. Горно-Алтайск стал привлекать внимание все большего числа работников науки и сельского хозяйства.

В 1943 г. Михаил Афанасьевич защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Селекция ягодных культур на Алтае». Написал он ее за два месяца на 50 страницах машинописи. Много внимания М. А. Лисавенко

уделял новым пищевым растениям. По его инициативе были начаты работы по селекции облепихи, жимолости, черноплодной рябины. Научный поиск организатора сибирского садоводства затрагивал и лекарственные растения, работа с которыми показала, что перспективными в условиях низкогорья Алтая являются валериана, ромашка, наперстянка, левзея и др. Михаил Афанасьевич активно занимался интродукцией растений. Из тайги вывез и ввел в культуру иву курайскую, формы голубой сибирской ели, торный лук, много отборных форм смородины, облепихи, жимолости и калины [4,5].

Различия климатических условий огромного по площади Алтайского края не позволили станции организовать свою работу одной опытной точкой в предгорьях, что вызвало необходимость организации своих питомников. В 1943 г., в самые сложные для страны годы, было принято решение по организации в Чемале опорного пункта по садоводству, в 1946 г. создан Союзгинский питомник, в 1953 г. – Яломанский участок. В начале 50-х гг. опытная станция для расширения опыта работы в основных земледельческих районах края, была перебазирована в город Барнаул, а в Горно-Алтайске все насаждения сохранились и были переданы Горно-Алтайскому опорному пункту, реорганизованному в 1975 г. в ОПХ «Горно-Алтайское», в 2020 г. переименованному в Опытную станцию «Горно-Алтайское». В Барнауле, став Алтайской опытной станцией садоводства, а по сути – всесибирским научно-исследовательским центром, где под руководством ее основателя, М. А. Лисавенко, не только создавались, районировались, распространялись новые сорта плодовых, ягодных, цветочных, декоративных культур, но и была сформирована уникальная научная школа выдающихся ученых селекционеров-практиков. Одновременно с руководством станцией он преподавал в Алтайском сельскохозяйственном институте.

В 1961 г. Алтайская опытная станция садоводства стала участницей международной выставки садоводства в г. Эрфурте (ГДР), где была награждена дипломом Почета, двумя золотыми медалями за плоды семечковых и облепиху, одной серебряной медалью за виноград. В 1969 г. на международную выставку садоводства в г. Эрфурт, были отправлены яблоки, облепиха на ветках, черноплодная рябина, компот из малины, джем из облепихи.

В 1949 г. ВАК утвердил присвоения М. А. Лисавенко ученой степени доктора сельскохозяйственных наук без защиты. В 1951 г. ему присвоено ученое звание профессора, а в 1956 г. – Михаил Афанасьевич был избран академиком ВАСХНИЛ.

Возглавляя научно-исследовательскую работу по селекции и изучению плодовых и ягодных культур, М. А. Лисавенко на основе гибридизации создал совершенно новые улучшенные сорта с высокой урожайностью, приспособленные к сибирским условиям. Он внес большой вклад в организацию многочисленных экспедиций, целью которых был сбор оригинального исходного материала для селекции плодовых

и ягодных культур. Впервые в мире под руководством М. А. Лисавенко и при его непосредственном участии была осуществлена крупномасштабная селекционная программа с привлечением генетически и географически отдаленных исходных форм [6, 7]. Всего им было выведено 128 сортов, в том числе 4 сорта яблони, 4 – вишни, 48 – черной смородины, 2 – красной смородины, 20 – крыжовника, 7 – малины, 1 – земляники. Кроме того, он стал инициатором введения в культуру черноплодной рябины и облепихи.

Записные книжки М. А. Лисавенко, хранящиеся в Государственном архиве Алтайского края, являются свидетелями жизнедеятельности их автора. В них запечатлены результаты научных сессий, совещаний, выставок, дневники поездок по Алтаю, полевые заметки, встречи с замечательными людьми, дружбой с которыми Михаил Афанасьевич очень гордился. Среди них – выдающийся ученый Н. И. Вавилов, который провел в 1936 г. у Лисавенко в Ойрот-Туре весь день и был заинтересован его «скромной работой». Но самыми главными героями писем, заметок и записных книжек Лисавенко были энтузиасты сибирских садов, которые самоотверженно и бескорыстно осуществляли мечту многих поколений превратить Сибирь в цветущий сад. Большой заслугой М. А. Лисавенко, его учеников и садоводов Алтая было не только выведение новых сортов плодов и ягод в Сибири, но и развитие и пропаганда коллективного и приусадебного садоводства, интродукция и селекция декоративных и цветочных культур, а также применение их в пищевой и фармацевтической отраслях промышленности.

В 1967 г. плодово-ягодной опытной станции присвоено имя М. А. Лисавенко, а в 1973 г. она преобразована в научно-исследовательский институт садоводства Сибири. Сегодня НИИ садоводства Сибири им. М. А. Лисавенко координирует научно-исследовательские опытные учреждения по садоводству Сибири, Урала, Дальнего Востока, имеет тесные контакты с научными учреждениями ближнего и дальнего зарубежья. Впервые в мире здесь введена в культуру облепиха, которая, впоследствии, стала распространяться во многих регионах нашей страны и мира [8].

Михаилом Афанасьевичем опубликовано более 400 научных работ, лично и под его руководством создано более ста сортов плодовых и ягодных культур. Лисавенко часто повторял: «... лучше съесть 30-ти граммовое яблочко, выращенное в Сибири, чем 150-ти граммовое алма-тинское». Создавая в Сибири садоводство как отрасль, Лисавенко М. А. вырастил большое число талантливых ученых-селекционеров, а садоводы ряда европейских стран проверяли его достижения на своих плантациях алтайских сортов. Так, селекционеры всего мира уже создали на основе алтайских сортов более 150 новых сортов.

Новосибирский писатель Афанасий Коптелов [9] сказал о М. А. Лисавенко так: «Светлое слово «садовод» для него звучало так же гордо, как горьковское «человек». И в том же очерке о молодых годах

М. А. Лисавенко: «Его мать, неграмотная женщина, любила возиться на огороде. Сеяла только своими семенами, снабжала ими всех соседок. Она и заронила в сердце единственного сына неугасимую любовь к природе. С матерью будущий мичуринец ходил в лес, перетаскивал в свой первый садик дикую смородину, малину и черемуху. Он выращивал сеянцы ягодников, выхаживал по тому времени такие редкие овощи, как помидоры.

Масштабы работ Лисавенко впечатляют: из многих тысяч гибридов он отбирал всего три-четыре десятка, несших в себе какие-то признаки нового сорта. М. А. Лисавенко еще при жизни называли «сибирским Мичуриным и родоначальником Алтайского садоводства, сибирским пионером садоводом». Он стал известным по всей стране и за ее пределами, основателем промышленного садоводства в Сибири.

Люди, подобные М. А. Лисавенко, талантливы во многих областях деятельности. Прекрасный организатор своего дела, выдающийся ученый, он сумел создать дружный, творческий коллектив, заложить традиции, которые живут и сегодня, позволяя решать Сибирскому НИИ садоводства различные задачи отрасли. Переписка с писателями Л. Леоновым и М. Шагинян, А. Коптеловым, Н. Дворцовым, известными садоводами А. Жебровской, В. Путовым, боготольским земляком Ковальке, а также общественная деятельность на посту председателя Алтайского Комитета защиты мира, преподавательская деятельность в Алтайском сельскохозяйственном институте раскрывают М. А. Лисавенко, как человека, глубоко любящего свою Родину, ее неповторимую природу и людей-труженников. Всю жизнь он боролся за сохранение красоты природы для людей, для того, чтобы в прекрасных местах Алтая были построены дома отдыха, пионерские лагеря, туристические базы.

М. А. Лисавенко был широко одаренной личностью. Любил поэзию, ценил живопись, в юности сам писал стихи и рассказы, играл в водевилях, прекрасно знал классику. Людей, работавших с Михаилом Афанасьевичем, удивляла его щепитильность – он не был способен взять из выращенного своим трудом сада корзину фруктов, не заплатив за нее. А еще, он был прекрасный фотограф, снимавший горно-алтайские пейзажи и даривший свои снимки всем знакомым. А кроме этого – веселый отец, обладающий прекрасными артистическими способностями. Он мог бы стать писателем, артистом, юристом или кем-то еще, но его творческим признанием было садоводство.

Память о Михаиле Афанасьевиче достойно увековечена. Бюст в его честь установлен в г. Барнауле перед главным корпусом Алтайского государственного аграрного университета и у здания НИИ садоводства Сибири им. М. А. Лисавенко. Именем ученого назван один из лучших парков города.

Список источников

1. О присвоении звания Героя Социалистического Труда передовикам картофелеводства, овощеводства, садоводства и виноградарства РСФСР: [в числе др. М. А. Лисавенко]: Указ Президиума Верхов. Совета СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 19. С. 314. Ст. 260; Алтайская правда. 1966. 17 мая.
2. Лисавенко М. А. Учение Мичурина в действии. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1958. 149 с.
3. Лисавенко М. А. Вопросы сибирского садоводства. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1958. 172 с.
4. Абрамов М. Г. Садовод, ученый, труженик. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1963. 48 с.
5. Калинина И. П. М. А. Лисавенко и сибирское садоводство // Научные чтения памяти академика М. А. Лисавенко: первые и вторые чтения. Барнаул, 1971. С. 3–17.
6. Калинина И. П. Роль М. А. Лисавенко в формировании и совершенствовании сортимента плодовых и ягодных культур Алтайского края // Состояние и проблемы садоводства России. Новосибирск, 1997. Ч. 1. С. 3–9.
7. Калинина И. П. Вековой юбилей академика ВАСХНИЛ М. А. Лисавенко // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 1997. № 3/4.
8. Калинина И. П. Творческая деятельность академика М. А. Лисавенко и ее значение для современного садоводства // Вестник Российской академии сельскохозяйственных наук. 1997. № 5. С. 7–11.
9. Коптелов А. Алтайский кудесник // Барнаул. 1997. № 3/4. С. 124–132.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ КАК НАУКИ

Аннотация. В статье исследуется эволюция социальной работы как науки, начиная с ранних проявлений благотворительности и общественной деятельности до формирования основных принципов и практик в XIX – начале XX в. Рассматриваются значимые этапы развития науки социальной работы, основные принципы и вызовы, с которыми сталкиваются специалисты на данном поприще.

Ключевые слова: социальная работа как наука, благотворительность, принципы социальной работы, вызовы социальной работы

Abstract. The article examines the evolution of social work as a science, starting from the early manifestations of charity and social activities to the formation of basic principles and practices in the 19th – early 20th centuries. The significant stages in the development of the science of social work, the basic principles and challenges faced by specialists in this field are considered.

Keywords: social work as a science, charity, principles of social work, social work challenges

Социальная работа как наука имеет долгую и богатую историю, уходящую корнями в древние времена. Ее развитие было тесно связано с общественными изменениями, экономическими кризисами и изменением роли государства и церкви в жизни людей. Первые проявления социальной работы как науки можно проследить в деятельности благотворительных организаций в XIX в., которые заботились о бедных и нуждающихся. С течением времени социальная работа стала более систематизированной и научно обоснованной, сформировав свой набор принципов и методов, ориентированных на улучшение качества жизни уязвимых групп населения. В данной статье мы рассмотрим ключевые этапы этого развития и значимость социальной работы как науки в современном мире.

Существуют разные подходы к определению социальной работы как науки.

Б. В. Куприянов определяет социальную работу как науку как область научного знания о закономерностях управления процессом использования внутренних и внешних ресурсов индивида, семьи или общности в ситуациях нарушения социального функционирования [3, с. 5].

Е. И. Холостова считает, что социальная работа как наука выявляет и исследует существенные, необходимые связи и явления, присущие социальным процессам и социальному развитию общества и обуславливающие характер и результативность экономического, психологического, педаго-

гического и управленческого воздействия на развитие и поведение социальных общностей, групп и личности [9, с. 51].

П. Д. Павленок отмечает, что социальная работа как наука представлена как сфера человеческой деятельности, функция которой состоит в выработке и теоретической систематизации объективных знаний об определенной действительности – социальной сфере и социальной работе [7, с. 131].

Ориентируясь на представленные определения можно сделать вывод, что социальная работа как наука – это область знаний, изучающая закономерности управления процессом использования внутренних и внешних ресурсов индивида, семьи или общности в условиях нарушения социального функционирования, выявляющая и исследующая существенные связи и явления, присущие социальным процессам и развитию общества, систематизирующая знания о социальной сфере и практике социальной работы.

Социальная работа играет ключевую роль в обществе, предоставляя поддержку, помощь и ресурсы людям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Как наука, она изучает и систематизирует знания о социальных процессах, помогая разрабатывать эффективные методы работы с различными социальными группами и индивидами. История социальной работы как науки позволяет понять ее развитие, изменения в методологии и подходах к помощи людям в различные периоды времени.

Первые общественные работники и благотворители были крайне значимы в истории возникновения социальной работы как науки. Они играли ключевую роль в оказании помощи нуждающимся и формировании основных принципов социальной работы.

Первые общественные работники и благотворители добровольно инициировали и организовывали различные программы и мероприятия для помощи бедным, больным, детям и другим уязвимым группам общества. Они выступали в роли пионеров социальной работы, разрабатывая методы предоставления услуг, основанные на принципах эмпатии, сочувствия и солидарности.

Благотворители также играли важную роль в финансировании социальных программ и учреждений, способствуя созданию первых приютов, больниц, школ и других учреждений, основанных на идеале помощи и социальной справедливости.

В России первооткрывательницей массовой благотворительности была Мария Федоровна, вдовствующая супруга Павла I. Она держала собственный салон в Павловске и сумела сочетать светскую жизнь с широкой общественно-политической деятельностью. Самой «весомой» традицией, которую Мария Федоровна оставила своим наследницам, была благотворительная деятельность, которая достигла статуса развернутой социальной работы [1, с. 12]. Мария Федоровна создала в Петербурге целую сеть учебно-воспитательных учреждений – в том числе и для детей из бедных семей. В Ведомство учреждений императрицы Марии входили также при-

юты, дома для инвалидов, больницы, в которых неимущие могли бесплатно получить медицинскую помощь.

Таким образом, первые общественные работники и благотворители сыграли неоценимую роль в становлении социальной работы как науки, укрепляя ее основы и внося вклад в формирование современной системы поддержки и защиты уязвимых членов общества.

Зарождение научной основы социальной работы как науки происходило постепенно, и включало в себя ряд ключевых событий и фактов:

1. Становление филантропии и благотворительности. В XVIII–IX вв. в странах Европы, в Америке и в Российской Империи начали развиваться общественные движения по оказанию помощи нуждающимся. Рост числа благотворительных организаций и фондов стал первым этапом в формировании социальной работы как науки.

2. Работа пионеров в области социальной работы. Люди, такие как Джейн Аддамс, Октявия Хилла, Мэри Ричмонд и другие, внесли значительный вклад в применение научных методов в работе с уязвимыми группами общества. Они разрабатывали теории и методы социальной работы, основанные на наблюдениях и практическом опыте.

3. Достижения социологии и психологии. Вклад классиков социологии, таких как Эмиль Дюркгейм и Макс Вебер, а также развитие психологии, способствовали теоретическому обоснованию принципов и методов социальной работы.

Таким образом, зарождение научной основы социальной работы как науки было связано с постоянным развитием теоретических подходов, внедрением результатов исследований и практическим опытом в работе с людьми, нуждающимися в помощи и поддержке.

В XIX в. – начале XX в. социальная работа начала активно развиваться. Этот период характеризовался повышенным спросом на социальные услуги из-за проблем, вызванных индустриализацией и урбанизацией. Основные направления развития включали в себя основание благотворительных организаций, улучшение условий жизни рабочих, борьбу за права женщин и детей, а также создание профессиональной социальной работы как отдельной области деятельности с целью помощи нуждающимся и улучшения их жизненного положения.

К этому периоду только в Москве существовало 628 богоугодных заведений: приюты, школы, богадельни, ночлежные дома, столовые и т. п., значительная часть которых содержалась на деньги московского купечества.

Можно выделить несколько этапов формирования социальной работы как науки:

Первый этап: в XIX в. появились первые профессиональные организации и учебные заведения по социальной работе, что способствовало становлению социальной работы как самостоятельной профессии. В это время начали появляться первые методы и подходы к социальной работе, основанные на опыте и практике.

Второй этап: в XX в. социальная работа стала все более ориентированной на научные принципы и методы. Важное значение придавалось исследованиям, научным подходам и эмпирическим данным. С развитием общества и изменением общественных потребностей социальная работа продолжает эволюционировать, интегрируя новые знания и методы.

Третий этап: современная социальная работа характеризуется междисциплинарным подходом, включая элементы психологии, социологии, педагогики и других наук. Социальная работа как наука представлена широким полем методов и теорий, которые используются для анализа и решения социальных проблем.

Таким образом, формирование социальной работы как науки проходило через постоянное развитие методологии, научное обоснование и адаптацию к изменяющимся потребностям общества. Сегодня социальная работа продолжает активно развиваться, используя современные научные подходы для эффективного решения социальных проблем и поддержки клиентов.

Социальная работа как наука сталкивается с рядом актуальных проблем и вызовов в современном мире:

1. Мультикультурная среда: социальные работники сталкиваются с разнообразием культурных и этнических групп, что требует учета культурных особенностей при работе с клиентами и толерантности.

2. Уязвимые группы: нарастающие проблемы такие как семейное насилие, социальное неравенство и недостаточное обеспечение доступа к здравоохранению создают необходимость в эффективной поддержке уязвимых групп населения.

3. Ментальное здоровье: повышение уровня стресса и депрессии в обществе требует более глубокого понимания психологических аспектов и улучшенных методов поддержки.

4. Технологические вызовы: с развитием технологий, включая интернет и социальные сети, социальная работа сталкивается с новыми вызовами в области конфиденциальности данных и этического использования информации.

5. Социальная изоляция и одиночество: в условиях современного общества все большее число людей испытывает социальную изоляцию и одиночество, что требует разработки новых методов борьбы с этими проблемами.

Эти актуальные проблемы и вызовы подчеркивают необходимость непрерывного развития социальной работы как науки, чтобы она могла эффективно реагировать на новые вызовы и продолжать обеспечивать поддержку тем, кто нуждается в помощи и защите.

В ходе своего развития социальная работа столкнулась с многочисленными вызовами и трудностями, но каждый новый этап принес не только новые проблемы, но и новые знания, навыки и осознание важности своей миссии. Наука продолжает развиваться, адаптируясь к современным ре-

алиям и актуальным проблемам, чтобы эффективно решать вызовы современного общества.

Социальная работа остается не только профессией, но и наукой, которая способствует созданию более справедливого, заботливого и инклюзивного общества. Ее история является важным источником уроков и вдохновения для будущих поколений социальных работников, стремящихся к повышению качества жизни всех людей, независимо от их статуса и обстоятельств.

Список источников

1. Азерникова И. П. Деятельность вдовствующей императрицы Марии Федоровны: истоки благотворительности в России // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2010. № 30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-vdovstvuyushey-imperatritsy-marii-fedorovny-istoki-blagotvoritelnosti-v-rossii-1> (дата обращения: 12.04.2024).

2. Албегова И. Ф. Современное состояние теории социальной работы как области научного познания // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2006. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-teorii-sotsialnoy-raboty-kak-oblasti-nauchnogo-poznaniya> (дата обращения: 12.04.2024).

3. Бабюх В. А. История социальной работы (с древнейших времен до начала XX века): учеб. пособие / В. А. Бабюх, Р. В. Куприянов. Казань: КНИТУ, 2018. 196 с. Текст: электронный. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1896066> (дата обращения: 12.04.2024). Режим доступа: по подписке.

4. Бегиева Б. М., Бамбетова К. В. Социальная работа как профессиональная деятельность // *Вопросы науки и образования*. 2021. № 28 (153). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-rabota-kak-professionalnaya-deyatelnost> (дата обращения: 12.04.2024).

5. Задворнова Е. Е. Теоретико-методологические подходы к изучению истории социальной работы // *Вестник ЧелГУ*. 2000. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-podhody-k-izucheniyu-istorii-sotsialnoy-raboty> (дата обращения: 12.04.2024).

6. Медведева Г. П. Социальная работа как феномен общественного бытия // *Вестник ТГУ*. 2008. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-rabota-kak-fenomen-obschestvennogo-bytiya> (дата обращения: 12.04.2024).

7. Павленок П. Д. Философия и методология социальной работы // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2016. № 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-i-metodologiya-sotsialnoy-raboty> (дата обращения: 12.04.2024).

8. Савинов Л. И. Теория социальной работы: современное состояние и пути развития новой науки // *Вестник МГУ*. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sotsialnoy-raboty-sovremennoe-sostoyanie-i-puti-razvitiya-novoy-nauki> (дата обращения: 12.04.2024).

9. Теория социальной работы : учебник для вузов / Е. И. Холостова [и др.]; под ред. Е. И. Холостовой, Л. И. Кононовой, М. В. Вдовиной. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021 288 с. (Высшее образование). Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/468579> (дата обращения: 12.04.2024).

10. Фирсов М. В. Теория социальной работы : учебник для бакалавров / М. В. Фирсов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 455 с. (Бакалавр. Прикладной курс). Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/425270> (дата обращения: 12.04.2024).

Е. А. Толстогузова

Чердынский краеведческий музей им. А. С. Пушкина

Чердынь, Россия

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Аннотация. Еще 30 лет назад попасть в отдаленные города и поселки Пермской области можно было на самолете, как сегодня на рейсовом автобусе. Проблему непроходимых дорог и отсутствия мостов решала малая авиация. Местные воздушные линии были востребованы в 1970–80-е гг. и существовали вплоть до середины 1990-х. С появлением асфальтированных дорог спрос на авиаперелеты резко снизился, и содержание внутриобластной авиации потеряло смысл. Предлагаем проследить развитие малой гражданской авиации в Пермской области на примере Чердынского района.

Ключевые слова: авиация, история авиасообщений, Чердынский аэропорт, Ныробский аэропорт

Abstract. Even 30 years ago, it was possible to get to remote cities and towns of the Perm region by plane, as it is today on a regular bus. The problem of impassable roads and the lack of bridges was solved by small aircraft. Local air lines were in demand in the 1970s and 80s and existed until the mid-1990s. With the advent of paved roads, the demand for air travel has sharply decreased, and the maintenance of intra-regional aviation has lost its meaning. We propose to trace the development of small civil aviation in the Perm region on the example of Cherdynsky district.

Keywords: aviation, history of air traffic, Cherdyn airport, Nyrob airport

Еще 30 лет назад попасть в отдаленные города и поселки Пермской области можно было на самолете, как сегодня на рейсовом автобусе. Проблему непроходимых дорог и отсутствия мостов решала малая авиация. Местные воздушные линии были востребованы в 1970–80-е гг. и функционировали до середины 1990-х гг. Сегодня мы решили вспомнить, как развивалась малая авиация в Пермской области и в какие отдаленные населенные пункты можно было попасть на «кукурузнике».

Официальное начало истории гражданской авиации в Перми – 2 февраля 1940 г. Это дата создания 207-го Пермского авиаотряда (через месяц он стал Молотовским авиаотрядом). Однако неофициально полеты над Пермью начались еще 10 июля (27 июня) 1911 г. с полета Евсюкова.

Настоящий профессиональный пилот появился в Перми в 1912 г. Это был Александр Васильев, самый известный тогда российский летчик, победитель авиаперелета Петербург–Москва. В пермское небо он поднимался трижды – 10, 11 и 24 июня (по старому стилю). С 1913 г. Василий Каменский, уже дипломированный пилот, положит в Перми начало гидроавиации [1, с. 7–10].

В августе 1924 г. появилась организация «Авиахим», которая проводила агитационную и практическую работу по созданию советской авиации. Подтверждением этого могут служить опубликованные в Чердынской районной газете воспоминания очевидца о появлении первого самолета в Чердыни: «Впервые в нашем крае 7.08.1925 г. к берегу Колвы, напротив Чердыни, подрулил первый гидросамолет под названием «Все в Авиахим» [2, с. 3].

«Прибыл он маршрутом Москва–Горький–Чебоксары–Чистополь–Сарапул–Пермь–Усолье–Чердынь. Весть о самолете всколыхнула весь Чердынский край: ведь старики утверждали, что летать могут только «птицы божьи», а человеку не суждено. Из близлежащих селений пришли мужчины и женщины посмотреть на «диковинную птицу». Берег Колвы был буквально забит от огромного стечения народа. Здесь же состоялся митинг. На другой день начались полеты над Чердынью. Выделенные для организации полетов люди создавали ячейки «Общества друзей воздушного флота» [3, с. 3].

В августе 1931 г. в Чердыни строится парашютная вышка [4, с. 2], а 30.01.1936 г. в Красновишерске Чердынского района был открыт кружок планеризма. В кружке занимались 15 человек, однако в газете «Северная коммуна» подчеркивалось, что этим видом спорта охвачено недостаточно комсомольцев, и что планеризм должен быть доступен широким массам [5, с. 3].

В июне 1936 г. в газете вышла небольшая заметка о том, что в Чердынском районе будут курсировать несколько самолетов для предупреждения и предотвращения лесных пожаров. Для этого был условный знак: с самолета сбрасывался мешочек с песком и флажок в нем. Тот, кто увидел такой сигнал должен был немедленно подать сигнал флажком, затем предупредить начальников милиции, НКВД, леспромхоза и лесоохраны о том, что сигнал получен [6, с. 3].

В августе 1938 г. трудящиеся отмечали день советской авиации на площади Чердынского аэродрома, где тов. Дрыжигов сообщил о развитии авиационной промышленности в Советском Союзе, после чего 20 рабочих, колхозников и служащих катали на самолете.

Аэропорт многие десятилетия был визитной карточкой Чердыни, откуда, благодаря малой авиации, можно было улететь сначала на По-2, АН-2, а позже на АН-24 в Пермь, Соликамск и крупные поселки Чердынского района. Помимо пассажиров малой авиацией перевозили еще и почтовые отправления, кинобанки для киномехаников. До начала 60-х гг. он располагался в южной части города, а затем был перенесен в западную часть Чердыни, где был построен аэровокзал-избушка [7, с. 4].

В 1938 г. начинается история пермских аэродромов. Именно тогда появляются авиаотряды на летном поле «Городские горки». За первый год пермский аэродром на «Горках» перевез 200 пассажиров. Были открыты рейсы в Ныроб и Чердынь. Посадка самолетов производилась на необорудованную полосу на поле, зимой посадки производились благодаря лыжам [1].

В 1939 г. был открыт первый «аэровокзал» в Перми («Аэропорт Молотов»). Он представлял собой небольшое деревянное строение, а площадь летного поля составляла около 6 кв. км. [1, с. 61].

Накануне Великой Отечественной войны малая авиация продолжает активно развиваться: В августе 1940 г. в Чердыни был проведен день Сталинской авиации. На аэродроме проведен митинг. Техник аэродрома тов. Гребенюк выступил с докладом о дне авиации, после лекции летчик Кочегаров и техник Гребенюк показали фигуры высшего пилотажа. Лучших ударников и стахановцев (18 человек) катали на самолете [8, с. 3].

С 1944 г. возобновляются прерванные в период войны полеты. Аэропорты Чердынского района относились к 207-му Пермскому авиаотряду Уральского Управления ГВФ, который насчитывал всего 4 исправных борта По-2. К концу года их стало 7, кроме того, поступило 3 санитарных самолета С-2. Летный состав – 15 человек. За 1947 г. По-2 Пермского авиаотряда перевезли 1 000 пассажиров (примерно по 50 на машину). Уже к началу 50-х гг. отряд состоял из 3-х авиа звеньев, летно-подъемный состав насчитывал девятнадцать пилотов, среди которых была одна женщина. 13 пилотов летали на местных воздушных линиях, шестеро – в санитарной авиации. Самолетно-моторный парк насчитывал уже 15 машин. Расширялась сеть местных аэродромов. Были подготовлены взлетно-посадочные площадки в Гайнах, Чердыни, Осе, Чермозе, Кудымкаре, Щучьем Озере, Соликамске, Косе, Ныробе, Барде.

В начале 1950-х гг. пермский авиаотряд уже получал новейшие по тем временам Ан-2 и Як-12. Тем не менее, устаревшие По-2 продолжали активно использоваться. Случались и летные происшествия. Например, летом 1955 г. в пос. Ныроб при взлете самолет По-2Л задел элероном правой нижней плоскости за рога коровы, оказавшейся на взлетно-посадочной площадке. Самолет сделал круг и произвел вынужденную посадку на аэродром вылета.

В 1957 г. пермский аэровокзал был перенесен на Бахаревку [1, с. 63]. Там работали 250 человек, а самолетный парк составлял 34 машины. Отсюда ежедневно вылетало несколько десятков самолетов. Авиарейсы выполнялись не только по территории Пермской области, но и в Томск, Ленинград, Москву и Алма-Ату.

В поселки Чердынского района каждый день отправлялось по 6–7 рейсов. Тарифы на перевозки пассажиров варьировались в зависимости от сезона («с 25 января на северные направления Пермской области введены сниженные сезонные тарифы: от Ныроба до Соликамска за 45 руб. вместо 90 руб., от Ныроба до Перми за 115 руб. вместо 160 руб.») [9, с. 5].

На 3-хместном самолете «ЯК», летающем по маршрутам «Ныроб–Чусовское» и «Ныроб–Русиново» доставлялась почта, медикаменты, приборы, а также свежие овощи и фрукты. Также упоминается быстрая транспортировка пострадавшего со сломанной ногой в районную больницу [10, с. 3]. Малая авиация также осуществляла аэросев хвойных деревьев в труднодоступных районах. На выбранных участках лесники устанавли-

вали сигнальные визиры и самолеты при помощи высевающего аппарата сбрасывали на них семена [11, с. 3].

В ныробском аэропорту был зал ожидания на 20 мест, но иногда желающих улететь набиралось больше 100. В газетах также упоминается, что средства на строительство нового аэропорта отпущены, но ныробский лес-промхоз к их освоению еще не приступал [10, с. 5].

К концу 1964 г. в Прикамье насчитывалось 29 аэродромов. Из аэропорта Бахаревка на самолетах Ан-2 можно было добраться практически в любой райцентр или город области.

Полеты до Перми осуществлялись на самолетах ЛИ-2, АН-2 и ЯК-12, а также на вертолетах МИ-1 и МИ-4. Ежедневно авиацией перевозили 38–40 пассажиров до Керчево, Ольховки, Ныроба, Соликамска, Перми. Также в газетах упоминается персональный состав [12, с. 5].

В 1967 г. АН-2 совершал ежедневные перелеты по маршруту Пермь–Ныроб [3, с. 3]. «Дождливая погода им не помеха, еще минута в запасе до приземления осталась, точно по графику идут, молодцы пилоты... За полугодие перевезли 3 075 человек, в день улетает более 40 пассажиров» [13, с. 4].

О буднях Ныробского аэропорта писали: «Новое здание Ныробского аэропорта стоит в стороне от дороги. В зале ожидания современная мебель, большие окна. Для пассажиров с детьми создана отдельная комната, работает буфет, камера хранения вещей... За полгода перевезено 38 тыс. кг почты, 14 тонн грузов и 8 000 человек. Ежедневно из Ныроба по различным направлениям улетает и прилетает 130–170 человек. Особенно большая нагрузка на аэропорт в летние месяцы, когда жители стараются отдохнуть на море...» [15, с. 3].

Регулярно в чердынских газетах публиковались заметки о числе пассажиров, расписании рейсов («только за июль 1969 г. было отправлено 3 200 пассажиров, план перевыполнен на 158 %»), особенностях покупки билетов («билеты в кассе за 15 минут до вылета и в трансагентстве за 10 дней до вылета»). В 1972 г. из Ныробского аэропорта ежедневно улетало более 130 человек. За полугодие он занял первое место среди аэропортов местных воздушных линий Пермской области (10 лет назад в год перевозилось всего 8 000 пассажиров, теперь – 23 000). Самолеты с почтовой корреспонденцией летали не только в Пермь и Чердынь, но и в Русиново и Чусовское [16, с. 3; 17, с. 1; 18, с. 3; 19, с. 3; 20, с. 1; 21, с. 1].

В 1973 г. появились вертолетные рейсы, соединяющие Вишеру и Ныроб, полеты совершались на вертолете М-1. Исследовательские экспедиции доставлялись в любую точку северного Урала. Рейс из поселка Петрецово приземлился прямо на Троицком холме в Чердыни.

В газетах 1974 г. упоминается, при плане 2 700 пассажиров в месяц было перевезено 3 788, а также за второй квартал перевыполнен план грузоперевозок на 2,9 тонны, а также на 600 кг. почты [22, с. 5].

1975 г. Здание Чердынского аэропорта невелико, но оборудовано буфетом, в котором можно приобрести горячие пирожки, газированную

воду, котлеты. С каждым годом увеличивается грузооборот аэропорта. За 7 месяцев текущего года он достиг 6 600 пассажиров и 140 тонн грузов [22, с. 3; 23, с. 5].

Так, воздушный транспорт становится для жителей Чердынского района наиболее популярным. «За три квартала из нашего аэропорта отправлено самолетом 9 740 пассажиров, что по сравнению с прошлым годом больше на 2740 человек, а за 10 месяцев – на 450 человек больше годового задания» – рассказывает начальник аэропорта Н. Шадрина» [24, с. 1; 25, с. 3].

Помимо Чердынского и Ныробского аэропортов, встречаются статьи о буднях Керчевского. По сравнению с Чердынским, объем перевозок был невелик, но жители поселка не мыслили себя без него. «Отсюда самолет за час доставляет пассажиров до Перми, менее чем за полчаса до Соликамска, и менее чем за 15 минут до Усть-Уролки. Здесь же приземляются вертолеты с геологами, лесопатрульные, а также по срочным делам медицинской службы». «Начальник аэропорта Владимир Титович Малушко рассказал, что за 7 месяцев текущего года отправлено более 2 тысяч пассажиров и 19 тонн почты. А в прошлом году грузооборот почты составил почти 42 тонны. Пока здание аэропорта на ремонте, службы расположились во временном «бамовском» домике» [26, с. 1].

В 1980-е гг. из Перми самолеты летали в Красновишерск, Кудымкар, Куеду, Березники, Чердынь, Уинское и в другие населенные пункты. Билеты покупали в авиакассах на улице Крисанова. Например, до Чернушки в конце 1980-х билет стоил 10 руб., до Гайн – 13 руб. [1, с. 83].

В статье 1981 г. говорится, что Чердынский аэропорт внес немалый вклад в развитие Пермских авиаперевозок. План одиннадцатой пятилетки выполнен в октябре [27, с. 5].

Упоминаются и курьезные случаи. Например, Г. Н. Чагин вспоминает рассказ Павла Ивановича Пашина (1914 г.р.) о том, как он нашел себе невесту в п. Курья и договорился с пилотами вертолета за 5 шкурок куниты слетать посвататься. Однако невеста ему не понравилась, и время, отведенное пилотами, вышло, поэтому пришлось возвращаться домой без жены, а шкурки за перелет отдать. Также Г. Н. Чагин вспоминает, как мальчику из д. Нюзим срочно потребовалась операция и его вертолетом транспортировали в Чердынскую больницу в хирургическое отделение, благодаря чему спасли ребенка [3, с. 231].

В 1982 г. появился отдельный почтовый рейс Русиново–Чусовское–Ныроб–Чердынь–Пермь, полеты осуществлял МИ-2. Вертолетами перевозили в числе прочего и особые грузы, например, документы с выборов [3, с. 21].

В октябре 1983 г. состоялся первый вылет самолета АН-2 из аэропорта «Березники» в поселок Чепец. Также 1 раз в неделю организован рейс АН-2 из Троицка-Печерского до аэропорта Курья и оттуда в Петрецово [3, с. 23].

В 1984 г. самолетами Ан-24 и Ан-2 из аэропорта Березники можно было добраться до пос. Гайны, Коса, Кудымкар, Ныроб, Чердынь, до малых населенных пунктов (Керчевский, Красный берег, Пильва, Русиново, Чусовское) [3, с. 27].

В 1985 г. пропускная способность ныробского аэропорта – 1 500 пассажиров в месяц и с этим планом аэропорт успешно справлялся, также аэропорт занял 1 место среди местных воздушных линий [29, с. 3].

В 1988 г. коллективу ныробского аэропорта вручено переходящее Красное знамя второго пермского авиаотряда и вымпел за победу в социалистическом соревновании. За 1987 г. они перевезли более 21 тысячи пассажиров и почти 400 тонн грузов, а также 170 тонн почты [30, с. 2; 31, с. 3]. В 1989 г. только за 1 день улетело 65 человек [32, с. 5].

Малая авиация активно использовалась для патрулирования лесов («пожарная авиа лесоохрана за год потушила 57 пожаров»), перевозки туристических групп («в июне 1991 г. группа чердынских десятиклассников совершила путешествие на вертолете МИ-8 на плато Мань-Пупы-Нер. Стоимость провоза одного человека с багажом обошлась в 50 руб.») [33, с. 3].

В августе 1991 г. происходит первое повышение цен на авиабилеты. Это сразу сказывается на количестве перевозимых пассажиров. Так, в газете приводится пример Керчевского аэропорта, который за 7 месяцев перевез 1 990 пассажиров, что на 1 042 меньше соответствующего периода прошлого года. А в Чердынь из Керчево прилетело всего 54 человека, в то время как в прошлом (1990) году услугами этого маршрута воспользовались 255 пассажиров. Цена билетов от Чердыни до Керчево возросла в 11 раз! При этом от продажи дорогих билетов выручили больше на 6 000 руб., хоть и потеряли в количестве пассажиров [34, с. 3; 35, с. 5].

В 1992 г. произошло новое резкое повышение цен на авиабилеты. В конце мая полет от Чердыни до Перми стоил уже 180 руб. В Чердынском аэропорту произошло сокращение персонала. Н. Н. Шадрин ездила в Пермь на встречу с начальником второго Пермского авиаотряда В. А. Шубиным, т. к. угроза сокращения нависла и над работниками других аэропортов, а это равнозначно их закрытию. Как тогда добираться в северные поселки, где нет иного пути, кроме воздушного сообщения? В кассах авиаотряда не было денег даже на выплату зарплаты сотрудникам. Рейсов из Чердыни нет, работает только Ныробский аэропорт.

В этом же году руководителям Бахаревского аэропорта пришло необычное письмо. Глава администрации поселка Верхняя Колва И. В. Ассанов просил не прекращать полетов в этот изолированный бездорожным угол. Коммерческий директор аэропорта Карякин возмущается тем, что аэропорт фактически разорен из-за высоких цен на горючее. Убытки составляют 30 млн.руб. Цены на горючее снова взлетели с 9–11 тыс. руб. за тонну до 22 тыс. за 1 неделю. Полеты на расстояние свыше ста километров стали убыточны [35]. Ныробский аэропорт с трудом, но еще осуществлял перевозки пассажиров в Чусовской, Верхнюю Колву и Русиново, но зачастую самолеты отправлялись пустыми [36, с. 1; 37, с. 1].

В 1993 г. корреспонденты побывали в аэропорту Бахаревка: там не было денег на запчасти, половина вертолетов стояла на приколе [38, с. 3].

В редакцию чердынской газеты обратились читатели с вопросом: почему отменены рейсы из Чердынского аэропорта? Н. Шадрина отвечала: «В аэропорту произошло сокращение персонала. Теперь я и за начальника, и за сторожа, и за уборщицу. А недавно приболела и пришлось на несколько дней временно закрыть аэропорт, т. к. заменить меня было некому. Не хотелось бы расстраивать пассажиров, но плата за билет по тарифу составляет 25 230 рублей за билет. Однако за счет дотаций Пермского облисполкома цена для пассажиров пока остается стабильной – 6 850 рублей. Но это лишь до января 1994 года» [38, с. 3].

В 1994 г. никто не хотел летать – цена билета составляла 25 200 руб. Рейсы отменялись, но аэропорт продолжал работать с надеждой, что это временные трудности [39]. С пятницы 9 декабря аэропорт пребывал «в замороженном» состоянии. В помещении, где сидит Н. Шадрина, минус 10 градусов. Перестали поступать дотации из областного и местного бюджетов, и цена на авиабилеты резко подскочила. Например, билет из Чердыни до Перми стоил 75 800 руб. Регулярно из Перми летали лишь пара рейсов – в Ныроб–Чердынь и Гайны. 70 % пилотов попали под сокращение. И еще: в Пильву, Ольховку и Чепец в межсезонье кроме как на самолетах никак не попасть, плюс доставка почты – без авиации никак не обойдешься! [38, с. 3; 39, с. 3].

В 1995 г. в Чердынском районе было два действующих аэропорта – в Чердыни и Нырое. Начальник Ныробского аэропорта В. В. Миклин рассказывал: «За первое полугодие мы перевезли 1 600 пассажиров. Грузов в неделю 150 кг почтового и по 2 тонны грузов торговых фирм. Ежедневно делается один рейс до Перми (стоимость билета – 125 тысяч рублей) и по маршруту Чусовской–Русиново–Верхняя Колва. Летают «на верха» по 3–4 человека. В аэропорту постоянно базируется два самолета АН-2 и один вертолет. Кроме этого базируются ведомственные вертолеты. За счет этого и выживаем. В аэропорту сейчас работает 11 человек персонала. А вот в Чердынском аэропорту работают только начальник и сторож, остальные ставки сокращены. С февраля по май аэропорт вообще не работал, соответственно и показатели низкие – за полгода 47 пассажиров и 30 кг багажного груза» [40, с. 3]. В дальнейшем Чердынский аэропорт будет закрыт.

Список источников

1. Ивашкевич В., Гриф М. Самолеты пермского неба: История становления гражданской авиации в Перми. 1910–1970 годы. Пермь: Продюсерский центр «Траектория», 2013. 159 с.

2. Чагин Г. Н. Колва, Чусовское, Печора: путевые дневники от 1965 до 2013 года. Пермь: Пушка, 2023. 538 с.

3. Пильняк Б. Россия в полете. М.; Л.: Московский рабочий, 1926. 52 с.

4. // «Северная коммуна». 1931. – 12 августа. / Архив Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина (далее – Архив ЧКМ).
5. // «Северная коммуна». 1936. – 30 января. / Архив ЧКМ.
6. // «Северная коммуна». 1936. – 30 июня. / Архив ЧКМ.
7. // «Северная коммуна». 1938. – 21 август. / Архив ЧКМ.
8. // «Северная коммуна». 1940. – 21 августа. / Архив ЧКМ.
9. // «Северная коммуна». 1960. – 10 февраля. / Архив ЧКМ.
10. // «Северная коммуна». 1962. – 6 января. / Архив ЧКМ.
11. // «Северная коммуна». 1962. – 9 апреля. / Архив ЧКМ.
12. // «Северная Звезда». 1966. – 18 августа. / Архив ЧКМ.
13. // «Северная Звезда». 1967. – 8 июля. / Архив ЧКМ.
14. // «Северная Звезда». 1968. – 9 апреля. / Архив ЧКМ.
15. // «Северная Звезда». 1968. – 17 августа. / Архив ЧКМ.
16. // «Северная Звезда». 1969. – 16 августа. / Архив ЧКМ.
17. // «Северная Звезда». 1970. – 19 мая / Архив ЧКМ.
18. // «Северная Звезда». 1971. – 25 февраля. / Архив ЧКМ.
19. // «Северная Звезда». 1971. – 24 мая. / Архив ЧКМ.
20. // «Северная Звезда». 1972. – 19 августа. / Архив ЧКМ.
21. // «Северная Звезда». 1974. – 15 июня / Архив ЧКМ.
22. // «Северная Звезда». 1974. – 17 августа. / Архив ЧКМ.
23. // «Северная Звезда». 1975. – 16 августа. / Архив ЧКМ.
24. // «Северная Звезда». 1976. – 14 августа. / Архив ЧКМ.
25. // «Северная Звезда». 1976. – 7 ноября. / Архив ЧКМ.
26. // «Северная Звезда». 1978. – 19 августа. / Архив ЧКМ.
27. // «Северная Звезда». 1981. – 14 ноября. / Архив ЧКМ.
28. // «Северная Звезда». 1988. – 17 августа. / Архив ЧКМ.
29. // «Северная Звезда». 1985. – 30 ноября. / Архив ЧКМ.
30. // «Северная Звезда». 1988. – 13 февраля. / Архив ЧКМ.
31. // «Северная Звезда». 1988. – 20 февраля. / Архив ЧКМ.
32. // «Северная Звезда». 1989. – 19 августа. / Архив ЧКМ.
33. // «Северная Звезда». 1991. – 18 июля / Архив ЧКМ.
34. // «Северная Звезда». 1991. – 13 августа. / Архив ЧКМ.
35. // «Северная Звезда». 1991. – 3 ноября. / Архив ЧКМ.
36. // «Северная Звезда». 1992. – 26 мая / Архив ЧКМ.
37. // «Северная Звезда». 1992. 13 августа. / Архив ЧКМ.
38. // «Северная Звезда». 1993. – 9 ноября. / Архив ЧКМ.
39. // «Северная Звезда». 1994. – 20 декабря. / Архив ЧКМ.
40. // «Северная Звезда». 1995. – 22 августа. / Архив ЧКМ.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИСТЕМ РЕЛЕЙНОЙ ЗАЩИТЫ И АВТОМАТИКИ

Аннотация. В настоящей работе, основанной на анализе научной литературы, предпринимается попытка рассмотреть ключевые особенности и основные этапы исторического развития устройств релейной защиты и автоматики, предназначенных для обеспечения безопасности и надежности объектов электроэнергетического сектора.

Ключевые слова: электроэнергетика, электрооборудование, РЗА, реле, исторические аспекты, перспективы развития

Abstract. This paper, based on the analysis of scientific literature, attempts to review the key features and main stages of the historical development of relay protection and automation devices designed to ensure the safety and reliability of electric power sector facilities.

Keywords: electric power industry, electrical equipment, RPA, relays, historical aspects, development prospects

Релейная защита и автоматика (РЗА) – это комплекс устройств, которые обеспечивают безопасность и надежность работы эксплуатируемых электроэнергетических систем. РЗА выполняет функции обнаружения и устранения аварийных ситуаций, таких как короткие замыкания (КЗ), перегрузки, обрыв проводов и нарушения режимов работы электрооборудования.

В настоящее время существует огромное количество типов устройств РЗА, имеющих различные функции, назначение и принцип работы: максимальная токовая защита (МТЗ), дифференциально-фазная защита (ДФЗ), газовая защита (ГЗ), дистанционная защита (ДЗ), логическая защита шин (ЛЗШ), автоматическое повторное включение (АПВ), автоматическая частотная разгрузка (АЧР) и др. Каждый вид РЗА имеет свои особенности и применяется в зависимости от конкретных условий эксплуатации электроэнергетической системы. Правильный выбор и настройка РЗА позволяют обеспечить надежную и безопасную работу современных систем электроснабжения. Как правило, сегодня используются микропроцессорные устройства, однако их возникновению предшествовала продолжительная история развития РЗА [1, с. 143].

Цель работы – проанализировать историю развития сферы РЗА, начиная с первых попыток создания подобных систем, основанных на электромеханических реле, и заканчивая современными технологиями и устройствами защиты.

Первые устройства релейной защиты появились в конце XIX в. благодаря работам отечественного исследователя, изобретателя и инженера в области электротехники М. О. Доливо-Добровольского. Он разработал первые образцы высоковольтных выключателей и электромеханических реле, которые реагировали на изменение тока или напряжения в электрической сети. Эти устройства были просты в конструкции и надежны в работе, но имели ограниченные возможности по сравнению с современными системами РЗА. Благодаря наработкам ученого в начале XX века стали использоваться индукционные реле, реагирующие на увеличение тока при КЗ [2, с. 39].

В 1905–1908 гг. были разработаны токовые дифференциальные защиты, обеспечивающие абсолютную селективность и быстродействие. Затем появились новые типы РЗА, такие как токовые направленные защиты, а также реле сопротивления и прототипы дистанционных защит, которые позволяли более точно и быстро обнаруживать аварийные ситуации и принимать меры по их устранению.

В 20-х гг. XX в. началось активное развитие исследований о РЗА, выходили соответствующие научные публикации. В дальнейшем происходило стремительное улучшение технических характеристик устройств защиты [3, с. 361].

В СССР системы РЗА получили широкое распространение в 1930-е гг. Были созданы специализированные организации, занимающиеся разработкой и внедрением данных устройств. Началось проектирование инновационных типов реле, таких как реле времени, реле мощности и реле сопротивления. Последние позволили создать более сложные и эффективные системы защит.

Во время Великой Отечественной войны релейная защита сыграла важную роль в обеспечении бесперебойной работы электроэнергетических систем. Устройства РЗА предотвращали аварии в советской энергосистеме, вызванные воздушными бомбардировками противника и другими военными действиями.

После войны развитие РЗА продолжилось. В 50-х гг. появились новые типы реле на основе использования волновой защиты, предложенной советскими учеными под руководством И. Н. Попова.

В 60-х гг. XX в. началась активная разработка микроэлектронных реле, что позволило значительно уменьшить габариты и повысить надежность устройств РЗА.

В 70-х гг. стали применяться микропроцессорные технологии для реализации функций РЗА. Они существенно улучшили точность и быстродействие защит, а также расширили их функциональные возможности.

В 80-х гг. инженеры приступили к тестовому внедрению цифровых комплектов РЗА, которые позволили объединить различные виды защит в единую систему с централизованным управлением и контролем.

В 90-х гг. XX в. произошел массовый переход от аналоговых систем РЗА к цифровым, которые обеспечивали высокое качество измерений

и обработки информации, а также возможность интеграции с другими системами автоматизации и управления [4, с. 106].

В XXI в. развитие РЗА происходит особенно интенсивно. Внедряются новые технологии и решения, такие как волоконно-оптические датчики, беспроводные системы передачи данных и виртуальная реальность для обучения персонала. Эти технологии позволяют обнаруживать повреждения изоляции и другие неисправности, которые невозможно определить с помощью традиционных методов. Современные устройства РЗА обладают высокой точностью, быстродействием и гибкостью настроек, что гарантирует возможность успешной реализации процессов по адаптации их работы к различным условиям эксплуатации и требованиям безопасности [5, с. 788].

Важным направлением последующего развития РЗА является их интеграция с другими системами управления и мониторинга, такими как SCADA (диспетчерское управление и сбор данных), DCS (распределенная система управления) и MES (управление производственными процессами). Уже сегодня активно разрабатываются методы и алгоритмы для самообучения и самодиагностики, которые открывают возможности автоматического выявления и устранения возможных неисправностей и ошибок в работе обозначенного оборудования. Также внедряются новые типы датчиков и исполнительных механизмов, которые позволяют повысить эффективность функционирования защит. Еще одним из перспективных направлений развития систем РЗА в настоящее время является использование технологий искусственного интеллекта, машинного обучения и больших данных. Эти инновационные подходы позволят системам РЗА самостоятельно принимать решения о срабатывании на основе анализа огромного массива технологической информации [6, с. 24].

Исследователи отмечают, что в будущем развитие РЗА будет направлено на создание интеллектуальных систем, способных самостоятельно анализировать данные и принимать решения в режиме реального времени. Продолжат развиваться беспроводные технологии для передачи данных и управления системами РЗА на расстоянии, что, как ожидается, упростит монтаж и обслуживание оборудования. Важной задачей станет обеспечение безопасности и конфиденциальности передаваемых данных, а также защита от кибератак и несанкционированного доступа к цифровым устройствам РЗА [7, с. 29].

Таким образом, история развития РЗА насчитывает более ста лет и продолжается по сей день. Как показал анализ, системы защиты и автоматики, а также сами устройства реле, непосредственно используемые для корректного функционирования первых, постепенно совершенствовались и усложнялись с каждым десятилетием. В работе выявлено, что современные системы РЗА представляют собой многофункциональные комплексы устройств, способные эффективно, быстро и точно обнаруживать, и устранять различные аварийные ситуации, такие как КЗ, перегрузки, обрывы проводов, повреждения изоляции. Нынешние аппараты РЗА характе-

ризуются наличием следующих преимуществ: высокая надежность работы; простота обслуживания; возможность интеграции с другими системами автоматизации; возможность удаленного управления и мониторинга. Исследование показало, что развитие систем РЗА продолжается и в настоящее время. Ученые и инженеры работают над созданием новых алгоритмов и методов прогнозирования, обнаружения и устранения повреждений на линиях электропередачи, а также над улучшением функционала существующих устройств РЗА.

Список источников

1. Рахматуллин С. С. К вопросу о важности техобслуживания микропроцессорной релейной защиты в электроэнергетике / С. С. Рахматуллин // Академическая публицистика. 2024. № 4. С. 143–145.
2. Жумабаев А. Ж. История микропроцессорной релейной защиты // Вестник Казахской академии транспорта и коммуникаций им. М. Тынышпаева. 2012. № 6. С. 38–42.
3. Абрамов А. Е., Лопатин Е. И. История развития релейной защиты и автоматики. Пути развития и совершенствования // Новые технологии в учебном процессе и производства. 2018. № 1. С. 360–362.
4. Глазырин А. В. Чебоксары-центр релестроения страны: история становления // Актуальные вопросы энергетики. 2020. № 2. С. 105–107.
5. Скидан А. А. Этапы развития релейной защиты / А. А. Скидан, И. А. Майоров // Актуальные проблемы науки и техники. 2020: Материалы национальной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 25–27 марта 2020 года / Отв. редактор Н. А. Шевченко. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2020. С. 788–789.
6. Перейра А. Т. Человеческие факторы, влияющие на надежность РЗА / А. Т. Перейра, Л. А. Лисбоа // Релейщик. 2021. № 1. С. 22–27.
7. Илюшин П. В., Небера А. А., Федоров О. А. Перспективы развития и инструменты автоматизации задач эксплуатации устройств РЗА // Релейная защита и автоматизация. 2017. № 2. С. 28–37.

Т. П. Урожаева

Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия

ИРКУТСКИЙ ПЛАНЕТАРИЙ: ОТ ПРОШЛОГО К СОВРЕМЕННОСТИ (1950–2023 ГГ.)

Аннотация. В статье проведен анализ создания и функционирования планетариев в г. Иркутске. Первый Иркутский планетарий открылся в марте 1950 г. Планетарий проработал в Троицкой церкви до 1986 г. Церковь закрылась на реставрацию, и была справедливо возвращена своему законному владельцу. В 2006 г. инициативная группа учредила ООО «Иркутский планетарий», была подана заявка на выделение земельного участка под строительство планетария. К 2023 г. в Иркутске работало четыре планетария: три школьных и один частный.

Ключевые слова: планетарий; Троицкая церковь; аппарат «Карл Цейс»; обсерватория; купол; телескоп

Abstract. The article analyzes the creation and functioning of planetariums in Irkutsk. The first Irkutsk Planetarium opened in March 1950. The planetarium worked in Trinity Church until 1986. The church was closed for restoration, and was fairly returned to its rightful owner. In 2006, the initiative group established Irkutsk Planetarium LLC, and an application was submitted for the allocation of a land plot for the construction of a planetarium. By 2023, four planetariums were operating in Irkutsk: three school and one private.

Keywords: planetarium; Trinity Church; Carl Zeiss apparatus; observatory; dome; telescope

В Иркутске никогда раньше не строили для планетария отдельного здания. Еще до революции появилась астрономическая будка на нынешнем здании Иркутского областного краеведческого музея, похожую в 1949 г. сотрудники астрономической обсерватории ИГУ вместе с кружком юных астрономов хотели возвести на Дворце пионеров и даже передали во дворец один из телескопов.

Первый Иркутский планетарий в Троицкой церкви открылся 4 марта 1950 г. После открытия звездного зала в 1950 г. в Троицкой церкви, первый аппарат был совсем простеньким, сделанным в Экспериментальных мастерских Московского планетария. Такие аппараты П-3 изготавливались специально для региональных планетариев, поскольку у Москвы не было средств закупить всем желающим городам совершенные аппараты Цейса [1, с. 3].

Иркутский областной планетарий, открытый в здании Троицкой церкви, построен был по типу московского и оборудован новейшей на то время аппаратурой. Одновременно в звездный зал могли попасть 120 чел. За первые 8,5 мес. существования планетарий провел 579 сеансов и принял

38,1 тыс. чел. Причем ехали со всей Сибири и даже с Дальнего Востока, ведь других планетариев за Уралом не было. Уже в апреле 1951 г. из Москвы были получены новые цветные диапозитивы и звуковая киноустановка. Вскоре купили теллурий и миниатюрные телескопы. Лекции записывались по новой моде – «с помощью звукозаписывающего аппарата «Магнитофон» [2, с. 3].

Так или иначе, но к 1954 г. иркутский планетарий уже вовсю помогал слушателям «вырабатывать единственно научное марксистско-ленинское мировоззрение». Сотрудники в этот год прочитали 600 лекций в Иркутске, Черемхове, Нижнеудинске, Тулуне, Тайшете, которые посетили 50 тыс. чел.

В 1960 г. в Иркутском планетарии был установлен усовершенствованный УП-4. Он уже был более качественным и совершенным, снабжен «меридиан-аппаратом», который позволял зрителям «путешествовать» по местному, иркутскому, меридиану с севера на юг или с юга на север синхронно с движением планетария. А в 1967 г. появился, наконец, аппарат «Малый Цейс», купленный специально к 50-летию Октября [3, с. 2].

В 1970 г., когда Иркутский планетарий отметил свое 20-летие, к нему на территории Сибири и Дальнего Востока прибавился только один планетарий – барнаульский. К этому моменту в Иркутском планетарии было прочитано 17 тыс. лекций, которые посетили 1,1 млн чел. Более 27 тыс. лекций в первое 20-летие лекторы планетария прочли «на выезде» – в колхозах, на заводах, в полях. Лекторы того времени были великими энтузиастами, их имена, наверное, хорошо было бы увековечить в новом планетарии. Среди них те, кто был первым: Г. Люшин, братья В. И Г. Цепурицы, А. Селезнев, С. Филиппов [4, с. 3].

Планетарий проработал в Троицкой церкви до 1986 г. [5, с. 4]. Церковь закрылась на реставрацию, и была возвращена православной общине. Планетарий закрылся, прибор удалось сохранить энтузиастам, а все научные материалы погибли вместе с обществом «Знание». И с тех пор все попытки вернуть иркутянам «звездное небо над головой» разбивались о бюрократические препоны [6, с. 3].

Преподавание астрономии в школах давало некоторые сведения о Вселенной, но закрепить их, помочь воссоздать в воображении живую, яркую картину мироздания мог только планетарий с его почти безграничными возможностями [7, с. 4].

Построить планетарий к 350-летию Иркутска предлагала инициативная группа, учредившая ООО «Иркутский планетарий». Общественники предлагали городским властям включить этот объект в план подготовки к юбилейным торжествам. Частный инвестор заявил, что готов вложиться в строительство. Дело оставалось за малым – выделить землю.

В 2006 г. инициативная группа учредила ООО «Иркутский планетарий», была подана заявка на выделение земельного участка под строительство планетария. Одна из иркутских фирм заявила, что согласна быть инвестором первой очереди строительства планетария. Стоимость здания

с 12-метровым куполом вместе с оборудованием составило около 150 млн. руб. Место площадки не называлось. Проблема заключалась еще и в том, что, если земля выделялась не целевым образом под планетарий, участок был выставлен на торги, и ООО «Иркутский планетарий» мог их не выиграть [8, с. 4].

И вот в 2010 г. случился прорыв. Сработал загадочный Патомский кратер. В очередную экспедицию к этому необычному геологическому объекту в Витимской тайге отправилась экспедиция во главе с известным политиком С. Мироновым. С ними был и основатель группы компаний «Метрополь» М. Слипенчук, который только что завершил грандиозный проект «Миры» на Байкале». И вот у костра на Патомском кратере Д. Семенов и рассказал С. Миронову, что они мечтают построить планетарий, но денег нет. М. Слипенчук слушал, слушал и вдруг заявил: «Да построю я планетарий!» [9, с. 4].

Задачу возродить планетарий астрономы считали выполнимой.

– Сейчас принято все сваливать на кризис, вроде бы не до астрономии, – отметил С. Язев. – Между тем планетарий в Иркутске открылся в послевоенном 1949 г. Тоже, скажем, не самое простое время было. Зато было понимание необходимости этой науки [10, с. 4].

В 130 квартале Иркутска предполагали открыть музей «Ноосфера», в котором разместились материалы трех экспедиций «Миров» на Байкале и городской планетарий. Оплату проекта, который стоил не менее 3 млн. долл., выразила готовность взять на себя группа компаний «Метрополь». Глава «Метрополя» М. Слипенчук официально заявил о старте проекта.

«Стоимость оборудования сопоставима с ценой строительства, – сказал Д. Семенов. – Не исключено было, что могло быть и дороже. Проекты такого уровня стоили от десятка тысяч долларов и выше». По оценкам М. Слипенчука, себестоимость 1 м² на купленном участке в 130-м квартале – до 2 тыс. долл., плюс нужно было закупить оборудование. «Будем считать так: проект был рассчитан на сумму до 3 млн. долл., – сказал глава компании «Метрополь» [11, с. 3].

Главным архитектором проекта здания, которое в 130 квартале было обозначено кодовым названием «участок № 20», стала известный иркутский архитектор Е. Григорьева. По идее М. Слипенчука, историческое здание в 130 квартале должно было вмещать не только планетарий, но и музей «Ноосфера», рассказывающий о чудесах Байкала. М. Слипенчук был намерен вложиться только в реконструкцию здания, под покупку оборудования, которое оценивалось в 2–3 млн. евро, авторы проекта искали спонсоров. «Нам хотелось бы приобрести 3D-студию, чтобы проводить лекции на современном уровне», – сказал Д. Семенов. Стоимость проекта оценивалась в 2–3 млн. долл. [12, с. 3].

В сентябре 2011 г. в Иркутске было возведено здание музея «Ноосфера», неотъемлемой частью которого стал планетарий. Диаметр его купола по проекту был более 9 м, в зале могли разместиться до 50 чел. Архитекторы называли работу над этим зданием «экстраординарной» – все

шаги согласовывались с московскими и зарубежными инженерами. Проекторы в таких случаях делали под индивидуальный заказ. Этим были готовы заняться специалисты завода «Барко» в Бельгии. Осталось найти деньги на оборудование.

Диаметр купола-экрана большого звездного зала Московского планетария – 25 м. У иркутского предполагалось более 9 м. В Троицкой церкви, где когда-то располагался старый планетарий, купол был 8 м. Архитекторы, конструкторы работали в Иркутске, за всю инженерию здания отвечали москвичи, они были на связи с зарубежными специалистами, производителями оборудования. Поставку оборудования осуществляла бельгийская фирма «Барко».

В строительстве участвовали федеральный, областной и местный бюджет. Задачей стало завести планетарий под федеральную программу [13, с. 3].

Как сообщили в конце августа 2011 г. на оперативном штабе по подготовке к 350-летию, был готов первый, или цокольный, этаж планетария. «Каркас уже стоял, армирование было выполнено, – сообщили в руководстве строительной компании «Фотон». Затем началась заливка купола бетоном, на субподряде было предприятие «Иркут-Инвест».

Большой проекционный купол диаметром около 9 м, что разместился внутри силового бетонного, делала компания «Астротек» (США). Поставкой купола-экрана и проекционного оборудования фирмы «Барко» в Россию занималась компания «Литаком», официальный дилер Panasonic [14, с. 3].

Д. Семенов надеялся, что к концу 2011 г. астрономическая обсерватория уже смогла открыть двери. А вот с планетарием до сих пор было не понятно. Здание строилось, однако кто будет финансировать покупку оборудования, пока не было известно. Его стоимость составила около 300 млн. руб. [15, с. 4].

Проекционный купол поставила компания «Астротек» (США), и его был намерен оплатить «Метрополь». Однако планетарию нужен был комплект проекционного оборудования – внутри купола должно быть установлено шесть проекторов плюс программное обеспечение, образующее единую «картинку».

Это был первый частный планетарий на территории России, что было обидно для мощного астрономического региона, где на базе ИСЗФ несколько астрономических обсерваторий мирового класса, а четыре наших земляка стали космонавтами», – сказал Д. Семенов [16, с. 3].

В апреле 2012 г. купол диаметром 4,2 м был установлен на обсерватории иркутского планетария. Вопрос что будет с самим залом планетария так и оставался нерешенным. На закупку оборудования нужно было около 120–190 млн. руб. В конце апреля 2012 г. в Иркутск приезжал гендиректор группы компаний «Метрополь» М. Слипенчук. Он был намерен встретиться с губернатором Иркутской области Д. Мезенцевым и обсудить вопросы финансирования «начинки» планетария [17, с. 4].

Компания «Метрополь» перечислила 49 млн. руб. на оборудование объекта, из них 12 млн. ушли на создание музея «Ноосфера», 16 млн. – на покупку купольного экрана планетария, системы пространственного озвучивания, оборудования для контурного освещения и специальных кресел. Купольный экран стоимостью 422,4 тыс. евро был выполнен из перфорированного алюминия. Изготавливался он под цифровой планетарий *Barco I-Dome InSpace 6ch* американской фирмой *Astro-Tec*. Куплены были и система пространственного озвучивания стоимостью 51,7 тыс. евро, и оборудование для контурного освещения – 66,1 тыс. евро. Привезли 60 кресел для звездного зала, спинки которых двигались так, чтобы зрители могли смотреть на изображение под наклоном 30 градусов выше линии горизонта.

Глава компании «Метрополь» М. Слипенчук, будучи в Иркутске в апреле 2012 г., заявил, что свою часть работы он выполнил – построил здание – и даже перевыполнил: закупил проекционный купол и часть оборудования для планетария и все оборудование для музея «Ноосфера». Однако оставлять планетарий в недоделанном виде – значит лишать его смысла [18, с. 3].

В декабре 2012 г. 42-летний Б. Гласс, гражданин США, в Иркутск прибыл с ответственной миссией. Он осуществлял шеф-монтаж проекционного купола иркутского планетария. 9-метровый купол был изготовлен американской фирмой *Astro-Tec*, супервайзером которой Б. Гласс и являлся.

К новому 2013 г. здание комплекса «Ноосфера» собирались сдать в эксплуатацию.

«После Нового года мы сможем начать работать с телескопом, – говорил Д. Семенов. – Люди смогут посмотреть на Луну, планеты. А если будет хорошая погода, то и на звезды». Ближе к весне 2013 г. должен открыть двери мультимедийный музей «Ноосфера», который разместился в помещении по периметру звездного зала [19, с. 4].

В марте 2013 г. судьба Иркутского планетария оставалась под вопросом. Глава группы компаний «Метрополь» М. Слипенчук, несколько месяцев ведущий переговоры с областными властями о возможном софинансировании проекта, сообщил «Иркутскому репортеру», что музейно-планетарный комплекс будет открыт в мае 2013 г. Организаторы проекта рассматривали несколько вариантов закупки оборудования, которое было в разы дешевле – 15–20 млн. руб. Но подчеркивали: этот вариант мог рассматриваться только в качестве временной замены [20, с. 2].

В декабре 2014 г. эпопея со строительством Иркутского планетария близилась к счастливому завершению. Журналистам в тестовом режиме уже представили проекционное оборудование звездного зала фирмы *Barco*. Было закуплено девять купольных фильмов – о физике черных дыр, экзопланетах, Солнечной системе. Открытие планетария для населения должно было состояться в начале 2015 г. Помимо платных сеансов, в планетарии обещали и бесплатные.

В Иркутском планетарии использовалась двухпроекторная система норвежской фирмы *Projectiondesign*, которая в 2013 г. была приобретена фирмой *Barco*. С конца ноября по начало декабря 2014 г. настройкой оборудования в Иркутском планетарии занимались французские специалисты. Они же учили группу будущих лекторов работе с оборудованием. Журналистам продемонстрировали первые итоги – работу программного обеспечения – астрономического симулятора «*Sky Explorer*» [21, с. 4].

В феврале 2015 г. основатель группы компаний «Метрополь» М. Слипенчук открыл планетарий «в рабочем режиме». Событие, которого ждали с 1986 г., свершилось. Дата открытия, 20 февраля, тоже была хорошей. Это число находилось почти посередине между двумя важными датами для иркутской астрономии. 105 лет назад, 15 февраля 1910 г., открылась астрономическая обсерватория ВСОИРГО, а 65 лет назад, 4 марта 1950 г., заработал первый Иркутский планетарий. 19 апреля состоялась торжественная церемония открытия с участием космонавтов [22, с. 3].

За год планетарий посетило 42,4 тыс. чел. Если сравнивать со старым Иркутским планетарием, открытым 4 марта 1950 г., то тогда Троицкая церковь, ставшая 66 лет назад «звездным залом», за первый год приняла 44,6 тыс. чел. Однако в тот зал вмещалось 120 гостей, сегодняшний планетарий поменьше – на 45 мест. За год в новом Иркутском планетарии побывали космонавты А. Иванишин, Ж. Гуррагча (Монголия).

В 2016 г. в Иркутском планетарии демонстрировалось 10 купольных фильмов. Одним из первых, показанных в планетарии, стал фильм «Лики Солнца», созданный совместно с Новосибирским планетарием еще до того, как открылся звездный зал в Иркутске. В ноябре 2015 г. состоялась премьера первого фильма, переведенного на русский в Иркутске, он назывался «Земля-Вселенная». Каждый сеанс в планетарии сопровождал своим рассказом лектор, штатный или внештатный.

5 марта 2016 г. на льду посередине Байкала появилась ледовая база «105-й меридиан», там были размещены телескопы Иркутского планетария, и ночью прямо на льду можно было наблюдать космические объекты, включая уже удаляющуюся комету Каталину. Тем временем команда исследователей, часть из которых представляла Иркутский планетарий, отправилась на солнечное затмение в Индонезию [23, с. 3].

15 апреля 2016 г. в Иркутске стартовала международная акция «Ночь тротуарной астрономии» под эгидой планетария и астрономической обсерватории ИГУ.

В Иркутском планетарии состоялась премьера полнокупольного фильма «Розетта» – о полете европейского космического аппарата «Розетта» к ядру кометы 67Р Чурюмова-Герасименко. «На внебюджетные средства ИГУ мы приобрели для планетария очень интересный фильм, – сказал ректор ИГУ А. Аргучинцев. – Он рассказывает о долгосрочном европейском космическом проекте, срок которого более 10 лет. Фильм создан Обществом полнокупольного кино России» [24, с. 4].

Планетарий, проектируемый в строящейся школе № 19 Иркутска, мог стать объектом общегородского значения. Мэрия рассматривала различные варианты оборудования звездного зала. Проектируемый диаметр купола планетария составил 11 м, вместимость – 60–70 чел. и больше. Зал такой вместимости мог использоваться не только для учебных целей школы, но и для проведения общегородских мероприятий. В будущем, если все реализуется, в Иркутске будут работать пять планетариев – четыре школьных, один частный.

Первый школьный планетарий появился в Иркутске в 2017 г. Иркутская школа № 69 вошла в первую десятку российских школ, где был открыт собственный планетарий.

В 2018 г. открыла двери новая школа № 19. Предполагалось, что она тоже будет с планетарием. Мэрия обсуждала вопрос об оборудовании планетария. По проекту это должен быть большой планетарий с диаметром купола до 11 м и вместимостью 60–70 чел. и более [25, с. 3].

Публичная астрономическая обсерватория открылась 14 декабря 2018 г. в Иркутском планетарии в 130-м квартале. В обсерватории появился телескоп-рефрактор, восстанавливали который сотрудники Института солнечно-земной физики СО РАН, специалисты планетария и любители астрономии более двух лет. Во время открытия обсерватории гости впервые увидели новую картину планетария «Бессмертный телескоп», а потом в башне обсерватории каждый желающий смог посмотреть на Луну.

– Это очень важное для нас событие, – сказал на открытии обсерватории директор Иркутского планетария П. Никифоров. – Завершилась работа, которая длилась более двух лет. Как и в былые времена, в 1910–1960-х и в 2015–2016 гг., в Иркутске стала работать публичная обсерватория. Это очень важно, потому что люди должны иметь возможность своими глазами увидеть наш большой мир, то, что их окружает [26, с. 3].

Большой иркутский планетарий, созданный по инициативе мэра Иркутска Д. Бердникова, открыл двери 29 января 2019 г. Планетарий в школе № 19 имел диаметр купола 11 м, и это был самый крупный и хорошо оснащенный школьный планетарий в России.

Для планетария в 19-й школе закуплены специальные сборные кресла, на которых тоже можно было лежать. В зале расположили и стационарный ряд классических стульев, но основное пространство было тем же самым трансформером: кресла можно было раскладывать, переставлять, как угодно.

– Частично мы уже можем работать и с симуляторами, – рассказывал руководитель подразделения «Планетарий» школы № 19 Д. Семенов. – Симулятор звездного неба – это компьютерная программа, которая позволяет работать с небом: показывать линии, по которым движутся небесные тела, восход, заход, эклиптику, небесный экватор, визуализировать все основные астрономические понятия, описывающие движения светил в Солнечной системе и за ее пределами.

Планетарий в 19-й школе г. Иркутска считался самым большим в стране и самым насыщенным по комплектации школьным планетарием в России.

Мэр Иркутска Д. Бердников:

«Большой иркутский планетарий, который начал работу на базе школы № 19, – это по-настоящему уникальный образовательный объект. Появление самого большого в России стационарного школьного планетария именно в нашем городе, на мой взгляд, неслучайно. Иркутск, если вы помните, стал одним из первых городов в стране, где в школы вернули уроки астрономии. Убежден, для иркутских школьников это уникальная возможность сделать шаг в большую науку!» [27, с. 3].

В июле 2019 г. звездная машина ZKP4 производства немецкой фабрики «Карл Цейсс» была установлена в Большом иркутском планетарии в школе № 19. 3 июля в Иркутск прилетел специалист «Цейсса» М. Раух. За полторы недели он смонтировал звездную машину и провел обучение сотрудников планетария. Прибор отображал 7 000 звезд Северного и Южного полушарий с таким качеством, с каким звездное небо видели космонавты на орбите Земли. В России было всего четыре таких прибора.

Большой иркутский планетарий с диаметром купола 11 м, самый крупный школьный планетарий в России, открылся в школе № 19 в январе 2019 г.

Как рассказал руководитель Большого иркутского планетария Д. Семенов, прибор рассчитан на планетарии с диаметром купола от 6 до 15 м, отображал 7 000 звезд Северного и Южного полушарий с таким качеством, с каким звездное небо видели космонавты на орбите Земли.

Параллельно над работой по созданию БИП были организованы еще два небольших школьных планетария – в школе № 69 «Эволюция» и в Лицее ИГУ [28, с. 4].

В декабре 2019 г. Иркутский планетарий и саксофонист А. Геден разработали новую авторскую программу – полнокупольный концерт «Щелкунчик». В основе концерта лежала музыка из одноименного балета П. И. Чайковского.

В 2017 г. состоялась премьера первого такого проекта – концерта «Бетховен. Симфония № 9». Он успешно звучал и звучал в Иркутске, был представлен на Международном фестивале полнокупольных программ в Чехии [29, с. 3].

В начале февраля 2020 г. П. Никифоров с коллегами отправился в Нижнеудинск и Алзамай, туда необходимо доставить телескопы в рамках проекта «Телескопы для всех». В 2019 г. на сайте *Planeta.ru* прошел сбор средств на покупку телескопов для небольших городов и поселков Иркутской области. По итогу проект «Телескопы для всех» собрал более 160 тыс. руб. Еще пять телескопов подарил проекту инвестор и визионер А. Шульгин. Телескопы были доставлены в село Белоусово Качугского района, Мишелевку Усольского района и в Киренск, в Хужир на Ольхоне.

В 2020 г. стало известно, что проект Иркутского регионального астрономического общества и Иркутского планетария «Телескопы для сибирских деревень», являющийся продолжением этой инициативы, получил поддержку *Office of Astronomy for Development (OAD)*, подразделения Международного астрономического союза [30, с. 2].

В 2021 г. на новый этап развития выходил и Большой иркутский планетарий (БИП) Из подразделения школы № 19 он превращался в муниципальное учреждение дополнительного образования, которое принимало учеников из всех школ Иркутска на дополнительные занятия по астрономии, сообщил руководитель БИП Д. Семенов. Часть занятий по договоренности с ИСЗФ будет проходить в помещениях института и в обсерваториях в Листвянке, Бадарах, Торах, Мондах [31, с. 4].

8 февраля 2021 г. отмечался День науки, в честь которого в Большом иркутском планетарии состоялся цикл лекций. Его открыл М. Меркулов, директор АНО «Звездный десант», выступивший с полнокупольной лекцией «О черных дырах». Этим же вечером он прочел лекцию об особенностях астрономии в Сибири. А на следующий день, С. Язев, директор астрономической обсерватории ИГУ и научный руководитель планетария, прочел две лекции, в которых поделился со слушателями новыми открытиями о Марсе и Луне.

М. Меркулов подробно рассказал о телескопах и обсерваториях, которые работали в Прибайкалье: в Тункинской долине, в селах Торы и Тибельти, в поселке Монды. Особое внимание зрителей вызвали фотографии Байкальского нейтринного телескопа, работающего прямо в воде Байкала [32, с. 5].

В начале июня 2022 г. Институт солнечно-земной физики СО РАН пригласил журналистов в Байкальскую астрофизическую обсерваторию в Листвянку, чтобы показать созданную совместно с фондом В. Потанина инсталляцию под открытым небом «Дорога к Солнцу».

– Экскурсионная работа в обсерватории ведется давно, – вступает еще один член команды – руководитель Иркутского планетария Д. Семенов. – И мы столкнулись с тем, что возникает много вопросов, не имеющих прямого отношения к работе ИСЗФ. Когда приезжают детские группы, например, возникает необходимость рассказать об общих астрономических темах [33, с. 2].

В январе 2023 г. в трех школьных планетариях Иркутска, находящихся в школах № 19 и № 69 и Лицее ИГУ, началась демонстрация первого в России полнокупольного фильма, посвященного истории космонавтики в СССР и России. Он так и назывался – «Космическая история России». Его создала в 2022 г. Ассоциация планетариев России на средства Фонда культурных инициатив. Автором сценария стал С. Язев. Картина демонстрировалась почти в 50 планетариях России.

В Иркутске фильм посмотрели более тысячи школьников. «Мы надеемся, что в 2023 г. не только иркутские ребята, но и все дети в Иркут-

ской области смогут увидеть эту программу», – сказал С. Язев. Теперь она доступна и по «Пушкинской карте» [34, с. 4].

Таким образом, наличие нескольких планетариев в г. Иркутске значительно расширяло возможности дополнительного астрономического образования для школьников, студентов и взрослых любителей астрономии.

Список источников

1. // Губерния. 2015. – 21 мая.
2. // Иркутский репортер. 2012. – 19 мая.
3. // Иркутский репортер. 2013. – 18 марта.
4. // Иркутский репортер. 2015. – 26 февраля.
5. // Конкурент. 2012. – 12 апреля.
6. // Вост.-Сибирская правда. 2005. – 18 октября.
7. // Вост.-Сибирская правда. 2005. – 29 октября.
8. // Конкурент. 2008. – 27 сентября.
9. // Иркутский репортер. 2010. – 13 сентября.
10. // Восточно-Сибирская правда. 2009. – 29 января.
11. // Иркутская репортер. 2010. – 13 сентября.
12. // Конкурент. 2011. – 10 февраля.
13. // Иркутский репортер. 2011. – 2 июля.
14. // Иркутский репортер. 2011. – 27 августа.
15. // Иркутский репортер. 2011. – 29 октября.
16. // Иркутский репортер. 2012. – 14 января.
17. // Конкурент. 2012. – 12 апреля.
18. // Иркутский репортер. 2012. – 19 мая.
19. // Иркутский репортер. 2012. – 15 декабря.
20. // Иркутский репортер. 2013. – 18 марта.
21. // Иркутский репортер. 2014. – 16 декабря.
22. // Иркутский репортер. 2015. – 26 февраля.
23. // Иркутский репортер. 2016. – 1 марта.
24. // Иркутский репортер. 2016. – 12 апреля.
25. // Вост.-Сибирская правда. 2018. – 16 января.
26. // Областная газета. 2018. – 18 декабря.
27. // Областная газета. 2019. – 29 января.
28. // Губерния. 2019. – 16 июля.
29. // Иркутский репортер. 2019. – 3 декабря.
30. // Шелеховский вестник. 2020. – 28 января.
31. / Областная газета. 2020. – 29 декабря.
32. // Губерния. 2021. – 9 февраля.
33. // Сибирская энергетик. 2022. – 15 июня.
34. // Областная газета. 2023. – 17 января.

РАЗДЕЛ 5. ИСТОРИЯ КРАСНОЯРСКОЙ НАУКИ

УДК 94(57)

Д. Ю. Хоменко

Красноярский государственный педагогический университет

им. В. П. Астафьева

Красноярск, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКРЕТАРЕЙ ЕНИСЕЙСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНА

Аннотация. В статье впервые выявлен пофамильный список секретарей Енисейского губернского статистического комитета (с лакунами). Дана оценка деятельности четырех последних, наиболее активных лиц. Автор приходит к выводу, что степень активности комитета зависела от личности секретаря и его занятости по основному месту работы (если таковое имелось). Направление научной деятельности зависело от интересов секретаря.

Ключевые слова: Енисейский губернский статистический комитет, Г. А. Хотунцов, А. Я. Зейдель, П. Е. Кулаков, Н. В. Доброхотов

Abstract. The article reveals the list of secretaries of the Yenisei Provincial Statistical Committee (with lacunae). The assessment of the activities of the last four, the most active persons is given. The author concludes that the degree of activity of the committee depended on the personality of the secretary and his employment at the main place of work. The direction of scientific activity depended on the interests of the secretary.

Keywords: Yenisei Provincial Statistical Committee, G. A. Hotuncov, A. Ya. Zejdel, P. E. Kulakov, N. V. Dobrohotov

Губернские и областные статистические комитеты появились в Российской империи на основании указа от 20 декабря 1834 г. В Енисейской губернии комитет был открыт 08 октября 1835 г.

Деятельность статистических комитетов имеет свою историографию. Существуют исследования общероссийского масштаба [1, 2] и региональные [3,4]. История статистических комитетов в сибирских губерниях рассматривается в работах В. А. Скопы [5] и Е. В. Игумнова [6]. Изучением Енисейского губернского статистического комитета (далее – ЕГСК) занимается В. В. Хорина [7].

В настоящей статье предлагается применить к исследованию деятельности комитета антропоцентричный подход. Предполагается выявить

лиц, занимавших должность секретаря ЕГСК, проанализировать их деятельность в области изучения Енисейского региона.

Изучение научной литературы, опубликованных и неопубликованных источников позволило впервые выявить пофамильный перечень секретарей ЕГСК (см. табл. 1).

Таблица 1

Список секретарей Енисейского губернского статистического комитета

Период	ФИО	Основная должность, классный чин
1835–?	Климовский	Штатный смотритель красноярского уездного училища, коллежский асессор
1830–1840–е гг.	Эрн	Учитель красноярского училища
Не позже 1863 – не раньше 1868 гг.	Еварест Игнатьевич Мокржицкий	Делопроизводитель; чиновник особых поручений
Не раньше 1868 – не позже 1873 гг.	Ловягин	Нет сведений
1881–1885 гг.	Иннокентий Петров	Столоначальник Енисейского губернского суда
1886–1893 гг.	Геннадий Александрович Хотунцов	Учитель гимнастики Красноярской губернской гимназии
1894–1896 г.	Александр Яковлевич Зейдель	И.д. советника Енисейского губернского управления
1897 г.	Петр Ефимович Кулаков	–
1898 г.	Геннадий Александрович Хотунцов	Старший советник Енисейского губернского управления
1898–1901 гг.	Александр Яковлевич Зейдель	Советник Енисейского губернского управления
1901–1917 гг.	Николай Васильевич Доброхотов	Старший советник Енисейского губернского управления

В табл. 1 наличествуют значительные лакуны. Это связано с тем, что систематическая деятельность ЕГСК началась с 1879 г. [7, с.32]. До этого фиксируют только единичные всплески активности комитета. В. В. Хорина связывает степень активности ЕГСК с наличием либо отсутствием заинтересованности Енисейских губернаторов в работе данного органа [7, с. 34].

Вместе с тем необходимо отметить, что Указ 1834 г. не определил порядок финансирования губернских статистических комитетов, и их члены работали бесплатно. «Положение о губернских и областных статистических комитетах» 1860 г., распространенное на Сибирь в 1865 г., предусматривало в составе комитетов должность секретаря с окладом в 750 руб. в год. Следует согласиться с мнением Е. В. Игумнова, что «именно благодаря утверждению в штате данной должности удалось добиться непрерывной работы от большинства статистических комитетов» [6, с. 25–26].

Поскольку именно секретарь организовывал как статистическую работу комитета, так и сопутствующую деятельность (в частности, научное

изучение региона), то и степень активности ЕГСК в разные периоды времени стоит связывать не только с личностями губернаторов (которые по должности были председателями комитета), но и с личностями секретарей.

Сведения о первых двух секретарей (Климовский и Эрн) известны из донесения Енисейского губернатора В. К. Падалка в Центральный статистический комитет 1853 г. В этом же донесении отмечается, что с 1835 по 1844 гг. прошло 14 заседаний комитета, а член-корреспондентами было подготовлено две научные работы: в 1835 г. от туруханского отдельного заседателя «Статистическое обозрение Туруханского края» и в 1843 г. от ачинского земского начальника «Статистическое обозрение пчеловодства в Ачинском округе» [6, с. 11].

Отметим, что результаты работы ЕГСК, материалы заседаний не доводились до широкой общественности. Следует согласиться с мнением В. В. Хориной, что комитет заявил о своем существовании путем издания «Памятной книжки Енисейской губернии на 1863 г.» [7, с. 31]. В этом издании указан делопроизводитель ЕГСК – Е. И. Мокржицкий. В адрес-календаре указана и его основная занятость [8, с. 18]. В Памятной книжке на 1865 и 1866 гг. должность Е. И. Мокржицкого указана как член и секретарь ЕГСК [9, с. 281]. Следует добавить, что в донесении В. К. Падалка от 1853 г. должность точная должность Климовского и Эрна не указана, используется формулировка «заведовал ЕГСК» [6, с. 10–11].

В «Материалах по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» упоминаются секретари ЕГСК Мокржицкий и Ловягин. Впервые сообщается о научных изысканиях, которые велись в рамках работы ЕГСК – оба секретаря занимались метеорологическими наблюдениями [10, с. 3].

Не подлежит сомнению, что деятельность Е. И. Мокржицкого была неоплачиваемой: оклады для секретарей статистических комитетов были введены в Сибири только в 1865 г. Вероятно, факт активизации ЕГСК в первой половине 1860-х гг. был связан с личностью Енисейского губернатора П. Н. Замятнина, который и инициировал создание Памятных книжек (о чем имеются упоминания на титульных листах [8, 9]).

В архивных документах первой половины 1880-х гг. в качестве секретаря ЕГСК фигурирует И. Петров. При этом отмечается, что он был временно командирован к исправлению данной должности [11, л. 1]. Самое раннее упоминание относится к 1881 г., когда И. Петров обратился к Енисейскому губернатору за выделением 120 руб. «на расходы и за труды» по составлению Всеподданнейшего отчета и обзора губернии за 1880 г. [12, л. 1]. Выявлено аналогичное прошение за 1884 г. на 80 руб. [13, л. 1]. Наличие таковых прошений, а также формулировка о временном командировании позволяют предположить, что И. Петров занимал пост секретаря не на постоянной основе, а только в период подготовки отчета. Это подтверждается и фактом прошения Енисейскому губернатору от 26 мая

1885 г. о занятии «ныне вакантной должности секретаря» комитета со стороны одного из чиновников почтовой конторы [14, л. 1].

Первое задокументированное назначение на должность секретаря ЕГСК с указанием оклада в 750 руб. состоялось 01 января 1886 г. Г. А. Хотунцов был рекомендован генерал-губернатору Восточной Сибири Главным инспектором училищ Восточной Сибири [14, лл. 2–2 об.]. При этом секретаре ЕГСК развивает бурную деятельность. Три года подряд издаются Памятные книжки (1889–1891 гг.), проводятся метеорологические наблюдения. Действительные члены комитета (И. Т. Савенков, Н. Н. Бакай, Г. В. Юдин) осуществляют научную деятельность, результаты которой представляют на заседаниях ЕГСК.

За переводом Г. А. Хотунцова в Якутск в 1894 г. исправляющим должность секретаря ЕГСК был назначен и.д. советника Енисейского губернского управления (далее – ЕГУ) А. Я. Зейдель. Следует отметить, что и в случае с И. Петровым, и в случае с Г. А. Хотунцовым должность секретаря ЕГСК была соединена с должностью делопроизводителя Енисейского губернского совета по крестьянским делам. При назначении А. Я. Зейделя эти должности были разъединены [15, л. 2 об.].

В 1897 г. на должность секретаря ЕГСК был назначен П. Е. Кулаков. Бывший политический ссыльный, П. Е. Кулаков сотрудничал в Восточно-Сибирском отделе (далее – ВСО) Императорского Русского географического общества (далее – ИРГО) в Иркутске. В 1896 г. он совместно с И. А. Молодых устраивал павильон Восточной Сибири на Нижегородской выставке. Вице-председатель ИРГО П. П. Семенов (будущий Тянь-Шанский) остался доволен работой исследователей и ходатайствовал об их устройстве на службу перед Иркутским генерал-губернатором [16, л. 2]. Последний рекомендовал П. Е. Кулакова на должность секретаря ЕГСК. В январе 1898 г. он уедет в отпуск в Крым и больше не вернется в Сибирь. Летом 1898 г. П. Е. Кулаков официально покинет пост секретаря ЕГСК [16, л. 24].

Пробыв в Енисейской губернии менее года, П. Е. Кулаков проявил значительную активность, организовав в июне-июле 1897 г. от лица ЕГСК экспедицию по изучению хозяйственно-экономического положения коренного населения юга губернии. В августе он был отправлен в командировку в Туруханский край. Была выпущена очередная Памятная книжка.

По результатам экспедиции на юге губернии П. Е. Кулаков выпустил книгу «Минусинские и ачинские инородцы. Материалы для изучения» (Красноярск, 1898). Другой участник экспедиции, действительный член ЕГСК А. А. Ярилов, не согласился с оценками П. Е. Кулакова и опубликовал свои материалы отдельно: «Былое и настоящее сибирских инородцев. Вып. II. Мелецкие инородцы» (Юрьев, 1899) и «Былое и настоящее сибирских инородцев. Вып. III. Кызыльцы и их хозяйство» (Юрьев, 1899). Отдельную работу А. А. Ярилов посвятил критике книги П. Е. Кулакова – «В защиту науки и приговоренных к смерти» (Юрьев, 1900).

В связи с отпуском П. Е. Кулакова в январе 1898 г. и. д. секретаря был вновь назначен Г. А. Хотунцов, который вернулся в Енисейскую губернию в должности старшего советника ЕГУ [17, л. 11 об., 13 об.]. Но уже в мае того же года Г. А. Хотунцов был переведен в Виленскую губернию, а и. д. секретаря ЕГСК стал А. Я. Зейдель [17, л. 22]. В 1901 г. А. Я. Зейдель был уволен из ЕГУ согласно прошения и покинул пост секретаря ЕГСК [18, л. 11 об.]. И. д. секретаря был назначен старший советник ЕГУ – Н. В. Доброхотов [19, л. 4 об.]. Из выявленных секретарей ЕГСК Н. В. Доброхотов занимал эту должность дольше всех – более 15 лет.

В период с 1896 по 1915 гг. Памятные книжки Енисейской губернии выходили регулярно один раз в два года (кроме промежутка в три года с 1898 по 1901 гг.). Степень наполненности статистическим материалом была разной. Секретари Г. А. Хотунцов и Н. В. Доброхотов публиковали также отчеты о деятельности ЕГСК. Исследователю известны три отчета, подготовленные Г. А. Хотунцовым (за 1887, 1891 и 1893 гг.). Н. В. Доброхотов в своих отчетах охватил период с 1902 по 1913 гг. (в некоторых случаях отчеты публиковались сразу за несколько лет).

Оценивая вклад секретарей ЕГСК в изучение Енисейской губернии, стоит отметить, что огромное научное значение для современных исследователей имеют Памятные книжки, в которых содержится статистическая и справочная информация по самым разным вопросам.

Касаясь неосновной деятельности ЕГСК по научному изучению региона, следует выделить секретарей Г. А. Хотунцова и П. Е. Кулакова. Первый смог организовать научную работу членов ЕГСК, и комитет стал площадкой для представления результатов научных исследований. Кроме того, Г. А. Хотунцов содействовал организации метеорологических наблюдений. П. Е. Кулаков оставил свой след в изучении региона в этнографическом отношении, несмотря на его критику со стороны А. А. Ярилова. Вероятно, направление научных изысканий определялось личными интересами секретаря (Хотунцов – метеорология, Кулаков – этнография).

Секретари А. Я. Зейдель и Н. В. Доброхотов не проявляли активность в организации или проведении исследований по неосновной деятельности ЕГСК. Следует отметить, что для Г. А. Хотунцова и П. Е. Кулакова должность секретаря была основной (хотя первый продолжил преподавание в гимназии). А. Я. Зейдель и Н. В. Доброхотов, в свою очередь, только исправляли должность секретаря ЕГСК, имея значительную занятость по основному месту работы – оба были советниками ЕГУ. Вероятно, именно в этом кроется причина отсутствия неосновной деятельности ЕГСК.

Кроме того, с 1902 г. открылся Красноярский подотдел ВСО ИРГО, и научная деятельность по изучению региона сконцентрировалась в этом учреждении. Больше не было необходимости использовать ЕГСК как научную площадку.

Список источников

1. Бердинских В. А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860–1890-х гг.: дис. ... д-ра. ист. наук : 07.00.09. Киров, 1994. 423 с.
2. Первушкин В. И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза: Изд. ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2007. 212 с.
3. Селиванова Н. А. Издательская деятельность северокавказских губернских и областных статистических комитетов: 1868–1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 05.25.03. Краснодар, 2003. 19 с.
4. Лебедев С. В. Астраханский губернский статистический комитет: опыт хозяйственной и научно-просветительской деятельности: 1836–1918 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Астрахань, 2009. 19 с.
5. Скопа В. А. История развития статистики и статистических учреждений Томской губернии в 1835–1919 гг. Барнаул: БГПУ, 2009. 209 с.
6. Игумнов Е. В. Создание губернских и областных статистических комитетов в Сибири и их научная деятельность (1835–1917 гг.). СПб.: Реноме, 2010. 88 с.
7. Хорина В. В. Енисейский губернский статистический комитет: к истории создания и деятельности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 9 (124). С.29–35.
8. Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. СПб.: в типографии И. Огризко, 1863. IV, 350 с.
9. Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. СПб.: в типографии К. Вульфа, 1865. XII, 344 с.
10. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. IV: Енисейская губерния. Иркутск: тип. К. И. Витковской, 1894. Вып. 1. 152 с.
11. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 1. Д. 1 790.
12. ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 1 234.
13. ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 2 645.
14. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1642.
15. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4 831.
16. ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 203.
17. ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 1 874.
18. ГАКК. Ф. 595 Оп. 45. Д. 29.
19. Российский государственный исторический архив. Ф. 1 405. Оп. 522. Д. 2 243.

*А. Е. Павлов
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ФИЗИКИ КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (1940–1956 ГГ.)

Аннотация. В статье рассматривается развитие отечественной науки в годы Отечественной войны в Красноярске. На основе периодической печати проводится анализ деятельности научной школы Л. В. Киренского в период ее становления в стенах КГПИ. Показываются достижения в области магнетизма и других направлениях в рассматриваемый период времени.

Ключевые слова: *Отечественная физика, Красноярск, КГПИ*

Abstract. The article examines the development of domestic national art during the Patriotic War in Krasnoyarsk. Based on the periodical press, an analysis of the activities of the scientific school of L. V. Kirensky during the period of its formation within the walls of KSPI. Achievements in the field of magnetism and other areas during the period of time under consideration are shown.

Keywords: *physics, Krasnoyarsk, KSPI*

Значительная часть научного потенциала была сосредоточена в европейской части страны, однако это не способствовало индустриальному развитию территорий, находящихся за Уралом, где требовалось за короткое время создать новые научные центры. В Красноярском крае научное развитие территории началось с деятельности в 1940 г. сначала кафедры физики при Красноярском государственном педагогическом институте, а затем института физики в 1957 г.

Начало физики в Красноярске положил Л. В. Киренский, который приехал в Красноярск в сентябре 1940 г. по направлению Наркомпроса РСФСР с намерением организовать на кафедре физики пединститута исследовательскую лабораторию по магнетизму.

В первый год работы в педагогическом институте Леониду Васильевичу удалось создать намеченную еще в аспирантуре научную лабораторию по магнетизму. Начали работать и коллоквиумы по ферромагнетизму. Притом, что в городе отсутствовало необходимое для опытов оборудование. Первоначально будущей лаборатории выделили две небольшие комнаты в подвале. Ученый настоял на приобретении приборов и материалов для научной работы за счет государства. В это же время были сделаны первые шаги по созданию исследовательской лаборатории: были подготовлены докладная записка директору института и заявка в Главснабспрос о со-

здании механической мастерской. Благодаря контактам с электротехническим отделом паровозовагоноремонтного завода был создан большой электромагнит – основа первой научной установки. Был обучен специалист по стеклодувному мастерству.

На кафедре началась работа по созданию экспериментальной базы с выходом на активное сотрудничество с промышленными предприятиями. Совместно с электротехническим отделом старейшего в городе паровозовагоноремонтного завода в годы войны был изготовлен универсальный электромагнит. Внешне он был «смешным и неуклюжим», но по своим техническим параметрам вплоть до середины 1950-х гг. оставался лучшим в стране, о чем свидетельствуют, например, необноклатные просьбы физфака МГУ (1948, 1952) о его разработке. Об этом же ходатайствовал и Арктический институт из Ленинграда.

Сотрудничество кафедры с промышленными предприятиями оказалось чрезвычайно полезным последним. В 1942 г. на один из заводов, эвакуированных в Красноярск, поступила партия стали с нарушенной маркировкой. С помощью полученного от физиков электромагнита материал был рассортирован по назначению. Сталь пошла в производство, а работа красноярских физиков по разработке методов магнитного анализа металлов и изготовления приборов-сортировщиков продолжилась и стала главной для кафедры. Заказы на подобные приборы стали поступать с заводов Красноярска, Иркутска, Новосибирска, Ферганы. За каждый прибор завод-заказчик платил 400 руб. В это время поступающие средства были единственной возможностью для развития материальной базы кафедры.

В октябре 1942 г. в одном из отзывов на прибор, изготовленный сотрудниками кафедры, появилось название «Магнитная лаборатория Красноярского педагогического института». Правда, сам Л. В. Киренский временем рождения считал январь 1943 г.

Основные события научной деятельности лаборатории относятся к послевоенным годам. На кафедру возвратились фронтовики – В. Ф. Ивлев, В. Ф. Шадрин, А. Я. Власов. Пришел на студенческую скамью летчик А. И. Дрокин [1].

Кафедра вела интенсивную научную работу в области физики магнитных явлений. Магнитная лаборатория, организованная в институте 10 лет назад, к 1952 г. превратилась в научный центр союзного значения. Это было отмечено на втором совещании магнитологов Советского Союза, где коллективом Красноярского педагогического института было зачитано 10 докладов из 80, представленных на конференцию.

Кафедра физики была хорошо оснащена лабораторным оборудованием, при кафедре имелись разные лаборатории: механики и теплоты, электричества, оптики, методики физики, специального физического практикума, радиотехники, научно-исследовательская магнитная лаборатория, кино-фотокабинет. При кафедре работали студенческие кружки [1].

В 1950 г. Л. В. Киренский защитил докторскую диссертацию «Исследование энергетической анизотропии ферромагнетиков». Результаты,

вошедшие в работу, были получены с использованием изготовленных в магнитной лаборатории установок.

Начиная с 1946 г., красноярские магнитологи регулярно и успешно участвовали в научных конференциях. На Всесоюзной конференции по магнетизму в 1951 г. был отмечен целый ряд оригинальных результатов, а Красноярск был назван третьим в стране, после Москвы и Свердловска, центром по исследованию физики магнитных явлений. Это была высокая оценка деятельности молодого коллектива [3].

Он смог разрушить мнение о научной провинциальности Красноярска. В Москве на Международной конференции по магнетизму (май 1956 г.) о них впервые услышали и оценили их работы зарубежные ученые. Их удивила молодость, уровень подготовки сибиряков.

Главные итоги деятельности лаборатории магнетизма при кафедре физики в КГПИ в период, предшествующий образованию Института физики это создание методической и экспериментальной базы. Помимо упомянувшего уже универсального электромагнита были разработаны и успешно использованы методы автоматической фотозаписи магнитограмм и кинофильмирования процессов перемагничивания ферромагнетиков. Эти методы позволяли значительно сократить время эксперимента и избежать погрешностей, свойственным визуальным наблюдениям. Сотрудники лаборатории смело брались за, казалось бы, невыполнимую работу по изготовлению измерительных установок. В развитие экспериментальной базы существенный вклад внесли лаборанты В. Ю. Ендржиевский и Р. С. Берзон. Используя случайные материалы, они своей виртуозной работой порою делали чудеса. В. Ф. Ивлев, располагая всего несколькими трофейными радиотехническими приборами и электронными лампами, приступил к подготовке сложных экспериментов по исследованию скачков перемагничивания и добился значительных успехов.

В эти же годы в лаборатории были проведены и первые теоретические исследования. Этой работой занялись сотрудники кафедры математики Л. И. Слободский. Лев Иосифович вспоминал позднее, что работать с физиками было интересно, ибо Л. В. Киренский умел четко сформулировать и определить задачу исследования [3].

Уже в ноябре 1940 г. на кафедре физики КГПИ начал функционировать научный семинар, который впоследствии стал называться «Коллоквиумом по ферромагнетизму». Он превратился за 30 лет своей работы в общегородской физический семинар.

После войны, в 1948 г. при кафедре физики пединститута была организована аспирантура. Первым аспирантом стал В. Ф. Ивлев, затем — А. Я. Власов и выпускники пединститута А. И. Дрокин, Н. И. Втюрин, А. В. Решетникова, В. Д. Дылгеров, Р. И. Тукалов. Научное руководство возглавили Л. В. Киренский и Б. Ф. Цомакион.

Борис Федорович Цомакион был крупнейшим специалистом в области электродинамики и профессором Одесского института инженеров связи. Но волей судьбы перед войной оказался в Красноярском крае. Работал

до перехода на кафедру физики пединститута учителем. На кафедре проработал более 12 лет.

Обладая глубокими энциклопедическими знаниями, Б. Ф. Цомакион оказал огромное влияние на уровень подготовки студентов, аспирантов и сотрудников кафедры. При жизни он не успел закончить большую работу – учебник электродинамики. Л. В. Киренский со своими учениками завершил этот труд, изданный позднее в Красноярске [1].

Уже через 10 лет, в 1952 г. Киренский имел на кафедре сложившийся коллектив физиков, благодаря которому, по его мнению, возможно было вести интенсивную научно-исследовательскую деятельность. Наличие красноярской школы, как он считал, являлось реальной основой для выработки предложений и планов по дальнейшему развитию науки в Красноярске и созданию филиала АН СССР в Красноярске [2].

Список источников

1. Киренский Л. В. Физика – основа техники будущего // Бюллетень КГПИ. Специальный выпуск. 1952.
2. Леонид Васильевич Киренский, 1909–1969 / Н. С. Чистяков, Р. П. Смолин; [отв. ред. И. А. Терсков]. М.: Наука, 1981. С. 53, 60.
3. Чистяков Н. С. Созданная академиком Киренским // Наука в Сибири. 1983. № 8.

И. А. Шереметова

*Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края
Красноярск, Россия*

«ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ОТКАЗА»: ИЗ ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ КРАСНОЯРСКОЙ НАУКИ

Аннотация. В статье описан этап становления академической науки в г. Красноярске. Акцентируется внимание на личности Леонида Васильевича Киренского как выдающегося организатора науки. Автор анализирует наличие монографических изданий Л. В. Киренского в фондах библиотек (РГБ, РНБ, ИФ СО РАН, ГУНБ КК). Рассматриваются источники из фондов Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края (ГУНБ КК). Анализируются сведения, отражающие динамику появления научно-исследовательских институтов Красноярска.

Ключевые слова: *академическая наука, история науки региона, наука Красноярска, организаторы науки, Л. В. Киренский*

Abstract. The article describes the initial stage of formation of academic science in Krasnoyarsk. It focuses on the personality of Leonid Vasilievich Kirensky as an outstanding organizer of science. The author analyzes the availability of monographic publications by L. V. Kirensky in the collections of libraries (RSL, RNL, IF SB RAS, SUSL KT). The sources from the collections of the State Universal Scientific Library of the Krasnoyarsk Territory are examined. The data reflecting the dynamics of the emergence of research institutes in Krasnoyarsk are analyzed.

Keywords: *academic science, history of science in the region, science of Krasnoyarsk, science organizers, L. V. Kirensky*

В рамках празднования 300-летия основания РАН особую значимость приобретают особенности становления академической региональной науки. Научно-исследовательские институты Красноярска имеют уникальную историю, неразрывно связанную с индустриальной спецификой развития территории и деятельностью выдающихся ученых.

Среди исследователей красноярской академической науки как неотъемлемой части Сибирского отделения РАН необходимо выделить работы Куперштох Н. А. [1, 2, 3, 4], Водичева Е. Г. и др. [5]. Истории развития красноярской науки в области физики посвятили свои издания Кривоколеско А. В. [6], Эдельман И. С., Хрусталева Л. М. [7], Шайхутдинов К. А., Втюрин А. Н., Агапов А. В. [8].

Зарождение красноярских научных исследований в области физики ассоциируется с действующими на тот период институтами. Исследования по физике магнитных явлений с 1942 г. проводились в Магнитной лаборатории Красноярского государственного педагогического института, что послужило одним из доводов, сыгравших определяющую роль в создании

в 1956 г. Института физики СО АН – первого академического учреждения такого профиля не только в Красноярске, но и в Сибири [8, [с. 5]].

В послевоенное время в Красноярском медицинском институте (КрасГМИ) развивалось новое научное направление на стыке физики, биологии и медицины (биофизика) [2; с. 163, 164]. В Сибирском лесотехническом институте (ныне – СибГУ им. М. Ф. Решетнева) проходили исследования по молекулярной спектроскопии [6, с. 21, 22]. В Красноярском сельскохозяйственном институте (ныне – КрасГАУ) – в области эмиссионной спектроскопии [8, с. 9].

Предложение Л. В. Киренского об организации академического института в области физики в Красноярске, отправленное в Академию наук СССР в 1952 г., не увенчалось успехом. Здесь необходимо вспомнить оптимистичную, обладающую необычайной движущей силой фразу Леонида Васильевича – «Все начинается с отказа». Высказывание ярко и точно характеризует волевые качества легендарной личности красноярской науки. Среди них считаю важным выделить инициативность, целеустремленность, решительность, настойчивость выдающегося ученого.

В 1956 г. Л. В. Киренский не теряя надежду, просит открыть хотя бы академическую лабораторию. Результат превзошел все ожидания. Академия наук принимает постановление о создании Института физики в Красноярске в составе трех лабораторий: физики магнитных явлений (зав. Л. В. Киренский), биофизики (зав. И. А. Терсков) и спектроскопии (зав. А. В. Коршунов). Директором был назначен Л. В. Киренский, занимавший этот пост до последних своих дней [8, с. 4].

Однако и на этапе утверждения создания Института физики появляются ярые противники развития красноярской академической науки. Только глубокое убеждение и упорство Л. В. Киренского и его коллег в необходимости создания Института физики в Красноярске позволило преодолеть все преграды. В результате, за полгода до создания Сибирского отделения Академии наук в Красноярске появился первый академический институт [8, с. 4].

Инициатива Л. В. Киренского по строительству Академгородка в районе Афонтовой горы первоначально встретила полное неприятие места предполагаемой застройки. Решительный отказ комиссии Госстроя и Госплана СССР, а также жалоба в Академию наук СССР от председателя Красноярского горисполкома П. Г. Сафронова с обвинениями в расточительстве Л. В. Киренского не остановили красноярского ученого. Вместе с директором Института леса и древесины А. Б. Жуковым в 1960 г. все же удалось обосновать место для расположения будущего научного городка [1, с. 93]. Таким образом, в пригородной зоне Красноярска закладывается фундамент для формирования комплекса научных институтов и реализации прогрессивных научных задач.

Масштаб ученого принято рассматривать в контексте его научного наследия. Лидерами по количеству хранящихся изданий, автором которых выступал Л. В. Киренский, являются РГБ (Москва) и библиотека ИФ СО

РАН (Красноярск) (табл.). В таблицу включены дипломная работа (1936) и диссертации (1939, 1950) Л. В. Киренского, хранящиеся в МГУ (месте учебы и защиты диссертаций), отражающие важные этапы формирования научной карьеры выдающегося ученого-физика. Рассматриваемые в таблице монографии опубликованы в Красноярске, Новосибирске, Москве, Харькове, Софии, Лейпциге.

В ГУНБ КК хранятся два издания, автором которых является Л. В. Киренский: «Задачи развития сети научных и высших учебных заведений, основные направления научных исследований в Красноярском крае» (Красноярск, 1958) [9] и «Температурный магнитный гистерезис ферромагнетиков и ферритов» (Новосибирск, 1965).

Таблица 1

Монографические издания Л. В. Киренского

№	Наименование издания	Город, издательство, год, серия	Наличие издания в библиотеках			
			РГБ	РНБ	ИФ СО РАН	ГУНБ КК
1	2	3	4	5	6	7
1.	Температурная зависимость кривой намагничивания: <i>дипломная работа</i>	Москва, МГУ, 1936.	–	–	– (полный текст)	–
2.	The anisotropy of the magnetic energy in single crystals of nickel as a function of temperature / By N. L. Brukhatov and L. V. Kirensky	Харків: [б. и.], 1937.	+	–	–	–
3.	Магнито-термический эффект при вращении ферромагнитного кристалла в магнитном поле: <i>диссертация ... кандидата физико-математических наук</i>	Москва: МГУ, 1939.	–	–	+	–
4.	Исследование энергетической анизотропии ферромагнетиков: <i>диссертация ... доктора физико-математических наук</i>	Красноярск, 1950	+	–	– (полный текст)	–
5.	Атомная энергия и ее применение	Красноярск: Кн. изд-во, 1955.	+	+	–	–
6.	Ферромагнетизм и его применение	Москва: Учпедгиз, 1957.	+	+	– (скан 3 л.)	–

1	2	3	4	5	6	7
7.	Задачи развития сети научных и высших учебных заведений, основные направления научных исследований в Красноярском крае: [доклад]	Красноярск, 1958	–	+	– (полный текст)	+
8.	Магнетизм	Москва: АН СССР, 1963. (Научно-популярная серия)	+	+	+	–
9.	Динамическая магнитострикция железа: деп. рук. / Л. В. Киренский, В. Е. Кузнецов, В. У. Усатов	[Москва]; [Люберцы]: [б. и.], 1964.	+	+	+ (+полн. текст)	–
10.	Температурный магнитный гистерезис ферромагнетиков и ферритов	Новосибирск: [б. и.], 1965.	+	+	+	+
11.	Исследование магнитных характеристик тонких ферромагнитных пленок методом сверхвысокочастотной спектроскопии: промежуточный научный отчет за 1965 г./ Л. В. Киренский, В. А. Игнатченко, Н. С. Чистяков	[Б. м.], 1966	–	–	+	–
12.	Магнетизм	Москва: Наука, 1967. (Научно-популярная серия)	+	+	+	–
13.	Магнетизм	София: Техника, 1967	+	–	+	–
14.	Magnetism	Tokio, 1968	–	–	–	–
15.	Magnetismus	Leipzig: BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1969	–	–	+	–
			9	7	8+4 полн. текста	2

Время издания монографий приходится на вторую половину 1930-х – конец 1960-х гг., что совпадает с периодом активной профессиональной деятельности Леонида Васильевича, представленной в библиографии трудов ученого [7, с. 351–360; 10, с. 92–100] и каталоге библиотеки ИФ СО

РАН. Монография «Магнетизм», вышедшая в научно-популярной серии, дважды издавалась в Москве в издательствах АН СССР (1963) и Наука (2-е изд., перераб. и доп., 1967). Последнее издание было переведено на болгарский (София, 1967), японский (Токио, 1968), немецкий (*Leipzig*, 1969) языки.

Издание на японском языке взято из списка трудов Л. В. Киренского, но, к сожалению, не найдено в выше обозначенных библиотеках. Издание на немецком языке обнаружено только в каталоге библиотеки ИФ СО РАН. По количеству изданий и переводов монографии можно утверждать о востребованности данной темы среди международного научного сообщества 1960-х гг.

Отдельного внимания заслуживает доклад Киренского Л. В. «Задачи развития сети научных и высших учебных заведений, основные направления научных исследований в Красноярском крае», подготовленный в 1958 г. для конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири и изданный тиражом 300 экземпляров. На издании типография не указана. Вероятно, брошюра отпечатана в Красноярском институте физики АН СССР.

Изучая наличие доклада в каталогах ведущих библиотек, выяснилось, что издание отсутствует на сайтах ГПНТБ СО РАН (Новосибирск) и РГБ (Москва). Обнаружилось издание доклада Л. В. Киренского в ГУНБ КК (Красноярск) и РНБ (Санкт-Петербург).

Библиотека ИФ СО РАН, входящая сегодня в состав научной библиотеки КНЦ СО РАН, является активным собирателем и хранителем исторической памяти о создателе института, организаторе красноярской науки. В каталоге библиотеки отражены практически все работы Леонида Васильевича. В случае отсутствия издания в фонде библиотеки в библиографическом описании указаны держатели публикации и встречается полный текст, доступный широкому кругу пользователей.

Возвращаясь к упомянутой работе, важно акцентировать внимание, что именно в этом докладе Леонид Васильевич обозначил необходимость создания университета с целью привлечения молодых специалистов для научно-исследовательских институтов Красноярска. В качестве базы для создания университета предлагалось использовать Красноярский государственный педагогический институт, что не было реализовано [7, с. 193–195; 9, с. 7].

Неоднократные попытки с 1950 г. создать университет в Красноярске не давали результатов. В Министерстве высшего и среднего образования СССР считали, что Томский, Иркутский и Новосибирский университеты способны обеспечить кадрами развивающуюся красноярскую науку [7, с. 201]. Только в 1963 г. в Красноярске благодаря усилиям Л. В. Киренского, М. А. Лаврентьева (председатель Президиума СО АН СССР) и И. Н. Векуа (ректор Новосибирского государственного университета (НГУ)) открылся филиал НГУ, на базе которого в 1969 г. образован Красноярский государственный университет (КГУ). Создание университета как

фундаментальной базы для «выращивания» своих научных кадров бесспорно является заслугой Леонида Васильевича [1, с. 94; 2, с. 201–203; 7, с. 16; 8, с. 15].

В конце 1950-х гг. НИИ в Красноярском крае функционировали в незначительном количестве. Леонид Васильевич отмечает, что действующие на территории края институты не имеют надлежащих условий для развития своей деятельности. Он характеризует деятельность институтов, работающих в тот период на территории края. Л. В. Киренский указывает Сибирский научно-исследовательский институт лесного хозяйства и лесоэксплуатации, Сибирский научно-исследовательский институт лесного хозяйства, Сибирское отделение Всесоюзного научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства, Институт физики СО АН СССР, Красноярский научно-исследовательский институт геологии и минерального сырья, Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера, Сибцветметниипроект [9, с. 8, 9].

В результате анализа текущего состояния научных учреждений Леонид Васильевич предложил объединить маломощные НИИ лесного комплекса, укрепить и расширить работу НИИ сельского хозяйства, оказать всемерную поддержку действующим НИИ. Для дальнейшего развития научной инфраструктуры Л. В. Киренский предложил создание НИИ лесного, геолого-экономического, энергетического, химико-металлургического и медицинского профилей [9, с. 12, 13].

Таким образом, Л. В. Киренский, учитывая основные направления развития производительных сил в крае, представил проект создания и укрепления научных учреждений, которые должны были вывести Красноярский край в число передовых территорий, определяющих развитие мировой науки [9, с. 16]. «Зачинатель Красноярской науки» определил четкие ориентиры развития красноярской науки, которые воплощались в жизнь и после его ухода.

Рассматривая динамику развития Института физики, выделим несколько цифр. Так, в 1958 г. в нем работало 136 человек, в том числе 27 научных сотрудников [8, с. 28]. Через 20 лет со дня основания в Институте физики насчитывалось 600 сотрудников, из них 212 научных работников, из которых 2 члена-корреспондента АН СССР, 14 докторов и 96 кандидатов наук [2, с. 160; 8, с. 37].

Статистические данные численности сотрудников ИФ разных периодов подтверждают значительный рост научных кадров. Исследователи отмечают, что Институт физики стал благодатной почвой для создания красноярских НИИ биофизического, химического, математического профилей [1, с. 93].

Леонид Васильевич важное значение придавал подготовке научных кадров. Следует отметить, что у Л. В. Киренского в 1960-е гг. было значительное количество учеников. В. Е. Кузнецов, ученый секретарь ИФ, вспоминает, что учениками Л. В. Киренского было подготовлено и защищено

более 50 диссертационных работ, ни одна из которых не была отклонена [8, [с. 16]].

В ГУНБ КК хранятся 23 автореферата диссертаций на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук, напечатанные в период с 1962 по 1971 гг., научное руководство которыми выполнял Л. В. Киренский. Приходится согласиться, что это лишь незначительная часть от общего количества диссертационных исследований, проведенных под руководством Л. В. Киренского.

К отдельным авторефератам в Краевой научной библиотеке (ныне ГУНБ КК) был ограничен доступ читателей. В связи с политикой 1960-х гг. некоторые темы были закрыты для широкого круга пользователей. Подтверждают это сохранившиеся на обложках штампы «Ограниченное пользование», которые проставлены на 40 % авторефератов диссертаций учеников Л. В. Киренского.

В авторефератах с 1962 г. Леонид Васильевич отмечен как доктор физико-математических наук, профессор; с 1965 г. – член-корреспондент АН СССР; с 1969 г. – действительный член Академии наук СССР.

В основном все изучаемые диссертационные работы выполнены в лабораториях Института физики. На авторефератах отмечены Лаборатория физики магнитных явлений, Лаборатория структурных свойств тонких магнитных пленок, Лаборатория высокочастотных и импульсных свойств тонких пленок. Некоторые исследования выполнены в институтах города Красноярск. В частности на кафедре теоретической физики КГПИ, в Сибирском технологическом институте. Одна работа подготовлена в ИФ СО РАН и в Пермском университете им. А. М. Горького.

С 1968 г. в авторефератах стали отмечать код специальности. Ученики Леонида Васильевича защищались по физике магнитных явлений, физике твердого тела. Защиты проходили в КГПИ, а с 1968 г. – на заседании Совета по защитах ИФ СО АН СССР. После смерти Л. В. Киренского один из его учеников защищался в Туркменском государственном университете (1971).

Среди учеников-аспирантов Л. В. Киренского – Эдельман Ирина Самсоновна (1936), доктор физ.-мат. наук (1993), профессор (1996), руководила лабораторией физики магнитных явлений (1982–1990), главный научный сотрудник (2003, ИФ СО РАН); Чистяков Николай Сергеевич (1935–1997), кандидат физ.-мат. наук (1966), заведующий лабораторией физики магнитных явлений (1969–1982, ИФ СО РАН); Саланский Нахум Мойшович (1936–2014), доктор физико-математических наук (1969), заведовал лабораторией высокочастотных и импульсных свойств тонких магнитных пленок (ИФ СО РАН).

Выдающуюся роль Л. В. Киренского как неординарного ученого – организатора красноярской науки сложно переоценить. Красноярский лидер академической науки имел множество учеников, участвовал в зарождении научных школ и направлений, оказал влияние на становление и раз-

витие научной инфраструктуры региона, предвидел научный потенциал красноярской науки.

Подчеркивая важность личности ученого в создании и развитии академического института, вместе с тем соглашусь с экспертным мнением Куперштох Н. А., что «академические институты отражают деятельность их основателей по развитию конкретных научных направлений, обусловленных требованиями времени и внутренней логикой развития науки» [3, с. 10].

Последующие два десятилетия в Красноярске ознаменованы появлением пяти академических институтов (Институт леса им. В. Н. Сукачева (1959), Институт вычислительного моделирования (1975), Красноярский научно-исследовательский институт животноводства (1975), Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера (1976), Красноярский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (1977), имеющих уникальную историю появления на красноярской земле [2, 4, 11]. В их создании принимали участие выдающиеся ученые: А. Б. Жуков, Г. И. Марчук, В. Г. Дулов, Л. Н. Каменецкий, К. В. Орехов, В. С. Селезнев и др.

Следующим знаковым событием в научном сообществе стала организация Красноярского научного центра (КНЦ) в 1978 г. как филиала СО АН СССР. Надо вспомнить, что еще в 1952 г. Л. В. Киренский поднимал вопрос о создании филиала АН в Красноярске [2, с. 193]. В 1988 г. КНЦ становится самостоятельным региональным научным центром СО РАН. Возглавляли СО АН в Красноярске академики И. А. Терсков, А. С. Исаев, В. Ф. Шабанов.

Таким образом, динамика появления и развития научно-исследовательских институтов неразрывно связана с личностями выдающихся ученых-организаторов, усилиями которых создавались центры красноярской науки.

В настоящее время в научных организациях КНЦ СО РАН работают около 1 800 человек, в т.ч. в восьми НИИ – 1 400 человек, из них: научных сотрудников – 600 человек, 2 академика, 4 член-корреспондента РАН, 140 докторов наук, 380 кандидатов наук, 160 аспирантов [11]. Расширение тем исследований, связанных с космической деятельностью, привели к появлению в 2022 г. Института космических технологий СО РАН. Следовательно, процесс эволюции красноярской академической науки продолжается.

Сохранение и популяризация научного наследия является одним из важнейших направлений деятельности научных и образовательных организаций, учреждений культуры. Научные библиотеки как хранители научного книжного достояния страны ведут активную краеведческую, информационно-массовую, библиографическую работу, открывая для пользователей мир научных знаний.

ГУНБ КК предлагает познакомиться с научными биографиями красноярских ученых, их трудами и библиографией о них на сайте «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых», объединяющем научные

биографии более 750 ученых и 80 организаций Красноярского края на сайте Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых (<https://science.kraslib.ru>).

Современное научное пространство Красноярского края представляет собой составную значимую часть российской науки, научное наследие которой является ценным ресурсом в освоении науки молодым поколением, формировании устойчивой мотивации к изысканиям и укреплению научного потенциала региона.

Список источников

1. Куперштох Н. А. Академик Л. В. Киренский – организатор Института физики и Красноярского научно-образовательного комплекса / Н. А. Куперштох // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 1. С. 90–95.
2. Куперштох Н. А. Научные центры Сибирского отделения РАН / Н. А. Куперштох. Новосибирск: Гео, 2006. 441.
3. Куперштох Н. А. Роль научных школ выдающихся ученых в формировании и развитии академических институтов Сибири / Н. А. Куперштох // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 4. С. 9–20.
4. Куперштох Н. А. Страницы истории института леса им. В. Н. Сукачева / Н. А. Куперштох // Социологический журнал. 2005. № 3. 135–152.
5. Российская академия наук. Сибирское отделение: исторический очерк / Е. Г. Водичев, С. А. Красильников, В. А. Ламин и др. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.
6. Кривоколеско А. В. Становление академической науки в области физики на Красноярской земле / А. В. Кривоколеско. Красноярск : Офсет, 2020. 64 с.
7. Леонид Васильевич Киренский / [сост. И. С. Эдельман, Л. М. Хрусталева]. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2009. 368 с. (Наука Сибири в лицах).
8. 50 лет Институту физики им. Л. В. Киренского Сибирского отделения Российской академии наук / сост. К. А. Шайхутдинов, А. Н. Втюрин, А. В. Агапов. Красноярск: ИФ СО РАН, 2006. 269 с.
9. Киренский Л. В. Задачи развития сети научных и высших учебных заведений, основные направления научных исследований в Красноярском крае / Л. В. Киренский. Красноярск, 1958. 16 с.
10. Академик Леонид Васильевич Киренский / [составитель Д. И. Захарова]. Якутск: Бичик, 2009. 112 с.
11. Страницы истории [Электронный ресурс] // Федеральный информационный центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук. URL: <https://ksc.krasn.ru/about/history/> (дата обращения: 07.04.2024).

А. А. Терскова
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ КАФЕДР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В ВУЗАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ 60-Х ГГ. XX В.

Аннотация. В данном исследовании будет представлена характеристика кафедр общественных наук в вузах края в конце 60-х гг. XX в. В это время в регионе кафедры марксизма-ленинизма разделялись на самостоятельные кафедры истории КПСС и марксистско-ленинской философии. Вновь образованные кафедры наращивали свой педагогический и научный потенциал, проводя широкую пропагандистскую и исследовательскую работу.

Ключевые слова: *кафедра истории КПСС, кафедра марксизма-ленинизма, кафедра научного коммунизма, высшие учебные заведения*

Abstract. This study will present the characteristics of the departments of social sciences in universities of the Krasnoyarsk Territory in the late 60s of the twentieth century. At this time, in the region, the departments of Marxism-Leninism were divided into independent departments of the history of the KPSS and Marxist-Leninist philosophy. The newly formed departments increased their pedagogical and scientific potential, conducting extensive propaganda and research work.

Keywords: *department of history of the KPSS, department of Marxism-Leninism, department of scientific communism, higher educational institutions*

Историческая наука в советский период являлась неотъемлемой частью государственной идеологии и пропаганды. При ее участии формировалась личность советского специалиста, который должен был стать опорой государства через проведение верной идеологической линии в процессе своей профессиональной деятельности (преподавательской, научной, общественной и т. д.). Именно поэтому преподаванию общественных дисциплин (исторических и философских) отводилось решающее значение в процессе образования.

В последнее два десятилетия среди исторических публикаций появился ряд работ, в которых представлена история становления кафедр общественных и исторических наук в отдельных вузах Сибири, в национальных регионах Советского Союза [1, 2, 3, 4]. Отдельные монографии и статьи освещают биографические сведения и труды историков-ученых XX в. в вузах Сибирского региона и Дальнего Востока [5, 6, 7]. Внимание исследователей привлекает развитие педагогического образования в стране, в том числе и в Красноярском крае [8, 9]. Общественные науки в советский период, находясь на службе у государства, развивались скорее в прикладном направлении, использовались в пропагандистской работе.

Кафедры общественных наук вузов играли здесь одну из главных ролей в просветительской, учебной и научно-исследовательской деятельности. Для того, чтобы дать оценку направлениям пропагандистской, образовательной и научной работы кафедр общественных наук в вузах края, нам необходимо восстановить историю их становления и развития, что не было сделано исследователями до сегодняшнего дня.

Цель исследования показать становление и развитие кафедр общественных наук в высших учебных заведениях Красноярского края в конце 60-х гг. XX в., охарактеризовать их педагогический состав и основные методы просветительской и научной работы.

Источниками для данной статьи послужили нормативные документы и отчеты кафедр общественных наук высших учебных заведений города и края за 1967–1969 гг.. Эти отчеты хранятся в фонде краевого архива П-26 «Красноярский краевой комитет КП РСФСР, г. Красноярск, Красноярский край» [10, 11, 12, 13, 14].

Становление исторического образования на всех уровнях широко развернулось после Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». После этого постановления сформированы были исторические факультеты сначала при Московском и Ленинградском вузах, а затем и по всей стране [10; 3, с. 183]. Вместе с тем история партии ВКП (б) стала одной из главных составляющих советской пропаганды, подменяя в том числе и историю российского государства. Историю начали активно использовать в воспитательных, образовательных и пропагандистских целях. С начала 30-х гг. в стране начался рост педагогических и учительских высших и средних учебных заведений, рост числа университетов марксизма-ленинизма, и различных пропагандистских кружков – все они должны были принимать самое активное участие в воспитании нового советского человека.

После выхода в свет «Краткого курса ВКП (б)» и специального Постановления ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 года «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)» началась перестройка преподавания общественных дисциплин, которые становились основой для пропагандистской работы. Было принято решение отказаться от «кустарничества в деле партийной пропаганды и установить необходимую централизацию в руководстве ею, перестроить организацию партийной пропаганды таким образом, чтобы обеспечить подъем ее качества, ее идейного уровня» [11]. Взамен существовавших отдельных кафедр диалектического и исторического материализма, ленинизма и истории ВКП (б) ЦК партии постановил «создать в вузах единую кафедру марксизма-ленинизма» [1, с. 36]. Во всех высших учебных заведениях в этот период появились такие кафедры.

В соответствии с традициями строительства советской системы высшего образования кафедра марксизма-ленинизма играла основополагающую роль в институтском образовании. Они обеспечивали преподавание «Основ марксизма-ленинизма», «Краткого курса истории ВКП (б)»,

с одновременным изучением первоисточников марксизма-ленинизма, «Политической экономии». Постановление предписывало сохранить преподавание диалектического и исторического материализма в институтах, где были философские, исторические и литературные факультеты [1, с. 36–37].

Становление кафедр марксизма-ленинизма и наполнение их профессиональными кадрами сдерживали военные года. Однако после Великой Отечественной войны государство уделяет более пристальное внимание вопросам обеспечения кадрами данных кафедр и их работе. Руководители кафедр марксизма-ленинизма отбирались ЦК нацкомпартий, крайкомами, обкомами или горкома ВКП (б) и утверждались ЦК ВКП (б) [Там же]. В послевоенные годы идеологический контроль со стороны партии усилился, что отразилось на преподавании истории. В 1946 г. перед вузами были определены две задачи: повышение идейно-политического уровня учебно-воспитательной работы и реализация постановлений Всероссийского совещания директоров педагогических вузов [8, с. 20]. Однако реализация данных задач осложнялась нехваткой квалифицированных преподавателей общественных наук, особенно в вузах Сибири.

К середине 60-х гг. XX в. кафедры марксизма-ленинизма стали разделяться на две самостоятельные кафедры: кафедру истории КПСС и кафедру философии. Интересно, что дисциплины политэкономии и научного коммунизма в разных вузах края распределялись по разным кафедрам (см. таблицу). Сроки выделения кафедр также разнятся. Жабчик С. В. указывает, например, что в Кубанском сельскохозяйственном институте кафедра истории КПСС выделилась в 1963–1964 учебном году, Артамонова Н. Я., говоря о Абаканском педагогическом институте, указывает 1972 г. для выделения кафедры истории КПСС. По материалам отчетов в Красноярском сельскохозяйственном институте кафедра истории КПСС выделилась в 1969 г. [4, с. 77; 1, с. 37; 12, л. 66].

Из материалов таблицы следует, что в конце 60-х гг. XX в. кафедры марксизма-ленинизма были разделены на две самостоятельные кафедры. Большинство преподавателей кафедр общественных наук не имели степеней, а докторов исторических наук не было вовсе, докторов философских наук двое – Голосов В. Ф. и Кряжев П. Е. Опираясь на материалы отчетов, также следует сказать, что значительная часть остепененных педагогов, имеющих опыт работы, были выпускниками педагогических вузов Новосибирска, Томска, Мордовии, Иванова, Москвы. Молодые преподаватели в основном выходили из стен Красноярского государственного педагогического института. Также, сравнивая количественный состав кафедр, хочется подчеркнуть, что самые многочисленные кафедры были в старых вузах города – медицинском, педагогическом и технологическом. Согласно отчетам, значительная часть преподавателей кафедры трудилась над написанием кандидатских работ в этот период и сдавала кандидатские экзамены. Также ежегодно педагоги проходили повышения квалификации по распоряжению Крайкома КПСС в институте повышения квалификации преподавателей общественных наук в Казанском, в Киевском и в Московском университетах [13, л. 78].

Таблица 1

Кафедры общественных наук в вузах края в конце 60-х гг. XX в.
[12, лл. 1, 51, 66, 96, 109; 13, лл. 56, 108, 131, 145, 148; 14, лл. 5, 7, 26, 33, 65, 78]

Высшие учебные заведения	Название кафедр	Преподаваемые предметы	Количество преподавателей (всего)	Количество преподавателей со степенью	Преподаватели
1	2	3	4	5	6
Красноярский государственный медицинский институт	Кафедра марксизма-ленинизма (1969/1970 г.)	История КПСС Философия Политическая экономия Научный атеизм	21	8	Ивлиев В. А. (зав. кафедрой) к. ф. н. Лихачев И. Ф. к. ф. н. Елизарьев Л. Корягина Т. А. Кукушкин В. Е.
Красноярский государственный сельскохозяйственный институт	Кафедра истории КПСС и научного коммунизма	Научный атеизм История КПСС Научный коммунизм	7	1	Беляевский С. И. (зав. кафедрой) к. и. н.
	Кафедра философии и политэкономии	Эстетика Этика Политэкономия Марксистско-ленинская философия	7	-	Зав кафедрой нет, до этого кафедру возглавлял Голосов В. Ф. д. ф. н.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
Красноярский государственный педагогический институт	Кафедра научного коммунизма (создана в 1964). В отчете за 1967 г. обозначена как Кафедра философии и политэкономии		7 (13)	4	Тощенко Ж. Т. к. ф. н., уволился С 1968 г. и.о. зав. кафедрой Грещак В. А., к. ф. н. Кулакова В. И. к. ф. н. Николаев Р. Е. к. ф. н. Никольский И. Г. к. ф. н. Зав кафедрой до 1968 г. д. ф. н., профессор Голосов В. Ф. Дударь Л. А. Гендин А. М. Фалалеев А. Н.
	Кафедра истории КПСС		9	5	и.о. зав. кафедрой Артеменко А. Л. к. и. н. Шилов Н. С. к. и. н. Мешалкин П. Н. к. и. н. Корягин Б. Г. к. и. н. Елизарьева Н. Л. к. и. н.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
Абаканский государственный педагогический институт	Кафедра марксизма- ленинизма (1967–1968 г.)	Научный коммунизм Научный атеизм Исторический материализм Истории КПСС Диалектического материализма Марксистско- ленинской философии Политической экономии	17	8	зав. кафедрой Ултур- гашев С. П. к. и. н. Гладышевский А. Н. к. и. н.
Енисейский государственный педагогический институт	Кафедра марксизма- ленинизма (1967/1968 г.)	История КПСС Марксистско- ленинской философии Политэкономия Научный коммунизм Научный атеизм	7	2	зав. кафедрой Стефанская З. В., к. и. н. Воронков И. М. к. э. н
Красноярский государственный университет	Кафедра философии, политэкономии и научного коммунизма (1968–1970 г.)	Марксистско- ленинская философия Основы научного коммунизма Политэкономия	5(9)	2	зав. кафедрой Райбекас А. Я. к. ф. н. Тощенко Т. Ж. к. ф. н.

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
Красноярский политехнический институт	История КПСС (1968–1969 гг.)	История КПСС Диалектический материализм Политэкономия Научный коммунизм	19		зав. каф Белоусов Г. А. к. и. н. Горестов М. А. к. и. н. Модуль Р. М. Груш Д. Б. Васильев Д. А. Брылев К. А.
Красноярский институт цветных металлов	Кафедра политэкономии (1968–1969 г.)		8	3	зав. кафедрой Сергеев А. к. э. н. Русанов И. М. Спектор Л. Я. к. н. Кряжев П. Е. д. ф. н. (переведен ректором Коломенского педагогического института)
	Кафедра истории КПСС				
Сибирский технологический институт	Кафедра философии и научного коммунизма		16	5	Добрыднев И. В. зав. каф. аспирантура с сентября 1968 г. д. ф. н. Голосов В. Ф.
	Кафедра истории КПСС и политэкономии				

Научная и педагогическая работа в этот период регулировалась Постановлением ЦК КПСС и Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 14. 09. 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». Главная тема научных исследований и студенческих научно-практических конференций была посвящена столетию В. И. Ленина. Также в рамках научной работы были подготовлены монографии С. И. Беляевский «В. И. Ленин в Шушенском» (1970 г.) и коллективные труды на разных кафедрах общественных наук края «По Ленинскому пути», «Очерки истории партийной организации Хакассии», «Очерки истории Красноярской партийной организации», «Личность, коллектив, общество: социологические и экономические проблемы». Следует особенно подчеркнуть, что ученые выезжали на всесоюзные конференции в Москву, в Томск, в Ужгород и имели тесные научные связи с вузами Москвы, Свердловска, Новосибирска, Иркутска, Горького [13, л. 78; 14, л. 5]. Работы красноярских философов публиковались в журнале «Вопросы философии». Под руководством профессора Голосова В. Ф., одного из ведущих специалистов в крае, разрабатывались такие проблемы как ленинское философское наследие, проблемы научного управления обществом в период развернутого строительства коммунизма, социальные аспекты учебно-воспитательной работы в высших учебных педагогических заведениях [13, л. 76].

Кроме научно-исследовательской работы преподаватели кафедр общественных наук вели и значительную просветительно-пропагандистскую деятельность, выступая на методических семинарах РК КПСС в районах г. Красноярска, преподавая в вечернем университете марксизма-ленинизма при Горкоме КПСС, в школе марксизма при парторганизации Енисейского механического завода. Выступали с лекциями на заводах и КБО г. Енисейска и г. Красноярска, на НижнеЕнисейском СПК, разрабатывали лекции, беседы и инструктажи для агитаторов и политинформаторов края [13, л. 157]. Преподаватели кафедр общественных наук публиковались в газетах края «Советская Хакассия», «Ленин Чолы», «Красноярский рабочий» [13, л. 141].

Таким образом, кафедры истории КПСС и марксистско-ленинской философии в конце 60-х гг. XX в., выделившись из кафедр марксизма-ленинизма, проходили период своего становления и роста. Увеличивалось число преподавателей, хотя в отчетах звучала идея о нехватке кадров на кафедрах, педагоги активно готовили диссертации, так как большинство из них не имели степеней. Темы исследований редко выходили за пределы краевого материала, однако научно-исследовательская и общественно-пропагандистская деятельность в этот период была широкой.

Список источников

1. Артамонова Н. Я. Кафедра марксизма-ленинизма (к истории высшего образования в Хакасии) / Артамонова Н. Я. // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 5. С. 35–38.
2. Шурова Л. Н. Научно-исследовательская работа кафедр общественных наук вузов Кемеровской области в начале 70-х – начале 80-х годов / Шурова Л. Н. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 110–115.
3. Хаминов Д. В. Политика советского государства по развитию исторического образования и науки в национально-территориальных образованиях Сибири в 30–60-е гг. / Хаминов Д. В. // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). 183–186.
4. Жабчик С. В. Основные вехи становления и развития кафедры истории и политологии КубГАУ / Жабчик С. В. // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Краснодар, 2019. С. 77–79.
5. Очерки истории Иркутского государственного университета / [И. В. Олейников и др.; под ред. Ю. А. Зуляра]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 144 с.
6. Из XX в XXI век. Хроники Томского университета, 1995–2013: к 140-летию основания Томского университета / под ред.: Г. В. Майера, С. Ф. Фоминых]. Томск: Томский государственный университет, 2018. 467 с.
7. Историки о себе и не только: Исторический факультет Иркутского госуниверситета в воспоминаниях преподавателей и выпускников: [выпуск посвящен 100-летию Исторического факультета Иркутского государственного университета] / ответственный редактор и составитель: В. П. Шахеров. Иркутск: Оттиск, 2018. 357 с.
8. Кулакова Я. В. Исторические факультеты педагогических вузов Восточной Сибири на этапе становления / Кулакова Я. В. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 4. С. 18–22.
9. Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII – начало XXI вв.) / [Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова, С. Н. Ценюга и др.; отв. ред. В. И. Федорова]. Красноярск, 2014. 577 с.
10. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП (б). «О преподавании гражданской истории в школах СССР. 15 мая 1934 г.» [Электронная библиотека исторических документов. Российское историческое общество]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/353204>.
11. Постановления ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». [КарлМарксКлуб. Марксизм – наука о законах развития природы и общества]. URL: <http://karlmarxclub.ru/page/73>.

12. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК).
Ф. П-26. Оп. 50. Д. 20.
13. ГАКК Ф. П-26. Оп. 50. Д. 13.
14. ГАКК Ф. П-26. Оп. 50. Д. 14.

Л. Л. Москалев

Сибирский государственный университет науки и технологий

им. академика М. Ф. Решетнева

Красноярск, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Аннотация. В статье показаны особенности формирования федерально-региональной системы поддержки гуманитарных наук в Красноярском крае на рубеже XX–XXI вв. Соглашение Администрации Красноярского края и Российского гуманитарного научного фонда обеспечило поддержку научных исследований в области гуманитарных наук.

Ключевые слова: региональная научно-образовательная политика, федерально-региональные отношения, гуманитарная наука, научный грант, научный фонд

Abstract. The article shows the features of the formation of the federal-regional system of support for the humanities in the Krasnoyarsk region at the turn of the 20th and 21st centuries. The agreement between the Administration of the Krasnoyarsk region and the Russian Humanitarian Science Foundation provided support for research in the field of humanities.

Keywords: regional scientific and educational policy, federal-regional relations, humanities, scientific grant, scientific foundation

Изменения в экономической, социальной, политической сферах, происходившие в Российской Федерации в 90-е гг. XX в., привели к резкому снижению финансирования научно-образовательных организаций, что вело к уходу научных кадров в другие сферы деятельности, снижению привлекательности научной деятельности в глазах молодежи, угрожало разрушением сложившихся научных школ и направлений. Задачи сохранения целостности российского научно-образовательного пространства, обеспечения функционирования сложившихся научных школ и развития новых направлений в сфере гуманитарных наук в период резких общественных изменений вызвали необходимость создания структур поддержки научных исследований, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

В целях развития федерально-региональных отношений в сфере поддержки научно-образовательного комплекса Красноярского края в 1998–2001 гг. был принят ряд соглашений администрации Красноярского края с федеральными органами власти и фондами: Российским фондом фундаментальных исследований, Фондом содействия развитию малых форм

предприятий в научно-технической сфере, Министерством образования Российской Федерации и другими.

В сентябре 1999 г. между администрацией Красноярского края и Российским гуманитарным научным фондом было подписано соглашение о проведении совместных конкурсов научных проектов в области гуманитарных наук [1, с. 439–443]. В 2003 г. оно было пролонгировано. Соглашением от 07.08.2003 № 41 Российского гуманитарного научного фонда и Совета администрации Красноярского края предусматривалось проведение в 2003–2005 гг. конкурсов проектов в области гуманитарных наук на условиях, сформулированных в Соглашении от 07.08.2003 № 42 «О порядке финансирования конкурсов проектов в области гуманитарных наук на 2003–2005 годы» и Положения о конкурсах.

Отличительными особенностями конкурсов являлись, во-первых, приоритетное финансирование проектов, прошедших конкурсный отбор и независимую экспертизу, во-вторых, паритетное финансирование из федерального и регионального источников.

Основной целью конкурсов являлась консолидация усилий Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Красноярского края по финансовой поддержке актуальных научных исследований в области гуманитарных наук (включая междисциплинарные исследования), имеющих прикладной характер и направленных на изучение проблем, особо важных для социально-экономического и культурного развития региона. Конкурс проводился по следующим направлениям: история, археология, этнография (01), экономика (02), философия, социология, правоведение, науковедение, социальная история науки и техники (03), филология, искусствоведение (04), информационное обеспечение гуманитарных исследований (05), методология комплексного изучения человека, психология, педагогика, социальные проблемы медицины и экологии человека (06).

По условиям конкурса планировалось поддержать исследовательские и издательские проекты, проекты организации и проведения научных мероприятий и экспедиций, проекты создания информационных систем и развития научных телекоммуникаций, проекты развития материально-технической базы гуманитарных научных исследований, которые могут быть выполнены в течение одного года. Для исследовательских проектов допускался одно, двух и трехгодичный грант.

Соглашение явилось основой для внедрения грантовой системы поддержки научных проектов в области гуманитарных наук в Красноярском крае.

Для организационного обеспечения конкурса был создан и функционировал Региональный экспертный совет, который возглавлял ректор Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева, доктор исторических наук, профессор Н. И. Дроздов. В состав совета входили авторитетные ученые – доктора наук, профессора, представляющие вузы и научные организации г. Красноярска. Бюро совета

информировало о сроках и правилах проведения конкурсов, формировало пакт заявок, осуществляло предварительный и заключительный этапы экспертизы проектов. Региональный экспертный совет осуществлял рассмотрение проектов на первом и третьем этапе экспертизы. На втором этапе экспертизы проекты рассматривались экспертами Российского гуманитарного научного фонда по правилам Российского гуманитарного научного фонда.

Первый региональный конкурс был объявлен в 1999 году. В соответствии с Соглашением конкурс проводился за счет средств Российского гуманитарного научного фонда и администрации Красноярского края, выделяемых в на 2000 г. По итогам конкурса было поддержано 13 проектов на общую сумму 730,0 тыс. рублей. В 2000 г. шесть проектов выполнялись в Красноярском государственном педагогическом университете имени В. П. Астафьева, три в Сибирском государственном технологическом университете, два в Красноярском государственном университете, по одному в Институте леса СО РАН и в Красноярском краевом краеведческом музее. Некоторые из региональных проектов были завершены в течение 2000 г., другие, согласно заявленным планам, финансировались до 2001 г. и 2022 г.

В 2001 г., в дополнение к продолжающимся проектам, началось финансирование семи новых проектов. В их реализации приняли участие ученые из Красноярского государственного торгово-экономического института, Красноярской государственной медицинской академии, Красноярского научного центра СО РАН. В 2000 г. реализовывались научно-исследовательские и экспедиционные проекты, в 2001 г. к ним добавилось проведение научно-практических конференций. Экспедиционные работы производились на Среднем и Нижнем Енисее, в Северном Приангарье. В ходе экспедиций изучались культургенез таежного населения, материальная и духовная культура племен в эпоху железного века, проводились комплексные гуманитарные исследования. Учеными Института леса СО РАН изучалось влияние изменений климата на освоение территорий и хозяйственную деятельность населения Сибири за последние полтысячелетия, были проведены работы по моделированию потенциальных смен растительных зон и биомов Сибири при изменении климата с использованием технологии нейросетей. Проводились исследования по таким направлениям наук, как история, археология, экономика, социология, филология, психология, педагогика. В 2001 г. эти направления дополнились медико-социальными исследованиями. Также в этом году победителями стали проекты по проведению научно-практических конференций. Проведена конференция «Молодежь и пути России к устойчивому развитию, посвященная памяти академика В. А. Коптюга и конференция (включая семинар молодых ученых), посвященная проблемам и перспективам социологической науки, где особое внимание было уделено формированию Сибирских региональных научных школ в социологии [2, с. 9–43].

За 2000–2005 гг. в рамках регионального конкурса было поддержан 61 проект. В 2005 г. по результатам конкурса было поддержано 15 проек-

тов с объемом финансирования 800,0 тыс. руб. со стороны Российского гуманитарного научного фонда и 800,0 тыс. руб. со стороны края. Из 15 проектов 14 относилось к научно-исследовательским (в том числе 11 продолжающихся) и 1 к научным мероприятиям (Всероссийская научная конференция «История науки и образования в Сибири», организованная Красноярским государственным педагогическим университетом им. В. П. Астафьева).

Исследования 2005 г. были направлены на создание системы мониторинга качества подготовки учителей, изучение ценностного сознания молодежи и реализации молодежной политики в крае, активизацию научно-исследовательской работы педагогов, студентов и школьников на основе региональных телекоммуникационных проектов и внедрения инновационных подходов. Изучение памятников культурного наследия (материальных и духовных) было направлено на формирование исторической памяти и патриотическое воспитание подрастающего поколения. Для кадровой политики в основных отраслях производства края весьма актуальным являлось исследование кадрового потенциала лесной отрасли, проведенное учеными Сибирского государственного технологического университета [3, с. 87–90].

Региональный конкурс, проведенный в 2000–2005 гг., стимулировал научно-исследовательскую деятельность ученых Красноярского научного центра СО РАН, Красноярского краевого краеведческого музея, Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, Красноярского государственного университета, Сибирского государственного технологического университета, Красноярского государственного торгово-экономического института, Красноярской государственной медицинской академии, Красноярского государственного технического университета, Красноярской государственной архитектурно-строительной академии, Сибирского государственного аэрокосмического университета, Сибирского юридического института МВД России, Красноярского филиала Московского гуманитарно-социального университета, выступил механизмом сохранения и развития научных школ и направлений гуманитарных исследований в Красноярском крае.

Организация регионального конкурса позволила приблизить спектр разработок красноярских ученых-гуманитариев к региональной проблематике, поддержать актуальные проекты, связанные с решением задач, поставленных в программе социально-экономического развития края до 2010 г. Результаты исследований были использованы в качестве учебно-методического и научного сопровождения национально-регионального компонента государственного образовательного стандарта, для внедрения здоровьесохраняющих технологий в образовании. Краеведческие научные, методические и культурологические материалы использовались при решении задач органов исполнительной власти Красноярского края, например, в организации государственной охраны памятников истории и культуры края.

Соглашение с Российским гуманитарным научным фондом позволило консолидировать усилия сторон для поддержки научных исследований в области гуманитарных наук, направленных на изучение проблем, особо важных для социально-экономического и культурного развития Красноярского края. По итогам конкурсов были поддержаны исследовательские проекты, проекты организации научных мероприятий на территории Российской Федерации, проекты организации экспедиций, проекты создания информационных систем.

Список источников

1. Лепешев А. А., Москалев А. К., Москалев Л. Л., Невзоров В. Н. Научно-образовательная политика Красноярского края. Нормативно-правовые документы. Красноярск, 2001. 467 с.
2. Аналитические материалы по результатам проведения регионального конкурса РГНФ в Красноярском крае в 2000–2002 годах. Красноярск: РИО КГПУ, 2003. 64 с.
3. Москалев Л. Л. Региональная система поддержки научных исследований в гуманитарной сфере // История науки и образования в Сибири: сборник материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Красноярск, 2006. С. 87–90.

РАЗДЕЛ 6. РОЛЬ АРХИВОВ, МУЗЕЕВ, БИБЛИОТЕК В СОХРАНЕНИИ И ИЗУЧЕНИИ ФОРМ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

УДК 025.171

И. С. Агафонов¹, Н. П. Нагибина²

^{1,2} Пермский государственный институт культуры
Пермь, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ РЕДКИХ И ЦЕННЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В статье рассматривается период формирования фонда краеведческих документов Национальной библиотеки Удмуртской Республики. Описываются процессы работы, связанные с выделением фонда редких и ценных краеведческих изданий библиотеки. Приводятся описания коллекций этих документов.

Ключевые слова: Национальная библиотека Удмуртской Республики, сохранность библиотечных фондов, редкие и ценные издания, национальное культурное наследие Удмуртии

Abstract. The article deals with the period of formation of the collection of local history documents of the National Library of the Udmurt Republic. The processes of work connected with the allocation of the fund of rare and valuable local history editions of the library are described. Descriptions of the collections of these documents are given.

Keywords: National Library of the Udmurt Republic, preservation of library funds, rare and valuable editions, national cultural heritage of Udmurtia

За годы существования Национальная библиотека Удмуртской Республики (НБ УР) стала главным книгохранилищем Республики с фондом более 1,6 млн экз. документов. Важной частью общего фонда является национальный фонд Центра национальной и краеведческой литературы и библиографии (Центра). На начало 2024 г. он насчитывает более 80 тыс. экз.

Особое место в этом фонде занимают издания или их копии 1770–1917 гг. К ценным документам фонда относится репринтное издание книги «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка», автором которой является митрополит Казанский и Свияжский Вениамин (в миру Василий Григорьевич Пуцек-Григорович). Труд, вышедший в Санкт-Петербурге в 1775 г., признан первой научной грамматикой удмуртского

языка, а 1775 г. считается началом удмуртской письменности. В фонде хранится микрофильм рукописи «Краткий вотский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный села Еловского Троицкой церкви священником Захарием Кротовым», датированной 1785 г. Имеются ксерокопии книг, считающихся первыми на удмуртском языке: «Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. евангелистов Матфея и Марка на русском и вотякском языках, Глазовского наречия» (1847) и «Господа нашего Иисуса Христа Евангелие от св. евангелиста Матфея на русском и вотякском языках, Сарапульского наречия» (1847). Отдел располагает ксерокопиями первых учебных пособий для преподавания на удмуртском языке: «Азбука, составленная из российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения вотских детей чтению на их наречии: (По Глазовскому)» (1847), азбука для вотских детей «Лыдзюн» Н. Блинова (1867), «Букварь для крещеных вотяков» (1875), «Первая книга для чтения на вотском языке» И. Михеева (1907) и др [1, с. 41].

Большой интерес представляют дореволюционные историко-этнографические и лингвистические труды российских и зарубежных исследователей об удмуртах и удмуртском языке. Фонд обладает самым старым изданием такого типа – ксерокопией книги «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году» (1770). Есть ксерокопии работ академика Петербургской Академии наук Ф. Видемана. Среди них – изданная в Ревеле (ныне Таллинн) на немецком языке «*Grammatik der wotjakischen Sprache*» (1851). Эта научная грамматика удмуртского языка, по словам удмуртского лингвиста И. Тараканова, отличается богатством собранного материала. В фонде собраны оригиналы нескольких работ об удмуртском языке финского ученого Ю. Вихманна, вышедшие в конце XIX – начале XX вв. К тому же периоду относятся оригиналы и ксерокопии книг «Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии» В. Кошурникова (1880), «Вотяки» В. Смирнова (1890), «Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний» И. Васильева (1906) и др. Сохранились прижизненные издания этнографов Г. Верещагина и Н. Первухина [1, с. 42].

Целенаправленное формирование фонда дореволюционных документов началось лишь после организации отдела краеведческой и национальной (ныне финно-угорской) литературы, когда краеведческий (национальный) фонд выделили из общего фонда библиотеки. Часть дореволюционных изданий поступила в годы советской власти из реквизированных частных собраний, фондов Нагорной, Заречной и других библиотек Ижевска. Большую часть книг получили из Кировской областной универсальной научной библиотеки им. А. И. Герцена. В последующие годы документы присылали из разных мест в основном в виде ксерокопий и микрофильмов. Так, в 1990 г. поступили 80 микрофильмов, а с 1991 по 1994 гг. – 263 микрофильма и 103 ксерокопии редких изданий. Многими копиями фонд пополнился в 1997–1998 гг. – 443 экз. В результате фонд дореволю-

ционных документов отдела в 2000 г. составлял 1 340 экз. В период с 2000 по 2010 гг. в отдел редких и ценных документов передали немало источников информации: 707 экз. книг и продолжающихся изданий, 126 номеров журналов, 10 подшивок и 11 номеров единичных газет, 30 микрофильмов и одну рукопись.

В 1990-е гг., при создании электронного Сводного краеведческого каталога НБ УР, сотрудники отдела государственной и национальной библиографии ввели 1208 библиографических записей о книгах дооктябрьского периода по библиографическим источникам, изданиям фонда библиотеки и карточным каталогам других библиотек. Тогда же удалось выявить документы, отсутствующие в фонде НБ УР. Для этого использовались каталоги библиотеки Удмуртского государственного университета, библиотеки Удмуртского института истории, языка и литературы, Центрального государственного архива Удмуртской Республики, Национального музея Удмуртской Республики, библиотеки сарапульского Музея истории и культуры Среднего Прикамья, Глазовской публичной библиотеки им. В. Г. Короленко, Кировской, Свердловской и Пермской областных библиотек, библиотеки Казанского государственного университета, Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Государственного научно-исследовательского центра языков Финляндии «Финно-угорская библиотека», Славянской библиотеки Хельсинкского университета. В последующие годы эта деятельность продолжилась, например, в краеведческую базу данных «История книги» ввели 1 234 библиографические записи.

Местонахождение ряда изданий не определено, их выявление ведется совместно отделами редких и ценных документов, краеведческой и финно-угорской литературы. Так, из 216 названий удмуртских книг и брошюр, опубликованных по данным ученого Ф. Ермакова до революции, в национальном фонде НБ УР хранятся 164 названия. Оригиналы – в отделе редких и ценных документов, ксерокопии – в отделе краеведческой и финно-угорской литературы. С целью восполнения лакун изучается полный (по мнению издателей) каталог дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке, представленный в монографии «История удмуртского литературного языка, XVIII–XXI века» Б. Каракулова [2, с. 52]. Всего в каталоге 378 названий датированных и 40 недатированных источников.

В период с 2000 по 2005 гг. в подфонд редких и ценных документов отдела краеведческой и финно-угорской литературы влились издания 1918–1929 гг. выпуска – 760 названий. Эти книги первых лет советской власти внешне скромны и непритязательны, но они имеют историческую ценность, поскольку несли новому читателю революционные идеи, смелое слово, неожиданные решения, учили активно познавать и переделывать мир. В их ряду – прижизненные издания историографа П. Луппова, общественного деятеля Т. Борисова, писателя Кедре Митрея, поэтессы Ашальчи Оки, поэта и ученого Кузубая Герда и др.

Во второй половине 1930-х гг. репрессии в отношении писательской организации Удмуртии повлекли за собой изъятие работ авторов из издательств, книготорговой сети и массовых библиотек. Были запрещены произведения Ашальчи Оки, К. Герда и гердовцев, все изданные ранее Удмуртским НИИ (ныне Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН) труды по истории удмуртского народа, по литературе и фольклору, удмуртскому языку, народному изобразительному искусству. Изымались «переводные книги, редактированные разоблаченными врагами народа»: П. В. Кильдибековым, Ф. Макаровым, С. М. Бурбуровым, К. Н. Ивановым, Г. С. Медведевым, М. А. Коноваловым, А. Н. Клабуковым, Д. И. Корепановым, А. Эриком (А. Н. Наговицыным), П. А. Кривошеиным, А. Я. Вьюговым, П. Русских, М. И. Игнатьевым, Ф. Егоровым, В. И. Будиным, С. П. Жуйковым, С. Колесниковым, И. Постниковой, П. И. Баженовым, М. И. Волковым [2, с. 53].

В конце 1937 г. в Национальной библиотеке организовали спецфонд (спецхран) из запрещенных к выдаче книг. В этом фонде могли быть книги репрессированных удмуртских писателей. В ходе исследования истории спецфонда главным библиографом отдела редких и ценных документов Н. Гроздовой [3, с. 116] такие книги не выявлены, возможно, их уничтожили. Предстоит выявить эти издания по библиографическим источникам. Данную проблему скорее всего удастся решить с помощью Свода книжных памятников Удмуртской Республики.

Издания 1770–1929 гг. (оригиналы и ксерокопии) размещены на отдельных стеллажах в алфавите авторов и заглавий. Листовые материалы и отдельные оттиски разложены в файловые папки. Многие документы не сохранились в первоначальном виде: утрачены обложки и титульные листы, а значит, нет сведений о выходных и других данных. Поэтому предстоит сделать более точное библиографическое описание документов. В течение 2008–2009 гг. выделены книги 1930 г. издания (109 названий) и 1941–1945 гг. издания (367 названий). Они расставлены на отдельных полках в алфавитном порядке..

В целях сохранности редких и ценных книг, имеющих особую общественную, научную и культурную значимость для Удмуртской Республики, осуществляется их перевод в электронный формат. Уже оцифрованы 108 документов, которые доступны для пользователей в полнотекстовой электронной библиотеке «Книжные редкости Удмуртии» на сайте НБ УР (<http://unatlib.org.ru>). Среди них: «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний» Б. Гаврилова (1880), «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда» Н. Первухина (1888–1890), «Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний» И. Васильева (1906), «Материалы к изучению Вятского края. К вопросу о краниологическом типе бесермян Вятской губернии» М. Хомякова (1911) и др. В состав коллекции вошли произведения 20–30-х гг. XX в. (в т. ч. И. Яковлева, П. Луппова, К. Герда, Ашальчи Оки, М. Ильина) [3, с. 117].

Немалую часть фонда составляют периодические издания. Собираются и хранятся все номера журналов с момента выхода в свет, например: «Кенеш» – «Пролетар кылбурет удысын» – «Кылбурет удысын» – «Молот» – «Кенеш» (с 1926 года). Хранятся копии отдельных номеров газет «Войнаысь ивор» (1917), «Виль синь» (1918), «Югыт сюрес» (1919), «Сюрло» (1920), подшивки газеты «Гудыри» и др. Для обслуживания читателей периодическими изданиями используется также фонд микрофильмов: микрофильмированы все сохранившиеся номера республиканских газет «Удмурт дунне» (1926–2005), «Удмуртская правда» (1919–2005), «Комсомолец Удмуртии» (1940–1942, 1952–1969). Вместе с тем, следует отметить, что качество микрофильмов, поступивших в 1990-е гг., неудовлетворительное: происходит разрушение пленки, она желтеет, скручивается, текст на ней угасает. В отделе нет оборудования для хранения аудиовизуальных материалов. По этой причине необходимо перевести издания в электронный формат.

Обогащают фонд и повышают его социокультурную значимость книги с автографами, переданные в дар библиотеке писателями, учеными, общественными деятелями и др. Около 200 таких книг расставлены на отдельном стеллаже в алфавитном порядке их авторов и заглавий. Каждый документ коллекции промаркирован ярлыком зеленого цвета. Издания с автографами предоставляются пользователям только в читальном зале; по МБА и на научный абонемент книга выдается лишь при наличии дублетного экземпляра ценного документа. Предстоит создать отдельную картотеку на эту коллекцию. Кроме того, в фонде отдела есть книги с автографами авторов, подписанные президенту Удмуртской Республики, депутатам Госсовета, другим лицам. Они поступили в отдел в разное время и размещены в основном фонде.

Личные коллекции получены в дар от известных языковедов Удмуртской Республики В. Алатырева, А. Поздеевой, И. Тараканова. Самая значительная из них – А. Поздеевой. Здесь представлены не только уникальные книги по языкознанию, но и словари, материалы различных конференций, оттиски научных работ и пр. В коллекции В. Алатырева имеются списки его трудов, составленные самим ученым, уникальные фотографии. Каждый документ промаркирован: ярлык красного цвета указывает на принадлежность его к личной коллекции. Расставлены документы на отдельном стеллаже в алфавите дарителей коллекции, а внутри – в алфавите авторов и заглавий. Каждая коллекция описывается для внесения ее в Свод книжных памятников Удмуртской Республики[3, с. 118].

В национальном фонде отдела имеются рукописи произведений удмуртских писателей В. Ванюшева, Ф. Васильева, М. Гавриловой-Решитько, А. Евсеевой, Е. Загребина, В. Садовникова, С. Самсонова и др.

В 1995–2005 гг. в НБ УР записывались на аудиокассеты голоса людей, которые внесли значительный вклад в развитие науки и культуры Удмуртии. Коллекция устных мемуаров состоит из 147 фонодокументов. Среди них записи голосов писателя Е. Загребина, литературоведа З. Бого-

моловой, композитора Г. Корепанова-Камского, артиста Г. Соловьева, ученого К. Куликова, конструктора М. Калашникова, художника П. Елкина, спортсменки Г. Кулаковой. Не исключено, что эта работа продолжится, с использованием новых технологий, так как имеющиеся аудиокассеты требуют перезаписи на другой материальный носитель [4, с. 108].

Небольшую часть национального фонда составляют около 500 фотодокументов. Уникальность этой коллекции в том, что в ней отражены моменты из жизни видных людей Удмуртской Республики. Фотодокументы существуют нередко в единственном экземпляре, их нет ни у героя фотопортрета, ни у другой организации, так как эти моменты запечатлены в НБ УР. Фотографии собраны в фотоальбомы.

В фонде Центра национальной и краеведческой литературы и библиографии НБ УР выделены карты. Их тематика охватывает все территориальные аспекты природной среды, социально-экономической и административной структур, истории Удмуртии. В ходе создания краеведческой базы данных «Карты» проводилась сверка карт в фонде отдела, в фондах других учреждений и организаций, наличие их в книгах. В электронном варианте библиографического указателя «Картографические издания об Удмуртии» (2004) представлены 142 карты в полнотекстовом виде в *DjVu*-формате. Проблема работы с картографическими изданиями состоит в том, что листовый материал быстро изнашивается при выдаче пользователям. Следовательно, требуется все карты трансформировать в электронный формат [4, с. 109].

На основе результатов состояния фонда Центра, полученных в результате проведения Всероссийского мониторинга состояния сохранности библиотечных фондов, организованного в 2023 г. Российской государственной библиотекой, выделены следующие перспективные задачи, связанные с редкими и ценными документами краеведческого характера НБ УР: приумножать фонды изданий 1770–1930, 1941–1945 гг. как части национального фонда; выделить в фонде отдела коллекции; перевести в электронный формат наиболее редкие и ценные материалы; соблюдать нормативные условия хранения ценной части фонда отдела; регулярно проводить консервационные мероприятия.

Список источников

1. Русских С. Б. Формирование книжных коллекций. Редкие издания по истории Удмуртии // Библиотечное дело. 2011. № 19 (157). С. 41–42.

2. Павлова И. Ф. Издание художественных произведений для удмуртских детей в 1920–1930-е гг. // Финно-угорский мир. 2014. № 1 (18). С. 52–55 [Электронный ресурс]. URL: Издание художественных произведений для удмуртских детей в 1920–1930-е гг. (elibrary.ru) (дата обращения: 09.04.2024).

3. Зайцева Т. И., Павлова И. Ф. Издание художественной литературы в Удмуртии 1941–1945 гг. // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 3

(27). С. 115–119 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26690555&ysclid=lusabrcud966035499> (дата обращения: 09.04.2024).

4. Агафонов И. С., Чуприн К. П. Национальная электронная библиотека Удмуртской Республики как ресурс сохранения и популяризации культурного наследия Удмуртии // Библиотеки в культурном пространстве региона: концентрация опыта и генерация идей. Сб. мат-лов науч.-практич. конф., посвященной 185-летию ПГКУБ им. А. М. Горького / С. В. Пигалева (науч. ред.), А. В. Костицина (ред.). Пермь, 2022. С. 106–110 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48307024> (дата обращения: 09.04.2024).

Ф. Р. Бадрутдинова¹, Г. И. Каюмова²

^{1,2} Институт Татарской энциклопедии и регионоведения

АН Республики Татарстан

Казань, Россия

ЗАКАЗАНЬЕ: МУЗЕЙ «ИСТОРИЯ СИБИРСКОГО ТРАКТА»

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории создания и деятельности музея «История Сибирского тракта», расположенного в деревне Карадуван Балтасинского района Республики Татарстан. Музей, действующий под крышей здания, появление которого непосредственно связано с Сибирским трактом и ныне является памятником архитектуры, служит сохранению и развитию историко-культурного наследия народа, воспитанию бережного отношения к истинным ценностям родного края и страны.

Ключевые слова: *Сибирский тракт, Карадуван, историко-культурное наследие, музей «История Сибирского тракта», почтовая станция, этапный дом*

Abstract. The article is devoted to the study of the history of the creation and operation of the museum «History of the Siberian Tract» in Karaduvan village of Baltasy district of the Republic of Tatarstan. The museum operating under the roof of the building, the appearance of which is directly connected with the Siberian Tract and is now an architectural monument, serves to preserve and develop the historical and cultural heritage of the people, to foster respect for the true values of their native land and country.

Keywords: *Siberian Tract, Karaduvan village, historical and cultural heritage, «History of the Siberian Tract» museum, post office, stage house*

Музеи играют существенную роль в культурно-историческом пространстве всего человечества, «осуществляют важную миссию сохранения, изучения и пропаганды культурных ценностей» [1, с. 16], вносят значительный вклад в развитие человеческого потенциала. В силу этого исследование истории формирования и развития музейной сети Татарстана представляется важной и значимой научной проблемой. Данному вопросу посвящен ряд публикаций Р. А. Айнутдинова, З. З. Гилазева, Г. Р. Назиповой, К. А. Руденко, К. Р. Синицыной, А. Ю. Сулова и других авторов, рассматривающих как эволюцию музейного пространства Татарстана в последние десятилетия в целом, так и отдельные сюжеты данного процесса. В 2022 г. Институтом Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан увидел свет справочный комплект «Музеи Татарстана (1991–2021)», который призван расширить информационное пространство, раскрывающее основные векторы деятельности музеев различного рода (государственные, муниципальные, ведомственные, частные, школьные и др.) Республики Татарстан [1].

В центре Советской площади города Казани есть неприметный памятник в виде верстового столба. Он появился сравнительно недавно – в 2015 г. и стоит в самом начале одной из самых старинных улиц столицы Татарстана – Сибирского тракта. Памятник-реквием напоминает прохожим о назидательной истории поистине великой дороги, судьба которой неразрывно связана с историей страны. «В этом месте, где сейчас расположена Советская площадь, с невольников перед предстоящим длинным путем снимали кандалы. Считалось, что именно здесь, за границей городской черты, и начинается Сибирь... Когда на улице Сибирский тракт в советские годы решили пустить трамвай, то рабочие при подготовке трассы для укладки шпал и рельсов обнаружили здесь, в районе Советской площади, с полтонны тяжелых кандалов» [2], – пишет В. Дынник. До революции Сибирский тракт начинался от пересечения нынешних улиц Карла Маркса и Горького, которые в то время назывались улицами Арская и Лядская. На этом месте, напротив Варваринской церкви, стояла Сибирская застава. В начале XVIII в. «Сибирской заставой» назывался и мост, проходящий через одноименный овраг. Закрепление за улицей названия «Сибирский тракт» относится к XIX в.

Центральная улица деревни Карадуван, расположенной в ста километрах северо-восточнее Казани, также называется Сибирским трактом. Посередине проходит асфальтированная дорога. Как пишет И. Халитова: «В Карадуване есть свой Сибирский тракт... Самый что ни есть настоящий – небольшой отрезок той самой дороги, по которой несколько веков шли торговые обозы, гоняли ямщики, и брели, звеня кандалами, колонны каторжан... Та Большая Сибирская дорога, которая в начале XVIII в. прочно соединяла центральную Россию через Москву, Нижний Новгород, Казань с Красноярском и Иркутском, а далее и с Владивостоком, под неизбежным натиском технического прогресса давно выпрямлена и сокращена, а та, старинная, за ненадобностью, давно травой да лесом проросла» [3]. Этот отрезок, оставшийся в выпрямленной части покрытой булыжником старинной дороги ныне тоже активно не эксплуатируется. Но мы должны признать, что именно она является самым уникальным «экспонатом» музея «История Сибирского тракта» деревни Карадуван Республики Татарстан.

Вкратце о самой деревне Карадуван: расположена она в Балтасинском районе Республики Татарстан, на реке Шошма, в 7 км к западу поселка городского типа Балтаси. Основана в период Казанского ханства. В XVIII – 1-й половине XIX вв. жители относились к категории государственных крестьян. Основные занятия жителей в этот период – земледелие и скотоводство, были распространены мукомольный, кузнечный, скорняжный, ткацкий и портняжный промыслы, торговля. В конце XVIII в. в деревне действовали кожевенный завод купца М. Рахмандеева, 2 водяные мельницы. В начале XX в. функционировали мечеть (1866 г.), медресе, почтовая станция, этапный дом для пересыльных, постоялый двор, 4 мелочные лавки, водяная мельница. В этот

период земельный надел сельской общины составлял 881 десятины... В настоящее время действуют дом культуры, детский сад (с 1980 г.), библиотека (в 1930–1950 гг. – изба-читальня), филиал Балтасинской детской школы искусств, фельдшерско-акушерский пункт, спортплощадка, мечеть «Хусаиновы» (с 2007 г.). В деревне работают музеи Мусы Джалиля (с 1976 г.) и «История Сибирского тракта» (с 1995 г.). Музеи располагаются в двухэтажном доме купца М. М. Мулюкова, построенном в 1911 г. (памятник жилой архитектуры в стиле эклектики псевдорусского направления), на первом этаже размещались кладовые и торговые павильоны, на втором – гостиничные номера [4; 5; 6].

«Учреждения культуры оказывают значительное влияние на формирование социокультурного пространства, музеи в этом процессе принимают непосредственное участие» [7, с. 222]. Примечательным фактом является то, что в небольшой деревне (по данным 2024 г. население – 604 человек [8]) были созданы выше указанные два музея. В 1905–2006 гг. они функционировали как филиалы Национального музея РТ. В Татарской энциклопедии этим музеям деревни Карадуван посвящена отдельная статья, где отмечена, что площадь их экспозиции – 245 м², коллекции насчитывают свыше 5 тысяч единиц хранения [6]. За время, прошедшее с момента издания 5-го тома Татарской энциклопедии (2016 г.), в котором была опубликована данная статья, каждый из двух музеев обогатился экспонатами: общий фонд насчитывает 5 488 экспонатов, из которых 4 003 составляют основной фонд, 1 485 – в вспомогательном фонде; площадь экспозиции – 301 м². Основатель музеев – бывший директор местной школы, заслуженный учитель школ РСФСР, по образованию физик-математик, по духу исследователь, автор более 10 книг по краеведению Баки Шаймуллович Зиятдинов. С 2011 г. коллектив из четырех сотрудников возглавляет Фирая Муллазиевна Зиятдинова. Далее речь пойдет именно об одном из этих музеев – музее «История Сибирского тракта».

«Музей в наши дни является многофункциональным составляющим нашего общества» [9, с. 211]. Музеи же определенной местности играют весомую роль в изучении местной культуры, в развитии краеведения и являются хранилищем духовных и материальных ценностей, также исторического наследия не только локального значения, но и более широкого масштаба. Музей «История Сибирского тракта» является одним из таких значимых музеев.

Историческое здание, которое в начале прошлого столетия с далеко идущими планами специально было построено на оживленной дороге, наряду с отрезком старинного тракта, также можно считать своеобразным экспонатом музея. Оно уже более века служит добрым делам, и в настоящее время находится в хорошем состоянии. На втором этаже находятся экспозиции «История Сибирского тракта», «История деревни Карадуван». Среди экспонатов по истории почтовой связи (начиная с 1790) – одежда ямщиков, конская сбруя, поддужные колокольчики, образцы почтовых до-

кументов, писем XIX в., почтовая карта Казанской губернии 1797, карта почтово-телеграфного округа Казанского уезда 1887, аппарат Морзе, телефонный аппарат начала XX в., форменная одежда почтовых служащих 1940-х гг., первые советские телевизоры. В разделе экспозиции, посвященном истории деревни Карадуван, – краеведческие материалы, личные вещи бывшего владельца дома, в котором расположен музей, предметы народного декоративно-прикладного искусства и этнографии. Наиболее ценные экспонаты – документы и награды основателей школы в Карадуване, калфаки начала XX в [1, с. 137; 6, с. 253].

Сибирский тракт стал объектом нашего интереса в связи с тем, что проходит через столицу Республики Татарстан – Казань и деревень, расположенных Заказанью. В этой статье мы, опираясь на материалы данного музея, стараемся дать представление об общей истории Сибирского тракта, его функциях, жизненно-хозяйственных особенностях населенных пунктов вдоль большой дороги.

Сибирский тракт или Московский тракт в разное время проходил по разным местам и носил названия: Главный Сибирский почтовый тракт, Большой Сибирский тракт, Большой тракт, Великий тракт, Московско-Иркутский тракт, Московско-Сибирский тракт, Восьмой государственный тракт, Царская дорога, Екатерининская дорога и др. Начиная с Москвы он доходил до Муром, Козьмодемьянска, Казани, Осы, Перми, Кунгура, Екатеринбурга, Тюмени, Тобольска, Тары, Каинска, Колывани, Томска, Енисейска, Иркутска, Верхнеудинска, от Нерчинска до Кяхты – границы империи Цин. В конце XVIII – начале XIX вв. часть тракта, которая находилась за Тюменью, переместилась южнее: через Ялуторовск, Ишим, Омск, Томск, Ачинск и Красноярск в Иркутск и стала прежней. На Казанском верстовом столбе указано расстояние вот этой самой, говоря современным языком, «первой очереди» дороги – южной ветки от Москвы до Китая: 8 839 верст. Если перевести в привычный нам километраж – почти 9 500 км. Южная ветка имела особое название – «Великая чайная дорога». Этой дорогой из Китая в Россию возвращались караваны с чаем.

Следует отметить, что в начале XVIII в. дороги, ведущие в Сибирь, не проходили через Казань. Со второй половины XVIII в. «европейская часть правительственного тракта, выпрямленного в 1735 г., проходила через Владимир (ранее – Вологда), Казань, Пермь, Кунгур, Екатеринбург, затем через Тюмень, Тобольск, Тару, Каинск, Красноярск, Нижнеудинск, Иркутск, Верхнеудинск, Якутск, Охотск, Верхнекамчатск до порта Петропавловск, общая протяженность тракта от Москвы составляла 12 687 верст» [10, с. 82, 83]. Несмотря на то, что Сибирский тракт имел название «Дорога каторжан», он был проложен в целях, связанных с политической и экономической жизнью страны, раскинувшейся на огромных просторах. В своей книге «Тайны Сибирской дороги» Б. Зиятдинов писал: «...Когда войска Ивана Грозного захватили Казанское ханство, у него появилась возможность покорить Сибирь, один за другим осваивались Сибирские области. <...> Колонизация Сибири не была возможной без дорог.

На Урале начались добыча руды, литейное дело, а для их развития требовались надежные дороги, соединявшие Урал и Сибирь с Санкт-Петербургом, Москвой и другими городами центральной части» [11, с. 5], указывая на важнейшую причину, побудившую к строительству тракта. В другом же труде он разъяснял вопрос о Сибирском тракте через город Казань: «Начальник Канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов В. Н. Татищев в 1735 г. направил в Сенат письмо, в котором говорилось, что дорогу надо провести через Казань, так как в таком случае Сибирский тракт сократится на 409 верст и пройдет по более удобным местам. В 1754 г. Берг-коллегия (государственное учреждение), в свою очередь, высказал Сенату аналогичное мнение. Исходя из этого, Сенат постановил в том же году учредить особую Ямскую канцелярию для устройства почтовых перевозок из Москвы через Казань по маршруту Кунгура, Екатеринбурга, Тобольска и держать на станции не менее четырех лошадей, перевозить почту два раза в неделю» [12, с. 24]. Таким образом, во второй половине XVIII в. главная дорога в Сибирь была проложена через Казань.

Отрезок дороги, проложенный между Казанью и Заказанью, возник во время царствования Екатерины II. Понятно, почему местные жители называли Сибирский тракт «Эби-патша юлы» – «Дорога царь-бабушки». Одновременно со строительством дороги в населенных пунктах вдоль тракта появились почтовые станции, этапные дома. В Карадуване была и станция, и этапный дом. В 1997 г. в архиве Центрального музея связи в Санкт-Петербурге была обнаружена почтовая карта Казанской губернии 1797 г. В Карадуванском музее можно увидеть увеличенную копию более чем двухсотлетней карты. С ее помощью было установлено, что станция Карадуван и последующая станция Янгулово были построены между 1781–1790 гг. Благодаря работе в архивах, а также многолетним обширным поискам музейных работников, мы сегодня имеем возможность ознакомиться с очень точными и строгими правилами почтовой связи вообще и с порядком работы Карадуванской станции в частности. В музее хранятся подлинники и копии документов, касающиеся деятельности большой почтовой станции, в которой содержалось 32 лошади. В станциях поменьше и число лошадей было меньше: от 4-х до 14-ти. То, что в небольшой деревне имелись две кузницы, несколько кузнецов, объясняется количеством станционных лошадей, да и по тракту проезжало немало обозов, карет. Ямщиками на почтовых станциях работали жители самой деревни. Занятие это называлось «почтовой гоньбой». Известно, что в Карадуване несколько семей, например, прадед, дед и отец долгожителя Рахимзяна Ахметзянова, родившегося в 1905 г. и почившего уже в новом тысячелетии, а также несколько поколений рода Сагдиевых занимались почтовой гоньбой. Кстати, в десяти верстах от города Малмыж, на Вятке находится поселок Гоньба, названный по роду основного занятия жителей.

Деятельность Сибирского тракта в разные периоды регулировалась различными указами и распоряжениями. Указ внука «царь-бабушки»

Александра I от 12 августа 1817 г. внес изменения в жизнь селений на Сибирском тракте, который считался правительственной дорогой, добавив к ним новые функции. В музее можно получить разнообразную информацию и о строительстве, содержании, категориях дорог. Несмотря на одно название – «правительственная дорога», не все дороги находились на одном уровне – были разделены на категории. В Казанской губернии, например, дорога из Казани, ведущая через деревни Заказанья – Карадуван, Балтаси, Янгулово, Бурнак и др. в город Малмыж, считалась дорогой первой категории – столичной дорогой. Вторая категория – губернские дороги (например, Казань–Симбирск). Третья категория – уездные дороги (например, Казань–Мамадыш). Четвертая категория – дороги между уездными городами (например, Лаишево–Спасск). Кроме этого, были еще временные дороги (например, Казань–Верхний Услон, Казань–Свияжск).

Следует отметить, что не все почтовые станции занимались приемом и отправкой писем, посылок и т. д. Станция Карадуван, расположенная на дороге первой категории, была единственной такой крупной станцией на расстоянии ста километров. В интервью журналисту газеты «Республика Татарстан» Б. Зиятдинов рассказал, что «в музее имеются достоверные сведения, что сюда за корреспонденцией приходили даже шакирды (учащиеся медресе – высшего учебного заведения мусульман – *авт.*) из Кышкар, а это от нас почти 30 км к Арску» [3].

Конная почта, являвшаяся в XVIII–XIX вв. единственным средством связи, выполняла три основные функции: первая – доставка царских указов и других ценных документов в нужное место (этот вид почты назывался «эстафетой»), вторая – обычная почта (перевозка писем, посылок, деловых бумаг), третья выполняла роль конного транспорта. На «эстафете» менялись только лошади и ямщики, которые должны были бежать со скоростью не менее 12 верст в час. Для поддержания почтовой связи в порядке был заключен контракт между «почтовым департаментом» и предпринимателями, взявшими на себя ведение почтового дела. По контракту перед осуществляющими почтовую связь ставились задачи, касающиеся перевозки лошадей, деятельности станции. Как крупная почтовая станция, эти требования строго соблюдались начальниками Карадуванской станции – должностными лицами «станционного смотрителя». В музее «История Сибирского тракта» так же можно ознакомиться с информацией о деятельности начальников станций, их годовой заработной плате, документами годового товарооборота почты, квитанциями заказных писем. После строительства Сибирской железной дороги (в 1891–1905 гг.) значение конных почтовых станций уменьшилось. С 1908 г. станция стала называться Карадуванским почтово-телеграфным отделением, менялись и ее назначения.

В Указе Александр I, упомянутого выше, есть пункты, касающиеся о доставке арестантов, об этапах, их порядках. Одновременно со строительством дороги в населенных пунктах вдоль тракта наряду

с почтовыми станциями появились и этапные дома – помещения для временного содержания осужденных. В музее хранится копия плана Карадуванской этапной тюрьмы, составленного в 1840 г. Этап 1-го разряда был рассчитан на 150 арестантов, в том числе 120 простых заключенных, 15 уголовников, 15 женщин. В нем указывалось, что должна быть казарма на 50 солдат, офицерская квартира, конюшня на 13 лошадей. Архивные материалы 1856 года, полученные из Санкт-Петербурга, свидетельствуют о том, что территория, на которой располагались Карадуванская почта, этапные дома и казематы, занимала 10 га земли.

По дороге случалось всякое, каторжане и заболели, и умирали. В церковных метриках сел Апазово и Малые Лызи отмечены факты смертей. В свидетельствах о смерти указаны имена и фамилии усопших, а также из каких губерний и уездов они были отправлены. Значит, их отпевали в церкви, хоронили по христиански.

С конца XVIII в., когда Сибирь стала местом ссылки политзаключенных, по «дороге оков» прошли А.Н.Радищев, декабристы, жены декабристов, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский. Стоит отметить, что «и они, и ссыльные дворяне передвигались с гораздо большим комфортом, чем, например, обычные крестьяне, приговоренные к каторге. Дворяне и интеллигенты-разночинцы имели материальную возможность преодолевать долгий путь на конных повозках, а не пешим ходом, как простолюдины» [3]. Немало проезжало и гражданских лиц: государственные чины, исследователи, путешественники, переселенцы. Сотрудниками музея подробно изучаются каждая запись, каждое воспоминание, каждый факт, относящиеся к нашим краям, зафиксированные в дневниках, книгах, деловых бумагах и т.д., может быть, обычные для своего времени, но которые через года, десятилетия, а то и века приобрели достоинство ценного документа. О масштабных изысканиях, проведенных создателями музея, подробно рассказывается в указанной книге Б. Зиятдинова [11]. Все же соприкосновение к истории через экспонатов музея «живых» свидетелей давно минувших дней оставляет неизгладимые впечатления.

Одним из первых политических ссыльных, сосланных в Сибирь, был писатель и философ Александр Николаевич Радищев, которого из-за книги «Путешествие из Петербурга в Москву» Императрица Екатерина II считала «бунтовщиком, хуже Пугачева». Из дневников А. Н. Радищева выясняется, что он через деревни Арбаш–Карадуван проезжал 11 ноября 1790 г. О татарских деревнях он оставил следующие наблюдения: «... у татар избы белые (значит, дым идет через печную трубу наружу – *авт.*), впереди камелек, воздух чистый... По лесам татары бьют медведей, волков, лисиц, зайцев, векшу и мало куниц» [13, с. 251]. Жители деревни Карадуван уже тогда профессионально обрабатывали мех и кожу, шили шапки и тулупы. Надо предположить, что покупателей по пути в Сибирь было достаточно. Но в то же время следует отметить, что в татарской деревне впервые появились «питейные заведения» – два кабака, три харчевни. Большая дорога, наличие почтовой станции привлекли в деревню торговых людей:

в начале прошлого века четыре человека из Арских мещан (трое из них – женщины) держали в деревне торговые лавки, был купец из русских, торгующий водкой; в деревне он имел добротный дом. Позже его перекупил Балтасинский купец 2-й гильдии Муртаза Мулюков и на его месте построил двухэтажное каменно-кирпичное здание. После революции оно было отдано под ремесленное училище, потом там размещались школа крестьянской молодежи, неполная средняя школа, а в настоящее время – экспозиции двух музеев: Мусы Джалиля и «Истории Сибирского тракта».

Времена меняются, скорее всего, меняется отношение к событиям прошлого. В музее чтят память бывшего хозяина здания музеев Муртазы-бая – М. М. Мулюкова, дальновидного предпринимателя, про которого по нашим временам сказали бы, что создал 150 рабочих мест, но жизнь которого в тридцатые годы прошлого века оборвалась в тюрьме, как представителя эксплуататорского класса. В Карадуване сотрудники музея вам обязательно расскажут про купца 1-й гильдии Абдурахмана Ишмуратова, который держал конный завод, занимался разведением чистокровных рысаков орловской и американской породы, и как он подарил по случаю 300-летия династии Романовых Императору Николаю II лучшего рысака, и как по высочайшему повелению удостоился чести повесить на своих лошадей поддужные колокольчики (поддужные колокольчики – старинные «мигалки» – разрешалось повесить только почтовым лошадям), и как А. Ишмуратов после революции передал все свое имущество новой власти, и как был наказан за этот поступок вчерашними однокашниками, и как его, уже неживого, довез до ворот дома верный конь...

Музей обладает богатейшей коллекцией почтовых колокольчиков... Но всяк, кто побудет там, уверует, что история – это люди, людские судьбы и их деяния. А экспонаты, документы помогают нам достучаться до далеких от нас судеб... Исходя из вышеизложенного можно с уверенностью сказать, что изучение истории Сибирского тракта и населенных пунктов, расположенных вдоль большой дороги, имеет первостепенное значение для такой огромной страны как Россия и ярким тому подтверждением служит рассмотренный нами Карадуванский музей «История Сибирского тракта».

Нам известно еще три музея, посвященных Сибирскому тракту: «История Сибирского тракта» в селе Дебесы Удмуртской Республики и «Этапный пункт» в селе Бачкеево Игринского района Удмуртской Республики. В них, как и в Карадуванском музее, представлена общая история Сибирской дороги, почтовых станций, этапных домов на тракте; экспонаты в музее «История Московско-Сибирского тракта» в селе Большие Уки Омской области освещают историю освоения территории около реки Иртыш [10, с. 91, 92]. Являясь хранилищами исторической памяти и наследия прошедших времен эти музеи, расположенные в разных уголках Сибирского тракта, протянувшегося на тысячи километров, вносят значительный вклад в знакомство с историей страны.

Список источников

1. Музеи Татарстана (1991–2021 гг.): Справочный комплект / Авт.-сост.: Р. А. Айнутдинов, З. З. Гилязов, А. Ю. Суслов; науч. ред. Л. М. Айнутдинова. Казань: Ин-т Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2022. 324 с.
2. Дынник В. Почему Сибирь начинается в Казани / В. Дынник // Казанские ведомости. 2017 г. 16 нояб.
3. Халитова И. Дорога царь-бабушки: легенды и были Карадувана / И. Халитова // Республика Татарстан. 2012. 26 июля.
4. Карадуван // Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: в 3 т. Казань: Ин-т татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2018. Т 1. С. 569–570.
5. Карадуган авылы // Татар энциклопедиясе: 6 томда / Баш мөх. Ә. М. Мазһаров, җаваплы мөх. Г. С. Сабиржанов. Казан: ТР ФАнec Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү ин-ты, 2012. Т. 3. 269–270б.
6. «Себер тракты тарихы» һәм Муса Жәлил музейе // Татар энциклопедиясе: 6 томда / Баш мөх. М. Х. Сәлахов, җаваплы мөх. Г. С. Сабиржанов. Казан: ТР ФАнec Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү ин-ты, 2016. Т. 5. 253–254 б.
7. Гилязов З. З. Музеи истории города Республики Татарстан / З. З. Гилязов // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения: Сборник статей научной конференции (г. Казань, 14 апреля 2021 г.) / Ред.: И. А. Гилязов, М. З. Хабибуллин. Казань, 2021. Вып. 10. С. 222–226.
8. Население деревни Карадуван Балтасинского района Республики Татарстан. Казань, 2024. URL: <https://bdex.ru/naselenie/respublika-tatarstan/n/baltasinskiy/karaduvan/> (дата обращения: 04.04.2024).
9. Бадрутдинова К. Б. Перспективы развития государственной политики в музейной сфере в Республике Татарстан / К. Б. Бадрутдинова // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения: Сборник статей научной конференции (г. Казань, 14 апреля 2022 г.) / Ред.: И. А. Гилязов, М. З. Хабибуллин. Казань, 2022. Вып. 11. С. 210–214.
10. Бадрутдинова Ф. Р. «Әби патша юлы», яки Себер тракты тарихы / Ф. Р. Бадрутдинова, Ф. Г. Миниханов // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения: Сб. статей научной конференции (г. Казань, 14 апреля 2021 г.) / Ин-т татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ. Казань, 2021. Вып. 10. С. 80–92.
11. Зиятдинов Б. Себер юлы серләре / Б. Зиятдинов. Казан, 1999. 152 б.
12. Зиятдинов Б. Себер юлы буйлап: Карадуган, Арбаш авыллары тарихыннан сәхифәләр / Б. Зиятдинов. Казан, 2010. 440 б.
13. Радищев А. Н. Записки путешествия в Сибирь // Полн. собр. соч. / А. Н. Радищев. В 3 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 3. С. 251–266.

Д. М. Базарбекова

Казахский университет технологии и бизнеса им. К. Кулажанова

Астана, Республика Казахстан

СОХРАНЯЯ ПРОШЛОЕ – СОЗДАЕМ БУДУЩЕЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы сохранения и осмысления национальной культуры, представлены некоторые аспекты развития архивного дела в республике; описаны вопросы сотрудничества Казахстана и России в области архивов.

Ключевые слова: история, Национальный архив, государственные программы, «Архив-2025», международное сотрудничество

Abstract. The article examines the issues of preservation and understanding of national culture, presents some aspects of the development of archival business in the republic; describes the issues of cooperation between Kazakhstan and Russia in the field of archives.

Keywords: history, National Archive, state programs, «Archive-2025», international cooperation

Сохранение и осмысление национальной истории являлось одной из приоритетных задач в строительстве независимого государства. Для успешного развития государства важно не только обеспечить высокий уровень развития образования и науки, но и сохранить историко-культурного наследия народа и проводить широкомасштабные культурные акций, направленные на их пропаганду. Именно национальные ценности и культуры имеют колоссальное значение для построения фундамента любого государства и народа: каждый народ гордится, хранит и вдохновляется своей историей, великими личностями, развитием культуры и искусства.

Президент Республики Казахстан К-Ж.К. Токаев в Послание народу Казахстана «Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания страны» отмечает: «В вопросах консолидации общества, укрепления национальной идентичности большая роль отводится эффективному использованию исторического наследия и культурного потенциала страны» [1].

Казахская культура, созданная предками, стала хранительницей нашего народа на его долгом историческом пути. И сегодня, необходимо не только собрать и сохранить, но и осознать и передать следующим поколениям историю казахского народа во всей ее многогранности и многомерности. В стране ведется реализация государственных программ по сохранению и развитию национально-культурных ценностей казахстанского народа, соблюдается взаимосвязь проектов, разрабатываются новые аспекты казахстанской культуры как феномена культурно-цивилизационной целостности.

За тридцать лет строительства государства проведена масштабная работа по сбору, сохранению и возрождению культурного наследия Казахстана. На заре независимости Первым Президентом Н. А. Назарбаевым инициирована государственная программа поддержки культуры на 1998–2000 гг. Выступая на торжественном собрании по случаю Дня независимости Республики Казахстан в декабре 1998 г. Нурсултан Абишевич подчеркнул: «Понятие «история» и понятие «архив» всегда тесно связаны. В ходе Года истории в Казахстане проведена огромная работа по упорядочению архивного дела, опубликованы целые сборники исторических документов. В архивах России, Узбекистана, Китая, Турции найдены и изучаются документы по истории Казахстана, которые скоро будут опубликованы» [2, 381].

В 2006 г. Постановлением Правительства Республики Казахстан создан Национальный архив Республики Казахстан [3]. Основная деятельность Национального архива направлена на обеспечение пополнения, хранения и использования архивных документов; создание и хранение Государственного страхового фонда копий документов. Большое внимание в работе фонда уделяется созданию Единой автоматизированной информационной системы архивного дела.

На сегодняшний день Национальный архив Республики Казахстан является научно-информационным и культурно-историческим центром общенационального значения. Более того, Национальный архив является неотъемлемой частью историко-культурного наследия народа Казахстана, отражающей материальную и духовную жизнь общества, имеющей историческое, научное, экономическое и культурное значение.

Большое внимание в республике уделяется вопросам информатизации архивного дела, создания страхового фонда копий документов, единой информационно-поисковой системы, вводится информационная система «Единый архив электронных документов». В эпоху цифровизации активизируется работа по оцифровке архивных материалов, что не отменяет архив текстовых документов и процесс создания страховых копий. Более того, объективная реальность актуализирует вопросы легитимизации электронных аудиовизуальных документов и электронного документооборота, информационной безопасности.

В 2019 г. в Казахстане инициирована программы «Архив-2025» [4]. В рамках данной программы проведены поисково-исследовательские работы группами востоковедов, историков, архивистов, работа велась при системном и долгосрочном взаимодействии с отечественными и крупнейшими зарубежными архивами. Комплексный план мероприятий по реализации проекта «Архив-2025» включает следующие направления деятельности: совершенствование нормативно базы архивной отрасли; материально-техническое обеспечение архивов; научно-исследовательская работа; издательская деятельность; проведение мероприятий по популяризации архивных документов среди населения и т. д.

Для проведения археографических экспедиций в 2019 г. были отобраны библиотеки и архивы Великобритании, Франции, Италии, России, Украины, Польши, Венгрии. Исследовательская работа ученых велась по следующим направлениям: выявление палеоматериалов по древнейшей истории и культуре Великой степи; поиск манускриптов, письменных источников, переписки правителей Великой степи с соседними государствами; изучение коллекций архивных материалов восточно- и западноевропейских путешественников; выявление уникальных географических и геополитических карт с древности по начало XX в.; изучение коллекций по нумизматике и сфрагистике, а также составление каталогов по всем этим направлениям. Несомненно, разработка проекта придала новый импульс для развития отрасли, усилила работу по выявлению и пополнению фондов материалами и редкими документами из зарубежных архивов.

В рамках реализации программы «Архив-2025» при Национальном архиве Республики Казахстан был создан научно-методический центр «Архив-2025». Центр проводит консультативно-методическую помощь, проводит большую работу с возвращенными документами, способствует сотрудничеству с архивами зарубежных стран.

Республика Казахстан является членом Евроазиатского регионально-го отделения Международного Совета Архивов «Евразика». Национальный архив налаживает тесный контакт с архивными службами России, Узбекистана, Чехии, Турции, Китая, Кореи, Германии, Польши, Венгрии, Белоруссии и др., заключены меморандумы о взаимном сотрудничестве. При взаимодействии с зарубежными коллегами одну из ключевых позиций взаимоотношений обеспечивает фактор наличия общего историко-культурного наследия, а одним из векторов развития отношений является укрепление сотрудничества сквозь призму прошлого.

В рамках сотрудничества между архивами Республики Казахстан и Российской Федерацией по инициативе Министерства культуры и спорта Республики Казахстан и Федерального архивного агентства Российской Федерации проводятся встречи комиссий по сотрудничеству в области архивов. Деятельность данной комиссии направлена на плодотворный международный диалог между архивистами Казахстана и России на профессиональной основе, совершенствование архивного дела, а также для проведения совместных проектов и обмена опытом. Несмотря на давнюю историю взаимодействия государственных архивов двух стран, именно данная комиссия по сотрудничеству в области архивов стала той диалоговой площадкой, которая позволяет обсудить актуальные вопросы, решить назревшие проблемы и открывает новые горизонты сотрудничества.

Первая встреча Казахстанско-Российской комиссии по сотрудничеству в области архивов состоялось в Алматы в апреле 2018 г. В ходе заседания были обсуждены вопросы практического взаимодействия между архивными учреждениями двух стран, согласован план совместных действий архивов двух государств на 2018–2020 гг. [5]. В ходе встречи стороны подчеркнули важность объединения усилий казахстанских и российских архи-

вистов для решения вопросов обмена копиями исторических документов, реализации совместных научных проектов и улучшения материально-технической базы архивов.

В городе Омск в июне 2019 г. состоялось второе заседание Казахстанско-Российской комиссии по сотрудничеству в области архивов [6]. На заседании были рассмотрены вопросы подготовки совместного сборника документов «Казахстан в годы Великой Отечественной войны», международной историко-документальной выставки «Байконур», а также некоторые аспекты межрегионального сотрудничества в области архивов. В рамках встречи состоялась презентация историко-документальной выставки «Архивное наследие: связав историю и народы».

Очередное заседание Казахстанско-Российской комиссии по сотрудничеству в области архивов состоялось на казахстанской земле [7]. На встрече, которая состоялась в 2022 г. в Алматы, обсуждались вопросы цифровизации архивной отрасли двух стран, а также проекты по поиску и получению исторических документов, касающихся истории Казахстана, хранящихся в архивах России.

«У нас есть комплексный план «Архив-2025», целью которого является выявление и приобретение документов по истории Казахстана, находящихся в зарубежных архивных учреждениях. Мы эти документы приобретаем, вводим в научный оборот, храним в соответствующих государственных архивах», – отметили представители казахстанской делегации.

На четвертом заседании Казахстанско-Российской комиссии по сотрудничеству в области архивов, которое состоялось в 2023 г. в Оренбурге, подписан Меморандум о взаимном сотрудничестве. Также в ходе встречи были рассмотрены вопросы, касающиеся подготовки совместных сборников документов: «Голод в Казахстане и России. 1927–1934 гг.»; «Казахстан в годы Великой Отечественной войны»; «Целина: освоение целинных и залежных земель в России и Казахстане. Конец 1920-х–1960-е гг.»; «Судьба детей казахов-откочевников в российских регионах по материалам Детской комиссии ВЦИК. 1931–1934 гг.»; фотоальбома «Участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и др. [8].

Архив и архивные материалы представляют собой огромное богатство и достояние каждого народа, универсальный и неиссякаемый источник наследия предыдущих поколений. В архивах хранится информация, являющаяся одним из стратегических национальных ресурсов государства.

Деятельность архивов, культурные проекты консолидируют духовно-нравственный потенциал казахского народа, сохраняя и укрепляя национальный код, памятники культурного и природного наследия для гармоничного развития страны сегодня и во благо будущего Казахстана для последующих поколений.

Список источников

1. Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания страны: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева наро-

ду Казахстана. Нур-Султан, 1 сентября 2021 года / [Электронный ресурс] // URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomartatokaeva-narodu-kazahstana-183048> (дата обращения: 04.04.2024).

2. Назарбаев Н. А. Выступление на торжественном собрании по случаю Дня независимости Республики Казахстан «Независимому Казахстану – жить и здравствовать!» // Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроника деятельности. 1998–1999 гг. Астана: Дело-вой Мир Астана, 2010. С. 376–385.

3. Официальный сайт Национального архива Республики Казахстан / [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ulttykarhiv.kz/ru/12437/> (дата обращения: 04.04.2024).

4. Комплексный план мероприятий по реализации проекта «Архив-2025» / [Электронный ресурс] // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/> (дата обращения: 04.04.2024).

5. Сотрудничество архивистов России и Казахстана / [Электронный ресурс] // URL: <https://statearchive.ru/1022> (дата обращения: 04.04.2024).

6. В Омске 5 и 6 июня 2019 года состоится 2-е заседание Российско-Казахстанской комиссии по сотрудничеству в области архивов / [Электронный ресурс] // URL: <https://iaoo.ru/page/v-omske-5-i-6-iyunya-2019-goda-sostoitsya-2-e-zasedanie-rossiysko-kazahstanskoy-komissii-po-sotrudnichestvu-v-oblasti-arhivov> (дата обращения: 04.04.2024).

7. Архивисты Казахстана и России выпустят совместный сборник / [Электронный ресурс] // URL: <https://mir24.tv/news/16515854/arhivisty-kazahstana-i-rossii-vypustyat-sovmestnyi-sbornik> (дата обращения: 04.04.2024).

8. Архивисты России и Казахстана обсудили вопросы сотрудничества / [Электронный ресурс] // URL: <https://komarchive.orb.ru/presscenter/news/126883/> (дата обращения: 04.04.2024).

Л. В. Занданова¹, Я. В. Кулакова²

^{1,2} Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия

РОЛЬ БИБЛИОТЕКИ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В СОХРАНЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (1909–2000-Е ГГ.)

Аннотация. Рассматривается история создания и развития библиотеки Иркутского пединститута, формирование научного фонда, его использование в деятельности по подготовке педагогических кадров и осуществления научных исследований в регионе.

Ключевые слова: научное знание, библиотека, Иркутский государственный педагогический институт

Abstract. The article examines the history of the creation and development of the Irkutsk Pedagogical Institute library, the formation of a scientific fund, its use in the training of teaching staff and the implementation of scientific research in the region.

Keywords: scientific knowledge, library, Irkutsk State Pedagogical Institute

Понятия «наука» и «научные исследования» появляются в нашей стране на рубеже XVIII–XIX вв., параллельно с процессом формирования науки как особой, социально признанной профессиональной сферы. Тогда же в общественное сознание вошло понятие «библиотека» как объективно существующее явление, не требующее теоретического осмысления. Сегодня роль библиотек значительно поменялась, существует потребность осмысления значения и роли сложившихся форм профессионального аккумулирования и трансляции научного знания.

Определение дальнейшей судьбы библиотек и проблема их деятельности в привычном виде должны исходить из потребностей не только современной академической науки, но и образовательного пространства, поскольку подготовка профессиональных кадров и научно-исследовательской элиты в высшей школе базируется на фундаментальных научных знаниях. Необходимо обращение к историческому опыту деятельности отраслевых библиотек, которым присущи специфические черты в процессах формирования научных фондов и их использования в системе высшего образования. В связи с этим в статье поставлена цель рассмотреть организационную и научно-образовательную деятельность библиотеки педагогического вуза на примере библиотеки ИГПИ, которая на протяжении XX и в первое десятилетие XXI в. являлась одной из крупнейших и уникальных вузовских библиотек в городе. Это – единственная отраслевая библиотека в Иркутске, с большой полнотой и тщательностью собиравшая

научные труды по педагогике, психологии, методике преподавания и другим сферам научных знаний.

В 2024 г. Педагогический институт ИГУ отмечает 115-летие своей профессиональной деятельности. Его начало положено созданием в Иркутске в 1909 г. Учительского института для подготовки учителей городских школ, которому была передана значительная коллекция книг, ставшая основой библиотеки. Библиотека называлась «фундаментальной», поскольку ее фонды содержали более тысячи наименований научных или как тогда они назывались – фундаментальных трудов. И хотя учебной литературы также было большое количество – свыше 900 названий, название «фундочка» прочно вошло в обиход на долгие годы. В разные времена педагогическое образование претерпевало значительные структурные трансформации, но библиотека раз и навсегда определилась как хранилище научной и педагогической литературы, необходимой для подготовки учителей [1, с. 11, 18].

В 1920 г. на базе учительского института был открыт Восточно-Сибирский институт народного просвещения. В его здание была перевезена и библиотека с десятью тысячами томов [1, с. 91].

В следующем году институт и его библиотека вошли в состав ИГУ в качестве педагогического факультета. В 1931 г., при выделении педагогического факультета в самостоятельный институт, библиотеке нового вуза было выделено 20 тыс. экземпляров книг педагогического профиля. С этого времени началась самостоятельная история библиотеки ИГПИ. К 1938 г. книжный фонд вырос до 150 тыс. экземпляров. Первой заведующей была В. И. Сафронова [2, с. 7, 17].

В начале Великой Отечественной войны в здании института был размещен военный госпиталь и три сотрудницы библиотеки перевезли весь научный фонд на саночках в здание госуниверситета. Несмотря на трудности военного времени, институт продолжал приобретать необходимую литературу для учебного процесса, а сотрудники – обслуживать читателей. В том, что библиотека продолжала работать в это трудное время, большая заслуга М. Я. Коган, которая стала заведующей в 1940 г., сменив на этом посту В. И. Сафронову [2, с. 73].

В конце 1944 г. библиотека вернулась в главный корпус по ул. Желябова. Институт начал покупать в больших объемах научную, учебную и художественную литературу. В 1948 г. книжный фонд библиотеки уже составлял около 200 тыс. томов. Студенты активно посещали библиотеку, читальный зал был полным до позднего времени.

С начала 1940-х гг. в библиотеке действовал библиотечный совет. В него входили представители от каждой кафедры, которые помогали формировать библиотечный фонд. В целях пропаганды научной деятельности преподавателей для студентов в середине 1950-х гг. был составлен первый библиографический указатель «Печатные труды коллектива научных работников ИГПУ. 1940–1957 гг.». В это же время велась работа по описанию и каталогизации книжного фонда, создана систематическая

картотека статей, которая регулярно пополнялась записями о новых публикациях из периодической печати и научных сборников.

Библиотека активно использовала возможности межбиблиотечного абонементов. Только в 1965–1966 учебном году по МБА было получено 170 книг из библиотек ИГУ, Ленинградского пединститута, Киевского университета, Московской библиотеки им. Ушинского и др. Эта литература была необходима нашим читателям для написания диссертаций, научных статей, дипломных работ. В 1960–1980 гг. между вузами страны был налажен обмен научными и учебными трудами.

К 1970 г. фонд библиотеки составил 346 тыс. экземпляров, по содержанию фондов она все больше становилась универсальной. В том же году преемницей М. Я. Коган стала Е. К. Бережнова, всю свою жизнь посвятившая организации и улучшению работы библиотеки. Коллектив библиотеки совместно с активом из числа преподавателей и студентов вел большую работу по пропаганде научных трудов. По инициативе заведующей библиотекари стали формировать фонд редких книг и рукописей, осуществили опись его изданий и документов и составили картотеку.

В 1973 г. книжный фонд превысил 400 тыс. томов, а число читателей выросло до 9 тыс. человек. В 1975 г. в библиографическом отделе были организованы открытый доступ к справочной литературе, периодическим изданиям текущего года и новым поступлениям книг. Часто в этом кабинете работали не только студенты, но и преподаватели из-за чего его неофициально называли читальным залом для преподавателей. Сотрудники отдела постоянно вели картотеку научных публикаций профессорско-преподавательского состава института.

Библиотечный фонд особенно быстро рос в 1980-е гг. Только в 1982 г. было приобретено 29 500 книг, в 1986 г. – 34 904 книги, среди которых почти половина – научная литература. Общий фонд к началу 1990-х гг. превысил 612 тыс. книг. В штате библиотеки в эти годы работало 40 сотрудников, работа которых отмечалась почетными грамотами и дипломами за призовые места в соревновании вузовских библиотек [3].

В 1990-е гг. финансирование библиотеки стало сокращаться, что усложнило возможности комплектования библиотечного фонда. Из-за закрытия многих книжных издательств библиотечный коллектор не мог удовлетворить запросы библиотеки. Подорожали стоимость книги и затраты на их пересылку. В этих условиях возросла роль отдела комплектования, который устанавливал партнерские отношения с поставщиками и издательствами. Проявляли активность преподаватели вуза, которые привозили новые книги, возвращаясь из командировок в другие города. Была поставлена задача улучшить использование имеющегося книжного фонда [4, с. 362].

Новый этап в деятельности библиотеки начался в связи с присвоением институту в 1997 г. статуса педагогического университета. Ректор А. В. Гаврилюк приложил много усилий, чтобы увеличить значение библиотеки в университетском педагогическом образовании. Директором

библиотеки в этом же году стала Н. Г. Сенченко, она перестроила всю деятельность библиотеки. Были открыты новые пункты обслуживания, секторы редких книг и рукописей, реставрации и ремонта документов, выделен депозитарный фонд. Книгохранилища и читальные залы оснащены новыми стационарными мобильными стеллажами, приобретено новое оборудование для редких изданий [2, с. 386].

Несмотря на трудные годы перестроечного времени, руководству университета удавалось изыскивать достаточно большие суммы финансовых средств на приобретение литературы. Библиотека продолжала закупать книги, газеты и журналы, хотя уже не в тех объемах, какие были раньше.

Начиная с 1988 г., в библиотечные процессы начали внедрять новые информационные технологии. Одной из первых библиотека ИГПУ среди вузовских библиотек страны приобрела программу автоматизации библиотек «ИРБИС». К настоящему времени все подразделения библиотеки, находящиеся в разных учебных корпусах объединены в локальную сеть, читатель может воспользоваться услугами Интернета, получить квалифицированную помощь в справочно-информационном отделе [5, 6].

В 2005 г., согласно приказа Минобразования России, библиотека возобновила свою работу в качестве методического центра для библиотек учебных заведений Иркутской области. С 2008 г. в библиотеке начал осуществляться переход на новую систему менеджмента качества.

В начале 2000-х гг. произошли изменения в учебных планах подготовки специалистов, в них значительно увеличивалось время на самостоятельную работу студентов, что потребовало приобретения новой литературы. За 2003–2008 гг. библиотеке удалось увеличить и обновить фонд научной и учебной литературы: всего было закуплено свыше трех млн книг, каждый третий экземпляр – научная литература.

В 1998 г. в библиотеке появился первый компьютер, а в начале 2000-х гг. процесс автоматизации набирал темпы, укреплялась техническая база, сотрудники приступили к освоению новой техники, автоматизированных библиотечных систем. Активизировалась работа по созданию электронного каталога: описание новых поступлений, ретроспективный ввод наиболее востребованных документов.

В это время был открыт самостоятельный сектор редких книг и рукописей. На полках новых современных стеллажей и шкафов разместились уникальные издания XVII–XX вв.: старопечатные книги, рукописи, журналы и книги на иностранных языках, малотиражные издания, книги, иллюстрированные выдающимися мастерами, с автографами и пометками авторов, издания необычных форматов, редкие книги о декабристах, о Сибири, об Иркутске. Редкий фонд насчитывал около 10 тыс. книг и журналов. Каждое издание представляло ценность как памятник культуры своего времени и поражало своим полиграфическим разнообразием: это и древнейшая рукопись «Архангельское евангелие» 1092 г., написанное на пергаменте, в деревянном переплете, обтянутое кожей, «Грамматика»

М. Смотрицкого, издания 1618 г., по которой учился М. В. Ломоносов, «Российская грамматика» М. В. Ломоносова 1757 г., «Лексикон славенороссийский и имен толкование» – первый печатный словарь языка 1627 г. издания, автор которого – филолог Памва Беренда, «История Сибири» Ф. Миллера одного из первых изданий, 113 книг из коллекции иркутского купца-библиофила XIX в. В. Н. Баснина, издания из личных библиотек ученых и преподавателей прошлого столетия. Сотрудниками отдела велась кропотливая работа по изучению уникальных изданий, поиску интересной информации об имеющихся документах, презентации этих изданий перед студентами вуза. Содержание фонда зафиксировано в электронном каталоге библиотеки и тематических презентациях, проведена оцифровка документов. Например, по заявке преподавателей кафедры истории и методики были оцифрованы полнотекстовые версии научных трудов профессоров кафедры В. И. Дулова, В. Г. Тюкавкина, З. И. Рабецкой, составившие электронный научный фонд под названием «Информационная тропа иркутских ученых» [4, с. 359].

В фонде библиотеки хранились авторефераты и диссертации, защищенные в Диссертационном совете ИГПУ, на 1 апреля 2009 г. их насчитывалось 251 наименование. Ценной частью библиотечных фондов являлись научные труды преподавателей института: статьи, монографии, материалы конференций. Сотрудники справочно-информационной службы активно помогали в подготовке всероссийских и международных конференций, традиционно проводимых в стенах университета, таких как «Сибирь в изменяющемся мире: история и современность», «Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность», «Проблемы и пути совершенствования физической культуры в системе образования», «Математика и проблемы обучения математиков в общем и профессиональном образовании», «Иностранные языки: лингвистические и лингводидактические аспекты», материалы которых впоследствии передавались в библиотеку. Так происходило накопление, сохранение и транслирование научных достижений преподавателей вузов от поколения к поколению.

Процессы информатизации всех сфер жизни российского общества в начале XXI в. повлияли на роль библиотек как держателей информационных ресурсов и профессиональную деятельность библиотекарей. Сегодня все рабочие места автоматизированы, созданы условия для работы читателей, имеется 40 единиц множительной техники, проектор, два экрана.

Наряду с традиционными методами информационного обслуживания читателей развивается новое направление – справочно-информационное онлайн-обслуживание. Пополняется архив адресов Интернет. Особенно активно используются ресурсы Института научной информации общественных наук, Государственной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского, Российской гуманитарной библиотеки и др. Заключен договор с Российской государственной библиотекой в плане организации доступа к электронной библиотеке диссертаций, получен доступ к полнотекстовой научной электронной библиотеке, в которой представлены

научные публикации из отечественных и зарубежных журналов. Ведется разъяснительная работа среди студентов и преподавателей о возможностях использования данных ресурсов в образовательном и научном пространстве. С этой целью сотрудники библиотеки составляют по запросам читателей списки рекомендуемой литературы, создают тематические электронные папки, оформляют информационные стенды и выставки по темам семинарских занятий, проводят выставки новой литературы. Информация о новых поступлениях выставляется на сайт университета в разделе «Библиотека». Ежегодно дополняются папки «Полезные Интернет-ресурсы» для каждого факультета. Выпущены рекомендательные указатели: «Модернизация российского образования», «Народная культура Сибири», «Буряты» и т. д.

В 2006 г. было принято решение о создании электронной библиотеки (ЭБ) ИГПУ, определено ее содержание: труды ППС, авторефераты диссертаций, учебно-методические комплексы, учебники и учебные пособия повышенного спроса, материалы учебно-методических газет и журналов. В 2007 г. началась работа по наполнению библиотечных страниц на сайте университета, где была представлена структура библиотеки и ее информационные возможности.

Сотрудники библиотеки постоянно работали над внедрением новых форм работы со студентами. Традиционными стали мероприятия «Портрет ученого», «Презентация одной книги» и др., пропагандируя научные знания.

В 2014 г., после того как Педагогический институт вновь стал структурным подразделением Иркутского университета, часть научных фондов была передана в Научную библиотеку ИГУ им. В. Г. Распутина, что повлияло на оснащенность библиотеки Пединститута, значительно изменилась и ее структура, сократилось количество сотрудников. Многие функции были централизованы. Однако исторический путь длиной более века, который она прошла вместе со всем педагогическим образованием области, свидетельствует о том, что ее коллектив все эти десятилетия был его неотъемлемой частью, заняв достойное место в профессиональной и научной подготовке будущих педагогов.

Список источников

1. Рабецкая З. И., Татаринов В. И. Иркутский педагогический: от учительского института к университету Т. 1. Иркутск, 2007. 265 с.
2. Рабецкая З. И., Татаринов В. И. Иркутский педагогический: от учительского института к университету Т. 2. Иркутск, 2009. 429 с.
3. Архив Педагогического института ИГУ. Ф. Р-842. Заключение Государственной аттестационной комиссии Министерства образования РФ по итогам аттестации ИГПИ от 20 ноября 1993 г.
4. Иркутский педагогический... Иркутск: Изд-во ИГПИ, 1996. 380 с.
5. Педагогический свет. 2007. 28 мая.
6. Педагогический свет. 2007. 16 ноября.

Л. Т. Мухаметшина

Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН Республики Татарстан
Казань, Россия

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КАЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ»

Аннотация. В статье рассмотрена научно-исследовательская деятельность крупнейшего музейного центра Республики Татарстан – Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль» – в 1994–2023 гг. Сделан вывод о том, что научные изыскания его сотрудников способствуют развитию не только музееведческого направления в работе музея-заповедника, но и различных областей фундаментальной науки.

Ключевые слова: музей, научно-исследовательская деятельность, музей-заповедник «Казанский Кремль», Республика Татарстан

Abstract. The article examines the research activities of the largest museum center of the Republic of Tatarstan – the State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve «Kazan Kremlin» in 1994–2023. It is concluded that the scientific research of its staff contributes to the development of not only the museological direction in the work of the museum-reserve, but also various fields of fundamental science.

Keywords: museum, research activity, Kazan Kremlin Museum-Reserve, Republic of Tatarstan

Татарстан является одним из крупнейших музейных центров России, в настоящее время в республике насчитывается более 1 300 музеев различной направленности и ведомственной принадлежности [1], и музейная сеть продолжает активно развиваться – увеличивается число частных и муниципальных музеев, что, безусловно, связано с ростом туристического потенциала региона. Так, в 2023 г. столицу Татарстана – Казань посетило около 4 млн туристов, что превысило показатель 2022 г. на 11 % [2], такие темпы роста констатируются на протяжении последних десяти лет, и, по прогнозам директора Комитета по развитию туризма Казани Дарьи Санниковой, туристическая отрасль Татарстана продолжит активно развиваться и в будущем.

В среднем продолжительность пребывания отдыхающих в республике составляет в настоящее время четыре дня [2], такого результата удалось добиться в том числе благодаря модернизации обширной региональной музейной сети [3], постановке перед музейными работниками принципиально новых задач, обусловивших изменения и в их научно-исследовательской деятельности. Чтобы продлить пребывание туристов в республи-

лике, нужно было предложить им новые экскурсионные программы, пересмотреть форматы презентации фондов и взаимодействия со всеми категориями посетителей.

Как известно, музеи в современном мире являются важной составляющей культурной и социальной жизни общества, его образовательной среды. Они играют ключевую роль не только в сохранении и презентации фондов [4], но и в проведении научных исследований, призванных, «развивать и формировать научное мировоззрение». «Это не означает, что... все люди должны стать учеными, это нужно для того, чтобы сформировать мировоззрение, адекватное современной эпохе, информационному обществу», – характеризует декан факультета Управления социокультурными проектами Московской высшей школы социальных и экономических наук Ольга Карпова специфику взаимодействия музеев с посетителями [5].

Традиционно в научно-исследовательской работе музеев выделяют два направления: первое связано непосредственно с изучением музейных собраний и памятников (накопление, обработка и введение в научный и общекультурный оборот материальных и нематериальных объектов наследия), второе – музееведение – имеет междисциплинарный характер, предполагает интеграцию профильных исследований с социологией и психологией. При этом музей является целостной системой, эффективное функционирование которой зависит от интеграции этих двух направлений. Однако в связи с задачами, стоящими перед музеями как ресурсом развития культурно-познавательного туризма в регионе, в последние годы на первый план нередко выходит второе, музееведческое направление рассматриваемой исследовательской деятельности. «К сожалению, в настоящее время наметилась опасная тенденция превращения музея в центр проведения досуга при сокращении и даже отказе от научных исследований. Не умаляя значения культурно-образовательной деятельности, важно сохранить сущностные параметры музейной работы – научное изучение источников и представление результатов обществу», – призывает Т. Л. Пушкина [6, с. 4].

Исторически сложилось, что фундаментом деятельности российских музеев были и остаются научные исследования, однако на виду оказывается, как правило, выставочная работа, а масштабные научные изыскания музейных работников не получают должного внимания. Именно эта проблема стала темой круглого стола «Наука в музее», который состоялся в 2022 г. в Москве в Музее космонавтики и был посвящен обсуждению результативности научной работы в современном музее, структуры и взаимоотношений научных отделов, а также наиболее значимым результатам научной деятельности в музее за последние годы и вкладу научной работы музея в фундаментальную науку. Эксперты были едины во мнении, что музейное «закулирье» (научная работа) незаслуженно остается без внимания [7]. В свете сказанного нам представляется значимым рассмотрение научно-исследовательской деятельности ведущего музейного центра Татарстана –

Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», наиболее значимых его достижений.

Музей-заповедник «Казанский Кремль» учрежден согласно указу Президента Республики Татарстан от 22 января 1994 г. В его структуре в настоящее время действуют девять музеев и выставочных залов: Центр «Эрмитаж-Казань» (открыт в 2005 г.), Музей истории государственности татарского народа и Республики Татарстан (2006 г.), Музей исламской культуры (2006 г.), Музей естественной истории Татарстана (2008 г.), Выставочный зал «Манеж» (2009 г.), Музей Пушечного двора (2014 г.), Музей истории Благовещенского собора (2015 г.), Присутственные места (2022 г.), Музей Спасской башни (2023 г.). На начало 2024 г. в основном фонде музея-заповедника насчитывается 8 596 ед. хр., в научно-вспомогательном – 14 256 [8]. Общая численность сотрудников составляет 366 человек, из них 70 человек – основной персонал. С первых дней создания музея-заповедника «Казанский Кремль» научно-исследовательские изыскания являются неотъемлемой частью его многогранной деятельности. Если в 1994–2004 гг. они имели скорее практическую направленность (проводились масштабные археологические раскопки на территории кремля, а затем реставрационные работы), то впоследствии средоточием научных исследований стали образованные в структуре музея-заповедника музеи и фонды. После завершения работы археологической экспедиции «Казанский Кремль» экспедиционная деятельность была продолжена. С 2009 г. сотрудники Музея естественной истории Татарстана совместно с Казанским (Приволжским) федеральным университетом проводят палеонтологические и геологические экспедиции с целью комплектования фондов и пополнения коллекции музея, их география охватывает практически всю территорию России.

Результатом проводимой музеями научно-исследовательской работы, как правило, становятся: 1) экспозиции и выставки; 2) публикации каталогов коллекций, путеводителей по экспозициям и выставкам и других изданий; 3) регулярно проводимые научные конференции. Рассмотрим каждый из этих аспектов применительно к деятельности музея-заповедника «Казанский Кремль».

Выставочная деятельность музея-заповедника развивается в русле общей концепции, находящейся в тесной связи с теми или иными памятными датами, значимыми событиями, которыми ознаменован год. Так, 2020 г. был объявлен в Татарстане Годом 100-летия образования Татарской АССР, а также важное значение имела 75-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне. В связи с этим музеем были организованы такие выставки, как «Первые лица Республики» (август, на территории бывшего Спасо-Преображенского монастыря), «Вперед в прошлое» (27 мая – 18 октября) и «Открытый миру» (с 22 декабря) (обе – в Музее истории государственности татарского народа и Республики Татарстан) и др. В 2023 г., который был объявлен в республике Годом национальных культур и традиций, состоялось рекордное за всю историю

музея-заповедника число выставок – 73, многие из них были приурочены к тематике года: «Украшение женщины – красота мира» (07.07.2023–12.11.2023), «Подарок – символ дружбы культур» (19.12.2023–03.03.2024) (обе – в Музее истории государственности татарского народа и Республики Татарстан); «Медресе эпохи перемен» (23.12.2022–15.05.2023; Музей исламской культуры); «Кубачи-Зирехгеран. Город мастеров» (28.04.2023–15.10.2023; Музей Пушечного двора); «Татарский костюм – традиции и современность» (27.05.2022–28.02.2023), «Наследие и традиции» (17.07.2023–23.07.2023), «Казанское Поволжье: образы народной культуры» (29.08.2023–29.02.2024) (все – в Присутственных местах) и др.

Динамику выставочной деятельности музея-заповедника «Казанский Кремль» в 2006–2023 гг. наглядно иллюстрирует рис. 1.

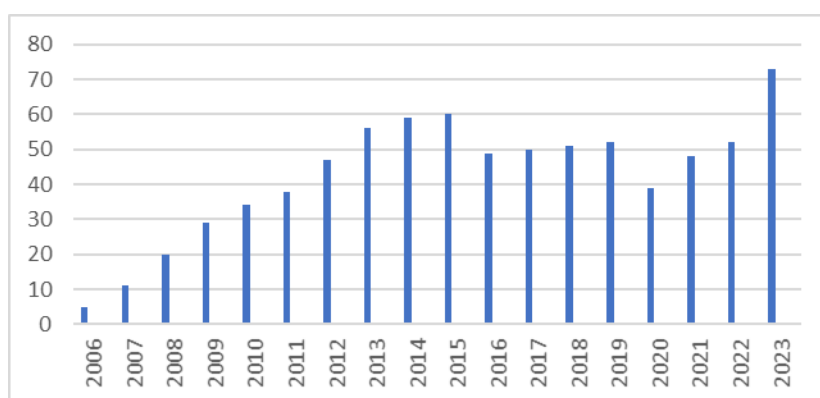

Рис. 1. Динамика выставочной деятельности в 2006–2023 гг.

Экспозиционно-выставочная деятельность неразрывно связана с публикацией каталогов, путеводителей и других изданий. В 2021 г. были выпущены каталоги: «Коллекция пасхальных яиц из фарфора и стекла в собрании музея-заповедника «Казанский Кремль», «Пять символов счастья. Благопожелания в китайском искусстве XVII–XX веков из собрания Государственного Эрмитажа», буклет выставки «Казанский Кремль в годы Великой Отечественной войны»; в 2022-м – каталог выставки «Золотой век фламандского искусства»; в 2023-м – «Александр Македонский. Путь на Восток».

В 2023 г. музеем-заповедником была проведена уже XII Всероссийская научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие как потенциал развития туристско-рекреационной сферы» (18–19 апреля), а также Одиннадцатые Кремлевские чтения (18–19 октября). Если первый научный форум посвящен музееведческому направлению в исследовательской деятельности музеев, то для обсуждения на Кремлевских чтениях ежегодно выбирается наиболее актуальная проблема, так, в 2023 г. ею стала «Музей для горожан: опыт работы и поиск новых форм», в 2022-м – «Музейный диалог: взаимодействие с посетителями», в 2021-м – «Национальные культуры в историческом и музейном пространстве». По итогам данных всероссийских конференций изданы сборники статей, которые размещены на официальном сайте музея и в базе РИНЦ. Сотрудники му-

зея-заповедника ведут и активную публикационную деятельность, так, в 2021 г. ими опубликована 31 статья в журналах и материалах конференций.

В составе музея-заповедника на начало 2024 г. действуют 16 научно-методических отделов. В течение 2023 г. в рамках реализации совместного научно-просветительского проекта «Казанского Кремля» и Казанского федерального университета «Научная среда» во дворе Присутственных мест были прочитаны 11 лекций, также 30 лекций состоялись в рамках лектория Центра «Эрмитаж-Казань».

Таким образом, проведенный анализ показал, что на современном этапе развития Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль» научные изыскания по-прежнему являются неотъемлемой, системообразующей частью многогранной деятельности этого крупнейшего музейного центра республики. Совместно с Казанским федеральным университетом, научно-исследовательскими институтами Академии наук Татарстана и крупнейшими российскими музеями «Казанский Кремль» ведет исследовательскую работу, которая способствует пополнению фондов, совершенствованию научных концепций экспозиций и развитию соответствующих профилю музея-заповедника областей знания.

Список источников

1. Вопросы развития туризма и музейной деятельности обсудили в профильных комитетах парламента // Государственный Совет Республики Татарстан: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://gossov.tatarstan.ru/index.htm/news/703.htm> (дата обращения: 15.03.2024).

2. Более 4 миллионов туристов посетили Казань в 2023 году. 19.02.2024 // Казань: офиц. портал органов местного самоуправления города Казани [Электронный ресурс]. URL: <https://kzn.ru/meriya/ksp/novosti/bolee-4-millionov-turistov-posetili-kazan-v-2023-godu/> (дата обращения: 15.03.2024).

3. От развития музеев зависит туристический потенциал республики // Казанские ведомости: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://kazved.ru/news/s-vizitom-v-tatarstan-mozhet-priehat-irina-yarovaya-4784329> (дата обращения: 15.03.2024).

4. Мухаметшина Л. Т. Краеведческие музеи как трансляторы историко-культурного наследия Республики Татарстан (на примере Буинского краеведческого музея) / Л. Т. Мухаметшина // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: Сборник статей итоговой научной конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, Казань, 08 июня 2018 года. Вып. 10. Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2018. С. 264–269.

5. Точка зрения. Научные музеи // ПостНаука [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.org/talks/32658> (дата обращения: 15.03.2024).

6. Особенности организации научно-исследовательской работы в муниципальных музеях. Методические рекомендации / сост. Т. Л. Пушкина. Иркутск, ГАУК ИОКМ, 2013. 20 с.

7. Что скрывает экспонат? Наука в музеях стала предметом дискуссии. 09.02.2022 // РИА Новости: сетевое издание [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20220209/nauka_v_muzeyakh-1771808646.html (дата обращения: 15.03.2024).

8. Отчет о деятельности Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль» за 2023 год // Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль»: сайт [Электронный ресурс]. URL: https://kazan-kremlin.ru/wp-content/uploads/godovoy_otchet_2023.pdf (дата обращения: 15.03.2024).

М. Ю. Новоселов

Красноярский краевой краеведческий музей

Красноярск, Россия

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ПО НАУКЕ И ТЕХНИКЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация. В статье проведен анализ имеющихся в фондах Красноярского краевого краеведческого музея коллекций по науке и технике. Указаны фонды, в которых содержатся предметы из данных коллекций, перечислены научные и научно-образовательные учреждения, материалы которых имеются в музее. В ходе анализа данных коллекций был определен круг проблем, с которыми могут столкнуться исследователи при поиске данных экспонатов.

Ключевые слова: коллекции предметов, наука, техника, ученые, Красноярский край, Красноярский краевой краеведческий музей

Abstract. The article analyzes the collections on science and technology available in the funds of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore. The funds containing items from these collections are indicated, scientific and scientific-educational institutions whose materials are available in the museum are listed. During the analysis of these collections, a range of problems that researchers may encounter when searching for these exhibits was identified.

Keywords: collections of objects, science, technology, scientists, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore

Музеи наравне с архивами играют важную роль в сохранении исторического наследия и прежде всего, истории материальной культуры. Музейные фонды содержат в том числе и экспонаты по истории науки и техники. Эти предметы не только хранятся и экспонируются, но и используются исследователями. Что представляют из себя подобные музейные собрания можно понять на примере Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ).

За 135-летнюю историю существования Красноярского краевого краеведческого музея в его фондах были собраны коллекции, отражающие историю развития науки и техники Енисейской губернии и Красноярского края. Однако, говоря о коллекциях, необходимо понимать, что при приеме на постоянное хранение в музей предметы из коллекций распределяются по разным фондам. Фотографии поступают в фонд «Архивные документы» или фонд «Фотографии и негативы», документы в фонд «Документов личного происхождения», объемные предметы в фонд «Русской этнографии и быта» и т. д. Поэтому данное обстоятельство может вызвать некоторые затруднения у исследователей. Использование автоматизированной информационной музейной системы КАМИС тоже не всегда помогает, по-

скольку в настоящее время еще не все предметы, хранящиеся в КККМ занесены в эту программу.

Большинство предметов, отражающих развитие науки в Красноярском крае, содержатся в «Фонде документов личного происхождения». В отличие от других фондов музея в этом хранилище предметы тематически систематизированы. Указанное обстоятельство позволяет перечислить основные коллекции. Прежде всего это экспонаты, представляющие научно-исследовательские организации нашего региона. Однако надо учитывать, что названия организаций к нашему времени могли поменяться и отличаются от того, как они занесены в КАМИС. Ниже приведен перечень научно-исследовательских организаций под теми названиями, под которыми они хранятся в музее:

- Сибирское отделение инженерной Академии СССР;
- Сибирский филиал НИИ им. Дзержинского;
- Красноярский филиал Всесоюзного НИИ им Д. Е. Веденеева;
- НИИ сельского хозяйства;
- Сибирский отдел ГОСНИИ;
- Институт «Сибцветмет – НИИ проект»;
- Институт физики;
- Институт леса и древесины;
- НИИ Медицинских проблем Севера;
- Вычислительный центр АН СССР. Сибирское отделение в Красноярске.

На примере Института физики имени Л. В. Киренского СО РАН можно рассмотреть, что из себя представляют данные коллекции. В число 73 экспонатов входят программы семинаров, конференций, симпозиумов, фотография и биография И. А. Терскова, брошюры, буклеты, фотографии ряда сотрудников института. Также коллекция Института физики содержит почетные грамоты, проспекты, пригласительные билеты на конференции или чтения, фотографии и биографию И. И. Гительзона, фотографии строительства жилых корпусов и панорама здания института, авторские свидетельства на изобретение, справка о научной и научно-организаторской деятельности Л. В. Киренского [1].

В «Фонде документов личного происхождения» имеются коллекции из научно-образовательных учреждений Красноярского края, которые тоже записаны под старыми названиями:

- Сибирский технологический университет;
- Красноярский государственный университет;
- Красноярская медицинская академия;
- Красноярский государственный институт искусств;
- Красноярский государственный политехнический университет;
- Красноярский государственный аграрный университет;
- Красноярский государственный педагогический университет;
- Сибирский федеральный университет;
- Красноярская академия цветных металлов и золота;

– Институт усовершенствования учителей.

В отличие от научно-исследовательских и научно-образовательных учреждений научно-просветительские учреждения – музеи представлены в фондах преимущественно экспонатами из КККМ, а другие музеи Красноярского края – лишь единичными предметами.

Музейные фонды КККМ хранят историю некоторых известных ученых, однако поиск этих экспонатов затруднен тем, что отдельного раздела по ученым нет. Поэтому исследователям необходимо знать фамилию конкретного человека или просматривать огромный список фамилий и самостоятельно наводить биографические справки, чтобы из большого перечня фамилий найти ученых.

Что из себя представляют личные коллекции известных ученых, можно показать на примере Алексея Александровича Баландина, советского химика-органика, академика Академии наук СССР, лауреата Сталинской премии второй степени. Биография этого человека интересна также тем, что он происходил из семьи известных в Енисейской губернии золотопромышленников и меценатов Баландиных. Данная коллекция содержит фотографии, факсимиле подписи, конверты с портретами А. А. Баландина, аудиокассета с записями выступления А. А. Баландина на юбилейном заседании, посвященном его 60-летию, удостоверения, 9 акварельных пейзажей, написанных академиком Баландиным, письма, справки, приглашения, отпечаток научной статьи [2].

В большинстве своем ученые, предметы которых имеются в музейных коллекциях, являются представителями технических и естественных наук. Гуманитарные науки представлены слабо и преимущественно сотрудниками Красноярского краевого краеведческого музея: Николай Константинович Ауэрбах, Мария Васильевна Красноженова, Эрдэмто Ринчинович Рыгдылон, Роман Викторович Николаев и др. [3, 4]. Это обстоятельство связано не только с тем, что материалы музейных сотрудников проще комплектовать, чем ученых из сторонних организаций. Прежде всего нужно учитывать, что Красноярский краевой краеведческий музей с момента своего создания в 1889 г. и на протяжении нескольких десятилетий был, пожалуй, единственным учреждением г. Красноярска, в котором велись научные исследования.

Из современных красноярских историков в фондах нашего музея представлены небольшими коллекциями Николай Иванович Дроздов [5] и Владимир Григорьевич Дацышен [6]. В «Фонде письменных источников» имеются научные работы Михаила Дмитриевича Северьянова, Василия Васильевича Гришаева и Геннадия Федоровича Быкони. Однако в скором времени ситуация изменится в лучшую сторону, поскольку фонды музея пополнятся крупными коллекциями из нескольких десятков предметов Владимира Григорьевича Дацышена, Тамары Александровны Ростовцевой, Марата Бахтаевича Абсалямова. Эти коллекции в настоящее время комплектованы и ожидают представления на экспертно-фондово-закупочной комиссии.

Среди ученых, чьи материалы содержатся в коллекциях музея, есть ряд известных политиков, имеющих ученые степени. Это прежде всего Губернатор Красноярского края, депутат Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации III, IV, V, VI созывов, доктор экономических наук В. М. Зубов [7], Глава города Красноярска, депутат Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации VI, VII созывов, доктор экономических наук П. И. Пимашков [8], Глава города Красноярска, Председатель правительства Красноярского края, кандидат технических наук Э. Ш. Акбулатов [9].

В отличие от персоналий, экспонаты, отображающие развитие науки и техники, представлены в фонде «Русской этнографии и быта». Это преимущественно предметы бытовой техники. Научных приборов и инструментов в фонде немного. Например, имеется 11 микроскопов и 2 набора препаратов для микроскопов, 3 анемометра, 2 амперметра, 1 динамометр, комплект электрометров, 3 манометра, 2 теодолита.

Отдельные экспонаты по истории науки содержатся и в других фондах. Так, например, принадлежавшая академику Л. В. Киренскому золотая медаль «Серп и Молот» – знак особого отличия, вручавшийся Герою Социалистического труда хранится в «Фонде нумизматики, бонистики и фалеристики» [10]. Перчатки для лабораторных работ находятся в «Фонде ткани и кожи» [11], а в «Фонде письменных источников» имеется книга, посвященная 25-летию Института физики им Л. В. Киренского «Работы отдела биофизики 1968–1980 гг.» [12]. Фонд «Фотографии и негативы» содержит изображения ученых, научных мероприятий и организаций [13].

Обзор фондов Красноярского краевого краеведческого музея позволяет сделать следующие выводы. Большинство экспонатов, представляющие историю науки и техники – это документы и фотографии. Объемных предметов, технических приборов, инструментов, механизмов, машин немного. Мемориальные коллекции известных ученых, как правило, охватывают советский период, а современные деятели науки слабо представлены в фондах музея. Однако работа по пополнению коллекций ведется, и в скором многие пробелы будут устранены, а внесение всех музейных экспонатов в КАМИС упростит исследователям задачу по поиску материалов.

Список источников

1. КККМ. ОФ 3 792.
2. КККМ. ВФ 8 765.
3. Вдовин А. С. «Этот год – тяжелый для меня год»: Николай Константинович Ауэрбах в 1930 г. // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 166–174.
4. Вдовин А. С., Баташев М. С., Макаров Н. П. Алакет из рода быка. Роман Викторович Николаев Красноярский краевой краеведческий музей, 2018. URL: <https://www.kkkm.ru/o-muzee/istoriya-muzeya/130-stranic-istorii-muzeya/alaket-iz-roda-byka-nikolaev-roman-viktorovich> (дата обращения: 04.04.2024).

5. КККМ. ВФ 12819/124.
6. КККМ. ВФ 12486/1–2.
7. КККМ. ВФ 8481/234.
8. КККМ. ОФ 11045/1.
9. КККМ. ОФ 13118/7.
10. КККМ. ОФ 8395/1.
11. КККМ. ОФ 11601/148–149.
12. КККМ. ОФ 8574/23.
13. КККМ. ОФ 3787/227.

А. В. Подъяпольская

*Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края
Красноярск, Россия*

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАУКИ В БИБЛИОТЕЧНОМ МЕДИАКОНТЕНТЕ (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА «ПО СТРАНИЦАМ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ» ГОСУДАРСТВЕННОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Аннотация. В Интернет-пространстве частью медиаконтента Государственной научной универсальной библиотеки Красноярского края стали видеосюжеты цикла «По страницам научных биографий», которые помогают сохранить память об ученых нашего края и России. Данный медиаконтент интересен широкому кругу библиотечных пользователей, отражает огромное количество практических возможностей библиотеки и развивает интерес к биографиям ученых и научной книге.

Ключевые слова: *библиотечный медиаконтент, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, популяризация российской науки, научные биографии*

Abstract. Videos of the cycle «On the pages of scientific biographies» have become part of the media content of the State Scientific Universal Library of the Krasnoyarsk Territory in the Internet. They help preserve the memory of scientists of our region and Russia. This content is interesting for a wide range of library users, as it reflects a huge number of practical possibilities of the library and develops interest in biographies of scientists and a scientific book.

Keywords: *Library media content, the State Universal Scientific Library of the Krasnoyarsk Territory, popularization of Russian science, scientific biographies*

Популяризация науки является одной из задач работы каждой библиотеки. Но особенно важной она является, если сама библиотека позиционирует себя как научная.

Библиотеки в последние пять лет особенно активно развивают собственные сайты, создают группы в социальных сетях, фото и видеоотчеты, помогают найти книги дистанционно с помощью служб типа «библиограф-онлайн» и др. Все большую популярность набирают разнообразные мобильные библиотечные приложения. Библиотеки модернизируются, меняют интерьер, совершенствуют формы и методы работы с читателем. Каждая библиотека создает свой медиаконтент.

В современной науке нет единой точки зрения, что входит в понятие медиаконтент. К более точной формулировке медиаконтента ученые приближаются в последние три года.

Связано это с развитием технических средств, доступных для обывателя. В массовой культуре уже давно популярен текст с его аудиовизуальным наполнением и короткие видео, но описывать теоретически это явление подробно в учебно-научной литературе специалисты стали сравнительно недавно.

Применительно к данному исследованию можно определить понятие медиаконтент как само содержание интернет-сми, в том числе сетевых изданий библиотек – таких, как тексты и фотоотчеты для сайта библиотеки, текстовый блог, видеоканал на «*Rutube*», содержание страниц библиотеки или видеоблогов в социальных сетях.

В течение последних десятилетий в библиотеках, особенно крупных, есть вышеперечисленные формы работы, а также подкасты и другие варианты продвижения в Интернет-пространстве.

«В качестве основополагающих причин освоения библиотеками нового для себя пространства является то, что читательская аудитория перемещается в Интернет. По данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в России две трети граждан (70 %) пользуются Интернетом, более 80 % россиян используют социальные сети [3, с. 37].

Данная статистика отражает, что люди (предполагаемые или уже записанные пользователи библиотеки) будут стремиться к тому, чтобы узнавать новости, сведения о мероприятиях библиотеки, информация о книгах в ее фонде через сайт библиотеки или через социальные сети.

Распространение информации о традиционных формах работы – выставках, конкурсах, лекциях с помощью Интернета сегодня является более эффективным.

Тематика видеоконтента библиотеки может быть различной – продвижение книги, популяризация чтения, поэтическая, экологическая. Пример – видеолекции в рамках проекта «Научка» (ЦБС г. Москвы) [1, с. 21]. Среди представленного на данном ресурсе видеоконтента доминирует естественнонаучная тематика. Популярна сейчас краеведческая тематика. В частности, и у нас, в Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края есть краеведческий видеоконтент [2, с. 38].

Особенно хотелось бы подчеркнуть, что медиаконтент в последние годы актуален не только для молодежи, но и для зрелого и старшего возраста. Многие люди старшего поколения стали активными пользователями Интернета. Развитие мобильной индустрии, совершенствование гаджетов и социальных сетей привело к тому, что старшее поколение повысило свою компьютерную грамотность, стремясь шагнуть в одну ногу со временем.

Медиаконтент в библиотечном деле – термин новый, но необходимый для обозначения совокупности информации библиотеки в Интернет-пространстве. Важной является не только мобильная, доступная для широкого круга пользователей библиотеки форма доступа к информации, но и высокое ее качество. Именно качественный медиаконтент необходим для популяризации научной тематики.

В Интернет-пространстве частью медиаконтента Государственной научной универсальной библиотеки Красноярского края стали видеосюжеты цикла «По страницам научных биографий». Видеосюжеты посвящены юбилеям известных ученых и значимым научным событиям в истории Отечества. Изначально проект был создан для того, чтобы в условиях пандемии рассказать о ресурсах Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, продемонстрировать фонды, показать книги о науке и ученых. Целью создания цикла видеосюжетов является популяризация науки. Предполагалось, что увлекательные рассказы об ученых смогут привлечь Интернет-пользователей. Осенью и зимой 2020 г. были сняты видеосюжеты о юбилеях различных ученых мира. За 3 месяца 2020 г. (октябрь, ноябрь, декабрь) вышли в свет видео о таких известных ученых, как Нильс Бор, Иван Владимирович Мичурин, Михаил Петрович Погодин, Николай Иванович Пирогов, Николай Иванович Кареев, Галина Петровна Диянская, и др. Однако практический опыт подсказывал, что среди пользователей могли бы стать более популярными короткие видео, посвященные одному из ученых – юбиляров. 2021-й г. был объявлен президентом РФ Годом науки и технологий. Поэтому именно с 2021-го г. было принято решение посвятить проект российской науке.

С 2021 по 2024 гг. были сняты видеосюжеты об А. Х. Востокове, С. И. Вавилове, А. А. Яковлеве, В. В. Розанове, В. Г. Белинском, А. Г. Габричевском, Б. М. Эйхенбауме, М. В. Ломоносове, Ю. М. Лотмане, Г. Шпете и др.

Статистика просмотров видео за эти годы значительно возросла. Так, в 2021 г. среднее количество просмотров видео было 50–100 просмотров, а в 2023–2024 гг. – в среднем 800 просмотров и выше. В 2023 г. – 1 000 просмотров. Созданы видеосюжеты о таких известных ученых в разных отраслях знания, как Ф. И. Буслаев, А. Ф. Лосев, Д. Н. Бантыш-Каменский, А. В. Щусев.

2021 и 2022 гг. были богаты юбилеями ученых-филологов. В 2022 г. были сняты сюжеты о Ю. М. Лотмане, И. В. Цветаеве, Н. А. Рубакине. Их вклад в историю русской культуры сложно недооценить.

За время существования цикла «По страницам научных биографий» вышло большое количество видео о русских историках и знаменитых русских путешественниках (В. Беринг, Г. Я. Седов, В. К. Арсеньев, Н. Н. Дроздов).

В 2021–2024 гг. в библиотеке особое внимание уделялось теме Арктики. Было проведено научное исследование с целью подробного изучения истории библиотек на Севере Красноярского края, итогом которого стал выход в свет коллективной монографии «Динамика развития и современное состояние библиотечных практик Енисейского Севера», презентация которой состоялась 19 марта 2024 г. Данная тема является одной из основных в цикле видео «По страницам научных биографий».

12 августа 2021 г. исполнилось 340 лет со дня рождения Витуса Беринга. В видео отражена его научная биография, рассказано о его трагиче-

ской судьбе и сохранении памяти об ученом, продемонстрированы книги об известном мореплавателе из фондов ГУНБ КК.

Г. И. Кублицкий – историк и писатель, известный не только в Сибири, но и в России в целом. В видеосюжете представлены его художественные произведения и книги о нем как о писателе.

В. К. Арсеньев является известным исследователем арктических территорий и природы Сибири и Дальнего Востока. В видео показаны его научные и художественные работы, а также многочисленные книги, которые рассказывают о нем как о знаменитом путешественнике и писателе.

Один из видеосюжетов посвящен 110-летию со дня начала экспедиции на Северный полюс известного русского путешественника Георгия Яковлевича Седова. В видеосюжете можно познакомиться с научно-популярными книгами о путешествии Г. Я. Седова и его биографии. 27 августа 1912 г. экспедиция под руководством Г. Я. Седова отправились к Новой Земле. Участники путешествия составили подробную карту этого малоисследованного побережья, а также острова Панкратьевых, Горбовых островов и др.

Каждый из вышеперечисленных исследователей стал знаковой фигурой в истории географических открытий в России. К группе видео о путешественниках можно добавить и сюжет об Н. Н. Дроздове – докторе биологических наук, известном телеведущем.

Исследуя биографии людей, связанных с путешествиями и географическими открытиями, можно прийти к пониманию, почему так важна тема Арктики сегодня, исследование северных территорий, в частности, Дальнего Востока и Севера Красноярского края. Знание истории открытий позволяет понять высокую значимость пограничной зоны России, арктического региона в целом, его эффективного функционирования и развития в сложных климатических условиях. Видео о путешественниках способствуют популяризации науки, привлекает внимание разновозрастных категорий пользователей.

В 2024 г. тема популяризации науки особенно актуальна в связи с юбилеем основания Академии наук в России.

В феврале 2024 г. был создан видеосюжет, посвященный 300-летию основания Академии наук. В видео представлены книги о создании Российской академии наук, ее истории и развитии, а также монографии, отражающие историю науки в России и академические традиции досоветского и советского периодов. Многие издания о РАН принадлежат перу самих академиков. Подчеркивается вклад Российской академии наук в успехи космической отрасли советского и нынешнего периодов.

Это тем более актуально, что в 2024 г. исполнилось 90 лет со дня рождения первого космонавта Ю. А. Гагарина, а 12 апреля 2021 г. вся Россия отметила важную дату – 60 лет со дня первого полета человека в Космос. Начиная с данной памятной даты, в цикл видео были добавлены видеосюжеты о М. В. Келдыше, Ю. А. Гагарине, В. Терешковой, К. Э. Циолковском, Г. С. Титове. Планируется продолжить создание видеоработ

о космической теме, которые формируют важную часть библиотечного медиаконтента, способствующего популяризации науки.

Именно увлекательная научно-популярная тематика привлекает зрителей в Интернет-пространстве. В декабре 2023 г. вышел в свет видеосюжет об известных ученых, деятельность которых связана с изобретением и усовершенствованием электрического освещения. Это Томас Алва Эдисон, Эдвард Хибберд Джонсон, Павел Николаевич Яблочков, Александр Николаевич Лодыгин и др. О том, что ролик привлекал внимание пользователей в новогодний период свидетельствует статистика: он был просмотрен около 1 000 раз.

Популяризации отечественной науки способствовал и сюжет об изобретателе радио, который был снят к юбилею А. С. Попова в марте 2024 г., который также был просмотрен около 1 000 раз.

Хотелось бы подчеркнуть, что за все годы существования цикла количество просмотров видео за три года размещения в социальных сетях только возрастает.

Так, например, за первое полугодие 2022 г. общее количество просмотров видео из цикла «По страницам научных биографий» в социальной сети «В контакте» было 2 719. Здесь стоит отметить два важных момента. С одной стороны, можно объяснить такое возрастание цифр тем, что в связи с ограничением на некоторые сайты и сети в России на тот момент многие пользователи стали просматривать видео группы «ГУНБ КК» во «В контакте» (получается, что к аудитории «Вк» присоединилась аудитория «Instagram»).

С другой стороны, видео стали более привлекательными для пользователей – сюжеты стали короче (сейчас интернет-пользователи, как правило, предпочитают короткие видео длинным), содержание сюжетов менялось. Рассказывается, как правило, об одном русском ученом (а не о нескольких). Текст дополняется видеорядом из книг. В соответствие с темой иногда и определенными подходящими визуальными образами – глобусом, свечой, компасом, картой, печатной машинкой, обстановкой в определенном стиле (например, советском ретро-стиле).

В 2023 г. ролик об А. В. Щусеве был просмотрен 1 300 раз. А статистика видеосюжета о жизни и деятельности Ф. Буслаева еще выше – 1 800 просмотров.

В 2024 г. особенно популярным стал сюжет об истории Российской академии наук, который с февраля нынешнего года был просмотрен 1 200 раз и получил 46 отметок «нравится».

Проведенный анализ показывает, что видеосюжеты из цикла «По страницам научных биографий» привлекают аудиторию пользователей. Среди этих пользователей есть преподаватели, студенты, сотрудники сферы культуры и большое количество людей, интересующихся гуманитарными науками. С помощью видео можно познакомиться с научной литературой, которая есть в фонде Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.

Книги, использованные в видео, представляют собой богатство фондов ГУНБ КК: сочинения ученых – как оригинальные старинные (в том числе из известного Юдинского собрания), так и современные издания; монографии, научные работы, биографии, издания, которые показывают жизнь и деятельность ученого-юбиляра в необычном ракурсе – рассказывают о его художественном творчестве, хобби, увлечениях, семейной жизни, особенностях его характера и бытовом укладе той эпохи.

Показанные в видеосюжетах книжные экземпляры можно использовать для составления библиографических списков рекомендуемой литературы по различным предметам.

Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края создала свой медиаконтент о науке, который помогает сохранить память об ученых нашего края и России. Данный медиаконтент интересен широкому кругу библиотечных пользователей, показывает огромное количество практических возможностей библиотеки, помогает молодежи проявить и развить интерес к биографиям ученых и научной книге.

Список источников

1. Лещинская В. В. Популяризация науки: новый интерес молодежи, Проект «Научка» // В.В Лещинская Экология и молодежь: эффективные эколого-просветительские практики: сборник информационно-методических материалов. М.: Рос. Гос. Б-ка для молодежи, 2015. 132 с.

2. Похабова К. Ю. Книга и видео: опыт создания видеороликов для популяризации регионального книжного наследия // Библиотечный фронтир: новые смыслы, видео, идеи, практики Материалы всероссийской научно-практической конференции. Отв. редакторы Е. Ю. Перова, Л. В. Гармаева. Улан-Удэ: Издательство: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2022. 180 с.

3. Ударцева О. М. Веб-аналитика в библиотечно-информационной деятельности. Санкт-Петербург. 2023 167 с.

Р. Р. Салахияев

Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН Республики Татарстан

Казань, Россия

РОЛЬ МУЗЕЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ОБЪЕДИНЕНИЕ “ОТЕЧЕСТВО”» РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В ОСВЕЩЕНИИ МАЛОИЗВЕСТНЫХ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье дается краткое описание экспозиции музея Региональной общественной молодежной организации «Объединение “Отечество”» Республики Татарстан, с точки зрения освещения малоизвестных событий Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: музей, увековечение памяти погибших, поисковое движение, общественная организация, Объединение «Отечество»

Abstract. The article provides a brief description of the exposition of the museum of the Regional Public Youth Organization Obyedineniye «Otechestvo» of the Republic of Tatarstan, from the point of view of covering the little-known events of the Great Patriotic War.

Keywords: museum, perpetuation of the memory of the dead, search movement, public organization, Obyedineniye «Otechestvo»

Великая Отечественная война занимает особое место в исторической памяти многонационального народа нашей страны. Музеи уделяют большое внимание сохранению и презентации мемориального наследия этих трагических лет. Общественные поисковые организации, участники поисковых отрядов свое личное соприкосновение с предметами войны на местах бывших сражений, ощущение сопричастности к тем грозным событиям и к судьбам конкретных погибших воинов стараются передать другим людям через создание собственных музеев и музейных экспозиций [1, с. 129–133].

Однако, для общественных организаций как само создание музея, так и обеспечение его постоянной работы на протяжении длительного периода времени являются непростой задачей. Отсутствие собственного помещения и материальных средств на оформление музейных экспозиций, на оплату труда сотрудников часто приводят к относительно кратковременной работе и к исчезновению сформированных музеев.

Поисковое движение в Республике Татарстан имеет большую историю, молодежные поисковые организации «Снежный десант» были созданы еще в 1968 г. и работа продолжается непрерывно по сей день [2]. С 1993 г. поисковые отряды и клубы республики объединены в Региональную общественную молодежную организацию «Объединение “Отечество”»

Республики Татарстан. За полвека работы накоплено много уникальных предметов и документов, представляющих музейную ценность. Из-за общественного статуса организации и отсутствия собственных помещений, за эти годы поисковиками Объединения «Отечество» были созданы несколько музеев и музейных экспозиций в различных учреждениях: на военной кафедре Казанского университета (1984 г.) [3], в городском под-ростковом клубе «Долина» (1990 г.) [4], в Городском молодежном военно-патриотическом центре «Молодая гвардия» (2002 г.), в Республиканском центре спортивно-патриотической и допризывной подготовки молодежи «Патриот» (2012 г., работает по настоящее время, используется при работе с призывной молодежью, при проведении мероприятий).

С получением в 2012 г. от Президента Республики Татарстан в безвозмездное пользование помещения для размещения офиса организации, РОМО «Объединение “Отечество”» РТ начала искать возможности создания постоянно действующего общедоступного музея поискового движения. В 2014–2015 гг. при грантовой поддержке из регионального бюджета, экспонаты, собранные в поисковых экспедициях, были представлены в качестве музейной экспозиции о судьбах воинов Великой Отечественной войны, чьи имена были установлены в ходе поисковой работы, в помещении офиса организации по адресу г. Казань, ул. Шоссейная, дом 22а. Была создана также передвижная музейная экспозиция. С развитием новых направлений деятельности организации расширяется и тематика экспозиций музея. Так, в связи с реализацией проекта «Крылья Татарстана»³ по восстановлению самолета Пе-2 из фрагментов и обломков погибших в Великую Отечественную войну настоящих боевых машин, в 2020 г. у стен здания офиса на площади 20 кв. м оборудован уличный навес для экспозиции крупных фрагментов военной техники периода Великой Отечественной войны.

Музей не имеет отдельного помещения, экспозиции расположены в холлах и коридорах, на лестничных пролетах. Общая площадь экспозиций составляет около 100 кв. м, имеется около 1 500 экспонатов.

Основная часть музея имеет более постоянное тематическое оформление. Вдоль одной стены установлены стационарные стеклянные витрины с экспонатами, вдоль другой – мобильные витрины из артиллерийских ящиков, над которыми размещены информационные стенды. В конце коридора сделана реконструкция «блиндажа», воссоздана обстановка полевого укрытия. Это пространство используется для проведения фото- и видеосъемок посетителями музея или специальных тематических мероприятий.

Тематически экспозиция основного зала состоит из следующих частей:

1. Город Казань в Великой Отечественной войне: здесь представлены стилизованные окна, заклеенные полосками бумаги, предметы быта той поры; предметы, относящиеся к деятельности эвакогоспиталей в городе,

³ Проект «Крылья Татарстана» выполняется Региональной общественной молодежной организацией «Объединение “Отечество”» Республики Татарстан при поддержке Правительства Республики Татарстан и ПАО «Татнефть».

медицинские инструменты; экспонаты, рассказывающие о работе предприятий города для нужд фронта. В частности, экспонируется подлинный подшипник с найденного поисковиками самолета Пе-2, на корпусе которого рабочими Казанского авиационного завода выгравированы слова «Смерть немецким гадам! 2.I-1944 г.».

2. Предметы, найденные на местах боев Великой Отечественной войны. В музее представлены в основном личные вещи воинов, ложки, котелки, подписанные фамилиями, инициалами. Показывается разнообразие гильз стрелкового оружия и предметов экипировки, таких как саперные лопаты разного изготовления и сохранности, обнаруживаемые поисковиками на местах боев, разнообразие капсул солдатских медальонов. При таком представлении предметов история каждого из них вроде теряется в ряду других подобных. Но предметы в нашем музее отличаются тем, что каждая именная вещь занесена в базу данных на сайте действующего в Казани Всероссийского информационно-поискового центра и в ней можно посмотреть, где и кем найден этот предмет, были ли при этом останки воина, если были, где они похоронены, другие подробности, фотографии хода работ.

Работа не ограничивается только музейным экспонированием, по результатам исследований поисковиками Объединения «Отечество» издаются книги, такие как: фотоальбом о зданиях эвакогоспиталей в Татарстане (1941–1945) (Казань, 2015); реестр воинских захоронений периода Великой Отечественной войны на территории Республики Татарстан (Казань, 2015); сборник документов о работе эвакогоспиталей Татарской АССР в 1941–1945 годы» (Казань, 2020) и др.

Основным местом поисковых работ поисковиков Татарстана с начала 1980-х гг. являлась территория Любанской наступательной экспедиции 1942 г., одной из первых по прорыву блокады Ленинграда. В результате этой операции 2-я Ударная армия попала в окружение, понесла огромные потери, а предательство ее командующего А. Власова наложило клеймо предателей на всех воинов армии. Работа поисковиков Татарстана совместно с коллегами со всей страны на местах боев прорыва, выхода из окружения показывает, что воины 2-й Ударной армии не сдались, погибли с оружием в руках, находятся в боевых порядках, окопах. Деятельность поисковиков посвящена не только поиску и захоронению непогребенных останков воинов, но и доказательству их боевого подвига. Большинство предметов войны, личных вещей воинов в музее найдены как раз в Новгородской и Ленинградской областях.

3. Авиационная тематика: работа по поиску погибших самолетов Пе-2 и установлению судеб их экипажей. На витрине представлены мелкие детали самолетов, а для экспозиции крупных фрагментов оборудована уличная площадка. В годы войны Казанским авиационным заводом массово выпускался пикирующий бомбардировщик Пе-2, из 11 214 выпущенных в стране самолетов Пе-2 10 174 были построены в Казани. В настоящее время сохранились только 3 таких самолета (в музеях авиационной техни-

ки в Монино и Пышме) и те собраны из нескольких машин послевоенного выпуска. В Казани в Парке Победы установлен только макет Пе-2. Инициативная группа поисковиков Объединения «Отечество» поставило целью восстановить образец самолета Пе-2 из фрагментов и обломков погибших в Великую Отечественную войну настоящих боевых машин. Он станет исторически значимым памятником боевой и трудовой славы земляков, на примере которого предполагается развивать изучение истории конструкторской мысли В. М. Петлякова, строительства самолетов и моторов на авиационном и авиамоторном заводах в Казани, боевого пути прославленных авиационных полков, которые в Казани получали самолеты Пе-2, обучались летать на них и затем воевали на фронтах Великой Отечественной войны [5]. Отметим, что к началу 2024 г. найдены и доставлены в Казань фрагменты 73 самолетов, установлены судьбы 172 членов их экипажей. Все доставленные фрагменты самолетов проходят полный цикл разборки, обработки от коррозии и восстановления в мастерских Объединения «Отечество».

4. Тему Гражданской войны 1917–1922 гг. на территории Татарстана можно считать малоизвестной для большинства населения республики. Настоящим открытием стало обнаружение непогребенных останков жертв войны на территории нескольких районов Татарстана, как красноармейцев, так и белогвардейцев. В музее представлены находки историко-краеведческой поисковой экспедиции «Вахта Примирия и Согласия», проводимой РОМО «Объединение «Отечество» РТ с 2014 г. в Алексеевском, Спасском, Верхнеуслонском, Мамадышском, Менделеевском районах республики [6]. За эти годы найдены и похоронены останки 165 жертв Гражданской войны. В экспозиции музея представлены фрагменты оружия, гильзы, личные вещи воинов Красной армии и Армии КОМУЧа: пряжки, пуговицы, знаки на головных уборах и т. п.

5. Сильным эмоциональным воздействием на посетителей музея обладает фотоэкспозиция «Имя, вырванное у смерти»: по верху одной из стен, под потолком, размещены несколько десятков фотографий воинов, чьи останки были найдены поисковиками и имена установлены по найденным при останках медальонам, номерным наградам и другим документам. Эти фотографии, взгляды сверху, с высоты десятилетий, всегда привлекают внимание посетителей музея, показывают реальный результат работы поисковиков, востребованность поисковой работы как для каждой отдельной семьи, потерявшей на войне своего родного человека, так и для общества в целом.

Также в пространстве под потолком взгляд посетителей захватывает подвешенный на прозрачных лесках бывший смертоносный металл войны – пули, осколки и обломки снарядов и мин, обрывки колючей проволоки – металл, который на войне постоянно присутствует вокруг человека.

В музее нет персональных стендов, посвященных отдельным людям, судьбы участников войны, их подвиги и истории установления их имен раскрываются через комплексы личных вещей разных воинов. Можно вы-

делить небольшой стенд, посвященный Герою Советского Союза поэту Мусе Джалилю, корреспонденту газеты «Отвага» 2-й Ударной армии, по фронтовому пути которого и начинались полевые поисковые экспедиции поисковиков Татарстана. Например, здесь представлены типографские литеры армейской газеты, но не 2-й Ударной, а ее соседа – 52-й армии Волховского фронта. В 2003 году новгородскими поисковиками были найдены 200 кг шрифтов и набранная форма номера газеты «Боевая красноармейская» от 24 июня 1942 г. С нее в Новгородской типографии были сделаны оттиски газеты. А в результате целенаправленной поисковой работы в 2021–2022 гг. поисковым отрядом «Гвардия» г. Великий Новгород были найдены и фрагменты оборудования типографии газеты «Отвага».

В целом, каждая витрина, каждый предмет используются как опорные точки для рассказа экскурсовода. Большинство предметов музея не имеют этикеток, подписей, подробная информация доводится до посетителей вербально, с использованием визуального ряда экспонатов.

Музей используется для экскурсий и при проведении публичных поисковых мероприятий, таких, например, как передача родственникам найденных воинов их медальонов, личных вещей. Регулярно проводятся экскурсии для слушателей из всех регионов страны проводимой РОМО «Объединение «Отечество» РТ круглогодичной Всероссийской школы поисковика «Поисковый фронт». Посещают музей школьники Казани, приходят группы из разных организаций. Экскурсии бесплатные.

Вынужденное размещение экспозиций в проходных помещениях имеет и практическое эмоциональное удобство – посетители и гости офиса сразу же оказываются в музейной обстановке, среди предметов, наглядно раскрывающих деятельность организации.

Продолжением музея являются уличная площадка для крупногабаритных фрагментов самолетов и мастерские, где идет работа по восстановлению самолета Пе-2. Здесь тоже известна история каждого фрагмента, каждого самолета, изучены судьбы их экипажей, поэтому экскурсии в мастерские также вызывают большой интерес у посетителей музея: «Поражает самоотверженность этих энтузиастов. Хочется поклониться им в пояс за ту бескорыстную работу, что они делают. Это внуки и правнуки победителей. Память об уходящем поколении, совершившем невозможное, дает им силы» [7].

Музей участвует выставками на городских мероприятиях, таких как День Победы, праздник «Я выбираю небо!». Ставшая традиционной передвижная выставка из экспонатов музея ко Дню Победы в Казанском Центральном универмаге неизменно привлекает внимание посетителей торгового центра.

Музей Региональной общественной молодежной организации «Объединение “Отечество”» Республики Татарстан отражает истории воинов, чьи имена удалось установить поисковикам, раскрывает судьбы и характеры не только участников далекой войны, так и современных молодых людей – поисковиков. Деятельность музея, увековечивающего память о геро-

ях Великой Отечественной войны, рассказывающего об истории и вкладе поискового движения в дело увековечения памяти воинов, направлена также на гражданско-патриотическое воспитание молодого поколения республики.

Список источников

1. Пянкевич А. В. Выставочная деятельность поисковых отрядов: сохранение исторической памяти // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1 (38).
2. В походах за памятью / сост. Красильников С. Н., Телишев В. Ф. Казань, 1995. 208 с.
3. Черепанов М. В. Зачем живым Долина смерти? Казань, 2006. 384 с.
4. Музей начинает работу // Отечество. 1997. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://otechestvort.ru/gazet/1997_02/005.html (дата обращения: 04.04.2024).
5. Прокофьев И. Г. Крылья Татарстана. Восстановить легенду. Казань: «Отечество», 2019 г. 180 с.
6. Поисковики Татарстана продолжили работу на месте гибели жертв Гражданской войны [Электронный ресурс]. URL: <https://otechestvort.ru/news/2014/028.htm> (дата обращения: 04.04.2024).
7. Музей на Шоссейной: нет пропавших солдат, есть еще не найденные / Казанские ведомости. 2020. 11 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://kazved.ru/news/society/11-02-2020/muzey-na-shosseynoy-net-propavshih-soldat-est-esche-ne-naydannye-5721953> (дата обращения: 04.04.2024).

РАЗДЕЛ 7. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ. DIGITAL HUMANITIES

УДК 930

М. Г. Степанов

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия*

БУДУЩЕЕ УЖЕ ЗДЕСЬ: ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать процесс внедрения систем искусственного интеллекта в современную историческую науку. Помимо положительных аспектов использования нейросетей в истории, выделены риски фальсификации отдельных эпизодов исторического процесса.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, историческая наука, историческая информатика, чат-бот ChatGPT, система Ithaca

Abstract. The article attempts to analyze the process of introducing artificial intelligence systems into modern historical science. In addition to the positive aspects of using neural networks in history, it is concluded that there are risks of falsification of individual episodes of the historical process.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, historical science, historical informatics, chatbot ChatGPT, Ithaca system

Совершенно недавно человечество производило отчет до легендарных хронологических событий – встречи «2000-го г.» и наступления «миллениума» в 2001 г., прогнозируя каким будет ближайшее будущее. Сейчас же уже имеет смысл подвести определенные итоги. В настоящее время подходит к своему логическому концу первая четверть XXI в., когда есть целесообразность посмотреть на развитие исторического знания с позиций тотального развития цифровых технологий, охвативших уже в значительной степени нашу жизнь. То, что мы ранее относили к категории футурологии становится неотъемлемой частью повседневности современного человека.

В данной статье предпринимается попытка осмыслить влияние искусственного интеллекта на развитие исторической науки – увидеть, как прогрессивные стороны, так и обозначить потенциальные риски. Следует обратить внимание, что процесс формирования историографии проблемы

применения искусственного интеллекта в исторической науке идет параллельно с практическим внедрением данных систем. В этом контексте стоит выделить ряд научных публикаций, начиная с 2010-х гг., в которых предприняты попытки не только дать определение феномену искусственного интеллекта, но и обозначить его риски с выявлением горизонтов его применения: Л. И. Бородкин [1], А. Ю. Володин [2], А. И. Дроздов [3], И. М. Гарскова [4], Т. Базарова, Д. Димитров, М. Потанин, М. Проскурякова [5], Н. Ю. Ключева [6], А. В. Кузнецов [7], А. Ф. Оськин [8], С. А. Закарян и В. Г. Корж [9].

Определение понятие «искусственный интеллект» (далее ИИ) мы можем устойчиво встретить в публикациях с начала 1990-х гг. В частности, в «Толковом словаре по искусственному интеллекту» под ИИ понимается «свойство искусственных интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считающиеся прерогативой человека» [10].

В англоязычной же трактовке ИИ интерпретируется как интеллект, воспринимающий [11].

Под искусственным интеллектом (*artificial intelligence*) мы сейчас понимаем «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и достижение инсайта) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека... Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных, анализу и синтезу решений» [12, с. 6].

Таким образом, в основе дефиниции искусственного интеллекта лежит терминологический аппарата как ИТ (программное обеспечение, доступ к сети разного уровня, машинное обучение), так и понятия прежде всего психологической науки – интеллект, когнитивные функции человека, внезапное озарение в форме инсайта). Отсюда ИИ с помощью вышеперечисленного набора компонентов должен быть готовым имитировать естественный интеллект человека.

По мнению М. Ушаковой главной целью ИИ является упрощение решения сложных задач, обработку которых трудно сделать вручную [13]. Или проще говоря ИИ призван автоматизировать ручной труд параллельно генерируя разум человека.

В соответствии с технологиями искусственный интеллект делится на две категории: на основе возможностей и функционала. Каждый из данных видов еще делится на разновидности в соответствии со специализацией.

В зависимости от *возможностей* ИИ делится на следующие виды:

- «узкий или слабый» – используется для решения только конкретной задачи и выдачи данных. Этот интеллект работает в строгих рамках, имеет набор языков и контекстов;

- «общий или сильный» – эта система не ограничена по уровню выполняемых операций и предназначена для решения интеллектуальных задач;

- «супер» – вид машинного интеллекта, превосходящий человеческий разум, он способен решить любую задачу лучше человека. Отсюда машины, обладающие данным интеллектом могут: мыслить, аргументировать, решать головоломки, делать суждения, общаться и т. д.

В зависимости от *функциональности* ИИ делится на следующие виды:

- «реактивные машины» – эта базовая система, которая не способна хранить полученный опыт. Она не способна к обучению и у нее нет памяти. Система фокусируется на решении данных задач;

- «интеллект с ограниченной памятью» – это система, которая сохраняет и использует опыт. Такой интеллект может улучшить работу проанализировав предыдущий опыт;

- «теория разума» – эта нейронная система, понимающая эмоции человека и способная к взаимодействию (данный вид находится на стадии развития);

- «самосознание» – данный вид искусственного интеллекта является сверхумным, он имеет чувства и эмоции, его считают из области фантастики. Эта система может превосходить человека в уме и лучше решать поставленные задачи. Самосознание находится в процессе исследования и разработки, создание этого нового типа ИИ затрагивает ряд этических и общественных норм [13].

Одной из разновидностей ИИ стали нейросети набирающие сейчас большую популярность и активное практическое применение. Впервые понятие и сам концепт нейросети как модели в кибернетике был сформулирован в 1943 г. в статье У. Маккалока и У. Питтса [14, с. 10].

Под нейросетью мы понимаем определенную математическую модель, технически выраженную, которая построена по принципу организации биологических нейронных сетей – сетей нервных клеток живого организма [15, с. 12].

Сейчас можно выделить следующие виды нейросетей:

- «перцептрон» – пример самой простой архитектуры нейронной сети, это математическая модель восприятия информации мозгом (применение: распознавание объекта);

- «многослойная нейронная сеть» – одна из самых базовых архитектур, которая состоит из искусственных нейронов, объединенных в слои. Нейрон из одного слоя связан с каждым нейроном из следующего слоя, поэтому такие нейронные сети часто называют полносвязными (применение: обработка числовых данных);

– «сверточные нейронные сети» – создание такой архитектуры заимствована из исследований по работе зрительной коры головного мозга (применение: обработка изображений);

– «рекуррентные нейронные сети» – основная особенность данной архитектуры – использование памяти. Нейронная сеть хранит внутри себя информацию о предыдущих данных и выдает ответ с учетом знания о всей последовательности (применение: обработки текста, видео, аудио и других данных, зависящих от времени).

Безусловно, что развитие ИИ и его производных систем предопределило их применение в исторических науках. В данный момент на наш взгляд можно выделить ряд приоритетных направлений, где можно эффективно применить возможности нейросетей.

Первое направление – работа нейросети с текстовыми документами.

Как известно, источниковедение как наука предполагает активную деятельность ученого-историка, занимающегося не только чтением исторического источника, но и его интерпретацией. Именно на этапе интерпретации текстового документа происходит выделение базовых элементов, которые являются эмпирическим фундаментом любой исторической концепции. Отсюда главный риск – допуск нейросети в процесс интерпретации человеческой истории, которая, безусловно, несет в себе огромный эмоционально-воспитательный характер для следующих поколений. Т. е. нейросеть, которой априори чужды полноценные глубинные эмоции, характерные для естественного интеллекта может стать инструментом написания «новой истории человечества».

В целом опыт на этапе распознавания текстовых исторических источников действительно имеет большой положительный эффект. Так, например, система *Ithaca*, помогает историкам читать поврежденные древние тексты. Как уверяют разработчики, система способна также решить задачи внешней критики источника – определение места и времени его создания [16]. Система генерирует несколько гипотез прогнозирования для задачи восстановления текста, производит вероятностную географическую и хронологическую атрибуции. *Ithaca* обеспечивает 62 % точности при восстановлении поврежденных текстов, при определении места создания – 71 %. Датировка текстов производится с точностью до 30 лет [17]. Именно *Ithaca* стала первой нейронной сетью для текстуального восстановления, определения географической и хронологической принадлежности древнегреческих надписей.

В контексте задач источниковедения – расшифровки и чтения исторических источников значимым направлением является использование платформы для распознавания текста, транскрипции и поиска документов *Transkribus* [18].

Второе направление – статичная и динамичная обработка нейросетью визуальных артефактов.

С начала XXI в. технологии 3D-моделирования стали массово использоваться для реконструкции образа и визуализации артефактов исто-

рии человечества. Благодаря этой технологии мы можем дистанционно участвовать в виртуальных экскурсиях, ознакомиться с шедеврами мировой и отечественной культуры, которые находятся в хранилищах 3D-изображений.

Кроме того, возможности 3D-моделирования позволяют виртуально воссоздать исторические локации (архитектурные памятники, города), которые были разрушены. Инструменты нейросети стали ключевым средством борьбы с историко-монументальной амнезией. К примеру, была создана 3D-модель сирийской Пальмиры, уничтоженной террористической группировкой «Исламским государством» (запрещена в Российской Федерации). Теперь же мы можем увидеть Пальмиру исключительно в цифровом варианте [19].

Обратной стороной медали в работе нейросети с визуальными образами является уже реальный риск моментального создания сфальсифицированных исторических источников. Актуальную угрозу составляют технологии ИИ (AICG) позволяющие создавать так называемые «дипфейки» (методика синтеза изображения или голоса). Своеобразной питательной базой для дипфейков являются видеохостинги в интернете пополняемые в непрерывном режиме аудио- и видеоконтентом. Отсюда неизбежным становится опасность подделки аудиовизуальных исторических источников и риском их использования в исторических исследованиях. Так, одним из нашумевших в последнее время дипфейков является речь 37-го президента США – Ричарда Никсона, которая была якобы записана на случай, если бы высадка на Луну в 1969 г. закончилась катастрофой [20].

Третье направление – протективный (защитный) аспект применения нейросетей для выявления попыток фальсификации истории (источников, дипфейков, псевдоисторических исследований и т. д.).

К протективной задаче можно отнести использование нейросети в работе систем антиплагиата. Без сомнения, что искусственно сгенерированные «исследования» могут отрицательно повлиять на сохранение исторической памяти.

В этом направлении в России имеются уже определенные позитивные наработки. К примеру, российская компания «Антиплагиат» разработала определенный алгоритм, позволяющий автоматически выявлять сгенерированные компьютером фрагменты текста. Система анализирует текст на наличие фрагментов, созданных с помощью языковых моделей *GPT-2*, *GPT-3* и *ChatGPT* – версий *GPT-3.5* и *GPT-4*. Если система находит такой фрагмент, она выделяет его красным цветом, а документ маркируют как подозрительный [21].

Таким образом, в настоящее время историческая наука проходит глубокий процесс трансформации в области применения новых информационных технологий. Ведущим приоритетом становится использование различных систем ИИ прежде всего на эмпирическом уровне развития исторической науки. Положительные результаты были достигнуты в источниковедении: обработка и анализ большого массива информации; чтение,

перевод, атрибуция и даже восстановление исторических источников. Кроме того, большой шаг был сделан в доступной визуализации артефактов истории. Однако мы должны с сожалением констатировать, что параллельно с достижениями существуют и не менее серьезные негативные последствия. Обученная на так называемых «больших данных» нейронная сеть способна нанести существенный вред, стать инструментом фальсификации истории, как правило в политических целях. Отсюда наш главный вывод – ИИ для исторической науки является технической химерой, которой должен управлять и жестко контролировать сам человек с целью недопущения написания «машиной» новой метаистории человечества.

Список источников

1. Бородкин Л. И. Digital History: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? / Л. И. Бородкин // Историческая информатика. 2012. №1(1). С. 14–21.
2. Володин А. Ю. Цифровая история (digital history): виртуальная реальность или исследовательская практика / А. Ю. Володин // «Стены и мосты – II»: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории. М.: Академический проект, 2013. С. 140–147.
3. Дроздов А. И. Возможности использования информационных технологий в изучении исторического прошлого / А. И. Дроздов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2016. № 16. С. 46–48.
4. Гарскова И. М. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды / И. М. Гарскова // Историческая информатика. 2019. № 3 (29). С. 57–75.
5. Базарова Т., Димитров Д., Потанин М., Проскурякова М. Распознавать и транскрибировать автографы Петра Великого и технологии искусственного интеллекта / Т. Базарова, Д. Димитров, М. Потанин, М. Проскурякова // Воронцово поле. 2020. №4. С. 64–17.
6. Ключева Н. Ю. Этико-прикладные аспекты применения технологий искусственного интеллекта / Н. Ю. Ключева // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2021. № 5. С. 52–66.
7. Кузнецов А. В. Цифровая история и искусственный интеллект: перспективы и риски применения больших языковых моделей / А. В. Кузнецов // Новые информационные технологии в образовании и науке. 2022. №1(5). С. 53–57.
8. Оськин А. Ф. Применение технологий искусственного интеллекта в историческом образовании / А. Ф. Оськин // Историческая информатика. 2023. № 2. С. 145–159.
9. Закарян С. А., Корж В. Г. Нейронные сети в исторической науке: краткий обзор перспектив и рисков / С. А. Закарян, В. Г. Корж // Российская государственность: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 27 октября 2023 г.) / науч. ред. В. В. Наумкина; отв. ред. В. Н. Козлова, М. Г. Степанов. Абакан:

Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2023. С. 164–166.

10. Толковый словарь по искусственному интеллекту / сост. А. Н. Аверкин. М.: Радио и связь, 1992. 256 с.

11. Artificial Intelligence. Available. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/technology/artificial-intelligence> (дата обращения: 27.03.2024).

12. Ватъян А. С., Гусарова Н. Ф., Добренко Н. В. Системы искусственного интеллекта / А. С. Ватъян, Н. Ф. Гусарова, Н. В. Добренко СПб.: Университет ИТМО, 2022. 186 с.

13. Ушакова М. Виды искусственного интеллекта – их особенности и применение / М. Ушаков. [Электронный ресурс]. URL: <https://mitm.institute/journal--informatika--vidy-iskusstvennogo-intellekta-ih-osobennosti-i-primenenie> (дата обращения: 27.03.2024).

14. Искусственные нейронные сети и приложения / сост. Ф. М. Гафаров, А. Ф. Галимянов. Казань: Издательство Приволжского федерального университета, 2018. 121 с.

15. Беркинблит М. Б. Нейронные сети / М. Б. Беркинблит М.: МИРОС и ВЗМШ РАО, 1993. 96 с.

16. Как ИИ от DeepMind помогает историкам расшифровывать поврежденные тексты из Древней Греции. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/selectel/articles/653917/>. (дата обращения: 25.03.2024).

17. Predicting the past with Ithaca [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deepmind.com/blog/predicting-the-past-with-ithaca>. (дата обращения: 25.03.2024).

18. Transkribus [Электронный ресурс]. URL: <https://readcoop.eu/transkribus/?sc=Transkribus>. (дата обращения: 25.03.2024).

19. Проект «Пальмира 3D». [Электронный ресурс]. URL: <https://rac.archeo.ru/projects/palmyra-3d/>. (дата обращения: 25.03.2024).

20. «В случае лунной катастрофы...» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yaq4sWFvnAY>. (дата обращения: 27.03.2024).

21. Антиплагиат выявляет текст, созданный ChatGPT [Электронный ресурс]. Официальный сайт Компании Антиплагиат. URL: <https://antiplagiat.ru/news/text-chatgpt/>. (дата обращения: 27.03.2024).

Н. П. Гуляева
Независимый исследователь
Дивногорск, Россия

ПРИМЕНЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИ РАБОТЕ С ИСПОВЕДНЫМИ РОСПИСЯМИ НА ПРИМЕРЕ ПРИХОДА ИЛЬИНСКОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА ЛАДЕЙКИ ЗА 1785 Г.

Аннотация. В работе демонстрируется применение методов извлечения информации о демографических процессах из исповедных росписей. В качестве примера используется приход церкви с. Ладейки за 1785 год. Показано, что можно установить возрастные интервалы смены брачного статуса, определить демографическую нагрузку детьми, выявить случаи повторных браков.

Ключевые слова: население, демографическая структура, приход, исповедная роспись, брачность, дети и родители, методика расчетов

Abstract. The work demonstrates methods for extracting information about demographic processes from shrift's records. As an example, the data of the parish of Ladeicke's church from 1785. Simple calculations is possible to establish age intervals for changes marital status, determine the demographic burden of children, identify cases of remarriage.

Keywords: population, demographic structure, parish, shrift's records, matrimoniality, children and parents, calculation procedure

Целью настоящей работы является демонстрация методики извлечения статистической информации о демографических процессах и явлениях из такого источника как исповедные росписи.

Исповедные росписи, или исповедные ведомости, составлялись ежегодно священником каждой церкви и представляли список всех прихожан, бывших или не бывших на исповеди. В обязательном порядке указывалась принадлежность к сословию/состоянию, брачный статус, возраст и родственное отношение, как правило, к главе домохозяйства. Таким образом, по материалам росписей можно представить своего рода социально-демографический срез приходского общества на конкретный год.

Наиболее часто из росписей извлекаются данные о соотношении половозрастных групп населения прихода. Но возможности данного источника этим не исчерпываются. Используя несложные методы группировки можно получить информацию, которая в открытом виде в росписях не представлена.

Например, в документе не указывается прямо возраст деторождения. Однако, сопоставляя указанные в источнике возраста родителей и детей, можно получить картину, отображающую динамику повозрастной рождаемости.

Кроме того, исходя из данных росписи нельзя установить на каком году жизни вступил в брак конкретный человек, но можно рассчитать интервал возрастов, в котором женилась или выходила замуж большая часть населения.

Для проведения работ по систематизации информации и выполнению расчетов достаточно стандартного офисного пакета, в который входят СУБД MS Access и электронные таблицы Excel.

В качестве объекта выступает исповедная роспись церквей Красноярского заказа за 1785 г., в настоящее время находящаяся на хранении в Красноярском краеведческом музее [1].

Рассматриваемая методика применялась при анализе состава приходов городских храмов Красноярска (на конец XVIII в. – это Покровская церковь и Воскресенский собор) [2]. Однако часть прихожан проживала не в городе, а в окрестных деревнях, при чем жители этих населенных пунктов могли принадлежать к приходам не одного, а двух, трех и даже четырех церквей одновременно [3]. Данное обстоятельство создает определенные технические сложности и делает не вполне удобным использование данных по городским приходам для демонстрации методики.

Поэтому была выбрана Ильинская церковь с. Ладейки, прихожане которой относились всего к шести населенным пунктам: само село Ладейки и деревни Маганская, Бедряшина, Кузнецово, Пещаная, Свищева. При этом жители данного села и деревень не зафиксированы в исповедных росписях других приходов.

Всего по Ильинской церкви учтено 914 человек, которые проживали в 153 дворах.

Первичная информация вносилась в таблицы MS Access. В основную таблицу «Домохозяйства» входят данные о домохозяйстве в целом, разбитые по полям: номер домохозяйства (по порядку внесения), приход, место жительства. В первой вложенной таблице фиксируется информация о персональном составе домохозяйства по полям: ФИО (фамилия, имя, отчество), пол, возраст, семейное положение, глава семьи (отмечается только для глав семей, для всех остальных поле не заполняется), формальный социальный статус, социальный статус. Введение двух полей, где указывается социальный статус связано с тем, что в первом случае вносится результат группировки по признакам, выделенным исследователем, а во втором запись приближена к формулировкам исходного документа. Таким образом решается проблема корректности формального отбора, с одной стороны, и сохранения информации – с другой.

Во второй вложенной таблице отмечается отношение конкретного человека к ближайшим родственникам (см. рис. 1).

Домохозяйства

Домохозяйство	Приход	Место жительства	Единица
1462	Ильинская церковь с. Ладейское	с. Ладейское	1
1463	Ильинская церковь с. Ладейское	с. Ладейское	1
1464	Ильинская церковь с. Ладейское	с. Ладейское	1
1465	Ильинская церковь с. Ладейское	с. Ладейское	1
1466	Ильинская церковь с. Ладейское	с. Ладейское	1
1467	Ильинская церковь с. Ладейское	с. Ладейское	1

1-я вложенная таблица

ФИО	Пол	Возраст	Семейное положен	Глава семьи	Формальный соцст	Социальный статус
Афанасий Иванович Варагушин	М	36	женат	Глава семьи	крестьянин	крестьянин
Прасковья Михайловна Варагушина	Ж	38	замужем		крестьянин	жена крестьянина
Михаил Афанасьевич Варагушин	М	12	холост		крестьянин	сын крестьянина

2-я вложенная таблица

Код родственника	Родственник	Степень родства
Афанасий Иванович Варагушин	Афанасий Иванович Варагушин	отец
Прасковья Михайловна Варагушина	Прасковья Михайловна Варагушина	мать
Анна Афанасьевна Варагушина	Анна Афанасьевна Варагушина	сестра
Пелагея Афанасьевна Варагушина	Пелагея Афанасьевна Варагушина	сестра

Рис. 1. Основная и вложенные таблицы СУБД MS Access

Следует отметить, что внесение данных в первую вложенную таблицу автоматически формирует таблицу «Люди», а во вторую – таблицу «Родство». Через отбор данных из таблиц «Домохозяйства», «Люди» и «Родство» формируется массив для последующих расчетов.

Например, для отбора всех домохозяйств, входящих в приход Ладейской церкви, достаточно очень простого запроса, где единственным условием будет наличие записи «Ильинская церковь с. Ладейского» в поле «Приход» таблицы «Домохозяйства» (см. рис. 2).

Домохозяйства

- Домохозяйство
- Приход
- Место жительства
- Единица
- Код

Люди

- Код домохозяйств
- ФИО
- Пол
- Возраст
- Семейное полож

Поле: ☒ Приход

Имя таблицы: Домохозяйства

Сортировка:

Вывод на экран: ☒

Условие отбора: "Ильинская церковь с.

Рис. 2. Простой запрос на отбор домохозяйств, входящих в приход Ладейской церкви

Но, например, для отбора всех женщин с. Ладейского, имеющих детей, требуется немного более сложная структура запроса (см. рис. 3).

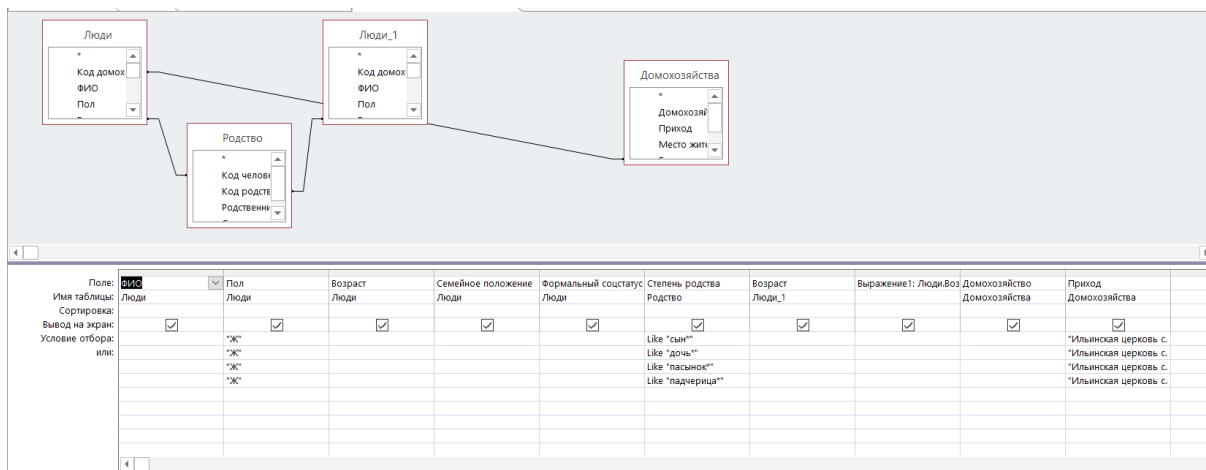

Рис. 3. Запрос на отбор всех женщин с. Ладейского, имеющих детей

После чего данные, отобранные путем запросов, экспортируются в электронные таблицы с сохранением номенклатуры и порядка расположения полей, что позволяет переносить шаблон используемых формул с одного массива на другой с минимальными погрешностями и затратами времени.

Затем выполняются несложные подсчеты, показывающие общую картину по исследуемой совокупности.

В табл. 1 приведено распределение по полу, месту жительства и расчет среднего размера домохозяйства.

Таблица 1
Распределение по полу, месту жительства и средний размер домохозяйства по приходу Ладейской церкви

	Дворов	Людей	Мужчин	Женщин	Человек на домохозяйство
С. Ладейское	117	670	324	346	5,7
Дер. Маганская	26	181	91	90	7,0
Дер. Бедряшина	2	16	9	7	8,0
Дер. Кузнецово	4	19	12	7	4,8
Дер. Пещаная	1	6	2	4	6,0
Дер. Свищева	3	22	11	11	7,3
Итого	153	914	449	465	6,0

В табл. 2 – распределение по месту жительства и формальным социальным статусам.

Также нетрудно выполнить отбор и систематизацию данных по признакам пола, возраста и социального статуса (см. табл. 3 и 4).

Таблица 2

Распределение по месту жительства и формальным социальным статусам
по приходу Ладейской церкви

	Военный	Крестьянин	Мещанин	Священнослужитель	Ясачный
С. Ладейское	68	556	22	13	6
Дер. Маганская	3	157	9	0	12
Дер. Бедряшина	0	16	0	0	0
Дер. Кузнецово	0	19	0	0	0
Дер. Пещаная	0	0	0	0	6
Дер. Свищева	0	22	0	0	0
Итого	71	770	31	13	24

Таблица 3

Распределение по полу и возрасту женщин прихода Ладейской церкви

Возраст, лет	Все	Военные	Крестьяне	Мещане	Священнослужители	Ясачные
От 0 до 5	53	4	46	1	2	0
От 6 до 10	57	5	48	3	0	1
От 11 до 15	58	8	46	2	1	1
От 16 до 20	48	5	38	0	1	4
От 21 до 25	42	3	35	2	0	1
От 26 до 30	41	1	35	2	1	2
От 31 до 35	23	1	18	2	1	1
От 36 до 40	30	3	27	0	0	0
От 41 до 45	26	3	23	0	0	0
От 46 до 50	16	1	14	0	0	1
От 51 до 55	14	2	8	3	0	1
От 55 до 60	21	0	18	1	1	0
От 61 до 65	11	2	9	0	0	0
От 65 до 70	7	0	7	0	0	0
Старше 70	18	1	14	1	0	1
Итого	465	39	386	17	7	13

Таблица 4

Распределение по полу и возрасту мужчин прихода Ладейской церкви

Возраст, лет	Все	Военные	Крестьяне	Мещане	Священнослужители	Ясачные
От 0 до 5	61	5	51	2	1	2
От 6 до 10	57	3	52	1	1	0
От 11 до 15	48	3	44	1	0	0
От 16 до 20	38	4	30	0	1	1
От 21 до 25	36	3	29	2	0	2
От 26 до 30	31	1	26	2	1	1
От 31 до 35	35	0	33	0	1	1
От 36 до 40	39	4	31	2	0	2
От 41 до 45	26	1	25	0	0	0
От 46 до 50	14	1	10	2	0	1
От 51 до 55	17	2	14	0	0	1
От 55 до 60	20	2	15	2	1	0
От 61 до 65	8	3	5	0	0	0
От 65 до 70	6	0	6	0	0	0
Старше 70	13	0	13	0	0	0
	449	32	384	14	6	11

На базе полученных данных строится половозрастная пирамида, наглядно отображающая структуру населения прихода на 1785 г. (см. рис. 4).

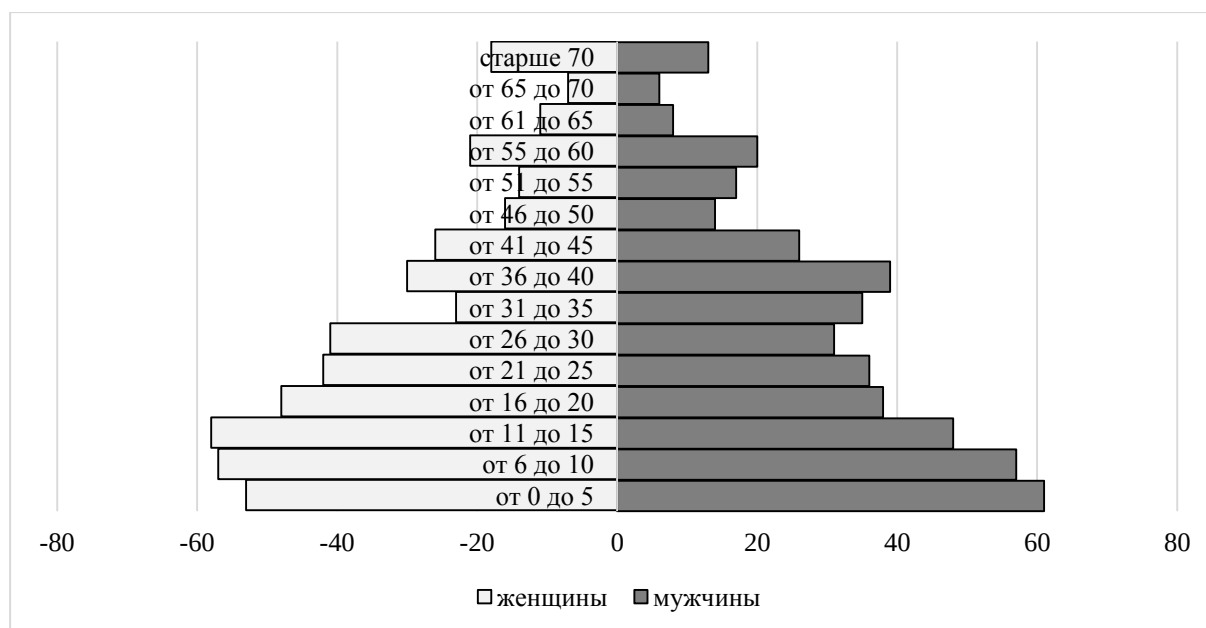

Рис. 4. Половозрастная пирамида по приходу Ладейской церкви, 1785 г.

Следует отметить, что какой-либо изменчивости демографических характеристик по разным социальным группам не прослежено (см. табл. 3, 4, 9, 11, 12). Возможно, это связано с тем, что подавляющее большинство составляют крестьяне, тогда как все остальные группы малочисленны.

Все приведенные выше таблицы данных и их графическое отображение являются наиболее распространенными вариантами извлекаемой из исповедных росписей информации. Но можно пойти немного дальше.

Например, сопоставляя возраста холостых/девиц – женатых/замужних – вдов/вдовцов, можно увидеть на какие возраста приходилась, в основном, смена брачного статуса.

Так, для женщин наблюдается начало перехода в замужнее состояние в интервале от 16 до 20 лет (причем самая молодая жена 18 лет от роду, двое – 19 лет и еще одна 20 лет), в следующем интервале от 21 года до 25 лет замужних почти в два раза больше чем девиц, а в интервале от 26 до 30 лет преобладание замужних абсолютно (см. табл. 5, рис. 5).

Таблица 5

Повозрастное распределение брачных статусов женщин по приходу Ладейской церкви

Возраст, лет	Девуцы	Замужные	Вдовы
1	2	3	4
от 0 до 5	53	0	0
от 6 до 10	57	0	0
от 11 до 15	58	0	0
от 16 до 20	44	4	0
от 21 до 25	14	27	1

Окончание табл. 5

1	2	3	4
от 26 до 30	2	39	0
от 31 до 35	1	20	2
от 36 до 40	0	30	0
от 41 до 45	1	23	2
от 46 до 50	1	14	1
от 51 до 55	0	14	6
от 56 до 60	0	14	6
от 61 до 65	0	8	3
от 66 до 70	0	5	2
старше 70	0	3	15

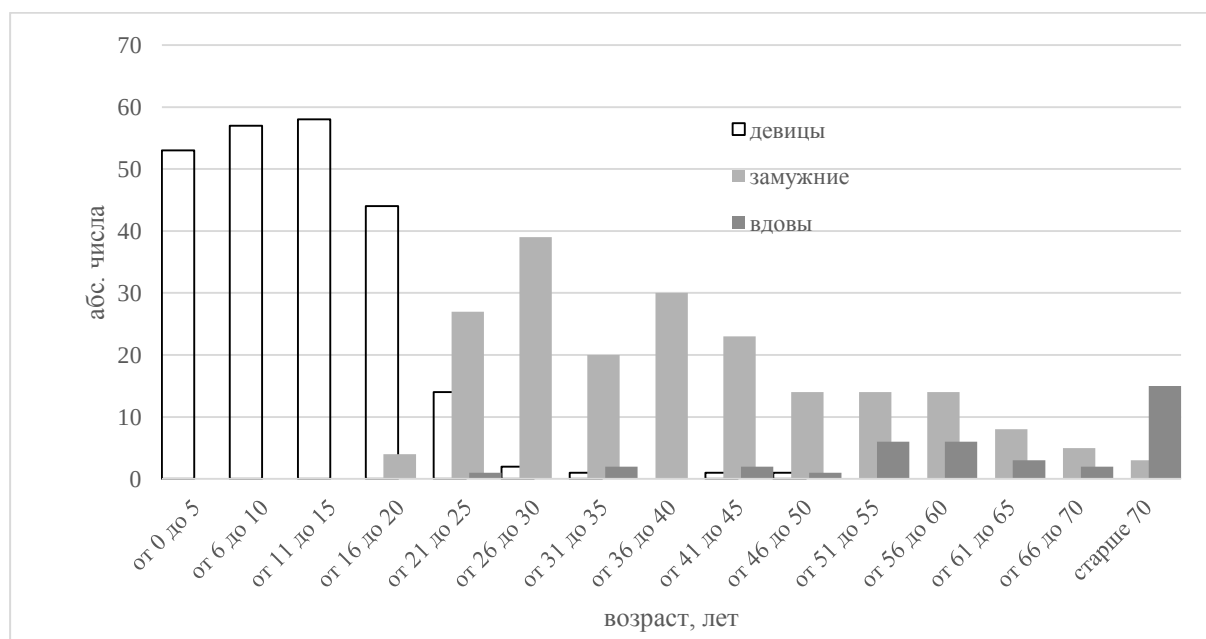

Рис. 5. Повозрастное распределение брачных статусов женщин по приходу Ладейской церкви

Таким образом, очевидно, что вступление в брак для прихожанок Ильинской церкви преимущественно приходилось на возраста от 20 до 30 лет. Если выполнить группировку не по пятилетним, а по годичным интервалам, то границы можно уточнить: в возрасте 23 лет количество девиц и замужних практически равно, тогда как в возрастах 28, 29 и 30 лет девиц нет, есть только замужние женщины (см. табл. 6). Следовательно, смена брачного статуса приходилась, чаще всего, на период от 23 до 27 лет.

Таблица 6

Смена брачного статуса женщин в интервале от 20 до 30 лет по приходу Ладейской церкви

Возраст, лет	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
девы	3	2	2	5	3	2	2	0	0	0	0
замужние	1	1	3	6	9	8	10	6	10	9	4

Аналогичным образом, для мужчин прослеживается смена брачного статуса примерно в том же интервале между 20 и 30 годами. Примечательно, что самый молодой муж 17 лет от роду, но в возрастах равных 19 и 20 годам женатых нет, только холостые, и, в целом, процесс перехода несколько растянут по сравнению с женщинами (см. табл. 7, рис. 6).

Таблица 7

Повозрастное распределение брачных статусов мужчин
по приходу Ладейской церкви

Возраст, лет	Холост	Женат	Вдов
от 0 до 5	56	0	0
от 6 до 10	53	0	0
от 11 до 15	49	0	0
от 16 до 20	40	2	0
от 21 до 25	19	15	0
от 26 до 30	13	22	0
от 31 до 35	2	25	0
от 36 до 40	4	40	1
от 41 до 45	0	22	1
от 46 до 50	0	18	0
от 51 до 55	1	17	0
от 56 до 60	1	17	0
от 61 до 65	0	8	4
от 66 до 70	0	5	2
старше 70	0	8	4

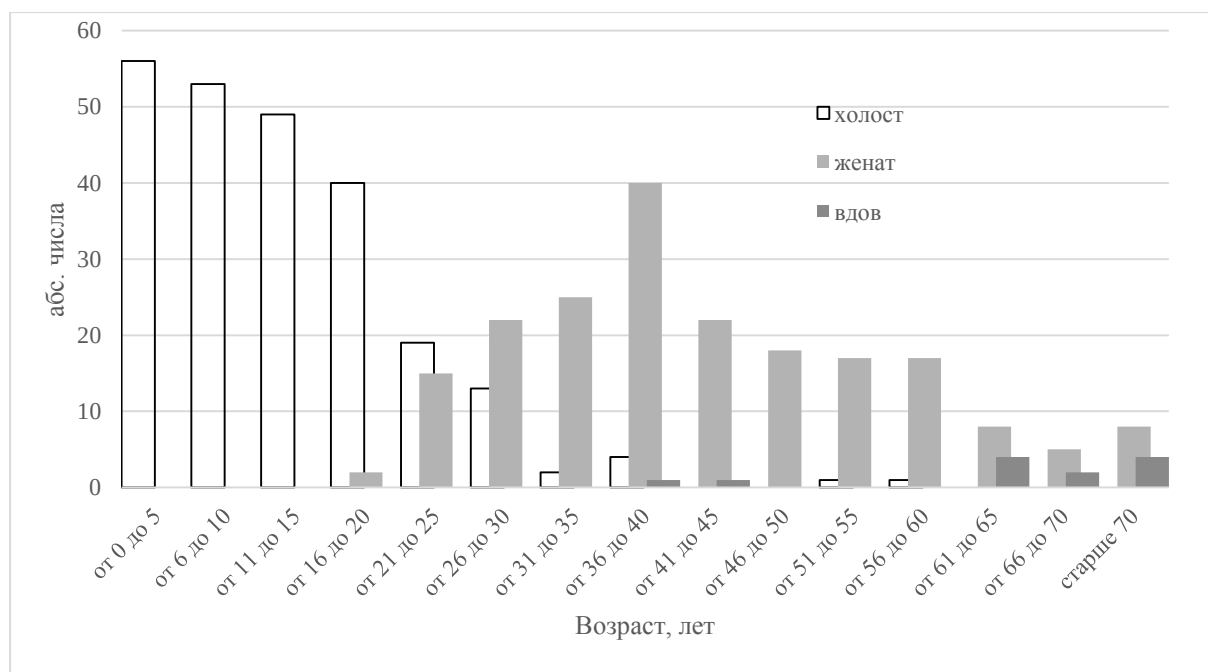

Рис. 6. Повозрастное распределение брачных статусов мужчин
по приходу Ладейской церкви

Хотя большинство мужчин вступают в брак к 30 годам, устойчивое отсутствие холостяков характерно для возрастов ближе к сорока (см. табл. 8).

Таблица 8

Смена брачного статуса мужчин в интервале от 20 до 40 лет
по приходу Ладейской церкви

Возраст, лет	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40
Холостые	4	8	3	2	2	4	4	3	1	1	0	1	0	1	0	1	0	1	2	0	0
Женатые	0	2	1	6	6	2	5	2	9	4	2	8	5	4	6	9	8	8	8	7	4

Переход в статус вдовы/вдовца тоже имеет некоторое отличие. Если у женщин данная группа устойчиво фиксируется начиная с возрастов старше 40 лет, то у мужчин – ближе к 60 годам (см. табл. 5, 7). При том, что самой молодой вдове 25 лет, и при сопоставлении возрастов родителей и детей отмечаются ситуации, характерные для повторных браков (см. ниже), можно предположить, что для женщин востребованность на брачном рынке после первого овдовения сохранялась до сорокалетнего возраста, а в более старшем утрачивалась. Возможно, это было связано с оценкой фертильности.

В то же время, востребованность мужчин, в том числе вдовцов, продолжалась на два десятилетия дольше, что трудно связать с репродуктивной функцией, но вполне может быть объяснено сохранением хозяйственно-бытовой самостоятельности.

Прежде чем переходить к анализу данных, связанных с воспроизводством населения, требуется сделать очень важную оговорку: количество детей, зафиксированных в росписи за брачной парой не равно количеству детей, рожденных именно этой женщиной в течение всей жизни. Во-первых, не отмечены дети, родившиеся после составления документа. Во-вторых, часть детей может происходить от предыдущего брака мужа. В-третьих, исповедная роспись не учитывает:

- детей в возрасте до года;
- скончавшихся к моменту составления документа;
- перешедших в другое домохозяйство (отделившихся сыновей и вышедших замуж дочерей).

Таким образом, по информации из одной исповедной росписи нельзя определить, сколько детей родила женщина за всю жизнь и, следовательно, нельзя рассчитать коэффициенты рождаемости и воспроизводства. Подобные документы фиксируют исключительно число детей, проживающих с родителями в конкретный момент времени.

Рассчитать среднее количество единовременно проживающих с матерью детей несложно, как и выполнить распределение числа детей по возрасту матерей (см. табл. 9, 10).

Таблица 9

Число детей у матери по приходу Ладейской церкви

Детей у матери	Всего	Военные	Крестьяне	Мещане	Священнослужители	Ясачные
1	65	3	56	1	0	4
2	40	3	33	2	2	0
3	41	2	35	3	0	1
4	23	5	17	0	0	1
5	10	0	10	0	0	0
6	8	1	6	0	1	0
7	3	0	3	0	0	0
8	1	0	1	0	0	0
9	1	0	1	0	0	0

Таблица 10

Распределение числа детей по возрасту матерей по приходу Ладейской церкви

Возраст матери, лет	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка	5 детей	6 детей	7 детей	8 детей	9 детей
До 25	8	3	2	1	0	0	0	0	0
26–30	12	8	7	2	0	0	1	0	0
31–35	5	6	8	3	0	0	0	0	0
36–40	2	3	11	7	6	4	1	1	1
41–45	2	4	5	3	5	3	1	1	0
> 45	34	15	11	9	3	4	1	0	0

При анализе данных по количеству детей на женщину с учетом интергенетических интервалов (см. табл. 11) очевидно, что модальное число равно 1 (65 случаев). Однако следует учитывать, что 34 из них приходятся на женщин старше 45 лет, т. е. относятся к ситуациям, которые можно интерпретировать как стадию «пустого гнезда» в жизненном цикле семьи. Т. е., период, когда большая часть детей уже создала собственные семьи/ушла в другие домохозяйства путем замужества или отделения от родительской пары. Соответственно, модальное количество детей, одновременно проживающих с женщиной фертильного возраста, составляет 2–3.

Учитывая, что наиболее часто встречающееся значение интергенетического интервала составляет 2 года, что вполне понятно в условиях отсутствия контрацепции, получается, что количество детей до года, невнесенных в исповедную роспись не может быть слишком большим. Это не согласуется с результатами анализа метрических книг, которые показывают высокую младенческую смертность [4] и, соответственно, увеличивают учтенное число деторождений. Единственное объяснение, которое видится в данной ситуации, связано с тем, что значительная доля детей умирала в возрасте до полугода, вследствие чего следующая беременность наступа-

ла раньше, чем если бы ребенок выжил и до 1,5–2 лет находился на грудном вскармливании.

Таблица 11

Интергенетические интервалы по приходу Ладейской церкви

Продолжительность интервала, годы	Все	Военные	Крестьяне	Мещане	Священнослужители	Ясачные
1	38	4	32	1	0	1
2	71	7	61	1	2	0
3	58	4	51	1	1	1
4	32	1	28	2	0	1
5	28	3	21	1	2	1
6	20	2	17	0	1	0
7	13	1	11	0	0	1
8	0	2	7	0	1	0
9	9	2	6	1	0	0
10	6	0	5	1	0	0
11	2	0	2	0	0	0
12	3	0	3	0	0	0
13	0	0	0	0	0	0
14	4	0	4	0	0	0
15	0	0	0	0	0	0
>15	3	0	3	0	0	0

Косвенным подтверждением расчетов о порядке деторождения и количестве детей на брачную пару, выполненных по отношению к матерям, служат результаты аналогичного анализа по отцам (см. табл. 12, 13).

Таблица 12

Число детей у отца по приходу Ладейской церкви

Детей у отца	Всего	Военные	Крестьяне	Мещане	Священнослужители	Ясачные
1	54	2	48	2	0	2
2	40	4	32	2	2	0
3	35	2	31	1	0	1
4	24	5	18	0	0	1
5	9	0	9	0	0	0
6	7	1	5	0	1	0
7	3	0	3	0	0	0
8	1	0	1	0	0	0
9	1	0	1	0	0	0

Таблица 13

Распределение числа детей по возрасту отцов
по приходу Ладейской церкви

Возраст отца, лет	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка	5 детей	6 детей	7 детей	8 детей	9 детей
до 25	5	1	0	0	0	0	0	0	0
26–30	9	6	3	0	0	0	0	0	0
31–35	10	5	9	1	0	0	0	0	0
36–40	4	7	7	8	3	4	1	0	1
41–45	3	6	7	1	3	4	1	0	0
> 45	22	14	13	13	4	3	2	1	0

При несовпадении конкретных цифр по совокупностям матерей и отцов общая картина повторяется. Точно также значительная часть одинокотных отцов сосредоточена в когорте старше 45 лет, для мужчин фертильного возраста модальное количество детей равно 2–3.

Соотнесение возрастов родителей и детей позволяет увидеть скрытые ситуации повторных браков. В исповедных росписях не указывается, какой по счету брак каждого из супругов отражен в документе, и крайне редко встречаются прямые указания на такую родственную связь как пасынок/падчерица. Однако, сопоставляя возраста брачных пар и записанных за ними детей, очевидно, что часть женщин не может быть матерями в биологическом смысле.

У двоих разница в возрасте с детьми составляет менее 10 лет, еще у десяти – менее 15 лет (см. табл. 14). Учитывая предпочтительный возраст вступления в брак старше 20 лет, о чем сказано выше, матери, чья разница с детьми равна 16 годам (1 случай) и 17 годам (3 случая), скорее всего, тоже являются мачехами, но с уверенностью утверждать этого нельзя. С еще большей осторожностью необходимо оценивать группу, где разница в возрасте с детьми составляет 18 лет (5 случаев), поскольку для них вероятность оказаться как мачехой, так и биологической матерью примерно равна. Однако, при самой осторожной оценке не менее, чем в 2 % случаев речь может идти только о мачехах.

С другой стороны, выявлено 7 случаев, при которых разница в возрасте с детьми составляет более 45 лет. Если материнство в 46, 47 и 49 лет представляется маловероятным, но возможным, то разница в 52 года и 61 год наталкивает на мысль о пасынках/падчерицах.

Показательно, что наибольшее количество случаев, по которым посчитана разница в возрасте между матерью и ребенком, приходится на группы от 20 до 35 лет, что соотносится с интервалом смены брачного статуса на замужний. С другой стороны, хотя количество случаев последовательно сокращается для возрастов от 36 до 40 лет и от 41 года до 45, оно все же остается значимым и резко падает только ближе к 50 годам. Это,

в свою очередь, соотносится с возрастными безвозвратного перехода в статус вдовы.

Таблица 14

Разница возрастов матерей и детей по приходу Ладейской церкви

Разница, лет	Все	Военные	Крестьяне	Мещане	Священнослужители	Ясачные
Меньше 5	0	0	0	0	0	0
От 6 до 10	2	0	2	0	0	0
От 11 до 15	10	1	8	0	0	0
От 16 до 20	20	1	18	1	0	0
От 21 до 25	102	7	83	7	2	3
От 26 до 30	122	10	100	4	3	5
От 31 до 35	115	9	104	0	2	0
От 36 до 40	82	8	70	2	0	2
От 41 до 45	36	5	28	0	2	1
От 46 до 50	5	0	4	0	1	0
Больше 50	2	0	2	0	0	0

Схожим образом при исследовании разницы возрастов мужчин и записанных за ними детей можно наблюдать как минимум три случая, при которых биологическое отцовство невозможно. Особенно показательна ситуация, в которой «отец» младше «сына» на три года! Хотя в целом, случаев, где разница составляет менее 15 лет у мужчин всего три, тогда как у женщин – 12 (см. табл. 15). Следовательно, женщины чаще вступали в браки с вдовцами, имевшими возрастных отпрысков, чем мужчины со вдовами, находившимися в аналогичной ситуации.

Так же, как и у женщин проблематичной для определения выглядит группа, где разница с детьми составляет от 16 до 20 лет. Принимая во внимание растянутый процесс смены брачного статуса мужчинами с холостого на женатый и то, что женатых в возрасте до 20 лет выявлено всего два человека, можно с некоторой долей уверенности предполагать, что и в этих случаях речь идет скорее об отчимах, а не отцах.

Таблица 15

Разница возрастов отцов и детей по приходу Ладейской церкви

Разница, лет	Все	Военные	Крестьяне	Мещане	Священнослужители	Ясачные
Меньше 5	1	0	0	0	0	0
От 6 до 10	1	0	0	0	0	0
От 11 до 15	1	0	0	0	0	0
От 16 до 20	13	0	0	0	0	0
От 21 до 25	68	0	0	0	0	0
От 26 до 30	116	0	0	0	0	0
От 31 до 35	113	0	0	0	0	0
От 36 до 40	83	0	0	0	0	0
От 41 до 45	40	0	0	0	0	0
От 46 до 50	13	0	0	0	0	0
Больше 50	14	0	0	0	0	0

С другой стороны, у мужчин значительно большее число случаев, где разница в возрасте с детьми составляет более 50 лет (14 против 2 у женщин). Девять случаев сосредоточены в интервале от 50 до 55 лет, что с осторожностью, но можно рассматривать как биологическое отцовство. Однако разница в 62, 64 и 66 лет заставляет в нем усомниться. Следовательно, мужчины в возрасте около 50 лет рассматривались на брачном рынке как вполне подходящие женихи для значительно более молодых вдов с малолетними детьми, и сами воспринимали такие повторные браки как допустимые. Следует отметить, что данное предположение хорошо согласуется с рассчитанными возрастами окончательного овдовения для мужчин.

В итоге, при самой осторожной оценке доля отчимов составляет не менее 6 %, что в три раза выше аналогичного показателя у женщин и еще раз свидетельствует о более высокой востребованности вдовцов по сравнению со вдовами на брачном рынке.

Вместе с тем, выявлены домохозяйства, в которых разница возрастов отцов и детей составляет более сорока лет, однако оснований отрицать биологическое отцовство нет, так как этому противоречит порядок возрастов детей. Например, в семье 44-летнего Ефима Андреевича Колчина самой младшей дочери всего два года, но у нее есть два брата 9 и 4 лет. Жена Ефима Андреевича, Васса Федоровна, к моменту составления документа достигла 38 лет и, следовательно, нет оснований предполагать повторный брак ни для одного из супругов. Скорее, речь может идти о свадьбе в возрастах близких к 30 годам как для мужа, так и для жены, или о продолжительном протогенетическом интервале, или о ранней смерти детей, рожденных в первые годы брака, если он был заключен в более молодом возрасте.

Таким образом, если разница в возрастах родителей и детей менее 15 лет однозначно указывает на повторный брак, то разницу в 50 и более лет для женщин и 60 и более лет для мужчин правильнее отмечать как высокую вероятность создания повторного союза с вдовцом/вдовой, а разница близкая к сорока годам не может играть роль подобного маркера для обоих полов.

Итак, применение несложных приемов статистического анализа при работе с исповедными росписями позволяет выявить информацию, которая в открытом виде в документе не представлена, в частности:

- установить модальные возрастные интервалы смены брачного статуса девица/холост – замужем/жена – вдова/вдовец;
- определить единовременную демографическую нагрузку детьми на мать/отца или брачную пару;
- вычислить интергенетические интервалы;
- выявить случаи повторных браков через сопоставление возрастов родителей и детей;

– безусловными маркерами повторных браков может служить или слишком маленькая (до 15 лет) разница в возрастах родителей и детей, или слишком большая – свыше 50 лет для женщин и 60 лет для мужчин;

– разница в возрасте родителей и детей близкая к 40 годам безусловным маркером повторного брака быть не может, в этих случаях необходимо принимать во внимание сочетание возрастов детей.

В результате использования данных методов к исповедной росписи по приходу Ильинской церкви с. Ладейки определено:

– отсутствие ранних браков (моложе 17 лет для мужчин и женщин);
– интервал вступления в первый брак для женщин составлял промежуток от 23 до 27 лет, для мужчин – от 21 до 29 лет;

– для женщин возраст безвозвратного овдовения приближен к 40–45 годам, для мужчин – ближе к 60 годам;

– число детей, единовременно проживающих с отцом/матерью фертильного возраста, чаще всего равно 2–3;

– значительная доля родителей, единовременно проживающих с одним ребенком, сосредоточена в возрастах старше 45 лет;

– интергенетические интервалы преимущественно составляют 2–3 года;

– при сопоставлении возрастов родителей и детей выявлены скрытые случаи повторных браков, причем при самой осторожной оценке доля отчимов в три раза превышает долю мачех.

Список источников

1. КККМ ВХР 928.

2. Гуляева Н. П. Семейно-брачная структура города Красноярска, 1785 год / Н. П. Гуляева // История и современность. 2022. № 2 (44). С. 27–74.

3. Гуляева Н. П. Структура населения деревень окрестностей Красноярска по данным исповедной росписи 1785 года / Н. П. Гуляева // Окраины воображаемые и реальные в истории Евразии, России и Сибири. Гришаевские чтения: материалы VI национальной научной конференции. Красноярск, 29–30 ноября 2023. В печати.

4. Гуляева Н. П. Смертность населения Красноярска по данным метрических книг в конце XVIII века. / Н. П. Гуляева // X Международный Сибирский исторический форум «Сибирь и Россия: история и культура». Красноярск, 2023. С. 486–490.

А. В. Кузнецов
Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

ПРИМЕНЕНИЕ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕМ, ВЫДЕЛЕННЫХ ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ XIX В.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы интерпретации результатов тематического моделирования текстов гуманитарной направленности. Предлагается использовать большие языковые модели для интерпретации тем, выделенных из дневника петербургского гимназиста XIX в. Проводится сравнительный анализ интерпретаций, сделанных экспертом и различными языковыми моделями. Делается вывод о возможности применения больших языковых моделей для улучшения интерпретируемости результатов тематического моделирования.

Ключевые слова: тематическое моделирование, интерпретация тем, большие языковые модели, дневники, цифровые гуманитарные науки

Abstract. The article examines the challenges of interpreting the results of topic modeling for texts in the humanities. It proposes using large language models to interpret topics extracted from the diary of a 19th-century St. Petersburg gymnasium student. A comparative analysis of interpretations made by an expert and various language models is conducted. The conclusion is drawn about the possibility of using large language models to improve the interpretability of topic modeling results.

Keywords: topic modeling, topic interpretation, large language models, diaries, digital humanities

В современную эпоху больших данных, когда объемы цифровой информации растут экспоненциально, а в различных областях науки, бизнеса и общественной жизни накапливаются громадные массивы текстовых материалов, возникает острая необходимость в эффективных методах их анализа и извлечения скрытых знаний. Незаменимым инструментом для анализа больших массивов текстовой информации в том числе в области исторических исследований и смежных гуманитарных дисциплин стал метод тематического моделирования [1, с. 143–296].

Тематическое моделирование представляет собой совокупность статистических алгоритмов и методов машинного обучения, позволяющих автоматически выявлять скрытые тематические структуры, или семантические паттерны, присутствующие в анализируемом корпусе текстовых документов. Суть метода заключается в разбиении всего корпуса на некоторое число обобщенных тем или концептов на основе совместной встречаемости слов в документах. При этом каждый документ может быть представлен как смесь нескольких тем с разными весовыми коэффициентами.

Несмотря на свою очевидную полезность и широкие перспективы применения, использование тематического моделирования в гуманитарных науках зачастую сталкивается с рядом существенных методологических трудностей. Ключевой методологической проблемой является интерпретация полученных «тем» [2; 3]. Результатом процесса интерпретации должны стать осмысленные названия и описания для каждой темы, позволяющие получить представление о скрытых тематических структурах и концептуальном содержании анализируемого корпуса текстов. Наиболее распространенный способ интерпретации основывается на анализе списков наиболее релевантных в каждой теме [4; 5]. Предполагается, что в хорошей тематической модели эксперт, прочитав эти списки слов, может легко понять, чему посвящена та или иная тема. На практике так получается далеко не всегда, список слов, составляющих тему, редко дает возможность однозначно судить, о чем эта тема [3 с. 90–91; 6]. К тематическим моделям художественных текстов и дневников это относится в первую очередь. Процесс экспертной интерпретации тем является отчасти субъективным и подверженным влиянию когнитивных предубеждений. Экспертная интерпретация может различаться у разных людей в зависимости от их предметной области знаний и знания контекста.

В данной статье предлагается исследовать возможность применения больших языковых моделей для автоматизированной интерпретации тем, выделенных методом тематического моделирования из дневниковых записей санкт-петербургского гимназиста середины XIX в. Ставится задача провести экспериментальное сравнение интерпретаций тем, полученных традиционным экспертным путем и с помощью современных языковых моделей. Цель состоит в выявлении степени соответствия машинных интерпретаций человеческим и оценке потенциала использования больших языковых моделей для повышения интерпретируемости результатов тематического моделирования текстов гуманитарной направленности.

Материалом для построения тематической модели послужил дневник В. И. Чemezova – учащегося 3-й Санкт-Петербургской гимназии, а позднее студента Медико-хирургической академии [7; 8]. Дневник был начат 21 сентября 1960 г., последняя запись сделана 4 сентября 1878 г. Первые записи дневника пишет пятнадцатилетний подросток, а последнюю уже взрослый мужчина в возрасте 33 лет, ставший врачом, защитивший диссертацию, прошедший войну. Перечень сюжетов в дневнике весьма обширный: ежедневная рутина, учеба в гимназии, походы в театры и на выставки, летний отдых на даче, посещение гостей, отзывы о прочитанных книгах, любовные переживания, рассуждения о происходящих в стране событиях и многое другое.

В настоящее время разработано множество конкретных вариантов построения тематических моделей, среди которых наибольшую популярность снискал алгоритм скрытого размещения Дирихле (*Latent Dirichlet Allocation* или *LDA*), предложенный Дэвидом Блэем и его коллегами в 2003 г. [9]. LDA относится к методам машинного обучения без учителя и основан

на байесовском вероятностном моделировании. Он предполагает, что каждый документ в корпусе представляет собой смесь нескольких тем, а каждая тема, в свою очередь, является распределением вероятностей слов в словаре корпуса. Алгоритм *LDA* итеративно оценивает вероятность принадлежности каждого слова к той или иной теме, основываясь на распределении слов по темам и распределении тем по документам. Количество тем задается пользователем на начальном этапе моделирования.

Необходимо принимать во внимание, что алгоритм скрытого размещения Дирихле носит вероятностный характер и является приближенным методом. Результаты моделирования зависят от множества факторов: предварительной обработки текстов (токенизации, удаления стоп-слов, стемминга/лемматизации), настроек моделирования (гиперпараметров α и β , регулирующих распределения Дирихле) и количества выделяемых тем. Поэтому для одного и того же корпуса текстов можно получить различные тематические модели в зависимости от выбранных настроек [2, с. 429–433].

Построение тематической модели служит лишь начальным этапом исследования, требующим последующей оценки качества модели, интерпретации выделенных тем и анализа их содержательного наполнения для извлечения полезных знаний из текстовых данных.

В нашем случае предварительная обработка исходного текста дневника, включающая токенизацию, удаление стоп-слов, лемматизацию, а также последующий анализ и построение тематической модели проводились на языке программирования *R* с использованием специализированных библиотек и пакетов. Сама тематическая модель была построена с помощью пакета *topicmodels*, реализующего алгоритм *LDA*.

Текст скрипта на языке *R*, содержащий все этапы работы, включая предобработку текста, построение модели, визуализацию и интерпретацию результатов, а также необходимые данные и ресурсы доступны в открытом репозитории на сервисе *GitHub* [10]. В итоге процесса моделирования была сформирована тематическая модель, содержащая два ключевых распределения: распределение слов по темам, показывающее наиболее характерные слова для каждой выделенной темы (представлено на рис. 1), и распределение тем по отдельным записям дневника в процентном соотношении (табл. 1).

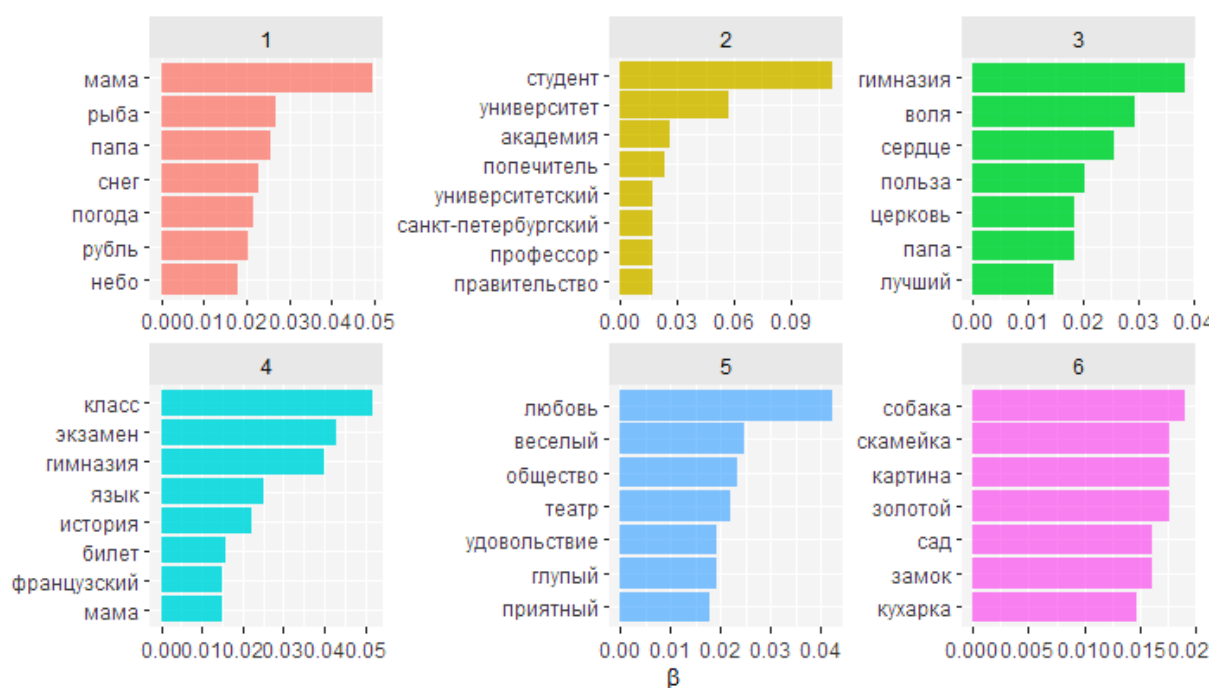

Рис. 1. Распределение слов по темам

Таблица 1

Распределение слов по темам и тем по дневнику в процентном отношении

Тема	%
Класс экзамен гимназия язык история билет французский мама	0,2954918
Мама рыба папа снег погода рубль небо	0,2016063
Любовь веселый общество театр удовольствие глупый приятный	0,1408911
Гимназия воля сердце польза церковь папа лучший	0,1227732
Собака скамейка картина золотой сад замок кухарка	0,1206863
Студент университет академия попечитель университетский профессор правительство	0,1185512

В тексте дневника было выделено шесть тем. При определении смысла выявленных тем мы опирались не только на составляющие тему слова, а и на содержание конкретных дневниковых записей, в которых эта тема преобладает. В дневнике оказалось достаточно много записей, в которых абсолютно превалирует какая-либо одна тема. Первая тема охватывает 29,5 %, ее можно обозначить как «Обучение в гимназии». Смысл легко угадывается по составляющим ее словам: класс, экзамен, гимназия, язык, история, билет. Вторая тема охватывает 20 %. Наиболее релевантные для нее слова: мама, рыба, папа, снег, погода, рубль, небо и т. д. По записям, в которых она доминирует становится ясно, что эту тему можно назвать «Дачный отдых». Тема представлена в записях за лето 1861 г. [11]. Третья тема дневника охватывает 14 %. Наиболее значимые для этой темы слова – любовь, веселый, общество, театр, глупый. Она объединяет записи, рассказывающие о «Любовных переживаниях автора». Четвертая тема охватывает 12,2 % текста. Ключевые для этой темы слова – гимназия, воля,

сердце, польза, папа. Записи, в которых эта тема преобладает, содержат психологические рассуждения автора, мы ее обозначили как «Самоанализ». Пятую тему, охватывающую 12% текста, трудно охарактеризовать односложно. Записи, в которых эта тема преобладает, содержат записи о повседневной жизни, описания походов на выставки, в театр и даже похорон. Мы ее обобщенно обозначили как «Бытовые зарисовки». Шестая тема охватывает 11 % текста. Наиболее значимые для этой темы слова – студент, университет, академия, попечитель, профессор. Записи, в которых эта тема преобладает, рассказывают о «Студенческих волнениях 1861 г. в Санкт-Петербурге» [12].

В дальнейшей интерпретации выявленных тем мы последовали экспериментальному подходу, предложенному в недавней статье группы исследователей из Технического университета Эйндховена, Утрехтского и Лейденского университетов (Нидерланды) [13]. После стандартных этапов построения тематической модели методом *LDA* и проведения первичной экспертной оценки полученных тем, авторы предлагают использовать большую языковую модель (в их случае это была модель *ChatGPT*) для автоматической генерации кратких описаний или резюме каждой из выявленных тем.

Затем эти машинные интерпретации сравниваются с интерпретациями, сделанными экспертом на основе анализа ключевых слов каждой темы и содержания релевантных текстовых фрагментов. Цель такого сравнения – оценить степень соответствия и расхождения между человеческими и машинными интерпретациями, а также выявить потенциал применения больших языковых моделей для улучшения интерпретируемости результатов тематического моделирования.

По результатам своего эксперимента авторы действительно обнаружили определенные расхождения между описаниями тем, сгенерированными *ChatGPT*, и интерпретациями, сделанными человеком вручную. Однако, несмотря на эти различия, они пришли к выводу, что большие языковые модели, такие как *ChatGPT*, могут быть полезным инструментом для автоматизированного описания и интерпретации выявленных тем, дополняя и облегчая традиционный экспертный анализ.

Принимая во внимание перспективность данного подхода, в нашем исследовании мы решили провести аналогичный эксперимент, привлекая для интерпретации тем не только *ChatGPT*, но и другие современные большие языковые модели.

Большие языковые модели (*large language models, LLM*) представляют собой класс систем искусственного интеллекта, основанных на глубоком обучении и использующих массивные нейронные сети с миллиардами параметров. В основе *LLM* лежат как правило трансформерные архитектуры, позволяющие эффективно обучать такие большие нейронные сети на огромных объемах текстовых данных из разных источников.

Благодаря своей способности извлекать и обобщать сложные языковые закономерности из гигантских корпусов текстов, большие языковые

модели могут не только с высокой точностью понимать текст на естественном языке, но и генерировать новые связные и осмысленные тексты, причем порой неотличимые от созданных человеком. Появление таких передовых *LLM*, как *GPT-3*, *BERT*, *T5* и других произвело революцию в области обработки естественного языка [14].

Революционный прорыв, достигнутый большими языковыми моделями, открыл совершенно новые перспективы и направления в анализе текстов и извлечение знаний. В частности, становится возможным применять большие языковые модели в качестве интеллектуальных помощников для тематического моделирования текстовых коллекций [15]. Их способность понимать контекст и генерировать осмысленные описания позволяет автоматизировать процесс интерпретации тем, что значительно облегчает работу исследователей.

Для проведения нашего эксперимента по интерпретации тем с помощью больших языковых моделей были выбраны три доступные нам современные модели: *Gemini-Pro*, *GPT-3.5-Turbo* и *Claude 3 Sonnet*. Эти модели различаются по своей архитектуре, объему обучающих данных и некоторым другим параметрам, что позволило сравнить их возможности в решении поставленной задачи.

Для взаимодействия с языковыми моделями использовался механизм запросов или промптов – краткого текстового описания задачи на естественном языке. Было предложено два основных варианта формулировки запросов для каждой модели. В первом случае моделям последовательно подавались запросы следующего вида: «В дневнике гимназиста XIX в. При помощи тематического моделирования была выделена тема, содержащая дневниковые записи, помещенные в прилагаемый файл. Записи пронумерованы от 1 до 9. Тема описывается следующими ключевыми словами: класс, экзамен, гимназия, язык, история, билет, французский, мама. Основываясь на приведенной выше информации о теме, составь краткое описание или название этой темы. Убедись, что ты напишешь только название темы и ничего больше».

К каждому такому запросу прилагался текстовый файл, содержащий конкретные примеры дневниковых записей, в которых преобладала анализируемая тема. Формат запроса был вдохновлен подходом, предложенным Маартеном Гроотендорстом для автоматического именования тем с использованием больших языковых моделей [16]. Во втором варианте мы подавали запросы без указания ключевых слов темы, предоставляя модели только сами текстовые выдержки.

Полные тексты запросов и ответов языковых моделей были собраны в онлайн-приложении для удобства доступа и последующего анализа ([URL: https://alexeyvkuznetsov.github.io/tm_inter.html](https://alexeyvkuznetsov.github.io/tm_inter.html)).

Анализ полученных в ходе эксперимента результатов показал, что наиболее близкие к экспертным интерпретациям варианты описаний тем были сгенерированы моделью *Claude 3 Sonnet*. Интерпретации этой модели в целом корректно отражали основную суть и смысловое содержание

выделенных тем, хотя и не всегда полностью совпадали с формулировками, данными экспертом.

Интересно, что предоставление языковой модели списка ключевых слов темы в составе запроса, по-видимому, не дает существенных преимуществ, а в ряде случаев даже может сбивать модель с верного пути интерпретации. Наиболее точные описания тем *Claude 3 Sonnet* генерировала при запросах, содержащих только примеры текстовых выдержек без указания ключевых слов (табл. 2). Это можно объяснить способностью современных больших языковых моделей качественно выявлять и обобщать семантическую структуру текстов без явного задания направления. В то же время модели *Gemini-Pro* и *GPT-3.5-Turbo* продемонстрировали менее точные интерпретации выделенных тем по сравнению с *Claude 3 Sonnet*. Их описания зачастую были склонны к излишнему обобщению.

Таблица 2

Сравнение интерпретаций тем

Экспертный вариант интерпретации	Вариант интерпретации <i>Claude 3 Sonnet</i> (с ключевыми словами)	Вариант интерпретации <i>Claude 3 Sonnet</i> (без ключевых слов)
Обучение в гимназии	Учеба гимназиста в XIX в.	Учеба в гимназии в XIX в.
Дачный отдых	Дневниковые записи гимназиста о семейных делах, рыбалке и жизни в Петербурге и Царском Селе	Рыбалка и повседневная жизнь гимназиста в Петербурге и Царском Селе
Любовные переживания автора	Первая любовь гимназиста	Первая влюбленность гимназиста
Самоанализ	Отношение сердца и разума, гимназическое обучение и самосовершенствование	Размышления гимназиста о нравственных качествах, обучении и самосовершенствовании
Бытовые зарисовки	Повседневная жизнь гимназиста и его семьи	Бытовые происшествия
Студенческих волнениях 1861 г. в Санкт-Петербурге	Студенческие волнения в университетах и конфликт с властями в середине XIX в.	Студенческие волнения и конфликт с властями в университетах в 1860-х гг.

Хотя тематическое моделирование и является автоматизированным процессом, интерпретация его результатов остается важной задачей, требующей глубокого человеческого понимания и экспертного анализа. Наш эксперимент подтвердил возможность использования больших языковых моделей, особенно *Claude 3 Sonnet*, для автоматизированной интерпретации тем, выявленных с помощью тематического моделирования. Однако окончательная интерпретация по-прежнему требует участия человека-эксперта для уточнения машинных интерпретаций.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в применении больших языковых моделей к более объемным и разнообразным тексто-

вым коллекциям, совершенствовании методов предоставления исходных данных моделям, а также разработке способов комбинирования машинных интерпретаций с экспертными оценками для получения наиболее точных и содержательных описаний выявленных тем.

Интеграция больших языковых моделей в процесс тематического моделирования открывает новые возможности для автоматизации интерпретации и лучшего понимания скрытой тематической структуры больших текстовых коллекций в самых разных областях гуманитарных наук. При грамотном сочетании статистических методов и передовых технологий обработки естественного языка тематическое моделирование сможет реализовать свой полный аналитический потенциал.

Список источников

1. Boyd-Graber, J., Hu, Y., Mimno, D. Applications of Topic Models. Foundations and Trends® in Information Retrieval. 2017. Vol. 11. No 2–3.
2. Oiva M. Topic Modeling Russian History //The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies. 2021. P. 427–442.
3. Кузнецов А. В. Проблемы интерпретации результатов тематического моделирования в исторических исследованиях / А. В. Кузнецов // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 20–21 сентября 2023 года / под науч. ред. В. И. Первушкина, П. А. Гагаева, А. Б. Тугарова [и др.]. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. С. 88–92. ISBN: 978-5-00196-185-7
4. Grimmer J. A Bayesian hierarchical topic model for political texts: Measuring expressed agendas in Senate press releases //Political Analysis. 2010. T. 18. № 1. P. 1–35.
5. Zhao W. X. et al. Comparing twitter and traditional media using topic models //Advances in Information Retrieval: 33rd European Conference on IR Research, ECIR 2011, Dublin, Ireland, April 18–21, 2011. Proceedings 33. Springer Berlin Heidelberg, 2011. P. 338–349.
6. Gillings M., Hardie A. The interpretation of topic models for scholarly analysis: An evaluation and critique of current practice //Digital Scholarship in the Humanities. 2023. T. 38. № 2. С. 530–543.
7. Чемезов В. И. «Орешин». Дневник / Расшифровка текста: Ольга Вобленко, Екатерина Маслова, Софья Чорбачиди. Сбор, сверка и финальная разметка: Екатерина Маслова. [Электронный ресурс]. // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/>.
8. Эйдельман Н. Я. Дневник гимназиста 1860-х гг. // Археография и источниковедение Сибири / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1975. [Вып. 1]. С. 47–63.
9. Blei D. M., Ng A. Y., Jordan M. I. Latent Dirichlet allocation // Journal of Machine Learning Research. 2003. Vol. 3. Pp. 993–1 022.

10. Kuznetsov A. V. The topic modeling of XIX century gymnasium student diary [Электронный ресурс]. URL: https://github.com/alexeyvkuznetsov/Chemezov_diary_Topic_Modeling/.
11. Кузнецов А. В. Дачный отдых петербургской семьи в 60-е гг. XIX в. по дневнику В. И. Чемезова // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Сер.: История, культура и искусство. 2021. № 04 (05). С. 6–14.
12. Кузнецов А. В. Студенческие волнения 1861 г. в Санкт-Петербурге и их влияние на общественные настроения по материалам дневника В. И. Чемезова // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 12 (134). Часть II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029733-5-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029733-5.
13. Rijcken E. et al. Towards interpreting topic models with ChatGPT //The 20th World Congress of the International Fuzzy Systems Association. 2023.
14. Qiu X. et al. Pre-trained models for natural language processing: A survey //Science China Technological Sciences. 2020. Т. 63. № 10. P. 1 872–1 897.
15. Mu Y. et al. Large Language Models Offer an Alternative to the Traditional Approach of Topic Modelling //arXiv preprint arXiv:2403.16248. 2024. URL: <https://arxiv.org/abs/2403.16248>.
16. Grootendorst M. Topic Modeling with Llama 2: Create easily interpretable topics with Large Language Models URL: <https://newsletter.maartengrootendorst.com/p/topic-modeling-with-llama-2>.

Л. А. Кудашов¹, А. И. Гергилева²
^{1,2} Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ЦИФРОВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ДОКУМЕНТОВ ПРОЕКТА «АРКТИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ»

Аннотация. Перевод архивных документов в электронный вид и создание проектов в сети Интернет, популяризирующих и открывающих доступ пользователям к источниковым комплексам, необходимо организовывать, используя научный подход. В исследовании предлагаются принципы и подходы для отбора документов базы данных «Арктический некрополь».

Ключевые слова: банк данных, базы данных, метаданные, архивные документы, цифровые архивы, форматы хранения, «Арктический некрополь»

Abstract. The translation of archival documents into electronic form and the creation of projects on the Internet that popularize and open access to users to source complexes must be organized using a scientific approach. The study proposes principles and approaches for the selection of documents from the Arctic Necropolis database.

Keywords: data bank, databases, metadata, archival documents, digital archives, storage formats, «Arctic Necropolis»

В настоящее время тема российской части Арктики вызывает большой интерес среди исследователей. Изучение данной территории имеет экономическую и социальную значимость, так как там расположены значительные запасы полезных ископаемых, уникальные природные условия, требующие применения и разработки специфических решений, а улучшение комфорта жизни северян способствует привлечению населения на малозаселенные, но стратегически важные территории. Несмотря на перспективность данной области, исследования тормозятся в том числе и из-за проблемы трудностей получения доступа к документам.

Создание цифровой информационной системы «Арктический некрополь» позволит решить эту проблему и систематизировать, сохранить информацию о боевых действиях во время Великой Отечественной войны, исследованиях Арктики и других объектах культурного наследия в данном регионе.

«Арктический некрополь» – межрегиональный патриотический проект, появившийся в 2020 г., по созданию виртуального историко-мемориального ресурса, основанного на исторических источниках (базах данных) о местах гибели кораблей, морских и воздушных судов, а также участников арктических и союзных конвоев в период Великой Отече-

ственной войны 1941–1945 гг., погибших в Арктической зоне Российской Федерации.

Основателем данного цифрового архива является Научный центр изучения Арктики. Это учреждение создано в 2010 г. в целях проведения научных исследований и развития международного научного сотрудничества. В настоящий момент Научный центр изучения Арктики также осуществляет координаторскую деятельность и поддержку научных проектов. Среди издательских проектов учреждения можно привести в пример журнал «Научный вестник ЯНАО». Также Центр проводит мероприятия по популяризации знаний о Великой Отечественной войне, например, в школах сотрудники учреждения проводили научно-популярные лекции для подростков об оружии и боевой технике, используемых Красной Армией в 1941–1945 гг., о трудовом вкладе ямальцев в Победу и подвиге экипажа ледокольного парохода «Александра Сибирякова» в Карском море. В проекте также участвуют представители образовательных, культурных, научных, музейных, архивных, общественных организаций и учреждений из регионов российской Арктики и других регионов, в том числе и Сибирский федеральный университет.

Для создания банка данных были привлечены более одиннадцать тысяч письменных, устных, электронных источников информации, фото-, кино- и видеодокументов [1].

Исходя из определений в законодательстве [2, 3], «Арктический некрополь» можно назвать как банком данных, так и электронным архивом, которые состоят из баз данных, представленные разделами, и документальной информационно-поисковой системы.

Рассмотрим состав цифрового комплекса документов банка данных «Арктический некрополь».

В базе данных хранится большое количество фотографий, которые можно разделить на несколько категорий. По содержанию фотографии можно разделить на фотографии личностей, оставивших свой след в истории, фотографии членов экипажа, фотографии кораблей, техники и сооружений, фотографии памятников и патриотических мероприятий. По времени создания можно разделить на фотографии довоенного и военного периода и фотографии послевоенного и современного периода. По цветовой гамме делятся на черно-белые и цветные фотографии. По сохранности можно разделить на фотографии без повреждений и с незначительными повреждениями. В настоящий момент к вводу в базу данных подготавливаются фотодокументы из Таймырского музея и электронные образы документов из ЦАМО.

Также в базе данных хранятся электронные образы текстовых документов, которые тоже можно разделить на категории: документы о численном составе кораблей, документы описывающие бои и исторические события, документы командования, приказы и акты о награждении.

Таким образом, банк данных «Арктический некрополь» содержит в себе обширный комплекс оцифрованных документов, которые имеют большую значимость для изучения истории.

Формируя состав документов электронного архива «Арктический некрополь», необходимо определить подходы, по которым будет проводиться данная работа. Эти подходы могут регламентироваться в плановых программах архивных учреждений, таких как цифровой стратегии архива. Она ориентирует организацию на достижение определенных результатов, определяет цели, приоритеты и действия для эффективного управления и сохранения электронных документов. Это позволяет обеспечить доступность цифровых документов, повысить эффективность их использования, снизить риски потери данных, нарушения конфиденциальности и другое. Например, в «Стратегии архивного хранения и перевода в электронную форму документов...» Росреестра [4] помимо вышеперечисленных целей также включены цели обеспечения оперативного использования документов, совершенствования порядка и повышение качества предоставления государственных услуг. Приоритетными направлениями деятельности архива Росреестра Стратегия определяет совершенствование нормативно-правового и методического обеспечения, оптимизацию хранения архивных документов, перевод в электронную форму архивных документов и доработку используемой информационной системы. Что касается «Арктического некрополя», то в его стратегии можно прописать общие цели и специфические, такие как обеспечение оперативного и эффективного использования документов, их популяризация, развитие платных услуг (например, составление коллекций, генеалогическое и научное исследование, возможность скачивать документы по подписке). Приоритетные направления: оптимизация хранения архивных документов, перевод в электронную форму архивных документов, доработка информационной системы, организация межгосударственного, межрегионального сотрудничества и партнерства с компаниями для обмена опытом, общего использования документов и разработки совместных проектов. Последнее заключается в участии в разработке стандартов и инициатив разных уровней, обмен передовыми практиками.

Помимо всего прочего цифровая стратегия архива может включать в себя определение стандартов и методологий для обеспечения качества данных, создание метаданных, управление версиями и архивными форматами. В качестве эталонной модели информационной системы рекомендуется использовать *OAIS (Open Archival Information System)*. Данная модель используется для хранения информации и предоставления такой информации определенному кругу лиц. При этом слово *Open* (открытый) в определении означает, что требования к системе разрабатываются на открытых заседаниях, а не общедоступность архива. Поэтому можно сказать, что данная модель подойдет как для архивов с ограниченным доступом, так и для общедоступных архивов [5]. Еще одним стандартом, на который может ссылаться цифровая стратегия, является *PREMIS (Preservation Meta-*

ta: Implementation Strategies). Это стандарт для создания метаданных электронного документа. Он определяет структуру и содержание метаданных для идентификации документа и обеспечения удобства их использования.

Стратегия также описывает планы по развитию инфраструктуры и выбору путей усовершенствования технологий для хранения, обработки и доступа к цифровым документам. Они могут включать в себя такие виды работ, как создание центра обработки данных (*Data Center*), выбор соответствующих систем управления электронными документами (ЭДО), систем хранения и обеспечения доступа, а также внедрение механизмов обеспечения сохранности данных, определение основных требований к оборудованию, используемому для оцифровки документов.

В современном мире технологии и рынок программного обеспечения растут с большой скоростью, что приводит к постоянному росту форматов данных, поэтому важными принципами формирования цифрового комплекса являются принцип взаимосвязи и совместимости с информационными системами фондообразователей и принцип единого формата данных. В работе организации-основателя проекта соблюдение данного принципа особенно необходимо, так как «Арктический некрополь» предполагает включение иностранных фондообразователей.

Соблюдение этого принципа достигается путем использования унифицированных схем баз данных, единых протоколов обмена документной информацией и других специальных соглашений между архивом и организацией. Чтобы обеспечить совместимость информационных систем источников комплектования и архива необходимо также установить единую структуру данных. То есть метаданные и ключевые поля, которые используются для идентификации, классификации и поиска документов должны быть едиными. Также для соблюдения данного принципа организации и архиву рекомендуется разработать единые механизмы передачи данных, синхронизации и интеграции информационных систем. Такие механизмы необходимы для поддержания актуальности и точности данных, так как они будут устранять дубликаты и выполнять регулярные обновления данных, проверку их целостности. Принцип взаимосвязи с информационными системами фондообразователей необходим также для безопасности и предотвращения утраты документов. Для того чтобы обеспечить безопасность обмена документами организации и архив используют специальные способы шифрования данных, а также правила доступа и аутентификации. Соблюдение принципа совместимости электронный архив «Арктический некрополь» может достичь, используя язык разметки *XML* (*eXtensible Markup Language*). На данном языке составляются стандартные описания электронных архивных коллекций и фондов [6].

Не последнее значение имеют форматы хранения электронных документов, так как от них зависит сохранность, доступность и читаемость электронных документов. Для архивного хранения в банке данных «Арктический некрополь» могут использоваться следующие форматы:

– *PDF/A (Portable Document Format / Archival)* [7]. Данный формат был разработан специально для долгосрочного архивного хранения Международной организацией по стандартизации (ИСО). Он сохраняет формат и содержание документов вместе с изображениями, шрифтами и метаданными.

– *TIFF (Tagged Image File Format)*. Данный формат предназначен для архивного хранения изображений, так как при его использовании сохраняется высокое качество изображений при различных методах сжатия.

– *JPEG2 000 (Joint Photographic Experts Group 2 000)*. Также является форматом, предназначенным для хранения изображений. В отличие от JPEG данный формат лучше сохраняет качество изображения при его сжатии.

База данных «Арктический некрополь» частично использует подходящие для архивного хранения форматы. Сохраняются документы в двух форматах. Формат *TIFF*, что обеспечивает высокое качество изображения при его сжатии, и хорошо подходит для архивного хранения. Данный формат в основном используется для оцифрованных документов на бумажном носителе для обеспечения читаемости текста. Формат *JPG* используется для хранения фотодокументов, однако такое расширение не совсем подходит для архивного хранения. Фотографии занимают большой объем электронного хранилища, поэтому их необходимо сжимать, а при сжатии формата *JPG* неизбежно теряется часть данных, что влияет на целостность изображения. Возможно, применение данных форматов обусловлено необходимостью обеспечить широкую доступность к документам или требования используемой информационной системы не позволяют хранить данные в других форматах.

Электронный вид документов не отменяет необходимости применения принципов отбора, которые присущи документам на бумажном носителе. Среди них - принцип историзма (отражает исторические взаимосвязи и закономерности, показывает развитие события), комплексности (рассмотрение документа в комплексе с другими) и ценности документа.

Кроме того, при оцифровке документов архивы пользуются принципом целесообразности, который подразумевает перевод в электронный формат только ценных, физическое состояние которых позволяет проводить сканирование, и тех документов, которые наиболее востребованы исследователями [8].

Принцип полноты. Отбираются документы, содержащие наиболее полные сведения о событии или явлении, то есть документная информация минимальная, но достаточная для установления исторических фактов. Данный принцип относится и к метаданным документа, которые позволяют идентифицировать документ и установить его достоверность, а, значит, полнота метаданных важна для определения подлинности документа.

Электронный архив «Арктический некрополь» использует вышеперечисленные принципы частично. Собранные в банке данных документы имеют дублирующую информацию, организаторы скорее исходили

из принципа тематического соответствия. Отбираются документы, содержащие сведения о боевых действиях ввремя Великой Отечественной войны на территории советской части Арктики, численности состава северного флота, боевого пути и награждениях военных, личностей, вложивших вклад в историю и победу и др. сведения. Исходя из этого, видится необходимым оставить в составе и отбирать для реализации проекта как поставляющие и констатирующие события и процессы документы, так и документы, раскрывающие и существенно дополняющие их, которые наиболее интересны для исследователей. Документы, раскрывающие историю освоения и изучения Арктики, еще не представлены в базе данных, однако этот массив документов может стать востребованным не только для ученых, но и повысить популярность проекта.

Оцифровка документов должна проводиться с оригиналов документов, однако в исключительных случаях возможен перевод в базу данных с других экземпляров документа. Эта особенность в данном проекте важна, так как некоторые документы, в силу определенных причин, представляются в базах данных выписками из подлинника. Чтобы избежать подобного, документы, которые невозможно предоставить пользователю информационной системы «Арктический некрополь», можно указывать в форме ссылки на место хранения.

Вспомогательным принципом можно назвать принцип новизны. Приоритет отдается документам и данным, которые ранее не публиковались. В базе находятся также рассекреченные документы, в основном это документы, касающиеся подробностей морских сражений. Данный принцип способствует привлечению внимания к проекту и введению в научный оборот новых исторических источников.

Для построения базы данных «Арктический некрополь» использовалась иерархическая структура базы данных. При использовании данной модели между данными выстраиваются иерархические отношения. Это древовидная структура представления информации. Ее особенность в том, что каждый узел на более низком уровне имеет связь только с одним узлом на более высоком уровне. Сведения в базе данных делятся на данные о судах, погибших, местах памяти. Главное достоинство данной модели в ее простоте, но выполнение запросов от нижнего уровня к верху достаточно проблематично. Кроме того, при использовании иерархичной системы возможно сохранение избыточных данных (рис. 1). Для выполнения целей и задач проекта «Арктический некрополь» более разумно использовать объектно-ориентированную модель.

В объектно-ориентированных базах данных информация представляется графическим способом в виде дерева связей, узлами которого являются объекты, которым приписываются определенные свойства. В отличие от других систем объектно-ориентированные базы данных могут отображать сложные взаимосвязи объектов, однако такая крупная система замедляет выполнение запросов.

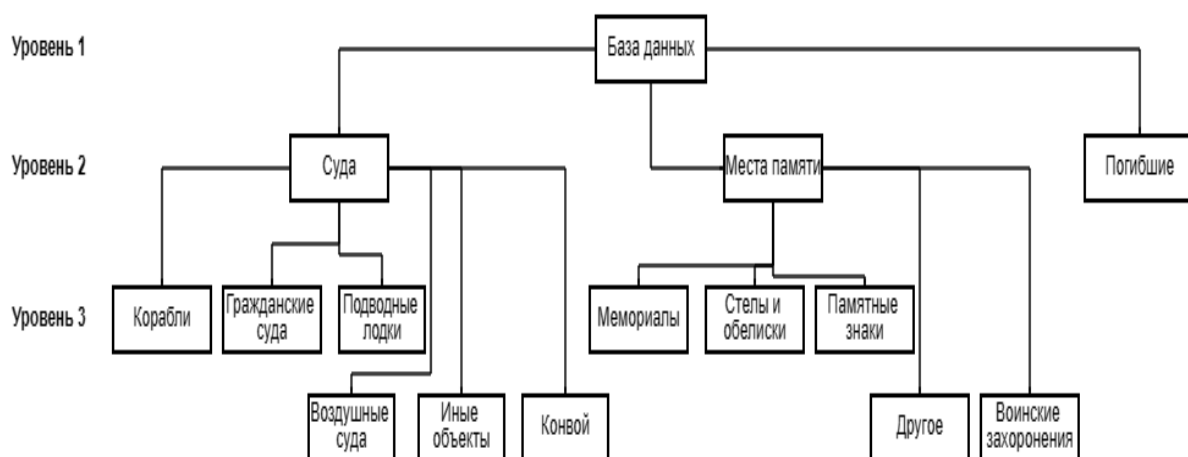

Рис. 1. Иерархическая система базы данных «Арктический некрополь»

Таким образом, соблюдение вышеперечисленных принципов и подходов помогает наиболее полно отразить историческую реальность и удовлетворить потребности исследователей при минимальных затратах человеческих и финансовых ресурсов и объема хранилища базы данных. Поэтому организации-основателю необходимо ужесточить принципы и подходы к отбору документов для его реализации и определить их в локальных нормативных актах.

Список источников

1. Арктическая справочная база данных «Арктический некрополь» / «Арктический некрополь». URL: <https://arctic-necropolis.yanao.ru/>.
2. ГОСТ 7.73-96 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Поиск и распространение информации. Термины и определения. СИБИД / «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200004733?ysclid=ltvqjrl9u3845784956>.
3. ГОСТ Р 57665-2017 Национальный стандарт Российской Федерации. Документы в законодательных (представительных) органах субъектов Российской Федерации. Часть 1. Национальный стандарт / «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200146940?ysclid=ltvq2zap5f981527659>.
4. Приказ Росреестра от 04.08.2021 N П/0342 «Об утверждении Стратегии архивного хранения и перевода в электронную форму документов в сфере государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним и признании утратившим силу приказа Росреестра от 5 сентября 2014 г. № П/426 «Об утверждении Стратегии архивного хранения и перевода в электронную форму дел правоустанавливающих документов и кадастровых дел» // «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70756506/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=lir64xpbzy455014763>
5. ISO 14721:2012 Space data and information transfer systems – Open archival information system (OAIS) – Reference model. Международный стандарт / «ISO». URL: <https://www.iso.org/obp/ui/>. Iso:std:iso:14721:ed-2:v1:en.

6. EAD (Encoded Archival Description) / «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина». URL: <https://www.prilib.ru/ead?ysclid=lirhein8ix774964888>.

7. ISO 19005-1:2005 Document management – Electronic document file format for long-term preservation – Part 1: Use of PDF 1.4 (PDF/A-1).Международный стандарт / «ISO».URL: <https://www.iso.org/obp/ui/Iso:std:iso:19005:-1:ed-1:v1:ru>.

8. ГОСТ 7.50-2002 Консервация документов. Общие требования. Межгосударственный стандарт / «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200030174?ysclid=lirl5bmyav439093173>.

Ю. В. Никулич

Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ БЛОГЕРОВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Аннотация. Трансформация общества, включая развитие новых социокультурных практик в цифровой среде, является одним из факторов дигитализации и демократизации знания. В этом процессе академические сообщества, коммерческие проекты, инициативные группы и отдельные граждане сталкиваются с необходимостью освоения принципов работы новых медиа. Анализ деятельности исторических блогеров позволил сделать вывод, что существует набор компетенций и характеристик, включая медиаречь, жанровые модули и стилистические форматы, способствующих легитимации экспертности авторов. Также данная статья призвана сделать обзор основных компонентов, привлекающих аудиторию к научно-популярному контенту.

Ключевые слова: *цифровая среда, социальные сети, публичная история, карнавальная культура*

Abstract. The transformation of society, including the development of new socio-cultural practices in the digital environment, is a factor in the digitalization and democratization of knowledge. In this process, academic communities, commercial projects, initiative groups and individuals face the need to learn the principles of new media. The analysis of the bloggers' activities led to the conclusion that there is a set of competencies and characteristics, including media, genre modules and stylistic formats, contributing to the legitimization of authors' expertise. Also, this article provides an overview of the main components that attract the audience to scientific and popular content.

Keywords: *digital environment, social networks, public history, carnival culture*

Введение. За последние несколько лет в русскоязычном пространстве социальных медиа сформировались несколько кластеров репрезентантов исторического знания, идеологически и культурно поляризованных. Однако это не всегда профессиональные группы, призванные контролировать экспертные знания [1]. Только часть из них действительно являются представителями исторического научного сообщества и носителями профессионального габитуса [2]. Значительную часть блогеров скорее имеет смысл назвать гражданскими исследователями - профессионалами в публицистике (или, собственно, в блогерстве), претендующими на экспертность в сфере истории. Некоторых акторов смело можно отнести к кластеру цифровых селебрити, чья авторитетность основана на силе бренда.

Методы. Методико-методологической основой исследования является когнитивно-ориентированный дискурсивный анализ Т. А. ван Дейка [3]; социолингвистический анализ Р. Водак [4], социокультурная модель

Н. Фэйрклау [5]; также используется сочетание базовых элементов подходов других исследователей, работающих в данном ключе.

В качестве объектов анализа выступили видеонарративы с выраженной авторской позицией и количеством исторической тематики (или обращения к историческим данным для обоснования выводов) от 50 % и выше от общего содержания канала. Спикеры таких авторских каналов, как правило, используют два типа экспертной легитимации: профессионал-историк и профессионал-блогер (публицист), а также сочетание 1-го и 2-го типов.

Результаты. Примером 1-го и 2-го типа экспертной легитимации является исторический проект С. Минаева. Его особенности: полный уход от идеологического позиционирования и оценок текущих политических событий, что позволяет избежать репрессий как со стороны корпораций, так и со стороны пенитенциарной системы РФ [6, с. 15]; легитимация собственной экспертности путем апелляции к полученного образования по исторической специальности, а также ссылок на Наталью Басовскую – известного в недавнем прошлом публичного историка. В течение 2023 г. на его каналах актуализировалась рубрика «Уроки истории», а количественный рост аудитории составил 118 % за год. Не будем также забывать, что Минаев уже являлся медийным брендом на момент поворота в сферу публичной истории. Этот факт иллюстрирует высказывание Д. А. Аникина о том, что «общественная востребованность начинает определяться не предписанным заранее статусом, а скорее набором навыков и компетенций, к которому стоит отнести, например, умение органично вписываться в контекст ожиданий потребительской аудитории» [7, с. 18].

Значимую информацию для анализа самопозиционирования автора можно почерпнуть в описании канала, названии ролика, интро, вступительных или заключительных словах видео. Коллаборативную роль играют комментарии реципиентов, поддерживающих позиционирование спикеров. Рассмотрим типичные лексемы в описании канала, указывающих на жанровый модуль творчества:

Таблица 1

Типичные лексемы в описании канала

Жанровый модуль удовлетворяемой потребности	Лексические маркеры в описания канала
1	2
Развлечение превалирует над познанием Авторы и каналы: Сергей Минаев, GEO, Александр Файб	«рассказываю истории»; «рассказываем об исторических событиях, которые изменили мир»; «интересные истории»

1	2
Сочетание развлечения и познания Авторы и каналы: «Цифровая история», курсы Владимира Мединского на «Лекторий Достоевский»	«популярные темы»; «интерес к научным проблемам»; «достоверное, интересное и неординарное!»; «в любое время из любого места»; «просто о сложном и важном»
Познание превалирует над развлечением Авторы и каналы: TacticMedia, Канал МПГУ, Proshloe	«Интервью с учеными»; «историческая наука»; «лучшие отечественные специалисты»; «новейшие результаты»; «архивные документы»; «расширение источниковой базы»; «авторитетные ученые и эксперты»
Основа – идеологическое просвещение Авторы и каналы ⁴ : Клим Жуков, Глеб Таргонский, Захар Прилепин, Максим Кац*, Тамара Эйдельман*, «Дилетант»	Левая направленность – язык лозунгов: «Культуру в массы!»; «Знание разорвет цепи рабства». Либеральная и левая направленность – идеологемы критического мышления: «стоит обдумать – а значит, чему-то научиться»; «обоснованными научными данными»; «прокачать теоретическую подготовку»; «для тех, кто хочет думать, а не только развлекаться»

В русскоязычном сегменте медийной истории в качестве декларируемых ценностей, призванных привлечь и удержать аудиторию, презентуются:

1. Доступность, лаконичность; экономия времени.

Лекторий Достоевский. В описании канала: «Лекции, интервью, подкасты, курсы – все это теперь можно посмотреть и послушать в любое время и из любого места»; в название видео от 19 февраля 2024 г.: «Михалковы–Кончаловские за 22 минуты».

2. Простота; лексическая и стилевая близость.

МИНАЕВ LIVE. Во вступлении к видео от 26 декабря 2019 г.: «Хочется рассказывать историю, как я ее рассказываю своим друзьям»;

в комментариях к видео «Грандиозный скандал 90-х: БИЛЛ КЛИНТОН и МОНИКА ЛЕВИНСКИ / Уроки истории / МИНАЕВ» от 19 февраля 2024 г.:

«Вот эти диалоги Минаева простенькие с таким выражением лица, подачей, мол, “Ну че там у тебя с клинтоном то?”, я балдею (1,8 тыс. отметок «нравится»)⁵».

3. Позитивные эмоции; юмор; мемность.

Redroom. В описании канала: «Мы рассказываем о жизнях великих людей так, чтобы вы поняли, что это тоже люди, мы не смотрим на историю оценочно (если это только не оценка “забавно или нет”), говорим про культуру без слишком серьезных щей, но стараемся не забывать о важном».

⁴ *Входит в реестр физических лиц – иноагентов в РФ.

⁵ Орфография и пунктуация пользователей сохранена.

4. Объединение с единомышленниками.

Идеологическими фреймами исторического содержания служат явные и скрытые формы консервативности, либеральной оппозиционности, социалистической и коммунистической революционности. Каналы левой направленности, как правило, в самопрезентации обозначают как мировоззренческие, так и свои методологические позиции.

Красное ТВ. В описании канала: «Отражение коммунистического взгляда на различные стороны жизни общества».

Клим Жуков. В описании канала: «И все это – с позиций диалектического материализма – никуда нам не деться от дедушки Маркса, даже при разборе современной молодежной комедии, ведь и она – результат движения общественной материи в экономическом базисе».

Блогеры либеральной направленности описывают содержание своих каналов преимущественно общими формулировками. Максимальная конкретика достигается в презентации М. Каца*, но не на уровне описание научного подхода, а с точки зрения собственной политической цели:

«Я Максим Кац, 10 лет занимаюсь оппозиционной политикой (...). Хочу сделать Россию лучше и избратся мэром Москвы когда-нибудь :)»

5. Академические стандарты; развитие и обновление научного знания.

TacticMedia. В описании канала: «В рамках проекта лучшие отечественные специалисты, непосредственно работающие с архивными документами, делятся со зрителями новейшими результатами своих исследований».

6. Восстановление правды, опровержение фейков и мифов.

Исторический подход. В описании канала: «Зачастую мифы рождаются, если не скрыть, то хотя бы заретушировать правду. Я со своей командой взялся за расследование исторических фактов, дабы развеять вымысел».

7. Идеологическое противостояние.

Мой край. На личной странице автора канала: Меня часто спрашивают, почему я сотрудничаю с Климом Жуковым и вообще, какая польза от ваших роликов по истории, нафига вы с другом записали еще один стоицизммиллионный исторический канал. Это уныло, душно и не вставляет. Не буду растекаться мыслью по древу, отвечу просто – если популяризацией не будут заниматься на площадках Дим Юрьича Пучкова, Клим Жукова, Егора Яковлева и «Цифровой истории», «Моего Края», «Тактик Медиа» и на аналогичных ресурсах, то учить нас «любви» к Родине будут ошибки природы вроде Акунина, Дудя*, Эйдельман*, Зыгаря* и редакции журнала «Дилетант»⁶.*

8. Сочетание различных преимуществ ценностного характера.

Цифровая история. В описании канала: «Цель и миссия канала – не только сформировать у широкой аудитории Ютуба интерес к науч-

⁶ Александр Кадира [Электронный ресурс] // ВКонтакте. 2023. 22 дек. URL: https://vk.com/wall177217634_23187 (дата обращения: 01.04.2024).

ным проблемам, но и сохранить академический смысл истории, веру в идеалы и духовность» (простота + академизм + объединение с единомышленниками).

Поскольку виртуальное бытие социальных сетей пронизано театральностью, зрелищностью, праздничностью, юмором и смехом, историки-блогеры не могут игнорировать использование элементов карнавальной культуры в своем творчестве [8]. Среди них и отмена иерархических отношений. Театральная зрелищность может проявляться в таких вспомогательных компонентах, как тематический антураж в кадре или использование символических предметов (например, резиновые свинки в разборах Клима Жукова). Близость к художественно-образным формам допускает вставки в виде скетчей (костюмированных сценок) и особые формы речи, «не признающие дистанций и свободные от пристойности» [9, с. 45].

Что касается мемного компонента деятельности медийных историков, то практически невозможно найти актора, избегающего этого приема.

Обсуждение. Некоторые исследователи рассматривают мем не просто как разновидность сетевого развлечения, но и приписывают ему «способность онлайн-контента определенным образом программировать и направлять мышление и поведение аудитории. (...) Медиавирусная природа мема такова, что, выходя за пределы сетевого фольклора, мем становится «информационным айсбергом», отсылая к значимой информации». [10, с. 323]. Существуют и авторы настаивают на том, что ряд смеховых интернет-жанров, в том числе мем, не имеют аналогов в прошлом [11]. Думается, что сущность смеховой культуры продолжает пронизывать социальные практики разных эпох, обретая конкретные формы в том или ином пространстве. Привлекательность исторического нарратива обеспечивается не только доступностью языка (лексики), но также и принципом сравнения. «Если научный коммуникатор использует повседневные образы, факты, знания, явления, уже известные аудитории, соотносит с ними транслируемое научное знание, он обеспечивает не только более быструю передачу и понимание научно-популярного контента, но и радость узнавания» [12, с. 121].

Заключение. Чтобы продвигаться в конкурентной среде, профессиональным историкам приходится осваивать виртуальную блогерскую культуру, легитимируя свою экспертность за счет внедрения карнавальных элементов. Напротив, крупным сугубо развлекательным проектам, презентующими историческое знание в комедийной форме, приходится идти по пути усложнения, а не упрощения материала, доказывать свою способность просвещать. Так на “LABELSMART” развивается подкаст «История на ночь» с ведущими-стендаперами Е. Чебатковым, Р. Чабдаровым и Т. Гайсановым. Таким образом, деятельность по распространению исторического знания в Сети неизбежно включает в себя развлекательные, образовательные и просветительные компоненты в разном их соотношении. Возможность общаться в комментариях дополняет эффект непосредственного общения производителя и потребителя контента. Благодаря коллабо-

ративному дискурсу комментариев мы видим, как текстам удается моделирование солидарную аудиторию, присоединяющуюся к аксиологической позиции автора. Примечательно, что в кейсах всех упомянутых каналов лояльная им аудитория характеризует деятельность авторов как просветительскую, субъективно подтверждая, таким образом, их экспертный статус.

Список источников

1. Abbott A. The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago: University of Chicago Press, 2014.
2. Бурдые П. Структуры, habitus, практики // П. Бурдые // Практический смысл; пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с.
3. Dijk T. A. van. Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse & Society. 1993. Vol. 4. № 2. P. 249–283.
4. Wodak, R. (2011). Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis. Handbook of Pragmatics. 2011. P. 207–210.
5. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. Routledge, 2013.
6. Никулич Ю. В. Рискогенность публичной истории в цифровой среде (на примере российского видеоблогинга 2020-х гг.). Цифровая социология/Digital Sociology. 2023. Т. 6, № 3. С. 11–20.
7. Аникин Д. А. Исторические исследования между популяризацией и лженаукой: предупреждение рисков и поиски компромисса // Коммуникация ученых для популяризации науки. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. СПб.: Издательство ВВМ, 2019. С. 15–21.
8. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Введение. Постановка проблемы / М. М. Бахтин. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/bah/tin/fra/nsu/ara/ble/1.htm> (дата обращения: 01.03.2024).
9. Пьяных Е. П. Карнавальный дискурс сетевой субкультуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 8 (430). С. 44–50. DOI 10.24411/1994-2796-2019-10807.
10. Гурова Е. К., Ломыкина Н. Ю. (2020). Карнавал в Сети: как формула протеста побывала мемом. Медиалингвистика. 2020. № 7 (3). С. 318–331. DOI 10.21638/spbu22.2020.304.
11. Лопухов С. В. Смеховые интернет-жанры в современном коммуникативном пространстве // Вестник ВГУ. Серия: филология, журналистика. 2023. № 3. С. 129–132.
12. Трефилов К. П. Принципы и методы коммуникации научно-просветительских интернет-изданий // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (83). С. 117–126. DOI 10.26105/SSPU.2023.83.2.012.

«ИГРА» В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ? РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБРАЗОВ В ВИДЕОИГРАХ: ПРИМЕР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. В статье рассматриваются видеоигры о Средних веках, созданные на территории Восточной Европы. Целью данной статьи является анализ того, как в этих играх может быть показано Средневековье, и в какой степени оно будет отличаться от классических представлений о Западноевропейском Средневековье.

Ключевые слова: *медиевализм, game studies, видеоигры, Средние века, Восточная Европа*

Abstract. The article examines video games about the Middle Ages created in Eastern Europe. The purpose of this article is to analyze how the Middle Ages can be shown in these games, and to what extent it will differ from classical ideas about the Western European Middle Ages.

Keywords: *medievalism, game studies, video games, the Middle Ages, Eastern Europe*

В последние несколько десятилетий все большее и большее развитие (особенно в странах Запада) получает междисциплинарное направление *medievalism studies*, в рамках которого изучаются представления о Средних веках и их образы в культурах последующих эпох (модерн и постмодерн), а также причины и цели их создания и их место в жизни современного человека. Не преуменьшая можно сказать, что медиевализм сегодня становится глобальным феноменом – все больше и больше произведений массовой культуры отсылают нас к эпохе Средних веков.

Не исключением в этом смысле являются и видеоигры. Став предметом исследований отдельного междисциплинарного направления – *game studies* – компьютерные игры привлекают исследователей, работающих и в рамках других дисциплин. Не стоит их обходить стороной и историческая наука, поскольку многие игры напрямую отсылают игрока к минувшим эпохам, образы которых проявляются «на множестве уровней – в том числе на сюжетном, визуальном, звуковом, – подобно тому, как они воплощаются и в литературе, живописи, музыке или кино» [1, с. 152].

Индустрия видеоигр, по выражению видного исследователя медиевализма Дэниела Т. Клайна, «больше не является детской «ерундой»; игровая индустрия заработала 18 миллиардов долларов в 2010 г. и стала заметной экономической силой» [2, с. 1]. В одной только России за период с января по сентябрь геймеры потратили примерно 135 млрд рублей на иг-

ры [3]. При этом видеоигры – это не только «заметная экономическая сила», но и заметная часть жизни миллионов людей. Подтверждением этого служат многочисленные сообщества поклонников той или иной игры в самых значительных социальных сетях, тысячи каналов на видеохостингах (онлайн платформы, где пользователи могут делиться своими видео), которые посвящены играм, огромное количество рисунков и литературных произведений по мотивам игр, созданных поклонниками, косплееры (поклонники, которые переодеваются в любимых персонажей) и многое другое [4, с. 87.]. Все это подтверждает тот факт, что игнорировать видеоигры как объект изучения исследователями разных дисциплин отнюдь нельзя – слишком большое влияние они оказывают на значительный процент населения.

Функционал компьютерной игры постепенно расширяется. Сегодня видеоигры не только являются способом развлечения, но и способом для игрока узнать что-то новое. Более того, «в ней [в видеоигре] сегодня также видят эффективный инструмент пропаганды и трансляции соответствующей идеологии» [5, с. 285]. В 2007 г. в Онтарио состоялась конференция по проблемам медиевализма. На конференции К. Л. Робинсон и П. Клементс озвучили эссе, в котором призвали расширить область исследований медиевализма, отмечая, что «конструирование “альтернативных вселенных медиевализма” позволяет существенно преобразовать реальность, став важной культурной и социальной практикой» [6, с. 19]. Поэтому, как нам кажется, крайне важно понимать, как исторические процессы преподносятся в играх для многомиллионной целевой аудитории.

Средневековые образы, которые сегодня наполняют культуру и дискурс, нельзя привести к «единому знаменателю». Исследователь Л. Д'Арсенс выделяет два вида «современного» Средневековья [4, с. 2]: «*found*» (найденное) и «*made*» (созданное) Средневековья. Это разделение позволяет обращаться как к тем Средним векам, которые изучают исследователи-историки, и которые обладают таким качеством, как «аутентичность», но и к тем, которые отличаются от «реальных» Средних веков своей «искусственностью». Данная статья как раз и призвана проанализировать Средневековья «созданные», поскольку они являются лишь интерпретацией исторических процессов.

Соответственно, методология данной работы основана на принципах междисциплинарного подхода, располагающегося в русле «*game studies*» и «*medievalism studies*». В качестве основы была позаимствована методология вышеупомянутого Д. Т. Клайна, основные принципы которой состоят в том, чтобы показать, как средневековые тропы переосмысливаются создателями компьютерных игр, адаптируются для современного человека, и как они находят свое отражение в цифровом мире.

Что касается историографии вопроса, то стоит отметить, что на сегодняшний день работ, находящихся на стыке *medievalism studies* и *game studies* не так уж и много хотя, по отдельности и первое, и второе направ-

ления являются весьма востребованными и активно разрабатываемыми. Однако есть отдельные работы, затрагивающие данную проблематику.

Медиевализм как исследовательское направление получил свой собственный справочник Кембриджского университета, в котором содержится отдельная статья за авторством Д. Т. Клайна о культуре игрового медиевализма. Статья, по своей сути, носит обзорный характер и раскрывает читателю те принципы, которые заложены в попытках перенести Средневековье в пространство цифровой игры.

Также Д. Т. Клайн выступил редактором и автором предисловия к сборнику статей «Цифровые игры переосмысливают Средние века». Сам по себе сборник позволяет изучить, как исследователи подходят к вопросу образов Средневековья в самых разных видеоиграх. В сборнике собраны статьи, затрагивающие все самые актуальные направления социальных и исторических исследований: от дискурс-анализа текста в видеоиграх до гендерной проблематики в медиевальных видеоиграх.

На стыке *medievalism studies* и *game studies* написаны такие статьи, как «*Video Games Set in the Middle Ages: Time Spans, Plots, and Genres*», «*Authentic Historical Imagery: A Suggested Approach for Medieval Videogames*».

В России, к сожалению, медиевализм снискал меньшую популярность, чем за рубежом, а *medievalism studies* у нас только начинают оформляться и складываться в отдельное направление исследований.

Здесь, прежде всего, отметим двухтомную объемистую монографию «Мобилизованное средневековье», в том числе рассматривающую и современные проявления медиевализма. Так, в монографии отдельный обзор за авторством Д. Д. Копаневой посвящен восточнославянскому медиевализму в видеоиграх.

Отдельный выпуск электронного журнала «*Vox medii avii*» «Как создается “современное Средневековье”?» посвящен проблематике медиевализма. В нем можно выделить крайне оригинальную статью А. С. Ануфриевой «“Воображаемое средневековье” в видеоиграх: синхронизация vs реконструкция», посвященную медиевальным образам в видеоиграх.

Также к краткому обзору медиевальных сюжетов в видеоиграх прибегает Ф. М. Панфилов в статье «Средневековые песочницы: медиевализм в компьютерных играх начала XXI в.».

Источниками в нашей работе будут выступать сами игры, которые условно можно разделить на два вида: игры, которые ставят перед собой цель как можно точнее (или хотя бы как можно реалистичнее) воспроизвести историческую действительность и игры с высокой степенью насыщенности фэнтези-составляющей. Так, к первой категории относятся следующие игры: «*Knight of Cross*», «*Knights of Honor*», «*World of Castles*», «*Medieval Engineers*», «*Kingdom Come: Deliverance*». Во второй части будет рассмотрена серия игр «Ведьмак».

Восточная Европа, кажется, только начинает свою активную интеграцию в видеоигровую индустрию, а игры, созданные на территории Во-

сточной Европы, редко выходят на мировой рынок. Тем не менее, некоторые из игр, которые были созданы Восточноевропейскими разработчиками, периодически выбиваются в лидеры.

В данной работе будут рассмотрены не все игры о Средних веках, изданные в Восточной Европе. Мы сосредоточим свое внимание только на самых значимых на наш взгляд играх в процессе становления индустрии *game dev-a* в Восточной Европе. Рассмотрение же всех игр составило бы материал для достаточно объемной исследовательской работы.

Целью данной статьи является анализ того, как в играх, созданных на территории Восточной Европы, может быть показано Средневековье: будет ли оно насыщено элементами, характерными для Восточной Европы, или оно будет напоминать классическое Западноевропейское Средневековье?

Первая категория игр, которая будет рассмотрена в данной статье – это игры, основанные на реальных исторических событиях и в той или иной мере воспроизводящие реальные исторические процессы. Игр о Средневековье огромное множество, и среди них есть и те, что были выпущены на территории Восточной Европы. Хотя они и основаны на реальных исторических событиях, иногда игрок может от исторического процесса отклониться: иногда это происходит в силу механик игры, которые не позволяют воспроизвести исторический процесс абсолютно достоверно, а иногда разработчики сознательно дают игрокам отклоняться от аутентичности и «кроить» свою собственную историю.

Поскольку многие игры этой категории можно отнести к жанру «стратегии», то стоит пояснить, что он из себя представляет. Стратегия – один из самых популярных жанров компьютерных игр, который, в отличие от большинства других игр, ставит в приоритет умение стратегически мыслить, а не принимать быстрые решения и моментально реагировать на происходящее на экране [7]. На данный жанр весьма удачно ложатся исторические сюжеты, поскольку он позволяет поэтапно пройти с определенным государством (народом/лидером/нацией) какой-либо промежуток времени, контролируя при этом экономические, политические, культурные процессы.

Одной из первых восточноевропейских игр, в которых используются средневековые сюжеты, стала «Рыцари креста» (2002 г.) от польской компании *FreeMind Software*, основанная на сюжете романа Генрика Сенкевича «Крестоносцы». В качестве канвы для сюжета была взята эпоха противостояния Польши и Тевтонского ордена.

Игра охватывает временной промежуток до и после Грюнвальдской битвы, а игрок может выбрать как сторону Крестоносцев, так Польского королевства. Сегодня эту игру сочли бы скучной из-за простой и однообразной механики: необходимо регулярно побеждать в схватках с противником, используя при этом навыки стратегического мышления. Победа в схватке дает возможность получить золото, на которое можно увеличить армию и улучшить ее снаряжение. Однако, для того этапа развития компьютерных видеоигр игра была весьма неплохой, и публика положительно

ее восприняла, отметив очарование игры и отличную «средневековую» музыку. Однако игра производит впечатление «классического» Западноевропейского Средневековья с рыцарями и замками, без элементов Восточно-европейского Средневековья.

Болгарская студия *Black Sea Studios* в 2004 г. выпустила достаточно удачный на мировом игровом рынке проект «*Knights of Honor*» – стратегическую игру, которая находилась в общем русле существовавшего на тот момент тренда игр в жанре стратегии (что, возможно, повлияло на сравнение игры с более культовыми «собратьями» – «*Europa Universalis*» [8] и «*Medieval: Total War*» [5, с. 286]).

Геймплей заключается в игре за то или иное реально существовавшее государство, однако, разница между государствами состоит лишь в их расположении на карте и числе провинций, которые даются со старта игры (чем больше было государство, тем больше будет провинций). Географически игра охватывает Европу, Север Африки и Ближний Восток.

Механики игры сосредоточены вокруг основных процессов и явлений средневековой политической, военной и религиозной сфер жизни. Можно наладить дипломатические отношения с другим государством, а можно вступить с ним в войну. Покоренные территории можно обратить в свою веру (в игре представлены католичество и православие, ислам, язычество). Если в рамках запущенной игры представлен Ватикан, то периодически Папа Римский будет объявлять Крестовые походы против не-католических государств. Население присоединенных провинций может восставать, если игроком проводятся непопулярные меры. Интересно представлены механики средневековой экономики: помимо стандартных для подобных игр механик сбора налогов и внешней торговли, в игре есть так называемые редкие ресурсы, способствующие развитию государства по тому или иному пути – это книги, экзотические товары, золото и набожность. При этом, можно сказать, что разработчики достаточно реалистично смотрели на средневековые процессы, поскольку, например, книги в рамках игры создаются в монастырях и университетах. В общих чертах представлена и социальная структура Средних веков: во главе государства стоит король, а правящую верхушку (так называемых в рамках игры «придворных рыцарей», которые дают различные внутриигровые преимущества) составляют полководец, священник, торговец, майордом, зодчий и шпион.

При том, что игра получила смешанные отзывы (саму игру оценили хорошо, но многих критиков смущала ее вышеупомянутая схожесть с другими лидерами этого жанра), на наш взгляд именно «*Knights of Honor*» заслуживает звания стратегической игры с одной из самых правдоподобных визуализацией средневековых процессов (пусть и очень упрощенных) через игровые механики. При том, что разработчики не стали углубляться в историю того или иного государства, игра является отличным примером собирательного средневекового образа.

Наверное, самыми интересными и необычными игровыми проектами о Средних веках может похвастаться Чехия. В 2017 г. чешская независимая студия разработчиков *Hammer Games* издала игру под названием «*World of Castles*». «Мир замков», по своей сути, – это симулятор архитектора (или в нашем контексте правильнее сказать зодчего?), где игрок может построить свой собственный средневековый замок. При этом, разработчики добавили возможность создать своего собственного персонажа, который является представителем знатной династии: его можно нарядить в доспех по вкусу и создать ему свой герб.

Подобную игру выпустила и другая чешская студия *Keen Software*. Только в отличие от «*World of Castles*», их проект «*Medieval Engineers*» является так называемой «песочницей» – жанром, где игрок получает широкие возможности изменять игровой мир (создавать или уничтожать игровые объекты), как правило просто для развлечения, без определенной цели. В данной игре есть возможность как однопользовательской, так и многопользовательской игры. Механика заключается в постройке средневековых сооружений и их проверке другими игроками «на прочность» в режиме осады.

По сути, весь смысл двух вышеупомянутых игр сосредоточен на выборе тех или иных элементов в замковой архитектуре и расположении их по усмотрению игрока. Все строительные элементы выглядят достаточно правдоподобно, в пределах средневековых архитектурных возможностей.

Одной из самых «аутентичных» игр о Средневековье на сегодняшний день считается еще один чешский проект от студии *Warhorse Studios* – «*Kingdom Come: Deliverance*», выпущенный в 2018 г. Действие игры происходит в Богемии начала XV в., а сюжет разворачивается на фоне конфликта короля Вацлава IV и короля Венгрии Сигизмунда за престол.

Разработчики отмечали, что действие игры происходит на небольшой области нынешней Чехии (всего 16 км²) [9] вокруг города Сазавы. Они реализовали не только открытый мир со средневековыми постройками и обширными полями, но и инкорпорировали в игру некоторые реально существующие чешские достопримечательности (как, например, Сазавский монастырь).

Игра настолько реалистична, что если игрок не будет отправлять своего персонажа вовремя поспать или поесть, то персонаж погибнет. Как и в Средние века, внешний вид персонажа крайне важен: в зависимости от качества и красоты обмундирования, окружающие не-игровые персонажи могут по-разному относиться к игроку (чем красивее и престижнее доспех, тем больше шанс произвести впечатление; соответственно, если доспех в носке длительное время, стал грязным и изношенным, это также повлияет на взаимодействие с не-игровыми персонажами). Эти и многие другие игровые элементы (для большего погружения в мир Средневековья игрок может даже сыграть в кости с компьютером!) делают ее в реалистичном смысле сложной, как кажется, настолько, насколько была сложной жизнь сына кузнеца в начале XV в. Однако, в процессе прохождения

игры нам показалось, что если бы не диалоги и компьютерные модели некоторых чешских достопримечательностей, то мало что в игре свидетельствовало бы о том, что это именно чешское Средневековье. Визуально средневековые образы скорее воспроизводят представления о классическом Западноевропейском Средневековье.

Перейдем к нашей второй категории – игры с высокой насыщенностью фэнтези-элементом. Спустя 9 лет после релиза последней части, все еще востребованной остается серия игр «Ведьмак», которая является адаптацией романов Анджея Сапковского от польской студии *CD Projekt RED*. Игра была продана в количестве минимум 65 млн копий к апрелю 2022 г., а в среде геймеров вызвала настоящий «бум», сопровождавшийся массовыми обсуждениями в Интернете, производством художественных произведений, записью роликов с интересными моментами игры и т. д.

Согласно классификации У. Эко [10], Средние века в «Ведьмаке» использованы как предлог. В «Ведьмаке» мы не найдем исторических сюжетов, но отрицать «средневековость» вселенной нельзя, поскольку многие образы в серии позаимствованы из средневековой культуры славян, скандинавов и т. д.

Общая картинка, которую показывает «Ведьмак», типична в плане общественных представлений о Европе, и, скорее, напоминает Европу Западную: основная форма правления, которую мы здесь наблюдаем – монархия. Есть в рамках вселенной и местная знать, есть многочисленное дворянство и рыцарство. У Северных королевств есть своя феодальная (иррегулярная армия), есть королевская стража и ополчение, а войны, в свою очередь, ведутся за земли. Ремесленники в «Ведьмаке» могут быть объединены цехом или мануфактурой. Старший дизайнер уровней Петер Геленчер в интервью одному из крупнейших Интернет-ресурсов о популярной культуре признался, что: «Мы [разработчики] хотели, чтобы корни игры росли из настоящей истории средневековья, что можно видеть в архитектуре, в одежде. Наши художники хорошо изучили тему, так что никаких белых мраморных замков, сияющих в небесах, не будет, поскольку замок, если он есть, должен быть функционирующим. Он может стоять на вершине горы или неподалеку от водоема. <...> Для меня это ощущается, словно я нахожусь в живом, настоящем мире. Он существовал до того, как я начал играть, и сам я – всего лишь один из множества людей, его населяющих» [11].

Но стоит отметить, что Западную «Средневековость» разработчики «Ведьмака» активно старались разнообразить славянскими мотивами. Так, например, некоторые игровые локации были, судя по всему, вдохновлены реальными местами на территории Польши. Например, внутриигровая деревня Залипье похожа на реально существующую Польскую Залипье, известную расписными флористическими узорами на домах, что и постарались отразить разработчики в игре.

Другой такой пример – Вольный город Новиград. Название и визуальные образы отсылают нас к Вольному городу Данцигу (Гданьску).

В Городских доках Новиграда можно найти знаменитую Гданьскую достопримечательность – Ворота-кран. Общий архитектурный облик Новиграда включает фахверковые дома и Ганзейскую готику, что также было характерно для средневекового облика этого Города.

Поскольку мир «Ведьмака» является фэнтези-вселенной, в пространстве игры встречаются различные мифологические существа, позаимствованные А. Сапковским и *CD Projekt RED* из фольклора множества культур. Так, например, в играх могут встретиться традиционные для Британских островов гоблины и эльфы, германо-скандинавские гномы и Дикая Охота, славянские волколаки, лешии и стрыги и многие другие существа, в которых верили люди Средневековья.

Еще один вопрос, который важно осветить – это вопрос религии. Мир «Ведьмака» интересен тем, что в нем, как и в эпоху Средневековья, монотеистическая религия конкурирует с политеистической. Будучи преимущественно языческой, вселенная отсылает игрока на верования дохристианских славян и скандинавов, поскольку в игре фигурируют имена богов из этих пантеонов. Присутствуют и языческие обряды: так, например, на внутриигровом острове Коломница расположено святилище, где персонаж Ворожей проводит традиционный для славянских народов обряд «Дзяды» (поминальные дни). Параллельно с языческими верованиями в мире есть и аналог Христианской церкви – Церковь Вечного огня – городская монотеистическая религия, которая борется против язычников и чародеек, что явно отсылает к средневековым христианизациям язычников и практике инквизиции.

Подводя итог отметим, что «Ведьмак» создавался для мирового рынка видеоигр, и разработчики постарались подчеркнуть на фоне общеевропейского Средневековья те элементы, которые могли бы подчеркнуть славянскую самобытную культуру.

Таким образом, можно заключить, что немало Восточноевропейских видеоигровых проектов так или иначе обращались к средневековым образам. Тем не менее, далеко не во всех проектах отражены те черты, которые бы продемонстрировали восточноевропейский «колорит». Многие проекты, как кажется, использовали популярный и востребованный на рынке популярной культуры шаблонный образ Западноевропейского средневековья. Сделано это, на наш взгляд, потому, что эти образы узнаваемы, они привлекают внимание и хорошо «продаются». Хотя те игры, которые подчеркивали региональный колорит, по итогу пользуются наибольшей популярностью на сегодняшний день.

Список источников

1. Ануфриева А. С. «Воображаемое Средневековье» в видеоиграх: синхронизация vs реконструкция // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2(5). С. 150–167.

Digital gaming re-imagines the Middle Ages / ed. by Daniel T. Kline. New York: Routledge, 2014. 326 p.

2. Арялина М. На игры и внутриигровые товары с начала года потратили 135 млрд рублей. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/09/20/995994-na-igri-i-vnutriigroviie-tovari-s-nachala-goda-potratili-135-mlrd-rublei>.
3. The Cambridge companion to medievalism / edited by D'Arcens L. New York: Cambridge University Press, 2016. 253 p.
4. Мобилизованное Средневековье: Т. I: Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах / под ред. Д. Е. Алимova и А. И. Филюшкина. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2021. 476 с.
5. Русанов А. В. Medievalism studies: как изучается «современное Средневековье»? // Vox medii avii. 2019. Vol. 2(5). С. 12–42.
6. M. J. P. Wolf. Genre and the video game. Texas: University of Texas Press, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.robinlionheart.com/gamedev/genres.xhtml#strategy>.
7. Давыдов Д. Knights of Honor. Рыцари чести. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20111211062752/http://www.ag.ru/reviews/knights_of_honor.
8. Seite 3: Kingdom Come: Deliverance – Die Reaktion auf die Rassismus-Vorwürfe. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gamestar.de/artikel/kingdom-come-deliverance-die-reaktion-auf-die-rassismus-vorwuefe,3324854,seite3.html>.
9. Eco U. Dieci modi di sognare il Medioevo // Eco U. Sugli specchi e altri saggi. Milano, 1985. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.medievista.it/?s=umberto+eco+&submit=>.
10. Создатели Witcher 3: Wild Hunt постарались сделать мир игры похожим на настоящее средневековье. [Электронный ресурс]. URL: https://www.playground.ru/witcher_3_wild_hunt/news/sozdateli_witcher_3_wild_hunt_postaralis_sdelat_mir_igry_pohozhim_na_nastoyaschee_srednevekove-128544.

З. А. Подъярова¹, Г. М. Луцаева²

^{1,2} Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СОХРАНЕНИЕ НАУЧНО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (ГАКК)

Аннотация. Данная статья представляет обзор практики использования цифровых технологий в Государственном архиве Красноярского края с целью сохранения и управления научным наследием. Рассматриваются примеры успешной цифровизации архивных документов, фотографий и других материалов, включая процессы создания электронных архивов, цифровой реставрации хрупких документов и методов виртуализации коллекций. Приводятся практические примеры применения цифровых технологий для улучшения доступности и безопасности научного наследия в архиве Красноярского края. В статье также обсуждаются вызовы и перспективы реализации цифровых решений в сфере архивного дела, а также значимость и потенциал цифровых технологий для сохранения культурного наследия региона.

Ключевые слова: Государственный архив Красноярского Края, научное и культурное наследие, цифровые технологии, сохранение информации, документы

Abstract. The application of digital technologies in the State Archive of Krasnoyarsk Krai also offers unique opportunities to automate the processes of information analysis and cataloging, which significantly increases the efficiency of archivists and researchers. Thanks to digital transformation, we can rethink the ways of preserving and using scientific heritage, making it more accessible and convenient for all stakeholders.

Keywords: State Archive of Krasnoyarsk Krai, scientific and cultural heritage, digital technologies, information preservation, documents

Государственный архив Красноярского края является крупнейшим хранилищем документов региональной истории с начала XVII в. по настоящее время. В XX в. основная задача архивного дела состояла в поддержании качественного хранения документов на бумажном носителе. Сейчас же, в XXI в., несмотря на то что сохранение традиционных форм документов остается основной задачей, возникает потребность в проведении цифровизации архивного дела, а также в формировании информационной базы для создания «общества знаний», так как архив является первоисточником достоверной информации [1].

Использование цифровых технологий архивами, в том числе Государственным архивом Красноярского края, с каждым днем приобретает все большее значение и становится стандартной практикой в управлении информацией и научным наследием.

На сегодняшний день, на первый план ставятся вопросы по расширению доступа граждан к части Архивного фонда РФ. Основным направлением по решению этих вопросов является оцифровка документов и создание электронного фонда пользования. Электронный фонд пользования представляет собой совокупность электронных копий документов Архивного фонда, предназначенных для их использования вместо подлинников документов [2].

Тем самым, ежедневно пополняя электронный фонд документов, государственный архив Красноярского края обеспечивает:

1. Сохранность документов;
2. Более простой доступ к информации;
3. Возможность создания электронных ресурсов, обеспечивающих оперативный доступ к документам.

Так, например, в рамках реализации подпрограммы «Развитие архивного дела в Красноярском крае» государственной программы «Развитие культуры и туризма» современное сканирующее оборудование в 2021 г. получили муниципальные архивы Красноярского края.

Уже в 2022 г., и в Государственный архив Красноярского края был поставлен отечественный комплекс планетарного сканирования ЭларСкан С2-800КС, который позволяет переводить документы любого формата и состояния в электронный вид [3]. С его помощью сотрудники архива могут оцифровывать документы с наибольшей эффективностью и качеством. Самими сотрудниками было отмечено, что новое оборудование не только ускорило процесс оцифровки документов и предоставление пользователям доступа к ретроспективной информации, но и обеспечило наибольшую сохранность документов.

Цифровые технологии также содействуют восстановлению и реставрации хрупких документов и артефактов, позволяя сохранить их в исходной форме или создать цифровые копии для предотвращения утраты значимых материалов. Применение методов цифровизации и виртуализации позволяет расширить доступ к научному наследию, осуществлять его изучение и сохранение без необходимости физического доступа к оригинальным материалам.

Применение цифровых технологий в Государственном архиве Красноярского края также предлагает уникальные возможности автоматизировать процессы анализа и каталогизации информации, что значительно повышает эффективность работы архивистов и исследователей. Благодаря цифровой трансформации, мы можем переосмыслить способы сохранения и использования научного наследия, делая его более доступным и удобным для всех заинтересованных сторон.

Государственный архив Красноярского края регулярно практикует проведение виртуальных выставок. Они представляют собой инновационный метод сохранения и популяризации научно-культурного наследия, обогащая опыт взаимодействия с архивными материалами и историческими объектами. С помощью электронных выставок уменьшается физиче-

ская нагрузка на ценные и хрупкие документы, что способствует их сохранности и предотвращает повреждения. Цифровое представление научно-культурного наследия в виртуальных выставках позволяет сохранить информацию на долгосрочной основе, обеспечивая доступность и сохранность для будущих поколений.

Далее следует отметить, что Государственный архив Красноярского края предоставляет пользователям систему удаленного доступа. Это синхронное представление актуального состояния единой базы данных архива. База данных и ее интернет-представление работают под управлением программно-информационного комплекса КАИСА-Архив.

КАИС-Архив (Комплексная Автоматизированная Информационная Система – архив) представляет собой специализированную информационную систему, разработанную для автоматизации управления архивными делами [4]. Эта система обычно включает в себя инструменты для создания электронных архивов, централизованного хранения документов и медиа-материалов, организации процессов каталогизации и поиска информации, контроля за доступом и правами пользователей, а также другие функции, необходимые для эффективного управления архивами.

Использование КАИС-архива значительно оптимизирует работу Государственного архива Красноярского края, позволяя им перейти от традиционных методов хранения к современным цифровым технологиям, что в итоге повышает эффективность управления информацией и удовлетворяет потребности пользователей в доступе к научному наследию. КАИСА облегчает работу архивистов, позволяя им эффективно организовывать, обрабатывать и сохранять архивные документы в цифровом формате.

Стоит отметить, что в Красноярском крае поставлена крайне важная задача – сохранить память о каждом участнике войны. Поэтому, одним из важных направлений деятельности по сохранению цифрового и научно-культурного наследия Государственным архивом Красноярского края является обновление и заполнение базы данных «Книги памяти». Работа ведется с совместным использованием таких источников, как сайт «Мемориал» и «Память народа».

Государственный архив Красноярского края является особой местом, в котором хранится совокупность достижений научно-технического прогресса и человечества в целом в виде информации, материальным носителем которой являются документы. Хранение и использование документов дает возможность использовать накопленный за тысячелетия человеческий опыт на благо новых научно-технических достижений.

Однако на пути к успешной цифровизации существуют и вызовы. Это, в том числе, необходимость обеспечения безопасности хранения данных, подготовка квалифицированных специалистов и разработка стандартов цифровой архивации. Преодоление этих проблем требует совместных усилий со стороны архивистов, специалистов по информационным технологиям и других заинтересованных сторон.

Одна из базовых концепций современного этапа развития – потребность в сохранении национального достояния и культурного наследия. В современном информационном обществе главная задача – сохранение, обеспечение доступа и популяризация культурного наследия. Многие задачи были обозначены в документе общемировой значимости – «Хартии о сохранении цифрового наследия [5]», где доступ ко всемирному культурному наследию подразумевает и доступ к наследию в новой, цифровой форме, материальному и нематериальному наследию.

В заключение, цифровые технологии являются неотъемлемой частью современной архивистики и играют важную роль в сохранении научного наследия для будущих поколений. Разработка и внедрение цифровых решений требует системного подхода и внимания к деталям, но это открывает перед нами огромные возможности для сохранения и продвижения культурного наследия человечества.

Таким образом, интеграция цифровых технологий в архивное дело существенно улучшает процессы сохранения и управления научным наследием, обеспечивая его более широкую доступность, защиту от потерь и создание удобных условий для дальнейших исследований и изучения.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.05.2017. № 20. Ст. 2 901.

2. Сохранение цифрового наследия в России: методология, опыт, правовые проблемы и перспективы: монография / И. И. Горлова, А. Л. Зорин, А. А. Гуцалов; отв. ред. А. В. Крюков; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачева. М.: Институт Наследия, 2021.

3. Красноярские архивы: сайт. Красноярск. URL: <http://красноярские-архивы.рф/gosudarstvennyi-arkh/news/events/297> (дата обращения: 17.04.2024).

4. Гринфельд П. А. Отечественные архивы: научно-практический журнал. 2018. № 1. Электронная версия. URL: <https://rusarchives.ru/zhurnal-otechestvennye-arhivy/soderzhanie-nomerov/2018/nomer-1> (дата обращения: 17.04.2024).

5. Хартия о сохранении цифрового наследия: принята 15 октября 2003 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml. (дата обращения: 17.04.2024).

РАЗДЕЛ 8. ИСТОРИЯ НАУЧНЫХ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

УДК 94(001.92:37)

Л. А. Аллабердиева

Марыйское педагогическое училище им. Хыдыра Деряева

Мары, Туркменистан

АКАДЕМИЯ МАМУНА – ПЕРВЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Один из древнейших и первых центров науки – «Академия Мамуна» – был создан в столице Хорезма, в г. Гургандже. В организации этого научного центра, которому не было равных в то время и где были собраны самые известные в мире ученые, неоспорима заслуга династии Мамунидов. В статье рассматривается история одного из древнейших центров науки – «Академии Мамуна».

Ключевые слова: «Академия Мамуна», Хорезм, Мамуниды, Гургандж, Центральная Азия, наука

Abstract. One of the most ancient and the first centers of science, the “The Mamun’s Academy”, was founded in the capital of Khorezm, Gurganj city. In organization of that scientific center, which had no equal at that time and where the world famous scientists were gathered, the Mamunids’ dynasty’s merit was incomparable. The present article considers the history of one of the ancient centers of the science – the “The Mamun’s Academy”.

Keywords: “The Mamun’s Academy”, Khorezm, Mamunids, Gurganj, Central Asia, science

Хорезм – древнейшая историко-культурная область Центральной Азии, располагавшаяся в бассейне реки Амударьи. Этим древним и средневековым государством правили четыре династии, носившие титул хорезмшахов: Афригиды (304–995 гг.); Мамуниды (995–1017 гг.); Алтунташы (1017–1034 гг.); Ануштегиниды (1077–1231 гг.) [1, с. 152–153]. Мамуниды – вторая династия, правившая Хорезмом. Возвышение Мамунидов имеет длительную предысторию, определяясь в значительной мере тем местом, которое она заняла в системе внешних экономических и политических связей Хорезмийского государства. Со времени основания династии в ней насчитывалось, в основном, три правителя: Мамун ибн Мухаммад (995–997); Абу-л Хайр Али ибн Мамун (997–1009); Абу-л Аббас Мамун ибн Мамун (1009–1017) [1, с. 152]. Четвертый представитель этого рода Абу-л Харрис Мухаммад ибн Али, племянник Мамуна II, пришедший к власти в результате мятежа войск и убийства своего дяди,

правил весьма недолго – всего лишь несколько месяцев. Таким образом, период правления в Хорезме Мамунидов составил всего лишь 22 года. Тем не менее, эта династия оставила яркий след в истории цивилизации, прежде всего, своим отношением к науке.

Правители Востока оказывали особое уважение ученым и мудрецам, считали их главным богатством страны и стимулировали их заниматься творчеством, собирая в столице своего государства. Представители династии Мамунидов создавали все возможные условия для развития науки и занятия творчеством. «Академия наук», основанная в столице Хорезма Гургандже (ныне Куняургенч) хорезмшахами из династии Мамунидов, являлась одним из первых научных центров в Центральной Азии, внесших большой вклад в развитие мировой науки.

Возникновение первой «Академии наук» именно в Хорезме было неслучайным. Возникшая в глубокой древности научная традиция Хорезма не прерывалась на протяжении веков, постоянно обогащаясь в ходе культурного взаимодействия с соседними народами. Впитывая в себя лучшие достижения эллинистической, иранской и индийской мысли, хорезмийская наука всегда оставалась самостоятельной и самобытной. Тот факт, что именно из Хорезма вышла целая когорта замечательных мыслителей, чей вклад в развитие человеческой культуры трудно переоценить, можно объяснить глубокими местными корнями сложившейся здесь научной школы. Решидеддин Ватват так охарактеризовал эту страну: «Хорезм всегда служил краем ученых, обителью мудрецов и родиной знаменитых врачей» [2, с. 89]. Академик И. Ю. Крачковский назвал Хорезм «своеобразным региональным гнездом культуры» [3, с. 113]. Общеизвестным фактом является и то, что династия Мамунидов основала первую в Центральной Азии «Академию наук» в городе Гургандже. До настоящего времени весьма спорным остается вопрос о точной дате основания Академии.

Ученые С. П. Толстов [4, с. 266], Н. Негматов [5, с. 21], А. Абдуллаев [6, с. 42], тщательно изучившие историю Хорезма, выдвигают 1010 г. как время ее основания в Гургандже. Они ссылаются на неверную трактовку года возвращения Бируни из Гургена в Гургандж в книге Якута Хамави «Иршад аль-Ариб», поэтому называют 1010 г. годом основания «Академии наук» в Гургандже, а хорезмшаха Абул Аббаса Мамуна ибн Мамуна ее основоположником. Однако исследования, проведенные П. Г. Булгаковым, изучившим жизнь и творчество Бируни, позволили определить год прибытия Бируни из Гургена в Гургандж как 1004 г. [7, с. 80–81]. В его книге «Канон Масуда» приводятся сведения об астрономических наблюдениях, произведенных ученым в городе Гургандж 14-го числа рамадана в 394 г. по календарю хиджри, в ночь на среду (в конце 1003 г. или в начале 1004 г.), которые опровергают представленное учеными предположение [8, с. 98]. Наконец, в книге Якута Хамави сказано, что Бируни был принят в «Академию наук» хорезмшахом в Гургандже, что подтверждает более ранний период ее создания (ранее 1004 г.).

Противоречивая информация об основании «Академии наук» заставила нас по-новому подойти к этому вопросу. Сведения, изложенные в исторических источниках о первой «Академии наук» (персидское «Дар ал-Илм», арабское «Байт ал-Хикма», «Хизанат ал-Хикма») в Центральной Азии дают основание говорить, что она создана в городе Гургандже, столице Хорезма в период правления хорезмшаха Абул Хасана Али ибн Мамуна – 997–1002 гг. Рассмотрим несколько фактов, свидетельствующих о начале работы «Академии наук» в Гургандже под покровительством Али ибн Мамуна. Благородная традиция, такая как покровительство ученым, берет свое начало от основателя династии Мамуна ибн Мухаммеда. Будучи правителем Хорезма, он стал приглашать ученых в столицу Гургандж, начиная с 995 г. Известный ученый, философ, врач, приехавший в этот город в 995 г. по приглашению Мамуна, был Абу Сахл Иса ибн Йахйя ал-Масихи, который посвятил одно из своих произведений хорезмшаху Мамуну в знак благодарности за покровительство [7, с. 82].

В 997 г. после смерти основателя династии Мамун ибн Мухаммеда на престол взошел его старший сын Абул Хасан Али ибн Мамун. Малочисленные обрывочные сведения о годах правления Али ибн Мамуна (997–1009 гг. Н.э.) в исторических источниках показывают, что он был мудрым политиком и искусным дипломатом. Как только Али ибн Мамун пришел к власти, он установил дипломатические отношения с Махмудом Газневи, который в то время был известен как влиятельная личность на Востоке. Выдав свою сестру замуж за Махмуда Газневи, он установил сватовские отношения с династией Себуктегинов. Современник этих событий придворный историк Газневидов Абу Наср Мухаммет Утби в своей «Тарих ал-йамини» рассказывает: «Абулхасан Али бин Мамун унаследовал страну от своего отца Мамуна. Он расширил границы своей страны до Джурджании. Он выдал одну из своих сестер за Султана Йамин ад-даула ва эминелмилле, установил родственные отношения, чтобы тот стал ему опорой. Он отправил сестру с торжеством. Таким образом, две страны стали одной. Дни прошли в радости и счастье до смерти хорезмшаха» [9, с. 253]. Этот шаг и умелое дальнейшее политическое лавирование позволили Али ибн Мамуну без войн, относительно спокойно, править страной 13 лет, до конца своей жизни, завершившейся редкой для того смутного времени естественной смертью в 1009 г. В Хорезме, свободном от различных мятежей, политических конфликтов и войн, свойственных для того времени, протекала мирная жизнь, страна процветала экономически. Арабские и персидские источники X–XI вв. единогласно свидетельствуют о том, что Хорезм был передовой экономически развитой страной. Таким образом, мирная обстановка в Хорезме в период правления Али ибн Мамуна, временный расцвет благосостояния страны и, наконец, внимание хорезмшаха к ученым и стремление приблизить их к своему двору, обусловили то, что Гургандж скоро стал обителью крупнейших умов Центральной Азии начала XI в.

В период царствования Мамунидов государственная политика в области науки и культуры создала в Гургандже, как и во всех других регионах Хорезмского государства, благоприятные условия для развития науки и литературы. Мероприятия Мамунидского визиря Сухайли в этой области достойны особой похвалы. Предложение о создании первой «Академии наук» в Гургандже принадлежит визирю хорезмшаха Абу-л Хусейну Ахмеду ибн Мухаммеду ас-Сухайли. Сухайли были известны как благородная семья Хорезма. Исторические источники сообщают, как в свое время было велико влияние рода Бармаки на Аббасидов, рода Балами и Утби на Саманидов, так и род Сухайли играл большую роль в политической жизни Хорезма. Сухайли из поколения в поколение занимали должность визиря в Хорезме [10, с. 65]. Ахмед ас-Сухайли был визирем хорезмшахов (Али ибн Мамуна, Мамун ибн Мамуна) в 997–1013 гг. До него эту должность занимал его отец Мухаммет. Со дня его назначения визирем он стал мудрым советником хорезмшаха, как образованный человек, он страстно мечтал покровительствовать ученым. Визирь хотел создать в Хорезме «Академию наук», объединить ученых и прославить эту страну в мусульманском мире. В «Собрании редкостей» Низами Арузи Самарканди подчеркнул, что визирь Ахмед ас-Сухайли был человеком философского ума, благородным душой и просвещенной личностью [11, с. 112]. Якут ал-Хамави в своей книге «Иршад ал ариб ила ма'рифат ал-адиб» подтвердил, что Ахмед ас-Сухайли был ученым человеком, что у него была книга под названием «ар-Раудат ас-Сухайлийа фи-л-ав саф» («Сухайлиев свод об описаниях и сравнениях»), и он сочинял стихи на арабском языке [10, с. 65]. Абу Рейхан Бируни посвятил ас-Сухайли около 10, а Ибн Сина – более 10 своих трактатов.

Слухи о покровительстве ученым хорезмшаха Али ибн Мамуна молниеносно распространились по исламскому миру. Приглашения были разосланы в Хорасан, Мавереннахр и на Ближний Восток, и ученые начали собираться во дворце хорезмшаха. Ибн Сина был одним из первых, кто откликнулся на это приглашение. Ибн Сина жил в Бухаре, столице государства Саманидов, и занимался наукой. Но в 992, 995–996 гг. Караханиды пошли походом на территорию Саманидов, город попал в руки Караханидов [12, с. 228–229], что побудило Ибн Сину искать себе новое покровительство. М. Н. Болтаев, изучивший жизнь и творчество ученого, отмечает, что Ибн Сина отправился в Гургандж в 997 г. [13, с. 37] и с почестями был принят в члены «Академии наук» во дворце хорезмшаха.

На основании изложенных выше сведений мы считаем правильным датировать основание «Академии наук» Гурганджа временем, когда Али ибн Мамуна в 997 г. вступил на престол и стал хорезмшахом. Этот центр науки просуществовал до 3 июля 1017 г. – до завоевания Хорезма Махмудом Газневи. Первая «Академия наук», основанная в Центральной Азии, в трудах немецкого востоковеда Карла Брокельмана получила название «Академия Мамуна». По роли и значению в развитии

общечеловеческой цивилизации Хорезмская «Академия Мамуна» стоит в одном ряду с такими известными научными центрами, как Академия Платона в древних Афинах, Александрийская библиотека в Египте, Багдадская академия, известная на Востоке под названием «Бейтул-хикма». Хорезмская «Академия Мамуна», объединившая более сотни известных мыслителей, несколько сотен учеников, имевшая богатейшую библиотеку, медресе для одаренной молодежи, школы для переводчиков и каллиграфов, располагавшая всеми условиями для научных исследований, полностью соответствует современному понятию «Академия наук». Точных сведений о ее местоположении в Гургандже нет. По одним данным, научный центр был расположен на месте памятника «Кырк-молла», по другим данным – недалеко от дворца хорезмшахов в Куняургенче [14, с. 65]. В 997–1004 гг. академией управлял визирь ас-Сухейли, в 1004–1017 гг. – Бируни.

Инициатор создания академии Ахмед ас-Сухейли разработал устав и определил правила поведения ее членов, а также вопросы, подлежащие обсуждению на заседаниях ученого совета. Служители науки при дворе составляли замкнутый кружок, своеобразную касту избранных. Трепетное отношение к знаниям, свойственное мусульманскому обществу в целом, в их среде граничило с культом. Это, в свою очередь, формировало представление об идеальном ученом как о самоотверженном и бескорыстном труженике науки, отдающем ей все свое время и силы. В «Академии Мамуна» господствовало утверждение историка и путешественника X в. Мукаддаси: «Наука открывает свое лицо лишь тому, кто целиком посвящает себя ей с чистым разумом и ясным пониманием и, вымолив себе помощь аллаха, собирает воедино все силы своего рассудка, кто, засучив рукава, бодрствует ночи напролет, утомленный рвением, кто добивается своей цели, шаг за шагом поднимаясь к вершинам знаний, кто не насилует науку бесцельными отступлениями и безрассудными атаками, кто не блуждает в науке наугад, как слепой верблюд в потемках. Ученый не имеет права разрешать себе дурные привычки и давать совратить себя, должен избегать общества, отказаться от споров и не быть задирой, не отвращать взора от глубин истины, отличать сомнительное от достоверного, подлинное от поддельного и постоянно пребывать в здравом рассудке».

Такому кодексу и следовали ученые «Академии Мамуна». Они подчинялись девизу «Наука на благо человечества» и выполняли фундаментальные научные работы в области естественных и точных наук, таких как математика, астрономия, химия, геодезия, минералогия, медицина, фармацевтика. В «Академии Мамуна» большая роль отводилась астрономии и математике. Она имела собственную богатую библиотеку и обсерваторию, а научные дискуссии были обыденным делом. Ученые проводили исследования и эксперименты в различных отраслях естествознания. Научный центр Гурганджа также был известен изучением гуманитарных наук.

Одной из главных задач «Академии Мамуна» было собирание и перевод древних книг. Для подготовки переводчиков и писарей существовали специальные школы, из которых вышло большое количество мастеров своего дела. В академии изучались и переводились научные труды арабских, индийских, греческих ученых. Затем работники «Дома каллиграфов» (Дар ал-хатт), действовавшего в «Академии», очень искусно переписывали книги. Также под опекой Академии находились государственные больницы, финансируемые правительством. В таких больницах были свои утвержденные государством врачи и немедицинский персонал (уборщицы, повара, носильщики, охрана и т. д.). При больницах были созданы библиотеки и специальные медицинские школы, обучение в которых проводилось на теоретической и практической основе. Студенты вместе со своими наставниками навещали пациентов, лечившихся в больнице и в домашних условиях, чтобы изучить методы врачевания.

После захвата Хорезма Махмудом Газневи многие члены «Академии Мамуна» были увезены им в Газну, часть из них спаслась бегством, как, например, Ибн Сина и ал-Масхи. Отдельные результаты академических изысканий этих ученых были реализованы в виде научных трудов в Газне, Герате, Хамадане, Рее, Нишапуре, Багдаде на протяжении всей первой половины XI века.

В мусульманском мире Академия под покровительством династии Мамунидов долгое время сохраняла свою славу. Например, ученый Абу Наср ибн Ирак по прозвищу «Математик всех математиков», получил почетное звание «Второго Птолемея» за научные произведения по астрономии. Известный философ Абул Хайр ибн Хаммар за научные труды по медицине был удостоен звания «Второй Гиппократ». Ученый-медик Абу Сахл ал-Масихи был наставником самого Ибн Сины. Руководитель академии Абу Рейхан Бируни занимался почти всеми областями науки и благодаря своим исследованиям был примером для остальных ученых. Его произведения по геодезии и математике до сих пор являются настольными книгами для многих специалистов. Бируни первым в Центральной Азии написал «Фармацевтическую книгу в медицине». О существовании американского континента он знал задолго до европейцев, примерно за 450 лет. Известный энциклопедист «Академии Мамуна» Ибн Сина, который прославился на весь мир своим «Каноном врачебной науки», получил прозвище «Отец медицины», в Хорезме занимался также математикой и астрономией. А такой ученый академии, как Абу Мансур ас-Са'алиби, был известен своими научными трудами по истории, философии, литературе, логике, арабскому языку. Велика роль Хорезмской «Академии Мамуна» и в становлении астрономической школы Газневидов, Сельджукидов, Ануштегинидов, Тимуридов. Произведения по естественным наукам Абу Насра ибн Ирака и Бируни здесь использовались в качестве учебников.

Таким образом, «Академия Мамуна» явилась примером региональной и международной организации по ведению глубоких исследо-

ваний в различных областях науки. Она дала толчок развитию медицины, химии, биологии, физики, математики, геологии, фармакологии, ветеринарии, астрономии, поэзии, литературы, философии, истории, права, этики, экономики. Академия просуществовала недолго, но оставила яркий след в истории мировой науки и человеческой цивилизации.

Список источников

1. Босворт К. Э. Мусульманские династии: справочник по хронологии и генеалогии / К. Э. Босворт. Пер. с англ. и примеч. П. А. Грязневича; отв. ред. И. П. Петрушевский. Москва: Наука, 1971. 324 с.
2. Watwat R. Resmi hatlar / R. Watwat. A.: Türkmenistanyň milli medeniýet «Miras» merkezi, 2004. 184 s.
3. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература / И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, IV. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1957. 919 с.
4. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации / С. П. Толстов. Москва-Ленинград. Издательство АН СССР, 1948. 328 с.
5. Негматов Н. Н. Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми / Н. Н. Негматов. // К 1200-летию со дня рождения / АН ТаджССР, Ин-т истории им. А. Дониша; отв. ред. Н. Н. Негматов. Душанбе: Дониш, 1983. 209 с.
6. Абдуллаев А. А. Очерки истории развития медицины в Хорезме / А. А. Абдуллаев. Ташкент: Медицина. 1980. 162 с.
7. Булгаков П. Г. Жизнь и труды Беруни / П. Г. Булгаков. АН УзССР, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни. Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1972. 428 с.
8. Абу Райхан Беруни. Избранные произведения / Абу Райхан Беруни. Том V. Канон Мас'уда. Часть вторая. Книги VI-XI. Перевод и примечания Б. Розенфельда и А. Ахмедова. Отв. ред. С. Х. Сираждинов и Г. П. Матвиевская. 1976. 636 с.
9. Muhammet Utby. Soltan Mahmyt Gaznalynyň taryhy / Muhammet Utby. Aşgabat: Türkmenistanyň milli medeniýet "Miras" merkezi, 2005. 344 s.
10. Йакут ал-Хамави. «Иршад ал ариб ила ма'рифат ал-адиб» / Йакут ал-Хамави // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. (пер. с арабского Б.Вахабовой). Ташкент: Фан, 1988. 428 с.
11. Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы / Низами Арузи Самарканди. Пер. с перс. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной, под ред. А. Н. Болдырева. Издательство восточной литературы. Москва, 1963. 173 с.
12. Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении / Б. Г. Гафуров. Том 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 г., Госполитиздат, М., 1949. 475 с.
13. Болтаев М. Н. Абу Али ибн Сина – великий мыслитель, ученый энциклопедист средневекового Востока / М. Н. Болтаев. Москва: Сампо, 2002. 400 с.

14. Перзашкевич О. В. К вопросу о деятельности Абу Али ибн Сины в Гургандже / О. В. Перзашкевич // Авиценна: мыслитель, ученый, гуманист: материалы международной научной конференции, Республика Беларусь, г. Минск, 18 декабря 2013 г. / ред. коллегия: А. А. Лазаревич, Хамид Сафари [и др.]. Минск: Ковчег, 2014. 261 с.

Е. А. Шушканова

Сибирский государственный университет науки и технологий

им. академика М. Ф. Решетнева

Красноярск, Россия

ПРОБЛЕМА ПРОСВЕЩЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация. Рассматриваются проблемы просвещения крестьянства Енисейской губернии. Мировоззрение сельского населения формировалось главным образом на основании просветительской работы Русской православной церкви. В России не была сформирована всеохватывающая система образования, что являлось важнейшей причиной отстающей модернизации государства.

Ключевые слова: просвещение, Енисейская губерния, крестьянство, Русская православная церковь

Abstract. The problems of educating the peasantry of the Yenisei province are considered. The worldview of rural society was formed mainly on the basis of the educational work of the Russian Orthodox Church. An all-encompassing education system was not formed in Russia, which was the most important reason for the lagging modernization of the state.

Keywords: enlightenment, Yenisei province, peasantry, Russian Orthodox Church

Несмотря на то, что попытки ввести доступное начальное образование в России относятся еще ко времени Петра I, заметного прогресса в этой сфере не наблюдалось вплоть до крушения самодержавия в начале XX в. Как показала всеобщая перепись 1897 г. в Российской империи общая грамотность по стране составляла 21 %, а в Сибири 12 %. На примере Енисейской губернии можно видеть, что каналы просвещения российского народа были крайне ограничены. В сущности, единственным систематическим источником просвещения (под которым понимается передача и распространение знаний и культуры) являлась Русская православная церковь.

В Енисейской губернии развитие просветительской деятельности Церкви стало заметным с середины XIX в., когда была создана самостоятельная Енисейская епархия и началось массовое строительство сельских храмов, при которых открывались не только приходские школы, но и создавались церковные библиотеки. Со временем стали открываться школы Министерства просвещения, но их было намного меньше. К концу 1898 г. в Енисейской губернии была 51 министерская школа, церковно-приходских и школ грамоты было 135. Училось в этих школах свыше 6 тыс. детей, из 43 тыс. детей школьного возраста [1, с. 55].

Церковный приход в досоветский период являлся своего рода просветительским центром для крестьян. Уровень грамотности последних был

чудовищно низким, о чем, свидетельствуют протоколы мирских сходов. Из присутствующих на них представителей сельских домохозяйств находились лишь единицы, которые как указывали тогда «руку приложили», т. е. самостоятельно расписались. Остальных перечислял сельский писарь.

Связь церковной жизни с просветительством была естественной. Участие в богослужбной практике требовало от прихожан определенного уровня знаний: молитв, знания Святого Писания и истории христианства. Получение этих знаний происходило преимущественно в устном формате, когда, например, накануне Литургии псаломщик прочитывал молитвенные правила обязательные для таинства Святого Причащения. Однако устные молитвы неизбежно искажались. Многие священники в своих рапортах сообщали, что у крестьян «имеются в обращении, особенно между людьми преклонного возраста, само измышленные молитвы, весьма невысокого достоинства» [2, л.198]. Невежество касалось не только людей преклонных лет. Когда в 1882 г. вновь назначенный в Енисейскую епархию епископ Исаакий совершал свою первую поездку по епархии, он был поражен, что сельские дети не знали употребления самых главных молитв: «Богородице Дево», «Отче наш», «Царю Небесный». А некоторые даже не могли отличить иконы Спасителя от лика Богородицы.

Потому во всех своих поездках по епархии енисейские епископы призывали духовенство просвещать свою паству в первую очередь проповеднической деятельностью и душеполезными беседами. При сельских храмах имелись библиотеки, фонд которых состоял не только из духовной литературы, но и исторических произведений, сочинений русских писателей, подписных журналов, в том числе по развитию полеводства, огородничества и пчеловодства. Но круг читателей был крайне ограниченным.

В период короткого архипастырства Александра для развития духовного просвещения 8 сентября 1893 г. было создано православное епархиальное Братство, названное в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Его роль и значение определялись так: «Целью этого Братства будет – всеми мерами способствовать распространению, утверждению и охранению христианской веры и христианского благочестия в пределах Енисейской епархии, заботиться о распространении в ней истинного просвещения, противодействовать появлению и распространению лжеучений, сект и расколов» [3, с. 4].

Через два месяца после создания Братства при Иоанно-Предтеченской церкви архиерейского дома г. Красноярска для православного просвещения горожан открылись религиозно-нравственные чтения. Они проводились по воскресным дням для всех желающих. На занятиях в качестве первоисточника брались тексты отцов церкви, жития святых, а также книги по истории церкви и статьи из православных журналов. Материалы подбирались незатейливые и по смыслу, и по изложению, доступные и понятные простолыдину. Тексты читали два чтеца, а кроме того практиковались раздачи прихожанам печатных брошюр или листов. Просветительская работа имела успех: особенно многолюдно было в зимнее

время и в Великий пост. Дополнительный эффект при проведении духовных чтений давало использование «волшебного фонаря» – аппарата для проекции изображений, являвшегося прототипом современного кинопроектора. Постепенно практика просветительских чтений стала распространяться в сельской местности. Однако посещали эти курсы немногие и массового просветительского эффекта в деревне они не давали.

Еще одним заметным просветительским проектом было создание и распространения в России сети Императорского Православного Палестинского общества, важнейшей задачей которого была информационно-просветительская работа среди народа. В рассылаемых на региональные отделения «Правилах для действия Отделов и Уполномоченных Императорского Православного Палестинского Общества» в числе самой первой задачи было ознакомление людей с прошлым и настоящим Святой земли, распространение верных сведений о ней. Руководство Общества справедливо считало, что «постановление этой цели на первое место не дело случая»: для успеха деятельности общества требуется сочувствие, а «сочувствовать же можно только тому, что знаешь и понимаешь» [4, с. 2].

Основным средством распространения знаний и сведений о проблемах Палестины должны были стать специальные издания с целью донести самые важные и обязательные знания о Святой земле. Несмотря на то, что предназначались они для простых людей, для составления текстов этих изданий привлекались крупные специалисты-богословы: Н. А. Елеонский (профессор богословия Московского университета), А. П. Лебедев (профессор Московской академии), П. А. Смирнов (председатель учебного комитета при Святейшем Синоде и настоятель Исаакиевского собора). Известные ученые: этнограф, вице-президент Академии наук А. Н. Пыпин, профессор А. А. Дмитриевский и др. Тематика этих изданий была разносторонней и обширной. Вот далеко не полный перечень изданий в разные годы: описание Святой земли; горы Святой земли; источники и водоемы Святой земли; Священная история на Святой земле; Ветхий Завет; Судьбы Иерусалима и русские паломники; древнерусское паломничество; протестанты в Святой земле; храм Воскресения в Иерусалиме; Вифлеем и его окрестности; места страданий, смерти и воскресения Спасителя; вход Господень в Иерусалим.

На 1901 г. мы имеем следующие сведения о деятельности просветительских чтений в Енисейской губернии: в городах Ачинске, Минусинске, Енисейске, Канске. В селах: Новоселовском, Шарыповском, Каратузском, Сагайском, Абаканском, Арейском, Нахвальском, Ладейском, Еловском, Сухобузимском, Мининском, Рыбинском, Балахтинском, Усть-Тунгусском. А в 1902 г. чтения о Святой земле стали проводиться уже в 45 наиболее густонаселенных пунктах [5, с. 264].

Однако о регулярном и массовом просветительском значении Енисейского палестинского общества говорить трудно. Во многих приходах чтения велись без всякой системы, а выбор тем для чтений носил совершенно случайный характер. Главной проблемой в распространении про-

светительских палестинских чтений был недостаток заинтересованных лиц в организации работы общества. Работа Енисейского отделения, как и всех региональных отделений, была полностью возложена на плечи духовенства. Священники же без того выполняли массу общественных функций: кроме богослужебной практики и исполнения треб они включали ведение делопроизводства (в частности метрических книг), содержание церковного имущества, организацию церковно-приходских школ, участие в сборе статистических сведений, участие в организации кредитных обществ и кооперации, борьбы с пьянством, прямое участие в оспопрививательной деятельности и многое другое. Кроме того, из-за невысокого жалования, церковному причту приходилось заниматься крестьянским трудом. Ректор Красноярской духовной семинарии Н. П. Асташевский, который от основания Палестинского православного отдела в Красноярске и до 1914 г. оставался его членом отмечал, «что епархиальное духовенство мало обнаруживает интереса к просветительным и благотворительным задачам пастырского служения» [6, с. 18].

Главную роль в распространении народного просвещения могли сыграть только школы для детей. Следует признать, что церковные власти уделяли пристальное внимание этой проблеме и с каждым годом школьная деятельность в Енисейской епархии только расширялась. Особенно пристальное внимание на развитие школьного дела при сельских приходах наблюдалось при енисейском епископе Евфимии: в период его архипастырства количество церковно-приходских школ увеличилось в два раза.

Школы были одноклассные и двухклассные. Расходы на их содержание должны были оплачивать прихожане: обычно вместе с податями в волостное правление собирались также деньги на школу. Случались проблемы с финансированием школы. Например, в 1901 г. когда в центральной части России и в Сибири был неурожай хлеба из-за сильной засухи, крестьяне села Барабановское отказались от выделения средств на школу. Но школу не закрыли: деньги тогда выделил училищный совет Енисейской епархии. Это был далеко не единственный случай финансовой поддержки образования на селе.

Заведующим церковно-приходской школой назначался штатный приходской священник. При этом батюшки обычно вели занятия по закону Божию, а нередко и по другим дисциплинам. Образование в церковных школах велось по программе, утвержденной Св. Синодом. Главное внимание уделялось закону Божию: дети должны были свободно и с пониманием рассказывать о главных событиях Священной истории, знать общеупотребительные молитвы, объяснять смысл богослужения. В программе церковно-приходской школы были также церковное пение, чистописание и церковно-славянский язык. Такие предметы как арифметика и история давались только в двухклассной школе. После курса обучения, учащиеся сдавали испытательные экзамены и получали соответствующие официальные свидетельства о полученном образовании.

Данные о численности учеников типичного сельского прихода можно определить по сведениям полученных нами из клировых ведомостей уже упомянутого Барабановского прихода, который включал в себя кроме села еще три деревни с общей численностью населения около 2 тыс. человек.

Таблица 1

Численность учеников школы
села Барабановское Красноярского уезда [7, с. 56]

Годы	1863	1870	1883	1886	1887	1893	1905	1908	1911	1915
Всего учеников	14	13	16	11	12	25	20	21	30	31
Мальчиков	7	10	11	8	7	20	11	17	17	17
Девочек	7	3	5	3	5	5	9	4	13	14

Итак, учеников в школе было крайне мало. Тормозящими факторами распространения церковно-приходского образования были, на наш взгляд, следующие. Во-первых, это недостаточное финансирование, следствием которого было низкая материальная база школ и дефицит педагогических кадров. К примеру, в декабре 1885 г. епископ Исаакий совершая поездку по Красноярскому округу, осмотрел 20 церквей и сделал следующую запись в отчете о поездке: «Приличные и удобные помещения для школ имеются в селениях ... (первое название неразборчиво – Е. III.) и Барабановская, а прочие школы помещаются на съемных квартирах или церковных сторожках нисколько к тому не приспособленных» [7, с. 55]. Существовала постоянная нехватка подготовленных учителей. Хотя по инициативе епархиальных властей делись шаги по решению этой проблемы. 1 июля 1900 г. при содействии епископа Евфимия в Красноярске открылись первые педагогические епархиальные курсы, на которые от церковных школ приехало около 100 человек. Материальные расходы на проводимые курсы полностью брала на себя епархия. Школы, отправлявшие слушателей на курсы, были обязаны полностью обеспечить их всем необходимым: лошадьми до пристани или до железнодорожной станции, деньгами на проезд 3-им классом, суточными. После окончания курсов епархия возвращала школам все эти расходы. Питание слушателей также было бесплатным.

И все же решить задачу народного просвещения Русская православная церковь не могла ни материально, ни физически. Не говоря о том, что сам формат обучения в приходской школе был специализированным. Требовалось активное участие государства. Так называемые министерские школы стали распространяться во второй половине XIX в., но их было совершенно недостаточно.

Во-вторых, препятствием для развития народного просвещения была пассивность самого населения. Крестьянство не имело побудительных причин, формирующих сознание значимости получения образования. Интересно, что в раскладках общинных сходов мирского бюджета статья

оплаты писаря была одна из самых затратных: волостному писарю в 1916 г. Большемуртинский волостной сход выделял 900 руб. в год. Для сравнения: волостной староста получал 100 руб. [8, д. 56, л. 20]. При этом в роли писарей обычно выступали ссыльнопоселенцы. Представляется, однако, что говорить о полном неприятии образования в сельской среде нельзя. Например, как писали в своих отчетах благочинные «сельское население смотрит на министерскую школу как на школу более высшего типа по сравнению с церковно-приходской». Любопытные цифры на 1893 г. приводит священник 4 благочиния Канского уезда: «в благочинии 5 церковно-приходских школ против 18 министерских. В церковной обучается 171 мальчик и 93 девочки. В министерских 573 мальчика и 218 девочек. Средним числом выходит, что церковно-приходская школа обслуживает 52 учащихся, а министерская 43». [2, д. 2336, л. 33]. Тем не менее возникал порочный круг поколений, не воспринимающих просвещение и образование, как духовную потребность. Разорвать этот круг можно было только импульсом извне, в первую очередь действием правящих властей.

В этой связи следует признать, что царская власть в России если не игнорировала, то явно недооценивала проблему народного образования. К. П. Победоносцев, 25 лет возглавлявший Святейший Синод, человек, которого называют «серым кардиналом» правящего режима, фактически настаивал на ненужности народной грамотности. В своей статье «Народное просвещение» он утверждал следующее: «иной настаивает на необходимости поселянину знать физику, химию, сельское хозяйство, медицину; иной требует энциклопедию политических наук и правоведение... Но мало кто думает, что отрывая детей от домашнего очага на школьную скамью с такими мудреными целями, мы лишаем родителей и семью рабочей силы, которая необходима для поддержания домашнего хозяйства, а детей развращаем, наводя на них мираж мнимого или фальшивого и отрешенного от жизни знания, подвергая их соблазну мелькающих перед глазами образов суеты и тщеславия» [9].

Трудно на наш взгляд согласится с распространенным в отечественной общественной мысли мнением о чуть ли не генетической неспособности российского общества к модернизации, о консервативности и косности российского народа. В конце XX в. в разделе социокультурной экономики был сформулирован так называемый «эффект колеи», который описывает действие институциональной инерции, которая удерживает государство в определенной траектории развития. Современный российский институциональный экономист А. А. Аузан доказал, что ключевым фактором преодоления эффекта колеи является именно культура [10].

Непросвещенность народа ударяла по судьбе России не только в институциональном плане, она объективно вела к падению народной религиозности и нравственности. Безграмотность была одной из серьезнейших причин поверхностной народной религиозности. Это подтверждается многочисленными отчетами благочинных в Енисейскую духовную Консисто-

рию. Так в 1900 г. благочинный Енисейского уезда отмечал, что «знания прихожанами начальных истин веры, заповедей и молитв страдает путанностью понятий и сбивчивостью. Среди подрастающего населения с развитием грамотности в тех селениях и деревнях, которые имеют школы, замечается улучшение в этом направлении» [2, л. 141.]. Благочинный Красноярского уезда, рассуждая в рапорте епископу о том, что у прихожан «знание молитв даже начальных, не говоря уже о знаниях христианского вероучения весьма слабое», заключает: «но заслугу и помощь духовенству может оказать ни что иное, как только школа» [2, л.153]. Благочинный 4 участка Енисейского уезда написал: «Если кто и знает правильно читать молитвы, то это исключительно только те, которые учились в школах или в домах» [2, л. 160].

Если говорить об эффекте колеи, то советская модернизация, социально-экономический успех которой отрицать трудно, не случайно осуществлялась одновременно с культурной революцией. Важно иметь в виду, что параллельно с репрессивными методами социалистического строительства, огромное внимание советская власть уделяла просветительской работе среди населения. Несмотря на дефицит финансов, острую нехватку кадров и слабость управленческого аппарата культурно-просветительская деятельность считалась наиважнейшей. Впечатляют сведения из отчетов о культурно-просветительской работе в Красноярском крае всего за два года.

Таблица 2

Культурно-просветительская работа в Красноярском крае
в 1935–1936 гг. [11, д. 312, л.26]

Объекты культуры	1935 г.	1936 г.
Избы-читальни	569	970
Колхозные клубы	–	98
Дома культуры	30	45
Политпросвет базы	40	40
Кружки самодеятельности	–	1 073
Театры	5	7
Библиотеки	94	128
Радиоузлы	50	53
Передвижное кино	159	235

В данных объектах культуры населению предлагались идеологически выверенные книги, журналы, спектакли. При этом идеологии достаточно привлекательной, особенно для молодежи: энергичной, жизнеутверждающей, раскрепощенной, нацеленной на скорое и счастливое будущее. При большевистском проекте создания «нового мира» шла целенаправленная работа на разрушение культурного кода прежней общественной модели. Причем новое мировоззрение конечно не ограничивалось только атеистической картиной мира, хотя это была основополагающая задача советского режима. Вложить новые идеологические матрицы в обществен-

ное сознание, особенно в деревне, причем в достаточно короткий исторический период оказалось возможным именно потому, что у народа отсутствовала мировоззренческая картина, основанная на знаниях, а не только на вере.

Список источников

1. Чупилко Ю. А. Народное образование в Минусинском уезде Енисейской губернии в XIX – начале XX вв. / Ю. А. Чупилко // Современная научная мысль. Научный журнал НИИ истории, экономики и права. М. 2019. № 3. С. 52–57.
2. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 674. Оп. 1. Д. 4 727.
3. Енисейские епархиальные ведомости. 1893 год.
4. Руководящие правила для действия Отделов и Уполномоченных Императорского Православного Палестинского Общества // Президентская библиотека. [Электронный ресурс]. URL: prlib.ru/en/node/442356.
5. Отчет Енисейского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1902 г. // Енисейские епархиальные ведомости. 1903. № 11.
6. Предложение Председателя Совета прот. Н. Асташевского, в совете Енисейского Братства Рождества пресвятой Богородицы // Енисейские епархиальные ведомости. 1908 № 5.
7. Шушканова Е. А. Церковь Святой Параскевы села Барабановское Енисейской губернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX–XX вв.). / Е. А. Шушканова. Красноярск. 2019. 140 с.
8. ГАКК. Ф. 6. Оп. 1.
9. Победоносцев К. П. Народное просвещение // Свободная библиотека Викитека. [https://ru.wikisource.org/wiki/Народное_просвещение_\(Победоносцев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Народное_просвещение_(Победоносцев)).
10. Аузан А. А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М., 2022. 160 с.
11. ГАКК. Ф. п-26. Оп. 1.

Н. В. Самосюк

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

Брест, Республика Беларусь

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА (1921–1939 ГГ.)

Аннотация. В статье рассматривается просветительская деятельность Русского благотворительного общества, объединившего русское население в польском государстве. Русское благотворительное общество вопреки противодействию польских властей могло создать сеть отделов в городах и местечках, при которых функционировали гимназии и начальные школы, библиотеки.

Ключевые слова: просвещение, русская общественность, польское государство, межвоенный период, Русское благотворительное общество

Abstract. The article examines the educational activities of the Russian Charitable Society, which united the Russian population in the Polish state. The Russian charitable society, despite the opposition of the Polish authorities, could create a network of departments in cities and towns, in which gymnasiums and primary schools, and libraries functioned.

Keywords: enlightenment, the Russian public, the Polish state, the interwar period, the Russian Charitable Society

Политическая ситуация 1917 г. кардинально изменила положение русских, проживавших на западных окраинах Российской империи. В 1918 г. возродилось польское государство и начало борьбу за территории, которые ранее входили в состав Речи Посполитой. Поддержка со стороны стран Антанты позволила ему захватить и закрепить за собой Западную Беларусь и Западную Украину. При этом белорусы, как и украинцы, осознали себя как самостоятельные нации и начали бороться за свои политические права. На территории Западной Беларуси, Западной Украины, а также восточных окраинах собственно польских этнических территорий, в поколениях проживали русские. Кроме того, в польском государстве оказались русские, бежавшие от большевиков в России. Всего в пределах польского государства на протяжении межвоенного периода проживало около 1 миллиона русских.

В этой связи во Второй Речи Посполитой, в своем названии позиционировавшем преемственность с Первой Речью Посполитой, находилось значительное количество русских. Для сохранения русского языка и культуры в Польше необходимо было объединить усилия всей русской общественности. Наиболее ярко осознание русскими в Польше своего сложного положения характеризует следующая цитата из корреспонденции ровенского русской общественности: «существование наших русских школ,

нашего родного языка, нашей культуры всецело зависит только от нас, русских людей, и ясно, что русским людям на чужие заботы, на помощь извне, на подачки рассчитывать нельзя» [1, л. 74].

Русское благотворительное общество (РБО) первый раз было внесено в реестр обществ и союзов Министерства внутренних дел под № 751 на основании резолюции Министерства внутренних дел от 9 августа 1922 г. В соответствии с уставом главной целью общества являлось «оказание материальной и моральной поддержки и помощи в нуждах культурно-просветительных, как равно и правовой помощи польским гражданам русской национальности, а также лицам, хотя и не имеющим польского гражданства, но принадлежащим к русской национальности» [2, л. 2]. В кризисном социально-экономическом положении, затронувшем все слои общества, а также в условиях противоречивой политики польского государства, на официальном уровне заявлявшем о широких правах и свободах всех граждан, а, в действительности, крайне настороженно относящемся ко всем русским, можно было рассчитывать исключительно на взаимопомощь. Таким образом, Русское благотворительное общество ставило перед собой задачу по сохранению русской культуры среди бывших граждан Российской империи.

Подтверждением сложности интеграции русских в польское общество являлись данные многочисленных анкет для вступления в общество, в которых указывалось социальное положение, которое человек занимал в Российской империи: «бывший землевладелец», «бывший полковник», «бывший офицер», «бывшая женщина-чиновник почтово-телеграфного ведомства», «бывшей русской армии поручик», «бывший военный чиновник», «бывший чиновник» [2, л. 134].

Кроме непосредственно членских взносов, которые составляли фонд всего общества, дополнительным доходом являлась организация различного рода культурно-просветительских мероприятий. Так, пинский отдел РБО активно организовывал спектакли, выставки, концерты, за счет чего получал дополнительный доход. Необходимо отметить, что членский взнос в месяц варьировался в разных отделах общества, но в целом составлял около злотых. В силу того, что не все, кто хотел помогать сохранению русской культуры в Польше, мог его оплатить, существовало два членских статуса: действительный член и член-соревнователь. Соответственно, член-соревнователь вносил только половину взноса. В целом, количество членов отделов в городах и местечках составляло от 20 до 60 человек. Таким образом, можно сделать вывод, что отделы не могли располагать значительными денежными средствами от членских взносов. В этой связи отделы стремились стать центрами по организации культурно-просветительских и развлекательных мероприятий. Так, пинский отдел за одно мероприятие зарабатывал от 50 до 100 злотых. Эти дополнительные средства позволяли помогать русским, проживавшим в городе и его окрестностях, а также отправлять часть средств в Варшаву. Дополнительным источником доходов отдел РБО в г. Лунина являлась организация

танцев для молодежи [3, лл. 8, 8/об.]. В г. Ровно в 1930-е гг. установилась традиция регулярного проведения литературных вечеров, на которых либо звучали отрывки произведений русской классики, либо молодые поэты представляли публике свои произведения. Из документов следует, что они проходили практически ежемесячно. Однако сборы со зрителей были минимальными и позволяли только покрыть расходы на освещение и отопление в зимний период [1, л. 67].

Наибольших успехов, за исключением варшавского отдела РБО, в организации просветительских и культурно-массовых мероприятий, достиг брестский отдел. Даже в сложные в экономическом отношении 1920-е гг. организовывались мероприятия, которые позволяли заработать более 200 злотых. При этом необходимо отметить, что эти мероприятия организовывались любителями. Так, например, из финансового отчета о спектакле «Дядя Ваня», состоявшемся 25 февраля 1925 г. в зале РБО, стало известно, что на его постановку было выделено 217 злотых и 25 грошей. От продажи билетов и программok получили 494 злотых. Таким образом, полученный доход составил 276 злотых и 75 грошей. Материалы финансовых отчетов отдела показывают, что ежегодно проходило в среднем около 100 мероприятий. Однако, не все они носили коммерческий характер, значительная часть была благотворительной. В частности, всегда благотворительными были рождественские елки для учащихся начальной школы и гимназии. При отделе организовывались вечера памяти русских писателей, приуроченные к юбилейным датам. Так, 31 января 1925 г. русская общественность г. Бреста почтила память А. П. Чехова в связи с его 75-летием. Кроме того, отдел РБО выступал в Бресте организатором гастролей для артистов из числа русских эмигрантов. При этом отдел мог не только проводить спектакли и концерты в своих помещениях, но и организовывать аренду специальных концертных залов. Так, Русская опереточная труппа А. Андреева-Трельского дала 11 спектаклей в Бресте в октябре 1924 г. в помещении театра «Сарвер» [4, л. 4].

Русское благотворительное общество являлось важным просветительским центром, так как при его отделениях функционировали библиотеки. Общество централизованно закупало книги в издательстве «За Свободу», выпускавшем русскоязычную литературу. В частности, в сложные в экономическом отношении 1920-е гг., когда польский злотый как национальная валюта был крайне неустойчивым, Русское благотворительное общество централизованно закупало книги в издательстве и предлагало поступать аналогичным образом всем своим отделениям. В декабре 1925 г. брестское отделение общества закупило литературу в издательстве на сумму в 200 злотых [2, л. 32]. Издательство «Добро», распространявшее русскоязычную литературу в странах, где проживали русские эмигранты, являлось еще одним центром печатного русского слова, его книги пользовались популярностью в Польше на протяжении межвоенного периода. Оба книгоиздательства регулярно дарили свои издания русским библиотекам [2, л. 30].

Формирование фондов библиотек осуществлялось также путем добровольных пожертвований книг. Члены общества относились с большой бережностью к подаренным и пожертвованным книгам. В обязательном порядке каждая книга сначала оценивалась в денежном эквиваленте, а только затем передавалась в библиотеку. Имя жертвователя книг обязательно проходило по делопроизводству отделения общества. Примечательно, что дарили библиотекам не только русскую классику, но и переводную литературу. В частности, среди подаренных книг брестскому отделу общества в ноябре 1925 г. встречается исследование по психологии религии Дж. Джеймса «Многообразие религиозного опыта». Более состоятельные члены РБО считали честью для себя подарить библиотекам при отделах свои книги. 2 декабря 1925 г. Глафира Ивановна Юркова, проживавшая в г. Бресте, подарила библиотеке собрание сочинений Салтыкова-Щедрина, номера журналов «Исторический вестник» (1905 г.), и «Русский архив» (1888 г.) [4, л. 59].

Отделы РБО даже в самых маленьких населенных пунктах стремились к созданию своих собственных библиотек. В частности, относительно небольшой отдел в г. Сарны приложил значительные усилия для создания своей библиотеки. В отчетах административных властей о деятельности небольших отделов РБО, которые пристально следили за всеми русскими объединениями, существовала формулировка «деятельность отдела ограничивается функционированием библиотеки» [3, л. 9.]. В частности, в таком формате работал отдел РБО в Камень-Каширске.

Брестский отдел РБО регулярно пополнял свои фонды. Заказ от 18 декабря 1924 г. включал в себя 59 наименований. Значительное внимание уделялось историческим произведениям. В частности, в нем содержались следующие произведения Герцен «Былое и думы», Гершензон «Исторические записки», Донская летопись № 1–3 [4, л. 49–50]. 27 января 1925 г. поступил заказ в 127 наименований книг. В основном это была художественная литература. Примечательно, что фактически в каждом заказе были воспоминания тех или иных исторических деятелей. В заказах всегда были книги, в которых анализировались относительно недавние события: Первая мировая война, февральская революция и отречение от власти императора, приход к власти большевиков [4, л. 31–34]. Можно сделать вывод, что подобная литература пользовалась спросом, так как русская общественность остро нуждалась в осмыслении исторических событий, как в относительно локальном, так и общемировом масштабе.

Большие библиотеки отделов РБО, стремясь к расширению просветительской деятельности на русском языке, отправляли часть своих книг, другим библиотекам во временное пользование. Такие мероприятия способствовали созданию связей между отдельными отделами не только через центр. Тем более, что у каждого отдела РБО складывалась своя собственная система приоритетов. Так, в 1935 г. отдел РБО в г. Бресте отправил партию своих книг в отдел в г. Холме на год на безвозмездных началах. При этом в сопроводительном письме отмечалось следующее:

«Если у Вас имеется возможность распространения русской книги в сельских местностях или даже в Холме среди более широких масс, то мы можем выделить в постоянное пользование известное количество книг» [1, л. 14].

Наиболее сложной задачей являлось воспитание подрастающего поколения на родном языке и в традициях своей культуры. Для национальных меньшинств в польском государстве предполагалось создание своих школ, однако административные власти делали все возможное, чтобы эти учреждения прекращали свою деятельность. Так, приоритетным направлением деятельности всего Русского благотворительного общества являлась помощь русским гимназиям и начальным школам. Непосредственно помощь была разносторонней: от покупки одежды и обуви детям до строительства самих школ. Оплату за учебу детей из малообеспеченных семей в русских учреждениях образования брало на себя общество. Многие русские учебные заведения, существовавшие при РБО, под давлением административных властей и под различными предлогами зачастую закрывались. Так, например, русскую гимназию в Пинске власти закрыли на основании того, что учителя позволяли себе нелояльно высказываться в отношении польских властей [3, л. 9].

Как все Русское благотворительное общество в целом, так и самостоятельные отделы искали новые формы работы, стремились привлечь к своей деятельности молодежь. При некоторых отделах РБО действовали кружки самодеятельности. В частности, в Давид-Городке в 1929 г. был открыт драматический кружок русской молодежи. Среди его организаторов был православный священник Дмитрий Перепегин [3, л. 10]. Кружок организовывал по 3–4 любительские театральные постановки в год, что свидетельствовало об успешности этого направления деятельности.

Второй значимой организацией среди русского населения в Польше являлся Союз русских меньшинственных организаций (СРМО). Если в самом названии РБО стремилось всячески ограничиваться сферой просвещения и благотворительности, то СРМО пытался добиться реализации прав и свобод для русских политическим путем, через польский парламент. Однако в условиях псевдодемократии польской политической системы, установившейся после майского переворота 1926 г., это являлось крайне сложным. СРМО стремился принять участие в образовании и просвещении русских в Польше. В этой связи в 1933 г. союз объявил о создании Фонда Русской школы (ФРШ). По мнению лидеров СРМО создание фонда смогло бы решить следующие задачи: «оказание материальной помощи учебным заведениям, укрепление и развитие родной культуры, сохранение молодежи от денационализации» [1, л. 15]. Предполагалось, что на местах, в местностях, где проживает русское население, будут организованы комитеты ФРШ и через них будут собираться средства. Фактически, комитеты ФРШ создавались при отделах РБО. Однако на деле суммы собирались незначительные, и оказать существенную помощь сфере просвещения не удалось. Кроме того, между руководством РБО и СРМО проведение

этой акции, начатой с огромной энергией и надеждами, вызвало обострение противоречий. На заседаниях комитетов ФРШ обсуждались различные проекты по активизации его деятельности. В частности, было предложено привлекать местных художников к разработке плакатов, с призывами которые бы побуждали жертвовать для русского образования и просвещения в Польше. Были предложены следующие призывы на плакатах: «1. Долг каждого русского – поддержать Фонд Русской Школы. 2. Участвуете ли Вы в работе Фонда Русской Школы? 3. Если в Вашей местности нет уполномоченного Фонда Русской Школы, то в этом виноваты Вы – связывайтесь с ближайшим комитетом при русском учебном заведении. 4. Поддерживая Фонд Русской Школы, Вы участвуете в национальной самодеятельности!» [4, л. 57]. На страницах русскоязычных изданий в виде отдельных статей излагался опыт других национальных меньшинств в Польше, направленный на развитие образования и просвещения [4, л. 59].

Русское благотворительное общество сотрудничало со всеми русскими организациями, комитетами. Получив воззвание комитета в день святого Николая «Дня русского инвалида» в Польше, правление брестского отдела приняло решение организовать с разрешения Синода сбора средств в братской Свято-Никольской церкви и соборе. Материальное положение большинства русских инвалидов в Польше было действительно сложным. В тексте послания их положение характеризовалось следующим образом: «...отдавших свои силы и здоровье Родине и теперь в изгнании, терпящих великую нужду» [5, л. 132]. Всего отдел собрал и выслал июле 1926 г. средства в размере 78 злотых и 80 грошей. Эта небольшая сумма была собрана благодаря церковному сбору в братской церкви (58 злотых и 62 гроша) и от самодеятельных спектаклей, организованных 22 мая 1926 г. (22 злотых и 18 грошей) [5, л. 131]. Организацией спектаклей занималась культурно-просветительская секция при РБО. Комедия по мотивам Тургенева «Завтрак у предводителя» и шутка по мотивам Чехова «Юбилей» разыгрывалась членами общества в здании гимназии, режиссером являлся Муратов-Отрищенко. Цена билетов варьировалась от 75 грошей до 2 злотых, для учащихся составляла 25 грошей [5, л. 133]. О качестве организации самодеятельности и согласованности действий отдела свидетельствует также то, что даже были выпущены программки вечера, на которых было отмечено, что сбор средств будет направлен в пользу русских инвалидов.

Необходимо отметить, что Православная церковь тесно сотрудничала с русской общественностью. Сбор средств в пользу РБО проходил в отдельных благочиннических округах Полесской епархии. В частности, в марте 1926 г. от 1 благочинного округа Коссовского повета на счет общества поступило 13 злотых, а от 3 округа Пинского повета – 5 злотых. В этом же месяце от сбора в храмах Барановичского и Несвижского поветов поступило 42 злотых [5, л. 254].

Таким образом, Русское благотворительное общество являлось важным просветительским центром русской общественности на протяжении

всего межвоенного периода. Непосредственно общество состояло из сети отделов, размещенных в городах и местечках с русским населением. При отделах функционировали библиотеки, фонды которых постоянно пополнялись за счет приобретения новых изданий русских книг, а также пожертвований от частных лиц. Кроме того, отделы стремились объединять русское население путем организации различного рода концертов, вечеров памяти, спектаклей. Значительная часть этих мероприятий носила благотворительный характер. Организация концертов, спектаклей на коммерческих основаниях для гастролирующих русских артистов, также способствовала объединению русской общественности и сохранению русской культуры в условиях вынужденной эмиграции. Вся русская общественность прилагала значительные усилия для сохранения русских учебных заведений. Давление со стороны польских властей привело к тому, что вместо сети русских гимназий и начальных школ к концу межвоенного периода остались только единицы. Русская общественность в г. Бресте не только смогла обеспечить нормальное функционирование учебных заведений, но и даже смогла объединить усилия для строительства нового здания для русской гимназии. Дети из бедных русских семей получали образование на родном языке благодаря совместным усилиям всех русских эмигрантов. Сложное материальное положение русского населения привело к более тесному сотрудничеству и налаживанию связей с русскими эмигрантами, проживавшими в разных европейских странах.

Список источников

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБрО). Ф. 114.Оп. 1. Д.
2. ГАБрО. Ф. 114.Оп. 1. Д. 1.
3. ГАБрО. Ф. 114.Оп. 1. Д. 1а.
4. ГАБрО. Ф. 114.Оп. 1. Д. 3.
5. ГАБрО. Ф. 114.Оп. 1. Д. 8.

ГРОЗНЕНСКОМУ НЕФТЯНОМУ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ИНСТИТУТУ – 95 ЛЕТ (К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ)

Аннотация. В статье предпринята попытка осветить предпосылки и процесс создания в 1928 г. Грозненского нефтяного научно-исследовательского института – первого в стране НИИ нефтяной промышленности.

Ключевые слова: Чеченская автономная область, г. Грозный, Грозненский нефтяной научно-исследовательский институт

Abstract. The article attempts to highlight the prerequisites and the process of creation in 1928 of the Grozny Oil Research Institute, the country's first research institute of the oil industry.

Keywords: Chechen Autonomous Region, Grozny, Grozny Petroleum Research Institute

Отраслевая наука занимает особое место среди форм организации научных исследований, так как она обращена непосредственно к практическим нуждам производства. Поэтому переосмысление ее роли в истории организации науки представляет безусловный научный и практический интерес.

Во второй половине 20-х гг. XX в., в условиях форсирования темпов индустриализации, роль науки в стране, особенно ее отраслевого сектора, стремительно возрастала. Расширяется сеть научно-исследовательских учреждений, деятельность которых была всецело посвящена развитию той или иной отрасли производства. При этом большое значение придавалось их созданию на периферии, особенно в национальных окраинах.

В докладе Научно-технического управления ВСНХ СССР от 24 июля 1928 г. отмечалось, что «наука от работы в небольших лабораториях университетов и высших технических школ перешла к широкой систематической, организованной работе – НИИ. Мы переживаем эпоху НИИ» [1, с. 272]. Особенно активизировалась эта деятельность после выхода в свет постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 7 августа 1928 г. «Об организации научно-исследовательских работ для нужд промышленности» [2, с. 852]. Повсеместно шло их укрупнение, объединение однопрофильных научно-исследовательских работ.

Развитие одной из ведущих отраслей страны – нефтяной промышленности, необходимость ее перевооружения требовали решения проблем дальнейшего совершенствования форм организации научных исследований.

Огромное значение для успешного развития нефтяной отрасли страны имело Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Совета Труда и Обороны от 15 мая 1927 г. «Об организации нефтяного исследовательского дела» [3, л. 135].

Место и промышленный потенциал Чеченской автономной области в народном хозяйстве страны определялись, главным образом, добычей и переработкой нефти и газа. Нефтяная отрасль была основной в рассматриваемом регионе.

В ходе форсированной индустриализации в экономике Чечни произошли коренные изменения, налицо были успехи восстановительных работ. К середине 20-х гг. XX в. начинается новый этап в развитии грозненской нефтяной промышленности. Грозненская нефть стала поступать на международный рынок. Отрасль претерпевает масштабное техническое перевооружение.

Между тем, социально-экономические интересы развития Чеченской автономной области во второй половине 20-х гг. XX в., возрастающие требования грозненской нефтяной промышленности, успешная научно-исследовательская деятельность Центральной лаборатории производственного объединения «Грознефть», созданной в 1925 г., вызвали необходимость к исследованию крупных, фундаментальных научных и технических проблем, перехода в этих целях к более высокой форме организации научной деятельности – к НИИ.

Приказом № 251 от 15 сентября 1928 г. по объединению «Грознефть» Центральная лаборатория «Грознефти» была реорганизована, и на ее базе был создан ГрозНИИ – первый отечественный нефтяной научно-исследовательский институт. Ему было присвоено имя И.В. Косиора (первого начальника производственного объединения «Грознефть») [4, с. 104; 5, л. 130].

8 ноября 1928 г. состоялось торжественное открытие ГрозНИИ в новом, специально построенном для его размещения здании [6].

Директором института был назначен профессор Александр Николаевич Саханов – крупный ученый, организатор и научный руководитель научно-исследовательских работ в области нефти и газа в г. Грозном в период с 1925 по 1931 гг. С его «именем связаны первые химические классификации нефтей, новые методики анализа и технологии переработки нефти – достижения советской нефтяной науки 20-х гг. XX в.» [7, с. 124].

Физико-техническое изучение состава, свойств и особенностей грозненских нефтей и ее компонентов, а также вопросы добычи и переработки нефти являлось основным научным направлением ГрозНИИ в начале своей деятельности [4, с. 104; 8; 9, л. 19; 10, л. 4].

В организационном строении ГрозНИИ состоял из научных отделов, в структуру которых входили лаборатории и секции: промысловый отдел и отдел переработки. В год основания ГрозНИИ в промысловый отдел входили 5 секций (геологическая, бурения, эксплуатации скважин, физико-механического испытания, исследования материалов); в отдел переработ-

ки – 7 секций (бензиново-керосиновая, крекинговая, масляная, парафиновая, аналитическая, химических исследований, заводских инсталляций) [11, с. 29–30].

Так 95 лет тому назад началась деятельность Грозненского нефтяного научно-исследовательского института, внесшего огромный вклад в прогресс отечественной нефтяной промышленности. Многие научные исследования и практические разработки института получили высокую оценку не только в стране, но и за рубежом.

Список источников

1. Доклад НТУ ВСНХ СССР от 24 июля 1928 г. // Организация советской науки в 1926–1932 гг. (Сборник документов). Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1974. 406 с.
2. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, 1917–1957 годы: Сборник документов. Т. 1: 1917–1928 годы. М., Госполитиздат, 1957. 878 с.
3. Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой / В. Д. Есаков. М.: Наука, 1971. 271 с.
4. Даукаев А. А., Ахмадова Х. Х., Абумуслимов А. А., Хадисова Ж. Т., Магомадова М. Х., Садулаева А. С. ГрозНИИ – первый научно-исследовательский институт нефтяной промышленности / А. А. Даукаев, Х. Х. Ахмадова, А. А. Абумуслимов и др. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2022. № 4 (56). С. 102–113.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5 446. Оп. 1. Д. 28. Ч. 1.
6. Грозненский рабочий, 1928, 10 ноября.
7. Евдощенко Ю. В. А. Н. Саханов – директор НИИ «Грознефти» им. И. В. Косиора / Ю. В. Евдощенко // Нефтяное хозяйство, 2011. № 10. С. 124–126.
8. Год работы НИИ «Грознефти» им. И. В. Косиора // Бюллетень НИИ «Грознефти». 1929, октябрь.
9. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7734. Оп. 5. Д. 128.
10. РГАЭ. Ф. 7 734. Оп. 2. Д. 88.
11. Одинцов А. Б. Неиссякаемый источник прогресса / А. Б. Одинцов. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1981. 125 с.

В. В. Кудинов
Независимый исследователь
Железногорск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ШКОЛЫ ПРИКЛАДНОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА М. Ф. РЕШЕТНЕВА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ф. РЕШЕТНЕВА)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления космической деятельности в Сибири в под влиянием научной школы М. Ф. Решетнева. Возглавляемая им научная школа и спутниковая кооперация (КБ, НИИ, заводы) внесли огромный вклад в информационный суверенитет, безопасность и социально-экономическое развитие страны на стыке самых передовых направлений научно-технического прогресса – информационном и космическом.

Ключевые слова: *космическая деятельность, Сибирь, М. Ф. Решетнев, научная школа*

Abstract. The article discusses the peculiarities of the formation of space activities in Siberia under the influence of the scientific school of M. F. Reshetnev. The scientific school and satellite cooperation (design bureaus, research institutes, factories) headed by him made a huge contribution to the information sovereignty, security and socio-economic development of the country at the junction of the most advanced areas of scientific and technological progress – information and space.

Keywords: *Space Activity, Siberia, M. F. Reshetnev, Scientific School*

Одним из важнейших явлений XX в. принято считать начало освоения околоземного космического пространства, весомый вклад в которое внесли наука и производства СССР и в том числе – Сибири. Хотя история развития мировой космонавтики укладывается в средний возраст современного человека и происходила на глазах трех ныне живущих поколений, в этой новейшей истории уже наблюдается немало белых пятен, что отражается и в нашем краеведении Енисейской Сибири. Для примера рассмотрим особенности становления сибирской научно-производственной школы прикладной космической деятельности, основателем которой стал академик М. Ф. Решетнев, которому в 2024 г. исполнится 100 лет со дня рождения.

Конечно, о Михаиле Федоровиче Решетневе, как академике, можно при желании найти кое-какую информацию в Интернете или энциклопедиях (которые почти никто уже не читает, да и сведения там очень туманны), но даже на официальном сайте АО «РЕШЕТНЕВ» краткая информация о нем находится не сразу, лежит не на виду. А вот о его соратниках, о его научной школе прикладной космической деятельности (уникальной и весьма важной для страны!) информации почти нет.

Рис. 1. Академик М. Ф. Решетнев

Особенности космической деятельности Сибири и вклада в нее решетневцев заключаются в том, что основополагающие решения о создании в Сибири, на берегах Енисея, целого «куста» инновационных производств, а также сопутствующих им научных и образовательных организаций были приняты буквально через год-два после начала «космической эры» (запуска в СССР и в США первых искусственных спутников Земли (ИСЗ)). СССР был в космосе первым, но США почти сразу вырвались вперед по количеству запускаемых ИСЗ и их научном оснащении. В СССР наряду с королевской ракетой-носителем (РН) типа Р-7 (среднего класса) возникла потребность в более легких РН для оперативного запуска малых ИСЗ научно-прикладного назначения, чтобы не отставать в области спутникостроения от США. Такими РН как раз и стали янгелевская конверсионная более легкая РН на базе боевой ракеты типа Р-12 и решетневская более мощная РН на базе боевой ракеты типа Р-14 (решетневская РН оказалась настолько удачной по технико-экономическим характеристикам, что оставалась востребованной, конкурентной и в начале XXI в.).

Энергичные и крупные, долгосрочные решения по развитию космонавтики в СССР принимались на государственном, отраслевых и региональных уровнях (госкомитетах, министерствах, совнархозах) и поддерживались значительными (учитывая сложности послевоенного времени) государственными инвестициями, материальными и кадровыми ресурсами. Однако, какие бы решения ни принимались «наверху», успешность их исполнения «на местах» во многом зависела от личностных качеств тех, кому было доверено исполнение поступающих директив, от того, как умело расходовались значительные, тем не менее ограниченные ресурсы, кадры, средства. В этой связи важно отметить, что Сибири и Красноярску очень повезло, что во главе ракетно-космических дел в Сибири оказался, наряду

с другими крупными личностями, ученик и соратник С. П. Королева – Михаил Федорович Решетнев. Исходя из всей объективной накопленной суммы знаний о космической деятельности в Сибири, можно с полным правом говорить о том, что как С. П. Королев был далеко не единственной, но лидирующей, «локомотивной» фигурой в масштабах всей зарождающейся советской космонавтики, так и в Сибири лидером инновационной спутнико-строительной деятельности стал М. Ф. Решетнев.

В 1959 г., когда Решетнев прибыл в Красноярск как представитель и заместитель С. П. Королева, как начальник филиала королевского ОКБ-1, Михаилу Федоровичу было всего 35 лет. Он сам не мог даже догадываться, что всю оставшуюся половину своей жизни ему доведется прожить здесь в бешеном ритме и работать над решением сложнейших, во многом уникальных научно-технических задач, находясь на острие научно-технического прогресса, работая на стыке самых передовых технологий – космических и информационных. В отличие от большинства других ракетно-космических предприятий, самой удаленной на восток фирме Решетнева приходилось начинать практически с нуля, не имея ни мало-мальски устоявшегося коллектива, ни элементарной научно-производственной базы (помещений, оборудования, оснащения), ни налаженных связей с поставщиками-смежниками. Все нужно было создавать самим, на ходу, в предельно сжатые сроки выхода на конечный практический результат – сначала гиросприборы, ракеты [1], потом и собственные космические аппараты (КА) и комплексы (КК), большие спутниковые системы (включая и орбитальные, и наземные сегменты).

Принципиально важным моментом в становлении «решетневской» стратегии была нацеленность именно на разработку и последующий запуск в серию новых «изделий»: поначалу Королев предполагал только ведение в серии уже готовых собственных разработок (ракет Р-7, Р-9). Директор Красмаша П. А. Сысоев не стремился брать на свое «хозяйство» огромную головную боль по подстраиванию цехов и служб под непрерывно меняющиеся новые образцы продукции. Еще с военных времен он знал, как важно для производственников (технологов, цеховиков и даже снабженцев) иметь стабильность, ритмичность всех процессов, поскольку в этом заключались суть серийного производства и его эффективность. Решетнев же видел потребности заказчиков и страны именно в постоянном обновлении (инновациях), совершенствовании ранее разработанных типов КА и создании принципиально новых, с новыми качествами, с новым составом аппаратуры, нового конструктивного исполнения, все более мощных, более долгодействующих и более функционально сложных.

Красмаш не был предрасположен исполнять роль опытного или даже малосерийного производства относительно малоразмерных изделий с невысокой добавочной стоимостью, а собственный механический завод в Красноярске-26 только обретал законченные формы и первоначально был не вполне технологически оснащенный и мощным, чтобы от опытных образцов КА переходить к сериям. Красмаш, по замыслам Сысоева, изна-

чально был «переразмерен» для инновационных целей, а собственное производство в Красноярске-26 изначально под замыслы Решетнева было «недоразмерено». При этом, весь этот научно-производственный процесс зарождения ракетно-космической индустрии в Сибири шел практически в таком же режиме, как работала промышленность в годы войны, когда эвакуированные на восток предприятия должны были начинать выпуск продукции почти что с колес. Отличие было лишь в том, что бытовые условия для жизни и работы были, конечно, гораздо лучше, но зато и продукция должна была быть такая, которую никто ранее не создавал ни в СССР, ни даже где-либо за рубежом. А сроки и спрос за них подчас были ничуть не легче, чем в годы войны. Тем не менее, коллектив Решетнева был предельно мобилизован на творческую результативность и самоотдачу.

В условиях быстрого, опережающего наращивания спутниковых группировок в США решетневцы с первых лет работы в Сибири вынуждены были проявлять собственную инициативу и браться за такие новые спутниковые заказы, за которые не стремились (считали хлопотными и не престижными) или не могли взяться другие, более маститые фирмы. Сибиряки, увлекаемые Решетневым на высокорисковые нехоженые тропинки космической деятельности, должны были с первых же шагов делом доказывать самим себе и заказчикам, во-первых, свою состоятельность, компетентность и право на существование и развитие, во-вторых, умение работать быстро и безошибочно, без раскочки и расслабления. Решетнев остро осознавал сам и настраивал весь коллектив на то, что они не должны проигрывать в своеобразной негласной спутниковой «гонке» никому, так как за ними, как за пограничниками, за «головниками», стоит вся страна. На фактически непаханом, высокорисковом поле, где никто не гарантировал успех, сибиряки работали «без права на неудачу». На проекты Решетнева работала целая пирамида смежных предприятий и организаций по всему Советскому Союзу, оставаться много лет на вершине этой пирамиды было сложной миссией.

Каждый заказ надо было предельно быстро и максимально эффективно доводить до успеха. Благодаря такому настрою первая сибирская космическая ракета с первыми сибирскими спутниками успешно полетела со спешно приспособленного временного старта, с «несчастливой», разрушенной ранее катастрофой, так называемой «неделинкой площадки» на Байконуре (задолго до готовности специального собственного стартового комплекса на Северном полигоне в Плесецке) – с первой попытки, 18 августа 1964 г. Так 60 лет назад было положено начало сибирской космонавтике. В последующие годы, практически ежегодно, в Сибири рождались новые типы спутников различного состава и назначения и для последующей многолетней работы на разных орбитах в составе глобальных спутниковых систем, непрерывно восполняемых за счет мало- и среднесерийного производства, за счет непрерывно обновляемых изделий, совершенствуемых путем непрерывного внедрения самых передовых научно-

технических разработок [1]. Практически все даже внешне мало отличающиеся «серийные» образцы спутников Решетнева имели на борту принципиально новые доработки и усовершенствования, которые расширяли функции, ресурсные и иные возможности КА, повышали их эффективность на всем жизненном цикле – и при подготовке к запуску, и при выведении на орбиту, и при штатной эксплуатации и даже при выведении из эксплуатации.

Решетневский почерк, стиль работы, складывающиеся под влиянием личностей и коллективного опыта С. П. Королева (Подлипки) и М. К. Янгеля (Днепропетровск), но имеющие особые отличия, проявившиеся еще в малом коллективе в первые годы самостоятельности, были объективно обусловлены теми условиями, в которых приходилось работать: особенная тематика, особые географические условия, новая логистика, новые связи со смежниками-поставщиками, особые экономические условия [2, с. 239–240]. Например, уже при эксплуатации первых штатных спутниковых систем решетневцы осознали всю сложность своей ответственности перед заказчиком за непрерывность, бесперебойность услуг связи. По какой бы причине не происходили сбои и отказы бортовых систем сибирских спутников связи, ответственность перед заказчиками в первую очередь направлялась на головное предприятие и лично главного конструктора Решетнева. Ответственность имела в том числе и вполне реальный финансовый характер: если спутник недорабатывал на орбите хотя бы 1 день до заданного срока службы, головное предприятие подвергалось вполне ощутимым штрафам, и перенести целиком сумму штрафа на то предприятие, которое было виновно за поставленный дефектный прибор или узел, было невозможно. При этом, если же решетневские спутники связи исправно работали сверх заданного заказчиком срока, финансовое поощрение в виде денежных доплат первоначально вообще не предполагалась, а со временем удавалось получать лишь ограниченно и далеко не всегда и сразу. Такая специфика проявлялась именно на КА и КК связи, которые должны были вписываться в экономику наземных традиционных средств связи, в то время как другие КА (пилотируемые, научные, межпланетные и прочие) таких же жестких экономических рамок при работе на орбитах не имели.

С первых сдаваемых в эксплуатацию информационных спутниковых систем команда Решетнева (от проектантов и испытателей до рабочих станочников и эксплуатантов) должна была предельно ответственно и целеустремленно работать на общий конечный результат на каждом отдельном изделии, каждый спутник должен был предельно «чисто», без сбоев отрабатывать заданный срок службы. Это было первой заповедью всего коллектива Решетнева, эту же идеологию школа Решетнева продвигала и на все смежные предприятия и министерства (Минрадиопром, Минпромсредствсвязи, Минэлектронпром и многие другие) [2, с. 245–246]. И, самое главное, эти сроки службы КА, наряду с кратным увеличением сложности изделий, также кратно должны были увеличиваться по мере роста потребностей заказчиков (рынка!): от нескольких месяцев на первых

спутниках до 1–2–3 лет в 1970-х гг., а затем и 5–7–10 и более лет – в последние годы жизни М. Ф. Решетнева. Даже в наземных условиях такой надежности и долговечности в стране в те годы не демонстрировало ни одно другое сложное наукоемкое неремонтируемое промышленное изделие, а спутники Решетнева работали еще и в космическом вакууме, при воздействии космической радиации и космическом разбеге температур на внешней поверхности КА.

Любая научная школа во многом базируется на личностных качествах своего лидера. Сам М. Ф. Решетнев отличался важными «менеджерскими», как сказали бы сейчас, качествами, идущими от коллективистского образа общественных отношений того времени, образования, воспитания, а также и личными свойствами: здоровый, скромный (почти аскетичный) образ жизни, самодисциплина, умение внимательно слушать, воспринимать и критически анализировать разные мнения и точки зрения и своих подчиненных, и профессионалов со стороны. Сочетание творческой инициативы и доверия к подчиненным и смежникам с жестким контролем и требовательностью за результаты в порученном деле – это не пустые для Решетнева, не общие слова. Сказывалась и военная закалка, которую не прошли более молодые ученики, но которую руководитель сумел привить (транслировать) и послевоенному поколению сибирских спутникостроителей – инженеров и ученых [3]. Он никогда не стремился к внешнему наукообразию и славословию, всегда был сдержан, мудр в оценке как проблем, так и успехов своего коллектива, стойко переносил критику и даже несправедливые нападки «сверху» или «сбоку» (от некоторых недобросовестных конкурентов, политиканов), но всегда требовал продолжать торить свой собственный путь и только конкретными, убедительными результатами доказывать свою правоту в принципиальных, научных спорах. Это был фирменный решетневский стиль. Это была хорошо слаженная и красивая командная игра в стиле бразильской сборной по футболу времен Пеле и в духе социалистических принципов: «от каждого по способностям – каждому по заслугам».

Благодаря этому уже к 1980-м гг. под руководством М. Ф. Решетнева и его талантливых ближайших соратников-заместителей (Г. М. Чернявского, А. И. Ушакова, Ю. М. Князькина, К. Г. Смирнова-Васильева, В. И. Халимановича, А. Г. Козлова, Ш. Н. Исляева, А. Е. Митрофанова и других) в коллективе КБ и службах завода сформировался крепкий научно-производственный костяк уникальных специалистов по целому ряду инновационных направлений [4, с. 329–348]. Всех перечислить сложно, наиболее известными руководителями подразделений можно назвать следующих:

– специалисты по общему схемотехническому, баллистическому, техническому проектированию спутников и спутниковых систем (Э. М. Попов, Л. С. Пчеляков, Е. А. Ашурков, В. Ф. Черемисин, В. А. Карнаухов, В. И. Ермоленко, Л. Х. Ярополов, Е. Н. Корчагин, А. В. Ромашко, В. Н. Шилов, В. Н. Арбузов, В. А. Бартенев, В. А. Малышев, А. Н. Никитенко);

– специалисты по конструированию и наземной экспериментальной отработке (испытаниям) механических систем и оригинальных конструкций, поражающих даже своим внешним видом (В. Н. Михайлов, Ю. М. Журавлев, А. В. Томчук, В. С. Дружинин, Ф. Б. Тагиров, Н. А. Ковалев, В. В. Христич, Ф. К. Федосеев, В. А. Тендитный, Л. А. Швалюк, В. К. Меркулов);

– специалисты по всем специфическим для работы на орбитах бортовым системам – ретрансляции (В. Ф. Покидько, А. П. Лашутин, П. Я. Сивирин, А. П. Ярошенко, В. И. Муратов, В. П. Кретов, В. П. Радайкин, В. И. Лавров), антенно-фидерным (А. Г. и Г. М. Козловы, В. В. Рожнов), электропитания (А. Г. Козлов, Г. Д. Эвенов, В. Д. Кудряшов, В. В. Коротких), ориентации (Л. А. Мирошниченко, В. А. Раевский, В. В. Мазанов, Г. П. Титов, В. В. Монахов, А. Ф. Глазунов), терморегулирования (О. В. Загар, О. Г. Александров), двигательным (Ю. К. Исаичев, Н. Н. Чернобаев, А. С. Бобер, Ю. М. Ермошкин);

– специалисты по бортовым и наземным комплексам и приборам обработки информации и управления КА, КК (Е. И. Апросимов, В. С. Бушуев, Г. М. Купфер, Г. Н. Писарев, В. Г. Жилочкин, В. Л. Гольдин, П. К. Трутнев, Р. А. Нестеров, А. А. Ковель, Г. Л. Назаров, Е. Н. Крутских);

– специалисты по агрегатам и устройствам исполнительной автоматики (В. В. Курилов, Е. Н. Головенкин, В. П. Рузанов, Э. М. Ямашев, В. В. Двирный);

– специалисты по технологиям электрохимии, металлообработки, сварки, пайки, монтажа, всех видах измерений, производственного неразрушающего и разрушающего контроля, электроиспытаний, сборки (Г. И. Григоров, О. Г. Чуканов, А. В. Сергеев, О. Н. Кудрин);

– специалисты по наземной и натурной эксплуатации РКТ, управлению спутниковыми группировками на всех орбитах (В. И. Каюков, Б. А. Николаев, А. В. Юдин, В. Д. Анисимов, Э. Б. Квеско, В. П. Ганженко, Н. А. Гуреев, Г. П. Краснощеков, А. А. Чернов, В. Н. Лапушкин, В. В. Карнаруков).

Обращаясь к итогам развития научной школы академика М. Ф. Решетнева, нельзя не отметить особый, никем пока не превзойденный вклад сибиряков в беспрецедентный разворот ракетных и космических проектов от военного противостояния с Западом в сторону мирных инфокоммуникационных проектов, направленных на создание единого общемирового информационного пространства, устранение цифровых разрывов между народами и регионами, развитие экономики знаний.

В год 100-летия со дня рождения академика М. Ф. Решетнева наследие его научной школы сохраняется и развивается его учениками и последователями – в рамках всего комплекса НИОКР, выполняемых под эгидой АО «РЕШЕТНЕВ», Технологической платформы «НИСС», сотрудничества с СО РАН и ФИЦ «КНЦ СО РАН», научно-образовательного инновационного консорциума «Созвездие Роскосмоса» и других формах.

Список источников

1. Гуров Б. Н. Привилегия работы в оборонной промышленности. Автобиографические заметки. Издание 3-е, дополненное / Б. Н. Гуров. М: Рестарт, 2008. 176 с.
2. Космическая связь, телевидение, навигация и геодезия. История сибирского ракетно- и спутникостроения /?. Красноярск: ООО «Издательство Поликор», 2024. 740 с.
3. Академик Михаил Федорович Решетнев / А. Г. Козлов и др. Железногорск :Бона Компани, 2006. 302 с.
4. Страницы истории радиотехники в Красноярском крае/ Федеральное агентство по образованию, Краснояр. гос. техн. ун-т. Красноярск: КГТУ, 2006. 404 с.

Ю. Д. Меньшиков¹, А. К. Рожкова²

¹Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия;

²Байкальский государственный университет
Иркутск, Россия

ПЬЕР ВИДАЛЬ-НАКЭ И «ПАРИЖСКАЯ ШКОЛА»: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В АНТИКОВЕДЕНИИ

Аннотация. В статье исследуется деятельность так называемой «Парижской школы» антиковедения, проводится анализ основных произведений ее ярких представителей: Пьера Видаль-Накэ, Жан-Пьера Вернана, Николь Лоро. Рассматривается влияние основных методологических и теоретических концепций середины XX в. на работы французского историка П. Видаль-Накэ, детально интерпретирован принцип бинаризма, являющийся детерминантным основанием его очерков из сборника «Черный охотник». Оценивается вклад «Парижской школы» в мировое антиковедение.

Ключевые слова: Пьер Видаль-Накэ, французское антиковедение, «Парижская школа», структурализм, бинаризм

Abstract. The article examines the activities of the so-called «Paris School» of classical studies and analyzes the main works of its representatives: Pierre Vidal-Naquet, Jean-Pierre Vernant, Nicole Loro. The influence of the main methodological and theoretical concepts of the mid-20th century is considered. based on the works of the French historian P. Vidal-Naquet, the principle of binarism, which is the determinant basis of his essays from the collection «The Black Hunter», is interpreted in detail. The contribution of the «Paris School» to world classical studies is assessed.

Keywords: Pierre Vidal-Naquet, French antiquity, the «Paris School», structuralism, binarism

«Любая социальная организация – зашифрованный язык, который надо уметь дешифровать, любой язык – мышление, в конечном счете предполагающее упорядоченную картину мира, вот почему тотемистическая система в интеллектуальном плане не уступает самой продуманной философской системе, самой развитой греческой космологии» [1, с. 270] – такими словами открывает один из своих очерков, посвященных полису, как социокультурному явлению, выдающийся французский историк-структуралист, общественный деятель и публицист Пьер Видаль-Накэ, стоявший на стыке двух интереснейших направлений научной мысли середины XX в. – структурального подхода в истории и в антропологии.

Исторический структурализм, «отцом-основателем» которого традиционно принято считать Фернана Броделя, «оказался одним из самых актуальных, универсальных и одновременно влиятельных исследовательских методов в послевоенное время» [2], совместив основные методологические принципы «Новой исторической науки» М. Блока и Л. Февра с «тоталь-

ным» подходом к исследованию истории. Другим выдающимся исследователем, теории которого оказали значительное влияние на работы П. Видаля-Накэ, являлся французский антрополог, этнограф и философ Клод Леви-Стросс. Ему принадлежит идея введения структурального метода в этнографические исследования. Леви-Стросс полагал, что «в основе всех человеческих культурных практик лежат общие повторяющиеся структуры и понять отдельные детали возможно только через описание их места в общей системе» [3, с. 83]. Данный постулат актуализировал оживленную полемику с другими исследователями, в т. ч. и с Ф. Броделем.

Впоследствии эта дискуссия была охарактеризована исследователями как «структуралистский вызов» [4, с. 114]. Безусловно, вклад, внесенный структурализмом в развитие эпистемологии научного знания огромен. Впрочем, сегодня можно говорить о нем лишь как об этапе такого развития. На смену «структуралистскому вызову» пришли постмодернистский и лингвистический повороты, которые коренным образом изменили характер дискуссии и некоторым образом даже «обратили ее вспять», к рассуждениям о языковой тюрьме, смерти субъекта и «научном солипсизме».

Не в последнюю очередь структурализм и антропологизм, как теоретико-методологические практики, вероятно, приобрели свое значение в связи с политической конъюнктурой эпохи. Стремление найти твердую почву, преодолеть хаос повседневности и утратить те травмы, что были нанесены обществу и науке чудовищными конфликтами XX в., породило крайне интересные концепции, которые нашли свое отражение во многих областях научного знания – от лингвистики до антропологии.

Структуральной традиции в большинстве своих работ, в т. ч. в своем *opus magnum* – «Черном охотнике» придерживался и Пьер Видаль-Накэ, представитель т. н. «Парижской школы» антиковедения, к которой также причисляют таких видных французских историков как Жан-Пьера Вернана, Николь Лоро и Марселя Детьена.

Трудно переоценить то влияние, которое оказали «парижане» на развитие структуральной концепции как во всей исторической науке, так и в антиковедении в частности – их труды продолжают переводиться на различные европейские (и не только) языки и переиздаются масштабными тиражами.

Впрочем, несколько удивительным кажется тот факт, что, несмотря на всемирную известность французских историков и их исследований, в отечественной историографии до сих пор не представлено подробных и обстоятельных работ, посвященных обзору теоретико-методологической базы, на которой построены их труды, а также самого феномена французского антиковедения. Именно поэтому авторы и сочли нужным дать краткий обзор деятельности «Парижской школы», рассмотреть те элементы, которые объединяют работы ее представителей, наконец, детальнее проследить те идеи и установки, которые содержатся в трудах Пьера Видаля-Накэ, с именем которого неразрывно связана данная научная школа.

Для того, чтобы говорить о теоретических и методологических основах, на которых построены труды историков «Парижской школы», прежде всего необходимо рассмотреть такую эпистемологическую концепцию как бинаризм.

Бинаризм, как следует из самого названия, утверждает, что структура бинарных оппозиций (добро – зло, свой – чужой, сырое – вареное и т. д.) является одной из важнейших характеристик человеческого разума, инструментом, позволяющим не только упорядочить знания об окружающем мире, но и конституировать в нем собственное местоположение. Окончательное оформление концепции бинаризма неразрывно связано с именами двух выдающихся ученых и мыслителей XX в. – Р. О. Якобсона и К. Леви-Стросса. На работы последнего, в которых бинаризм объявляется одним из важнейших элементов инструментария антропологов и этнологов, явно или неявно опирались французские структуралисты 60–70-х гг., но наиболее яркое отражение данная теория нашла именно в трудах ученых «Парижской школы».

Традиционно отцом-основателем и идейным вдохновителем «Парижской школы» считается знаменитый исследователь Античности Жан-Пьер Вернан, в сотрудничестве с которым долгие годы работал П. Видаль-Накэ. Надо сказать, что далеко не все исследователи согласны с выделением отдельной школы – при посредничестве Ж.-П. Вернана и его научных коллег структуральная традиция была перенесена на американскую почву, где в дальнейшем бурно развивалась, поэтому если и есть какая-то внутренняя логика в группировке ученых «Парижской школы», исключая их географическое местоположение, так это склонность исследователей к постоянному размышлению о том, как греческая традиция взаимодействует с историчностью в целом [5], что неоднократно отмечалось американскими антиковедами.

Безусловно, начать рассмотрение идей парижских структуралистов необходимо именно с трудов Ж.-П. Вернана как с «отца» французского антиковедческого структурализма. Авторы ограничатся разбором лишь одной из его многочисленных работ, в которой наиболее рельефно отражены особенности структурального подхода, о которых упоминалось выше.

Труд французского историка «Происхождение греческой мысли», перевод которого был выполнен на русский язык в 1988 г. – спустя более 20 лет после первого издания, посвящен рассмотрению необычайно важного и трудного вопроса о генезисе того особого «рационализма», который был присущ греческой культуре и философской мысли, начиная с архаической эпохи.

Исследователь рисует панорамную картину развития греческого мышления – от мифологического, присущего всем ранним индоевропейским обществам, к тому совершенно уникальному образу мысли, который был «изобретен» ионийскими философами VI в. до н. э. «Греческое чудо», о котором большинство исследователей эпохи позитивизма (не говоря уже о более ранних антиковедческих традициях) либо говорило как о некоем

«общем месте», либо старательно обходило рассмотрение вопроса о его происхождении стороной, по Вернану, представляет собой результат смешения реалистического характера идеи космического порядка, основанного на законе уравновешенного соотношения между конститутивными элементами мира и геометрической интерпретации реальности, появление которой, в свою очередь, непосредственно связано с возникновением полиса как идеальной социальной модели.

Вернан в своей работе также широко привлекает концепцию бинаризма, с помощью которой прослеживает становление греческого мышления и философии в контексте противоборства мифа и логоса, полиса (как социальной системы) и монархии Крито-Микенской эпохи, наконец, противоборства космоса и хаоса, которое пронизывает всю греческую культуру. Согласно мнению исследователя, уникальность цивилизации Древней Греции заключается в невероятно высоком и продвинутом уровне ее саморефлексии, отражением которой стал театр – феномен, изобретение которого принадлежит именно древним эллинам.

Итак, путь, который проходит греческая мысль – это путь от мифа к натурфилософии, от жесткой иерархичности общества (присущей обществам Древнего Востока, многие заимствования у которых можно проследить и в Крито-Микенской цивилизации) к социальной изометрии, от монархии к полису, от правового обычая и произвола власть предержащих к *pómos*.

Решающую роль французский историк отводит оппозиции «полис – не-полис», под вторым элементом которой может подразумеваться любая другая известная эллинам форма государственного устройства – от монархии до первобытно-общинного строя, в противопоставлении которым полис самоидентифицировал себя и находил свое место в мире. «Греческий разум был устремлен на воспитание, совершенствование и образование людей, а не на преобразование природы. Во всех своих достоинствах и недостатках он – дитя полиса» [6, с. 159] – таков ключевой посыл работы французского историка.

С указанным суждением можно спорить, но в одном с исследователем можно согласиться вполне – переход к рационализму греческой мысли, к его великолепной геометричности проходил в ожесточенной борьбе с атавизмами первобытнообщинного мышления. Отсюда огромное количество сект, мистических учений (орфизм, дионисийство) и разного рода контркультурных явлений социальной жизни (наиболее яркое из тех, что подчеркивает Ж.-П. Вернан – учение киников, противопоставляющее себя традиционным ценностям общества Эллады классического периода), которые можно встретить на протяжении всей истории Древней Греции.

Подобные же идеи можно проследить и у другой представительницы «Парижской школы», ученицы П. Видаль-Накэ и Ж.-П. Вернана Николь Лоро. Ее фундаментальный труд «Разделенный город» посвящен исследованию феномена забвения как сознательного политического акта, направленного на достижение единства полиса. Основной же концепцией, в рам-

ках которой исследовательница строит довольно масштабные логические конструкции, также является бинаризм, однако теперь первостепенной оппозицией является «мыслимое/немыслимое» в политическом контексте.

Именно стремление описать диалектику двух частей полисной демократии – открытой и явной, выражаемой политическими ритуалами и социальными институтами, и имманентно присущей, но скрываемой, под которой подразумевается вечная угроза, *stásis*, гражданской войны, общественного несогласия, являющегося своеобразным «пусковым механизмом» для всякого политического полисного явления, дает исследовательнице возможность порассуждать на тему ментальности древних эллинов, в которой забвение политического имело статус важнейшего инструмента, без которого невозможно функционирование полиса как такового [7, с. 32].

Во всем этом Н. Лоро помогают многочисленные методологические заимствования из самых разных областей научного знания – от кропотливого лингвистического и текстологического анализа до фрейдистского психоаналитического дискурса (приводящего Н. Лоро к крайне любопытным выводам, вроде того, что *stásis* неосознанно сопоставлялась греками с «аллелофагией и инцестом» [7, с. 29]. Хотелось бы также обратить внимание на то, как сама Н. Лоро подчеркивает двойственность положения современных ей антиковедов – «в то время как антрополог несет ущерб от того, что упускает событие, нет такого события, которое историк мог бы трактовать само по себе, не соотнося его с медленной темпоральностью сетей значения, придающих ему смысл. Вероятно, это уже решенные проблемы для историков других «периодов», чьим предметом не является Греция, а значит, они не должны изо дня в день бороться с тяжелым грузом классицизма» [7, с. 32]. Здесь Н. Лоро подчеркивает важнейшую проблему – особое положение «Парижской школы», находящейся на стыке двух вех антиковедения – классического, обращенного преимущественно к событийной истории, истории великих имен и свершений и структурального, целью которого является рассмотрение медленной темпоральности исторического развития античного мира.

Как авторы попытались показать выше, концепция бинаризма, кажется, идеально подходит для любых антиковедческих исследований, особенно связанных с историей Древней Греции. «Цивилизация политического слова» [1, с. 31], как ее характеризовал Видаль-Накэ, цивилизация, сформировавшаяся на обломках еще более древней культуры, сумевшая вынести из катаклизмов и перипетий своей ранней истории склонность к саморефлексии и создать совершенно уникальный социальный, культурный и политический феномен Древнего мира – полис, является историческим полем, самостоятельно (*sic!*) осуществляющим «собственную префигурацию» [8, с. 401] для исследователя.

Именно с формирования полиса Ж.-П. Вернан отсчитывал начало «греческого мышления», которое впоследствии даст миру одну из величайших натурфилософских систем, множество мудрецов и политиков, ту

самую «классическую культуру», которая станет недостижимым идеалом эпохи Возрождения. Бинаризм превосходно позволяет проследить множество других сторон ментальности древних эллинов, даже те, которые существенно предавались забвению в трудах античных авторов и жителей полиса, что в своем масштабном исследовании «Разделенный город». Забвение в памяти Афин» попыталась сделать Н. Лоро, изучавшая полисный мир через призму психоанализа и структурального подхода к истории ментальностей.

Как некогда выразился французский историк Франсуа Артог, «Парижская школа» «сделала решительный шаг к тому, чтобы деконструировать греческое чудо и заостренный «классицизм» античной истории, к тому, чтобы увидеть позади Аполлона и Гермеса Диониса» [7, с. 35], разрушив ореол рациональности греческого мышления, явив миру «экзотических греков», стоящих на стыке мифа и логоса. И в этом, как видится авторам, заключается ее непреходящее значение для мирового антиковедения.

Начать рассмотрение трудов члена «Парижской школы» П. Видаль-Накэ хотелось бы с названия сборника его работ, в который были включены наиболее важные статьи и очерки историка (издан на русском языке в 2001 г.). «Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире» – подзаголовок сборника уже артикулирует сущностный подход, которого придерживаются авторы, – стремление рассмотреть ментальность древних греков в ее взаимосвязи с политическими и социальными институтами Древней Эллады. Об этом говорит и сам исследователь – «Моя цель [...] – отыскать признаки полярности уже не в мышлении, находящем свое выражение в форме текстов, а в социальных институтах» [1, с. 144].

Черный охотник – герой центрального очерка – стоит на грани двух миров: мира эфеба, мира дикости и мира гоплита, мира полиса, который является прямой антитезой дикости и варварства. Подобным же образом – на грани двух миров – воображаемого и реального строятся исследования П. Видаль-Накэ. Впрочем, в качестве пролегомена к непосредственному рассмотрению его научных трудов, безусловно, должен выступить краткий очерк его удивительной биографии – биографии человека, вступившего в «рукопашную схватку» с двадцатым веком – «эрой тираний» и «веком крайностей» [1, с. 7].

Пьер Видаль-Накэ родился в 1930 году в Париже и являлся выходцем из еврейской семьи. Первое серьезнейшее испытание на непростом жизненном пути французского ученого возникло уже через десять лет, когда территория Франции была оккупирована войсками нацистской Германии. Вслед за оккупацией и подписанием перемирия между Францией и Германией маршалом Петеном, после установления коллаборационистского вишистского режима возникло масштабное движение Сопротивления, участниками которого являлись и родители будущего историка. В мае 1944 г. всего за несколько месяцев до снятия оккупации трагически оборвалась судьба родителей П. Видаль-Накэ – они были арестованы гестапо,

доставлены в Дранси, затем их перевезли в Освенцим, где они впоследствии и погибли. О том, что его родителям не суждено вернуться домой мальчик узнал только в начале 1945 г. Надо сказать, что война коренным образом изменила жизни многих французских ученых – так в июне того же 1944 г. офицерами гестапо был расстрелян один из величайших медиевистов XX в., как и родители П. Видаль-Накэ участвовавший в движении Сопротивления – Марк Блок, один из основателей «школы Анналов».

Видаль-Накэ окончил колледж Карно в Париже, затем изучал историю в университетах Кана и Лилля. Первой книгой молодого исследователя стало документальное исследование, посвященное истории французского математика Мориса Одэна, выступившего против войны Франции против Алжира 1954–1962 гг., впоследствии арестованного и погибшего в полицейских застенках. Надо ли говорить о том, что выбор темы был в большей части продиктован личной позицией исследователя, наряду с Жаном-Полем Сартром ставшим автором Манифеста 121, призывавшего к кампании гражданского неповиновения против войны. Впоследствии о событиях в Алжире Видаль-Накэ напишет 4 книги, в которых наиболее полно обоснует свою антивоенную позицию, а также продолжит шлифовать свой талант писателя и историка. П. Видаль-Накэ будет оставаться глубоко неравнодушным и к множеству других социальных потрясений и военных конфликтов своей эпохи – от войны США во Вьетнаме до распада СССР и Югославии, на все историк стремился откликнуться публицистическими статьями и научными исследованиями. 8 февраля 1971 г. Видаль-Накэ вместе с Мишелем Фуко и Жаном-Мари Доменаком основал одно из первых новых социальных движений во Франции – «Группу информации о тюрьмах» для борьбы за права заключенных.

В 1960 г. состоялось знакомство П. Видаль-Накэ и Ж.-П. Вернана, которое станет одним из главных поворотных событий в личной и академической жизни первого – в сотрудничестве с основателем «Парижской школы» они напишут множество статей и монографий, внесут неоценимый вклад в развитие французского и мирового антиковедения. В 60-е гг. Видаль-Накэ увлекся структурализмом и особенно его логическим методом: мыслить «парами оппозиций», что является одним из ключевых аналитических приемов «Черного охотника». Тем не менее, ученый никогда не считал себя поклонником и последователем К. Леви-Стросса и Ф. Броделя. Структурный анализ для него всегда был скорее инструментом, нежели самоцелью. Следует, впрочем, заметить, что Видаль-Накэ, наравне с такими выдающимися антиковедами как Л. Жерне, Ж.-П. Вернан, К. Поланьи, Э. Доддс и М. Финли внес совершенно неоценимый вклад в «избавление» антиковедения от оков классицизма и позитивизма, господствовавших на Западе вплоть до середины XX столетия. Свидетельство тому – огромное количество научных публикаций, многие из которых впоследствии были признаны классическими и вошли в золотой фонд мировой науки об Античности.

По словам П. Видаль-Накэ, его работа и жизнь оказались подчиненными закону раздвоения. Всем своим творчеством он стремился показать, что «в истории, в отличие от политики, не может быть вопросов, требующих однозначного ответа» [1, с. 15]. Быть может причиной тому являются перипетии его личной судьбы, стремление отыскать в прошлом панацею от многочисленных «болезней» современности. В итоге же, главной бинарной оппозицией для П. Видаль-Накэ станет именно оппозиция «Античность–Современность». Ученый всегда очень чутко реагировал на многочисленные политические катаклизмы второй половины XX в., всегда стремился дать объективную оценку тому или иному явлению, быть правдивым и не останавливаться в поиске истины. Видаль-Накэ пытался найти точки соприкосновения двух совершенно различных внешне эпох, вероятно, не будет излишне смелым также и утверждение о том, что Античность помогала ему упорядочить хаос окружающей действительности, в этой эпохе он черпал силы и энергию для выстраивания своего личного космоса.

Равно как и другой мэтр французской исторической науки – Жак Ле Гофф (последний произвел данную процедуру в отношении эпохи Средних веков), Видаль-Накэ выделяет несколько хронотопов, в качестве магистральных выделяя «время богов» и «время людей». Перед нами одна из самых интересных бинарных оппозиций, рефлексию над которой можно проследить уже у двух величайших греческих авторов ранней архаической эпохи – Гомера и Гесиода. Исследуя «Теогонию», Видаль-Накэ приходит к следующему интереснейшему выводу – человек в литературном и философском дискурсе Древней Греции определяется как «эфемерный» не потому, что его жизнь коротка, а потому, что «его участь связана со временем» [1, с. 74].

Линейность (и направленность) человеческого времени противопоставляется бесконечности времени богов, которое функционирует по совершенно иным законам. Так, с помощью иррациональной (не умопостигаемой) по своей сути дихотомии греческие мыслители получили возможность строить различные концепции и модели общечеловеческого развития, рассуждать о смысле жизни и человеческом предназначении. И если поначалу подобные модели были преимущественно пессимистическими, к примеру, у Гесиода сущность людей железного века состоит в том, чтобы существовать во времени, проводя свою жизнь в тяжком труде и ожидая, пока боги полностью покинут человечество, то со временем модели исторического процесса стали куда более разнообразными и приобрели новые краски и смыслы.

Последняя оппозиция, которая будет рассмотрена в данной статье является, в общем-то далеко не самой важной, скрытой от глаз неопытного наблюдателя. Однако посредством этой модели удастся раскрыть совершенно удивительные структурные связи цивилизации Древней Греции со многими иными культурами, показать ту самую «Грецию без чудес». Речь идет о противопоставлении эфеба гоплиту. Сложно говорить о том, когда в греческом мире впервые возник такой социальный институт как

эфебия. Впрочем, с определенной долей вероятности можно судить о том, что она уходит своими корнями в обряды инициации, присущие всем первобытным обществам.

Древние практики подготовки юношей к их будущей роли полноправных членов общины впоследствии трансформировались в более упорядоченную систему, которая с определенного момента начала обладать и мифологемами, объясняющими ее происхождение (этиологическими мифами). Так, на свет появляются два героя – Мелантий, афинский герой, при помощи хитрости убивший царя беотийцев Ксанфа в ходе конфликта, протекавшего на границе двух территорий и Меланий, юноша, сбежавший в горы, чтобы не жениться и так никогда и не вернувшийся домой. О последнем упоминается в комедии Аристофана «Лисистрата». По Видаль-Накэ, Меланий, охотящийся на зайцев с помощью силков, живущий в горах – мире пограничья – представляет собой образ эфеба, который так и не смог окончательно пройти обряд инициации, застрял на границе двух социальных статусов и двух вех своей жизни. Перед нами маргинальный персонаж, который олицетворял страх перед неспособностью юноши благополучно завершить обряд эфебии (причем следует понимать, что, вероятнее всего, «в Афинах государственная эфебия, включавшая юношей от 18 до 20 лет, стала отличаться от эфебии во фратриях, куда входили 16–18-летние» [1, с. 355]). «Черный охотник» или эфеб является полной противоположностью гражданина и гоплита – первый является легковооруженным воином, служащим на границе полисного мира, совершающим многочисленные индивидуальные подвиги, занимающимся ночной охотой с применением многочисленных хитростей и уловок, силков, капканов, и других ловушек.

В Спарте же аналогом эфебии являлись криптии, правда целью «охоты» для эфебов являлись уже не животные, но илоты. Напротив мы видим совершенно противоположный образ жизни – гоплит, являющийся частью гражданского коллектива, целиком и полностью в этот коллектив интегрирован, в нем остается мало места для индивидуальной доблести. Гоплит – тяжеловооруженный пехотинец, «кирпич» из которых построено нерушимое здание фаланги, сражающийся при свете дня плечом к плечу со своими собратьями. Кроме того, многие тексты «противопоставляют охоту взрослых, в которой используются не силки, а рогатина, дневную, часто коллективную охоту, в которой проявляется гоплитский дух, охоте подростков, ночной, черной, использовавшей главным образом силки» [1, с. 150].

Итак, в архаической и классической Греции эфеб – это пред-гоплит и, тем самым, благодаря символической драматизации, сопровождающей переход от детства к зрелости, к возрасту войны и брака и выражающейся как в мифе, так и в ритуале (черная хламида и принесение в жертву волос на празднике «возвращения» в месяц пианепсий), эфеб превращается в полную противоположность гоплита, в его полную инверсию, что выражено целым рядом бинарных оппозиций, интегрированных в центральную

дихотомию. Данный метод от противопоставления двух видов воинской службы привел к рассуждению об обрядах инициации в греческом мире и о противопоставлении двух возрастных категорий – «дикой» и звериной молодости и цивилизованной зрелости, когда юноша становится полноправным членом гражданского коллектива.

«Именно в греческой истории следует искать основные причины, объясняющие добровольный отход от мифа, переход от бессознательно организующих («логических» в понимании Леви-Стросса) структур к целенаправленным попыткам описать вселенную (мышление ионийских и италийских «натурфилософов») и человеческое общество (историческое мышление Геродота или – еще в большей степени – Фукидида)» [1, с. 273–274] – подчеркивает П. Видаль-Накэ. Действительно, несмотря ни на что, цивилизация Древней Греции представляет собой совершенно уникальное явление. Другой вопрос в том, что и сами исследователи постоянно «конструируют» объекты своих научных интересов.

Являлось ли прошлое когда-либо неким статичным объектом? Совершенно точно можно констатировать тот факт, что Античность 200 или даже 100 лет назад была совершенно иной по отношению к той Античности, которую историки изучают сегодня. С глаз исследователей спала пелена «греческого чуда», структурный подход позволил поместить его в общий контекст человеческой истории, понять его предпосылки и становление. Не лишним будет сказать, что если раньше, еще с эпохи Ренессанса, Античность всеми силами пытались приблизить к современности, найти в ней основу всякого социального или культурного явления, то «последние сто лет классических исследований закончились скорее удалением от нас Греции, чем ее приближением» [1, с. 272].

В чем же все-таки заключается ценность работ историков «Парижской школы»? Авторы полагают, что они смогли «вдохнуть новую жизнь» в науку об Античности, сумели заставить эту эпоху говорить с исследователями на совершенно ином языке и сами осуществляли совершенно новое ее конструирование. И хотя в наши дни под сомнение поставлен сам факт научности истории, авторам хочется верить в то, что подобный кризис, наряду с дроблением исторической науки на мелкие части будет непременно преодолен. Не в последнюю очередь благодаря тому, что существуют такие важные для каждого, кто стремится постичь, а не разрушить истину, сочинения, которые говорят о вечных ценностях, о динамике и статике мирового исторического процесса, о тех великих цивилизациях, что внесли свой вклад в развитие всего человечества. «Парижская школа» – ярчайший пример того, как прошлое ведет диалог с настоящим. Диалог изумительной красоты и глубины содержания.

Список источников

1. Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / пер. с фр.; под ред. С. Карпюка. М.: Ладомир, 2001. 419 с.

2. Руднев Ю. В. Возникновение идеи «новой истории» в текстах Люсьена Февра и Фернана Броделя // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 9–17. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20532 (дата обращения 11.04.2024).

3. Копалова А. А. Ф. Бродель и К. Леви-Стросс: структуралистский вызов // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 6-6(62). С. 82–84.

4. Трубникова Н. В. Французская историческая школа «Анналов». М.: Квадрига, 2016. 336 с.

5. Stocking C. H. The «Paris School» and the «Structuralist Invasion» in North America // Cahiers «Mondes anciens» // OpenEdition Journals. URL: <http://journals.openedition.org/mondesanciens/2739> (дата обращения 12.04.2024).

6. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. 224 с.

7. Лоро Н. Разделенный город. Забвение в памяти Афин / пер. с фр. С. Ермакова. М.: «НЛО», 2017. 188 с.

8. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. / пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 528 с.

Т. А. Сокерин
ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН»
Сыктывкар, Россия

НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО АКАДЕМИКА Р. М. АЛЕКСАХИНА С РАДИОЭКОЛОГАМИ КОМИ НЦ УРО РАН (1966–2014 ГГ.)

Аннотация. Статья посвящена научной деятельности радиоэколога Р. М. Алексахина, связанной с развитием исследований радиоэкологов Коми научного центра УрО РАН. На основании архивных источников были проанализированы их научные контакты. Определены направления деятельности Р. М. Алексахина, которые способствовали развитию радиоэкологических исследований в Коми НЦ УрО РАН.

Ключевые слова: история науки, радиоэкология, региональная наука, Коми научный центр УрО РАН, Р. М. Алексахин

Abstract. The article describes the scientific activity of radioecologist R. M. Aleksakhin, related to the development of research of radioecologists of the Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Based on archival sources, their scientific contacts were analyzed. The author determines the directions of R. M. Aleksakhin's activity, which contributed to the development of radioecological research in the Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: history of science, radioecology, regional science, Komi Science Centre UrB RAS, R. M. Aleksakhin

Крупнейшими научными центрами в СССР являлись Москва, Ленинград, и наукограды Московской и Ленинградской областей. В этих городах была сконцентрирована значительная часть научно-исследовательских учреждений Советского Союза, что стало причиной дисбаланса в развитии исследований научных институтов в «центре» и «периферии». Региональная научная политика государства в 1950-е гг. была направлена на создание научных центров на недостаточно освоенных территориях. Их руководство столкнулось с проблемой отсутствия достаточного количества опытных исследователей. Одним из способов решения этой проблемы стало участие ученых научных учреждений Москвы и Ленинграда в деятельности научных центров, расположенных в регионах. Изучение опыта взаимодействия между ними, которое позволяет определить, какие направления деятельности региональных ученых испытали влияние в определенной научной области, представляется актуальным. Использование неопубликованных документов Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН позволяет выявить, как региональная научная политика была реализована на примере развития радиоэкологических исследований.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. происходило становление радиоэкологии как научной дисциплины. В это время начал свою исследова-

тельную деятельность радиоэколог, академик РАН Рудольф Михайлович Алексахин. С 1975 по 2018 гг. он работал во Всероссийском научно-исследовательском институте радиологии и агроэкологии (г. Обнинск), в 1989–2015 гг. он являлся его директором. Научная деятельность Р. М. Алексахина была известна на международном и всероссийском уровне. Он исследовал различные аспекты лесной и сельскохозяйственной радиоэкологии, радиоэкологии почв, проблему захоронения радиоактивных отходов, влияние малых доз радиации на живые организмы. Р. М. Алексахин представлял Советский Союз в различных международных организациях – Научный комитет ООН по действию атомной радиации, Международное агентство по атомной энергии, Международная комиссия по радиационной защите, Международный союз радиоэкологов [1, с. 35].

21 сентября 1959 г. в Коми филиале Академии наук СССР была создана лаборатория радиобиологии [2, л. 164]. Научные сотрудники лаборатории испытывали затруднения, связанные с организацией и проведением полевых и лабораторных исследований. Рудольф Михайлович был одним из специалистов, которые оказали им существенную научную, методическую и организационную помощь [3, с. 7].

Р. М. Алексахин являлся опытным ученым, который имел многочисленные научные контакты. Он был координатором исследований миграции тяжелых естественных радионуклидов и действия повышенного радиационного фона на популяции растений и животных в среде их обитания в Коми АССР [4, с. 76]. По мнению Рудольфа Михайловича, республика являлась «полигоном классических работ в области радиоэкологии по изучению миграции тяжелых естественных радионуклидов по трофическим цепочкам и действия повышенного фона ионизирующих излучений на биоту в среде ее обитания» [5, с. 43]. Одной из задач многолетних исследований радиоэкологов Коми филиала АН СССР была разработка методов, которые позволили бы проводить радиоэкологические исследования на техногенных участках. А. И. Таскаев и Р. М. Алексахин разработали картографо-статистический метод, сформированный на стыке картографирования и математико-статистических методов [6]. Его преимуществом была унификация «сбора первичных материалов хранения, передачи и обработки информации, создающая возможность использования вычислительной техники». Этот метод использовался в научных работах радиоэкологов Коми филиала АН СССР [7, л. 85–86].

Проблемы миграции радионуклидов и влияния радиации на популяции живых организмов были в центре внимания на научных мероприятиях, посвященных радиоэкологии. 25–29 апреля 1966 г. в Стокгольме был проведен симпозиум «Процессы радиоэкологической концентрации». В нем приняли участие Р. М. Алексахин и первый заведующий отделом радиобиологии Коми филиала Академии наук СССР В. И. Маслов [8, с. 367]. Участие в этом симпозиуме стало для них важным шагом на пути к меж-

дународной известности их исследований и зарождению контактов Р. М. Алексахина с радиоэкологами Коми филиала АН СССР.

Несколько научных мероприятий в области радиоэкологии состоялись в Сыктывкаре, который становился одним из центров радиационно-экологических исследований. 12–17 сентября 1967 г. Институт биологии Коми филиала АН СССР совместно с Научным советом АН СССР по проблемам радиобиологии провел Всесоюзный симпозиум «Методы радиобиологических исследований» [9, л. 12, 195]. 4–6 сентября 1973 года Институт биологии Коми филиала АН СССР и Научный совет АН СССР по проблемам радиобиологии организовали симпозиум «Теоретические и практические аспекты действия малых доз ионизирующей радиации». Р. М. Алексахин подчеркивал, что это научное мероприятие «позволило наметить основные направления дальнейших исследований и способствовало их лучшей координации» [10, с. 87]. Заведующий отделом радиоэкологии Института биологии Коми филиала АН СССР А. И. Таскаев поддерживал с Рудольфом Михайловичем тесные научные контакты [11, л. 1–2]. 24–26 мая 1983 г. в Сыктывкаре при Институте биологии состоялось выездное заседание пленума Научного совета АН СССР по проблемам радиобиологии. Одной из его задач была «поддержка и интенсификация радиоэкологических и радиобиологических исследований в Коми АССР» [12, л. 37/об.]. Институт биологии Коми научного центра УрО РАН подтвердил способность организовывать научные мероприятия в области радиоэкологии. Четыре раза в Сыктывкаре он являлся организатором конференций, на которых российские и зарубежные ученые подводили итоги исследований в области биологических эффектов малых доз ионизирующей радиации и радиоактивного загрязнения среды («БИОРАД-2001», «БИОРАД-2006», «БИОРАД-2009», «БИОРАД-2014»). Эти научные мероприятия позволили укрепить научные связи между радиоэкологами, которые обменивались исследовательским опытом. Результаты научной деятельности Р. М. Алексахина, опубликованные в сборниках конференций и симпозиумов, представляют интерес для молодых радиоэкологов.

Р. М. Алексахин принимал активное участие в подготовке радиоэкологов для научных учреждений России. 46 учеников Рудольфа Михайловича получили ученые степени: 27 кандидатов наук и 19 докторов наук [13]. Он являлся научным руководителем трех радиоэкологов Института биологии Коми филиала АН СССР – И. Г. Кочана («Закономерности накопления радионуклидов из глобальных выпадений в травостое естественных и сеяных лугов таежной зоны (на примере ^{90}Sr и ^{137}Cs)»), И. И. Шуктовой («Миграция и формы нахождения изотопов тория в почвенно-растительном покрове Северо-Востока европейской части СССР»), А. И. Таскаева («Закономерности распределения и миграции изотопов Th , Ra и Rn в почвенно-растительном покрове района повышенной радиации») [14]. Эти диссертации являлись частью исследований радиоэкологов Института биологии Коми филиала АН СССР в 1970–1980-е гг. Анатолий Иванович Таскаев, возглавлявший данный институт в 1988–

2010 гг., способствовал подготовке кандидатов и докторов наук, в том числе в области радиобиологии и радиоэкологии.

Р. М. Алексахин осознавал значимость радиоэкологических исследований Коми НЦ УрО РАН. В 1985 г. он, являясь председателем секции радиоэкологии Научного совета АН СССР по проблемам радиобиологии, в поздравлении А. И. Таскаеву с 40-летним юбилеем назвал радиоэкологов Коми филиала АН СССР «активным творческим перспективным отрядом ученых» [15, л. 117]. Спустя два с половиной десятилетия Рудольф Михайлович подтвердил высокую оценку деятельности А. И. Таскаева и его коллег, назвав радиоэкологов Коми НЦ УрО РАН «удивительно плодотворно работающим коллективом» [16, с. 90].

Итак, академик Р. М. Алексахин оказал значительное влияние на развитие исследований радиоэкологов Коми НЦ УрО РАН распределения и миграции тяжелых естественных радионуклидов в почвенно-растительном покрове и действия повышенного радиационного фона на популяции животных и растений в среде их обитания.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме НИР № 122040600068-9 «Изучение северных территорий европейской России: формирование научных сообществ».

Список источников

1. Фесенко С. В. Вклад Рудольфа Михайловича Алексахина в развитие лесной радиоэкологии // К 60-летию Научного совета РАН по радиобиологии / Объединенный институт ядерных исследований; сост. Найдич В. И., Кошлань И. В. Дубна: ОИЯИ, 2022. С. 35–37.

2. Протокол № 21 заседания Президиума Коми филиала АН СССР от 17 сентября 1959 года // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566.

3. Маслов В. И. Опыт и итоги многолетних комплексных радиоэкологических исследований в природных биогеоценозах повышенной естественной радиоактивности / В. И. Маслов // Миграция и биологическое действие естественных радионуклидов в условиях северных биогеоценозов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1980. С. 6–20. (Труды Коми филиала АН СССР, т.46).

4. Мануйлова Е. Г. Эколого-биологические аспекты становления радиоэкологии и радиоэкологического мониторинга в России: дисс. ... канд. биол. наук: 07.00.10. / Мануйлова Екатерина Григорьевна. М., 2016. 164 с.

5. Алексахин Р. М. Мой друг Анатолий Иванович Таскаев – видный радиоэколог и талантливый организатор биологических исследований / Р. М. Алексахин // Вестник Института биологии Коми НЦ УрО РАН. 2011. Т. 4–5 (162–163). С. 43–44.

6. Таскаев А. И., Алексахин Р. М. Решение некоторых вопросов радиоэкологии с помощью картографостатистического метода / А. И. Таска-

ев, Р. М. Алексахин // Вопросы радиоэкологии наземных биогеоценозов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1974. С. 32–39.

7. Груздев Б. И., Таскаев А. И. «Радиоэкологические аспекты формирования фитоценозов в районах повышенной естественной радиоактивности». Заключительный научный отчет. Экз. № 1. // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 292.

8. Lindell B. The history of radiation, radioactivity, and radiological protection. The Labours of Hercules. Part 3. 1950–1966. [s.l.]: Nordic Society for Radiation Protection, 2020. 379 p.

9. Отчет о научной и научно-организационной деятельности филиала за 1967 г. // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 901.

10. Алексахин Р. М. Всесоюзный симпозиум по радиобиологии и радиоэкологии / Р. М. Алексахин // Атомная энергия. 1974. Т. 36. Вып. 1. С. 86–87.

11. Из письма А. И. Таскаева Р. М. Алексахину от 10 декабря 1982 г. // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 53. Оп. 3. Д. 37.

12. Из письма Р. М. Алексахина А. И. Таскаеву от 14 декабря 1982 г. // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 53. Оп. 3. Д. 1.

13. Большов Л. А., Мясоедов Б. Ф., Арутюнян Р. В., и др. Памяти академика Р. М. Алексахина / Л. А. Большов // Радиоактивные отходы. 2018. № 2(3). С. 6.

14. Биологические науки [Электронный ресурс] URL: <http://www.sa.komisc.ru/index.php/2011-03-29-16-13-48/46-2011-03-06-12-42-07.html>.

15. [Из письма Р. М. Алексахина А. И. Таскаеву, 1985 г.] // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 53. Оп. 3. Д. 1.

16. Таскаев А. И.: (1944–2010) / сост.: С. В. Дегтева, И. В. Рапота. Сыктывкар: Институт биологии Коми НЦ УрО РАН, 2011. 103 с.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ESG-МОДЕЛИ КАК КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ БИЗНЕСОМ

Аннотация. В статье рассмотрено развитие ESG-модели как концепции управления современным бизнесом. Проведен анализ внедрения концепции в международной и российской практике. Сделан вывод, что в современной России значимую роль в этом процессе играет государство.

Ключевые слова: *ESG, социальная ответственность, устойчивое развитие*

Abstract. The article discusses the development of the ESG model as a concept for managing modern business. An analysis of the implementation of the concept in international and Russian practice was carried out. It is concluded that in modern Russia the state plays a significant role in this process.

Keywords: *ESG, social responsibility, sustainable development*

ESG-модель (*Environmental, Social, and Corporate Governance*), являющаяся современной расширенной версией корпоративной ответственности бизнеса, в настоящее время активно формируется и внедряется в практику работы предприятий по всему миру. Ее сущность заключается в идее такого устойчивого корпоративного развития, которая основана на экологической, социальной и управленческой ответственности [1].

В основе эволюционного пути развития концепции лежит вопрос «кому служат компании?». До середины XX в. господствующей являлась идея о том, что целью компании является извлечение прибыли и увеличение благосостояния своих собственников. Ученый-правовед А.Берли говорил, что полномочия руководителей компаний могут быть реализованы исключительно в интересах акционеров, а на появившиеся в 1950–1960 гг. вопросы об ответственности бизнеса перед обществом нобелевский лауреат по экономике М. Фридман ответил, что единственная социальная ответственность бизнеса заключается в увеличении прибыли.

Однако уже в первой половине XX в. появилась критика этой концепции «капитализма акционеров». Так, еще в 1932 г. Э. М. Додд заявил, что не только компания имеет обязанности перед обществом, но и ее менеджеры должны добровольно, не дожидаясь юридического принуждения, управлять компанией таким образом, чтобы исполнить эти обязанности. На протяжении последующих десятилетий все больше исследователей поддерживали мнение о том, что компаниям необходимо расширить свои целевые установки и включить в них создание ценностей не только для ак-

ционеров, но и всех стейкхолдеров, в том числе сотрудников, клиентов, поставщиков, местных общин, кредиторов и общества в целом. Данная идея стала основой концепции «капитализма заинтересованных сторон», сформулированной основателем Всемирного экономического форума К. Швабом. В 1973 г. был опубликован Давосский манифест, в котором были описаны обязанности компаний по отношению к заинтересованным сторонам, а получению прибыли отведена второстепенная роль.

Понятие *ESG* впервые появилось в 2004 г. в докладе *Who Cares Wins. Connecting Financial Markets to a Changing World*, разработанном по инициативе Глобального договора ООН. Доклад представляет из себя рекомендации участникам финансового рынка для учета *ESG* вопросов при инвестиционном анализе, управлении активами и операциях с ценными бумагами. Согласно докладу, финансовые организации должны систематическим образом интегрировать экологические, социальные и управленческие факторы в исследовательские и инвестиционные процессы, что должно поддерживаться на уровне совета директоров и высшего руководства. Компаниям в свою очередь предлагается взять на себя лидирующую роль, внедряя в свою политику экологические, социальные и управленческие факторы, и представляя об этом отчеты. Инвесторам рекомендуется обращаться с запросом на исследования на тему *ESG* вопросов, а управляющим – интегрировать подобные исследования в инвестиционный анализ и принятие инвестиционных решений. Фондовым биржам предлагается внести *ESG* критерии в требования к допуску акций к торгам. Регуляторам рекомендуется формировать нормативно-правовую базу, обеспечивающую минимальную степень раскрытия информации и подотчетности по *ESG* факторам и способствующую интегрированию этих факторов в финансовый анализ.

Наиболее широкую популярность *ESG* получило после принятия в 2006 г. Принципов ответственного инвестирования ООН, в которых оно было определено как стратегия и практика включения экологических, социальных и управленческих факторов в процесс принятия инвестиционных решений и реализации прав инвесторов для воздействия на поведение компаний [2].

Модель *ESG* по принципиальным положениям пересекается и расширяет концепцию корпоративной социальной ответственности. Принято считать, что ее основателем является Э. Карнеги, который сформулировал идею о том, что компания, заботящаяся об интересах своих клиентов и общества для получения новых конкурентных преимуществ, способствует общему улучшению деловой и общественной среды, действуя в интересах устойчивого развития всего рынка и общества. Последующее развитие идеи корпоративной ответственности стало приобретать теоретически оформленные черты в подходах, основанных на парадигмах «корпоративного эгоизма», «корпоративного альтруизма» и «разумного эгоизма».

В *ESG*-модель от подхода «корпоративного эгоизма» перешел принцип корпоративной осмотрительности: любая корпорация, принимая

на себя расширенные социальные, экономические и (или) экологические гарантии, понимает присущие такому решению финансовые риски и необходимость отвлечения некоторой части финансовых ресурсов на неоперационные расходы.

В рамках парадигмы «корпоративного альтруизма» в дальнейшем сформировался *G*-компонент концепции (*Governance* – высокое качество корпоративного управления).

Подходом «разумного эгоизма» был сделан завершающий вклад в формирование модели *ESG*: появились компоненты *E* (*ecology*) – экологичность деятельности бизнеса и *S* (*social*) – высокая социальная ответственность перед персоналом и обществом в целом [3].

Новые научные идеи социально-гуманитарного знания были закреплены на уровне государственной стандартизации. Сегодня в международной практике ключевым проводником в вопросах организации ответственного ведения бизнеса на государственном уровне считается ИСО 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности» (*ISO 26000:2010 Guidance on social responsibility*), которым закрепляется определение принципов *ESG* как ответственность коммерческой организации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение.

Вторым фундаментальным документом являются Рекомендации Глобальной инициативы по стандартизации рейтингов в сфере устойчивого развития – *GISR* (Комплекс индексов корпоративной социальной ответственности и отчетности, 2022), где *ESG*-модель определяется как тип делового поведения бизнеса, способствующий устойчивому развитию рынка и общества при одновременном стремлении снизить влияние на окружающую среду и (или) способствовать ее восстановлению и обогащению [4].

ESG нашла свое отражение в корпоративных культурах, и компании стали разрабатывать собственные *ESG*-стратегии: формировать для этой работы специальные подразделения, публиковать отчеты о результатах работы в направлении устойчивого развития, финансировать исследования в этой области. Организации активно вступили в *ESG*-деятельность как для того, чтобы идти в русле государственной повестки, так и ради долгосрочного развития собственного бизнеса: *ESG*-рейтинг компаний в настоящее время коррелирует с их рыночной капитализацией [5].

ESG-факторы стали одним из приоритетов, на который обращают внимание клиенты и инвесторы. Крупные компании в области технологий, такие как *FedEx*, *Microsoft* и *Unilever*, теперь требуют от своих партнеров открытых обязательств по раскрытию *ESG*-информации. Кроме этого, *ESG*-принципы становятся конкурентным преимуществом в привлечении и удержании квалифицированных кадров [6].

В отечественной практике определение принципов *ESG* главным образом основывается на идее расширенной корпоративной ответственности бизнеса, представленной Ассоциацией российских менеджеров. В их трактовке, *ESG*-модель понимается как осуществляемый по собственной иници-

циативе бизнеса вклад в устойчивое развитие общества, связанный с операционной деятельностью инициатора, но выходящий за рамки определенного законодательством минимума.

В развитие идеи Ассоциации российских менеджеров в 2004 г. был принят фундаментальный документ – Социальная хартия российского бизнеса, который в настоящее время представляет платформу формирования частных корпоративных стратегий в соответствии с принципами Глобального Договора ООН, положениями принятой ООН Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и после редакции в 2021 г. является методическим проводником и эталоном для бизнесов, решивших внедрить принципы *ESG*.

В части государственной регуляции применения *ESG*-модели в РФ действует стандарт ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности», являющийся согласно ст. 4 идентичным международному стандарту ИСО 26000:2010 [3].

В 2021 г. издано информационное письмо Центрального банка Российской Федерации № ИН-06-28/96 «О рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества *ESG*-факторов, а также вопросов устойчивого развития», в котором даны рекомендации по учету советом директоров (наблюдательным советом) публичных акционерных обществ факторов, связанных с окружающей средой, социальных факторов и факторов корпоративного управления (*ESG*-факторов), а также принятия во внимание вопросов устойчивого развития.

Примерно 80 % российских компаний поставили перед собой цели, связанные со снижением выбросов, и у ряда из них *ESG*-метрики уже интегрированы в стратегию развития [7].

Анализ внедрения *ESG*-моделей в России в разрезе вида компаний и отраслей позволяет сделать вывод, что в настоящее время лидерами *ESG*-трансформации являются крупные металлургические, нефтегазовые, телекоммуникационные и финансовые структуры.

Среди банковских структур одним из первых шаг в сторону *ESG*-трансформации сделал Сбер, который принял политику в области *ESG* и устойчивого развития – первый в России документ подобного формата, в котором были выделены 8 ключевых направлений деятельности. Банк ВТБ объявил о создании *ESG*-платформы – открытой инфраструктуры для *ESG*-трансформации, включающей комплекс финансовых продуктов и сервисов, отвечающих стандартам экологического, социального и корпоративного управления.

В текущих условиях *ESG*-повестка в России подвержена большим вызовам: сложности с привлечением иностранного финансирования, санкции, переориентация экспорта на азиатский рынок, снижение объемов чистой прибыли, глобальная смена приоритетов, сокращение инвестиций. Однако практика *ESG* не останавливается, скорее речь идет о смещении акцентов с долгосрочных экологических инициатив в сторону реализации краткосрочных социальных проектов. Стоит отметить роль государства

в развитии ESG-трансформации. В России стимулирование внедрения ESG-модели в практику бизнеса во многом осуществлялось благодаря инициативам государства, а в сегодняшней ситуации его роль еще более возрастает.

Список источников

1. Гузырь В. В. Инновационная ESG-трансформация фирм как глобальный тренд устойчивого развития / В. В. Гузырь // Экономика и управление инновациями. 2022. № 1 (20). С. 33–43.
2. Лазарян С. С. Эволюция, основные понятия и опыт регулирования ESG / С. С. Лазарян, И. В. Никонов, А. В. Хачатрян URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/Reports/НИФИ_Экологические_социальные_управленческие_факторы_ESG.pdf
3. Тулупов А. С. Устойчивое развитие ПАО «Газпром»: практика применения ESG-модели в производстве и экспорте сжиженного газа / А. С. Тулупов, И. А. Титков // Проблемы рыночной экономики. 2022. № 1. С. 98–126.
4. Боброва О. С. От устойчивого развития к ESG: опыт европейских компаний и правительств / О. С. Боброва // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. Вып. 91. С. 94–104.
5. Буденный С. ESG и цифровые технологии: как машинное обучение помогает компаниям в устойчивом развитии. / С. Буденный // URL: <https://postnauka.ru/longreads/157183>.
6. Князева Е. А. Влияние ESG-повестки на развитие IT-трендов / Е. А. Князева, М. С. Лазобко // Актуальные вопросы отраслевых рынков и международной коммерции. 2022. № 1(5). URL: <https://tiec.mgimo.ru/2022/2022-05/esg-agenda-impact-it-trends-development>.
7. AI Journey 2021: как технологии искусственного интеллекта способствуют развитию ESG? URL: <https://sber.pro/publication/ai-journey-2021-kak-tekhnologii-iskusstvennogo-intellekta-sposobstvuiut-razvitiuu-esg>.

А. А. Кузьменко

Брянский государственный технический университет

Брянск, Россия

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ БРЯНСКОЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЫ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОГЕННОГО РАЗВИТИЯ МИРА И ЖИЗНИ

Аннотация. В статье рассматривается история становления Брянской научно-философской школы социально-техногенного развития мира и жизни. Основные труды школы направлены на изучение вопросов социально-техногенного развития мира и техногенного развития общества. Среди методологических подходов разрабатываемых школой особое место занимают социоприродный подход, берущий начало из трудов В. И. Вернадского и социотехноприродный подход, предложенный Э. С. Демиденко и Е. А. Дергачевой. В результате научных изысканий ученые школы приходят к выводу о смене биосферного мира постбиосферным, в котором происходит техногенный переход от биосферы к техносфере. Самым значимым открытием школы выступает смена биосферной жизни на социотехноприродную.

Ключевые слова: *Брянская междисциплинарная школа социально-техногенного развития мира и жизни*

Abstract. The article examines the history of the formation of the Bryansk scientific and philosophical school of socio-technogenic development of the world and life. The main works of the school are aimed at studying the issues of socio-technogenic development of the world and technogenic development of society. Among the methodological approaches developed by the school, a special place is occupied by the socio-natural approach originating from the works of V.I. Vernadsky and the sociotechnological approach proposed by E. S. Demidenko and E.A. Dergacheva. As a result of scientific activity, the scientists of the school come to the conclusion about the change of the biospheric world to the post-biospheric one in which there is a man-made transition from the biosphere to the technosphere. The most significant discovery of the school is the change of biosphere life to sociotechnological life.

Keywords: *Bryansk Interdisciplinary School of socio-technogenic development of the world and life*

Введение. Брянское отделение Российского философского общества, возрожденное в 2002 г. на базе Брянского государственного технического университета (БГТУ), стало центром изучения вопросов социально-техногенного мира. Под руководством профессора, доктора философских наук Э. С. Демиденко отделение стало местом работы для многих молодых талантливых специалистов, чьи исследования принесли значительный вклад в развитие философии и науки.

Э. С. Демиденко, известный урбанист и философ, руководил отделением, где начали свою научную деятельность такие ученые, как доктора философии Н. В. Попкова, Е. А. Дергачева, А. Ф. Шустов, Н. Н. Лапченко.

Под его руководством были заложены основы исследований в области постнеклассической науки и философии. При активном участии заведующего кафедрой А. Ф. Степанищева и его помощника, доктора философии В. Г. Горбачева, начались исследования важнейших проблем современного антропосоциального познания.

За период с 2002 по 2015 гг. ученые научной школы опубликовали более 60 монографий, учебников и сборников научных трудов, а также более 550 статей в различных изданиях. Их работы выделяются особым вниманием к вопросам окружающей среды, в них исследуются проблемы, которые часто остаются малоизученными в мировой науке. Ученые этой школы стали призерами и победителями многих научных конкурсов, подтверждая свой высокий уровень компетенции и вклад в развитие науки, технологий и инноваций.

На сегодняшний день Брянское отделение Российского философского общества возглавляют Н. В. Попкова (председатель) и Е. А. Дергачева (ученый секретарь). Под их руководствами проводятся исследования формирования глобального техногенного общества и его воздействия на биосферу и человека. Ученые анализируют существующие теории общественного развития и проводят социологические и статистические исследования, чтобы понять текущую картину мира. На основе этого анализа они делают новаторские выводы о будущем развитии биосферы и его влиянии на человечество. Эти выводы имеют важное значение для мирового сообщества, поскольку касаются сохранения природной среды и будущего человечества на Земле.

Ученые – основатели школы. Эдуард Семенович Демиденко – выдающийся ученый, основатель Брянской научной и философской школы. В монографии, опубликованной в 1980 г., Э. С. Демиденко описал социальные основы городского развития, отображая его контуры на фоне исторических эпох. В этой же работе Э. С. Демиденко подробно исследовал особенности урбанизации, разъясняя ее отличия от индустриализации и научно-технической революции [8]. В 1992 г. Э. С. Демиденко защитил докторскую диссертацию по социально-философской сущности глобальной урбанизации. В диссертации Э. С. Демиденко использует методологию, лежащую в основе сочетания промышленного прогресса с урбанизацией, закладывая таким образом основу для новой социально-природной парадигмы общественного развития.

В области городского планирования Э. С. Демиденко рассматривает урбанизацию как ключевой этап в становлении техносферы. Он предсказывает начало глобальной техносферной революции, в результате которой сама суть планетарного существования претерпит метаморфозы. Эта эволюция предвещает не только изменение среды обитания человека, но и знаменует переход от биосферы к техносфере, предвещая постепенное вытеснение естественных экосистем искусственной планетарной оболочкой.

В 1993 г. Э. С. Демиденко выступает на девятнадцатом Всемирном философском конгрессе в Москве. В своем выступлении Эдуард Семено-

вич анализирует многообразное воздействие антропогенных факторов на состояние человека. Черпая вдохновение в пророческих видениях Пьера Тейяра де Шардена и Владимира Ивановича Вернадского, Э. С. Демиденко предвидит не просто техносферизацию человечества, но и глубокую интеграцию социальной и природной сфер с достижениями техники. Последствия этого слияния стирают границы между социальным, природным и техногенным. Э. С. Демиденко отмечает «Путь от “естественного человечества” к “социо-техно-естественному” не устлан розами. Главную опасность для человечества и мира природы представляет именно техносфера... Новая реальность, “постчеловеческий мир”, но не природа определяет человеческую деятельность. В ходе механизации и урбанизации развитие техносферы и ноосферы – это не только процесс “планетаризации человека”, как пророчески писали Пьер Тейяр де Шарден и В. И. Вернадский, но и интеграция социального и природного человека с техникой и связанный с этим процессом кризис человечества» [7, с. 13–14]

Новаторские идеи Э. С. Демиденко прокладывают путь к более глубокому исследованию глобальной социотехноприродной трансформации человечества, рассматривая тонкости социальной и природной эволюции в условиях технологического прогресса. Его прозорливый анализ предвещает будущее, в котором неумолимый прогресс изменит очертания человечества, призывая научное сообщество ответить на глубокие экзистенциальные вопросы, которые лежат в основе социально-техногенного развития.

Центральное место в видении Демиденко занимает концепция глобальной техносферы – разветвленной сети искусственных сооружений и электромагнитных полей, которые окружают планету, изменяя сами контуры существования. Тем не менее, под маской прогресса скрывается мрачная правда: неумолимая деградация биосферы и ее почвенного покрова, хрупкой основы, от которой зависит вся жизнь.

В начале XXI в. Э. С. Демиденко организует сообщество ученых и философов, объединенных стремлением изучению социально-техногенных процессов. Именно с этого периода формируется Брянская междисциплинарная научно-философская школа социально-техногенного развития мира и жизни.

В последующие годы научный взгляд Эдуарда Семеновича Демиденко был прикован к сложному переплетению мегатенденций, определявших ход человеческой истории. Исследование мегатенденций Э. С. Демиденко выходит за рамки простой семантики и углубляется в суть динамики, лежащей в основе происходящих изменений [1, 2, 3]. Центральное место в анализе Э. С. Демиденко занимает осознание опасностей, связанных с разворачивающимися мегатенденциями нашего времени. Главной из этих тенденций является глубокая трансформация естественной природы планеты, вызванная человеческим обществом, – трансформация, которая предвещает появление новой эволюционной парадигмы [4, 5].

Э. С. Демиденко обращает внимание на то, что появление техногенного общества положило начало эпохе беспрецедентных экологических

потрясений, поскольку человечество использует научные и технические средства для изменения самой структуры биосферы. Ученый отмечает, что индустриализация, когда-то провозглашенная триумфом человеческой изобретательности, теперь является свидетельством высокомерия нашего вида – высокомерия, которое привело к распространению искусственных сооружений в ущерб природным экосистемам [6].

И все же, несмотря на неумолимое шествие прогресса, Э. С. Деми-денко призывает к осторожности – предостерегает от бездумного стремления к технологическому прогрессу в ущерб экологической целостности. Ибо, хотя техносфера обещает ускорить социальное развитие и поднять человечество на новые высоты, ее неконтролируемая экспансия угрожает задушить саму биосферу, которая выступает основой существования человечества.

Научные взгляды Елены Александровны Дергачевой, профессора Российской академии наук и действительного члена Российской экологической академии вносят глубокий вклад в понимание закономерностей нарастающего техногенного общественного развития, а также в развитие концепции взаимосвязи между искусственной средой жизнедеятельности человека и биосферой.

Основываясь на широком спектре научных трудов, Е. А. Дергачева первой в мире выдвинула и подробно обосновала новую социофилософскую концепцию социотехноприродной глобализации. Выдвинутая ее концепция основана на глубоком понимании взаимодействия общества, техносферы и биосферы, которые оказывают взаимное влияние друг на друга в ходе процесса глобальной трансформации биосферы. Социотехноприродная глобализация определяет современное общество как систему, включающую общество, техносферу и биосферный регион, в котором эти элементы существуют и взаимодействуют друг с другом [9].

Научные труды Е. А. Дергачевой исследуют не только негативные последствия техногенного развития, но и потенциал для создания устойчивого и гармоничного социотехноприродного баланса [10]. Е. А. Дергачева подчеркивает необходимость комплексного подхода к решению проблем современного общества, который учитывает взаимодействие между человеком, технологиями и окружающей средой. Ее исследования представляют собой ценный вклад в понимание сложных взаимосвязей в современном мире и подтверждают важность интеграции различных научных и философских подходов [12, 13].

В отличие от многих других исследователей, Е. А. Дергачева уделяет внимание вопросам развития техносферы и ее влияния на социоприродные процессы. В своих трудах она предлагает новые понятия такие как «индустриально-техногенное общество» и «постиндустриально-техногенное общество», позволяющие лучше описать современные тенденции и изменения в обществе.

Монография Е. А. Дергачевой «Тенденции и перспективы социально-техноприродной глобализации» признана одной из наиболее значимых

публикаций по глобалистике (данные справочника «Глобалистика: люди, организации, публикации») и принимается к сведению в мировом научном сообществе [1, с. 119].

Среди важнейших вопросов, которыми занимается Е. А. Дергачева, необходимо выделить «противоречивость природы техногенного общественного развития (2002–2005), сущность, содержание, тенденции и перспективы феномена социотехноприродной глобализации мира (2006–2013), обоснование роли буржуазно-техногенной экономики в уничтожении биосферной жизни и формировании городской техносферы (2013–2023), биотехнологические процессы в глобальной трансформации и смене биосферной жизни (2010–2023), формирование стратегии социально-биосферного развития жизни и мира (2002–2023)» [11, с. 58].

Исследования Натальи Владимировны Попковой представляют собой значимый вклад в развитие философского анализа технологии и техносферы. Ее работы приобретают особую актуальность в контексте массового проникновения техносферных объектов в биосферное пространство.

В своих исследованиях Н. В. Попкова неоднократно подчеркивает сложность понимания технологий как социокультурных и социоприродных явлений, а также многогранность философского анализа. Важным результатом ее трудов стала гипотеза о закономерной исторической смене социоприродных способов взаимодействия [15].

Н. В. Попкова проявила смелость в разработке новой концепции, описывающей техносферу как целостную искусственную среду, созданную человеком. Ее работа стала исходной точкой для систематизации различных теоретических подходов в философии технологии, а также способствовала уяснению смысла понятия «техносфера» [13]. Новые концепции, выдвинутые Н. В. Попковой, основываются на различии между техногенной средой и техносферой, рассматриваемой как понятие, описывающее техногенную среду на глобальном уровне. Это открывает новые горизонты для философии и наук о природе, способствуя глубокому пониманию взаимодействия между человеком, технологиями и окружающей средой.

Методологическая рефлексия, используемая в работах Н. В. Попковой, открывает новые пути мышления, позволяя обнаружить антропологические основы философии техники. Все это способствовало выделению нового направления – философской экологии [14].

Школа сегодня. За время своего существования Брянская научно-философская школа стала весьма привлекательной для многих ученых и философов. Сегодня, помимо отмеченных ранее ученых, среди ведущих исследователей данного направления можно отметить докторов и кандидатов наук из разных отраслей, а также важно подчеркнуть участие молодых исследователей – аспирантов. К сожалению, в рамках одной статьи невозможно подробно рассмотреть все научные концепции, которыми занимаются ученые данной школы, можно остановиться лишь на основных направлениях их работ.

А. Ф. Шустов, доктор философских наук, в своих трудах уделяет внимание концепциям развития техники и культуры, а также гуманитаризации современного инженерного аграрного образования. В. С. Дадыкин, доктор экономических наук, занимается вопросами экономики природопользования и методами экономической оценки минерально-сырьевых ресурсов полезных ископаемых. Н. А. Кулагина, доктор экономических наук занимается развитием теории и методологии обеспечения экономической безопасности хозяйственных систем на макро-, мезо- и микроуровнях. Е. Н. Стрижакова, доктор экономических наук, развивает методологию анализа и управления риском, человеческим капиталом и интеллектуальными ресурсами промышленности. А. В. Корсаков, доктор биологических наук, занимается изучением вопросов экологии человека. Ю. Т. Трифанков, доктор исторических наук, включил в основной круг интересов методологию массового сознания. В. В. Спасенников, доктор психологических наук, занимается развитием эргономического обеспечения разработки и эксплуатации социотехнических систем. Е. В. Просянкин, доктор сельскохозяйственных наук, развивает направление мониторинга и оценки почв, экосистем, ландшафтов Брянской области, а также совершенствованием вермитехнологии применительно к условиям юго-запада России. В. Г. Горбачев, кандидат философских наук, занимается вопросами современной философской антропологией, политическими исследованиями и философскими основаниями образования. Т. А. Колесник, кандидат философских наук, изучает вопросы философии социальной педагогики как направления адаптации человека в техногенном обществе. Кандидат биологических наук А. А. Кузьменко занимается изучением вопросов феномена эргодизайна в условиях социально-техногенного мира, а также вопросами проектирования социотехноприродной среды жизнедеятельности. Кандидат экономических наук А. В. Новикова занимается вопросами управления конкурентоспособностью промышленных предприятий. И. В. Шлемина, кандидат экономических наук, занимается вопросами управления рисками.

Сегодня школа развивается, увеличивая число активных участников среди молодых исследователей. В стенах школы занимаются подготовками кандидатских диссертаций соискатели и аспиранты: А. А. Свидерский, М. В. Мамичев, С. И. Воронцова-Вельяминова, В. С. Калинин, Е. Н. Еремченко.

Заключение. Брянская научно-философская школа социально-техногенного развития мира и жизни выступает с видением развития России и ее регионов, несмотря на текущие тенденции социально-техногенного прогресса в мире. Она предлагает концепцию целостной политики регионального социально-биосферного развития, сосредотачивая внимание на долгосрочном эволюционном развитии биосферы с учетом обширных территорий страны.

Такой подход к развитию имеет потенциал для создания благоприятной среды как для биосферы, так и для человеческого общества. Он спо-

способствует формированию новой парадигмы развития, основанной на гармонии между природой и человечеством, что может привести к долгосрочному процветанию и благополучию как на уровне отдельных регионов, так и всей страны.

Список источников

1. Демиденко Э. С. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины / Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачева, Н. В. Попкова. М.: Всемирная информ-энциклопедия; Брянск: БГТУ, 2011. 388 с.
2. Демиденко Э. С. Буржуазно-техногенное уничтожение биосферной жизни и земного мира: междисциплинарное исследование / Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачева ; вступ. ст. Ю. Т. Трифанкова и К. В. Дергачева. М.:Ленанд, 2023. 276 с.
3. Демиденко Э. С. Ноосферное восхождение земной жизни / Э. С. Демиденко. М.: МАОР, 2003. 247 с.
4. Демиденко Э. С. Техногенное общество и земной мир / Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачева, Н. В. Попкова; под ред. Э. С. Демиденко. Брянск: БГТУ; М.: Всемирная информэнциклопедия, 2007. 377 с.
5. Демиденко Э. С. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы / Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачева. М.: Красанд/URSS, 2010, 2017. 288 с.
6. Демиденко Э. С. Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни / Э. С. Демиденко. Москва – Брянск: Всемирная информэнциклопедия, 2006. 160 с.
7. Демиденко Э. С. Экотехнологический Апокалипсис, или “Конец света” природного человека: доклад XIX Всемирному Философскому Конгрессу / Э.С. Демиденко. Брянск: Очаг, 1993. 50 с.
8. Демиденко Э. С. Демографические проблемы и перспективы больших городов (Урбанизация при социализме). / Э.С. Демиденко. М.: Статистика, 1980. 231 с
9. Дергачева Е. А. Концепция социотехноприродной глобализации: междисциплинарный анализ / Е. А. Дергачева. М.: Ленанд/URSS, 2016. 256 с.
10. Дергачева Е. А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации / Е. А. Дергачева. М.: Либроком/URSS, 2009, 2022. 232 с.
11. Дергачева Е. А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности / Е. А. Дергачева. Брянск: БГТУ, 2005. 219 с.
12. Дергачева Е. А. От мирового техногенного общественного развития к разработке программы социально-биосферного развития России / Доклады кандидатов в члены РАН, баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2022 году / Российская академия наук; Отделение общественных наук РАН; Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества; [под общей редакцией академика

РАН Гусейнова А. А., академика РАН Тосуняна Г. А.]. М.: Новые печатные технологии, 2023. 462 с

13. Дергачева Е. А. Философия техногенного общества / Е. А. Дергачева. М.: Ленанд/URSS, 2011, 2022. 216 с.

14. Попкова Н. В. Антропология техники. Кн. 3. Критика технического разума / Н. В. Попкова. М.: URSS, 2023. 416 с.

15. Попкова Н. В. Философская экология / Н. В. Попкова. М.: Либроком, 2010. 351 с.

16. Trifankov, Yu. T. A Brief Review of the Modern Development of the World and Life in the Works of Scientists of Bryansk Philosophical School of Social-Technogenic World Development / Yu. T. Trifankov, K. V. Dergachev // SHS Web of Conferences: electronic collection, Tomsk, 15–17 декабря 2015 года / National Research Tomsk Polytechnic University. Vol. 28. Tomsk: EDP Sciences, 2016. P. 01151. DOI 10.1051/shsconf/20162801151. EDN WEEJSH.

17. Demidenko E. S., Dergacheva E. A. Socio-Technogenic Development of the Earthly World: Interdisciplinary Research: monograph. Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House, 2021. 172 p.

18. Demidenko E. S., Dergacheva E. A. Biotechnological Processes in the Changing Evolution of Life on the Planet Earth // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, Volume 753, Issue 5, pp. 052066 (2020). DOI: <https://doi.org/10.1088/1757-899X/753/5/052066>

РАЗДЕЛ 9.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

УДК 001.6

В. И. Кудашов

Сибирский федеральный университет,

Красноярский государственный медицинский университет

им. профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого

Красноярск, Россия

ИСТОРИЯ НАУКИ ИЛИ ИСТОРИЯ ЗНАНИЙ?

Аннотация. Под давлением глобализации история науки начала переосмысливать свой предмет. Возможна версия «истории знания», частью которой станет история науки. Категория знания должна будет подвергнуться тщательному концептуальному анализу, основанному на сравнительной перспективе исследований разных эпох и культур.

Ключевые слова: *история науки, история знания, культура, познание*

Abstract. Under the pressure of globalization, the history of science began to rethink its subject. A version of the «history of knowledge» is possible, of which the history of science will become a part. The category of knowledge will have to undergo a thorough conceptual analysis based on the comparative perspective of research from different eras and cultures.

Keywords: *history of science, history of knowledge, culture, knowledge*

История науки почти так же стара, как сама наука, но дисциплине «история науки» едва исполнилось сто лет. С тех пор, как Аристотель рассмотрел теории своих предшественников в «Физике», остались краткие изложения взглядов своих предшественников (когда-то называемые доксографиями, теперь известные как «обзоры литературы»), сейчас стандартный и даже обязательный компонент монографии, трактата, учебника, диссертации, научной статьи. Эти изложения выполняют множество функций, начиная от включения автора в родословную, восходящую к светилам прошлого, до включения своей темы в традицию посредством освященной генеалогией ассоциации. Но конкретная дисциплина «история науки» фактически утвердилась в академических отделах, центрах и программах в Европе и Северной Америке в 1950–60-х гг. прошлого века [1]. Эта волна институционализации была во многом ответом на стремительные преобразования, вызванные техной наукой в сфере транспорта, связи, промышленности и военного дела.

Несмотря на свою настойчивость в переработке домодернистской науки в современные научные термины, профессиональные историки науки обязаны самим существованием своей дисциплины книгам с телеологическими названиями, такими как «Наука и современный мир» (1925) и «Истоки современной науки» (1949). Аргумент был прост и, судя по тиражам и международным переводам этих книг, по-прежнему силен: наука создала современный мир и вместе с ним геополитическое доминирование Запада, поэтому любой, кто хочет понять, как возникла современность и как справиться с ее проблемами, должен понять историю науки. Эта идея стала особенно актуальной после взрыва атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки в августе 1945 г. Не случайно, что главой одного из крупнейших и наиболее влиятельных отделов истории науки, Президент Гарвардского университета Джеймс Брайант Конант был одновременно высокопоставленным администратором Манхэттенского проекта.

Однако «современная» наука не была технаукой конца девятнадцатого и начала двадцатого веков, которая объединила свои силы с промышленным капитализмом для создания новых технологий. Она была перенесена в более раннее время, в семнадцатый век: это была не наука Эйнштейна, а скорее наука Галилея и Ньютона. Сущностью этой науки была не власть над природой, а бескомпромиссная рациональность, требовавшая отказа от детских иллюзий и человеческого эгоизма, выраженных в античном антропоцентризме. То, что мы считаем «современной» наукой появилось именно в Европе и решительно продвинуло этот ранее отсталый субконтинент на позицию мирового экономического, политического и интеллектуального доминирования. Но хотя ее истоки были культурно-специфичными, современную науку можно было экспортировать: «Современная наука родилась в Европе, но ее дом – это весь мир» [2, с. 18].

Подлинная революция в Европе раннего Нового времени представляла собой историческую трансформацию, столь же великое событие, как расцвет Древней Греции или появление христианства, по сравнению с которым Возрождение и Реформация вторичны. Куда бы ни распространялась наука, за ней следовала современность, как непреодолимая разрушительная и созидательная сила. Это видение научной революции как водораздела, отделяющего Запад от остального мира, и западной науки как соревнования цивилизаций, распространилось далеко за пределы истории науки. Экономист Массачусетского технологического института У. Ростоу разделил все культуры на до- и пост-ньютоновские: «Тогда с точки зрения истории, с помощью фразы «традиционное общество» мы группируем весь доньютоновский мир: династии в Китае; цивилизация Ближнего Востока и Средиземноморья; мир средневековой Европы» [3, с.63]. Обратим внимание, что именно научная, а не промышленная революция, знаменует собой наступление экономической современности, а также на то, как Ростоу объединил европейское прошлое с настоящим почти всех других культур.

Эти основополагающие нарративы и весь контекст после Второй мировой войны придали молодой дисциплине «история науки» противоречи-

вые полномочия. С одной стороны, история науки была призвана объяснить современную науку гражданам, которые сами не были учеными, но которым пришлось бы принимать демократические решения о научной политике. Овладение техническими тонкостями современной науки для большинства людей невозможно, но, к счастью, современная наука со времен Научной революции (как гласила ее история) представляла собой единое целое. Вместо того, чтобы изучать, скажем, новейшие достижения атомной физики, студенты, специализирующиеся на гуманитарных или социальных науках, могли бы изучать истоки теории атома или ниспровержение теории флогистона. Непосредственное изучение методов современной науки представляет большие трудности. Посетитель лаборатории, если только он сам не ученый в этой сфере, не сможет понять работу ее сотрудников. Однако если бы можно было доставить посетителя в лабораторию там, где значительные результаты были получены на раннем этапе истории конкретной науки, ситуация была бы совершенно иной. Когда наука находится в зачаточном состоянии, релевантная информация прошлого может быть суммирована в относительно кратком объеме.

Кроме того, многие из основополагающих нарративов, которые связывали истоки науки и современность, были окрашены ностальгией по Средневековью, которое представлялось как более очаровательное, чем современность. Александр Койре, русский эмигрант, который учился в Геттингене у Гуссерля и позже сделал карьеру историка-интеллектуала в Париже и Принстоне, рассматривал переход от «закрытого мира к бесконечному единству» как выселение из уютного, ориентированного на человека средневекового космоса. Он также элегически отзывался о том, как ньютоновская космология отбросила «концепции ценностей, такие как совершенство, гармония, смысл и цель» и привела к «полному обесцениванию бытия, разрыву мира ценностей» [4, с. 35]. А. Н. Уайтхед прямо осудил науку Галилея, Декарта и Ньютона как «антирационалистическую» по сравнению со строгой ясностью средневековой философии [2]. Современная наука, по его мнению, представляла собой гигантский интеллектуальный скачок вперед, однако ценой, заплаченной за прогресс, стала жертва красоты и чувства принадлежности ко Вселенной.

Помимо того, что эти идеи внушали читателям ностальгию по довременной науке, они концентрировали дисциплину на научной революции в Европе раннего Нового времени. Именно тогда наука – а вместе с ней и Запад – стала современной, что стало величайшей всемирно-исторической трансформацией со времен возникновения христианства или даже неолита. Несмотря на то, что смыслом существования новой дисциплины «история науки» стало объяснение современной науки, в центре внимания ученых был период раннего Нового времени, который оценивался с точки зрения как причин, так и масштабов изменений. В отличие от версии ученых истории науки, изложенной как хроника преодоленных ошибок и ожидаемых в настоящее время открытий, историки науки стремились понять прошлую науку в ее собственных терминах – как последо-

вательный интеллектуальный подход. «Современный» взгляд был просто еще одним мыслительным миром, который пытались описать такими метафорами, как «структуры», «мировоззрения», «миры мысли». Среди них особо выделялись куновские «парадигмы» и «эпистемы» Фуко.

В большей степени, чем кто-либо, Т. Кун был ответственен за то, что историзм взял верх над модернизмом в истории науки после 1970-х гг. Его «Структура научных революций» (1962) подвергла критике телеологические тенденции истории науки, отрицала доктрину плавного и непрерывного научного прогресса, обращала внимание на контексты и противоречия, настаивала на несоизмеримости последовательных научных миров мысли. Чрезвычайно успешная книга Куна превратила историю науки из незаметной области науковедения, ранее известную своими техническими деталями («импульс», «эфир», «флогистон»), в ресурс для гуманитарных, социальных и естественных наук [5]. В частности, интерес Куна к социологии и философии науки в поисках эмпирических свидетельств того, как на самом деле работала наука, превратила историю науки в наиболее теоретизированную ветвь истории, пропитанную философией, социологией и психологией.

Неуловимое, но запоминающееся понятие парадигмы, предложенное Куном, предоставило историкам науки мощный инструмент для изучения научных практик – то, чем занимаются ученые, это то, что они делают, а не то, что они говорят. Однако противоречие между модернизмом и историзмом в истории науки сохранялось. Те, кто наиболее настойчиво выступал за использование философских категорий для понимания прошлого, беспокоились о том, историками чего они являются. Для любого, кто работал над периодом до 1850 года, было очевидно, что слово «наука» и его производные относятся к различным дисциплинам и практикам (например, «наука истории»), что практики, которые теперь считаются однозначно научными (например, систематическое наблюдение астрометеорологических явлений), проводились людьми, не имеющими ничего общего с университетскими профессорами, что прошлые кластеры дисциплин и знаний редко соответствовали нынешним. Убеждения историков науки в том, что наука, по сути, была одинаковой, независимо от того, занимались ли ею физики или биологи, в лабораториях Лос-Аламоса в двадцатом веке или в частной лаборатории Лавуазье в восемнадцатом, столкнулись с фактами о том, что даже наука о настоящем оказалась совсем не монолитной в методах, способах объяснения, стандартах доказывания и, особенно, практиках [6].

Под давлением глобализированной перспективы и постколониальной критики, в последние двадцать лет история науки начала переосмысливать свою географию и хронологию, а также свой предмет. Классический нарратив истории науки оказался евроцентристским нарративом, объясняющим, как Запад опередил остальных, изобретая науку. Какова именно связь между научной революцией и промышленной революцией, американской и французской революциями, демографическим переходом, секуляризаци-

ей, глобальным капитализмом, модернизмом в искусстве, точно не объяснялось. Как показывают даже заголовки статей, опубликованных в ведущих журналах по истории науки за последние десятилетия, понимание того, что такое наука и кто считается ученым, расширилось и разнообразилось, включив в себя домашних травников, искателей приключений, художников, изображающих флору и фауну их родной Мексики или Индии и многих других, у кого нет белых халатов, очков и докторской степени. К объектам науки теперь относятся не только лаборатория и обсерватория, но и ботанический сад, кузница, библиотека, поле, корабль и домашний очаг. География и хронология сильно расширились: Европа (а фактически всего лишь несколько крупных городов западноевропейских стран), где зародилась эта дисциплина, теперь затмевается картой, охватывающей части почти всех континентов.

Но если это больше не история «современной западной науки» (все три слова созрели для переосмысления) и ее аналогов в других временах и местах, то история чего? Возможно, это история знания. Этот емкий и весьма расплывчатый термин имеет то преимущество, что пресекает в зародыше бесплодные, неубедительные дискуссии о том, являются ли на самом деле наукой эллинистическая алхимия, перуанская ботаника или британская паровая технология начала восемнадцатого века. Кроме того, это делает проблематичными прилагательные «современный» и «западный», даже если *ipso facto* не помещает все знания на один уровень. Помимо стирания нечеткой, подвижной и часто идеологически нагруженной границы между «домодернистским» и «современным», обширные знания дают возможность исторического исследования всех дисциплин, охватывающих естествознание и социальные науки. Наконец, это позволяет историкам следовать практикам, куда бы они ни вели, как бы далеки они ни были от чего-либо, напоминающего современную науку. Даже самые смелые научные исследования имели тенденцию привязывать новую практику, место или действующее лицо к старым звездам: историю экспериментов с Робертом Бойлем, а двор эпохи Возрождения с научной площадкой для Галилея. История знаний обещает ослабить хватку пантеона Аристотеля, Коперника, Кеплера, Галилея и т. п.

Однако этот термин имеет все недостатки как продолжение своих достоинств: его гибкость может стать слишком эластичной. Например, история знаний в настоящее время применяется как минимум к двум различным и, возможно, несовместимым исследовательским программам. Одна использует этот термин для восстановления форм знаний, которые исторически считались рационально некачественными, включая навыки ремесленников, охотников, пастухов, моряков и других практических специалистов, медицинские рецепты несертифицированных целителей, часто обозначаемые приставкой «этно», как в «этноботанике». Другая программа изучает историю знания в более широком смысле гуманитарных наук: многие культуры могут похвастаться впечатляющими традициями эрудиции (например, санскритская и латинская грамматики), которые выявили

закономерности, столь же устойчивые, как обнаруженные естественными науками. Конечно, эти традиции имеют мало общего с традициями ремесленников и этнонатуралистов, поскольку их культивирует небольшая, высокообразованная и социально изолированная элита, которая решительно на стороне «знания головы», а не «знания руки».

Единственное, что общего между этими двумя разновидностями истории познания, это то, что они явно не касаются современной науки, но все же имплицитно определяются ею. Одна из причин заключается в том, что даже те ученые, которые критикуют искажения, присущие первоначальной исследовательской программе, положившей начало истории науки как дисциплины, не хотят отказываться от престижа, который до сих пор сопровождает термины «современность» и «наука». Например, даже несмотря на то, что ученые полностью осознают, как почетное слово «современный» использовалось для оправдания колониальных завоеваний, для создания в воображении сценариев существования цивилизаций-победителей и проигравших, а также для содействия причудливому смешению прошлого Европы с настоящим других культур как «традиционных», они, тем не менее, цепляются за термин «современность», ныне весьма множественный, но все еще значимый. То же самое справедливо с соответствующими оговорками и для «науки» – вероятно, поэтому ведущие китайские университеты настаивают на создании программ по истории науки (с акцентом на китайскую науку), а не истории знаний [7].

Первоначальный дисциплинарный нарратив истории науки оказывается несостоятельным с научной точки зрения, поскольку он подорван осторожным историзмом и отвращением к анахронизму и телеологии, которые характеризовали самые строгие работы в этой области за последние сорок лет. Пока еще не существует единого нового повествования, которое могло бы занять его место. Изучение научной практики в сочетании с расширением географии и хронологии ставит новые вопросы. Например, история математики и следование практикам странным образом переплело науку с окружающим ее культурным контекстом. Невозможно расплести эту паутину, полностью отделить науку от других способов познания и действия. По этим причинам, вероятно, необходима некая версия истории знания, частью которой является история науки.

В ее нынешнем виде история знания выглядит слишком размыто по сравнению с наиболее концептуально сложными примерами истории науки, которая обогащена десятилетиями стимулирующего взаимодействия с социологией, философией и психологией. Категория знания должна будет подвергнуться такому же тщательному концептуальному анализу, основанному на сравнительной перспективе, которая сможет отдать должное богатству материалов, предлагаемых сейчас в новых исследованиях эпох и культур, ранее маргинализированных для истории науки. Такой широкий анализ мог бы начаться с рассмотрения того, как классификации и иерархии знаний, а также кардинальные эпистемические ценности меняются с течением времени как внутри культурных традиций, так и между

ними. Широта и единство знаний не обязательно должны сопровождаться количественной оценкой, точность и коммуникабельность иногда тянут в разные стороны, а стремление к непоколебимой уверенности редко способствует радикальному эмпиризму. Очевидно, что сравнительные исследования также открывают многообещающее поле для социологических, экономических и антропологических исследований. Все культуры накапливают знания, все выстраивают иерархию более или менее ценных форм познания, тесно коррелирующих с социальным престижем знающих, но не одних и тех же форм и одинаковых иерархий.

Реальная история дает множество примеров переупорядочения иерархии: например, ботаника была блистательной Большой наукой восемнадцатого века, классическая филология господствовала на протяжении большей части XIX века, за последние двадцать лет генетика потеснила физику высоких энергий как королеву наук. Формальная наука вполне могла бы стать одним из интересных видов родового знания, но вряд ли она будет единственной. Другим видом могут быть комплексные «бюрократические знания», этот огромный арсенал практик учета, классификации, контроля и разделения труда, который возникает снова и снова в разное время и в разных местах. И даже если некоторые историки науки по-прежнему озабочены вопросом о том, что отличает науку как способ познания, ответ предполагает широкое и глубокое знание других способов познания.

Если рассматривать с общекультурной точки зрения, история знания вполне может иметь последствия для нынешних классификаций знаний и способов познания. Наиболее знакомые и наиболее влиятельные классификации знаний – это те, которые конкретизируются в расположении книг на библиотечных полках или в физической организации зданий в университетских кампусах. Они намечают отношения как в прямом, так и в переносном смысле дистанции между дисциплинами, которые определяют, с какими коллегами мы видимся регулярно, а с какими почти никогда. Взгляд на такое типичное расположение зданий и факультетов почти в любом университетском кампусе подтверждает то, что большинство из нас считает само собой разумеющимся: математика близка к физике, физика и астрофизика занимают одно и то же здание, а музыкальный центр находится очень далеко от них всех. Но если бы это был средневековый университет, то астрономия, математика и музыка были бы сгруппированы вместе, как дисциплины квадривиума, в то время как физика находилась бы рядом с философией, изучая универсальные причины. История, биология и геология тоже были бы в одном месте, поскольку всех их интересовали частности, как в «истории», так и в «естественной истории».

Могут возникнуть некоторые удивительные сходства: эмпирические практики историков и биологов могут быть похожи друг на друга больше, чем любая из них похожа на философию, которая, в свою очередь, может иметь больше аналогий с теоретической физикой (хотя и не с экспериментальной физикой). Анализ вариативности среди текстов и наблюдений

в классической филологии и астрономии, соответственно, демонстрирует некоторые поразительные сходства – возможно, потому, что эти практики имеют общую историю. Историческая лингвистика, философия науки и поведенческая экономика – все они используют методы байесовской вероятности и алгоритмы, которые управляют поисковыми системами в Интернете.

Ничто из этого не означает, что нынешнее разделение академического ландшафта на естественные, социальные и гуманитарные науки не обоснованы, но означает только то, что оно не является ни неизбежным, ни безальтернативным. Преимущество изучения практик знаний состоит не в том, чтобы стереть все различия, а скорее в том, чтобы подвергнуть сомнению необходимость тех, которые у нас есть, и представить себе другие, основанные на критериях, более близких к тому, как дисциплины фактически проводят исследования.

Реализация такого видения истории знания также потребовала бы переосмысления того, как сама история науки проводит исследования. Ясно, что история знаний, проводимая в значительно расширенном географическом и хронологическом масштабе, требует большего сотрудничества. Ни один ученый, каким бы эрудированным и усердным он ни был, не может надеяться охватить эту территорию в одиночку. Недостаточно и обычного сборника конференций со статьями, посвященными широкому спектру тематических исследований из разных мест и периодов. Требуется интеграция сравнений в целостную картину на основании многостороннего обсуждения на постоянной основе. Тогда история науки изменит свои дисциплинарные способы познания, чтобы понять, что такое знание.

Список источников

1. Daston L. Science, History of // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences, ed. James D. Wright. Oxford: Elsevier, 2015. 21:241–47.
2. Уайтхед А. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
3. Ростуу У. Стадии экономического роста. Ф. Прегер, 1961. 240 с.
4. Койре А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций в развитии теорий. М.: Прогресс, 1985. 280 с.
5. Кун Т. Структура научных революций. М., Прогресс, 1975. 320 с.
6. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. 352 с.
7. Schäfer D. Frames of Reference in the History of Science: China and the Rest // History of Science in a World of Readers. Atlanta, 2016.

А. В. Поздняков¹, В. А. Жуков²

^{1,2} Академия ФСО России

Орел, Россия

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ РЕЛИГИИ И НАУКИ КАК ФОРМ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления и развития религии и науки в качестве различных форм знания. Авторы выделяют их структуру и наглядным примером показывают особенности включения в нее практического и теоретического, чувственного и рационального уровней познания.

Ключевые слова: наука, религия, история научного знания, ненаучные формы знаний

Abstract. The article examines the peculiarities of the formation and development of religion and science as various forms of knowledge. The authors highlight their structure and show by a vivid example the features of including practical and theoretical, sensory and rational levels of cognition in it.

Keywords: science, religion, the history of scientific knowledge, non-scientific forms of knowledge

Сегодня религия имеет большое распространение в мире и содержит в своей структуре собственные концептуальные и эвристические механизмы осмысления бытия. Религиозное мировоззрение сосуществует, а иногда и противостоит другим формам миропонимания: философскому и научному, имея свои особенности в сравнении с другими формами познания.

С древнейших времен существовала попытка структурно сопоставить религиозное мировоззрение с философским, а потом и научным. Уже античные мыслители обозначали, что оно направлено в первую очередь на постижение мира через веру. При этом вера не противостоит разуму, она просто обладает главенствующим по отношению к нему статусом, поскольку положения веры первичны перед положениями разума. Также для религиозного мировоззрения важны добродетели, которые являются той базой, необходимой для формирования идеала поведения человека. Ни для кого так не важен моральный облик (ни для философа, ни для ученого, ни для поэта), как для богослова или религиозного проповедника. Именно к их знанию строже всего предъявляется соответствие содержания их учения и личных поступков.

Тем не менее, следует выделить еще одну отличительную черту: в религиозном мировоззрении важным стоит вопрос о познании первоначала мира, которое в некоторых религиях представлено в виде высшего Творца. Развитие религии в истории отражается прежде всего в ее богопо-

знании. Философия также может заниматься вопросом о первоначале мира, однако в ее основе лежит примат разума над верой, переходящий в скептицизм, и частный, субъективный опыт конкретного философа. Религия же стремится выстроить строгое системное знание о божественном, выработать свои непреложные аксиомы о нем, придать своим знаниям объективную ценность и обучить им следующие поколения последователей. В этой черте как это ни странно религия схожа с наукой, которая, изучая материальный мир, также стремится к объективным знаниям. Многие попытаются возразить, указывая на разницу в методологиях религии и науки. И они отчасти будут правы, но только отчасти. В основе религиозного знания, как и научного также лежит опыт и практика, только не лабораторный эксперимент, а опыт духовный или лучше сказать духовно-психологический. Он включает в себя разные стадии: опыт богоискательства, опыт богопознания и созерцания, опыт мистического единения. И этот опыт, с одной стороны, вплетен в жизнь одной личности, а с другой, может быть перепроверяем практикой в рамках целой традиции, т. е. он обладает как субъективными, так и объективными свойствами. Хотя некоторые специалисты склонны считать эту объективность иллюзорной [2, с. 8]. Соответственно, в религиозной практике также раскрываются оба способа познания: чувственный и разумный.

Согласно большинству религиозным системам, познание Бога невозможно с помощью пяти органов чувств. Но это не означает, что они не задействованы. Так как окружающий мир тоже сотворен Богом, то чувственное познание также может приблизить нас к истине. Здесь познание творца лежит через познание его творения. О пересечении разумного и эмпирического познания в примитивных формах религии рассуждали в свое время большие специалисты из религиоведения и антропологии, например, Э. Тейлор и Б. Малиновский. Согласно последнему, практическое освоение действительности свойственно древнейшему человеку, а значит рудиментарные начала науки можно встретить в доцивилизационную эпоху. Конечно, здесь науку не делают сознательно, она не обладает движущей силой. Для Малиновского неважно как этот уровень знания определить: наукой или же только эмпирическими и рациональными знаниями [3, 36–37].

Другой по сложности уровень взаимоотношения эмпирических и рациональных форм знаний создается в развитых религиозных системах, которые имеют в своей основе концептуализацию и строгие модели мироздания. Достаточно вспомнить о телесном включении человека в разного рода религиозные практики. Человек разделен на тело и душу, а поэтому у него постоянно есть потребности и желания тела, которые часто выступают в качестве объекта восприятия и осмысления, объекта воздействия (душа призвана сдерживать излишние порывы тела, поскольку духовное развитие превышает физическое). О взаимодействии органов чувств в религиозном опыте детально описано на примере индуистских и католических храмов исследователями Ar. D. Shalini и Ar. Kavitha.V. S. [7]. В основе их исследования лежит базовая концепция об ощущениях. Ощущение – это

физическая стимуляция сенсорного рецептора, которая затем интерпретируется разумом для понимания информации. В подобной стимуляции участвуют звук, зрительная детализация, вкус, запах, тактильные ощущения. Определенное сочетание света, темноты и тени способно действовать на периферическое зрение и тактильные восприятия, вызывая даже у современного человека архаичные переживания, которые очень близки к мифологическим. При этом они подчеркивают терапевтическую особенность подобного опыта.

Кроме этого, с познавательной функцией религии тесно связана ее компенсаторная функция. Она дает психологическое спокойствие человеку, так как в его жизни появляется определенность в ответах на неизвестные ему вопросы. Религия задает смысл жизни, а также показывает направления, по которым эта жизнь может быть прожита [4]. Также, внутри религиозных общин образуются группы по интересам, где люди делятся между собой религиозными знаниями, находят друг друга как для дружбы, так и для более серьезных отношений, в том числе, брака. Религия способна тесно интегрировать членов группы, повысить или, наоборот, понизить их социальную активность [1].

Отсюда мы можем увидеть, что религия играет огромную роль в жизни индивида, социальных групп и общества в целом, поскольку она является тем, что задает не только ментальные стандарты в виде морали и должного поведения, но и системы знаний о светском мире и мире сакральном. При этом религия поднимает важные вопросы для жизни общества, например, «есть ли у человека свобода», «что такое истина» и т. д. И отвечая на них, она дает конкретные ответы. Тем временем, наука не может похвастать знанием сферы божественного, ни доказать, ни опровергнуть его существование. Но она не может со стопроцентной убедительностью сказать и об этом мире: как он возник, как возникла в нем жизнь, как возникло человечество. Это конечно же не может быть поводом для утверждения о превосходстве религии над наукой. Религия обладает и слабыми сторонами, например, она не до конца критична по отношению к собственным способам и результатам познания материальной и трансцендентной реальности, на многие вопросы религия дает однозначный и авторитарный ответ в виде догм. Иногда категоричная позиция религий способна приводить к противостоянию своих последователей.

Понимая противоположность религии и науки по методологии освоения реальности, в Средние века мыслители развили концепцию двойственной истины. Согласно ей, религия и наука должна специализироваться по своему предмету. Законы природы подвластны науке, законы сверхъестественного подвластны религиозным методам познания. Однако данный принцип разделения сферы знаний на две истины всегда нарушался обеими сторонами. Всегда был соблазн исследовать сверхъестественное с помощью экспериментальных дисциплин, как и со стороны религии всегда были попытки повлиять на научную форму знаний, или хотя бы провести убедительные аналогии между своими теологиями с научным знанием.

Синтез науки и религии как знаний прослеживается в творчестве Тейяр де Шардена, который соединил креационизм с дарвинизмом, в исследованиях Ф. Капра, который проводит параллели между квантовой физикой и мистицизмом. Сегодня существует много специалистов и меньшего звена, стремящихся доказать то, что наука только переоткрывает старые истины Корана, Библии, учений мистиков и оккультистов прошлого. Однако данные попытки встречают со стороны академических ученых много заслуженной критики.

Список источников

1. Багаева К. А., Цырендоржиева Д. Ш. Социальные функции религии и специфика их реализации в условиях современности // Вестник Бурятского государственного университета. 2023. № 1. С. 18–30.
2. Ильин И. Аксиомы религиозного опыта. – М.: «Русская книга», 2002. С. 287.
3. Малиновский Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.
4. Петровых И. Н., Маковецкая Ю. Г. Компенсаторная функция религии в контексте философского анализа религиозности современного общества // Гороховские чтения. Материалы IV региональной музейной конференции. Министерство культуры Челябинской области; Челябинский государственный краеведческий музей. 2013. С. 147–151.
5. Поздняков А. В. Категория опыта в научных и религиозно-философских интерпретациях мистических практик // Записки философского факультета Орловского государственного университета. Том 4 (05). Орел, 2015. С. 15–26.
6. Энн Тэйвз. Религиозный опыт / пер. с англ. и прим. Т. В. Малевич. URL: <https://religious-life.ru/2012/11/religious-experience/> (дата обращения 02.02.2024).
7. Shalini Ar. D., Kavitha Ar. V. S. Sensory experience in religious spaces and their healing characters international / Journal of scientific research in engineering and management (IJSREM). Vol: 07, MAY. 2023, pp. 1–9.

Е. А. Тимощук
Владимирский государственный университет
Владимир, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. Современная континентальная философия и феноменология во многом представляет эволюционный конструктивистский продукт. Возникновение и объекты исторической феноменологии отражены в работах Гуссерля, который успел заняться фундаментальными вопросами сущности числа, фигуры, предложить свое видение в кризиса европейских наук и заложить основы социокультурной феноменологии.

Ключевые слова: *интерсубъективность, интенциональность, ноэзис, ноэма, конституирование, Декарт Кант, Гуссерль, смысл, идея, рациональность*

Abstract. Contemporary continental philosophy and phenomenology is in many ways an evolutionary constructivist product. The emergence and objects of historical phenomenology are reflected in the works of Husserl, who managed to deal with fundamental questions of the essence of number, figure, to offer his vision in the crisis of European sciences and to lay the foundations of socio-cultural phenomenology.

Keywords: *Intersubjectivity, intentionality, Noesis, Noema, Constitution, Descartes Kant, Husserl*

Введение. Феноменология – философское направление, популярное на Западе в XX в. Феноменология в узком смысле относится к философской школе или важной школе, основанной европейским философом Э. Гуссерлем (1859–1938) в западной философии XX в. В основном оно состоит из философских теорий самого Гуссерля и его ранних последователей. Феноменология в широком смысле впервые относится к этому философскому направлению, в ее содержание помимо философии Гуссерля входят также различные философские теории, прямо и косвенно находящиеся под ее влиянием, а также феноменологические принципы и методы, применявшиеся в западной гуманитарной науке в системе XX в.

Эволюция феноменологии восходит к работам философов Декарта, Ламберта, Канта, Гегеля и его значение несколько варьируется от философа к философу. Особое значение, которое Гуссерль придавал «феномену», относится к «сущности» различных эмпирических категорий в сфере сознания, и это существенное явление является дологическим, оно выступает результатом феноменологической редукции.

Феноменология в узком смысле относится к философской школе Э. Гуссерля. В западной философии в XX в. В основном оно состоит из философских теорий самого Гуссерля и его ранних последователей. Феноменология в широком смысле впервые относится к этому философскому направлению, в ее содержание помимо философии Гуссерля входят также

различные философские теории, прямо и косвенно находящиеся под ее влиянием, а также феноменологические принципы и методы, применявшиеся в западной гуманитарной науке в системе XX в. К феноменологии часто относят всю проблематику сознания от Платона и Секста Эмпирика до Канта и Гегеля.

Феноменология – это не набор учений с фиксированным содержанием, а описание явлений через «непосредственное знание». Явление, о котором оно говорит, не является ни объективной вещью, ни объективно существующим эмпирическим фактом или «чувственными данными», а «существованием в чистом сознании», отличным от любого психологического опыта.

Ее основные характеристики в основном отражаются в методологии, то есть путем возвращения к исходному явлению сознания, описания и анализа процесса формирования понятий (в том числе существенных понятий и категорий) с целью получения реалистичной информации об установлении (смысле) концепции, а также четкие доказательства. Считается, что только на этой основе можно уточнить истинное значение этих понятий в традиционной философии, тем самым по-новому объяснить проблемы традиционной философии и провести глубокие исследования в различных областях.

Этимология слова «феноменология» восходит к работам французских философов Ламберта и Гегеля XVIII в., но его значение отличается от употребления Гуссерля. Особое значение, которое Гуссерль придавал «феномену», относится к «сущности» различных эмпирических категорий в сфере сознания, и это существенное явление является дологическим, оно является результатом феноменологической редукции. Феноменология в узком смысле относится к философской школе или важной школе, основанной немецким философом Э. Гуссерлем в западной философии в 20 в. В основном оно состоит из философских теорий самого Гуссерля и его ранних последователей. Феноменология в широком смысле впервые относится к этому философскому направлению, в ее содержание помимо философии Гуссерля входят также различные философские теории, прямо и косвенно находящиеся под ее влиянием, а также феноменологические принципы и методы, применявшиеся в западной гуманитарной науке в системе XX в.

Ее основные характеристики в основном отражаются в методологии, то есть путем возвращения к исходному явлению сознания, описания и анализа процесса формирования понятий (в том числе существенных понятий и категорий) с целью получения реалистичной информации об установлении (смысле) концепции. Считается, что только на этой основе можно уточнить истинное значение этих понятий в традиционной философии, тем самым по-новому объяснить проблемы традиционной философии и провести глубокие исследования в различных областях.

Феномен – латинское слово, первоначально полученное из греческого. Его аналог в средненемецком и современном немецком языке – *Er-*

scheinung. До эпохи Просвещения «феномен» был, прежде всего, богословским термином. Слово «феномен» также означает «явление», что, в основном, относится к «чудесам» и является «откровением» Бога. Явления Бога, Марии и т. д. являются важной концепцией в католицизме. В христианстве избрание Богом человека является центральной темой пространства вселенского блага. Что касается «видимости» Бога, она имеет несколько особенностей. Во-первых, эти явления могут видеть только избранные Богом люди; во-вторых, явления – это своего рода откровение, через них Бог хочет сообщить людям что-то важное. Поэтому церемонии «канонизации» в римском католицизме удостоиваются только те, кто видел чудеса. Как бы велик ни был ваш вклад в церковь, если вы не видели чудес и Бог не явил вам Свой Дух, это означает, что Бог не избрал вас, поэтому вы можете быть только «обычным человеком».

Поскольку «видения» и «явления» – это всегда божественные откровения людям, то объяснение этих явлений очень важно. Другими словами, за «явлением» стоит нечто более важное, и человек должен иметь способ правильно понять Божье откровение. Здесь «явление» выступает важным путем к божественному откровению, но явления нельзя правильно понять без твердой веры – богословского основания.

Наиболее важными среди течений, которые оказали решающее влияние на мысль и культуру Нового времени, являются эмпиризм и скептицизм. Феноменология возникла как реакция на их позитивистское содержание как научный способ объяснять веру, интенциональность, интересубъективность. Юм выразил самые фундаментальные и глубокие сомнения относительно человеческого разума, независимо от того, имел ли он божественную помощь или нет. Под его воздействием традиция впала в глубочайший кризис, который феноменология старалась преодолеть.

Феноменология и конструирование смыслов в гуманитарном знании составляют важное направление в современном мировоззрении. Идеология, политика, пропаганда, связи с общественностью, управление образованием, СМИ – все эти ключевые домены новой социальной онтологии неизбежно связаны с методологией социокультурного инжиниринга, которое начинается с идеационного проектирования, интенциональной многовекторной геометрии общественного сознания.

Прошлое и будущее феноменологии неотделимо от развития цивилизации. Феноменология не только возвращается к удивлению древнегреческого философа в мире, но и влияет на мировоззрение современного философа, который обращается к образу будущего и социокультурному контексту. Развитие феноменологии в России неотделимо от внимания к западной методологии и заимствованию когнитивной культуры, как континентальной, так и атлантической. Феноменология помогает навести мосты между древними практиками восточной цивилизации и современностью, позволяет расширить свою собственную точку зрения на проблемы сознания. Благодаря традиционной культуре мы чувствуем себя более уверенно исторически, однако модернизация активизирует производственные

силы и отношения. Благодаря феноменологии мы получаем развитие древнего и современного, восточного и западного, личного и intersубъективного.

Феноменология имеет также уникальное значение для творчества и искусства. В настоящее время она встречается везде, где идет глубокое влияние на человеческую жизнь, самореализацию, изучение структуры сознания, трансцендирование. И, в этом смысле, феноменология имеет значение для выживания вида *homo*, т. к. предлагает практическую социокультурную теорию человеческого сознания.

Феноменология и развилась как философия выживания, будучи интеллектуальной реакцией на марксизм и ницшеанство, позитивизм и кризис рационализма. Она предложила преодоление опыта проживания в теле, линейного времени и пространства, справедливо заслужив титул «философии будущего». Действительно, с тех пор угас интерес к позитивизму, прагматизму, экзистенциализму, неотомизму, персонализму и даже космизму, а психоанализ и марксизм превратились в социальные практики, выбрав всю свою философскую глубину. В то время как феноменология только расширяет свое поле, разрабатывая региональные домены религии, права, политики и искусства. Способность оставаться продуктивной методологией феноменология приобрела благодаря своей фундаментальной категории – сознанию. Даже герменевтика, сохраняющая популярность благодаря основательности концепта «текст», имеет некий потолок в приемах и методах. В то время как изучение и поиск инструментов описания сознания не может быть исчерпан. И в этом смысле феноменология сохраняет свежесть и новизну, подтачивая ницшеанский нигилизм.

Гуссерлианство нашло новые области описания – региональная онтология, эстетика, этика, антропология, мировоззрение, трансцендирование, социальное время. Продолжая картезианство и кантианство, и реагируя на вызовы эмпириокритицизма, феноменология расширила концепции «опыт», «истина», «искусство», «диалог», «биография», «жизненный мир», «техника», «гуманизм», «Другой». Гуссерлианство устанавливало мост между социальными структурами, поэтикой и когнитивизмом. Рациональное единство, связывающее Декарта, Канта, Ингардена, Шюца основано на совмещении фундаментальности, интерпретативности, критичности, аналитичности. Если конкретные науки в отношении естественного мышления не заботят основания познания, знание «как это возможно», то феноменология может сделать объектом познания существование посредством «значения», которое будет построено как существование в сознании. И в этом смысле феноменология преодолевает естественнонаучный детерминизм, рассматривая мир с поворотной точки зрения сознания. Рациональность, природа, восприятие неизбежно становятся внутренними, помещенные в феноменологический контекст. Гуссерлианство представляет возможный взгляд на свободу с точки зрения существования сознания.

Феноменологическая школа постоянно обсуждала причины, по которым не были видны результаты философии в области практических обще-

ствоведческих штудий. Феноменология указала, что с постоянное углубление и уточнение философических исследований Декарта, Юма, Канта не утомляет академическое сообщество. Тексты, этика, идеальное – такие разные темы, но столько много общего, если опираться на категорию сознания.

Принято считать, что вокруг дискуссии о рациональности науки в современной западной научной философии сформировались две традиции: логицизм и историзм. Как мы видим, на Западе существует и третья важная традиция научной философии, а именно феноменологическая школа. Ее отличительной особенностью является то, что она придерживается резкого критического отношения к современной науке и ориентируется на анализ оснований и сущности науки. критика, пытаясь тем самым реконструировать рациональность науки путем реконструкции ее метафизических оснований.

В каком-то смысле все вопросы философии науки можно в основном отнести к вопросу научной рациональности. Феноменология показала, что вопрос научной рациональности – это не только вопрос логики и методологии, он тесно связан с другими областями философии, в частности, с антропологией. Если научная философия – это теория научной рациональности, то феноменология – это гуманитарная теория сознания. Допущение сознания в сферу науки с учетом строгости дескриптивной методологии феноменологии представляет программу умеренного рационализма, что уравнивает радикальный рационализм с его логицизмом, историцизмом и технократизмом.

Гуссерлианство как третий путь третья – важная традиция научной философии. Отличительной чертой этой традиции является то, что она придерживается резкого критического отношения к технократизму, логицизму, историцизму и ориентируется на анализ и критику оснований и сущности науки и поэтому пытается реконструировать рациональность науки путем реконструкции метафизического основания науки. Гуссерль, основоположник феноменологии, был уверен, что с помощью феноменологического знания будет решен фундаментальный вопрос о возможности всякого исследуемого знания и науки. Дебаты вокруг рациональности науки в современной западной философии сформировали важные модели, которые, по сути, остаются на аналитическом треке, но имеют разные исходники.

По сравнению с другими традициями научной философии, феноменологическая школа, основанная Гуссерлем, имеет совершенно иной стиль и кажется весьма «альтернативной» и уникальной. Впервые оно было предложено философами континентальной Европы и в целом должно принадлежать континентальной европейской философии. При этом она явно отличается от британской и американской аналитической философии науки.

Прежде всего, феноменологическая школа отказалась от узкой концепции аналитической философии, ограничивавшей «науку» естествозна-

нием. Она включила философию и всю духовную науку в категорию науки, поэтому имеет явную антинатуралистскую антисциентистскую позицию. Как мы все знаем, аналитическая философия, особенно логический эмпиризм, решительно отрицает и отвергает метафизику, ценности, деонтологию. Фанатичная антиметафизическая позиция не делает сциентизм сильным. Такие феноменологии, как Гуссерль, Хайдеггер, Гадамер, Ингарден, Шюц вынуждены защищать научность философии и всей духовной науки. Решающее значение для правильного понимания феноменологии имеет то, что она не ограничивал концепцию познания естественными науками, предлагая целостный взгляд на взгляд на мир и человека. Единая система знаний феноменологии относит различия между естествознанием и философией к различным установкам познания, где возникают разные самоочевидности и самоданности. Естественнонаучная установка не является при этом высшей и окончательной, феноменология представляет знание о существующих вещах в абсолютном смысле.

Для Гуссерля сфера духа или человеческого поведения является «внутренней». Гуманитарные науки можно также назвать «субъективными», «эндогенными» науками. Конечно, это не означает, что в гуманитарных науках нет объективных факторов, ведь дух должен сначала выразить себя и культурные и духовные достижения и – все это проявления духа, они могут быть названы «объективированным духом». Вдобавок, Гуссерль, как классический европейский философ, унаследовал все немецкие идеалы *Wissenschaft*.

Чтобы понять объекты исторической феноменологии, как формировался их понятийный аппарат, концептуальные фреймы, необходимо проследивать путь формирования философии идеализма от Платона до Вальденфельса, его характеристики, связь первоначального смысла и входящих эмерджентных идей в происхождении социокультурной феноменологии, связь социальных практик и рациональности, роль инструментального освоения мира в становлении социокультурной оптики.

Считается, что возвращение идеалистического проективного мышления и реконструкция смыслов составляют суть исторического гуссерлианства. На основе феноменологического исследования вырисовываются два основных тренда: историческая феноменология как история становления идей и историческая феноменология в широком смысле как генерация идеалистического логоцентризма.

Гуссерль придал феноменологии институциональный характер, с него она и ведет свое историческое начало в философии, собирая множество имплицитных ранних концептов вроде эйдос, интенция, эпохэ. «Историческая феноменология» здесь относится к мыслям и теориям Гуссерля, возникшим из его размышлений об исторических проблемах в последние годы его жизни, а также будущем гуманитарных наук, наук о сознании. Это породило основные положения исторической феноменологии в «широком смысле». Поздняя феноменология дала начало социокультурных и историческим феноменологическим исследованиям. Размышления о рациональ-

ности, историческая ретроспекция и построение смысла составляют корень гуссерлианства и постгуссерлианства.

Юбилей И. Канта (1724–1804) и феноменология. Когда мы говорим о феноменологическом подходе к знанию, обязательно включаем одного из первых в список Иммануила Канта, помимо Платона, Аристотеля, Бэкона, Юма, Гегеля, Фихте, Кассирера, Гадамера, Мерло-Понти и Гуссерля.

Иммануил Кант – крупный мыслитель, который открыл много направлений в философии, до сих пор не потерявших актуальность. Он же подхватил феноменологические идеи Декарта и редукцию Юма. Продолжая тематику Просвещения и Нового времени, Кант, главным образом, повлиял на гносеологию, этику, эстетику и социальную философию. Он примирил рационализм и метафизику, естествознание и этику, сохранив за философией роль генератора новых значений и идей.

Кант стал одним из первых философов, который последовательно нагружал феноменологическую зону разными смыслами и создавал пролегомены к этому концепту. То, что мы называем феноменологией сегодня находилось в процессе сборки во времена Канта. Три программы феноменологии (кантовская, гегелевская и гуссерлевская) имеют свои особенности, но все укоренены в «археологии достоверности» [5].

Феноменологическое прочтение философии Канта связано с общим конструктивистским трендом Нового времени. Так, феноменологическая интерпретация его этики начинается с Другого и рефлексивно-интенционального принципа отношения к нему. «Долг», если понимать его феноменологически как естественную установку, звучит оригинально и вдохновляющее. Переживание долга как трансцендентного смысла морального контрастирует с миром фактов и наличных вещей. Вместе с тем, говоря о феноменологической экспликации морали Канта, можно отметить, что подобное эйдетическое прочтение требует особого нозматического воображения. Феноменология позволяет заглянуть в трансцендентные смыслы морального и превзойти действия, погруженные в мир фактов и наличностей [8].

Можно ли сказать, что от Канта до Гуссерля остается один шаг? Маловероятно. И дело не только в работах Гегеля, Фихте, Brentano, подготовивших дальнейшую почву выхода феноменологии на новый уровень. Мало заметным остаются частные исследования, где кантианско-феноменологическая мысль работает на сложном уровне осмысления идеального. Так, Рудольф Отто (1869–1937) толковал религию как состояние священного живого существа, предстающего перед Великим. У нас не может быть позитивного-эмпирического познания Бога с точки зрения науки, но мы можем зафиксировать субъективные чувства возвышенного, духовного, благоговейного. Якоб Фриз (1773–1843) применил критическую философию Канта к познанию феномена религии и открыл экономный способ синтетического познания априори священного через фиксации *sensus numinis*, которое не может быть фальсифицировано, в отличие от рациональных теологических конструкций [4, с. 59–74].

Отто продолжил кантианско-фризовскую модель описания «*Ganz Andere*» как возвышенного, несоизмеримого, непостижимого, мистического, трансцендентного. Нуминозный опыт превосходит классические отношения субъекта и объекта, разрушая границы между духовным и материальным, индивидуальным и всеобщим, видимым и невидимым, индивидуальным и коллективным [1].

Другие феноменологические проблемы философии Канта касаются проблемы соотношения репрезентизма и дескриптивности, единства сознания и дискретности ощущений; ума как формы времени, собирающей впечатления в их многообразии; сознание времени как устойчивого единства; особенность генеалогии логики [9, 10]; особенности обоснования морали у Гуссерля [11]; эволюция феноменологии от Платона к Канту и Гуссерлю и преодоление эпистемологических проблем в феноменологии [12]; кантианское толкование Гуссерля [2, 3]; «феноменологической редукции» философии Канта [6]; параллелизм этики и логики [1].

В целом же, интерес Гуссерля ко всякому становлению (*Werden*) – характеристика его поздних работ, в которых он начинает рассматривать мир более реалистично, не с позиции трансцендентального наблюдателя, а как аналитик интерсубъективного Другого. Индивидуальный модус сомнения вроде «мне кажется», «я полагаю», «по моему мнению» погружен в обыденность и повседневность, далек от какой-либо систематизации и обобщения. Такие алетические акты предикации практически никогда и нигде не могут стать наукой, кроме как феноменологии, достигающей из экплицитного уровня пропозиции имплицитный слой феноменологических операторов – естественная установка, интенциональность, жизненный мир.

Постмодернизм и постструктурализм можно считать и постфеноменологией, в силу того, что они не разделяют гуссерлевскую теорию субъективности. И дело не только в том, что деконструкцией субъекта пронизана философия Левинаса, Дерриды, Лиотара, Кристевой. В трудах постгуссерлианских феноменологов тема трансцендентального субъекта либо умалчивается, либо, как в случае Хайдеггера, Сартра и Мерло-Понти, концептуально критикуется. Трансцендентальный субъект Гуссерля подвергается фрагментизации, децентрации и существует только в отношениях, выступает как бы следствием чего-то Иного. Подобное дробление и отчуждение трансцендентального субъекта происходит постепенно под влиянием различных стратегий: встреча с Другим Левинаса, растворением границ видимого и невидимого Мерло-Понти, поэтическое самопреодоление Хайдеггера.

Вывод. Таким образом, «критики» Канта пронизаны фундаментальными феноменологическими категориями – схема синтеза воображения, автономия воли, самозаконодательство, поиск архе, основоположения, Альтер эго (Другой). Оппозиция «*ding für sich*» и «*ding an sich*» повторяет трек феноменально-ноуменального.

Трансцендентализм Канта неизбежно касается вопросов эпистемического фундамента знаний. Если Юм и Кант в XVIII в. доводят до рационального предела агностицизм в отношении манифестаций мира вещей, то Гуссерль, Ингарден, Шюц, Бергер и Лукман создают в XX в. дескриптивное наполнение для аскетичного мира *êloχή*.

Метод дескрипции Гуссерля, вместе с тем, отличается от философских методов Канта. Кант сохраняет определенный натурализм, пытаясь совместить позиции эмпиризма и рационализма. Чтобы примирить сознание и опыт Кант был вынужден прийти к странному выводу о существовании двух видов реальности и существовании неизвестной стороны объектов. Гуссерль полностью преодолевает этот натурализм. Сознание и опыт больше не являются своего рода естественным объектом, а законы сознания и опыта больше не являются законом индукции. Сознание и опыт имеют свое собственное интенциональное измерение. Гуссерль принял идеал, который Кант хотел понять, но не смог достичь его полностью, — тщательное исследование субъективности. Вектор философии Гуссерля только приближает нас к Канту. Мы можем даже сказать, что Гуссерль — это новый кантианец, который больше, чем другие, возвращается к Канту.

Открытие динамических идеальных структур составляет не только предмет исследования Гуссерля, но и Платона, Августина, Декарта, Канта, которые производили рефлексию над априорными предметностями [5]. Редукция своей обусловленности является базовым философским действием ради усмотрения дифференциации между сущностью и существованием, наличным и процессуальным. Созерцание бытия как коррелята сознания происходит в момент избавления от принудительной необходимости естественной жизни с ее демонстративной причинностью.

Проводя исторические обобщения — «Гуссерль продолжает трансцендентальную эстетику И. Канта» [6], но почему просто не описать мышление и его акты? В области ноззо-нозматического описания высказано много идей, ряд из которых интуитивно ясна, другие же относятся к метафизическим постулатам. Например, сама репрезентация ноззиса и нозмы как мышления и содержания его актов, процесса и его компонентов, не является чем-то необычным. Действительно, данные категории вполне вписываются в онтологию процесса, системно-структурную методологию, «агент-среда» ориентированное моделирование.

Гуссерль исходил из феноменологической точки зрения трансцендентности. Глубоко размышляя о рациональном духе Европы и возлагал надежду на то, что его феноменология и философия спасут кризис европейской науки. Это составляет академическую основу и предпосылку исторической феноменологии Гуссерля. Основные вопросы социокультурной феноменологии, это интенциональность, рациональность и смысл, которые должны быть интегрированы и включены в историю.

Основные проблемы феноменологического мышления исходят из вопроса внутреннего смысла, оснований рациональности и перспектив феноменологической интенциональности. Позитивистский историзм

не позволяет глубоко размышлять над историческими проблемами, равно как и метафизика истории, историцизм, логицизм, юрицизм. Феноменологический смысл заставляет рассматривать историю как разверстку горизонтов и конкретизацию жизненных планов. Феноменология через стратегии редукции, эмпатии, слушания биографической ситуации, изучение нарративных слоев, анализ дискурсов, фокус на intersubjectivity интеракций создает свой проект социокультурной истории, где движителями выступают кайрос, энтелехия, отнопоэзис, пролиферация, конституирование, индивидуация, фабулизация, аппрезентация, визуализация, креативность, социологическое воображение. Феноменологический контекст рефлексии позволяет переосмыслить вопрос историчности вообще, усматривая последовательность событий как разверстку смысловых горизонтов. Феноменология не столько заставляет задумываться на содержанием общего исторического смысла, сколько задает параметры индивидуальных жизненных миров и интересуется их сопряжением, умножением, созиданием обобщенных смысловых доменов. Исследование истории вообще невозможно в феноменологии, ибо она конкретизирует свой интерес, направляя на системы релевантностей, биографические ситуации и другие детерминанты интенциональной рефлексивности. История вообще невозможна, также как невозможен дискурс вообще. История, текст, цивилизация всегда конкретны и персонифицированы. Общие понятия являются абстрагированными формами конкретного. Поиски первоначального смысла и универсалий ценны тем, что есть конкретные мыслители, которые в определенной ситуации задают такие горизонты, создавая определенные смысловые локации для других идущих.

Антиномичность истории – еще одна проблема, которая решается феноменологически через признание эстетической детерминанты смыслового, а не временного. Креативность, эстетичность, самоочевидность, смыслопорождение, опредмечивание, концептуализация, аксиоматичность схемы изменяют смысл традиционной метафизики как поиска онтогносеологического первоначала. Социокультурная феноменология легитимизирует, таким образом, смысловую генерацию как принцип реализации свободы живого существа.

Список источников

1. Лаврухин А. В. Практическая философия И. Канта и Э. Гуссерля // Кантовский сборник. 2017. С. 61–76.
2. Орлова Ю. О. Понятия апперцепции и рефлексии у Канта и понятие рефлексии у Гуссерля // Между метафизикой и опытом. СПб: СПбФО, 2001. С. 226–251.
3. Орлова Ю. О. Кантианские стратегии интерпретации феноменологии Гуссерля (на примере современных исследований в Германии) // Актуальность Канта. СПб: СПбГУ, 2005. С. 193–204.
4. Пылаев М. А. Философия религии в феноменологии Рудольфа Отто // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного уни-

верситета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2011. № 6 (38). С. 59–74.

5. Разеев Д. Н. Учение о феноменальности (феноменология) Канта // Альманах «Метафизические исследования», Метафизические исследования: Понимание. 1997. Вып. 1. Издательство СПбГТУ. С. 38–74.

6. Счастливец Р. А. Вперед, к Канту! Феноменология чистого разума // Преподаватель XXI век. 2014. № 2. С. 26–33.

7. Тимошук Е. А. Наследие Рудольфа Отто в феноменологии культуры // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 1. 4–12.

8. Финдлер Р. Феноменологическая этика Канта // Топос. 2002. № 1 (6). С. 29–50.

9. Kinkaid J. Phenomenology, idealism, and the legacy of Kant // British Journal for the History of Philosophy. 2019. 27:3. P. 593–614.

10. Morrison R. Kant, Husserl, and Heidegger on Time and the Unity of “Consciousness” // Philosophy and Phenomenological Research. 1978. Vol. 39, No. 2. P. 182–198.

11. Peucker H. Husserl's Critique of Kant's Ethics // Journal of the History of Philosophy. 2007. № 2 (45). P. 309–319.

12. Rockmore T. Kant and Phenomenology. University of Chicago Press, 2011. 257 p.

О. В. Коновалова
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАРКСИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ НЕОНАРОДНИЧЕСТВА (ПО РАБОТАМ В. М. ЧЕРНОВА)

Аннотация. В работе рассматривается влияние марксизма на формирование взглядов идеолога и теоретика неонародничества В. М. Чернова. Виктор Михайлович, считал, что идеология партии социалистов-революционеров не противоречит убеждениям «позднего марксизма», а оппоненты из рядов российской-социал-демократии не учитывают эволюцию взглядов классиков марксизма.

Ключевые слова: марксизм, неонародничество, К. Маркс, мировоззрение В. М. Чернова, идеология партии социалистов-революционеров, крестьянство, аграрный вопрос, капитализм

Abstract. The paper examines the influence of Marxism on the formation of the views of the ideologist and theorist of neo-populism V. M. Chernov. Viktor Mikhailovich believed that the ideology of the Socialist revolutionary party did not contradict the beliefs of “late Marxism”, and opponents from the ranks of Russian social democracy did not take into account the evolution of the views of the classics of Marxism.

Keywords: Marxism, neo-populism, K. Marx, V. M. Chernov's worldview, ideology of the Socialist revolutionary Party, peasantry, the agrarian question, capitalism

Марксизм со времени своего возникновения и до сегодняшнего дня является одной из самых влиятельных доктрин в развитии научной и общественной мысли. Изучение социально-экономических основ капиталистического общества, ретроспективный анализ истории человечества и прогнозирование будущего, казалось, отвечали насущным вопросам, стоящим перед западным миром и Россией в конце XIX – начале XX в.

На основе синтеза идей народничества, марксизма с новейшими наработками западной и отечественной научной и общественно-политической мысли выкристаллизовывались основы неонароднической доктрины.

Опираясь на отдельные положения марксизма, с одной стороны, оспаривая неприемлемые для себя идеи, с другой, В. М. Чернов – идеолог неонародничества, не мог отрицать того огромного значения, которое имело учение К. Маркса на формирование его собственной мировоззренческой позиции.

Персонально классикам марксизма посвящены его статьи: «Фридрих Энгельс. Биографический очерк» (Орловский вестник, 1895), «Карл Маркс» (Революционная Россия, 1903). В целом в работах Чернова, рас-

смастеривавших положения марксистской доктрины в период до Первой мировой войны, можно выделить три ключевых проблематики. Первая – касалась философско-социологических аспектов и отражалась преимущественно в статьях «Экономический материализм и критическая философия» (Вопросы философии и психологии, 1895), «По поводу новой книги об экономическом материализме (Русское богатство, 1899), «Типы психологического и социологического монизма» (Русское богатство, 1899) и др. впоследствии вошедших в сборник трудов «Философские и социологические этюды» (М., 1907).

В этих работах Чернов, с одной стороны, солидаризировался с Марксом, соглашаясь, с тем, что, безусловно, критерием научной истины является практика, и главный смысл философии в том, чтобы осуществить синтез «правды-истины» и «правды-справедливости», показывать направление нравственной воли к общественному идеалу [2, 33]. Он также признавал значение теоретических построений марксизма в плане периодизации исторического процесса, изучения законов развития капиталистического общества, классовой борьбы, революции.

С другой стороны, обращал внимание на односторонность научных построений марксизма. В исторической концепции последователей исторического материализма, отмечал он: «Легко и просто, вне времени и пространства, без отношения к конкретным условиям каждого отдельного случая, решаются с новой точки зрения самые сложные и запутанные практические вопросы социологии и политики» [3, с. 188]. С его точки зрения, «классификация социальных «явлений» по их содержанию на экономические, юридические и интеллектуальные, на самом деле вовсе не классификация *явлений*, а лишь классификация *элементов*, из которых состоят явления». Ему весьма импонировала позиция Н. К. Михайловского, высказанная в статье «Что такое прогресс?»: «если мы ухватимся за один какой-нибудь социальный элемент, почему-либо бросившийся нам в глаза, и по движению этой части будем судить о развитии целого, то вся история естественно окрасится для нас односторонним и ложным цветом» [3, с. 201–204].

Поиск баланса между универсальным и особенным в истории человечества в дальнейшем приведет его к пониманию, того, что существуют общие тенденции в историческом развитии, но они по разному преломляются в различных национальных культурах [2, с. 41–42]. На этой идеи построена его концепция типов капиталистической эволюции и определены особенности развития капитализма в странах, поздно вступивших на путь капитализма, с преобладанием аграрного сектора экономики, таких как Россия [5, с. 225–243].

Вторая проблематика, имеющая отношение к марксизму в работах Чернова, связана с характеристикой классовой теории марксизма, оценкой социально-классовой структуры капиталистического общества и спецификой ее в разных странах в соответствии с теорией типов капитализма, аграрной эволюции. Он рассматривал ее в своих статьях «Крестьянин и ра-

бочий как категории хозяйственного строя» (СПб, 1900; 1906); «К теории классовой борьбы (Революционная Россия, 1903; 1906) и др. в последующем вошедшие в сборник «Социалистические этюды» (М., 1908). Идеолог эсеров обращал внимание на то, что теория классов и классовой борьбы не является «единственно и исключительно собственностью Маркса». Зарождение этого учения уходит «далеко вглубь истории» и представлено в работах представителей утопического социализма, А. Смита, Д. Рикардо, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и др. [3, с. 205, 206].

Более того, полемизируя с отечественными марксистами, он подчеркивал, «до какой степени наши социал-демократы – «ортодоксы» мало понимают и много вульгаризируют учение Маркса» [3, с. 205, 206, 225]. Например, по его мнению, это связано с интерпретацией ими критериев разделения общества на классы. У самого Маркса этот вопрос оказался не до конца проработан: в самом кульминационном пункте его аргументация прерывается «вместе с недоконченной рукописью третьего тома («Капитала» – К. О)». Опираясь на отдельные высказывания Маркса, социал-демократы главным критерием разделения общества на классы провозгласили отношения собственности на средства производства. При такой позиции, рассуждал Чернов, в класс буржуазии попадают не только предприниматели-капиталисты, но и докапиталистические ремесленники, и крестьяне, ведущие личное трудовое хозяйство [3, с. 19].

Чернов считал, что более последовательное продолжение классовой теории Маркса представил «один из самых крупных «ортодоксальных» его учеников» – К. Каутский. Он в качестве главного критерия разделения общества на классы «выдвигает общность источников дохода, а затем уже – вытекающую из того же первого фактора общность интересов и противоречия их другим группам интересов». [3, с. 226–228].

Опираясь на эти положения, с одной стороны, и идею Н. К. Михайловского о народе как совокупности трудящихся классов, с другой, Чернов обосновал концепцию единого рабочего класса – состоявшего из пролетариата и трудового крестьянства, исходя из того, что главным источником их дохода является собственный труд [5, с. 258–274]. Это теория стала основой для характеристики социально-политических сил российского общества накануне и в период революции [4, с. 225–243]. Безусловно, своеобразной данью марксизму Чернова в молодые годы, явилось убеждение в прогрессивности и неизбежности революции [6, с. 251–271]. Даже обоснование целесообразности тактики политического терроризма, взятое из арсенала народничества, идеолог эсерства обосновывал в том числе, необходимостью «революционизирования масс» [7, с. 70].

Все эти исходные теоретические установки помогли Чернову разработать аграрную программу партии эсеров – социализацию землю и развитие кооперации. Однако и здесь не обошлось без марксизма. В своих работах «Марксизм и аграрный вопрос» (в 2-х частях, СПб, 1906), состоявшей из ранее написанных им и систематизированных статей; «К вопросу о капитализме и крестьянстве» (Нижний Новгород, 1906) он доказывал, что за-

кон всеобщей пролетаризации не грозит российскому крестьянству в период капитализма. Истоки, такой позиции он усматривал в позднем марксизме.

Проводя глубокий сравнительный анализ воззрений Маркса и Энгельса в книге «Марксизм и аграрный вопрос», он убедительно продемонстрировал, что в начале 1880-х гг. классики марксизма уже не отрицали положительной роли крестьянской общины. Более того не исключали возможности, при определенных условиях, перейти крестьянской общине в России «в высшую форму общественного развития, минуя процесс разложения, совершившийся повсюду на Западе» [3, с. 27, 462–463].

Скрупулезный анализ воззрений Маркса на основе трех томов «Капитала» позволил Чернову продемонстрировать, что идея о своеобразии проявления капитализма в сельском хозяйстве и специфике рабочего вопроса в этой отрасли хозяйства принадлежит позднему Марксу. Подводя некоторый итог своим размышлениям по этому поводу, Маркс писал в 3-м томе «Капитала» (цитата по работе В. М. Чернова – К. О.): «Мораль истории (производства)... заключается в том, что капиталистическая система противодействует рациональному земледелию, или что рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой (хотя последняя и способствует техническому его развитию и требует рук или самостоятельно работающих мелких крестьян, или контроля ассоциированных производителей» [3, с. 363]. Это давало Чернову, опираясь, в том числе на идеи Маркса, развивать концепцию некапиталистического пути развития сельского хозяйства в России [9, с. 83].

Список источников

1. Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары / В. М. Чернов. Мн., 2004. 416 с.
2. Коновалова О. В. Чернов о путях развития России / О. В. Коновалова. М., 2009. 383 с.
3. Чернов В. М. Избранное / В. М. Чернов. М., 2010.
4. Коновалова О. В. Идеология неонародничества (по работам В. М. Чернова) / О. В. Коновалова // Народники в истории России. Воронеж, 2016.
5. Коновалова О. В. В. М. Чернов о Н. К. Михайловском / О. В. Коновалова // Н. К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения): сборник научных трудов. Воронеж, 2017.
6. Коновалова О. В. В. М. Чернов об особенностях революционного процесса в России / О. В. Коновалова // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2019.
7. Коновалова О. В. Противодействие терроризму в свете концепции Л. Н. Толстого / О. В. Коновалова // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 3.
8. Горлов А. В. Эсеровский идеал системы государственного управления: дрейф от социализма к либерализму / А. В. Горлов // Вестник госу-

дарственного и муниципального управления: страницы истории. 2011. № 1.

9. Коновалова О. В. Методологические аспекты решения аграрного вопроса в России в начале XX в. в работах В. М. Чернова / О. В. Коновалова // Гришаевские чтения: материалы III национальной научной конференции. Красноярск, 2021.

А. С. Новикова¹, О. Б. Воробьева²
^{1,2} Медицинский университет «Реавиз»
Самара, Россия

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ: МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕМ

Аннотация. В статье показаны успехи Павла Флоренского в области биохимии йода, технологии его выделения из биологических носителей; представлены философские аспекты химической науки. Делаются выводы об уникальности и перспективности междисциплинарного подхода мыслителя к своим исследованиям.

Ключевые слова: Павел Флоренский, история и философия науки, биохимия йода, междисциплинарный подход в науке, естествознание

Abstract. The article shows the successes of Pavel Florensky in the field of iodine biochemistry, technology of its isolation from biological carriers; philosophical aspects of chemical science are presented. Conclusions are drawn about the uniqueness and prospects of the interdisciplinary approach of the thinker to his research.

Keywords: Pavel Florensky, history and philosophy of science, iodine biochemistry, interdisciplinary approach in science, natural science

Павел Флоренский (1882–1937) – русский ученый, богослов, философ, чьи труды имели связь между философией и естествознанием. Междисциплинарный подход П. Флоренского к познанию позволил предложить уникальное понимание природы химических явлений.

П. Флоренский начал свой путь в науке еще студентом. Ранние работы ученого затрагивали ее различные области, включая философию и математику. Но, помимо этого, он проявлял глубокий интерес к христианству, что впоследствии привело его к принятию решения поступить в Московскую духовную академию. После окончания академии, П. Флоренский начал преподавать философию и был рукоположен в священники. Этот период жизни мыслителя стал важным шагом в его духовной и научной деятельности [1].

В 1933 г. П. Флоренский попал под преследование властей и был осужден за антисоветскую пропаганду. В течение трех из десяти лет приговора к лагерной жизни он служил стране на Соловках в качестве ученого-химика, после чего его перевезли в Ленинград, а 8 декабря 1937-го, по решению НКВД, профессор был приговорен к смертной казни и расстрелян. Павлу Александровичу было 55 лет, на свободе осталась жена и пятеро детей. Талантливый исследователь был реабилитирован лишь в мае 1958 г. посмертно. Его жизнь – зеркало судьбы интеллигенции переломной эпохи.

В лагере на Соловках П. Флоренский работает на Йодпроме ученым-исследователем водорослей Белого моря. В своих письмах (89 сохранены) он делился открытиями с коллегами и друзьями, демонстрируя стремление к расширению границ знаний. В каждом письме П. Флоренский описывал результаты лабораторных опытов, рассказывал о химических реакциях и создании уникального экспериментального оборудования. При этом ученый не пренебрегал самыми доступными материалами для опытов, стремясь добиться результатов при минимальных затратах.

Одним из успехов исследований П. Флоренского стало выявление связи между окислительно-восстановительными процессами в организме человека и наличием в нем йода. Он предположил, что йод играет важную роль в регуляции этих процессов и влияет на обмен веществ. Позже ученые современности установят прямую связь между уровнем умственного развития, измеряемым коэффициентом IQ , и потреблением йода, что подтвердит гипотезу П. Флоренского. Оказалось, что йод играет ключевую роль в создании гормонов щитовидной железы, которые регулируют обмен веществ в организме.

Помимо медицинских и биологических аспектов, ученый также занимался изучением влияния йода на окружающую среду. Он исследовал химические процессы, происходящие при взаимодействии йода с другими элементами, и делал выводы о его роли в земной коре и океанах.

П. Флоренский внес существенный вклад в методику выделения агар-агара из водорослей. Он разработал способы экстракции и очистки агар-агара, что позволило повысить качество и чистоту получаемого продукта. В целом, работа ученого в области получения йода и выделения агар-агара из водорослей является важным этапом в развитии химической науки. Его открытия и методики оказались ценными не только для научного сообщества, но и для промышленности, способствуя улучшению технологий производства и расширению возможностей использования этих веществ.

В своих работах по химии П. Флоренский развивал философские аспекты этой науки. А. Г. Комиссаров писал про него так: «История русской философской мысли знает по меньшей мере один замечательный пример интеграции не только гуманитарного и естественно-научного знания, но и религиозной мысли с научной, произошедшей не просто без противоречий, но и с взаимным дополнением» [2, с. 515]. П. Флоренский рассматривал химию как средство поиска скрытых духовных истин Вселенной, во многом похожее на алхимию, но с более современным научным подходом. В своих трудах мыслитель часто проводил параллели между химическими превращениями и духовным просветлением, предполагая, что оба процесса связаны с глубокими внутренними изменениями.

Одной из самых известных работ П. Флоренского является труд «Столп и утверждение истины», где он обсуждает роль химических элементов в сотворении мира. Мыслитель утверждал, что каждый элемент сыграл уникальную и существенную роль в формировании Вселенной, по-

добно тому, как кусочки грандиозной космической головоломки собираются вместе, образуя единое целое. П. Флоренский понимал, что существует глубокая взаимосвязь между всеми частями природного мира, включая химические элементы. Он утверждал, что каждый компонент обладает своей собственной уникальной «индивидуальностью» и что эти индивидуальности взаимодействуют в сложной сети взаимоотношений.

Научные статьи ученого по вопросам исследования электромагнитного поля регулярно выходили в журнале «Электричество», а результатом работ по электротехническому материаловедению становится написанный им курс лекций, который он прочитал в 1931–1932 г. сотрудникам Всесоюзного электротехнического института (ВЭИ). Кроме того, на имя Флоренского в 20-х гг. XX в. было выдано не менее 10 авторских свидетельств, еще часть заявок были отклонены из-за пересечений с другими патентами [3].

Одним из ключевых вкладов П. Флоренского в развитие технологий стал его инновационный подход к проектированию. Он был одним из пионеров в области электротехники и совершил важные открытия, которые помогли сформировать современный мир. Исследования ученого в области электромагнетизма, радиоволн и телекоммуникаций наметили путь развития беспроводных систем связи и заложили основу для Интернета и других форм цифровой коммуникации.

Самая известная цитата П. Флоренского в области философии науки звучит так: «На почве научного догматизма готовится произрасти научный же фанатизм и научная нетерпимость» [4]. В этой цитате автор указывает на опасность превращения научного знания в догму, то есть непререкаемую и неподдающуюся критике и обсуждению истину. Научный догматизм предполагает принятие каких-то исследовательских положений как единственно верных, без возможности отклонения от них, или изменения под воздействием новых данных и анализа. По мнению П. Флоренского, именно такой догматизм, который исключает возможность дискуссии и сомнения, может привести к фанатизму и нетерпимости в научном сообществе. Фанатизм в науке может проявляться в том, что ученые становятся слепыми последователями своих идей, отрицают возможность других точек зрения и активно преследуют тех, кто не согласен с ними. Научная нетерпимость заключается в отсутствии уважения к мнению других ученых, отказе принимать критику и аргументы, противоречащие установленным догмам. Философ предостерегает от такой опасности, поскольку она может вызвать застой и политизацию науки, когда истина подменяется идеологическими установками.

В целом, вклад Павла Флоренского в науку уникален по своей философской глубине и значимости для сегодняшнего дня. Исследуя связи между материальным и духовным, он открыл новые направления мысли в области химии и вдохновил поколения ученых взглянуть на эту науку более целостно. Его наследие продолжает оказывать влияние на изучение химии и философии по сей день, напоминая нам о сложной природе мира. Будущее науки – в синтетическом состоянии всех ее составляющих эле-

ментов, переплетении форм познания, и основоположник такого подхода к науке – П. Флоренский. Он был новатором, чьи работы выходили за рамки традиционных границ и помогли заложить основу для многих научных достижений.

Список источников

1. Известные писатели – жертвы политических репрессий. URL: <https://natlibraryrm.ru/setevaya-akcziya-lenta-pamyati-izvestnye-pisатели-zhertvy-politicheskikh-repressij-p-a-florenskij/>.

2. Комиссаров А. Г. Естественно-научная картина мира П. А. Флоренского / А. Г. Комиссаров // Молодой ученый. 2022. № 50 (445). С. 515–518.

3. Павел Флоренский – человек переломной эпохи. URL: <https://dzen.ru/a/ZE8OVk2hNRy3K977>.

4. Павел Флоренский афоризмы, цитаты, фразы и высказывания. URL: <https://www.aphorism.ru/author/pavel-florenskij/>.

В. А. Устюгов
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ ДИСКУССИИ 1947 Г. НА РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Аннотация. Автор анализирует связь философской дискуссии 1947 г. и исторического исследования естествознания в послевоенный период в СССР.

Ключевые слова: философская дискуссия 1947 г., история философии, история науки, марксистская идеология

Abstract. The author analyzes the connection between the philosophical discussion of 1947 and the historical research of natural science in the post-war period in the USSR.

Keywords: philosophical discussion of 1947, history of philosophy, history of science, Marxist ideology

История философии и история науки полны предрассудков относительно связи, отношения этих форм производства знания. Философы убеждены, что философское познание – это высший тип рациональности, и наука всецело ей обязана культурой теоретического мышления. Ученые склоняются к мнению, что люди науки могут быть выдающимися философами, например, Декарт, Лейбниц, Ломоносов, но любой философ не может быть хорошим исследователем в области науки – история метафизики тому пример.

Для понимания взаимосвязи философии и науки недостаточно исходить из философии вообще и науки вообще. Необходим конкретно-исторический подход, исследующий не только содержание, но и форму философского и научного познания.

В истории развития науки особенно сложно складывались отношения философии и естествознания. Спор ньютонианцев и картезианцев завершился не только победой последователей теории Ньютона, но и способствовал изгнанию философии из науки. Естествознание Нового времени обрело институциональную организацию, осознавало идеалы и нормы объективистски ориентированной науки (физический идеал научности). Философы, в лице Паскаля, Канта, Гуссерля, лишь констатировали, что наука, абстрагировавшаяся от всякой соотнесенности с субъектом, не отвечает на мировоззренческие вопросы.

Наиболее полно и обоснованно самосознание классической науки было представлено Контом и Спенсером. Первые позитивисты обосновали принцип демаркации философии и науки, физический идеал научности

был распространен на все виды научного познания. В позитивистском понимании наука исходит из фактов, описывает факты, предсказывает новые факты, но не объясняет их.

История науки начинается с эмпирически прослеживаемой истории познания, в дальнейшем этот «сырой материал» подвергается отбору, систематизации, описанию. Цель этой работы найти закономерность в историческом чередовании форм научного знания. Историк науки должен следовать фактам и предписаниям своей науки. Личность участников исторического процесса отходит для историка на второй план. Имеет значение только действительный вклад исследователя в науку, а не его известность. В этом выражается объективность исторического исследования, если историк осуществляет его научно, в рамках физического идеала научности. Вольтер один из первых рассматривал учение Ньютона как идеал организации исторического исследования. Не удивительно, что дисциплинарную историю науки пишут люди, имеющие ученую степень по данным дисциплинам. Если предметом исследования является не наука как знание, а наука как социальный институт, то это исследование не требует глубоких дисциплинарных знаний, но тем не менее подчиняется нормам научной работы.

Стереотипы отношений философии и науки сломала идеология советского государства, развивавшаяся в послевоенный период. Все началось с известной философской дискуссии 1947 г.

Авторский коллектив квалифицированных специалистов отдела истории философии Института философии Академии Наук СССР впервые издал многотомную «Историю философии». Первый том вышел в 1940 г., второй – в 1941-м, третий том «Истории философии» вышел в 1943 г. Планировалось также издать том по истории русской философии. Но план остался не осуществленным.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 1 мая 1944 г. обстоятельно рассматривались недостатки в научной работе в области философии. Авторы III тома «Истории философии» обвинили в том, что они «отошли от марксистско-ленинской оценки значения гегелевской диалектики, не показали ограниченность диалектики Гегеля, не подчеркнули ее противоположность материалистической диалектике», ошибочно изложили историю немецкой философии, преувеличив ее значение. Была дана критическая оценка VI тома «Истории философии», посвященного истории русской философии. Работу Института философии Академии наук СССР признали неудовлетворительной. П. Ф. Юдина освободили от работы директора Института философии, а Б. Э. Быховского – от заведывания секцией истории философии [1, с. 294–298].

В 1946 г. вышла книга Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», она имела гриф Института философии АН СССР и была допущена Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для университетов и гуманитарных факультетов высших учебных заведений.

В 1947 г. в Институте философии состоялось две дискуссии по книге Александра «История западноевропейской философии». Политбюро ЦК ВКП(б) первую дискуссию оценило неудовлетворительно. Вторая дискуссия вышла за рамки обсуждения книги Александра и имела историческое значение не только для исследований по истории философии, но и для работ по истории науки. Руководил дискуссией А. А. Жданов, секретарь ЦК ВКП(б). Дискуссия шла в течении 8 дней, было проведено 8 заседаний.

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 июля 1947 г. была удовлетворена просьба Президиума Академии наук СССР и Института философии Академии наук СССР об издании философского журнала [1, с. 358–359]. Главным редактором журнала «Вопросы философии» назначили Б. М. Кедрова, заместителя директора Института философии АН СССР. Кедров был известным ученым, убежденным марксистом, противником догматизации творческого наследия Маркса и Энгельса. Ему как редактору поручили в первом номере журнала «Вопросы философии» опубликовать материалы дискуссии по книге Александра «История западноевропейской философии» [2]. Согласно стенограммам заседаний участники обсуждения не только критиковали работу Александра, оценивая ее как неудовлетворительную, но и подвергали критике все высказанные в ходе дискуссии точки зрения.

В 90-х гг. дискуссия 1947 г. оценивалась философской общественностью крайне негативно как погром в философии, а потом и в литературе, искусстве, эти события, как правило, связывали с именем А. А. Жданова. Более объективные оценки появились позже. Обстоятельный анализ философской дискуссии 1947 г. можно найти в работе З. А. Каменского [3]. Он обратил внимание, что в ходе обсуждения участники дискуссии осознали проблему определения предмета истории философии как науки. Решение этой проблемы невозможно без ясного понимания предмета самой философии как науки. К единому мнению относительно предмета философии участники дискуссии не смогли прийти.

Данное обстоятельство касается не только истории философии, но и истории любой другой науки. Историк должен ясно понимать то, историю чего он исследует. Историки науки обычно руководствуются некоторым интуитивным пониманием науки, работая с текстами, имеющими гриф научных учреждений или организаций. Когда историк непосредственно исследует материалы о деятельности ученого, он должен оценить его деятельность как научную. Ученый, как и любой человек, может заблуждаться, ошибаться, переживать озарение, в результате чего могут быть открыты ранее неизвестные факты, но мы не можем отнести этот путь познания к научному. Понимание предмета исторического исследования выводит историческое исследование на качественно новый теоретико-методологический уровень.

Помимо вопроса о предмете истории философии на дискуссии обсуждали вопросы конкретизации принципов историко-философской науки,

проблемы роли идеализма и материализма в истории философии и национальной формы историко-философского исследования, периодизацию истории философии. Мнения участников дискуссии разделились. Одни отстаивали догматизированные положения марксизма, изложенные в «История ВКП(б). Краткий курс». Другие, хотя и разделяли господствующую в стране идеологию, стремились развивать историю философии и разрабатывать новые идеи. «Несмотря на идеологический характер дискуссии, она стимулировала историко-философские исследования» [4, с. 303].

Анализируя сегодня послевоенную идеологическую компанию, осуществленную Ждановым, сталкиваешься с вопросом насколько правомерен идеологический контроль в сфере духовного производства, будь то в философии, науке, литературе, искусстве. Ответ, казалось бы, очевиден, подобная практика неправомерна. Духовное производство исторически всегда было сферой свободы. Однако ситуация радикально изменилась в XX в., свободного духовного производства уже не существует. Процесс разложения классической формы духовного производства происходил не только в советской России, но и в странах Европы и Америки. Эти события в отечественной философии исследовали М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьев, В. С. Швырев.

Новая форма духовного производства – это ««индустрия сознания», обслуживаемая целой армией работников интеллектуального труда. Их реальное положение существенно отличается от традиционного положения людей «свободной профессии», их стремление к просвещению и объективному идейному ориентированию массы жестко лимитируется общей логикой действия массовых коммуникаций, определяемой коммерческими и идеологически – пропагандистскими целями» [5, с. 56].

Жданов, подводя итоги дискуссии 1947 года, писал: «Теперь всем видно, что создание таких работ, как учебник по истории философии, не по плечу одному человеку... тов. Александров избрал неправильный путь составления учебника, не опершись на широкий круг знающих людей. Необходимо исправить эту ошибку. ... Метод привлечения большого круга авторов к составлению учебника ныне полностью применяется при редактировании учебника политической экономии... Такой способ творчества является наиболее надежным. В нем заложена и другая идея – объединить усилия различных отрядов идеологических работников, недостаточно связанных ныне между собой, для разрешения крупных задач, имеющих общее научное значение, с тем, чтобы таким образом организовать взаимодействие между работниками различных отраслей идеологии, чтобы двигаться вперед ... организованно и сплоченно, а следовательно, с наибольшей гарантией успеха» [6, с. 38].

Социально-гуманитарные познание не может быть свободно от идеологии, оно само выполняет идеологические функции, даже обретая форму науки. Социальные науки обслуживают сегодня сферы различных интересов, их деятельность финансируется лицами, заинтересованными в исследовании социальной жизни, осуществлении организационно-

технических или управленческих действий. Мы не можем утверждать, что идеологический контроль не нужен, но нельзя согласиться с практикой репрессивного осуществления идеологического контроля.

Философская дискуссия 1947 г. повлияла на развитие исторического и философского исследования естествознания. Жданов предпочитал не вмешиваться в дела естествознания, но ситуация, складывающаяся в физике, определенно беспокоила его: «...кантианские выверты современных буржуазных атомных физиков приводят их к выводам о «свободе воли» у электрона, к попыткам изобразить материю только лишь как некоторую совокупность волн и к прочей чертовщине» [6, с. 43]. Он призывал советских философов исследовать современное естествознание, ссылаясь при этом на Энгельса, который утверждал, что эпохальные изменения в естествознании неизбежно приводят к необходимости менять форму диалектического материализма.

Существенный вклад в философское и историческое исследование естествознания внес Кедров. Он прошел весьма тернистый путь, Кедрову не всегда удавалось сочетать идеологический контроль и исследовательский интерес. В качестве редактора журнала «Вопросы философии» он позволил опубликовать ряд статей по философии биологии и физике, имевшие дискуссионный характер. Во втором номере (1947 г.) лидер антимичуринцев академик Шмальгаузен опубликовал статью «Представления о целом в современной биологии», и М. А. Марков опубликовал статью «О природе физического знания» в защиту квантовой механики. В первом номере журнала (1948 г.) статью «Проблема вирусного белка в современной науке» опубликовал известный своим враждебным отношением к мичуринскому учению проф. В. Л. Рыжков.

Вскоре после философской дискуссии 1947 г. Александров стал директором Института философии. Против Кедрова организовалась критическая компания. Повод для критики был. Кедров в известной философской дискуссии показал себя космополитом, отстаивавшим интернациональный характер философии и науки. Недооценка национальных философских и научных традиций стала объектом критики со стороны оппонентов Кедрова. В Институте философии прошло обсуждение книги Кедрова «Энгельс и естествознание», изданной в 1947 г. Его упрекали в недооценке роли Ломоносова и Менделеева в развитии науки. Кедров отвечал на критику, обратившись к фактам. Факт состоял в том, что Ломоносов не оказал влияния на развитие зарубежной науки своего времени, но не потому, что не печатался в странах западной Европы. Ломоносов печатал свои труды, но он не разделял учение Ньютона, которое уже стало научной парадигмой. Кедров протестовал против преувеличения заслуг Ломоносова в области физической химии.

Критика позиции Кедрова по вопросам истории и философии естествознания вышла за рамки института и продолжилась в центральных журналах. Александров опубликовал статью «Космополитизм — идеология

империалистической буржуазии» в журнале «Вопросы философии» [7], название которой не нуждается в комментариях.

Реакция партийного руководства была предсказуемой, Кедрова освободили от обязанностей главного редактора журнала «Вопросы философии», как не справившегося с этой работой. Более того, негативно была оценена не только редакционная работа в журнале, но и философские взгляды Кедрова по вопросам естествознания. А его книга «О путях развития естествознания» была признана в своей основе немарксистской [1, с. 396–400]. Кедрову поставили в упрек, что он не уяснил суть философской дискуссии 1947 г. 16 марта 1949 г. на партийном собрании Института философии Кедрову был объявлен строгий выговор с занесением в личное дело.

22 марта Кедров публично покался в своих ошибках в газете «Культура и жизнь», на страницах которой неоднократно появлялись статьи, осуждавшие буржуазный космополитизм. «Корень моих ошибок в том, что я нарушил ленинский принцип партийности философии и уклонился в сторону буржуазного объективизма и аполитизма. Я полностью отношу к себе указание тов. А. А. Жданова, сделанное на философской дискуссии, о том, что корнями ошибок у ряда наших философов являются «недостаточное уяснение основ марксизма-ленинизма и наличие остатков влияния буржуазной идеологии»... Категорически и бесповоротно осуждая допущенные мною ошибки, я заверяю, что буду решительно бороться против враждебной нашему мировоззрению идеологии буржуазного космополитизма ...Докажу это делом, всей своей работой» [8].

Слова Кедрова не разошлись с делом при его активном участии осуществлялось идеологическое вмешательство в физику, химию и некоторые другие области науки.

21 февраля 1950 г. Кедров опубликовал критическую статью «Объективистская книга по истории физики» в газете «Культура и жизнь» [9]. Более обстоятельно книгу П.С. Кудрявцева «История физики» Кедров критиковал в журнале «Вопросы философии» [10]. В начале статьи поясняется, что идейность книг по истории науки предполагает позицию советского патриотизма. Историк науки должен показать вклад, который внесли в науку отечественные ученые, раскрыть их ведущую роль в решении важнейших вопросов науки и приоритет в ряде выдающихся открытий и изобретений. «Указания, сделанные тов. А. А. Ждановым в его выступлении на философской дискуссии 1947 г., должны учитываться авторами любых книг по истории науки, в том числе и по истории физики. Нельзя, однако, сказать, чтобы в книге П. С. Кудрявцева «История физики» были учтены эти указания» [10, с. 365] Между тем, Кедров отмечал, что первый том книги Кудрявцева вышел спустя полтора года после философской дискуссии, и автор имел время доработать «Историю физики».

Идейные недостатки первого тома «Истории физики» Кедров связывал с отсутствием в работе Кудрявцева указания на мировоззренческую роль физики в развитии идей материализма. Другой идейный недостаток

работы Кудрявцева, согласно Кедрову, принижение роли отечественной науки в физическом исследовании. Упрек, который когда-то был в адрес самого Кедрова.

Сегодня данный аспект критики истории науки не актуален, но ценностное измерение науки и его представление в историческом исследовании сегодня актуально как никогда. По существу Кедров прав, история науки не может быть ценностно-нейтральной, безыдейной.

Кедров также затронул вопросы методологического характера, касающиеся классификации истории физики, и некоторые ошибки частного характера, относящиеся к персоналиям и научным наследиям.

Критику работы Кудрявцева Кедровым поддерживал и развивал И. В. Кузнецов, заведующий сектором философии естествознания Института философии. Резко отрицательная оценка первого тома «Истории физики» задержала издание последующих томов. В предисловии ко второму изданию первого тома «Истории физики» сообщается, что книга подверглась существенной переработке. Что касается вопросов классификации истории физики, то Кудрявцев пояснил, что не ставил цель дать всеобъемлющее изложение истории физического познания и ограничился лишь некоторыми избранными темами, способными оживить процесс преподавания физики. Несмотря на критику книга Кудрявцева вызвала живой интерес в сообществе физиков и преподавателей физики. Это была первая отечественная работа по истории физики, написанная физиком.

Несмотря на историческую ограниченность критики книги Кудрявцева, философское сообщество тех лет подняло важный вопрос о теории и методологии исторического исследования науки. Работа в этом направлении в дальнейшем осуществлялась Кедровым и под его руководством в Институте истории естествознания и техники АН СССР.

Список источников

1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991 / 1922–1952. Сост. В. Д. Исаков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 591 с.

2. Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947 г. Стенографический отчет // Вопросы философии. 1947. № 1.

3. Каменский З. А. История философии как наука в России XIX–XX вв. М., 2001. 332 с. ISBN 5-94101-030-3.

4. Синеокая Ю. В., Корсаков С. Н. История классической западной философии в Институте философии РАН (к 100-летию Института философии РАН: 1921–2021) // Историко-философский ежегодник. 2021. № 36. С. 286–338.

5. Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука М.: Наука, 1972. С. 28–94.

6. Жданов А. А. Выступление на дискуссии по книге г. Ф. Александра «История западноевропейской философии». 24 июня 1947 г. ГОСПОЛИТИЗДАТ. 1952. 48 с.

7. Александров Г. Ф. Космополитизм – идеология империалистической буржуазии // Вопросы философии. 1948. № 3. С. 174–192.

8. Кедров Б. М. В редакцию газеты «Культура и жизнь» // Культура и жизнь. 22 марта 1949. № 8.

9. Кедров Б. М. Объективистская книга по истории физики // Культура и жизнь. 21 февраля 1950. № 5.

10. Кедров Б. М. Неудачная книга по истории физики / Вопросы философии. 1950. № 1. С. 365–378.

А. В. Истратий
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ЭКОНОМИКИ ПОСТМОДЕРНА

Аннотация. Эпоха постмодерна является новой эпохой в развитии человечества в силу происходящих социальных процессов, которые идут на смену эпохи модерна. Развитие неолиберальной идеологии предстает фундаментом становления эпохи постмодерна.

Ключевые слова: *постмодерн, экономика, неолиберализм, модерн, идеология*

Abstract. The postmodern era is a new epoch in the development of humanity due to the ongoing social processes that replace the modern era. The development of neoliberal ideology is the foundation of the postmodern era.

Keywords: *postmodern, economics, neoliberalism, modernity, ideology*

В начале 70–80-х гг. XX в. на Западе стала развиваться новая эпоха, принявшая название «эпоха постмодерна». Данная эпоха предстает новой стадией развития общества, пришедшая на смену эпохи модерна или эпохи Нового времени. Эпоха модерна представляет собой период становления и интенсивного развития капиталистических общественных отношений, индустриализации общественного производства, развития классической науки и университетов как социальных институтов высшего образования [1].

Переход от эпохи модерна к эпохе постмодерна становится актуальным для философии, культурологии, социологии, политологии. Основными чертами перехода к новой эпохе становятся отрицание старого, рост личной свободы, отсутствие контроля над внешними обстоятельствами и невозможность спрогнозировать будущее, разрушение идентичности личности, полное отрицание ценностей эпохи модерна, отрицание социально-экономического развития [2].

Становление эпохи постмодерна неразрывно связано с развитием хозяйственного устройства общества данной эпохи, которое получило название «постэкономика». Здесь прослеживается контроль над распределением ресурсов, получением финансовой ренты и оптимизацией хозяйственно-сбытовых операций. Постэкономика имеет ряд особенностей: эмансипация экономики от суверенитета национальных государств; осуществление процесса к приватизации национальных государств владельцами крупнейших активов; затухание волновой динамики экономики; появление системного контроля над финансовыми операциями; отсутствие этапов развития постиндустриализма [3].

Основными представителями эпохи постмодерна являются Ж. Батай, Ж. Лакан, М. Фуко, Э. Левинас, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Р. Рорти, Д. Ваттимо, Д. Агамбен, П. Слотердаик, У. Эко, С. Жижек, А. Ронелл.

Развитие эпохи постмодерна связано со становлением неолиберальной идеологии. Неолиберальная идеология развивалась в течение нескольких этапов: первый этап охватывает период неоклассического либерализма и кейнсианских идей государственного регулирования экономики (конец XX в. – начало 1930-х гг.); второй этап связан со становлением Бреттон-Вудской системы организации финансовых операций (середина 1940–1970-х гг.); третий этап связан с определением неолиберальных ценностей и отказом от государственной интервенции в экономику (середина 1970-х гг.) [4].

Экономическая политика в неолиберальной идеологии отражает в себе элементы дерегуляции самой экономики, приватизации, становления роли частного сектора и неограниченной свободной торговли. Например, Ф. фон Хайек, представитель неолиберализма, исследуя природу и рыночную экономику, пришел к выводу, что высшей человеческой ценностью является свобода, и это способствует применению знаний в условиях конкуренции для достижения высокого уровня экономического благосостояния [5].

Практическая реализация неолиберальных идей осуществлялась с 70-х гг. XX в., что оказало влияние на оздоровление экономики таких стран как США, Великобритания, Франция и других стран. Развитие неолиберальных идей послужило толчком для создания школ, оказавшие влияние на развитие экономики эпохи постмодерна. Первой школой является лондонская, представители которой выступали за поддержание рыночной экономики и разделение понятий «рынок» и «хозяйство». Второй школой является чикагская, в период которой получил свое развитие монетаризм (количество денег в обращении выступает определяющим фактором развития экономики). Третьей школой является фрайбургская, благодаря которой получило свое развитие теория социального рыночного хозяйства [6].

Таким образом, неолиберальная идеология оказало существенное влияние на развитие экономики в эпоху постмодерна. Сложившаяся идеология позволила обратить внимание на необходимость либерализации экономики, применения принципов свободного ценообразования.

Список источников

1. Ильин А. Н. Идеология неолиберализма: сущность и социальные последствия // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-neoliberalizma-suschnost-i-sotsialnye-posledstviya> (дата обращения: 14.04.2024).
2. Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodern-i-ego-osnovnye-harakteristiki> (дата обращения: 14.04.2024).
3. Этические основы экономической теории. М., 1993. С. 13, 170–172.

4. Мисько О. Н., Сысоев Ф. И. Неолиберальный постмодерн и гиперимпериализм // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoliberalnyy-postmodern-i-giperimperializm> (дата обращения: 14.04.2024).

5. Жибинова К. В. Неолиберальное направление в современной рыночной экономике // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. №3 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoliberalnoe-napravlenie-v-sovremennoy-rynochnoy-ekonomike> (дата обращения: 14.04.2024).

6. Радугин А. А., Гурина Е. М. Основные характеристики эпохи постмодерна // ОНВ. 2014. № 5 (132). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-harakteristiki-epohi-postmoderna> (дата обращения: 14.04.2024).

А. И. Лазарев

Уральский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

Челябинск, Россия

НАУЧНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЗНАНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье обоснована роль научной формы философских знаний в процессе формирования психологической устойчивости личности в условиях общества постмодерна. Охарактеризованы понятия постмодернистского социума и психологической устойчивости личности. Указана роль философских знаний и отличия научной и религиозной форм философии. Описаны базовые черты современного постмодернистского общества.

Ключевые слова: философские знания, научная форма философии, психологическая устойчивость личности, общество постмодерна, бытие современного человека

Abstract. The article substantiates the role of the scientific form of philosophical knowledge in the process of forming the psychological stability of an individual in a post-modern society. The concepts of postmodern society and psychological stability of the individual are characterized. The role of philosophical knowledge and the differences between scientific and religious forms of philosophy are indicated. The basic features of modern post-modern society are described.

Keywords: philosophical knowledge, psychological stability of the individual, post-modern society

Онтологические проблемы современного человека, определяющие структуру его бытия и мироощущения, характеризуются рядом проблем и трудностей, которые обусловлены значительными изменениями социальной, политической, экономической, духовной и культурной жизни общества XXI в.

Как отмечает М. Р. Мазурова, впервые термин «постмодернизм» в его философском понимании использовал французский мыслитель Жан-Франсуа Лиотар в своей работе «Состояние постмодерна» в 1979 г. [1, с. 25].

Постмодернизм представляет собой современную концепцию социальной философии и философской антропологии конца XX – начала XXI вв., включающую специфические формы современного понимания культуры, науки, духовных сфер жизни общества.

Главными проблемами общества постмодерна выступают:

– хаос как ведущая категория бытия во всем многообразии человеческой деятельности, прежде всего, в межличностном взаимодействии в общественных, трудовых, семейных отношениях. Стираются границы базовых

вых категорий этики в интерпретации понятий «долг», «благо», «совесть», «ответственность», «честь»;

- потеря субъекта, определяющаяся трудностями самоидентификации и самоопределения личности, особенно, в системе общественных отношений;

- замена субъективной реальности знаково-символическим пониманием мира, в которой на второй план отходит роль научного знания, оставляя пространство для эмоционально-чувственных принципов восприятия действительности;

- иррациональная природа познания: зрелищность и поверхность, неустойчивость интересов уступает место глубокому погружению в проблематику изучаемых наук и явлений практической деятельности; отрицание системного мышления;

- противодействие и разрыв с прошлым и его культурными феноменами.

В непростых условиях смены социальных парадигм человек вынужден искать внутренние опоры для обеспечения своей устойчивости в окружающем мире.

Основой для психологической устойчивости могут послужить базовые философские знания. Философия – это не только фундаментальная теория, но также и искусство мыслить, анализировать, размышлять о себе и других, осуществлять рефлексии окружающего бытия. Теоретические философские знания способны иметь прочное практико-ориентированное назначение, которое может привести к пониманию субъектом собственной души. Ведь, пока личность не познала саму себя, она не сможет познать и других людей.

Почему мы делаем акцент именно на научных философских знаниях? В философской науке уже давно известно, что научная форма философии является базовой для сферы, прежде всего, университетского дискурса. Практически на всех специальностях и направлениях подготовки читается вузовский курс философии. Ее отличает строгое логическое обоснование, основанное на совокупности доказательств [2, с. 11–12]. И именно это условие, по нашему мнению, дает возможность человеку, как писал французский философ и психоаналитик Жак Лакан [3, с. 209], находиться в позиции реальности, а не воображаемого, в то время, как религиозная форма философии делает акцент на эмоционально-чувственной стороне познания мира, основываясь на вере и соблюдении атрибутов веры, с опорой на абсолютные истины, которые не предполагают критического осмысления и анализа.

Говоря о психологической устойчивости личности, нужно следует отметить, что ее основа – это самопознание, способность личности справляться с трудными жизненными ситуациями, формировать и сохранять социальные связи, чувствовать удовольствие от проживания моментов жизни в различных проявлениях многообразной созидательной человеческой деятельности. Эти положения особенно касаются современных людей, прожи-

вающих в постмодернистском обществе, которое значительно отличается по своей структуре от индустриального, устойчивого социума XX столетия.

В завершении, нужно констатировать, что роль научной формы философских знаний в наше время в значительной степени актуализируется динамикой радикальных общественных изменений, оказывающих влияние на процессы формирования психологической устойчивости личности современного человека.

Список источников

1. Мазурова М. Р. Современная западная философия: учеб. пособие / М. Р. Мазурова; Новосибирский государственный технический университет. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. 28 с.
2. Островский Э. В. Философия: учебник / Э. В. Островский. М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2012. 313 с.
3. Печенина О. В. Функции реального, воображаемого и символического в коммуникативной модели структурного психоанализа Ж. Лакана / О. В. Печенина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Международные отношения». 2007. № 4. С. 208–2014.

РАЗДЕЛ 10. ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ

УДК 355/359.07

М. В. Ильясова

МГИМО (университет) МИД России

Москва, Россия

РЕФОРМА РОССИЙСКОЙ АРМИИ В КОНТЕКСТЕ «ВОЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В 1630-Е ГГ.

Аннотация. В статье анализируется модернизация русской армии в начале XVII в. на фоне происходившей в это время «военной революции» и проводившихся реформ в европейской армии. В XVII–XVIII вв. Происходит «военная революция», которая меняет способ ведения войны, а также меняет и формирует «новую» армию. Отставание Московского государства от стран Западной Европы в технологическом и экономическом плане, а также в военном, ставило под угрозы вопрос «выживания» государство, которому необходимо обладать сильной армией. Особый акцент делается на кризисе «поместной системы» и системы местничества как основных традиционных военных институтов Московского государства. В реформе российской армии при Михаиле Романове особый акцент делается на формирование полков «нового строя» по европейскому образцу.

Ключевые слова: полки «нового строя», модернизация, европеизация, местничество, русская армия

Abstract. The article analyzes the modernization of the Russian army at the beginning of the 17th century against the background of the «military revolution» taking place at that time and the reforms being carried out in the European army. In the XVII–XVIII centuries. A «military revolution» is taking place, which changes the way war is fought, and also changes and shapes a «new» army. The lag of the Moscow state from the countries of Western Europe in technological and economic terms, as well as in the military, threatened the issue of «survival» of the state, which needed to have a strong army. Particular emphasis is placed on the crisis of the «manorial system» and the localism system as the main traditional military institutions of the Moscow state. In the reform of the Russian army under Mikhail Romanov, special emphasis is placed on the formation of regiments of the «new system» according to the European model.

Keywords: regiments of the «new order», modernization, Europeanization, localism, Russian army

XVII–XVIII вв. стали временем, когда происходило быстрое и постоянное реформирование армий в европейских странах, что приводило к потребности модернизации армии и в России, исходя из понимания «игры с нулевой суммой», где, либо ты обновляешься, либо проигрываешь [1].

Рубеж XVII–XVIII вв. является именно таким периодом, своего рода переломной точкой, от которой зависело дальнейшее развитие государства, и здесь немалую роль играла модернизация армии, ее преобразование и приспособление к современным условиям.

От уровня развития военного дела зачастую зависит существование государства, его способность решать не только внешнеполитические, но и внутриполитические задачи, и европеизация в военной сфере в то время носило некоторый иной характер, нежели европеизация в социальной сфере (поскольку в XVII в. высмеивается подражательство и в смеховой культуре противопоставлялись «свое и чужое», что можно заметить на примерах «Азбука о голом и небогатом человеке», «Лечебник на иноземцев»). В XVII–XVIII вв. в Европе завершается военная революция, которая предусматривает собою качественное изменение в военной сфере. Процесс перемен в военно-технической области, тактике и стратегии европейских армий был вызван изменением характера ведения войны. Войны приобретают все больший размах, переходя с локального на глобальный уровень, также меняется и само вооружение армии под влиянием «пороховой революции», что приводит к появлению огнестрельного оружия. На смену средневековой феодальной военно-политической организации приходит массовая регулярная армия, которая опирается на развитую военную администрацию (т.к. усложняются задачи по обеспечению большой регулярной армии, что приводит к увеличению военных расходов и замене натуральных податей денежными). Россия включается в общую «военную революцию», поскольку должна была оставаться жизнеспособным игроком на международной арене.

Русская армия в XVII–XVIII вв. требует реформирования, поскольку старые традиционные институты перестают обеспечивать должный уровень обороноспособности страны. Положение России в начале XVII в. В ходе разрушительного Смутного времени приводит к плохому обеспечению армии вооружением. Также наблюдается кризис военного дела, который был обусловлен падением «поместной системы», – это приводит к тому, что армия и вся система служилых чинов оказывается недееспособной [2]. Мельчание поместий приводит к упадку обороноспособности страны. Кризис поместной системы был вызван переселенческой политикой в рамках опричнины, что нанесло удар по вотчинному боярскому землевладению, и разорительной Ливонской войной [3].

Другим традиционным институтом, помимо поместной системы, который претерпевает изменение, стало местничество. Система местничества обеспечивает взаимодействие дворянского «сословия» с государством, и в отсутствии развитой системы образования играет роль передачи знания, в том числе и в военной сфере [4]. Местничество также обуславливает положение рода на том или ином месте в комплектовании войска. Однако эта система приносит много неудобств (постоянные местнические споры усложняют ход военного действия), это приводит к тому, что с XVI в. постепенно идет борьба с этой системой (ограничение местничества в период

военных действия в 1552). В 1627 г. Михаил Романов ограничивает местничество.

В 1630-х г. принимается указ о формировании полков «иноземного строя», внедряются иностранные специалисты, которые готовят русскую армию. Полки «нового строя» создаются по европейскому образцу (образцом выступала шведская армия). Иностранные офицеры обеспечивают выгодные стартовые позиции для создания многочисленной новой армии. На фоне этого снижается значимость конницы, которая была также неподходящим средством для борьбы с польско-литовскими гусарскими, панцирными хоругвями и регулярной тяжелой кавалерией шведов. Посредством активного приглашения иностранных специалистов и развития мануфактурного производства, уменьшается зависимость Московского государства от западных стран в экономическом и военном плане [5]. Русские мастера перенимают иностранный опыт, а развитие промышленности позволяет изготавливать новое оружие. Также происходит усиление роли стрелецких войск. Им дается самостоятельная и главенствующая роль на поле боя, они становятся «живой стеной». Это влияет на смену тактики ведения войны: от активного характера приходят к пассивному.

XVII–XVIII вв. – время реформирования не только европейских армий, но и русской, т.к. Московское государство являлось одним из основных игроков на международной арене и была включена в «военную революцию». Из-за увеличившихся контактов с Западной Европой, а также с учетом неэффективности традиционных институтов, вставал вопрос о модернизации российского войска. Одной из основных реформ стало формирование полков «нового строя», что привело к появлению регулярной армии в Московском государстве.

Список источников

1. Волков В. А., Воронин В. Е., Горский В. В. Военная история России с древнейших времен до конца XIX века. Издательство «Прометей», 2012.
2. Анисимов Е. Петр Первый: благо или зло для России?. Новое Литературное Обозрение, 2017.
3. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. 1992.
4. Володихин Д. Местничество как благо и зло //Родина. 2013. № 5. С. 79–81.
5. Пенской В. Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. Litres, 2018.

О. Н. Калинин
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ПРОГРАММЫ НАЧАЛЬНОЙ И ДОПРИЗЫВНОЙ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ СССР В ОБЛАСТИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается содержание программ начальной и допризывной военной подготовки, принятых в СССР в 1940 году, накануне Великой Отечественной войны. На основе анализа структуры и содержания этих программ делается вывод о комплексном подходе СССР к вопросу военной подготовки и политического воспитания учащейся молодежи.

Ключевые слова: Программы начальной и допризывной военной подготовки, Великая Отечественная война

Abstract. The article examines the content of the programs of initial and pre-conscription military training adopted in the USSR in 1940, on the eve of the Great Patriotic War. Based on the analysis of the structure and content of these programs, it is concluded that the USSR has a comprehensive approach to the issue of military training and political education of students.

Keywords: Programs of initial and pre-conscription military training, the Great Patriotic War

В настоящее время в условиях серьезного обострения геополитической ситуации в Российской Федерации ведется работа по восстановлению в учебных заведениях начальной военной подготовки юношей, в рамках которой им предстоит изучать основы воинской службы. В связи с этим определенный интерес представляет приобретенный СССР в довоенный период опыт в области принятия программ начальной и допризывной подготовки учащихся.

С началом Второй мировой войны Советский Союз ускорил проведение начатой в конце 1930-х годов военной реформы, направленной на усиление обороноспособности своих Вооруженных Сил. Принятый на внеочередной IV сессии Верховного Совета СССР 1 сентября 1939 г. закон «О всеобщей воинской обязанности» законодательно закрепил переход от смешанного к кадровому принципу комплектования армии, а так же снизил с 21 года до 19 лет призывной возраст на действительную военную службу. Вместе с тем, в целях заблаговременного военного обучения призывников для школьников 5–7 классов была введена обязательная начальная военная подготовка, а для учащихся 8–10 классов, студентов 1–3 курсов

техникумов и не служивших студентов высших учебных заведений – допризывная военная подготовка [1].

В связи с этим Народным комиссариатом обороны СССР были разработаны специальные программы военной подготовки учащихся. Так, 7 марта 1940 г. были приняты 360-часовые программы начальной военной и допризывной военной подготовок учащихся средних учебных заведений, относящихся к Народному комитету просвещения РСФСР, а в ноябре этого же года – 174-часовая программа военно-физической подготовки для ремесленных и железнодорожных училищ системы Трудрезервов [2–4]

Фактически программы подразумевали поэтапную подготовку учащихся с таким расчетом, чтобы к завершению обучения юноши получили бы знания и навыки в объеме бойца первого года службы, а девушки – в объеме медицинской сестры. При этом первые три года в ходе начальной военной подготовки планировалось дать школьникам элементарные знания и начальные практические навыки по стрелковому делу, военной топографии, противовоздушной и противохимической обороне (ПВХО), строевой и физической подготовкам, а так же краткие сведения о Красной Армии, Военно-морском флоте и их истории [5]. В ходе допризывной подготовки (последующие три года) происходило дальнейшее совершенствование знаний и практических навыков.

Предполагалось, что на прохождение программы ежегодно будет выделяться по 120 часов учебного времени, из которых еженедельно 2 часа отводилось на военную подготовку и 1 час на физическое воспитание. Ежегодное распределение учебного времени между состоявшими ее разделами приведено в табл. 1.

Таблица 1

Расчет часов по программам военной подготовки в средних учебных заведениях Наркомпроса РСФСР, утвержденным приказами НКО СССР от 7 марта 1940 г. № 50 и № 51 [6]

Наименование разделов	Начальная военная подготовка (часов)			Допризывная военная подготовка (часов)		
	5 класс	6 класс	7 класс	8 класс юноши/ девушки	9 класс юноши/ девушки	10 класс юноши/ девушки
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Красная Армия и Военно-морской флот	10	10	6	6/6	8/8	8/8
Краткие сведения об организации КА и уставах	–	–	4	10/10	8/8	6/6
Физическое воспитание и строевая подготовка	85	80	80	60/40	60/40	40/40

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Стрелковая подготовка	–	20	20	20/20	24/24	20/20
Военная топография	10	10	10	12/12	20/20	–
ПВХО и военно-санитарное дело	15	–	–	12/32	0/20	0/46
Тактическая подготовка				–	–	46/0
Итого часов в год	120	120	120	120/120	120/120	120/120

Особый интерес представляет непосредственно содержание и направленность различных разделов программ военной подготовки. Так, раздел «Красная Армия и Военно-морской флот» предназначался для воспитания у учащихся любви и беззаветной преданности к своей Родине, гордости за Вооруженные Силы СССР, а так же служил для преемственности их боевых традиций. В связи с этим преподавание должно было тесно увязываться с Конституцией 1936 года, Законом «О всеобщей воинской обязанности» 1939 г., военной историей страны (здесь упор делался на периоды Гражданской войны и послевоенного строительства), а так же остальными разделами программы [7].

Целью стрелковой подготовки ставилось дать учащимся знания материальной части стрелкового оружия и ручных гранат, основных сведений о стрельбе, научить быстрому и сноровистому выполнению приемов нужных для меткой стрельбы из винтовки. В связи с этим наибольшая часть времени была отведена отработке подготовительных упражнений к стрельбе и непосредственно самой стрельбе из мелкокалиберной винтовки. В конечном итоге предполагалось, что учащиеся приобрести навыки в стрельбе, достаточные для сдачи норм на оборонный значок «Ворошиловский стрелок» 1-й ступени (ВС-1) [8].

Военная топография была нацелена на выполнение практических работ в ходе которых учащиеся выполняли задания с использованием крупномасштабных топографических карт. В свою очередь ПВХО имело целью ознакомления учащихся с основами организации ПВХО и обучения пользованию средствами противовоздушной и противохимической защиты, а так же привитие практических навыков по оказанию первой медицинской помощи раненым, пораженным отравляющими веществами или внезапно заболевшим. Навыки пользования противогазом прививались всем обучаемым путем проведения в ходе каждого занятия тренировок, длительностью от 3 мин в 5 классе до 1 часа в старших классах. Фактически раздел ПВХО служил подготовкой к сдаче норм на оборонные значки «Готов к ПВХО» 1-й ступени (ПВХО-1) и «Готов к санитарной обороне СССР» (ГСО) [9].

Раздел «Физическое воспитание и строевая подготовка» предназначался для обеспечения всестороннего физического развития и укрепления

растущего организма учащихся, а так же формирования у них физических (ловкость, смелость, быстрота) и морально-волевых качеств (выносливость, дисциплинированность, коллективизм, взаимовыручка); привитию навыков рукопашного боя и по строевой подготовке (в рамках Строевого устава пехоты РККА 1938 года). Программа строилась на основе комплекса ГТО, а ее прохождение должно было обеспечить подготовку учащихся к сдаче норм на значок БГТО. В связи с этим раздел содержал такие подразделы как гимнастика, легкая атлетика, игры, лыжная подготовка, плавание, строевая подготовка. Как видно из представленной таблицы 1 в период начальной военной подготовки в целях укрепления физического состояния школьников основное внимание было уделено именно физическому воспитанию. Занятия по штыковому бою и строевая подготовка с оружием предусматривалась только в старших классах в рамках допризывной военной подготовки [10].

Занятия по тактической подготовке проводились только с юношами 10 классов, студентами 3 курса техникумов и им равных учебных заведений в целях привития им начальных практических навыков по действию одиночного бойца в обороне, наступлении и разведке. В связи с этим обучение должно было проводиться преимущественно на местности. Особое внимание уделялось обучению отрывке и маскировке одиночной стрелковой ячейки, рукопашному бою, а так же передаче сигналов различными способами. При этом в ходе занятий совершенствовались навыки стрелковой подготовки, военной топографии, ПВХО, санитарного дела, глазомерного определения расстояния. Время движения к месту проведения тактических занятий использовалось для проведения попутных тренировок строевого слаживания и маршевой подготовки [11].

В конечном итоге по завершению обязательного курса допризывной военной подготовки школьники и студенты техникумов должны были сдать нормативы на основные оборонные значки (ВС-1, ПВХО-1, БГТО, ГСО), что в свою очередь являлось критерием оценки уровня физического развития и овладения требуемыми военно-прикладными навыками.

Утвержденная в ноябре 1940 г. программа военно-физической подготовки для ремесленных и железнодорожных училищ, относившихся к Главному управлению Трудрезервов СНК СССР, не смотря на меньшее количество учебного времени, содержала разделы, аналогичные допризывной военной подготовке и в целом соответствовала ей по своему содержанию и направленности. Разница же по объему объяснялась тем, что в училищах Трудрезервов обучение велось всего в течении двух лет.

Таким образом в условиях нарастания вооруженной угрозы СССР рассматривал военную подготовку учащихся как важную неотъемлемую часть специального обучения и воспитания молодежи, позволявшую не только значительно сократить срок подготовки юношей непосредственно после их призыва на действительную военную службу, но и заблаговременно обучить достаточное количество младшего медицинского персонала. Разработанные в 1940 г. Наркоматом обороны СССР программы

начальной и допризывной военной подготовки были достаточно продуманы и при условии их полной реализации могли обеспечить выполнение возложенных на них задач.

Список источников

1. О всеобщей воинской обязанности: Закон СССР от 1 сентября 1939 года // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4200.htm (дата обращения: 12.03.2024).
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) Ф. 57. Оп. 12305. Д. 3. Л. 69–98.
3. ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12305. Д. 3. Л. 103–124.
4. Там же. Л. 34–56.
5. Там же. Л. 69, 104.
6. Там же. Л. 71, 105.
7. Там же. Л. 105–108.
8. Там же. Л. 81–83, 113.
9. Там же. Л. 84–87, 116–117.
10. Там же. Л. 77–80, 109–112.
11. Там же. Л. 88–91.

Б. А. Матвеев
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ПОДГОТОВКА МАРШЕВЫХ АВИАЦИОННЫХ ПОЛКОВ И ОДИНОЧНЫХ ЛЕТЧИКОВ НА ИМПОРТНЫХ САМОЛЕТАХ В 45-М ЗАПАСНОМ АВИАЦИОННОМ ПОЛКУ В СОСТАВЕ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на широком круге архивных источников рассматривается содержание учебно-боевой подготовки маршевых авиационных полков и одиночных летчиков на импортных самолетах в 45-м запасном авиационном полку в составе Военно-воздушных сил Сибирского военного округа в годы Великой Отечественной войны. Особый акцент автором сделан на результатах и анализе состояния учебно-боевой подготовки маршевых авиационных полков и одиночных летчиков в запасных авиационных частях округа и в 45-м запасном авиационном полку.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 45-й запасной авиационный полк, Военно-воздушные силы, Сибирский военный округ, подготовка маршевых авиационных полков и одиночных летчиков

Abstract. The article examines the content of combat training of marching aviation regiments and single pilots on imported aircraft in the 45th reserve Aviation Regiment as part of the Air Force of the Siberian Military District during the Great Patriotic War on a wide range of archival sources.

Keywords: the Great Patriotic War, the 45th Reserve Aviation Regiment, the Air Force, the Siberian Military District, training of marching aviation regiments and single pilots

В годы Великой Отечественной войны Военно-воздушные силы (ВВС) Сибирского военного округа (СибВО) для подготовки кадров фронту в своем составе имели:

- 5-ю запасную авиационную бригаду (забр), включавшую в себя 19-й и 20-й запасные авиационные полки (зап);
- 45-й запасной авиационный полк;
- 9-й перегоночный авиационный полк;
- курсы командиров звеньев;
- 15-ю авиационную базу;
- 13-й отдельный запасной полк связи [1, л. 266].

Перед Военно-воздушными силами округа стояли следующие задачи: формировать, доукомплектовывать, переучивать на новой материальной части самолетов маршевые авиационные полки, готовить для фронта одиночных летчиков истребительной авиации, получать с завода № 153

самолеты Як-7, Як-9, производить облет и отправлять их железной дорогой на фронт, получать от Северной воздушной трассы импортную материальную часть самолетов, передавать ее перегонным частям и отправлять железной дорогой по нарядам ВВС Красной Армии, готовить для фронта специалистов связи [1, л. 266].

Всего за период Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. в Сибирском военном округе было подготовлено 65 маршевых авиационных полков, из них: 37 истребительных, 27 бомбардировочных (в том числе 22 ночных бомбардировочных) и 1 разведывательный [1, л. 108, 267], [2, л. 107].

При этом из указанного числа в запасных авиационных частях округа сформировано, обучено на новой материальной части самолетов и отправлено на фронт 40 маршевых авиационных полков, (37 истребительных и 3 бомбардировочных), оставшиеся 25 полков сформировали военные авиационные школы (24 бомбардировочных и 1 разведывательный). Полки, сформированные запасными частями, были доукомплектованы 961 летчиком [1, л. 267].

Принято от Северной воздушной трассы 5 583 импортных самолетов, из них отправлено фронту воздухом и железной дорогой – 4 628 [1, л. 268]. По другим данным принято от Северной воздушной трассы 6 256 импортных самолетов, из них отправлено фронту воздухом и железной дорогой – 5 241 [2, л. 108].

В октябре 1942 г. при 45-м зап было создано военное представительство импортного управления ВВС Красной Армии в составе: военный представитель, помощник военного представителя и авиатехник [3, с. 334].

Отечественных самолетов, поступающих от завода № 153 Народного комиссариата авиационной промышленности, принято и отправлено на фронт железной дорогой – 1 700 [1, л. 268], [2, л. 108].

Выполняя поставленные задачи, запасные части ВВС округа налетали 96 506 часов, произвели 262 825 посадок. Этот трудоемкий процесс не обходился без потерь материальной части самолетов и летного состава. За время войны в частях ВВС округа произошло 536 летных происшествий, в их числе: 40 катастроф, 50 аварий, 315 поломок, 119 вынужденных посадок, 12 аварий моторов [1, л. 268].

Запасные авиационные полки являлись не просто воинскими частями, а учебными заведениями по переучиванию летчиков, готовившихся к отправке в авиационные части и подразделения действующей армии. В программу переучивания, кроме изучения новой материальной части и овладения техникой пилотирования, входили боевые стрельбы по наземным и воздушным целям, учебные воздушные бои, маршрутные полеты, полеты на групповую слетанность, упражнения по радиосвязи и прыжки с парашютом. Запасными частями ВВС округа за период Великой Отечественной войны подготовлено 1090 летчиков [1, л. 267].

Основу подготовки пилотов составляла летная подготовка. В представленных табл. 1, 2, 3 отображены результаты летной работы за-

пасных авиационных частей ВВС СибВО по годам с указанием часов налета, количества совершенных посадок и произошедших летных происшествий.

Таблица 1

Количество часов налета запасных частей ВВС Сибирского военного округа за период Великой Отечественной войны [1, л. 269]

Наименование частей		Налет (в час.)					Всего
		1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	
5 забр	19 зап	1 705	11 905	11 580	2 513		27 703
	20 зап	1 739	12 599	12 161	17 534	4 067	48 100
45 зап			415	2 879			3 294
9 пап				2 702	7 820	2 829	13 351
Курсы командиров звеньев			547	1 998	1 483		4 058
Всего		3 444	25 496	31 320	29 350	6 896	96 506

Таблица 2

Количество посадок запасных частей ВВС Сибирского военного округа за период Великой Отечественной войны [1, л. 269]

Наименование частей		Количество посадок					Всего
		1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	
5 забр	19 зап	7 851	40 964	32 807	6 725		88 347
	20 зап	9 579	48 724	33 569	44 418	8 632	144 922
45 зап			322	9 041			9 363
9 пап				1 116	5 186	2 124	8 426
Курсы командиров звеньев			1 233	6 010	4 524		11 767
Всего		17 430	91 243	82 543	60 853	10 756	262 825

Таблица 3

Количество летных происшествий запасных частей ВВС Сибирского военного округа за период Великой Отечественной войны [1, л. 270]

Наименование частей		Количество летных происшествий			Всего
		Катастроф	Аварий	Поломок, вынужденных посадок и аварий моторов	
5 забр	19 зап	13	19	152	184
	20 зап	7	16	168	191
45 зап		9	4	47	60
9 пап		7	6	48	61
Курсы командиров звеньев		4	5	31	40
Всего		40	50	446	536

45-й запасной авиационный полк был сформирован по штату 015/219 от 1.06.1942 года в поселке Усть-Орда и входил в состав частей Забайкальского фронта. После перебазирования в г. Красноярск с 1 по 10 сентября 1942 г. полк вошел в состав авиационных частей ВВС СибВО [4, л. 164].

Организационно 45-й зап состоял из 3 бомбардировочных авиационных эскадрилий постоянного состава (21 экипаж), роты связи (46 человек), роты аэродромного обслуживания (103 человека), автомобильной роты (41 человек) и полевой авиаремонтной мастерской. Личный состав полка включал 439 человек постоянного состава, 482 человека переменного состава и 71 человека вольнонаемных. Командовал полком Герой Советского Союза майор Власов Иван Павлович [3, с. 334].

В ноябре-декабре 1942 г. в боевой состав 45-го полка были приняты прибывшие по Красноярской воздушной трассе первые самолеты Р-40 «Киттихок» и А-20 «Бостон» [3, с. 334].

На 1 января 1943 г. полк был укомплектован личным составом полностью и имел следующий парк самолетов: А-20-В – 9 ед., В-25-С – 7 ед., Р-40 – 23 ед. У-2 – 3 ед., УТ-2 – 4 ед., УСБ – 9 ед. Общее количество самолетов – 55 ед. [4, л. 164].

С октября 1942 г. по июнь 1943 года полк подготовил 6 истребительных и 3 бомбардировочных маршевых авиационных полков [1, л. 292].

Анализируя сведения из таблиц 1 и 2 по количеству часов налета и посадок запасных частей ВВС СибВО за время войны, можно выделить работу 20-го зап, который за этот период налетал 48 100 часов при 144 922 посадках. Второе место в этой работе принадлежит 19-му зап – 27 703 часов налета при 88 347 посадках. 45-й зап в сравнении с ними имел небольшое количество часов налета – 3 294 при 9 363 посадках. При этом летная работа 45-го зап по годам была распределена: в 1942 г. – 415 часов налета при 322 посадках, в 1943 г. – 2 879 часов налета при 9 041 посадке.

Как уже указывалось, в течение войны в запасных авиационных частях округа произошло 536 летных происшествий, из них на 1941 г. приходится – 27, на 1942 – 200, на 1943 – 204, на 1944 год – 87, на 1945 – 18. Подавляющее большинство летных происшествий приходится на 1942 и 1943 гг. – 404, а катастроф на 1943 г. – 21 [1, л. 268, 270].

В 45-м зап за время его деятельности на территории Красноярского края, при 3 294 часах налета, произошло 60 летных происшествий, из них: катастроф – 9, аварий – 4, поломок – 38, вынужденных посадок – 9 [1, л. 292].

Зная количество произошедших в полку катастроф, путем простых вычислений определяется один из важнейших показателей безопасности полетов – количество часов налета, приходящихся на 1 катастрофу. Для сравнения: в 20-м зап за период с 1941 по 1945 г. произошло 7 катастроф, налет на 1 катастрофу составил 6 871 час, в 19-м зап за период с 1941 по 1944 г. – 13 катастроф, налет на 1 катастрофу – 2 131 час, в 45-м зап за 1942, 1943 гг. – 9 катастроф, налет на 1 катастрофу – 366 часов. Из проведенного анализа следует, что в 45-м зап, за 2 года его деятельности в округе, этот показатель был почти в 19 раз меньше чем в 20-м зап за 5 лет войны. Все 9 катастроф 45-го зап приходятся на 1943 г. и составляют 43 % от общего числа катастроф, произошедших в запасных частях за этот год.

Порядок переподготовки летчиков в запасных частях по своему содержанию был примерно одинаков.

Прибывающие на переподготовку летчики в течение 3–4 дней подвергались проверке знаний при отделах боевой подготовки запасных авиapolков. Доработка слабо усвоенных ими вопросов проводилось непосредственно в процессе их переучивания [1, л. 276].

Начальным этапом в подготовке летчиков служила наземная (внеполетная) подготовка, имеющая своей целью: подготовить летный состав к качественному выполнению летных упражнений в воздухе, повысить уровень знаний летно-технического состава по всем видам боевой и политической подготовки, изучить необходимый в практической работе опыт Великой Отечественной войны [1, л. 276].

В период перерывов в летной работе по метеоусловиям (в весеннем и осеннем периодах) с постоянным составом частей проводились кратковременные сборы, на которых изучались новые сведения по тактике и технике с последующей проверкой знаний в ходе зачетов [1, л. 276, 277].

Оборудование классов, тиров, полигонов, спортзалов, стадионов запасных частей осуществлялось силами их постоянного и переменного состава. За годы войны ими было изготовлено большое количество наглядных пособий, оборудовано классов, вполне соответствовавших требованиям учебно-боевой подготовки летного состава [1, л. 277].

Для прохождения наземной подготовки в 45-м зап имелось 7 классов, расположенных в 2 зданиях. Классы в основном были оборудованы схемами, плакатами, тренировочной аппаратурой по навигации и бомбометанию [4, л. 165].

Планирование летной работы и выполнение летных упражнений проводилось в точном соответствии с требованиями курсов боевой подготовки и указаниями Управления формирования и боевой подготовки ВВС Красной Армии [1, л. 271].

В 45-м зап планирование наземной и летной подготовки осуществлялось штабом полка на каждый месяц. Календарный план подготовки маршевых полков не составлялся по причине отсутствия материальной части. Расписание занятий составлялось подекадно. При расчете часов наземной подготовки на месяц, большое количество дней и часов отводилось на хозяйственную работу, наряд, баню и другие мероприятия, не связанные с боевой подготовкой полков [4, л. 164].

Выполняя план летной подготовки по переучиванию маршевых полков, летчиков-одиночек и совершенствованию постоянного летного состава в технике пилотирования и боевому применению, части ВВС округа из года в год увеличивали интенсивность летной работы. Если в 1942 г. средний налет на один самолет в день составлял 2 часа 23 минуты, то в 1944 г. он был доведен до 3 часов 3 минут [1, л. 271].

Следуя указаниям И. В. Сталина о том, «чтобы все командиры и бойцы Красной Армии изучали опыт Отечественной войны, учились воевать так, как этого требует дело Победы», при обучении летчиков боево-

му применению во все элементы летной подготовки внедрялся опыт Великой Отечественной войны, условия выполнения упражнений приближались к действительным условиям боевой практики [1, л. 271, 272].

При всех объективных сложностях в обучении пилотов такой подход приносил положительные результаты. Так проверкой состояния боевой подготовки 45 зап проведенной с 5 по 14 января 1943 г. начальником отдела боевой подготовки штаба ВВС СибВО генерал-майором авиации Михайловым установлено, что техника пилотирования летчиков полка хорошая. Для оценки техники пилотирования было отобрано 5 летчиков полка, 4 из которых получили оценки «отлично», 1 – «хорошо» [4, л. 166].

По отзывам из частей действующей армии летчики-истребители сибиряки с первого воздушного боя вели себя как опытные пилоты, чем доказывали хорошую выучку, полученную в запасных авиационных частях Сибирского военного округа [1, л. 272].

Учитывая короткие сроки подготовки летного состава для фронта и повышенные требования к обучению летчика-истребителя в воздушно-стрелковой подготовке, в округе был сконструирован стрелковый тренажер, позволяющий при подготовке летчика на земле отработать все элементы воздушно-стрелковой подготовки, чем достигнуто повышение процента выполняемых воздушных стрельб при меньшей затрате летного времени по этому разделу боевой подготовки. Так, например, в 1942 г. воздушные стрельбы выполнялись на 80 %, то с появлением стрелкового тренажера, в 1944 г. воздушные стрельбы стали выполняться в среднем на 96 % [1, л. 272]. Такой эффективный тренажер воздушной стрельбы разработали и постоянно совершенствовали офицеры Бирмской военной авиационной школы пилотов – старший преподаватель старший лейтенант Воскресенский и начальник цикла капитан Медов. Чертежи и описания тренажера в соответствии с приказом Управления ВВС СибВО от 6 мая 1943 г. рассылались в авиационные части и школы округа [5, л. 93], [6, л. 14 об., 15, 15 об.] 45-й зап располагал четырехкабинным тренажером Батчелера, который находился в неотапливаемом помещении и использовался редко [4, л. 165].

До декабря 1943 г. практическая воздушная стрельба осуществлялась по конусу, буксируемому самолетом УТИ-4. Но это вело к несоответствию по скорости с современными истребителями, используемыми для обучения. Рационализаторской работой этот недостаток был устранен в 1944 г., когда была сконструирована конусная установка, позволившая производить буксировку конуса самолетом Як-7 [1, л. 272].

Для проведения воздушных стрельб 45-й зап собственного полигона не имел и пользовался полигоном Харьковской военной авиационной школы стрелков-бомбардиров. Полигон допускал одновременное бомбометание по одной цели с высоты до 5 тыс. метров [4, л. 165].

На основе фронтового опыта при обучении ведению воздушного боя основной целью становилось получение летным составом навыков: поиска и своевременного обнаружения противника, тщательной осмотровально-

сти в воздухе, преобладания в высоте, внезапности атаки и полное использование летно-тактических характеристик эксплуатируемого самолета. Все эти элементы и условия их выполнения тщательно отрабатывать на земле в часы предварительной и предполетной подготовки.

Практическое выполнение элементов поиска и своевременного обнаружения противника проводилось путем неоднократного вылета пары (ведущего и ведомого) в зону с использованием для обнаружения и наведения стартовой радиостанции.

Навык осмотрительности и правильного распределения внимания проверялся специальными вылетами командиров на самолете с отличительной окраской.

При отработке способов преобладания в высоте и внезапности атаки широко использовались облака, солнце и летно-тактические характеристики самолетов.

Особое внимание уделялось обучению ведения воздушного боя на вертикальном маневре с использованием установленных на самолете фото и кинокамер [1, л. 273].

При обучении летного состава аэронавигации основными целями являлись: самолетовождение по компасу, сохранение ориентировки в любом полете, восстановление потерянной ориентировки, умение вести ориентировку в любых условиях полета и самолетовождение с помощью радиосредств. Для отработки указанных элементов каждый летчик выполнял 11–12 полетов, из них: на отработку самолетовождения по компасу – 9, на восстановление потерянной ориентировки – 1, на полет по радиополукомпасу – 1–2. Повышенное внимание в отработке штурманских упражнений уделялось привитию пилотам навыков штурманского глазомера и расчетов в уме. Если общая оценка по штурманской подготовке в 1941 г. составляла 3,7 балла, то в 1944–1945 гг. она повысилась до 4,3 балла [1, л. 273, 274].

Для обучения «слепой подготовке» (полеты под колпаком) каждый обучаемый летчик выполнял 12 полетов со средним налетом 4 часа 12 минут и по окончании программы приобретал необходимые навыки в полете по приборам и в облаках. Из общего числа полетов «слепой подготовки» один полет выполнялся по треугольному маршруту протяженностью 100–120 км. Средняя оценка по «слепой подготовке» составляла 4,4 балла [1, л. 274].

На обучение летного состава полету парой и в составе звена (групповая слетанность) с выполнением различных маневров и перестроений отводилось 5–6 полетов на боевом самолете [1, л. 274].

Практическое обучение отработки боевых порядков начато только с января 1944 г. В обучение входило научить летный состав максимальной маневренности как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости в составе пары и звена, что достигалось выполнением 4 полетов каждым обучаемым летчиком. Средняя оценка по этому виду полетов составляла 4,2 балла [1, л. 275].

С 1942 г. при обучении летного состава радиосвязь стала неотъемлемым элементом каждого полета летчика. Радиосвязь применялась при прохождении всех разделов летной подготовки, начиная с отработки техники пилотирования, управления группой и при обработке элементов воздушного боя путем наведения самолета через наземную радиостанцию.

За время обучения каждый летчик в комплексе с другими упражнениями в среднем выполнял с использованием радиосвязи от 3 в 1941 г. до 40 упражнений в 1945 г. Выполнение указанного числа упражнений давало летчику необходимые знания и практические навыки по использованию радиосвязи в полете одиночного самолета и в группе.

Для улучшения управления полетами по радио с земли на старте оборудовался выносной пульт с усилителем и динамиком, позволявший управлять с земли самолетами, находящимися в воздухе. Средняя оценка выполненных упражнений с использованием средств радиосвязи составляла 4,3 балла [1, л. 275].

По парашютной подготовке со всем летным составом проводились практические занятия по правилам совершения вынужденных прыжков с парашютом с самолетов Як-7, Як-9, УТ-2, УТИ-4, но выполнение прыжков с парашютом было начато только в 1944 году [1, л. 276].

Партийно-политическая работа в запасных частях была направлена, прежде всего, на воспитание личного состава в духе преданности партии и Родине, воспитание чувства ответственности за порученное дело, повышение воинской дисциплины, революционной бдительности и идейно-политического уровня.

Вся деятельность партийных, комсомольских организаций и личного состава частей в проведении партийно-политической работы исходила из указаний И. В. Сталина и вышестоящих политорганов. Коммунисты и комсомольцы в своем большинстве служили примером личной дисциплинированности и организованности [1, л. 277]. В этом, одном из самых важных направлений повседневной деятельности воинских частей, осуществлялось многое, но нарушения воинской дисциплины имели место быть. Только за период с 1 по 31 декабря 1942 г. в 45-м зап отмечено 126 дисциплинарных проступков, с 1 по 31 марта 1943 г. – 67 проступков и 16 чрезвычайных происшествий [7, л. 5, 24, 25].

Главная особенность военной службы заключена в том, что она основывается на строгом и точном соблюдении всеми военнослужащими порядка и правил, установленных законами, уставами и приказами командиров и начальников, малейшее отступление от которых порой ведет к серьезным последствиям. Наглядным примером тому может послужить летное происшествие, произошедшее в 21-м гвардейском истребительном авиационном полку, проходящим переподготовку при 45-м зап. 10 июня 1943 г. при возвращении из зоны полетов на свой аэродром лейтенант Иванов Леонид Ефимович, управляя самолетом Р-39 «Аэрокобра», на высоте 1 200–1 300 м самовольно произвел «бочку», сорвался в штопор и врезался в землю. Летчик погиб. Расследованием установлено, что причиной ката-

строфы явилась личная недисциплинированность лейтенанта Л. Е. Иванова повлекшая его гибель [7, л. 50].

Высокая аварийность 45-го зап в 1943 г. с гибелью людей, низкая воинская дисциплина выделила его в худшую сторону среди запасных частей округа. [1, л. 294]. Не без оснований можно утверждать, что именно этот аспект был определяющим в решении, согласно которому в июне 1943 года 45-й запасной авиационный полк был расформирован и на его базе образован 9-й перегоночный авиационный полк и 15-я авиационная база [1, л. 292].

Вывод: 45-й зап как и другие запасные авиационные части ВВС Сибирского военного округа в годы Великой Отечественной войны решал задачи по формированию, комплектованию и переучиванию на импортных самолетах маршевых авиационных полков, подготовке для фронта одиноким летчиков истребительной авиации. Действуя как военно-учебное заведение, полк внес значительный вклад в укрепление рядов Военно-воздушных сил Красной Армии.

Список источников

1. Центральный Архив Министерства Обороны Российской Федерации. Ф. 160. Оп. 13 234. Д. 98.
2. ЦАМО РФ. Ф. 160. Оп. 13 234. Д. 99.
3. Авиационные заводы и военная авиация в Красноярском крае 1934–1950 гг.: документальное изд. / авт.-сост. В. В. Филиппов, А.В. Леопан. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 480 с.
4. ЦАМО РФ. Ф. 160. Оп. 13 234. Д. 79.
5. ЦАМО РФ. Ф. 160. Оп. 13 234. Д. 117.
6. ЦАМО РФ. Ф. 60332. Оп. 35 737. Д. 3.
7. ЦАМО РФ. Ф. 22112. Оп. 462 274. Д. 2.

А. М. Мандранов
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 5-Й ОТДЕЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ СТРЕЛКОВОЙ БРИГАДЫ СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ПО ПОДГОТОВКЕ ПОПОЛНЕНИЯ В 1944 Г.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос подготовки пополнения в Сибирском военном округе во время Великой Отечественной Войны в 1944 г. Автор описывает особенности учебной подготовки специалистов по военно-учетным специальностям, бытовые условия, воспитательную работу, которая проводилась с курсантами.

Ключевые слова: пополнение, учебные полки, воспитательная работа, учебная программа, тренировка

Abstract. The article deals with the issue of replenishment training in the Siberian Military District during the Great Patriotic War in 1944. The author describes the features of the training of specialists in military occupational specialty, living conditions, educational work that was carried out with the cadets.

Keywords: replenishment, training regiment, morale building, curriculum, training

В соответствии с приказом Наркома обороны и приказом командующего СибВО № 0071 16 августа 1942 г. в Красноярском крае была сформирована 5-я отдельная учебная стрелковая бригада. Основной задачей соединения была подготовка командиров отделений снайперов, отличных стрелков, пулеметчиков, автоматчиков и минометчиков [1, с. 3–5].

5-я отдельная учебная стрелковая бригада (с 17 июня 1944 г. – 27-я учебная стрелковая дивизия) была сформирована на основе 43-й Красноярской запасной стрелковой бригады. По штату в 5-й отдельной учебной стрелковой бригаде состояло 1 179 чел. начсостава, 2 175 чел. младшего начсостава, 496 чел. рядового состава и 325 чел. вольнонаемных.

До 1 января 1943 г. 5-ю отдельную учебную стрелковую бригаду возглавлял полковник Манин Николай Гаврилович [2, с. 1]. С 1943 по 1945 гг. командование 5-й учебной стрелковой бригады осуществлял генерал-майор Чебышев Лукьян Лаврентьевич. Прежде, с февраля 1939 г., Л. Л. Чебышев возглавлял Киевское пехотное училище им. Рабочих Красного Замоскворечья.

В 1944 г. весь офицерский состав 5-й отдельной учебной стрелковой бригады Сибирского военного округа был заменен на фронтовиков [3, с.334].

Численность переменного состава курсантов была установлена в 14 144 человек. Состав и организационно-штатную структуру сформиро-

ванных учебных соединений можно рассмотреть на примере 5-й отдельной учебной стрелковой бригады. Бригада была сформирована в составе управления, 6 учебных полков – противотанкового, пулеметного, полка автоматчиков, полка минометчиков, 1-го и 2-го учебных полков снайперов на ст. Клюквенная, с. Уяр и ст. Заозерная и батальона выздоравливающих [4, с. 229]. По формированию 5-я отдельная учебная стрелковая бригада включала следующие учебные полки:

- 44-й учебный пулеметный полк (в/ч 8167, п/я 384, в/ч, п/я 05786);
- 17-й учебный полк автоматчиков (в/ч 8169, п/я 172);
- 35-й учебный противотанковый полк (в/ч 8165, п/я 357);
- 29-й учебный полк отличных стрелков снайперской подготовки (в/ч, п/я 05755);
- 24-й учебный полк отличных стрелков снайперской подготовки (в/ч 8162, п/я 239).

Формирование бригады проходило непросто, в 1941 г. Красноярский край принял 22 эвакуированных промышленных предприятия, в том числе 8 оборонных. В город прибыло в общей сложности 620 эшелонов с эвакуированными грузами – более 31 тысячи вагонов [5, с. 236]. Данное обстоятельство сказывалось на материально-техническом обеспечении бригады.

Расквартирование бригады имело смешанный характер: 33-й и 34-й учебные полки без артиллерийских дивизионов располагались в казармах военного городка г. Красноярска, 35-й учебный стрелковый полк и 3 артиллерийских дивизиона располагались в землянках военного городка г. Красноярска, 24-й учебный полк снайперов был расквартирован в землянках близ железнодорожной станции Клюквенная Уярского района Красноярского края, 37-й учебный стрелковый полк – в землянках близ железнодорожной станции Заозерная одноименного рабочего поселка городского типа Красноярского края [6, с. 36].

Землянки вмещали по 480 человек, личный состав располагался на трехъярусных нарах. С целью соблюдения санитарно-гигиенических требований в одной землянке проживало не более 360 человек. Постельные принадлежности выдавались из расчета 2 матраца на трех человек.

Электроэнергией земляные городки обеспечивались от электрогенераторов либо электростанций соседних воинских частей. Освещение в землянках осуществлялось керосиновыми горелками.

Транспортное обеспечение земляных городков осуществлялось автомобильным транспортом и лошадьми. Лошадиная тяга использовалась для подвоза воды в столовые и прачечные, топлива к столовым, фуража и подвоза дров.

Кухни и столовые во всех полках имели вместимость 50 % от штатной численности, однако бачков, кухонной посуды и мисок имелось 25 % от штатной численности, что позволяло организовывать питание только

в 3–4 очереди. Такая организация питания сказывалась на организации распорядка дня.

Помывка курсантов учебных полков осуществлялась в банях. 33-й и 34-й учебные полки мылись в имеющейся бане при военном городке с санитарным пропускником вместимостью 100 человек в час, что позволяло осуществлять полную помывку и санитарную обработку личного состава раз в две недели. В остальных учебных стрелковых полках бани были отстроены заново. Данный факт способствовал низкому проценту инфекционных заболеваний в бригаде.

Основной лозунг, с которым бригада проходила зиму 1944–1945 гг. «Боевая и политическая подготовка – основная функция части, а руководство ею – основная служебная и государственная обязанность командира». Задача, которую поставило командование Сибирского военного округа перед запасными учебными стрелковыми бригадами, состояла в вовлечении в боевую подготовку бойца командиров всех уровней [7, с. 40].

Содержание боевой подготовки расчленялось на два вида: инструкторско-методическая подготовка (работа на бойца) и командирские занятия (работа на себя). Заниматься боевой подготовкой предписывалось всем, не отговариваясь своими служебными нагрузками:

Строевая подготовка приравнялась к огневой и тактической подготовке. Общее состояние оценивалось как неудовлетворительное. Не наблюдалось повседневного использования строевых приемов. Вся строевая подготовка подменялась маршировкой подразделениями.

Огневая подготовка требовала незамедлительного улучшения и системы, и методики. Необходимо было добиться знания матчасти оружия, отличное выполнение приемов, понимания теоретических основ и уверенного выполнения нормативов.

Тактическая подготовка не должна подменяться натаскиванием технических приемов в бою. Требовалось тренировать решению боевых задач, вырабатывать инициативу, смелость, решительность и хитрость. Обкатывать танками личный состав. Воспитание боевой готовности проведением периодических тревог.

Физическая подготовка должна в действительности помогать бойцу вести рукопашный бой в окопах, преодолевать препятствия, метать далеко и точно гранаты и быстро переползать.

Боевая подготовка в бригаде планировалась на основании разрабатываемого месячного календарного плана, плана командирской учебы, расчета часов и указаний по программе, высылаемых штабом бригады. Основная проблема при выполнении плана учебной программы, с которой сталкивалась бригада – отрыв курсантского состава на сезонные сельскохозяйственные работы. В среднем, опоздание учебных стрелковых полков составляло две недели.

Задача по подготовке пополнения к фронту стояла очень серьезная – за месяц подготовить полноценного одиночного бойца, способного действовать в составе отделения. Вся боевую подготовку бойцов требовалось

строить через воспитание у них сильной воли, решимости, смелости, упорства и наступательного порыва в бою.

Несмотря на сложные бытовые условия, командование бригады направило все усилия на качественную подготовку прибывающего пополнения и маршевых подразделений для фронта. Необходимо было организовать эффективную военно-политическую работу с личным составом и создать учебно-материальную базу, обеспечивавшую формирование необходимого уровня боевых умений и навыков, в которых нуждался фронт.

Программу боевой подготовки строили так, чтобы избегать всего ненужного и лишнего, учить только тому, что нужно на войне: пользование лопатой для самоокапывания в твердом и мерзлом грунте и для прикрытия себя при перебежках, эффективное применение местности для стрельбы и наблюдения, умению наблюдать за противником и докладывать непосредственному начальнику, ведению боя по очистке окопов и ходов сообщений от противника, правильное назначение огневых рубежей, отражение наступления танков и т. д.

Первый период обучения составлял 172 часа или 16 учебных дней. За это время оценка боевой подготовки одиночного бойца должна была быть не ниже оценки «удовлетворительно». При получении срочных приказов, такой боец может быть отправлен на фронт.

Второй период обучения составлял 168 часов или 15 учебных дней. Основной целью второго периода обучения являлось закрепление всего изученного материала за первый период, завершение подготовки одиночного бойца и обучение действию в составе отделения и взвода. Боевая подготовка бойца второго периода обучения должна была быть не ниже «хорошо» [8, с. 60].

Бойцы, прошедшие подготовку второго периода и не убывшие на фронт, проходили третий период обучения, нацеленный на полное и окончательное завершение с ними программы Народного Комиссариата Обороны СССР. Длительность третьего периода обучения составляла 15 учебных дней.

Данная программа применялась для подготовки стрелковых, пулеметных и минометных подразделений. Подготовка снайперов проводилась в два периода, длительностью месяц каждый.

В завершении обучения с сформированными маршевыми ротами проводились тактические учения по темам: «Марш усиленной стрелковой роты», «Оборона усиленной стрелковой ротой рубежа, пункта, ж/д станции и т. д.».

Исходя из заданных требований в бригаде был составлен тематический план по трем периодам обучения пополнения.

Таблица 1

Тематический план боевой подготовки маршевых подразделений [9, с. 61]

Сроком обучения 60 дней			Сроком обучения 45 дней			Сроком обучения 21 день		
52 раб. дня по 11 часов	8 воскр. по 6 часов	Всего часов	39 раб. дней по 11 часов	6 воскр. по 6 часов	Всего часов	18 раб. дней по 11 часов	3 воскр. по 6 часов	Всего часов
572	48	620	429	36	465	198	18	216

Таблица 2

Расчет часов по дисциплинам (стрелки и ручные пулеметчики) [10, с. 63]

Предмет	Сроком обучения 60 дней	Сроком обучения 45 дней	Сроком обучения 21 день	Примечание
Политическая подготовка	32	24	12	
Тактическая подготовка	271	195	93	
Огневая подготовка	168	132	57	
Строевая подготовка	14	12	4	
Рукопашный бой и плавание	50	38	16	
Саперная подготовка	30	22	10	
Химическая подготовка	22	18	9	
Санитарная подготовка	10	8	5	
Перевозка войск	7	5	4	
Уставы	10	8	4	
Связь	6	3	2	
ИТОГО	620	465	216	

Вся тактическая подготовка бойцов, подразделений проводилась в поле на местности днем и ночью и в строгой последовательности с тематическим планом и расчетом часов.

Саперная, химическая подготовка и самопомощь при ранениях предварительно обрабатывалась на отдельных занятиях с последующим обязательным вводом в каждое тактическое занятие.

В основу обучения закладывалось приобретение каждым бойцом практических навыков и приемов ведения ближнего боя как самостоятельно, так и в составе отделения и взвода.

Главной задачей на тактических занятиях было тренировать бойцов наблюдению за полем боя, за свои командиром и соседями, докладу командиру о замеченном, стремительному продвижению вперед, умелому применению местности, самоокапыванию под огнем противника.

Для формирования необходимых навыков, установленных тематическим планом бригады, основные усилия ее командования были направлены на оборудование стрельбища и полигона. Получена и изготовлена наглядная агитация, выписаны таблицы из курса стрельб для оформления полигона, оборудованы землянки для обогрева личного состава на участках полков, а также блиндажи и перекрытые окопы для стрельбы через амбразуры на огневых рубежах.

Как итог напряженной и целенаправленной работы, показатели контрольных стрельб учебных упражнений в учебных полках при проверках показывали хорошие результаты.

Таблица 3

Стрельба из винтовки 1-го упражнения начальных стрельб [11, с. 75]

Учебный стрелковый полк	Стреляло	Отлично	Хорошо	Посредственно	Плохо	% Выполнения	Оценка
33 учебный стрелковый полк	82	16	28	27	11	86,5	Хорошо
34 учебный стрелковый полк	78	21	17	23	17	79,2	Посредственно
35 учебный стрелковый полк	112	26	40	34	12	89,4	Хорошо
Общая оценка							Хорошо

Таблица 4

Стрельба 2-го упражнения начальных стрельб из миномета [12, с. 76]

Учебный стрелковый полк	Стреляло	Калибр миномета	Общая оценка
33 учебный стрелковый полк	3 расчета	50	хорошо
33 учебный стрелковый полк	4 расчета	82	отлично

Таблица 5

Стрельба 4-го упражнения начальных стрельб
из противотанковых ружей [11, с. 77]

Учебный стрелковый полк	Стреляло	% выполнения	Общая оценка
35 учебный стрелковый полк	40	95	отлично

Основные недостатки по огневой подготовке выражались в слабой практической отработке производства меткого выстрела: остановке дыха-

ния во время прицеливания, прижатие приклада к плечу, скорости заряжания винтовки обоймой. Также в качестве недостатков указываются недостаточные теоретические знания курсантов: установка прицела, нормативные данные для обслуживания и хранения вооружения.

Проверки строевой подготовки и внешнего вида личного состава показывали наличие формы одежды у всех курсантов. Форма одежды включала нательное белье, гимнастерку, брюки, телогрейку. Строевая подготовка требовала доработки в основном в части строевой подготовки одиночного бойца, как рядового, так и младшего командного состава. Данный недостаток также можно объяснить следствием недостатка времени и практической направленностью обучения в бригаде.

Командование бригады старалось поощрять командиров подразделений, отмеченных в лучшую сторону по результатам проверок. Так, по результатам проверки бригады в октябре 1944 года весь личный состав одиннадцатой роты 3-го батальона отличных стрелков, 3-й роты снайперского батальона и 5-й роты второго батальона отличных стрелков, отмеченных комиссией в лучшую сторону, был поощрен благодарностью командира бригады. Кроме этого, командному составу отличившихся рот заменили шинели серошинельного сукна на шинели английского сукна, выдали новые сержантские сумки и ремни [14, с. 35].

За хорошие показатели результатов боевой подготовки боролись также партийно-политические органы бригады. Военно-политическая и воспитательная работа проводилась со всеми курсантами неустанно. Основными направлениями работы являлись воспитательная работа со всем личным составом, а также целевая с нарушителями воинской дисциплины, привлечение новых кандидатов в коммунистическую партию, агитационно-пропагандистская работа, сбор средств на построение военизированных колонн и участие в программах Военного государственного займа.

Политическое и воинское воспитание военнослужащих проводилось в ходе организуемых по специальной тематике политических занятий и политинформаций. Политические информации проводились 4 раза в неделю в дни, когда не проводились занятия по политподготовке. Группы политических занятий организовывались по категориям военнослужащих с количеством человек в каждой группе от 18 до 25. Политические занятия проводились по утвержденной для запасных частей программе. Их тематика включала изучение выступлений Наркома обороны, требований военной присяги и воинских уставов, ответственности за воинские преступления, а также текущие моменты Великой Отечественной войны. Основным методом проведения политических занятий являлась живая развернутая беседа [15, с. 107, 108].

Разъяснительная работа проводилась агитаторами бригады под непосредственным руководством политруков в виде лекций и бесед на темы «Что несет немецкий фашизм народам СССР», «Как началась война», «Значение боев на юге», «О чести воинской», «Бить врага без промаха», «Сибиряки на фронтах Великой Отечественной войны» и т. д. Ежедневно

до курсантов доводилась информация о положении на фронтах войны. Все ежедневные фронтовые сводки хранились в библиотеке.

Несмотря на напряженный график боевой подготовки в бригаде отводилось место культурно-массовой работе. Были организованы несколько самодеятельных кружков: танцевальный, хорового пения, декламации и драматический. Для обеспечения нужд кружков были приобретены необходимое оборудование и музыкальные инструменты.

Нельзя не отметить издательскую работу, проводившуюся в бригаде. Воинской частью издавалась газета «Снайпер». Редактором бригадной газеты служил лейтенант Захаров Ефим Кокович, секретарем редакции – лейтенант Тучин Александр Иванович, выпускник Московского института журналистики и окончившего 1942 году Иркутское Военно-политическое училище [16, с.15]. Бригадная газета выпускалась ежедневно, за исключением вторника и четверга, в ней освещались успехи Красной Армии на фронте, передовой боевой опыт, материалы иностранной прессы о СССР, а также будни курсантской учебы: успеваемость, отличники и отстающие, выпуски курсантов, работа самодеятельности, анекдоты и фельетоны о военно-политическом командовании фашистской Германии (А. Гитлер, Г. Геринг и др.). При этом газетой соблюдались меры защиты государственной тайны – такие подробности, как место учебы и другие детали в газетных статьях опускались.

Не оставалось командование бригады безучастной к проблемам эвакуированных семей – им оказывалась помощь в починке детской обуви и подвозе дров.

Подводя итог, следует отметить, что боевая подготовка в 5-й отдельной учебной стрелковой бригаде была всецело направлена на мобилизацию пополнения на освоение задачи по становлению бойца Красной Армии в кратчайшие сроки. Это достигалось комплексным подходом к обучению пополнения через укрепление дисциплины, тщательным планированием боевой подготовки (внедрение актуального фронтового опыта, анализом проделанной работы, получением отзывов с фронта), грамотной агитационно-пропагандистской работой, многоуровневой воспитательной работой (партийные органы, командование, творческие коллективы).

Основными формами и методами воинского воспитания военнослужащих являлись: занятия по политической подготовке, политические информации о положении на фронте и в стране, лекции, доклады и беседы, использование центральных, региональных печатных изданий и радио, окружных и дивизионных газет, выпуск стенной печати воинских подразделений, совещания с командно-начальствующим составом, парторганами, пропагандистами, агитаторами, редакторами стенных газет и боевых листов, парторганами и комсоргами маршевых подразделений, собеседования с командирами подразделений и их заместителями, совещания фронтовиков-орденоносцев, переписка с родителями военнослужащих, использование наглядной агитации, поддержание связи с воинами сибирских дивизий.

Список источников

1. ЦАМО РФ. Ф. 8 230. Оп. 90 312. Д. 1. Л. 3, 4, 5 об.
2. ЦАМО РФ. Ф. 8 230. Оп. 232 264. Д. 1. стр. 1.
3. ЦАМО РФ. Ф. 8 230. Оп. 90 313. Д. 10. Л. 334.
4. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны / Н. Д. Ростов; Алт. гос. тех. ун-т им. И. И. Ползунова. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. 516 с.
5. Красноярск – Берлин. 1941–1945. Историко-публицистическое краеведческое издание, посвященное 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Красноярск: Поликор, 2010. 448 с.
6. ЦАМО РФ. Ф. 160. Оп. 13 231. Д. 38. Стр. 75.
7. ЦАМО РФ. Ф. 8 230. Оп. 90 309. Д. 1.
8. Там же.
9. ЦАМО РФ. Ф. 160. Оп. 13 231. Д. 49. Стр. 75.
10. Там же.
11. Там же.
12. ЦАМО РФ. Ф. 8 230. Оп. 90 315. Д. 7.
13. ЦАМО РФ. Ф. 8 238. Оп. 65 570. Д. 1. Л. 107, 108.
14. ЦАМО РФ. Ф. 8 230. Оп. 859 049. Д. 1.
15. ЦАМО РФ. Ф. 8 238. Оп. 65 570. Д. 1. Л. 107, 108.
16. ЦАМО РФ. Ф. 8 230. Оп. 859 049. Д. 1.

РАЗДЕЛ 11.

РАЗВИТИЕ ЗНАНИЙ О ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ, СПОРТЕ И ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

УДК 394.3

В. И. Прокопенко

*Дальневосточная государственная академия физической культуры
Хабаровск, Россия*

ТРАДИЦИОННАЯ ИГРОВАЯ И СОСТЯЗАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОЛГАН ТАЙМЫРА

Аннотация. В статье рассматривается одна из мало изученных сторон традиционной игровой и состязательной деятельности, одного из северных этносов Таймыра – долган. В определенной степени представленный материал, существенно дополняет и расширяет наше представление о широкой палитре игровых и состязательных средств, составляющих основу традиционной физической культуры этого народа.

Ключевые слова: долганы, Таймыр, игры, состязания, единоборства

Abstract. The article considers a poorly studied aspect of traditional game and competitive activity of dolgans, one of Taymyr north ethnic groups. The presented material, to some extent, completes and broadens our image about a wide range of game and competitive means forming the basis of traditional physical culture of this people.

Keywords: dolgans, Taymur, games, competitions, single combats

На Крайнем Севере Западной Сибири Российской Федерации, проживает небольшой, по своему количественному составу – 8 182 чел. [3], один из коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – долганы. Этот этнос, на протяжении многих времен своего существования в экстремальных климатических условиях Таймыра, сформировал достаточно уникальную как материальную, так и духовную культуру. Это позволило долганам с успехом жить и развиваться, не взирая на все сложности и трудности их жизнедеятельности в условиях сурового Крайнего Севера. В этом контексте, одной из важнейших составляющих духовной культуры этого народа являлась его традиционная игровая и состязательная двигательная деятельность, которая в определенной степени способствовала полноценному развитию и воспитанию подрастающего поколения в прошлом.

К сожалению, имеющийся по данной проблеме материал [1, с. 9–30; 5, с. 18–22; 6; 8, с. 17–18, 33; 10, с. 112–132 и др.], немногочислен, иногда

противоречив и не способствует полному его восприятию с позиции современной педагогики, теории и методики физического воспитания. С другой стороны, незначительное количество научных исследований и публикаций в отечественной научной и методической литературе, отражающих игровую и состязательную двигательную деятельность долганского народа, связано с тем, что этнографы, не говоря уже о специалистах в области физического воспитания, практически мало уделяли внимания традиционной системе (и ее средствах) физического воспитания этого народа. Такая скудная информация о традиционной игровой и состязательной двигательной деятельности долганского этноса, не позволяет в полной мере использовать ее в современном образовательном процессе по физическому воспитанию детей ДОУ, учащихся общеобразовательных школ региона, тренерам по национальным видам спорта, а также работникам культуры во время проведения национальных фестивалей, праздников долганского народа. Таким образом, знаниевый компонент о традиционной игровой и состязательной двигательной деятельности долган, и ее позитивном влиянии на жизнедеятельность этого народа, в настоящее время требует дополнительного изучения.

В связи с этим, целью нашего исследования было восполнить этот пробел – выявить многовековую традиционную игровую и состязательную двигательную деятельность долган, которая исторически была им присуща. С этой целью (одной из целей) в 2021 г., под эгидой АРН (Агентства развития Норильска) была проведена научная экспедиция на Таймыр, в места постоянного проживания этого народа.

В данной статье мы представим результаты наших исследований, которые отражают полученный нами полевой материал [9], связанный с традиционными играми и состязаниями долган. Статья посвящена только двигательной направленности игровой и состязательной культуры долганского этноса. Она не затрагивает другие игровые и развлекательные ее стороны (интеллектуальные, мелкой моторики и др.), несмотря на то, что этот материал также нами фиксировался.

Так в пос. Сындаско нами была записана оригинальная игра долган, которая до этого времени ни в каких источниках не фигурировала. Называлась она «Кидание в цель» (*Муоһы кээһэр*). Краткое ее содержание таково. Играли мальчики с 5–6-летнего возраста. Проводилась игра в зимнее время года на ровной площадке. Количество участников не ограничивалось. Для игры требовалось 10–15 оленьих рогов. Рога расставлялись на линии, расстояние между рогами составляло примерно 80–100 см. От этой линии отмеряли расстояние в 10–15 м и проводили линию метания. Очередной игрок брал в руки олений рог (чаще всего отпиленную часть от основного рога) и с линии метания бросал его в расставленные оленьи рога, стараясь как можно больше сбить их. Победителем оказывался тот, кому удавалось сбить наибольшее количество рогов. Данная игра развивала ловкость, двигательную координацию, силу мышц спины и пле-

чевого пояса; воспитывала сосредоточенность, уверенность и решительность игроков в своих действиях.

В пос. Хатанга нам удалось записать несколько игр. Одна из них – «Лов рыбы». В этой игре участвовали дети обоего пола, начиная с 6-летнего возраста. Игра проводилась в летнее время на ровном месте. Количество участников не ограничивалось. Игроки делились на две равные по количеству команды. Одна из них изображала «рыбаков», друга – «рыб». Смысл игры заключался в том, что дети-«рыбы» бегают по ограниченной (по договоренности) территории, а «рыбаки» начинают ловить их. «Рыбаки» имитируют снятие рыболовных «сетей с вешал», складывают их на помост «лодок» и «отчаливают» от берега. Приближаясь к «рыбам», они окружают их, для этого берутся за руки, как бы создавая сеть – невод. Если «рыбаки» не успели этого сделать, то «рыбы» могут «подплыть» под «невод», т. е. проскочить между «рыбаками» и вырваться на волю. Игра обычно продолжается до тех пор, пока все «рыбы» не будут выловлены. Игра способствует приобретению рыболовных навыков, развивает ловкость, координацию; воспитывает смекалку, сосредоточенность и внимание.

Другая игра-соревнование, не типичная для долган, называлась «Бег на выносливость». Она очень похожа на игру-соревнование береговых чукчей [7, с. 26–27], которая называлась у них «*Мыргырэтлян*». У таймырских долган проводился этот бег в любое время года на ровной площадке. Участвовали в таких бегах дети, молодежь и взрослые, как мужского, так и женского пола. Количество участников не ограничивалось. На игровой площадке проводили три круга: большой для взрослых, внутри большого – средний для молодежи и внутри среднего – маленький круг для детей. Выбирался водящий, который следил за правильностью бега участниками.

Участники располагались по своим кругам. По команде водящего, они начинали бег в противоположные стороны, сначала бег велся в замедленном темпе. Затем бег постепенно ускорялся. Кто уставал, сходил с дистанции, а остальные продолжали вести бег. Победителем в каждой возрастно-половой группе становился тот участник, который выдерживал бег дольше остальных.

Данная игра-соревнование способствует развитию выносливости, координации движения; воспитывает выдержку, волю к победе.

В этом же поселке нами была записана еще одна игра, которая была связана с оленьими рогами. Называлась она, как ни странно, «Ловля оленей». Проводилась игра в любое время года, на ровном месте. В игре участвовали только мальчики, начиная с 8-летнего возраста. Количество участников игры не ограничивалось. Для игры необходимы были рога оленей в количестве не менее 5–6 штук. Рога складывались в одну кучу. Каждый игрок держал в руках палку, длиной примерно 80–100 см, толщиной 3–5 см. Проводилась игра таким образом: очередной игрок подходил к лежащей кучке оленьих рогов и наносил своей палкой удар по одному из концов какого-то рога так, чтобы он повернулся в обратную сторону. Если ему это удавалось выполнить, рог он забирал себе и продолжал иг-

рать дальше. Игроку разрешалось производить удары палкой по рогу только 3 раза. Если после 3 ударов рог не перевернулся, игра переходила к следующему участнику. Победителем становился тот игрок, которому удалось собрать наибольшее количество рогов. Игра способствовала развитию силы мышц спины, рук; воспитывала смекалку, решительность, сосредоточенность.

Достаточно многовариантной оказалась «Игра на пятках» (*Ончуур*). Мы записали 4 варианта этой игры, которые были связаны с выполнением разнообразных прыжковых позиций. Так, в первом варианте «Игры на пятках», которая была распространена среди долганских детей, начиная с 6–8-летнего возраста, требовалась веревка длиной 4–5 м. На одном конце веревки крепился сшитый из оленьей кожи мячик диаметром порядка 15–20 см, набитый шерстью или тряпками. Количество участников игры не ограничивалось. Проводилась игра в летнее время года, на ровном месте. Игра проводилась таким образом. Один из участников становился водящим. Он брал в руки веревку за свободный ее конец, становился на ровном месте игровой площадки и начинал раскручивать веревку с мячом (в любую сторону). Остальные игроки располагались вокруг водящего. В их задачу входило принять исходное положение – стоя на пятках. Как только веревка с мячом приближалась к тому или иному игроку, он должен был успеть подпрыгнуть, стоя на пятках, чтобы мяч не задел его. Если мяч задевал за ноги игрока, водящий кричал «*Ончуур!*», т. е. попал. Этот игрок затем сменял водящего, и игра продолжалась дальше.

Во втором варианте игры, который назывался «Прыжки на двух ногах» (*Ойуккалыыр*), нужно было игрокам успеть подпрыгнуть на двух ногах, когда мяч пролетал под их ногами, не задев веревку. Особенность этого варианта заключалась в том, что водящий постепенно увеличивал скорость вращения веревки с мячом. Смена водящего происходила аналогично первому варианту.

В третьем варианте игроки должны совершать прыжки, когда приближалась веревка с мячом, попеременно с ноги на ногу, по-долгански игра называлась «*Куобактыыр*». В четвертом варианте игры игроки, стоящие по кругу, принимали исходное положение – стоя на одной (любой) ноге. Нужно было успеть подпрыгнуть на этой ноге, не задев веревку с мячом. Все варианты игры способствовали развитию ловкости, координации и быстроты реакции движения, в определенной степени силы мышц ног; воспитывали сосредоточенность, внимательность и наблюдательность.

Весьма оригинальная игра была нами записана в долганском поселке Кресты Таймыра. Называлась она «Бросание мужской шапки на хорей» (*һаапкы бырагыыта*). Проводилась она в любое время года на ровном месте. В игре принимали участие мальчики, начиная с 8-летнего возраста. Количество участников игры не ограничивалось. Для игры требовался хорей, высотой не более 3 м. Хорей держал рукой строго вертикально один из участников игры. Каждый участник мог выполнить только одну попытку в одной серии бросков. От хорей отмеряли расстояние в 5 м – это была

линия метание шапки. Участник подходил к линии метания, снимал свою шапку и старался набросить ее на хорей. У кого это получалось, тот продолжал играть дальше. Кто промахивался – выходил из игры. Победителем игры становился тот игрок, который оставался последним из всех участников игры. Игра способствовала развитию точности броска, ловкости, координации движения; воспитывала выдержку, сноровку, сосредоточенность, целеустремленность в достижении цели.

В поселке Попигай мы записали распространенную игру среди детей этого поселка – «Катание на коленях» (*Тобугунан калыйы*). В игре принимали участие как мальчики, так и девочки, от 6 до 12 лет. Количество участников не ограничивалось. Местом проведения обычно был небольшой спуск с возвышенности. Обувью, на которой производился спуск, служили *бокари* – это высокая, до паха, обувь, которая шилась из зимних длинношерстных оленьих или волчьих камусов. Участники игры, обычно с небольшого разбега, бросались в бокарях на колени и катились в таком положении как можно дальше. Кто дальше прокатывался, тот становился победителем игры. Игра способствовала развитию координации движения, ловкости; воспитывала целеустремленность к достижению победы, являлась хорошим закаливающим средством для долганских детей.

Мы заострили внимание только на некоторых играх, которые не были ранее зафиксированы и представлены в научной педагогической и этнографической литературе. В то же время был выявлен большой разнонаправленный пласт традиционных игр, которые будут представлены в учебном пособии «Долганы: традиционное воспитание, игры, состязания и современный этносport». Нами было зафиксировано достаточно много традиционных состязаний и всевозможных единоборств, которые также еще не нашли своего освещения в научной и методической литературе.

Анализ данного материала показал, что у долган в прошлом существовало много разнообразных самобытных видов состязаний и единоборств, по сравнению с другими северными этносами РФ. Спектр их воздействия на организм человека был всеохватывающим. Такое многообразие традиционных состязаний и единоборств было связано, очевидно, с тем, что долганы много позаимствовали от якутов и эвенков, т. е. от своих прародителей и соседей – нганасан, ненцев, энцев. В предыдущей нашей работе [10, с. 112–132] мы достаточно подробно описали многие традиционные состязания долган.

Остановимся на тех состязаниях, которые не были ранее нами описаны и опубликованы. Одним из таких традиционных состязаний являлось «Толкание камня» (*Таас бырагыта*). Этот вид состязаний был популярен у долган, проживающих в пос. Кресты [9]. Толкание камня распространено было и у других народов Севера РФ – нивхов [11, с. 77–78], хантов [12, с. 223–224]. В этих состязаниях принимали участие как мужчины, так и женщины. Каждая половая группа соревновалась между собой. Устраивалось соревнование в летнее время года. Количество участников не ограничивалось. На ровном месте проводили линию метания. Для состязания

подбирали достаточно тяжелые камни (как для мужчин, так и для женщин). Все толкали один и тот же камень. Каждому участнику давалось выполнить 3 попытки. Засчитывался лучший результат из 3-х попыток. Для организованного проведения состязаний выбирался руководитель (судья) из числа опытных и авторитетных долган. Участник подходил к линии толкания, поднимал лежащий камень, перекладывал его на правое (левое) плечо (камень поддерживался как правой, так и левой рукой) и совершал бросок (толчок) вдаль. У кого камень дальше приземлился, тот становился победителем состязаний.

В этом же поселке (Кресты) долганы состязались и в «Метании шеста на дальность» (*Ураһаны ыраакка кэһии*). Метают шест, используемый во время поднимания *нюков* для устойчивости чума. Длина шеста 2,5 м. Состязания проводятся в летнее время года, на ровном месте. В соревнованиях принимают участие только мужчины. Количество участников произвольное. Каждому выступающему предоставлялось 3 попытки, засчитывался результат лучшей попытки. Все участники метали один и тот же шест. Метание шеста проводилось следующим образом: метатель брал шест в руки, подходил к линии метания; принимал исходное положение шеста так, как будто метает копье; с замахом метал шест как можно дальше так, чтобы его конец воткнулся в землю или оставил на земле след. Кому удавалось правильно и как можно дальше выполнить бросок, тот становился победителем.

Весьма сложным и оригинальным был такой вид традиционного состязания долган, как «Стрельба из лука в кольцо» (*Аланааннан тегуруккэ*). Это состязание также было записано нами в поселке Кресты. Состязание проводилось в летнее время года на улице. Участвовали юноши, девушки, мужчины и женщины. Стрельба обязательно проводилась в безопасном месте. Состязаться в этом виде мог любой желающий. Каждый участник стрелял в мишень из самодельного лука 3 раза. Мишенью являлось кольцо от рыболовной сети, диаметр которого был примерно 10 см. Такая мишень подвешивалась на веревке над землей на уровне 50–100 см. Стрельба производилась с расстояния 3–5 м. Из числа опытных и авторитетных долган выбирался судья, который руководил проведением этих состязаний. До начала состязания участники договаривались, до какого количества набранных очков (попаданий) они будут состязаться. Делалось это так: стрелок подходил к линии стрельбы, прицеливался из лука и пускал стрелу, стараясь попасть в середину подвешенного кольца. Победителем и самым метким стрелком становился тот, кому удавалось попасть стрелой (стрелами) в середину кольца наибольшее количество раз.

Существенное место в жизнедеятельности долган занимали силовые единоборства. Ни один традиционный праздник не проводился без этих увлекательных и зрелищных состязаний, в которых участники показывали свою силу, ловкость, сноровку, волю, смелость и бесстрашие. В долганском поселке Сындаско было популярно состязание «Борьба руками» (*Илии баттаһыы*). Этот вид состязаний у долган распространен был,

по сведению долганской ученой А. А. Барболиной, издавна [9]. Он напоминал современный армрестлинг. Проводился в любое время года, как на улице, так и в помещении. Количество участников состязаний не ограничивалось. Весовых категорий не было. Время для поединка не ограничивалось, давалась одна попытка. Участники состязались на победителя. Местом проведения этого поединка служил стол, скамейки или стулья, чтобы партнеры могли сидеть. При проведении таких состязаний выбирался руководитель (судья), который следил за правильностью ведения поединка. Победитель пары продолжал состязаться со следующим партнером и т. д., пока не переборет всех или кто-то его не остановит в этой борьбе. Победителем становился тот участник, который смог перебороть таким способом всех партнеров или набрать наибольшее количество побед по отношению к другим соперникам.

У сындасских долган распространены были различные перетягивания кистью, пальцами. Одно из них – «Перетягивание пальцами (кистью)» (*Чемуйэлэринэн тардыһыы*). Надо заметить, что такие перетягивания существовали у многих народов Севера, проживающих в Российской Федерации – у удэгейцев [13, с. 132–134], орочей [15, с. 117–118], дальневосточных эвенков [15, с. 47], народа манси [14, с. 118–120] и др. Это состязание проводилось в любое время года на улице или в помещении. Состязались между собой подростки и мужчины. Количество участников не ограничивалось. Поединки проходили на победителя. Участникам давалась только одна попытка. Перед началом проведения состязания из наиболее опытных и уважаемых долган выбирался руководитель, который являлся и судьей соревнований. Проходило это так: два соперника садились на землю (пол) лицом друг к другу, прямыми ногами упирались стопа в стопу, брались пальцами кисти одной из рук в замок и по команде руководителя, начинали перетягивание. У кого не выдерживала кисть, и пальцы разжимались, тот выбывал из дальнейшей борьбы. Победитель этой пары дальше продолжал состязаться с другими соперниками до тех пор, пока не победит всех или до своего поражения. Кто набрал больше остальных побед, тот становится победителем.

Силовое состязание, называемое «Куропачьи лапки» (*Курпааскы тынырага*) записано нами было в поселке Сындасско. Проводилось оно в любое время года, летом – на улице, зимой – в помещении. Принимали участие мальчики, подростки и иногда подключались взрослые. Количество участников состязания не ограничивалось. Для проведения перетягивания необходима полуметровая веревка, концы которой крепко связывались. Участники состязались на победителя. Перетягивание проводилось таким образом: два участника садились на землю (пол), стопами упирались друг в друга, брались вытянутыми руками за веревку и по команде ведущего начинали перетягивать друг друга. Кто не выдерживал поединка и отпускал из рук веревку, или его соперник смог поднять партнера с земли (пола), тот проигрывал и выбывал из борьбы.

Не менее интересным было и такое силовое единоборства у долган, как «Бои на одной ноге» (*һырсыы*), которое нами было записано в поселке Кресты. В детстве, по сведению долганской ученой А. А. Барболиной [9], они часто наблюдали за боями турухтанов. Эти птицы в весеннее время часто паслись около чумов и бились между собой за место и еду. Долганские дети позаимствовали эти бои и стали применять их в своей состязательной и игровой деятельности. В отечественной научной и методической литературе, связанной с играми, дается описание этого вида единоборств [2, с. 74–75; 4, с. 89 и др.] с названиями «Бой петухов» или «Петушиный бой». Долганы, проживающие в поселке Кресты, говорят, что им это единоборство передавалось из поколения в поколение. Долганам было присуще выявлять в процессе игровой деятельности самого сильного, ловкого и напористого игрока. В этом виде единоборства состязались как мальчики, так и девочки между собой, начиная с 6-летнего возраста. Состязание проводилось в любое время года на ровном месте. Количество участников не ограничивалось. На земле (снегу) обозначался круг диаметром 1,5 м. Эти «бои» проводились у долган на победителя. Каждая пара соперников выполняла только одну попытку. Проигравший выбывал из дальнейшей борьбы. Для проведения поединков выбирался руководитель (судья) состязаний из числа опытных и авторитетных долган. Эти поединки проводились так: пара участников входила в круг, становились лицом друг к другу, принимала исходное положение – стоя на одной ноге, руки согнуты в локтях и прижаты к телу. По команде руководителя начинался «бой». Прыгая на одной ноге, нужно было наскакивать друг на друга и стараться плечом вытолкнуть своего соперника за круг. Кому это удавалось, тот становился победителем пары и затем начинал вести «бой» со следующим соперником и т. д. Победителем становился тот участник, который смог победить всех своих соперников или набрать наибольшее количество побед.

Таким образом, в данной работе мы представили игры и состязания, в том числе и единоборства, которые до настоящего времени не были освещены в отечественной научной и популярной литературе, связанных с игровой и состязательной деятельностью долган. Нам представляется, что этот материал существенно восполнит знаниевый компонент как о широкой палитре традиционной игровой деятельности долган, так и его уникальных и самобытных игровых средствах физической культуры этого этноса.

Список источников

1. Аксенова Е. Е. Игры и загадки моего детства. / Е. Е. Аксенова. Дундинка: ООО «Изд. дом «Новый Енисей», 2009. 43 с.
2. Былеева Л. В. Подвижные игры: учеб. пособие. для институтов физ. культуры. Изд. 5-е, перераб. и доп. / Л. В. Былеева, И. М. Коротков. М., Физкультура и спорт, 1982. 224 с.
3. Всероссийская перепись населения Российской Федерации в 2020 году [Электронный ресурс]. <https://rosstat.gov.ru/>

4. Игровые поединки: метод. пособие. / авт.-сост. И. В. Ахромеев, В. Ю. Колчев. М.: Концептуал, 2015. 144 с.
5. Игры народов Таймыра. Сборник / авт.-сост. Л. Д. Бегту. Дудинка: МБУК «ГЦНТ», 2013. 36 с.
6. Катыгинский С. Н. Долганские национальные игры: пособие для учителей / С. Н. Катыгинский. СПб.: Филиал изд-во «Просвещение», 2001. 40 с.
7. Леонтьев В. В. Самый сильный, самый ловкий. О чукотско-эскимосских спортивных играх / В. В. Леонтьев. Магадан: Кн. изд-во, 1979. 32 с.
8. Певгова Л. В. Национальные игры детей народов Севера / Л. В. Певгова. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 39 с.
9. Полевые исследования В. И. Прокопенко в 2021 г. на Таймыре, в местах проживания долган. Архив автора.
10. Прокопенко В. И. Традиционные состязания долган / Этноспорт коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): учеб. пособие / В. И. Прокопенко. М.: ООО «Де'Либри», 2022. 312 с.
11. Прокопенко В. И. Игры и национальные виды спорта нивхов Амура и Сахалина: учеб.-метод. пособие / В. И. Прокопенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. 136 с.
12. Прокопенко В. И. Этнопедагогика народа ханты: физическое воспитание и игры: учеб. пособие / В. И. Прокопенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 296 с.
13. Прокопенко В. И. Традиционное физическое воспитание и игры удэгейцев: учеб.-метод. пособие / В. И. Прокопенко. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2009. 252 с.
14. Прокопенко В. И. МАНСИ: традиционные игры, состязания и современные национальные виды спорта: Книга для учителя: учеб. пособие / В. И. Прокопенко. Сургут: Изд-во АО «Издательский дом «Новости Югры», 2019. 228 с.
15. Прокопенко В. И. Этноспорт народов Севера Приамурья и Сахалина: Книга для учителя: учеб. пособие / В. И. Прокопенко. Хабаровск: Дальневосточный изд. центр «Приамурские ведомости», 2015. 264 с.

Р. М. Чистяков
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ТЕЛЕСНОСТЬ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация. Статья анализирует складывание телесности здорового образа жизни в России на рубеже XIX–XX вв. в реалиях формирующегося современного общества потребления. Уделяется внимание связи дискурса «здорового образа жизни» с механизмами общества потребления, с геополитической ситуацией, политическим курсом государства и философией обуржуазивающегося российского общества.

Ключевые слова: *Российская империя, современное общество, общество потребления, спорт, физическая культура, тело, здоровье, телесная эстетика*

Abstract. The article analyzes the formation of the physicality of a healthy lifestyle in Russia at the turn of the 19th–20th centuries in the realities of the emerging modern consumer society. Attention is paid to the connection between the discourse of a «healthy lifestyle» and the mechanisms of consumer society, the geopolitical situation, the political course of the state and the philosophy of the bourgeois Russian society.

Keywords: *Russian Empire, Modern society, consumer society, sports, physical culture, body, health, bodily aesthetics*

Актуальность исследования. Представления о телесности существовали на протяжении всей истории человечества. Они были опосредованы культурой, эстетикой, этикой, религией и многими другими сферами человеческой жизни – и определяли их. От представлений о телесности зависели мода, сексуальность, мораль. Изучая представления о телесности людей в разные эпохи, исследователь, равно как и обыватель, может глубже понять контекст эпохи, определить образ мыслей человека прошедшей эпохи – в этой возможности и заключается актуальность исследования.

Цель исследования заключается в определении связи телесности здорового образа жизни в России рубежа XIX–XX вв. с зарождающимися механизмами общества потребления.

Методология исследования основывается на теории модернизации, согласно которой в рамках современного общества, включающего в себя общество потребления, зарождаются качественно новые представления о телесности; тело, как заново открытая удивительная вещь, начинает, подобно душе в рамках традиционного общества, требовать «спасения», выражающегося в его «капитализации» посредством любви и заботы к нему. Любовь и забота, в числе прочего, выражается в следовании здоровому образу жизни. Центральное место среди использованных методов занимает

конкретно-проблемный метод, с помощью которого удастся рассмотреть проблему представлений о телесности здорового образа жизни в России рубежа XIX–XX веков на фоне глобальных процессов: обуржуазивания российского общества, эпохи национальных конфликтов, распространения науки и образования, разрастании спортивных обществ. Для установления связи между распространением новых представлений о телесности и механизмами потребления используется метод контент-анализа.

Историография вопроса. Фундаментальное философское освещение человеческого тела в реалиях общества потребления получает в известном труде Ж. Бодрийяра «Общество потребления. Его мифы и структуры» [1]. По его мнению, в реалиях общества потребления происходит новое удивительное «открытие» человеческого тела после многих веков христианского пренебрежения плотью. Замещая собой душу, тело перенимает и ее потребность в «спасении», которая выражается в «капитализации» оного. Таким образом, тело начинает быть самым податливым объектом и самым востребованным предметом потребления. Как видимые телесные добродетели, главную роль в структуре потребления тела начинают играть темы здоровья, которые включают в себя мужской атлетизм и женский фринеизм. Концепция Ж. Бодрийяра играет ключевую роль в данном исследовании.

Крупнейший советский и российский социолог, философ и сексолог И. С. Кон в книге «Мужское тело в истории культуры» [2] утверждает, что чрезмерная нагота и фиксация на атлетизме, в целом, несвойственна для российской культуры вплоть до рубежа XIX–XX вв. Это выражается и в нормированности повседневной наготы у русских крестьян, которые не осознавали свое тело нарциссически; строгости, бесплотности русских икон, когда тела святых оказываются закрыты одеждами или стилистически лишены гениталий; и в стыдливости изображенных в скульптуре и живописи фигур, когда нагота никогда не бывает фронтальной и в большинстве случаев – ужимистой, боковой, либо невинной (когда изображаются дети), а атлетизм является увязан более с распространившимися в эпоху Ренессанса техниками правдоподобного отображения человеческой анатомии, и в редких сюжетах, демонстрирующих нам «великолепные мужские тела» («Явление Христа народу» А. А. Иванова) не вбирает в себя смыслы ни разнузданности и эротизма Ренессанса, ни милитаристской маскулинности рубежа XIX–XX вв. Формирование же телесности на рубеже XIX–XX вв. происходит под влиянием милитаристских националистических идеологий, отражением которых, например, могут являться зародившиеся в это время национальные системы гимнастики – сокольская (читай, славянская), немецкая и др. Соответственным оказывается и культивируемый в мужской среде «вирильный» (возмужалый) образ. В Россию он массово проникает с некоторым запозданием, что подтверждает вышеупомянутые тезисы автора.

Кандидат исторических наук Уральского Федерального университета О. Н. Яхно [3] говорит о возникновении в городской среде рубежа XIX–

XX вв. нового культа тела, основанного на его «капитализации» (девиз «Здоровье – это богатство»): употреблении в него только качественной и здоровой пищи, подвергании его умеренным физическим нагрузкам. Здоровое тело, по мнению О. Н. Яхно, становится еще одним индикатором волевых качеств человека, самостоятельно добившегося этого результата в реалиях становления современного общества.

Профессор Пермского университета В. В. Устюгова [4] затрагивает тему формирования современного общества в российских провинциальных городах, в ходе которого в городской среде возникает полноценная культура потребления, опирающаяся на значительно возросшее количество досуговых практик и разнообразие товаров и услуг. Важную роль в культуре потребления начинают играть физические активности: как способ самовыражения, снятия стресса или заполнения свободного времени. Становится популярным множество видов спорта – футбол, гимнастика, велосипедные гонки, парусный спорт – соответственно, укореняется и тезис о необходимости укрепления своего здоровья. Упоминается также профессионализирувавшийся цирк, большую часть репертуара которого начинают занимать спортивные номера: борьба, гимнастика, скачки. Возникает мода на функциональную спортивную одежду. Все это, как будет раскрыто в дальнейшем, будет иметь самое непосредственное отношение к формированию новых стандартов телесности.

Большой комплекс потребительской рекламы обзревает в труде «Реклама в России XVIII – первой половины XX века» [5] Э. М. Глинтерник. В исследованиях фигурирует множество товаров и услуг, связанных с коррекцией телесной эстетики: от косметических средств до различных пилуль, мазей и устройств против ожирения, старческой дряхлости и увеличения форм груди у женщин. Большой спрос на подобную – более чем сомнительную – продукцию автор объясняет непреходящей доверчивостью людей в этих областях, опосредованной непреодолимой, инстинктивной тягой к идеальному телу. А. А. Степанов и А. Е. Якимов – коллектив авторов, занимавшийся написанием исследования «Забытая реклама. Труды отечественных теоретиков рекламы конца XIX – начала XX в. Н. Плиский, А. Веригин, Н. Верховой, А. Ратнер» [6], поднимает схожие темы.

Широкий пласт в историографии занимают работы, освещающие развитие физической культуры и спорта в российских городах на рубеже XIX–XX вв.

Первой работой является статья Д. А. Белюкова – «Влияние государства на развитие спорта в России в начале XX в. (по материалам северо-западных губерний)» [7], в которой автор выдвигает тезис о подчиненности спортивных обществ государству как юридически – посредством изданных 4 марта 1906 г. «Временных правил об обществах и союзах», так и идеологически – посредством широкого распространения панславистской сокольской гимнастики. Таким образом, подкрепляется тезис о весомой роли государства в формировании новых телесных стандартов.

Далее – статья «Влияние панславистских идей Мирослава Тырша на просветительскую деятельность российских общественных организаций начала XX века» под авторством коллектива авторов – О. Д. Федотовой, И. А. Спивак, Г. Ф. Карповой [8] – в которой раскрывается роль гимнастических сокольских обществ на культивирование новой телесности: все представленные в исследовании сокольские общества имеют в своих уставах пункт насчет культурно-просветительской деятельности населения в области физической культуры и спорта. Помимо этого, они оказываются тесно связаны с государственной панславистской политикой, а некоторые общества – и с милитаристскими настроениями (например, в уставе Санкт-Петербургского общества термин «физическое совершенствование» заменен на понятие «телесная выправка», что, как полагают авторы, отсылает к строевому обучению в армии).

Историография по данному вопросу широко освещает сущность русского модернового потребительского общества рубежа XIX–XX вв., причины его становления, однако недостаточно полно вписывает в его рамки контекст здорового образа жизни и физической культуры. Оказывается недостаточно раскрытым вопрос о проявлении здорового образа жизни в механизмах общества потребления, которое оказывается основным катализатором формирования новых стандартов телесности. Помимо этого, не заостряется внимание на связи ряда институтов (гимнастические и атлетические общества, цирк, идеология, реклама) с этими стандартами.

Источниковая база основывается на пласте региональных периодических изданий, в первую очередь красноярских: это газеты «Красноярская мысль», «Сибирская мысль», «Енисейская мысль» за 1910–1914 гг. – период становления физической культуры и спорта в городе, когда дискурс «здорового образа жизни» оказывается наиболее востребованным в городе. Были также рассмотрены отдельные выпуски красноярских газет «Красноярск», «Енисей», Санкт-Петербургского журнала «Нива». Следующий комплекс источников – архивные документы. В основном, это делопроизводственная документация: уставы отдельных гимнастических обществ, в том числе Красноярского гимнастического общества «Сокол» [9], а также протоколы заседаний Временного совета по делам физического развития народонаселения Российской империи [10], дающие представления о состоянии отрасли физической культуры и спорта в России, а также о государственной политике в этом отношении. Важны для исследования оказываются и нормативно-правовые акты: в первую очередь, это «Именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 года» [11].

Результаты исследования. Рубеж XIX–XX вв. – переломная эпоха для российской истории. Именно в это время в государстве оказываются отчетливо видны перемены, вызванные либеральными реформами Александра II, повлекшие за собой размывание сословных границ, становление зачатков гражданского общества, ускорение процессов урбанизации и индустриализации. Представитель нового, буржуазного, слоя русского

общества – разночинец – образованный, необязательно служащий в государственных структурах, не опирающийся на сословные привилегии в складывании своей судьбы, оказывается носителем передовых философских течений, являющихся составной частью современного общества: это рационализм, выражающийся в абсолютизации науки, логики и доказательности в противовес традиции и вере; и прагматизм, приверженец которого всегда ориентируется на систематический реальный и доказательный результат. Самым показательным индикатором, отражающим самостоятельную позицию разночинца, оказывается его капитал. Как расходящиеся по воде круги, он начинает характеризовать степень его влияния, лимит его ресурсов. Подобно капиталу экономическому, отражающему мощь его бизнеса, функционирует и капитал телесный – отражение мощи его тела. Тело оказывается самым важным ресурсом для личностного успеха. Если тело сильно, энергично, здорово – только тогда человек оказывается способен и дальше развивать свое дело. Таким образом, лимиты телесного капитала входят в прямую корреляцию с лимитами капитала экономического. А нарождающаяся буржуазия, формирующая потребительский рынок, оказывается основным транслятором новых представлений о теле как о капитале – то есть, как о такой вещи, о которой необходимо заботиться, в которую нужно вкладываться – систематически, рационально, результативно – чтобы расширить свой личностный лимит, выйти на новый уровень жизни, более успешный, счастливый, комфортный.

Именно поэтому в широком пласте рекламы оказывается распространена тема «здоровья», подкрепленная периферией научной обоснованности и использующаяся как по поводу, так и, нередко, без. Так, в рекламе одного из самых нейтральных продуктов мира – овсянки – производители одного из брендов клеймят продукцию своих конкурентов не иначе как «подделками, вредными для здоровья» [12].

Рис. 1. Овсянка «Геркулес»

Весьма характерно название кофе «Здоровье», производители которого заверяют, что, в отличие от обычного кофе, он абсолютно безвреден для сердца и нервов, а количество питательных веществ в нем настолько велико, что он может заменить полноценный прием пищи и оказывается особенно полезен для детей [13].

Рис. 2. Кофе «Здоровье»

Римский душ «Сила», в центре рекламной иллюстрации которого изображена нагая женщина атлетического телосложения, призывает обывателя «следить за здоровьем» [14]. Душ, с темой здорового образа жизни связанный разве что гигиенической функцией, в новом дискурсе приобретает почти что волшебные свойства: от излечения головных болей до поднятия аппетита.

Рис. 3. Римский душ «Сила»

Тема атлетизма, «силы», фигурирующая в рекламе, была поднята неслучайно. При восприятии тела как капитала самым очевидным способом преумножения его лимитов становятся именно занятия спортом. Подобно капиталу экономическому, капитал телесный необходимо таким же обра-

зом расширять, преумножать, *наращивать*. Атлетическое сложение закрепляется в обществе как самый наглядный индикатор телесного здоровья человека, и темы «спорта», «мускулов», «силы» оказываются отныне неотделимы от темы «здоровья». Данный тезис наглядно демонстрирует реклама какао компании «Ван Гутен» – признанного маркетингового авангардиста, крупного игрока на рынке, не брезгующего и не опасаящегося при этом позиционировать свой продукт именно как напиток для атлетов. В центре располагается культурист, воздевший над собой гирию, а рядом надпись – «Рождает силу» [15].

Рис. 4. Какао «Ван Гутен»

Теме «силы» – спорта и физической культуры – стали посвящать фильмы: так, в Красноярске неоднократно показывали кино с говорящими названиями «Вот так спорт!» [16], «Учись плавать» [17]. В Перми увлечение граждан спортом оказалось настолько фанатичным, что по его мотивам начали снимать комические, высмеивающие картины – «Глупышкину подарили мяч», «Скандалини-боксер» [4, с. 177]. В репертуаре цирка стали преобладать спортивные номера – выступления силачей, гимнастика и акробатика, скачки [4, с. 176]. Гвоздем цирковых программ неизменно становилась борьба: так, посещавший Красноярск летом 1912 года цирк «Изако» – впрочем, как и многие другие до него – истратив всего за пару дней интерес обывателя к традиционным цирковым программам (выступления фокусников, клоунов и животных), в дальнейшем успешно провел 11 состязаний по французской борьбе за двухнедельный срок. Привлекались именитые спортсмены из Германии и Японии [18]. Ажиотаж был настолько велик, что «Изако» задержал свой отъезд на целую неделю. Показательным оказалось то, что юноши, необычайно вдохновленные демонстрируемыми им образами внушительных борцов, долгое время только и говорили, что о пользе физического развития, и некоторое время даже пытались учредить свое собственное атлетическое общество [19].

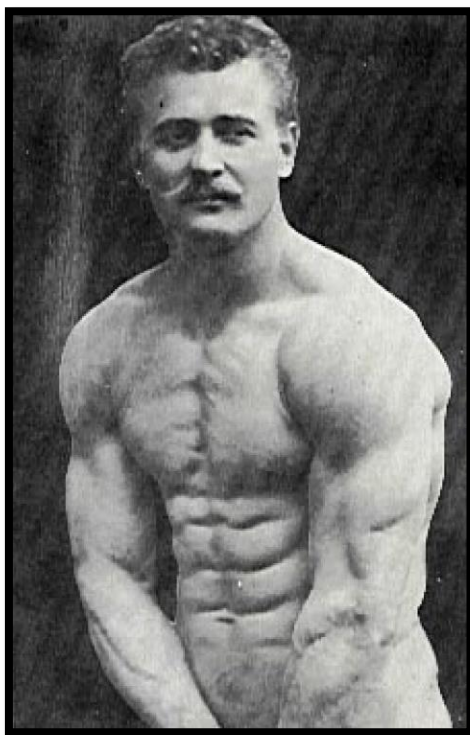

Рис. 5. Эуген Зандов/Евгений Сандов – борец и культурист германского происхождения. Впечатлил целый мир своим телосложением и на этом заработал целое состояние. Считается родоначальником бодибилдинга [2, с. 259]

В реалиях постепенно увеличивающейся мировой напряженности начала XX в., складывания враждующих блоков стран – Антанты и Тройственного союза – силу начинают набирать милитаризированные национальные доктрины – пангерманизм, панславизм, итальянское «рисорджименто» – часть из которых находит свое выражение в складывающихся гимнастических системах, направленных, в первую очередь, на возвращение солдата, способного постоять за свою родину. В славянских странах начинает набирать популярность сокольская система, зародившаяся в Чехии как одна из форм ее сопротивления господству Австро-Венгрии. Очень скоро сокольская система распространяется в большинстве славянских государств, начав исповедовать доктрину панславизма. Распространение происходит в формате учреждения в городах гимнастических обществ. Россия, долгое время опасавшаяся разрешать у себя подобную структуру (это было продиктовано как революционной ситуацией в стране во второй половине XIX в., так и неразработанностью законодательства в отношении общественных объединений и союзов), легализует сокольское движение, едва оказываются пройдены рубежи Первой русской революции, принесшей стране «Именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах» [11], и складывания международных союзных блоков (урегулирование сфер влияния в Средней Азии с Англией в 1907 г. и Боснийский кризис 1908–1909 гг., поставивший крест на дружественных отношениях с Германией и распространении немецкой гимнастики в России). Очень быстро Россия подчиняет сокольскую гимнастику своим геополитическим нуждам. С 1910 г. со-

кольская гимнастика становится государственной системой физического воспитания и преподается в большей части образовательных учреждений [20]. В образовавшийся в 1907 г. «Союз Русского сокольства» вступают самые разные деятели страны: от П. А. Столыпина до А. П. Чехова. Телесный идеал стройного, статного, широкогрудого гимнаста-сокола начинает целенаправленно культивироваться в сознании масс вместе с идеалами панславизма. Сами сокольские организации, не ограничивая свой функционал одними занятиями гимнастикой, активно участвуют в насаждении этого идеала посредством самых разных методик: в уставе Красноярского гимнастического общества «Сокол» фигурируют и организация телесных упражнений для лиц обоего пола и статуса, а также детей; и образовательные форматы – лекции, чтения, обсуждения; и театрализованные публичные выступления; торжественные собрания, экскурсии, прогулки [9, с. 88–89]. Члены общества занимаются упражнениями голыми по пояс: не остается и следа ни от былой стыдливости русской элитарной наготы, ни от естественности наготы крестьянской. Образы соколов оказываются по-милитаристски нарциссичны, агрессивно-патриотически горды с одной стороны; с другой же, в лучших традициях модерна демонстрируют свой самостоятельно преумноженный телесный капитал и не противоречат установившимся тенденциям здоровья и атлетизма.

Рис. 6. Показательное выступление красноярских соколов. Патриотическая нагота, ассоциирующаяся с вирильностью, зрелостью, готовностью.
Фотография из Красноярского музея спорта «Локомотив»

Настоящему русскому гражданину становится постыдным не соответствовать подобным стандартам: ведь это отражает его неготовность встать на защиту родины. Потребность в оперативном доказательстве обратного стимулирует спрос на массовое появление всякого рода сомнительных устройств и препаратов для коррекции телесной эстетики. Ушедшая в прошлое вместе с мнимым обилием общества потребления мода на полноту приводит к появлению в продаже всевозможных средств «против ожирения», таких как «пилюли д-ра Шиндлер-Барнай» [21] и «Порошки д-ра Маркони» [22].

Рис. 7. Мариенбадские редукиционные пиллюли против ожирения д-ра Шиндлер-Барнай

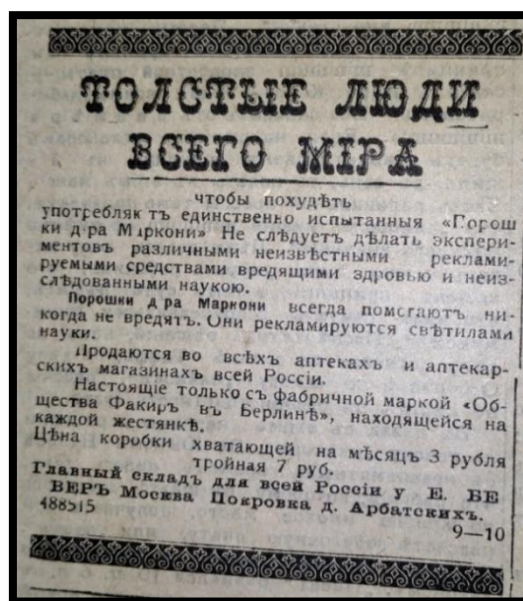

Рис. 8. Порошки д-ра Маркони. Показательно, как производитель апеллирует к испытанности препарата наукой

Изобретенный еще в 1890 г. Спермин Пеля, называемый исследователем Е. С. Ершовой ранним аналогом виагры [23, с. 43], оказывается ключом к избавлению от еще одной ставшей постыдной вещи – «старческой дряхлости» [24].

Рис. 9. Спермин Пеля

Отдельным блоком стоит коснуться формирования женской телесности здорового образа жизни. Фринеизм русской женщины, издревле включавший в себя уже неактуальную полноту и пышность форм, на деле сохранил в себе эти ключевые элементы. Признаком здоровья женщины, насаждаемым рекламой сомнительных устройств и мазей, считалась большая грудь [6, с. 83, 91]. Не исчезли из моды и объемные бедра. Вместе с этим женщина начала чувствовать на себе и эхо презрения к излишнему весу, которое проявит себя в полной мере много позже, в эпоху окончательного становления общества потребления как в социалистических, так и капиталистических странах. Это эхо выразилось в формировании нового женского шаблона: пылкой спортсменки, едущей на велосипеде и занимающейся гимнастикой (в большинстве сокольских обществ существовали отдельные женские группы) – стройной и статной.

Рис. 12. Женщины-соколки на красноярском стадионе «Соколка»

Выводы. Нарождающаяся в России рубежа XIX–XX в. буржуазия сформировала отношение к человеческому телу, как к «капиталу», в который необходимо вкладываться, чтобы расширять свои возможности и выходить на новый уровень жизни. Восприятие тела как индикатора волевых достижений человека, а также философия рационализма и прагматизма, направленные на фактический доказательный результат, вызвали к жизни моду на здоровый образ жизни, наглядным отображением которой явился атлетизм как аллегория расширения и наращивания капитала. Государственная политика сделала физически развитое, здоровое тело маркером virility и лояльности, еще сильнее укрепив новую тенденцию. Телесность здорового образа жизни оказалась неразрывно связана со спортом и физической культурой, идеологически, патриотически и интеллектуально наполнена, а потому снискала живой отклик среди населения, и тело стало наиболее активным объектом и предметом потребления.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр [пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской]. М.: Республика: культурная революция, 2006. 268 с.
2. Кон И. С. Мужское тело в истории культуры / И. С. Кон; ред. И. В. Шадрина. М.: Слово/Slovo, 2003. 431 с.
3. Яхно О. Н. Век модерна и рационализация: быт горожан российской провинции на рубеже XIX–X вв. / О. Н. Яхно // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2003. № 2. С. 45–54.
4. Устюгова В. В. «Бель эпок» по провинциальному: модернизационные процессы в российском городе рубежа XIX–XX вв. / В. В. Устюгова // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2017. № 422. С. 172–180.

5. Глинтерник Э. М. Реклама в России XVIII – первой половины XX века / Э. М. Глинтерник. Санкт-Петербург: Издательство «Аврора», 2007. 361 с.

6. Забытая реклама. Труды отечественных теоретиков рекламы конца XIX – начала XX в. Н. Плиский, А. Веригин, Н. Верховой, А. Ратнер / авторы-составители А. А. Степанов, А. Е. Якимов. Санкт-Петербург: ИД «РИ-АЛ – ПРОНТО», ООО «Книжный Дом», 2014. 100 с.

7. Белюков Д. А. Влияние государства на развитие спорта в России в начале XX в. (по материалам северо-западных губерний) / Д. А. Белюков // Теория и практика физической культуры. 2015. № 6. С. 59–61.

8. Федотова О. Д. Влияние панславистских идей Мирослава Тырша на просветительскую деятельность российских общественных организаций начала XX века / О. Д. Федотова, И. А. Спивак, Г. Ф. Карпова // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/02PDMN122.pdf> (дата обращения 16.04.2024).

9. Устав и правила Красноярского гимнастического общества «Сокол». Сведения о служащих училища. Прошения учеников об освобождении их от уплаты за обучение, о выдаче удостоверений // ГАКК. Ф. 433. Оп. 1. Д. 43. Л. 86–101.

10. Со сведениями о длительности городских и земских общественных управлений в деле физического развития подрастающего поколения // ГАКК. Ф. 595. Оп. 35. Д. 1163. Л. 10–17.

11. Именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах [Электронный ресурс] // Гарант.ру URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205/?ysclid=lv1vu1s1xu177688086> (дата обращения 16.04.2024).

12. Сибирская мысль. 1912. № 6. С. 4.

13. Енисейская мысль. 1914. № 116. С. 4.

14. Красноярская мысль. 1911. № 112. С. 4.

15. Сибирская мысль. 1912. № 58. С. 4.

16. Красноярская мысль. 1911. № 20. С. 1.

17. Красноярская мысль. 1910. № 16. С. 1.

18. Сибирская мысль. 1912. № 146. С. 4.

19. Сибирская мысль. 1912. № 163. С. 2.

20. Качулина Н. Н. Развитие сокольского движения в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. / Н. Н. Качулина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 223–225.

21. Красноярская мысль. 1911. № 19. С. 4.

22. Сибирская мысль. 1912. № 2. С. 4.

23. Ершова Е. С. История открытия Спермина Пеля // VIII Всероссийская Олимпиада по истории медицины / ФГБОУ КубГМУ МЗ РФ. Москва. 2021. С. 41–44.

24. Сибирская мысль. 1912. № 106. С. 4.

А. Ю. Кисляков
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО В КРАСНОЯРСКЕ КРУЖКА ВЕЛОСИПЕДИСТОВ

Аннотация. Данная статья посвящена первому кружку велосипедистов в Красноярске, который был создан во время Гражданской войны в 1920 г. при гимнастическом обществе «Красный Сокол». Большой акцент делается на анализе устава и принципа функционирования данной организации. Автор дает предысторию развития велосипедного дела на территории Енисейской губернии, историю создания этого велосипедного общества, его особенности и причину исчезновения. Сама работа написана на основе архивных источников ГАКК с дополнением информации из работ других исследователей. Автор приходит к выводу, что в начале 1920-ых гг. была проведена успешная попытка создания кружка велосипедистов в Красноярске и если бы не государственная политика, направленная против «Сокольского движения» то он смог бы просуществовать до начала 1930-х гг.

Ключевые слова: кружок велосипедистов, велосипеды, гимнастическое общество «Красный Сокол», история Красноярска, развитие спорта

Abstract. This article is devoted to the first cycling club in Krasnoyarsk, which was established during the Civil War in 1920 at the Red Falcon Gymnastics Society. Great emphasis is placed on the analysis of the charter and the principle of functioning of this organization. The author gives the background of the development of cycling in the territory of the Yenisei province, the history of the creation of this cycling society, its features and the reason for its disappearance. The work itself is written on the basis of archival sources of the GACC with the addition of information from the works of other researchers. The author concludes that in the early 1920s, a successful attempt was made to create a circle of cyclists in Krasnoyarsk and if it had not been for the state policy directed against the “Sokolsky Movement”, it would have been able to exist until the early 1930s.

Keywords: cycling club, bicycles, gymnastics society “Red Falcon”, the history of Krasnoyarsk, the development of sports

Актуальность данной статьи обуславливается тем, что историю повседневности невозможно изучать в отрыве от истории общественных организаций, которые люди по собственному желанию создают. Так, немалое влияние на личную жизнь оказывают спортивные кружки, которые получили широкое распространение на территории Российской империи в начале XX в. В первые годы Советской власти они появлялись во многих городах, тем самым оказав значительное влияние на общественную жизнь. В Красноярске тоже были созданы спортивные кружки и одним из них был велосипедный, изучение истории которого поможет исследователям еще лучше понять особенности повседневной жизни города в начале 1920-х гг.

Историография истории движения велосипедистов и велосипедного спорта в России достаточно хорошо изучена исследователями, но только в общих чертах и в основном в рамках истории всего спорта. По 1920-м гг. отдельных работ вообще нет. Так что можно сказать, что данная тема в историографии вообще не изучена. Надеюсь, что это работа поднимет интерес у исследователей к данной проблеме не только для Красноярска, но и других городов.

В истории Красноярска до сих пор остается не мало белых пятен, о существовании которых никто не подозревал. Это связано с тем, что некоторые архивные источники не доходят до рук историков. Так, например, о существовании кружка велосипедистов в 1920 г. сейчас знают лишь единицы, а именно архивисты, которые отсканировали этот исторический источник. Надеюсь эта статья раскроет глаза на этот мало известный факт и будет способствовать лучшему пониманию истории Красноярска. Но как всегда начнем с предыстории.

Первый двухколесный транспорт появился в Красноярске в 1885 г. За десять лет количество велосипедов увеличилось до 50 штук. Велосипед в то время был настоящей роскошью и называться велосипедистами могли лишь немногие жители Красноярска. В газетах столетней давности говорится, что в городе количество велосипедов быстро росло, и городским властям пришлось ограничивать места катаний. Настоящий велосипедный бум произошел после того, как в апреле 1895 г. красноярец И. Гавронский совершил велопробег из Красноярска в Томск. К началу 1900 г. в городе уже было несколько сотен велосипедов. В 1912 г. прошли первые соревнования велосипедистов, а с 1913 г. они стали регулярными.

Первый велосипедный кружок в Красноярске не появился бы без поддержки гимнастического общества «Красный Сокол». Что это такое? До 1920 г. это общество называлось просто «Сокол» и оно было создано в 1913 г. как часть всероссийского «соколиного» движения, целью которого было распространение телесных упражнений для подъема физических и нравственных сил русского народа. Общество вело большую оздоровительную работу среди населения, устраивая показательные выступления, спортивные вечера, лекции о здоровье [1].

В июне 1920 г. при Красноярском гимнастическом обществе «Красный Сокол» был создан кружок велосипедистов, коим был выработан устав [2, л. 23]. Однако с открытием кружка возникли проблемы. Отдел управления Енисейского губернского революционного комитета отказал в утверждении устава велосипедного кружка по причине необходимости велосипедов для военных надобностей и по причине отсутствия в уставе пунктов о допризывном воспитании молодежи, без чего такие организации не могли существовать в то время. Но на этом все не закончилось. Отделу управления был дан ответ, что кружок велосипедистов подчинен отделу Всеобуч (всеобщее военное обучение граждан) через гимнастическое общество «Красный Сокол» и все согласует именно с ним. Данных о дальнейшей переписке нет и можно только предположить, что кружку было

дано добро на свою деятельность так как к нему больше никаких претензий быть не должно.

Главной целью кружка по уставу было распространение велосипедного спорта среди народных масс. Для этого велосипедный кружок имел право приобретать недвижимое имущество, где будут происходить катание на велосипедах, гонки на них с раздачей призов или иных форм поощрения. Также по уставу они имели право иметь свой флаг, эмблему и знак [2, л. 24].

Войти в кружок мог любой, кому было больше 18 лет, вне зависимости от его сословного происхождения. Каждый желающий вступить в кружок в начале зачислялся в качестве посетителя на месяц. Посетители обладали такими же правами, как и действительные члены, кроме того, что они не имели права голоса на общих собраниях. Для того, чтобы стать действительным участником кружка нужна была рекомендация двоих уже вступивших, которые лично знали претендента. Исключить из кружка могли за судимость, различные проступки и за нарушение устава. Помимо этого, каждый действительный член должен был платить каждый год взнос и если он этого не делал до 1 июня, то считался выбывшим из кружка. Эти взносы и различные пожертвования не при каких обстоятельствах не возвращались. Денежные средства шли на организацию различных гонок и состязаний [2, л. 24].

Делами кружка управляли Общее Собрание и Правление, состоявшие из 4 лиц и двух кандидатов. Правление кружка избиралось Общим Собранием на один год простым большинством голосов в количестве 6 человек и состояло из председателя, его товарища (заместителя), секретаря, казначея и двух кандидатов на случай болезни или отсутствия кого-либо. Заседание считалось законным при наличии 5 человек в том числе председателя и его товарища. Если количество голосов было равным, то голос председателя имел решающее значение. В обязанности правления входило ведение дел кружка, заведывание имуществом, созыв Общих Собраний и сношение с другими организациями. Помогал Правлению Технический комитет, в обязанности которого входила правильная постановка велосипедного спорта и заведование всей технической базой кружка.

Общее Собрание было на уровень ниже Правление и по сути было собранием всех членов велосипедного кружка. На нем рассматривались и утверждались смета на предстоящий год, отчеты, выборы новых членов Правления и кандидатов, сумма членских взносов и т. д. По уставу Общие Собрания должны были созываться два раза в год: в начале весны и в конце лета. Они считались состоявшимися при наличии всех членов. Если кто-то не приходил, то Собрание переносилось на следующую неделю. Для принятия какого-либо решения требовалось простое большинство при голосовании. При Общем Собрании создавалась ревизионная комиссия, состоящая из трех человек. Она являлась органом внутреннего финансового контроля [2, л. 25].

В самом начале 1920-х гг., гимнастика была объявлена правительством буржуазной и контрреволюционной, хотя многие ее элементы в дальнейшем были взяты на вооружение отечественной спортивной гимнастикой. В 1922 г. по предложению К. Радека и Н. Бухарина «сокольство» было объявлено нелегальной организацией и закрыто. Началось преследование «сокольских» деятелей на Родине [3, с. 130]. Примерно же в это время исчезает гимнастическое общество «Красный Сокол», а вместе с ним кружок велосипедистов. Неизвестно сколько там было членов, велосипедов и действительно ли он функционировал так как было написано в уставе? На эти вопросы у автора нет ответов, так как необходимых источников нет под рукой, и не факт, что они сохранились. Такова история первого велосипедного общества в Красноярске, информация о котором была передана забвению.

Таким образом, велосипедный кружок был создан по инициативе снизу, из чего можно сделать вывод, что существовал общественный запрос на такого рода организацию. Однако из-за событий в стране данная организация не просуществовала долго и была закрыта как часть, входившая в структуру «соколиного» движения, которое в Советском союзе считали опасным пережитком прошлого не соответствующим духу советского человека.

Список источников

1. Усаков Н. В. Красноярский спорт от А до Я: Люди. События. Факты / В. И. Усаков. Красноярск: Книжное издательство, 2001. 370 с.
2. ГАКК Ф.Р-49. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–27.
3. Мацукевич О. Ю. Социально-культурная ресоциализация русских эмигрантов в общественном движении «Русский сокол» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. М., 2011. № 3. С. 128–132.

А. Ф. Егоров¹, К. Д. Скрыбин²

^{1,2} Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Якутск, Россия

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В 1960-Х – 1991 ГГ. В ОРДЖОНИКИДЗЕВСКОМ РАЙОНЕ ЯАССР

Аннотация. Данная статья посвящена истории развития физической культуры и спорта в Орджоникидзевском районе Якутской Автономной Советской Социалистической Республики с 1960-х гг. до 1991 г. Рассматривается процесс становления и развития различных видов спорта, включая вольную борьбу, легкую атлетику, бокс, лыжные гонки и другие. Описываются ключевые события и достижения спортсменов района на республиканском, всесоюзном и международном уровнях.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, Орджоникидзевский район, Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика, 1960-е – 1991 гг., развитие, спортивные сооружения, соревнования, спортсмены, государственные и общественные организации

Abstract. This article is devoted to the history of development of physical culture and sports in Ordzhonikidze district of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic from the 1960s to 1991. The process of formation and development of various sports, including free-style wrestling, athletics, boxing, cross-country skiing and others is considered. Describes key events and achievements of the district's athletes at the republican, all-Union and international levels.

Keywords: physical culture, sports, Ordzhonikidze district, Yakutsk Autonomous Soviet Socialist Republic, 1960s – 1991, development, sports facilities, competitions, athletes, state and public organizations

Исследование истории спорта в Хангаласском районе имеет важное значение для выявления и сохранения исторических ценностей и традиций, а также для сохранения культурного наследия. Процесс исследования спортивной истории в районе способствует также расширению научного знания и пополнению базы данных исторической науки, что является важным для последующих исследований и анализов. Однако история развития спорта в отдельных улусах Якутии практически не исследовалась и не рассматривалась в контексте всего спорта и физической культуры. В основном ученые-исследователи посвящают свое внимание изучению отдельных видов спорта, таких как вольная борьба, легкая атлетика и бокс, оставляя мало места для исследования истории спортивных традиций отдельных улусов. Поэтому данная тема представляет собой уникальную область исследования, которая позволяет раскрыть исторический и культурный контекст развития спорта в Хангаласском районе. Также стоит упомянуть, что 21 апреля 1955 г. председателем республиканского комитета по физиче-

ской культуре и спорту при Совете Министров ЯАССР был назначен Николай Николаевич Тарский. Он определил профилирующими видами спорта вольную борьбу, тяжелую атлетику и бокс. Для развития этих видов спорта были приглашены специалисты из Москвы. Под руководством Тарского в Якутии были проведены чемпионаты по боксу, тяжелой атлетике, спартакиады и фестивали среди трудящейся молодежи, много внимания уделялось развитию материальной базы. В 1956 г. по его инициативе прошла первая спартакиада народов Якутии, ставшая традиционной. Николай Николаевич за свою короткую жизнь (38 лет), руководил физкультурным движением в республике шесть лет. За этот период работы им сделан небывалый скачок «от первых значков ГТО до олимпийских медалей». За четыре года работы ему удалось совершить значительные преобразования в физкультуре и спорте Якутской АССР.

Годы с 1956–1960 ознаменовались развитием спорта в Орджоникидзевском районе. В 1956 г. в колхозах района было построено четыре спортивных площадки, а также была создана секция по вольной борьбе, которой руководил дважды разрядник Черноградский [«Знамя Советов» от 19 ноября 1960 г.]. В 1958 г. Илья Кондратьев стал победителем первенства по вольной борьбе Центрального совета ДСО «Урожай» в г. Нальчик [«Кыым», 1958 г., 4 марта, № 259.]. В 1960 г. был организован районный совет ДСО «Спартак» с 150 членами, а председателем был выбран учитель физкультуры Покровской средней школы Ларионов Кахим Георгиевич. В 1960 г. Зосим Иванов стал первым мастером спорта СССР по вольной борьбе в Орджоникидзевском районе.

В эти годы многие спортсмены из района достигли значительных успехов в различных соревнованиях, подтверждая свою спортивную мастерство и талант. В 1961 г. женская лыжная команда района заняла первое место в эстафете 4х5 км в республиканском соревновании «Урожай» в поселке Покровск. В январе 1965 г. состоялись зональные соревнования центральных районов по шахматам также в Покровске. В январе 1967 г. Петр Самойлов стал мастером спорта СССР по шашкам. 15–16 марта 1967 г. впервые в истории района состоялись первые соревнования по вольной борьбе центральной зоны республики (Орджоникидзевский, Верхоянский, Намский, Горный, Усть-Майский районы и Якутский госуниверситет) в Покровске. В этих соревнованиях приняли участие такие ведущие мастера спорта, как Алквад Иванов, Вячеслав Карпов, Николай Неустроев, Владимир Радченко, Константин Леонтьев и другие. Первое место заняли спортсмены Ягу, второе место – борцы Орджоникидзевского района, третье – команда Намского района. Первая Спартакиада на призы В. Манчаары состоялась 23–25 июня 1968 г. в г. Якутск. В рамках этой спартакиады прошел чемпионат центральной зоны по вольной борьбе. Во второй весовой категории мастер спорта СССР Г. Гребнев занял четвертое место, а Виктор Адамов из Покровска стал чемпионом в категории до 70 кг. В полусреднем весе С. Устинов занял второе место, в среднем весе Валерий Ивасих стал третьим. В весе до 97 кг С. Киров занял второе место, а В. Ру-

дых – третье. В тяжелом весе мастер спорта СССР Илья Кондратьев стал чемпионом зоны. В 1968 году также впервые провели чемпионат района по тяжелой атлетике. В категории до 56 кг чемпионом стал прошлогодний чемпион республики среди молодежи Евгений Приходько из Покровска, он поднял вес 222,5 кг. В категории до 60 кг чемпионом стал ученик 9 класса Покровской средней школы Сергей Цвигун, второе место занял Сергей Суханов, а третье – Александр Федоров, все из Покровска. В легком весе чемпионом стал единственный участник, ученик 10 класса Владимир Соловьев. В среднем весе штангист Юрий Юшин поднял 320 кг и стал чемпионом района.

В марте 1970 г. в Покровске состоялось зональное лично-командное первенство центральных районов по вольной борьбе на призы Н. И. Тарского. В этом соревновании первое место заняла команда Усть-Алданского района, второе место – команда г. Якутск, третье место – команда Намского района. В 1971 г. в г. Хабаровск Татьяна Сивцева стала чемпионкой Сибири и Дальнего Востока по шахматам среди женщин. В 1972 г. в Покровске открылся филиал республиканской ДЮСШ с отделениями по ручному мячу (гандболу) и легкой атлетике. Тренеры по легкой атлетике – Галибаров Гумар Вениаминович и Галибарова Мерзия Валиахметовна. В 1975 г. открылась Покровская детско-юношеская спортивная школа с отделениями по настольному теннису и легкой атлетике. С 2 по 14 июня 1982 г. в Покровске прошел всесоюзный турнир по русским шашкам среди женщин, который впервые проводился в Якутии. Альбина Аргунова из Орджоникидзевского района стала мастером спорта СССР по русским шашкам.

В 1986 г. в Покровске впервые в республике была создана секция рукопашного боя по инициативе А. А. Куприянова, тренера по боксу Покровской ДЮСШ при содействии РК ВЛКСМ, РОВД и ДНД Покровска. В дальнейшем это движение распространилось по всей Якутии. Андрей Артамонов из села Улахан-Аан стал первым среди «якутян», кто стал чемпионом г. Ленинграда по каратэ. 7–8 февраля 1987 г. в селе Кердем впервые проведено районное соревнование по вольной борьбе на призы И. П. Кондратьева. В соревнованиях приняли участие 104 спортсмена из 8 команд. 7 февраля также состоялась районная конференция ветеранов спорта. В 1987 г. был открыт спортивный зал в Покровске. 21 июля 1988 г. открылся бассейн на 50 куб. м воды при Мохсоголлохском детском спортивном комплексе. В истории советского спорта особое место занимает первый чемпион, победивший на 1-ом чемпионате СССР по ушу-саньда Василий Самсонов из села Едэй. Этот чемпионат проходил с 30 октября по 2 ноября 1990 г. в г. Омск. В 1990 г. в Покровске впервые в Якутии проведен 1-й республиканский турнир по каратэ на призы «Долина Эркээни». В командном зачете на 2-ом чемпионате СССР по каратэ команда г. Ленинград заняла третье место (в составе команды был Андрей Артамонов), соревнования проходили в г. Чебоксары. Для Якутии это было первое крупное достижение. В г. Ленинград провели международную матчевую встречу по каратэ между сборными командами Финляндии и г. Ленингра-

да, в составе сборной команды участвовал Андрей Артамонов. Андрей Артамонов, уроженец с. Улахан-Аан, одержал победу над американцем на международной матчевой встрече по каратэ между сборными командами США (спортивный клуб Чака Норриса) и СССР в г. Ленинграде. В Покровске была проведена международная матчевая встреча по боксу между сборными командами Турции и сборной командой Якутской АССР.

С 9 по 13 января 1991 г. на первом чемпионате РСФСР по кикбоксингу, который проходил в городе Свердловске, Петр Иннокентьев из поселка Покровск (тренирующийся у А. Куприянова) стал первым чемпионом в истории спорта России и получил звание «лучшего спортсмена» на этом чемпионате. С 26 мая по 4 июня 1991 г. Алексей Уваров, родом из села Октем, стал чемпионом СССР на втором чемпионате СССР по кикбоксингу, который проходил в городе Новокузнецке. Бронзовые медали завоевали Н. Иванов (село Улахан Аан) и П. Иннокентьев (поселок Покровск). А. Куприянов (поселок Покровск) был признан «лучшим судьей» и избран вице-президентом Российской молодежной федерации кикбоксинга (WAKO) в городе Подольске. А. А. Куприянов из Якутской АССР стал членом Всесоюзного совета коллегии судей СССР по кикбоксингу впервые [3, 37]. Спортсмены района приняли участие на первом чемпионате СССР по кикбоксингу среди юношей и juniоров, который проходил с 13 по 15 декабря 1991 г. в городе Подольске, и завоевали призовые места. Среди juniоров: Ваня Марков – 1 место, Ваня Николаев – 1 место, Сеня Трофимов – 1 место, Толя Лукин – 1 место, Степа Артамонов – 3 место. Среди юношей: Алеша Аммосов – 2 место, Гера Федоров – 1 место, Андрей Рафаилов – 3 место. Заместителем главного судьи чемпионата СССР был А. А. Куприянов. В 1991 г. открылись отделения кикбоксинга и вольной борьбы в Покровской ДЮСШ (директор А. А. Дмитриев). Отделение вольной борьбы было открыто на базе II Жемконской средней школы под руководством тренера О. Д. Лебедева. В Покровске впервые в Якутии состоялась матчевая встреча между командами России и Якутии по кикбоксингу. Андрей Артамонов, родом из села Улахан Аан, впервые в истории советского спорта профессионального фул-контакт каратэ стал чемпионом WKA. Он победил неоднократного чемпиона Америки нокаутом в пятираундовом бою. Соревнования проводились в США, в городе Оушен-Сити. Организаторами были Всемирная ассоциация каратэ (WKA) и сборная команда СССР под руководством Д. А. Момота (город Ленинград). Алексей Уваров из села Октемцы (тренеры И. М. Васильев и А. М. Михайлов) стал первым чемпионом России по кикбоксингу среди профессионалов в истории спорта Якутии. Он завоевал титул чемпиона в боях с Александром Алиевым (город Челябинск), которые прошли в городе Нижний Тагил [3, 142].

В Орджоникидзеvском районе Якутской Автономной Советской Социалистической Республики с 1960-х гг. до 1991 г. наблюдалось активное развитие физической культуры и спорта. В этот период были построены новые спортивные сооружения, открыты секции и кружки, проводились

соревнования различного уровня. Спортсмены района достигали высоких результатов на республиканских, всесоюзных и международных соревнованиях. Важную роль в поддержке и стимулировании спортивной активности населения играли государственные и общественные организации.

Список источников

1. Амосова Л. Д. С Покровском связаны судьбою / Якутск: Комуол, 2007. 496 с.
2. Апросимова В. М, Егорова Е. Е. Ноева К. А. Хангаласской ДЮСШ 40 лет. М.: ООО «Карьерист», 2015. 161 с.
3. Коротков В. П. Кикбоксинг Якутии. 30 лет побед и прогресса / Федерация кикбоксинга Республики Саха (Якутия); Якутск: Дьохун, 2021. 359 с.
4. Свинобоева Т. Г. Хангаласский хронограф (1922–2022 гг.): Годы. События. Факты. Люди / Якутск: Дани Алмас, 2023. 180 с.

Л. Ю. Нежкина
Восточно-Сибирский институт МВД
Иркутск, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ У МОЛОДЕЖИ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ ТУРИСТСКИХ ПОХОДОВ)

Аннотация. Актуальность и популяризация здорового образа жизни в обществе не вызывает сомнений, поскольку игнорирование, непонимание его значимости, обесценивание приводит человека так или иначе к различного рода социальным и индивидуальным сложностям и ограничениям. Они проявляются в физических и психических недугах, в конкретных заболеваниях, негативных эмоциональных состояниях, социальной изоляции и т. д. Особое значение приобретает необходимость приобщения молодых людей к здоровому образу жизни, которое в целом предполагает формирование культуры общения, отдыха, питания, физической активности и другое. Одним из эффективных средств на наш взгляд в формировании у молодежи культуры здорового образа жизни является туристский поход. В статье представлена методическая разработка туристского похода, разработанная на основании лично-спортивного и педагогического опыта автора в организации и проведении туристских походов в том числе с молодежными, учебными группами.

Ключевые слова: формирование, туристский поход, здоровье, культура, молодежь, развитие

Abstract. The relevance and popularization of a healthy lifestyle in society is beyond doubt, since ignoring, misunderstanding of its significance, and devaluation leads a person one way or another to various kinds of social and individual difficulties and limitations. They manifest themselves in physical and mental ailments, specific diseases, negative emotional states, social isolation, etc. Of particular importance is the need to introduce young people to a healthy lifestyle, which generally involves the formation of a culture of communication, recreation, nutrition, physical activity, and more. One of the effective means, in our opinion, in developing a healthy lifestyle culture among young people is a tourist trip. The article presents a methodological development of a tourist trip, developed on the basis of the author's personal sports and pedagogical experience in organizing and conducting tourist trips, including with youth and educational groups.

Keywords: formation, tourism, health, culture, youth, development

Под образом жизни человека понимается социально-экономическая и естественная среда, в которой проявляется устоявшаяся форма жизнедеятельности человека. Другими словами, каким образом человек устраивает свою жизнь, какого стиля жизни придерживается, на сколько высоко оценивает свой уровень и качество жизни. Известно, что образ жизни человека влияет на его здоровье, в той же мере, что и наследственность, и внешняя среда. Однако современный человек ежедневно подвергается стрессовому воздействию со стороны внешней среды и это требует не малых возможностей организма, чтобы он мог справляться со стрессом. Очевид-

но, что организм должен восстанавливать свои силы, ресурсы, в противном случае у человека появляются различные психофизиологические недуги, расстройства. У каждого человека имеется свой арсенал для восстановления сил, борьбы со стрессом. Для одних людей это вредные привычки (курение, алкоголь и т. д.), которые как известно только усугубляют состояние здоровья и в целом влияют на формирование образа жизни человека. Другие, ведут здоровый образ жизни, занимаются физической культурой и спортом, щепетильно относятся к питанию, развиваются интеллектуально и духовно. И жизнь показывает разницу между ними, прежде всего в ее качестве и удовлетворенности, а также возможности продуктивно работать, воплощать в жизнь свои мечты.

Особую значимость имеет мечта и ее воплощение для молодых людей. Очевидно, что реализовать свою мечту, а также стать профессионалом, создать крепкую семью больше шансов у той молодежи, которая стремится к здоровому образу жизни. В связи с этим значимым представляется формирование у молодежи культуры здорового образа жизни. Практика показывает, что во многом стремление к здоровому образу жизни зависит от выработанных привычек. Другими словами, формирование культуры здорового образа жизни предполагает ежедневное, т. е. систематическое выполнение определенных задач, например, утренняя гимнастика, сбалансированное и своевременное питание, запланированные путешествия или туристские походы и т. д. Такой положительный опыт необходимо прививать с раннего детства в семье, школе, образовательных организациях. Популяризация здорового образа жизни в школах и образовательных организациях является одной из значимых задач преподавателей, их личный пример [1, 2].

На основании педагогической практики автора, а также спортивного опыта (лыжные гонки), и в частности пешего туризма (более 25 лет) можно утверждать, что туристский поход является одним из эффективных методов в формировании у молодежи культуры здорового образа жизни, который необходимо включать в общий список значимых задач (мероприятий), способствующих качественно улучшить самочувствие, настроение, мироощущение и многое другое. Из личного списка автора можно выделить неоднократные туристские походы по маршрутам: Шумак, Мунку-Сардык, Кругобайкальская железная дорога, Большая байкальская тропа, о. Ольхон и многие другие.

Алгоритм туристского похода совместно с обучающимися образовательной организации представлен в разработанных автором методических рекомендациях.

Методическая разработка туристского похода. *Цель* туристского похода:

познавательная: расширение общего кругозора у обучающихся, познание окружающего мира и родного края;

развивающая: развитие сплоченности учебной группы, выработка навыков совместных действий и способности к сотрудничеству; повыше-

ние уровня психофизической подготовки; развитие личностных и эмоционально-волевых качеств;

воспитательная: повышение общего уровня культуры; формирование направленности на здоровый образ жизни.

Задачи:

1. Организация и проведение туристского похода.
2. Создание в туристском походе ситуации успеха для обучающихся, как фактора развития их личности и формирование мотивации к здоровому образу жизни.

Время проведения: мини-поход (однодневный 10–11 часов).

Этапы проведения туристского похода

1. Подготовительный этап.
2. Организационный этап.
3. Практический этап.
4. Рефлексивный этап.

Подготовительный этап. Преподаватель знакомит обучающихся с целью, задачами и содержанием туристского похода, определяет время в пути, обсуждает совместные действия в подготовке и проведении туристского похода, информирует обучающихся о соблюдении правил посещения природной местности, о правилах поведения в учебной группе, а также информирует о соблюдении требований безопасности.

Инструкция. «Ребята, наш поход будет проходить вдоль берега реки Ангара, важно относиться бережно и уважительно к природе. Костер разжигать запрещено, поэтому во время привала мы будем пользоваться специальной безопасной горелкой. После обеда мусор необходимо сложить в общий пакет, который мы выбросим, когда вернемся из похода».

Правила поведения в учебной группе. «Ребята, в походе важно помогать тем, кто нуждается в помощи, уважительно относиться друг другу, соблюдать дисциплину, не нарушать покой и тишину природной среды, слушать преподавателя. Помнить, что мы лишь гости в лесу! Выполнять свои обязанности без напоминаний.

В случае спорного вопроса важно проявлять спокойствие и сотрудничество. Несмотря на вашу разную физическую подготовку, идти мы будем друг за другом в единой цепочке и в случае, если один или несколько человек отстанут группа останавливается и ждет отстающих. Обедать мы будем все вместе, поэтому у каждого будут свои обязанности в подготовке совместного обеда, которые следует выполнять. Кроме того, общий набор продуктов и экипировки будут распределены между всеми членами группы. Общий пакет с мусором будет находиться у преподавателя.

Хорошего всем настроения и массу впечатлений».

Второй этап начинается после обсуждения совместных действий в подготовке к походу, распределения обязанностей каждому члену группы, выбор командира группы.

Обучающиеся обсуждают общий и индивидуальный перечень необходимых продуктов питания, одежды и экипировки. После ознакомления

с перечнем каждый участник получает карточку с примерным индивидуальным перечнем продуктов питания, одежды и экипировки. Продукты питания и экипировка из общего перечня распределяются между участниками похода.

Обучающиеся знакомятся с полученной информацией и приступают к самостоятельной подготовке к походу, в то же время они действуют совместно. Алгоритм организации туристического похода по берегу реки Ангара представлен в табл. 1.

Таблица 1

Алгоритм организации туристского похода
(на примере маршрута по берегу реки Ангара)

1.	Место, время, расстояние	Берег реки Ангара (30 км)	Начало похода 8.00
2.	Количество человек, из них те, кто имеет опыт туристических походов или спортивную подготовку	Всего 17 человек, из них 1 – преподаватель-куратор, 1 – заместитель начальника курса, 15 – обучающихся, юноши. Возраст (20 лет)	Пять человек имеют опыт туристических походов и спортивные навыки. Десять человек впервые отправляются в поход и не имеют спортивной подготовки, однако они физически крепкие, поскольку систематически занимаются физкультурой
3.	Примерный перечень необходимых продуктов питания: 1. Общий. 2. Индивидуальный	1. Общий перечень: Тушенка, каша гречневая, хлеб, сало, овощи, фрукты, сухари (галеты), чай, сахар	2. Индивидуальный перечень: Чай в термосе, вода, сухофрукты, орехи
4.	Одежда (индивидуальный перечень), экипировка (индивидуальный перечень, общий перечень). Общий вес рюкзака – 10 (12) кг	Индивидуальный перечень одежды: Спортивное трико, футболка, мастерка, кроссовки (туристические), спортивная шапка, спортивные перчатки. В рюкзак положить дополнительно спортивную куртку ветровку, футболку, носки	Индивидуальный перечень экипировки: Туристические палки для ходьбы (по желанию), очки солнцезащитные, алюминиевая чашка, ложка, влажные салфетки, бинт эластичный, пластырь, мешочек для мусора. Общий перечень экипировки: Горелка, зажигалка, специальная алюминиевая емкость для готовки каши, нож складной, кухонное полотенце, бинт медицинский, йод, ватные тампоны, пакет для мусора

На *третьем этапе* после обсуждения организационных вопросов, назначения обязанностей каждому члену группы, завершения подготовки

к походу, в частности сбора рюкзаков, учебная группа отправляется в туристский поход.

На *четвертом рефлексивном этапе* преподаватель подводит итоги похода.

Таким образом, в туристском походе достигаются познавательные, воспитательные и развивающие цели коллективного характера, основанные на реальной совместной работе преподавателя с учебной группой. В туристском походе обучающиеся приобретают опыт подготовки и реализации выполнения коллективных задач; совершенствуют навыки общения и сотрудничества. В туристском походе преподаватель на личном примере показывает активный и интересный отдых, приобщает молодых людей к здоровому образу жизни.

В итоге, в туристском походе достигаются следующие результаты:

- в процессе туристского похода, обучающиеся изучают природу родного края; расширяют свой кругозор; развивают навыки общения и сотрудничества в коллективе; совершенствуют физическую подготовку, личную дисциплину и самоконтроль; улучшают самочувствие, настроение; повышают мотивацию к достижению успеха;

- в туристском походе формируется уважительное и бережное отношение к природе, любовь к родному краю; осознание принадлежности каждого участника к коллективу; понимание личной ответственности в процессе подготовки и реализации похода; способность решать вопросы коллективно; формируется критичность к своим промахам и недостаткам, сдержанность, уважение к мнению других и внимательное отношение к товарищам.

Список источников

1. Маленкова Л. И. Воспитание в туристском походе // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения, 2016. № 4. С 37–52.

2. Нежкина Л. Ю., Данчевская А. В. Туристский поход как средство воспитания в педагогической практике куратора учебной группы // Вестник Московского государственного областного университета Серия: Педагогика, 2022. № 3. С 18–28.

3. Шипко А. Л., Грабовский Ю. А. Особенности нравственного воспитания в туристских походах // Вестник академии детско-юношеского туризма и краеведения, 2014. № 3. С 35–43.

Л. Ш. Новрузова¹, С. Г. Александров²

^{1,2} Краснодарский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова
Краснодар, Россия

О ВЛИЯНИИ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ «К-ПОП» СУБКУЛЬТУРЫ И ИНДУСТРИИ НА МОТИВИРОВАННОСТЬ МОЛОДЕЖИ К ФИЗИЧЕСКОМУ САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ

Аннотация. В данной статье ставится задача показать влияние индустрии «к-поп» на заинтересованность молодежи в спорте. Также описаны система тренировок с пошаговым выполнением упражнений и рекомендации по питанию.

Ключевые слова: *айдол, здоровье, внешняя форма, к-поп, физические упражнения, тренировки*

Abstract. This article aims to show the influence of the k-pop industry on the interest of young people in sports. The training system with step-by-step exercises and nutrition recommendations are also described.

Keywords: *idol, health, physical fitness, fitness, k-pop, exercises, training*

Результаты исследования и их обсуждение. В настоящее время влияние социальных сетей на молодежь очень велико. Это влияние проявляется в том, что мы стремимся быть похожими на тех, чей образ жизни нам нравится. И в такие моменты очень важно брать «правильных людей» в качестве примера.

В качестве своего «примера» я бы хотела привести южнокорейскую группу «BTS», о которых слышали, думаю, многие.

Влияние этой группы настолько велико, что ребята сопровождали своего президента в США в качестве дипломатов в 2022 г., а один участник выступал на церемонии открытия Чемпионата мира по футболу в Катаре, в том же году.

Поэтому очень много людей вдохновляются ими. Для начала определимся с тем, что айдол-артист, который прошел годы обучения и успешно дебютировал (начал карьеру) как высококвалифицированный певец, танцор и актер, обладающий обаянием и красивой внешностью, это последний этап на пути славы в *k-pop* [1].

Сама *k-pop* индустрия-индустрия поп-музыки, зародившейся в Южной Корее и охватившей весь мир. Этот жанр настолько распространился, что поклонники появились не только в Корее, но и по всему миру.

Поэтому каждый хочет быть похожим на своих любимчиков и вести подобный образ жизни. Но на самом деле это не так легко. Если рассматривать ситуацию отбора «айدолов» в Корее, нужно пройти через многие испытания, чтобы стать действительно известным, поэтому дети, уже

начиная с 11-летнего возраста, тренируются по специальным программам, вкладывая в это много усилий.

Вот, например, программа от одного крупнейшего музыкального агентства:

Утренняя физическая тренировка: с 6:00 до 7:00 утра. Включает в себя разминку, кардиотренировку и упражнения для укрепления мышц.

Вокальная тренировка: с 7:00 до 9:00 утра. Ученики улучшают свои вокальные навыки, работая над дыханием, техникой пения и интонацией.

Танцевальная тренировка: с 9:00 до 12:00 дня. Ученики совершенствуют свои танцевальные движения и работают над хореографией.

Обед: с 12:00 до 13:00.

Актерская тренировка: с 13:00 до 15:00. Ученики изучают актерское мастерство, работают над эмоциональным выражением и улучшают свои навыки актерского мастерства.

Тренировка зрительности: с 15:00 до 16:00. Ученики улучшают свои навыки общения с публикой и работают над своими медиа-навыками.

Индивидуальные занятия и аудишены: с 16:00 до 18:00. Ученики получают индивидуальные консультации от тренеров, готовятся к аудициям и записям.

Вечернее время для отдыха и самостоятельной практики: с 18:00 до 22:00 [2].

Смотря на таких людей, нам хочется так же что-то поменять в жизни и, возможно, стать лучшей версией себя.

Так и мне пришла идея о том, что было бы неплохо посмотреть, как может повлиять на нас такая система тренировок и питания, которой придерживаются те самые «айдолы».

Поэтому здесь поделюсь некоторыми наблюдениями по системе тренировок.

Для начала, было бы неплохо определиться с вопросом питания:

1. Не пропускайте приемы пищи и ешьте регулярно в течение дня.
2. Увеличьте потребление овощей и фруктов, они должны составлять большую часть вашего рациона.
3. Ограничьте потребление жирной и соленой пищи, а также сладостей и газированных напитков.
4. Увеличьте потребление белковых продуктов, таких как мясо, рыба, яйца, бобовые и орехи.
5. Пейте достаточно воды, чтобы поддерживать гидратацию организма.
6. Избегайте обработанных продуктов и быстрого питания.
7. Убедитесь, что ваш рацион содержит достаточное количество витаминов и минералов.
8. Старайтесь готовить домашнюю пищу из свежих продуктов.
9. Не забывайте про умеренную физическую активность, она также важна для здорового образа жизни.

10. Не стремитесь к радикальным изменениям в питании, начинайте постепенно и находите баланс между здоровым питанием и удовольствием от еды.

Что касается системы питания корейских знаменитостей, они в свой рацион включают темный рис и водоросли, куриную грудку и морепродукты, некоторые специи в виде имбиря. Все это позволяет организму получать необходимую клетчатку, витамины, белок [3].

В целом они стараются держаться подальше от обработанных пищевых продуктов и жареных закусок, предпочитая им овощи, фрукты, нежирные белки и сложные углеводы.

Большое внимание айдолы уделяют приему пищи с большим содержанием клетчатки, а это овсянка, брокколи, фасоль, овощные супы. Также они пьют большое количество воды, зеленый чай, йогурты и отказываются от сладких напитков [4].

В целом, чтобы тренировки давали свои плоды, необходимо правильно питаться и для начинающих заниматься хотя бы 3 раза в неделю.

Молодежь в наше время, к сожалению, не всегда находит время для поддержания своего здоровья с помощью физических нагрузок.

Зачастую учеба отнимает много времени и сидячий образ жизни очень негативно сказывается на нас. В такие моменты необходимо понимать, что если не затронуть вопрос о своем здоровье преждевременно, то в дальнейшем будет намного сложнее. И в таких ситуациях очень большую роль играет мотивация. Ведь действительно если человек вдохновился кем-то, то появляется цель, соответственно у него будет и желание и возможность менять себя в лучшую сторону. Как раз здесь нашими вдохновителями выступают те самые «айдолы».

Система их тренировок действительно сложна, но она стоит всех тех усилий.

Вот тренировка, рассчитанная на пресс. Все упражнения выполняются лежа, по одному подходу в течение 30 секунд:

1. «*Knee crunch*» – руки мы ставим за голову и колени сгибаем ближе к себе, так чтобы они образовывали угол почти в 90 градусов. Дальше надо поднимать туловище к коленям

2. «*Bicycle crunch*» – то есть упражнение «велосипед», почти скручивания, когда мы в нахождении в предыдущей позе, но ноги здесь нужно попеременно выпрямлять и совмещать правую руку с левой ногой и левую руку с правой ногой.

3. «*Cross crunch*» – мы в таком же положении, как и в первом упражнении. Перекиньте правую лодыжку через левое колено. На выдохе мы поднимаем верхнюю часть тела с коврика как при обычном скручивании. Поворачиваем туловище вправо, поднося левый локоть к правому колену и на вдохе опускаемся. Те же самые действия нужно повторить и на другую сторону.

4. «Leg raise» – полностью из положения лежа ноги поднимаем над туловищем, чтобы они образовали с полом угол в 90 градусов, для удобства ставим руки вдоль туловища и слегка опираемся на них.

5. «Clockwise» – делаем то же самое, но теперь при поднимании ног отрываем таз от пола, опираясь на руки.

6. «Counter-clockwise» – предыдущее упражнение, но в этот раз когда мы отпускаем ноги к полу, нужно делать круговые движения против часовой стрелки.

7. «Toe touch» – ноги остаются в углу 90 градусов к полу, тем временем мы выпрямленными руками, поднимаясь, каждый раз стараемся дотронуться до носочков.

8. «Russian twist» – сядьте на пол и вытяните ноги прямо. Слегка откиньтесь назад, чтобы туловище и ноги образовали V-образную форму, упираясь в брюшную стенку и задействуя корпус. Балансируя здесь и держа ноги неподвижно, поворачивайте туловище из стороны в сторону.

9. «Starfish» – скручивания в виде морской звезды – это вариант упражнения на скручивание, при котором вы начинаете лежать на спине, вытянув руки и ноги и направленные друг от друга, как морская звезда.

10. «Superman» – ложимся на пол лицом вниз, ноги прямые, кончики пальцев касаются пола, руки вытянуты над головой, ладони обращены друг к другу, мизинцы лежат на полу. Сохраняя нейтральное положение шеи и глядя на пол, задействуйте спину, корпус и ягодицы и медленно поднимите обе руки и ноги от пола. Сделайте паузу в верхней точке на одну-две секунды, затем медленно опустите руки и ноги обратно в исходное положение.

11. «Mountain climber» – встаем в положение планки, стараясь равномерно распределить вес между руками и пальцами ног. Руки должны быть на ширине плеч, спина ровная, пресс напряжен, а голова выровнена. Подтяните правое колено к груди как можно дальше. Поменяйте ноги, вытянув одно колено и подведя другое. Поочередный вдох и выдох при каждой смене ног.

12. «Plank rotations» – Встаньте в положение планки, положив руки на землю под плечами. Тело прямое от головы до пят. Напрягите пресс и ягодицы, чтобы удерживать тело. Поднимите локоть к небу и медленно поверните верхнюю часть тела назад, посмотрите в том же направлении. Удерживайте 1–3 секунды, медленно вернитесь и повторите в другую сторону, чтобы засчитать одно повторение.

13. «Plank twists» – в положении планки держите спину прямо, а затем поверните левое бедро так, чтобы оно слегка коснулось коврика, а затем вернитесь в положение планки. Затем поверните так, чтобы правое бедро слегка коснулось коврика, и вернитесь в исходное положение.

14. «Plank jacks» – поставив руки на ширине плеч и втянув пресс, прыгните, расставив ноги чуть шире, чем расстояние между бедрами. Соедините их вместе и повторите упражнение.

15. «Side plank» – планка на левую и на правую сторону вместе занимает 1 минуту.

16. «Spider plank crunch» – Сохраняя бедра как можно более ровными, согните правую ногу и поднесите правое колено как можно ближе к правому локтю. Сделайте паузу, а затем вернитесь в положение планки. Повторите то же самое с левой стороны, поднеся левое колено к левому локтю. Продолжайте чередовать стороны.

Также есть тренировка, которую можно делать почти каждый день, ее составил как раз участник группы «BTS», Чон Чонгук, во время одного из своих прямых эфиров, когда его попросили посоветовать что-нибудь для похудения, он предложил:

- 100 приседаний;
- 30 скручиваний на пресс;
- 2 подхода по 20 выпадов вперед;
- 1 минуту планки;
- 1 минуту боковой планки на каждую сторону (вторая рука вверх, при боковом положении тела);
- 15 «берпи».

Плюсы таких упражнений заключаются в том, что они просты и доступны всем, т. е. не требуют специального оборудования, и они непродолжительны. Но все же таких занятий будет недостаточно для того, чтобы поддерживать свою физическую форму, это можно делать на начальном этапе, а дальше увеличивать нагрузки [5].

Каждый из нас сам решает, что лучше или же удобнее для него. Некоторым проще заниматься в зале с тренером, чтобы все проходило под контролем, а особенно если ты начинающий.

Многие просто занимаются дома по видео из интернет-ресурсов, потому что действительно очень много людей, которые все подробно объясняют и показывают упражнения, так что в наше время у молодежи много возможностей.

И даже здесь можно заметить влияние «*k-pop*» индустрии.

Например, человек, не слишком заинтересованный в упражнениях, но его вдохновляют хореографии из клипов, и в таком случае некоторые самостоятельно учат эти хореографии, а некоторые записываются на специальные занятия по этому направлению.

Но вся суть заключается в том, что даже для простейших элементов таких танцев необходима минимальная физическая подготовленность и перед каждым занятием обязательной является разминка. Поэтому мы можем сказать, что это тренирует выносливость и формирует определенные навыки у учащихся.

Предпочтительно, в зал ходить 3 раза в неделю, на тренировки «*Total stretch*», «*Body balance*» и на пресс.

В программе «*Body balance*» совокупность движений «тай-чи», йоги и пилатеса, и такие тренировки позволяют улучшить гибкость и подвиж-

ность в суставах, улучшают силу мышечного корсета, осанку, понижают уровень стресса [6].

Программа по стретчингу также рассчитана на увеличение гибкости в суставах и снятие стресса. Эта система оказывает воздействие на все тело с помощью семи естественных движений корпуса: вперед, назад, влево, вправо, скручивания в разные стороны и круговые движения, поворотов вправо и влево. В основе методики – систематическое и мягкое воздействие на суставы и мышцы с помощью ритмичных и волнообразных движений [7].

Уже через месяц посещения подобных занятий можно констатировать, что они действительно полезны.

Помимо этого, следует возвращаться домой пешком, а не на общественном транспорте. Это позволит придерживаться той двигательной активности, которая необходима организму, и даже само времяпровождение на свежем воздухе положительно влияет на настроение.

Также важно понимать, что лучшим временем для занятий считаются периоды от 10 до 13 час. и от 16 до 20 час [8].

В целом необходимо соблюдать оптимальный режим дня: время для учебы, самостоятельных занятий, отдых сна и режима питания.

В студенческом возрасте нужно спать 7–8 часов в летнее время и 8–8,5 ч в зимнее.

Для сохранения здоровья важно добиться быстрого засыпания вечером, глубокого сна ночью и легкого пробуждения утром, ведь это играет ключевую роль.

В вопросе питания тоже нужно соблюдать определенную последовательность. Если человек принимает пищу в одни и те же часы (а это рекомендуется делать 4 раза в день), то к этому времени у него начинает пробуждаться чувство голода, усиленно вырабатывается желудочный сок, и создаются все другие условия для приема пищи и скорого полноценного ее переваривания.

Наверное, режим сна и его недостаточность – это то, что характерно для большинства молодежи, а особенно если учитывать, что некоторые просто не успевают выполнять домашние задания либо же откладывают подготовку к экзаменам, например, на самый последний момент.

Я считаю, это тот момент, с которым сложно бороться, но на самом деле, если чуть увеличивать физические нагрузки, то становится легче засыпать и режим как бы сам восстанавливается. Поэтому в этом вопросе все взаимосвязано.

Проведен опрос среди 20 студентов краснодарских вузов, чтобы выяснить, какое место занимает спорт в их жизни и какое количество из них, например, увлекается «*k-pop*» индустрией.

Оказалось, что действительно большинство из них на тренировки мотивируют «айдолы».

Например, в сфере корейской музыки продвижение песен в интернете немного отличается от классического представления, а именно тем, что

хореографии-неотъемлемая часть любых выступлений, которая позволяет айдолам придумывать какие-то уникальные движения, и такое можно встретить только в этой стране.

Поэтому очень часто, просматривая социальные сети, в них можно натолкнуться на короткие видео с отрывками каких-либо новых песен корейских знаменитостей. В таких видео они совместно с участниками других групп исполняют хореографии из своих новых песен.

Среди молодежи же такие танцы и распространяются, потому что им нравится сочетание музыки и движений и появляется желание повторить такое. Поэтому это как способ быть ближе к тем, кто им нравится. Большинство учат хореографии сами, некоторые даже снимают такие видео с друзьями или же ходят в студии где есть такое направление.

Одной из таких студий в Краснодаре является «Это танцы» на Ленина 64/1. Занятия проходят таким образом, что мы выбираем кусочек хореографии, который будем учить и первые полчаса детально разбираем все движения. А оставшееся время мы уже с музыкой прогоняем их сначала на медленной скорости(0,5x и 0,75x),постепенно приближаясь к обычной.

И чтобы танцевать так, нужно иметь хотя бы базовую физическую подготовленность и силу воли, ведь хореографии у корейских исполнителей действительно сложные.

Поэтому, начиная заниматься дома, человек все равно приходит к тому, что самостоятельно разбирать элементы танцев бывает сложно и впоследствии записывается в студию.

В дальнейшем же, чтобы еще больше развить свои навыки ходит в зал. Так и произошло у нас с друзьями, например. С некоторыми из них мы вместе ходим в зал «*World Class*». Там можно выбрать любую удобную систему тренировок, в приложении даже есть расписание со всеми занятиями, которые проводятся в тот или иной день. Поэтому удобно отслеживать свою посещаемость и прогресс. Чаще всего я хожу на групповые занятия с тренером, который все подробно объясняет, и наши тренировки по стретчингу, *body balance*, например, проходят под спокойную музыку, позволяющую сосредоточиться.

В то же время, среди юношей мало тех, кто бы увлекался индустрией корейской музыки и субкультуры, но тем не менее они активно посещают зал.

Заключение. Когда тебя окружают люди, замотивированные теми же физкультурно-спортивными интересами, что и ты, невозможно остаться в стороне и не стараться стать лучшей версией себя.

Поэтому, «*k-pop*» субкультура действительно способна поменять молодых людей «в лучшую сторону».

Главное в этом вопросе – само желание и понимание того, что не стоит применять излишние тренировочные нагрузки и специфические диеты.

Ко всему нужно подходить постепенно и не изнурять себя, а также помнить о том, что результат достигается только благодаря систематическим и оптимальным тренировкам.

Список источников

1. Словарь фаната «К-поп». [Электронный ресурс]. // ast.ru. [Режим доступа]. URL: [https://ast.ru/news/slovar-fanata-k-pop/] (дата обращения: 07.02.2024 г.).

2. Расписание трейни в JYP Entertainment: полная информация. [Электронный ресурс] // aktosr.ru. [Режим доступа]. URL: https://aktosr.ru/novosti/raspisanie-treyni-v-jyp-entertainment-polnaya-informatsiya] (дата обращения: 07.02.2024 г.).

3. Блогер попробовала диету Чимина из BTS. Рассказываем, что из этого вышло. [Электронный ресурс] // sport-express.ru. [Режим доступа]. URL: [https://www.sport-express.ru/zozh/food/reviews/dieta-chimina-iz-bts-polza-i-vred-komu-podoydet-kak-hudeet-chimin-iz-bts-2088520/] (дата обращения: 07.02.2024 г.).

4. Диета как у поп-айدолов. [Электронный ресурс] // shuba.life. [Режим доступа]. URL: [https://shuba.life/ru/amp/15220-dieta-kak-u-pop-ajdolov-ekstremalnoe-pohudenie-po-korejski] (дата обращения: 07.02.2024 г.).

5. Как тренируется Чонгук из BTS? Разбираем упражнения вместе с тренером. [Электронный ресурс] // Спорт Экспресс. [Режим доступа]. URL: [https://m.sport-express.ru/zozh/fitness/reviews/kak-treniruetsya-chonguk-iz-bts-uprazhneniya-gotovaya-trenirovka-razbor-ot-fitness-trenera-2085530/amp] (дата обращения: 07.02.2024 г.).

6. Групповые программы Word Class Training System. W-Balance. [Электронный ресурс] // wordclass-irk.ru. [Режим доступа]. URL: [https://worldclass-irk.ru/card-included/workout/les-mills/body-balance/] (дата обращения: 07.02.2024 г.).

7. Групповые программы Word Class Training System. Total stretch. [Электронный ресурс] // wordclass-irk.ru. [Режим доступа]. URL: [https://www.worldclass.ru/fitness_uslugi/mind-body/total-stretch/] (дата обращения: 07.02.2024 г.).

8. Лях В. И. Физическая культура: Учебник. М.: Просвещение, 2019. 255 с.

И. Н. Трошкина

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия

САМООЦЕНКА ЗДОРОВЬЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ТИТУЛЬНОГО ЭТНОСА ХАКАСИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Аннотация. Самооценка здоровья опрошенных хакасов скорее позитивная, около половины оценивают свое здоровье как удовлетворительное (45,2 %). Дифференциация оценок отмечается по гендерному признаку, образу жизни. Данные показатели по самооценке здоровья опрошенных хакасов соотносятся с общероссийскими показателями.

Ключевые слова: *ценность здоровья, самооценка, здоровый образ жизни, хакасы, Хакасия*

Abstract. The self-assessment of the health of the surveyed Khakas is rather positive, about half assess their health as satisfactory (45,2%). The differentiation of assessments is noted by gender, lifestyle. These indicators on the self-assessment of the health of the surveyed Khakass correspond to the all-Russian indicators.

Keywords: *the value of health, self-esteem, healthy lifestyle, Khakassia, Khakassia*

«Здоровье» как жизненная ценность в иерархии значимостей человека занимает важное место, уступая ценности «семья»⁷. Это связано с взаимообусловленностью двух базовых ценностей, ассоциацией представлений о счастливой жизни, гармоничного развития личности со здоровым состоянием организма.

Несмотря на ряд статических показателей (численность здоровых детей школьного возраста среди горожан составляет 20–25 %, более 70 % будущих выпускников средних и высших учебных заведений имеют серьезные отклонения в состоянии здоровья [1, с. 106]) самооценка состояния здоровья населения повышается, имеет региональную дифференциацию (табл. 1).

Основным определяющим фактором здоровья населения является образ жизни, первоочередной профилактической мерой – формирование повседневных оздоровительных практик [2, с. 80]: регулярные физические нагрузки, отказ от вредных привычек, рациональное сбалансированное питание [3, с. 155; 4, с. 77–78; 1, с. 106].

© Трошкина И. Н., 2025

⁷ Данные социологического исследования автора по теме НИР «Семейные ценности в современной Южной Сибири (этнорегиональный аспект)» (2021–2023 гг.). Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического опроса, проведенного в мае–июне 2022 г. среди титульных этносов в республиках Южной Сибири. Опрос проводился методом анкетирования на основе вопросника, составленного автором. В опросе, основанном на квотной выборке, приняло участие 1 000 человек.

Состояние здоровья населения в ряде случаев оценивается комплексно, включает данные по результатам медицинских обследований и самооценки. В последнем случае оценка отражает внутреннюю удовлетворенность своим организмом, свидетельствует об умении дифференцировать особенности своего состояния.

Динамика самооценки здоровья населения в Республике Хакасия за последнее пятилетие характеризуется снижением показателей (табл. 1), что несколько разнится с общероссийскими данными. Это объясняется изменением демографической структуры населения, последствиями ковида, снижением численности жителей, ведущих здоровый образ жизни (табл. 2) и проч.

Таблица 1

Оценка респондентами своего здоровья в Республике Хакасия
(2019, 2023 гг.) [5]

	2019 г.	2023 г.
Российская Федерация, %	53,6	57,8
Республика Хакасия, %	56,5	46,6

Удельный вес граждан, ведущих здоровый образ жизни
в Республике Хакасия (2019, 2023 гг.), % [6]

	2019 г.	2023 г.
Российская Федерация	12,0	9,1
Республика Хакасия	8,9	4,9

Этническая специфика самооценки здоровья в регионах раскрывается по результатам специального обследования этногрупп. По результатам опроса состояния семьи и самооценки здоровья титульного этноса Республики Хакасия⁸ было выявлено, что состояние здоровья, характер употребления алкоголя оказывают существенное влияние на удовлетворенность семейными отношениями.

Респонденты хакасского этноса оценивают свое состояние следующим образом: около половины отметили, что являются вполне здоровыми (45,2 %), часто болеют и не имеют хронических заболеваний 33,5 % опрошенных, с хроническими заболеваниями – 14,3 %, являются носителями сложно- или неизлечимых заболеваний – 4,3 %. При этом женщины в большей степени, чем мужчины, отмечают наличие различного рода заболеваний, мужчины склонны к ответу, что являются вполне здоровыми.

Сопоставление ответов относительно степени удовлетворенности здоровьем, употреблением алкоголя, табачных изделий, занятий, связанных с оздоровлением организма, позволило установить, что преобладаю-

⁸ Данные социологического исследования автора по теме НИР «Хакасская семья в начале XXI века» (2015–2016 гг.). Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического опроса, проведенного в 2015–2016 гг. среди титульного этноса Республики Хакасия. Опрос проводился методом анкетирования на основе вопросника, составленного автором. В опросе, основанном на квотной выборке, приняло участие 484 человека.

щее количество ощущающих себя здоровыми людьми занимаются спортом, не употребляют алкоголь и табачные изделия; опрошенные, имеющие хронические и сложно излечимые заболевания занимаются преимущественно профилактическим лечением, зарядкой, при этом употребляют алкогольные напитки (рис. 1).

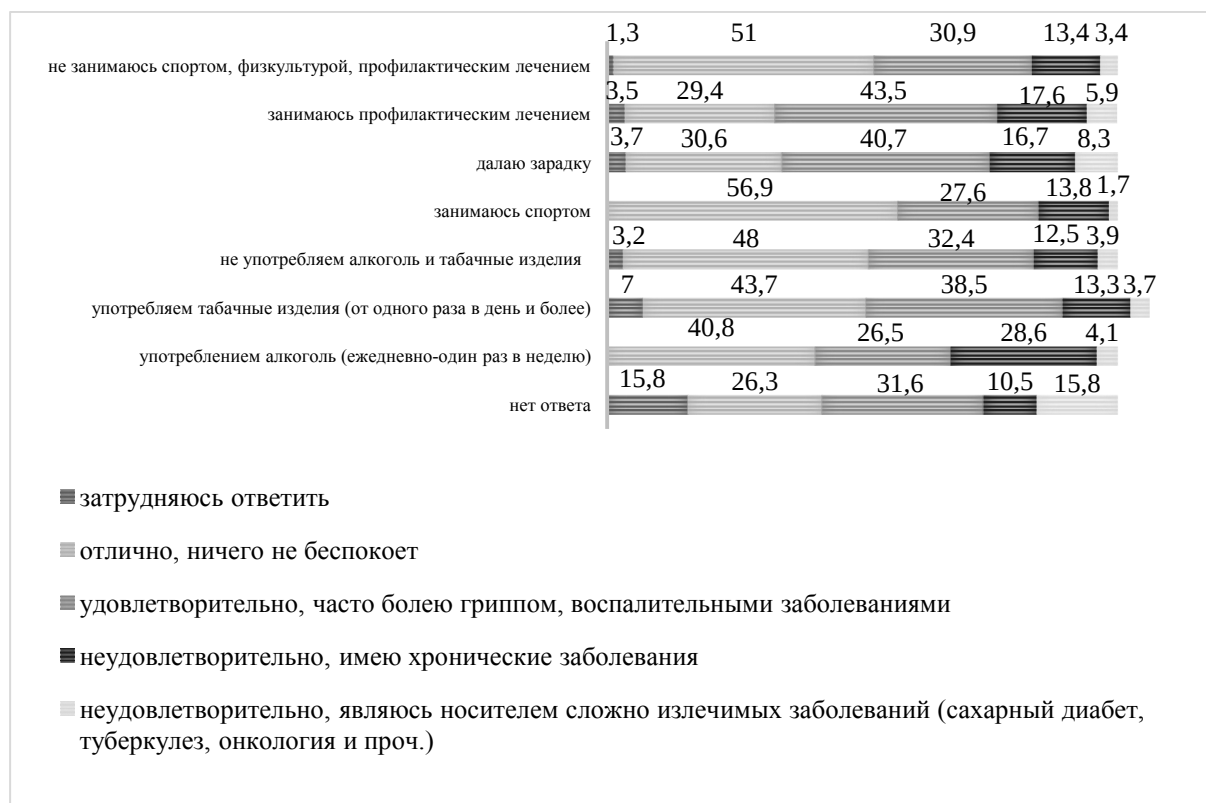

Рис. 1. Соотношение ответов на вопрос об оценке состояния здоровья, занятий по оздоровлению организма, наличию пагубных привычек, связанных с употреблением определенного рода веществ, в % от ответивших

В разрезе субэтнических групп удовлетворенность своим здоровьем представлена в следующей иерархии: «отлично, ничего не беспокоит» – койбалы, сагайцы, шорцы, качинцы; «удовлетворительно» – кызыльцы, качинцы, саагйцы, шорцы, койбалы; «неудовлетворительно» – качинцы, койбалы, шорцы, сагайцы (рис. 2). Такая дифференциация в ответах обусловлена различного рода факторами: местностью проживания, представленностью объектов системы здравоохранения, экологической обстановкой, питанием, экономическим положением и др.

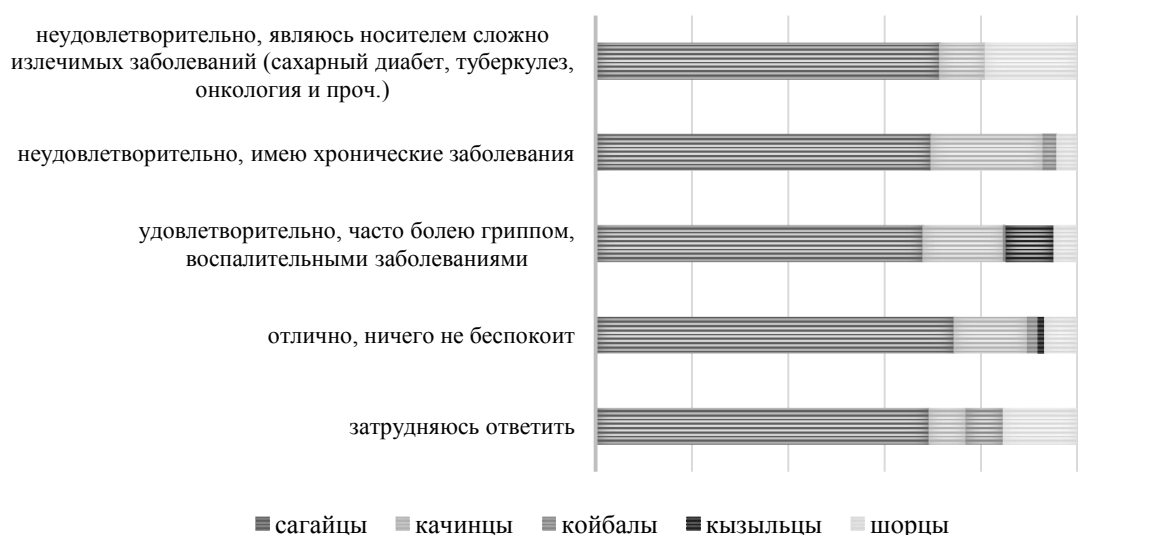

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос об удовлетворенности состоянием здоровья в зависимости от субэтнических групп хакасов, в % от ответивших

Данные самооценки в целом характеризует состояние титульного этноса Хакасии как стремящееся к улучшению. Требуются дополнительные меры поддержки, в т. ч. внедрение в повседневную жизнь этноса традиционных здоровьесберегающих практик. Среди таковых можно выделить: физическую активность, здоровое питание, отказ от вредных привычек, связанных с употреблением алкоголя, взаимодействие с природными и духовными объектами [7, 8, 9, 10, 11]. Они позволяют сохранить потенциал этноса.

Таким образом, самооценка здоровья опрошенных хакасов скорее позитивная: около половины оценивают здоровье как удовлетворительное (45,2 %), в некоторой степени удовлетворены – треть респондентов (33,5 %), неудовлетворены – менее десятой части (4,3 %). Дифференциация оценок отмечается по гендерному признаку, мужчины более позитивно оценивают свое здоровье; а также по образу жизни, респонденты ведущие здоровый образ жизни (регулярные физические нагрузки, отказ от вредных привычек) выше оценивают состояние своего здоровья, нежели чем иные группы опрошенных. Данные показатели по самооценке здоровья опрошенных хакасов соотносятся с общероссийскими показателями [12]. Важным в решении вопроса сохранения здоровья населения является распространение и популяризация здоровьесберегающих практик, в т. ч. различных этносов.

Список источников

1. Чернышев А. В., Иржаев Д. И., Золотухина А. Ю. Уровень здоровья населения как один из показателей развития современного общества. Вестник Авиценны. 2022;24(1):103-12. DOI:10.25005/2074-0581-2022-24-1-103-112.

2. Чувилова Н. А. Развитие физического потенциала студентов вуза с применением здоровьесберегающих технологий // Ниц социосфера. 2013. № 22. С. 79–81.

3. Ерохина Н. А., Черевикшик Н. Н. Актуальные проблемы здоровья и организации здорового образа жизни молодежи // Вестник СГСЭУ. 2020. № 2 (81). С. 153–157.

4. Проскурина Н. В. Состояние здоровья населения в российской федерации: статистический аспект // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 6-1. С. 77–83.

5. Росстат. Самооценка состояния здоровья населения РФ, РХ за 2019 г., 2023 г. по результатам выборочного наблюдения состояния здоровья населения https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor23/PublishSite_2023/index.html.

9. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/ZDOR/2019/PublishSite/index.html.

6. ЕМИСС. Количество (доля) граждан, ведущих здоровый образ жизни (Р4) по РФ, РХ за 2019 г., 2023 г. <https://www.fedstat.ru/indicator/59457>.

7. Асочаков А. Н. Физическая культура и спорт в Хакасии. Абакан, 2002. 204 с.

8. Бутанаев В. Я., Верник А. А. Детские игры и спортивные состязания народов Хакасии. Абакан, 1995. 56 с.

9. Анжиганова Л. В. Возрождение шаманизма и шаманистских традиций в современной Хакасии // Экология и традиционные религиозно-магические знания: материалы международного интердисциплинарного научно-практического симпозиума. М., 2001. Т. 7. Ч. 2. С. 205–209.

10. К истории семьи и семейного права хакасов (XIX – начало XX вв.) // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX – начало XX в.: сб. ст. / СО АН СССР; Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1987. С. 155–164.

11. Кызласов Р. А. К 110-летию со дня рождения. Дневник (сентябрь 1920 – январь 1924 гг.) / Сост. Тугужекова В. Н. Абакан, 2007. 113 с.

12. Самооценка здоровья и выбор лечения у россиян. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01015/opros02.php>.

РАЗДЕЛ 12.

ИСТОРИЯ НАУКИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 591.2

Т. П. Урожаева

Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия

ВЕТЕРИНАРНАЯ СЛУЖБА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Ветеринария Иркутской области прошла славный путь своего развития. С момента приобретения первых навыков профилактики болезней и лечения больных животных до создания современной научной ветеринарии накоплен богатейший опыт ветеринарной деятельности, который лег в основу современного развития ветеринарии в регионе Приангарья.

Ключевые слова: ветеринарная служба; эпизоотия; ветеринарная клиника; вакцинация; санитарный контроль

Abstract. Veterinary medicine of the Irkutsk region has passed a glorious path of its development. From the moment of acquiring the first skills of disease prevention and treatment of sick animals to the creation of modern scientific veterinary medicine, a wealth of veterinary experience has been accumulated, which formed the basis for the modern development of veterinary medicine in the Angara region.

Keywords: veterinary service; epizootics; veterinary clinic; vaccination; sanitary control

Датой возникновения ветеринарной службы в Иркутской губернии следует считать 14 января 1797 г. В тот день вышел императорский указ об учреждении губернских врачебных управ, в обязанности которых входило принимать меры по падежу скота. В мае 1809 г., после очередной вспышки инфекции среди животных и обращения губернатора к властям, министру внутренних дел князю Д. Куракину было поручено «вызвать из чужих краев до 30 ветеринарных врачей». В 1810 г. в Иркутск из Австрии прибыл Х. Гаупт, а в 1813 г. ему в помощь были направлены еще два специалиста «из чужих краев» – А. Збровский и И. Гетте.

В 1869 г. в Иркутскую губернию на должность инспектора был приглашен К. Гроссман, выпускник Дерптского ветеринарного института. Именно он впервые официально задокументировал вспышку чумы в регионе. В его записях значилось, что зараза распространилась в четырех уездах и охватила 54 населенных пункта.

В 1890-е гг. Иркутск страдал еще и от заражения животных сибирской язвой. Нужно было отдать должное местным ветеринарным врачам, которые работали грамотно и оперативно. 1899 г. ознаменовался важным событием: общественным городским управлением была открыта Иркутская ветеринарная станция. Ее штат состоял из заведующего, ветврача и фельдшера. Первым руководителем станции был назначен И. Астраханцев, который возглавлял ее более 10 лет.

Следующим важным шагом в становлении ветеринарной службы стало открытие в 1904 г. Иркутским отделением Всероссийского общества покровительства животных ветеринарной лечебницы. Она была оборудована отапливаемой перевязочной, операционной и кузницей. Заведующим лечебницей назначили помощника губернского ветеринарного инспектора врача А. Коршунова.

В 1920-е гг. ветслужба губернии боролась с эпидемией чумы крупного рогатого скота. Болезнь была завезена в 1921 г. из Монголии с гуртами банды барона Р. Унгерна, пытавшегося захватить станцию Мысовую. Заболевание быстро распространилось, основной проблемой стало отсутствие противочумной сыворотки.

В 1937 г. ветеринарная станция Иркутской области стала именоваться Горветсектором, который в 1950-е был в свою очередь преобразован в Горсельхозотдел. Со временем в областном центре появились две ветеринарные лечебницы. Одна из них располагалась по адресу: ул. Красноказья, 10, – горожане знали ее как Иркутскую городскую ветеринарную поликлинику. Вторая разместилась в здании по улице Кайской, 38, – она тоже действует и поныне.

В 1960 г. вышел указ «О запрете содержания скота в городах», в связи с этим лечебницу на Кайской улице было предложено закрыть, но спустя несколько лет ее работа возобновилась. Костяк ветслужбы составляли тогда С. Пальмин, С. Никифорова и А. Поздеев. Благодаря их труду на территории города в те годы не было серьезных вспышек инфекционных заболеваний животных.

Время перестройки принесло ветеринарной службе немало проблем. Из-за нехватки финансирования в 1986 г. закрылись 54 участка и 40 ветпунктов, было сокращено 242 работника. Транспорт требовал срочной замены, некоторые автомобили находились в эксплуатации больше 10 лет. Средства, выделявшиеся для ветслужбы из бюджета Иркутской области, покрывали лишь 45 % расходов. В хозяйствах региона в эти годы увеличился падеж скота: 12 % среди коров, вдвое больше среди свиней и овец. Все это требовало более жесткого контроля со стороны ветеринарной службы [1, с. 4].

С внедрением рыночной экономики ветеринарная служба стала переходить в новые взаимоотношения, она совершенствовалась в первую очередь, ее структура стала соответствовать изменяющейся структуре местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Первая частная ветеринарная клиника в Иркутске – «Байкалвет» – по-

явилась в 1991 г., в России они стали массово открываться только с 1995 г. Ее основателем стал ветеринарный врач А. Солдатов. Впрочем, появлению платной медицинской помощи способствовала не только любовь к животным, но и востребованность этих услуг на рынке. «Возник спрос, – рассказывал А. Солдатов. – Хотя начинать в этом деле было непросто: законодательство было более строгим. Раньше частнопрактикующие ветврачи должны были получать лицензии, а теперь им было достаточно просто зарегистрироваться».

Всего же в 1990-е гг. в Иркутске насчитывалось шесть частных ветеринарных клиник, а также поликлиники при ИрГСХА и Иркутской городской станции по борьбе с болезнями животных [2, с. 3].

Перемены к лучшему начались в начале 2000-х гг., когда проблема финансирования противоэпизоотических мероприятий решалась с помощью целевой программы «Улучшение ветеринарного обслуживания области». В 2004 г. произошло очередное преобразование – было создано Управление ветеринарии Иркутской области. К 2014 г. служба ветеринарии региона включала 27 областных государственных учреждений [1, с. 3].

Н. Дзюбин, главный государственный ветеринарный инспектор Иркутской области, начальник ветеринарного отдела ГУСХ, с улыбкой вспоминал, как в 1993 г. в районах, закрытых на карантин по сибирской язве, приходилось коротать сентябрьские ночи в чуме. А днем вакцинировать оленей. Были удостоены звания «Заслуженный врач РФ» директор областной ветеринарной лаборатории Н. Дзюба, специалист лаборатории О. Евстигнеева и главный ветеринарный врач Нижнеудинского района А. Коваленко [3, с. 4].

В 2000–2002 гг. среди иркутян участились случаи заболевания кошачьим хламидиозом. Об этом сообщил главный ветеринарный врач Иркутской городской ветстанции Б. Балобердин. Чтобы обезопасить владельцев кошек и самих животных от заражения, иркутские ветеринары заказали в Москве вакцину против хламидиоза. Первая партия препарата, как сообщил Б. Балобердин, доза вакцины стоила около 50 руб. [4, с. 2].

Передвижная ветеринарная лаборатория начала свою работу в Иркутской области в апреле 2003 г. Специалисты лаборатории на месте проводили анализы и оказывали помощь заболевшим животным. Об этом сообщил главный государственный ветеринарный инспектор Иркутской области Н. Дзюбин. По его словам, в 2003 г. в Приангарье работало всего 14 стационарных лабораторий. Наиболее распространенными заболеваниями оставались болезни органов пищеварения, дыхания и нарушения обмена веществ [5, с. 3].

Повышенное внимание в августе 2005 г. было уделено проблеме птичьего гриппа. Об этом на пресс-конференции заявил начальник управления ветеринарии Иркутской области Б. Балыбердин. По его словам, начались массовые проверки на птицефабриках региона. Кроме того, проверялись крупные популяции перелетных птиц, которые появились в При-

байкалье. В апреле 2005 г. в Иркутске состоялось совещание ветеринарных работников, посвященное профилактике ящура [6, с. 4].

В апреле 2006 г. распоряжением губернатора «О выделении денежных средств из резервного фонда администрации области» было выделено 12 млн. руб. для областного управления ветеринарии, на оплату товаров, работ и услуг по государственным контрактам на проведение мероприятий по профилактике гриппа птиц. Всего вакцинацию предполагалось провести более чем в 500 населенных пунктах, из которых 223 находилось в зоне риска [7, с. 2].

В марте 2007 г. в Приангарье поступило 450 тыс. доз вакцины от птичьего гриппа. Как сообщил заместитель руководителя службы ветеринарии региона И. Мельцов, всего в течение 2007 г. в область поступило 800 тыс. доз. По словам И. Мельцова, во всех территориальных подразделениях службы ветеринарии были разработаны планы профилактических мероприятий по эпизоотии гриппа птиц, а также ликвидации его очагов в случае возникновения. Из бюджета Иркутской области было выделено 400 тыс. руб. для проведения орнитологического мониторинга [8, с. 4].

В 2007 г. в Иркутскую область поступило 1,13 млн. доз вакцины. И. Мельцов отметил, что, согласно заявке администрации региона в Министерство сельского хозяйства РФ, служба ветеринарии области получила 800 тыс. доз. «Объем поставок вакцины был увеличен для создания резерва на 2008 г.», – пояснил И. Мельцов. На начало 2007 г. в службе имелось 230 тыс. доз, что позволило начать иммунизацию птиц до того, как в регион начали поступать новые партии вакцины [9, с. 3].

Опасность проникновения в Иркутскую область особо опасных инфекций из соседних Монголии и Китая существовала постоянно. За первое полугодие 2007 г. на продовольственных рынках области было проведено более 15 тыс. инспекционных проверок, наложено штрафов на сумму свыше 570 тыс. руб. [10, с. 4].

В декабре 2007 г. началась эпидемия в хозяйстве поселка Пивовари-ха пала 501 корова. Тем временем ход ликвидации очага заболевания животных обсуждался на заседании Главного управления МЧС России по Иркутской области. Каждый день гибло по 10–12 животных. Возбудителями эпидемии стали бактерии пастереллы. Разбираться в ситуации в Иркутск прибыло руководство компании «Канадская генетика», поставившая животных [11, с. 3].

По приглашению службы ветеринарии Иркутской области в Пивовари-ху прибыли ветеринарные врачи эпизоотологической экспедиции ФГУ «Центр ветеринарии г. Москвы», Федерального центра охраны здоровья животных из г. Владимира и специалист научно-производственного объединения «Норвак» из г. Санкт-Петербурга. Специалистам предстояло выяснить источник заболевания коров, в результате которого с 24 декабря 2007 г. на ферме погибло около 270 животных [12, с. 4].

В советское время существовала крепкая школа ветеринарного образования, но ветеринарных услуг на рынке предлагалось немного. В 1990–

2000-е гг. картина поменялась – частных клиник и кабинетов было достаточно, а вот общий уровень ветеринарных врачей снизился. Поэтому имя хорошего ветеринара как ветром разносилось, и часто врачеватель животных становился домашним доктором, наблюдая целые поколения четвероногих в семье.

О. Андруканец тяготел к терапии и был известен в Иркутске как ветеринарный диагност, славился своей пытливостью в терапевтических манипуляциях.

«Я вернулся в Иркутск в 1994 г. молодым специалистом. Начал работать по вызовам, открыть свой кабинет в то время было практически невозможно: требования были жесткими, сегодня все намного проще. Было до 20 вызовов в сутки, ездил на рейсовых автобусах, трамваях, троллейбусах. С сумкой наперевес, а в сумке все необходимое – от физраствора и шприцов до скальпеля».

В 1996 г. ветеринара пригласили на работу в цирк – у М. Запашной был большой падеж тигров. А в 2007 г. О. Андруканец «созрел» для своего ветеринарного кабинета. «Мы большей частью друг друга знаем, многие состояли в Байкальской ассоциации практикующих ветеринарных врачей, президентом которой являюсь я. Но был и другой класс ветеринаров – шарлатанов и вчерашних студентов».

Рабочий день ветеринара О. Андруканца начинался в 10 утра и заканчивался в 8 вечера. Если заглянуть в рабочий органайзер, можно видеть список дел: забор крови на гормоны; стерилизация; французский бульдог с кожными проблемами; кот с глистной инвазией; нежелательная беременность у собаки; щенок овчарки после лечения энтерита в другой клинике; кот с мочекаменной болезнью; санация ротовой полости у собаки; котенок-подобрыш; чистка зубов; грыжа у собаки; плановая вакцинация кошки [13, с. 3].

На прием к доктору иркутяне вели не только собак или кошек – приносили лемуров, обезьян, ужей. «В Иркутске не очень часто встретишь экзотических животных среди домашних любимцев, за ними уход сложнее, да и климат не тот [14, с. 4].

Ветеринарные клиники Иркутска определились с тем, в каком направлении будут развиваться дальше. Упор делался на приобретение нового оборудования. «Сейчас мы заключаем договор на покупку аппарата искусственной вентиляции легких, тест-системы на определение инфекционных заболеваний и анализаторов крови и мочи, – рассказала Ж. Попова. – В клинике появились узкие специалисты – кардиолог, нефролог, окулист» [2, с. 3].

«В 2012 г. ветеринарные службы Иркутска, Братска, Зимы и Усолья-Сибирского вышли на новый уровень медицинского обслуживания. В этих городах на выручку пострадавшим животным поступили четыре автомобиля неотложной ветеринарной помощи. В них можно было без угрозы для жизни перевозить животных, попавших под машину и повредивших позвоночник. На вооружение ветеринаров гг. Зимы, Усолья-Сибирского,

Братска, Усть-Илимска поступило рентген-оборудование. Пока такие комплексы были только в Иркутске и Ангарске», – констатировал Б. Балыбердин. К нововведениям в службе относилось проведение лапароскопии. Этот метод позволил безболезненно через небольшое отверстие при помощи телескопической трубки и видеокамеры делать операции на органах брюшной полости [15, с. 4].

В 2014 г. была установлена скульптура доктора Айболита в сквере у городской ветеринарной станции на ул. Красноказачьей. Над созданием монумента трудилась Н. Бакут, уже известная в Иркутске как автор скульптуры бабра. Образ Айболита получился и реалистическим, и шуточным одновременно. Образ «доброго доктора», умеющего лечить все на свете, получился родным и узнаваемым: Айболит держал в руках кошку, рядом сидела собака. Изготовили монумент в Улан-Удэ и установили в мае 2014 г. [16, с. 3].

До 2004 г. в Иркутской области было 23 районные ветеринарные станции. После передачи ветеринарии из федерального в областное подчинение прошла оптимизация, и станций осталось всего 16. Хотя в зависимости от потребностей у одного филиала было несколько своих ветлечебниц и ветпунктов – в Иркутском районе, например, их 14, включая Листвянку и Пивовариху [17, с. 4].

В 2014 г. в Иркутской области разрабатывался план мероприятий по борьбе с болезнями крупного рогатого скота. Об этом сообщила министр сельского хозяйства Иркутской области И. Бондаренко на совместном совещании со службой ветеринарии. В 2014 г. были запланированы выезды специалистов на популярные места уличной торговли с целью определения условий для организации на их месте сельскохозяйственных ярмарок. Во II-ом квартале 2014 г. была приобретена мобильная лаборатория ветеринарно-санитарной экспертизы [18, с. 2].

В 2017 г. Иркутская область стала первым регионом Сибири, где была зарегистрирована вспышка африканской чумы свиней (АЧС). В марте 2017 г. в Иркутском районе в связи с возникновением очага этой вирусной болезни был введен карантин. А накануне мэром Иркутского района был объявлен режим ЧС. В конце марта 2017 г. стало известно, что в ходе мероприятий будет уничтожено около 1 тыс. животных. Источник заражения был неизвестен. Чиновники склонялись к мнению, что им мог стать корм [19, с. 3].

«В мировой практике в конце 1990-х гг. произошло разделение ветеринарных специалистов по направлениям, – объяснил врач А. Тихенко. – В России это началось с некоторым запозданием, в Иркутске мы четко разделились в 2014 г. Одно из основных направлений – это лечебно-профилактическая работа с кошками, собаками и экзотическими животными, где у нас представлены узкие специалисты: кардиологи, онкологи, офтальмологи, стоматологи, хирурги».

Даже с точки зрения географии станция не была ограничена двумя зданиями на ул. Красноказачьей, где расположены клиника и администра-

ция. Ее подразделения были разбросаны практически по всему городу. Свердловская ветеринарная клиника находилась на ул. Гоголя, Ново-Ленинский участок – на ул. Баумана, а Ленинский, обслуживающий Иркутск-II, – на ул. Делегатской. Помимо этого, был филиал в Березовом – микрорайоне за Академгородком. Пусть все перечисленные подразделения не оснащены таким современным оборудованием, как станция на Красно-казачьей, работающие там специалисты так же могли профессионально осматривать животных и оказывать им первичную помощь. А на ул. Генерала Доватора действовал центр льготной стерилизации.

В начале июля 2019 г. бригада эпизоотологов работала в г. Нижнеудинске, а их коллега-хирург – в г. Тулуне, где нужно было стерилизовать собак и кошек, оказавшихся безнадзорными в результате наводнения. В августе 2019 г., когда прошла вторая волна паводков, и эпизоотологи, и хирург выезжали в г. Тулун.

«Вся область не осталась в стороне – в зону бедствия приезжали специалисты из гг. Ангарска, Зимы, Усолья-Сибирского, из Иркутского района и других территорий, – рассказала начальник Иркутской городской станции по борьбе с болезнями животных О. Галенпольская. В том, что угрозу эпизоотий в Нижнеудинском, Тайшетском, Тулунском, Чунском и других районах ликвидировали еще до того, как она возникла, была и заслуга сотрудников Иркутской городской станции по борьбе с болезнями животных. Вместе с филиалами на городской станции по борьбе с болезнями животных работали около 130 ветеринарных врачей и фельдшеров.

По статистике, которую вели официально, на станцию и в ее подразделения, которые работали круглосуточно, каждые 24 часа обращалось 250–300 чел. с кошками, собаками и другой живностью. Были и другие, более точные данные. В 2018 г. от бешенства привили 13 913 собак и кошек в Иркутском и Шелеховском районах, еще 1 246 – в Ольхонском районе. В 2017 г. специалисты станции привили 13 751 и 1 200 домашних животных соответственно [20, с. 2].

Региональная служба ветеринарии выступала учредителем 15 станций по борьбе с болезнями животных. За 2019–2020 гг. субсидии на выполнение государственных заданий составили порядка 900 млн. руб. В системе трудилось 1 232 чел. [21, с. 4].

В 2021 г. процедура отлова и содержания безнадзорных животных изменилась в Иркутске. Среди новшеств стало чипирование животных: при осмотре животному безболезненно вживляется чип с персональным кодом. Подобная система позволила наладить четкий контроль: отслеживать каждую собаку, а также оценивать работу подрядчика, – сообщила заместитель начальника отдела санитарного состояния комитета городского обустройства администрации Иркутска А. Бехтольд.

В начале 2021 г. администрация Иркутска заключила муниципальный контракт на отлов безнадзорных животных с питомником «К-9». Он действовал до апреля 2021 г.

– Новая система отлова, чипирования и дальнейшего контроля должна была привести к тому, что поголовье собак в Иркутске снизится, не будет бесконтрольного размножения, – отметила А. Бехтольд. – При этом, согласно федеральному законодательству, отловленные собаки по истечении 20 дней (после вакцинации и стерилизации) возвращались в места обитания. В приютах содержались только больные и проявляющие немотивированную агрессию собаки. В комитете городского обустройства проводилась работа по подготовке документации для проведения более крупного аукциона по определению подрядной организации, которая будет производить отлов безнадзорных животных с апреля 2021 г. [22, с. 2].

Ветеринарную службу продолжают осуществлять учреждения государственной ветеринарной службы, специалисты производственной ветеринарной службы, а также ветеринарные специалисты, занимающиеся предпринимательской деятельностью. Руководящим и организующим звеном ветеринарной службы остаются государственные ветеринарные объединения, станции по борьбе с болезнями животных.

Список источников

1. Кузнецова Е. Иркутские Айболиты // Губерния. 2014. 10 июня. С. 4.
2. Лисовская Е. «Скорая помощь» для четвероногих // Ирк. репортер. 2010. 5 марта. С. 3.
3. Кошкина Т. Ветслужба спасает человечество // Губерния. 2000. 18 ноября.
4. Иркутянам угрожают... кошки // Иркутская неделя. 2002. 20 марта. С. 2.
5. В помощь братьям меньшим // Вост.-Сиб. правда. 2003. 26 марта. С. 3.
6. Внимание – птичьему гриппу // СМ-номер один. 2005. 10 марта. С. 4.
7. Петрова Е. В зоне риска // Губерния. 2006. 27 апр. С. 2.
8. Пернатый мониторинг // Вост.-Сиб. правда. 2007. 22 марта. С. 4.
9. Прививка для пернатых // Губерния. 2007. 12 апр. С. 3.
10. Батутене Е. Локальный падеж // СМ-номер один. 2007. 12 сент. С. 4.
11. Докукина К. Иркутская коррида // Конкурент. 2008. 26 янв. С. 3.
12. Лечить коров приехали иногородние специалисты // Конкурент. 2008. 12 янв.
13. Корк А. Щенки как стартовый капитал: веткабинет Олегу Андруканцу помогла открыть собака Тинка // Иркутский репортер. 2015. 18 авг. С. 3.
14. Алефир О. Иркутский Айболит // Губерния. 2009. 15 апр. С. 4.
15. Саломатова А. Ближе к четвероногим: в Приангарье появится неотложка для животных // Ирк. репортер. 2012. 18 февр. С. 4.
16. Памятник Айболиту появится в Иркутске // Ирк. репортер. 2014. 14 янв. С. 3.
17. Корк Б. Настоящий Айболит // Иркутский репортер. 2017. 16 июля. С. 4.
18. Разрабатывается план мероприятий по борьбе с болезнями // Губерния. 2014. 4 марта. С. 2.

19. Гаврилова Н. Факт африканской чумы: в Иркутской области уничтожат около тысячи свиней // Губерния. 2017. 28 марта. С. 3.

20. Щербаков Е. К зверям по-человечески: как работает Иркутская городская станция по борьбе с болезнями животных // Ирк. репортер. 2019. 1 окт. С. 2.

21. КСП выявило многочисленные нарушения в работе службы ветеринарии области // Губерния. 2021. 9 окт. С. 4.

22. Петрова Е. Собака с паспортом: в Иркутске начали чипировать безнадзорных животных // Вост.-Сиб. правда. 2021. 16 янв. С. 2.

А. И. Кириллова

Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга
Петропавловск-Камчатский, Россия

КРАЕВЕДЕНИЕ КАМЧАТКИ: ОТ ЧАСТНОЙ ИНИЦИАТИВЫ К НАУЧНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Аннотация. Статья посвящена истории становления и развития краеведения на Камчатке. Для региона краеведение – молодая наука, в условиях Камчатского края развивающаяся достаточно специфично. Автор выделяет основные периоды развития краеведения и их особенности. Данная статья является попыткой обобщить материалы и опыт краеведческой работы на Камчатке, выявить основные направления изучения региона и их перспективы.

Ключевые слова: Камчатка, краеведение, краеведение Камчатки, изучение Камчатки

Abstract. The article describes main periods and problems of development studies of local lore as a science. This kind of study is quite new for Kamchatka and local investigations began their growth in XX-th century. The author explores main periods of local studies development, reveals their problems.

Keywords: Kamchatka, local science, studies of local lore, Kamchatka exploration

В данной статье мы понимаем краеведение как «изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо территории («края») или объекта – от крупного региона до отдельного города, села, предприятия, усадьбы, улицы, дома главным образом силами местного населения» [1]. По этой причине краеведение на Камчатке может считаться молодой научной дисциплиной, динамичное развитие которой началось именно в XX в. Для полуострова в целом характерен достаточно поздний (по сравнению с другими регионами России) научный интерес местного населения к региону. Причинами столь позднего становления камчатского краеведения являются:

1. Специфика населения полуострова. В XVIII–XIX вв. научным изучением Камчатки могло заняться только русскоязычное население, однако, оно в большинстве своем представляло собой чиновничество и купцов, причем, чиновники сменяли друг друга, не задерживаясь на территории в большинстве случаев дольше 8–10 лет. Купечество же имело достаточно узкие интересы и всесторонним изучением региона заниматься было не готово.

2. Отсутствие учебных заведений на полуострове. На Камчатке долгое время не было гимназий и училищ, при которых могли бы появиться первые краеведческие клубы и кружки. Образование получали в основном начальное: на уровне чтения и письма. В районах, населенных коренными (в имперской традиции наименования инородцами) жителями, школы так-

же были начальными, многие из них работали с перебоями. Кочевое население практически не получало образования.

3. Долгое время практически отсутствовала этническая интеллигенция. Даже потомки от смешанных браков коренных жителей и русских, камчадалы, получали в основном начальное образование. Лишь к началу XX в. появляются первые коренные жители Камчатки, получившие высшее образование [2]. Лишь в 1893 г. в Петропавловске появляется первое училище, которое вело не только обучение морскому и военному делу [3]. Таким образом, становление гуманитарного образования в регионе и формирование этнической интеллигенции начинается лишь к концу XIX в. Поэтому интенсивное развитие камчатского краеведения произойдет именно в XX в.

Несмотря на все сложности, интерес к региону, попытки его описать силами местного и относительно закрепившегося приезжего населения предпринимались еще в XIX в. По этой причине в периодизации истории камчатского краеведения можно выделить 3 этапа:

1. Имперский (досоветский), вторая половина XIX – начало XX в. В этот период активно начинается собирание музейной коллекции, повышается интерес к региону. Частые экспедиции Русского географического общества в 1890-х – 1910-х гг. на Северо-Восток России, в том числе и на Камчатку, привели к тому, что часть населения полуострова, обслуживавшая экспедиции, наблюдавшая за работой ученых, также заинтересовалась Камчаткой: ее флорой и фауной, полезными ископаемыми, вулканизмом и коренным населением. При описании истории становления и развития краеведения сюда же войдут и 1917–1920 гг., период, в который происходило утверждение советской власти на Дальнем Востоке и Камчатке, но полностью она еще не закрепились в регионе.

2. Советский период, 1923–1991 гг. Советская власть для проведения преобразований нуждалась в сведениях о территории Камчатки, ее населении, богатствах недр. Однако, организация научных экспедиций была дорогостоящей, многие данные должны были собираться ежегодно, поэтому поощрялись любительские и частные инициативы в изучении Камчатки. Не менее важным фактором роста интереса к территории стала культурная революция и появление на полуострове сети школ и библиотек, учреждений культуры. Происходит интенсивное формирование этнической интеллигенции. Все это способствовало всплеску интереса к локальной истории, географии, этнографии.

3. Современный период, 1990-е – 2020-е гг. В 2000-е гг. повышается интерес к краеведению, но при этом краеведение Камчатки приобретает черты научной дисциплины, формируется своя методология, появляются диссертации по темам региональной истории, написанные профессиональными камчатскими историками. Важным показателем роста интереса к краеведению является увеличение количества публикаций камчатских авторов-краеведов. Так, по данным А. П. Пирагиса, «динамика выхода книг (включая переиздания) выглядит следующим образом: с 1962 г. по 1980 г.

вышло 13 историко-краеведческих книг; с 1981 г. по 1990 г. – 9; с 1991 г. по 2000 г. – 21; с 2001 г. по 2006 г. – 17» [4]. В 2010-х – начале 2020-х гг. только холдинговой компанией «Новая книга» подготовлено к изданию более 30 наименований книг, атласов, брошюр и буклетов, посвященных Камчатке и являющихся краеведческими изданиями.

Краеведческая работа на Камчатке в конце XIX – начале XX в. тесно связана с историей Краевого Объединенного музея, созданного в 1911 г. Именно музей начал сбор геологической и этнографической коллекций, в него привозили интересные и старинные вещи жители полуострова. Однако, первые попытки начать изучение полуострова были предприняты еще в 1892 г.: «группа энтузиастов, обитателей Петропавловска, в составе доктора медицины Н. Н. Башинского, Е. Федоровой, П. Донского, Г. Гурьева, Григория Карюкина, П. Косыгина и Константина Русанова подготовила «Устав “Общества изучения полуострова Камчатки”». Предполагалось, что оно и учредит в Петропавловске музей, «цель которого – дать возможно полное понятие об естественных условиях и богатствах названных местностей, быте, производительности и истории населения»» [5]. Высоких результатов общество, тем не менее, не достигло, его работа сначала была приостановлена, а затем и вовсе оно было запрещено, так как в состав его вошли лица «кои своими неприязненными к местной администрации действиями известны уже господину военному губернатору Приморской области, придавая этим предполагаемому обществу то направление, которое, по возможности, избегается при составлении какого бы то ни было общества» [5]. О результатах работы этого краеведческого общества, его находках и достижениях на современном этапе исследователям неизвестно. Следует отметить, что сама попытка создания краеведческого общества камчатской интеллигенцией показательна. Она демонстрирует интерес населения к истории, географии и этнографии региона. В 1911 г. по приказу губернатора В. В. Перфильева и инициативе местной интеллигенции был создан областной музей, «первыми его экспонатами стали предметы, переданные путешественниками и учеными, исследовавшими Камчатку в начале XX века» [6]. Однако, и местное население приносило в музей интересные находки и то, что считало древностями. Сложностью имперского этапа развития краеведения являлось то, что постоянного здания у музея не было. По данным, собранным историком С. В. Гавриловым, в 1911 г. музей располагался в здании губернаторской канцелярии, в 1920 г., когда музеем искали новое помещение, он уже располагался в школе и готовился к переезду в Народный дом, точнее в одну из его комнат. Из этих данных можно заключить, что экспозиция музея была, во-первых, небольшой, во-вторых, при переездах часть экспонатов могла быть утеряна. Специализированных краеведческих обществ при музее в 1911–1920-м гг. не упоминалось. А по постановлению Петропавловского окружного начальника еще в 1893 г. энтузиастам-краеведам Камчатки было предложено войти в состав «Общества изучения Амурского края». В 1920 г. предпринималась попытка создания обществом «Просвещение» научно-изыскательской сек-

ции, которая и должна была проводить краеведческие исследования, но «толком и не начав работать, ликвидирована под предлогом предстоящей организации Камчатского отдела Русского Географического общества, называвшегося, «впредь до инкорпорации в Приамурский отдел сказанного общества, – Обществом изучения Камчатской области»» [5]. Таким образом, имперский период дал мощный толчок для дальнейшего развития краеведения на Камчатке: появились первые сообщества заинтересованной в изучении Камчатки местной интеллигенции, появился музей, ставший основой для научного краеведения в дальнейшем, началось формирование коллекции музея. Несмотря на все сложности, основную часть музейной коллекции и само утверждение удалось сохранить в период революции и установления советской власти на Камчатке. В этот же период появляются первые высокообразованные коренные жители полуострова. Все это определило дальнейшее развитие краеведения на полуострове и заложило основания для этого процесса.

Советский период является на сегодняшний день самым длительным в истории камчатского краеведения. Начинают его традиционно с работ исследователя-энтузиаста, отца камчатского краеведения, Прокофия Трифоновича Новограбленова. Действительно, именно его стараниями в 1924 г. в очерке «Школьная летопись. История школы» Прокофий Трифонович писал, что хотя музей и формально существует, но его коллекция практически не пополняется, а более того, расхищается. Он же выступал за предоставление музею отдельного помещения, не при школе и не при училище. Помимо этой работы он с учениками своей школы собирал образцы пород, путешествовал по Камчатке, в том числе и вокруг Ключевского вулкана. В 1928 г. он стал заместителем председателя основанного «Камчатского краеведческого общества» и заведующим музеем. В том же году он ходатайствовал о введении ставки работника музея, расширении музея, организовал приемку экспонатов, в том числе и этнографических. Как сотрудник музея, он совершал поездки на Север полуострова, попутно читал научно-просветительские лекции местному населению и приезжавшим на сезонные работы. Как пишут историки о его работе, «за относительно небольшой период деятельности в 1920 – начале 1930-х гг. П. Т. Новограбленову удалось кардинально преобразить исследовательскую среду и работу в крае. Он активно сотрудничал с российскими (В. К. Арсеньевым, П. И. Полевым, В. А. Обручевым, В. Л. Комаровым, С. Ф. Ольденбургом и др.) и зарубежными (С. Бергман, Э. Хульстен, Р. Малэс и др.) учеными, стал основателем музея и краеведческого общества на Камчатке, автором порядка ста научных публикаций» [7]. В действительности вклад П. Т. Новограбленова за его период интенсивной краеведческой работы, 1924–1932 гг., сложно переоценить. Большинство его работ посвящено естественнонаучным исследованиям, вулканизму, полезным ископаемым, но есть и работы по истории и этнографии. Однако, полностью его наследие на сегодняшний момент не изучено.

Краеведческий музей Камчатки, сегодня Камчатский краевой объединенный музей, пережил множество трудностей, но уже в 1930-х гг. он играл важную роль в развитии краеведения Камчатки. Так, уже в 1934 г. экскурсии в музей были регулярными, установлена входная плата в музей, а также организовано пополнение музейной коллекции. В 1940 г. музей имел несколько экспозиций среди которых «отдел “Быт народностей Камчатки”». Манекен чукчанки в одежде из шкуры гаги, над ней висит модель лодки, рядом – разная кухонная деревянная посуда. В углу – манекен оронона с оружием. Здесь же каменные наконечники для стрел, прибор для добывания огня и другие орудия, которыми пользовались люди в период каменного века. Около манекенов коряков лежат охотничьи принадлежности, национальные костюмы, тульское кремневое ружье, изготовленное в 1840 г., огромные ветвистые рога оленей, которыми так богат полуостров» [5]. Таким образом, к началу 1940-х гг. краеведческий музей стал центром изучения географии, истории и этнографии Камчатки, он приобрел значительную коллекцию, и была налажена просветительская работа для населения и гостей полуострова. В 1941–1945 гг. музей продолжил краеведческую работу, в том числе и чтение лекций краеведческой тематики, проводилось переоформление экспозиций. Рост посещаемости музея также может свидетельствовать о том, что интерес к краеведению среди населения Камчатки увеличился. Не менее важным для развития научного изучения полуострова явился тот факт, что у сотрудников музея появляются научно-исследовательские темы, связанные с полуостровом. В послевоенный период роль музея в развитии научного краеведения продолжала расти. В 1968 г. музей начал выпуск периодического издания «Краеведческие записки», которое содержит статьи и исследования, посвященные Камчатке, как выдающихся советских ученых, так и сотрудников музея, местных краеведов. Этот сборник стал первым периодическим изданием, посвященным научному изучению полуострова и издаваемым по инициативе камчатцев. Всего в советский период вышло в свет 6 выпусков, содержащих более 50 статей, посвященных региону, его истории и культуре. В 1960–1980-х гг. сотрудники музея организовывали и проводили этнографические экспедиции в районы Камчатки, записывали фольклор коренных народов, собирали материалы для этнографической коллекции.

Не менее важный вклад в развитие камчатского краеведения внесла и Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова, а также другие библиотеки региона. Библиотеки полуострова активно собирали информацию о регионе в целом и тех населенных пунктах, где они расположены. Сеть библиотечных учреждений Камчатки обязана была и активно вела культурно-просветительскую работу среди жителей. Так, сотрудники всегда организовывали публичные лекции по истории и этнографии Камчатки, создавали экспозиции книг, посвященных региону, организовывали историко-культурные вечера. Особую роль в советский период сыграла краеведческая работа библиотеки им. С. П. Крашенинникова. Совместно с организацией «Добровольное общество книголюбов» начали

проводиться Крашениниковские Чтения, «главная задача Крашениниковских чтений – популяризация знаний в области экономики, истории, географии, экологии, этнографии Северо-Востока России, Камчатки, книги С. П. Крашениникова «Описание земли Камчатки», литературы о Камчатке» [8]. Изначально Чтения проводились в разных районах Камчатки, что позволило объединить всех заинтересованных в изучении полуострова людей, организовать их взаимодействие и выявить наиболее интересные сюжеты в истории Камчатки. Проведение Чтений способствовало росту интереса к краеведению как среди жителей Петропавловска-Камчатского, так и на местах. По этой причине высокая роль в организации изучения полуострова принадлежала именно библиотекам края. Хотя не все доклады и материалы были созданы профессионалами, но собранная любителями и интересующимися информация о регионе до сих пор обладает научной ценностью.

Определенный вклад в развитие и популяризацию краеведения вносили и туристические клубы, детские и молодежные организации. Так, с 1961 г. на Камчатке функционирует «Камчатский дом детского и юношеского туризма и экскурсий», который «проводит слеты и соревнования, краеведческие конференции и палаточные лагеря» [9]. Школьниками и педагогами центра были собраны материалы по географии Камчатки, истории ее геологического изучения. Также в центре хранятся собранные участниками походов образцы пород, найденный позвонок кита и другие экспонаты. Эмпирический опыт и опыт путешествий по Камчатке, сбор пород и дикоросов, наблюдение за природой также способствовали популяризации краеведения среди молодежи в советский период.

Таким образом, в советский период произошло дальнейшее накопление знаний по истории, этнографии и географии Камчатки. Благодаря деятельности краеведческого музея, Крашениниковским чтениям и турклубам краеведение стало популярным среди молодого и взрослого населения полуострова, многие камчатцы начали исследовать свой родной регион. В районах в 1980-х гг. появились местные краеведческие музеи, при библиотеках сформировались краеведческие кружки. В то же время именно в советский период краеведение начало приобретать и черты науки. Появление первых научных конференций, научных изданий, а также проведение экспедиций и исследований силами местных жителей, привело к росту качества и глубины исследований. От простого описания авторы переходят к сравнительному анализу, применению историко-генетического метода, принципов историзма и объективности. Именно советский период позволил краеведению Камчатки позже стать по-настоящему научным.

Современный период развития камчатского краеведения начинается в 1990-х гг., однако, развитие этой отрасли научного знания на полуострове в данные годы шло неравномерно. Наиболее интенсивным развитие краеведения становится в 2000-е гг., но этот качественный скачок был подготовлен предыдущими годами. В 1990-х гг. основную роль в сохранении и развитии краеведческих знаний продолжали играть Камчатский объеди-

ненный музей (5 выпусков «Краеведческих записок» за 1991–1999 гг.), научная библиотека им. С. П. Крашенинникова (с 1997 г. начала издание сборников материалов «Крашенинниковских чтений»), библиотеки муниципалитетов Камчатки (в 1993 г. при районной библиотеке с. Мильково создан этническо-поисковый клуб «Камчадалы») [10]. При районных библиотеках Камчатки именно в 1990-х гг. появляются свои, локальные конференции, например, «Черкановские чтения» в с. Анавгай (с 1991 г.) [11]. При библиотеках появляются и неофициальные издания, собранные на компьютере в брошюры тексты воспоминаний старожилов, записи краеведов, фольклорные материалы (песни, загадки, суеверия, сказки и др.). Важную роль в сохранении и преумножении краеведческих знаний в этот период сыграл продолжавшийся «этнический ренессанс», т. е. повышенный интерес к традициям и культуре коренных народов Камчатки. В 2000-е – начале 2020-х гг. музеи и библиотеки продолжают активные краеведческие исследования, фонды их пополняются новыми экспонатами и изданиями. В 2000-х гг. активную научную и публикационную работу начал вести Государственный архив Камчатского края.

В 2000-е гг. в развитии краеведения Камчатки произошел качественный скачок. Появились научные работы, написанные местными профессиональными историками. Преподаватели-историки КамГУ имени Витуса Беринга принимали участие в проекте «История села Анавгай» по написанию книги, посвященной эвенскому этническому селу. Руководила проектом А. В. Костыря, которая в 2003–2007 гг. привлекла к работе и студентов исторического факультета. В 2011–2017 гг. в рамках Научно-исследовательского института Региональных проблем КамГУ имени Витуса Беринга функционировала лаборатория исследований истории Северо-Востока. Сотрудниками лаборатории под руководством В. А. Ильиной были подготовлены 4 монографии, более 10 статей в журналах, рецензируемых ВАК [12]. Следует отметить, что исследовательский коллектив лаборатории в составе В. А. Ильиной, Н. В. Камардиной, Т. В. Воробьевой, С. Г. Кошкаревой, А. В. Пташинского, А. И. Кирилловой, А. С. Сесицкой, В. О. Давыдовой использовал новые для камчатского краеведения методологические подходы: теорию фронта, модернизационный подход, трансформационный подход. Кроме того, исследователи опирались на архивные источники как камчатских, так и иных архивов, в том числе Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Созданные учеными монографии и статьи стали мощным фундаментом для формирования камчатской исторической научной школы и перехода краеведения на новый, научный, уровень. Помимо преподавателей-историков КамГУ имени Витуса Беринга научные работы по истории Камчатки издавали преподаватели КамчатГТУ (И. В. Фрумак, Н. В. Толкачева, В. Н. Шарахматова, С. В. Гаврилов), РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Т. В. Воробьева), КФ РУК и ВАВТ (Т. А. Князькина). Таким образом, в 2000-е гг. на Камчатке формируется региональная научная историческая школа. Краеведческие исследования становятся методологи-

чески обоснованными, глубокими. Значительная часть коллектива историков КамГУ имени Витуса Беринга в настоящее время работает над созданием учебных пособий для учеников и учителей по истории Камчатки.

Однако, научно-популярное краеведение в регионе также активно развивается. Здесь следует отметить работы А. А. Смышляева, включая его книгу «Популярная история Камчатки от древности до 1917 года», И. В. Витер и ее исследования по истории Петропавловска-Камчатского и Курильского десанта, С. И. Вахрина, чьи работы посвящены истории камчатских фамилий и семей, В. И. Борисова, подготовившего и издавшего значительный массив воспоминаний старожилов закрытых камчатских сел, А. И. Белашова, изучавшего историю камчатской епархии и церквей, В. И. Пустовита, специалиста по истории гражданской войны на полуострове, А. П. Пирагиса, исследователя годоники Петропавловска-Камчатского.

Таким образом, краеведение Камчатки в XX – начале XXI в. из частной инициативы интересующихся своими регионом жителей и интеллигенции превратилось в отрасль научного знания с методологической базой. В начале XXI в. в регионе сформировалась профессиональная научная школа, занимающаяся вопросами краеведения, в особенности историей и этнографией Камчатки. Ядром научной историко-краеведческой школы Камчатки являются сотрудники кафедры истории и философии КамГУ имени Витуса Беринга. Все это позволяет говорить о значительных перспективах развития научного краеведения на полуострове.

Список источников

1. Краеведение. Большая российская энциклопедия 2004–2017 / авт. С. О. Шмидт. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2105499.
2. Камчатский натуралист Прокопий Новограбленов / сайт Камчатского краевого объединенного музея. URL: <https://kamchatka-museum.ru/kamchatskij-naturalist-prokopij-novograbenov/>.
3. Государственный архив Камчатского края / официальный аккаунт ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-211614900_199.
4. Пирагис А. П. От созерцания – к исследованию. Краткий обзор книг по краеведению (история) Камчатки с 1962 года выпуска по 2006 год / Пирагис А. П. Дата публикации: 03 сентября 2007. Категория: Обзоры камчатской краеведческой литературы. URL: <http://www.piragis.ru/literature/obzor-knig-po-kraevedeniyu-kamchatki.html>.
5. Гаврилов С. В. Материалы к истории Камчатского краеведческого музея / Гаврилов С. В. // «Гордиться славою своих предков...» : [к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, 280-летию города Петропавловска-Камчатского : материалы XXXVI Крашенинниковских чтений. Т. 36.: Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова, 2020. URL: <https://kamlib.ru/upload/iblock/5ce/gavrilov2020.pdf>.
6. История музея / / сайт Камчатского краевого объединенного музея. URL: <https://kamchatka-museum.ru/about/>.

7. Головнев И. А. Ученый камчадал из страны вулканов Прокопий Новограбленов и его образы Камчатки / Головнев И. А. // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 181–194. URL: <https://roii.ru/r/1/72.13>.

8. Крашенинниковские чтения / официальный сайт Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова. URL: <https://kamlib.ru/ethnography/dir3/>.

9. Краевое государственное автономное учреждение дополнительного образования «Камчатский дом детского и юношеского туризма и экскурсий» / официальный сайт. URL: <https://kamdut.wixsite.com/kgaudio-kamddutie>.

10. Конфедератова Н. В. История и современность клуба «Камчадалы» / Конфедератова Н. В. // «К истории страны Камчатки и ее жителей»: материалы XXXVII Крашенинниковских чтений. Т. 37.: Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова, 2022. URL: <https://kamlib.ru/upload/iblock/6d3/v3gp02wqezx3r5ul6ih4x5qgbg7nosux/konfederatova-37.pdf>.

11. Инданова Е. Литературные вечера села Анавгай / Инданова Е. URL: <https://kamlib.ru/upload/medialibrary/a73/lofg4vq35u5rf6k1v1nj7v32xrrore1x/indanova.pdf>.

12. Ильина В. А. О первых итогах и перспективах работы лаборатории исследований истории Северо-Востока по комплексному изучению процессов освоения Камчатки в XVIII – первой половине XX вв. / Ильина В. А. // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pervyh-itogah-i-perspektivah-raboty-laboratorii-issledovaniy-istorii-severo-vostoka-po-kompleksnomu-izucheniyu-protsessov-osvoeniya/viewer>.

А. А. Нурзат

Тувинский государственный университет

Кызыл, Россия

ВКЛАД Л. В. ГРЕБНЕВА В ИССЛЕДОВАНИЯ СЕДЕНТАРИЗАЦИИ ТУВИНЦЕВ

Аннотация. В данной статье раскрывается роль кандидата исторических наук, советского ученого этнолога, Заслуженного работника культуры Тувинской АССР, ветерана Великой Отечественной войны Леонида Васильевича Гребнева в исследовании вопросов седентаризации тувинцев. Как таковых специальных научных работ, посвященных истории оседания тувинцев, кроме работы Л. В. Гребнева, практически нет, поэтому его книга считается ценным источником в исследовании данного вопроса. В изучении истории тувинского народа Л. В. Гребнев внес достойный вклад и занимает почетное место среди отечественных исследователей Тувы.

Ключевые слова: *седентаризация, коллективизация, кочевое хозяйство, оседлость, колхоз*

Abstract. This article reveals the role of Candidate of Historical Sciences, Soviet ethnologist, Honored Worker of Culture of the Tuvan Autonomous Soviet Socialist Republic, Great Patriotic War veteran Leonid Vasilyevich Grebnev in the study of issues of sedentarization of tuvans. As such, special scientific works devoted to the history of the settlement of tuvans, except for the work of L.V. Grebnev, practically none, so his book is considered a valuable source in the study of this issue. In the study of the history of the tuvan people, L. V. Grebnev made a worthy contribution and occupies an honorable place among domestic researchers of Tuva.

Keywords: *sedentarization, collectivization, nomadic economy, settled life, collective farm*

В период Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) советское правительство для оказания помощи в развитии отдельных отраслей хозяйства направляло ученых и специалистов по различным областям знаний, в числе которых был и молодой этнограф-тюрколог Леонид Васильевич Гребнев, приехавший в Туву в 1950 г. по направлению Министерства высшего образования СССР. 25 лет возглавлял сектор истории и этнографии ТНИИЯЛИ.

Процесс седентаризации, т. е. переход кочевых хозяйств на оседлость – это сложный и противоречивый процесс, в первую очередь, для Тувы, обусловленный особенностями исторического развития. Осуществление курса на коллективизацию и процесс перевода тувинцев на оседлость затруднялось крайне незначительным развитием

земледелия и преобладанием кочевого скотоводства с соответствующим образом жизни, считавшиеся в советской историографии как тяжелое прошлое тувинского народа или отсталое хозяйство.

В своей книге «Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость» процесс перехода аратов на оседлый образ жизни на основе коллективизации ученый оценивал, как единственно возможным для создания условий «зажиточной и культурной жизни». Автор подчеркнул, что процесс оседания тувинцев, а также отказ от «старых» привычек и обычаев совершался постепенно и характеризовал таким образом: «С коренным преобразованием образа жизни тувинских аратов, исчезновением старой формы группового расселения – кочевого аала в несколько юрт или шалашей – произошел переход к совершенно новой, оседлой форме расселения – большому колхозному поселку» [2, с. 88–89]. Л. В. Гребнев был современником советско-сталинской эпохи, в которой совершался жесткий контроль партийного аппарата за деятельностью всех ведущих научно-исследовательских институтов, и все исследования осуществлялись с позитивной роли. Поэтому автор в своем труде не раскрыл важные социально-экономические и политические противоречия, происходившие в период сплошной коллективизации и седентаризации.

Конечно, важным является указание таких трансформационных хозяйственных и социальных процессов в Туве, как улучшение социального положения женщин и детей, развитие промышленности, электрификация сельского хозяйства, высокой роли сельской интеллигенции, школ, культурно-просветительных учреждений в создании колхозных поселков. Но не были упомянуты существовавшие в те годы трудности и сложности в ходе осуществления политики коллективизации и седентаризации в Туве.

Ученый поверхностно касался образовавшихся проблем в стране, связанные с коллективизацией и переводом аратов на оседлость, и в одном из текстов писал: *«при проведении коллективизации хозяйств часто нарушался принцип добровольности ... мероприятия по социалистическому преобразованию сельского хозяйства происходили в условиях ожесточенной классовой борьбы феодально-теократических элементов...»* [2, с. 25], но недостаточно должного внимания было уделено причинам и предпосылкам массового недовольства тувинцев, которые в итоге привели к различным сопротивлениям, например, антигосударственное выступление в 1924 и в 1930 гг. на Хемчике, вооруженный мятеж в 1932 г. – в Тере-Холе. Также обошел стороной такие трагические события в истории Тувы и в СССР, в целом, как политические репрессии в годы коллективизации, которому подверглись не только бывшие политические и общественные деятели, но и практически все слои населения ТНР (до 1953 г.).

Желавшим осесть выдавались денежные ссуды, направленные на строительство жилых домов, скотных дворов и прочее, полностью не решали вопрос седентаризации, так как оседание кочевых хозяйств в отдаленных от центра районах происходило неравномерно – селились не на намеченных, а в удобных для выпаса скота местах. Так, из архивных

материалов докладной записки специалистов-агрономов 1940 г. министру животноводства и земледелия ТНР, обследовавших «точки оседания», говорится: *«...места центра сумона выбирается ответственными работниками сумона без учета населения и его запросов...Пример: Председатель сумона Хайыракан товарищ Кудеч Дзун-Хемчикского хошуна (района) постоянно жил со своей юртой вблизи города Чадана в 1,5 км и на этом месте теперь образовался центр сумона Хайыракан»* [4, л. 5–6].

Автор также довольно часто приводит статистические данные о непрерывном экономическом подъеме колхозов, денежные доходы которых, например, в 1954 г. возросли по сравнению с 1949 г. – в 4 раза [2, с. 50]. Но не упоминает об убытках и долгах по краткосрочным и долгосрочным кредитам, падеже скота, невыполнение колхозами государственного плана по сдаче шерсти, молока, мяса и многое другое. Так, из сводного годового отчета за 1943 г. по госхозам им. Тока в Элегесте и Уюке, 25 лет РККА и в Барлыкской степи, а также с/х опытной станции: *«...чистый убыток по всем госхозам составил 199 583 акша 26 коп., в том числе от производственной деятельности по растениеводству 155 041,04 руб., по животноводству – 23 692,99...»* [5, л. 15] или *«...на 1 января 1944 года имеют просроченной задолженности по долгосрочным и краткосрочным кредитам Тувинбанку в сумме 11941 акша...»* [5, л. 12].

Конечно, многие советские и современные ученые Тувы в своих исследованиях затрагивали тему седентаризации, но подробного и глубокого анализа не проводилось. Так, монголовед В. В. Грайворонский при написании своей монографии «От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР)» в 1976 г. отметил других советских исследователей, которые касались вопросов изучения истории оседания кочевников, в числе которых от Тувы был упомянут только Л. В. Гребнев [1, с. 10]. Н. А. Сердобов исследование ученого отметил как «незавершенное» в силу того, что она была опубликована в 1955 году, когда еще продолжалась коллективизация и перевод тувинцев на оседлость [3, с. 288].

Безусловно, его работа по изучению оседания тувинцев считается дискуссионным и возникает необходимость дальнейшего научного изучения темы в современной исторической науке. Седентаризация тувинцев требует более глубокого историографического изучения и переоценке, сложившихся в советской исторической науке, стереотипов в трудах советских ученых.

Список источников

1. Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР) / В. В. Грайворонский. М., 1979. 179 с.
2. Гребнев Л. В. Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость / Л. В. Гребнев. Кызыл, 1955. 100 с.
3. Сердобов Н. А. К 50-летию со дня рождения и 25-летию научной деятельности Л. В. Гребнева / Сердобов Н. А. // Ученые записки / ТНИИЯ-ЛИ. Кызыл, 1971. Выпуск XV. С. 287–289.

4. Ф. Р-101. Министерство животноводства и земледелия ТНР (Мин-живзем). Оп. 2. Д. 14.

5. Ф. Р-101. Министерство животноводства и земледелия ТНР (Мин-живзем). Оп. 3. Д. 21.

С. А. Шпагин
Независимый исследователь
Санкт-Петербург, Россия

ЛЭРРИ Е. ХОЛМС. АМЕРИКАНСКИЙ СЛАВИСТ В ДВУХ РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

Аннотация. В статье анализируется творческий путь американского слависта Лэри (Лари) Холмса в контексте ушедшей эпохи, позволившей работать и жить в смысловом и физическом пространстве своего объекта исследования. Акцент в статье сделан на роли провинциальных, но по-своему важных университетов и их историко-культурной среды, тонко подмеченных американским историком. И это важный и ценный опыт международного сотрудничества вузов, специалистов, университетских городов и их населения.

Ключевые слова: *Лэрри Холмс, славистика, советология, тоталитаризм, Ростов-на-Дону, Вятка, архивы, международное сотрудничество*

Abstract. The article analyzes the creative path of American Slavist Larry Holmes in the context of a bygone era that allowed him to work and live within the semantic and physical space of his research subject. The article focuses on the role of small, but important in their own way, universities and their historical and cultural environments, subtly observed by the American historian. This is an important and valuable experience of international cooperation between universities, scholars, university cities, and their populations.

Keywords: *Larry Holmes, Slavic Studies, sovietology, totalitarianism, Rostov-on-Don, Vyatka, archives, international cooperation*

30 ноября 2022 г. в Вятке умер известный американский славист Лэрри Е. Холмс. Эту печальную новость сообщил выпускник истфака РГУ, редактор газеты «День Республики» (Черкесск) Евгений Кратов, активно общавшийся с ним в последние годы.

Лэрри был (сложно писать о нем в прошедшем времени) не просто хорошим человеком и талантливым историком, другом России. Его фигура значима для Ростова-на-Дону и исторического факультета Ростовского государственного университета (ныне Институт истории и международных отношений Южного федерального университета). Он в течение года жил, работал в архивах и библиотеках города и преподавал целый семестр на историческом факультете РГУ. Я был лично знаком с ним, мы дружили семьями, посещали на взаимной основе лекции и семинары на факультете. Так что для меня это и личная утрата.

24 ноября Лэрри отметил свой юбилейный 80-й год земной жизни, будучи уже тяжело больным. 13 ноября у него отказали ноги, затем наступило общее ухудшение состояния, и он был госпитализирован. 30 ноября, в больнице, не приходя в сознание, Лэрри ушел из жизни.

Биографию, профессиональный и человеческий интерес Лэрри Холмса к России, ее истории, можно восстановить на основе информации из его интервью вятской прессе, где он жил и работал последние годы и на основе личных воспоминаний.

Родился Лэрри в 1942 г. в Чикаго. В урбанистической мифологии наш Ростов-на-Дону и американский Чикаго часто упоминают вместе в определенном контексте. Даже сейчас, когда ростовчане и примкнувшие к ним, говорят о туристском или кинематографическом кластере и привлекательности города, пытаюсь навязать нам образ гангстерской столицы России, Ростова-Папы...

Затем родители переехали в Канзас, где после колледжа Лэрри поступил в местный университет. Славистом, как он говорил, стал «случайно». Следуя примеру своего друга, стал также изучать русский язык, а затем и историю России. Переехав в город Мобил, штат Алабама, начал свою преподавательскую деятельность в университете Южной Алабамы. И это важный момент в судьбе Лэрри, поскольку американский Мобил и российский (тогда еще советский) Ростов-на-Дону – города побратимы. Возможно, это способствовало тому, что став уже профессором университета города Мобил, он использовал положенный творческий годичный отпуск для работы на историческом факультете РГУ и в наших архивах и библиотеках. Помимо формального повода – побратимские связи двух городов, у Лэрри был и научный интерес к Ростову-на-Дону. Одна из его монографий посвящена компаративному анализу работы двух советских школ, носивших номер 13. В московской школе №13 учились дети тогдашней советской и партийной элиты. А вот в ростовской школе № 13 (расположенной в Пролетарском районе, который до 1928 г. был самостоятельным городом под названием Нахичевань-на-Дону), учились обычные советские дети. Эта школа известна и тем, что в еще не советской, Екатерининской женской гимназии города Нахичевань-на-Дону, училась известная советская писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян.

Как коллега Лэрри и выпускник той самой школы № 13 в Нахичевани, я организовал ему теплую встречу с учителями и учениками школы. Сегодня не стоит забывать о такой страничке международного сотрудничества науки и образования, вуза и школы по сохранению памяти о стране и людях.

Научно-педагогическим результатом работы Лэрри на истфаке РГУ стал не только прочитанный спецкурс, но и выход в Ростове-на-Дону его монографии, посвященной проблемам власти, культурной политике и феномену тоталитаризма [1]. Факт, достойный особого внимания, и с точки зрения содержания книги, и международного сотрудничества истфака РГУ. И жаль, что книга выпала из информационного поля, хотя тематика тоталитаризма и советской модели вновь в центре внимания специалистов.

Интересны дисциплины, которые Лэрри преподавал в своем университете в Мобиле: история западной цивилизации и история Российской империи с Петра I. Сегодня это звучит весьма символично. Что такое ци-

визация большого количества стран и народов, объединенная искусственно по критерию либо пространства, либо ценностей. Есть вопросы и в отношении понятия «запад», и в отношении общих ценностей «коллективного запада». Кстати, в интервью и сам профессор Холмс выражал свой скептицизм в отношении такого курса. Одновременно, он не соглашался и с распространенным в России мнением о глубоком кризисе в Европе и США. Вот его оценка ситуации: «Кризис, когда нечто исчерпало себя и находится на грани краха. У нас и в Европе это не так. Да, у нас есть проблемы. Но не кризис» [2].

Актуальным выглядит и интерес к истории имперской России со времен Петра I. Отсюда понятна его оценка места России на мировой арене: «Россия не Восток, Россия не Евразия, как утверждает Лев Гумилев. Россия – в общем русле европейской цивилизации. Разумеется, у нее есть особенности, как у всех стран» [3].

Выйдя на пенсию, почетный профессор, доктор Лэрри Холмс занялся исследованием тех вопросов, которые ему были интересны. Например, спортом. Так, итогом 4-х летней работы стала книга «Динамо, мы с тобой! Риски победы и поражений. Кировская футбольная команда. 1979–1984». Хотя Лэрри признался, что он все эти годы болел за команду, книга не только о спорте. «Это также история о политике, экономике и личных интригах» [4].

И это важный момент, поскольку Лэрри постоянно подчеркивал, что он не краевед, что его книги о взаимоотношениях людей, власти центра и элит периферии [5]. Это очень ценное качество профессионального историка, увидеть на конкретном материале периферийного города серьезные проблемы, характерные в определенный период истории для страны в целом. Показав специфику и особенности, попытаться определить локальное явление как некую модель взаимоотношений центральной власти и элит периферии большой страны.

Лэрри с перерывами жил и работал в Вятке с 1993 г. вплоть до своей смерти в 2022 г. И тут мы видим профессиональную оценку профессора Холмса важности периферийных архивов, библиотек и местных жителей – носителей исторической памяти: «Я приехал сюда и работал из-за того, что в кировских архивах богатство, то есть много материалов, которые были рассекречены, возможно, что ваши архивы в Кирове – самые богатые в России. В период Великой Отечественной войны немцев у вас не было, поэтому и не потерялись документы [6].

Итогом работы в архивах Кирова стала изданная в 2018 г. его книга «Война, эвакуация и реализация власти: центр, периферия и Кировский педагогический институт, 1941–1952 гг.» [7].

И вновь профессор Лэрри Холмс подчеркивает важный момент не только для читателей данной книги, сколько для своих коллег, занимающихся региональной историей: «Эта книга по большей части не о Яранске, не о Кировском педагогическом институте и даже не о войне. Она – о власти, центральной и местной, их взаимоотношениях в сложной обста-

новке эвакуации» [8]. Понять и принять это, судя по реакции участников презентации книги в 2018 г., смогли не все, что видно из комментария одного из читателей данной книги: «Автор приоткроет завесу тайны над сложными и запутанными отношениями, существовавшими между местными, региональными и центральными органами власти и управления. Предлагаемый автором взгляд радикально отличается от принятой в отечественной исторической науке схемы вертикали советской власти и взаимодействия центральной и местной власти» [9].

Сегодня как никогда, важно ценить, знать и помнить зарубежных специалистов, занимающихся проблемами истории России. Сегодня это не «советологи», в некотором смысле, уже и не «слависты». Это профессионалы, которые занимаются исследованием проблем России в контексте и общероссийской, и всеобщей истории. Включая, естественно, и ее советский период, и ее славянский характер. Конкретная ценность творческого наследия почетного профессора университета Южной Алабамы [10] Лэрри Холмса заключается в том, что он наглядно показал формирующуюся в России модель взаимосвязей центра и периферии, сложности и противоречия взаимоотношений власти центра и элит периферии. Да, такой подход уже давно демонстрируют исследователи России и «периферийных» вузов, и столичных. И будем помнить, развивая историю регионов России, что свой вклад в это направление внес и профессор Лэрри Холмс.

Список источников

1. Холмс Л. Е. Социальная история России: 1917–1941. Пер. с англ. / Л. Е. Холмс. Ростов-на-Дону, 1994. 144 с.
2. Американский историк Лэрри Холмс: «Вятка – особенный город!» // Возрождение Вятки. URL: https://vk.com/@rebirth_vyatka-amerikanskii-istorik-lerri-holms-vyatka-osobennyi-gorod.
3. Там же.
4. История пединститута глазами американца // Киров. ru 29.06.19. URL: <https://kirov.online/istoria-v-gorode/istoria-pedinstituta-glazami-amerikanca>.
5. Встреча с историками Л. Холмсом и П.А. Чемодановым в Яранске // Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека им. А.И. Герцена URL: https://herzenlib.ru/main/news/detail.php?ID=56406&special_version=Y.
6. История пединститута глазами американца ...
7. Презентация книги Лэрри Холмса: война, эвакуация и реализация власти // TOP-KIROV.RU – афиша, отдых, развлечения Киров. URL: <https://top-kirov.ru/prezentaciya-knigi-lerri-holmsa-vojna-evakuaciya-i-realizaciya-vlasti>.
8. Встреча с историками Л. Холмсом...
9. Война, эвакуация и реализация власти. Презентация книги Лэрри Холмса // Свойкировский.рф. URL: <https://kirov-portal.ru/afisha/events/vojna-ehvakuaciya-i-realizaciya-vlasti-25582/>.

10. University of South Alabama. URL: https://www.unipage.net/en/10667/university_of_south_alabama.

В. Н. Разгон¹, К. А. Пожарская²

^{1,2} Алтайский государственный университет

Барнаул, Россия

ИЗУЧЕНИЕ АГРАРНЫХ МИГРАЦИЙ ПЕРИОДА СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ В АЛТАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация. В статье представлены результаты исследований истории крестьянских миграций периода столыпинских реформ в Алтайском государственном университете, проводившихся по следующим направлениям: создание базы данных домохозяйств крестьян-переселенцев, водворившихся в Алтайском округе в рассматриваемый период, изучение хозяйственной и социокультурной адаптации мигрантов, их пространственного размещения по территории округа, адаптивного биологического статуса потомков крестьян-переселенцев.

Ключевые слова: аграрные миграции, столыпинская аграрная реформа, крестьяне-переселенцы, база данных, Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г., Сибирь, Алтайский округ, Алтайский государственный университет

Abstract. The article presents the results of a study of the history of peasant migrations during the Stolypin reforms at Altai University, conducted in the following areas: the creation of a database of households of migrant peasants who settled in the Altai okrug during the period under review, the study of economic and socio-cultural adaptation of migrants, their spatial placement on the territory of the district, the adaptive biological status of descendants of migrants.

Keywords: agrarian migrations, Stolypin agrarian reform, migrant peasants, database, the 1917 All-Russian agricultural census, Siberia, Altai okrug, Altai State University

В 2002–2009 гг. группой преподавателей и научных сотрудников исторического факультета Алтайского государственного университета были реализованы два научных проекта, поддержанных грантами РГНФ: 1) создание базы данных крестьянских хозяйств Алтайского округа на основе первичных материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г; 2) проведение исследования по теме «Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственная и социокультурная адаптация».

В процессе реализации проектов на основе обработки первичных материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. была сформирована база данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.» [1], включающая сведения о более чем 11,5 тыс. крестьянских домохозяйствах, отобранных на основе случайной 5-процентной выборки из хозяйств Барнаульского, Змеиногорского и Бийского уездов, подворные анкеты переписи которых отложились в фонде Алтайской губернской земской управы Государственного архива Алтайского края (ф. 233). Сохра-

нившиеся анкеты охватывают более 2/3 (71,9 %) от общего числа учтенных в ходе переписи крестьянских хозяйств Алтайской губернии. База данных включает информацию о 4 072 старожильческих хозяйствах и 7 564 хозяйствах переселенцев, в том числе 4 850 семей, поселившихся на Алтае с 1865 (времени открытия кабинетских земель Алтайского округа для крестьянского переселения) по 1906 г. и 2 714 хозяйствах крестьян-мигрантов, водворившихся в период реализации столыпинской переселенческой политики. Наличие в базе данных информации о домохозяйствах разных поселенческих групп алтайского крестьянства открывает возможности для сравнительного изучения демографического и экономического развития хозяйств различных поселенческих групп крестьян Алтайской губернии (до июня 1917 г. – округа), определения характера зависимости уровня экономической состоятельности крестьянских хозяйств от времени поселения на территории Алтая.

База данных, в основу которой положена структура подворной анкеты сельскохозяйственной переписи 1917 г., состоит из 19 таблиц, содержащих многоаспектную информацию о демографическом и экономическом состоянии крестьянских домохозяйств (анкеты переписи включают информацию по 165 пунктам). В таблицах аккумулируются данные о демографической структуре крестьянских семей, формах и размерах их землевладения и землепользования, экономике крестьянских домохозяйств (размерах посевов различных сельскохозяйственных культур, поголовье скота, участии в промыслах, кооперации, обеспеченности различными видами сельхозинвентаря).

Анализ этих данных с помощью статистико-математических методов, результаты которого были изложены в двух монографиях [2, 3] и серии статей [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13], позволил определить механизм адаптации столыпинских переселенцев, включающий выработку адаптационной стратегии, реализация которой позволяла мигрантам эффективнее вживаться в новую среду обитания.

Демографический аспект адаптационной стратегии выражался в том, что в переселенческом движении преимущественно участвовали «много-работные» семьи с преобладанием лиц мужского пола, возглавляемые находящими в наиболее деятельном возрасте домохозяевами, имевшие в своем составе молодых работников, что позволяло переселенцам легче преодолевать трудности, связанные с освоением целинных земель, возведением жилья и хозяйственных построек, эффективнее использовать преимущества семейной кооперации труда. А преобладание среди переселенцев простых по структуре семей придавало хозяйствам мигрантов большую экономическую гибкость.

Механизм хозяйственной адаптации переселенцев включал более интенсивное по сравнению со старожилами использование наделных и арендованных пахотных земель, выразившееся в расширении посевных площадей за счет сокращения залежи и пара. В связи с этим в структуре расходов переселенцев, направляемых на техническое вооружение земле-

дельческого производства, приоритетное значение имели затраты на техническую оснащенность пахотных работ. Об этом свидетельствует практически полное отсутствие в используемом переселенцами пропашном инвентаре наиболее примитивных орудий вспашки – сох, а также более широкое использование наиболее производительных орудий вспашки – буккеров.

Введение в хозяйственный оборот максимально возможного количества пахотных земель достигалось за счет предельной мобилизации семейных трудовых ресурсов и интенсификации труда. Это проявлялось в том числе в более широком использовании в переселенческих семьях в пахотных работах женского труда. При этом с увеличением площади посевов и соответствующим возрастанием общей трудовой нагрузки на семейных работников доля участвующих в пахотных работах женщин увеличивалась. Было установлено также, что важным источником зарабатывания средств, необходимых для хозяйственно-бытового устройства переселенцев в местах нового поселения, был наем на сельскохозяйственные работы: составляя менее четверти от общего числа крестьянских хозяйств Алтайского округа, дворы столыпинских переселенцев поставляли на региональный рынок наемной рабочей силы более трети всех учтенных переписью 1917 г. сельскохозяйственных рабочих.

Анализ демографических и хозяйственных параметров переселенческих хозяйств с учетом времени их водворения в Алтайском округе позволил определить основные этапы хозяйственной адаптации переселенцев, а сравнение с экономическими показателями хозяйств старожилов дало возможность конкретизировать представление о динамике и содержании адаптационного процесса.

Взаимосвязанный анализ информации о местах (губерниях) выхода переселенцев и состоянии экономики их домохозяйств в Алтайском округе позволил установить, каким образом в хозяйственной деятельности крестьян-мигрантов в Сибири использовался производственный опыт, приобретенный на прежнем месте жительства [14].

Важным направлением исследований являлось изучение социокультурной адаптации крестьян-переселенцев. [3, с. 156–207; 8;11;15;16]. Изучение взаимоотношений переселенцев и старожильского населения Алтая показало, что, с одной стороны, крестьяне-переселенцы демонстрировали устойчивое стремление сохранить элементы традиционной культуры (язык, конфигурацию и внешний вид жилых и хозяйственных построек, пищевые предпочтения). Их поддержанию способствовало создание территориально-областных и этнических общностей мигрантов, что отчасти нивелировало стрессовые условия первых лет обустройства на новых местах поселения. Вместе с тем развивался активный информационный обмен переселенцев со старожилами и аборигенным населением региона, формировалась готовность на рациональных основаниях перенимать элементы культуры «сибиряков», что определялось слабым знанием новопривывшими конъюнктуры и ресурсного потенциала Алтайского ре-

гиона. Более медленное сближение переселенцев и старожилов в культурной сфере и образе жизни не препятствовало взаимовыгодному обмену хозяйственным опытом. Прагматические цели переселенцев и старожилов достигались в результате обоюдного знакомства с использовавшими агротехническими приемами, обмена технологическим опытом. Усваивая у старожилов приемы ведения земледелия и скотоводства, сообразные условиям сибирского климата, переселенцы, в свою очередь, демонстрировали старожилам способы интенсификации крестьянского труда за счет применения усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря.

Изучение процессов адаптации крестьян-переселенцев на основе применения микроисторического подхода – на примере сел Ирбизино, Бельенькое, Веселовское Чернокурьинской волости и с. Северка Ключевской волости Барнаульского уезда – показало как действие общих механизмов хозяйственного устройства переселенцев, так и вариативность адаптационных процессов [17, 18, 19].

Применение методов пространственного анализа к изучению процесса заселения территории Алтайского округа позволило выявить основные районы размещения крестьян-переселенцев, определить значение миграций в формировании поселенческой сети и развитии производительных сил региона. В. Н. Владимировым и Д. В. Колдаковым были составлены компьютерные карты, отражающие процесс основания населенных пунктов Алтайского края начиная с XVIII в. Применение ГИС позволило определить ареал расселения переселенцев, прибывших на Алтай в период реализации столыпинской аграрной реформы. В базе данных «Населенные пункты Алтайского края», составленной Д. В. Колдаковым, В. Н. Владимировым, И. Г. Силиной, М. Е. Чибисовым, было учтено 645 населенных пунктов, образовавшихся в ходе переселений столыпинского периода на той территории, которая сейчас входит в Алтайский край, из них 169 сохранились до начала 2000-х гг. [20]. Разработанная алтайскими исследователями методика может быть использована для изучения процесса заселения других регионов Сибири и проведения на этой основе сравнительно-исторических исследований.

В 2012–2013 гг. алтайскими историками совместно с сотрудниками Института антропологии МГУ был реализован поддержанный грантом РФФИ проект «Изучение адаптивного биологического статуса современных потомков переселенцев периода столыпинских реформ в Алтайском крае», нацеленный на взаимосвязанное изучение хозяйственно-культурной и антропоэкологической адаптации столыпинских переселенцев и их потомков.

Главной целью исследования стало получение региональных норм морфофизиологических характеристик мигрантского населения, изучение возрастных процессов, геохимической среды обитания в рассматриваемых популяциях для использования результатов в системе антропоэкологического мониторинга на изучаемой территории. На основе полученных данных были выделены ведущие факторы среды, оказывающие наибольшее

влияние на изученные группы, а с учетом предыдущих исследований рассмотрены вопросы эволюции и стабильности антропоэкологических показателей в историческом и географическом аспектах. В конечном итоге такого рода комплексный междисциплинарный анализ может дать системные знания относительно эффективности и целесообразности организованной миграции как инструмента государственной политики.

Таким образом, изучение крестьянских миграций столыпинского периода в Алтайском госуниверситете осуществлялось на основе междисциплинарного подхода, выразившегося в создании электронной базы данных переселенческих домохозяйств, применении методов пространственного анализа для изучения расселения мигрантов по территории Алтайского округа, выявлении адаптивных стратегий крестьян-переселенцев, региональных морфофизиологических характеристик мигрантского населения. Дальнейшее проведение исследований истории аграрных миграций поздней имперского периода, помимо расширения практики применения междисциплинарного подхода, может включать развитие научной коллаборации для проведения исследований, нацеленных на компаративистское изучение миграционных процессов.

Список источников

1. Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / сост. В. Н. Разгон, Д. В. Колдаков, К. А. Пожарская. Электрон. дан. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.
2. Разгон В. Н. Столыпинская аграрная реформа и Алтай / В. Н. Разгон, А. А. Храмков, К. А. Пожарская. Барнаул: Азбука, 2010. 277 с.
3. Разгон В. Н. Столыпинские мигранты в Алтайском округе. Переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация / В. Н. Разгон, А. А. Храмков, К. А. Пожарская. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.
4. Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах массовых источников). Сб. научных статей. Барнаул, 2002. 150 с.
5. Пожарская К. А. Землеустройство столыпинских переселенцев в Алтайском округе и арендное хозяйство Кабинета / К. А. Пожарская // Алтайская деревня в первой половине XX века. Сб. научных статей. Барнаул, 2007. С. 65–71.
6. Пожарская К. А. Природно-климатический фактор в хозяйственной адаптации столыпинских переселенцев на Алтае / К. А. Пожарская // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 3–4 (60). С. 215–218.
7. Разгон В. Н. Расселение и земельное обеспечение столыпинских переселенцев в Алтайском округе. анализ базы данных переселенческих участков, образованных в 1907–1912 гг. / В. Н. Разгон, К. А. Пожарская // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Сб. научных трудов. Барнаул, 2008. С. 79–87.

8. Разгон В., Пожарская К. «Самоходы» против чалдонов / В. Разгон, К. Пожарская // Родина. 2012. № 4. С. 44–48.

9. Разгон В. Н. Хозяйственная и социокультурная адаптация переселенцев в Алтайском округе в период Столыпинских реформ / В. Н. Разгон // Столыпинские чтения: Пути модернизации России: от Столыпина до современности: международная научно-практическая конференция. М.: Медиа-ПринтМ, 2012. С. 169–183.

10. Разгон В. Н. Хозяйственная адаптация крестьян-переселенцев периода Столыпинских реформ в Кулундинской степи (на материалах базы данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.») / В. Н. Разгон, К. А. Пожарская // Вестник алтайской науки. 2013. № 1. С. 212–216.

11. Пожарская К. А. Народные источники формирования образа Сибири в представлениях потенциальных переселенцев конца XIX – начала XX столетия / К. А. Пожарская // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века. Сб. статей по материалам IV Всероссийской науч. конф. Барнаул, 2015. С. 164–168.

12. Разгон В. Н. Стратегия хозяйственной адаптации самовольных переселенцев в Алтайском округе в период Столыпинских реформ / В. Н. Разгон // Былые годы. 2018. № 50 (4). С. 1 774–1 783.

13. Разгон В. Н. Крестьянство Алтайской губернии и кооперация (на материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) / В. Н. Разгон, К. А. Пожарская, А. В. Разгон // Былые годы. 2020. № 57 (3). С. 1 400–1 408.

14. Разгон В. Н. Адаптация «столыпинских» переселенцев на Алтае (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) / В. Н. Разгон // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 125–136.

15. Пожарская К. А. Этнические группы в переселенческом движении на Алтай времен реализации столыпинской переселенческой политики: проблемы сохранения этнокультурной идентичности и социокультурной адаптации / К.А. Пожарская // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в. Сб. научных трудов. Вып. V. Санкт-Петербург: Изд-во Ленинградского гос. ун-та имени А. С. Пушкина, 2021. С. 156–163.

16. Пожарская К. А. Экологические последствия аграрной колонизации степей Алтайского округа в конце XIX – начале XX века / К. А. Пожарская // Российские экономические реформы в региональном измерении. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 59–65.

17. Разгон В. Н. Село Северка Ключевской волости по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года / В. Н. Разгон, К. А. Пожарская // Ключевский район: история и современность. Барнаул, 2002. С. 250–260.

18. Храмков А. А. Село Ирбизино Чернокурьянской волости Барнаульского уезда в 1917 г. (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) / А. А. Храмков // Алтайский сборник. Барнаул, 2000. Вып. XX. С. 144–160.

19. Храмков А. А. Сравнительно-исторический очерк о переселенческих селах Алтайской губернии (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) / А. А. Храмков // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 12–54.

20. Населенные пункты Алтайского края: [Электронный ресурс]: база данных / сост. Д. В. Колдаков, В. Н. Владимиров, И. Г. Силина, М. Е. Чибисов / Электрон. дан. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2007620001.

РАЗДЕЛ 13. БИОГРАФИИ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНЫХ И ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

УДК 921

К. И. Котова

*Омский государственный университет им Ф. М. Достоевского
Омск, Россия*

А. И. СУЛОЦКИЙ: ПУТЬ В НАУКУ (ЭТАПЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ)

Аннотация. Предпринята попытка воссоздать атмосферу, в которой формировались взгляды А. Сулоцкого. Выявлены факторы, повлиявшие на его интерес к изучению церковной истории и истории Сибири. Сделаны выводы о характерных для него методах построения текстов научных трудов. В работе использованы материалы диссертаций, посвященные церковной историографии, биографического словаря, архивные данные.

Ключевые слова: *А. И. Сулоцкий, история Западной Сибири, Ярославская духовная семинария в XVIII в., Санкт-Петербургская духовная академия в XVIII в.*

Abstract. An attempt has been made to recreate the atmosphere in which A. Sulotsky's views were formed. The factors that influenced his interest in the study of church history and the history of Siberia are revealed. Conclusions are drawn about the methods of constructing texts of scientific works characteristic of him. The work uses materials from dissertations on church historiography, a biographical dictionary, and archival data.

Keywords: *A. I. Sulotsky, history of Western Siberia, Yaroslavl Theological Seminary in the XVIII century, St. Petersburg Theological Academy in the XVIII century*

Обращение к фигуре А. Сулоцкого обусловлено изучением проблем циркуляции научного знания, вниманием к его творцам среди которых были не только профессиональные историки, но и люди, не связанные с академической наукой. Многие из них по сословному происхождению были священниками или выходцами из духовенства, что типично для второй половины XIX века [1, с. 224]. А.И. Сулоцкий как раз и являлся такой фигурой. Он известен не только, как преподаватель Тобольской Духовной семинарии (1838–1848 гг.), а позже – Омского кадетского корпуса (1848–1884 гг.), священник в корпусной церкви, но также и как историк Западной Сибири [2, с. 258-259]. А.И. Сулоцкий – автор многочисленных публикаций в журналах, имевших духовную направленность и патриотический уклон: «Странник», «Москвитянин», «Душеполезное чтение» и др. Наиболее известны его статьи «Филофей Лещинский, митрополит Сибирский

и Тобольский» [3], «Жизнь Иоанна Максимовича, митрополита Тобольского» [4], «Тобольские архипастыри...» [5].

С любовью к месту, в котором Господь уготовил ему жить и умереть [6, с. 6], он собирал материал об этом месте – Западной Сибири, ее людях и нравах, скрупулезно изучал историю Тобольской семинарии, в которой работал. Собранный им материал используют в своих работах современные исследователи. Однако, на сегодняшний день, информация о нем имеется только в виде энциклопедических статей, нет обобщающего труда, раскрывающего интеллектуальную биографию А. И. Сулоцкого. Да и сам автор в своих мемуарах – Авторской исповеди – ничего не говорит о детстве, о своем пути к научному постижению мира. Мы не находим в «Исповеди» записей об учебе в семинарии или академии. Речь идет только о трудностях при написании «задачек» по словесности [6, с. 6].

Данная статья – попытка воссоздать условия и атмосферу, в которых рос и формировался А. И. Сулоцкий как личность, священник, педагог, как историк. В центре нашего исследования интеллектуальная биография А. И. Сулоцкого. Под интеллектуальной биографией в современной литературе понимается «экспликация форм интеллектуальной деятельности личности, принятых в интеллектуальной культуре ее времени» [7, с. 26] при этом подчеркивается ее многосоставной характер с учетом житейской канвы (контекст) и жизни текстов и идей после смерти автора. Используя подобный подход, мы намерены прояснить характерные черты работы А. И. Сулоцкого при подготовке авторских научных текстов с учетом внешнего житейского контекста. Для воссоздания атмосферы, в которой жил наш герой, были привлечены учебные пособия по истории Русской православной церкви, материалы краеведческого и научно-исследовательского характера, информация из архива Ярославской области, откуда был родом А. И. Сулоцкий.

Сайт «Ярославский край» [8] – онлайн-энциклопедия, содержащая в себе всю полноту истории Ярославского края с древнейших времен до XX века – располагает сведениями о родине А. Сулоцкого – селе Сулость. Здесь представлены материалы по истории и известным жителям села, имеется карта Ростовского уезда, в который входило с. Сулость. Сайт архива Ярославской области [9] содержит информацию о воинах-ярославцах, внесших вклад в победу в войне с Наполеоном. Отдельно выделим сайты религиозного характера, посвященные духовной стороне жизни с. Сулость [10], [11], [12]. На основе этих материалов можно сформировать представление о регионе и его жителях. В ряде исследований современных авторов раскрываются различные стороны жизни духовенства Ярославской епархии: правовое и финансовое положение духовенства, духовное образование, взаимоотношение духовенства и прихожан, быт. Авторефераты Н. В. Беловой [13], и Макаровой [14] и статья С. Ю. Иерусалимской [15], основанные на краеведческих материалах, помогают подробнее представить жизнь семинаристов. Описана история создания семинарии, учебные предметы, методы преподавания, дана характеристика

преподавателей. Приведенные труды имеют хронологические рамки, в которые попадает период детства и юности А. Сулоцкого.

При описании учебы А. И. Сулоцкого в Санкт-Петербургской духовной академии, использован «Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг.» библиотекаря Санкт-Петербургской духовной академии А. С. Родосского, написанный им к 100-летию академии [16].

А. Сулоцкий родился в 1812 г. в селе Сулость Ростовского уезда Ярославской губернии в семье бедного причетника⁹. Село это – одно из приозерных поселений [11] – расположено на старом Суздальском тракте. В 1786 г. здесь был построен храм Андрея Стратилата, который продолжает работать и в наше время [10], [12], являясь памятником архитектуры XVIII в. [11]. Храм с колокольным звоном и [11], редчайшие по красоте украшения домов – ажурные резные наличники, выполненные в старинной традиции [8] – «места памяти», формирующие культурную память. Эту культуру и традиции, будучи ребенком, не мог не впитать в себя А. Сулоцкий. Кроме того, данный населенный пункт именуют «крупным торговым селом» [8]. Эти утверждения дают возможность составить представление об уровне жизни населения села Сулость.

Как было сказано выше, наш герой родился в семье причетника, отсюда можно предположить, что службу в церкви он видел и слышал часто, а, возможно, фрагменты ее знал наизусть. Ему была уготована судьба служителя церкви, как и многим детям представителей духовенства того времени [17]. Говоря о быте духовенства XVIII–XIX вв., обратим внимание именно на сельское духовенство, так как нет сведений о том, чтобы семья А. Сулоцкого переезжала в другой населенный пункт или о том, чтобы его отец сделал «карьеру» в церковной среде. В сельской местности, как правило, для каждого клирика был отдельный дом. Дом должен был быть построен на средства прихожан, которые и содержали свой храм [13, с. 16]. Что касается досуга, посещение базаров и ярмарок духовенству было запрещено, большую часть времени составляли сельскохозяйственные работы. В целом, досуг приходских клириков Ярославской епархии, особенно в сельской местности, не отличался разнообразием [13, с. 17]. В подобной атмосфере, будучи окруженным народной традицией – от визуального восприятия (примером служат украшения домов) до духовного (молитва), вероятно, проходило детство А. Сулоцкого. Последующие события – учеба в семинарии и академии – дают возможность предполагать, что А. Сулоцкий не разочаровался в образе жизни духовенства или просто не противился уготованной судьбе. Возможно, он надеялся по окончании семинарии занять место учителя или его уже тогда интересовала наука. Точных свидетельств на сей счет не имеется.

В 1827 г. А. Сулоцкий поступает в Ярославскую Духовную семинарию (далее будем использовать допустимое сокращение ЯДС), в которой

⁹ Причетник – общее название всех клириков за исключением священника и диакона.

считался лучшим учеником. Основной целью всех семинарий, в том числе и Ярославской, была подготовка священно-и церковнослужителей. Так же, выпускник семинарии имел возможность занимать учительские должности [14, с. 19], а не прошедшие полный курс – работать в местной консистории [15, с. 24]. Семинарское обучение проводилось в двух направлениях: приобретение профессиональных навыков и знаний и формирование определенных морально-нравственных качеств. Перечень предметов, изучаемых семинаристами, описывает С. Иерусалимская [15, с. 23–24]. Особенности организации учебного процесса, досуга и меры наказания наиболее полно представлены Н. Беловой, И. Макаровой и С. Иерусалимской [13, с. 13–15], [14, с. 20], [15, с. 24]. Обилие общеобразовательных дисциплин, включающих в себя изучение языков и философию, а также наличие узких богословских предметов, свидетельствует о всестороннем, энциклопедическом характере семинарского образования.

Большую роль на становление личности ученика оказывает личность учителя. Характерные черты преподавателей ЯДС выявила И. Макарова. Она отметила их благонадежность, дисциплинированность, смирение и терпимость, милосердие и бескорыстие, любовь и сострадание [14, с. 21], поставила преподавателей ЯДС в один ряд с интеллигенцией [14, с. 21]. Значительная часть преподавателей имела высшее академическое духовное (в данном случае, богословское) образование, обладала научными степенями и званиями.

Итак, в интересующий нас период, ЯДС представлена в исследованиях как источник по подготовке высококвалифицированных педагогических и священно-церковнослужительских кадров, центром формирования церковной интеллигенции. В любом случае, обучение наукам выступало здесь в большей степени средством для достижения воспитательных задач, нежели являлось самоцелью. В основе умственного и физического развития личности лежало нравственное воспитание. Развитию семинарий способствовали опытные педагоги, умелое руководство ректорского корпуса и неплохая материальная база. В таких или близких к таким условиях учился наш герой шесть лет. По каким-то причинам он не оставил своих воспоминаний о времени учебы в ЯДС, кроме указания на то, что «не отличался сочинительством» [6, с. 6]. Однако мы знаем, что в период работы в Тобольской духовной семинарии, он преподавал древние языки [2, с. 258], база для владения которыми наверняка была заложена в годы обучения в ЯДС, по окончании которой, в 1833 г., он, как лучший ученик, был принят в Петербургскую духовную академию за казенный счет.

Открытие Санкт-Петербургской духовной академии (далее – СПбДА) состоялось 17 февраля 1809 г. Преподаваемые предметы включали богословские, философские, словесные, физико-математические, исторические науки, класс языков и управления в высказывании проповедей [18]. Академии должны были готовить специальных наставников для семинарий [16, с. I–II].

В годы учебы А. Сулоцкого в СпбДА 1833–1837 гг. ректором академии был архимандрит Виталий (Щепетев). Он был выпускником V курса СпбДА. А. Родосский дает ему следующую характеристику: «В умственном отношении он был много выше своих предшественников, любил заниматься не одним богословием, но и отчасти светскою литературою, а административную часть занимался и усердно, и толковито» [16, с. XV]. «Даровитый начальник и деловитый администратор [16, с. XLVIII]», он окончил свое ректорство в год окончания академии А. Сулоцким. Примечательно, что после него ректорами назначались выпускники Московской или Киевской духовных академий, привнесшие свой духовный уклад и «ведших научное и воспитательное дело в другом более регрессивном направлении» [16, с. XLVIII]. Помощниками ректора были инспекторы. Они были и преподавателями, «выдавались высокими дарованиями, образованием, светлым умом, ученостью» [16, с. XIX].

Далее А. Родосский сообщает о «наставниках», которые формировались из выпускников СпбДА, отмечает их благотворное влияние на воспитанников, чему способствовало в т. ч. и высокое положение наставников в светских учебных заведениях или ученых сообществах [16, с. XXII, XXIV]. Наконец, он дает общую характеристику выпускникам академии. Отмечает их дарования в области богословия, философии, филологии, пастырской и миссионерской деятельности [16, с. XXIV–XXV].

Курс, на котором учился А. Сулоцкий именуется «двенадцатым». Отмечая некоторых выпускников, А. Родосский именует нашего героя археологом, упоминая его вместе с другим однокурсником – археологом П. Савваитовым¹⁰. Курсовое сочинение А. Сулоцкий писал на тему: «Какие услуги оказало русское духовенство отечеству» [16, с. 485], выпустился из СпбДА со степенью старшего кандидата богословия, что означало право на получение степени магистра через 2 года. При этом оценивалось поведение кандидата и его вновь представленная научная работа «свидетельствующая об умножении его познаний» [16, с. с. XLVIII]. Степень магистра богословия А. Сулоцкий получил в 1855 году за сочинение «Филорей Лещинский митрополит Сибирский и Тобольский» [16, с. 485].

По окончании СпбДА в жизни нашего героя наступает Сибирский период, который будет длиться до конца его дней и может быть условно разделен на Тобольский (1838–1848 гг.) и Омский (1848–1884 гг.). Тобольский период в жизни А. Сулоцкого – время, когда он проявил себя как преподаватель Тобольской Духовной семинарии. Будучи учителем греческого языка и библейской истории, он решил обратиться и к истории того места, где жил и работал. Эта тема вызвала интерес у семинаристов, что также побуждало Александра Ивановича к работе. В годы учебы в акаде-

10 П. И. Савваитов посвятил свою жизнь изучению русской археологии, словесности, бытовой этнографии. Он занимался коллекционированием рукописей, среди которых многочисленные Вологодские акты XVI–XVIII вв., которые были сначала переданы в Археографическую комиссию, а затем приобретены Императорской публичной библиотекой. Савваитов Павел Иванович (1815–1895) // Русские писатели-богословы. 2001. С. 382–384.

мии он уже имел навык написания статей и вскоре занялся сбором материала. В этом вопросе ему помогали коллеги и знакомые, о чем он пишет в своей «Авторской исповеди» [6, с. 11]. Благодаря их помощи, свои труды наш герой смог дописать уже будучи в Омске.

Омский период – самый длительный и самый плодотворный в его жизни. В Омске А. Сулоцкий был преподавателем кадетского корпуса и настоятелем корпусной церкви, активно публиковался и занимался общественной деятельностью – был одним из членов Западносибирского отдела Русского географического общества. Наиболее известные его статьи «Семинарский театр в старину в Тобольске» [19], «Обращение в христианство язычников Енисейской епархии» [20], «Тобольские архипастыри Антоний (Знаменский), Евгений (Казанцев) и Георгий (Яшуржинский): Однородные случаи из их жизни» [5] и биографии «Филофей Лещинский, митрополит Сибирский и Тобольский» [3], «Жизнь Иоанна Максимовича, митрополита Тобольского» [4] отражают его методы работы с текстом. Желая быть точным, он излагает все в мельчайших подробностях. Много информации помещено в сносках. Таким образом, работы церковно-исторического характера содержали информацию по географии, ландшафту, этнографии местного края.

На основании имеющихся данных – архивных, энциклопедических, научных статей – можно сделать выводы о таких качествах личности А. Сулоцкого, как горячий интерес к науке, любовь к древним языкам, заложенных в него, если не в детстве, то в период обучения в духовных заведениях – ЯДА и СпбДА. Не только изучение богословских и общеобразовательных дисциплин, но и общение с наставниками и друзьями-единомышленниками, сформировало А. Сулоцкого как человека науки. Наукой он занимался всю жизнь. Первые его попытки написания научных текстов появились в годы обучения, а последние – незадолго до кончины. Сами обстоятельства жизни побуждали в нем интерес заниматься историей «родного» края. Безусловно, встает вопрос о методологической стороне его научных работ. Позитивистский ракурс описания задавался образцами описания ведущими историками России и практиками публикаций документов различными научными обществами и анкетами Академии наук. Стилль А. Сулоцкого, как и многих церковных деятелей, в тоже время отличался от академического стиля, что объясняется не столько индивидуальностью автора, сколько провиденциалистским пониманием мироустройства. Исследовательский нарратив строился по другим принципам, особенно это проявилось в миссионерской деятельности. Не умаляя пользы его трудов для науки, А. Сулоцкого именуют «собирателем», «краеведом-любителем». Эта сторона его научно-исследовательской, популяризаторской деятельности требует отдельного изучения.

Список источников

1. Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003. 528 с.

2. Вибе П. П., Михеева А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 258–259.

3. Филофей Лещинский, митрополит Сибирский и Тобольский // Временник Имп. о-ва истории и древностей российских при Моск. Ун-те. М. 1854. Кн. 20.

4. Жизнь Иоанна Максимовича, митрополита Тобольского // Странник. 1864. № 1

5. Тобольские архипастыри Антоний (Знаменский), Евгений (Казанцев) и Георгий (Яшуржинский): Однородные случаи из их жизни. СПб.: Тип. Елеонского, Ценз. 1880. 20 с.

6. Сулоцкий А. И. Сочинения в трех томах: Т. 1. О церковных древностях Сибири / под ред. В. А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. 480 с.

7. Холматов Т. К. «Интеллектуальная биография С. Б. Веселовского (1876–1952)», дисс... канд ист. наук. М., 2023. 347 с.

8. Ярославский край. [Электронный ресурс]. URL: Ярославский край с древнейших времен до начала XX века (yargoslavskiy-kray.com).

9. Государственный архив Ярославской области. [Электронный ресурс]. URL: Государственный архив Ярославской области (ГКУ ЯО ГАЯО) (yararchive.ru).

10. Соборы.ру. Народный каталог православной архитектуры. [Электронный ресурс]. URL: Сулость, Церковь Андрея Стратилата (sobory.ru).

11. Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь. Русская Православная Церковь. Ярославская епархия. [Электронный ресурс]. URL: Село Сулость, Спасо-Яковлевский Димитриев мужской монастырь (rostov-monastir.ru).

12. Сайт Русские Церкви. [Электронный ресурс]. URL: Андреевская церковь. / Ростовский район, Сулость село / Русские Церкви (russian-church.ru).

13. Белова Н. В. Провинциальное духовенство в конце XVIII – начале XX в.: быт и нравы сословия (на материалах Ярославской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 22 с.

14. Макарова И. В. Деятельность преподавателей Духовных семинарий Владимирской, Костромской и Ярославской губерний. 60-е годы XVIII – первая четверть XIX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005. 25 с.

15. Иерусалимская С. Ю. Духовные семинарии Верхнего Поволжья в первой половине XIX столетия. // Ученые записки Петрозаводского Государственного Университета. 2016. № 3(156). С. 22–29.

16. Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг.: (К 100-летию С.-Петерб. духов. акад.) / сост. Алексей Родосский. Санкт-Петербург: тип. И. В. Леонтьева, 1907. С. I–II.

17. Русак В. История Российской Церкви. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/istorija-rossijskoj-tserkvi/3.

18. Чистович И. История Санкт-Петербургской духовной академии. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Chistovich/istorija-sankt-peterburgskoj-duhovnoj-akademii/.

19. Семинарский театр в старину в Тобольске. М.: Унив. Тип., [1869]. Из: Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1869. Кн. 2. 6 с.

20. [Сулоцкий А., прот.] Обращение в христианство язычников Енисейской епархии. Тип. духов. журн. «Странник», ценз. 1876. 6 с.

Н. Я. Артамонова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Абакан, Россия

СВЯЩЕННИК-МИССИОНЕР НИКОЛАЙ ПУТИЛОВ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Аннотация. Статья посвящена личности священника-миссионера Николая Путилова. Определяется значение его миссионерской деятельности в Усинском крае. Рассматривается его роль в открытии Усть-Абаканского церковно-приходского попечительства в Минусинском уезде Енисейской губернии. Отмечаются научно-краеведческие аспекты в его миссионерском деле.

Ключевые слова: Николай Путилов, Усинский край, миссионерская деятельность, Минусинский уезд, Усть-Абаканское церковно-приходское попечительство, приход

Abstract. The article is devoted to the personality of the missionary priest Nikolai Putilov. The significance of his missionary activity in the Usinsk region is determined. His role in the opening of the Ust-Abakan parish trusteeship in Minusinsk district of Yenisei province is considered. The scientific and local history aspects of N. Putilov in missionary work are noted.

Keywords: Nikolay Putilov, Usinsk region, missionary activity, Minusinsk district, Ust-Abakan parish trusteeship, parish

В современный период все больший научный интерес вызывает изучение личностей священников-миссионеров, которые проявили себя не только на ниве миссионерства, но и прославили свои имена исследованиями истории, культуры, археологии, этнографии, осуществлявшимися по ходу миссионерских обязанностей. В Енисейской губернии известны такие имена, как Николай Орфеев, Михаил Суслов, Николай Катанов, Николай Путилов и другие священники-миссионеры. Данная статья посвящена личности Николая Путилова. Краткие биографические сведения о нем можно найти в работах А. Н. Гладышевского [1], В. Н. Асочаковой [2], В. В. Хориной [3] и др. Значимая информация содержится в солидных статьях профессора В. Г. Дацышена [4], священника Алексия Паркачева [5]. Оба автора посвящают свои публикации деятельности миссионера Н. Путилова в Усинском крае.

Данная статья подготовлена на основе материалов «Летописи Усинской миссии, находящейся на р. Усу, Енисейской губ., Минусинского округа, Шушенской волости, близ Китайской границы» (далее – Летописи). По словам А. И. Линькова, редактора первого сибирского исторического журнала «Сибирский архив», Н. Путилов свою рукопись Летописи передал лично Н. М. Мартьянову в Минусинский музей. А. И. Линьков от-

мечает в Примечаниях, что в виду «обширности» рукописи он хотел ее сократить, но «Усинский край – это такая малоизвестная страна, но в то же время интересная», что он решить ее напечатать целиком [6].

Анализ данной Летописи раскрывает личность Путилова, тем более что в ней содержатся некоторые моменты его биографии, им самим представленные. Николай Адрианович Путилов приехал в Минусинский округ еще в 1854 г., поэтому считал себя «здешним старожилом» [6, с. 27]. На самом же деле он являлся московским мещанином, 56 лет, приписанном в Минусинский округ, русским, православного вероисповедания. Он учился в частной горнозаводской школе, затем готовился к поступлению в Московский университет, куда и поступил в 1840 или 1841 г. (точно не помнил – Н. А.). Один год слушал лекции по 2-му отделению философского факультета (физико-математическому). Но студентом так и не стал, поскольку не мог получить увольнительного приговора от общества. Во-первых, стоял в рекрутской очереди, во-вторых, из-за крайней бедности. Был женат первым браком на минусинской купеческой дочери, русской, православного вероисповедания. Детей они с женой не имели, а вместо дочери воспитывали сироту, которой в 1878 г. исполнилось 16 лет [7, с. 326]. Как пишет сам Н. Путилов, в Минусинском округе у него был дом, лавки, винокуренный завод, но когда он «задумал посвятить себя делу Усинской миссии, то все это продал, чтобы быть свободным» [7, с. 327].

Сначала он состоял в Калужской губернии Мосальского уезда частным землемером, потом уехал в Сибирь, где находился на службе у разных лиц по различным отраслям торговли и промышленности и, наконец, с 1874 г. занимаясь своими делами, он познакомился с Усинским краем. «Под судом никогда не состоял и не состою», – подытожил он сведения о себе [7, с. 327].

Основное внимание в данной статье уделяется деятельности Н. Путилова по организации церкви и школы в Усинском крае, т. е. периоду со второй половины 1870 – первой половине 1880-х гг.

В середине XIX в. на р. Ус (правом притоке Енисея) поселение русских основали два села: Верхне-Усинское и Нижне-Усинское. Во второй половине XIX в. там не было постоянного населения, проживавших насчитывалось около 1 000 чел. В основном это были старообрядцы. Особенностью этого края было то, что эта местность не представляла в тот период интереса для церковного духовенства. Священник здесь появлялся очень редко и миссионерскую деятельность среди раскольников никто не осуществлял.

Николай Путилов, проживавший в с. Каптыревском Минусинского округа, побывав однажды в Усинском крае, был поражен угнетением здесь сойотов и православных со стороны раскольников. После долгих раздумий он подал докладную записку епископу Енисейскому и Красноярскому Антонию с предложением учреждения Усинской миссии. Одновременно в июне 1875 г. он написал письмо митрополиту Московскому как председателю миссионерского общества. В «Записке о необходимости учрежде-

ния православного миссионерского прихода в Минусинском округе Енисейской губернии» особое внимание он обратил на описание р. Енисей и его притоков, на разнообразие растительности, на «царство» природных ископаемых, о наличии которых «весьма мало известно» [8, с. 46]. Он также описал пути сообщения, отметив наиболее удобные и доступные в разные времена года.

Особого внимания заслуживает характеристика Н. Путиловым населения края, которое состоит из русских (православных и раскольников), сойотов, урянхаев и моноголов. Религиозное состояние населения, по сведениям Н. Путилова, было различным [8, с. 49–50].

По мнению Н. Путилова, в Усинских деревнях следует устроить церковь, а при ней школу «с тем, чтобы священник построенной церкви нес и миссионерские обязанности». «Если этого не сделать, – сетует он, – то от этого получится немалый вред как для церкви, так и для всего государства» [8, с. 52]. Он приводит возможные последствия этого: 1) «православное население в том крае совершенно уничтожится; 2) торговые отношения уменьшатся; 3) мы потеряем всякое влияние на соседние народы и даже повредим себе в международных отношениях; 4) колонизация в ту страну остановится или же колонисты принуждены будут перейти в раскол и даже идолопоклонство, если только они не останутся без всякой религии; 5) раскольники, сделавшись полными господами в крае, будут совершать всякие безобразия; 6) раскол неудержимо будет распространяться и между жителями Минусинского округа» [8, с. 52].

13 августа 1875 г. он направил прошение Его преосвященству, председателю Енисейского епархиального миссионерского комитета Антонию, епископу Енисейскому и Красноярскому, в котором просил дать возможность на месте ознакомиться с нуждами предполагаемой миссии, а его назначить псаломщиком без содержания к Бейской церкви [8, с. 53]. Журнал Енисейского епархиального комитета православного миссионерского общества поддержал прошение Н. Путилова и вынес решение отправить его миссионером в Усинские селения [8, с. 54].

Предложение Путилова поддержал, одобрил и благословил Его высокопреосвященство митрополит Московский Иннокентий [8, с. 54].

Поначалу предполагалось устроить в Усинском крае молитвенный дом и школу. На заседании Енисейского епархиального комитета православного миссионерского общества от 14 августа 1875 г. за № 74 было принято решение отправить Н. Путилова в качестве миссионера «для ознакомления с духовными потребностями жителей Усинского края, причислить его к Бейской церкви в качестве псаломщика без жалования. На прогоны и путевые издержки предполагалось выдать ему 60 руб. из суммы комитета. 22 февраля 1876 г. он отправился в Усинский край вместе семейством и 1 марта прибыл в с. Верхне-Усинское [8, с. 56].

Летопись затрагивает период с 1875 по 1884 гг. Н. Путилов должен был «доносить о всех своих действиях пополугодно Благодичному и Председателю комитета» [8, с. 55]. В отчетах он подробно описывал положение

со строительством молельного дома и школы, а затем и церкви, писал о взаимоотношениях с сойотами, характеризовал их быт, нравы, обычаи. За время проживания в крае пытался изучить их язык [8, с. 55]. Особое внимание он придавал строительству школы, поскольку считал, что «только просвещение может уничтожить те грубые верования, которые распространены между раскольниками» [8, с. 50].

Пока здание школы не начали строить, учение детей проходило в жилище Н. Путилова. Его первыми учениками были дети трех староверов, двух инородцев и пяти православных детей из крестьян. Всего 10 человек [9, с. 341–342]. В 1876 г. комитет грамотности выслал для Усинской школы 350 книг разного содержания и 22 журнала «Семья и школа» [9, с. 341]. Этот журнал, по словам самого Н. Путилова, был очень полезен, поскольку познакомил его «со многими вопросами, занимающими современных педагогов» [7, с. 341].

Н. Путилов сетует, что дело с постройкой школы тянется уже три года, но «подвигается весьма туго». Деньги на строительство школы собраны, материалы подготовлены, но до сих пор не подыскали место под постройку: «Кругом громадное пространство земли, а школу построить негде» [7, с. 341]. В декабре 1878 г. он проэкзаменовал учеников в присутствии их родителей, которые остались довольны успехами своих детей [7, с. 342].

В марте 1879 г. предписанием епархиального комитета ему разрешили самому озаботиться «о скорейшем избрании места для церкви и школы, так и о постройке дома для школы», а также составить план деревянного храма [7, с. 345]. Хотя место под церковь и школу им было выбрано в 1977 г. в соответствии с предписанием Енисейского епархиального миссионерского комитета от 29 ноября 1877 г. за № 160 и представлено благочинному в донесении [7, с. 324]. Он подробно объяснил в своем донесении Благочинному причины подобного выбора места: площадь в д. Верхне-Усинской, поскольку в этом селе «проживают православные и раскольники поповщинской секты, которые не столь упорны как странники д. Нижне-Усинской. Кроме того, эта деревня является местом, где постоянно останавливаются все православные проезжавшие для торговли и промыслов [7, с. 325].

В сентябре 1878 г. православные жители Усинского края избрали его «попечителем Усинского училища и составили об этом приговор, которым его уполномочили «хлопотать об отводе земли к этому училищу» [7, с. 350] и только 5 февраля 1880 г. миссионерский комитет утвердил его в звании попечителя училища. Миссионерский комитет разрешил Н. Путилову принимать членов в миссионерское общество и через них собирать пожертвования в пользу Усинской миссии.

Совет миссионерского общества никакого вспомоществования не оказывал, поэтому средства на постройки церкви и школы ему пришлось изыскивать самому. Он обратился к поч. гр. И. Гусеву и купцу 2-й гильдии И. А. Денисову, которые «изъявили желание построить церковь

на свой счет», то есть обещали прислать своих рабочих для постройки церкви [7, с. 352].

Н. А. Путилова тревожило состояние дела по строительству здания школы. Долгое время не был решен вопрос с постройкой церкви. Причины были разные. Одна из них состояла в том, что из Москвы не высылали план предполагаемой церкви, а без него невозможно было «безошибочно заготовить лес для устройства храма и предъявить его жертвователям» [7, с. 352].

Забота по заготовке леса, мха, камня для постройки церкви лежала целиком на Н. Путилове. Доставка леса была сопряжена с огромными трудностями, поскольку заготовленный лес предстояло сплавлять, частично перевозить гужевым транспортом. 1979 г. был настолько тяжел, что ему не удалось заниматься обучением детей. Его переживания раскрывают письма к Благодичному Минусинского округа протоиерею о. Бенедиктову: «Когда я буду заниматься одним делом по учению или проповеданию,— писал он в Летописи,— будет гораздо лучше, ибо я только и буду знать, что свое дело, и раскольники на меня не будут смотреть враждебно, как теперь» [9, с. 503]. И далее: «Научите же меня, Ваше Высокоблагословение, что мне делать! И как поступить мне, чтобы не получить нареkania в том, что я худо исполняю свои миссионерские обязанности» [9, с. 503]. Он пишет, что одному сделать все невозможно, что он «не знает, зачем останавливается дело по устройству миссии и что по этому случаю делается в Москве, а между тем невозможно <...> одному сделать все» [9, с. 503].

Он задает вопросы в письме от 12 июня 1879 г. секретарю Енисейской духовной консистории Иноземцеву: 1) когда может быть произведена окладка церкви? 2) когда будет назначен штат к ней и зачем это дело останавливается? 3) можно ли ожидать вспомоществования из миссионерского комитета? 4) можно ли надеяться на помощь для постройки училища? [9, с. 503]. Из ответного письма секретаря консистории Иноземцева стало понятно, что «из Москвы ожидать нечего». Дело в том, считает Путилов, что на устройство Усинской миссии его благословил ныне покойный митрополит Московский Иннокентий, который неплохо знал Сибирь. Но, пишет в своем письме отцу Благодичному в Минусинск Н. Путилов, по смерти митрополита это дело затянулось. «Между тем, — продолжает Путилов, — мне хотелось, чтобы дело, за которое я взялся, совершилось при моей жизни, а я в таком возрасте, что должен с этим торопиться» [9, с. 505].

Дата постройки церкви планировалась на 15 марта 1881 г. Н. Путилова беспокоило то, что к церкви нужен причт, состоявший из священника и псаломщика. Священник в то же время был бы миссионером и старшим учителем [9, с. 506].

Для решения насущных вопросов Н. Путилов неоднократно ездил в Красноярск. Так, 1 февраля 1879 г. прибыв в губернский город, он представился владыке Антонию, который предложил ему быть священником на Усу. 12 февраля 1879 г. Н. Путилов подал просьбу о принятии его в духовное звание. [10, с. 546].

Несколько позже он пишет, что хотя и дал согласие владыке Антонию принять священнический сан, но, пишет он, «я откровенно должен доложить Вашему преосвященству, что я в молодых летах не получил правильного богословского образования, а теперь, хотя и стараюсь пополнить этот недостаток чтением книг, относящимся к сему предмету, а также книг богослужебных, но т. к. я беспрестанно занят другими обязанностями по устройству миссии, а одному везде успевать весьма трудно, я к тому же имея такой возраст, когда память невольно развлекается и притупляется, то едва ли я в состоянии буду сдать правильный экзамен при определении меня в священный сан, если таковой понадобится» [11, с. 50].

Он называет следующие обстоятельства, способствовавшие дать согласие на принятие им сана священника: 1) чтобы окончательно закрепить начатое мною дело, нужно еще несколько лет, а для этого необходимо, чтобы я его направлял, а если будет здесь другой настоятель, то он меня не поймет и будет идти вразрез с моими намерениями, тем более, что хороший священник сюда не пойдет, ибо здесь интересов никаких не представляется, а никакого-нибудь священника из дьячков – и не дай Бог, ибо эти люди совершенные невежи и до крайности алчные к корысти». И далее: «Такой священник не пользу краю может принести, а чистый вред», – заключает он [10, с. 546].

15 марта 1879 г. была произведена тожественная закладка храма во имя св. Николая Чудотворца [10, с. 546].

В отчете Благочинному о миссионерской деятельности за 1881 г. он отметил, что постройка церкви и школы близилась к окончанию и надеялся, что зимой следующего года церковь будет освещена, а школа должна быть готова к 15 марта 1881 г. Он вновь обращается с просьбой к Благочинному, назначить сюда причт, «поскольку без назначения сюда причта и церковь, и школа не могут принести никакой пользы» [12, с. 288].

Миссионерскую деятельность Н. Путилова омрачал тот факт, что он длительное время не мог получить из Москвы увольнительного свидетельства. В связи с этим он писал в своем отчете Благочинному за 1881 г., что если встретятся препятствия для вступления в духовное звание, то он и не хочет поступать в духовное звание, а останется учителем и миссионером [12, с. 291]. «Мне вовсе не хочется быть священником, если бы этого не требовало дело: я боюсь, попадет сюда такой поп, который может все испортить» [12, с. 291]. Наконец, 10 мая 1881 г. он приписался в крестьяне в Частоостровскую волость, затем на основании увольнительного приговора Частоостровского общества 20 мая 1882 г. он обратился с просьбой к преосвященному Исаакию, бывшим в тот период епископом Енисейским и Красноярским, причислить его в духовное звание и исключить из крестьян. 28 мая он был посвящен в дьяконы, а в воскресенье 30 мая – в священники [12, с. 292].

27 мая 1882 г. с Н. Путилова в консистории взяли следующие показания: «Я, нижеподписавшийся, состоящий в звании миссионера Усинского края и исправляющий должность псаломщика Бейской Покровской

церкви, Николай Путилов, согласно моему прошению о рукоположении меня в дьяконы Верхне-Усинской Никольской церкви <...>, был спрошен и показал:

– я из крестьян Частоостровской волости Красноярского округа, женат на девице купеческого звания;

– в незабвенной памяти иметь всегда катехизис, чтению священного писания прилежать по силе своей и оному других поучать я стараться буду, а также положенное в церкви чтение произносить буду не только благоговейно и неспешно, но с правильным произношением славянских слов.

– по рукоположению меня в село Верхне-Усинское, к другой церкви без благословения архиерейского ходить не буду;

– одяние буду носить приличное своему званию» [12, с. 294].

1 июня 1882 г. он получил указ из Енисейской консистории за № 2 275, который гласил, что он причислен к Иоанно-Предтеченской церкви Енисейского архиерейского дома и должен отправляться на Ус [12, с. 294].

В том же 1882 г. в газете «Восточное обозрение» появилась статья А. В. Адрианова «Раскольничьи общины в Сибири», в которой автор пишет о «неком Путилове», «деятеле времен откупов» и т. д., обличавшая деятельность Н. А. Путилова [13, с. 10]. В опровержении, опубликованном в октябрьском номере «Сибирского архива» он с горечью писал: «В первые годы моего пребывания на Усу мне грозила опасность лишиться жизни, но я этого не боялся, ибо хотевшие погубить мое тело не могли погубить моей души. Клевета – другое дело: она может на склоне моих лет убить мое доброе имя, и я не в состоянии буду защитить себя... » [14, с. 454].

Тем временем церковь была готова к освящению, что произошло 5 февраля 1884 г. [14, с. 472]. Тогда же к церкви был назначен причт из одного священника и одного причетника.

При открытии церкви Обер-прокурор К. П. Победоносцев пожертвовал в Верхне-Усинскую миссионерскую церковь икону Владимирской Божией Матери в сребропозлащенной ризе, напрестольное Евангелие [15, с. 236–237].

В июне 1884 г. Н. Путилов, числившийся в штате Енисейского архиерейского дома, по его просьбе был переведен в с Усть-Абаканское Минусинского уезда [16, с. 105]. В 1890 г. по инициативе Н. Путилова в с. Усть-Абаканском было открыто Усть-Абаканское церковно-приходское попечительство, началось строительство церковно-приходской школы для детей инородцев [17, с. 10]. Но в 1882 г. священник Усть-Абаканской церкви Николай Путилов, по прошению, был перемещен на священническое место к Кавказской церкви Минусинского округа. Священник Больше-Улуйской Николаевской церкви Ачинского округа Стефан Масленников, по прошению, был перемещен к Усть-Абаканской церкви [17, с. 10].

Н. А. Путилова является первым миссионером, открывшим в Усинском крае миссионерский приход и причт. Ему принадлежит первенство

в открытии православной церкви и при ней училища. Его многолетняя миссионерская деятельность на р. Ус была трудна, многогранна и противоречива. Об этом свидетельствуют материалы Летописи, написанные им самим. В то же время личность самого миссионера вызывает неоднозначный интерес, подогретый в том числе публикацией А. В. Адрианова. Его миссионерский труд, в целом жизнедеятельность требует дальнейшего исследования и тщательного анализа.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 23-28-10111, <https://rscf.ru/project/23-28-10111/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

Список источников

1. Гладышевский А. Н. К истории христианства в Хакасии / А. Н. Гладышевский. Абакан: Типография ООО «Фирма «Март», 2004. 136 с.
2. Асочакова В. Н. Проблемы христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края в XIX в. в источниках личного происхождения / В. Н. Асочакова // История глазами очевидцев. Материалы I Межрегиональных архивных чтений. Абакан: Бригантина, 2016. С. 4–10.
3. Хорина В. В. О роли православного духовенства в изучении Енисейской губернии (последняя четверть XIX – начало XX в. / В. В. Хорина // Вестник ТГПУ. 2012. № 3 (118). С. 30–35. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-16838>.
4. Дацышен В. Г. На краю Земли Русской. Православие в Усинском крае / В. Г. Дацышен. XII Красноярские краевые образовательные рождественские чтения. Красноярск, 12–16 января 2012 года. Красноярск, 2012. С. 189–198. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25936756&pff=1>.
5. Священник Алексей Паркачев. Усинская миссия священника Николая Путилова / А. Паркачев / Миссионерское обозрение. 2018. №4 (216). С. 46–50.
6. Летописи Усинской миссии, находящейся на р. Усу, Енисейской губ., Минусинского округа, Шушенской волости, близ Китайской границы. Примечание // Сибирский архив. 1914. № 1.
7. Летописи Усинской миссии, находящейся на р. Усу, Енисейской губ., Минусинского округа, Шушенской волости, близ Китайской границы // Сибирский архив. 1914. № 7–8.
8. Летописи Усинской миссии, находящейся на р. Усу, Енисейской губ., Минусинского округа, Шушенской волости, близ Китайской границы // Сибирский архив. 1914. № 2.
9. Летописи Усинской миссии, находящейся на р. Усу, Енисейской губ., Минусинского округа, Шушенской волости, близ Китайской границы // Сибирский архив. 1914. № 11.

10. Летописи Усинской миссии, находящейся на р. Усу, Енисейской губ., Минусинского округа, Шушенской волости, близ Китайской границы // Сибирский архив. 1914. № 12.

11. Летописи Усинской миссии, находящейся на р. Усу, Енисейской губ., Минусинского округа, Шушенской волости, близ Китайской границы // Сибирский архив. 1915. № 1.

12. Летописи Усинской миссии, находящейся на р. Усу, Енисейской губ., Минусинского округа, Шушенской волости, близ Китайской границы // Сибирский архив. 1915. № 6.

13. Адрианов А. В. Раскольничьи общины в Сибири. Окончание // Восточное обозрение. № 38.

14. Летописи Усинской миссии, находящейся на р. Усу, Енисейской губ., Минусинского округа, Шушенской волости, близ Китайской границы // Сибирский архив. 1915. № 10.

15. Известия. Пожертвования в пользу церквей // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 17. С. 236–237.

16. Распоряжения епархиального начальства // ЕЕВ. 1884. № 7. С. 105.

17. Артамонова Н. Я. Деятельность Усть-Абаканского церковно-приходского попечительства в области школьного образования в конце XIX – начале XX в. / Н. Я. Артамонова, В. Н. Асочакова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 11, № 1 (41). С. 9–16.

Л. С. Селиванов
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ВКЛАД А. И. КЫТМАНОВА В СТАНОВЛЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ КАК ПРОСТРАНСТВА ИЗУЧЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Аннотация. Работа посвящена изучению деятельности Александра Игнатьевича Кытманова – основателя и распорядителя «Енисейского общественного музея» – по организации работы музея как культурного учреждения уездного г. Енисейска на рубеже XIX–XX вв. Именно в 80–90-е гг. XIX в. развернулось такое явление, как «культурничество», в ходе которого музей становится доступным не только для привилегированных категорий населения, но и для «простого» народа. Во многом этому способствовала общественная и частная инициатива представителей городской общественности. Изучение регионального компонента развития музейного дела позволяет внести вклад в изучение истории г. Енисейска в конце XIX – начале XX вв. Исследование опирается на не опубликованные ранее архивные документы.

Ключевые слова: Енисейск, общественный музей, Александр Игнатьевич Кытманов, краеведенье, благотворительная деятельность

Abstract. This paper is devoted to the study of the activity of Alexander Ignatyevich Kytmanov, the founder and manager of the “Yeniseisk Public Museum”. Organization of work of the museum as a cultural institution of the district town of Yeniseisk at the turn of XIX-XX centuries. It was in the 80–90s of the XIX century that such a phenomenon as “culturalism” unfolded, museums became available not only for privileged categories of the population, but also for “ordinary” people. This was largely due to the public and private initiative of representatives of the city community. The study of the regional component of the development of the museum business allows us to contribute to the study of the history of Yeniseisk in the late XIX – early XX centuries. The publication allows to introduce into scientific turnover new archival data not published earlier.

Keywords: Yeniseisk, public museum, Alexander Ignatyevich Kytmanov, local lore, charitable activities

Введение. Перед современным обществом стоит проблема сохранения культурной самобытности, лучших традиций российской культуры. Во многом существующая сегодня система культурных учреждений, таких как театр, кино, библиотечная и музейная сеть, начала складываться в конце XIX в. Изучение опыта деятельности городской общественности в формировании и развитии культурной сферы в дореволюционный период способствует складыванию более целостного представления о характере либерально-демократических преобразований, которые происходили в России в конце XIX – начале XX вв. Особо актуальным является изучение этого

опыта на примере региональной истории, в частности, г. Енисейска. Целью исследования является выявление особенностей становления и развития музейного дела в уездном г. Енисейске в последней четверти XIX – начале XX вв. и вклада в этот процесс А. И. Кытманова.

Историография темы в исследуемый период представлена работами М. Ф. Кривошапкина «Енисейский округ и его жизнь», А. А. Уманского «Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге». Эти труды в большей степени основываются на фактическом материале по истории образования г. Енисейска. Авторы не ставили перед собой задачи охарактеризовать и провести исследование, связанное с изучением музейного дела, а также развитие культуры в целом.

Отличительно чертой исследователей советского периода является то, что акцент был смещен в сторону изучения архитектурной застройки городов Сибири и экономического развитию. Например, в брошюре В. А. Смирнова «Исторический очерк Приенисейского края» дана характеристика региона через разные стороны его хозяйственной и культурной жизни. В труде И. Б. Маркова «Досуг сибирских чиновников в первой половине XIX в.» представлена характеристика быта и культурного времяпрепровождения служащих, городских чиновников, купцов. Однако специального исследования, посвященного появлению культурных учреждений в Енисейске в последней четверти XIX – начале XX вв. не было. В историографии постсоветского периода изучение истории культурного развития сибирских городов получило новый импульс. В статье А. В. Аксеновой «Социокультурное развитие Енисейска и купеческое сословие в конце XIX – начале XX вв.» обращается внимание на формирование культурного облика города через появление библиотек, образовательных учреждений, музея. Большой вклад в изучение енисейского купечества внесла Е. В. Комлева, которая обращает внимание на изучение биографий купцов, проживающих в г. Енисейске в XIX в., но изучение их вклада в развитие культуры города не является предметом ее исследования. В 2023 г. вышла книга Н. В. Паздеевой «Александр Игнатьевич Кытманов. Человек, полезный обществу» – биографическое исследование, где упоминается о появлении музея и его работе. В целом, обобщающих исследовательских работ, посвященных изучению становления и развития музейного дела в Енисейске в последней четверти XIX – начала XX вв., нет.

Источниковой базой исследования стали архивные материалы, представленные фондами МКУ «Архив города Енисейска» (далее – АГЕ). Архивный фонд Ф. 6. «Енисейский естественно-исторический и культурно-бытовой музей» содержит архивные документы за период 1880–1916 гг. Это собрание вырезок из сибирских газет «Биржевые ведомости», «Сибирский вестник», «Енисей», «Сибирь», «Вестник», Сибирское обозрение». Главным образом, эти материалы представляют информацию о городе Енисейске, статьи на самые разнообразные темы: например, об открытии музея и его коллекций, организации народных чтений, театральной дея-

тельности, культурно-просветительских мероприятиях, о развитии образования, о деятельности потомственных почетных граждан города.

Как писал К. Д. Ушинский, «одна из первейших обязанностей всякого гражданина и отца семейства, приготовить из своих детей полезных для общества граждан...» [15, с. 39], чтобы выполнить эту ответственную обязанность и гражданский долг перед обществом, родители должны проникнуться стремлением сочетать свое частное благополучие с общественной пользой. В XIX в. стремление родителей в дворянских и купеческих семьях воспитать в своих детях чувство патриотизма и гражданственности отражало национальную идею государства о пользе его граждан обществу.

В уездном г. Енисейске купечество обосновалось в эпоху «сибирской золотой лихорадки», и золотопромышленники мечтали дать детям образование с целью увидеть в них продолжателей «дел своих», а потому с усердием создавали условия для формирования культурно-просветительской среды сибирского города. Не стала исключением и семья купцов Кытмановых.

Игнатий Петрович Кытманов, купец 1-й гильдии, успешный золотопромышленник, занимался торговлей, владел пароходами и пароходной компанией, получил звание потомственного почетного гражданина, коммерции советника, избирался городским главой. Енисейцы его знали как щедрого благотворителя, разностороннего и дальновидного попечителя. М. П. Миндаровский писал о И. П. Кытманове: «Одной рукой он приумножал свое состояние, другой делал добро людям и обществу... с десятков бы таких Кытмановых, и Енисейск был бы неузнаваем» [7, с.184]. Игнатий Петрович был женат, имел шесть детей, воспитал в них любовь к общественному делу, дал им хорошее образование. Сам отец семейства учился грамоте у ссыльных декабристов, с которыми был знаком в юности, М. А. Фонвизиним и Н. А. Якубовичем, это общение оказало большое влияние на развитие Игнатия Петровича [7, с. 184]. Для того времени в купеческих семьях было не типичным отпускать от себя детей, родители предпочитали с раннего возраста приобщать их к семейному делу. Поэтому Игнатий Петрович настаивал на получении детьми образования и поддерживал их стремление в освоении наук. Это родительское стремление привело к успешному результату – старший сын И. П. Кытманова превзошел своего отца, благодаря воспитанию и образованию став полезным обществу, городу, стране.

Сегодня краевой краеведческий музей г. Енисейска носит имя Александра Игнатьевича Кытманова – краеведа, ученого, предпринимателя, крупного общественного деятеля, созидателя и благотворителя. Сочетание личных качеств и деловой подход позволило Александру Игнатьевичу оставить значимый след в истории г. Енисейска и стать основателем общественного музея, «вдохнуть в него душу».

В 2023 г. отмечался 165-летний юбилей со дня рождения заведующего первым музеем уездного г. Енисейска – и сегодня горожане отдадут дань памяти человеку, благодаря заслугам которого Енисейск не только был центром культуры, но и способствовал развитию науки.

Александр Игнатьевич родился в 1858 г., до 11 лет получал домашнее образование, затем обучался в Красноярской гимназии (Енисейская мужская прогимназия была открыта только в 1876 г.) В 1881 г. А. И. Кытманов окончил Императорский Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата естественных наук, предметом изучения стала ботаника, которой он занимался всю свою жизнь [7, с. 185].

Александр с молодости больше тянулся к науке, чем к коммерческому делу. Вернувшись в Енисейск в 1882 г., он предпочел общественную деятельность, нежели производственную и коммерческую, хотя всегда помогал отцу и брату в ведении дел. 28 лет А. И. Кытманов служил во благо общества и родного города на добровольных началах. Он выполнял обязанности гласного городской думы и члена управы (с 1885), был членом учетного комитета Енисейского общественного банка (с 1895), почетным блюстителем приходского училища (1884–1888), Енисейского городского училища (1886–1894), членом Попечительского совета мужской прогимназии (1885–1888), членом Попечительского совета женской гимназии (с 1896), большое внимание уделял образованию горожан – так, с 1886 по 1888 г. он состоял председателем Общества попечения о начальном образовании Енисейска, поддерживал народные школы [9, л. 16–25].

Насколько это было возможно в небольшом городе, отдаленном от крупных сибирских городов и от российских центров, А. И. Кытманов занимался научной деятельностью. На основе поездок по родному краю и изучению флоры и деятельности коренных народов он издает свои труды: «О рыболовстве по р. Енисею от Енисейска до Гольчихи», «О лекарственных медицинских травах Енисейского округа», «Материалы для флоры сосудистых растений Енисейского округа Енисейской губернии». Им было открыто более 130 видов растений округа [13, с. 6]. Также он являлся учредителем Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела ИРГО [18, с. 69].

Главный труд А. И. Кытманова – «Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 гг.» – имел историко-краеведческую направленность. Летопись отражает важные факты городской жизни Енисейска и его округа, содержит статистические данные, в ней имеются сведения о личностях города. Однако автор не успел закончить свой труд – после смерти отца Игнатия Петровича в 1895 г. все ответственность за ведение дел по торговле и приискам легла на сыновей, и потому на научную работу у Александра Игнатьевича не оставалось времени.

Единственное дело, которому он оставался верен до конца жизни, было его «детище» – общественный музей. Вернувшись в Енисейск после обучения, он сразу занялся работой по сбору предметов, имеющих историческое значение для края, которые послужили базой для открытия местного музея. Это были различные вещи из быта инородцев: шапки, кисеты, пояс, предметы шаманства, инструменты для выделки кож, орудия для ловли оленей, образцы местного кустарного производства из волос,

кости мамонта, окаменелости и отпечатки в известняках по берегам Подкаменной Тунгуски, гербарий из растений России и др. Среди прочего А. И. Кытманов пожертвовал шаманский бубен и одеяния [8, с. 3].

Идея открыть музей озвучивалась в городской думе давно. Целью было собрать все, что производили природа и человек Енисейского и Туруханского округов. Никита Виссарионович Скорняков в 1882 г. внес предложение в городское самоуправление об устройстве в Енисейске общественного музея, который был открыт через год, а А. И. Кытманов стал его распорядителем. Впоследствии он писал: «1 октября состоялось... открытие при довольно значительном стечении народа из различных слоев общества. Празднество началось в 12 часов молебном в здании музея, после которого священник Евтихийев сказал краткое слово, пожелал музею развития и сочувствия общества» [6].

Несмотря на то, что «Сибирская газета» в 1883 г. писала, будто «создание музея в Енисейске – это роскошь», т. к. количество жителей его слишком мало [6], музей в Енисейске получил широкую популярность. Когда музей открылся, его посещали более 200–300 человек в день. Потом только в выходные дни можно было увидеть такое количество посетителей, но в будние дни по 30–40 человек постоянно заходили посмотреть на музейные экспонаты [1, л. 2].

Устав музея был составлен в соответствии с минусинским образцом. Вход был бесплатный. К показу было представлено 3230 предметов. Сохранилась переписка А. И. Кытманова и Н. В. Скорнякова с Н. М. Мартыновым, которая показывает тесное взаимодействие общественников в музейном деле [2, л. 1–39].

Музей под руководством А. И. Кытманова, становится публичным местом, где можно было сочетать научную и просветительскую деятельность. Как писал Н. В. Скорняков, «Енисейские общественники, предлагали использовать экспозиции музея, как наглядный и разнообразный материал для наблюдений, с целью приобретения знаний по всем отраслям наук и ремесел, как учебное пособия для учащихся, выставку местных произведений промышленности и ремесел, и как хранилище всего редкого, которое при отсутствии музеев могло бы исчезнуть для науки» [19].

Общество ратовало за использование музея в общественных целях. С февраля 1885 г. в музее по решению городской думы проходили народные чтения. Сюда приводили на занятия учащихся из гимназий. Кроме того, музей был центром сбора архивных материалов, которые к середине 1890-х гг. были разбросаны по разным учреждениям, сплошь и рядом подвергались разорению и истреблению огнем. Например, значительный архив Спасского мужского монастыря был расхищен, местные мальчишки из его бумаг даже делали воздушных змеев, богатые архивы приисковых управлений находились без контроля.

А. И. Кытманов прикладывал все усилия, чтобы удержать интерес к музею. Предметы коллекции пополнялись путем пожертвований и вследствие новых экскурсий, совершенных Кытмановым, в меньшей части – пу-

тем покупки и обмена [14, с. 584]. Согласно одному из отчетов о деятельности музея, «уже через десять лет после открытия в 1895 г. Енисейский музей имел предметов: местных естественно-исторического отдела 7 932, антропологического 1 183, технического 1 401, книг, чертежей, планов, карт и проч. 1 110 и неместных произведений и монет 2 437; число предметов музея в текущем году увеличилось на 581» [12, с. 6]. Коллекция ежегодно пополнялась. На 1903 г. в музее было уже 10 051 предметов естественноисторической коллекции, 1 780 предметов – технической, 3 234 предмета – антропологической коллекции, 3 143 экземпляра литературы, 3 164 предмета неместной коллекции [12, с. 6]. Также в музее хранились книги, рисунки, рукописи, сочинения, газетные статьи и прочее – 1 110 ед. Кроме собирания коллекции музей принимал меры по их описанию и изучению. В 1903 г. Общественный музей приобрел ценную библиотеку покойного золотопромышленника А. И. Тарасова, в специальное собрание вошли издания, посвященные сибирскому краю [4, с. 195].

Появление музея значительно повышало статус Енисейска среди других уездных городов Енисейской губернии. Такое культурное учреждение, как музей, давало возможность жителям города не только удовлетворять любопытство и знакомиться с экспонатами, но и формировать ценностное отношение к науке и культуре в целом.

С целью использования научного подхода к изучаемому экспозиционному материалу Александр Игнатьевич взаимодействовал с центральными музеями Санкт-Петербурга и Москвы, среди них были музеи Академии наук, антропологии и этнологии при Московском университете. В «Краткой летописи по Енисейскому уезду и Туруханскому краю Енисейской губернии 1594–1893 гг.», написанной А. И. Кытмановым, сообщалось: «Во многих случаях приходилось обращаться к специалистам, так насекомые жесткокрылые и полужесткокрылые определены профессором Зальцбургом в Гельсингфорсе, осоки Мейнсгаузенем в Академии Наук, рыбы Герценштейном, змеи профессором Никольским, мхи профессором Бротерусом, лишайники профессором Ваинио, грибы проф. Саккардо в Падуе, доцентом Траншелем, минералы и горные породы проф. Зайцевым, монеты Калугиным, черепа лошади и быков доктор. Бунче, димовиальные раковины инженером Ячевским, птицы Кибортом и т. д.» [14, с. 585].

Таким образом, известность в научном мире приобретал не только музей, но и г. Енисейск. О коллекциях музея и его существовании в далекой Сибири было известно в России и за границей. Экспонаты музея демонстрировались на выставках в Красноярске и Нижнем Новгороде, в 1900 г. на всемирной выставке в Париже [17, с. 183]. За помощь в организации Первой сельскохозяйственной и промышленной выставки в Красноярске А. И. Кытманов получил благодарственное письмо отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства [17, с. 170]. Сам он не раз говорил: «Самой главной услугой музеев нужно, по-моему, считать то, что он дает возможность хранить сведения приносящей уважение памя-

ти жизни народов и произведениям природы, побуждают людей обогащать науку своими вкладами» [17, с. 123].

Музей содержался в основном на средства А. И. Кытманова, но и общество демонстрировало заинтересованность в развитии музейного дела. Так, по решению городской думы, библиотеку и музей, как светские общественные учреждения, разместили в здании Енисейского городского управления. С 1884 г. по решению городской думы выделялось 372 руб. на содержание музея, хотя этих денег, конечно, не хватало.

А. И. Кытманов относился к музею как к делу всей своей жизни. Создать достойную экспозицию музея было лишь частью дела, предстояла большая работа по систематизации коллекции. Экспонаты были навалены друг на друга или закрыты в шкафах, отсутствовали надписи на раритетах. А. И. Кытманов сам проектировал мебель для музея – шкафы, столы со стеклянными створками, о чем свидетельствуют чертежи, представленных в книге Н. В. Поздеевой «Александр Игнатьевич Кытманов. Человек, полезен для общества» [17, с. 166].

За период существования музея в 1883–1913 гг. коллекция музея была увеличена с 3 064 до 22 322 предметов. Наиболее интенсивный ее рост наблюдался в первые 10 лет существования музея. Так, за период с 1883 по 1893 г. коллекция была пополнена на 230 %, с 1894 по 1903 г. – на 98 %, с 1904 по 1913 г. – всего на 11,5 % [4, с. 194]. По отзывам современников, в начале XX в. его коллекция была даже богаче, чем в красноярском музее. Интересными считались экспонаты, имевшие отношение к жизни Туруханского края, например, коллекции минералов, также поражали модели золотопромышленных машин [10, с. 2].

Падение интереса к городу золотопромышленников в конце XIX в. заметно влияло на сокращение городского бюджета, что способствовало «замораживанию» ряда городских проектов, и музей не стал исключением – деньги на него не выделялись, с оттоком населения из города интерес общественности падал. А. И. Кытманов писал, как непросто обустраивается музей, как тяжело преодолевать «общее несочувствие и непонимание нового учреждения» [1, л. 3]. В 1890-х гг. вся работа в музее легла на плечи А. И. Кытманова, который с горечью осознавал, что музейное дело в городе находилось в кризисном состоянии, интеллигенция была не активна и не было преемника, которому можно бы было передать дело. Однако он продолжал развивать музей, чувствуя личную ответственность за просвещение горожан, отмечая необходимость предприимчивости и практических действий [3, л. 112].

После смерти А. И. Кытманова заведование музеем было возложено на гласных думы В. В. Востротина и М. Л. Александрова [16, с. 33], но они не сумели должным образом продолжить работу. Музей фактически перестал существовать, его деятельность прекратилась, помещение было закрыто. Не было больше человека, который бы давал содержательное объяснение коллекции. От гласных городской думы поступали предложения продать музей частному лицу или передать экспонаты на хранение в крас-

ноярский музей [5, с. 36–37.]. Уже в советский период сын Александра Игнатьевича, Николай Александрович Кытманов стал научным сотрудником музея, его директором и руководил музеем до 1931 г. [7, с. 186].

За свои заслуги перед обществом и страной Александр Игнатьевич был награжден: нагрудной темно-бронзовой медалью на ленте государственных цветов за труды по Первой всероссийской переписи населения 1897 г. как член Енисейской окружной переписной комиссии; в 1901 г. – орденом Св. Анны 3-й степени; в 1905 г. – орденом Св. Станислава 2-й степени; в 1910 г. – орденом Св. Анны 2-й степени за отлично усердную службу и особые труды.

Вера Арсентьева Баландина оставила о А. И. Кытманове самые теплые воспоминания: «остроумный, находчивый, общительный, полезный своими советами, со вниманием относившийся ко всем сторонам жизни, он был желанным участником всюду и всегда у енисейцев. Его личности были свойственны принципы гуманности, честности, справедливости и доверия к людям. Александр Игнатьевич не был замечен в общественных конфликтах, умел наладить общение с людьми, разными по духу, ради прогрессивных целей» [4, с. 217].

Таким образом, Александр Игнатьевич Кытманов был человеком и гражданином, ценящим свою Родину и посвятившим себя служению обществу. Хранитель и собиратель реликвий, ради науки и просвещения он стремился приумножать знания о природе и человеке, через работу музея распространял образование в массы, чтобы каждый мог овладеть научными знаниями и использовать их в жизни. Музей для А. И. Кытманова был местом, где живет наука, поэтому он вложил в дело становления и развития Енисейского общественного музея всю свою душу ради будущих поколений исследователей. Отечественная наука крепла не только за счет крупных открытий ученых в центральной части России, но и за счет тех, кто был готов посвятить себя научным открытиям, имея при этом только желание служить делу просвещения, заботясь о сохранении уникальных материалов, которые могут послужить будущим открытиям и приумножить славу Российской науки.

Список источников

1. Архив города Енисейска (далее АГЕ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 38.
2. АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 48.
3. АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 65.
4. Аксенова А. В. Гонина Н. В. Енисейск в последней трети XIX – начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города / А. В. Аксенова, Н. В. Гонина. Красноярск, 2017. 278 с.
5. Архангельский И. Город Енисейск. 1618–1918 / И. Архангельский. Енисейск, 1923. С. 36–37.
6. Бесхлебная Г. Г. История о музее (к юбилею Енисейского Краеведческого музея) // Архивное Агентство Красноярского края: URL:

http://красноярские-архивы.рф/articles/stati_arhivistov/234 (дата обращения 15.02.2023).

7. Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX вв.) / Г. Ф. Быконя, Е. В. Комлева, А. И. Погребняк. Новосибирск, 2012. 316 с.

8. Восточное обозрение. 1889. 30 апр. С. 3.

9. Государственный архив Красноярского Края (ГАКК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 3 483.

10. Енисей. 1902. № 123 (18 окт.). С. 2.

11. Енисейский листок. 1894. 12 июня. С. 6.

12. Енисейский общественный местный музей. Отчет о деятельности музея с 1 октября 1883 года по 1 октября 1908 года и краткий перечень коллекции музея. Красноярск: Типогр. М. И. Абалакова, 1909. С. 6.

13. Кытманов А. И. Материалы для флоры сосудистых растений Енисейского округа Енисейской губернии. / А. И. Кытманов. Томск, 1894. 68 с.

14. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 год. / А. И. Кытманов. Красноярск, СФУ. 2016. 660 с.

15. О воспитании детей и юношества. Традиции русской гуманистической педагогики (по трудам К. Д. Ушинского) / составитель П. А. Лебедев. М., 2018. 212 с.

16. Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 г. Красноярск, 1913. С. 33.

17. Поздеева Н. В. Александр Игнатьевич Кытманов. Человек, полезный для общества / Н. В. Поздеева. Красноярск. 2023. 208 с.

18. Протоколы заседаний распорядительного комитета Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества от 18 ноября по 4 мая 1901 г. с Приложением протокола заседания общего собрания членов Подотдела 4 мая 1901 г. Красноярск, 1901. 69 с.

19. Скорняков Н. В. Нужны ли музеи в Сибири / Н. В. Скорняков // Восточное обозрение. 1883. № 36.

Е. О. Гудзенко
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

ДМИТРИЙ ИОСИФОВИЧ ИВАНОВСКИЙ: ЖИЗНЬ И НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ВО БЛАГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Аннотация. В публикации приводятся краткие данные о жизни и научных достижениях великого ученого, преподавателя, основоположника вирусологии, который жил в Ростове-на-Дону и работал в Донском университете (ныне Южный федеральный университет). Дмитрий Иосифович изучал растения табака и открыл вирус табачной мозаики, что легло в основу выделения вирусологии в самостоятельную отрасль науки.

Ключевые слова: *Дмитрий Иосифович Ивановский, ученый, преподаватель, вирусология, университет, биография*

Abstract. The publication provides brief information about the life and scientific achievements of the great scientist, teacher, founder of virology, who lived in Rostov-on-Don and worked at Don University (now Southern Federal University). Dmitry Iosifovich studied tobacco plants and discovered the tobacco mosaic virus, which formed the basis for the separation of virology into an independent branch of science.

Keywords: *Dmitry Iosifovich Ivanovsky, scientist, lecturer, virology, university, biography*

Жизнь и научная деятельность великого русского физиолога растений, микробиолога, основоположника вирусологии профессора Дмитрия Иосифовича Ивановского, связаны с тремя университетами: Санкт-Петербургским, Варшавским и Донским, впоследствии переименованным в Ростовский (ныне – Южный федеральный университет) (рис. 1).

Рис. 1. Здание Донского университета, в котором работал Д. И. Ивановский

Дмитрий Иосифович родился 28 октября (9 ноября) 1864 г. в с. Низы Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии, ныне не существующим, затопленном нарвским водохранилищем в 1954 г. (рис. 2).

Рис. 2. Дмитрий Иосифович Ивановский

Его отец Иосиф Антонович, происходивший из обедневших дворян, Херсонской губернии, служил становым приставом 2-го стана Гдовского уезда в чине коллежского асессора. Дмитрий был младшим сыном в большой семье.

Учился Ивановский первые годы, видимо, в Гдове, а затем, когда семья переехала в Санкт-Петербург, – в Ларинской гимназии, которую окончил с медалью в 1883 г. К тому времени отец семейства умер, и семья жила очень бедно на вдовью пенсию в дешевой съемной квартире дома № 13 по Петровской (ныне – Лахтинской) улице на тогдашней окраине Петроградской стороны [1, с. 78].

В августе того же года Дмитрий поступил на физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Окончил его в 1888 г. и был оставлен при кафедре ботаники. С 1890 г. работал ассистентом ботанической лаборатории Петербургской Академии наук. Под руководством А. Н. Бекетова, А. С. Фаминцына и Х. Я. Гоби он изучал физиологию растений и микробиологию [2].

В 1895 г. Дмитрий Иосифович защитил диссертацию «Исследование над спиртовым брожением» и был удостоен ученой степени магистра ботаники. Основным положением этого исследования стало установление полной независимости энергии брожения от наличия или отсутствия кислорода в окружающей атмосфере, доказанное им путем филигранных и убедительных экспериментов. Это открытие имело громадное значение для понимания как самого процесса брожения у дрожжей, так и во многом очень близкого к нему процесса анаэробного дыхания у высших растений [3, с. 7–21].

Также защита магистерской диссертации позволила получить право на работу в университете. И уже через несколько месяцев по представлению своего учителя А. С. Фаминцына, Д. И. Ивановского допустили к чте-

нию лекций по физиологии низших организмов и утвердили в звании приват-доцента Петербургского университета, а с 1896 – по анатомии и физиологии растений [4, с. 6–10].

В 1901 г. он становится профессором кафедры анатомии и физиологии растений Варшавского университета. Причиной перевода стало отсутствие у него степени доктора наук, хотя над диссертацией ученый трудился уже на протяжении нескольких лет. В 1903 г. Д. И. Ивановский защищает диссертацию «Мозаичная болезнь табака» и удостоивается ученой степени доктора ботаники [5, с. 22–37]. Почти 15 лет Дмитрий Иосифович работает в Варшавском университете.

Кроме чтения лекций в университете Дмитрий Иосифович преподавал на Высших женских курсах, заведовал ботанической лабораторией и варшавским помологическим садом на общественных началах, был секретарем физико-математического факультета, входил в комиссию по «вспомоществованию недостаточным студентам» и много сил отдавал редакторской деятельности, будучи председателем редакционной коллегии «Варшавских университетских известий» [1, с. 80].

Интересным и наиболее значимым этапом жизни и научной деятельности Дмитрия Иосифовича является история открытия вируса табачной мозаики, что сделало его всемирно известным ученым.

Еще будучи студентом, Ивановский интересовался болезнями растений и изучал на Украине и в Молдавии распространение рябухи, уничтожавшей урожаи табака. Позднее его особенно заинтересовала мозаичная болезнь этого растения, ранее смешиваемая с рябухой. Он высказал гипотезу о бактериальном происхождении мозаичной болезни табака. Он считал, что фильтрат содержит либо мельчайшие бактерии, либо токсин, выделяемый ими, и способный вызвать заболевание. Особые организмы, вызывавшие болезнь, а именно вирусы мозаичной болезни табака, удалось увидеть впервые только в 1939 г. в электронный микроскоп. Однако именно 1892 г. считается годом открытия этих новых организмов – вирусов. Так Д. И. Ивановский положил начало вирусологии, выросшей в самостоятельную область науки. Открытие вирусов сыграло огромную роль в развитии ряда научных дисциплин: биологии, медицины, ветеринарии и фитопатологии. Оно позволило расшифровать этиологию таких заболеваний, как бешенство, оспа, энцефалиты и многих других.

В дальнейшем Д. И. Ивановским было проведено научное исследование воздушного питания растений, он сосредоточил свое внимание на изучении состояния хлорофилла растений, значении каротина и ксантофилла для растений, устойчивости хлорофилла к свету в живом листе и второго максимума ассимиляции. «О двух болезнях табака» – так называлась работа Дмитрий Иосифовича Ивановского, с которой в 1892 г. начала свое развитие наука о вирусах.

В своей работе ученый делает вывод, что мозаичная болезнь табака вызывается возбудителем, способным проходить через бактериальные фильтры, не способным к росту на искусственных средах и не дающим

картину заболевания через фильтраты. Этот патогенный агент Дмитрий Иосифович Ивановский называет микроорганизмами или фильтрующимися бактериями [2].

Необходимо отметить, что Русский Императорский Варшавский университет в 1915 г. в связи с Первой мировой войной был эвакуирован в Ростов-на-Дону. Вместе с университетом сюда из Варшавы переехала и большая часть профессорско-преподавательского состава, среди которого был и Дмитрий Иосифович Ивановский [6].

Спешно и плохо организованная эвакуация не позволила перевезти значительную часть лаборатории, которую он создавал долгие годы, другая же ее часть пострадала при транспортировке. Дмитрий Иосифович поселился в доме на пересечении Никольской улицы с Николаевским переулком (ныне Социалистическая ул., 87) (рис. 3).

Рис. 3. Дом в Ростове-на-Дону, в котором жил Д. И. Ивановский

Он читал лекции в университете, переименованном в 1917 г. в Донской, был редактором университетских известий. Работая в Донском университете (профессор с 1915 г.), Д. И. Ивановский участвовал в его общественной жизни как председатель отделения биологии Общества естествоиспытателей природы [1, с. 80].

Наряду с работами Д. И. Ивановского по вирусологии, принесшими ему мировую известность, он является автором 180 публикаций, в том числе ряда работ в области почвенной микробиологии, физиологии и ана-

томии растений, 30 статей в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

Главным трудом непродолжительного ростовского периода его жизни стал учебник физиологии растений, подводящий итог его многолетней преподавательской и научной работы.

Дмитрий Иосифович скончался в Ростове-на-Дону 20 апреля 1920 г. и был похоронен на Новопоселенском кладбище. Ныне его могила утрачена. В 1950-х гг. на Братском ростовском кладбище был возведен кенотаф с его именем [2].

На фасаде дома по Социалистической улице № 87 укреплен мемориальная доска с надписью: *«В этом доме жил крупнейший русский ученый, основатель науки о вирусах Дмитрий Иосифович Ивановский (род. 1864 – умер 1920 гг.)»*. А другая мемориальная доска – на здании Ростовского пединститута: *«Здесь с 1915 по 1920 год работал профессор Д. И. Ивановский, основоположник одного из важнейших разделов биологии – вирусологии»* [7].

В знак признания выдающихся заслуг Д. И. Ивановского перед вирусологической наукой Институту вирусологии АМН СССР (ныне РАМН) в 1950 г. было присвоено его имя, в Академии медицинских наук учреждена премия имени Д. И. Ивановского, которая присуждается один раз в три года за лучшую научную работу по вирусологии [8], Академия биологии и биотехнологии Южного федерального университета носит имя Дмитрия Иосифовича Ивановского.

Список источников

1. Гапон Д. А. «Конечно, будем знать». К 150-летию со дня рождения Дмитрия Иосифовича Ивановского // История науки. Природа. № 2. 2015. С. 77–87.
2. Интересные исторические факты о Д. И. Ивановском – профессоре университета (sfedu.ru). Южный федеральный университет. Пресс-центр. [Электронный ресурс]. URL: <http://sfedu.ru/news/62729>.
3. Максимов Н. А. Жизнь и научная деятельность Д.И. Ивановского // Памяти Дмитрия Иосифовича Ивановского. М., 1952. С. 7–21.
4. Горшенин И. В. Первооткрыватель вирусов Дмитрий Иосифович Ивановский и изучение его научного вклада в школьном и вузовском курсах биологии / International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 12-1 (63). 2021. С. 6–10.
5. Рыжков В. Л. Научное наследие Д. И. Ивановского // Памяти Дмитрия Иосифовича Ивановского. М., 1952. С. 22–37.
6. Паршин В. Г. Основоположник учения о вирусах (к 150-летию со дня рождения Д. И. Ивановского) // «Живые и биокосные системы». 2014. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jbks.ru/archive/issue-9/article-28>.

7. Первооткрыватель вирусов [1989 Гегузин И. Страницы ростовской летописи] (rostov-region.ru). [Электронный ресурс]. URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000063/st036.shtml?ysclid=ltejt16ni0205723821>.

8. Ивановский Д. И. (1864–1920). [Электронный ресурс]. URL: <https://congress.fedlab.ru/city-streets/5192/?ysclid=lsu31o6mor62419467>.

А. Н. Гребенкин¹, Д. С. Шачнев²

¹ Академия ФСО России

² Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
Орел, Россия

РОЛЬ ПОЛКОВНИКА А. И. СПИРИДОВИЧА В СОЗДАНИИ НАУЧНО ОБОСНОВАННОЙ КОНЦЕПЦИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ОХРАНЫ

Аннотация. В статье рассмотрена концепция организации императорской охраны, разработанная полковником А. И. Спиридовичем. Авторы приходят к выводу, что Спиридович уделял внимание не только детальной регламентации действий своих подчиненных, но и развитию у них профессионально значимых качеств.

Ключевые слова: *Российская империя, императорская охрана, Охранная агентура, подведомственная дворцовому коменданту, Александр Иванович Спиридович*

Abstract. The article considers the concept of the organization of the imperial guard, developed by Colonel A. I. Spiridovich. The authors conclude that Spiridovich paid attention not only to the detailed regulation of the actions of his subordinates, but also to the development of their professionally significant qualities.

Keywords: *The Russian Empire, the imperial guard, Security agency subordinate to the palace commandant, Alexander Ivanovich Spiridovich*

В феврале 1906 г. для обеспечения безопасности императора Николая II и членов его семьи на трассах проезда и в местах временного пребывания из 162 сотрудников Охранной команды Санкт-Петербургского охранного отделения, откомандированных в распоряжение дворцового коменданта, была сформирована новая структура императорской охраны – Охранная агентура, подведомственная дворцовому коменданту [1, с. 158]. Ее создал и возглавил подполковник Отдельного корпуса жандармов А. И. Спиридович – опытный сотрудник российских специальных служб. С первых же недель своего пребывания в должности заведующего Охранной агентурой он сумел поставить ее деятельность на прочную научную основу. А. И. Спиридович, обладавший несомненным талантом исследователя, впоследствии стал известен в узких кругах как автор двух «закрытых» монографий, посвященных истории революционного движения в России. К сожалению, его научные разработки в области организации императорской охраны не привели к созданию таких же книг для служебного пользования, адресованных руководителям и сотрудникам отечественных охранных структур. Однако мы можем судить об их содержании, опираясь на дошедшие до нас инструкции, положения и приказы, которые А. И. Спиридович не только подписывал, но и разрабатывал.

Необходимость формирования научного подхода к деятельности сотрудников Охранной агентуры была обусловлена ситуацией, сложившейся в России в годы Первой русской революции. Эсеровский террор приобрел столь изощренные формы, что нужно было разработать единую концепцию противостояния злоумышленникам, которые, методично убивая государственных деятелей, намеревались воздействовать на власть. Эта концепция должна была учитывать особенности «человеческого капитала», который имелся в распоряжении заведующего Охранной агентурой. Опираясь на достижения педагогики и психологии, А. И. Спиридович намеревался создать из отставных нижних чинов, служивших в агентуре, настоящих профессионалов в области не только постовой охраны, но и наружного наблюдения и политического сыска.

В первую очередь А. И. Спиридович стремился к тому, чтобы сотрудники охраны исполняли свои обязанности сознательно и в строгом соответствии с принятыми правилами. Поскольку он не мог лично контролировать каждого агента, эта задача поручалась начальникам отделений и обходным агентам. В соответствии с «Инструкцией агентам подведомственной дворцовому коменданту Охранной агентуры», принятой в 1906 или 1907 г., на каждые 15 агентов назначался один обходной, который должен был являться «ближайшим их воспитателем, инструктором, советчиком и ходатаем за них перед начальством» [2, л. 90]. Обходному следовало быть образцовым агентом, чтобы служить примером для своих подчиненных. Ему вменялось в обязанность требовать от агентов отличного исполнения своих обязанностей, быть справедливым и настойчивым в своих требованиях и своевременно налагать санкции на провинившихся. Для того, чтобы у обходных имелись не только правовые, но и нравственные основания для контроля за подчиненными, они должны были превосходить их своими личными качествами, уровнем образования, знанием служебных обязанностей и дисциплинированностью. Это должно было дать им необходимый авторитет.

Заведующий Охранной агентурой уделял большое внимание педагогическим аспектам организации работы своих сотрудников. Так, А. И. Спиридович требовал от обходных постоянного контроля за деятельностью рядовых агентов, добиваясь образцового исполнения служебных обязанностей. В качестве инструктора обходной был обязан прекрасно знать все служебные документы, регламентировавшие деятельность агентуры, уметь внятно и доходчиво разъяснить их содержание подчиненным, а также как можно чаще контролировать степень усвоения должностных инструкций. По мнению А. И. Спиридовича, только таким путем была возможна выработка настоящего агента-охранника.

Обходные агенты должны были хорошо знать историю революционных организаций России (в первую очередь боевых), которую они изучали под руководством офицеров. Полученными сведениями обходные делились со своими подчиненными, разъясняя им сложные места и в случае необходимости прибегая к помощи офицеров. По поводу каждого терро-

ристического акта обходные должны были вести обстоятельные беседы с агентами, обращая их внимание на просчеты в организации охраны. Кроме того, А. И. Спиридович, поддерживавший постоянную связь с охранными отделениями, командировал туда своих подчиненных. Под руководством сотрудников охраны агенты должны были совершенствовать навыки наружного наблюдения, изучали деятельность наиболее видных революционеров. Как уже упоминалось выше, глава Охранной агентуры являлся автором нескольких трудов по истории революционного движения. В одном из них, посвященном партии эсеров, он давал детальные описания террористических актов, осуществленных эсеровскими боевиками [3, с. 288]. Агенты были обязаны посетить музей террора для ознакомления с орудиями, которые применялись боевиками, и детального изучения террористических актов. Чтобы его подчиненные знали имена своих коллег по российским спецслужбам, погибших в борьбе с боевиками, А. И. Спиридович рекомендовал им читать «Книги русской скорби», которые выходили большими тиражами с 1908 по 1914 гг.

Для своих подчиненных обходной должен был являться воспитателем, который «развивает и поддерживает в агентах чувство беспредельной преданности к государю императору и его августейшей семье и стремится выработать из них охранников, которые не являлись бы лишь формальными исполнителями инструкций охраны, из страха наказаний или корысти, а представляли бы людей, сознательно работающих из чувства долга и нравственной обязанности» [2, л. 91]. Обходному следовало разъяснять рядовым агентам, какой важной и ответственной является деятельность агентуры, какое значение имеет работа каждого из них. Конечной целью воспитательных бесед являлось формирование любви к агентуре, развитие духа товарищества, стремление к взаимопомощи и единению в работе. Агенты должны были относиться друг к другу по-товарищески, быть вежливыми, терпимыми к чужому мнению.

Попутно нужно было не только закрепить у агентов, большая часть которых принадлежала к числу запасных и отставных унтер-офицеров и фельдфебелей гвардейских и армейских частей, представлений о дисциплине (их они усвоили на военной службе), но выработать у них вежливость, обходительность, умение держаться в обществе и одеваться.

Залогом спокойного и вдумчивого исполнения агентами их служебных обязанностей было беспристрастное, справедливое отношение к ним со стороны обходных. Ни срок службы, ни личный авторитет рядового агента не могли являться основанием для его выделения из общей массы.

Как советчик, обходной был обязан входить в положение своих подчиненных, хорошо знать их быт и нужды, помогать им как в служебных, так и в частных делах и докладывать вышестоящему руководству обо всех нуждах агентов.

Большое внимание в руководстве служебной деятельностью уделялось контролю. Он должен был быть постоянным, как можно более строгим и одинаково тщательным по отношению ко всем агентам. Обходной

должен был «внушить агентам, что таковой контроль не может никакого обижать, ибо задача агентуры настолько важна, что никто не имеет и права думать, что его могут не проверять или не контролировать» [2, л. 91]. Каждое замеченное упущение по службе нужно было указать виновному, объяснить его значение, доложить прямому начальству. Обходному разрешалось ходатайствовать об смягчении наказания, однако утаивать проступки своих подчиненных он не имел права.

Полковник А. И. Спиридович являлся одним из основоположников психологии служебной деятельности сотрудников охраны. Обходной должен был знать личные свойства и качества каждого из агентов, входивших в состав его обхода. Ему следовало понимать, «к какому отделу службы более способен агент, сколь он любит каждый отдел, как относится к делу» [2, л. 90]. Распределение агентов по постам осуществлялось в том числе с учетом их личных качеств. Наблюдая за деятельностью подчиненных, обходные должны были обращать внимание на то, разбираются ли они в публике, ни слишком ли доверяют людям, носящим форменное платье, и не слишком ли много внимания уделяют лицам, чья благонадежность не вызывает никаких сомнений. Недоверие людям в форме объяснялось тем, что в 1902 г. министра внутренних дел Д. С. Сипягина убил С. В. Балмашев, переодетый адъютантом, а взрыв дачи П. А. Столыпина на Аптекарском острове в 1906 г. устроили эсеровские боевики, облаченные в форменное платье жандармов. Обходному рекомендовалось не бояться высказывать руководству свои соображения относительно организации охраны, ибо «только при этом условии можно добиться наиболее совершенной, действительной охраны» [2, л. 93].

Кроме того, обходной не должен был забывать о том, что «каждый агент, каким бы он ни был фанатичным и завзятым службистом, прежде всего человек и что личные или семейные его несчастья и неудачи, влияя на него, могут отразиться и на его службе, а потому суметь подметить расстройство агента, выказать ему участие и помочь ему в трудную минуту — есть обязанность обходного, долг его службы» [2, л. 91].

Исключительно большое внимание уделялось общеобразовательной подготовке сотрудников агентуры. А. И. Спиридович следил за тем, чтобы агенты не только были достаточно грамотны не только для того, чтобы справиться с подготовкой служебных документов, но и обладали способностью к самостоятельному обучению. Поскольку большая часть агентов принадлежала к числу запасных солдат, имевших весьма скромный образовательный ценз, А. И. Спиридович призывал обходных агентов обратить самое пристальное внимание на уровень подготовки своих подчиненных. Он писал: «Если бы нашелся в обходе агент, не понимающий необходимости образования вообще и знания, что такое Россия в ее прошлом и настоящем в частности — то на такого агента обходной должен обратить самое серьезное внимание, дабы убедить его в необходимости приобретения знаний» [2, л. 94]. Агенты изучали Закон Божий, отечественную историю, географию России и зарубежных стран. Темы занятий были закреплены

в «Программе общеобразовательных предметов, преподаваемых в Охранной агентуре, подведомственной дворцовому коменданту». Обходные агенты должны были развивать в подчиненных любознательность к текущим событиям в стране и мире. А. И. Спиридович составлял для своих подчиненных список книг, обязательных для прочтения. Агентура располагала солидной библиотекой, в которой имелись книги как общеобразовательного, так и профессионального характера, и каждый обходной должен был приохотить своих подчиненных к чтению и пользованию библиотекой. По распоряжению А. И. Спиридовича была оформлена подписка на ряд журналов и газет, чтобы агенты были в курсе текущих событий. Наконец, на стенах служебных помещений были размещены карты, таблицы и иные материалы образовательного содержания. Степень усвоения их содержания контролировалась обходными агентами.

Агенты несли службу, имея при себе револьверы-браунинги и небольшие тесаки. Навыкам владения оружием уделялось большое внимание, регулярно проводились как теоретические, так и практические занятия. Сотрудники агентуры должны были любить стрельбу и охотно принимать участие в состязаниях.

По мнению А. И. Спиридовича, агенты должны были отличаться физической силой, ловкостью и выносливостью. Соответствующие качества вырабатывались путем организации занятий гимнастикой. Заведующий Охранной агентурой полагал, что его подчиненные должны были настолько проникнуться мыслью о пользе и необходимости гимнастических упражнений, что занимались бы ими не по принуждению, а по своей воле. С занятий на гимнастических машинах в агентуре начиналось каждое утро. Следует отметить, что агенты не разделяли точку зрения А. И. Спиридовича и даже жаловались на своего начальника, однако его полностью поддерживал дворцовый комендант [4, с. 373]. Кроме того, сотрудникам агентуры следовало овладеть навыками борьбы и самообороны без оружия, «что помимо физического развития имеет большое практическое значение, ибо может пригодиться при арестах и даст возможность побороть врага наиболее сильного, не употребляя против него оружия» [2, л. 135]. Наконец, агенты должны были хорошо ездить на велосипедах (это было им необходимо для исполнения служебных обязанностей), владеть искусством гребли и езды на лыжах.

Каждый агент должен был уметь считывать информацию с карты и владеть навыками черчения и копирования карт. Поэтому одной из настольных книг должно было стать пособие Н. П. Резчикова «Руководство к чтению и черчению карт». Контроль усвоения навыков чтения и черчения карт и планов возлагался на обходных агентов.

А. И. Спиридовичем был внесен большой вклад в формирование научного подхода к планированию и осуществлению охранных мероприятий. В частности, им была разработана методика несения постовой службы, сохраняющая практическое значение и в настоящее время. Получив наряд на пост, расположенный по пути следования охраняемого лица,

агент должен был расспросить товарищей об условиях службы на нем, после чего «одеться для занятия поста так, чтобы не только не выделяться из вращающегося в районе поста населения, а сливаться с ним» [2, л. 96]. Придя на свой пост, агент должен был в первую очередь осмотреть его, чтобы проверить, не будет ли что-либо угрожать охраняемому лицу во время проезда. С этой целью постовому следовало осмотреть как саму дорогу, так и прилегавшее к ней пространство, обращая внимание на то, «не скрываются ли где-либо злоумышленники или лица, ему неизвестные, не подложено ли адских машин (*взрывных устройств* – А. Г., Д. Ш.), не сделано ли подкопов, не попорчен ли путь» [2, л. 96]. Затем нужно было проверить дворы, уличные туалеты, «а также всякие другие вместилища, в которые могут проникнуть и укрыться там временно лица с улицы» [2, л. 96]. Закончив проверку дворов и находившихся там построек, агент должен был начать обход магазинов, трактиров, чайных и иных заведений, обращая внимание на то, нет ли там людей, вызывающих подозрение. Наконец, нужно было осмотреть дома, проверяя, не наблюдает ли кто-нибудь за линией проезда из окон, с чердаков или крыш. Осмотры нужно было проводить тщательно, но незаметно от окружающих, маскируя цель своих обходов какими-то уважительными предлогами. Инкогнито не нужно было соблюдать лишь в отношении хозяев, управляющих и дворников тех домов, которые были расположены в городах дворцового ведомства. С ними следовало взаимодействовать открыто. При этом А. И. Спиридович указывал, что «прямым правдивым разъяснением цели своего посещения – агент лишь привлечет на свою сторону домовую администрацию и найдет в ней для себя помощника» [2, л. 96].

Особый алгоритм был создан в отношении замеченных агентами подозрительных личностей и предметов. Обнаружив на своем участке человека, внешний вид или поведение которого казались ему странными, агент передавал его под временное наблюдение обходного или же постового соседнего участка, сам же продолжал осмотр. Завершив проверку своей территории, агент принимал подозрительное лицо под свое наблюдение. Если же он усматривал «что-либо подозрительное в каком-либо из домов по линии проезда в лице, наблюдающем из окон, с чердаков или крыш, или в лице, вошедшем внутрь дома» [2, л. 97], то должен был сообщить полицейскому надзирателю или своему обходному, а затем действовать согласно их указаниям.

В случае обнаружения какого-либо подозрительного предмета постовой должен был прежде всего принять меры для его удаления с дороги и к его охране, причем к месту находки вызывались обходной, офицер агентуры или ближайший чин наружной полиции. Чин наружной полиции должен был охранять предмет до прибытия руководства, а когда обходной или офицер оказывались на месте происшествия, постовой действовал по их указаниям. Слабым местом такого подхода было то, что А. И. Спиридович не принимал в расчет возможность взрыва неизвестного объекта в момент его удаления постовым. Не очень понятна и цель вызова руко-

водства к месту обнаружения потенциального взрывного устройства, поскольку ни обходные агенты, ни офицеры агентуры (состоявшие на службе в Отдельном корпусе жандармов) не имели специальной подготовки, которая позволила бы им точно определить, что делать с найденным предметом. Было бы логичнее в этом случае воспользоваться помощью офицеров саперных частей, хорошо знакомых со взрывным делом.

Если по каким-либо причинам найденный предмет оставался на трассе проезда, постовой должен был или заблаговременно направить экипаж охраняемого лица на другой путь, или же остановить его. Представляется более целесообразным в этом случае сообщить об инциденте тем постам, мимо которых император должен был проехать раньше, чтобы гарантировать предотвращение его приближения к месту обнаружения предмета на небезопасную дистанцию.

В том случае, если агент обнаруживал какую-либо неисправность на дороге, он должен был устранить ее. В том случае, если исправление было невозможно, нужно было сделать доклад обходному, самому же стать «у места порчи, дабы при приближении экипажа с охраняемым лицом указать, где объехать испорченное место, или остановить экипаж» [2, л. 97].

Если проверка зоны поста позволяла сделать вывод о том, что проезд безопасен, агент должен был стать на пост и с этого момента находиться на нем безотлучно, не появятся ли вновь какие-либо опасности. Наблюдение за окружающей обстановкой осуществлялось по методике, также разработанной А.И. Спиридовичем. Агенту полагалось внимательно всматриваться во всех проходивших мимо него людей, по возможности проводя всех неизвестных до следующего постового. Не совсем ясно, как следовало поступать в местах с оживленным движением, где это было физически невозможно. Не вызывал никаких вопросов следующий пункт, в соответствии с которым агент должен был обращать внимание на тех, кто проходил мимо него несколько раз, долго сидел на скамейке, имел при себе подозрительную ношу либо же явно чего-то ожидал. Под подозрение попадали извозчики или собственные экипажи, долго стоявшие на пути. Особое внимание следовало уделить извозчикам, которые отказывались от заказов. Кроме того, нужно было проверять, не появляются ли в зоне поста неизвестные разносчики, газетчики, посыльные, которые могли оказаться переодетыми злоумышленниками, а также «лица, хотя и одетые в форменное платье, но заставляющие подозревать, что оно им не присвоено» [2, л. 98].

Наблюдая за окружающими, агент должен был делать это так, чтобы не обнаружить себя. Если он замечал человека, казавшегося ему подозрительным, то он начинал осторожно наблюдать за ним, одновременно давая знать об этом обходному и соседнему постовому. В том случае, когда в результате наблюдения агент приходил к выводу, что он имеет дело со злоумышленником или же с человеком, который желает с какой-либо иной целью приблизиться к охраняемому лицу, он должен был немедленно уда-

лечь его с трассы проезда и отвести к ближайшему чину полиции, попросив его отвезти задержанного в канцелярию агентуры или же в полицию. При этом агент был обязан объявить, «кто он такой и по чьему приказанию он так действует» [2, л. 98]. Если полицейских поблизости не было или же они отказывались принимать задержанного, то агент должен был доставить его лично. При этом задержанного следовало вести или везти на извозчике по такому маршруту, чтобы не встретиться с охраняемыми особами.

У методики задержания подозрительных лиц было два уязвимых места. Во-первых, агенту следовало обращаться за помощью к полиции, рассчитывая исключительно на согласие конкретных сотрудников выполнить его просьбу и будучи готовым встретить отказ. Следовало бы детально регламентировать взаимодействие в подобных случаях агентов Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту, и чинов полиции, закрепив его в соответствующих документах, обязательных для исполнения всеми полицейскими чинами. Во-вторых, не были определены действия агента в том случае, если бы тот человек, которого он желал задержать, отказался бы следовать за ним и стал бы оказывать сопротивление. Здесь уместно напомнить, что о существовании Охранной агентуры было известно лишь узкому кругу лиц, а круг ее полномочий был хорошо знаком далеко не всем сотрудникам императорской охраны. О предъявлении каких-либо документов, которые являлись бы в глазах задерживаемого достаточным основанием для повиновения, А. И. Спиридович ничего не писал. Предполагалось, что лицо, подлежащее задержанию, должно было поверить агенту на слово.

Если по каким-либо причинам задержание подозрительного лица было невозможно, то агент должен был держаться рядом с ним таким образом, чтобы в момент проследования находиться между охраняемым лицом и предполагаемым злоумышленником «и быть наготове при первом подозрительном его движении или же угрозой револьвера, или каким угодно другим средством – удалить его от охраняемого лица» [2, л. 98]. Здесь не вполне ясно, как должен был поступать агент, если подозрительных лиц было несколько. Кроме того, физическое воздействие на человека из толпы, тем более сопряженное с применением оружия, могло быть замечено охраняемыми лицами и произвести на них негативное впечатление.

Усилия заведующего Охранной агентурой, направленные на то, чтобы поставить деятельность подчиненных ему агентов на прочную научную основу, не пропали даром. Б. Колоколов писал: «Спиридович как бывший кадровый армейский офицер, прошедший суровую армейскую школу... попытался придать гражданскому по своей сути охранному подразделению воинские черты: внедрить в его личный состав воинскую по своему духу дисциплину, привить агентам чувство высокой ответственности за порученное им дело, добиваться осознанного выполнения ими своих трудных служебных обязанностей, повышать их общеобразовательный и общекультурный уровень и укреплять их физическое состояние» [1, с. 202]. За небрежное отношение к служебным обязанностям суровым наказаниям

подвергались как агенты, так и обходные [5, л. 2 об. – 3]. Один из руководителей охраны Николая II не только осуществил значительные «инвестиции в человеческий капитал», но и разработал научную концепцию организации императорской охраны, предполагавшую устранение террористических угроз. Несмотря на ряд отмеченных нами выше недочетов, предложенные А. И. Спиридовичем методы действий агентов позволили осуществить эффективное противостояние эсеровским боевикам и уберечь царя и его семью от гибели.

Список источников

1. Колоколов Б. Г. Жандарм с царем в голове. М.: Молодая гвардия, 2009. 583 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4 888. Оп. 3. Д. 390.
3. Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники, 1886–1916: с 50 портретами, 12 приложениями документов и указателем лиц. 2-е изд., доп. Пг.: Воен. тип., 1918. X, 623 с.
4. На страже главной цитадели России : к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В. И. Жилиев, Д. А. Клочков, И. И. Кондратьев и др.]. М.: Фонд «Русские витязи», 2018. 919 с.
5. ГАРФ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 21.

А. С. Ковалев
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

З. Г. ФРЕНКЕЛЬ: БИОГРАФИЯ И ВКЛАД В РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ГЕРОНТОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты политической, профессиональной и научной биографии выдающегося российского и советского врача и ученого З. Г. Френкеля, крупного специалиста в области социальной гигиены и санитарного благоустройства мест проживания населения, исследователя проблем старости и одного из основоположников советской геронтологии.

Ключевые слова: *З. Г. Френкель, геронтология, старость, удлинение жизни, социальная гигиена*

Abstract. The article examines certain aspects of the political, professional and scientific biography of the outstanding Russian and Soviet physician and scientist Z. G. Frenkel, a prominent specialist in the field of social hygiene and sanitary improvement of residential areas, a researcher of the problems of old age and one of the founders of Soviet gerontology.

Keywords: *Z. G. Frenkel, gerontology, old age, prolongation of life, social hygiene*

Захарий Григорьевич Френкель – выдающийся советский геронтолог. Он родился в 1869 г. в семье крещеных евреев, окончил гимназию с золотой медалью, с 1889 учился на медицинском факультете Московского университета. В студенческие годы был настоящим бунтарем – членом нелегальных студенческих сообществ, и за участие в студенческой сходке провел 2 месяца в Бутырской тюрьме, затем был исключен из университета и взят под гласный надзор полиции. Спустя некоторое время поступил в Дерптский университет, где состоял в кружке по изучению марксизма. После окончания университета в 1895 г. некоторое время служил в Медицинском совете Министерства внутренних дел, работал ординатором в одной из больниц Петербурга, 5 лет был санитарным врачом Петербургского губернского земства на фабричных пригородах, где изучал условия труда рабочих. В 1901 г. был выслан из Санкт-Петербурга в Новгород как «неблагонадежный», где служил ординатором земской психиатрической больницы, но затем был выслан и из Новгорода и 5 лет служил заведующим санитарным отделом в земствах Вологды и Костромы.

Будучи земским санитарным врачом, он впервые познакомился с реальными условиями, в которых жили обычные люди, и за цифрами о заболеваемости «привык видеть всю убогую обстановку в избах, всю неизбывную нужду и... горе в семьях» [1, с. 150]. Несмотря на то, что он был санитарным врачом, в дома, где он бывал «набивалось много народа, и нельзя

было отказать во внимании больным, которые по много часов ожидали своей очереди» [1, с. 146]. В это время он 20 раз был вынужден принимать роды, о чем писал: «Все 20 случаев моих вынужденных выступлений в качестве акушера окончились благополучно. ...Я страдал при родах не меньше, чем сама роженица, переживая ее боли и схватки... Но из всех сторон деятельности и работы в моей жизни оказание врачебной помощи при родах давало наибольшее удовлетворение. Непосредственное радостное чувство облегчения, когда раздавался первый крик новорожденного, а настрадавшаяся долгими мучениями роженица становилась счастливой матерью, оставалось светлым воспоминанием после каждого моего выезда на роды» [1, с. 149].

В 1904–1905 З.Г. Френкель вошел в состав «Союза освобождения», участвовал в земских съездах, затем стал членом Партии народной свободы, в 1906 г. был избран в Центральный комитет кадетской партии и в Государственную думу I созыва от общего состава выборщиков. Когда он был выдвинут депутатом в первую Госдуму от Костромы, во время его доклада толпа призывала лишить его жизнь, потом допытывалась, «жид... или не жид», и после этого все равно проголосовала за него [2].

В Госдуме он активно участвовал в работе комиссий, работавших над законопроектами по аграрному вопросу, о гражданском равенстве», входил в комиссию кадетской фракции, созданной для установления и поддержания связи между Думой и населением. Подписал знаменитое «Выборгское воззвание» и был приговорен к трем месяцам в тюрьме, затем был лишен избирательных прав и в административном порядке выслан из Костромской губернии, а черносотенцы даже приговорили его к смертной казни, но все обошлось.

В 1908 г. З. Г. Френкель переехал в Москву, где стал корреспондентом газеты «Русские ведомости», освещая вопросы санитарного состояния городов Центральной России, продолжая нелегальную политическую деятельность по установлению связей партии кадетов с местными группами партии. В 1908–1909 гг. он публикуется в журналах «Городское дело» и «Земское дело», став главным редактором последнего, издавая брошюры с рекомендациями о противодействии распространению холеры в провинциальных российских городах [3; 4].

В 1910 г. З. Г. Френкель пишет небольшой труд о своевременности устройства Всероссийской выставки по оздоровлению населенных мест и об участии российских ученых в работе Дрезденской международной гигиенической выставке в 1911 г. [5], а через год на этой выставке он был удостоен высшей награды за организацию земской медицины.

В 1910–1914 гг. З. Г. Френкель трудился в Институте экспериментальной медицины, Психоневрологическом институте в Санкт-Петербурге, был одним из организаторов Всероссийской гигиенической выставки 1913 г. В 1914 г. выпустил книгу «Очерки земского врачебно-санитарного дела» [6], на гонорар от которой выстроил дом в пос. Лесном, где жил до конца жизни.

В годы Первой мировой войны недолго служил на фронте, но по болезни был переведен в тыл. Принимал участие в деятельности Всероссийского союза городов, оказывая помощь раненым солдатам, работал в клинической и бактериологической лабораториях при Центральном военном госпитале.

В 1917 г. после Февральской революции З. Г. Френкель был представителем Центрального врачебно-санитарного совета при Временном правительстве и руководил деятельностью всех организаций здравоохранения в стране. будучи вновь кооптированным в ЦК партии кадетов, активно занимался политическими вопросами, выступал за сотрудничество с Петросоветом, был членом Государственного совещания в Москве в августе 1917 г., с 3 октября 1917 – членом Предпарламента.

После октября 1917 г. З. Г. Френкель отошел от политической деятельности, продолжая служить во Врачебно-санитарном совете, а затем по поручению Наркомздрава РСФСР боролся с холерой в Петрограде и его окрестностях. С 1919 по 1949 гг. был заведующим кафедрой социальной гигиены в Санитарно-гигиенического институте, в 1924–1953 гг. был профессором и параллельно возглавлял кафедру социальной гигиены Ленинградского института усовершенствования врачей, также читал курс лекций по коммунальной гигиене в Политехническом институте. В 1924 г. основал и до 1953 г. был руководителем отделения Всесоюзного гигиенического общества в Ленинграде. В 1920-х – начале 1930-х гг. у З. Г. Френкеля выходит ряд научных работ, посвященных социальной гигиене, организации общественной медицины, городскому благоустройству, особенно в сфере жилищно-коммунального хозяйства [7; 8; 9; 10; 11].

В 1930-е гг. З. Г. Френкеля начинают интересовать проблемы старости, которую он рассматривал как часть общего динамического комплекса жизни и творческого процесса общества [1, с. 480]. В 1934 г. на Ученом совете Всесоюзного института экспериментальной медицины З. Г. Френкель впервые заговорил о социально-профилактическом направлении борьбы со старением в связи с реформированием советского здравоохранения в целом. в своих воспоминаниях З. Г. Френкель пишет, что сосредоточил свое внимание на том, что при решении проблемы удлинения продолжительности жизни следует говорить не о «продлении жизни одряхлевших и уже ослабленных стариков», а сохранять активную трудоспособность работающего населения до 70–75 лет, что естественным путем будет способствовать удлинению средней продолжительности жизни. Помимо этого З. Г. Френкель призывал предпринимать меры к снижению «массового вымирания людей от социальных болезней, от инфекции», причем он говорил «не о специфических сыворотках или “жизненных эликсирах” для продления жизни стариков», а предлагал внедрять меры охраны жизни и здоровья широких масс населения через создание благоприятных условий быта (улучшение жилищных условий, качества питания, внедрение физической культуры), что, по мнению ученого, позволит увеличить среднюю продолжительность жизни с 50 до 75, а в лучшем слу-

чае и до 85 лет с сохранением творческих трудовых сил: «Такая задача даже не соприкасается с вопросом о каком-то фантастическом продлении жизни за пределы совершенно очевидной для всех существующей теперь возможной для людей длительности жизни до 100 и даже более» [1, с. 398].

В 1938 г. З. Г. Френкель был арестован, обвинялся в поддержании связи с бывшими депутатами кадетской фракции, выдержал несколько 60-часовые допросов и признательных показаний не подписал, через год был освобожден. Во время блокады оставался в Ленинграде, где писал труд «Удлинение жизни и активная старость», изданный в 1945 г., по результатам этой публикации которого он получил звание заслуженного деятеля науки РСФСР и был избран действительным членом Академии медицинских наук СССР. Однако в 1953 г. попал под борьбу с космополитизмом и был уволен с должности заведующего кафедрой и профессора. В 1954 г. З. Г. Френкель работал в Ленинградском университете, участвуя в составлении программы работы специального кружка по изучению проблемы старости, старения и удлинения жизни. В 1954 г. он работает над методическими рекомендациями для проведения цикла лекций по проблемам удлинения жизни, сохранения трудоспособности и трудоустройству в пожилом возрасте по заявке Общества по распространению знаний.

В 1957 г., хотя о геронтологии в советском государстве долгое время не говорили, это не помешало сторонникам науки, изучающей биологические, социальные и психологические аспекты старения человека и способы борьбы с ним, учредить в Ленинграде первое в СССР научное общество геронтологов и гериатров, одним из организаторов которого стал З. Г. Френкель, избранный почетным председателем. Прожив более 100 лет и уже ослепнув, он продолжал заниматься научной деятельностью и даже возделывал собственный сад. За свою многолетнюю плодотворную деятельность он был награжден медалями и орденом Трудового Красного Знамени.

Наиболее известным трудом З. Г. Френкеля является монография «Удлинение жизни и активная старость» [12], где была представлена проблема сохранения здоровья и трудоспособности и продления жизни на основе анализа демографических и статистических сведений, собранных ученым в предыдущие десятилетия. В своей книге З. Г. Френкель фактически представил первое комплексное исследование о старении, опираясь на отечественные и зарубежные исследования социологии и медицинской науки первой половины XX в. Он пытается «взвесить и осветить... показать социально-экономические рамки постановки вопроса о борьбе со старением» [12, с. 3].

З. Г. Френкель, трудившийся в 1920–1930-х гг., естественно, считал, что «изменение долговечности человека» является прямым следствием «развертывания жизни новой социально-экономической формации», а потому продление жизни в социалистическом обществе – это «не добавка нескольких лет жизни на покое, в отставке, на пенсии, а создание условий для общественно-полезной работы в старости, устранение отрыва стариков

от деятельного участия в жизни общества, обеспечение... трудовой активности в старости» [12, с. 4].

Социальное содержание науки о старении З. Г. Френкель видит в борьбе ученых «...за ставшее социально и экономически возможным и нужным отодвигание до более поздних возрастных ступеней наступление старческой инвалидности... трудового народа». Задачу продления жизни он называет проблемой социальной гигиены, понимая под ней «экономии человеческих жизней» и сохранение трудовых ресурсов, которые необходимы социалистической экономике в условиях кадрового дефицита. В подобной ситуации, считал ученый, система социальной помощи пожилых людей должна заключаться не в выдаче пособий и пенсий или помещении в инвалидный дом, а представлять собой меры профилактики преждевременного старения [12, с. 13].

60-летний порог старения, принятый в СССР, по мысли З. Г. Френкеля, является неверным, так как после выхода человека на пенсию его автоматически приписывали к категории «инвалид» или «полуинвалид», а сам пожилой человек оказывался на «обочине» общества, т. к. его жизненный опыт обществу не интересен. Средством преодоления подобного отношения к старикам З. Г. Френкель считал сотрудничество пожилых людей с молодым поколением, только тогда, по мнению ученого, пожилой человек является «полезным элементом в жизненном процессе». Условиями такого сотрудничества геронтолог считал: 1) сохранение трудоспособности; 2) востребованный «длительный жизненный опыт»; 3) замена «безотрадно-пессимистического переживания старости... полнотой активности и радости жизни» [12, с. 18, 34–35].

Далее в монографии З. Г. Френкель описывает негативные процессы старения человека, связанные, по его мнению, с инвалидизацией и вызванными ей физиологическими изменениями. Он отмечает, что процесс появления инвалидов всегда идет более активно и в нарастающем темпе в пожилом возрасте. Также лица пожилого возраста чаще других подвержены инвалидизации вследствие несчастных случаев, которые нередко для них заканчиваются летальным исходом. Анализируя подобные случаи, З. Г. Френкель пришел к выводу о том, что преждевременное старение организма вызвано его «ослабляющей сопротивляемостью» к внешним воздействиям [12, с. 173]. Помочь улучшить ситуацию, считал З. Г. Френкель, способно «организованное общественное противодействие... путем установления системы общего внимательного отношения к здоровью и его нарушениям среди пожилых и старческих групп» [12, с. 173]. Среди конкретных мер геронтологом было предложено: проведение обязательной специальной диспансеризации в «предстарческом возрасте» путем «ослабления трудовой и жизненной нагрузки» на инвалидов старости, но при этом поддержание «бодрой трудоспособности» и ее «рациональное планомерное использование» [12, с. 173].

Был обеспокоен З. Г. Френкель и организацией повседневной жизни пожилых людей, которая, с его точки зрения как раз способствовала со-

кращению срока жизни. Описывая советских стариков конца 1930-х гг., он отмечает: «это потерявшие заработок инвалиды, которые находятся в более тяжелых материальных условиях жизни в силу своей калечности» [12, с. 282]. Опираясь на исследования французского ученого П. Кероля, советский геронтолог З. Г. Френкель определил факторы, которые могут помочь преодолеть низкий уровень качества жизни пожилых граждан:

- изменение питания пожилых людей за счет большего потребления ими мяса и «антихолестериновых» жиров (сегодня – омега-3);

- трансформация социальной среды – понятно, что как ученый в социалистическом обществе З. Г. Френкель предлагает уничтожить «старую, буржуазную деревню» и заменить ее прогрессивным колхозным строем, который обеспечит «советскую зажиточность», а та, в свою очередь, естественным путем будет способствовать улучшению состояния здоровья граждан, уменьшению случаев инвалидности и повышению средней продолжительности жизни в целом;

- модернизация ареала обитания, который должен «обрастать» социальной инфраструктурой за счет средств государственного бюджета, для чего требуется постоянный экономический рост – роль обстановки в улучшении положения стариков З. Г. Френкель считал основой геронтологии, социальные факторы он противопоставлял теории «наследственности» и ее концепту генетической предрасположенности к долголетию;

- поддержание семейных связей;

- принадлежность к определенной трудовой группе и возможность продолжать трудиться;

- наличие просторного жилища и современной, модной одежды;

- учет частоты и длительности протекания заболеваний, своевременность постановки диагноза и начала лечения, организация правильного и качественного медицинского ухода;

- санитарно-гигиеническое просвещение и развитие у граждан пожилого возраста навыков самообслуживания [12, с. 215–219, 282–284].

Еще с дореволюционных времен категория «нетрудоспособный» объединяла инвалидов и пожилых людей, в первые десятилетия советской власти эта традиция продолжилась – стариков называли «инвалидами старости». З. Г. Френкель впервые на научном уровне предлагает разграничивать «инвалидность» и «старость»: «Ошибочно мнение, что старость является синонимом инвалидности». У него инвалидность связана с несчастным случаем, который вынуждает человека останавливаться в своей трудовой деятельности, приносящей доход, он сравнивает такие случаи с неурожаем или пожаром – подобные «несчастья», как и инвалидность, могут привести к разорению. Но старость, заявляет З. Г. Френкель, не может считаться «временной неудачей» и тем более «несчастливым случаем», поскольку это «длительный естественный заключительный период жизни».

Ученый был уверен, что у пожилого человека, достигшего 60 лет, трудоспособности в любом случае больше, чем у самого работоспособного инвалида, и человек после 60 лет может продолжать работать без создания для него особых (облегченных) условий труда, но требуется создавать такие условия, как уж говорилось выше, в которых бы работоспособность стариков сохранялась и была востребована, а также предпринимать социально-медицинское и профилактическое обслуживание граждан в возрасте без отрыва от производства [12, с. 328, 329, 331, 359].

Разделяя идеологические представления, сформулированные пионерами советского социального обеспечения относительно содержания государственной социальной политики, З. Г. Френкель развивал мысли о необходимости трудоустройства пожилых граждан и продлении их активной трудоспособности. Название одного из разделов его монографии прямо звучит: «Пенсионное обеспечение стариков и сохранение трудоспособности и возможности самостоятельного заработка в старости». В нем З. Г. Френкель приводит цитату И. И. Мечникова: «Признается вполне естественным переводение на пенсию... стариков и возложение стоимости их содержания на остальное население. При этом совершенно не ставится вопрос о возможности отодвинуть самую старческую слабость и дряхлость... чтобы люди, достигшие... возрастных ступеней, могли еще иметь самостоятельный заработок для поддержания своей жизни» [Цит. по: 12, с. 331].

Развивая идеи физиолога, З. Г. Френкель отмечает, что в неблагоприятных условиях на производстве уже после 45 лет ресурс работника «изнашивается», вследствие чего и происходит ослабление здоровья и ускоряется процесс старения. После 60 лет к физиологическим проблемам добавляется проблема обеспеченности, поскольку мизерная пенсия не покрывает расходы пожилых людей. Однако повышение размера пенсионных выплат и увеличение численности пенсионеров по старости З. Г. Френкель называет мероприятиями, свойственными социальному обеспечению при капитализме, когда предпринимателям и государству, отстаивающему их интересы, выгоднее «выбрасывание из производства пожилых и старческих групп рабочих... и доступнее для капитализма откупиться... пенсионированием от стареющих групп» [12, с. 332–333].

По мнению З. Г. Френкеля, такая социальная политика ничем не отличается от типичной филантропии, только в виде незначительной пенсии, на которую невозможно прожить, она достаточно «лишь для поддержания полунищенского существования» и «не преграждает путей к... поступлению стариков в богадельни, в дома для инвалидов» [12, с. 334].

Помещение пожилых людей в специализированные заведения (инвалидные дома, дома престарелых и т. п.) З. Г. Френкель считал не меньшим злом, чем пенсии. Он отмечал, что пожилые люди, помещенные туда, доживают свои дни безрадостно, там «пропадает для общества весь накопленный... производственный и жизненный опыт, гибнут ценные трудовые ресурсы» [12, с. 334]. Но самым опасным, по мнению ученого, является то,

что пожилые люди разрывают социальные связи и оказываются изолированными от общества, а потому З. Г. Френкель выступает против исключения стариков из социума и предлагает органам социального обеспечения развивать больше направлений для обслуживания интересов пожилых людей, усиление предупредительных мер социально-медицинского характера в предпенсионном возрасте, максимально длительное, рациональное использование трудового опыта пожилых людей.

Разделяя убеждения своего коллеги С. С. Файнштейна, З. Г. Френкель полагал, что подобный подход обладает серьезной социально-экономической ценностью, т. к. в условиях индустриального развития позволяет «изжить напряжение дефицитности высоко квалифицированных работников» [12, с. 355]. Для этого достаточно организовать учет профессиональных навыков и провести полное обследование функционального состояния организма рабочего на пенсии. Другими возможностями называлось оздоровление условий труда, регулярное медицинское наблюдение, «правильная дозировка работы».

В то же время З. Г. Френкель выступает против идеи С. С. Файнштейна о том, что в стране должны быть созданы специальные трудовые артели из/для стариков. Он отмечает, что стариков нужно «растворять с другими возрастами», но установить для них особый режим рабочего дня и отдыха, больше кратковременных перерывов, увеличить число выходных дней, создать список профессий, противопоказанных работникам, достигшим возраста 60 лет [12, с. 356].

З. Г. Френкель, как говорит один из его биографов Я. Миркин, был «универсальным человеком»: когда нужно было выступить за права людей, он был политиком: если нужно было изменить санитарные условия их жизни, он становился санитарным врачом, а если лечить или помогать при родах, то был обыкновенным доктором, готовым прийти на помощь. Он занимался наукой, пытаясь помочь человеку дожить до глубокой старости, оставаясь активным членом социума, «был любителем людей и просто очень хорошим человеком, всю жизнь пытавшимся сделать так, чтобы они были здоровее» [2]. Многие родственники З. Г. Френкеля (сестры, дочь, зять) пошли по его стопам и прожили более 80 лет, доказав правоту его идей, а сам З. Г. Френкель сделал солидный вклад в развитие советской геронтологии.

Список источников

1. Френкель З. Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути СПб.: Нестор-История, 2009. 696 с.
2. Миркин Я. Век счастливого человека // Родина. 2021. № 10. С. 72–77.
3. Френкель З. Г. Холера и основные задачи оздоровления наших городов. М., 1908. 31 с.
4. Френкель З. Г. Холера и наши города. М., 1909. 36 с.
5. Френкель З. Г. О своевременности устройства Всероссийской выставки по оздоровлению населенных мест и о желательности участия Пи-

роговского общества в организации Отдела общественной медицины на Дрезденской международной гигиенической выставке 1911 г. СПб, 1910. 22 с.

6. Френкель З. Г. Очерки земского врачебно-санитарного дела. СПб, 1913. 228 с.

7. Френкель З. Г. Социальная гигиена. Общественная медицина и социальная гигиена как наука и как предмет преподавания в высшей школе. Харьков, 1923. 25 с.

8. Френкель З. Г. Петроград периода войны и революции: Санитарные условия и коммунальное благоустройство. Петроград, 1923. 126 с.

9. Френкель З. Г. Основы общего городского благоустройства. М., 1926. 264 с.

10. Френкель З. Г. Крупный сдвиг в развитии санитарного благоустройства городов РСФСР и его значение для дела здравоохранения. Л., 1931. 10 с.

11. Френкель З. Г. Достижения и проблемы жилищно-коммунального хозяйства в Ленинграде к началу второй пятилетки. Л., 1933. 74 с.

12. Френкель З. Г. Удлинение жизни и активная старость. Л., 1945. 372 с.

А. Н. Щукина
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

РОЛЬ Т. С. ВАРШЕР В РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. На основе архивных материалов в статье анализируется биография и научный вклад Т. С. Варшер в развитие отечественной и мировой исторической науки. Ее основным научным достижением стал 40-томный Топографический кодекс Помпеи (1937–1957 гг.), подробно описывающий археологию и архитектуру Помпей (Италия). На сегодняшний момент отечественными исследователями не было предпринято попыток изучить и обобщить труды Т. С. Варшер, что дает возможность впервые осветить эту тему в научном сообществе.

Ключевые слова: Т. С. Варшер, археология, эмиграция, Помпеи

Abstract. Based on archival materials, the article analyzes the biography and scientific contribution of T. S. Warsher to the development of national and world history. The main scientific achievement is the 40-volume Topographic Code of Pompeii (1937–1957), which describes in detail the archaeology and architecture of Pompeii (Italy). At this point in time, domestic researchers have made no attempts to study and summarize the works of T. S. Warsher, which makes it possible for the first time to highlight this topic in the scientific community.

Keywords: T. S. Warsher, archaeology, emigration, Pompeii

В истории русского зарубежья наряду с известными именами исследователей, таких как С. П. Мельгунов, П. Н. Милуков, Г. В. Вернадский, М. И. Ростовцев, С. Г. Пушкарев есть и те, о которых в отечественной историографии крайне мало информации. Однако они внесли не меньший вклад в мировую науку, будучи в эмиграции. Одним из таких исследователей является Татьяна Сергеевна Варшер.

Можно отметить, что фигура Т. С. Варшер привлекает к себе внимание итальянских славистов [1, с. 320], и о ней помнят специалисты-археологи, занимающиеся эпохой эллинизма [2, с. 95–96]. Но в отечественной исторической науке крайне мало информации о ее жизни и достижениях в области археологии.

Исследование базируется на опубликованных источниках, которые были изданы за рубежом. Подчеркнем важность двух источников, которые позволили провести анализ биографии и научного вклада Т. С. Варшер в отечественную и мировую историю. И здесь, в первую очередь, нужно отметить такую организацию как YIVO¹¹. Архивы и библиотека YIVO представляют собой крупнейшую и наиболее полную коллекцию

© Щукина А. Н., 2025

¹¹ Ведущее в мире учреждение по изучению восточноевропейского еврейства и тех еврейских общин, таких как еврейская община в Соединенных Штатах, которые в первую очередь возникли в результате миграции восточноевропейских евреев. Обширная коллекция YIVO уникальна и незаменима.

материалов о восточноевропейской еврейской цивилизации в мире. Именно там хранятся источники о такой личности как И. М. Троцкий, которые содержат в себе переписку с Т. С. Варшер.

Вторым источником послужило собрание Русско-итальянского архива Х, выпущенное в 2015 г. в городе Салерно. Его составителями являются итальянский литературовед и славист Даниела Рицци и Андрей Шишкин.

В исследовании было применено два подхода: просопографический подход, который позволяет нам изучить исторический процесс через всестороннее описание карьеры личностей эпохи и через анализ их карьерных стратегий, т. е. способов самореализации людей в истории. А также биографический подход, который позволяет нам на основе анализа собравшихся источников личного происхождения, изучить вклад в развитие отечественной и мировой историографической науки через призму отдельных человеческих индивидуальностей.

Татьяна Сергеевна Варшер родилась 1 июля 1880 г. в Российской Империи, в Москве, ушла из жизни 2 декабря 1960 г., похоронена на кладбище Тестацхо в Риме. Ее отцом был С. А. Варшер – историк литературы и преподаватель, которого она лишилась в 8 лет, поэтому большое влияние на ее воспитание и обучение оказал П. Н. Милюков – историк, публицист и лидер партии кадетов. Матерью Т. С. Варшер была француженка Нина Депельнор. В 1989 г. Т. С. Варшер поступила на женские Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге, на исторический факультет, где познакомилась с М. И. Ростовцевым – русским и американским (в эмиграции) историком-антиковедом, археологом и публицистом. Именно благодаря ему Татьяна Сергеевна начала увлекаться античностью.

В YIVO – архиве И. М. Троцкого хранится машинописная копия, которая датируется 16 марта 1937 г. (Сингапур). В ней содержится текст статьи, посвященной тридцатилетию научной деятельности Т. С. Варшер, в которой М. И. Ростовцев пишет: «Моя ранняя любовь были Помпеи. От меня эту любовь унаследовала Т. С. [она] осталась верна Помпеям на всю жизнь. И я ее понимаю. Так разнообразны и так глубоко интересны проблемы, которые ставит этот античный город, чудом переданный нам в почти нетронутом виде. [...] Т. С. Варшер – большой знаток Помпей. Один из лучших, если не лучший среди живущих европейских и американских ученых. В Помпеях она знает каждый угол и каждый камень».

По окончании курсов в 1907 г. Т. С. Варшер переселилась в Ригу, где работала преподавателем. В 1911 г. она вышла замуж и во время медового месяца посетила с мужем Помпеи. В 1913 г. Т. С. Варшер вернулась в Санкт-Петербург, где, помимо научной работы, вела активную политическую деятельность как член конституционно-демократической партии (кадеты). Во время Гражданской войны ее второй муж, воевавший в Белом движении, погиб. В 1920 г. Т. С. Варшер эмигрировала из Советской России в Латвию, а затем переехала в Берлин. В YIVO – архиве имеется рукописная биографическая справка, составленная Т. С. Варшер «На всякий случай (Н. И. Яблоновская напутала)», в которой указаны следующие даты

ее послереволюционной эмигрантской жизни: «Из России выехала 1 августа 1921 в Ригу. В Риге пробыла до марта 1922. Март 1922 – март 1924 – Берлин. Март 1924 – июль 1924 – Париж. С июля 1924 безвыездно в Италии – значит, почти 33 года!».

В эмиграции она активно занималась журналистикой, была сотрудником газет «Сегодня», «Руль», «Последние новости» и др., написала книгу воспоминаний о стране Советов в эпоху военного коммунизма [3]. В Берлине Т. С. Варшер, по природе человек импульсивный и общительный, обрастает широким кругом литературных знакомств. В частности, именно в это время она сдружилась с Ильей Троцким и Алексеем Жерби.

За одиннадцать лет сотрудничества с газетой «Сегодня» (с 1926 по 1937 гг.) И. М. Троцкий опубликовал в ней более 40 статей. Татьяна Сергеевна Варшер, бывшая иностранным корреспондентом «Сегодня» (по Италии), за те же одиннадцать лет (1921 г. и 1929–1939 гг.) опубликовала в ней более 110 статей.

Т. С. Варшер тесно сотрудничала с Немецким Археологическим Институтом в Риме¹², а также с Йельским университетом (США), который при прямом посредничестве М. И. Ростовцева вплоть до начала Второй мировой войны частично финансировал ее научные работы. Научная активность Т. С. Варшер в те годы была столь интенсивна, что ей даже пришлось оставить публицистическую деятельность. Осенью 1926 г. Татьяна Сергеевна исследовала храм Изиды в Помпеях, фрески которого уже были перенесены в Государственный Археологический Музей Неаполя. В Помпеях и Сорренто она занимается раскопками и делает множество фотографий, которые до сих пор используются в научной литературе. По авторитетному утверждению М. П. Ростовцева в вышеупомянутой юбилейной статье о Т. С. Варшер: «Ее коллекция фотографий – фотографий деталей – единственная в мире». В 1929 г. Т. С. Варшер возобновила свое сотрудничество с «Сегодня» в качестве римского корреспондента, сменив на этом посту своего друга Михаила Первухина [4, с. 2], скончавшегося в конце 1928 г. Она печаталась в «Сегодня» вплоть до 1940 г., когда газете была закрыта советскими властями. После войны Т. С. Варшер публиковалась в парижской газете «Русская мысль».

По заказу итальянского правительства Т. С. Варшер работала, в частности, над «Топографическим кодексом Помпей» («Codex topographicus pompejanus»), до сих пор являющимся классическим научным пособием в своей области. Большую часть своей жизни Татьяна Сергеевна посвятила изучению раскопок Помпеи и Геркуланума, а также исследованию античной истории в период расцвета этих городов. В этой области ее творчество плодотворно и разнообразно. Она опубликовала на немецком языке туристический «Путеводитель по помпейским руинам» [5], который в 1930 г. перевела и издала на английском «Помпеи за три ча-

¹² Немецкий археологический институт (НАИ) в Риме – отделение берлинского Немецкого археологического института (Deutsche Archäologische Institut – DAI).

са» [6]; создала подробную фотографическую документацию помпейских археологических раскопок, уделив особое внимание изобразительным мотивам их живописи (большинство фотографий датировано 1942 г.); составила в 1940–1942 гг. до сих пор, к сожалению, не опубликованный «*Catalogo illustrato degli affreschi del Museo nazionale di Napoli*» («Иллюстрированный каталог фресок Государственного Музея Неаполя») и монументальный «*Codex topographicus pompejanus*» (состоящий из 25 томов) – над ним она работала с начала 1920-х и до конца жизни¹³: «Кодекс»¹⁴ я начала писать в 1930. До осени 1938 г. все тома прошли через цензуру Ростовцева. Затем мне удалось послать ему 5 томов. А затем война, а затем болезнь Ростовцева... Дело не только в том – (Вы уже писали мне не скромничайте – а ложная скромность = (если не хуже) самомнению) – дело не в том, что знаменитый профессор *Paolo Mingazzini* (Паоло Мингаццини), подошел к полкам, заставленным моими фолиантами – сказал: “Не могу себе представить, что это работа двух рук! Мне кажется, что тут работала целая комиссия!”».

Интересен с точки зрения характеристики личности Татьяны Сергеевны Варшер как «ученой женщины» рассказ известного американского ученого-археолога Вильгемины Яшемски [7], которая в 1955 г., приехала с мужем-фотографом Стенли Яшемски в Италию, чтобы собрать материал для книги об античных садах. Одну главу в ней она планировала посвятить садам Помпеи. Когда же она впервые встретила с Т. С. Варшер и рассказала ей о своих планах, то добавила, что, возможно, увы, все сады Помпеи уже описаны в литературе. Т. С. Варшер посмотрела ей прямо в глаза и сказала: «Дорогая моя девочка, поверьте, Ваша первая книга будет полностью посвящена только садам Помпеи!». В. Яшемски пишет, что Татьяна Сергеевна Варшер дала ей свои ключи ко всем домам Помпеи, поэтому Вильгемина и Стенли могли заходить в любые места, которые их интересовали, открывать ворота любого дома: «О, это было просто чудо!». По ходу работы, изучая дом за домом, сад за садом, В. Яшемски стала понимать, насколько права была Варшер, когда говорила ей об объеме будущей книги. Из планировавшейся когда-то одной главы выросли три больших тома о садах Помпеи, создавшие В. Яшемски имя в научном мире.

Т. С. Варшер была очень близка с А. Жерби, который в своем некрологе покойной [8, с. 3–5] говорит о ней «...не как об ученом, а как о близ-

¹³ Все эти материалы хранятся в Шведском Институте (*Svenska institutet, SI*) и Немецком Археологическом Институте (*Deutsches Archäologisches Institut – DAINST*) в Риме. В *SI* хранятся и машинописные манускрипты «*Marmi di Pompei*» («Помпейские мраморные скульптуры») в 6 томах (*Roma*, 1948) и «*Le cortine nella pittura pompeiana*» («Портьеры в помпейской живописи») (*Roma*, 1946), и «*Dopera di Wolfgang Helbig “Wandgemälde der vom Vesuv verschütteten Städte Campaniens” riveduta, completata, corretta: con un'appendice di indice topografico Fiorelli-Helbig, rivisto, confrontato e nuovamente numerato*» («Книга Вольфганга Гельбига “Настенные рисунки погребенных под Везувия городов Кампании”: переработанная, дополненная и исправленная версия с переработанным, проверенным и повторно пронумерованным топографическим указателем Фиорелли-Гельбиг») (*Roma*, 1945). Другие подготовительные материалы и коллекции фотографий находятся в Американской Академии в Риме (*American Academy in Rome: Warsher collection, 1937–1939 (Photographic Archive)*) и в фонде Т. С. Варшер в библиотеке американского Исследовательского Института Гетти (*Getty Research Institute, Los Angeles*).

¹⁴ Речь идет о «Топографическом кодексе Помпей» («*Codex topographicus pompejanus*»).

ком мне человеку, о ее незаурядной доброте и отзывчивости сердца. В ней сочетались редкие качества: ум, доброта и чуткость...Все эти качества, редко бывают собраны гармонично в одном человеке, и создали ее незаурядную личность. Она оставит память о себе как о выдающейся русской женщине, которая в тяжелых условиях эмигрантской жизни своим талантом и настойчивостью создала огромный труд о Помпее. По большому счету Татьяне Варшер в жизни принадлежали две вещи – душа живая да ученая работа».

Страсть к античности и архитектурным шедеврам, похоже, сделали Т. С. Варшер нечувствительной к социальной проблематике, судьбам простых людей, теряющих свои жилища и средства к существованию во время трансформаций городов в Италии. В корреспонденциях Т. С. Варшер простой народ – не более чем мелкое препятствие на пути реализации великих градостроительных преобразований, осуществляемых тщеславным Муссолини:

«Так ли уже изменился Неаполь за почти 30 лет, что я знаю его? Конечно, очень изменился. Рядом с почтой, о которой я уже писала, выросли и другие огромные здания. Здание Неаполитанского банка – чудо современного архитектурного искусства: один этаж сплошь стеклянный. Но дело не только в новых зданиях. Изменились обычаи. Нет страшных старух, считавших, что улица – продолжение их квартир, нет мальчишек, пристающих к иностранцам... нет оглушительного крика торговцев – и не слышно больше выстрелов – бичом – этим искусством славились и гордились неаполитанцы, – ведь уже и извозчиков почти не осталось [9, с. 3]».

Она пишет: «Один из лучших памятников античной культуры – это театр Марчелло, посвященный памяти рано умершего племянника и наследника императора Августа: теперь он выступил во всем своем величии, а всего лишь 4 года тому назад под его арками были лавки старьевщиков. Разрушили целый ряд домов, безобразных домов, и теперь с набережной Тибра открывается широкая панорама на площадь со старинными храмами, арку аргентариев и на “Палатин”; Само собой разумеется, что насильственное выселение из насиженного гнезда – мера жестокая, но принимаются всяческие меры для облегчения участи выселяемых, выдают средства на переселение, дают возможность заранее избрать новое жилище. Как всегда, в подобных случаях, кто-то теряет, а кто-то выигрывает, но население Рима, в общем, только выигрывает [10, с. 3]».

Что же касается собственно Татьяны Сергеевны Варшер как человека и гражданина, то итальянский фашизм она, скорее всего, воспринимала не «идеологически», а сквозь призму своего профессионального увлечения античной культурой. Для нее было чуждым видение фашизма Муссолини в контексте провиденциальных мечтаний Мережковского или идей другого духовного вождя русского символизма [11, с. 192]. Прежде всего Т. С. Варшер была «ученой женщиной» – археологом и специалистом по античной истории. Итальянское же фашистское правительство, заинтересованное в изучении истории, открыло несколько специализированных исторических институтов общенационального значения: Институт новой

и новейшей истории, Институт древней истории, Институт нумизматики, Институт истории средневековья, Институт истории Рисорджименто. Все это сопровождалось существенным расширением бюджетных ассигнований для исторических научных учреждений. При всех своих различиях в идеологии и политике все тоталитарные страны Европы стремились превратить научные разработки, в первую очередь гуманитарной направленности, в свое идеологическое орудие. Министерство национального воспитания Италии, например, открыто требовало, «чтобы исторические исследования в Италии были, наконец, направлены в русло того единства директив, которое составляет фундамент, необходимый для развития исторических наук и для нашего освобождения от иностранной культуры [12]».

Также информацию о Т. С. Варшер можно встретить в газете «Русское слово», которая выпускалась в Нью-Йорке на русском языке. Выпуск от 16 мая 1957 г. имеет статью с заголовком «Татьяна Варшер (к 50-летию ее научной и литературной деятельности)» [13, л. 1]. Из статьи известно о том, что есть литература, в которой Аллан Литтль, профессор Гарвардского университета, археологи Жорж Неннет Бойс, Аксель Боэтиус, Франк Баун и др. давали свою оценку. Даже Зинаида Гиппиус – русская поэтесса и писательница, драматург и литературный критик оставила заметки о Т. С. Варшер: «Для русского человека быть в Риме и не видеть Татьяну Варшер гораздо непростительней, чем не видеть папу. Кто она? Ученая женщина? Да, но если бы она была только это, то о ней нечего было бы сказать... Татьяна Сергеевна тем пленяет, что она живой человек, в самой высшей степени. В нее попало столько бергсоновского “елан виталь”, что не всякий с ним справился, да и сама она не всегда справляется. Во всем за что она не берется – от научной работы, до журналистики, решительно во всем чувствуется бурная сила. Но еще другое хранит Татьяну Сергеевну: это неутомимая, откуда-то из глубины идущая доброта: стихийная, страстная, личная – похожая, если уже сравнивать, на расширенное материнство» [13, л. 1].

Изучая источники и анализируя труды Т. С. Варшер, можно прийти к выводу, что ее вклад в развитие отечественной и мировой исторической науки, в частности археологии очень велик. Несмотря на то, что труды были выпущены за рубежом, они представляют большую ценность для исследователей и заслуживают внимания в научном сообществе. «Топографический кодекс Помпей» стал первым фундаментальным трудом по теме, и в настоящее время исследователи, чьи научные интересы связаны с изучением Помпей, обращаются к работе Т. С. Варшер. Коллекция фотографий, которая собиралась в ходе изучения Помпеи, стала уникальным источником.

Помимо научной деятельности необходимо отметить то, что Т. С. Варшер была учителем. Если о ее учителе – М. И. Ростовцеве мы можем встретить много информации, причем не только в зарубежных трудах, то о Татьяне Сергеевне – нет. Тоже самое можно сказать и о ее учениках –

на данный момент времени нет никакой информации о том, кто были эти люди, руководителем для которых стала Т. С. Варшер.

Помимо того, что настоящая статья раскрывает потенциал и значимость научного труда Т. С. Варшер, она является вкладом в изучение темы женской эмиграции 1920-х гг. в целом. Одно из направлений в исследовании эмиграции женщин – их профессиональная адаптация и сепарация. Татьяна Сергеевна Варшер – один из примеров того, как проходила адаптация эмигрантов, изучение языка, поиск работы и построение карьеры, а также реализация права на научную деятельность. Это также указывает на одну из причин эмиграции женщин – невозможность реализоваться в профессиональной сфере в условиях послереволюционной России. Многие эмигранты покидали СССР, чтобы работать в таких направлениях как журналистика и наука. Именно благодаря сохранившимся материалам мы можем изучить упомянутые выше процессы как направление женской эмиграции в 20-х гг. XX в.

Поднятая тема является очень интересной и требует актуализации. В историческом сообществе крайне мало работ, посвященных женщинам-эмигрантам. Это незаслуженно неизученное направление, ведь в такие сферы, как журналистика и наука, русские женщины за рубежом внесли существенный вклад, что можно увидеть по оставшимся источникам и трудам.

Список источников

1. Диалог культур: «итальянский текст» в русской литературе и «русский текст» в итальянской литературе: материалы международной научной конференции, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 9–11 июня 2011 года / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Науч. центр междисциплинар. исслед. худож. текста, Пизанский ун-т; [отв. ред.: Н. А. Фатеева]. М.: Инфотех, 2013. 372 с.
2. Richardson L. Tatiana Warscher 1880–1960 // *American Journal of Archeology*. 1962 Vol. 66. P. 95–96.
3. Варшер Т. С. Виденное и пережитое в Советской России. Берлин, 1923. 154 с.
4. Варшер Т. С. Вместо венка Первухину // *Сегодня*. 1929. № 20. С. 2.
5. Warscher T. Pompeij. Ein Führer durch die Ruinen. Berlin, 1925. 213 p.
6. Warcher T. Pompei in three hours. Roma, 1930. 170 p.
7. Jashemski W.F. Discovering the Gardens of Pompeii: Memoirs of a Garden Archaeologist. North Charleston, 2014. 653 p.
8. Жерби А. Татьяна Сергеевна Варшер // *Русская мысль*. 1961. 5 января. С. 3–5 (Машинописный автограф некролога в YIVO-архиве И. М. Троцкого).
9. Юнггрен М. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. С. 192.
10. Варшер Т. С. В новом Неаполе // *Сегодня*. 1938. № 116. С. 3.
11. Варшер Т. С. Новый Рим // *Сегодня*. 1932. № 96. С. 3.

12. Григорьева И. В. Историческая наука в условиях фашизма // Восток. 2005 4/5(28/29) [Электронный ресурс]. URL: www.situation.ru/app/j_art_863.htm (дата обращения: 09.04.2024).

13. Электронный архив Вяч. Иванова. Оп. 5, картон 2. Троцкий Илья. Татьяна Варшер (К 50-летию ее научной и литературной деятельности) / Новое русское слово. 1957. 16 мая. Четверг. Копия. 1 л.

М. А. Моммалиева

Туркменский государственный университет им. Махтумкули
Ашхабад, Туркменистан

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ С. П. ТОЛСТОВА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

Аннотация. В этой статье рассказывается о С. П. Толстове ученом, изучавшем археологию Северного Туркменистана. За свою жизнь ученый выполнил не мало работ в сфере археологии и этнографии. Одна из них – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, стартовавшая в 1937 г. Под руководством С. П. Толстова, на землях Хорезма было обнаружено множество памятников в ходе этой экспедиции. Поэтому эта экспедиция стала одной из важнейших работ в мировой науке XX в., она раскрыла цивилизацию, еще не известную научному сообществу. Ценные находки, найденные в ходе экспедиции, хранятся в Эрмитаже.

Ключевые слова: С. П. Толстов, ХАЭЭ, Хорезм, археология, этнография

Abstract. The article describes about S.P. Tolstov a scientist who studied the archeology of Northern Turkmenistan. During his life, the scientist performed quite a lot of work in the field of archeology and ethnography. One of them is the Khorezm archeological and ethnography expedition which started in 1937. Under the leadership of S.P. Tolstov, many monuments were discovered on the lands of Khorezm during this expedition. Therefore, this expedition became one of the most important works in world science of the 20th century; it revealed a civilization not yet known to scientific community. Valuable finds found during the expedition are stored in the Hermitage.

Keywords: S. P. Tolstov, HAEЕ, Khorezm, archeology, ethnography

Когда речь заходит об археологии Северного Туркменистана, каждый из нас представляет себе заслугу С. П. Толстова, посвященную исследованиям в этих местах. Ведь ученый всю свою жизнь посвятил изучению памятников Хорезма. Кроме того, он обучил несколько туркменских студентов по этому направлению. Книги, написанные им, до сих пор не теряют свою драгоценность и свой спрос. Поэтому мы, с помощью этой статьи, решили описать научное наследие, который оставил С. П. Толстов в археологии.

Сергей Павлович Толстов родился 25 января 1907 г. в Санкт-Петербурге. Его отец Толстов Павел Сергеевич (1878–1916) был уральским казачьим военным, а его мать звали Мария Ивановна Бадаева (1881–1924) [5, с. 45]. В 1923 г. он поступил в Московский государственный университет, где сначала учился на физико-математическом, а затем на историко-этнологическом факультете по специальности антропология до 1930 г. С. П. Толстов был учеником Б. С. Жукова. Студенческую практику он прошел среди туркмен в Поволжье и в Хорезме. В 1935 г. он за-

щитил кандидатскую диссертацию. В 1937 г., с небольшой археологической группой, он отправился на «землю древних земледельцев» в Хорезм. В результате проведенных здесь раскопок было обнаружено множество памятников средневековья, относящихся к периоду неолита (VII–V тысячелетия до н. э.). В 1939 г. он был назначен профессором Московского университета, заведующим кафедрой этнографии.

С началом Великой Отечественной войны С. П. Толстов первым из добровольцев подал заявку на фронт. Тогда многие профессора МГУ, не имевшие военного опыта, добровольно пошли на войну. Но их отправили назад работать на прежних должностях. С этим решением были не согласны только трое, и С. П. Толстов был одним из них [2, с. 79].

С. П. Толстой не любил рассказывать о событиях военных лет. О его переживаниях в эти периоды, событиях его спутников можно было узнать лишь только после смерти, на основании записей, которые он делал в своем дневнике. В годы войны раскрылись его организаторские способности. Со временем С. П. Толстов становился лидером группы разведчиков. Как известно, «непобедимая» армия Фюрера двигалась в сторону Москвы 8-я стрелковая дивизия Красной Армии расположилась в городе Ельне, в пригороде Москвы. 5 октября 1941 г. группе под руководством Толстова было поручено задание – защищать выход из села Уст-Демин. В этом бою он сумел выдержать три атаки тяжеловооруженных немецких войск и был впервые ранен. 21 октября того же года Толстов вновь получил ранение в ногу. Но, несмотря на это, он смог унести из поля боя своих товарищей и доверенную ему пушку невредимым.

В больнице рана Толстова зажила нескоро. Из-за этого его состояние начало с каждым днем ухудшаться. По приказу Правительства его отправили в Среднюю Азию, в город Ташкент, а затем в город Красноярск. Здесь он лечился и снова подал заявление о возвращении на фронт. Однако военачальники не отправили Толстова на фронт и приказали ему вернуться в Москву. Все те учреждения, где он в свое время занимался наукой, были эвакуированы в Среднюю Азию, в Ташкент, поэтому ученый отправился туда. Его коллеги по университету думали, что Толстов уже умер, и его возвращение стало неожиданным подарком для ученых.

В августе 1942 года С. П. Толстов защитил докторскую диссертацию по теме «Древний Хорезм», и тогда он был назначен директором Института этнографии СССР АН. В 1943–1945 гг. он был деканом в МГУ, а в 1946–1966 гг. работал главным редактором журнала «Советская этнография». В 1950–1952 гг. являлся директором Института востоковедения СССР АН, а в 1951–1970 гг. – членом Русско-Палестинского общества [6, с. 15]. В последние годы жизни он теряет деловые навыки из-за паралича. Умер 28 декабря 1976 г. в Москве и похоронен на Кусевском кладбище [1, с. 47].

Что касается семьи С. П. Толстова, то его жена Татьяна Трофимова Александровна (1905–1986) была известным советским антропологом. Его

дочь Лада Толстова (1927–1991) продолжила дело отца. Она тщательно изучила этнографию народов, которые живут в приморье Арал.

За свою жизнь С. П. Толстов осуществил немало работ в сфере археологии и этнографии. Одна из них – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, стартовавшая в 1937 г. Под руководством С. П. Толстова в ходе этой экспедиции на землях Хорезма было обнаружено множество памятников. Поэтому она стала одной из важнейших работ в мировой науке XX в., открыв цивилизацию, еще не известную научному сообществу. Ценные находки, найденные в ходе экспедиции, сегодня хранятся в Эрмитаже. Также с 1954 по 1960 гг. С. П. Толстов был главным редактором «Этнографических очерков народов мира», который издавался в 18-ти томах под руководством Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая.

Всего опубликовано более 300 научных и научно-общественных статей, 4 монографии и других объемных трудов С. П. Толстова. Ученый также был награжден орденами Трудового Красного Знамени в 1945 и 1957 гг., орденом Дружбы народов в 1975 г. и орденом «Знак Почета» в 1967 г. Кроме того, его наградили «Сталинской премией» первой степени в 1949 г. за труды в многолетней археолого-этнографической экспедиции и рядом медалей [6, с. 16].

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция (ХАЭЭ) был создан в 1937 г. под руководством С. П. Толстова. Ученый назвал земли Хорезма «Египтом Средней Азии» и посвятил свою жизнь изучению материальной и духовной культуры этих мест.

Впервые С. П. Толстов посетил Хорезмскую землю в 1929 г. вместе со своим другом, известным этнографом Л. П. Потаповым, когда еще был студентом МГУ. После этого дня он связал свою дальнейшую научную судьбу с этими местами. Впервые он начал всесторонне изучать Хорезм в 1937 г. Но с началом Великой Отечественной войны работа была остановлена. После окончания войны отправляется вновь на экспедицию и на протяжении многих лет выполняет свою цель [3, с. 67].

Во время Второй мировой войны экспедиция заиклилась на раскопках редких памятников. После войны расследования стали проводиться в обширных районах и селах Хорезма. В качестве ярких примеров можно привести крепости Топраккала, место, где были найдены ценные находки II–III веков н. э., крепости Янбашкала, относящаяся к периоду неолита, крепость Гоюнгырлан, датируемая IV в. до н. э. IV в. н. э., и Коне Ургенч, построенный в средние века. Помимо этого, были проведены комплексные раскопки в Тагискан и Уйгарык, которые считаются ценными археологическими памятниками, принадлежащие скифо-сакским племенам.

Раскопки, проводимые ХАЭЭ в последние годы, проводились с использованием новых археологических методов. Эта экспедиция считалась самой выдающейся научной организацией, когда-либо проводившейся в СССР. Потому что он был первым, кто применил технические тонко-профильные методы. Археологические раскопки проводились в основном

на берегах Амударьи, Сырдарьи, Каракумов и Кызылкума на территории Узбекистана, Туркменистана, Казахстана. В составе экспедиции работали 8 отрядов. Помимо археологов и этнографов, в экспедиции работали геологи, геоморфологи, землемеры, архитекторы, топографы, антропологи. Аэрофотоснимки руин, исчезнувших за тысячелетия, были сделаны наряду с широко используемыми традиционными археологическими методами. Полет осуществлялся на бипланах 1946 г. Это привело к формированию архива аэрофотоснимков Евразии, предназначенного для специальных археологических исследований. Ученые также создали ирригационную карту этого региона [2, с. 79].

Достижения академика Толстова в научном мире отражены в его 16-томных трудах, в данных экспедиций, в ряде монографий и в других научных трудах. Тогда же был опубликован масштабный труд ученого «Древний Хорезм», очень глубоко описывающий историю Средней Азии [8, с. 7]. С. П. Толстов был руководителем экспедиции до 1976 г., т. е. до своей смерти. После этого экспедицией руководили А. В. Виноградов и М. А. Итина. Экспедицию основала Институт этнографии и антропологии (позже переименованный в Институт этнологии и антропологии), в котором С. П. Толстов работал и занимал должность директора [4, с. 63].

Перед Великой Отечественной войной С. П. Толстов набрал членов для своей экспедиции из выпускников археологического факультета МГУ. Среди них можно упомянуть А. И. Тереножкину, изучавшую скифосакский период, М. А. Орлову, изучавшую архитектуру и ташкентского археолога Й. Г. Гульямову. После окончания войны он принял в экспедицию специалиста по керамическим изделиям Н. М. Вактурского, специалиста по религии и суевериям Ю. А. Рапорта, специалистов по бронзовому и железному веку О. Вишневого и М. А. Исину, знатока раннесредневековой земледельческой жизни А. Э. Ньяризик, нумизматов Л. М. Левину, Б. И. Вайнберга, специалиста по палеолиту А. В. Виноградова и специалиста по изучению древних оросительных конструкций, а также аэрофотографа Б. А. Андреева.

Одной из благонамеренных находок Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1939 г. является кельтеминарская культура, относящаяся к новому каменному веку (неолиту). Также в 1948 г. С. П. Толстовым раскрывается и тязбагяпская культура. Участники экспедиции посетили более тысячи объектов. В каждом из них находились десятки археологических памятников. Среди них можно отметить памятники сак-массагет, относящиеся к VII–V тысячелетиям до н. э., Уйгарыкскую, Тагискенскую культуру, а также надо особо подчеркнуть памятник Топракгала, считавшийся в древности столицей Хорезма и занимающий площадь 120 га [9, с. 57].

Экспедиция привела к полному изменению прежних исторических данных по истории Хорезмской области. Организованная С. П. Толстовым экспедиция внесла большой вклад в развитие археологической науки в СССР.

История туркмен, узбеков, казахов и каракалпаков, проживавших на берегах рек Амударьи, Сырдарьи и в ущельях Зеревшана, была тщательно изучена учеными Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. На основе этого созданы многие объемные труды, брошюры и такие книги С. П. Толстова, как «Древний Хорезм», «По следам Хорезмской цивилизации», «В древних дельтах Окса и Яксарта», научные и научно-популярные статьи публиковались на разных языках.

С. П. Толстов был очень трудолюбивым руководителем. Для работы в экспедиции он пригласил специалистов разных национальностей. Несколько человек приехали в Хорезм добровольно и с большим интересом. Активное участие молодежи в экспедиции, как коллектива, создало приятную обстановку и положительно отразилось не только на запланированной научной работе ученых, но и на их творчестве. Именно поэтому Хорезмская экспедиция считается не только научной организацией, но и культурным центром. Например, главный помощник С. П. Толстого Юрий Рапорт работает в экспедиции вместе с известным поэтом Валентином Берестовым. За время своего участия в этой научной организации поэт написал около 40 стихотворений, посвященных Хорезмской экспедиции, которые позже превратились в песню под музыку Рюрика Садокова [7, с. 97]. Кроме того, В. Берестов оставил после себя не только приятные воспоминания об экспедиции, но и множество произведений искусства, посвященных основанию Хорезмской экспедиции.

Как мы видели, ученый С. П. Толстов выполнил большие работы по изучению истории Северного Туркменистана. Его книги до сих пор являются ценным ресурсом для археологов. Любой археолог, ценитель искусства, изучая историю Северного Туркменистана, не могут не обратиться на научные труды С. П. Толстого. Ведь ученый подготовил несколько будущих ученых и среди туркмен. Среди них можно отметить доктора исторических наук Хемра Юсупова. Когда Хемра Юсупов преподавал у нас, он рассказывал несколько приятных воспоминаний, связанных с его научным руководителем С. П. Толстовым. Исходя из этого, мы очень гордимся тем, что такие великие ученые, как С. П. Толстов, изучали наши памятники и завещали ценные научные труды. Его научные работы являются бесценным наследием для будущих поколений.

Список источников

1. Жданко Т. А., Итина М. А. С. П. Толстов (некролог) // Советская этнография. 1977. № 2. С. 47–48.
2. Жданко Т. А., Рапорт Ю. А. Годы войны в жизни С. П. Толстова // Советская этнография. 1988. № 2. С. 79–81.
3. Итина М. А. Проблемы археологи: (к 40-летию Хорезмской экспедиции) // Советская археология. 1977. № 4. С. 67–69.
4. Этнографические обзоры. 1995. № 2. С. 63–64.
5. Прохоров А. М. К 60-летию Сергея Павловича Толстова // Советская археология. 1967. № 1. С. 45–47.

6. Поляков С. П. С. П. Толстов (к 60-летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. Сер. «История». 1967. № 1. С. 16–18.

7. Песни Хорезмской экспедиции (1947–1955) / отв. ред. Ю. А. Рاپорт). М.: Институт этнологии и культурной антропологии РАН, 2001. С. 92–95.

8. Толстов С. П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М.: АН СССР, 1948. С. 7–10.

9. Топрак-кала. Дворец. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XIV. М.: Наука, 1984. С. 57–59.

А. Д. Байриева

Национальный музей туркменского ковра

Ашхабад, Туркменистан

ЧАРЫ БАЙРИЕВ: ХИРУРГ, УЧЕНЫЙ, ИЗВЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Аннотация. С именем ученого-медика Чары Байриева неразрывно связано становление и развитие туркменского здравоохранения, туркменской школы – хирургии. Профессору Ч. Байриеву принадлежит большая заслуга в изучении озокерита. Ступени роста авторитета Ч. Байриева совпали с годами военных лет, землетрясения и восстановления республики.

Ключевые слова: *хирург, блестящий врач, изучение озокерита, научное открытие, операции, спасенные жизни*

Abstract. The formation and development of Turkmen healthcare and the Turkmen school of surgery are inextricably linked with the name of the medical scientist Chary Bayriyev. Professor Ch. Bayriyev has great merit in the study of ozokerite. The stages of growth of Ch. Bayriyev's authority coincided with the years of the war years, the earthquake and the restoration of the republic.

Keywords: *surgeon, brilliant doctor, study of ozokerite, scientific discovery, operations, saved lives*

С именем Чары Байриева неразрывно связано становление и развитие туркменского здравоохранения и его ведущего звена – хирургии. Ч. Байриев прожил долгую плодотворную жизнь, и главным устремлением его деятельности было врачевание. Проникновенное мышление, глубокая мудрость, высокая хирургическая техника, подлинная интеллигентность, широкая образованность, бесконечная терпение и доброта сделали его выдающимся хирургом, последней надеждой множества страждущих.

При жизни о нем ходили легенды, потому что он был уникальным человеком, любил жизнь, любил пациентов, любил весь окружающий его мир, природу, особенно, горы его древней геоктепинской земли. Был открыт людям, ни на кого не держал обиды. У него была сложная из-за множества событий, жизнь.

Профессор, ректор мединститута, Ч. Байриев написал пять монографий, 140 научных работ, выпустил первый словарь латино-русско-туркменских терминов в медицине из восьми тысяч слов и книгу воспоминаний. Кроме того, он вел активную общественную работу, член КПСС, академик АН СССР, был избран депутатом Верховного Совета и отмечен государственными наградами ТССР. За научные разработки новых методов операций в брюшной полости, лечение хирургических болезней озокеритом Ч. Байриев избирается членом-корреспондентом АН ТССР, награж-

дается тремя орденами СССР, в том числе орденом Ленина и медалями [8; 9; 10].

Большая заслуга в изучении различных лечебных свойств озокерита принадлежит туркменскому ученому-медику профессору Ч. Байриеву – в докторской диссертации он обобщает итоги научных исследований и практических опытов воздействия озокеритотерапии при различных заболеваниях.

Ступени роста авторитета Чары Байриевича как хирурга и организатора здравоохранения, туркменской школы хирургии совпали с годами военных лет, землетрясения и восстановления республики.

Его поколение стало свидетелем и активным участником гигантских событий в стране. У туркмен особенно сильно развито чувство Родины, родства, прежде всего почитание родителей, родного очага. Его семья, как и подобает туркменской семье, была многодетной: четыре мальчика и четыре девочки. Отец был уважаемым среди односельчан, он многое привил своим детям: трудовое воспитание своих детей отец ставил превыше всего. Он придерживался неписанных канонов туркменской народной морали, которую можно выразить простыми и доступными каждому понятиями: расти в труде и добиваться всего через труд.

В молодые годы Чары мог бы стать неплохим агрономом после окончания единственного в крае техникума, готовившего и выпускавшего специалистов по садоводству и овощеводству. В то далекое время все пути для молодых были открыты. А что касается национальных кадров, то им предоставлялся некий «карт-бланш». В этом отношении этому поколению действительно повезло.

И все же мечта о врачевании, которая некогда посетила его ум, его сердце, его душу, так и не покинула его. Дерзкая мысль свершить в жизни нечто очень значительно (а медицина велась ему венцом всего) где-то внутри, подспудно, по-прежнему держала его в своем плену. [6, с.19].

Чары считал специальность врача лучшей, уникальной. И здесь сама судьба решила его участь стать медиком в самом широком понимании этого слова. В его родном Гекдепе, он, к своей непомерной радости, узнал, что среди туркменских юношей объявлен набор на подготовительного отделения Туркменского Государственного медицинского института. Он отправился в сАшхабад и поступил в ТГМИ. Мединститут стал для него новым родным домом, а он для него – навеки преданным обитателем. 1930–1940-е гг. – это был по-своему чудесный, светлый и счастливый, а, главное, плодотворнейший период для всех студентов. Занятия в нем шли захватывающе интересно и увлекательно вплоть до самой Великой Отечественной войны.

1943 г. стал переломным – Ч. Байриев закончил институт ускоренным курсом, получил диплом врача, а с ним и первое официальное назначение по службе – ординатором в госпитальную хирургическую клинику, который возглавлял Иван Филиппович Березин, широко известный хирург и член-корреспондент АМН СССР [6, с. 25].

И. Ф. Березин, родоначальник хирургической школы в Туркменистане, приехал в Ашхабад в трудные годы и проработал в стенах лечебных учреждений туркменской республики 50 лет. Профессор оставил после себя много учеников и ценных трудов. С большой благодарностью Ч. Байриев вспоминал о нем, он служил для них лучшим примером не только как хирург, но и просто как человек.

Иван Филлипович охотно привлекал молодого медика к операциям, и он уже привык работать за операционным столом рядом с Чары, и это придавало ему уверенности и энтузиазма. Он открыто радовался успехам молодого доктора и торопился дать ему как можно больше по специальности.

Шел 1944 год, в условиях холода и голода всюду свирепствовал сыпной тиф, во многих районах эпидемии имели массовый характер, были даже случаи заболевания чумой. Врачей, окончивших институт, направили по областям. Ч. Байриева отправили в Халачский этрап (ныне Лебапский велаят), где заболеваемость сыпным тифом была самая высокая. Дома его ждали жена – студентка мединститута с малолетним сыном [6, с. 26].

Молодые врачи должны были заняться ликвидацией мер против особо опасных инфекций. Эпидштаб разместили в очаге эпидемии, пришлось проделать гигантскую работу по преодолению инфекции. В то далекое время ни в одном колхозе не проводилось санитарной обработки, не соблюдался санитарный режим, с трудом удалось наладить карантин по району – все эти мероприятия дали эффективные результаты.

За короткий срок в этих краях доктор Ч. Байриев заслужил огромное уважение и стал популярным. После его приезда общая обстановка в районе резко изменилась. Его заслуга была в том, что больных с каждым днем становилось меньше, смертельных случаев не было совсем [6, с. 55].

Испытание Ч. Байриев выдержал, практически экзамен на врача сдал с хорошей оценкой. Эта длительная командировка дала ему возможность проверить себя, она стала еще одним институтом, вторичным образованием в его жизни. В Ашхабаде в Минздраве Туркменистана его работу оценили как хорошую и объявили благодарность.

В начале 1944 г. Ч. Байриеву предложили ехать на специализацию в Центральный институт усовершенствования врачей города Москвы сроком на 5 месяцев. Он сожалел, что согласился в такое время уехать из дома – время тянулось медленно, естественным развлечением стало хождение в библиотеку института, где он охотно читал литературу по хирургии. Для южанина, привыкшего к солнцу и теплу, снег и настоящая русская зима с ее морозами были в диковинку, но он постепенно знакомился с Москвой – Кремль, Красная площадь, Манеж, университет, Дом Союзов, Большой театр. И хотя сами курсы не состоялись, однако поездка в зимнюю Москву лично для него обернулась большим и полезным уроком [6, с. 19].

Все трудности, испытанные в то время, научили его в последующем преодолевать сложные жизненные ситуации, которых было немало, но Ч. Байриев терпеливо переносил все трудности послевоенной, не слишком благополучной жизни.

Возвратившись из командировки, он был зачислен клиническим ординатором на кафедре госпитальной хирургической клиники под руководством И. Ф. Березина. Из клиники почти не выходил, находился в ней больше, чем дома – не жалея сил, работал днем и ночью, у него фактически не было личной жизни. Лечил самых тяжелых больных, выбирал приемлемые методы лечения.

Однажды профессор И. Ф. Березин вызвал его к себе и предложил ему аспирантуру. Это было неожиданно приятно, но в те трудные военные годы работать и заниматься наукой было крайне трудно. В свободное время он проводил в библиотеке, изучал литературу по хирургическим заболеваниям, круглые сутки трудился с большим энтузиазмом и энергией. Диссертация стала солидной по своему объему и содержанию, пополнив науку новыми, важными открытиями, а Чары Байриев стал кандидатом медицинских наук в 25 лет [6, с. 112].

После присуждения ученой степени его направили ассистентом госпитальной хирургической клиники Туркменского мединститута, где он стал педагогом на законных основаниях.

В 1948 г. в Ашхабаде произошло землетрясение огромной разрушительной силы – город был полностью разрушен, начинать надо было буквально с нуля, а сам Ч. Байриев теряет родных и близких, включая жену, только что окончившую мединститут. Однако Чары Байриева не сломило горе, и он с еще большей энергией и настойчивостью он взялся за работу, создав свою школу хирургии, его ученики – блестящие врачи и сегодня работают во всех уголках страны. Будучи главным врачом поликлиники Минздрава, он разработал проект, по которому был построен одноэтажный лечебный корпус с просторными и благоустроенными помещениями, где принимали больных. Город постепенно входил в нормальный ритм работы, жизнь налаживалась.

Доктор Ч. Байриев часто выезжал по районам, проводил операции. Ему приходилось обслуживать республику с применением санитарной авиации, нередко вылетая на вызовы в пустыню – он был самым молодым заведующим хирургической клиники, поэтому все подобные вызовы возлагались на него.

Однажды с группой врачей Ч. Байриев выехал на периферию для практической помощи местным медикам на полуостров Челекен, к нефтяникам. Объем работы был большой – обследование, лекции, консультации, совместные операции. Население широко использовало озокерит в лечении многих заболеваний, его применяли с лечебной целью еще их прадеды. В одну из последних командировок доктор решил вплотную заняться изучением влияния озокерита на заживление ран. Результаты его применения превзошли все ожидания – свежие раны затягивались очень быстро.

В 1942 г. целебные свойства озокерита были «узаконены» научно, и он был введен в лечебную практику [1, с. 27]. Озокерит, не изученное медициной местное народное средство, – это парафинистое вещество

или «горный воск», издавна применялся людьми в различных целях, в частности в лечебных. Но только сейчас он был введен в лечебную практику медицинских учреждений по решению Военно-госпитального комитета и ученого медицинского совета Наркомздрав СССР. Приоритет в этой области принадлежит С. С. Лепскому, Э. С. Локшиной, А. А. Брауну, Л. Н. Власовой и многим другим, которые теоретически и практически обосновали применение озокерита в лечебной практике. [7].

В то время исследователем Ч. Байриевым было выяснено, что озокерит эффективен при лечении самых разных заболеваний, что эффект при его применении зависит не только от теплового фактора, но и от содержащихся в нем активных веществ, которые способны проникать в организм через поврежденную кожу [2, с. 6–9].

В своей книге «Озокерит в медицине», написанной на высоком научном уровне и ставшей практическим пособием для рядовых врачей, Ч. Байриев обстоятельно изложил физические и химические свойства озокерита и механизмы его терапевтического воздействия, влияние на течение экспериментального воспаления. Уникальная книга была снабжена богатым иллюстративным материалом в виде таблиц, диаграмм, схем и фотографий [5, с. 5–12, 60].

Для того, чтобы подтвердить, что в озокерите содержатся биологически активные вещества, которые проникают в организм через неповрежденную кожу и оказывают терапевтическое воздействие, Ч. Байриев ставил опыты на животных. Эксперименты проводились радиологическим методом при помощи радиоактивного йода [5, с. 212]. Исследователь поставил перед собой задачу изучить эффективность озокеритолечения при воспалительных процессах в хирургии. В этом отношении его многочисленные клинические наблюдения дали основание говорить, что озокеритолечение является весьма эффективным при заболеваниях, в основе которых лежат воспалительные процессы. Все это относится в первую очередь к хирургии и имеет немаловажное значение для других областей клинической медицины.

Из множества наблюдений над больными, которым применялось озокеритолечение, медики выбрали наиболее характерные заболевания, успешно поддающиеся подобной терапии. Анализу подверглись 703 больных с различными заболеваниями с разнообразным местом локализации, в основе которых лежал воспалительный процесс. В лечении больных было отмечено, что нормализация идет параллельно с уменьшением воспалительного процесса и с улучшением общего состояния больного. На основании проведенных исследований было сделано заключение о целесообразности более широкого применения озокерита при лечении острых и хронических воспалительных процессов различной этиологии [5, с. 214–216].

Озокерит содержал микробы, но в то далекое время об этом никто не подозревал. Туркменские ученые называли этот микроб «озокеритная палочка БАМА», по начальным буквам от фамилий Чары Байриева и микро-

биолога Садыка Мамедова, которые выделили оригинальный, прежде не описанный микроб, обладающий антибиотическими свойствами, и продуцирующий протеолитические ферменты.

Серии опытов и экспериментальных обследований, многочисленные испытания на животных и людях были впервые проведены в Ашхабадском институте. Ученые установили, что «одним из действующих факторов озокерита являются антибиотические вещества, выделяемые его спороносными бактериями» [5, с. 45].

Для изучения биологической основы озокеритообразования привлекли микробиологов к проблеме дальнейшей разработки [2, с. 6–9]. Необходимо было испытать чистую культуру в эксперименте, а это процедура довольно длительная, кропотливая, трудоемкая, проводить которую следовало на наиболее чувствительных, реактивных белых мышах. Многочисленные разносторонние эксперименты свидетельствовали, что микроб непатогенной этиологии, выделенный из озокерита, безвреден для живого организма. Это был своеобразный, не похожий на ранее известные науке, микроб – высокой термофильности, выдерживающий высокую температуру, при которой погибают другие до сих пор известные науке микробы.

Позднее выяснилось, что озокеритовый микроб представляет собой палочку, которая в большом количестве находится в озокерите, она чрезвычайно подвижна, хорошо растет в жидкой и твердой питательной средах. Ученые проводили сотни, тысячи экспериментов, и в процессе изучения микробов озокерита им удалось выделить продукт его жизнедеятельности – жироподобное бесцветное вещество, которое вырабатывается в довольно большом количестве и обладает интересным свойством – он теплонепроницаем, благодаря чему микроб не погибает при воздействии высокой температуры.

После десяти лет изучения микроба туркменские исследователи отправились в Институт микробиологии АН СССР. Для проведения контрольно-проверочных опытов была создана специальная авторитетная комиссия из видных ученых во главе с заведующим лабораторией Героем Социалистического Труда академиком Академии наук СССР Е. Н. Мишустиным и доктором биологических наук Егоровой. На конференции, где присутствовали все крупные специалисты Института микробиологии АН СССР, было единогласно подтверждено выделение особого рода микроорганизмов из озокерита и сделано заключение, что озокерит есть в составе метеоритов [6, с. 148–149].

После исследований выяснили, что в составе метеорита есть микробы, т. е. жизнь в космосе – это было научной сенсацией. В Москве дали заключение: «научное открытие». Столичные газеты одна за другой сообщали об этом на страницах журнала «Огонек», газеты «Вечерняя Москва» и многих медицинских центральной и местной печати со множеством фотоснимков, сообщение об открытии неизвестного науке микроба. С научной точки зрения Ч. Байриев доказал огромную пользу озокерита в лече-

нии больных. Неудивительно, что темой его будущей докторской диссертации стал озокерит [10].

Экспериментальная работа, проделанная в Институте микробиологии Академии наук СССР, установила правильность полученных данных о выделении из озокерита микроорганизма, которому нет аналогов. За научные разработки новых методов в лечении хирургических болезней озокеритом Чары Байриев был избран членом-корреспондентом АН Туркменской ССР, награжден тремя орденами СССР, в том числе орденом Ленина и несколькими медалями.

Ч. Байриев продолжал работать над начатой им проблемой озокерита в терапии хирургических воспалительных заболеваний. Работа была налажена, ему удалось организовать хорошо оснащенную биохимическую лабораторию, он проводил эксперименты, появилась возможность изучать вопрос тщательно, многосторонне, с тончайшими объективными исследованиями. Молодые сотрудники кафедры защищали под руководством Ч. Байриева кандидатские диссертации.

В то же время Ч. Байриеву пришлось окунуться в другой мир, полный зависти и интриг. Его судьбу решали озлобленные завистники и недальновидные политики, которые хотели «растоптать» способного специалиста. Помимо того, что не все верили в успех нового направления хирургии, было много откровенных завистников – просто недалеких людей, которым посредственные знания и недостаточный практический опыт казались достаточными для достижения их корыстных целей. Естественно, подлобные «специалисты» всячески мешали хирургу Ч. Байриеву продвигаться по карьерной лестнице – выступали с необоснованной критикой на различных собраниях, пытались втянуть его в интриги. И здесь были важны не только чистые руки, но и чистая совесть.

Грязные сплетни, доносы, гонения и преследования продолжались более десяти лет. Это были тягостные дни, обстановка вокруг ученого была крайне накаленной. Надо было угождать высокопоставленным лицам. В годы застоя Ч. Байриев стал жертвой дел «черных дьяволов» и попал под преследование, они старались его дискредитировать, многие отвернулись от него, стали избегать его. Честная работа и преданность ей были ничем по сравнению с сильной «рукой» наверху [6, с. 169].

Не избежали провокаций и сотрудники мединститута, им обещали различные блага, не один раз вызывали в органы, оказывали нажим, угрожали, прибегая к самым разным методам следствия. С 1977 г. имя, труд и заслуги Ч. Байриева были преданы забвению. Но и это его не сломило, он продолжал выполнять сложнейшие операции, занимая должность рядового врача-ординатора в онкологическом институте, имея звание профессора и члена-корреспондента АН Туркменской ССР.

Все дело было в том, что на собеседовании с заведующим отдела науки и учебных заведений выяснилось, что его друг, не знающий учебной и научной работы, бывший министр здравоохранения, освобожденный от должности за провал здравоохранения в республике, просил предоста-

вить ему должность директора института, которую занимал Ч. Байриев, и где он с трудом наладил работу и улучшил обстановку.

Возражать было опасно и Ч. Байриев занялся докторской диссертацией. Теперь у него появилось достаточно времени, и он интенсивно начал написание основных разделов работы, которые были проверены в Институте микробиологии АН СССР, радиологическая глава – в Институте радиационной гигиены, хирургическая – в Институте хирургии имени Вишневского.

Научная работа состояла из двух томов – клинического и экспериментального. Защита состоялась на расширенном совете во Всесоюзном институте курортологии и физиотерапии. После выступлений авторитетных и известных специалистов диссертационная работа получила достойную оценку с пожеланием издать ее в виде монографии.

В 1970 г. ему снова предложили возглавить мединститут, но к концу 1976 г. по неизвестным причинам мединститут стали навещать ревизоры: один из проверяющих сказал, что было дано задание найти факты, порочащие его моральный облик как преступника и насильника. И хотя комиссия отметила много заслуживающих внимания примеров для внедрения в других вузах, Ч. Байриева, несмотря на отсутствие конкретных обвинений, всеми правдами и неправдами попытались скомпрометировать.

Ученому пришлось долго обивать пороги, на многократные просьбы и требования ему было отказано на всех уровнях, все его письма и заявления возвращались назад. Он знал, что он ничего не добьется. Все в городе знали и понимали, что Ч. Байриев не виноват, что все обвинения в его адрес сфабрикованы. Но ни один человек не мог выступить в его защиту – это было равноценно самоуничтожению. Ему сказали, что каждое его движение против течения только усугубит его судьбу. Решением минздрава его направили в онкологический институт на должность рядового врача-ординатора.

Атмосфера в институте была нездоровая, нерабочая, все держалось на страхе, отсутствовали взаимоуважение и взаимопомощь, зато процветало угодничество «старшему по званию, а не по знанию».

Но в его жизни были светлые моменты – это родной аул, где он вырос, окреп, встал на ноги, оттуда пошел в большую жизнь. Он часто в мыслях возвращался в отчий край, вспоминал ту пору, когда рос, формировался как человек: «Плодами этой земли, ее водой я питался, каждый мой орган, каждая клетка пропитаны водой родных мест, всю жизнь буду помнить и любить родительский дом, наш аул» [6, с. 214]. Поддержка земляков как-то по-особому грели его, вселяли уверенность в то, что справедливость восторжествует.

Она восторжествовала с обретением Туркменистаном независимости. Наступило время его реабилитации – все обвинения были сняты, Чары Байриеву было возвращено звание заслуженного деятеля науки и техники, его избрали академиком АМН Туркменистана [8; 9].

Всю жизнь Чары Байриев жил по завету Ибн Сина «Трудись, стараясь на земле лишь добрый след оставить!». Он всегда тепло отзывался о своем призвании: «Я получал большое удовольствие от сложной работы хирурга, хоть и устаешь, чувствуешь себя победителем. Этим наслаждается истинный хирург, несмотря на изнурительный труд и перенапряжение нервной системы. Мне нередко приходилось находиться в клинике целыми сутками, но усталости совершенно не чувствовал, был доволен работой» [6, с. 192].

В своей книге «Человек должен жить воспоминаниями» он обращается к современному читателю, которые будут знать содержание и образ мыслей наших предшественников – людей поколения XX в. Ему очень хотелось бы верить, что его повествование о минувшем окажет благотворное воздействие на формирование личности молодых людей, набирающихся сил, знаний, опыта. Ведь именно молодым продолжать дело отцов.

Сейчас, когда имя Чары Байриева, стало символом добра и бескорыстного служения туркменскому народу, приняты меры по увековечению его имени в памяти будущих поколений как хирурга, педагога и как человека, целиком посвятившего свою нелегкую жизнь служению своему народу. В новом современном городе Аркадаг онкологическую больницу и проспект, улицу в столице Туркменистана Ашхабаде назвали именем Чары Байриева.

Чары Байриевич Байриев – неповторимый врач, яркий хирург, уникальный ученый, настоящий самоотверженный исследователь. Огромная ответственность за человеческие жизни, которые Чары Байриев с честью пронес через всю свою трудовую жизнь, его мастерство, знания и опыт, тысячи и тысячи операций и спасенных человеческих жизней розвляют назвать его Врачом с большой буквы.

Список источников

1. Байриев Ч. Б. Влияние озокерита на реактивность организма при лечении воспалительных заболеваний / Ч. Байриев. // Озокерит в лечебной практике. М., 1960.
2. Байриев Ч. Б. Влияние озокерита на кожную проницаемость. Ч. Б. Байриев // Здравоохранение Туркменистана. 1964. № 4. С. 6–9.
3. Байриев Ч. Б. Динамика фагоцитарных показателей при озокеритотерапии острых воспалительных процессов / Ч.Байриев // Здравоохранение Туркменистана. 1964. № 6. С. 3–7.
4. Байриев Ч. Б. Испытание культуральной жидкости озокеритовой палочки на токсичность / Ч. Б. Байриев // Здравоохранение Туркменистана. 1964. № 8. С. 6–10.
5. Байриев Ч. Б. Озокерит в медицине. Ашхабад: Туркменистан. 1972. 226 с.
6. Байриев Ч. Б. Человек должен жить воспоминаниями. Ашхабад: Туркменистан. 1995. 240 с.

7. Заключение Института микробиологии АН СССР от 22 июля 1961 года № 217 – 661/26.

8. Чуриев А. Хирург // Туркменская искра. 1992. 15 янв.

9. Шасваров Г. Судьба, похожая на полт сокола // Нейтральный Туркменистан. 1996. 15 июн.

10. Шасваров Г. Жизнь, посвященная Отчизне // Нейтральный Туркменистан. 1996. 23 дек.

Т. С. Минаева

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
Архангельск, Россия

Г. Г. ФРУМЕНКОВ – ИСТОРИК РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

Аннотация. Одним из ярких историков Российского Севера в 1960–1980-х гг. был Г. Г. Фруменков. Он известен как ученый и просветитель, ставивший задачи показать значение Российского Севера в истории страны и сформировать чувство гордости за вклад северян в развитие российского общества и государства.

Ключевые слова: История Российского Севера, историческая наука, научное знание, научные исследования, Г. Г. Фруменков

Abstract. One of the most prominent historians of the Russian North in the 1960s and 1980s was G. G. Frumenkov. He is known as a scientist and educator who set tasks to show the importance of the Russian North in the history of the country and to create a sense of pride for the contribution of the inhabitants of the North to the development of Russian society and the state.

Keywords: History of the Russian North, historical science, scientific knowledge, scientific research, G. G. Frumenkov

Развитие исторической науки Российского Севера невозможно представить без доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР Георгия Георгиевича Фруменкова (1919–1989). В 1966 г. он стал первым доктором исторических наук в Архангельском государственном педагогическом институте и долгие годы был тем, на кого равнялись будущие кандидаты и доктора наук, постигавшие у него в студенческие годы азы исторической науки. Научный интерес Г. Г. Фруменкова к изучению истории Российского Севера XVIII – начала XX в. сложился далеко не сразу. Первые его научные работы появились в середине 1950-х гг. и были посвящены общественному движению в России в 1820–1860-х гг. в том числе польскому революционному и национально-освободительному движению. Обращение к польскому вопросу, скорее всего, определило белорусское происхождение Г. Г. Фруменкова и его умение свободно читать литературу на польском языке. После окончания аспирантуры в ЛГПУ имени А. И. Герцена, с 1947 г. Георгий Георгиевич начал преподавательскую деятельность в Архангельске, что повлияло на дальнейший выбор его научных интересов. В 1960 г. вышла первая работа Г. Г. Фруменкова о М. В. Ломоносове, как историке, что стало позднее одним из направлений научно-просветительской деятельности Георгия Георгиевича. В последующие годы он выпустил 6 научных и 12 научно-популярных и публицистических работ о М. В. Ломоносове. Несмотря на то, что еще в XIX в. вклад М. В. Ломоносова в историческую науку обсуждался в от-

дельных статьях исследователей О. Ф. Миллера, С. М. Соловьева и др., к середине XX в. широкой общественности ученый был известен в основном как физик и химик. Кроме того, в историографии к этому времени сложилось в целом критическое отношение к историческим трудам М. В. Ломоносова. В этих условиях Г. Г. Фруменков поставил перед собой задачу представить новый, углубленный анализ исторических сочинений ученого и показать, в чем заключалось его новаторство в исторических исследованиях. В своих трудах Г. Г. Фруменков не раз подчеркивал, что М. В. Ломоносов являлся «основоположником и зачинателем исторической науки в нашей стране» [1, с. 25; 2, с. 3]. Исследователь отмечал правильность выводов М. В. Ломоносова о смешанном этническом происхождении русского народа «в результате длительного эволюционного процесса скрещивания различных этнических групп и языков, миграции всевозможных племен» [1, с. 58–59]. Хотя Г. Г. Фруменков придерживался традиционных для советской эпохи антинорманских взглядов, он указывал на ошибки в рассуждениях М. В. Ломоносова о варягах-россах и выделил в «Древней Российской истории» ученого верное предположение о происхождении названия народов. «Имя народа всегда моложе самого народа» – писал Г. Г. Фруменков и приводил слова М. В. Ломоносова: «Бывает так, что соседи народа знают его под именем, которым он сам себя называет. Но случается и иначе: соседи называют народ именем, самому народу «необыкновенным или еще неизвестным» [1, с. 57]. Хотя данный вывод касался только термина «славяне», а не названия русского народа, сама идея М. В. Ломоносова получила позднее подтверждение в этнологических, исторических и лингвистических исследованиях, что и отмечал Г. Г. Фруменков.

Еще одним важным вкладом М. В. Ломоносова, по мнению архангельского ученого, стала периодизация истории России, согласно которой он предполагал вести работу над своим обобщающим трудом «Российская история». В окончательной редакции этапы развития Руси выглядели следующим образом: 1) Дорюриковская Русь; 2) от Рюрика до кончины Ярослава Мудрого; 3) удельный период до Батыева нашествия; 4) период татарского владычества до вокняжения Ивана III. Таким образом, как указывал Георгий Георгиевич, М. В. Ломоносов верно определил «поворотные моменты» в истории страны, такие как распад государственного единства Руси и наступление феодальной раздробленности, нашествие орд Батыев, ликвидация ...монгольского ига и образование национального государства» [1, с. 41]. М. В. Ломоносов, по мнению Г. Г. Фруменкова, понимал, что историк не может просто собирать коллекцию фактов, а должен иметь свою систему взглядов, свою теорию развития общества. В исследовании о М. В. Ломоносове как историке Г. Г. Фруменков опроверг существовавшее в историографии представление о поверхностном подходе Михаила Васильевича к истории, случайности его исторических сочинений. «История – постоянная и неизменная любовь М. В. Ломоносова, одна из его «божественных наук», которой он был беззаветно предан в течение

всего 25-летнего периода академической жизни» – писал Г. Г. Фруменков [2, с. 3]. Анализируя работы М. В. Ломоносова, он выделял желание ученого писать, прежде всего, историю народа, а не правителей страны и не их родословную, как это делали его современники, в чем также заключалось новаторство научного подхода ученого.

Еще одной важной чертой М. В. Ломоносова как представителя науки было его понимание социальных функции истории. В доказательство данного тезиса Георгий Георгиевич приводил слова великого помора из его «Древней Российской истории»: «Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, перенося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою времени разделила» [1, с. 49]. Г. Г. Фруменков глубоко уважал М. В. Ломоносова за его понимание задач исторической науки, состоящих в воссоздании жизненного пути народа от прошлого к настоящему, передачи из поколения в поколение исторического опыта, содействия формированию национального самосознания и патриотических традиций. Он называл М. В. Ломоносова «далеким от нас по времени, но удивительно близки по духу и мировоззрению» [2, с. 3].

Уверенность в необходимости пропаганды научных достижений М. В. Ломоносова определила участие Г. Г. Фруменкова в создании и проведении Ломоносовских чтений в городе Архангельске. Идея состояла в организации комплекса мероприятий – конференций, лекций, выставок, в ходе которых население получило бы возможность знакомиться в научно-популярной форме с достижениями отечественной науки. Предложение было поддержано Архангельским обкомом КПСС и Академией наук СССР [3]. Первые Ломоносовские чтения состоялись 27 декабря 1969 г. и открылись докладом Г. Г. Фруменкова «М. В. Ломоносов – основоположник русской исторической науки». [4]. Впоследствии Ломоносовские чтения в Архангельске стали проводиться регулярно с участием ведущих представителей различных отраслей отечественной науки и культуры.

В начале 1960-х гг. определилось еще одно направление научных исследований Г. Г. Фруменкова – история Соловецкого монастыря. Собирая архивные материалы, исследователь обнаружил, что документы Соловецкого монастыря мало использовались учеными. Еще одним фактором, способствовавшим обращению к новой теме, стало разрешение доступа гражданским лицам на Соловецкие острова, где ранее размещался Учебный отряд Северного флота. В итоге работы в архивах и ежегодных посещений архипелага появилась докторская диссертация «Соловецкий монастырь в XVI–XIX вв. как секретная государственная тюрьма и пограничная военная крепость Русского государства», защищенная в 1966 г. В исследовании использованы около 500 личных дел и 150 других единиц хранения, в которых отразились сведения по охране и содержанию узников Соловецкой монастырской тюрьмы. Пока шла работа над диссертацией, Г. Г. Фруменков публиковал отдельные статьи, очерки и монографии по интересовав-

шей его теме, которые вызвали интерес таких исследователей, как С. О. Шмидт и А. Н. Кирпичников. Их отклики и советы помогли в написании диссертации [5, с. 125–126]. Наиболее значимыми в научном плане монографиями Г. Г. Фруменкова явились работы, в которых получила отражение и продолжение тема докторской диссертации. В книге «Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв.» на обширном архивном материале из центральных и местных архивов представлена история Соловецкой военной крепости [6]. Автор показал, как со второй половины XVI в. Соловецкий монастырь постепенно превращается в военную крепость и становится центром обороны беломорского края. В отдельных главах книги проанализирована роль монастыря в защите северных границ российского государства в период Смуты, Северной войны, Крымской военной кампании 1854–1855 гг. Тщательная источниковедческая работа с документами при подготовке монографии прослеживается и в отдельных частях глав, где исследователь обращался к вопросам о составе и положении воинской команды крепости и ее вооружении в разные периоды времени.

К военной истории Беломорья Г. Г. Фруменков в дальнейшем обращался неоднократно. Так, например, к 400-летию Архангельска областная газета «Правда Севера» напечатала цикл его научно-популярных очерков «Город-воин» [7]. Все очерки объединила единая цель их написания, которая состояла в желании показать значимость города в крупнейших военно-исторических событиях России XVII – начала XX в. Одной из важных задач автора, что прослеживается в содержании очерков, являлось также создание представления о том, что жители города и области никогда не оставались безучастными к судьбе своего отечества. Для очерков автор подобрал в архивных документах примеры массового участия северян в боевых действиях и примеры личного героизма, проявленного при защите Родины.

Второй монографией Г. Г. Фруменкова, получившей отклики со всего Советского Союза, стала работа «Узники Соловецкого монастыря», которая издавалась в 1960-х – 1970-х гг. с изменениями и дополнениями 4 раза, с каждым выходом наращивая свой объем [8]. В монографии автор представил долгое время неизвестную широкой общественности историю Соловецкой монастырской тюрьмы XVI – начала XX в. Основное содержание книги предваряет введение с авторским историографическим обзором темы и кратким перечнем источников, использовавшихся при написании работы. Книга раскрывает причины создания тюрьмы в Соловецком монастыре, положение арестантов в XVIII–XIX вв. и условия их содержания. В последнее, 4-е издание включены 12 очерков-персоналий, в которых исследователь раскрыл трагические истории отдельных узников, среди которых были как простые крестьяне и матросы, так и представители высшего общества, попавшие в опалу по политическим причинам.

К истории общественно-политического движения в России, с изучения которого началась научная биография Георгия Георгиевича, ученый

обращался неоднократно. Эта тема нашла отражение, как в монографии «Узники Соловецкого монастыря», так и в работе «Декабристы на Севере», написанной совместно с архангельским архивистом В. А. Волинской [9]. Сбором материалов по истории пребывания декабристов на Севере Валентина Александровна, работавшая в Государственном архиве Архангельской области, занималась в течение 10 лет, а у Георгия Георгиевича в планах было написание книги о декабристах. Так, в итоге совпадение научных интересов появилась монография, основанная на архивных документах. В книге, после краткого исторического обзора движения декабристов, представлен рассказ о нереализованных планах Николая I отправить участников восстания в тюрьму Соловецкого монастыря и 5 биографических очерков о декабристах, судьба которых оказалась связанной с Архангельским Севером.

Обе монографии «Узники Соловецкого монастыря» и «Декабристы на Севере» не только стали вкладом в изучение истории общественно-политического движения в России, но были востребованы в культурно-просветительской деятельности Соловецкого музея-заповедника. Уже несколько десятилетий туристы, посещающие Соловецкие острова, узнают историю монастырской тюрьмы и содержащихся в ней арестантов благодаря работам Г. Г. Фруменкова.

Развитию исторической науки на Севере России ученый способствовал не только проводя собственные исследования, но и обучая основам научной работы студентов. Для студентов-историков в начале 1980-х гг. Г. Г. Фруменков подготовил спецкурс по истории Архангельского Севера [10, л. 76–101]. Кроме того, он традиционно проводил секцию отечественной истории на студенческой конференции Архангельского государственного педагогического института, где в том числе выступали студенты, пишущие под его руководством курсовые и дипломные работы [11, л. 1–52]. Г. Г. Фруменков умел вызывать и поддерживать научный интерес студентов, учил работать с источниками, помогал понять актуальность научной проблемы, раскрыть ее, что давало возможность в дальнейшем продолжить научную карьеру его ученикам.

В заключении необходимо отметить большую роль Г. Г. Фруменкова как просветителя, популяризатора исторических знаний. Так же, как историки XVIII в. М. В. Ломоносов и В. В. Крестинин, о которых писал ученый в своих статьях, Г. Г. Фруменков считал своим общественным долгом просвещение земляков, формирования у них чувства гордости за свою малую родину. Выступая перед учителями, коллегами, студентами он неоднократно отмечал, что одна из главнейших задач историка состоит в том, чтобы «удовлетворить тягу северян к историческим знаниям, к истории Родины, к прошлому и настоящему истории края, воспитывать историей гражданские чувства» [12, с. 461].

Просветительскую деятельность ученый осуществлял несколькими способами. Во-первых, это научно-популярные лекции по истории Архангельского Севера, благодаря которым он стал известен не только жителям

Архангельска, но и других городов страны. Например, в отчете о научной работе за 1981–1982 учебный год он указал: «От имени кафедры восемь раз выступал в различных аудиториях с лекциями. Последнее выступление состоялось ... в доме культуры птицефабрики. Тема: “Архангельск – первые морские ворота Российского государства”. Народу было видимо-невидимо» [13, л. 6].

Во-вторых, это популяризация истории Русского Севера через средства массовой информации, включая радио- и телепередачи, публикации статей в периодической печати и научно-популярных сборниках. До сих пор студенты, обучающиеся в САФУ, в качестве источника знаний по истории Архангельска и его жителей используют, например, книгу «Архангельск 1584–1984», изданную в 1984 г. под редакцией Г. Г. Фруменкова, где он также написал несколько научно-популярных очерков, основанных на архивных материалах [14].

В-третьих, это участие ученого в создании и деятельности регионального отделения ВООПИиК. Его волновала судьба историко-культурного наследия Русского Севера, поэтому он активно участвовал в работе общества и поддерживал его деятельность своими публикациями. «Памятники составляют славу и гордость народа – писал Г. Г. Фруменков, – его огромную духовную ценность и наше национальное богатство» [15, с. 5].

В целом деятельность Г. Г. Фруменкова не только способствовала развитию исторической науки и сохранению исторической памяти на Русском Севере, но и являлась образцом труда историка, ученого, преподавателя для многих северян, его учеников и продолжателей его дела.

Список источников

1. Фруменков Г. Г. М. В. Ломоносов – историк нашей Родины / Г. Г. Фруменков. Архангельск, 2023. 112 с.
2. Фруменков Г. Г. Во славу Родины: М. В. Ломоносов – новое слово в науке русской истории / Г. Г. Фруменков // Правда Севера. 1986. 4 октября.
3. Постановление бюро Архангельского обкома КПСС о популяризации заслуг основоположника русской науки М. В. Ломоносова и проведении Ломоносовских чтений. 9 сентября 1969 г. // Архангельский Север в документах истории. Т. 2. Архангельск, 2015. С. 235–236.
4. Фруменков Г. Г. М. В. Ломоносов – основоположник русской исторической науки / Г. Г. Фруменков // «К пользе и славе Отечества...» Хроника тридцати Ломоносовских чтений. Архангельск, 2003. С. 92–97.
5. Фруменкова Т. Г., Коваль С. А. Георгий Георгиевич Фруменков: историк, ректор, гражданин / Т. Г. Фруменкова, С. А. Коваль. Архангельск, 2010. 631 с.
6. Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. / Г. Г. Фруменков. Архангельск, 1975. 184 с.
7. Фруменков Г. Г. Город-воин / Г. Г. Фруменков // Правда Севера 1982. 22, 27, 29 января; 2, 4, 6 февраля.

8. Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря / Г. Г. Фруменков. Архангельск, 1979. 224 с.
9. Фруменков Г. Г., Волынская В. А. Декабристы на Севере / Г. Г. Фруменков, В. А. Волынская. Архангельск, 1986. 224 с.
10. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 689. Оп. 1. Д. 36.
11. ГААО. Ф. 689. Оп.1. Д. 47.
12. Фруменков Г. Г. Выступление на пленуме правления Архангельской областной организации общества «Знание» 26 июня 1987 г. / Г. Г. Фруменков // Фруменкова Т. Г., Коваль С.А. Георгий Георгиевич Фруменков: историк, ректор, гражданин. Архангельск, 2010. С. 460–462.
13. ГААО. Ф. 689. Оп. 1. Д. 35.
14. Архангельск 1584–1984. Фрагменты истории. Архангельск, 1584. 333 с.
15. Фруменков Г. Г. Беломорье – край заповедный / Г. Г. Фруменков // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1983 г. С. 5–9.

Л. И. Галлямова

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН

Владивосток, Россия

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ КРУШАНОВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

Аннотация. Андрей Иванович Крушанов – один из самых ярких представителей дальневосточной академической науки. Его биография, отразившая многие исторические события советской эпохи и жизненный путь от простого деревенского паренька до крупного ученого и деятеля науки, представляет несомненный научный интерес.

Ключевые слова: Крушанов, жизненный путь, крупный ученый, дальневосточная академическая наука

Abstract. Andrey Ivanovich Krushanov is one of the most prominent representatives of Far Eastern academic science. His biography, which reflected many historical events of the Soviet era and his life path from a simple village boy to a major scientist and scientist, is of undoubted scientific interest.

Keywords: Krushanov, life path, a prominent scientist, Far Eastern academic science

Уроженец Красноярского края Андрей Крушанов появился на свет 1 июня 1921 г. в обычной крестьянской семье (с. Четь близ г. Боготола). Отец его – Иван Демьянович – накануне и в годы Первой мировой войны служил в крепости Владивосток минером в составе Сибирской военной флотилии. Сохранив самые яркие воспоминания о живописном крае на берегу Тихого океана, в 1932 г. он забрал семью и переехал в Приморье. Крушановы поселились в с. Валентин Лазовского района, где располагалось рыболовное хозяйство и при нем – небольшой консервный завод.

В с. Валентин проживало и работало много участников Гражданской войны, бывших партизан, Их рассказы о борьбе против белогвардейцев и интервентов глубоко запали в душу Андрея и навсегда ему запомнились, порождая гордость за отстаивших свою землю победителей и чувство патриотизма. Большое влияние на формирование его внутреннего мира оказали директор Валентиновской средней школы, преподававший историю, А. Е. Смирнов, и математик Н. Г. Маркелов, прививший Андрею любовь к математике, спорту и музыке; они сыграли важную роль в судьбе А. И. Крушанова [1, с. 3–4; 2, с. 5].

Андрей был еще подростком, когда отец отдал его в ученики к слесарю, а затем пристроил помощником моториста на небольшое рыбацкое судно, ловившее рыбу близ побережья. Несмотря на трудовую загруженность, Крушанов учился блестяще, был одним из лучших учеников в школе. В 1939 г. он сдал экзамены сразу за седьмой и восьмой классы и полу-

чил два свидетельства об окончании школы, а также ботинки – подарок профсоюзной организации консервного завода за участие в струнном и духовом оркестрах [2, с. 5–6].

Районный отдел народного образования назначил А. И. Крушанова учителем младших классов в Валентиновскую школу; тогда же он поступил на первый курс заочного отделения Владивостокского педучилища. Учителей не хватало, поэтому Андрею пришлось преподавать не только в младших, но и в 5–7-х классах, где он вел уроки алгебры и геометрии. В качестве педагога Андрей Иванович вскоре приобрел авторитет среди учащихся, при этом оставался открытым для дружеского общения, принимал активное участие в художественной самодеятельности и спортивных соревнованиях. Уже через год Андрей Иванович экстерном сдал экзамены за полный курс Владивостокского педагогического училища.

Обстановка на Дальнем Востоке была напряженной в связи с агрессивной политикой Японии и угрозой ее нападения. В октябре 1940 г. А. И. Крушанов, руководствуясь чувством долга перед Родиной, добровольцем ушел в Красную Армию. Однако перед отъездом он успел поступить на первый курс филологического отделения Владивостокского учительского института.

В армии его направили в радиотехническую часть, где за короткий срок он освоил специальность, стал первоклассным радистом, и вскоре был поставлен заведовать батальонной, а позднее – корпусной радиостанцией. Все годы войны Андрей Иванович не только нес службу в войсках связи, но и как грамотный, хорошо эрудированный пропагандист вел занятия по политической подготовке с рядовыми и сержантами. Согласно его воспоминаниям, в программу занятий входили: информация о положении на фронтах, оценка международной обстановки, анализ агрессивных действий Японии (в связи с чем изучали интервенцию Японии в Россию в 1918–1922 гг. и захват Японией Маньчжурии); освещение войны в Европе и на Тихом океане. [Именно тогда пришло к нему понимание значимости исторической науки, послужив впоследствии причиной его перехода на истфак пединститута].

В 1944 г. А. И. Крушанов вступил в ряды Компартии. В августе 1945 г. в составе Первого Дальневосточного фронта участвовал в боевых действиях по разгрому Квантунской армии в Маньчжурии. После окончания Второй мировой войны А. И. Крушанов был награжден медалью «За победу над Японией» (1945 г.), а в 1985 г. ему за боевые заслуги в войне против Японии был вручен орден Отечественной войны II степени [3, д. 635, л. 4–4 об., 37–43, 85–86, 134].

Демобилизовавшись, А. И. Крушанов получил направление в среднюю школу с. Михайловка (под Уссурийском). Он преподавал историю, потом стал заведующим учебной частью, затем — директором школы. Одновременно он продолжал заочно учиться в пединституте, поменяв филологический факультет на исторический, который закончил с отличием в 1949 г.

В апреле 1953 г. он был назначен проректором по научной части Уссурийского учительского (преобразованного вскоре в педагогический) института. Но желание учиться дальше у него не исчезает, и А. И. Крушанов поступает в заочную аспирантуру при Иркутском государственном университете. Темой диссертации он избрал историю партизанского движения в Южном Приморье в 1918–1920 гг., которой заинтересовался еще в школьные годы. Свои возросшие нагрузки он успешно совмещал с научной работой: в течение 1953–1954 гг. сдал кандидатские экзамены, опубликовал свыше 10 статей, большинство – по теме диссертационной работы, что убедительно подтверждало «...его способность к научным исследованиям» [3, д. 635, л. 18]. В 1954 г., он успешно защитил диссертацию в ИРГУ и получил степень кандидата исторических наук.

В 1955 г. А. И. Крушанов назначен на должность заведующего Приморским крайоно, на ней он проработал три года. Преподавательская, учительская работа, всестороннее знакомство с учительством ближних и дальних селений края позволили А. И. Крушанову приобрести огромный организаторский опыт, умение глубоко вникать в нужды вузовской и школьной интеллигенции. Будучи сначала заместителем директора по заочному обучению Уссурийского пединститута, а затем заведующим Приморским крайоно, он очень хорошо понимал существовавшие в сфере образования проблемы и задачи. Невзирая на большую загруженность, А. И. Крушанов вел курс истории СССР в вечернем университете марксизма-ленинизма, где заведовал кафедрой.

В середине 1950-х гг. в СССР сложилась особенная, уникальная историческая ситуация, способствовавшая активизации развития общественных наук в стране. Под влиянием таких факторов, как подготовка к празднованию 50-летия Первой русской революции, XX съезд КПСС, разоблачение культа личности Сталина, был дан мощный импульс повсеместному расширению гуманитарных научных исследований, в том числе и на Дальнем Востоке: в 1954 г. в составе Дальневосточного филиала СО АН СССР создан небольшой Отдел истории, археологии и этнографии.

В 1956 г. во Владивостоке состоялась 1-я выездная сессия Отделения истории АН СССР, на которой академик М. Н. Тихомиров обратил внимание на необходимость глубокого научного исследования истории Дальнего Востока СССР в историческом, археологическом, этнографическом и востоковедческом планах. На сессии была разработана «Программа изучения истории российского Дальнего Востока с древнейших времен», она способствовала началу координации научно-исследовательских работ в регионе. К исследованию исторических тем приступили и преподаватели исторического факультета государственного университета, начавшие разработку проблемы «Социально-экономическое развитие и революционное движение на Дальнем Востоке (1860–1922 гг.)», а в созданном Северо-Восточном комплексном научно-исследовательском институте историческая лаборатория во главе с Н. Н. Диковым начала работать над темой «Древние культуры Северо-Востока СССР».

12 декабря 1958 г. на заседании Ученого Совета Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук СССР [председатель совета проф. В. Т. Быков, ученый секретарь В. М. Майоров, присутствовали 20 членов Совета, 40 приглашенных] были заслушаны результаты конкурса на должность заведующего Отделом истории, археологии и этнографии. Андрей Иванович Крушанов, «...энергичный, инициативный руководитель, имеющий большой опыт...», был единогласно избран на должность заведующего [3, д. 635, л. 85–86].

Перед руководителем Отдела истории, археологии и этнографии, в составе которого было всего 15 сотрудников, встали сложные задачи: расширить деятельность отдела, усилить подбор и подготовку научных кадров, определить главные направления научных исследований, установить тесные связи с вузами, архивами, музеями, скоординировать их научную работу. Несмотря на высокую загруженность, Андрей Иванович, который в 1961 г. был избран заместителем председателя Президиума ДВФ СО АН СССР по науке, справился с задачами блестяще, под его руководством отдел вырос как количественно, так и в научном плане: к 1965 г. была завершена разработка целого ряда тем, по многим из которых защищены кандидатские диссертации.

Более того, в эти годы и сам А. И. Крушанов вел интенсивную исследовательскую работу по теме докторской диссертации, которую он блестяще защитил в 1964 г. в Ленинградском государственном университете. Он опубликовал десятки научных статей и несколько монографий, не прекращал и педагогическую деятельность, подготовив к защите целый ряд кандидатов наук, а также читая лекции в Дальневосточном государственном университете. В 1966 г. ему присвоено ученое звание профессора.

С конца 1960-х гг. Андрей Иванович целиком посвящает себя развертыванию масштабных исторических исследований на Дальнем Востоке, что требовало колоссальных усилий и энергии. Как первый заместитель председателя Президиума ДВФ СО АН СССР по науке А. И. Крушанов стремился мыслить стратегически при оценке перспектив дальнейшего развития руководимого им отдела, он пришел к идее создания комплексного института общественных наук в составе Дальневосточного филиала, которую стал упорно и настойчиво воплощать в жизнь. Когда в июне 1967 г. во Владивостоке состоялась выездная сессия Отделения истории АН СССР, участвовавшие в ней известные ученые Е. М. Жуков, И. И. Минц, Ю. А. Поляков, А. П. Окладников, М. П. Ким, В. А. Аврорин и др. поддержали идею А. И. Крушанова, на сессии была принята специальная резолюция о необходимости создания института истории, археологии и этнографии во Владивостоке.

Началось осуществление этого амбициозного плана, и, наконец, 1 июля 1971 г. он стал реальностью: во Владивостоке был открыт Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Закономерно, что первым его директором стал талантливый исследователь и организатор, собравший и сплотивший перспективный научный коллектив,

Андрей Иванович Крушанов, который в 1970 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. Институт подобного типа был создан в СССР впервые, его уникальной особенностью являлось то, что он объединил многих специалистов гуманитарного профиля, что давало возможность каждую историческую эпоху изучать комплексно: с позиции истории, антропологии, этнографии, лингвистики, филологии, культуры, политики, идеологии и пр.

Усилиями А. И. Крушанова для подготовки квалифицированных научных кадров была организована аспирантура по специальностям: «Отечественная история», «Археология» и «Этнография», талантливую молодежь стали посылать также в аспирантуру академических институтов Москвы и Ленинграда. Творческий коллектив пополнялся востоковедами, археологами, этнографами, имевшими степень кандидата исторических наук.

На плечи А. И. Крушанова легла огромная ответственность. Необходимо было учитывать политические и идеологические установки, лежавшие в основе правительственного решения о создании Института истории, поставив перед ним задачи сначала идеологические, а потом уже научные. Следовало преодолевать недоверие и скептицизм руководящих органов, помогать молодым и малоопытным исследователям, способствовать выявлению новых материалов в местных и центральных архивах и, преодолевая партийную и государственную цензуру, использовать не известные до того факты и документы при написании научных трудов, организовывать рецензирование и публикацию рукописей. Сложности научной деятельности усугублялись политической ситуацией, не допускавшей инакомыслия, слабостью материального обеспечения науки, отсутствием издательской базы в ДВНЦ. И только целеустремленность, настойчивость и сильный характер А. И. Крушанова позволяли сохранять творческий настрой коллектива, продвигая вперед научное изучение истории Дальнего Востока и смежных территорий, способствуя выходу в свет новых исторических работ.

Именно усилиями А. И. Крушанова Институт истории достаточно быстро становится авторитетным, признанным во всей стране и особенно на Дальнем Востоке центром исторической науки. Как ученый, А. И. Крушанов отличался широким творческим диапазоном, что нашло свое проявление и в его организаторской деятельности. Под его руководством коллектив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока развернул масштабную, многоплановую работу по комплексному изучению истории российского Дальнего Востока от древнейшего прошлого до современности, было начато всестороннее исследование происходивших в регионе этнографических и культурно-исторических процессов, сотрудники института приступают к изучению истории соседних зарубежных государств Азиатско-Тихоокеанского региона и их взаимоотношений с Россией.

Создание Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока в системе Академии наук СССР, рост кадрового потен-

циала профессиональных историков в вузах региона сделали возможной реализацию крупных проектов по написанию коллективных фундаментальных трудов монографического характера, важнейшим из них являлась «История Дальнего Востока СССР (от эпохи первобытнообщинных отношений до 80-х годов XX века)» в четырех томах. Макеты двенадцати книг этого труда были опубликованы в 1974–1982 гг., они получили высокую оценку в МИД СССР и в научных кругах и общественности, однако осуществить издание полноценных томов полностью не удалось: при жизни А. И. Крушанова вышли в свет только первых два, выход в свет остальных томов отодвинулся на долгие годы.

Важнейшим направлением стала также подготовка серии работ «Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв.: историко-этнографические очерки». По инициативе и при поддержке А. И. Крушанова в Институте началась разработка истории соседних стран – Китая, Кореи, Японии, готовятся труды по истории Маньчжурии и Хоккайдо, издана серия справочников «Порты зарубежных стран Тихоокеанского бассейна». Серия «Историко-этнографические очерки» о малочисленных народах Дальнего Востока, главным редактором и организатором которой был А. И. Крушанов, продолжается и сегодня в издании трудов, раскрывающих самобытный характер материальной и духовной жизни коренных жителей Приморья и Приамурья, Сахалина, Камчатки и Охотского побережья. Первая книга этой серии – коллективная монография «Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX веках» — вышла в свет в 1985 г. Эти труды создавались под руководством А. И. Крушанова, и, став на долгие годы одной из главных задач коллектива Института истории, объединяли усилия историков региона, и известных специалистов из Москвы и Ленинграда [4, с. 13].

Серьезного внимания и заботы директора, изыскания финансового и материального обеспечения требовала организация работ по изучению археологических памятников, расположенных на территории российского Дальнего Востока. Однако А. И. Крушанов активно поддерживал это направление деятельности Института, ясно понимая, что сделанные археологами открытия способствуют сохранению исторического и культурного наследия восточноазиатской цивилизации, научному пониманию процесса ее возникновения и распространения.

Исключительно важная организаторская и руководящая роль А. И. Крушанова обусловлена и тем, что он в течение трех десятилетий был заместителем председателя Президиума ДВНЦ СССР/ДВО РАН и курировал развитие гуманитарных исследований во всем дальневосточном регионе. Он был специалистом высочайшего уровня, авторитетным ученым, его хорошо знали и глубоко уважали многие исследователи, к нему шли за советом, помощью и поддержкой.

Наряду со всеми перечисленными сферами деятельности Андрей Иванович активно участвовал в общественно-политической жизни: был членом Владивостокского городского комитета КПСС, членом ревизион-

ной комиссии Приморского крайкома КПСС, избирался во Владивостокский городской совет народных депутатов, а также депутатом Приморского краевого Совета депутатов трудящихся. Кроме того, у него были и другие нагрузки: он работал председателем Дальневосточного отделения АПН, заместителем председателя идеологической комиссии Приморского краевого комитета КПСС, заместителем председателя Приморского отделения Общества советско-корейской дружбы и т. д. [3, д. 635, л. 46–47]. Интенсивность его работы была поистине поразительна, причем при таких нагрузках Андрей Иванович находил время на научную творческую деятельность.

Весьма разнообразными были исследовательские интересы А. И. Крушанова, ставшего основателем целого ряда направлений дальневосточной историографии [5, с. 7–12]. Вместе с тем, наряду с изучением различных аспектов исторического процесса пристальное внимание он уделял анализу актуальных проблем современности, в числе которых одной из важнейших являлась безопасность советского Дальнего Востока. И это не случайно, поскольку А. И. Крушанов был представителем того поколения, на долю которого выпали колоссальные тяготы Второй мировой войны, он был фронтовиком, в огне боев защищавшим свое Отечество. Огромные людские и материальные потери СССР в годы войны и тяжелейшие личные испытания заставляли А. И. Крушанова внимательно относиться к любым угрозам миру и стабильности в целом и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в частности, при этом он подчеркивал особое место Дальнего Востока в географическом и экономическом пространстве государства, отмечая выгодность его положения, огромный потенциал и большую роль в обеспечении безопасности страны.

Отдельно следует подчеркнуть, что как ученый, обладавший широким кругозором и глубоким пониманием разных нюансов исследовательской работы, Андрей Иванович старался держать в поле зрения все грани научного труда, уделяя внимание подготовке различных справочных изданий, сборников документов, хроник, библиографических указателей и т. д.; он много занимался проблемой учебной литературы: под его руководством и при его участии создан ряд учебников и учебных пособий по истории края, причем школьные учебники переиздавались трижды, также вышел в свет вузовский курс лекций по истории Дальнего Востока для студентов.

В общей сложности, лично и в соавторстве им опубликовано более 20 монографий и свыше 300 других научных работ, написанных и опубликованных самим А. И. Крушановым, и тех, что были подготовлены под его руководством и увидели свет в местных и центральных издательствах. Как крупнейший специалист в области отечественной истории в 1987 г. А. И. Крушанов был избран в действительные члены Академии наук СССР.

Нельзя не отметить и его очень большую редакторскую работу. Под его редакцией вышли в свет десятки монографий, коллективных трудов, научных сборников и научно-популярных изданий. Он принимал ак-

тивное участие в создании многотомной «Истории рабочего класса СССР», пятитомной «Истории Сибири», являлся членом редколлегии всесоюзных журналов «Проблемы Дальнего Востока», «Вопросы истории», был первым редактором научного журнала «Вестник ДВО РАН».

Параллельно с исследовательской работой, написанием статей, монографий и подготовкой диссертаций он не прекращал педагогическую деятельность. В течение многих лет А. И. Крушанов участвовал в подготовке специалистов-востоковедов в Дальневосточном государственном университете, где читал лекции по истории, экономике и современному политическому положению Китая, по истории русско-китайских и советско-китайских отношений в XVII–XX вв., по истории Сибири и Дальнего Востока [3, д. 635, л. 46]. Его многочисленные труды, содержательные, информационно насыщенные лекции, мастерски организованные семинарские занятия создали основу настоящей научной школы для многих поколений студентов – будущих учителей и работников вузов.

Вообще, он был прекрасным лектором, активным пропагандистом исторических знаний, читал лекции не только для студентов, но и для слушателей вечернего отделения университета марксизма-ленинизма, и для аспирантов, и для учителей. Он не прерывал с учительством своих связей, тесно сотрудничал с Обществом «Знание», долгое время являлся заместителем председателя Приморского правления этого общества [3, д. 635, л. 46–47].

Много времени и сил А. И. Крушанов посвящал не только обучению студентов, но и подготовке кадров высшей квалификации. В течение пятнадцати лет он являлся председателем Специализированного совета по историческим наукам. Разносторонность научных интересов позволяла академику великолепно ориентироваться в самых разнообразных проблемах истории, и не только отечественной. Он охотно делился своими знаниями, давал ценные советы начинающим исследователям. Непосредственно под его руководством к 1991 г. было подготовлено и защищено 18 докторских и более 90 кандидатских диссертаций [1, с. 7–9]. Таким образом, в настоящее время его ученики работают не только в Институте истории археологии и этнографии, но и ведут преподавание во многих вузах Дальнего Востока, а также за его пределами.

А. И. Крушанов вел непрерывную научно-организационную работу по координации деятельности академических учреждений и историко-филологических факультетов, кафедр истории КПСС и истории СССР вузов Дальнего Востока. Большую роль в развертывании гуманитарных исследований А. И. Крушанов отводил проведению конференций, предоставлявших ученым, преподавателям вузов, аспирантам и студентам возможность для обмена мнениями, открытиями, свежей информацией, позволяя обсуждать актуальные проблемы истории региона и теоретические концепции. Более того, после проведения конференций, он, как правило, анализировал итоги проведенной работы и освещал их в печати, в том числе в авторитетных журналах «История СССР», «Вестник Академии наук

СССР», «Новая и новейшая история», «Дальний Восток» и др. И сам директор, и сотрудники руководимого им института много внимания уделяли организации научных конференций и симпозиумов, сессий, исторических чтений и семинаров по проблемам истории, археологии, этнографии и востоковедения, отечественной и зарубежной историографии. Под его руководством и при личном участии проведены 18 всесоюзных конференций, 8 дальневосточных исторических чтений, 3 сессии востоковедов. Причем конференции проходили в разных городах – во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Комсомольске-на-Амуре, Магадане, Южно-Сахалинске, Анадыре, Петропавловске-Камчатском и др.

Сам А. И. Крушанов постоянно выступал не только с докладами на научных форумах разного уровня, но и с лекциями для слушателей из всех слоев населения. Он прекрасно владел словом, был ярким оратором, его выступления вызывали огромный интерес и пользовались неизменным успехом, привлекая не только научных сотрудников и аспирантов, но и преподавателей вузов, учителей, студентов, архивных и музейных работников и т. д. В 1978 г., высоко оценивая его пропагандистскую и просветительскую деятельность, Президиум Всесоюзного общества «Знание» удостоило А. И. Крушанова высшей награды — медали им. академика С. И. Вавилова, кроме того, его имя было занесено в «Книгу почета» общества [1, с. 93; д. 635, л. 133].

Как признанный специалист в области истории А. И. Крушанов являлся членом ряда научных советов АН СССР, членом бюро Национального комитета историков страны, членом Советского комитета Тихоокеанской научной ассоциации, членом трех научных советов по комплексным проблемам: «История Великой Октябрьской социалистической революции», «История социалистического и коммунистического строительства в СССР», «История международного коммунистического и рабочего движения», он – член Ученого совета по историко-филологическим и философским наукам СО АН СССР, заместитель председателя Объединенного ученого совета Дальневосточного научного центра АН СССР и председатель секции общественных наук этого совета [3, д. 635, л. 46]. Трудовые заслуги и большие достижения в сфере науки и образования А. И. Крушанова отмечены высокими правительственными наградами: 6 орденами и 12 медалями, а также медалью Монгольской Народной Республики.

А. И. Крушанова как известного, авторитетного ученого от Академии наук СССР нередко привлекали в качестве консультанта. Так, он был советником в экспедиции Чехословацкой академии наук, которая в 1983 г. проводила свою работу в Приморье (экспедицию возглавляли всемирно известные тогда путешественники Ёржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд). В частности, он был экспертом таких документальных исторических фильмов, как «Земля у океана», «Мятеж в Приморье», «Освобождение Приморья», «Солдатским праведным путем» и др. [1, с. 46].

А. И. Крушанову множество раз приходилось участвовать с докладами в крупных международных мероприятиях: на VIII Международном

конгрессе антропологических и этнографических наук в Японии (Токио, 1967 г.), XIII Международном конгрессе исторических наук (Москва, 1970 г.), XIII Тихоокеанском конгрессе в Австралии (1971 г.), он выезжал в научные командировки в Японию, Болгарию, Вьетнам, Сингапур, КНДР, МНР, Китай, читал лекции в Токийском императорском и Осацком национальном университетах. Последняя его двухнедельная научная командировка состоялась в апреле 1991 г. в Японию по приглашению японской стороны [3, д. 635, л. 137].

А. И. Крушанов трагически ушел из жизни 4 августа 1991 г., но память о нем продолжает жить. Сведения об ученом внесены в целый ряд исторических энциклопедий, о нем опубликованы десятки статей в различных изданиях. После его ухода, в 1993 г. на здании Института истории археологии и этнографии ДВО РАН установлена мемориальная доска, одной из улиц Владивостока присвоено его имя, а с 1998 г. коллектив ИИАЭ стал регулярно проводить конференции – Крушановские чтения, посвященные первому директору и любимому учителю.

В заключение нельзя не подчеркнуть безусловно великое значение его деятельности для всей исторической науки Дальнего Востока, поскольку он являлся куратором гуманитарного направления, центральной фигурой и координатором научных исторических исследований региона. Андрей Иванович Крушанов внес огромный вклад в развитие научных исследований и гуманитарного образования на Дальнем Востоке России и как блестящий организатор, и как талантливый ученый, и как создатель и лидер научной школы, и как выдающийся педагог, наставник и пропагандист, активно содействовавший историческому и культурному просвещению населения Дальнего Востока. Именно поэтому многогранное творческое наследие А. И. Крушанова остается актуальным и востребованным, способствуя сохранению светлой и благодарной памяти о незаурядной, яркой, благородной личности ученого и патриота.

Список источников

1. Балицкий В. Г., Деревянко А. П., Ермакова Э. В., Мандрик А. Т., Патрушева М. А. Академик Андрей Иванович Крушанов // Андрей Иванович Крушанов. Библиографический указатель трудов / Балицкий В. Г., Деревянко А. П., Ермакова Э. В. и др. Владивосток, 1991. С. 3–10.

2. Балицкий В. Г., Соловьев В. Ф., Мандрик А. Т., Шавкунов Э. В. Ученый, исследователь политических и социально-экономических проблем истории Дальнего Востока // Андрей Иванович Крушанов. Библиографический указатель трудов (к 60-летию со дня рождения) / Балицкий В. Г., Соловьев В. Ф., Мандрик А. Т. и др. Владивосток, 1981. С. 5–12.

3. Текущий архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Д. 635 (личное дело А. И. Крушанова).

4. Иващенко Л. Я. Академик. К 75-летию А. И. Крушанова // Россия и АТР. Владивосток, 1996. № 2. С. 10–15.

5. Галлямова Л. И. Мастера российской историографии: Андрей Иванович Крушанов (1921–1991) // Исторический архив. Научно-публикаторский журнал. М., 2011. № 5. С. 102–112.

Т. Б. Хоммиев

Туркменский государственный университет им. Махтумкули
Ашхабад, Туркменистан

Г. Е. МАРКОВ – НАСТАВНИК ТУРКМЕНСКИХ ИСТОРИКОВ

Аннотация. В статье рассказывается о Геннадии Евгеньевичи Маркове – известном ученом, блестящем педагоге, талантливом организаторе науки, внесшем большой вклад в изучение истории Туркменистана, о его вкладе в развитие туркменской исторической науки и подготовку национальных кадров.

Ключевые слова: крупный ученый, археология, первобытные памятники, экспедиция, научные открытия, этнология, ученики

Abstract. This article tells about Gennady Evgenievich Markov – a famous scientist, a brilliant teacher, a talented organizer of science, who made a great contribution to the study of the history of Turkmenistan. His merits in the development of Turkmen historical science and contribution to the training of national personnel are very great.

Keywords: major scientist, archeology, primitive monuments, expedition, scientific discoveries, ethnology, students

Мы знаем многих ученых, которые внесли огромный вклад в изучение богатого историко-культурного наследия туркменского народа, археологических памятников, этнологии и этнографии. Среди них особое место занимает имя известного советского и российского ученого Г. Е. Маркова, участника Великой Отечественной Войны, заслуженного деятеля науки, профессора Московского государственного университета имени Ломоносова, доктора исторических наук.

Г. Е. Марков, будучи еще студентом, посещал туркменский край, принимая активное участие в изучении этнической истории народа северного региона в ходе работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С. П. Толстова. Уже позднее, став выдающимся ученым, он стал и мудрым наставником туркменских историков, сделав плодотворный вклад в подготовку высококвалифицированных отечественных историков.

В 1956 г. Г. Е. Марков основал Туркменскую археолого-этнографическую экспедицию под руководством кафедры этнографии Московского университета. В этой экспедиции вместе с учеными из МГУ аспиранты и студенты из Туркменистана долгие годы вместе вели научную работу. Автору этих строк также довелось участвовать в деятельности той экспедиции в течение 2 лет. Все эти годы Г. Е. Марков не прерывал интенсивную экспедиционную и научно-исследовательскую деятельность, прочно связав свою судьбу с Туркменистаном и ее народом, частицей

которого он себя всегда ощущал. Туркменская археолого-этнографическая экспедиция в течение многих лет работала в Туркменистане в теснейшем взаимодействии с сотрудниками Института истории им. Ш.Батырова АН ТССР и Туркменского государственного университета. В том же 1956 г. была предпринята разведывательная поездка с целью сбора этнографического материала в Западной Туркмении и исследования археологических памятников Прибалхання. Во время поездки по северобалханской степи был обнаружен крупный археологический памятник ранне-неолитической эпохи – Оюклы, раскопкам которого были посвящены два следующих года, и предприняты раскопки средневекового памятника-захоронения близ Ашхабада около холма Ак–Тепе. В результате этой работы был добыт уникальный материал, датируемый примерно XIV в., причем в мусульманском захоронении были обнаружены сопровождавшие его украшения в виде браслетов, бус и колец.

Г. Е. Марков исследовал целый ряд древних археологических памятников Туркменистана. Так, в 1957–1960 гг. экспедиция под руководством Г. Е. Маркова провела исследовательские и раскопочные работы в районах, прилегающих к Большому Балканскому хребту и к равнине выше города Туркменбаши [7, с. 45]. Разрозненные поселения, обнаруженные экспедицией в северных, восточных и южных предгорьях Балканских гор, были отнесены к эпохе мезолита и разным периодам эпохи неолита.

Г. Е. Марков – ученый, открывший уникальный памятник эпохи раннего неолита Оюклы в Балханских горах [13, с. 4]. Найденные здесь предметы до сих пор оставались нетронутыми. Здесь была собрана богатая коллекция артефактов. Среди них – грубые орудия из кварца и искусно выполненная керамика. Г. Е. Марков сравнивал найденные находки памятника Оюклы с периодом комплексов IV–V слоев Джебеля. Основная ценность этого памятника в том, что коллекция керамики и изделий из кремня Оюклы уникальна, и до сих пор не встречалась ни в Средней Азии, ни в соседних с ней районах.

Еще одним важным событием в изучении истории каменного века восточного побережья Каспийского моря стало исследование пещеры Дамдамчешме II. Первый пробный шурф был вырыт здесь академиком А. П. Окладниковым, но до исследования дна культурного слоя пещеры дело не дошло. Позднее обширные раскопки в пещере проводились в 1963–1964 гг. уже под руководством Г. Е. Маркова. Была раскопана площадь более 250 квадратных метров культурного слоя, мощность которой местами составляет более 5 метров. В ходе раскопок было обнаружено 23 слоя, различающихся по составу и структуре почвы [6, с. 85]. В культурно-стратиграфическом отношении было выделено девять последовательно сменяющих друг друга пластов культурной истории пещеры [6, с. 86].

Пещера Дамдамчешме II представляет собой большую и интересную коллекцию археологических находок. Самый нижний девятый слой пещеры характеризуется несколькими орудиями труда (дощечками, лопатками,

рубанками и т. д.). По итогам исследований Г. Е. Марков делает предположение, что девятый слой следует отнести как минимум к концу раннего палеолита. Четвертый слой относится к концу эпохи мезолита – к эпохе неолита и до периода возникновения гончарного ремесла. В четвертом слое важным становится обнаружение костей домашней козы. Стратиграфические данные свидетельствуют о том, что животноводство в предгорьях Балкан было широко распространено в то же время, что и аналогичные виды деятельности в восточном Средиземноморье и северном Ираке.

Таким образом, по результатам работы Г. Е. Маркова стало известно, что необходимые условия для возникновения производительного хозяйства сформировались в предгорьях Балканских гор уже в период позднего мезолита, однако в силу особенности местных условий, производительное хозяйство получило здесь широкое распространение несколько позже. В эпоху ранней бронзы на побережье Каспийского моря все большее распространение получает скотоводство, позднее перешедшее в кочевое скотоводство.

При раскопках пещеры Дамдамчешме II у среднеазиатских ученых появилась стратиграфическая колонка, более точная с точки зрения хронологии, чем колонка пещеры Джебель. Культурно-историческая и хронологическая интерпретация найденных в пещере отдельных коллекций, сопоставление их с другими памятниками иногда вызывали возражения. Но общая хронология и культурно-историческая характеристика памятника, определенные Г. Е. Марковым, и деление археологических комплексов на типы, определение места памятника среди других культур в период от позднепалеолитического периода Средней и Передней Азии до эпохи бронзы, не оставляют места для сомнений в их правильности.

В 1970–1971 гг. под руководством Г. Е. Маркова проводились раскопки второй крупной пещеры Дамдамчешме I. Пять слоев пещеры охватывают период от мезолита (вероятно, немного более позднего мезолита, чем Дамдамчешме II) до бронзового века. Кроме того, велись работы по дальнейшему изучению уже известных памятников и поиску новых местобитаний. Возле стенки внутри пещеры Дамдамчешме II на площади 8 квадратных метров вскрыт нетронутый до тех пор культурный слой. Были рассмотрены существующие культурные слои от скальной поверхности памятника до его основания и получены новые сведения, характеризующие материальную культуру людей, живших в пещере в эпоху мезолита и неолита. Также Г. Е. Марков разделил памятники каменного века у подножия Балканских гор на такие группы, как Северные Балканы, Восточные Балканы, Южные Балканы, Верхний Узбой, Средний Узбой и Нижний Узбой в зависимости от их географического положения, и ввел их в научный оборот [7, с. 23–59].

В 1978 г. было открыто новое поселение, относящееся к Оюклинской культуре – Оюклы IV [8, с. 68]. Исследования, проведенные здесь в 1978–1979 гг., позволили получить новый большой набор данных (изделия из кварца, керамика, украшения), аналогичных данным, впервые обнару-

женным при исследовании Оюклы I. В 1979 г. Г. Е. Марков повторно исследовал находки из древнего городища Кукурт, открытого в 1971 г. севернее города Туркменбаши, и опубликовал отчет о нем [8, с. 67–76].

В 1959 г. Г. Е. Марков организовал этнографическую экспедицию среди туркмен-иолатанцев, проживающих в среднем течении Мургаба и опубликовал первые научные сведения об особенностях их хозяйства и общественного устройства [4, с. 92]. Г. Е. Марков был выдающимся исследователем-полевиком, автором сотен научных исследований и трудов. Он участник, организатор и руководитель более десятков полевых сезонов в Туркменистане, в ходе которых, давал новые направления исследований и по итогам, которых выдвигал новые идеи.

В 1967 г. Г. Е. Марков получил степень доктора исторических наук. Среди сотен опубликованных им научных трудов подавляющее большинство составляют работы, посвященные туркменской тематике. Туркменская часть играет важную роль в широкомасштабной, фундаментальной научной работе Г. Е. Маркова под названием «Кочевники Азии», признанной мировым научным сообществом. Основное ее содержание состоит в том, что на основе конкретных примеров и логичных рассуждений доказывается отсутствие феодальных, патриархально-феодальных отношений у туркменского народа в прошлом. В своей работе ученый утверждает, что туркмены никогда не были феодальными рабами, что это гордый, открытый народ. К сожалению, среди ученых, писавших о туркменах в советское время, в том числе и среди туркменских историков, думающих именно так можно было пересчитать по пальцам. Г. Е. Марков когда-то писал, что идея «феодализма» заключалась в социальной заказности большевистской системы [13, с. 4]. Он был одним из немногих историков, изучавших Туркменистан, не признавших добровольного присоединения страны к Царской Россией. Многие вопросы истории Туркменистана достоверно изложены в научных работах Г. Е. Маркова.

Профессор Г. Е. Марков – ученый, продвигавший туркменскую историю, археологию и этнографию в мировом масштабе. Он читал лекции на туркменскую тему в Германии, Австрии, Франции, Швейцарии, Югославии, Болгарии и ряде других стран. Там, где он читал лекции, к научной работе по туркменской теме позднее подключились несколько студентов. Г. Е. Марков имеет десятки опубликованных работ по туркменской истории, археологии и этнологии в странах Западной Европы.

Г. Е. Марков – автор более двух сотен научных публикаций, содержащих немало научных открытий, в том числе нескольких книг, получивших международную известность. Это, в частности, «Кочевники Азии», «Очерки истории формирования северных туркмен», «История хозяйства и материальной культуры» и другие. Помимо русского, публикации Г. Е. Маркова выходили на немецком, английском, французском, грузинском, вьетнамском и арабском языках.

Г. Е. Марков внес крупный вклад в изучение истории этнографии и археологии Туркменистана и способствовал возникновению широкого научного интереса к туркменской тематике, как в России, в республиках бывшего СССР, так и за рубежом. Им разработана теория «номадного способа производства», получающая все более широкое, в том числе и международное признание. В течение ряда лет он был членом Исполкома организации ООН «Конгресс антропологических и этнологических наук». Г. Е. Марков – создатель уникальных курсов по многим проблемам этнографической науки.

Известный ученый подготовил четыре десятка ученых из разных стран мира и руководил молодыми учеными [1, с. 184]. В их числе были и туркменские историки. Под руководством Г. Е. Маркова диссертации, освещавшие проблемы туркменской истории, защищались десятки раз. Аннадурды Оразов (1931–1998) был одним из первых этнографов из туркменской молодежи, работавших под руководством Г. Е. Маркова. В 1962 г. А. Оразов опубликовал свою научную работу «Прибалханские туркмены в конце XIX – начале XX вв. (Историко-этнографические очерки)», защитил кандидатскую диссертацию по теме и получил первую ученую степень [10]. В дальнейшем А. Оразов при участии своего научного наставника в 1985 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Туркменский этнограф Какабай Нурмухаммедов (1933–1999) в знаменитом университете имени Ломоносова в 1962 г. под научным руководством Г. Е. Маркова защитил кандидатскую диссертацию по теме «Этническая история и хозяйство туркменского населения Ахала в XVIII–XIX вв. (Историко-этнографические очерки)» [9]. Работы К. Нурмухаммедова, посвященные этнографии туркмен, включают в себя этническую историю народов Ахалского ваялата, изучение видов хозяйственной деятельности, особенностей земельно-водных отношений.

В 1966 г. под руководством Г. Е. Маркова Курбандурды Атаев (1932–2021) защитил кандидатскую диссертацию по теме «Хозяйство и материальная культура туркменского народа Атека в конце XIX – начале XX вв.» [2]. В научных трудах К. Атаева отражены вопросы этногенеза малочисленных туркменских этносов предгорья, хозяйственная деятельность, приемы земледелия, виды орошения, орудия труда, различные аспекты жилища. Также статья этнографа об охоте туркменов является одним из первых опубликованных научных сообщений в этой области.

Блестящий этнолог Марат Дурдыев (1941–2002) в 1970 г. в Ломоносовском университете в Москве защитил кандидатскую диссертацию по теме «Общественные институты туркмен Ахала в конце XIX – начале XX вв.» [5]. В научных трудах М. Дурдыева анализируется место обычаев и шариата в правовых нормах туркмен, пограничных отрядов в Южном Туркменистане, древних верований и обычаев, связанных с браком. Также своей уникальностью отличаются научные труды ученого по туркменскому этногенезу и причинам распространения туркмен в мире.

Известный туркменский этнограф Чары Язлыев (род. в 1946 г.) в 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию «Очерк хозяйства и общественной организации туркмен-сарыков Иолотанского оазиса в конце XIX – начале XX в. (Исторический очерк)» [12]. В 1990 г. Ч. Язлыев при участии консультантом своего научного руководителя защитил докторскую диссертацию на тему туркменской сельской общины. Тщательный анализ туркменским этнографом бытовых особенностей иолотанских туркмен, живших в среднем течении Мургаба, социальной структуры туркменской сельской общины, типов земельно-водной собственности, социальных объединений в скотоводстве, управлении, советах, власти ханов, семейно-брачных отношений были обосновывались архивными источниками. Продолжая педагогические традиции своего научного руководителя, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АНТ Ч. Язлыев и сегодня дает наставнические советы историкам и молодежи.

Г. Е. Марков также является ученым, подготовившим учеников и в области первобытной археологии. Так, под его руководством в 1981 г. Сейиткулы Хамракулиев (1942–2015) защитил кандидатскую диссертацию на тему «Каменный век Прибалхана (Восточное Прикаспие)», и до сих пор является одним из первых туркменских археологов, обратившихся к теме первобытной жизни [11].

В 1973 г. на защите кандидатской диссертации на тему «Туркмены Тедженского оазиса в конце XIX – начале XX вв. (Историко-этнографические очерки)» туркменского этнографа Рузмата Бабаджанова (1938–2003) Г. Е. Марков был официальным оппонентом [3]. Он дал молодому ученому дельные советы в выборе правильных аспектов, поиске решения проблемы, а также на какие направления следует обратить внимание в дальнейшем.

Г. Е. Марков продолжал археологические и этнологические экспедиции, связанные с Туркменистаном, вплоть до 1990-х гг.

Научные труды всемирно известного ученого и этнолога Г. Е. Маркова, посвященные изучению туркменской истории являются фундаментальными научными произведениями. Целый ряд историков-ученых подготовленных Г. Е. Маркова внесли свой вклад в развитие этнографии и археологии. И сегодня, уже подготовленных ими новая плеяда молодых туркменских историков продолжают этот путь и ведут соответствующую научную работу.

Список источников

1. Аникин Н. В., Соловей Т. Д., Функ Д. А. Большой стиль в науке. Памяти доктора исторических наук профессора Г. Е. Маркова / Аникин Н. В., Соловей Т. Д., Функ Д. А. // Вестн. Моск. ун-ва. Сер. 8. История. 2018. № 6. С 176–194.

2. Атаев К. Хозяйство и материальная культура туркменского населения Атека в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дис. канд. ист. наук. / Атаев К. М. 1966. 20 с.

3. Бабаджанов Р. Туркмены Тедженского оазиса в конце XIX начале XX вв. (Историко-этнографические очерки). Автореф. дис. канд. ист. наук. / Бабаджанов Р. М., 1973. 24 с.
4. Васильева Г. П. История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке конец XVIII – XX века / Васильева Г. П. М.: Наука, 2003. 198 с.
5. Дурдыев М. Общественные институты туркмен Ахала в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дис. канд. ист. наук. / М., 1970. 22 с.
6. Марков Г. Е. Раскопки памятника первобытной культуры в Западном Туркменистана грота Дам-Дам Чешме 2 / Марков Г. Е. // Известия АН ТССР. 1966. № 5. С. 85–91.
7. Марков Г. Е. Материалы по каменному веку Прибалханья / Марков Г. Е. // Материальная культура Туркменистана. А.: Ылым, 1971. С. 23–59.
8. Марков Г. Е., Хамракулиев С. Новая стоянка оюклинской культуры в Северном Прибалханье / Марков Г. Е., Хамракулиев С. // Вестник Моск. университета. Сер 8. История. 1980. № 4. С 67–76.
9. Нурмухаммедов К. Этническая история и хозяйство туркменского населения Ахала в XVIII–XIX вв. (Историко-этнографические очерки). Автореф. дис. канд. ист. наук. / Нурмухаммедов К. М., 1962. 20 с.
10. Оразов А. Прибалханские туркмены в конце XIX – начале XX вв. (Историко-этнографические очерки). Автореф. дис. канд. ист. наук. / Оразов А. М., 1962. 18 с.
11. Хамракулиев С. Каменный век Прибалханья (Восточное Прикаспие): Автореф. дис. канд. ист. наук. / Хамракулиев С. М., 1981. 18 с.
12. Язлыев Ч. Очерк хозяйсва и общественной организации туркмен-сарыков Иолотанского оазиса в конце XIX – начале XX вв. (Исторический очерк). Автореф. дис. канд. ист. наук. / Язлыев Ч. М., 1973. 22 с.
13. Язлыев Ч. Профессор Г.Е.Марков – видный туркменовед / Язлыев Ч. // Народы Средней Азии: время и традиции. А.: Ылхам. РНПБ, 1993. С. 35.
14. Язлыев Ч. Халыпа / Язлыев Ч. // Түркменистан. 1994. 21 янв.

Д. Ю. Семенов

Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова
Ижевск, Россия

А. И. ПОЛЯК – ОСНОВОПОЛОЖНИК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ УДМУРТИИ

Аннотация. Статья посвящена Адель Исааковне Поляк – первому профессиональному искусствоведам Удмуртии, посвятившей свою научную деятельность творчеству художников Удмуртии. Рассматриваются основные этапы ее биографии, анализируются ее книги и статьи, а также большое внимание уделено ее многолетней педагогической и просветительской деятельности.

Ключевые слова: *искусствоведение, художественная критика, искусство*

Abstract. This article is dedicated to Adele Isaakovna Polyak, the first professional art critic of Udmurtia, who devoted her scientific activity to the work of artists of Udmurtia. The main stages of her biography are considered, her books and articles are analyzed, and much attention is also paid to her long-term pedagogical and educational activities.

Keywords: *art criticism, art criticism, art of Udmurtia, monographs, articles*

В истории искусствоведения Удмуртии Адель Исааковна Поляк (1937–2014) останется как основоположник региональной науки об искусстве, как первый исследователь, обратившийся к творчеству художников республики.

Адель Исааковна Поляк родилась 11 июля 1937 г. на Украине, в городе Днепропетровске. Вскоре ее семья переехала в Киев – ее отца перевели работать на оборонный завод «Арсенал». С началом Великой Отечественной войны завод был эвакуирован, и ее семья оказалась в городе Воткинске Удмуртской АССР. С этих пор вся жизнь А. И. Поляк оказалась связана с Удмуртией.

После окончания средней школы Адель Исааковна поступила на историко-филологический факультет Казанского государственного университета им. В. И. Ленина (ныне – Приволжский федеральный университет), который успешно закончила в 1959 г. После окончания вуза она вернулась в Воткинск и работала в техникуме при Воткинском машиностроительном заводе, где преподавала русский язык и литературу.

В 1964 г. А. И. Поляк вместе с семьей переехала в столицу Удмуртской АССР – город Ижевск и в том же году начала работать в должности ассистента на кафедре философии и научного коммунизма Ижевского механического института (впоследствии – кафедра философии Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова). Именно с этим вузом, где она проработала 45 лет (1964–2009), оказалась

связана вся дальнейшая судьба и вся многолетняя научная и педагогическая деятельность Адель Исааковны.

Она читала лекции по философии (для студентов всех специальностей), а с 2001 г., после открытия в университете факультета «Реклама и дизайн», читала студентам этого факультета лекционные курсы по дисциплинам «Эстетика», «Культурология», «Мировая художественная культура», «История изобразительного искусства». За многолетний добросовестный труд в сфере науки и высшего образования А. И. Поляк была удостоена почетных званий «Заслуженный деятель искусств Удмуртской Республики» (1992), «Ветеран труда» (1997), «Почетный работник высшей школы РФ» (2001). В 1993 г. ей было присвоено ученое звание «профессор» без защиты докторской диссертации.

Еще во время работы в Воткинске А. И. Поляк поступила на заочную форму обучения в Уральский государственный университет им. А. М. Горького (ныне – Уральский федеральный университет им. Первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург), в котором незадолго до этого, в 1960 г., в составе филологического факультета была открыта кафедра истории искусств. Основателем и первым заведующим кафедрой был Борис Васильевич Павловский (1922–1989) – доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент АХ СССР. Эта кафедра стала первым центром подготовки специалистов по истории искусств за пределами Москвы и Ленинграда. Б.В. Павловский видел свою основную цель в том, чтобы вновь созданная кафедра стала не только центром академической подготовки искусствоведов, но важным научным центром по изучению искусства Урала. И в этом отношении он сам был подлинным примером – его перу принадлежит 20 монографий как о профессиональных художниках Свердловска, так и о народном искусстве горнозаводского Урала.

Темой сперва дипломной работы, а впоследствии кандидатской диссертации Адель Исааковны стал, как уже говорилось выше, процесс становления и развития профессионального изобразительного искусства Удмуртии. К этой теме она обратилась по непосредственной рекомендации Б. В. Павловского, который посоветовал ей взяться за эту абсолютно еще никем не разработанную тему. В 1968 г. А. И. Поляк успешно окончила университет и стала дипломированным искусствоведом.

В 1970 г. в издательстве «Удмуртия» вышла книга А. И. Поляк «Художники Удмуртии» [1], которая была написана ей по материалам своего дипломного исследования. И хотя эта книга была оформлена достаточно скромно – в мягкой обложке и с черно-белыми иллюстрациями, она и по сей день представляет особую ценность как первое исследование обобщающего характера, в котором изложены основные этапы развития изобразительного искусства республики, а также дана характеристика творчества ведущих графиков и живописцев.

Вскоре после получения второго высшего образования А. И. Поляк поступила на кафедру истории искусств в заочную аспирантуру к своему учителю Б. В. Павловскому. Диссертация продолжала тему дипломного

исследования, но при этом требовала гораздо более широкого привлечения исследовательского материала. Поэтому, помимо непосредственного анализа произведений искусства, А. И. Поляк регулярно работала в центральных архивах, разрабатывала и проводила социологические опросы среди населения города Ижевска, вела и записывала подробные беседы с художниками. Результатом этой тщательной и кропотливой работы стала диссертация «Становление и развитие изобразительного искусства Советской Удмуртии» [2], которую Адель Исааковна успешно защитила в 1973 г. в Москве, в Научно-исследовательском институте теории и истории изобразительных искусств АХ СССР (ныне – НИИ РАХ). В том же году, вскоре после защиты, она была принята в Союз художников СССР. С этого времени в течение почти сорока лет она была своеобразным «летописцем» художественной жизни республики, открывая новые имена и анализируя творчество местных «классиков», рассматривая в своих публикациях основные тенденции развития регионального искусства.

В 1974 г. издательством «Удмуртия» была издана книга Адель Исааковны «Изобразительное искусство Удмуртии. Библиографический справочник» [3]. Это было издание сугубо справочного характера, которое не претендовало на обзор творчества того или иного деятеля изобразительных искусств республики, но сообщало лишь самые краткие сведения: биографическую справку, перечень работ, основные выставки.

На основе диссертации и по заказу ленинградского издательства «Художник РСФСР» А. И. Поляк была подготовлена к изданию научно-популярная книга «Художники Удмуртии», вышедшая в 1976 г. [4]. В отличие от первой книги, опубликованной в 1970 году, она имела гораздо больший объем материала, была снабжена развернутой аннотацией на английском языке и подробным справочным аппаратом, содержащим сведения о художниках – краткую биографическую справку, перечень работ, основные выставки. Изменился и внешний облик книги – по сравнению с предыдущей она вышла в суперобложке и твердом переплете, была напечатана на плотной мелованной бумаге, имела большое количество высококачественных цветных иллюстраций.

1970-е гг. в изобразительном искусстве республики были отмечены интенсивным развитием монументальной и станковой скульптуры. Результатом искусствоведческого осмысления этого многогранного процесса стала книга А. И. Поляк «Скульпторы Удмуртии», вышедшая в издательстве «Удмуртия» в 1982 году [5]. Книга представляет собой два очерка монографического характера, в которых рассматривается жизненный и творческий путь двух ведущих скульпторов Удмуртии того времени – А. Е. Аникина и В. А. Цибульника, подробно анализируются созданные ими произведения.

Крупными научными достижениями этого десятилетия стали еще две монографии, посвященные ведущим живописцам Удмуртии – П. С. Семенову и П. В. Елкину. Первая из них вышла в 1984 г. в издательстве «Удмуртия», а вторая – в 1990 г., в ленинградском издательстве «Ху-

дожник РСФСР» [6,7]. Здесь следует отметить, что к творчеству П. В. Елкина Адель Исааковна обратилась снова спустя много лет, в 2004 г., когда в издательстве «Удмуртия» сразу на двух языках – русском и удмуртском – вышло ее пособие для учащихся «Петр Елкин», рекомендованное Министерством образования Удмуртии для школ республики [8].

Важное место в научном наследии А. И. Поляк занимают не только монографии, но и статьи. Ее перу принадлежит свыше шестидесяти научных статей, опубликованные в местных и центральных изданиях. Это и тематические сборники, и материалы конференций, и коллективные сборники статей преподавателей гуманитарных кафедр ИжГТУ им. М. Т. Калашникова. Статьи охватывают широкий круг проблем – сюда вошли работы обзорного характера, освещающие основные тенденции развития изобразительного искусства Удмуртии в тот или иной период [9], публикации историографического характера [10] и другие. Статьи последнего периода научной деятельности Адель Исааковны, написанные уже в 2000-е гг., посвящены, в основном, актуальным проблемам искусства постмодернизма [11].

С самого начала своей научной и педагогической деятельности А. И. Поляк уделяла большое внимание пропаганде и популяризации изобразительного искусства среди населения республики. Она регулярно выступала на открытии художественных выставок, писала заметки о выставках и художниках на страницах республиканских газет и журналов, готовила большое количество буклетов и каталогов. К этой же сфере ее деятельности можно отнести также учебное пособие для студентов технических вузов «История изобразительного искусства Удмуртии» (Ижевск, 1995) [12], а также альбом «Удмуртия в изобразительном искусстве», вышедший в 2001 г. в издательстве «Удмуртия» [13].

Когда в 1993 г. А. И. Поляк была утверждена в ученом звании профессора, на кафедре философии была открыта аспирантура по специальности «Изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура». Первым аспирантом Адель Исааковны был А. В. Золотухин – научный сотрудник Удмуртского республиканского музея изобразительных искусств. Его диссертация называлась «Национальное своеобразие изобразительного искусства Удмуртии 1975–1995 гг.» [14]. Вторым аспирантом стал Д. Ю. Семенов, преподаватель кафедры «Культурология» ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, написавший диссертацию на тему «Этнофутуризм как направление в современном изобразительном искусстве Удмуртии» [15]. Оба аспиранта А. И. Поляк успешно защитились в Научно-исследовательском институте теории и истории изобразительных искусств Российской Академии художеств (г. Москва).

Работая в провинциальном университете, изучая творчество местных художников и историю регионального искусства, А. И. Поляк никогда не впадала при этом в довольно часто случающийся «местечковый патриотизм», всегда оставаясь честной и объективной в своих суждениях и оценках. Она видела своей основной целью именно художественную критику,

т. е. умение не только оценить по достоинству то или иное произведение искусства или его автора, но и высказать определенные замечания, отметить те или иные недочеты, показать то, что в силу тех или иных обстоятельств было упущено автором и, в свою очередь, помешало ему в полной мере донести свой творческий замысел до зрителя. Вот что она сама писала по этому поводу, завершая уже упоминавшееся нами ранее учебное пособие «История изобразительного искусства Удмуртии»: «Не следует думать, что каждое из упоминаемых произведений по степени завершенности, цельности, уровню профессиональной культуры – это шедевр без изъянов. Мы пытались рассмотреть реальный материал, составляющий содержание художественных выставок» [12, с. 100].

Адель Исааковна Поляк ушла из жизни 9 мая 2014 г. Человек высокой внутренней культуры и интеллигентности, широко образованный, доброжелательный и отзывчивый, – именно такой Адель Исааковна Поляк осталась в благодарной памяти художников, коллег и учеников.

Список источников

1. Поляк А. И. Художники Удмуртии. Ижевск., Удмуртия, 1970.
2. Поляк А. И. Становление и развитие изобразительного искусства Советской Удмуртии. Дисс... канд. искусствоведения. М., 1973.
3. Поляк А. И. Изобразительное искусство Удмуртии. Библиографический справочник. Ижевск., Удмуртия, 1974.
4. Поляк А. И. Художники Удмуртии. Л., Художник РСФСР, 1976.
5. Поляк А. И. Скульпторы Удмуртии. Ижевск, Удмуртия, 1982.
6. Поляк А. И. Творчество П. С. Семенова. Ижевск, 1984.
7. Поляк А. И. Творчество П. В. Елкина. Л., Художник РСФСР, 1990.
8. Поляк А. И. Петр Елкин: учеб. пособие. Ижевск, Удмуртия, 2004.
9. Поляк А. И. зарождение профессионального изобразительного искусства Удмуртии//Искусство Удмуртии. Сб. ст., вып. 1, Ижевск, 1975. С. 5–18. Она же. Некоторые тенденции развития современной живописи Удмуртии// Там же. С. 49–71.
10. Поляк А. И. Изучение профессионального изобразительного искусства Удмуртии // Исследование искусства Удмуртии. Сб. ст. Ижевск, 1980. С. 13–24.
11. Поляк А. И. Постмодернизм: некоторые тенденции развития искусства//Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. Сб. ст. Ижевск, 2003, сс.184–197. Она же. Некоторые особенности искусства постмодернизма на рубеже XX–XXI вв.//Социально-экономическое управление: теория и практика. Периодический научно-практический журнал. Ижевск, 2005, № 1–2. С.107–112.
12. Поляк А.И. История изобразительного искусства Удмуртии: учеб.-метод. пособие для студентов технических вузов. Ижевск, 1995.
13. Удмуртия в изобразительном искусстве. Альбом репродукций произведений художников Удмуртии // составитель и автор текста Поляк А. И. Ижевск, Удмуртия, 2001.

14. Золотухин А. В. Национальное своеобразие изобразительного искусства Удмуртии 1975–1995 гг. Дисс...канд. искусствоведения. М., 1998.

15. Семенов Д. Ю. Этнофутуризм как направление в современном изобразительном искусстве Удмуртии. Дисс...канд. искусствоведения. М., 2007.

П. В. Сорокун

Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета

Ачинск, Россия

ДМИТРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ РЕЗУН И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ МАЛЫХ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ

Аннотация. Российская историография на сегодняшний день имеет богатые традиции изучения локальных общностей, которые в свое время были заложены отечественным краеведением. Весомый вклад в изучении истории сибирских городов досоветского периода представлен работами замечательного ученого, доктора исторических наук, профессора Дмитрия Яковлевича Резуна, чье имя хорошо знакомо не только в узких научных кругах, но и многим любителям, интересующимся историей Сибири и поиском информации о своих предках. Многие его труды были изданы не только в России, но и за рубежом, где они стали настоящими бестселлерами.

Ключевые слова: *Биография, историк, Сибирь, городские поселения, исследование, научный труд, история, город*

Abstract. Russian historiography today has a rich tradition of studying local communities, which at one time were founded by Russian local lore. A significant contribution to the study of the history of Siberian cities, before the Soviet period, is represented by the works of a remarkable historian, Doctor of historical Sciences, Professor Dmitry Yakovlevich Rezun, his name is well known not only in narrow scientific circles, but also to many interested in the history of Siberia and the search for information about their ancestors. Many of his works have been published not only in Russia, but also abroad, they have become real bestsellers.

Keywords: *History, city, biography, historian, Siberia, urban settlements, research, scientific work*

Весомый вклад в историческую науку изучения малых Сибирских городов досоветского периода времени внес Дмитрий Яковлевич Резун. Его труды стали настоящими бестселлерами [2–5]. Жизнь и научное творчество ученого-историка нашли отражение в историографической литературе исследователей: В. А. Ивонина, Е. В. Комлевой, А. Р. Ламина и Л. Б. Ус, И. П. Каменецкого, В. А. Каменевой, О. Г. Климовой, Ю. М. Гончарова и др. [1].

Основываясь на биографических материалах из жизни историка, сформированных на основании личного дела и воспоминаниях коллег, следует отметить, что Дмитрий Яковлевич Резун родился в г. Омске в семье простых рабочих 6 февраля 1945 г. Его отец умер в 1952 г., мама Надежда Семеновна Резун работала в областной психбольнице г. Омска табельщицей. Ее трудолюбие, оптимизм и стойкость в преодолении жизненных невзгод и испытаний передались сыну. Так, А. Р. Ивонин указывал на семейные трудности. Дмитрий Яковлевич рос без отца, небольшая зар-

плата матери позволяла как-то сводить концы с концами, а если появлялись «лишние деньги», то в семье обязательно покупали новую книгу, так как «мать хотела видеть сына образованным человеком» [5, с. 3]. В свои школьные годы он очень полюбил уроки истории, и «после окончания школы Дмитрий не задумывался о выборе жизненного пути» [6, с. 299].

В 1961 г., окончив 9 классов средней школы № 65, по семейным обстоятельствам Д. Я. Резун пошел работать лаборантом в химико-механический техникум (г. Омск) и в 1962 г. окончил 10 классов школы рабочей молодежи № 1 (г. Омск). До института, кроме техникума, работал еще инструктором трудовой терапии в областной психбольнице (г. Омск), коллектором-пикетажистом Омского отделения Новосибирского треста инженерно-изыскательских работ (г. Омск) [7, с. 8–9].

В 1963 г. Д. Я. Резун поступил на исторический факультет педагогического института им. А.М. Горького и в 1968 г. успешно его окончил. Последующие три года он по распределению работал учителем истории и обществоведения средней школы № 1 в г. Называевске Омской области. В 1971 г. по семейным обстоятельствам переехал в г. Махачкалу, где работал старшим библиотекарем в научно-методическом отделе Республиканской библиотеки им. А. С. Пушкина. Там в июле 1972 г. вступил в члены КПСС. В ноябре 1972 г. опять переехал в г. Омск, где работал преподавателем истории в школе рабочей молодежи № 15.

Еще в годы учебы Дмитрий Яковлевич начал заниматься исследовательской деятельностью под неофициальным руководством доктора исторических наук А. А. Зимина. В 1972 г. молодого историка по рекомендации А. А. Зимина сибирский ученый О. Н. Вилков пригласил в Новосибирск в аспирантуру и на работу в Институт истории, философии и филологии СО АН СССР, где он прошел путь от старшего лаборанта до заведующего сектором истории конца XVI – первой половины XIX в. В. А. Ламин и Л.Б. Ус отмечают: «Д.Я. Резун считает, что ему крупно повезло, здесь он столкнулся с настоящими профессионалами, грамотными и умными людьми. Общение с ними стало хорошей школой» [6, с. 3].

Первые научное исследование ученый посвятил историографии истории жизни и научного творчества В. О. Ключевского, планируя превратить работу в диссертационное исследование. Однако его опередила академик М. В. Нечкина, опубликовавшая в 1974 г. научную монографию о выдающемся историке. Эти обстоятельства позволили ученому пересмотреть свои взгляды и приоритеты в историческом научном изыскании [9, с. 6].

В 1970-е гг. особый интерес со стороны государства начал уделяться истории городской и деревенской тематике. Тогда Дмитрий Яковлевич решил начать исследование дореволюционного сибирского города. Исследования проходили успешно, и уже в 1979 в г. Томске молодой ученый защитил кандидатскую диссертацию по теме «Сибирский город в русской историографии XVII – первой половины XVIII вв.». В течение последующих трех лет была опубликована его первая монография «Очерки истории

изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII в.». Этот труд стал одним из фундаментальных и ознаменовал появление нового направления в историческом сибиреведении – исторической урбанистики [9, с. 6–7].

В процессе осуществления своей научной деятельности Дмитрий Яковлевич публиковал свои изыскания в международных изданиях Германии, Польше, США. Также в отечественных периодических изданиях, таких как: «Земля Сибирская Дальневосточная», «Вечерний Новосибирск», «Енисей».

По результатам научных поисков ученого в 1991 г. в Новосибирске им была защищена диссертация на доктора исторических наук по теме «История городов Сибири в отечественной русской историографии XVIII–XIX вв.» [10].

В отзывах и характеристике за 1998 г. подчеркивалось, что «самый значительный вклад Д. Я. Резун за последние пять лет внес в науку созданием и изданием «Краткой энциклопедией по истории купечества и коммерции Сибири» [6]. Особое значение также отводится его замечательному труду «Русские в среднем Причулымье в XVII–XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири)», 1984 г. издания, которое основано на различных архивных источниках, в нем показан генезис малых городских форм как исторически закономерных и обусловленных форм проявления процесса хозяйственно-культурного освоения Сибири в указанный выше период. В монографии рассматриваются вопросы основания и строительства русских острогов в Причулымье, развития и взаимосвязь различных сфер городской экономики: сельского хозяйства, торговли и транспорта, ремесла городских поселений среднего Причулымья [2].

По мнению ученого роль и история малых городов Сибири, которые являлись связующими и детерминированным звеном в исторической противоположности город-деревня, еще не заняла достойного места в собственно исторических исследованиях, хотя в ряде общих работ последнего времени и получила очерковое освещение. Малые города как одна из самых устойчивых во времени и пространстве форм всегда составляли и составляют большинство поселений городского типа почти в любой стране. Вплоть до настоящего времени в большинстве стран Западной Европы по законодательному статусу городами считаются поселения, имеющие не менее 2–5–10 тысяч жителей, а в некоторых странах минимальное число жителей города составляет лишь несколько сот человек [2, с. 4].

Каждая научная проблема имеет ряд горизонтов, «срезов» своего решения. На сегодняшний день, сибирская историческая наука характеризуется тем, что история крупных в прошлом городов Сибири – Тобольска, Тюмени, Томска, Енисейска, Красноярска, Иркутска, Якутска и Нирченска – изучена достаточно фундаментально. Но роль истории не больших городских поселений, до сих пор еще является актуальной для исследования, так как многими учеными при изучении истории регионов Сибири

не брали в расчет малые города, как форму городских поселений. По мнению Д. Я. Резуна, это по-своему противоречит объективности, так как каждый крупный город «возглавлял» целую взаимосвязанную систему острогов – исторических форм малых городов, которые, в свою очередь, были окружены сетью земледельческих, торгово-промышленных, ремесленных и ямщицких слобод, имевших чаще всего городской центр, администрацию, к которому тянулись заимки, погосты, деревни, села.

В связи с преждевременной кончиной в 2012 г. ученый не успел закончить разработку новых больших тем «Немцы и поляки в Сибири в XVII в.», «Шведские военнопленные в Сибири в XVIII в.», «Участие иностранцев в начальном этапе освоения русскими Сибири», Д. Я. Резун успел лишь частично реализовать новые материалы в научных публикациях и выступлениях на конференциях и симпозиумах разного уровня [11, с. 10].

Ученый оставил после себя огромный массив материалов, среди которых особое значение имеют копии источников архивных документов, все они во многом остаются еще неизученными и не введенными в научный оборот.

Список источников

1. Каменецкий И. П., Комлева Е. В., Туманик Е. Н. Последний проект историка: к биографии Дмитрия Яковлевича Резуна // Исторический курьер. 2018. № 2. С. 1–12.

2. Резун Д. Я. Русские в Среднем Причулымье XVII–XIX вв.: Проблемы социально экономического развития малых городов Сибири. Новосибирск, 1984. 196 с.

3. Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. 303 с.

4. Резун Д. Я., Беседина О. Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в.: Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск, 1993. 157 с.

5. Ивонин Р. А. Сибирский историк Дмитрий Яковлевич Резун (к 60-летию со дня рождения) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 3–11.

6. Ламин В. А., Ус Л. Б. Историк по призванию // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 299–300.

7. Каменецкий И. П. Д. Я. Резун – ученый, педагог, человек: к 60-летию со дня рождения историка // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2005. № 1 (15). С. 5–10.

8. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. Новосибирск, 1994–1999.

9. Гончаров Ю. М., Климова О. Г. Д. Я. Резун как организатор изучения истории предпринимательства в дореволюционной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 3. С. 5–9.

10. Резун Д. Я. История городов Сибири в отечественной русской историографии XVIII–XIX вв.: автореф. дис.... д-ра ист. наук. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии, 1991. 35 с.

11. Друзья и коллеги Памяти Дмитрия Яковлевича Резуна (6 февраля 1945 – 8 июня 2012) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 110–111.

12. Каменецкий И. П., Соколовский И. Р. Исследователь Сибири Дмитрий Яковлевич Резун и его вклад в региональную энциклопедистику // Региональные энциклопедии в современной научной инфокоммуникационной системе России. материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ответственный редактор К. И. Аглиуллина. 2016. С. 120–124.

РАЗДЕЛ 14. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 93

М. В. Тацкий

Московский государственный институт международных отношений (университет)

МИД Российской Федерации

Москва, Россия

НАУКА В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ БОРИСА ГОДУНОВА 1598–1605 ГГ.

Аннотация. Развитие науки традиционно принято отсчитывать от эпохи Петра I и создания Российской Академии Наук. Тем не менее, даже вне контекста развития военного дела, наука в Московском царстве начала развиваться гораздо раньше, чем предполагается. В работе проанализировано развитие науки при Борисе Годунове в частности факт отправки студентов за границу для обучения. Сделан вывод об общей невыгодной социально-экономической обстановки для их возвращения, из-за чего после обучения в Европе студенты решили не возвращаться под царскую милость.

Ключевые слова: *Борис Годунов, наука, студенты, царевич Димитрий*

Abstract. The development of science has traditionally been counted from the era of Peter the Great and the creation of the Russian Academy of Sciences. Nevertheless, even outside the context of the development of military affairs, science in the Muscovite Kingdom began to develop much earlier than expected. The paper analyzes the development of science under Boris Godunov, in particular the fact of sending students abroad to study. The conclusion is made about the general unfavorable socio-economic situation for their return, which is why, after studying in Europe, the students decided not to return to the royal mercy.

Keywords: *Boris Godunov, science, students, Tsarevich Dimitri*

Царствование Бориса Годунова оценивается отечественными историками по-разному. Павлов А. П. в «Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове» [1] утверждал, что царствование Бориса Годунова началось еще при Федоре Иоанновиче, другой точки зрения также придерживался ряд историков: Козляков В. Н. и другие. Процесс восшествия на престол Бориса Годунова также вызвал массу противоречий в том числе в культурном отражении – в опере Мусоргского «Борис Годунов» Борис умирает у подножья трона, а не на нем, что подчеркивает его нестойкость получения престола. Изучение противоречивого периода перед Смутой состоит из анализа множества факторов, из которых состояло царствование Бориса Годунова.

Актуальность статьи заключается в необходимости изучения развития российской науки, корни которой идут еще из эпохи Бориса Годунова. При Иване IV Грозном и ранее наука преимущественно развивалась в военной сфере. Огнестрельная революция, описанная В. В. Пенским [2], породила изменения в основном в использовании оружия, что традиционно не относили именно к научному прогрессу. До эпохи Ивана III и Ивана IV же говорить о науке Московского царства не представляется возможным из-за отсутствия единого централизованного государства. В годах царствования Бориса Годунова можно проследить причины, которые и в нынешнее время заставляют российских студентов остаться в месте обучения вне России.

Научная новизна объясняется незначительным вниманием к развитию науки при Борисе Годунове ввиду повышенного интереса к восхождению на престол Бориса Годунова, а также выявлению причин Смуты. Тем не менее, анализ самого факта отправки студентов за границу при внешне-политической обстановки при Борисе Годунове является исторически новым действием, необходимым к изучению. Исследовательской проблемой является изучение развития науки в Московском царстве при Борисе Годунове в виде отправления детей боярских на учебу за границу.

Активное участие Годунова в управлении государством началось еще при Федоре Иоанновиче, после отведения от власти совета из четырех бояр: смерти Никиты Захарьева-Юрьева, ссылки Богдана Бельского, пострижения в монахи Ивана Мстиславского. Иван Петрович Шуйский же самостоятельно не мог противостоять влиянию Годунова, который при венчании на царство Федора Иоанновича получил определенные привилегии. В развитии государства Годунов был заинтересован во многом и для собственной выгоды, чтобы его помнили, как активного строителя и покровителя архитекторам, и для развития государства. При Федоре Иоанновиче благодаря Борису Годунову было построено множество засечных черт, крепостей и городов [3]. Белый город, защищающий современное Бульварное кольцо, также был возведен архитектором Федором Конь, известным кроме того строительством Смоленского кремля.

Во внутренней политике Бориса Годунова необходимо отметить общий курс на сближение с населением и курс на улучшение жизни населения. Во время голода начала XVII вв. были отменены урочные лета, восстановлен Юрьев день, открыты царские амбары для раздачи хлеба нуждающимся. При Федоре Иоанновиче было также введено патриаршество, что встраивалось в общую концепцию обособления Московского царства от остальных и становления ее как центральной православной державы [5, 124].

Говоря непосредственно об отправленных студентах, то в годы царствования Бориса Годунова наблюдается сближение Московского царства с Западом впервые после окончания Ливонской войны. Помимо приглашения иностранных мастеров в Москву и другие города Московского царства, Борис Годунов планировал построить университет [6, 62]. Во многом

реформам в сфере образования помимо голода и социально-экономического кризиса, распространившегося с северных районов на всю страну, мешало консервативно настроенное духовенство. В результате было принято решение об отправке детей боярских для учебы в Англию и Германию для работы в Посольском приказе по возвращению.

Кондрад Бусов в сочинении «Московская хроника 1584–1612 гг.» оставил записки о тех, кто отправился: «Микифорка Олферьев сын Григорьев, Софонко Михайлов сын Кожухов, Казаринко Давыдов и Федька Костомаров» – отправились в Англию, имена остальных не сохранились. Уехавшие прямо перед Смутой дети боярские так и не вернулись в страну, что отмечают современники Смутного времени. В частности, одной из возможных причин этому дается нежелание возвращаться в страну, которая по общему прогрессу несколько отставала от Европы. Такое объяснение чаще встречалось в работах иностранцев, в российских же это в Смутное время совсем не комментировалось – возможно, в Посольском приказе не хотели признавать неудачу.

В источниках, сохранившихся и написанных после Смутного времени, отмечали необходимость возвращения «студентов» для получения ими наказания после царского суда. Об упомянутых английских студентах дошла информация до Посольского приказа при Михаиле Федоровиче. Софон Кожухов и Казарин Давыдов заключили контракты с Ост-Индской компанией, Федор Костомаров работал королевским секретарем в Ирландии, а Никифор Алфери (в Московском царстве – Микифорка Олферьев) получил приход в Англиканской церкви [7]. Об остальных уехавших информации после Смуты в Посольский приказ так и не поступило.

Таким образом, все «студенты», уехавшие из Московского царства при Борисе Годунове, после Смуты не поспешили вернуться. На это мог повлиять ряд причин: низкий уровень социально-экономического развития Московского царства на пороге Смуты, европейские взгляды, которые казались детям боярским привлекательнее, и невозможность вернуться после прошествия определенного срока. Так или иначе, при первой попытке отправки студентов, произошедшей при Борисе Годунове, не была создана достаточная мотивационная почва для возвращения, что и не позволило вернуть детей боярских.

Список источников

1. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб.: Наука, 1992. 279 с.
2. Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. 488 с.
3. Носов К. С. Борис Годунов выстроил «на границах многочисленных укрепления большие и крепкие для защиты российского царства». второй фортификационный скачок конца xvi века / К. С. Носов. Текст: непосредственный // ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. 2023. № 9. URL: <https://history.ric.mil.ru/Stati/item/513742/> (дата обращения: 17.04.2024).

4. Гарин А. <https://rcmm.ru/kto-est-who/37065-zagolovok.html> / А. Гарин. Текст: электронный //: [сайт]. URL: <https://rcmm.ru/kto-est-who/37065-zagolovok.html> (дата обращения: 21.04.2024).

5. Борис Годунов [Текст] / Александр Боханов. М.: Вече, 2011. 349, [2] с., [7] л. ил.; 21 см. (Великие исторические персоны. Государство и власть).; ISBN 978-5-9533-5679-4 (в пер.)

6. Краевский А. Царь Борис Федорович Годунов. СПб., 1836. 82 с.

7. Лысенко Д. «На английской стороне, на чужой планете...»: первый русский студент в Британии / Д. Лысенко. Текст: электронный // Медиа-портал «Англия»: [сайт]. URL: <https://angliya.com/publication/na-angliyskoystorone-na-chuzhoj-planete-pervyy-russkiy-student-v-britanii/> (дата обращения: 21.04.2024).

Н. Н. Исаева

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия

ЗАМЕТКИ О КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ В КНИГЕ А. П. СТЕПАНОВА «ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ»

Аннотация. Статья посвящена некоторым особенностям освещения в книге А. П. Степанова «Енисейская губерния» памятников культуры и искусства. Особое внимание уделено фиксации появления в Сибири произведения столичной академической живописи (икона работы А. Е. Егорова) и характеристике ее окружения, исполненного местным мастером М. М. Хозяиновым для придельного иконостаса Благовещенской церкви в Красноярске.

Ключевые слова: академическая живопись, иконостас, копии картин Рафаэля и Тициана, образец столичной живописи в Сибири, социальный статус художника-иконописца

Abstract. The article is devoted to some features of the illumination of cultural and art monuments in A.P. Stepanov's book "Yenisei Province". Special attention is paid to the fixation of the appearance in Siberia of a work of metropolitan academic painting (an icon by A.E. Egorov) and the characteristics of its surroundings, executed by local master M. M. Khoziainov for the side iconostasis of the Annunciation Church in Krasnoyarsk.

Keywords: academic painting, iconostasis, copies of paintings by Raphael and Titian, a sample of metropolitan painting in Siberia, social status of the icon painter

Сочинение А. П. Степанова «Енисейская губерния» (1835 г.) содержит большой массив информации по географии региона, его ресурсам и промыслам, этнографии и археологии. Вместе с тем, почти проигнорированы памятники искусства. Так, описывая город Енисейск, автор указывает, что это один из лучших уездных городов России, но в характеристике его церквей отмечает лишь их количество и внушительный вес серебра в сосредоточенной в них утвари. Характеризуя крестьянскую избу, А. П. Степанов указывает, что иконы в красном углу могут быть написаны как на дереве, так и на холсте. Он считает, что изделия Знаменского стекольного завода Ивана Коновалова лишены изящества формы, сама стеклянная масса недостаточно чиста и прозрачна, а главным достоинством производимых изделий является их прочность [1, с. 106, 157, 245].

Памятниками культуры времени губернаторства А.П. Степанова в Красноярске можно считать городской парк, который сохранил свое место, но утратил первоначальное наполнение таежными растениями, наподобие резервата. Сохранился дом, арендованный губернатором (проспект Мира, 35), и впоследствии значительно перестроенный. Важным артефактом является генеральный план губернского города Красноярска, в созда-

нии которого А. П. Степанов принимал деятельное участие. В плане заложена перспектива развития города в западном направлении, формирование нового общественного, административного и культового центра [2, л. 1–2].

Среди личных предложений губернатора по планировке города следует отметить необходимость переноса места переправы через Енисей за пределы города. Расположение переправы по течению выше островов позволило бы сократить время пересечения реки, которое в обычном маршруте занимало 2,5 часа. Фактически эта идея была реализована позднее, при возведении первого и двух последующих железнодорожных мостов, затем к ним добавился еще один автомобильный.

Изменение статуса города с открытием Енисейской губернии позволило А. П. Степанову организовать значительные работы по благоустройству. Он предполагал даже использовать реку Качу как канал для спуска городских канализационных стоков в Енисей. Губернатор оставил по себе добрую память в городе и долгое время одна из улиц носила его имя (ныне ул. Диктатуры пролетариата).

Обстановка в доме губернатора известна по воспоминаниям многих посещавших его людей. В 1829 г. ученый путешественник из Норвегии Христофор Ганстен, написал, что это был человек «веселый, любезный, окруженный в своем кабинете различными предметами искусства и естественной истории, минералами, чучелами животных и всем относящимся к его губернии... Мы были окружены в его доме всем, что знание, искусство и природа производят наиболее замечательного» [3, с. 7].

В своем труде о губернии А. П. Степанов обращает внимание читателя всего на одно произведение изобразительного искусства. Это царский подарок, работа столичного мастера-академика, любимца императора Александра I: «В Благовещенской церкви образ Александра Невского, присланный покойным государем императором Александром 1-м. Святой князь изображен во весь рост, вооруженным и с хоругвию. Доска не более полутора аршина в длину с сообразною шириною. Фигура почти от конца до конца доски в высоту. Это произведение знаменитого нашего художника Егорова, но которое предназначалось для Сибири, начато и кончено им, кажется, с тем ощущением, какое гений имеет к своим антиподам» [1, с. 175].

Антиподами по отношению к «гению» следует считать людей несведущих в искусстве, профанов. Алексей Егорович Егоров (1776–1851) – русский живописец и рисовальщик, один из крупнейших представителей (наряду с современниками А. И. Ивановым и В. К. Шебуевым) классицистической школы первой трети XIX в., автор исторических картин. Академик Императорской Академии художеств имел прозвище «Русский Рафаэль» за итальянизирующую манеру исполнения своих произведений.

Как выглядела икона академического письма легко представить по происходящему из собрания Академии художеств произведению В. К. Шебуева (1777–1855) «Благоверный князь Александр Невский»

(1819, ГРМ). Иконы работы Егорова написаны технически более гладко и психологически нейтрально.

В 1920 г. сотрудник Красноярского музея Савелий Дараган оставил подробное описание придела Александра Невского в Благовещенской церкви города Красноярска и сделал фотографию центральной части его иконостаса.

Образы для иконостаса были созданы красноярским мастером Мартыном Хозяиновым в 1816–1817 гг. Четыре иконы по сторонам от царских врат имели подпись автора и дату исполнения. Согласно описи С. И. Дарагана «иконы этого иконостаса по живописной манере и колориту... характерны для того времени и составляют с иконостасом одно слитное целое. Наиболее значительны из них местные иконы при царских вратах... Написанные в классической итальянской манере картины и иконы Хозяинова на расстоянии дают красочное впечатление... «Преображение» и «Взятие на небо Богородицы» соответствуют по компоновке работам Тициана и Рафаэля» [4, с. 89–92]. В красноярской церкви икона, написанная местным художником по гравюре с произведения Рафаэля оказалась в соседстве с иконой работы «русского Рафаэля» Егорова. Савелий Дараган считал работу местного «профана» более выразительной, чем образчик столичного академического мастерства.

Красноярский художник («антипод») сам имел академические амбиции. Историк Сибири П. А. Словцов (1767–1843) в «Историческом обозрении Сибири», впервые изданном в 1841–1842 гг., отметил: «Хозяинов посылал работу своей кисти в Академию художеств, которая отзывом своим поощрила его к продолжению благородного занятия. В Благовещенском храме иконостас, Хозяиновым писанный, служит памятником его стиля» [5, с. 176].

Подписной и датированный 1799 г. образец живописи М. М. Хозяинова сохранился в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартынова. Это написанный на холсте образ «Поругание Христа». Оригиналом послужила одна из западноевропейских гравюр на тему Страстей Христовых. Художник не вполне справляется с тонкостями светотени и рисунком фигур в двух планах, для него особенно трудны мимика, передача движений и ракурсов. Тональная, световая и цветовая композиция картины далеки от академических требований. Тем не менее прозападная ориентация в творчестве мастера вполне очевидна [6, с. 256–260].

М. М. Хозяинов пользовался в Красноярске прижизненной славой: в 1814 г. историк Сибири П. А. Словцов, находясь в Красноярске проездом, видел работы местного мастера и отметил «городскую похвальбу мастерскою живописью Хозяинова» [7, с. 270]. Позднее Благовещенскую церковь с иконами М. Хозяинова демонстрировали генерал-губернатору Сибири М. М. Сперанскому. В дневнике от 7 июля 1820 г. он оценил «добрый вкус чертежа иконостасов» [8, с. 55].

О внимании светских властей к незаурядному для Сибири мастеру свидетельствуют документы, хранящиеся в Российском государственном

историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург). «Дело об исключении из подушного оклада красноярского мещанина живописца М. Хозяинова за выдающиеся способности в области живописи» содержит комплект документов (письма, протоколы заседаний), касающихся рассматриваемого вопроса [9, д. 67, л. 1–19].

В преамбуле «Дела» генерал-губернатор Сибири И. Б. Пестель, отметил, что сибирский мастер предпринял поездку в Киев, Москву и Санкт-Петербург для ознакомления с иконописью в этих центрах. К тексту ходатайства прилагались две картины художника, одна была написана на холсте, другой была икона на дереве. В рассмотрении «Дела» принимали участие министр просвещения, Комитет министров, Академия художеств, А.А. Аракчеев и лично император Александр I. Для получения звания художника с выходом из податного сословия мастер должен был, согласно уставу Академии, «усовершенствовать себя в живописном искусстве в Академии художеств», для чего Хозяинову вместе с сыном предлагалось прибыть в столицу на казенный счет. Не смотря на быстрое рассмотрение «Дела» его положительное решение не получило продолжения ввиду смерти художника.

И архивные данные, и сохранившееся подписное произведение М. М. Хозяинова свидетельствуют, что он неоднократно использовал холст в качестве основы для живописи, а также обращался к доступным ему гравированным образцам европейской иконографии и стиля. На фоне массы традиционных икон и значительного числа произведений, относящихся к иконописному примитиву, творчество М. М. Хозяинова воспринималось образованными людьми, которые оставили о нем свои письменные замечания, как ориентированное на академическую живопись. Его творческим достижениям не соответствовало низкое социальное положение, принадлежность к мещанскому сословию. Об изменении социального статуса уникального для Сибири художника и озаботился сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель. Дело приобрело государственную важность [10, с. 336–340]. Губернатор А. П. Степанов отметил в Благовещенской церкви только привозную работу столичного мастера, оставив местному иконописцу определение «антипода».

Список источников

1. Степанов А. П. Енисейская губерния. Ч. 1–2. СПб, 1835. Ч. 1. 278 с.
2. Первый губернатор Енисейской губернии: Интересные факты из жизни А. П. Степанова (1781–1837) [Текст]: памятка для читателей 10–14 лет / ЦГДБ им. Островского; сост. А. В. Хусточкина; ред. Г. И. Сорокина, А. В. Кошарская. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск, 2016. 12 с. ostrovlib.ru/upload/book/Stepanov.pdf.
3. Енисейская губерния. План города Красноярска // РГИА Ф. 1 293. Оп. 166. Енисейская губ. Д. 21. Л. 1–2.
4. Дараган С. И. Обзор храма Благовещения в Красноярске с художественно-исторической стороны: рукопись машинописная. Красноярск,

24 октября 1920 г. // Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). О/ф 7886-109.

5. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири: в 2-х кн. Изд-е 2-е. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1886. Кн. 2. 765 с.

6. Исаева Н. Н. Церковная живопись Приенисейского края XVII – начала XIX века. Красноярск: Платина, 2008. 288 с.

7. Словцов П. А. Письма из Сибири 1826 года. М.: Типография С. Селивановского, 1828. 112 с.

8. Город у Красного Яра: документы и материалы по истории Красноярска первой половины XIX века / сост. Г. Ф. Быконя. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1986. 320 с.

9. Дело об исключении из подушного оклада красноярского мещанина живописца М. Хозяинова за выдающиеся способности в области живописи. 14 декабря 1816 г. – 11 января 1818 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 16.

10. Исаева Н. Н., Куклинский И. В. Социальный статус художника: новые данные о красноярском живописце Мартыне Хозяинове // «Манускрипт». История, философия, искусствоведение. № 11 (97), часть 2. Тамбов: Грамота, 2018. С. 336–340.

А. М. Лавренова
Государственный архив Российской Федерации
Москва, Россия

ПАДЕНИЕ «КРАСНОЯРСКОГО ДЕМОСФЕНА»: О ПРИЧИНАХ ОТСТАВКИ ПЕРВОГО ЕНИСЕЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА А. П. СТЕПАНОВА

Аннотация. В данной статье на основании рапортов жандармского полковника А. П. Маслова из фонда Третьего отделения СЕИВК раскрываются обстоятельства, приведшие к отставке первого енисейского гражданского губернатора А. П. Степанова. Делается вывод, что, вопреки мнению, сложившемуся в литературе, ни благосклонное отношение Степанова к декабристам, ни незаконная уплата им из казенных средств долгов бедных горожан, не сыграли значительной роли в принятии решения о его удалении с губернаторского поста.

Ключевые слова: *А. П. Степанов, А. П. Маслов, Отдельный корпус жандармов, чиновничий аппарат, Восточная Сибирь, Енисейская губерния, злоупотребления*

Abstract. In this article, based on the reports of the gendarme colonel A. P. Maslov from the fund of the Third Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, the circumstances that led to the resignation of the first Yenisei civilian governor A. P. Stepanov are revealed. It is concluded that, contrary to the opinion prevailing in the literature, neither Stepanov's favorable attitude towards the Decembrists, nor his illegal payment from government funds of the debts of poor townspeople, played a significant role in the decision to remove him from the governor's post.

Keywords: *A. P. Stepanov, A. P. Maslov, Separate corps of gendarmes, bureaucracy, Eastern Siberia, Yenisei province, abuses*

Александр Петрович Степанов, чиновник, литератор и краевед, служивший под началом А. В. Суворова и прозванный им «маленьким Демосфеном», водивший дружбу с декабристами и дважды занимавший губернаторское кресло (в Красноярске и Саратове) – фигура яркая и неординарная. Его деятельность на посту гражданского губернатора Енисейской губернии не раз обращала на себя внимание исследователей и, по большей части, удостоивалась положительных оценок [1, с. 158–159], [2, с. 16–28], [3, с. 60–68].

По поводу причин внезапной отставки А. П. Степанова в 1831 г. с поста енисейского гражданского губернатора существует несколько версий. По одной из них, главным основанием к удалению стала его непредусмотрительная благотворительность, когда, по распоряжению Степанова, Красноярская городская дума внесла платеж за городскую бедноту. Этот благородный жест был признан незаконным, и Степанова в судебном по-

рядке обязали возместить казне часть потраченных денег из собственных средств [2, с. 28].

По другой, более распространенной, версии, отставка произошла вследствие «доноса» жандармского полковника Александра Петровича Маслова, которому не нравились стиль управления и общественно-политические взгляды губернатора, а также его контакты с декабристами [4, с. 108–114] [5, с. 10]. Между тем история его падения куда более эпична, богата подробностями, нежели принято считать. Трудности губернской администрации и Степанова, в частности, отнюдь не исчерпывались неугодной благотворительностью и излишней мягкостью по отношению к ссыльным государственным преступникам, а вот роль «голубых мундиров» в этой истории и впрямь представляется роковой.

Миссия жандармского полковника Маслова в Сибири формально преследовала две основные задачи: контроль над соблюдением правил содержания государственных преступников и проверку состояния бюрократического аппарата после проведения административной реформы М. М. Сперанского в 1822 г. [6, с. 185] Однако не стоит забывать и о суперидее всего ведомства, сформулированной А. Х. Бенкендорфом (и, как будет видно в дальнейшем, вполне усвоенной Масловым): «Довести глас страждущего человечества до престола царского, и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высочайшую защиту государя императора» [7, с. 58–59.]

Летом 1829 г. в Красноярске приключилась история, бросившая тень на губернское чиновничество. 26 августа в горах на берегу Енисея поселяне обнаружили фальшивомонетчиков, схватили их и представили властям. На месте были обнаружены инструменты и фальшивые ассигнации на сумму 40 тыс. рублей. Об этом инциденте 30 сентября Маслов подал рапорт Бенкендорфу, а последний вкратце доложил царю [8, л. 1–2 об.] Жандармский полковник был куда расторопнее местных властей: известие от губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского с представлением Енисейского гражданского губернатора последовало лишь 10 ноября [8, л. 12–12 об.] Вместе с рапортом в Петербург были отправлены две бумаги 50-рублевого достоинства, причем подделки оказались весьма высокого качества. Главой преступной шайки оказался рецидивист-фальшивомонетчик Данила Воротников, ранее сосланный на каторгу из Харькова, во время следования с партией ссыльных поменявший имя на Василием Ремизовым (Вересовым) и оставшийся таким образом на поселении. Его подельниками были также находившиеся на поселении в Красноярске Афанасий Мигунов и скопец Николай Бакин, известный под именем Потапа Ефимова. Все трое находились под покровительством мещанина Н. Н. Иноземцова, ассистировал им сын Мигунова Дмитрий. Подмена выяснилась по прибытии мнимых Воротникова и Бакина на каторгу. Енисейское губернское правление возложило ответственность за произошедшую подмену ссыльнокаторжных на Красноярского городничего фон Риттера, за что тот был оштрафован, но поскольку он же и принял самое деятельное

участие в поимке фальшивомонетчиков, был затем представлен к награждению [8, л. 17 об.–18]

Впоследствии это дело стало основанием для ссоры Степанова с жандармским полковником. Губернатор считал, что честь открытия данного преступления принадлежит фон Риттеру, и опосредованно ему, Степанову, и тот в порыве «изъявления огорченных чувств» высказал свое негодование Маслову [9, л. 331–332].

В ходе дальнейшего расследования вскрылась преступная схема, включавшая незаконную продажу металлов в Пермской губернии. Из сложившейся ситуации полковник Маслов сделал очевидное умозаключение: в одиночку, без помощи кого-то из администрации, мужики едва ли могли наладить такое производство. «По мнению моему, следует сих преступников для суждения препроводить в Западную Сибирь и стараться от них узнать, не был ли кто с ними участником из чиновников. Соображаясь с обстоятельствами, полагаю, что должно непременно оно быть, – писал он А.Х. Бенкендорфу. – Ежели сделают сие сознание в Красноярске, то все будет закрыто» [8, л. 14].

Параллельно Маслов обратил внимание на казенные подряды в Енисейской губернии, и в частности, занялся расследованием расходов на строительство этапных и тюремных помещений на больших трактах для пересылаемых в Сибирь арестантов. 13 сентября 1829 г. он отправил в Петербург донесение, проливающее свет на масштабную коррупционную схему, имевшую место годом ранее, в 1828 г. Подряд на торгах получил угодный губернатору нижеудинский крестьянин Мясников. По заключении контракта он передал его красноярскому купцу Каминеру, который завершил строительство в течение нескольких месяцев в ущерб качеству. «От сей поспешности нет ни одного этапа, выстроенного с надлежащей прочностью, и уже начинают приходить в разрушение» – писал Маслов. Также выяснилось, что Мясников был лишь подставным лицом, тогда как строительством этапов занимался бывший начальник отделения Губернского совета коллежский советник И. И. Коновалов, сам же губернатор, по слухам, был в доле. Причем стройки подобного рода для Коновалова и Каминера были не в новинку: первый строил по подряду на чужое имя будки для казачьих пикетов, второй – лазарет. Также в делах подобного рода был замешан также председатель губернского правления статский советник Галкин. В аналогичном состоянии находилось и дело возведения поселений для ссыльных [9, л. 169–175 об.]. Свои обвинения Маслов сопровождал выписками из дел Казенной палаты [9, л. 178–180 об.] Донесения Маслова легли в основу всеподданнейшего доклада 21 октября 1829 г. Затем по всем вышеозначенным вопросам А. Х. Бенкендорф запросил объяснений от генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского, который, в свою очередь, переслал в Петербург отчет Степанова об устройстве пяти казенных поселений в Канском округе [9, л. 189–193 об.]

Однако вскоре дотошный Маслов нанес новый удар репутации Степанова, прислав в столицу подробнейший «Список служащим и чиновни-

кам в Енисейской губернии с означением родственных между ними связей», обнаживший всю подноготную бюрократического мира губернии. И хотя в списке отсутствовала фигура самого Степанова, все его ближайшие помощники были представлены в самом невыгодном свете, с указанием всех полученных ими казенных подрядов и занимаемых ими теплых доходных мест [9, л. 212–216 об.]

В декабре 1829 г. вместе с сообщением о нарушениях в сфере казенных подрядов на стол генерал-губернатора Лавинского легла записка о противозаконных действиях енисейской администрации в рассмотрении четырех уголовных дел, по которым в Третьем отделении желали бы получить разъяснения. (Дело чиновника Коновалова, дело об отрубленной голове поселенца Попова, дело об ограблении священника Одинцова, а также дело об утонувшем поселенце Гавриле Баранчуке) Лавинский пытался доказать, что «извет сей весьма далек от истины», однако голословных заверений генерал-губернатора Бенкендорфу было мало [9, л. 184-185], и Степанову пришлось давать подробные справки по каждому из дел.

В первом деле, относящемся еще к 1820 г., крестьянин Петр Зыков обвинял приближенного губернатора чиновника Коновалов в краже у него тремя годами ранее при обыске 295 руб. под видом фальшивых ассигнаций и 23 аршин холста. В ходе следствия Коновалов, не признавая себя виновным, добровольно уплатил Зыкову всю искомую сумму, тогда как крестьянин не смог представить достаточного количества свидетелей, т. ч. дело было окончено [9, л. 244–246 об.]

Второе дело было куда серьезней. 4 декабря 1827 г. из Енисея выловили отрезанную голову, которая, как выяснилось, принадлежала поселенцу А. Попову. По подозрению в убийстве были арестованы вдова Наталья, ее любовник С. Журавлев и поселенец Е. Овчинников, которого жена Попова, якобы, подговорила убить мужа. Для этой цели Овчинников нанял двух ссыльных, которые после исполнения задуманного тут же скрылись. Сперва все трое признали вину, однако на суде вдова убитого и Журавлев отказались от своих показаний, сославшись на применение к ним сотским Ваньковым пыток во время допросов («жгли огнем» и «морозили»). В результате проверки заявления подсудимых о применении пыток подтвердились. О жалобах подсудимых на истязания заявил и священник Одинцов. В конце концов, Овчинникова били кнутом и отправили на каторгу, а вдову обезглавленного Попова и ее любовника выпустили из-под стражи и расселили по разным местам «под строгий надзор сельского начальства», а поведение Ванькова было представлено на рассмотрение Губернского совета [9, л. 247–252 об.]

Согласно материалам третьего дела, у поселенца Ефима Карпова были найдены вещи, принадлежавшие священнику А. Одинцову, в связи с чем он был заподозрен в грабеже, однако в ходе следствия выяснилось, что Одинцов возвращался из гостей в подпитии, а потому, вероятно, сам мог выронить эти вещи, оказавшиеся потом у Карпова. Последний утверждал, что нашел их на улице, однако был признан виновным, получил 42

удара плетью и выслан в отдаленный край губернии [9, л. 259–262 об., 270–273.] Одинцов же, подтвердивший факт применения пыток к подозреваемым по делу об отрубленной голове, сделался персоной нон-грата в Красноярске и был переведен в Ачинск. Преследования со стороны администрации Енисейской губернии впоследствии побудили священника поделиться своими соображениями с полковником Масловым [9, л. 299, 300].

Четвертое же дело касалось утопившегося в Енисее подозреваемого в краже поселенца Гаврила Баранчука, который, по слухам, не вынес издевательств со стороны урядника Ф. Саламатова. Факт истязания погибшего Саламатовым был установлен, тот был приговорен к 41 удару палками, лишению звания и высылке в отдаленную местность, а четыре его бывших подчиненных – служители полиции – получили по 31 удару розг. Однако губернатор утверждал, что случившееся с Баранчуком – несчастный случай, не имевший связи с пережитыми ранее истязаниями [9, л. 263–269].

Сведения о нарушениях в Енисейской губернии Бенкендорфу поступали не только от Маслова, но и от командира Красноярской жандармской команды поручика Либишевского: 1 ноября 1829 г. поручик подал рапорт о полученных им от своих унтер-офицеров сведениях о неосновательных арестах и незаконных действиях со стороны местной полиции. Так, согласно этому рапорту, двум полицейским служителям наказание за истязание поселенца Гаврила Баранчука вовсе не последовало, несмотря на публичное прочтение конфирмации приговора. Также из рапорта следует, что пытки производились самим городничим Хрисанфом фон Риттером, тогда как Саламатов лишь взял его вину на себя, но, по воле губернатора, никакого наказания не получил.

Сообщал Либишевский и прочие эпизоды насилия и беззакония: например, повар и.д. городничего Голенищева-Кутузова, некто Иван Петров, за пьянство был отправлен в полицию и на длительное время заключен в колоду весом в три пуда и 16 фунтов. Другой житель Красноярска Тимофей Коренев получил 500 ударов лозой из-за найденной у него шапки, принадлежность которой городничий вовсе не пожелал проверить. Когда же Коренев после порки не смог встать, ему добавили еще 50 ударов, а городничий собственноручно ударил его саблей по пояснице [9, л. 164–167 об.]

В своем представлении Лавинскому Степанов объяснял причину этих донесений желанием повредить ему самому, фон Риттеру и Коновалову и указывал на то, что в каждом из дел виновные представители полиции были так или иначе осуждены, а дела окончены законным порядком. Своим главным недоброжелателем Степанов назвал коллежского асессора Расторгуева, по его словам, ранее отправлявшего анонимные доносы Лавинскому, информировавшего Либишевского, а затем, по-видимому, и полковника Маслова [9, л. 274–277].

Лавинский был благосклонен к Степанову, и, возможно, все бы и кончилось миром, но тут объявилась еще одна жертва издевательств фон Риттера, мещанин Лисицын (Тропин), пытавшийся некогда подавать жало-

бы, проигнорированные местным начальством, но услышанные Масловым. Оказавшийся впоследствии невиновным, Степан Лисицын подозревался в краже 7 тыс. рублей у мещанина Кузнецова, остановившегося проездом в его доме. Выяснилось, что Степанов не только был прекрасно осведомлен о пытках, чинимых фон Риттером, но и помогал тому замечать следы. Губернатор указывал пострадавшему, что ему говорить в губернском правлении, предлагая компенсацию (дать на содержание несколько почтовых станций) в обмен на молчание об истязаниях и расписку в получении отнятых ранее фон Риттером креста и денег [9, л. 289–291].

Несмотря на объяснения самого Степанова [9, л. 329–333], генерал-губернатор Лавинский более не мог оставаться в стороне, и предпринял проверку [9, л. 303–303 об.]

Почувствовав угрозу, Степанов верно определил ее источник и попытался, было, выслужиться перед А. Х. Бенкендорфом и устранить своих недоброжелателей – информаторов Маслова – Расторгуева и Либишевского (Сам полковник Маслов был губернатору не по зубам). 6 августа 1830 г. Степанов направил в Третье отделение СЕИВК донесение об обнаруженных им стихах, ходивших по рукам чиновников, представлявших собой, по словам енисейского губернатора, «самый чистый, гнусный, ядовитый пасквиль», порочащих жандармский мундир. Список «произведения» Степанов приказал сжечь пасквиль на лобном месте рукой палача. Может показаться, что пасквиль этот являл собой образчик злостной противоправительственной пропаганды, на деле же, это были совершенно безобидные и неуклюжие вирши, вышедшие из-под пера человека, едва ли знакомого с поэзией, озаглавленные «Песня на Масленице в четвертак»:

«Ничего мы не боимся,
Ничего мы не страшимся,
Все для нас пустяк.

Хоть угрозы мы и слышим,
Но как хотим, так и пишем.
Бумаги молчат.

Все манерные угрозы
И российские запросы
Ничего для нас.

Мы жандармов не боимся
И шпионов не страшимся.
Пусть страшат детей.

Мы над этим все хохочем
И шпионов бьем, как хотим,
Чтобы знали нас...» и т. д.

Также Степанов поделился с Бенкендорфом и своими догадками о личности предполагаемого автора – им, по мнению Степанова, являлся «содержащийся под стражей, сужденный за взятки и буйство», известный его недоброжелатель, коллежский асессор Расторгуев. Либишевский же, как утверждал Степанов, поспособствовал распространению этих клеветнических стихов. В качестве доказательства связи между этими двумя к своему донесению в Третье отделение губернатор приложил письмо Расторгуева к Либишевскому, «который с ограниченностью ума соединяет злобу примерную», прося удаления его из Красноярска [10, л. 1–3]

А. Х. Бенкендорф не был впечатлен этим произведением и направил А. П. Степанову довольно ехидный ответ: «Милостивый государь Александр Петрович! Благодаря покорнейше Ваше Пре[восходительст]во за сообщение мне дела о пасквильных, по мнению Вашему, стихах на счет жандармов, долгом считаю Вам уведомить, милостивый государь, что я, с моей стороны, не нахожу в сих стихах ничего предосудительного против жандармов, но вижу весьма справедливую и разительную картину происков, козней и мерзких изворотов столь известного класса подъяческих мошенников, которые, к несчастью, встречаются более или менее почти во всех губерниях. Посему самому мне кажется, что Ваше Пре[восходительст]во напрасно изволили принять сие обстоятельство в столь важном виде и окончить оное рукой палача» [10, л. 8].

Однако одно последствие это с виду безобидное дело все же имело, а именно перемещение неугодного губернатору командира Красноярской жандармской команды поручика Либишевского [10, л. 10]. Правда, удаление из Красноярска имело скорее вид повышения – он был переведен в Московский жандармский дивизион. На освободившуюся вакансию был назначен командир Красноярской инвалидной команды подпоручик Х. П. Леонтьев, артиллерист, участник Бородинского сражения и Заграничного похода, сражавшийся под Лейпцигом и побывавший в Париже [11, л. 1].

В результате проведенной проверки (включавшей ревизию дел Баранчука и Лисицына [9, л. 319–328 об.]) генерал-губернатор Лавинский, поначалу старавшийся отстоять Степанова, все-таки был вынужден сдать: «Как существо отзыва Вашего Высокопревосходительства удостоверяет меня в полной мере, что енисейский гражданский губернатор Степанов, подвергшийся различным извещениям, направленным из вверенной ему губернии, и поставленный оными в какое-то унижительное положение пред подчиненными его и местными гражданами, с тем купно, обратил на себя невыгодное мнение Вашего Высокопревосходительства и, конечно, потерял навсегда всякое доверие к нему Ваше, в каковом случае, не возбуждая неприятностей собственно для себя, не могу уже и я полагаться на действия его по управлению губернией, но должен буду находиться в непрерывных на счет его сомнениях, которые, естественно, не ведут ни к чему более, как к затруднениям по службе, то к решительному отклонению сего, я долгом считаю вновь всепокорнейше просить Вас, милостивый государь, если уже

невозможно перевести его, Степанова, к какой-либо иной обязанности, исходатайствовать высочайшее соизволение на причисление его к герольдии с получаемым жалованьем и на определение в должность Енисейского гражданского губернатора другого благонадежнейшего чиновника» [9, л. 343 об.–344].

Официально Степанов был отрешен от должности 26 апреля 1831 г., однако не спешил покидать Сибирь и жил в качестве частного лица в доме одного из своих бывших подчиненных. В ноябре того же года перед отъездом в Калугу он снова писал Бенкендорфу, жалуясь на свое положение и прося о возвращении на службу [9, л. 351–352 об.] В конце концов, семейные дела все же заставили его тронуться в путь.

В Третье Отделение поступило письмо от издателей «Северной пчелы» с прошением Ивана Петрова из Красноярска о помещении в газете статьи об отъезде Степанова: «...Разлука с начальником, управлявшим губернией более восьми лет, и всеми любимым, останется надолго в сердцах бывших его подчиненных. Имя его будет незабвенно в летописях Енисейской губернии: он был первым губернатором по ее открытии; труду и деятельности его предлежало совершить многое, как по устройству здешнего края, так и по образованию нового порядка, согласно Сибирскому учреждению. И все, на что он ни обращал свое внимание, свою неутомимую деятельность, было залогом на общую благодарность. В засвидетельствование чего все сословия Енисейской губернии поднесли его превосходительству адреса с изъявлением в оных душевного своего сожаления о разлуке с таким начальником, коего, выражаясь словами бессмертного нашего лирика Г. Р. Державина, составляли ум здравый, сердце просвещенно. И музы берегов Енисея также не забудут имени своего покровителя. Они с благодарностью будут помнить его просвещенную любовь к ним и старание об успехах просвещения в здешнем краю. Многие чиновники провожали его превосходительство далее города, где смешав слезы разлуки с слезами провожавших его, он отправился в далекий путь, напутствуемый изъявлениями общего сожаления, любви и преданности и пожеланием счастливого пути» [12, л. 1–3].

Очевидцы вспоминали, как при отъезде Степанова «... собрались граждане и чиновники его провожать, то губернатор потребовал, нет ли чего-нибудь у вас выпить и закусить на прощание. ... Как-то раздобылся графин водки и на тарелке – черный хлеб с солью. Степанов первый, выпив рюмку и закусив хлебом, горько заплакал, как ребенок, сказав, что вот это – чисто по-суворовски. После этого губернатор сел в экипаж и уехал, нагромоздив сделанные им чучела птиц, зверей и древности азиатской культуры, приобретенные из раскопок курганов» [13, с. 547].

Подозрительность губернаторов и чиновников по отношению к синим мундирам была объяснима, ведь инструкции и циркуляры, согласно которым действовали жандармы, были секретными и не доводились до сведения местных властей [14, с. 196]. Спустя три года после отставки Степанова Маслов (получивший пост начальника жандармского округа)

писал Бенкендорфу: «В проезд мой через губернии Томскую, Енисейскую и Иркутскую, гг. гражданские губернаторы оных принимали строжайшие меры, чтоб от наблюдения моего все было скрыто, и я во все время находился почти как под надзором полиции, будучи преследуем нарочно назначаемыми чиновниками; в губернских городах приставляли секретные караулы к моей квартире, записывали имена тех из чиновников и граждан, которые посещали меня, и оказывали им за то явное преследование, называя шпионами, доносчиками и тому подобными оскорбительными названиями» [15, л. 43–43 об.] В следующем рапорте начальнику он снова жалуется, на то, что «губернские начальства в Сибири стараются преследовать не только тех, с которыми имеем какие сношения, но даже знакомство с чиновником корпуса жандармов поставляется в преступление» [15, л. 48 об.]

Согласно характеристике Маслова, Красноярский Демосфен «действовал на особенных правах, им самим собою созданных, покрываемых иногда формою канцелярского порядка» и «окружен был всегда людьми, исполнявшими беспрекословно его желания» [4, с. 111]. Жандармский полковник не намеревался губить именно енисейского губернатора, и его отзыв не был продиктован обидой, как думал сам Степанов. В той или иной степени неудовлетворительных отзывов Маслова удостоились также председатель Оренбургской гражданской палаты Соколов [14, с. 139], томский прокурор Ф. А. Горохов [14, с. 160], иркутский гражданский губернатор И. Б. Цейдлер [14, с. 184], пермский гражданский губернатор К. Я. Тюфяев [14, с. 187–191], западно-сибирский генерал-губернатор И. А. Вельяминов [6, с. 186] др.

Таким образом, попытки исследователей объяснить претензии Третьего отделения к А. П. Степанову его политическим свободомыслием или излишним человеколюбием – несостоятельны. Подлинной причиной отставки являлись служебные недочеты и злоупотребления, как самого губернатора, так и его приближенных.

Статья подготовлена в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований МОО «ИППО» – Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи», государственное задание № FSNF-2024-0002 «Генерал-от-кавалерии М. П. Степанов: жизнь и служение Императорскому Православному Палестинскому Обществу».

Список источников

1. Быконя Г. Ф., Федорова В. И., Бердников Л. П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX в.). Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1990.
2. Бердников Л. П. Вся красноярская власть: Очерки местного управления и самоуправления (1822–1916). Факты, события, люди. Красноярск, 1995.
3. Бердников Л. П., Лони́на С. Л. Два века Красноярского самоуправления. История и современность (1822–1917). Красноярск, 2003.

4. Карцов В. Г. Декабрист В. Г. Батеньков. Новосибирск, 1965.
5. Первый губернатор. Вступ. ст. Г. Ф. Быкони // А. П. Степанов. Енисейская губерния. Красноярск, 2017.
6. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015.
7. Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982.
8. ГА РФ. Ф. 109. 2-я эксп. 1829 г. Оп. 59. Д. 375.
9. ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1828 г. Оп. 3. Д. 29.
10. ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1830 г. Оп. 5. Д. 329.
11. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 256.
12. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 190.
13. Из «Воспоминаний» старожила И. Ф. Парфентьева о старом Красноярске первой половины XIX века // История Красноярска. Документы и материалы XVII – первая половина XIX вв. Красноярск, 2000.
14. Бибилов Г. Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.) М.: Квадрига, 2023.
15. ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1833 г. Оп. 8. Д. 357.

А. С. Жулаева
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ЖЕНСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ИЗ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В СТОЛИЧНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. В работе на обширном архивном материале исследованы процессы образовательной мобильности юных сибирячек из Енисейской Сибири в центральные столичные университеты. Автором рассмотрены этапы и особенности становления женского образования в дореволюционной России от гимназий до университета.

Ключевые слова: образовательная мобильность; женское образование, Енисейская Сибирь, Высшие (бестужевские) женские курсы

Abstract. The work examines the processes of educational mobility of young Siberians from Yenisei Siberia to central metropolitan universities based on extensive archival material. The author examines the stages and features of the formation of women's education in pre-revolutionary Russia from gymnasiums to universities.

Keywords: educational mobility; women's education, Yenisei Siberia, Higher (Bestuzhev) women's courses

Проведенный автором социологический опрос студентов СФУ 2023 г. набора показал, что процент иногородних студентов колеблется в разных группах от 70 до 95 %. Особенно высок данный показатель высокой образовательной мобильности на направлениях подготовки с большим количеством бюджетных мест. Гендерный состав групп зависит только от личного выбора обучающихся, а не сложности осваиваемых компетенций! Много девушек обучается на военном и нефтегазовом направлениях подготовки, на гуманитарных он приближается к 50 %.

Для того что бы женская образовательная мобильность стала обычным и массовым явлением на современном этапе, когда-то в дореволюционной России был пройден большой и тернистый путь людьми, выступающими за развитие женского образования в нашей стране.

История движения женщин к получению всех уровней образования в России является отдельным специальным предметом изучения, выходящим за рамки данной работы.

В исследовании применен конкретно-исторический подход, дающий возможность изучить особенности становления процесса женской образовательной мобильности на архивных материалах Енисейской Сибири и Высших Бестужевских курсах в Санкт Петербурге в дореволюционный период.

Интересно мнение одной из первых в России исследовательниц истории женского образования Лихачевой Е. О. (1836–1904 г. ж.), которая утверждала, что в России раньше, чем в других странах Европы, произошло формирование системы женского образования, чем страна обязана императрице Екатерине II и ее последовательнице – Марии Федоровне [1, с. II].

Благодаря Е. Р. Дашковой, выразившей уверенность, что науки не будут составлять монополию Академии наук и художеств, но «присвоенны будучи всему отечеству и вскоренившись, процветать будут» [2, с. 311–312].

Уже в 18 в. начали читаться публичные лекции, которые вызвали живой интерес у молодых девушек и женщин к научным знаниям. Безвозмездное чтение лекций для женщин лучшими профессорами, их благотворительные пожертвования деньгами, книгами и недвижимостью способствовали делу становления женских учебных заведений в России в XVIII и XIX вв. Однако получить университетский диплом в России в середине XIX в. женщина так и не могла.

Борьба за допущение женщин в университеты началась в 1868 г., когда было подано первое прошение о создании женского университета – записка Евгении Конради.

Наибольший интерес для нашего исследования образовательной мобильности из Енисейской Сибири в центральные университеты представляют многочисленные материалы Высших женских курсов (Бестужевских) не только как первые открывшиеся, но и как обладающие богатейшей разнообразной источниковой базой. Сами бестужевки долгие годы собирали статистическую информацию по выпускницам курсов, публикуя «Памятные» книжки [3, 4].

Открыт первый женский университет – Высшие женские курсы был в 1878 г. Курсы назывались Бестужевскими по фамилии профессора истории Бестужева-Рюмина. Высшие женские курсы даже соперничали с Университетом по составу профессоров (Градовский, Бекетов, Менделеев, Сеченов – не полный список преподавателей), но не давали диплома, как задумывали организаторы. После открытия курсы до начала XX в. четыре раза переезжали, каждый раз приспособлявая новое здание под нужды химических лабораторий и анатомических театров.

Несмотря на достаточно раннее начало становления системы женского образования в стране, процесс его дальнейшего развития в XIX – начале XX вв. не стал победным шествием женщин через высшее образование к профессиям ученых, врачей, учителей, в активную общественную жизнь, а встречался на каждом шагу со стойким сопротивлением и непониманием на всех этажах социальной лестницы от семьи до высших государственных кабинетов [5, с. 154].

Как сообщают анкеты самих «бестужевки» многим из них пришлось столкнуться с большим количеством материальных и бытовых проблем.

Высказывания бестужевок в Анкете из переписи С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов, выполненной стат. семинарием в нояб. 1909 г.:

- Не пекусь о завтрашнем дне, – он сам о себе печется.
- Не знаю. Я боюсь жизни. Душа у меня изломана. Я ничего не дам людям. Жизнь убивает в человеке все лучшее.
- Никаких планов. Потому что мечтают только о недостижимом и прекрасном. А серьезно мечтать о таковом (напр. о профессорской кафедре) – надо обладать большим самомнением.
- Нет планов. Апатия и равнодушие ко всему земному.
- Есть каких-то сил избыток, – поэтому, знаю, никакая определенная деятельность не удовлетворит.
- Всякий заработок денег скучен...» [6, с.142].

«В рубрику «иные планы» вошли самые разнообразные желания – быть сестрой милосердия, христианкой, просто честно и бескорыстно служить ближнему. Рядом и те, кто желает служить там, где дадут больше денег. Есть желающие путешествовать, проникать в святыне тайны души и природы...» [6, с.142].

«Нельзя не подметить из приведенных цифр, что с возрастом растет стремление к общественной деятельности, – в младшей группе – 1,6, потом 3,3 и 4,4; растут и «мечты» о педагогической деятельности – 10,5, 26,5, 33,9 и научной – 12,7, 14,0, 23,1, и наоборот – понижаются мечты об артистической (2,2 – 2,0 – 0,8) и художественной (1,6 – 1,0 – 0,4) карьер» [6, с.143–144].

Легче обучение проходило у тех, кто имел стабильную финансовую поддержку семьи и не имел нужды одновременно с учебой зарабатывать себе на жизнь.

Однако вернемся к юным сибирячкам с Енисея!

Первый уровень образования девочки-сибирячки получали в гимназии. В 1858 г. утверждено Положение о женских училищах ведомства министерства народного просвещения. Они стали открываться в крупнейших городах России, и к 1874 г. их было 189. Женские гимназии имели семилетний курс обучения, и по окончании выпускницы получали аттестат домашней учительницы.

Изучая правила поведения и обучения гимназисток в Красноярской 1-й женской гимназии, невольно поражаешься строгости и мельчайшей регламентации поведения, действий и поступков учениц не только в учебное, но и свободное от получения образования личное время. Тем сложнее приходилось девушкам в попытках самостоятельно выстроить свою дальнейшую образовательную и профессиональную траекторию в бурном море жизни. Здесь очень многое зависело от позиции родителей и опекунов юных женщин [7; лл. 3–11].

В Красноярской женской гимназии за пять лет с 1881 по 1885 гг. было выпущено 42 ученицы: в 1881 г. – 12; в 1882 г. и 1883 г. – по 9 соответственно; в 1884 г. – 12; в 1885 г. – 6, из них одна с серебряной медалью.

Всего в 1885 г. здесь обучалось 169 учениц. Из 15 человек педагогического состава 3 имело высшее образование [7, лл. 3–11]. Тенденция роста отмечалась и в последующие годы: в 1887 г. 199 получало обучение в гимназии; в 1891 г. – 229; в 1894 г. – 254. [8, с. 46].

Женщиной с уникальной для того времени биографией не только для Енисейской Сибири, но и в целом для страны явилась Вера Арсеньевна Баландина (Емельянова) [9, лл. 7, 9].

В. А. Баландина (Емельянова) происходила из купеческого звания. Окончила Красноярскую женскую гимназию с золотой медалью, восьмой класс – со званием домашней наставницы. Окончила физико-математическое отделение ВБК с представлением сразу двух работ: «О фторе» по химии и «Золото, его происхождение и о приисках Енисейской тайги» по геологии. Работала в области неорганической химии в Институте Пастера в Париже, по органической химии в Женеве у проф. Гребэ. В 1905 г. награждена золотой медалью по народному образованию. В 1893 г. вышла замуж за уроженца Енисейска, происходившего из влиятельной купеческой семьи, кандидата естественных наук Санкт-Петербургского университета Александра Алексеевича Баландина.

Поражает разносторонность сфер ее деятельности: развитие всех ступеней народного образования от создания ясель до преподавания и членства в попечительном Совете Енисейской женской прогимназии; от выступления с публичными научными лекциями до организации дешевой столовой в г. Енисейске; от литературно- публицистической и издательской деятельности до разведки месторождений (золота, каменного угля и открыт первый в Сибири алмаз) [10, с. 26].

Вера Арсеньевна глубоко осознавала вклад Высших женских курсов в Петербурге в свое личностное становление. В 1897 г. она пожертвовала курсам 2 600 руб. на образование капитала ее имени для ежегодной выдачи из его процентов стипендии слушательнице из Сибири [11, с. 230].

На основании Памятных книжек, окончивших курс Санкт-Петербургских высших женских курсов в 1882–1889 и 1892–1903 гг., можно сделать вывод, что в эти годы всего 22 женщины-сибирячки получили высшее образование. В среднем в год число окончивших не превышало одного–двух, в редком случае трех человек. Невозможно говорить и об особой популярности среди девушек какого-либо направления. Предпочтение отдавалось как историко-филологическим, так и физико-математическим наукам [4].

После получения высшего образования в основном все женщины пытались строить карьеру. Они предпочитали работать в сфере образования (14 человек), науки (2) или медицине (2). Часть являлась служащими (5 человек). Только три женщины из 22 продолжили образование [4].

Вполне реалистичны они были и в оценке трудностей, которые будут встречаться на их пути: неблагоприятные условия жизни, материальная необеспеченность, жилищный вопрос, недостаток времени, недоступность интеллектуальных богатств современности. Среди причин, толкавших их

на путь получения образования, они в большинстве своем называли стремление к достойному заработку [12, с. 1 378].

В последней четверти XIX – начале XX вв. высшее женское образование в России, как и вся образовательная система претерпели заметные изменения: возросло количество женщин, не только стремящихся к продолжению своего обучения, но и появляются заведения, способные его предоставить, статистические данные свидетельствуют о постепенном увеличении количества студенток, получивших свидетельства о прохождении полного курса и успешной сдачи экзаменов, что открывало им дорогу к квалифицированному труду педагогов, ученых, служащих [12, с. 1 380].

Закончив высшие женские курсы, особенно в центральных Петербурге и Москве, сибирячки стремились применить полученные знания у себя в регионе, реализовавшись в различных видах профессиональной деятельности.

Список источников

1. Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России: [в 3 кн. / соч.] Е. Лихачевой. С.-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1890–1895. [Кн. 1]: (1086–1796) / [предисл. авт.]. 1890. 296 с.

2. Дашкова Е. Р. (1743–1810) Записки княгини Дашковой. М.: Захаров, 2016. 371 с.

3. Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882–1889; 1893–1895 / 2-е изд. СПб., 1895.

4. Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882–1889; 1892–1903 / 4-е изд. СПб., 1903.

5. Шохоль К. Р. К вопросу о развитии высшего женского образования в России. // Журнал Министерства народного просвещения / ред. В. Васильковский: Изд-во М-во народного просвещения. СПб, 1912. Ч. 40, август. С. 169, 170.

6. Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов: по данным переписи (анкеты), выполн. Стат. семинарием в нояб. 1909 г., СПб., 1912. 144 с.

7. ГАКК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 44.

8. Бакай Н. Н. К двадцатипятилетию Красноярской женской гимназии (1869–1894 гг.). Красноярск: типография А. Д. Жилина, 1895. 78 с.

9. АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 267.

10. Мешалкин П. Н. Женщины Красноярья (на рубеже XIX–XX веков). Красноярск: СибГТУ, 2005. 107 с.

11. С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903. Очерки и материалы. СПб: [б.и.], 1903. 328 с.

12. Zhulaeva. A. Formation of Female Professional Personnel in Eastern Siberia in the last quarter of the XIX – early XX centuries. Bylye Gody. 1923. Т 18. 1 374–1 383.

С. А. Проровский
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ВКЛАД ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В РАЗВИТИЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Аннотация. В статье приведена информация о польской политической ссылке второй половины XIX в. В результате второго польского восстания в Енисейскую губернию были высланы поляки, многие из которых в последствии, успешно обосновались в Сибири и внесли свой вклад в развитие территории. Автор статьи делает вывод о том, насколько значим их вклад ссыльных поляков в развитие Енисейской губернии.

Ключевые слова: Енисейская губерния, второе польское восстание, ссыльные-поляки, Сибирь, русско-польские отношения

Abstract. The article provides information about Polish political exile in the second half of the 19th century. As a result of the second Polish uprising, Poles were expelled to the Yenisei province, many of whom subsequently successfully settled in Siberia and contributed to the development of the territory. The author of the article concludes how significant their contribution of exiled Poles is to the development of the Yenisei province.

Keywords: Yenisei province, second Polish uprising, Polish exiles, Siberia, Russian-Polish relations

Актуальность темы обусловлена тем, что современная политическая и социальная обстановка между Россией и Польшей носит противоречивый характер, но мы хотим остановиться на положительных аспектах взаимодействия двух культур. Стоит отметить, что польские политические ссыльные, находясь на территории Сибири в период второй половины XIX в., оказали значительное влияние на социокультурное и экономическое развитие этого региона. Рассмотрение деятельности польских политических ссыльных, в контексте развития Сибири, позволит оценить их вклад в различные области жизни региона, такие как образование, культура, наука, искусство, промышленность и торговля.

В 1863 г. на землях Царства Польского произошло восстание, в результате которого многие участники были отправлены властями в ссылку в Сибирь. Это была часть политики подавления национальных движений и укрепления контроля над этническими группами в Российской империи. Польская ссылка 1863 г. стала символом подавления сопротивления и притеснения национальных интересов. В 1883 г. ссыльным-полякам была объявлена последняя амнистия. К 1885 г., оставшиеся в Енисейской губернии, составили ядро польской диаспоры в этом регионе.

Обратимся к статистическим данным, чтобы составить социальных портрет участников восстания. Значительную часть представляли мужчи-

ны в возрасте от 17 до 30 лет (47 %). Количество людей в возрасте от 31 до 50 лет было немного меньше (44 %). Достаточно редко среди восставших встречались люди от 50 лет и старше. Это дает нам представление о том, к каким возрастным категориям принадлежали ссыльные-поляки [1, с. 3].

Рассматривая семейное положение, мы видим, что 48 % ссыльных были без семьи, в то время как лишь 8 % прибыли в ссылку со своими родственниками. Среди ссыльных поляков были и те, кому пришлось оставить семью. Доля таких ссыльных составляла 13 %. Стоит также учесть, что у 31 % ссыльных не было указано их семейное положение. Эти данные позволяют нам сделать вывод, что поляки в Сибири представляли собой работоспособную, физически и умственно крепкую общность [2, с. 14].

Изучая социальную принадлежность ссыльных, стоит отметить, что информация о профессии и роде занятий отсутствует у 917 человек, что составляет 20,8 % от общего количества. По архивным данным, в 1870 г. в Енисейской губернии находилось в ссылке 4 419 польских повстанцев, участвовавших в восстании 1863 г., из которых привилегированные сословия составляли 2 038 человек (46,19 %), крестьяне – 606 (13,7 %), городские жители – 544 (12,31 %), иностранные подданные – 157 (3,5 %), военные – 103 (2,3 %), а также однодворцы – 54 (1,2 %) [2, с. 14].

Успешная адаптация ссыльных была связана с профессиями и навыками, которыми они обладали. Среди поляков, у которых определен профессиональный статус, 660 человек занимались сельским хозяйством до своей ссылки; 103 гражданина были квалифицированными военными; 67 – учащиеся, как высших, так и средних учебных заведений; 63 – рабочие фабрик; 57 – чиновники различных сфер; 56 – были связаны с духовной деятельностью; 8 – представляли польскую шляхту, 3 – были торговцами. [2, с. 17]. Исходя этих из данных можно сделать вывод, что большинство ссыльных изначально были заняты сельскохозяйственной деятельностью. Так, например, К. И. Громадский представил русский хлеб на международной выставке, за что был награжден медалью, а хлеб Енисейской губернии был признан лучшим среди хлебов.

В Енисейской губернии, где экономика имела преимущественно сельскохозяйственный характер, был недостаток обученных, умелых ремесленников. Польские ссыльные, которые еще на родине были признанными мастерами различных ремесел, смогли проявить свои умения в ссылке, за что получили признание и уважение местного населения. Известный деятель Н. В. Скорняков отмечал, что они приобщили сибиряков к разным ремеслам [2, с. 18]. Местные жители освоили навыки изготовления колбас, кондитерских изделий, а также создания плетеных изделий. Они стали активно заниматься производством свечей, мыла, сигар, а также начали создавать курительные трубки из березового дерева. Некоторые поляки также поднимали уровень гончарного искусства. Их глиняные изделия были признаны выдающимися, и все восхищались мастерством, с которым они были выполнены [2, с. 18].

Также, переселенцы были приписаны к золотодобывающим предприятиям Окулова, Семеновой, Франковского, Хомутникова, Репиловых завода. В золотодобывающем предприятии И. Ф. Базилевского работали 36 поляков-ссыльных, которых он ценил и ставил остальным рабочим в пример. Некоторые поляки, такие как Бжезовский, Машковский, Туанеллий, Поплавский, Климантович, самостоятельно занялись золотодобычей, но лучше всего вышло у О. А. Брушевского, который открыл лавку, где торговал различными тканями. Позже весь его род был связан и занимался добычей золота в Сибири. Так, ссыльные показывали высокие профессиональные результаты, а также развивали свою собственную предпринимательскую деятельность [2, с. 19].

Отметим, что одним из наиболее распространенных занятий поляков в ссылке была торговля. Почти в каждом городе Сибири можно было найти магазины со знаком «Варшавский магазин». Примером успешной торговой деятельности служит деятельность А. М. Матушинского, который запустил магазины, парикмахерские и кондитерские с польскими товарами в Енисейской Губернии. Активность поляков в этой сфере способствовала развитию сибирской и общероссийской торговли в целом [2, с. 19].

Стоит отметить их вклад в развитие системы здравоохранения Сибири. В области медицинской практики активно деятельностью занимались А. О. Пекарский, Л. О. Пекарский и А. Е. Одаховский. Особую благодарность жители Енисейской губернии выражали врачу А. О. Пиотровскому за его участие в организации прививочной работы в регионе [3, с. 73].

Поляки оказывали значительное воздействие на прогресс практически во всех областях науки. Например, в течение 12 лет М. О. Маркс проводил метеорологические наблюдения в Енисейске для Главной физической обсерватории в Петербурге, составив таблицу времени для городов Енисейской губернии. Его исследования космической пыли также заслуживают особого упоминания, поскольку М. О. Маркс доказал ее существование.

Весомые открытия в области археологии совершил Н. И. Витковский. В процессе своей работы он обнаружил артефакты и находки, которые послужили основой для систематизации и стали отправной точкой для исследования уникальной Ангарской культуры [3, с. 73].

Особую ценность для отечественной этнографии имеют экспедиции Ф. Я. Кона. В ходе своего путешествия по территории Тывы, он собрал множество уникальных экспонатов, которые затем были переданы в этнографический отдел Русского музея в Санкт-Петербурге. Научные работы ученого были высоко оценены, и отмечены золотой медалью Общества любителей естествознания. Материалы, собранные им в ходе экспедиций, были обобщены в его труде «Усинский край» [3, с. 73–74].

Таким образом, можно сделать вывод о высоком вкладе польских ссыльных в развитие Енисейской губернии. Польская диаспора привнесла на территорию Сибири часть своей культуры, опыт, ценности и знания.

Поляки вели активную научную, просветительскую, сельскохозяйственную и торговую деятельность, занимались ремеслами, изучали природу и медицину. Труд ссыльных очень ценился и часто ставился в пример местному населению, заслуживал уважения. Подводя итог можно сказать, что вклад ссыльных поляков был значимым и благоприятно сказался на развитии Енисейской губернии и уровне жизни в ней.

Список источников

1. Карагулян К. Г., Солдатенко Д. Ю. «Социальный портрет ссыльных польского восстания (на примере Енисейской губернии)». Красноярск, 2019.
2. Береговая Е. П. «Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв». КГПУ им. В. П. Астафьева, Красноярск, 2007.
3. Ханевич В. А. «Сибирская колония: прошлое, настоящее, будущее». Томск, 1999.
4. Нагаев А. С. «Омское дело». 1832–1833 гг. Красноярск, 1991.
5. Леончик С. В. «Остаться или вернуться на родину? К вопросу об оставшихся после амнистии на территории Енисейской губернии ссыльных польских повстанцах 1863–1864 гг». Красноярск, 2021.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. О. 63. Д. 2, 48, 49, 90, 92, 231–231, 25. 1–190, 4. 1–170.
7. Муниципальное Казенное Учреждение «Енисейский районный архив». Ф. 6. О. 1. Д. 54.

Т. Г. Карчаева
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ВЕТРОВ: БИОГРАФИЯ И ВКЛАД В НАУКУ ЧИНОВНИКА И ЗАСТУПАЮЩЕГО МЕСТО ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ КРАСНОЯРСКА

Аннотация. В статье впервые для исторической науки представлены сведения о губернском секретаре Александре Михайловиче Ветрове, бывшем чиновнике, который в 1908–1917 гг. был членом Красноярской Городской Управы трех созывов и занимал должность Заступающего место Городского Головы в 1916–1917 гг., т. е. являлся заместителем Степана Ивановича Потылицына. Просмотр местных периодических изданий городского общественного управления показал участие А. М. Ветрова в статистическом описании социально-экономического развития города Красноярск, оценке общего потенциала Енисейской губернии в развитии страны.

Ключевые слова: *А. М. Ветров, чиновник, Красноярская Городская Управа, Заступающий место Городского Головы, С. И. Потылицын, Вестник Красноярского городского общественного управления*

Abstract. The official provincial secretary Alexander Mikhailovich Vetrov is the topic of this article. We talked about the biography of an official who was a member of the Krasnoyarsk City Council of three convocations (from 1908 to 1917) and held the position of Interim City Mayor (from 1916 to 1917), therefore, he was the deputy of the well-known Stepan Ivanovich Potylitsyn. We looked through local periodicals of the City Public Administration and established A. Vetrov's contribution to the statistical description of the socio-economic development of the city of Krasnoyarsk. He headed the food commission of Krasnoyarsk in pre-revolutionary times and during the First World War, he assessed the overall high potential of the Yenisei province in the development of the country.

Keywords: *A. Vetrov, official, Krasnoyarsk City Government, Taking the place of the City Head, S. Potylitsyn, Bulletin of the Krasnoyarsk City Public Administration, pre-revolutionary Russia*

В конце XIX – начале XX в. местные органы власти выполняли множество обязанностей, среди которых была и научная работа. Так, геологическое, географическое, этнографическое, краеведческое и статистическое изучение управляемой территории сосредоточивалось в таких учреждениях и обществах, как, например, губернский (областной) статистический комитет, Общество врачей, музеи, местные отделения общества сельского хозяйства и Русского географического общества. Среди чиновников, зарекомендовавших себя положительно в научной сфере и служивших в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в., можно назвать статского советника В. Л. Приклонского (вице-губернатора, исследователя Якутии, библиографа, члена-сотрудника Императорского Русского Гео-

графического Общества (далее ИРГО)), статского советника И. И. Крафта (губернатора и также действительного члена ИРГО, автора исследовательских работ об управлении в Якутской области, Туркестанском крае и степных областях Российской империи), коллежского секретаря С. Н. Велецкого (начальника Енисейского Управления земледелия и государственных имуществ, корреспондента Отдела сельской экономии и сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Главного Управления Землеустройства и Земледелия) и др. [1, с. 24–25; 2, с. 1 287–1 295; 3, с. 51–53].

Цель данной статьи – представить ранее неизвестные сведения о губернском секретаре Александре Михайловиче Ветрове, внесшим определенный научный вклад в статистическое описание социально-экономического развития города Красноярска и Енисейской губернии.

Учреждения городского общественного управления, согласно действовавшим в те годы правилам, издавали местные периодические журналы, посредством которых до населения доносилась информация о развитии территории и деятельности местных структур власти.

В городе Красноярске подобным изданием был «Обзор хозяйства города Красноярска», реорганизованный в 1915 г. в «Вестник Красноярского городского Управления», редактором которого был Городской Голова Степан Иванович Потылицын, а составителем и ответственным за статистическую информацию – его заместитель [4]. В 1916–1917 гг. им был губернский секретарь Александр Михайлович Ветров – член Городской Управы трех созывов (1908–1911, 1912–1915, 1916–1917/1919 гг.), занимавший должность Заступающего место Городского Головы Красноярска [5, л. 85–86].

В фонде № 595 «Енисейское губернское управление» Государственного архива Красноярского края (далее также ГАКК) хранится формулярный список губернского секретаря А.М. Ветрова от 25 апреля 1916 г. [5, л. 85–87] Следует заметить, что данный документ составлен на него как на Заступающего место Городского Головы Красноярска и отличается от общепринятой формы для чиновников Енисейской губернской администрации и местных уездных управлений: нет сведений о возрасте (или дате рождения); не заполнен столбец о семейном положении и детях [5, л. 85 об. – 86]. Однако представленные в формулярном списке сведения позволяют для исторической науки и широкой общественности впервые познакомиться с биографией губернского секретаря А. М. Ветрова – фактическим заместителем Главы города Красноярска в столь трудное предреволюционное время.

В формулярном списке сказано, что Заступающий место Городского Головы губернский секретарь Александр Михайлович Ветров был православного вероисповедания, происходил из мещан города Красноярска. Однако имущества родового не имел, а было у него приобретенное имущество – усадебное место с домами и постройками в городе Красноярске. На выборной должности он получал в год содержание в сумме 3 600 руб.,

в которое входили жалование (3 000 руб.) и «разъездные по хозяйственной части деньги» (600 руб.) [5, л. 85 об.].

Согласно формулярному списку А. М. Ветров не имел замечаний по службе, не был под судом и следствием, не подвергался наказаниям, лишавшим его права получения знаков отличия, а имел бронзовую малую медаль для ношения на груди в память 300-летия царствования Дома Романовых, полученную в 1913 г., и «на основании Высочайшего повеления, последовавшего в первый день февраля 1915 г., ему была пожалована Высочайше утвержденная за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. светло-бронзовая медаль для ношения на груди на ленте ордена Белого Орла, о чем выдано было свидетельство 15 февраля 1915 г.» [5, л. 85 об. – 86].

А. М. Ветров получил среднее по уровню образование – окончил четыре класса Красноярской мужской гимназии. До службы в Городской Управе служил в частных торговых и золотопромышленных предприятиях [5, л. 86]. Можно предположить, что Александр Михайлович зарекомендовал себя ответственным, серьезным служащим, которому доверяло окружение и население города.

Первый раз А. М. Ветров был избран членом Красноярской Городской Управы по постановлению Красноярской Городской Думы от 19–21 марта 1908 г. на четырехлетие 1908–1911 гг. И приказом г. Енисейского Губернатора от 22 апреля 1908 г. утвержден в должности Члена Управы [5, л. 85 об. – 86].

По постановлению Городской Думы 23 ноября 1911 г. за № 198 вновь был избран Членом Городской Управы на четырехлетие 1912–1915 гг. Приказом г. Енисейского Губернатора от 24 января 1912 г. (за № 3) утвержден в этой должности [5, л. 85 об. – 86].

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 27 февраля 1912 г. за № 10 произведен за выслугу лет в чин коллежского регистратора со старшинством с 21 марта 1910 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 27 мая 1914 г. за № 36 произведен за выслугу лет в чин губернского секретаря со старшинством с 21 марта 1913 г. [5, л. 85 об. – 86].

По постановлению Городской Думы от 7 октября 1915 г. за № 194 А. М. Ветров был третий раз избран членом Городской Управы, а также получил должность Заступающего место Городского Головы на четырехлетие 1916–1919 гг. (был утвержден в этой должности согласно телеграфному извещению Начальника Главного Управления по делам местного хозяйства от 13 декабря 1915 г. за № 15 на имя г. Енисейского губернатора) [5, л. 85 об. – 86].

Город Красноярск входил в перечень тех поселений, в которых не было должности товарища Городского Головы или его помощника, поэтому Красноярская Городская Дума избирала одного из членов Управы в Заступающие место Городского Головы [6, ст. 93]. Городовое положение прописывало в обязанности Заступающего место Городского Головы полномочия главы города в периоды отсутствия последнего. Интересен тот

факт, что должность Заступающего место Городского Головы не была отдельно представлена в штате городского общественного управления, а совмещалась с должностью члена Городской управы из числа гласных Городской думы [6, ст. 94].

Анализ периодических изданий города Красноярск за 1916–1917 гг. позволил установить некоторый вклад губернского секретаря Александра Михайловича Ветрова в изучение социально-экономического развития города Красноярск. Под его председательством собирались Продовольственные комиссии города, которые вместо отсутствовавших в Енисейской губернии Земских управ осуществляли сбор, анализ, подготовку к изданию информации о положении продовольственного дела в городе Красноярске [7, с. 99, 102]. Под руководством Заступающего место Городского Головы публиковались справочно-статистические материалы о балансе финансовых средств в городском бюджете (сведения о положении счетов), составлялись отчеты о городских ценах [8, с. 64, 66, 68, 70; 9, с. 65, 67–70; 10, с. 64, 66, 68, 70].

Таким образом, пример губернского секретаря Александра Михайловича Ветрова еще раз доказывает факт эффективных и «положительных» взаимоотношений науки и власти в дореволюционный период развития Сибири. В начале XX в. чиновники и городские служащие включали в перечень своих профессиональных компетенций и исследовательские навыки, умение работать со статистическим материалом, осмысливать, как бы сейчас мы сказали, «большие данные». Благодаря изданию периодических изданий местными правительственными структурами и общественным городским управлением современная историческая наука получила важные сведения о социально-экономическом развитии провинциальных территорий.

Список источников

1. Карчаева Т. Г. Ученый и чиновник: к биографии вице-губернатора Енисейской губернии В. Л. Приклонского // Материалы Юбилейной конференции, посвященной 115-летию Красноярского краевого отделения Русского географического общества. 2016. С. 24–25.

2. Karchaeva T. G., Garin E. N., Severyanov M. D. “Little Speransky” of Siberia: on the Activities of Yakutsk, Yenisei Governor Ivan Kraft from 1906 to 1914 // *Bylye Gody*. 2018. № 49 (3). С. 1 287–1 295.

3. Карчаева Т. Г. О чиновниках Оренбуржья, служивших в Енисейской губернии в 1822–1917 гг. // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сборник статей международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Научный редактор С. В. Любичанковский. 2020. С. 51–53.

4. Потылицын Степан Иванович – городской голова Красноярск 1914–1916 г. [Электронный ресурс] // Мой Красноярск: народная энциклопедия. URL: <http://region.krasu.ru/people/potilizin> (дата обращения: 12.04.2024).

5. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 595. Оп. 45. Д. 237. Л. 85–87.

6. Городовое положение с законодательными мотивами, разъяснениями и дополнительными узаконениями / сост. С. Г. Щегловитов. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1892. 736 с.

7. Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 6–7.

8. Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 8.

9. Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 9.

10. Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 12.

Д. Н. Нестеренко
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

«ДЕЗЕРТИРЫ ТРУДА»: ЖЕНСКАЯ БЕЗРАБОТИЦА КАК ФАКТОР РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ КОММЕРЦИИ В 1920-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. В статье рассматривается женская безработица в 1920-х гг. как основной фактор, влиявший на вступление женщин на рынок интимных услуг. Данное суждение было основным со стороны новой советской власти, так как структурировал меры противодействия этому явлению через систему трудотерапии. На основе архивных данных представлены действия Биржи Труда, проанализированы меры по трудотерапии, сделан вывод о неоднозначных результатах таковых мер на территории Енисейской губернии.

Ключевые слова: проституция, сексуальная коммерция, 1920-е гг., Енисейская губерния, советская власть

Abstract. The article examines female unemployment in the 1920s as a major factor influencing women's entry into the intimate market. This judgment was the main one on the part of the new Soviet authorities, as it structured measures to counteract this phenomenon through the system of occupational therapy. On the basis of archival data the actions of the Labor Exchange are presented, the measures on occupational therapy are analyzed, the conclusion about ambiguous results of such measures on the territory of Yenisei province is made.

Keywords: prostitution, sexual commerce, 1920s, Yenisei province, Soviet power

После 1917 г. сексуальная коммерция была объявлена вне закона. Однако обращение к этой проблеме, как к части социального аномального поведения повседневности произошло несколько позже – к 1920-м гг. Женщина, которая была частью рынка интимных услуг, в рамках концепции новой советской власти рассматривалась как «дезертир труда» [1, с. 386]. Целью статьи является рассмотрение женской безработицы как фактора, влиявшего на рост акторов сексуальной коммерции.

По мнению советской власти, женская безработица была главной причиной вступления женщины на рынок сексуальной коммерции, поэтому и ликвидация проституции полностью отождествлялась с ликвидацией женской безработицы [2, л. 4]. На 1 июня 1925 г. в Красноярске на Бирже труда было зарегистрировано 3 451 человек из них – 1 712 женщин [3, л. 65]. Женская безработица занимала значительное место в общей безработице.

Енисейская губернская советская рабоче-крестьянской милиция вела учет безработных в 1922 г. по следующим критериям [4, л. 30]:

1. Чем занимался безработный за время состояния на учете в Бирже труда или до момента регистрации;
2. Из каких источников получал средства к существованию;
3. Платил(а) ли за коммунальные услуги, а если платил(а), то с какого времени.

На квалифицированных работах находилось всего 16,6 % женщин в отношении всей квалифицированной работы [3, л. 30]. Отсюда вывод, что женская рабочая сила, занятая в промышленности в своем подавляющем большинстве находится на неквалифицированном или полуквалифицированном труде. На предприятиях работа была тяжелая, требовала большой затраты мускульной энергии. Женщины подрывали свое здоровье, при этом промышленное производство постоянно требовало квалификации. Исследование Института охраны труда показало, что в связи с переноской тяжестей у женщин наблюдается разрушение функциональной половой деятельности в 70 % случаях [3, л. 30].

По Биржам Труда на 1926 г. в г. Красноярске состояло 1 070 безработных. Из них 48,5 % – женщины. Борьба с безработицей должна была, прежде всего, заключаться в усилении посылки на работу женщин, при этом должно быть особо уделено внимание посылке женщин на постоянную, а не временную работу, как это имело место в губернии.

Если говорить об эквивалентной стоимости труда в артели, который предлагали проституткам, и цены за сексуальные услуги, то средний заработок, скажем, в артели «Тара» составлял 11–20 руб., в пошивочной – до 30 руб. в месяц [3, л. 65]. Проститутка за одного клиента в это время могла получить от 3 руб. В среднем за одну ночь они могли принимать от 3 до 6 клиентов, соответственно, заработок был в разы больше, чем в трудовой артели. Большинство безработных женщин не имели почти никакой квалификации, следовательно, с трудоустройством были проблемы. С обучением девочек-подростков дела обстояли неудовлетворительно, так как на учебу предпочтительно брали мальчиков. До 70 % всех безработных приезжие из сельских местностей, соответственно, они составляли потенциальную группу риска. Венерический диспансер проводил обследование проституток: большинство обследованных происходили из крестьян – 13 человек в возрасте от 15 до 30 лет, хотя были и моложе 15 лет, большинство в возрасте 20 лет [3, л. 65]. Материальная обеспеченность большинства таких женщин была за чертой бедности.

Властные суждения и инициативы были связаны с первичным тезисом советской власти, выработанным в 1920-х гг., который гласил о том, что сексуальная коммерция напрямую связана с капиталистическими отношениями и существованием «буржуазного» наемного труда. Отсюда меры, которые были призваны бороться с этим явлением. Их цель – привлечь женщину к другим формам труда, которые позволили бы ей отойти от этого промысла. Однако меры, которые были реализованы советской властью в отношении «трудотерапии» носили противоречивый характер: женщинам предлагались тяжелые виды работ за низкую оплату, этот факт вы-

нуждал многих женщин возвращаться в «позорный промысел» и переходить для нового советского общества в ранг «злостных проституток», т. е. тех, кто не поддавался исправлению. Более того, отношение к сексуальной коммерции как к пережитку прошлого, «атавизма» царской России, приводило в тупик властные суждения по причине отдаления от сущности торговлей телом. Этот путь не включал в себя понимание многоаспектности акторов и самого феномена сексуальной коммерции.

Список источников

1. Лебина Н. Б. Советская повседневность. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 483 с.
2. ГАКК. Ф. Р. 136. Оп. 1. Д. 697. Л. 4.
3. ГАКК. Ф. Р. 319. Оп. 1. Д. 174. Л. 65.
4. ГАКК. Ф. Р. 745. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

Ш. С. Ооржак

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва

Кызыл, Россия

РУССКАЯ САМОУПРАВЛЯЮЩАЯСЯ ТРУДОВАЯ КОЛОНИЯ (РСТК) В ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1921–1944 ГГ.

Аннотация. Данная статья анализирует процесс формирования местной колонии российских подданных, которая стала одним из ключевых факторов в создании Тувинской Народной Республики. Русская самоуправляющаяся трудовая колония (РСТК) была основана в начале 1920-х гг. и существовала в течение десяти лет, став уникальным политическим образованием в истории России.

Ключевые слова: автономия, конституция, комитеты, Русская самоуправляющаяся трудовая колония, районные и сельские советы, Тувинская Народная Республика

Abstract. This article analyzes the process of formation of a local colony of Russian subjects, which became one of the key factors in the creation of the Tuvan People's Republic. The Russian Self-Governing Labor Colony (RSTK) was founded in the early 1920s and existed for ten years, becoming a unique political entity in the history of Russia.

Keywords: autonomy, constitution, committees, Russian self-governing Labor colony, district and village councils, Tuvan People's Republic

Республика Танну-Тува и Русская самоуправляющаяся трудовая колония возникли одновременно и были взаимосвязаны друг с другом. Это было обусловлено преобладанием местных лидеров в руководстве регионом.

Русская самоуправляющаяся трудовая колония (РСТК) была создана на основе решения XII краевого съезда русского населения Тувы от 24 июля 1921 г. и утверждена правительством РСФСР 13 июля 1922 г. [3].

Рождение новой политической структуры напрямую связано с участием И. Г. Сафьянова и нойона Монгуша Буян-Бадыргы на Всетувинском Учредительном Хурале, состоявшемся в августе 1921 г. В этом мероприятии приняли участие многочисленные местные вожди, отражающие как русские, так и тувинские традиции.

В числе участников были сын местного торговца И. Г. Сафьянов, П. С. Медведев (сын торговца из Усинска), председатель Урянхайского крайревкома Г. Я. Стрелков (происходивший из Минусинска), командир объединенного партизанского формирования Тувы С. К. Кочетов (рожденный в Минусинском уезде и воспитанный в Туве), а также лидер местной большевистской организации М. М. Терентьев и другие деятели.

В ходе съезда было принято решение о том, что десятитысячное русское население Тувы будет признано автономной советской колонией. Это решение стало важным шагом в формировании Республики Танну-

Тува и отражало сложные политические и социальные процессы того времени.

Эта колония была организована для самоуправления русского населения Тувы, что давало им определенную автономию и право управлять своими делами. Руководство деятельностью РСТК осуществлял исполком РСТК, а на местах функционировали районные и сельские советы.

Основная цель РСТК заключалась в обеспечении социально-экономического развития и улучшения условий жизни русского населения Тувы. В течение своего существования, РСТК работала на основе утвержденной конституции и законов, стремясь к самоуправлению и развитию своей территории.

Первым главой РСТК был назначен Георгий Яковлевич Стрелков, который был командирован за Саяны. Стрелков, яркий молодой лидер комсомола, играл ключевую роль в организации и управлении республикой. На пост заместителя председателя исполкома РСТК был избран Николай Николаевич Нелидов, прошлый работник Красноярского ПВРЗ. Его путь в Туву начался в 1920 г., когда он прибыл в качестве политкомиссара экспедиции Центросоюза, занимавшейся закупкой скота. Нелидов также сыграл важную роль в управлении республикой, работая рядом с главой РСТК.

В структуре местного управления в РСТК функционировали сельские советы, изначально их было 30. С 1925 г. началось внедрение концепции «районного звена управления», что привело к созданию 10 районных советов, последующая консолидация которых позволила сформировать 5 более крупных райсоветов. Это улучшило систему управления и координации деятельности местных органов власти в республике.

РСТК была контролируема официальными представителями Советского государства. В 1920-е гг. население РСТК было относительно стабильным, и даже немного увеличилось за счет естественного прироста. Большинство членов РСТК занимались сельским хозяйством, земледелием и скотоводством. Согласно документам, в период с середины 1920-х гг. в Туве функционировало 2 077 русских хозяйств, занимающих общей площадью 7 419 десятин земли и содержащих 39 496 голов скота. Это свидетельствует о значительной роли сельского хозяйства в экономике региона в то время. Эти данные отражают общую картину развития населения и сельского хозяйства в РСТК в 1920-е гг., а также важность сельского хозяйства как основного средства к существованию для местного населения.

Население колонии превышало 10 тысяч человек, занималось земледелием, скотоводством, промыслами и торговлей. Колония имела свою правовую базу, могла устанавливать свой флаг и герб, формировать бюджет через внутренние налоги, а также имела свою воинскую часть. Земля для колонии арендовалась у правительства Тувинской Народной Республики.

«Большую роль сыграла РТСК в культурном развитии Тувы в течение всего существования ТНР. Свидетелями событий, связанных с культурным обменом между тувинским и русским народом, является здание,

в котором сегодня работает Центр традиционной культуры и ремесел по ул. Ленина 7» [2, с. 67–72].

Граждане России, которые стали гражданами Советского Союза, попадали под юрисдикцию законов РСФСР. Судебная система РСТК рассматривала дела и принимала решения о наказаниях, которые отбывались внутри Тувы. РСТК, подобно Тувинской Народной Республике, преодолела несколько этапов своего развития, с особым вниманием на прогрессивные леворадикальные преобразования и на формирование централизованного контроля со стороны Москвы над ее политической системой. Однако социально-политическая система, включая РСТК, начала разрушаться во второй половине 1920-х гг.

Противоречия между РСТК и Правительством ТНР связаны с недовольством у тувинского населения, так как они считали, что РСТК должен финансировать свое развитие самостоятельно. Более того, тувинцы видели это как форму эксплуатации и колониализма со стороны РСТК.

Кроме того, существовали разногласия по поводу внутренней политики. Правительство ТНР стремилось создать национальное буржуазное государство с единой национальной идеологией, в то время как РСТК поддерживало и сохраняло русские культурные и религиозные традиции. Это вызывало напряжение и противоречия в области языка, образования и религии.

Одно из основных противоречий было связано с земельными отношениями. Правительство ТНР стремилось национализировать землю и распределить ее среди тувинцев, в то время как РСТК поддерживало приватизацию земли и сохранение русских хозяйств.

Конфликты между РСТК и Правительством ТНР также возникали в связи с процессом модернизации и развития экономики. РСТК внедряло современные технологии и промышленность, в то время как Правительство ТНР хотело сохранить традиционное образование и ремесленный промысел.

В целом, эти противоречия между РСТК и Правительством ТНР отразили глубокий разрыв между русскими и тувинскими интересами, а также между современностью и традицией. Это создало сложную ситуацию, которая в конечном итоге привела к конфликту и окончательному установлению русской контролируемой администрации в Туве.

Советское руководство постоянно вмешивалось в русско-тувинские отношения, что мешало им самостоятельно урегуливаться. Это вмешательство создавало дополнительные напряжения и препятствовало нормальному развитию взаимоотношений между различными общностями и политическими структурами в Туве.

В период с 1925 по 1927 гг. в Туве наблюдалась трансформация социально-политической структуры, в рамках которой РСТК начала терять свое значение. К 1927 г. штат работников Исполкома РСТК уменьшился с 68 до 11 сотрудников. В течение 1927–1928 гг. были упразднены промышленные и торговые подразделения РСТК. Представительство потребо-

вало расформирования колонии и официальной регистрации оружия ее жителей.

В тот же период в данном регионе наблюдалось слияние социально-политических институтов, пришедших из России и Тувы.

К 24 мая 1932 г. РСТК была формально распущена в соответствии с положениями договора между Советским Союзом и Тувой. В результате, структуры, принадлежащие русской колонии, преобразовались в комитеты, состоящие из граждан Советского Союза.

Причины упразднения могли быть различными, включая изменения в политической ситуации, экономические факторы или стратегические решения властей. Эти события свидетельствуют о постепенном изменении политической обстановки в Туве и о влиянии советской власти на процессы в регионе.

Список источников

1. Дацышен В. Г. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике как уникальный опыт российского регионализма // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. С. 19–29.

2. Ондар О. Н. Памятники периода Тувинской Народной республики и Русская самоуправляющаяся трудовая колония // Известия Алтайского государственного университета, 2023, № 6 (134). С. 67–72.

3. Ф. Р-144, 11 оп., 19 ед. хр.

*А. Г. Артамонова
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

РОЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ С 1934 ПО 1941 ГГ.

Аннотация. В данной статье исследуется значимость нормативно-правовых документов на территории Красноярского края в период с 1934 г. по 1941 г. Автор статьи анализирует влияние законодательной базы на развитие и образование региона, освещая ключевые изменения и вызовы, с которыми сталкивался Красноярский край. Статья раскрывает важность правового регулирования для формирования региона в условиях социально-экономических трансформаций того времени.

Ключевые слова: законодательство, исполком, крайком, Красноярский край, плановая комиссия, Сибирь

Abstract. This article examines the significance of regulatory documents on the territory of the Krasnoyarsk Territory in the period since 1934 to 1941. The author of the article analyzes the influence of the legislative framework on the development and education of the region, highlighting the key changes and challenges faced by the Krasnoyarsk Territory. The article reveals the importance of legal regulation for the formation of a region in the context of socio-economic transformations of that time.

Keywords: lawmaking, executive committee, regional committee, Krasnoyarsk region, planning commission, Siberia

Построение социалистической индустриализации в СССР являлась одной из задач, стоящей перед партией. Развитие тяжелой промышленности и электрификации народного хозяйства были основой для образования нового региона в стране. В Восточной Сибири Коммунистическая партия преодолела огромные трудности и имели своеобразный характер. Экономика Сибирского края была на тот момент отсталой по сравнению с центром страны. На обширной территории, сопоставимой с размерами нескольких больших стран, не было развитой промышленности. Большинство населения составляли крестьяне, а рабочих было относительно мало. Недостаточное осведомление о природных ресурсах и удаленность этого региона от центральных областей усугубляли проблемы для партии в ее стремлении улучшить транспортную систему и индустриализацию. Решения XVII съезда ВКП(б) в январе – феврале 1934 г. имели огромное значение для дальнейшей индустриализации края. В директивах по второму пятилетнему плану подчеркивалась необходимость создания новых индустриальных центров в Восточной Сибири.

В соответствии с утвержденной на Чрезвычайном VIII съезде Советов Союза ССР Конституцией 1936 г., система управления органами

на всех уровнях была приведена в Красноярском крае [9, с. 500]. Восьмая глава нормативно-правового документа была посвящена тому, что органами государственной власти в краях, областях и др. являются Советы депутатов трудящихся. В период сессий окружные съезды передавали свои полномочия окружным исполнительным комитетам. На нижнем уровне находились исполкомы, сельские, а также городские съезды советов [11, с. 100]. Можно увидеть, что в основном закон страны устанавливал систему местных и высших органов по выборности и классовому принципу не только по стране, но и в регионах.

Если говорить о роли законодательства в развитии такого богатого и щедрого региона как Красноярский край, то основным документом для региона, можно считать постановление Президиума ВЦИК от 7 декабря 1934 г. «О разукрупнении Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев и образовании новых областей Сибири». В документе отмечается то, что административным центром региона становится Красноярск. Хакасская национальная область, Таймырский и Эвенкийские национальные округа так же вошли в состав Красноярского края вместе с 52 районами [10, с. 30].

Приказом Краевой плановой комиссии от 14 января 1935 г. № 1 прописывались особенности работы комиссии в крае. В документе указано то, что в ней было создано пять секторов, канцелярия и геологоразведочное бюро. Структура Краевой плановой комиссии при исполкоме Крайсовета состояла из: председателя и его заместителей. Постановлениями Президиума Крайисполкома они вступали в должность, а позже решениями. Далее идут начальники секторов, которые выполняли определенные функции (подготовка планов работ на определенный период и предоставление их на утверждение). Прием и увольнение работников согласовывался с Госпланом РСФСР [12, с. 124].

В Красноярском крае формируется Краевая плановая комиссия. Постановление ВЦИК от 5 апреля 1935 г. «О реорганизации Государственной плановой комиссии Союза ССР» одновременно с решением организационных вопросов занимался и вопросами районного планирования. Красноярский край в документе относился к сектору восточного планирования. Планировалось создать интегрированный отдел сельского хозяйства в рамках Государственной Плановой Комиссии, объединив отделы совхозов и сельского хозяйства, и при этом еще организовать подразделения зерновых совхозов в рамках сектора земледелия и подразделения животноводческих совхозов в рамках сектора животноводства [8, с. 224].

В соответствии с Положением о Государственной Плановой Комиссии, утвержденным Совнаркомом СССР 2 февраля 1938 г., Крайисполкомом было принято Положение о Краевой Плановой Комиссии [1, с. 30]. Основной задачей Краевой Плановой Комиссии являлась разработка плана развития народного хозяйства края, обеспечивающего согласованные параметры развития различных отраслей и необходимые меры по предотвращению неравновесного развития, а также координацию смежных от-

раслей социалистического производства, сельского хозяйства, транспорта, капитального строительства, материального обеспечения и разумное районное размещение предприятий.

Основной сложностью для работы плановой комиссии было то, что план второй пятилетки составлялся в период, когда территория бывшей Енисейской губернии была разделена на округа, подчиненные разным краям. Теперь на территории единого Красноярского края проводилась реализация планов, утвержденных еще до его создания, очевидно, что в новых условиях требовалась их корректировка.

Так же можно отметить и постановления по районам края. Бюро Красноярского крайкома ВКП(б) и президиума Крайисполкома были ответственны за выполнения постановлений. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 2218 «Вопросы Красноярского края» от 1 октября 1935 г. не предназначалось для общедоступного пользования и являлся конфиденциальным документом под грифом «секретно». В документе также говорилось о том, что просьбу Красноярского крайкома о выселении на Крайний Север 30 единоличных хозяйств, которые активно препятствовали сдаче хлеба государству [7, л. 85].

Документы подобного рода касались вопросов кадрового состава («Об утверждении штатов отделов крайисполкома, Хакасского областного, Таймырского и Эвенкийского окружных, районных исполнительных комитетов и городских, поселковых и сельских Советов Красноярского края на 1937 год» (постановление Президиума крайисполкома №847)). В документах содержится информация о численности штатного состава на всех уровнях власти [4, л. 268].

Постановление оргбюро ВКП (б) Красноярского края и крайисполкома от 20 марта 1935 г. описывало, что все райкомы и райисполкомы в первую очередь секретари несли персональную ответственность за успешное выполнение ударного месячника по лесозаготовкам в первом квартале [2, с. 320].

На основе материалов было принято постановление «О развитии Красноярского края», которые были подготовлены Краевой плановой комиссией. После обследования в Красноярском крае социальной, экономической и культурной работы, в мае 1939 г. Совет народных комиссаров отметил положительную динамику в промышленности, а также указывались на проблемы, которые требовали решения. По решению их проблем СНК РСФСР утвердил комплекс мероприятий. В 1939 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР распорядился предоставить отраслевым наркоматам дополнительное финансирование для возведения завода по производству графитовой фабрики, известкового завода в Красноярске, аэропорта в Абакане, кирпичных заводов (г. Ачинск и г. Красноярск), а также в сфере образования и здравоохранения). Приостановлено в районах края 38 объектов [3, л. 5].

В январе 1941 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) под названием «О мероприятиях по увеличению производства то-

варов народного потребления и продовольствия из местного сырья», что послужило отправной точкой для значительного увеличения заготовки природных ресурсов [6, л. 99].

Это постановление требовало развития охотничьего и рыболовного промысла, а также активизации работ по сбору дикорастущих растений. Краевая плановая комиссия вывела на торговые, заготовительные и промышленные организации края план по вылову рыбы в 1941 г. в объеме 90 550 центнеров, заготовке 820 тонн грибов, 1 086 тонн кедрового ореха, 1 353 тонн дикорастущих плодов и ягод, а также добыче 90 тонн мяса диких животных и 78 500 штук водоплавающей и боровой дичи. Однако к сентябрю 1941 г., уже в период Великой Отечественной войны, выполнение плана по заготовке орехов составило всего 38 %, ягод – 40 %, мяса диких животных – 50 %, а добычи водоплавающей птицы – лишь 21,4 %. Охотникам края удалось добыть только 16 834 гусей, уток и других птиц [5, л. 43].

Следующую группу источников составляют методические рекомендации, перечни и инструкции. Данный блок документов регулировал экономические, административные и социальные стороны жизни. Перечни могли быть по организации труда в крае, распределению ресурсов или направлялись на укрепление политической или общественной системы.

Отдельный блок нормативно-правовой базы региона будет составлять делопроизводственная документация. В документах подобного рода содержалась информация о различных сферах развития Красноярского края. Например, из докладной записки в Востоксибкрайисполком от 1934 г. говорится о развитии промышленности города Красноярска. Ведь тогда в городе представлял из себя торгово-распределительный центр Сибирского региона. Вся промышленность была представлена следующими предприятиями: пивоваренные, стекольные и кирпичные заводы и мастерские. Представлена так же сжатая характеристика промышленности [13, л. 10].

Таким образом, Красноярский край стал одним из ключевых регионов в эпоху индустриализации, способствующий достижению долгосрочных целей. Нормативно-правовая база отражала намерение государства эффективно использовать природные ресурсы и принятая для развития инфраструктуры, промышленности и энергетики. Создание плановой комиссии, а также определение ее функций, позволили организовать и упорядочить процесс планирования.

Список источников

1. Белова Е. Б. Стихия плана: практика работы Госплана СССР в первой половине 1930-х гг. / Е. Б. Белова. // Экономическая история: Ежегодник. 2001. С. 24–39.

2. Бердников Л. П. Вся Красноярская власть: очерки истории местного советского управления и самоуправления 1917–1993. Факты, события, люди. Красноярск: Кн. изд-во, 1996. 320 с.

3. ГАКК. Ф. Р. 1478. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–7.
4. ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 1. Д. 571. ЛЛ. 268–302.
5. ГАКК. Ф. П. 35. Оп. 7. Д. 14. Л. 43.
6. ГАКК. Ф. П. 34. Оп. 3. Д. 64. Л. 99.
7. ГА РФ. Ф. Р. 5446. Оп. 1. Д. 483. Л. 85.
8. Гладков И. А. Очерки по истории социалистического планирования / И. А. Гладков. М.-Л.: Госпланиздат, 1939. 224 с.
9. История КПСС. В 6 тт. Т.4. Кн. 2. М.: Политиздат 1971. С. 513.
10. Казарин В. Н. Проблемы районирования и административно-территориального деления Сибири в 1920-е гг.: Подходы журнала «Плановое хозяйство» / В. Н. Казарин. // Иркутский Историко-экономический ежегодник. Вып. 2009 г. С. 29–48.
11. Казарин В. Н. Теоретические и практические аспекты административных и территориальных преобразований в Восточной Сибири в 20–30-е годы XX века / В. Н. Казарин. // Известия Байкальского государственного университета. 2005. № 3–4. С. 95–103.
12. Сорокун П. В. Исторический аспект процесса районирования Сибири в 20-х гг. XX в. / П. В. Сорокун // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 7–1. С. 123–126.
13. ЦХИДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 366. Л. 10.

Я. А. Левин

Самарский государственный технический университет
Самара, Россия

ПРЕОДОЛЕНИЕ «МАККАРТИЗМА» ВО ВРЕМЕНА ЭЙЗЕНХАУЭРА И РОЛЬ ФБР

Аннотация. Период «маккартизма» стал временем острой политической реакции в США, напрямую связанной с вступлением этой страны в сложное противостояние с СССР в рамках Холодной войны, а также вектором сложных внутривнутриполитических противоречий между Белым домом, Федеральным бюро расследований и другими политическими институтами и службами.

Ключевые слова: ФБР, маккартизм, Холодная война, Джозеф Маккарти, Дж.Эдгар Гувер, Дуайт Эйзенхауэр

Abstract. The period of “McCarthyism” was a time of acute political reaction in the United States, directly related to the entry of this country into a difficult confrontation with the USSR in the framework of the Cold War, as well as the vector of complex domestic political contradictions between the White House, the Federal Bureau of Investigation and other political institutions and services.

Keywords: FBI, McCarthyism, Cold War, Joseph McCarthy, J. Edgar Hoover, Dwight Eisenhower

Контрразведывательные дела 50–60-х гг. серьезно повлияли и на политический сыск в Бюро. Новые открытия и формирование лучшего понимания работы, целей и методов советской разведки в Америке вместе с приходом в Белый дом администрации Д. Эйзенхауэра намного более доброжелательной к потребностям внутренней безопасности и конкретно ФБР сделали лишь делом времени отход Эдгара Гувера от поддержки и сотрудничества с Джозефом Маккарти и его сенатской группой [1, с. 303].

Руководство ФБР прекрасно осознавало несколько важных факторов делающих дальнейшую работу с маккартистами крайне нежелательной и неудобной: 1) Негативное отношение лично президента и значительной части его администрации к Маккарти и его движению; 2) Общая усталость широких слоев общества от влияния маккартистов на политическую атмосферу, культуру и некоторые другие сферы в стране; 3) Все возрастающая самостоятельность, неосмотрительность и агрессивность Маккарти и его союзников в методах, выборе целей, риторике и т. д.

Формальный старт «разрыву» ФБР и сенатской группы был дан после неудачных нападок последней на ЦРУ. Стоит заметить, что сбор информации о сенаторе и его движении начался в Бюро еще в 1954 г., судя по всему, после неудачной «атаки» на разведку. Даже беглого взгляда на эти документы достаточно, чтоб понять, что ведомство Гувера собрало

огромный массив информации о превышении полномочий, финансовых махинациях, шантаже, подлоге и множестве иных правонарушений и преступлений со стороны сенатора и его близкого круга [2]. Подробно были изучены и «моральный климат» в среде законодателей активистов. Отмечалось, что сам сенатор – запойный алкоголик со склонностью к азартным играм и беспорядочным половым связям. Его окружение в целом соответствовало своему лидеру, кроме того, в среде маккартистов, в том числе и высокого уровня, встречались и гомосексуалисты, которые использовали свое положение для домогательств, в тоже время постоянно выступая в СМИ блюстителями нравственности. Наиболее одиозной из таких фигур был Рой Кон, адвокат, впоследствии государственный обвинитель на суде по «делу Розенбергов», помощник сенатора и руководитель юридической службы в «Постоянном сенатском подкомитете по расследованиям», который на пике своей карьеры возглавлял Дж. Маккарти. После распада маккартистского движения вполне успешно продолжил карьеру в частном секторе, в числе его постоянных клиентов были Фред и Дональд Трампы, бейсбольная команда «*New York Yankees*», миллиардер Аристотель Онассис и многие другие. В строительной и инвестиционной кампании Трампа-старшего долгие годы по совместительству руководил юридическим отделом, был душеприказчиком Фреда Трампа и, судя по ряду источников, наставником Дональда Трампа в бизнесе в начале его карьеры [3, с. 130; 4, с. 33–34, 44–47].

Тем не менее, ФБР практически не прибегало к этому инструментарию чтобы как-то одернуть своих союзников. На наш взгляд такое равнодушие связано с тем, что руководство Бюро и Гувер прекрасно понимали новые условия и «невыгодность» сотрудничества с Маккарти и в таких рамках агенты сосредоточились на подготовке «разрыва» с одиозным сенатором и его движением. Пристрастность и явная ангажированность расследования в отношении Джозефа Маккарти показывают нам, что ФБР всеми силами стремилось накопить массив негатива о нем, чтобы представить его вышестоящему руководству в любой подходящий момент [1, с. 480; 5, с. 45, 300]. Одновременно с этим ведомство Гувера ищет альтернативу текущей ситуации. Уже на рубеже 53–54 гг. директор этой организации активно говорит о «новых принципах контрразведывательной работы», предложения, довольно нечеткие на тот момент, озвучиваются на заседаниях СНБ [6], а также (как нам кажется куда четче) формулируются на личных встречах Эдгара Гувера с президентом Эйзенхауэром [7]. В итоге в 1955 г. начинается разработка комплекса связанных постоянных расследований, которые будут впоследствии объединены в самую противоречивую программу ФБР – *COINTELPRO* [8, с. 3–12].

Этому процессу прямо предшествовал ряд событий окончательно похоронивший альянс ФБР и сенатской группы во главе с Джозефом Маккарти и ставший отправной точкой в целом для конца этого движения и карьеры его лидера и вдохновителя. После неудачной атаки на ЦРУ и параллельно с «делом Розенбергов» сенатор и его аппарат продолжали

планировать дальнейшее расследования в отношении ЦРУ, а также начали заниматься сбором информации об армии и настроениях в армейской среде. Как мы отмечали выше, ЦРУ смогло временно обезопасить себя, подготовив достаточно качественную дезинформацию о «заговоре коммунистов в армии и флоте».

Уловка американских разведчиков сработала и маккартисты с удвоенным упорством начали готовить процесс против армии. В октябре 1953 г. началась подготовка обвинений в отношении персонала военной базы Форт Монмаунт (шт. Нью-Джерси). Выбор, опять же, определила информация поставляемая маккартистам ФБР, поскольку Форт Монмаунт был последним официальным местом работы Юлиуса Розенберга. В рамках подготовки обвинения в отношении него и его супруги агенты передали выдержку из одного из рапортов, согласно которой, несколько инженеров из числа военного персонала базы были в приятельских отношениях с обвиняемым [9]. Уже на завершающих этапах процесса в отношении супругов, маккартисты начали в привычной им манере сбор доказательств и свидетельских показаний и 4 мая 1954 г. состоялся первый процесс сенатского «Постоянного подкомитета по расследованиям». В целом, этот процесс проходил в обычном режиме, пока, однако, защита армии и министр обороны Чарльз Уилсон не «перешли в атаку» и начали требовать у Маккарти показать источники его подозрений в отношении служащих базы, стоит отметить, что это требование было настолько настойчивым и постоянным в ходе процесса, что сенатор в конце концов предъявил в прямом эфире копию письма Эдгара Гувера генералу Александру Боллингу, на тот момент директору УВР армии США [9].

В ответ на это действие министр юстиции Браунелл заявил, что использование письма директора ФБР сенатором Маккарти – несанкционированное, а значит является нарушением режима секретности и федеральным преступлением [10]. В привычной для себя манере сенатор попытался перевести дискуссию в конспирологическое русло, заявив нескольких изданий и на ТВ, что, что «коммунисты используют министерство юстиции в своих целях, чтобы не допустить раскрытие их заговора», а также призвал «всех патриотически настроенных граждан сплотиться в борьбе с коммунистическим влиянием внутри страны» и «выслать ему любые документы органов власти любого уровня, которые могли бы помочь в его расследовании» [11, с. 5]. В ответ на это уже президент издал Исполнительный указ, одно из положений которого предписывало, что «представители исполнительной власти не должны отвечать на призывы давать показания Конгрессу о чем либо, в какое бы то ни было время без санкции своего руководства, президента и самого Конгресса» и выступил с критикой Маккарти в прессе [12; 13; 14, с. 78–82]. Дж. Эдгар Гувер сразу же после раскрытия сенатором его тесной связи с Бюро повелел полностью прекратить любое сотрудничество и контакты с самим Д. Маккарти, любыми сотрудниками его аппарата, а также всеми сенаторами, входившими в движение [15].

Все эти события словно стали сигналом для всех ветвей власти о необходимости скорейшего разрыва с маккартистами. В прошлом лояльные сенатору и его идеям члены Верховного суда, сотрудники администрации президента, министерств и различных ведомств начинают уходить от встреч и сотрудничества с Маккарти и его комитетом. Начинает редеть и само движение маккартистов, в 1954–55 г. от 50 до 68 % процентов законодателей обеих палат до этого входивших в неформальное движение всячески заявляют об отсутствии связей с Джозефом Маккарти, выступают с порицанием самого сенатора и его методов. Без авторитета и информационной поддержки ФБР, слушания в отношении армии заканчиваются ничем, «Комитет по расследованиям» не смог прийти к консенсусу и вынести какое-то обоснованное решение, поддержанное всеми. Параллельно с потерями политических позиций Маккарти и его движение оказались под огнем критики со стороны СМИ, апогеем которой стало несколько критических сюжетов и интервью в популярной аналитической программе «Смотрите сейчас» (англ. *See It Now*), канала *NBC*. Что интересно, ФБР достаточно пристально следило за ведущим и главным редактором программы Эдвардом Мэрроу и другими журналистами, имело достаточно полную информацию о том, что именно собирается говорить Мэрроу в своей передаче, однако, никаких документов, указывающих на сотрудничество с редакцией «Смотрите сейчас» или, наоборот, препятствие ее работе в деле не содержится [16]. Стоит отметить, что распад движения «маккартистов» хоть и был довольно скоротечным, все же не произошел в один момент и они даже успели провести через Конгресс «Закон о контроле за коммунизмом», который, формально не нарушая решение Верховного суда создавал целый ряд ограничений и препятствий для политической деятельности Коммунистической партии США [17, с. 775–780].

2 декабря 1954 г. Сенат вынес порицание Джозефу Маккарти в связи с превышением полномочий и многочисленными нарушениями этики. После этого бывший лидер антикоммунистического движения оказался на положении изгоя и был фактически в изоляции на все оставшееся время своих полномочий, хотя движение продолжало существовать в идее небольшого количества наиболее преданных идее «коммунистического заговора» законодателей. Стресс, порожденный этими и предыдущими событиями вместе с обострившимся алкоголизмом привели к смерти Джозефа Маккарти 2 мая 1957 г. от цирроза печени [18, с. 357; 18, с. 370].

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00355, <https://rscf.ru/project/23-28-00355>.

Список источников

1. Schrecker E. *Many are the Crimes: McCarthyism in America*. Boston (MA). 1998.

2. National Archives and Records Administration (далее – NARA). Record Group 65. Federal Bureau of Investigation. File: 9-24556 (Sen. Joseph (Joe) McCarthy).

3. Zion S., Cohn R. The Autobiography of Roy Cohn. St. Martins (MO). 1988.

4. Johnston D. C. The Making of Donald Trump. N. Y. 2017.

5. Schrecker E. The Age of McCarthyism: a Brief History with documents. Boston (MA). 2002.

6. NARA. RG. 273. National Security Council. 273.5.2 Papers prepared by NSC staff members. Hoover papers. National Security Organization Project and FBI counterintelligence activities. 8 April 1954.

7. Eisenhower Library (далее – EL). Presidential Papers. Whitman, Ann papers, 1949-90. Personal Secretary to Dwight D. Eisenhower, 1952–62. Intelligence Organization. Memorandum of a conversation between President Eisenhower and J. Edgar Hoover. 3 May 1955.

8. Church Committee Files. COITELPRO: Documents from the FBI's Most Notorious Program. Vol. 6, Part 1 / Ed. by Smist F.J. N.Y. 2020.

9. NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation. File: 9-24556 (Sen. Joseph (Joe) McCarthy). Director to Gen. Bolling. 8 December 1951.

10. NARA. RG 60. Department of Justice. General Attorney Brownell Press Statement. 5 May 1954.

11. Hoosick Falls Standard Press. 9 September 1954.

12. NARA. Federal Register. Vol.19. №104. Executive Order 10531. Amendment of Executive Order No. 10450 of April 27, 1953, as Amended, Relating to Security Requirements for Government Employment. 28 May 1954.

13. NARA. Federal Register. Vol.18. №104. Executive Order 10457. Designating the Department of Justice as a Defense Agency for Certain Purposes. 29 May 1953).

14. Allen C. Eisenhower and the Mass Media: Peace, Prosperity, and Prime-time TV. Chapel Hill (NC). 2000.

15. NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation. File: 9-24556 (Sen. Joseph (Joe) McCarthy). Hoover to Nichols. 14 May 1954.

16. NARA. RG 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-86094 (Edward Murrow).

17. Congressional Records. 83rd United States Congress. 2nd Session. 6 January 1954 – 2 December 1954. Public Statute. Vol. 68. Public Law 637. Communist Control Act of 1954. 24 August 1954. P. 775-780.

18. Herman A. Joseph McCarthy: Reexamining the Life and Legacy of America's Most Hated Senator. N.Y. 2000.

19. Nichols D.A. Ike and McCarthy: Dwight Eisenhower's Secret Campaign Against Joseph McCarthy. N.Y. 2017.

А. И. Паршина

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Калуга, Россия

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ПЕДОЛОГИЕЙ И СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Аннотация. Педология, как наука об изучении детей и детского развития, в разные периоды истории сталкивалась с различными вызовами и препятствиями, в том числе и с изменениями в официальной политике государства. В рамках данной статьи постараемся ответить на вопрос, как складывались эти отношения и какие последствия имели.

Ключевые слова: педология, наука, власть, СССР, педагогика

Abstract. Pedology, as a science of the study of children and child development, has faced various challenges and obstacles in different periods of history, including changes in official government policy. In the framework of this article, we will try to answer the question how these relations have developed and what consequences have been.

Keywords: pedology, science, government, the USSR, pedagogy

В истории науки и культуры России особое место занимает тема «репрессированной науки», которая продолжает подниматься в различных исторических исследованиях. Историки науки видят в педологии «жертву сталинского режима», столкнувшуюся с жерновами репрессий. В глазах советского человека данная наука должна была предстать как «лженаука», которая вредит идеям марксизма-ленинизма. Постараемся проследить наиболее интересные этапы развития данной науки.

Педология, как наука об изучении детей и детского развития, имела идеологической подоплекой задачу формирования так называемого нового человека и до 1936 г. являлась частью образовательной политики советской школы, представляя альтернативу традиционной системы обучения. Мы не будем вдаваться в подробности становления педологии как науки, ограничимся лишь кратким обозначением ключевых моментов истории.

В период с начала 1928 по 1931 гг. педология получает широкую поддержку со стороны советской власти, что дает старт ее развитию. Ввиду принятой коммунистической идеологии, на педологию были возложены задачи по воспитанию нового человека и изучении роли социальной среды в данном процессе [1, с. 3]. Свидетельством этого можно считать, на наш взгляд, выход постановления Совета народных комиссаров РСФСР № 286 от 7 марта 1931 г. «Об организации педологической работы в республике, проводимой различными ведомствами» [2].

Согласно данному документу, целью педологической работы являлось установление «...наиболее эффективных методов и форм учебно-воспитательной и воспитательно-образовательной и оздоровительной основе». Для достижения указанной цели в систему ведомств, осуществляющих свою деятельность в сфере воспитательно-образовательной и оздоровительной деятельности среди детей и подростков, вводится педологическая работа, контроль за которой был возложен на межведомственную педологическую комиссию при Народном комиссариате просвещения. В состав комиссии помимо Наркомпроса РСФСР также входили Народный комиссариат здравоохранения РСФСР, Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), Народный комиссариат здравоохранения РСФСР, Народный комиссариат труда РСФСР.

В ходе анализа исторических источников, нами были сделаны следующие выводы:

1. Сфера влияния педологии выходила за рамки привычного образовательного процесса, что, впрочем, было связано с особенностями советской системы образования;

2. К этому времени педологию можно считать вполне самостоятельной наукой, имеющей собственный предмет исследования, цели, задачи, определенную структуру (в этом отношении интересно постановление № 286, которое, фактически, легализовало педологию на государственном уровне). Следствием этого становится активное внедрение педологии в учебных заведениях, преподавательский состав пополняется специалистами-педологами [3, с. 137], выходят в свет учебники по педологии (Педология А. Б. Заклинда, Педология П. П. Блонского), выделяются средства, позволяющие открывать новые школы для определенных групп учащихся, происходит рост числа коррекционных школ, распределение в которые проходит в соответствии с результатами педологического обследования.

Вместе с тем, в то время начинали нарастать «внутренние» противоречия, обусловленные размытостью границ педологии как науки, отсутствие четко определенного предмета, что не могло способствовать выделению специфики данной науки и, как следствие, ее развитию. В 1931 г. идеология советской власти начинает вторгаться в науку, диктовать условия и указывать на желаемые результаты исследований. Замечательным доказательством остроты возникшего конфликта, по нашему мнению, может являться название документа, ознаменовавшего гибель педологической науки: Постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» [4]. В данной формулировке уже заложено главное «обвинение» педологии, предъявленное ей советской властью. Виной науки являлось причинение вреда «всему делу советской школы». Сущность этого дела заключалась в воспитании будущих советских граждан в лоне идей коммунизма и пролетарской науки [5].

ЦК ВКП(б) пришел к следующим выводам:

1. Народным комиссариатом просвещения РСФСР и Наркомпросами других союзных республик были допущены «извращения» в руководстве

школой, результатом которых стало массовое насаждение в учебных заведениях так называемых специалистов-педологов, в сферу деятельности которых входило руководство школой, воспитание учащихся;

2. Создание в школе педолого-педагогического коллектива, главенствующая роль в котором принадлежала педологам, и разделившего между педологами и учителями обязанности по организации учебной и воспитательной работы, повлекло за собой снижение значимости роли педагога в рабочем процессе, что на практике обеспечило отсутствие какого-либо контроля в руководстве школой, что вредило, как мы уже упоминали ранее, «всему делу советской школы»;

3. Причиненный ущерб усугубляется «характером и методологией педологической». Практическая работа специалистов-педологов, проходившая в условиях полного отрыва от педагога и учебного процесса, сводилась в основном «к ложно-научным экспериментам и проведению среди школьников и их родителей бесчисленного количества обследований в виде бессмысленных и вредных анкет, тестов и т. п., давно осужденных партией».

Здесь остановимся немного подробнее. Что же позволило ЦК признать данный метод антинаучным? Столь негативное отношение со стороны партии к методу анкетирования объясняется сразу несколькими причинами.

Во-первых, такой инструмент обследования как тестирование, зародившийся на буржуазном Западе не мог быть благосклонно воспринят в стране социалистического мира по идейным соображениям.

Во-вторых, исследования в области наследственности, призванные дать ответ на вопрос «Почему ученик показывает низкие результаты освоения учебной программы?», шло вразрез и с политикой, проводимой партией в то время, и с одним из главных постулатов марксизма-ленинизма в целом. Под курсом партии, вступающим в противоречие с педологической наукой, мы подразумеваем кампанию Т. Д. Лысенко, направленную на дискредитацию генетики, которая развернулась в 30-е гг. XX в. в СССР.

С точки зрения марксистско-ленинской идеологии изучение вопросов наследственности и смещение вектора внимания исследователей с вопросов, связанных с трудовой деятельностью детей и подростков на вопросы, связанные с влиянием природы на развитие и способности человека противоречило идее Фридриха Энгельса о том, что именно труд создал человека [6, с. 3]. Все это не могло не вызвать ответной реакции советского правительства. Результатом этой реакции становится ликвидация педологической ячейки в школе, преподавание педологической науки в учебных заведениях высшего и среднего звена, выпускающих педагогические кадры, в средствах печати разворачивалась кампания по критике всех ранее изданных трудов, посвященных вопросам педологии, все, существовавшие постановления, проливающие свет на цели, задачи, вопросы организации педологической работы в школе утрачивали свою силу, так как были признаны ЦК «неправильными». Таким образом, выход Постановления ЦК ВКП (б) от 04.07.1936 г. ознаменовал собой окончательное угасание советской педологии.

Как показала история, «золотой век» педологической науки оказался короток, а финал трагичен: практически в один момент были преданы забвению труды, выдающихся исследователей в области детской психологии (например, Л. С. Выготского), что в свою очередь замедлило развитие данной отрасли знания в Советском Союзе. Все достигнутые в области организации системы специализированных учебных заведений успехи были фактически уничтожены, а сама педология пополнила ряды наук, прошедших через жернова репрессий, работавших в 20–50-е гг. XX в. в Советском Союзе [7, с. 28]. Мы склонны согласиться с предположением, высказанным П. Я. Шварцманом и И. В. Кузнецовой, о том, что причина запрета педологии надо искать не только в ее содержании, но и в определенной политической игре, затеянной советской властью [Педология, репрессированная наука].

Таким образом, в противостоянии науки и идеологии верх одержала последняя, к сожалению, или к счастью это уже вопрос риторический.

Список источников

1. Шер С. А., Альбицкий В. Ю., Л. П. Чурилов Из истории отечественной педологии // Клиническая патофизиология. 2019. № 1. С. 71–78.
2. Постановление СОВНАРКОМА РСФСР № 286 от 7 марта 1931 г. «Об организации педологической работы в республике, проводимой различными ведомствами».
3. Шварцман П. Я., Кузнецова И. В. Педология // Репрессированная наука. Выпуск II / под общ. ред. М. Г. Ярошевского. СПб. : Наука, 1994. С. 121–139.
4. Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». (Извлечение). 4 июля 1936 г. // КПСС в резолюциях...Т. 6. 1933–1937гг. М., 1985. С. 364–367.
5. Луначарский А. В. О воспитании и образовании: Избр. статьи / под ред. А. М. Арсеньева [и др.]. М.: Педагогика, 1976. 634 с.
6. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. Москва: Политиздат, 1969. 23 с.
7. Аллахвердян А. Г. Государственный аппарат репрессий кадрового состава советской науки как объект историко-наукovedческого исследования // Наукovedческие исследования. 2020. № 2020. С. 27–35.

А. М. Колмогорова

Красноярский государственный аграрный университет

Красноярск, Россия

ФИНАНСИРОВАНИЕ ШКОЛ ВСЕОБУЧА В ГОДЫ СЕМИЛЕТКИ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье рассматриваются архивные документы ГАКК, в которых отображены расходы на школьное образование в 1958–1962 гг. в Красноярском крае. При использовании историко-сравнительного и статистических методов проводится сравнение различных показателей ассигнований на школу, а также выделяются причины, повлекшие изменения структуры финансирования.

Ключевые слова: советская школа, Красноярский край, школа в Оттепель, школьное финансирование, расходы на образование, расходы на школу

Abstract. The article deals with the archival documents of the State Archives of the Krasnoyarsk region, which show the expenditures on school education in 1958–1962. Using historical-comparative and statistical methods, different indicators of school allocations are compared, and the reasons that led to changes in the funding structure are highlighted.

Keywords: soviet school, Krasnoyarsk region, school in Thaw, school funding, education spending, school spending

Школа во все времена и во всех странах мира была, есть и будет основой для формирования будущего государства. Для предотвращения ошибок будущих реформ зачастую необходимо изучить опыт прошлого. В СССР было проведено несколько реформ общего образования, однако наиболее приближенной по своим характеристикам к реформам первой четверти ХХI в. является реформа 1958 г. с ее политехнизацией обучения. Сегодня одной из ключевых проблем Российской Федерации в сфере школьного образования является постепенное снижение объемов финансирования (в процентах от бюджета и ВВП), а также внутреннее перераспределение расходов в пользу направлений, находящихся в актуальной повестке дня. В советское время уровень финансирования также находился под влиянием государственной идеологии.

Традиционно при освещении вопросов, связанных с реформой образования 1958 г. и обучением в школе в годы семилетки значительное внимание уделяется вопросам изменения идеологического курса, введения политехнизации обучения, увеличения продолжительности обучения. Лишь в некоторых крупных исследованиях уделяется некое внимание денежному вопросу. Так, в книге «Советская школа в 1950–1960-е годы» Галина Иванова приводит данные, о постепенном снижении общего объема финансирования, а также приводит цитаты из партийных и государственных бумаг о «крайне тяжелом положении» сферы народного образования [1, с. 86–

87]. В целом же, вопрос финансового обеспечения сети школьных учреждений в годы семилетки является малоизученным.

Опираясь на принципы объективности, системности и историзма стало возможно рассмотреть источники всесторонне, понять взаимосвязи элементов и их развитие в течение семилетки. Основными междисциплинарными методами явились группа математических методов из области статистики. Невозможно было провести исследование и без историко-сравнительного и историко-динамического методов. Благодаря им после подробного анализа источниковой базы были выявлены закономерности и изменения статей и размеров расходов из бюджета Красноярского края на финансирование школ Всеобуча в 1959–1961 гг.

Основой исследования послужили архивные дела из фонда Р-1 383 Государственного архива Красноярского края, который является фондом Министерства образования Красноярского края с 1935 г. и по настоящее время. К сожалению, не все года представлены полным объемом сопроводительной документации. Кроме того, данный фонд частично собран бессистемно и многие архивные документы находятся в совершенно иных делах, а некоторые дублируются по 3 и более раз.

Важной вехой в бюджетной системе народного образования стала отмена оплаты за школьное, среднее и высшее образование в 1956 г. По самым скромным расчетам этот шаг требовал привлечения дополнительного миллиарда рублей [1, с. 74]. Красноярский край наравне с другими субъектами Советского союза и РСФСР оказался в ловушке перестроенного времени для школы. С одной стороны сокращения ассигнований, с другой разворачивание совершенно новой системы обучения и добавления дополнительного класса в среднюю и старшую параллели.

Основным источником финансирования краевого бюджета, который в свою очередь финансировал школы Красноярского края, являлся бюджет РСФСР. В конце каждого года из Москвы отправлялись сведения об объемах ассигнований [2, л. 17–26]. Традиционно в данном документе не содержалось абсолютных цифр, однако, давались подробные разъяснения о формировании различных фондов и изменений нормативам по ним. Традиционно больше всего внимания уделялось расчету педагогических ставок, которые ранжировались по местности, параллели и предмету, отдельно рассматривалось производственное обучение и оплата педагогу в рамках политехнизации школьного образования. В 1958 г. фонд заработной платы составил 82,28 % от всех расходов на школы Всеобуча, в 1959 – 81,77 %, в 1960 – 81,61 %, в 1961 – 81,55 % [2, л. 27, 111, 404; 5, л. 252]. Видно, что в ходе семилетки наблюдается небольшое, но стабильное сокращение фонда заработной платы. Также уделялось внимание расчетам по расходам на библиотечный фонд школ (чуть более 2 %).

Интересен факт, что статья по строительству, как самих общеобразовательных учреждений, так и общежитий для школ и детских садов проходит не по общей ведомости, а отдельной и относится к расходам непосред-

ственно самого «краевого отдела народного образования», где, естественно, занимает большую часть расходов (рис. 1).

Одной из ключевых проблем школьного образования в 1950-е гг. в Красноярском крае было слабое обеспечение учителей жильем, что напрямую сказывалось на обеспеченности региона педагогическими кадрами [3, л. 20–21, 4, л. 21–26]. Молодые учителя не оставались после отработки по распределению, а зачастую не отработывали и положенного срока. Это стало одной из ключевых причин направления значительного объема финансирования в строительство общежитий при школах (36,68 %). Важно обратить внимание, что жилой фонд возводился не только в сельской местности, но и в городах края, в том числе и в Красноярске (например, школа № 21 на проспекте Свободный). В абсолютных суммах это 32 608 тыс. руб.

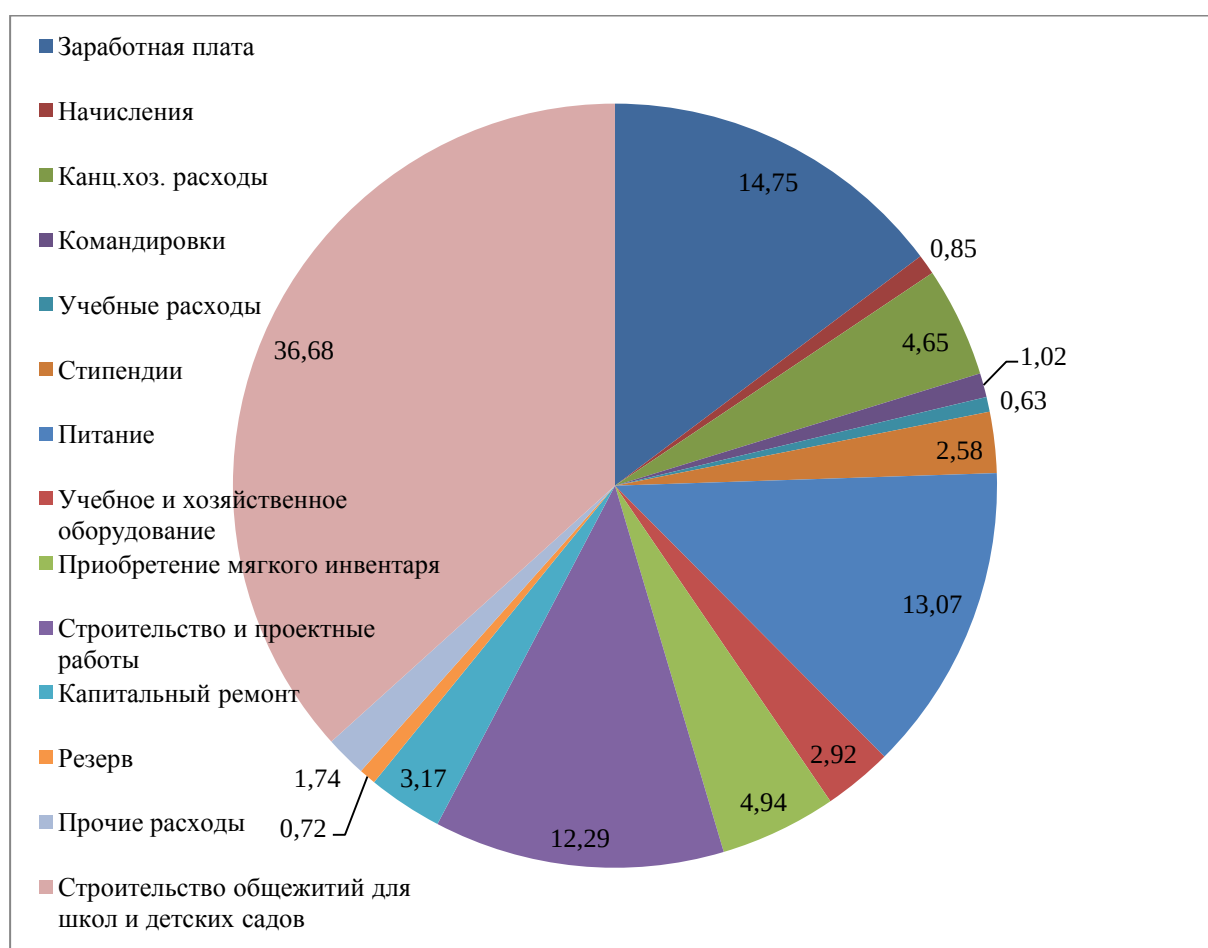

Рис. 1. Свод расходов по краевому бюджету на 1960 г. краевого отдела народного образования [2, л. 43]

Также в объяснительных записках к проектам бюджетов приводятся не только комплектные цифры учреждений народного образования, но и исчисления в денежном эквиваленте. Так, в 1960 г. из 550 446 тыс. руб. на текущие школьные расходы должно было быть направлено 332 957 тыс. руб. [2, л. 96–98], что составляет 60,49 % от расходов на народное образование Красноярского края. Важно заметить, что общий объем финан-

сирования по сравнению с прошлым годом вырос на 20,9 %, в то время как на Всеобуч затраты увеличились лишь на 13,8 %, что говорит о перераспределении бюджетных потоков не в пользу общеобразовательных учреждений. В 1959 г. рост составил 13,4 % и 10,7 % соответственно. И только в 1961 г. рост будет весьма незначительным (табл.). Хотя изначально рост был запланирован в районе 15,3 %[5, л. 235].

Таблица

Объем расходов на учреждения и мероприятия Министерства просвещения РСФСР по Красноярскому краю (в тыс. руб.) [2, л. 27, 111, 404; 5, л. 252]

Год	Всего расходов на народное образование	Школы Всеобуча	В т. ч. заработная плата
1958	416 311	277 588	228 402
1959	457 430	292 680	239 338
1960	515 578	314 367	256 546
1961	516 688	314 419	256 417

Столь значительное увеличение фондов КрайОНО объяснял несколькими факторами [2, л. 100–102]:

- а) увеличением северных надбавок;
- б) удлинением отопительного сезона, в т. ч. в южных районах края;
- в) расходами на электричество в зимнее время в следствие обучения в первую и вторую смены (а фактически в третью и четвертую);
- г) переводом школ на политехническое и трудовое обучение, так требовалось оборудовать 677 мастерских по металлу и дереву[2, л. 398];
- д) нехваткой книг, парт, учебного и спортивного инвентаря;
- е) капитальным ремонтом школ.

Ежегодно край перерасходовал средства на капитальный ремонт школ, объясняя это старым деревянным фондом, который (особенно в условиях Крайнего Севера) быстро приходил в негодность. Следует подчеркнуть, что эта причина с одним и тем же обоснованием переходит из одной объяснительную в другую, оставаясь неизменной. А на одни только парты в школы в 1959/1960 учебном году требовалось порядка 3 млн руб.

Также стоит учитывать фактическое исполнение расходной части бюджета. Так бюджет 1959 г. по всему народному просвещению был выполнен на 95,26 %, а по школам – 96,25 %, в 1960 – 93,67 % и 94,42 % соответственно.

Несмотря на то, что значительного снижения доли заработной платы в общем финансировании школ не наблюдалось, заработная плата по ставке не росла, а местами даже наоборот – снижалась. В целом рост общего объема объясняется ростом сети школ Всеобуча в Красноярском крае. Так в 1958 г. оклад по учительской ставке в городе равен 708/749/802 руб., в сельской местности – 600/647/698 руб. (по младшим/средним/старшим классам). При этом, как было сказано ранее – в регионе наблюдается зна-

чительная нехватка учителей. В связи с этим на класс приходится в среднем 1,8–2 ставки (перегруженность класса детьми). В 1960 г. ставка 707/751/802 и 597/650/697 руб. соответственно. А загруженность вырастает до 2–2,2 ставки на класс. Через год заработная плата уменьшиться еще на 1 руб. [5, л. 254].

При внимательном изучении проекта плана на 1958–1965 гг. по общеобразовательным школам Красноярского края [2, л. 329–329об.], следует уделить внимание, что количество школ в 1958 г. в субъекте РСФСР составляет 3 255 единиц. К 1960 г. их планируется нарастить до 3 283 штук. План не был выполнен. Однако даже при невыполненном плане нехватка педагогических кадров привела к значительной перегрузке. А к 1965 г. планировалось довести сеть Всеобуча до 3 343 школ и расширить количество классов трудового обучения. Без значительного улучшения материального и денежного довольствия учителей эта проблеме было невозможно решить даже за счет распределительной системы выпускников.

Постепенно наблюдается смещение приоритетов финансирования в сторону городских школ. Открыто об этом будет заявлено по объяснительной записке к плану бюджета на 1961 г., где при общем приросте финансирования в 8,8 %, городским общеобразовательным учреждениям решат увеличить ассигнования на 12 %[5, л. 237], сельских лишь на 8,3 %. Кроме того, в связи с полноценным внедрением трудового обучения и переводом школьников на частичное самообслуживание, штат административно-хозяйственных работников школ был сокращен. Но в связи с более массовым привлечением сторонних специалистов к процессу политехнизации школ – расходы на иные виды заработной платы значительно возросли. Кроме того, все также оставался актуальным вопрос о создании новых, полноценных мастерских и кабинетов для трудового обучения.

Впервые в расходной части появляется расходы на бесплатное питание всем детям – нормы по молоку. Также значительно был увеличен фонд внештатных трат, так как именно туда вывели заготовку топлива (дров) для школ, к тому же данная статья расходов значительное время не изменялась. И если до 1961 г. на капитальный ремонт в среднем пытались изыскивать 5 млн руб., то в 1961 г. финансирование на капитальный ремонт заложено в размере 27 млн руб. Пятикратное увеличение объясняется затяжными ливнями, которые привели в негодность или полностью разрушили школьные здания.

Таким образом, при изучении объемов и структуры финансирования школ Всеобуча Красноярского края в годы семилетки удалось установить, что вначале изучаемого периода размеры ассигнований на отрасль народного образования значительно увеличились. Однако с развитием реформы образования 1958 г., а также наращиванием темпов в других отраслях народного хозяйства, финансирование общеобразовательных учреждений стало показывать более скромные приросты. Кроме того, важным для данного исследования является факт сокращения доли школ Всеобуча в общем финансировании образования. Изменение внутренней структуры

распределения расходных статей подтверждается фактом стабильного уменьшения процента заработной платы учителей. Одновременно с этим наблюдается значительный рост ставки на одного учителя. Это свидетельствует о том, что в школах Всеобуча Красноярского края в 1958–1962 гг. наблюдается нехватка педагогических кадров. Дальнейшее плановое наращивание фонда школ без достаточной проработки кадрового вопроса привело к еще большему кризису в сфере школьного образования.

Список источников

1. Иванова Г. М. Советская школа в 1950–1960-е гг. / Г. М. Иванова. М.: Фонд «Московское время», 2018. 432 с.
2. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1 383. Оп. 1. Д. 770.
3. ГАКК. Ф. П-6 118. Оп. 1. Д. 47.
4. ГАКК. Ф. П-6 118. Оп. 1. Д. 49.
5. ГАКК. Ф. Р-1 383. Оп. 1. Д. 772.

Е. И. Семькин

Красноярский государственный аграрный университет
Красноярск, Россия

РОЖДАЕМОСТЬ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 1959–1985 ГГ.: ИЗМЕНЕНИЕ СООТНОШЕНИЙ ПО ПОЛУ НОВОРОЖДЕННЫХ И МЕСЯЦАМ РОЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье приведены количественные данные о соотношении пола новорожденных и распределении рождений по календарным месяцам в Красноярском крае за период 1959–1985 гг. Проведено сравнение этих данных с национальными и мировыми, выдвинуты предположения о возможной связи изменения этих показателей с различными социальными факторами.

Ключевые слова: историческая демография, Красноярский край, демографический переход, соотношение полов новорожденных, сезонность рождений

Abstract. The article provides quantitative data on the sex ratio of newborns and the distribution of births by calendar months in the Krasnoyarsk Territory for the period 1959–1985. A comparison of these data with national world data was carried out, and assumptions were made about the possible connection of changes in these indicators with various social factors.

Keywords: Historical demography, Krasnoyarsk region, demographic transition, sex ratio of newborns, seasonality of births

Демографическая картина современного общества была сформирована в результате принципиальных изменений в структуре воспроизводства населения. Сокращение рождаемости – ее ключевой и наиболее явный показатель. Однако, существуют и другие демографические показатели в области рождаемости, также претерпевшие изменения. Таковыми являются, например, соотношение полов новорожденных, и их распределения по месяцам рождения.

В свою очередь теория эпидемиологического перехода дополняет теорию демографического перехода, объясняя изменения в структуре народонаселения и его воспроизводства другой важной стороной витального цикла – смертью. В том числе, смертью только что родившихся, детей, не проживших года или даже месяца. При традиционном типе воспроизводства значения детской и младенческой смертности были велики и существенно влияли на демографические процессы.

Модернизация двух этих процессов – рождаемости и смертности, и определяет то, результаты чего мы видим в демографии развитых и развивающихся стран. Взаимосвязь рождаемости и смертности является важной стороной исследований в области исторической демографии.

В данной работе будут представлены количественные показатели соотношения полов новорожденных в Красноярском крае с период с 1959 по 1985 гг. и их динамике, проведено сравнение региональных и национальных значений, а также даны некоторые возможные интерпретации этих значений в контексте теорий демографического и эпидемиологического переходов.

Динамика соотношения количества рожденных мальчиков в расчете на 100 девочек в Красноярском крае в исследуемый период приведена в таблице ниже (рис. 1). Мы видим, что мальчиков рождается больше, чем девочек – это общеизвестный факт. Также мы видим, что пропорции полов новорожденных существенно меняются со временем, это тоже известный факт. При этом наибольшие значения (около 107 мальчиков на 100 девочек) приходятся на конец 50-х – начало 60-х гг., затем идет снижение до 104,5 мальчиков и далее к минимальным значениям чуть больше 103 родившихся мальчиков на 100 девочек. Как эти показатели согласуются с национальными значениями? Обратимся к данным других исследователей [1, с. 216], и мы заметим, что в Красноярском крае в среднем рождалось больше мальчиков в пересчете на 100 девочек, чем в целом по России за исключением аномального падения в 1983 г. В то же время общероссийские данные свидетельствует о тренде к росту в исследуемый период, тогда как для Красноярского края это скорее тренд к снижению рождения мальчиков.

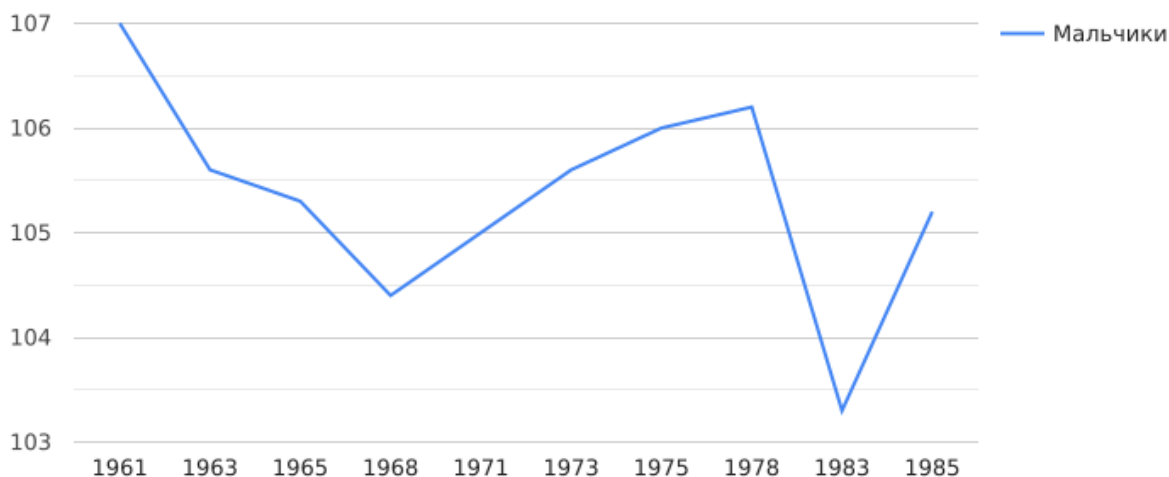

Рис. 1. Количество рожденных мальчиков в расчете на 100 рожденных девочек в Красноярском крае

Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 8. Д. 3. Л. 13; Д. 5. Л.83; Д. 7. Л.62; Д. 10. Л.56; Д.14. Л.28; Д. 18. Л. 40; Д. 22. Л.9; Д. 26. Л. 26; Д.34. Л. 29; Д. 41. Л. 28

Если же сравнить региональные значения с общемировым, мы получим схожую картину. С конца 50-х – начала 60-х гг. показатели Красноярского края опережали общемировые [1, с. 212] (107 к 104), однако к концу 70–80-х гг. стали отставать от общемировых.

Чем детерминирована вероятность появления на свет ребенка того или иного пола? Причин может быть несколько. Долгое время считалось [2, с. 12], что плод мужского пола менее жизнеспособен, поэтому количество зачатий плода мужского пола происходит значительно больше. В таком случае улучшение качества медицинского обслуживания, рост сохранения беременностей ведет к увеличению доношиваемости и рождения мальчиков. Но это утверждение не верно. Также есть исследования [3, с. 93] в которых детерминантой выступает возраст родителей. Чем моложе мать, тем выше шанс родить именно ребенка мужского пола, с возрастом же соотношение полов новорожденных практически выравнивается. Также могут влиять возраст отца, состояние здоровья, очередность рождения и пол первого ребенка. Не стоит забывать и о социальном аспекте проблемы. На сегодняшний день есть множество стран с аномальным соотношением полов новорожденных, часто это азиатские страны или страны с сильными традициями, где ребенок-наследник должен быть мужского пола, соответственно и плод мужского пола более предпочтителен, тогда как от плода женского пола ряд родителей предпочитают избавляться прерыванием беременности. Взрывному росту этого фактора изменения соотношения полов новорожденных может способствовать развитие методов диагностики беременности на ранних сроках.

На текущий момент мы не имеем достаточного количества данных для анализа, чтобы установить наличие зависимости, например, между соотношением возрастов матерей, очередностью рождений, типом занятости и т. д. и полом новорожденных. Однако, эти данные содержатся в тех же ежегодных демографических отчетах края, по которым делались и данное исследование. Необходимость продолжения работы в этом направлении очевидна по результатам текущего исследования. Введение большего количества переменных может способствовать выявлению нужной корреляции.

Что же касается распределения родившихся по месяцам года (рис. 2), то если брать для сравнения 1959 и 1985 гг., то мы видим следующее.

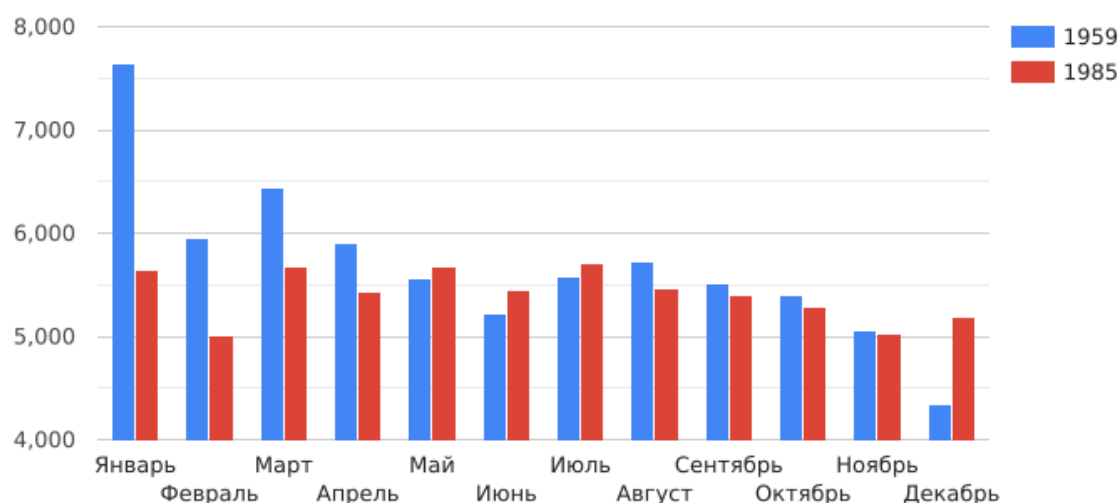

Рис. 2. Распределение родившихся по месяцам в абсолютных значениях за 1959 и 1985 гг.

Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 8. Д.1. Л. 5; Д. 41. Л. 28

Ярко выраженная сезонность наблюдается в 1959 г. между январем и декабрем, где разница немного не доходит до двукратной. Эти два месяца находятся в одном сезоне, климатически слабо отличаются. Несомненно, важнейшим фактором здесь будет смена года между декабрем и январем, стремлением записать родившихся в последние дни декабря на январь по различным соображениям, не исключая исправление статистики для улучшения годовых показателей. Возможно, роль играют праздничные и предпраздничные дни в декабре, желание самих родителей зарегистрировать декабрьского новорожденного в январе и т. д. В то же время сложно представить такую разницу в количестве зачатий между мартом и апрелем, чем можно было бы объяснить эту разницу. Однако, высокие показатели остаются в самом коротком месяце года – в феврале, количество рождений в этом месяце сопоставимо со значениями апреля и уступает только январю. Это уже сложно списать на искажения системы учета. Вероятнее всего здесь вступают в силы факторы сезонности. Рожденные в феврале, апреле, марте были зачаты в последний месяц весны и первые два месяца лета, на период годового пика брачности, из-за чего даже 28 дней в феврале не могут повлиять на абсолютные значения рождаемости в этот месяц. Тем же объясняется очевидный тренд на снижение рождаемости в сентябре, октябре, ноябре – зачатий в зимний период, очевидно, значительно меньше, чем в летний.

К 1985 г. сезонность практически сходит на нет. Небольшая просадка рождаемости в осенние месяцы сохраняется, однако, уже не столь значительная. Больше всего обращает на себя внимание чередование месяцев с более высокой и более низкой рождаемостью, которая соответствует количеству календарных дней в году. Наибольшая просадка в феврале (28 дней), а далее в месяцах 31 дня рождаемость выше, 30 дней ниже.

В целом эти данные соответствуют представлениям об общей зависимости рождаемости от времени или месяца года [4, с. 62]. В целом можно говорить о снижении амплитуды сезонности в количестве рождений по месяцам с течением лет, что соответствует региональным показателям края. Снижение влияния фактора сезонности можно назвать мировым трендом, вероятно, вызванным улучшением качества и уровня жизни, снижения зависимости жизни человека от климатических сезонов в целом. Однако, сохраняющаяся сезонность не соотносится с сезонностью прошлого. В то же время, такие факторы как поясность и иные возможные географические особенности сезонности для Красноярского края сложно применимы из-за его широтной протяженности и неравномерным распределением населения.

Таким образом мы видим, что ряд производных значений рождаемости, в Красноярском крае отличаются от национальных и мировых на продолжительных временных отрезках. Эти показатели могут содержать в себе массу важной демографической информации. Зависимость соотношения полов от возраста матери может влиять не только на вторичное соотношение полов, но и на третичное. Так же оба этих показатели могут прямо

или косвенно свидетельствовать об изменениях в качестве и охвате медицинских услуг, системы акушерства и т. д. Требуется дальнейшее изучение данного вопроса, введение дополнительных переменных в виде возраста родителей, очередности рождений, социального статуса родителей и сравнение этих показателей с уровнем рождаемости и смертности новорожденных, что может дать ценные результаты.

Список источников

1. Новицкая Д. А. Демографические детерминанты соотношения полов при рождении / Д. А. Новицкая // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, М., 14 мая 2021 года. Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2021. С. 209–220.

2. Грошев И. В. Медико-социологический анализ факторов, влияющих на соотношение рождаемых мальчиков и девочек, частоту заболеваемости и показатели здоровья в онтогенезе человека // Общественное здоровье и здравоохранение. 2008. № 3. С. 11–21.

3. Калентьева С. В., Кабанова М. А. Комплексный анализ факторов, определяющих соотношение числа рождающихся мальчиков и девочек // Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2010. Т. 30, № 5. С. 93–96.

4. Родионова Л. А., Копнова Е. Д. Сезонность рождаемости в России: региональные особенности // Вопросы статистики. 2022. Т. 29. № 2. С. 61–76.

5. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1300. Оп. 8. Д.1; Д.3; Д.5; Д.7; Д.10; Д.14; Д.18; Д.22; Д.26; Д.34; Д. 41.

М. Р. Петров¹, А. С. Ковалев²

^{1,2} Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ПОЯВЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО ТЕЛЕЦЕНТРА В 1955–1957 ГГ.

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние государственных и местных органов власти на процесс строительства Красноярского телецентра в середине 1950-х гг. Упор делается на действия союзного правительства по началу и финансированию работ и последующее в них вмешательство партийных организаций города.

Ключевые слова: телевидение, Красноярский телецентр, Совет Министров СССР, Министерство связи СССР, органы власти, местные партийные органы, строительные организации, 1950-е гг.

Abstract. This article describes the influence of state and local authorities on the process of building Krasnoyarsk TV center in the mid-1950s. The focus is on actions of USSR government to start and fund the construction and later interference of the party organizations of the city.

Keywords: television, Krasnoyarsk TV center, Council of Ministers of the Soviet Union, Ministry of Communications of the Soviet Union, authorities, local party institutions, construction organizations, 1950s

Постройка в крупном городе новой сети коммуникаций является крупным и знаменательным событием в жизни не только самого города, но и всей страны. Это требует совместных усилий на всех уровнях для успешного выделения и освоения средств и воплощения проектов в жизнь. Изучение истории этих событий всегда актуально, так как прогресс не стоит на месте и с течением времени в городах будут появляться новые системы коммуникаций, которые либо раньше не существовали, либо не были построены раньше ввиду каких-либо причин. Например, в настоящее время таковым является сооружение в Красноярске метро, что должно существенно изменить облик города и повлияет на жизнь всех красноярцев. Так же существенно изменило город телевидение, когда оно начало вещать из местного телецентра в середине 1950-х гг. Изучение подобных знаковых событий может позволить устранить ошибки в планировании строительства сети коммуникаций и увеличению их эффективности.

Целью данной статьи является исследование действий союзного и местного правительства, которые сделали возможным начало строительства телецентра в городе Красноярске и его последующий ввод в эксплуатацию. Задачами являются: 1) расстановка изучаемых действий в хроноло-

гическом порядке; 2) рассмотрение возможных изменений в плане работ; 3) изучение последствий данных изменений на ход строительства.

Объектом исследования является процесс появления Красноярского телецентра, а предметом – деятельность государственных и местных органов власти, как фактор, влиявший на данный процесс. Хронологические рамки исследования включают в себя промежуток времени с 1955 г., когда Советом Министров СССР было издано постановление о начале строительства телецентров по всей стране до 1957 г., когда состоялся ввод в эксплуатацию первой очереди телецентра, и в Красноярске началось телевидение. Территориальные рамки исследования включают в себя г. Красноярск как место строительства и расположения местных государственных и партийных органов.

Источниковая база состоит из опубликованных и неопубликованных материалов. Первая группа источников включает в себя нормативно-правовую базу, представленную на сайте Архивного агентства Красноярского края и на сайтах, располагающих у себя постановления на уровне СССР и РСФСР. Вторая группа источников состоит из неопубликованных материалов Государственного архива Красноярского края из фондов Р-2235 «Красноярский телецентр» и Р-631 «Исполком Красноярского горсовета». В них представлены распоряжения местных партийных органов, а также доклады, отчеты и переписки, касающиеся строительства телецентра.

В 1950-х гг. телевидение в разных регионах СССР существовало на разных уровнях своего развития. Если в центральных районах страны в это время уже вводится подача цветового сигнала, то в Сибири, в том числе и в Красноярском крае, телевидение до сих пор не было распространено. Большую роль в этом играл географический фактор. Красноярский край представляет собой большую территорию, вытянутую с юга до Крайнего Севера, которую отличает малонаселенность и труднодоступность ввиду наличия гор, рек, возвышенностей и вечной мерзлоты. Все это затрудняло появление в регионе развитых сетей коммуникаций [1, с. 602].

Тем не менее государство было заинтересовано в дальнейшем развитии телевидения, и не только в затрудненных для доступа регионах, но и по всему Советскому Союзу. 15 сентября 1955 г. Советом Министров СССР было издано постановление «О мероприятиях по дальнейшему развитию телевизионного вещания в СССР», которое обязывало республиканские Советы Министров строить телецентры и ретрансляционные станции «в целях развития телевизионного вещания в СССР, дальнейшего усовершенствования техники телевидения и повышения качества телевизионных передач» [2].

Согласно постановлению, работы должны были быть выполнены в течение 1956–1958 гг., в связи с чем дальнейшие действия по началу строительства не заставили себя ждать. Уже через 3 месяца, 24 декабря 1955 г. вышло распоряжение Совета Министров РСФСР о строительстве телевизионного центра в городе Красноярске [3]. Еще в тексте сентябрьского постановления было указано, что средства на работы будут выде-

ляться за счет ассигнований министерств, которые проявят заинтересованность во вложении в проект. В случае с красноярским телецентром эти средства были разделены на две части – одна из них выделялась в 1956 г., другая – в 1957 г. (см. табл. 1)

Таблица 1

Размер ассигнований, выделяемых Министерствами в порядке долевого участия на строительство телевизионного центра в г. Красноярске в 1956–1957 гг. [4, л. 39]

Наименование министерств	Сумма долевого участия (млн. рублей)		
	на 1956 год	на 1957 год	всего
Министерство тяжелого машиностроения	0,5	0,5	1,0
Министерство текстильной промышленности СССР	1,0	-	1,0
Министерство лесной промышленности СССР	0,75	0,75	1,5
Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности	–	1,5	1,5
Министерство промышленности строительных материалов СССР	–	1,75	1,75
Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения	0,5	1,0	1,5
Министерство цветной металлургии СССР	0,5	1,5	2,0
Министерство путей сообщения	1,0	–	1,0
Министерство химической промышленности	1,0	–	1,0
Министерство радиотехнической промышленности	0,75	0,75	1,5
Министерство общего машиностроения	–	1,0	1,0
Министерство строительства электростанций	0,3	–	0,3
Министерство электростанций	0,8	1,2	2,0
Министерство строительства СССР	1,0	0,5	1,5
Министерство среднего машиностроения	3,2	–	3,2
Итого	11,3	10,45	21,75

Как видно из представленной табл. 1, выделенные средства необязательно делились равномерно между двумя годами строительства, а 8 министерств из 15 выделили все необходимые деньги только один раз за два года, что было частично связано с изменениями в составе министерств, происходившими в тот же период, так Министерство текстильной промышленности СССР было включено в Министерство легкой промышленности в 1956 г., Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности и Министерство химической промышленности были в процессе передачи своих полномочий с всесоюзного уровня на республиканский, а Министерство общего машиностроения, воссозданное в 1955 г. было вновь ликвидировано два года спустя [5, с. 384–408]. Данные изменения могли привести к невозможности выделения средств в течение нескольких лет.

Исключением из данной ситуации могут служить Министерство среднего машиностроения и министерство путей сообщения, которые вы-

деляли свою долю в первый год строительства в связи со своими полномочиями: крупное строительства и перевоз материалов по железной дороге соответственно, которые уже не были необходимы на втором этапе работ.

С этим же может быть связано и разное количество средств, потраченных разными министерствами: больше всего выделило Министерство среднего машиностроения (3,2 млн руб.), а меньше всего Министерство строительства электростанций (0,3 млн руб.). Это можно объяснить функциями и ресурсами каждого из министерств, так как Министерство среднего машиностроения имело в своей структуре строительные предприятия, занимающиеся большими проектами, в том числе атомными, и, в связи с этим, обладало большим количеством ресурсов, чем министерство строительства электростанций, специализирующегося на монтажных работах. Кроме того, работы в размере 4 млн руб. было поручено сделать Министерству городского и сельского строительства РСФСР [4, л. 38]. Данную сумму можно объяснить тем, что в дополнение к самому телецентру также строился 32-х квартирный жилой дом. [4, л. 41]

В то же время подготовка к строительству велась не только на уровне центра, но и на уровне самого города. Несмотря на то, что сентябрьское постановление обязывало Министерство связи СССР разработать «типовой проект телевизионного центра и типовой проект ретрансляционной телевизионной станции, предусмотрев снижение стоимости строительства и повышение качества телевидения» [2], для его утверждения в каждом конкретном случае было необходимо определить место для здания телецентра. Этим занимался исполнительный комитет Красноярского городского Совета депутатов трудящихся. 12 ноября 1955 г. им было принято решение о выделении для этого земельного участка по улице Лесной [6, л. 106]. Однако через полтора месяца, 31 декабря 1955 г. это решение было изменено, и участок был выделен на западном конце Советской улицы и улицы Красной Армии, где он и стоит сегодня [7, л. 39]. Это решение также передавало указанный участок в бессрочное пользование Красноярскому краевому управлению радицентра. После этого, 5 января 1956 г. был издан приказ Министра Связи СССР «Об утверждении проектного здания на строительство телевизионного центра в городе Красноярске», которое положило начало работам в городе [3].

Уже на этом этапе можно увидеть изменения в первоначальном плане строительства, так как в приказе указана сметная стоимость в размере 19 млн. 402 тыс. руб., что на 2 млн. 348 тыс. руб. меньше, чем указанная выше сумма долевого участия министерств. Уменьшение затрат было связано со снижением стоимости строительства, которое должно было предусмотреть Министерство связи, а также пересчетом смет.

Строительство телецентра началось в феврале 1956 г., предусматривалось его осуществление в течение двух лет, однако было сразу же «взято под особое наблюдение» краевым и городским комитетами КПСС в попытке ускорить строительство с целью сдать первую очередь в течение текущего года [4, л. 6]. Это производилось путем вовлечения общественно-

сти и заводов Красноярска в строительство. Но столь значительное уменьшение сроков уже через несколько месяцев оказалось невозможным, так как привело к трудностям в работе с различными трестами как органов власти города Красноярска, так и союзных министерств, которые теперь не могли в назначенное время сдать объекты в эксплуатацию. Так, в июне 1956 г. в докладе о состоянии строительства указывалось на недостаточное освоение средств и различные уклонения от сантехнических работ со стороны начальника Управления капитального строительства. В сентябре того же года в письме секретаря Городского комитета КПСС говорилось об отсутствии стометровой башни телецентра, которая должна была быть изготовлена на заводе в Новосибирске трестом «Завод стальной конструкции» Министерства Строительства СССР, после чего она должна была быть отправлена в Красноярск. Там же также говорилось о переносе работ об ее установке на IV квартал того же года. Также в декабре 1956 г. наблюдались замедления в проведении водопровода в телецентр [4, л. 14, 2, 31]. Все это привело к тому, что многие работы, связанные со строительством здания студии и башни, монтажом оборудования и другими работами были отложены на 1957 г. [4, л. 34–35].

Подобное развитие событий позволило устранить недостатки работ и в течение июля – сентября 1957 г. принять телебашню ультракоротковолновую станцию и звуковое оборудование, а 25 августа 1957 г. начать опытную эксплуатацию телецентра [8, л. 10]. Основное вещание началось 3 ноября [3], а полностью первая очередь была сдана в эксплуатацию 18 ноября 1957 г., когда Министром связи СССР был подписан соответствующий акт приемки [8, л. 14]. Несмотря на то, что еще оставались работы второй очереди касающиеся установления дополнительного оборудования, было положено официальное начало регулярному телевещанию в Красноярском крае, что позволило связать регион в информационном и культурном плане с остальной страной.

Таким образом, можно увидеть, что постройка телецентра в городе Красноярске стала не единичным событием, а была частью масштабного процесса по распространению телевидения на всей территории СССР. В связи с этим были проведены организованные мероприятия по планированию и выделению средств на строительство. В работах участвовало не только Министерство Связи СССР, но и другие министерства, связанные со строительством, производством материалов и монтажными работами.

Но в то же время по документам прослеживаются и затруднения, связанные с желанием местного руководства начать телевещание в более краткие сроки, что привело к конфликтным ситуациям между городскими партийными властями и трестами-исполнителями. В связи с этим, строительство первой очереди телецентра закончилось в изначально предложенные сроки с переносом части работ на следующие несколько лет.

Введение в эксплуатацию даже одной лишь первой очереди телецентра имело большое значение, как для региона, так и для всей страны. Оно не только укрепило информационную связь с остальным СССР, добавив

телевидение к уже имеющемуся радио, но и позволило создать начать процесс создания новых рабочих мест и подготовки к ним новых кадров, а также положило начало изменениям в облике всего города. Кроме того, Красноярский телецентр стал первым звеном в цепи из других телецентров Красноярского края, тем самым став началом развитой региональной сети телекоммуникаций.

Список источников

1. Степура И. В. Радио и телевидение Сибири и Дальнего Востока: региональный аспект / И. В. Степура // Экономика и социум. 2018. №4 (47). С. 590–605.
2. «О мероприятиях по дальнейшему развитию телевизионного вещания в СССР»: Постановление Совета Министров СССР от 15 сентября 1955 г. № 1 689 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5033.htm (дата обращения: 15.04.2024).
3. О Телецентре в Красноярске // Архивное агентство Красноярского края: официальный сайт. 2015. URL: <http://xn----7sbbimrdkb3alvdfgd8eufwc.xn--plai/gosudarstvennyi-arkh/users/informatsiya-o-pamyatnykh-sobytiyakh/480> (дата обращения: 15.04.2024).
4. ГАКК. Ф.Р-2 235. Оп. 1. Д. 2.
5. Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. / Т. П. Коржихина. М.: РГГУ, 1994. 418 с.
6. ГАКК. Ф.Р-631. Оп. 1. Д. 868.
7. ГАКК. Ф.Р-631. Оп. 1. Д. 871.
8. ГАКК. Ф.Р-2 235. Оп. 1. Д. 1.

С. Г. Юданов

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Абакан, Россия

РАЗВИТИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР И РОССИИ (1970–1990-Е ГГ.)

Аннотация. В настоящей статье рассмотрен вопрос развития подразделений спецназа в структуре Внутренних войск МВД СССР и РФ в период с 1970–1990-х гг. Освещены вопросы создания, становления и постепенного развития подразделений специального назначения в мощную высокоорганизованную боевую единицу.

Ключевые слова: спецназ, Министерство внутренних дел, антитеррор, рота, подразделение

Abstract. This article examines the issue of the development of special forces units in the structure of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the USSR and the Russian Federation in the period from 1970-1990s. The issues of creation, formation and gradual development of special purpose units into a powerful highly organized combat unit are highlighted.

Keywords: special forces, Interior Ministry of Internal Affairs, antiterrorism, company, unit

Потребность в подразделениях специального назначения в структуре МВД СССР возникла на рубеже 1960–1970 гг. В 1968 г. в результате террористического акта в г. Курск погибло 13 человек, 11 получили ранения. В данном случае обезвреживание террористов прошло успешно, однако успех зависел от решающего фактора: конфликта между террористами, в результате которого один из них застрелил второго участника теракта, а затем сдался милиции. Однако, несмотря на успех переговоров и сдачу террориста, в МВД всерьез озаботились вопросами о создании спецподразделений из наиболее подготовленных сотрудников для решения задач, выходящих за уровень компетенций и подготовки обычных сотрудников милиции.

После событий на олимпиаде в г. Мюнхен в 1972 г., когда в результате теракта группировки «Черный сентябрь» погибли члены олимпийской сборной Израиля, в СССР всерьез озаботились вопросом создания подразделения по борьбе с терроризмом. Результатом работы на данном направлении стало создание в 1974 г. группы «А» КГБ СССР, которая в настоящее время известна под названием «Альфа» или Управление «А» ЦСН ФСБ РФ. Подразделение изначально создавалось для борьбы с терроризмом, поэтому вся подготовка была заточена на действия, которые так или иначе включали в себя захват террористов, освобождение заложников в условиях городской застройки, на различных типах транспорта и т. д.

В преддверии XXII Олимпийских игр в г. Москва, по инициативе министра МВД СССР Н. А. Щелокова и командующего Внутренними войсками И. К. Яковлева, в системе Внутренних войск МВД СССР на базе дивизии им. Ф. Э. Дзержинского (далее – ОМСДОН) создается специальное подразделение по борьбе с терроризмом – Учебная рота специального назначения (далее – УРСН). 29 декабря 1977 г. на базе 9-й роты 3-го батальона 2-го полка ОМСДОН, приказом министра внутренних дел СССР было начато формирование подразделения специального назначения, первым командиром которого был Владимир Мальцев.

УРСН стала первым спецподразделением во Внутренних войсках, созданных для борьбы с терроризмом. Первостепенной задачей подразделения была подготовка к мероприятиям по охране олимпийских игр в г. Москва. После проведения олимпийских игр встал вопрос о целесообразности сохранения подобного подразделения в структуре МВД, однако по ряду причин, УРСН было решено сохранить и повышать уровень подготовки бойцов в дальнейшем. В период с 1980 гг. подразделение неоднократно выезжало в зоны чрезвычайного положения по всей территории СССР, а также оказывала поддержку подразделению «А» КГБ СССР в операциях по освобождению заложников. Так в 1981 г. бойцы УРСН вместе с группой «А» участвовали в операции по освобождению заложников в г. Сарапул, в 1986 г. в г. Уфа оказывали поддержку в освобождении заложников на авиатранспорте [1, с. 6].

В 1987 г. в УРСН были проведены первые квалификационные испытания на право ношения крапового берета. Испытания проходили неофициально, инициатором проведения выступил командир третьего взвода – Лысюк Сергей Иванович, который в дальнейшем возглавил подразделение. Данные испытания проводились и в дальнейшем с «молчаливого согласия» командования ОМСДОН и ВВ МВД. Только в 1993 г., указом министра МВД РФ А. Куликова квалификационные испытания будут официально утверждены. Однако выход официального приказа министра, был лишь документальным оформлением данных испытаний, которые в начале 1990-х гг. приобрели массовый характер [3].

Ввиду ухудшающейся общественно-политической обстановки в СССР, было принято решение об увеличении штата УРСН, так подразделение было расширено до батальона (далее – УБСН). В составе батальона была создана спецрота, состоящая из числа солдат, старшин и прапорщиков сверхсрочной службы – т. е. лиц, которые профессионально связали себя со службой в подразделении спецназа. Наряду с увеличением штата УБСН, в структуре ВВ МВД СССР создаются оперативные подразделения – бригады оперативного назначения. В 1988 г. была создана первое подразделение – 21 Бригада оперативного назначения. В штат таких подразделений входили роты специального назначения. Данные роты включали в себя две группы специального назначения (далее ГСН), а также группу разведки. Задачей рот спецназа была разведка районов, куда предполагалось выдвижение бригад оперативного назначения, а также другие

специальные задачи. В период с 1988 по 1989 гг. бригады оперативного назначения выполняли специальные задачи в зонах чрезвычайного положения и межэтнических конфликтов. После событий в г. Фергана, развертывание данных подразделений было ускорено, в связи с чем было увеличено и количество рот спецназа при бригадах и полках оперативного назначения [3].

В начале 1990-х гг. подразделения спецназа были переформированы и развернуты в еще более крупные соединения – отряды. Это были отдельные воинские части, которые были в подчинении командования дивизий. Так, в 1991 г. УБСН был переформирован в 6 отряд специального назначения ВВ МВД (далее ОСН ВВ МВД), а на базе нескольких ГСН при полках 100 дивизии оперативного назначения (ДОН-100) в 1992 г. был образован 7 ОСН ВВ МВД, а в 1994 г. на отдельного батальона спецназначения в г. Москва был образован 8 ОСН ВВ МВД. Так на 1994 г. в РФ имелось 3 крупных отряда спецназа, а также группы специального назначения в различных подразделениях оперативного назначения Внутренних войск МВД.

Все подразделения спецназа ВВ МВД с 1992 г. принимали активное участие в разрешении межэтнических конфликтов в зонах чрезвычайного положения, а также участвовали в операции по восстановлению конституционного порядка на территории Чеченской Республики в период с 1994 по 1996 гг.

Так, в зоне осетино-ингушского конфликта выполняли задачи группы спецназначения 6 и 7 ОСН ВВ МВД, в декабре 1994 г. бойцы 6 ОСН «Витязь» выполняли задачи по разведке дорог, ведущих в Чеченскую Республику, а также противодействовали мобильным группам незаконных вооруженных формирований. С января 1995 г. все три отряда спецназа ВВ МВД принимали участие в операции по овладению г. Грозный. После овладения городом, продолжались операции по выявлению членов бандформирований, «зачисток», и уничтожению схронов с оружием. В апреле 1995 г. подразделения спецназа ВВ МВД, а также несколько групп спецназа из бригад оперативного назначения и полков ОДОН (Отдельная дивизия оперативного назначения, такое название дивизия получила в 1994 г.) проводили операцию в с. Самашки. Лето 1995 г. ознаменовалось терактом в г. Буденновск, где принимали участие бойцы групп спецназначения 8 ОСН ВВ МВД [5 с. 191 ; 6 с. 57].

В январе 1996 г. бойцы 6 и 8 ОСН ВВ МВД принимали участие в штурме с. Первомайское, а в феврале, 6 ОСН совместно с СОБР штурмовал с. Новогрозненское (ныне п. Ойсхара). В период с марта по конец июля 1996 г., из боевого пути 8 ОСН ВВ МВД можно сделать вывод, что большинство задач, которые возлагались на спецназ ВВ МВД были сопровождение колонн и поиск и ликвидация групп бандформирований. Однако в августе 1996 г. группы 8 ОСН попали в осаду в г. Грозный, где бандформирования проводили операцию «Джихад», в рамках которой боевикам удалось заблокировать комендатуры и блокпосты федеральных сил в горо-

де. Спецназовцы 8 ОСН проводили вылазки и рейды, снайпера отряда вели охоту за снайперами боевиков [6, с. 67].

После подписания «Хасавюртовских» соглашений между российской и чеченской сторонами, спецназ ВВ МВД был выведен с территории Чеченской Республики в пункты постоянной дислокации. Двухлетний опыт боевых действий предстояло осмыслить, опробовать и внедрить в программы подготовки. Немаловажным для спецназа стал вопрос и психологического восстановления военнослужащих, побывавших в зоне боевых действий. Так, в уже не раз упомянутом, 8 ОСН ВВ МВД, который получил наименование «Русь», солдаты неоднократно посещали различные экскурсии по г. Москва, выезжали на различные культурные мероприятия, а также непосредственно в отряд приглашались различные артисты и творческие коллективы для организации культурного досуга спецназовцев. Так, по мнению командования отряда, а также ряда медицинских работников, бойцы получали психологическую разрядку после нахождения в зоне боевых действий, где психологическая нагрузка, по сравнению с нахождением в пункте постоянной дислокации, многократно возрастала [6, с. 74].

В 1997 г. командованием Внутренних войск МВД России ГСН при полках и бригадах были расформированы, а личный состав был распределен по отрядам специального назначения, личный состав подразделений которых пополнился опытными специалистами и бойцами. Произошло укрупнение подразделений, хотя часть рот спецназа при бригадах удалось сохранить.

7 июля 1997 г. на базе различных ГСН Северо-Кавказского округа ВВ МВД был создан 16 ОСН ВВ МВД «Скиф», также в период 1997–1999 гг. и позднее создаются новые ОСН ВВ МВД, такие как 12 ОСН «Урал», 17 ОСН «Эдельвейс» и другие. Укрепляется и расширяется штат подразделений спецназа Внутренних войск МВД РФ, которые отлично зарекомендовали себя в период операции по восстановлению конституционного порядка на территории Чеченской Республики. В дальнейшем, существующие на конец 1990-х гг., Отряды специального назначения примут активное участие в боевых операциях контртеррористической операции на территории Чеченской Республики и будут заниматься ликвидацией незаконных вооруженных формирований на всей территории Северного Кавказа [7].

Специальные подразделения ВВ МВД СССР и впоследствии РФ, за период с 1970-х прошли путь от небольшой роты, которая черпала знания по спецподготовке из учебников ГРУ, обменивалась опытом с зарубежными коллегами, в большие подразделения спецназа, которые за период двух десятилетий выработали специальные методики подготовки, прошли серьезные практически испытания в период операций на территории Чеченской Республики. За два десятилетия в каждом из отрядов зародились свои традиции, которые чтутся и на сегодняшний день, в котором подразделения специального назначения, переподчиненные на данный момент Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Феде-

рации, являются действенным и высокопрофессиональным инструментом противостояния экстремизму и терроризму.

Список источников

1. Братишка. № 5 (7). Журнал подразделений специального назначения. 1997.
2. УРСН 1987. I. Gilin. / ВКонтакте. Социальная сеть. URL: https://vk.com/video?z=video36300972_456239165%2F585ee2fa0c30a051b6%2Fpl_wall_36300972 (дата обращения: 25.03.2024).
3. К. Лазарев. 12 минут Ада или экзамен на Мужика! Сергей Лысюк про главную традицию спецназа – Краповый берет! / Lazarev Tactical // Видеохостинг YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cfYGIwyKMZQ> (дата обращения: 26.04.2023).
4. Денисов В. Бригада. Войска правопорядка / Красная звезда 2009. URL: http://old.redstar.ru/2006/11/09_11/6_05.html (дата обращения: 25.03.2024).
5. Мы – Витязи: [Сб.: К 25-летию отряда спец. назначения «Витязь» внутр. войск МВД России]. М.: Антитеррор, 2002. 342 с.
6. Лебедев А. П. Отряд специального назначения Русь / А. П. Лебедев. М.: Витязь-Братишка, 2004. 400 с.
7. СПЕЦНАЗ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК. Коракс (Гостевая страница) / Социальная сеть ВКонтакте. URL: https://vk.com/topic-146665986_35925671.

Н. А. Головин, Д. Д. Потапова
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ИНТЕРНАЛИЗМ И ЭКСТЕРНАЛИЗМ В АНАЛИЗЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И НАУКИ: УСЛОВИЯ АВТОНОМИИ НАУЧНОГО ПОЛЯ

Аннотация. Рассмотрены экстерналистский и интерналистский подходы к изучению роста научного знания и взаимосвязи различных отраслей науки. На основе анализа примеров истории науки выделены ограничения обоих подходов, воздействия политических отношений как одного из основных экстерналистских факторов. Выведены правила автономии научного поля.

Ключевые слова: интернализм, экстернализм, властные отношения, правила автономии научного поля, научное знание

Abstract. The externalist and internalist approaches to the study of the growth of scientific knowledge and the interrelation of various branches of science are considered. Based on the analysis of examples from the history of science, the limitations of both approaches and the impact of political relations as one of the main external factors are highlighted. The rules of the autonomy of the scientific field are derived.

Keywords: internalism, externalism, power relations, rules of autonomy of the scientific field, scientific knowledge

Проблема зависимости научного развития от политических институтов не является новой. Теоретическое рассмотрение данного вопроса имеет своей практической целью разработку оптимальных моделей построения совместимых властных и научных институтов.

Два основных подхода к анализу роста научного знания – интерналистский и экстерналистский – по сути отражают две стороны любого социального явления – дискурсивный (ассоциативно-языковой) и институциональный (поведенческий). При этом первый подход рассматривает институты (методы) и дискурс в рамках самого поля науки, а второй отражает зависимость его развития от влияния прочих институтов и внедрения элементов внешнего дискурса. Оба подхода взаимно дополняют один другой, что явно прослеживается при сопоставлении двух моделей эволюции научных теорий: теории исследовательских программ И. Лакатоса (в значительной степени опиравшегося на фальсификационизм К. Поппера) и парадигмальной теории Т. Куна [1, с. 164], [2, с. 40]. Если модель Лакатоса отражает интерналистский взгляд на развитие научного знания, то вторая описывает субъективные аспекты формирования научного дискурса. Стоит отметить наличие структурного и динамического (в смысле последовательности изменений) сходства между элементами этих подходов,

но первый утверждает универсальность свойств, принципов и методов, тогда как второй – относительность дисциплинарных матриц и их зависимость от господствующего типа научного мышления, что явно не исчерпывает даже внешние факторы изменений. Существует точка зрения, что наука есть вид власти над вещами (объектами своего рассмотрения) или особый способ конструирования реальности, который таким образом связан с политическими отношениями. В том или ином варианте (более «политический» вариант М. Фуко или «социологический» Б. Латура) он в целом отражает взгляды социологии науки и является экстерналистским [3, с. 50], [4, с. 114]. Марксистская позиция заключается в утверждении зависимости развития научного поля от факторов «базиса» и «надстройки», откуда, например, появляются термины подобные понятию «буржуазная наука».

Функциональная связь между интерналистским ростом научного знания и экстерналистским экономическим и материальным прогрессом осуществляется через переменную «технологии». Технология – применение метода для конструирования объектов, использования их в определенных целях. Механизм этой связи и взаимного развития выглядит следующим образом: технологии, будучи дериватами научных методов и преобразующиеся в систему действий по манипулированию физическими объектами для достижения определенного результата, применяются в деятельности внешних по отношению к науке институтах и тем самым обеспечивают прогресс. Затем, на основе этого прогресса возникают новые инструменты и возможности решения научных проблем, в результате чего ускоряется рост научного знания.

Суть науки как вида деятельности заключается в максимальном приближении к состоянию изоморфизма (структурного соответствия) между дискурсом и институтами (методами), подчиненными требованиям, позволяющим с полной ясностью определить соответствие языковых моделей явлениям (фактам). Критерии, применяемые при этом, называются критериями демаркации. Следствие – наука является универсальным дискурсом и институтом постольку, поскольку объекты (факты) и методы универсальны (интернализм). Универсальность есть свойство объективизма, и проверяется эмпирически и логически. Экстернализм же отражает уникальные особенности роста научного знания в силу влияния внешних факторов.

Второй вопрос возникает при рассмотрении структур научного знания в целом и его развития в отдельных областях, могущих на практике быть противоречащими, что не опровергает тезис о единстве научного поля, но отражает его процессуальный характер, зависимый от множества условий, которые детерминируют ускорение, замедление или остановку его роста.

Следует выдвинуть тезис: научное знание, предполагающее наличие собственного метода, ведущего (с позиций научного реализма) к объяснению все большего количества фактов, не может зависеть только от внеш-

них факторов в силу своего универсализма. Заблуждения или недостаток знаний, неверный политический подход ведут развитие объективного знания в тупик. Научные достижения не являются источником власти над объективностью, а лишь могут использоваться в совершенно различных целях заинтересованными акторами и их группами. Содержательный подход интернализма в общем случае точнее описывает динамику знания. Совершенно противоположные социально-экономические и в первую политические причины могут приводить к сходным технологическим достижениям. Примером здесь является конкуренция научных школ СССР и США: разные экономические и политические особенности данных социальных систем приводили к (относительно) схожим результатам и поддержанию паритета. Оптимальные социологические условия, которые в принципе достаточно универсальны.

Необходимо, таким образом, различать социологию науки и содержательный анализ теорий, их проверку, где одно от другого не зависит полностью: более сильная теория, элемент исследовательской программы или сама исследовательская программа, могут быть не приняты в силу действия изучаемых социологией причин, но тем не менее оставаться более сильными (в том числе потенциально) с точки зрения объяснительной способности.

Когда внешняя (политическая, религиозная и т. д.) идеология вторгается в сферу научного дискурса и институтов, требования объективности и универсализма нарушаются, что приводит к неверным результатам. В частности, эволюционистская парадигма социальной антропологии в развитых странах второй половины XIX – первой половине XX вв., в подавляющем большинстве работ предполагала принципиальное неравенство культур и тем самым фактически приводила к обоснованию колониализма и жесткой политики в отношении аборигенов, что приносило значительную выгоду властям данных держав (в Великобритании – Дж. Фрезер, во Франции Л. Леви-Брюль, в США Л. Морган являлись самыми видными представителями данного направления исследований). В это же время происходило зарождение евгеники (Ф. Гальтон) как науки о способе отбора людей по заданным параметрам, и хотя в самой Британии данное идеологизированное направление исследований не стало доминирующим, в нацистской Германии оно повлияло (вкуче с краниологией Ж. Лапужа и его последователей) на нацистскую политику и науку о расах [5, с. 24]. В СССР известным событием является ВАСХНИЛ 1948 г., когда была разгромлена генетическая теория в своем дарвинистском варианте, одними из лидеров в разработке которой были советские ученые, вместо чего произошел откат в сторону ламаркизма. Произошло это по идеологическим причинам, поскольку обосновывалось несоответствие генетической теории научным принципам диалекта [6, с. 177].

Темпы эволюционного процесса прироста знания в разных отраслях науки зависят от: а) актуальности проблем для удовлетворения интересов внешних акторов и востребованности технологий внешними институтами

(экстерналистский аспект); б) возможностей для построения доказательных теорий (интерналистский аспект). В качестве примера первого типа влияния можно привести современный Китай с его политикой широкомасштабного внедрения технологий в производство, начиная от повышения качества образования и заканчивая увеличением финансирования прикладных и фундаментальных исследований в сферах точных и естественных наук. Второй аспект явным образом прослеживается в сфере биологии: молекулярная биология, цитология, генетическая теория, нейрофизиология и другие отрасли не могли быть развиты ранее XX в. По причине того, что соответствующие методы исследования основываются на данных и методах физических и химических исследований, поэтому необходимым условием прогресса знания в биологии является достаточный уровень развития наук «низшего» уровня строения материи. Соответственно, оба подхода дополняют друг друга, один в плане содержательном, а другой формальном.

Конечный момент анализа касается непосредственно моделирования условий научной деятельности, имеющих более или менее эффективные результаты. Здесь следует сочетать результаты экстерналистского и интерналистского подходов. Эта схема должна предполагать, с одной стороны, максимально возможное приближение к объективности дискурса и методологии, и минимизацию зависимости от иных институтов и дискурсов, а с другой – открытость к потокам соответствующей информации, доступность к критическому обсуждению проблем.

Кратко можно сформулировать данные условия автономного научного дискурса, которые являются ориентировочными и наиболее общими, но тем не менее имеется возможность той или иной степени приближения к их соблюдению. Они не являются достаточными сами по себе, но только в своей связи друг с другом.

1. Запрет внедрения внешнего дискурса в научный. Это достигается как с помощью реализации прочих принципов, так и посредством развития, соответствующего этоса у самих ученых.

2. Соблюдение универсализма методологических принципов. Данный вопрос изучается методологией науки, совмещением и сопоставлением, обоснованием чистоты методов.

3. Критический плюрализм, равенство и открытость информационных потоков. Это достигается путем создания достаточного количества научных сетей, объединяющих различные направления и сферы исследований с целью достижения совместимости теорий.

4. Материально-техническая независимость деятельности. Это может быть достигнуто с помощью разных источников, но в любом случае должно существовать отделение источника от самого производства научной информации.

Список источников

1. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. / Лакатос И. М.: Медиум, 1995. 235 с.
2. Кун Т. С. Структура научных революций. / Кун Т. С. М.: АСТ, 2020. 320 с.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Фуко М. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
4. Латур Б. Политика объяснения: альтернатива. / Латур Б. // Социология власти. 2012. № 8. С. 113–143.
5. Тагиефф П.-А. Цвет и кровь: французские теории расизма. / Тагиефф П.-А. М.: Ладомир, 2009. 221 с.
6. Ивантер Э. В. Очерки теории эволюции. / Ивантер Э. В. М.: Товарищество научных издания КМК, 2020. 200 с.

Ю. В. Петров

Тюменский государственный университет

Тюмень, Россия

ФОРМАТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНТЕРАКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ С ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ОБЩНОСТЯМИ ЛЮДЕЙ В СЛОЖНЫХ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Целью исследования является разработка регламента информационного взаимодействия на основе геоинформационной базы данных органов государственного управления с территориальной общностью людей. Разработанный регламент информационного взаимодействия отражает потребности текущей повестки внутри территориальной общественной системы в арктическом регионе.

Ключевые слова: *арктический регион, территориальная общественная система, территориальная общность людей, регламент информационного взаимодействия, исторические региональные особенности, история природопользования*

Abstract. The purpose of the study is to develop regulations for information interaction based on the geoinformation database of public administration bodies with the territorial community of people. The developed rules of information interaction reflect the needs of the current agenda within the territorial public system in the Arctic region.

Keywords: *arctic region, territorial social system, territorial community of people, rules of information interaction, historical regional features, history of nature management*

В арктическом регионе регулирование истории взаимоотношений, а также формирование текущего оказания государственных услуг, выполнения государственных функций осложняется сложными природно-климатическими условиями, обширностью малодоступного пространства, а также сформировавшимся в историческом контексте социально-экологическим обликом. Пуровский район Ямало-Ненецкого автономного округа выступает одной из таких территорий, на которой сформировалась территориальная общность пришлых на промыслы людей в составе устойчивейшей на протяжении столетий ненецкой территориальной общественной системе, которая всегда зиждется на традиционном природопользовании. Суровые природно-климатические условия, критичность экологической устойчивости местных ландшафтов также требуют со стороны органов государственной исполнительной власти, органов местного самоуправления, общественных институтов оперативного и информационно-обеспеченного принятия решений, учитывающего весь комплекс хронологических и хронологических взаимоотношений [1–4].

Современным технологичным решением в данном направлении может выступать создание информационной системы, отражающей на легитимной основе существующую практику сформировавшегося природопользования, с одной стороны, а также тренды социально-экономического развития территориальной общественной системы в целом, с другой стороны. Само создание информационной системы, платформы ее функционирования, наполнение и ведение – не вызывает больших сложностей. Более сложные концептуальные вопросы – организации ответственности среди операторов информационной системы (далее – Система). В современном мире высокой скорости образования данных, включая псевдоданные, дипфейки, а также сгенерированные в том числе уже и искусственным интеллектом, важным становится не поиск информации, а отбор достоверной, актуальной, корректной, полной и сопоставимой информации [5–7].

В этом контексте важна разработка положения о Системе. Именно внутри подобного регламента, разграничивающего зоны ответственности между всеми участниками информационного взаимодействия, устанавливается процедура эффективной истории взаимоотношений между властью, наукой, потребителями. Именно на стыке информационного комплексного представления формируются прорывные технологические решения, имеющие практику реального воплощения [8–9].

Положение о региональной системе агропромышленным комплексом муниципального округа Пуровского района

Общие положения:

При ведении системы необходимо в своей деятельности руководствоваться Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, Указами Президента Российской Федерации, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами, относящимися к деятельности управления.

Цель создания:

Создание и ведение информационной системы обеспечения агропромышленного комплекса, осуществляемой на территории Пуровского муниципального образования Пуровского района.

Оператор:

Определить Оператором РИС Бюджетное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Окружной центр информационно-коммуникационных технологий». Данная специализированная организация осуществляет технологическое обеспечение для использования РИС и ее эксплуатации.

Уполномоченный орган:

Определить Уполномоченным органом Департамент агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа.

Доступ к Системе:

– Департамент агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа,

- Департамент природных ресурсов и экологии;
- ФНС (региональное управление).

Ведение:

Обеспечения доступа в электронной форме к сведениям, документам, материалам посредством официального сайта, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие действующих и создаваемых информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций.

Информационное взаимодействие информационной системы с другими информационными системами заинтересованных юридических лиц осуществляется через технологические интерфейсы в соответствии с соглашениями, заключенными оператором информационной системы и операторами таких информационных систем.

Проверка ведения:

Сдача отчетов по формам для предоставления данных регионального мониторинга охотничьих ресурсов до 1 августа года, идущего вслед за отчетным.

Сдать отчет в ФГИС нужно не позднее 25 мая года, идущего вслед за отчетным.

Форматы:

- Департамент агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа – в виде отчета и таблицы;
- Департамент природных ресурсов и экологии – в форме отчета, таблицы и картографического материала;
- ФНС (региональное управление) – в виде отчета и таблицы.

Интеграция с другими системами:

Осуществить интеграцию со следующими системами:

- Информационная система по коренным малочисленным народам Севера;
- Система мониторинга и прогнозирования охотничьих ресурсов;
- Государственные информационные системы ФНС России.

Пример закрепления ответственных за ресурсами:

Ответственный за достоверность информации – участники ГИС;
ответственный за размещение информации – оператор.

Приведенный пример отражает потенциал для создания востребованных информационных систем, учитывающий современные технологические возможности и спрос со стороны стейкхолдеров. В условиях арктической специфики интерактивная организации истории взаимоотношений между научными потребителями исторической информации и органами регионального и муниципального управления становится источником для оперативного наполнения спецификой территории, которая позволяет получать вторичную и третичную информацию, как производную для дальнейшего выхода на сбалансированное развитие.

Список источников

1. Столбов В. А. Региональный потенциал и региональный капитал: «возможное» – «реальное» – «необходимое» / В. А. Столбов, М. Д. Шарыгин // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 4. С. 1 014–1 027. DOI 10.17059/2016-4-4.
2. Брехунцов А. М. Геоэкологические механизмы реализации устойчивого развития в российской Арктике / А. М. Брехунцов, Ю. В. Петров // Нефть. Газ. Новации. 2021. № 10 (251). С. 73–76.
3. Арктика 2050: доктринальные перспективы развития / А. М. Брехунцов, А. И. Муллин, Ю. В. Петров, Г. А. Проскурин // Труды II Гранберговской конференции : Сборник докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной памяти академика А. Г. Гранберга «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность», Новосибирск, 11–15 октября 2021 года / Сибирское отделение Российской академии наук Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2021. С. 6–13. DOI 10.53954/9785604607893_6.
4. Брехунцов А. М. Стратегические направления по освоению природно-ресурсного потенциала российской Арктики и формированию доктрины ее развития / А. М. Брехунцов, Ю. В. Петров, О. А. Прыкова // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. 2020. № 4(142). С. 110–118. DOI 10.31660/0445-0108-2020-4-110-118.
5. Умаров Ш. Ш. Пути организации рационального лесного природопользования в Таджикистане / Ш. Ш. Умаров, Ю. В. Петров // Наука, технологии, общество: Экологический инжиниринг в интересах устойчивого развития территорий: Сборник научных статей, Красноярск, 09–10 ноября 2023 года. Красноярск: Красноярский краевой Дом науки и техники Российского Союза научных и инженерных общественных объединений, 2023. С. 275–280.
6. Затолокин А. С. Социальные аспекты ESG-стратегирования в контексте евразийских детерминант / А. С. Затолокин, Ю. В. Петров // Современная Евразия: общественно-географический анализ: Материалы Международной научной конференции (XIV научная Ассамблея АРГО), Улан-Удэ, 10–19 сентября 2023 года / Отв. редакторы А. Г. Дружинин, В. С. Батомункуев. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2023. С. 75–77.
7. Затолокин, А. С. Направления цифровизации системы обращений граждан / А. С. Затолокин, Ю. В. Петров // Социальная реальность виртуального пространства: Материалы V Международной научно-практической конференции, Иркутск, 25 сентября 2023 года / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. С. 301–305.
8. Скрицкая М. К. Геоэкологические проблемы при выделении территорий традиционного природопользования / М. К. Скрицкая, Ю. В. Петров // Географические исследования в контексте социально-экономического

развития регионов, Грозный, 26–27 мая 2023 года / ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова». Грозный: Чеченский государственный университет имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова, 2023. С. 343–346. DOI 10.36684/96-1-2023-343-346.

9. Китаева А. А. Эколого-территориальные ограничения в работе Русского нефтегазоконденсатного месторождения / А. А. Китаева, Ю. В. Петров // Географические исследования в контексте социально-экономического развития регионов, Грозный, 26–27 мая 2023 года / ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова». Грозный: Чеченский государственный университет имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова, 2023. С. 189–192. DOI 10.36684/96-1-2023-189-192.

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ИДЕЙНЫХ БИТВ

Аннотация. Проблема фальсификации истории имеет намного более глубокие последствия, чем просто искажение фактов. История не только о прошлом, она формирует наше сознание и влияет на наше будущее. Подделки исторических событий могут серьезно влиять на общественное мировоззрение, укореняться в сознании людей и определять их поведение. Подделка истории используется для манипуляции массами, для формирования определенных политических или идеологических установок. Именно поэтому важно бороться с этим явлением и предостерегать общество от возможных негативных последствий. Каждое поколение должно иметь доступ к правдивой и объективной исторической информации, чтобы не повторять ошибки прошлого и строить свое будущее на основе здоровых ценностей.

Ключевые слова: фальсификация истории, общественное мировоззрение, идеологические установки, культурное наследие, политическая стабильность

Abstract. The problem of falsifying history has much deeper consequences than simply distorting the facts. History is not only about the past, it shapes our consciousness and influences our future. Forgeries of historical events can seriously affect the public worldview, take root in people's minds and determine their behavior. The forgery of history is used to manipulate the masses, to form certain political or ideological attitudes. That is why it is important to combat this phenomenon and warn society against possible negative consequences. Every generation should have access to truthful and objective historical information in order not to repeat the mistakes of the past and build their future on the basis of healthy values.

Keywords: falsification of history, social worldview, ideological attitudes, cultural heritage, political stability

История нашей страны насыщена славными победами, подвигами героев и трагическими событиями, которые влияли на формирование ее современного облика. Важно относиться к этим страницам прошлого с должным уважением и пониманием их значения для нашего настоящего и будущего.

Сохранение и передача исторического наследия России является одним из ключевых факторов жизнеспособности общества и государства. Для этого необходимо активное участие граждан, государственных структур, образовательных учреждений и научного сообщества в формировании исторической культуры, основанной на уважении к прошлому, принципе историзма и использовании научных источников.

Государство, институты гражданского общества, историки, преподаватели гуманитарных дисциплин должны работать сообща для сохранения исторической памяти и ценностей, которые определяют духовную и нравственную основу российского общества. Только через уважение к истории своей страны и глубокое понимание прошлого можно построить устойчивое будущее и обеспечить развитие общества на основе наследия предков.

В настоящее время проблема фальсификации и искажения истории стала актуальной не только для России, но и для всего мирового сообщества. Одной из важных составляющих сохранения исторической правды является уважение к памяти защитников Отечества, что отражено в Конституции Российской Федерации. Преамбула этого основного законодательного акта подчеркивает, что уважение к предкам и любовь к Родине являются основой для формирования общества.

С каждым новым днем увеличивается необходимость активной борьбы с фальсификацией исторических событий, что имеет огромное значение для сохранения национальной идентичности и интересов России. Очевидно, что искажение истории может привести к искажению самосознания народа, а также источает политическую нестабильность и конфликты в обществе. Статья 67.1 Конституции РФ отражает принципы уважения памяти защитников Отечества и подчеркивает недопустимость умалять значение их подвигов. Эти нормы направлены на защиту исторической правды и сохранение национальной идентичности.

Вмешательство в историю и попытки искажения прошлого могут нанести серьезный ущерб не только культурному наследию страны, но и ее политической стабильности. Поэтому важно продолжать борьбу за сохранение исторической правды как ключевого элемента национальной безопасности.

В мире снова наблюдается стремление к переделу собственности, хотя это далеко не первый случай таких процессов. Аналогичные явления имели место и в прошлом, их причина заключается в стремлении достичь глобальных целей. В условиях, когда силовые методы оказываются неэффективными, разжигание национальной и религиозной нетерпимости становится необходимым шагом. Отказ от принятия образа жизни других людей создает почву для использования политтехнологий, подпитываемых историческими и военными событиями.

Не случайно именно военная история становится ключевой точкой в формировании мировоззрения и исторической памяти. Она не только служит опорой для военного мышления, но и оказывает значительное влияние на коллективное сознание общества. Важно понимать, что исторические события, особенно военные, оставляют следы не только в книгах, но и в сознании людей, формируя их взгляды на мир и события вокруг. В контексте современных геополитических процессов и идейных битв история остается ключевым инструментом воздействия на общественное мнение и формирования политических стратегий.

Современная эпоха ставит перед обществом множество вопросов, требующих глубокого исследования и анализа. Одним из ключевых инструментов для получения ответов на эти вопросы является изучение военной истории. Она позволяет не только определить агрессоров и жертвы в прошлых конфликтах, но и оценить характер и последствия этих военных столкновений.

Однако несмотря на важность правильного понимания исторических событий, информационные акции фальсификаторов истории часто искажают правду. Особенно сильное воздействие они оказывают в тех обществах, где историческая память формируется под влиянием выгод политических и бизнес-элит.

Обучение истории, особенно военной, должно стремиться к объективности и полноте, чтобы предотвратить искажения исторических фактов и сохранить правильное понимание прошлого для обеспечения стабильности и безопасности в будущем.

История, как наука, долгое время служила исключительно для понимания прошлого, но сегодня становится явным, что она превратилась в мощный политический инструмент. Это средство используется для достижения различных целей, часто сугубо меркантильных, но в первую очередь – политических. Фальсификация истории, в таком ключе, представляет собой сознательное искажение событий или их интерпретацию.

Эта практика становится острым идеологическим и политическим оружием, которое применяется как в политических целях – для утверждения исторических прав на территории или обоснования легитимности правящей элиты, так и в экономических или иных стратегических задачах. Применение фальсификации истории позволяет манипулировать сознанием людей, формируя определенное представление о прошлом и настоящем, что в свою очередь влияет на принятие решений и общественное мнение.

Современное общество все чаще понимает, что историческое наследие каждой страны не только является частью ее культурного достояния, но и инструментом воздействия на массовое сознание. Историческое пространство становится полем битвы в информационных войнах, где каждый факт и событие могут быть использованы для достижения определенных целей.

Человек в современном мире играет ключевую роль как творец и интерпретатор истории. Его восприятие прошлого и настоящего формирует основу для информационных технологий, которые неуклонно меняют жизнь человечества. Стремление контролировать историческую память становится одним из способов воздействия на общественное мнение и формирования определенных идеологических установок.

Сегодня человек и его сознание находятся в центре информационных войн, где история становится не только инструментом идеологической борьбы, но и «нелетальным оружием массового поражения». Взгляды на прошлое и настоящее, их интерпретация и использование в информаци-

онных целях, формируют общественное мнение и определяют разворот событий в мире.

Наш мир насыщен информацией, которая формирует наше восприятие реальности и влияет на наше мировоззрение. Информационные технологии и массовая информатизация позволяют создавать программные модели мира, влияющие на нас более, чем мы можем себе представить. Генри Киссинджер говорил о том, что понимание мировоззрения противника имеет большее значение, чем объективная реальность.

За кулисами этой информационной игры скрывается разработанное информационно-психологическое оружие, способное манипулировать нашими мыслями, эмоциями и моральным состоянием. Его цель – наложить на нас программируемый образ мира, который будет создавать благоприятные условия для определенной стороны, играющей эту информационную игру.

Осознание того, как информационные технологии влияют на наше мировоззрение, позволяет нам быть более бдительными и критически мыслить. Мы должны уметь различать реальность от созданных программных моделей мира, чтобы сохранить свою независимость мышления и принятия решений.

Изменение в школьных учебниках в России после распада Советского Союза не только затронуло содержание уроков гражданственности и патриотизма, но и привело к «переписыванию» истории. Пропадание важнейших страниц из истории русских побед стало явным признаком покушения на национальное наследие. Как отмечал В. О. Ключевский, народ без истории – как ребенок без родителей, уязвим перед манипуляциями [3].

Мы все поглощены виртуальным миром и high tech'ом, особенно информационными технологиями, ожидая от них радикальных изменений в нашей жизни. Однако многие не задумываются о том, что эти технологии могут быть использованы для манипуляции человеческим сознанием и контроля над информацией.

Попытки искажения истории через учебники и медиа демонстрируют не только стремление к манипуляции сознанием, но и опасность потери связи с корнями и культурным наследием. Важно сохранять баланс между технологическим прогрессом и сохранением исторической правды, чтобы не стать заблудшими виртуальными детьми без опоры на истину.

Массовое внедрение информационных технологий привело к радикальным изменениям в способах мышления и восприятия мира. В результате этого процесса, который был не связан с традиционными человеческими целями, произошла глобальная перестройка сознания и ценностей. Люди, используя компьютеры, случайно обнаружили, что изменение своего внутреннего мира может принести гораздо больше пользы, чем простое улучшение материальной среды.

Новое информационное общество требует от нас пересмотра старых убеждений и принципов. Главной целью воздействия современных технологий стало не только улучшение связей между людьми, но и возможность

корректировки коллективного сознания на уровне наций и многонациональных государств. Распространение компьютеров и доступ к информационным ресурсам позволяют проводить масштабные изменения в общественном мышлении.

В результате этой эпохальной трансформации, основанной на информационных технологиях, старые представления о мире и себе переоцениваются. Перестройка сознания и ценностей становится ключевой задачей для достижения нового уровня развития общества и личности.

В данном контексте необходимо отметить, что одной из ключевых составляющих пересмотра человеческого мышления является пересмотр исторических фактов, их интерпретация и влияние на формирование сознания. Важно осознать, что история часто подвергается фальсификации, акценты смещаются, а определенные события и факты умышленно удаляются из памяти общества. Эти процессы в наше время приобретают новый масштаб и направлены на:

- изменение восприятия российского государства как политического института, его системы и режимов;
- пересмотр русской истории и ее влияния на формирование национальных культурных и духовных ценностей, на те энергетические потоки, которые легли в основу великого государства и его истории;
- переосмысление русской нации и ее связи с национальным пространством, которое она заселяет и формирует.

Эти изменения в понимании исторических процессов имеют глубокое влияние на сознание общества и его самоидентификацию. Важно разобраться в том, как история формирует наше сознание о прошлом и настоящем, о влиянии национальных ценностей и культуры на формирование нации и государства. Именно через понимание истории мы можем лучше понять себя и мир вокруг нас.

Феномен формирования констелляций продуманных недомолвок, нарочитых умолчаний и тенденциозно подобранных фактов проявляется на трех ключевых направлениях. Эти явления несут в себе не случайности, а глубокие корни в фундаментальных основах самоидентификации современной России. В них отражаются национальные интересы и духовные ценности страны, превращаясь в выразителей ее сущности.

Критика истории России – СССР – Российской Федерации, которую часто используют для фальсификаций, на самом деле направлена на современное российское государство в целом. Фальсификаторы хорошо понимают, что именно государство является ключевым институтом, мотором прогресса общества, именно оно обеспечивает единство нации и эффективное функционирование общества. Вмешательство в историю направлено на дестабилизацию и ослабление государства как основы национального единства и общественного развития.

Раскроем тему критики современной политической системы России более детально. В современном обществе все чаще возникают сомнения

в демократичности и легитимности российской власти. Псевдоисторические аналогии используются для того, чтобы усилить это сомнение.

Эти аналогии, несмотря на свою простоту, оказывают значительное воздействие на общественное мнение. Интересно, что современные люди, потомки Черчилля и Рузвельта, не уделяют должного внимания тому, что их лидеры не сравнивали нацизм со сталинизмом. Они не задумываются о том, почему в свое время не оспаривалась роль Советского Союза в победе над нацизмом.

История – это не просто набор событий, а основа, на которой строится государственная идентичность и национальное самосознание.

Борьба с искажением фактов и событий, происходивших на просторах России, должна быть приоритетной задачей для всех граждан и органов власти. Противодействие попыткам девальвации исторических достижений – это не только защита прошлого, но и обеспечение устойчивого развития страны в будущем.

Только обладая точной и объективной картиной своего прошлого, государство может строить свое будущее на прочных основах. Поэтому важно не только создавать комиссии и органы для борьбы с фальсификацией истории, но и постоянно улучшать законодательство, чтобы обеспечить надлежащий уровень защиты исторического наследия страны.

Исследование и анализ исторических событий Второй мировой войны являются важными аспектами сохранения памяти о прошлом и уважения к подвигам народов, внесших свой вклад в победу над фашизмом. Однако, в связи с распространением ложной информации о прошлом, возникает необходимость определить ответственность за искажение истории и оскорбление памяти предков. Важно осознавать, что подобные действия могут нанести ущерб не только уважаемым историческим личностям, но и самому обществу в целом.

В. А. Борисов и С. С. Синютин полагают, что после завершения Второй мировой войны на Западе началась активная кампания по фальсификации итогов конфликта. Эта кампания была инициирована в первую очередь американскими силами с целью перекроить историческую картину событий. Одним из основных направлений было стремление свалить ответственность за начало войны как на Германию, так и на Советский Союз. К тому же, по их мнению, была попытка умалять вклад Советского Союза и его армии в разгром нацистской Германии. Это сопровождалось преувеличением потерь Красной Армии и обвинениями в неэффективности советских полководцев.

Следует отметить, что в рамках этой кампании также подвергалась сомнению освободительная миссия Советской Армии, которая спасла множество народов Европы от фашистского гнета. Таким образом, историки подчеркивают важность корректного и объективного освещения исторических событий, исключая излишние политические мотивы и предвзятость. С начала 1980-х годов началась эскалация ревизии исторической

памяти, что привело к возникновению новых форм клеветы и фальсификации исторических событий. [1, с. 155].

И. М. Бояршинова отмечает, что в период СССР история оставалась относительно неприкосновенной, не подвергалась серьезным изменениям и не вызывала сомнений в оценках причин и характера Второй мировой войны, включая общие задачи и итоговую победу союзников в этой войне. Однако с течением времени, подход к исторической переписке стал меняться, и сегодня мы видим, как эти направления клеветы и фальсификации стали более изощренными и кощунственными. В результате, история стала предметом манипуляций, что вносит смуту в понимание и оценку прошлого.

Глубоко анализируя информационное противостояние, мы видим, что в его центре оказались различные аспекты войны: от инициаторов и виновников до характера боевых действий, их влияния на ход конфликта и вклада участников в окончательную победу. Важно также учитывать цену, заплаченную за Победу, роль руководителей и народа в этом процессе, а также мотивы, побудившие их принять участие в войне. Вопрос о том, кто на самом деле является победителем и насколько реальна сама Победа, остается открытым и требует дальнейшего изучения и обсуждения. Стремясь к полному пониманию исторических событий, необходимо учитывать множество аспектов и точек зрения на происходившее [2, с. 28].

Подмена исторических фактов и оправдание деятельности государственных преступников приводят к искажению общественного сознания и искажению представлений о прошлом. Необходимо бороться с манипуляцией исторической правдой, чтобы сохранить честность перед историей и не допустить извращения фактов о подвигах и жертвах. Восстановление исторической истины и защита памяти о событиях прошлого являются важными шагами в обеспечении уважения к историческому наследию и достоинству народов.

Для того, чтобы эффективно бороться с антироссийским мировоззрением среди молодежи, необходимо начинать работу с самого детства. Это подтверждают слова О. Бисмарка о том, что сражения выигрываются и проигрываются за школьными партами. Китайцы же утверждают, что для победы над врагом нужно воспитывать его детей. Очевидно, что влияние образования на формирование мировоззрения невозможно недооценить.

Таким образом, необходимо пересмотреть образовательные программы, прежде всего, для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Важно уделить внимание не только истории, но и смежным дисциплинам, таким как обществознание, правоведение, политология, социология и др. Именно через эти предметы можно сформировать у детей правильное понимание и привить патриотизм к своей стране.

Сознание детей дошкольного и младшего школьного возраста еще не подвержено влиянию фальсификации, поэтому именно на них следует делать ставку. Изменить деструктивные установки и предвзятость у взрос-

лых проще всего сделать через формирование правильного мировоззрения у молодых поколений.

Следующие выборы могут определить политическое будущее страны, но государственный деятель должен думать дальше – о следующих поколениях, о будущем нации и ее ценностях. Уинстон Черчилль отметил, что важно ориентироваться не только на текущий момент, но и на перспективы далеко за горизонтом.

Именно молодежь является строителем будущего, формируя следующее поколение. Ее взгляды, ценности и убеждения станут определяющими для общества в долгосрочной перспективе.

Советский опыт предвоенного периода показал, как важно инвестировать в молодежь. Выбор ставить на поколение 20-х гг. XX в. принес решающие плоды в виде поколения победителей – тех, кто вынес на себе тяготы и победил великую войну.

Ориентация на будущее поколение – залог стабильности и процветания государства. Важно строить политику и общество так, чтобы они соответствовали целям и потребностям молодежи, которая создаст будущее нации.

Однако, не все действия, которые распространяются через социальные сети с доступом ограниченного круга лиц, должны подпадать под уголовную ответственность. Важно различать случаи массового распространения информации с прямым умыслом и случаи, когда такие действия не несут намеренного характера.

Есть множество ситуаций, когда действия в сети могут нести негативные последствия, но при этом не влекут за собой умышленное нарушение закона. В таких случаях более уместным было бы применение мер административного наказания. Важно учитывать контекст и осознанность действий при определении меры ответственности за распространение информации в цифровой среде.

В современном информационном обществе, где цифровые платформы играют ключевую роль в распространении информации, возникает необходимость введения новых механизмов ответственности. Необходимо обратить внимание на то, что в случаях размещения незаконной информации, ответственность перед законом несут физические лица, но не юридические.

Такой шаг поможет укрепить законодательную базу и обеспечить более эффективный контроль за деятельностью средств массовой информации.

Следует также обратить внимание на усовершенствование правового механизма гражданско-правовой ответственности за фальсификацию истории. Важно рассмотреть возможность дополнения Гражданского кодекса Российской Федерации системой норм, которые бы регулировали порядок опубликования опровержений размещенных материалов и их удаления из сети интернет. Такие меры помогут обеспечить более четкое соблюде-

ние законодательства и защиту интересов общества от недостоверной информации.

Важно учитывать, что свобода слова и право на выражение собственного мнения – это одни из основ демократического общества. В связи с этим, следует обеспечить научным организациям и историческим обществам возможность выражать свои протесты через различные средства массовой информации. Также необходимо закрепить обязательное размещение информации о поданных протестах.

Ответственность за искажение истории и фальсификацию событий в Уголовном кодексе Российской Федерации четко определена. Однако, важно уточнить и дополнить это положение, чтобы охватить все случаи оскорбления исторической памяти, не только связанные с Второй мировой войной.

Закрепление в юридических актах значимых исторических событий – это не только вопрос правовой ответственности, но и важный шаг к сохранению исторической правды. Необходимо строго регулировать любые попытки искажения истории, чтобы уважать память о прошлом и понимать современность через призму прошлого. Этот подход позволит обеспечить сохранение и передачу будущим поколениям настоящего достояния и гордости народа. Именно через понимание исторических событий мы можем по-настоящему понять и ценить сущность современной России.

Законодательство должно ясно определить, что исторические события не подлежат искажениям или пренебрежительному отношению. По аналогии со ст. 354.1 УК РФ, в целях исключения манипуляций прошлым и представления достоверной правдивой истории, ответственность за искажение истории должна быть ясно прописана и подкреплена соответствующими нормами.

Подчеркнуть важность закрепления только тех исторических событий, которые служат настоящим достоянием и гордостью народа, необходимо для сохранения исторической идентичности. Отказ от искажения истории позволит укрепить национальное самосознание и укорениться в собственной культурной и исторической традиции.

Поэтому предлагается расширить круг лиц, привлекаемых к ответственности за подрыв исторических фактов и событий, а также ужесточить наказания за подобные действия. Только таким образом можно обеспечить сохранение исторической и культурной целостности общества и уважение к истинным событиям прошлого.

Для борьбы с фальсификацией истории необходимо разработать и реализовать комплекс мер, направленных на противодействие данному явлению. Это может включать в себя образовательные программы, проведение исследований и аналитику, а также укрепление законодательства в области сохранения исторической правды. Только совместные усилия государства и общества могут обеспечить защиту от искажения истории и сохранить историческую память для будущих поколений.

Список источников

1. Борисов В. А. Фальсификация исторической правды в год 70-летия Великой Победы / В. А. Борисов, С. С. Синютин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 4. С. 155–163.
2. Бояршинова И. М. Историческая правда о Второй мировой войне как фактор становления мировоззрения современной молодежи / И. М. Бояршинова // Современные научные исследования и разработки. 2016. № 5. С. 25–30.
3. Василий О. К. Афоризмы и мысли об истории // Литрес: 09 ноября 2008. 520 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонов Илья Сергеевич, студент кафедры библиотечных и документально-информационных технологий Пермского государственного института культуры (Пермь); e-mail: ilya.agafonov.2016@inbox.ru.

Александров Спартак Геннадиевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры корпоративного и государственного управления Краснодарского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова (Краснодар); e-mail: spartak-2010@mail.ru.

Аллабердиева Ляле Агагельдиевна, соискатель АН Республики Туркменистан, преподаватель истории и обществоведения Марыйского педагогического училища им. Хыдыра Деряева (Мары, Республика Туркменистан); e-mail: allaberdyeva85@mail.ru.

Артамонова Анастасия Георгиевна, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: nastya12.aa@gmail.com.

Артамонова Надежда Яковлевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан); e-mail: lazar1918@yandex.ru.

Бадрутдинова Фирая Равилевна, старший научный сотрудник отдела переводов татарских текстов Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН Республики Татарстан (Казань).

Базарбекова Думангуль Мукановна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Казахского университета технологий и бизнеса им. К. Кулажанова (Астана, Республика Казахстан); e-mail: Dumanbaz2013@gmail.com.

Байриева Аджап Джумаевна, научный консультант Национального музея туркменского ковра (Ашхабад, Республика Туркменистан); e-mail: ajarbayri@gmail.com.

Бакшеев Андрей Иванович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета им. профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого (Красноярск); e-mail: baksh-ai@yandex.ru.

Беляева Анна Владимировна, преподаватель-стажер кафедры истории и философии Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Могилев, Республика Беларусь); e-mail: anna271533@mail.ru.

Булавкина Марина Сергеевна, магистрант кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: Bulavkina98@inbox.ru.

Бурмакина Галина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и экологии человека Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск); e-mail: burmakinagalina@rambler.ru.

Воробьева Ольга Борисовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры естественнонаучных дисциплин медицинского университета «Реавиз» (Самара); e-mail: Vorobeva_ob@mail.ru.

Гайдин Сергей Тихонович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск); e-mail: gaydinsergey@rambler.ru.

Галлямова Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток); e-mail: ludagal@mail.ru.

Гергилева Алла Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: agergileva@sfu-kras.ru.

Головин Никита Андреевич, студент Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: nikita.gin.2504@gmail.com.

Гребенкин Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орел); e-mail: angrebyonkin@mail.ru.

Гудзенко Евгения Олеговна, кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); e-mail: egudzenko@sfedu.ru.

Гуляева Наталья Павловна, кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь (Дивногорск); e-mail: carnivora@list.ru.

Дамешек Ирина Львовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и методики Иркутского государственного университета (Иркутск); e-mail: dameshek@rambler.ru.

Дамешек Лев Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета, директор научно-исследовательского центра отечественной истории Байкальского государственного университета (Иркутск); e-mail: levdameshkek@gmail.com.

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, ведущий научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН» (Красноярск); e-mail: dazishen@mail.ru.

Дементьев Александр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: dementjev.ap@yandex.ru.

Егоров Александр Федорович, старший преподаватель кафедры всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск).

Елошкин Григорий Александрович, лаборант Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск); e-mail: g.eloshkin@g.nsu.ru.

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН» (Сыктывкар); e-mail: isaid@bk.ru.

Жуков Владимир Антонович, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орел).

Жулаева Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: annzhul@mail.ru.

Занданова Лариса Викторовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и методики Иркутского государственного университета (Иркутск); e-mail: zandanova@mail.ru.

Зыкин Иван Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург); e-mail: zivverh@mail.ru.

Ильясова Марина Вячеславовна, студентка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (Москва); e-mail: marinailiasov@gmail.com.

Исаева Нионила Николаевна, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Красноярск); e-mail: isaevann@mail.ru.

Исаева Роза Мовлиевна, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики (Грозный, Россия); e-mail: isiewa.roz@yandex.ru.

Истратий Алина Вячеславовна, аспирантка Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск); e-mail: alina-ist@mail.ru.

Калимонов Ильдар Кимович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань); e-mail: Ildar.Kalimonov@kpfu.ru.

Калинин Олег Николаевич, начальник учебной части – заместитель начальника кафедры ракетно-артиллерийского вооружения военного учебного центра Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: OKalinin2006@yandex.ru.

Карагулян Кристина Гендриковна, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: kristinakaragulyan@yandex.ru.

Карчаева Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: tkarchaeva@sfu-kras.ru.

Каюмова Гульфия Ильдусовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела переводов татарских текстов Институ-

та Татарской энциклопедии и регионоведения АН Республики Татарстан (Казань); e-mail: guliya.kayumova@yandex.ru.

Кириллова Алина Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга (Петропавловск-Камчатский); e-mail: astra1155@yandex.ru.

Кисленко Андрей Олегович, ассистент кафедры отечественной истории и архивоведения Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань); e-mail: Kisl.95@yandex.ru.

Кисляков Андрей Юрьевич, магистрант кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: akislakov20@gmail.com.

Ковалев Александр Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: askovalev@sfu-kras.ru.

Колмогорова Анастасия Михайловна, ассистент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск); e-mail: aseva2014@mail.ru.

Коновалова Ольга Викторовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: olgavk@yandex.ru.

Коновалов Игорь Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск); e-mail: konov77@mail.ru.

Котова Кристина Игоревна, аспирант Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск); e-mail: christina23@mail.ru.

Коцик Станислав Александрович, аспирант кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск); e-mail: stkotsik@yandex.ru.

Кудашов Вячеслав Иванович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Сибирского федерального университета, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета им. профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого (Красноярск); e-mail: vkudashov@mail.ru.

Кудашов Леонид Андреевич, магистрант кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: leonidk0202@gmail.com.

Кудинов Владимир Васильевич, независимый исследователь, ветеран НПО ПМ (Железногорск); e-mail: kudinov-sir@mail.ru.

Кузнецов Алексей Валерьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва); e-mail: historyras@gmail.com.

Кузьменко Александр Анатольевич, кандидат биологических наук, доцент кафедры компьютерных технологий и систем Брянского государственного технического университета (Брянск); e-mail: Alex-rf-32@yandex.ru.

Кулаева Екатерина Константиновна, студентка кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань); e-mail: Kulaevakatya02@mail.ru.

Кулакова Яна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики Иркутского государственного университета (Иркутск); e-mail: yanikk1989@mail.ru.

Курбанов Назар Исламович, студент Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва).

Курицын Артем Игоревич, учитель истории и обществоведения Средней школы № 175 (Минск, Республика Беларусь); e-mail: dorward@mail.ru.

Кушнарева Маргарита Дмитриевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры прикладной информатики и документоведения Иркутского государственного университета (Иркутск); e-mail: rita270880@mail.ru.

Кыштымова Анна Александровна, магистрант кафедры социологии и социальной работы Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского (Брянск); e-mail: anna.kyshtymova@mail.ru.

Лавренова Анна Михайловна, кандидат исторических наук, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации (Москва); e-mail: lavtyonova@mail.ru.

Лазарев Арсений Иннокентьевич, библиотекарь Уральского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Челябинск); e-mail: arslib@mail.ru.

Левин Ярослав Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета (Самара); e-mail: yaroslavlevin1992@mail.ru.

Лойко Александр Иванович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета (Минск, Республика Беларусь); e-mail: loiko@bntu.by.

Лойко Лариса Егоровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и идеологической работы Академии МВД Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь); e-mail: larisaloiko@tut.by.

Луцаева Галина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: history@sfu-kras.ru.

Мандранов Алексей Михайлович, старший преподаватель Военного учебного центра им. Героя России генерала армии В. П. Дубынина при Сибирском федеральном университете (Красноярск); e-mail: amandranov@list.ru.

Матвеев Бронислав Александрович, начальник учебной части – заместитель начальника кафедры Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: allex290770@yandex.ru.

Меньковский Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь); e-mail: vmenkouski@gmail.com.

Меньшиков Юрий Дмитриевич, студент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); e-mail: chogdad@gmail.com.

Минаева Татьяна Станиславовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск); e-mail: mintatiana@yandex.ru.

Моммалиева Маягозель Аманалиевна, преподаватель кафедры истории Туркменистана Туркменского государственного университета им. Махтумкули (Ашхабад, Республика Туркменистан); e-mail: mayagozelmommalievewa@gmail.com.

Москалев Леонид Леонидович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры правоведения Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: leonid.moskalev@ya.ru.

Мусалов Магомед Абдулаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Дагестанского государственного университета народного хозяйства (Махачкала); e-mail: mmusalov@mail.ru.

Мухаметшина Лилия Талгатовна, старший научный сотрудник Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН Республики Татарстан (Казань); e-mail: L2002@mail.ru.

Нагибина Надежда Павловна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры библиотечных и документально-информационных технологий Пермского государственного института культуры (Пермь); e-mail: nadya12354@yandex.ru.

Нежкина Лариса Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск); e-mail: n.l.y@mail.ru.

Нестеренко Дарья Николаевна, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: d.n.matveeva@mail.ru.

Никулич Юлия Валерьевна, аспирантка Кубанского государственного университета (Краснодар); e-mail: yulia.nikulich@gmail.com.

Новикова Алена Сергеевна, студентка медицинского университета «Реавиз» (Самара); e-mail: Alena_polyakova_1998@mail.ru.

Новоселов Михаил Юрьевич, старший научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея (Красноярск); e-mail: mnovoselov@mail.ru.

Новрузова Ламия Шахин кызы, студентка кафедры корпоративного и государственного управления Краснодарского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова (Краснодар); e-mail: novruzovalama@mail.ru.

Нурзат Аржаана Андреевна, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, археологии и документоведения Тувинского государственного университета (Кызыл); e-mail: arzhaananurzat@mail.ru.

Ооржак Шолбан Сергеевич, заведующий филиалом репрессий Национального музея им. Алдан-Маадыр (Кызыл); e-mail: sholban.oorzhak.79@mail.ru.

Павличенко Дарья Игоревна, студентка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); e-mail: dasha00.000@yandex.ru.

Павлов Антон Евгеньевич, аспирант кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: Effigies20@gmail.com.

Паршина Алена Игоревна, преподаватель Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского (Калуга); e-mail: a.parshina.1998@yandex.ru.

Петров Максим Русланович, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск).

Петров Юрий Владимирович, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры геоэкологии и природопользования Тюменского государственного университета (Тюмень); e-mail: petrov19811201@gmail.com.

Подъяпольская Анастасия Валерьевна, кандидат философских наук, библиотечарь Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, старший преподаватель кафедры психологии, педагогики и экологии человека Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск); e-mail: konukhova@mail.ru.

Подъярова Злата Анатольевна, студентка кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: podyarova.zlata@mail.ru.

Пожарская Ксения Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул); e-mail: kse-pozhar@mail.ru.

Поздняков Алексей Васильевич, кандидат философских наук, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орел); e-mail: pozdnyakovav77@mail.ru.

Потапова Дарья Денисовна, студентка Сибирского федерального университета (Красноярск).

Прокопенко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Дальневосточной государственной академии физической культуры (Хабаровск); e-mail: prokoreviktor@yandex.ru.

Проровский Семен Андреевич, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: sai05012005@gmail.com.

Разгон Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул); e-mail: vrazgon@rambler.ru.

Рахматулин Самат Султанович, магистрант кафедры релейной защиты и автоматизации электроэнергетических систем Казанского государственного энергетического университета (Казань); e-mail: samatrakhmatullin@gmail.com.

Родионова Елена Витальевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, экономики и организации производства Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола); e-mail: rodionovaev@volgatech.net.

Рожкова Анна Константиновна, ассистент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета (Иркутск).

Рубан Александр Алексеевич, аспирант кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск); e-mail: 911911alexandr@mail.ru.

Сабенина Александра Витальевна, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: asabenina@sfu-kras.ru.

Салахияев Рафик Рашитович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник отдела научно-информационного обеспечения Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН Республики Татарстан (Казань); e-mail: rafikrs@mail.ru.

Самосюк Надежда Викторовна, кандидат культурологии, доцент кафедры истории славянских народов, заместитель декана исторического факультета по научной работе Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина (Брест, Республика Беларусь); e-mail: nv.samosiuk@yandex.ru.

Селиванова Анастасия Алексеевна, кандидат исторических наук, преподаватель социально-гуманитарных и экономических дисциплин, заместитель директора по воспитательной работе Енисейского педагогического колледжа (Енисейск); e-mail: jasan20@mail.ru.

Селиванов Леонид Сергеевич, магистрант кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: lselivanov1942@gmail.com.

Семенов Данил Юрьевич, кандидат искусствоведения, доцент кафедры технологий промышленной и художественной обработки материалов Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова (Ижевск); e-mail: iscusstvoved@yandex.ru.

Семыкин Евгений Иванович, аспирант кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск); e-mail: salvadorrr033@gmail.com.

Ситнянский Георгий Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва); e-mail: sitnyan@mail.ru.

Скрябин Кирилл Дмитриевич, студент кафедры всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск); e-mail: kirillkiril590@gmail.com.

Сокерин Тимофей Анатольевич, младший научный сотрудник ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН» (Сыктывкар); e-mail: tima.cok@mail.ru.

Сорокун Павел Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых и социально-экономических дисциплин Ачинского филиала Красноярского государственного аграрного университета (Ачинск); e-mail: PAVEL_ISTORIA@LIST.RU.

Степанов Михаил Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан), доцент кафедры фундаментальной подготовки Саяно-Шушенского филиала Сибирского федерального университета (Саяногорск); e-mail: StepanowM@yandex.ru.

Суржко Антон Валерьевич, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, младший научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН» (Красноярск); e-mail: surzhkoanton@yandex.ru.

Таций Мария Владимировна, студентка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва); e-mail: Maria.tatsiyy@gmail.com.

Терскова Аида Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: teraida@yandex.ru.

Тимощук Елена Андреевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (Владимир); e-mail: TEA@abhinanda.elcom.ru.

Тихонов Никита Дмитриевич, студент Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва); e-mail: niktikh0305@gmail.com.

Тихоньких Виктор Петрович, историк, независимый исследователь (Абакан); e-mail: victor.tikhonkikh@mail.ru.

Тодикова Мария Александровна, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, младший научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН» (Красноярск); e-mail: mariatodikova1998@mail.ru.

Толстогузова Елена Александровна, экскурсовод Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина (Чердынь); e-mail: tolstoguzova-1975@mail.ru.

Трошкина Ирина Николаевна, кандидат философских наук, заведующая сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан); e-mail: i.troschkina2012@yandex.ru.

Трубников Юрий Николаевич, доктор сельскохозяйственных наук, главный научный сотрудник лаборатории космических систем и технологий ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН» (Красноярск); e-mail: trubnikov124@yandex.ru.

Уметбаев Тимур Шамилович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, старший научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН» (Красноярск); e-mail: kolbakty@mail.ru.

Урожаева Татьяна Петровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (Иркутск); e-mail: olgo@ya.ru.

Устюгов Виктор Анатольевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: U-styugov@mail.ru.

Хоменко Денис Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, экономики и права Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Красноярск); e-mail: khomenko_denis@mail.ru.

Хоммиев Тойлы Бабагельдыевич, старший преподаватель кафедры истории Туркменистана Туркменского государственного университета им. Махтумкули (Ашхабад, Республика Туркменистан); e-mail: hommyuwt@mail.ru.

Цай Ин, аспирант кафедры романо-германских и восточных языков Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск); e-mail: mnina66@yandex.ru.

Чернышов Виктор Владимирович, ведущий архивист Государственного архива Красноярского края (Красноярск); e-mail: vikchern73@yandex.ru.

Чистяков Роман Михайлович, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: Red7310@mail.ru.

Шачнев Дмитрий Сергеевич, сотрудник Среднерусского университета управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Орел).

Шереметова Ирина Александровна, главный библиотекарь отдела читальных залов Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края (Красноярск); e-mail: irinasheremetova514@gmail.com.

Шпагин Сергей Алексеевич, независимый исследователь (Санкт-Петербург); e-mail: s.shpagin@mail.ru.

Шпак Георгий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва); e-mail: geo.shpak@gmail.com.

Шипицына Юлия Сергеевна, ассистент кафедры зарубежного регионоведения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург); e-mail: shipitsyna.phd@gmail.com.

Шушканова Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: shushkanovae@yandex.ru.

Шукина Анастасия Николаевна, магистрант кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: a.n.shchukina@mail.ru.

Элтеко Юлия Викторовна, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: yelteko@sfu-kras.ru.

Юданов Сергей Георгиевич, студент Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан); e-mail: SergeyYud228@yandex.ru.

Яценко Михаил Петрович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru.